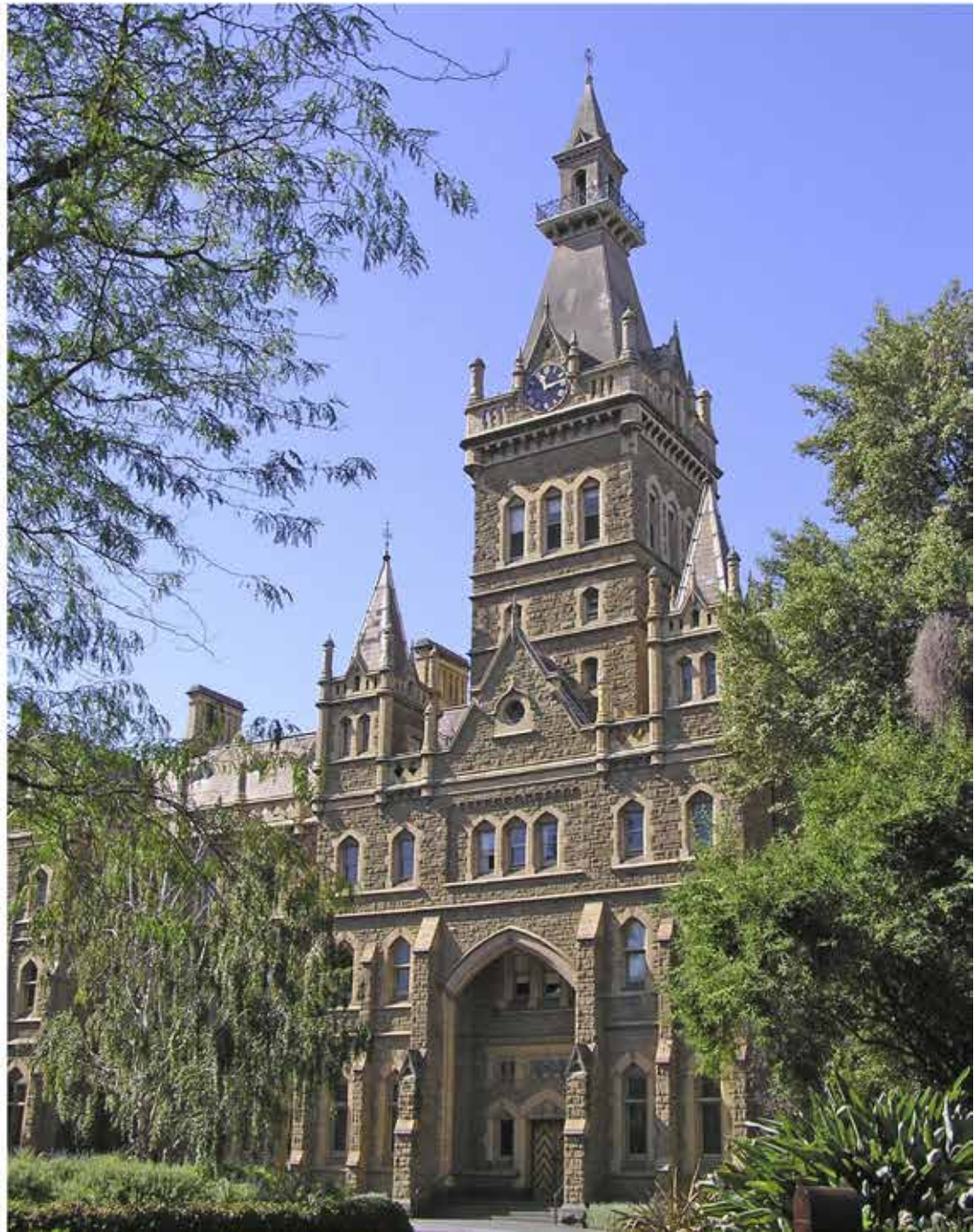


**The 1<sup>st</sup> International Academic  
Conference “Science and  
Education in Australia,  
America and Eurasia:  
Fundamental and Applied  
Science”.**

Australia, Melbourne,  
23 June 2014



Melbourne  
IADCES Press



*International Agency for the Development of Culture,  
Education and Science  
in collaboration with  
University of Melbourne*

# **Science and Education in Australia, America and Eurasia: Fundamental and Applied Science**

*The 1<sup>st</sup> International Academic Conference*

*(Australia, Melbourne, 25 June 2014)*

**PAPERS AND COMMENTARIES**

## **VOLUME II**

*"Melbourne IADCES Press"*  
*Melbourne*  
*2014*

*Proceedings of the 1<sup>st</sup> International Academic Conference “Science and Education in Australia, America and Eurasia: Fundamental and Applied Science”*

*(Australia, Melbourne, 25 June 2014). Volume II. “Melbourne IADCES Press”.  
Melbourne, 2014. - 506 P.*

Proceedings of the Conference are located in the databases Scopus and RSCI.

**Editor-in-Chief:** *Prof. Richard Coventry, D.Sc. (Australia)*

**Executive Editor:** *Elizabeth Shell, Ph.D. (Australia)*

**Publication Director:** *Clark Douglas, Ph.D. (New Zealand)*

**Technical Editors:** *Robert Garvey, Melanie Swift (Australia)*

#### **ORGANIZATION BOARD OF THE CONFERENCE:**

**Chairman:** *Prof. Richard Coventry, D. Sc. (Australia)*

**Secretaries:** *Prof. Alan Wesley, D. S. Sc. (Canada)*

*Prof. Adam McKinley, D. E.Sc. (USA)*

#### **MEMBERS OF THE BOARD:**

*Prof. John Goldwater, S. J. D. (Australia)*

*Prof. Dr. hab. Gerhard Klabbe (Germany)*

*Prof. Pedro Sanchez, Ph.D. (Mexico)*

*Prof. Xavier Antoine, D. Litt. (France)*

*Prof. James Ridley, D. M. (Australia)*

*Prof. Thomas Reid, Ed.D. (Canada)*

## Contents

### Section 8. Archaeology, History, Sociology and Political Science

<i>Alfred Kreyk</i> <b>Management as a social institution</b> .....	9
<i>Alfred Kreyk</i> <b>Alternative conceptual model of institutional system of society</b> .....	11
<i>Andrea Breitenbach</i> <b>Child Gender and the Risk of Divorce</b> .....	15
<i>Victor Afanasyev</i> <b>Geopolitical importance of building a bridge across the Kerch Strait</b> .....	31
<i>Violetta Kuzmina</i> <b>The activities of the provincial intellectuals during the great patriotic war</b> .....	34
<i>Daria Cherkaska, Borys Grinchenko</i> <b>Creation of the Department of Archaeology, Taras Shevchenko National State of Kyiv</b> .....	37
<i>Semenova Daria, Borys Grinchenko</i> <b>Cognitive discursive features of the political identity's construct of the Russian Orthodox Church</b> .....	39
<i>Dmitri Kataev</i> <b>Max Weber's early reception in American theoretical sociology</b> .....	45
<i>Evgeniya Komf, Aidana Nurmahanova, Ekaterina Rossomahina, Christina Sushanskaya, Daria Tishkevich</i> <b>The reasons of choice of higher education and specialty</b> .....	46
<i>Vladimir Ignatyev, Evgeniya Komf</i> <b>Breaking of the social space: information resonance effect</b> .....	49
<i>Elena Stompel, Natella Usachyova</i> <b>King Arthur and the Holy Grail: Historical Realia or a Legend?</b> .....	51
<i>Zh. Kudaidergenova</i> <b>The interconfessional tolerance in Kazakhstan</b> .....	58
<i>Inna Serebryanik</i> <b>Formation of the Irkutsk center of mica industry (1930s of XX C.)</b> .....	62
<i>Irina Kalyadina</i> <b>The history of the refugee battalion formation of units Russian army General PN Wrangel in exile</b> .....	65
<i>Irina Ranzhina</i> <b>“Region” and “regionalism”: theoretical approaches and importance in the context of federalism</b> .....	69
<i>Marianna Zabolotna</i> <b>The Non-Proliferation in the Structure of the Foreign Policy Priorities of USA and European Nuclear States (1991-2014)</b> .....	72
<i>Natalia Skobelina</i> <b>Dynamics of Institutionalization of modern social Movements in Russia</b> .....	76
<i>A.N. Ustyenko</i> <b>Kharkov Incomplete Secondary Boarding School for Blind Children № 71 named after V.G. Korolenko during nazi's occupation time (1941-1943)</b> .....	79
<i>Oleg Molodov</i> <b>Interfaith tolerance of the Crimea inhabitation by results of sociological polls</b> .....	82
<i>Olga Prokopenko</i> <b>Features of the structure and process of formation of ethnic identity</b> .....	85
<i>Svetlana Rimar</i> <b>National problems and modernity</b> .....	88
<i>Svetlana Rimar</i> <b>«American identity» as a threat to peace</b> .....	90

*Farid Shahzad, Muhammad Luqman, Muhammad Zeshan Saleem, Ahmad Saad, Waqas Ali Khan, Samia Arshad and Imtiaz Ahmad Arraich*

<b>Social Isolation within Family: An Analysis of Old Age Citizens.....</b>	<b>95</b>
<i>K. Suman Kalyani, C. Chandrasekhara Rao and T. G. K. Murthy</i>	
<b>Impact Analysis of Empowerment Programmes of Tribal Community in East Godavari, Andhra Pradesh, India.....</b>	<b>104</b>
<i>Yury Bokov</i>	
<b>The development of the german suffrage (1815 – 1918) .....</b>	<b>114</b>
<i>Yuri Shmarion, Vladislav Blaginin</i>	
<b>Influence of types of activity for a healthy lifestyle residents at the municipal level .....</b>	<b>116</b>
<i>Yury Neduzhko</i>	
<b>Ukrainian diaspora and the Orange Revolution in Ukraine in 2004. ....</b>	<b>119</b>
<i>Victoria Dorzheeva</i>	
<b>Native nations, aborigines... Problems of search for integrative definition of Russian northern ethnoses. ....</b>	<b>122</b>

## **Section 9. Education and Pedagogy**

*Oleksandr Yashchuk*

<b>High-school students` competencies formation in the area of algorithmization and programming by means of computer mathematics.....</b>	<b>125</b>
---	------------

*Anatoliy Pavlenko, Pavel Bielchev*

<b>Educational problems in physics: criterial features of creativity .....</b>	<b>128</b>
--	------------

*Morkovin Andrej, Morkovina Olga,*

<b>The problems and perspectives of the usage of the Waldorf pedagogics in the educational system of Russia.....</b>	<b>130</b>
--	------------

*Anna Podolyanska*

<b>Peculiarities of Methodical System of Professional Training of Philologists in Higher Educational Establishments of Great Britain.....</b>	<b>132</b>
---	------------

*Viktoriya Trofimenko*

<b>Analysis of creation of the methodical system of studies of higher mathematics .....</b>	<b>135</b>
---	------------

*Volodymyr Shevchenko*

<b>Rehabilitation of children with severe hearing impairment (on the example of Ukraine).....</b>	<b>138</b>
---	------------

*Julianne Wai-Yin Wong, Canon Tong and Anthony Wong*

<b>The Mediating Effects of School Reputation and School Image on the Relationship between Quality of Teaching Staff and Student Satisfaction in Higher Education in Hong Kong.....</b>	<b>140</b>
---	------------

*G. Kuznetsov, E. Manohin*

<b>Algorithmization of process of training to the mathematical analysis and probability theory in economic high school.....</b>	<b>163</b>
---	------------

*E. Shirshov*

<b>Didactic providing of the educational process in higher education in modern conditions. Theoretical aspect.....</b>	<b>168</b>
--	------------

*Elena Bilyk*

<b>Information socialization of foreign students in the educational and cultural environment of the higher educational institutions of Ukraine.....</b>	<b>171</b>
---	------------

*Olena Kabankova*

<b>The Criteria and Component Characteristics of Individual's Cognitive Independence Formation: Theoretical Aspects .....</b>	<b>177</b>
---	------------

*Ludmila Rudenko, Irina Barashok, Elena Makarceva*

<b>On Value Centered Philosophy of a Higher School Teacher and Making the Value Aspect Concrete in the Process of Training Bachelors of Art in Tourism .....</b>	<b>179</b>
--	------------

*Igor Letsyk*

<b>Organization and pedagogical aspects of ability formation of future primary teachers towards creation of informational and communicational environment.....</b>	<b>186</b>
--	------------

*Iryna Melnyk, Mariya Semenyuk*

<b>The effectiveness of project technologies in pedagogical process of the pre-school establishments .....</b>	<b>189</b>
--	------------

*Iryna Firsova*

<b>Comparing Definitions for the Term “Social Advertising” .....</b>	<b>191</b>
--	------------

*Shukhrat Yuldashev, Lyudmila Shibarshova*

<b>Factor's analysis of the Development of Higher Education of the Republic.....</b>	<b>193</b>
--	------------

<i>Maryna Kondratenko, Olena Muraviova, Ludmyla Podvorna, Alina Korol</i>	
<b>Modern computer teaching technologies in the field of foreign languages.....</b>	<b>195</b>
<i>Mikhail Ogorodov</i>	
<b>Possible criteria for evaluation of formation of professional motor skills of bachelors in training “Physical Culture”.....</b>	<b>198</b>
<i>Mykhailo Ozhga</i>	
<b>Model as a basic method for teaching the three-dimensional computer design to the future engineer-pedagogues with the computer specialization .....</b>	<b>201</b>
<i>Natalia Podolyanska</i>	
<b>Increasing of Social Demand for Knowledge of Foreign Languages in Ukraine at the Beginning of the 21st Century .</b>	<b>206</b>
<i>Natalya Tereshenko</i>	
<b>The implementation of the function of aesthetic education by ballroom choreography methods in modern educational space.....</b>	<b>209</b>
<i>Oksana Bukatova</i>	
<b>Some aspects of learning the basics of occupational safety in the preparation of teachers of educational area “Technology” .....</b>	<b>212</b>
<i>Oxana Zhukova</i>	
<b>Indications of a successful socialisation of students in a constantly changing environment .....</b>	<b>215</b>
<i>Oksana Karabin, Inna Hrod</i>	
<b>Problems of training of prospective teachers to work in the information environment .....</b>	<b>221</b>
<i>Oleh Bobina</i>	
<b>Peculiarities of Higher Professional Education Development in Ukraine.....</b>	<b>224</b>
<i>O. Myakuschkina, A. Dryuchenko</i>	
<b>Professionally - focused foreign language training to the students of technical specialities.....</b>	<b>227</b>
<i>Rezeda Khadiullina, Marat Galyautdinov, Almaz Sitdikov</i>	
<b>The structure of the distance course “Informatics” for student-athletes of different forms of learning .....</b>	<b>229</b>
<i>Rimma Sirazetdinova</i>	
<b>Z.G. Ismagilov’s opera creation: ethic aspect .....</b>	<b>232</b>
<i>Svetlana Gavrilyuk</i>	
<b>The formation of the creative personality of the future tutors of preschool aged children in the professional training process .....</b>	<b>235</b>
<i>Dvoryatkina Svetlana,</i>	
<b>The model of development of students probabilistic thinking style in learning mathematics as a basis of postnonclassical educational paradigm in the field of cultural dialogue.....</b>	<b>239</b>
<i>Kalashnikova Svetlana</i>	
<b>Professional self-realization of high school teachers’of Russia and the technology of its formation .....</b>	<b>242</b>
<i>Svetlana Korobkova, Tatiana Smykovskaya</i>	
<b>New orientations in teaching foreign students at Russian Higher School.....</b>	<b>245</b>
<i>Svetlana Sidorova, Leonid Samoilov</i>	
<b>Engineering education as a factor of development of cultural potential of the city .....</b>	<b>248</b>
<i>Tamara Lisitsyna, Anatoliy Gavrikov</i>	
<b>The mobile future is in focus of science and education: university in a cloud .....</b>	<b>250</b>
<i>Tetyana Fadyeyeva</i>	
<b>Axiology the essence of the content of the preschool science natural-mathematical education .....</b>	<b>253</b>
<i>Shukhrat Yuldashev</i>	
<b>Special features of the reforms in higher education of Uzbekistan .....</b>	<b>255</b>
 <b>Section 10. Psychology</b>	
<i>Victor Glebov</i>	
<b>Assessment of the psychofunctional condition of the migrants’ students, who have arrived to Moscow from different regions of Russia.....</b>	<b>259</b>
<i>Elena Tiron</i>	
<b>Common Sense: Psychosocial and Educational Perspectives .....</b>	<b>264</b>
<i>Inessa Vasylenko</i>	
<b>The problem of fear in psychological and pedagogical training of students-athletes .....</b>	<b>270</b>

*K. Shivakumara, Sangeetha R. Mane, M. Ravindra, Ravikanth B. Lamani and Ashok A. Pal*  
**Aggression Behaviour of Delinquent and Non-Delinquent Adolescents** ..... 272

*Liudmyla Prokopiv*  
**Criteria and performative indicators of psychocorrectional work with hyperactive children** ..... 280

*Marya Pitkevich*  
**Manifestation of interrelation of motivations and stressful reactions in the student's environment**..... 284

*Natalia Kushel'*  
**Theoretical pre-conditions of becoming of self-realization of personality** ..... 288

*Natalia Makarova*  
**Correlation analysis of needs and self-relation of the modern student**..... 290

*Natalya Dmitrieva*  
**Levels of psychophysiological adaptation of workers of the intellectual and physical job occupied in the educational sphere**..... 294

*Natalya Sidelnikova*  
**Condition of the psychoemotional sphere of the school population, living in different environmental conditions of the large city** ..... 297

*Galyna Ganzilevska, Tetiana Shyriaieva*  
**Preservation of National Identity in the Works of Ukrainian Writers of Australian Diaspora** ..... 301

## **Section 11. Philology**

*Aynur Budagova Mukhtar*  
**Communicative role of internet in society** ..... 304

*Udovenko Inna, Alina Kolesnyk, Maryna Ardelyan, Olena Manuyenkova*  
**Activization of students' self study through interactive teaching methods (on the base of the French language)** ..... 306

*Alfiya Yusupova*  
**The role of orthodox missionaries in the edition of the Tatar-Russian dictionaries of the XIX century** ..... 309

*Vera Mityagina, Anna Naumova*  
**Popular Science Monograph as a Genre of Professional Translators' Discourse** ..... 312

*Viktor Drebet, Viktor Drebet*  
**Transformation of nouns into the sentence structure formation of the contemporary German prose from the point of view of language logicism. Nomen-Transformation in den Strukturbau des Satzes in modernen deutschsprachigen Prosawerken vom Standpunkt des Sprachlogizismus** ..... 314

*Victoria Lozenko*  
**The literary specificity of the concept "island" in the play «The Simpleton of the Unexpected Isles» by B. Shaw** ..... 321

*Katherina Panasenکو*  
**The principles of relativeness of notions „symbol“, „allegory“ and „metaphor“** ..... 326

*Olena Ardelyan*  
**The mechanisms of functioning of proper names as phraseological units' components** ..... 333

*Galyna Chulanova, Larysa Shchyhlo, Olha Zhulavska, Olena Nazarenko*  
**Integration of verbal and non-verbal aspects in blurbs** ..... 336

*Zhanna Koloiz, Iryna Lytovchenko*  
**Unusual contamination as a linguistic phenomenon**..... 336

*Zayneta Khachmafova, Safiat Bersirova, Alexander Efremov*  
**Metaphor potential ability to create new terms in oil and gas terminology**..... 339

*Ilyas Ilyasov, Zarema Musaeva*  
**On determination of the typology of lexical errors first-year students at the national university teaching English** ..... 342

*Larysa Shchyhlo, Galyna Chulanova, Kyrylo Bogdashkin, Aldora Ozkan*  
**Some observations on word-formative potential of the verbs of movement in the modern German language**..... 345

*Larissa Eglit*  
**New Language Realities in Literary Texts of Dyusenbek Nakipov** ..... 347

*Lidia Lazurenko, Natalia Shashkina, Lylia Druzhinina*  
**Analysis of some stylistic features in English and Ukrainian technical languages in cognitive aspect of research** ..... 350

*Lilia Prus*  
**Manipulative promissive speech acts in contemporary political discourse** ..... 353

<i>Lilija Roman, Antonij Moisej</i>	
<b>The Influence of Christianity in the Formation of the Concept of «Chronotope»</b> .....	356
<i>Liudmyla Zaika</i>	
<b>Development of cognitive motives at the English language lessons</b> .....	358
<i>Marta Karp</i>	
<b>Multimodal text analysis regarding cohesion and coherence</b> .....	361
<i>Marta Maksymyuk</i>	
<b>Functions of onyms in fiction</b> .....	364
<i>Abueva Najavat, Абыева Нажават</i>	
<b>Frontier in the “Northern Cycle” of Jack London’s Creative Work</b> .....	367
<i>N. Voronevskaya, T. Melnichuk</i>	
<b>Aphorisms of O. Wilde as a translator’s task</b> .....	372
<i>Ivan Bekhta, Ivan Franko</i>	
<b>Idiom variation palette</b> .....	374
<i>Natalia Sharmanova, Tetyana Vavrynyuk</i>	
<b>Ethnonyms in Proverb Cliches</b> .....	377
<i>Natalia Melnychuk</i>	
<b>Semantics and Word-Formation of Emotively-Evaluative Adjectives In Modern English</b> .....	380
<i>Nataliya Rudaya</i>	
<b>The Features of Usage of Polypredicative Complex Sentences in “Rickshaw Boy” by Lao She</b> .....	383
<i>Mykola Dudnikov</i>	
<b>Typological groups of historical fiction</b> .....	386
<i>Olena Ardelyan</i>	
<b>The mechanisms of functioning of proper names as phraseological units’ components</b> .....	390
<i>Olga Bajdjuk</i>	
<b>Asyndetic sentence in the poetries of A. Krymski</b> .....	394
<i>Olga Zadorozhna</i>	
<b>Structural analysis of idioms with an artifact component in German language</b> .....	398
<i>Olga Mzhelskaya, Yulia Plotskaya</i>	
<b>Metaphorical character of dental terminology used in advertisement discourse</b> .....	401
<i>Svitlana Vovchanska</i>	
<b>Thematic specifics of the German terminology of marketing</b> .....	404
<i>V. Samokhina, S. Tarasova</i>	
<b>Reframing of comic in genre of hospital clowning</b> .....	408
<i>Sergei Khizhnyak</i>	
<b>Legal linguistics as an integral part of applied linguistics</b> .....	410
<i>Tetiana Sharova</i>	
<b>Features art Kostya Gordienka</b> .....	413
<i>Tsveta Luizova-Horeva</i>	
<b>Some Metaphor-Based English Compounds Motivated by Image Schemas in the Language of Tourism</b> .....	416
<i>F. Ibragimova</i>	
<b>Linguistic bases of regional geographic aspect in teaching of the foreign language</b> .....	419
 <b>Section 12. Anthropology, Cultural Studies and Philosophy</b>	
<i>Alexand Tchapligin, Elena Suk</i>	
<b>Crisis in engineering technologised society: hopes and threats</b> .....	422
<i>Ganna Krapivnyk</i>	
<b>Philosophical and Anthropological Analysis of the Norm and Pathology Concepts in the Crime Fiction Genre</b> .....	425
<i>Asliddin Obidov</i>	
<b>Tolerance as the condition of international agreement</b> .....	430
<i>Ekaterina Vozniakevich</i>	
<b>Typology of educational strategies in the context of genesis of criteria of the assessment of knowledge</b> .....	432



*Elena Goverdovskaya, Larisa Ernakova*  
**The Factor Analysis of the Domestic Education Development up to the 20th Century** ..... 435

*Sergey Eskov*  
**Psychosomatic aspects of Hesychasm** ..... 439

*Irina Vodyanikova*  
**The diversity of approaches as a problem of modern epistemology** ..... 441

*Marcel Lourel, Nicolas Gueguen and Alexandre Pascual*  
**Complex Systems: Thoughts on the Causes of Nature** ..... 444

*M. Beilin*  
**Faith-in-machine: sociophilosophical senses**..... 449

*Natalja Shkurko, Anatoly Novikov*  
**The use of archetypes for constructing attractive image of russian politicians**..... 452

*Olga Koryakovtseva, Irina Tarkhanova*  
**Axiological innovations of supplementary vocational education**..... 455

*Olga Farberova, Vladimir Tonkikh*  
**Russian business: historical-philosophical phenomenon** ..... 458

*Ishida Riichiro*  
**Does Traditional Japanese Culture Help People Cope with Stress Using the Concept of Ikigai (Reason for Being)?** .... 461

*Tatiana Medvid*  
**The choreographic interpretation of the works of William Shakespeare choreographers XX-XXI centuries** ..... 467

**Section 13. Jurisprudence**

*Kuatzhan Ualiev, Ayman Kussainova*  
**Guardianship as a way to protect the rights of children who have lost parental care** ..... 470

*Aysoltan Habyyeva*  
**State enterprises and Turkmenistan accession to the WTO**..... 473

*Bakhyt Nurgaliyev, Kanat Lakbaev*  
**The minimization of social impacts (cost) of organized crime under the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan** ..... 475

*Veronica Khizhnyak*  
**International collaboration in the field of legal regulation of forensic examination**..... 479

*Viktoria Solominchuk*  
**Trade unions in the process of interaction between the state and civil society** ..... 482

*Denis Khizhnyak*  
**Strategy in law and forensic science**..... 483

*Dmitry Sanakoyev*  
**The international definition of «human trafficking» and its implementation in Ukrainian legislation** ..... 487

*Irina Fedorova*  
**Features of the property right to lands of water fund.** ..... 490

*SvetlanaMarkova-Murashova*  
**Contemporary understanding of Law** ..... 492

*V. Annenkova, Tamara Zametina*  
**Russia International Idea and State National Policy Formation Items**..... 495

*Yuriy Airapetyan*  
**Constitutional provisions of accessibility of justice in the civil procedure of the Republic of Armenia**..... 499

## Section 8.

### Archaeology, History, Sociology and Political Science

*Kreyk Alfred, Novosibirsk State Technical University,  
Docent, PhD in Sociology, the Department of Sociology*

#### *Management as a social institution*

*Крейк Альфред,  
Новосибирский государственный технический университет,  
доцент, кандидат социологических наук, кафедра социологии*

#### **Управление как социальный институт**

В повседневной жизни люди обычно воспринимают управление инструментально. Например, следующим образом: «Управление представляет собой непрерывный и целенаправленный процесс воздействия на управляемый объект...» [1]. Причем нередко для его обозначения используется термин «менеджмент». Однако, инструментальная управленческая деятельность «отражает только внешнюю, наблюдаемую часть явления» [2]. Сугубо социальная природа управления при таком его восприятии остается, как правило, скрытой. А это фактически препятствует социологическому научному обеспечению управления как явления социума.

Социология, как наука объектом изучения которой среди прочих являются социальные институты, рассматривая управление с институциональных позиций, определяет его в качестве социального института [3]. Тем самым методологически обосновывается не всегда явная именно социальная природа управления, которое в статусе социального института является предметом изучения социологической дисциплины среднего уровня – социологии управления [4].

Приходится констатировать, что конституирование управления в качестве социального института, еще не стало аксиомой для современной российской социологии. Более того, такое понимание управления российским социологическим сообществом, как правило, игнорируется. Это значит, что нет ни возражений против такой трактовки управления, ни его определения как социального института.

Цель данной работы – представить управление в качестве социального института. Ее задачи:

- определить место социального института «Управление» в институциональной системе социума;
- представить содержание и структуру социального института «Управление».

Обоснованность институционального подхода к рассмотрению управления как социального института очевидна: управление действительно является одной из важнейших функций, выполнение которой обеспечивает воспроизводство социума. Соответственно, обоснование Г. Спенсером того, что выполняемые в обществе наиболее важные функции, обеспечивающие его существование – это функции социальных институтов [5], предопределяет необходимость конституировать управление в качестве социального института.

Более того, значимость управления для общества такова, что его следует определить в качестве метаинститута [6]. А исходя из теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной о наличии в обществе базовых институтов [7], его следует отнести к институциональному ядру наряду с другим важнейшим социальным институтом – культурой. Именно эти два социальных института выполняя свои функции, обеспечивающие воспроизводство социума, осуществляют дополнительную специфическую функцию, а именно: обеспечивают функционирование и воспроизводство институциональной системы социума.

Определив место социального института «Управление» в институциональной системе социума, можно представить его содержание и структуру, теоретической основой чего является концептуальная модель институциональной системы социума [8].

В системе социального института «Управление» можно выделить пять субинститутов, согласно выполняемым ими в социуме функциям.

1. Административное управление. Его функция: обеспечение в институционально закреплённых формах стабильного воспроизводства и развития общества в его жизненно важных публичных сферах на всех их уровнях, исходя из формально понимаемых интересов всех его членов.

Данный субинститут выполняет свою функцию следующими институциями:

- а) рациональная бюрократия;
- б) патримониальная бюрократия;

б) командное управление.

2. Менеджмент. Его функция: осуществление максимально эффективного способа достижения поставленных целей в деловой сфере, исходя из интересов в первую очередь собственников бизнеса, и учитывая в пределах возможного интересы стейтсхолдеров и всего общества.

Функция субинститута «Менеджмент» осуществляется следующими институциями:

а) эффективное управление – это такое, которое позволяет достичь максимально возможных желаемых для владельцев бизнеса результатов в деловой сфере с минимальными издержками;

б) социально ответственное управление – это такое, которое обеспечивает в процессе достижения целей в деловой сфере социально приемлемую оптимизацию интересов всех стейтсхолдеров между собой и с окружающей социальной средой.

3. Ноосферное управление. Его функция: обеспечение оптимального взаимодействия людей между собой как членов мирового сообщества и с окружающей средой планеты Земля для достижения желаемых человечеством целей.

4. Нелегитимное (теневое) управление. Его функция: обеспечение взаимодействий в социуме для достижения отдельными персонифицированными или коллективными деятелями или целыми сообществами несанкционированных обществом целей или/и использование запрещённых обществом способов для достижения своекорыстных целей.

5. Приватное управление – это управление, осуществляемое в сфере личной, иногда говорят – частной, жизни человека. Его функция: обеспечение оптимальных возможностей человека в его повседневной частной жизни как члена социума (воспроизводства своей природы, образа и стиля жизни и т.п.) по достижению лично значимых целей как частного лица.

Субинститут «Приватное управление» выполняет свои функции благодаря следующим институциям:

а) патриархальное управление (осуществление управления в частной жизни путём преимущественного следования традициям);

б) подавляющее управление (осуществление управления в частной жизни, направленное на обеспечение господства одной стороны, невзирая на интересы другой);

в) либеральное управление (управление в частной жизни, при котором осуществляется последовательное выполнение прав человека в соответствии с нормами гражданского общества);

г) гуманистическое управление (осуществление управления в частной жизни при личной ответственности и наиболее полной самореализации потенциала каждого, ориентации на гармонизацию интересов личных и общественных).

Ключевым фундаментальным основанием для выделения названных выше субинститутов управления является функциональная специфика каждого из них. Соответственно, каждый из них выполняет ту подфункцию, которая востребована социумом для обеспечения своего воспроизводства. Поэтому основанием для выделения двух первых в перечне субинститутов управления, является существование в публичной сфере социума следующих двух широко распространённых типов управления: административной системы (административного управления) и менеджмента. Ноосферное управление становится всё более явным фактом бытия человечества (на что обращает внимание, в частности, А.И. Субетто), хотя и не в полной мере ещё осознаваемым и признанным мировым сообществом. Практика нелегитимного (теневого) управления сопровождает жизнедеятельность человека на всём протяжении его цивилизационного развития, хотя в качестве субинститута он наукой не конституирован. Соответственно, основанием для выделения субинститута «Приватное управление» является факт наличия частной (приватной) жизни людей, осуществление которой происходит как в режиме самоорганизации (спонтанно), так и в режиме управления (целеустремлённо, сопровождая свое стремление рефлексией).

Приватное управление в настоящее время не является в России предметом исследования ни социологии управления, ни инструментальных управленческих дисциплин. В то же время, значение данного субинститута управления исключительно велико, поскольку он выполняет важнейшую социальную функцию в обществе: в частности, обеспечивает повседневное воспроизводство человека как родового существа.

Конституирование управления в качестве социального института и отнесение изучения управления в этом статусе к предмету социологии управления как социологической дисциплины среднего уровня, позволяет дать социологическое теоретико-методологическое и методическое обеспечение управлению как важнейшей функции для воспроизводства и развития социума. А

представленная структура социального института «Управление», описание его содержания и выполняемых подфункций на его различных уровнях, позволяет:

- теоретикам в той или иной форме выразить свое мнение по поводу выраженных в данной работе положений, что может способствовать развитию социологической науки в области управления;
- социологам-прикладникам, практикующим в области управления, использовать представленные в данной работе теоретические конструкты для проведения эмпирических исследований.

В целом, по мнению автора, представленная в данной работе точка зрения имеет право на существование, является, несомненно, актуальной и требует определенного внимания со стороны социологов.

#### Список литературы:

1. Кнорринг В.И. Искусство управления. Москва, 1997. - С.1
2. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / редколлегия: А.В. Тихонов (отв. ред. ) и др. Москва, 2010. - С.116
3. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. Москва, 2009. - С. 89. – 90.
4. Вавилина Н.Д., Крейк А.И. Социальный институт «управление» – предмет научной дисциплины «Социология управления» // Научные записки Сибирской академии государственной службы. 2006. №3
5. Спенсер Герберт Основания социологии // Спенсер Герберт Сочинения Герберта Спенсера. Санкт-Петербург, 1898. Т.1-2
6. Павенкова М.В. Институциональный подход в социологии управления // Социология и общество. Труды Первого всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» / под ред. В.В. Васильковой и др. Санкт-Петербург, 2002. - С.605
7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. - С.47
8. Крейк А.И. Концептуальная модель институциональной системы // Социология. 2011. №3

*Kreyk Alfred, Novosibirsk State Technical University,  
Docent, PhD in Sociology, the Department of Sociology*

### ***Alternative conceptual model of institutional system of society***

*Крейк Альфред,  
Новосибирский государственный технический университет,  
доцент, кандидат социологических наук, кафедра социологии*

### **Альтернативная концептуальная модель институциональной системы социума**

В настоящее время среди социологов отсутствует единство в области институциональной теории. Причем имеющиеся разногласия касаются и субстанциональной природы и структуры социальных институтов, и содержания и структуры институциональной системы социума, и определения социального института и различных институциональных феноменов. Спорят о возможности осознанного или только стихийного пути формирования социальных институтов и о механизмах их формирования. И это далеко не полный перечень проблемных аспектов социологического осмысления институционализма. Отсутствие внутренне непротиворечивой, выражающей функциональную природу институциональной системы социума, является, пожалуй, одной из основных проблем современной социологической теории и, возможно, может быть определено как одно из проявлений ее кризисного состояния.

Исходя из выраженной выше позиции, автор предлагает свою альтернативную концептуальную модель институциональной системы социума, теоретико-методологической основой которой является классический функционализм Г. Спенсера.

Обоснование того, чем является социальный институт и какова институциональная система социума в целом, исходит из констатации следующих положений:

1. Социальные институты, выполняя свои функции в обществе, обеспечивают удовлетворение основных потребностей людей и всего общества в целом. В этом и состоит функциональное предназначение социальных институтов. Соответственно, каждый социальный институт выполняет одну из основных функций в обществе, т.е. обеспечивает удовлетворение одной из основных общественных потребностей. А в своей совокупности все социальные институты, как институциональная система, обеспечивают воспроизводство и развитие общества.

2. Удовлетворение социальными институтами основных потребностей общества, т.е. своих институциональных функций, требует наличия в обществе следующего:

1) Необходимых форм организованности, располагающих необходимыми ресурсами для выполнения соответствующей институциональной функции и в рамках которых возможно протекание функционально необходимых институциональных процессов.

2) Наличие функционально необходимых для выполнения соответствующей институциональной функции регуляторов, определяющих формы, структуры, режим и границы протекающих институциональных процессов.

3) Наличие функционально необходимых для выполнения соответствующей институциональной функции ресурсов (человеческих, информационных, материальных и т.п.).

4) Протекание функционально необходимых для выполнения соответствующей институциональной функции совокупности процессов.

3. Выполнение любой институциональной функции на любом уровне и в любой сфере общества осуществляется институциональными комплексами, имеющими следующую структуру:

- социальные регуляторы;
- формы социальной организованности.

4. Институциональные комплексы для выполнения определенной институциональной функции формируются путем институциональной сборки функционально необходимых институциональных элементов.

Исходя из сформулированных выше положений, можно представить авторскую концептуальную модель институциональной системы социума [1,2], которая отражает функциональную природу социальных институтов. Используя данную модель, можно определить функциональное место каждого институционального феномена, включая институты и субинституты, в системе институциональной структуры.

Итак, институциональная система социума имеет следующую структуру:

I. Социальные институты, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. Институциональное ядро, состоящее из тех институтов, которые обеспечивают формирование и воспроизводство институциональной системы на своей собственной основе. К ним относятся:

1) Мегаинститут (институт, определяющий и охватывающий функционирование всех социальных институтов). Им является культура, которая обеспечивает производство и воспроизводство духовных основ жизни общества.

2) Метаинститут (институт, «пронизывающий» общество на всех уровнях и во всех сферах). Это – управление, которое обеспечивает согласованное взаимодействие всех членов общества и социальных образований между собой и с природой.

2. Основные институты, функционально, но не субстанционально, сводимые к органам социального организма согласно описанию Г. Спенсера. В качестве основных социальных институтов общества можно выделить следующие (выделены согласно фундаментальному функциональному признаку – воспроизводство человечества как вида *homo sapiens*):

- 1) Обеспечение воспроизводства людей как представителей вида *homo sapiens*.
- 2) Обеспечение производства и воспроизводство материальных условий жизни общества.
- 3) Обеспечение производства и воспроизводство знаний, умений и навыков.

4) Обеспечение производства и воспроизводство социальной системы общества (обычно называемый институтом политики).

5) Обеспечение порядка и безопасности существования индивидов и всего общества (может быть назван как институт общественного порядка и защиты).

6) Обеспечение гармонизации корыстных интересов членов общества и социальных образований (обычно называемый институтом экономики).

7) Обеспечение технических возможностей взаимодействий в обществе и с природой (коммуникативно-логистическая функция).

3. Дополнительные институты, обеспечивающие выполнение тех социетальных функций, которые оптимизируют выполнение основных институциональных функций (концептуальное описание данных институтов на сегодняшний день отсутствует).

4. Субинституты (институциональные феномены, каждый из которых выполняет одну из подфункций определённого социального института).

5. Институции (институциональные образования, имеющие признаки института, но либо ещё не вполне сформировавшиеся и не конституированные в этом качестве, либо имеющие заметно меньший функциональный охват действия, чем институт или субинститут).

6. Социальные практики (постоянно воспроизводящиеся повседневные рутинные действия, благодаря которым в основном происходит выполнение институциональных функций; обычно именно они представляют собой явное проявление институционального процесса).

7. Социальные инновации (нерутинные действия, порождаемые ситуативными потребностями общества в новаторских формах и способах деятельности, обеспечивающие оптимальное выполнение институциональных функций).

Есть принципиально важный институциональный аспект – это пространственная представленность социальных институтов в обществе. Дело в том, что социальные институты, выполняя свое функциональное предназначение, распределены в обществе там и «вступают в дело» тогда, где и когда это функционально необходимо.

Социальные институты, будучи системами гетерогенных комплексов, не представляют собой какое-то конкретное социальное «тело». О них можно сказать, что в своем субъектном качестве они являются отвлеченными сущностями, которые представляют собой сверхколлективные социальные образования [3]. Это значит, что в обществе они реально есть, но физически «потрогать» социальный институт невозможно.

Будучи агрегированным феноменом, распределенным в обществе в необходимых для выполнения своей функции местах (там, где есть в этом нужда), социальный институт является благодаря этому своеобразной сетью, способной в любой момент, в любом нужном месте, на необходимом качественном уровне осуществить свое функциональное предназначение. Эта функциональная распределенность социальных институтов в обществе является их большим достоинством. Фрактально организованные, воспроизводясь в виде проверенных опытом повседневных практик и в то же время обладая инновационным потенциалом, социальные институты способны оперативно, гибко, в соответствии с запросами общества, выполнять свои институциональные функции. Именно агрегированный характер «устройства» системы социального института – залог его возможности выполнить свое функциональное предназначение везде, где это нужно, эффективно (с наименьшими затратами) и качественно («производя» необходимый обществу продукт, обладающий заданными свойствами).

Пространственная распределенность в обществе социальных институтов (а также субинститутов и институций) порождает необходимость их «сборки» в случае «запроса» со стороны общества для выполнения определенной социально значимой функции. Процесс институциональной сборки осуществляется путем согласованного взаимодополняющего сочетания гетерогенных, распределенных в обществе функционально необходимых компонентов (элементов), представляющих собой различные (названные выше) институциональные комплексы. Непосредственным результатом институциональной сборки становится сформированная для выполнения социального заказа практика, представляющая собой определенную целостность, состоящую из функционально необходимых регулятивных элементов и, обеспечивающих их влияние и протекание институциональных процессов, форм организованности. Соответственно, совокупность выработанных в обществе взаимодополняющих друг друга для выполнения определенной социально значимой функции практик, представляют собой институцию. В

свою очередь, совокупность функционально однородных институций составляют субинститут, а совокупность функционально однородных субинститутов – социальный институт.

Теперь можно дать определение институциональной сборки. Это процесс системного объединения необходимых для выполнения определенного социального заказа гетерогенных и взаимно дополняющих друг друга элементов, относящихся к различным институциональным комплексам, результатом которого становится появление необходимой институциональной структуры [4].

Целью формирования институциональной сборки является необходимость «запуска» процесса взаимно согласованных действий распределенных в обществе субстанционально неоднородных институциональных компонентов (элементов) для выполнения определенного социального заказа. Результат институциональной сборки – сформированный функционально необходимый институциональный феномен в виде социальной практики, институции, субинститута, института или интегрированной институциональной структуры, обеспечивающий выполнение социального заказа. В дальнейшем для обозначения сформированного в процессе институциональной «сборки» гетерогенного институционального образования может использоваться термин «институциональная структура», а именно - для обозначения некоторой ситуативно образовавшейся институциональной совокупности, которую будет невозможно отнести к какому-либо классифицированному институциональному феномену.

Причина «запуска» процесса институциональной сборки – это выраженный тем или иным образом институционально полномочным представителем социума запрос (требование) на выполнение специфической социально значимой функции.

Совокупность процедур институциональной сборки представляет собой универсальный динамический механизм, обеспечивающий формирование институциональных структур социума.

Представленная выше концептуальная модель позволяет, по мнению автора, научно обоснованно и логически непротиворечиво описать институциональную систему социума, обеспечивая тем самым преодоление существующих в социологии проблем в области институциональной теории. В свою очередь это расширяет прикладные возможности институционализма для социальных наук.

#### **Список литературы:**

1. Крейк А.И. Концептуальная модель институциональной системы // Социология. 2011. №3.
2. Крейк А.И. Институциональный подход – теоретико-методологическая основа социологических исследований проблем управления региональным развитием [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: IV Очередной Всероссийский социологический конгресс (23 – 25 октября 2012 год, г. Уфа). Электрон. дан. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с обложки.
3. Быченков В.М. Социальные институты в системе субъект - субъектных отношений: автореф. дис.... д. филос. наук. Москва, 1999. С. 2, 8.
4. Крейк А.И. Институциональная сборка – способ формирования институциональных феноменов [Электронный ресурс] // VI Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения», 1-2 декабря 2010. Материалы конференции. Электрон. дан. Москва, 2010. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с обложки.

Andrea Breitenbach<sup>1\*</sup>

<sup>1</sup>*Institute of Sociology, Department of Social Science, University of Frankfurt am Main  
Campus Westend- PEG Gebäude, Gröneburgplatz 1, 60232 Frankfurt, Germany.*

## Child Gender and the Risk of Divorce

### 1. INTRODUCTION

Is the risk of divorce lower for couples with sons than for couples with daughters? The role of children's gender on marital stability came under the focus of research on divorce following the results of a study by Morgan, Lye, and Condran [1]. By analysing the data of the Current Population Survey, the researchers found a higher risk of divorce among couples with daughters than among those with sons. According to their interpretation of the result, sons led to marital stability because of higher involvement of fathers in raising children of the male gender. A similar conclusion was arrived at by Morgan and Pollard [2]. In contrast, the only two studies that have investigated the effect of a child's gender on divorce risk in Germany came up with different results. In the first study, Wagner [3] used the Life Course Study to determine significant correlations only for West German marriages from 1936 to 1948. He concluded that a son reduced the divorce risk significantly by nearly 40% as opposed to a daughter. The other study by Diekmann and Schmidheiny [4] basis on the Fertility and Family Survey. They investigated the hypothesis in 18 countries, including Germany. The results of their surveys, however, did not confirm the hypothesis that sons led to greater marital stability among their parents as opposed to girls.

A closer look into the aforementioned studies reveals that marital stability is not affected directly by a child's gender. There must be other underlying reasons as parents cannot influence the child's gender before birth. One reason can be the parents' preference for a child with a certain gender. In other words, if parents favour a specific gender or a certain gender combination in their children, the risk of divorce decreases with the existence of the favoured gender or gender combination. This means that marital stability is affected by the congruence between the preference for a certain gender and the existence of children of this gender in the marriage. This implies that gender-specific divorces should reflect different gender-preference structures.

Following this assumption, the aforementioned studies are replicated with the data of the Family Survey and further hypotheses are investigated to determine how possible gender-preference structures among parents or of a child's gender can raise or lower the risk of divorce. Since the preference structures are comparable in Germany with those of the USA and other western countries, the results for the marital stability should be similar. Moreover, the results of this study are useful for future research as they indicate new ways for the study on divorce.

Additionally, the importance of a very precise differentiation, when operationalizing the variables of an investigation into divorce risks, becomes obvious. For the examination of the impact of a child's gender on divorce risk, it is necessary to consider only children born biologically to the same set of parents, in order to eliminate the impact of other children, e.g. of stepchildren. Other surveys have shown that an imprecise differentiation of child-parent relations changes the outcome. For this reason, the analyses are performed for legitimate children first, and all children of a couple and compared afterwards.

First of all, relevant theories and hypotheses on gender preference structures as well as ad hoc hypotheses will be analysed.

Gender preference structures are found mostly in research on fertility. Therefore, knowledge of fertility research must be included.

### 2. CHILD GENDER IN FAMILY RESEARCH

The study by Morgan et al. [1], which was the first to look into the correlation between a child's gender and marital stability, presumed that fathers invest more time in raising them than in the case of daughters. The more the fathers' participation in childcare, the marital stability is higher. In more recent survey groups, however, a decline of gender-related effects of sons could be observed. According to Morgan and Pollard [2], this change was due to changing family-role structures, which lead to an increasing egalitarian ratio in the relation of fathers to their sons and daughters. The authors altogether examined three hypotheses, two of which are examined in this paper.



Hypothesis (1): Sons decrease the divorce risk more than daughters.

Hypothesis (2): The gender of children does not affect marital stability in younger cohorts.

Morgan et al. justify these hypotheses theoretically by basing their arguments on Durkheim and family economics of Gary S. Becker. Whereas Durkheim speaks of an increase of marital solidarity due to the existence of sons in marriages, Becker argues that the parents' preference for a certain gender in their children induces a higher utility rate. In both cases, the cause of the "increase of marital solidarity" or the "rise in utility rate" is the child's masculine gender. Yet, this implies an underlying gender preference. For this reason, it is necessary for this investigation to examine the approaches to gender preference structures. These are especially found in the area of research on fertility. In societies that favor a specific gender in children, one can find congruence between the parents' gender preference and how the existence of this gender affects fertility and marital stability. And marital stability should be higher because it promotes marital happiness/satisfaction that results from getting (by chance) one's desired sex composition. Therefore, the knowledge of preference structures in a particular society is essential for an investigation into the correlation between gender preference structures and divorce risk. For example, if there is a preference for male children, then sons should reduce the divorce risk more than daughters. [5,6]. First, this paper would take a look into family economics and subsequently discuss approaches of fertility research.

Family economics offers various explanations on the utility of children in marriages in terms of commodities and marriage-specific capital. In addition to a detailed discussion of the effects of different child-parent relations and marital stability, in my opinion family economics offers pioneering approaches to explain the influence of a child's gender or of gender preference on marital stability. In societies with gender preferences, fertility is dependent on the birth of the preferred gender, and marital stability increases as a result. Parents in these societies also give birth to more children than their counterparts in societies without preference structures. This is because the first child born to the parents may not always belong to the favored gender, and therefore further children conceived in order to give birth to the preferred gender. Andersson, Hank, and Vikat [7] state a reason for gender preference patterns for boys:

"The desire for a son is the father of many daughters" (Seidl, 1995; cited by [8]).

According to Becker, there is a notably higher preference for sons than for daughters in developing countries, where sons offer higher economic security and utility rates than daughters: Becker says that instead of talking about preference (especially in later works) for sons, the term "higher value of sons for their parents" should be used [3]. Additionally, more capital is invested in the preferred gender, in this case son. But with the increase in wealth in modern societies, the preference for sons has relatively declined and resources invested in children are divided more equally among both genders. For this reason, a gender preference does not exist in relatively wealthy societies and the child's gender does not affect marital stability. By means of family economics can be derived the following hypothesis:

Hypothesis (3): In Germany, a child's gender does not have an impact on marital stability.

Fertility research deals with investigations into preference structures. The value-of-children approach offers a socio-psychological aspect to gender preference. Moreover, there are suppositions in sociology that fall in the ambit of the term "gender-preference hypotheses." They reflect the results of empirical studies. There are also assumptions on gender preference that are based only on ad hoc hypotheses and not on a sufficient theoretical foundation. Theoretically, five gender preferences are possible: a son preference, a daughter preference, a mixed gender preference, a preference for children of the same gender or no preference for a certain gender. Hereinafter, the paper will discuss the preference patterns that exist in modern societies like Germany.

The value-of-children approach, constituted by Hoffman and Hoffman [9], explains attitudes of parents towards children and their fertility behaviour, specifically in the context of society. The presumptions focus on the psychological utility of children for their parents. The utility or value of children is based on different components and varies according to the type of society, people or institutions. In the context of the societal conditions in Germany, especially with regard to social security systems, the psychological and work utilities of children recede in importance. While emotional utility rises, status utility reduces at the same time. Moreover, no gender preference exists at the birth of children in countries with affinal family relations, like Germany. Therefore, the gender of children does not have any effect on marital stability. This deduction is similar to Hypothesis 3.

From the perspective of sociological fertility research, there are various assumptions on gender preference, which are partly contradictory. The paper will now briefly discuss these assumptions. International empirical studies come up with heterogeneous results: In the Scandinavian countries of Denmark, Norway, Sweden, and Finland, a mixed-gender preference is predominant [7,10,11,12]. Only in the case of one-child families, a daughter preference is visible in Denmark, Norway, and Sweden,

whereas Finnish couples prefer sons [7]. The preference of two children of different genders in western countries is confirmed by a literature analysis for western countries [13]. This applies to the USA, Canada, and Australia as well. The only exception to this was found in a study by Dahl and Moretti [14]: Men prefer sons, vice versa women prefer daughters [14,15]. Hank and Kohler [16] also detected a mixed-gender preference in nine European countries by using Fertility and Family Survey. They found a preference for girls in Portugal, Lithuania, and the Czech Republic, but could not find any gender preference at all in five countries, including Germany. However, the studies found a preference for a mixed-gender relation in Germany when using the data of Allbus. Yet, differentiating analyses show a daughter preference for women and people with a higher educational level. In more recent cohorts, this is changing into a son preference [16]. In contrast, Brockmann [17] (with SOEP data) detected a son preference among older couples as opposed to a daughter preference among younger couples). Hank, Andersson, and Kohler [18] study childless people and parents in Germany with regard to their gender preference. The authors find a mixed-gender preference among childless people, but preference for a son among parents who already have a daughter. In Denmark, Finland, Norway, and Sweden, no gender preference for the second child can be found irrespective of the gender of the first child. Therefore, no hypothesis can be deduced because of the different outcomes of these studies. Note that the impact on a third child in cases where two children already exist is not presented here because most parents have less than two children.

The Complementary-costs Hypothesis, named after the study by Leigh [19], shows a different gender preference pattern. It presumes that the cost of childcare is dependent on whether parents have sons or daughters. For example, toys or clothes could be passed on to younger siblings of the same gender. This means less cost in terms of childcare compared to families with mixed-gender children. Parents therefore prefer an even gender ratio, and the existence of the favored gender of children in turn increases marital stability. This supposition leads to:

### 3. CHILD GENDER AND DIVORCE

Very few studies, just two in the case of Germany, examined the correlation between the child's gender and marital stability. However, there is a series of studies on the relation between gender preference and fertility. These were brought into perspective in the preceding chapter so as to give an overview on prevailing preference structures. Hereinafter, the relevant studies on children's gender and marital stability will be presented.

Studies that investigate the impact of a child's gender on marital stability do not come up with consistent evidence. Morgan, Lye, and Condran [1] detect a negative effect of sons on divorce risk, which decreases in more recent cohorts. Katzev, Warner, and Acock [20] as well as Morgan and Pollard [2] confirm the assumption of Morgan, Lye, and Condran [1] for the USA. Diekmann and Schmidheiny [4] knowledge the possibility of an  $\alpha$ -error due to sample variability, and Andersson and Woldemicael [10] add:

One has always to be aware that even when there is no real effect of a variable in a population, then every 20th sample or so based on that population will produce a statistically significant finding if investigators report their findings at a probability level of 5%. In addition, since scientific journals are more willing to publish material that report positive findings than material that report the absence of effects, it is the former type of results that will appear to the public.

However, Bedard and Deschneis [21] do not find any significant influence of a child's gender on marital stability in more recent cohorts in USA. In older cohorts (1960–1989), daughters as well as sons reduce the risk of divorce. In the case of sons, the divorce risk is between 0.5 and 0.7% lower than with daughters, depending on the cohort. In contrast, Wu [22] detects a lowering in divorce risk by 3 to 5% due to the existence of daughters as compared to the divorce risk among couples with sons in Canada. Yet, both genders reduce divorce risk significantly by nearly 50%. For Sweden, Andersson and Woldemicael [10] determine that divorce risk is lowered by -4 in marriages with a mixed-gender ratio between one to two children, since no significant result can be found with the birth of sons. Although daughters reduce the divorce risk a little more than sons, the outcome is not significant.

According to Wagner [3], a son reduced the divorce risk for West German marriage generations (1936–1948) significantly by -39% in comparison to a daughter. For other cohorts, no significant relations could be determined. Diekmann and Schmidheiny [4] study the hypothesis of Morgan and Pollard for 18 countries, but they could not confirm it. In Germany, no significant results were apparent for one-child families. West German couples with two children of different genders had a lower divorce risk of -52 % in comparison to childless couples. Whereas in East Germany, the results of a mixed gender ratio were not significant (With regard to childless couples compared to those with one

child and mixed gender relations with couples with two children). Based on the studies presented here, no relation between a child's gender and divorce risk can be determined.

#### 4. MATERIALS AND METHODS

This study is based on the data provided by the third wave of the Family Survey of the German Youth Institute in 2000. This wave comprises two sub-samples. The first is a "replicative survey" or a cross-section survey of 8,091 private households in Germany. The second is a panel sample of 2002 respondents, who had already participated in both the previous waves. The replicative survey is a representative survey of the German-speaking residential population in the age group of 18 to 55 years. For the survey, 6,613 people were interviewed in the old federate states and 1,478 people in the new ones. The panel survey was a repetitive survey of respondents living in West Germany, who were interviewed in 1988 and 1994.

In order to guarantee representative analyses and to enable an East-West comparison, the panel survey will be excluded from the calculations for the moment.

In order to eliminate the impacts of other cultural backgrounds, people born in foreign countries, internal migrants for over 16 years (from West to East Germany and vice versa, in order to guarantee a definite attribution to a West or East German biography) or emigrants were excluded. The analysis gave relevance to first marriages that are still intact, respondents living apart without being divorced, marriages that were terminated by the death of one partner as well as first marriages that ended in divorce (Note: By analysing only first marriages, influences from selected effects are excluded). All marriages, which have no valid statement on the year of marriage, the year of divorce, the year of separation or the date of death, are excluded. Thus, the sample is reduced to 4,210 marriages, which provide the basis of the following analyses. Until the survey period, 18.36% of all marriages (773 people) were divorced. These included 17.30% in the old federate states and 23.10% in the new federate states.

Divorce risk is investigated in order to measure marital stability. In this study, the dependent variable is the duration of marriage, i.e. the risk of divorce estimated on the basis of the duration of marriage by means of Event History Analysis. Moreover, the data set enables

**Table 1. Sample selection family survey 2000**

	<b>West</b>	<b>East</b>	<b>Total</b>
Total sample	8790	1528	10318
Replicative Survey	6613	1478	8091
German Responders'	6225	1461	7686
Without German Resettles' and foreign-born people	5701	1427	7128
Without Resettles' (West/East, over 15)	5627	1420	7047
First Marriages	3435	775	4210
Separate First Marriages	713	202	915
Divorced First Marriages	594	179	773

*\*Cases without a valid date of marriage, date of separation, date of divorce or date of death were excluded. Since the information on the marital status of the partner might be incorrect, it is not known, whether this is the first marriage of the partner too (DJI, 2009).*

controlling important determinants of the divorce risk, and they therefore enter the analysis as covariates. For multivariate analyses, two different models were calculated. These were a basic model and an extended model, which was extended by five variables on the attitude toward children. The depending variable is the duration of marriage. The duration until the

divorce is calculated in the case of divorced respondents; the duration until the death of the spouse is considered for widows and widowers; and in the case of the married ones, December 31, 2000 is the scheduled end date because the interview date is not included in the data set.

**Table 2. Mean values of other covariates**

	<b>West</b>	<b>East</b>	<b>Total</b>
Length of marriage before divorce (years)	10.27	8.55	9.87
Length of cohabitation (years)	1.41	1.15	1.38
Length of relationship before household formation (years)	2.14	2.19	2.11
Age at marriage of husband (years)	26.69	24.42	26.32
Age at marriage of wife (years)	24.04	22.38	23.79
Home ownership (0/1)	36.26	25.78	34.33
Church attendance (0/1)	17.41	3.35	14.83
Religious ceremony (0/1)	69.61	22.65	60.98
Marriage cohort 1961-1970 (0/1)	12.52	14.05	12.79
Marriage cohort 1971-80 (0/1)	25.64	34.06	27.19
Marriage cohort 1981-90 (0/1)	33.51	35.59	33.90
Marriage cohort 1991-2000 (0/1)	28.33	16.31	26.12
Large city (0/1)	63.12	51.07	60.91
Education homogamy (0/1)	76.93	77.14	76.79
Both catholic (0/1)	38.48	0.90	30.79
Fathers education (years)	9.42	9.46	9.43
Education of wife (years)	9.85	9.98	9.88
Education of husband (years)	10.00	10.01	10.00
Getting to know I: acquaintances. friends. relatives (0/1)	29.32	29.46	29.35
Getting to know II: school, education, occupation, hobbies (0/1)	39.82	33.18	38.60
Getting to know III: holiday, display, pub or disco (0/1)	30.86	37.36	32.05
Married several times (0/1)	6.91	7.54	7.03
Family-orientedpartnership (0/1)	24.69	37.13	26.98
Attitude to reconciling of work and family life (index) <sup>a</sup>	0.80	0.66	0.78
Attitude to role of mother (index) <sup>a</sup>	0.54	0.53	0.55
Child-orientated couples <sup>b c</sup>	0.93	0.95	0.94
Economic benefit of children	0.52	0.63	0.54

\*0.2 = <sup>a</sup> "very egalitarian" to 1 = "very traditional"; <sup>b</sup> could also be interpreted as emotional utility of children; <sup>c</sup> 0.25 = "little child oriented" to 1 = "very child oriented"; <sup>d</sup> 0.25 "little interested in the economic utility of children" to 1 = "very interested in the economic utility of children"

For the major independent variable, the child's gender, all possible combinations are calculated for the first, second and third child, and this results in 15 dummy variables with the reference category "couples without children." Additionally, different covariates are considered among married couples from 1971 to 1980, from 1981 to 1990 and from 1991 to 2000 with the reference category from 1961 to 1970 being "cohabitation duration", "duration from beginning of relationship to foundation of an own household", "age at marriage", "home ownership", "church wedding", "frequency of church attendance", "educational homogamy", "both catholic", "education of father", "education of wife, at the beginning of marriage", "education of husband, at the beginning of marriage", "place of getting to know", "plural marriage".

For the extended model, further variables are included. These variables are "family oriented relationship type," "attitude on compatibility of career and family," "attitude to mother role," "child oriented couples," "economical utility of children." Table 2 displays the average of these variables, divided in West Germany and East Germany as well as hole Germany.

This paper uses the t-ln(t2)-model from Klein [23] – a modified sickle model – for event history analysis. Following the non-monotone course of the sickle model of Diekmann and Mitter [24], this more flexible model was designed. Compared to the sickle function, it projects the maximum in a better way. The model presumes a constant divorce rate during marriage, whereas a non-monotone course is built by the variables t1 and t2:

$$r(t) = \exp(c_i + \beta_1 t_1 + \beta_2 t_2)$$

with t<sub>1</sub> = duration of marriage, t<sub>2</sub> = ln (duration of marriage<sup>2</sup>), c<sub>i</sub>=(exp(β<sub>i</sub>)-1)\*100. [23].

## 5. RESULTS AND DISCUSSION

Let us have a look at the results of the multivariate analyses for West Germany and East Germany in Table 3 and Table 4. The outcome for couples with only legitimate children is given in normal font, whereas the results of couples with children without a further differentiation among the child-parent relations are displayed in italics. This visualization was chosen to show how a non-exact differentiation of child-parent relations can influence the results. For instance, couples with only legitimate children throughout have a lower divorce risk than couples, who also have non-legitimate children. This confirms the supposition that an exact differentiation of child-parent relations – in this case legitimate children – is necessary to get definite results.

Due to the coefficients in this table, statements can only be made about which gender combination of children offers the highest marital stability.

But this is only of secondary interest because the paper's investigation deals with whether gender-specific divorces exist. For this reason, the results are only sketched out – this investigation would not be useful anyway because parents cannot control the child's gender.

In West Germany, parents with a daughter-son-son combination have the lowest divorce risk (see Table 3 Model 2: the model with multiple variables is chosen), followed by those with three or two sons. In East Germany, parents in the same model with a daughter-son-daughter combination have the lowest divorce risk, followed by those with two sons and a son-daughter combination (see Table 4 Model 2). The comparison of cohorts (see Table 5 and 6 is not interpreted at this point, because it will be presented in detail in the discussion of gender-specific divorce rates.

The gender-specific divorce rates that are of interest here can again be explained by the parents' preference for a certain gender in their children. Therefore, the results of the analysis are shown in a modified way in Table 7. This enables a clearer interpretation of the outcome and a better verification of the hypotheses. Given a theoretical basis, contrary as well as contentious congruent hypotheses have been studied. According to the 'basic assumptions' of the hypotheses, it is presumed that gender preferences are common among parents. No preference for a certain gender in children is also considered to be a preference: it's called "no gender preference". If a child of the preferred gender is born during marriage, the divorce risk is lowered. Therefore, marital stability is indirectly affected by gender preference. Hence, gender preference structure can be deduced from gender-specific divorce rates.

Hereinafter, effects between gender and number of children will have to be eliminated during the interpretation of the multivariate results. This is because the effects between gender and number of children have an impact on each other and they were found during the calculation of other models. In order to

exclude this effect and to simplify the verification of the hypotheses, gender-specific divorce rates are considered separately for one, two and three children and ranked according to the coefficients. Moreover, all five possible preference patterns are compared to the data from the analyses. The first column shows the number of children (1–3), followed by five columns with anticipated rankings from the lowest to the highest divorce risk in relation to possible gender preferences. For example, if the hypothesis states that sons are preferred to daughters, sons should decrease the divorce risk more than daughters. According to the expected ranking (Column 2, Table 7.) the divorce risk should be lower with a son (S) than with a daughter (D) at the birth of the first child. With two children, the divorce risk should be lowest with two sons (SS), followed by a combination of son and daughter (SD or DS), since two daughters (DD) would show the highest divorce risk compared to all other combinations. Accordingly, the anticipated rankings of all further preference structures are displayed.

At this point, the last possible gender preference – no preference to a certain gender in children – structure should be mentioned briefly. If this is the case, no distinct pattern should exist. The outcome of a comparison of the observed rankings with regard to divorce risk as well as a number of children and the expected rankings with regard to underlying gender preference (see “evaluation of results”) are illustrated in the lower part of Table 7 For a comparison of the individual effects ( $\alpha$ -effects), the outcome in Table 3 to Table 6 should be taken into account.

The following columns indicate the results of the extended models with regard to the lowest divorce risk in ascending order for each number of children (1–3). For example, in Table 3, Model 2 (T3, M2), the divorce risk is higher with the birth of a daughter (D) than with the birth of a son (S). Note that the analyses always refer to the reference category of childless marriages. However, it would also be possible to correlate the analyses to another reference category, e.g. sons. This was not done here, as this is not only an investigation of whether a son preference exists, but of various hypotheses that are even contrary in some cases. The comparison of the coefficients among themselves allows statements on the differences between both groups. For a daughter (D), the factor is 0.619 and 0.538 for a son. In the case of two children, it is lowest if they are both sons (SS), followed by a son-daughter combination (SD) and then by two daughters (DD), whereas the highest divorce risk can be found with a daughter-son combination (DS). Here, the factorial values are in accordance with the enumeration: 0.220, 0.282, 0.298 and 0.307. The rankings of gender combinations of three children are generated analogously. In the modified table, the following outcome can be seen:

If one or two children are born in West or East Germany, a slight preference for sons is visible. For one son, this amounts to 12.7 %. Here the difference between both coefficients was calculated ( $e^{(-0.48-0.60)} = e^{0.12}=1.127$ ). Note: these are the original  $\beta$ -values; for the Tables the antilogarithm  $\exp(\beta) = \alpha$ - also called  $\alpha$ -effect is generated. For two children, the effects in comparison to two sons are ( $e^{(-1.266-1.514)} = e^{0.275}=1.282$ ). for a son-daughter combination, ( $e^{(-1.211-1.514)} = e^{0.303}= 1.354$ ). for a daughter-daughter combination and ( $e^{(-1.181-1.514)} = e^{0.333}=1.395$ ) for a daughter-son combination.

For three children, no preference pattern is apparent in West Germany, but a slight preference for daughters exists in East Germany. The following six columns illustrate the results of the cohort comparison, which serves as the means for checking the “attenuation hypothesis.” This hypothesis states that the impact of a son preference decreases in more recent cohorts, and therefore the children’s gender does not affect the marital stability in these cohorts.

In West Germany, a son preference is visible for the marriage cohort 1961–1970 with one child, but there is no preference for further children. For a son, this effect amounts to 0.712 in comparison to childless marriages, and for a daughter the effect comes to 0.852. However, it is not significant. Therefore, calculating the effect is not useful in order to compare son and daughter. However, a daughter preference for couples with one child becomes obvious in the marriage cohort 1971–1980. For two children, there is no preference pattern and for three children a slight son preference can be observed. In the context of the marriage cohort 1981– 2000, a son preference can be found among couples with one child, no preference pattern is visible for two children, and a slight son preference exists for three children. If a son was born,

the parents’ divorce risk is lower than after the birth of a daughter. When comparing daughter and son, the effect amounts to ( $e^{(-1.298-1.501)} = e^{0.203}$ )=1.225=22,5 %. The outcome of the cohort

comparison in East Germany is very different from that in West Germany. With respect to the marriage cohorts 1961–1970 and 1971–1980, no preference patterns can be found for one to two children. The results for one child are not significant. For the marriage cohort, only the daughter-son combination with the factor 2.270 is significant at a 10%-significance level. If couples of the marriage cohort 1981– 2000 give birth to a child, they prefer a son a little more than a daughter, but a strong daughter preference becomes obvious with two children. For two children, the effect of a daughter-son combination is

1.575, that of a son-daughter combination is 2.138 and for a son-son combination it is 2.373, with all these combinations being compared to two daughters. The results of the combinations of three children are not significant for almost all gender combinations, probably, caused by the low number of cases and are therefore not displayed here.

In the next step, the results are compared to all five deduced hypotheses, followed by verification (see Table 7). The first assumption (Hypothesis 1) that the birth of sons increases the marital stability was deduced by the Fathers Involvement Hypothesis. The outcome of the multivariate analysis shows that a lower divorce risk exists for couples with a son – except for the second cohort in West Germany in a cohort comparison and for the first two marriage cohorts in East Germany – than for couples with a daughter. With two children, a slight son preference exists in West and East Germany, except in cohort comparison. If three children were born, different gender preferences are visible and some results are not even significant. Hence, Hypothesis 1 can be confirmed only with respect to one child, if the cohort comparison is not considered. For two children, it can be confirmed only partially, and it has to be ruled out for three children.

Additionally, Morgan and Pollard [2] hypothesize (2) that the effect of a son preference decreases in more recent cohorts. The marriage cohorts from 1961–2000 cannot confirm this hypothesis. On the other hand, results show that the series of marriage cohorts in West Germany at the birth of the first child is first a son preference (marriage cohort 1961–1970), then a daughter preference (marriage cohort 1971–1980) and again a son preference in the context of marriage cohort 1981–2000.

In couples with two children, no preference patterns are visible for West Germany. With three children, the results are not even significant for both parts of Germany. In the context of East German marriage cohorts (1961–1970 and 1971–1980), the gender of one to two children do not have any impact on marital stability, whereas the marriage cohort 1981–2000 shows that a son reduces the divorce risk more than a daughter. But in couples with two children, a daughter preference can be observed. Thus, the Attenuation Hypothesis (2) has to be ruled out.

Family Economics and the Value of Children Approach formulate another hypothesis (3), which states that there is no visible gender preference in Germany, and consequently there is no correlation between a child's gender and marital stability. If a first and a second child are born, this supposition can neither be confirmed for West nor for East Germany because the results of the model show a preference for son. This applies to one child in West Germany in the comparison of cohorts and for the most recent cohort in East Germany as well, where either a preference for son or a daughter can be found depending on the cohort. In a cohort comparison, however, there is no apparent preference pattern for East German couples with one child among the marriage cohorts 1961–1970 and 1971–1980. It cannot be resolved whether this is due to the insignificant outcome or if there are indeed no preference patterns. At the birth of a second child, there is no gender preference for all the cohorts in West Germany as well as for the first two cohorts in East Germany. However, the third cohort for East German couples shows a daughter preference. For three children only, small values are significant in order to interpret them. This is probably due to the low number of cases. Hence, both hypotheses can only be confirmed in the cohort comparison of the second child in West Germany and in the cohort of 1971–1980 for the birth of the second child in East Germany.

Finally, the Complementary-costs Hypothesis (4) is investigated. This hypothesis assumes that children of the same gender increase marital stability the most. It refers to only two or more children. The divorce risk for couples with two children is lowest, if they have two sons, for West as well as for East Germany. This is followed by a son-daughter combination and then by two daughters. For three children the results are significant in too little cases, in order to interpret them. The cohort comparison does not show compliance either except for the second cohort. Therefore, these results cannot confirm the hypothesis.

With regard to our initial question, whether a child's gender has an impact on the divorce risk, this can be fully confirmed for couples with only one child, and partially for couples with two children. The results lead to the conclusion that sons are preferred to daughters in one-child families, and hence a son preference is predominant.

Table 3. Risk of divorce for couples in West Germany after the gender of the children (weighted)

	West Germany			
	Model 1	Model 1	Model 2	Model 2
Duration of marriage <sup>b</sup>	0.932	0.961	0.932	0.961
In (duration of marriage)	1.661	1.656	1.661	1.656
One Child: son <sup>ab</sup>	0.549	0.699	0.538	0.640
One child: Daughter <sup>ab</sup>	0.619	0.853	0.619	0.853
Two children: Son-Son <sup>ab</sup>	0.242	0.299	0.220	0.289
Two children: Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.298	0.377	0.282	0.370
Two children: Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.301	0.391	0.307	0.399
Two children: Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.289	0.367	0.298	0.350
Three children: Son-Son-Son <sup>ab</sup>	0.229	0.298	0.218	0.289
Three children: Son-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.221	0.292	0.252	0.313
Three children: Son-Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.391	0.449	0.387	0.432
Three children: Daughter-Son-Son <sup>ab</sup>	0.184	0.258	0.189	0.282
Three children: Son-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	1.051	0.995	1.174	0.997
Three children: Daughter-Son-Daughter <sup>ab</sup>	1.616	0.861	1.840	0.915
Three children: Daughter-Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.698	0.981	0.613	1.054
Three children: Daughter-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.618	0.698	0.638	0.710
Four or more children	0.333	0.383	0.340	0.398
Length of cohabitation	0.923	0.951	0.896	0.932
Duration until household formation	0.940	0.940	0.960	0.940
Age at marriage of wife	1.000	1.000	1.000	1.010
Age at marriage of husband	0.990	0.990	0.990	0.990
Home ownership <sup>a</sup>	0.377	0.375	0.373	0.361
Church attendance <sup>a</sup>	0.638	0.670	0.741	0.779
Religious ceremony	0.644	0.795	0.698	0.844
Marriage cohort 1971-80 <sup>a</sup>	1.632	1.682	1.616	1.707
Marriage cohort 1981-90 <sup>a</sup>	2.943	2.956	2.715	2.804
Marriage cohort 1991-2000 <sup>a</sup>	3.675	3.674	3.649	3.658
Education homogamy <sup>a</sup>	0.886	0.979	0.888	0.980
Both catholic <sup>a</sup>	0.869	1.030	0.869	1.020
Fathers education (years)	0.905	0.896	0.878	0.861
Education of wife (years)	1.041	1.020	1.051	1.020



	West Germany	
	Model 1	Model 2
Education of husband (years)	0.990 ***	0.970
Getting to know I	0.819 **	0.787 +
Getting to know II <sup>c</sup>	0.878 **	0.861
Married several times <sup>a</sup>	2.344 ***	2.351 ***
Family-oriented partnership		0.960 **
Attitude to work and family life		0.742 +
Attitude to role of mother		0.817 ***
Child-orientated couples		0.458 **
Economic benefit of children		0.771 *
Key statistics		
Number of splits	30578	29806
Not censored data	329	321
Log-Likelihood	-2391.780	-2329.983

<sup>a</sup> Dummy variable (0/1); <sup>b</sup> Time dependent; Reference category: Getting to know III, + P = .1 \* P = .05; P\*\*=.01, \*\*\* P=.001

Table 4. Risk of divorce for couples in East Germany after the gender of the children (weighted)

	East Germany	
	Model 1	Model 2
Duration of marriage	0.844 ***	0.852 ***
ln (duration of marriage)	1.665 ***	1.664 ***
One Child: son <sup>ab</sup>	0.571 +	0.600 +
One child: Daughter <sup>ab</sup>	0.935	0.887
Two children: Son-Son <sup>ab</sup>	0.311 **	0.313 **
Two children: Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.326 **	0.324 *
Two children: Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.497 *	0.554 *
Two children: Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.543 *	0.477 *
Three children: Son-Son-Son <sup>ab</sup>	1.005	1.008
Three children: Son-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.339 *	0.341 *
Three children: Son-Daughter-Son <sup>ab</sup>	1.032	1.117
Three children: Daughter-Son-Son <sup>ab</sup>	0.786	0.997
Three children: Son-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.402 +	0.396 +
Three children: Daughter-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.285 +	0.281 +

East Germany

	Model 1	Model 1	Model 2	Model 2
Three children: Daughter-Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.398 +	0.469 +	0.388 +	0.462 ***
Three children: Daughter-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.493 +	0.599	0.497 +	0.592 *
Four or more children <sup>ab</sup>	0.122 ***	0.284 ***	0.121 ***	0.267 *
Length of cohabitation	1.051 *	1.041	1.020 *	1.044 ***
Duration until household formation	1.000	0.980	1.010	0.990 **
Age at marriage of wife	0.923 *	0.951 **	0.932 *	0.961 **
Age at marriage of husband	0.951 +	0.961 *	0.961	0.961 *
Home ownership	0.332 ***	0.357 ***	0.359 ***	0.391 +
Church attendance <sup>a</sup>	1.018 *	1.016 ***	1.021 *	1.019
Religious ceremony <sup>a</sup>	0.698	0.742	0.763	1.010 ***
Marriage cohort 1971-80 <sup>a</sup>	1.234	1.209	1.116	1.139 ***
Marriage cohort 1981-90 <sup>a</sup>	2.434 ***	2.829 ***	2.111 ***	2.638 ***
Marriage cohort 1991-2000 <sup>a</sup>	1.840 *	1.682 +	1.715 +	1.568 ***
Education homogamy <sup>a</sup>	1.052 +	1.029 *	1.060 *	1.034 ***
Both catholic	0.680 **	0.723 **	0.668 ***	0.715 +
Fathers education (years)	0.951 *	0.961	0.932 *	0.923 *
Education of wife (years)	1.070 *	0.923 *	1.092 *	0.923 *
Education of husband (years)	1.030	1.000	1.073	1.030
Getting to know I <sup>c</sup>	0.926	1.020	0.912	1.041
Getting to know II <sup>c</sup>	1.027 *	1.031 **	1.031 *	1.035 ***
Married several times <sup>a</sup>	2.861 ***	2.886 ***	2.832 ***	2.779 ***
Family-oriented partnership			0.989 *	1.017
Attitude to work and family life			0.919	0.733 *
Attitude to role of mother			0.837 **	0.820 *
Child-orientated couples			0.857 **	0.890 ***
Economic benefit of children			1.520 *	1.042 ***
Key statistics				
Number of splits	8834	8834	8659	8659
Not censored data	144	144	138	138
Log-Likelihood	-740.876	-492.051	-726.460	-483.803

<sup>a</sup> Dummy variable (0/1); <sup>b</sup> Time dependent; Reference category: Getting to know III, + P = .1 \* P = .05; P \*\* = .01, \*\*\* P = .001.

Table 5. Risk of divorce for couples in West Germany by sex of child and cohort (weighted)

	West Germany		
	Cohort	Cohort	Cohort
	1961-1970 Model 1	1971-1980 Model 2	1981-2000 Model 3
Duration of marriage <sup>b</sup>	0.980	0.980	0.827 ***
In (duration of marriage)	1.655 ***	1.657 ***	1.671 ***
One Child: son <sup>ab</sup>	0.712 +	0.819	0.223 ***
One child: Daughter <sup>ab</sup>	0.852	0.779 *	0.273 ***
Two children: Son-Son <sup>ab</sup>	0.373 **	0.317 ***	0.108 ***
Two children: Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.330 *	0.589 *+	0.077 ***
Two children: Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.684	0.403 ***	0.106 ***
Two children: Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.463 *	0.353 ***	0.167 ***
Three children: Son-Son-Son <sup>ab</sup>	0.625	0.212 ***	0.062 ***
Three children: Son-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.307 *	0.631	0.092 **
Three children: Son-Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.698	0.527 +	0.069 ***
Three children: Daughter-Son-Son <sup>ab</sup>	0.336 *	0.295 *	0.063 ***
Three children: Son-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	2.974	0.741	1.010
Three children: Daughter-Son-Daughter <sup>ab</sup>	1.477	2.287 ***	0.600
Three children: Daughter-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.361 +	0.763	0.492 +
Three children: Daughter-Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.328 +	0.726	0.595
Three children: Daughter-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.811	0.340 ***	0.287 ***
Four or more children	1.716 *	1.271 **	0.869 ***
Length of cohabitation	1.060	1.040 *	0.941 *
Duration until household formation	1.073 *	1.040 *	1.000
Age at marriage of wife	0.990	1.030	0.998
Age at marriage of husband	0.502 **	0.384 ***	0.266 ***
Home ownership <sup>a</sup>	0.623 +	0.998	0.723 **
Church attendance	0.699 *	0.605 *	0.931
Religious ceremony	0.891	0.662 **	0.981
Education homogamy	1.171 +	1.070	0.661 **
Both catholic <sup>a</sup>	0.873 *	0.809 **	0.909 **
Fathers education (years)	0.932	1.000	0.928
Education of wife (years)	1.105	0.914	1.030
Education of husband (years)			

West Germany			
	Cohort 1961-1970 Model 1	Cohort 1971-1980 Model 2	Cohort 1981-2000 Model 3
Getting to know I <sup>c</sup>	0.623 *	0.520 **	0.868
Getting to know II	0.842 *	0.874 *	0.749
Married several times	1.668 ***	2.251 ***	3.380 ***
Family-oriented partnership	0.942 *	1.006 **	0.949 **
Attitude to work and family life	0.328 *	0.499 **	1.031
Attitude to role of mother	0.773 **	0.876 **	0.858 **
Child-orientated couples	1.224 *	0.728	0.103 ***
Economic benefit of children	1.900 +	0.873	0.451 **
Key statistics			
Number of splits	12748	10458	19718
Not censored data	56	104	161
Log-Likelihood	-605.689	-837.921	-886.270

<sup>a</sup> Dummy variable (0/1); <sup>b</sup> Time dependent; Reference category; <sup>c</sup> Reference category: Getting to know III, + P = .1 \* P = .05; P\*\*=.01, \*\*\* P=.001

Table 6. Risk of divorce for couples in East Germany by sex of child and cohort (weighted)

East Germany			
	Cohort 1961-1970 Model 1	Cohort 1971-1980 Model 2	Cohort 1981-2000 Model 3
Duration of marriage <sup>b</sup>	0.835 **	0.811 ***	0.771 **
In (duration of marriage)	-1.670 **	-1.668 ***	-1.670 ***
One Child: son <sup>ab</sup>	0.691	0.726	0.463 **
One child: Daughter <sup>ab</sup>	1.310	0.835	1.537 *
Two children: Son-Son <sup>ab</sup>	0.932	0.323 ***	0.206 ***
Two children: Son-Daughter <sup>ab</sup>	1.185	0.230 ***	0.186 ***
Two children: Daughter-Son <sup>ab</sup>	2.270 +	0.543 *	0.137 ***
Two children: Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	1.616	0.763	0.087 ***
Three children: Son-Son-Son <sup>ab</sup>	1.000	0.186 **	3.633
Three children: Son-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.795	0.375 *	1.000
Three children: Son-Daughter-Son <sup>ab</sup>	1.000	1.209	1.000
Three children: Daughter-Son-Son <sup>ab</sup>	1.020	0.827	1.399 ***

East Germany			
	Cohort 1961-1970	Cohort 1971-1980	Cohort 1981-2000
	Model 1	Model 2	Model 3
Three children: Son-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	0.756	1.000	0.040
Three children: Daughter-Son-Daughter <sup>ab</sup>	0.395	1.000	0.887
Three children: Daughter-Daughter-Son <sup>ab</sup>	0.307	0.157	0.942
Three children: Daughter-Daughter-Daughter <sup>ab</sup>	1.000	1.363	0.139
Four or more children <sup>ab</sup>	0.482	0.119	0.125
Length of cohabitation	1.122	1.294	0.983
Duration until household formation	0.896	1.020	0.960
Age at marriage of wife	0.572	0.891	0.952
Age at marriage of husband	1.584	0.990	0.878
Home ownership	0.497	0.397	0.265
Church attendance	1.079	1.012	1.023
Religious ceremony	1.114	0.454	0.452
Education homogamy <sup>a</sup>	0.464	1.026	1.060
Both catholic <sup>a</sup>	0.442	1.000	0.747
Fathers education (years)	0.473	0.846	0.90
Education of wife (years)	1.234	1.051	0.755
Education of husband (years)	0.733	1.197	0.878
Getting to know I <sup>c</sup>	0.442	1.104	1.320
Getting to know II <sup>c</sup>	0.932	1.610	1.272
Married several times <sup>a</sup>	2.972	2.369	4.402
Family-oriented partnership	1.113	1.004	0.945
Attitude to work and family life	0.972	1.289	0.277
Attitude to role of mother	0.742	0.702	0.799
Child-orientated couples	1.159	0.632	0.815
Economic benefit of children	1.034	1.019	1.201
Key statistics			
Number of splits	1803	3877	2979
Not censored data	18	54	66
Log-Likelihood	-155.111	-328.326	-242.948

<sup>a</sup> Dummy variable (0/1); <sup>b</sup> Time dependent; Reference category; <sup>c</sup> Reference category: Getting to know III, + P = .1 \* P = .05; P\*\*=.01, \*\*\* P=.001

Table 7. Expected and observed ranking of divorce risk by sex of child

No of child-ren	Expected Ranking			Observed ranking of divorce risk by sex of child											
	Son-preference	Daughter-preference	M-G - preference	Same sex	No preference	T 3	T 4	T 5	T 5	T 5	T 5	T 6	T 6	T 6	T 6
1	S	D	S, D	-	Similarly high values	S	S <sup>ns</sup>	D <sup>ns</sup>	D <sup>ns</sup>	S <sup>ns</sup>	D	ns	ns	ns	D
2	D	S	D;S	<u>DD or SS</u>		D	SS	SS	SS	SS	SD	SD	SD	DD	DD
	SS	DD	<u>SD≈DS</u>			SS	SD	SS	DD	DD	DD	ns	SS	SS	DS
	DS or SD	SD or DS		SD or DS		DD	DD	DD <sup>ns</sup>	DS	SS	SS	ns	DS	SD	SD
	DD	SS	SS or DD			DS	DS	DS	SD	DD <sup>ns</sup>	DD	DS	DD <sup>ns</sup>	SS	SS
3	SSS	DDD				DSS	DSD	SSD	SSD	SSS	SSS	ns	SSS	SDD	SDD
			<u>SSD, SDS, DSS ≈ SDD, DSD, DDS</u>			SSS	SSD	SSS	SSS	DSS	DSS	ns	SSD	DSS	DSS
	SSD or SDS or DSS	SDD or DSD or DDS				SSD	SDD	DSS	DSS	SDS	SDS	ns	ns	ns	ns
						DDD	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns
						DSD	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns
						DDS	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns
	DDD	SSS	DDD or SSS	DDS or DSD or SDD or SDS or DSS		ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns	ns

1	Evaluation of the outcomes	-Pref.		S-Pref		-Pref		D Pref.		S-Pref		No/ns		S-Pref	
		Low	S	Low	S-Pref.	No	No	Low	No	Low	No	Low	No	Low	-Pref.

2

3 Note. <sup>a</sup> Mixed-Gender; <sup>b</sup> The results should show no clear pattern; <sup>c</sup> T= Table number, M= Model number; W= West Germany; E= East Germany; C1= Cohort 1961-1970; C2= Cohort 1971-1980; C3= Cohort 1981-2000; The observed order shows in which sex or gender combination, for one, two and three children, the divorce risk is lowest; ns = not significant with P=0.10

In column 3: **underlined bold**: lowest divorce risk, **fat**: low risk of divorce, **light**: the highest risk of divorce;

In column 4: **underlined bold**: lowest divorce risk, **light**: higher risk of divorce than for **underlinedbold**.

*Victor Afanasyev, National Academy of Environmental Protection and Resort Development  
Associate professor, PhD (political sciences), the Faculty of Economics and Management*

## **Geopolitical importance of building a bridge across the Kerch Strait**

**Виктор Афанасьев**, Национальная академия природоохранного и курортного строительства  
Доцент, кандидат политических наук, факультет экономики и менеджмента

### **Геополитическое значение строительства моста через Керченский пролив**

**Постановка научной проблемы и ее значение.** Подписание договора о вхождении Республики Крым в состав Российской Федерации стало апогеем геополитических изменений, происшедших на севере Черноморского региона. Его геополитическое значение во многом определяется наличием выгодных транспортных магистралей Восток-Запад и Север-Юг. Крымский полуостров является уникальным местом пересечения дорог, что безусловно играет существенную роль и для развития экономики региона и его инфраструктуры. Вместе с тем, до сих пор проблемой остается фактическое несовершенство пропускных мощностей паромной переправы Керчь-Кавказ, что существенно снижает возможности полноценного использования южного ответвления трансевразийского транспортного коридора. Кроме того, после вхождения Крыма в состав РФ, актуальным становится вопрос о снабжении полуострова энергоресурсами, питьевой водой, продуктами питания и товарами, а также железнодорожного сообщения с материковой частью России.

Следует обозначить проблему исследования, как геополитическое значение проекта по строительству транспортного перехода через Керченский пролив, в плане соответствия его стоимости решению стоящих перед Россией политических и экономических задач.

**Анализ исследований этой проблемы.** Внимание исследователей в основном уделялось историческим аспектам строительства мостового перехода через Керченский пролив. Так, в коллективной монографии дан анализ первой попытки сооружения моста. [1, С.284-296] Показан рискованный и сложный характер проекта, с учетом специфических природно-гидрологических особенностей Керченского пролива.

Геополитическим аспектам проекта сооружения мостового перехода посвящена статья В.А. Дергачева [2]. Можно согласиться с утверждением о том, что после его реализации может сформироваться одно из направлений Великого шелкового пути. Однако сложившиеся после 18 марта 2014 года геополитические реалии вносят коррективы в тезис о том, что реализовать проект можно «при значительных инвестициях и международном сотрудничестве, в первую очередь Украины, России, Грузии и Армении».

Россия, напрямую заинтересованная в сооружении мостового перехода, в сложившейся обстановке будет рассчитывать исключительно на собственные резервы по продвижению проекта.

Таким образом, ввиду стремительных геополитических изменений, в научной литературе в достаточной степени не отражен аспект соотношения издержек строительства мостового перехода через Керченский пролив для России, его геополитическим преимуществам.

#### **Цель и задачи статьи.**

Изучить соотношение геополитических приобретений России от строительства мостового перехода через Керченский пролив и экономических издержек реализации проекта.

Обобщить исторический опыт строительства мостового перехода через Керченский пролив, с акцентом на выявленные трудности.

Провести анализ экономических основ проекта строительства.

Выделить геополитические последствия реализации проекта для России.



*История вопроса*

Первый опыт по строительству моста через Керченский пролив возникла после освобождения Крыма весной 1944 года. Тогда из трофейных материалов (немцы планировали построить мост в годы оккупации полуострова, но не успели), к ноябрю 1944 переход был возведен, и по нему проследовали первые составы. Правда, непредсказуемая крымская погода и тут сказала свое слово: в феврале 1945 большинство опор моста были серьезно повреждены льдом, который пригнало из Азовского моря. Идея строительства мостового перехода вновь возникла на серьезном уровне после распада СССР, когда из-за нехватки паромов прекратилось пассажирское железнодорожное сообщение на линии Керчь-Кавказ. Техническое состояние паромной переправы позволяет сегодня осуществлять грузовые железнодорожные перевозки и транспортировку автомобильного транспорта. В зимний период, когда на Черном и Азовском морях нередки сильные ветры, поднимаются штормовые волны, которые парализуют работу переправы.

В начале XXI века развитию проекта мостового перехода помешал инцидент вокруг острова Тузла, принадлежность которого оспаривалась Украиной и Россией из-за особого намывного характера этого образования. Сильные течения и волны видоизменяют характер Тузлы, ставшей с течением времени из косы островом. Не ускорила темпы реализации проекта и неурегулированность правового статуса акватории Азовского моря.

С приходом к власти на Украине в 2010 году Виктора Януковича, было заявлено о необходимости постройки моста. Украинский лидер отметил тогда, что "Россия сейчас очень заинтересована в строительстве этого моста в связи с проведением Олимпиады Сочи-2014» [2]. Однако после 2010 года наступила пауза в реализации проекта, растянувшаяся на долгие три года. Украинский президент и Кабмин сосредоточили свои основные усилия на евроинтеграции страны, отчего-то полагая, что мост больше нужен России, а раз так, то и активность в этом вопросе должна проявлять она.

Возникший в октябре этого года перерыв в переговорах по подписанию ассоциации между Украиной и ЕС стимулировал переговорный процесс на украино-российском направлении. Кабмин Украины одобрил проект соглашения с Россией о совместных действиях по организации строительства транспортного перехода через Керченский пролив, уполномочив подписать этот документ с украинской стороны министра инфраструктуры Владимира Козака[3].

При анализе масштабного проекта строительства мостового перехода через Керченский пролив обращают на себя внимание его экономическая и геополитическая составляющие.

*Экономические основы проекта строительства*

Стоимость строительства проекта мостового перехода на последней презентации, состоявшейся в Ялте в июле этого года, была оценена в 3 млрд долларов[4]. Столь масштабные расходы объясняются тем, что переход включает в себя помимо железнодорожных путей автомобильную магистраль.

У автолюбителей есть альтернативный маршрут для того, чтобы попасть на полуостров: вдоль Азовского моря в направлении на Мелитополь и далее по автодороге через Чонгар, но он связан с дополнительным километражем потерей времени и перерасходом топлива.

В целом, постройка моста сокращает путь из Херсона в Новороссийск на 450 км. Планируется также транспортировать по новому мосту сжиженный газ в железнодорожных и автомобильных цистернах[5].

Серьезной геоэкономической причиной, прямо требующей строительства мостового перехода через Керченский пролив является логистика продуктов питания и товаров из материковой части России на полуостров. В настоящее время функционирует грузовая линия паромного сообщения Феодосия-Новороссийск, перемещение грузов по которой в одну сторону занимает 12 часов. Керченская же паромная переправа ориентирована на перемещение пассажиров. Следовательно, время, требующееся для доставки грузов, увеличивается еще и из-за определенных ограничений по тоннажу парома.

Если экономическая выгода и окупаемость автомобильной части моста через Керченский пролив достаточно ясны, то в отношении железнодорожной части существуют вопросы. Крымской экономике было бы выгодно привлечение дополнительного потока туристов, прибывающих на полуостров поездами с Краснодарского направления. Однако справится ли существующая на полуострове железнодорожная сеть с таким увеличением пассажиропотока?

Дело в том, что участок железной дороги ст. Крым-Джанкой протяженностью 209 км однопутный неэлектрифицированный, то есть его пропускная способность на сегодняшний день ограничена. Это касается как пассажирских, так и грузовых перевозок. Отметим, что за все время украинской независимости власть страны не озадачилась модернизацией этой железнодорожной ветки.

Без увеличения технической возможности транспортировки грузов на этом участке сложно говорить об успешной окупаемости проекта железнодорожного транзита через мостовой переход в Керченском проливе.

Уже сегодня ясно, что по состоянию железнодорожной инфраструктуры Крым не готов к увеличению потока грузов и пассажиров через мостовой переход в Керченском проливе.

Однако выход есть и это срочная модернизация до современного уровня железнодорожной ветки порт Крым- Джанкой для увеличения скорости прохождения отрезка и повышения его надежности.

Сложный характер акватории Керченского пролива, повышенные требования к безопасности эксплуатации, возможные весенние ледоходы, комбинированный характер мостового перехода, определили достаточно высокую проектную смету на его возведение. По сравнению с первоначальными расчетами, сегодня стоимость проекта возросла и составляет от 283,2 млрд до 376,5 млрд руб (от 8 до 10,7 млрд долларов по текущему курсу –В.А.) [6].

#### *Геополитическое значение сооружения мостового перехода*

Геополитически возведение моста через Керченский пролив чрезвычайно важно. Безусловно, для современной России – это вопрос жизнеобеспечения всего Крымского федерального округа. Учитывая то, что проектируемый мостовой переход будет представлять из себя комбинированное сооружение с водоводом, дорожкой для пешеходов, автомобильной и железнодорожной магистралью, линией электропередачи и, возможно, газопроводом, это позволит добиться реальной независимости Крымского полуострова от поставок электроэнергии, продовольствия с материковой части Украины. Кроме того, учитывая географию железнодорожных транзитных путей, проходящих через материковую Украину в северный Крым, мостовой переход помогает создать надежную, независимую от страны-транзитера линию пассажирских и грузовых перевозок. Безусловно, это прямо скажется на росте туристического потока, росте производства на полуострове, улучшения состояния инфраструктуры и окупаемости вложений из федерального бюджета. В целом, реализация проекта создания мостового перехода через Керченский пролив позволит быстрее интегрировать Крым в социально-экономическую систему Российской Федерации.

**Выводы:** Проведенный анализ показывает, что геополитические приобретения России от строительства мостового перехода через Керченский пролив превышают экономические издержки реализации проекта. Особенно заметным это превышение становится в долгосрочной перспективе, по мере развития крымской экономики. Перспективным представляется дальнейшее исследование геополитических последствий сооружения мостового перехода через Керченский пролив в плане его стыковки с южным направлением транспортной магистрали «Великий Шелковый путь» (коридор Восток-Запад), следующий через Крым и материковую часть Украины в Западную и Южную Европу.

#### **Список литературы:**

1. Железнодорожные войска России. Кн. 3. На фронтах Великой Отечественной войны: 1941–1945/Н. Л. Волконский, А. Г. Дьячкин, Н. А. Зензинов, Е. Б. Сизов, А. Ф. Столяров, В. В. Яробков; под ред. Г. И. Когатько. — М.: «Стэх», 2002. — 336 с.
2. Дергачев В.А. Научные труды в семи книгах. Кн. 6. [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. — К.: Издательский проект профессора Дергачева, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска.
3. Янукович хочет построить мост к России через Керченский пролив [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/ukraine/janukovich-khochet-postroit-most-k-rossii-cherez-kerchenskij-proliv.html>
4. Кабмин одобрил проект соглашения с РФ по мосту через Керченский пролив [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://odnarydina.com.ua/content/kabmin-odobril-proekt-soglasheniya-s-rf-po-mostu-cherez-kerchenskiy-proliv>
5. Крымская газета. – 2013. – 9 июля.
6. Д. Ильюшенко Мост через Керченский пролив подорожал в шесть раз [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/industry/562949991666860>

*Kuzmina Violetta, PhD in History, PhD in Psychology,  
Associated Professor, of the Department of International Relations  
and Public Administration of South-West State University*

## ***The activities of the provincial intellectuals during the great patriotic war***

*Кузьмина Виолетта, к.и.н., к.пс.н. доцент  
Юго-Западный государственный университет*

### ***Деятельность провинциальной творческой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны***

В статье представлены новые сведения из центральных и региональных архивов, которые раскрывают и дополняют ранее известные факты об участии творческой интеллигенции в индустриальной модернизации страны на этапе ведения боевых действий с немецко-фашистскими захватчиками с позиции стимулирования трудовой мобилизации населения, поднятия духа, поддержки движения многостаночников и социалистических соревнований, перечислении денежных средств.

События Великой Отечественной войны не могли оставить в стороне деятелей культуры и искусства. Не явились исключением и представители творческой интеллигенции Центрального Черноземья. Сегодня, проанализировав значительный пласт литературных и архивных источников, можно с уверенностью говорить о вкладе писателей, художников, артистов в индустриальную модернизацию страны на этапе ведения боевых действий, восстановления разрушенных территорий после оккупации.

В работе использован модернизационный подход, являющийся продолжением цивилизационного подхода, позволяющего рассматривать культурно-нравственные явления в обществе во взаимосвязи с экономическими и общественными процессами. Представлены документы и материалы из региональных библиотек и архивов Центрального Черноземья.

Впервые в работах А.С. Ахиезера во всей полноте зазвучала идея о взаимосвязи нравственного и экономического в развитии общества. Благодаря А.С. Ахиезеру было доказано, что модернизацию нельзя изучать изолированно вне других процессов, происходящих в обществе, за исключением экономических. Для автора очевидно, что существует тесная взаимосвязь между культурой и социумом, социумом и экономикой и т.д.[1]. В теоретико-методологическом плане это приводит меня к мысли о необходимости рассмотрения деятельности творческой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны несколько под другим углом зрения, чем это было принято в отечественной историографии ранее.

Я не буду останавливаться на советском этапе историографии проблемы деятельности интеллигенции, поскольку об этом уже написано достаточно работ, отмечу лишь тот факт, что советские исследователи при написании научных работ, монографий использовали большую источниковую базу, благодаря которой можно сегодня говорить о значимой роли интеллигенции в советском обществе. Естественно, что вся эта «база» служила основанием пропагандисткой деятельности, но если мы эти аспекты опустим с учетом особенностей идеологии советского общества и цензуры, перед нами останутся некоторые значимые факты, которые, к сожалению, стали забываться современными исследователями, делающими активный упор на «коленопреклонение и конформизм» творческой интеллигенции в советский период[2].

Современная историография характеризуется следующими тенденциями: идет многоаспектное изучение взаимоотношений интеллигенции с властью, с представителями других смежных профессий, с народом, делается акцент на региональных исследованиях, что позволяет поднять большой пласт архивных материалов, которые ранее по разным причинам были недоступны исследователям. Что это дает нам сегодня? Широкое поле для анализа и сравнения выделения общих черт и особенностей, а все вместе это работает на одну главную идею о том, что нет незамеченных произведений, каждое из них внесло свой вклад в жизнь советского народа на разных его этапах.

Приступая к характеристике различных аспектов вклада творческой интеллигенцией в индустриальную модернизацию страны на этапе Великой Отечественной войны, хочу процитировать слова М.Пришвина «Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, – и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку Игореве». Но вот оно «Слово» лежит, и я знаю, по Слову этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а Словом все делается»[3]. Ведь насколько глубок этот тезис: интеллигенция и сама поначалу не понимала, насколько велика ее роль не только в организации морального, духовного сопротивления народа захватчикам, но и в стимулировании граждан страны на трудовой подвиг.

Для того, чтобы наше исследование было объективно, необходимо отметить, что поэты и писатели видели всю трагичность положения советского народа в годы войны, высказывались по этому поводу достаточно жестко и категорично, что отмечено в спецсообщении управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов»[4]. Относительно произведений Н.Асеева, точнее его книги стихов «Годы грома» (1943), в докладной записке начальника управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) В.А.Александрова содержится обвинение в «клеветническом изображении тыла», «описании власти мешанства над людьми», «необходимости побороть в себе чувство ненависти к врагу» и т.д.[5] Такие архивные документы говорят только о том, что писатели, журналисты видели всю сущность советской системы, но они понимали, что советскому труженику, солдату важно верить в побуду, которая в сознании людей связывалась с именем Сталина, верить в лучшие проявления души человека, поэтому и создаются во многом шаблонные образы советских героев и немецких врагов, но именно это дает веру человека в себя, в свои поступки.

В годы Великой Отечественной войны воронежский писатель А.Платонов был фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». За это время вышли в печати четыре книги военной прозы: «Одухотворенные люди» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Броня» (1943), «В сторону заката солнца» (1945). Его очерки и рассказы с неизменной подписью «Действующая Армия» постоянно печатались на страницах «Красной звезды» и «Красноармейца». В созданных им рассказах о войне сохраняется присущая А. Платонову неоднозначность оценок, атмосфера парадоксальности бытия, внутреннего конфликта человека и мира. Орловский писатель В.А. Мильчаков на войне прошел путь от солдата до офицера, участвовал в штурмах Бреста, Кенигсберга, Берлина[6]. Война застала орловского писателя Е.К. Горбова в Ельце сотрудником газеты «Сигнал». Здесь, в непосредственной близости от фронта, были написаны повести «Мирные жители» и «Любимый город», принесшие автору известность. Когда Орел был освобожден от фашистских захватчиков, орловский писатель Яновский стал посылать свои фронтовые очерки в «Орловскую правду». По живым впечатлениям написаны им рассказы об «Орловской битве».

Очень активно деятели культуры и искусства поддерживали движение многостаночников, социалистические соревнования и социалистические обязательства, которые по аналогии со стахановским движением ширились по стране в годы войны. Трудящиеся Орла, Воронежа, Курска принимали активное участие в социалистических соревнованиях, по результатам которых собранные средства перечислялись в Красную армию. На протяжении всей войны в каждом выпуске газеты «Правда» были подобные заметки о перечислении средств[7]. Например, крестьянка из села Манино Калачеевского района (Воронежская область) Марфа Ивановна Белоглядова в 1942 году внесла на строительство боевой техники 100 тыс. рублей[8]. На оборону отчислялись гонорары за напечатанные труды, сборы от концертов и лекций, передавались произведения живописи, музыки, литературы.

С энтузиазмом артисты драматических театров выступали на заводах. В тылу театр ощутил себя востребованным. Художественный руководитель Орловского драматического театра, режиссер и актер Михаил Михайлович Ляшенко уже после войны рассказывал: «Приехав из прифронтовой полосы в город Златоуст, мы ощутили новый ритм жизни. В городе много людей из Москвы, Киева, Ленинграда и других крупных центров Советского Союза. Эта новая обстановка, в которой должны были рождаться наши спектакли, протекать творческая деятельность театра, усилила у нас чувство ответственности: нам хотелось все силы, способности, умение отдать этим людям, дающим оружие для победы над врагом»[9].

Вклад артистов в индустриальную модернизацию страны на этапе ведения боевых действий заключался в перечислении денежных средств. Так, артисты Орловского драмтеатра, испытывая массу неудобств, неустроенность, нехватку продовольствия и другие лишения, тем не менее, умудрялись вносить свой вклад в фонд обороны страны, ежемесячно перечисляя свой однодневный заработок. С октября 1941 по декабрь 1942 года они передали на постройку танковой колонны «Челябинский

колхозник» 7060 рублей, на строительство эскадрильи «Советский артист» – 22826 рублей, эскадрильи «Челябинский артист» – 38539 рублей. А в январе 1943 г. коллектив театра внёс 25 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Орловский партизан». Артисты отправляли посылки на фронт, собирали подарки детям погибших[10].

Аналогичную работу проводили театры Воронежа, Курска, Белгорода. Представители творческой интеллигенции в районах, в колхозах совместно с крестьянами, рабочими принимали активное участие в сборе средств на строительство танков и самолетов. Так, Курский обком партии обратился с призывом к населению перенять эстафету тамбовских колхозников и оказать посильную помощь Красной армии[11]. В результате по области собрали к 10 марта 1943 г. 8094 тыс. рублей[12]. На собранные артистами деньги в помощь фронту был собран и послан гвардейцам танк Т-34 «Русская песня», который в боевом марше Гвардейской части прошел от Дона до Дуная и принимал участие в освобождении Вены от фашистских захватчиков.

Артисты драматических театров и филармонии также внесли свой вклад в мобилизацию народа на борьбу с немецкими оккупантами и на трудовой подвиг в тылу. Уже на третий день войны артисты Курской областной филармонии составили две бригады для облуживания воинов, отправляющихся на фронт. В основном артисты работали в воинских частях, но случались концерты прямо на железнодорожных станциях во время остановок эшелонов с бойцами, направляющимися на фронт через Курск. Также был организован театр миниатюр, где ставились одноактные пьесы, скетчи и анекдоты на сцене. Не было транспорта, выступать приходилось в самых отдаленных клубах, неотапливаемых, часто без электричества. Давали практически по 30 концертов в месяц[13].

Летом 1941 г. Орловский театр драмы был на гастролях в Чернигове. Когда началась война, артисты вернулись домой, нужно было перестраивать жизнь на военный лад. Несколько артистов театра ушли добровольцами на фронт и принимали участие в боях за освобождение Орла. В театре из тех, кто остался, формировались фронтовые концертные бригады. Артисты давали представления в воинских частях, госпиталях, в цехах заводов, где не было даже сценических площадок. Работали там, где была хоть какая-то возможность: есть пространство – значит, будет концерт. Понимали, как важно было в то время поддержать в народе силу духа и уверенность в скорой победе, ведь тогда, в начале войны, наверное, никому и в голову не приходило, что она окажется такой длительной и кровопролитной.

Сотрудничество с концертными бригадами развивало художественную самодеятельность в условиях фронтового времени, обеспечивая возможность активного отдыха для солдат. Например, в район станции Тербуны (по воспоминаниям участника войны, капельмейстера Воронежского добровольческого полка Н.Диденко) прибыла концертная бригада из Воронежа, которую возглавлял талантливый актер драматического театра им. Кольцова народный артист СССР С.И. Папов. Он читал перед воинами стихи К. Симонова, И. Уткина, отрывки из «Поднятой целины» М. Шолохова[14]. Также выступал виртуоз-баянист П.Краснобордин. В июне 1943 года в село Дуванку Ворошиловградской области приехал Воронежский русский народный хор под руководством лауреата Государственной премии К. Массалитинова[15].

Артисты, музыканты понимали значимость своей деятельности в период восстановления разрушенных территорий, поэтому они в составе концертных бригад одними из первых оказывались на заводах и стройках полуразрушенных городов Центрального Черноземья.

В данной статье были представлены факты из жизни и деятельности советской творческой интеллигенции, которая была равнодушна ко всему происходящему, и творила не только и не столько по заказу партии, пред страхом цензуры, а по внутреннему ощущению беспокойства за свою малую Родину. Ведь выступая перед сельскими жителями, перед рабочими, тружениками на полях и заводах, деятели культуры и искусств не ставили перед собой цель прославиться, заработать денег, их деятельность направлялась совершенно другими порывами. Поэтому сегодня нам не стыдно за своих земляков, мы гордимся пусть не масштабными, но такими нужными и важными на тот момент произведениями, которые смогли поднять не только боевой дух жителей Центрального Черноземья, но и мобилизовать большую часть населения на трудовой подвиг во имя победу нашей страны.

#### Список литературы:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России).Т. II. Новосибирск, 1998. -С. 281.

2. Кузьмина В.М. К вопросу изучения источниковой базы при исследовании вклада творческой интеллигенции Центрального Черноземья в индустриальную модернизацию советского общества // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №6. -С.180-186.
3. Саватеев В. Чувство Родины // Независимая газета. 2005. № 87. С. 3.
4. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВДо культурной политике. 1917–1953 гг. / под ред. А.Н. Яковлева. М.,1999. -С.488–499.
5. Докладная записка начальника управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) В.А. Александрова А.С. Щербакову о книге Н.Н. Асеева «Годы грома» // Вопросы литературы. 1991. №4. -С. 153–156.
6. Писатели Орловского края: Библиографический словарь. Орел: Орловское отд. Приокского кн. изд-ва, 1981.200с.
7. Правда. 1944. 12 марта. 12 марта. -С.2.
8. Коммуна. 1943. 8 июня.
9. Театр и война. К 60-летию Великой Победы (электронный ресурс) // Режим доступа [\[http://www.oryol.ru/material.php?id=6905\]](http://www.oryol.ru/material.php?id=6905)
10. Театр и война / Электронный ресурс // <http://www.oryol.ru/material.php?id=6905>
11. Курская правда.1943. 9 февр.
12. ГАКО (Государственный архив Курской области) Ф.П. 12. Оп.1. Д.3136. Л.11, 11об.
13. Курский край: культура и культурно–историческое наследие. Т. 15. Курск: Учитель, 2002.- С. 189.
14. Анчиполовский З.Я. Вчера и сегодня кольцовской сцены. Воронеж, 1977.
15. Массалитинов К.И. С русской песней по жизни. Воронеж, 1981.- С.43–48.

*Cherkaska Daria, Borys Grinchenko., Kyiv University  
postgraduate student Department of Ukrainian history*

## **Creation of the Department of Archaeology, Taras Shevchenko National State of Kyiv**

After a wave of repressions 1930, Kyiv as an archaeological center has lost a significant number of qualified personnel. On the other hand, the Soviet archaeological science greatly expanded boundary of archaeological research throughout the USSR, including Ukraine. Therefore, training of professional archaeologists in Ukraine became a vexed point in pre-war period.

Thread of creation and activities of the department of archeology was sanctified in earlier publications. In particular, the first group of works are studies on the history of the University as a whole and separately faculties and departments. For the most these are works, dedicated to various notable dates (the 125th anniversary of the University [1] [2], the 150th anniversary of the University [3], 160th anniversary of the University [4], 170th Anniversary of History Department [5; 145-147]); this event also briefly overviewed in works devoted to the study of educational heritage of Lazarus Slavin [6; 40-50] [7;42-46], as the founder of the department of archeology, and in studies of the formation of specialist training in archeology and museology in the Soviet Union [8; 46-49] [9;93-97].

Lazarus Slavin was invited to Kyiv in 1938 as Deputy Director of the Institute of Archaeology of the USSR, at the time was already quite famous antic archaeologist, a disciple of the famous school of B. Farmakovsky. In addition, within Olbio expedition he actively collaborated with famous Ukrainian Soviet archaeologists: M. Boltenko, S. Magura, F. Kozubovsky, N. Makarenko and others. One of the main tasks of the scientist was the restoration of Kyiv as a center of archaeological science among scientists after cleansing and training of qualified personnel within the Republic. Almost immediately after moving to Kyiv, L. Slavin, from December 1939, begins teaching at Taras Shevchenko State University of Kyiv [10] at the department of ancient history as a teacher of archeology to the general rate of historians on an hourly basis [6;40]. The first results of his educational activities were reported by the Head of Department in 1940. Indicated that scientific work is carried out according to the plans of the department and without disabilities timelines [11;5], and as for research

of L. Slavin, indicated that in the same year, he mostly spent scientific work only for Academy of Sciences, corresponding member of which he was [11;8].

After USSR involved WWII (in 1941) National University was evacuated to the city of Kyzyl - Orda (Kazakh SSR) [12], where United Ukrainian State University-Union Committee for Higher Schools in the Council of People's Commissars of the USSR was created, in which classical archeology was held by professor of Kharkov University S. Semenov-Zuser [12;2], who for many years took part in the expedition Olbia. L. Slavin together with the Academy of Sciences evacuated to Ufa. Before he returned to Kyiv in mid-1944, after Taras Shevchenko State University of Kyiv resumed its work in extremely difficult conditions of wartime, limited in material and teaching base. In the memorandum of the Dean of Faculty of History in August 12, 1944 indicated consent to resume L. Slavin in his teaching from the new school year [13;2]. Confirmation of the agreement is also found in the note of 21 September 1944 [6;40]. Since October 1944, L. Slavin was appointed as a head of the department of ancient history. On the work of the department headed by L. Slavin was reported that L. Slavin, leading the Department of Ancient History, provided conscientious attitude to work of members of the department, systematic assistance to students in the form of consultation. In the chair were acquired scientific and educational supplies and books. The student group of archeology, which has worked satisfactorily, has been formed. The Department issued a textbook for students of archeology [14;2]; L. Slavin was set for an example as one of the best teachers of the department which studied qualitatively, was disciplined and demanding of himself and students, the report called him "a master of his craft" [14;3].

On December 19, 1944 under the decree of the Deputy People's Commissar of Education of USSR № 337 the Department of Archaeology at Taras Shevchenko State University of Kyiv was created and Slavin was appointed as the head of this department [6; 40-41]. It is hard to overemphasize the importance of this order for Ukrainian archeology. Kiev archaeological department became the third in the entire Soviet Union and the first in Ukraine [6;41]. L. Slavin as the head of a leading scientific institution of the Republic - Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, as no one else knew how much the country needs brainpower of training.

Since his move to Kyiv till the reorganization of the Department of Archaeology, LM Slavin read at different times following courses:

- Basics of Archaeology for all students of the History Department (1944 to 1970);
- The ancient cities of the Northern Black Sea;
- Kollokvyumy with Scythian-Sarmatians archeology;
- Iron Age;
- Antique Archaeology.

Most of these courses have been developed by the scientist. A course entitled "Fundamentals of Archaeology", although it was standardized across the USSR was creatively interpreted and adapted to the Archaeology of the USSR [15;20].

Creating the Department of Archaeology, L. Slavin invited serious archaeologists as lecturers - V. Danilenko as a specialist in primitive archeology and A. Dobrovolsky, as a specialist in Slavonic archeology and archaeological methods of research [16;1-2]. Both of these scientists later became Doctors of History and Head of Department in Institute of Archeology USSR.

So from 1944 we can say that the main goal of L. Slavin becomes integrated training of specialists for the study of archaeological sites, primarily in Ukraine. In fact, Department of Archaeology, and later Department of Archaeology and Museology Taras Shevchenko National University of Kyiv is the main base for training Ukrainian archaeologists, as well as an important research center. During his life, L. Slavin deviated from that goal and actually restored the Kiev archaeological school of its own scientists and teachers.

#### **References:**

1. Історія Київського університету / відпов. ред. О. З. Жмудський. - Київ, 1959. - 628 с.
2. Жмудський О. З. Київський університет за 125 років (1834-1959) / О. З. Жмудський. - Київ, 1959. - 63 с.
3. Киевский университет. 1834–1984 / под ред. М. У. Белого. – Киев, 1984. – 203 с.
4. Київський університет імені Тараса Шевченка (сторінки історії і сьогодення). – К.: КДУ імені Т.Г. Шевченко, 1994. – С. 107.
5. Самойленко Л.Г. Археологічний музей // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодення(1834-2004 рр.). Під ред. Г. Д. Казьмирчука. - К.: Прайм-М, 2004. - С. 145-147.

6. Самойленко Л.Г. Педагогічна діяльність професора Л.М. Славина / Л.Г. Самойленко // Археологія. – 2007. - № 1. – С. 40-50.
7. Малеев Ю.Н. Л.М. Славин как заведующий кафедрой археологии и музееведения КГУ / Ю.Н. Малеев // Мир Ольвии. К 90-летию проф. Л.М. Славина. – К., 1996. – С. 42 – 46.
8. Піоро І.С. Феномен кафедри археології в умовах Радянської України / І.С. Піоро // Мир Ольвии. К 90-летию проф. Л.М. Славина. – К., 1996. – С. 46 – 49.
9. Славин Л.М. Подготовка новых кадров археологов / Л.М. Славин // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. – 1952. - № 1.- С. 93 – 97.
10. Archive of Taras Shevchenko National University of Kyiv. Особова справа Л.М. Славина (1944- 1970 рр.), арк. 1-2 Листок учета кадров.
11. State archives of Kyiv. Фонд р–1246 Київський національний університет, Опис 13 Історичний факультет, Справа 2 Текстовий та статистичний звіти про науково-дослідну роботу кафедри за 1940 рік (кафедра історії СРСР), Аркуш 5 - 8.
12. State archives of Kyiv. Фонд р–1247, опис 1, спр. 30 Сведения об учебной работе кафедр на 1942/43 уч. год. Арк. 2.
13. State archives of Kyiv. Фонд р–1246, опис 13, спр. 7 Доповідна записка декана від 12 серпня 1944 р. Ректорові Університету про стан факультету, арк. 2.
14. State archives of Kyiv. Фонд р–1246, опис 13, спр. 10 Текстові звіти про організаційну, учбово-методичну та ідейно-виховну роботу факультету за 1944-45 учб. рік, Арк. 2 – 3.
15. State archives of Kyiv. Фонд р–1246, опис 13, спр. 533, Учбові програми з дисциплін кафедри затверджені на 1953-54 навч. рік. 20 арк.
16. State archives of Kyiv. Фонд р–1246, опис 13, спр. 56 Протоколи №№ 1 – 3 засідань кафедри за 1946 – 47 навч. рік. Арк.1-2 Протокол № 1 15.III.1947 р.

*Semenova Daria, Perm National Research Polytechnic University  
assistant professor, candidate of political science, the Department of Social Science*

## **Cognitive discursive features of the political identity's construct of the Russian Orthodox Church**

### **Когнитивно-дискурсивные особенности конструкта политической идентичности Русской Православной Церкви**

Проблематика исследования политической идентичности в современной политической науке становится все более обширной, затрагивая новые аспекты феномена: механизмы конструирования идентичности, тенденции развития и трансформации, субъектов процесса, и предполагает необходимость разработки новых подходов к исследованию, методик, в том числе и междисциплинарных.

В политической науке большинство исследований сосредоточены вокруг проблем определения понятия идентичности и связаны с необходимостью изучения таких сопутствующих категорий, как национальная идея, идеология, политическая мифология. Идентичность в подобных исследованиях рассматривается как средство сплочения нации (Э.Геллнер, С. Хантингтон). Б. Андерсон отмечает роль традиций и исторических событий, на основании которых конструируется идентичность [1].

В российской политической науке теоретические аспекты понятия «политическая идентичность» разрабатываются в трудах В.И. Пантина, И.С. Семеновко [2], В.В. Лапкина[3], И.Н.Тимофеева [4], А. Г. Хабибулина, Р. А. Рахимова, [5] В. Морозова. Идеологеме «Враг» а также проблемам соотношения позитивной и негативной идентичности посвящены работы Л.Б.Гудкова. Столкновению культурных альтернатив в процессе конструирования идентичности, а именно науки и богословия, посвящена статья Г. Миненкова [6], в которой автор констатирует возрастание роли религиозного измерения образования как ключевого средства формирования идентичности.



В процессе исследования политической идентичности необходимо учитывать, что помимо государства другие политические акторы также влияют на процесс конструирования идентичности. В России на протяжении многих столетий институт Русской Православной Церкви играл важную роль в определении национальной идеи и в определении идентичности. Обладая широкой собственной понятийной базой, системой ритуалов и символов, и, главное, опорой на традицию существования в роли высшего авторитета, легитимирующего политический строй, Русская Православная Церковь в современном обществе является важным политическим актором в сфере конструирования политической идентичности.

В данном исследовании целью является определение и применение методов изучения конструкта политической идентичности в дискурсе Русской Православной Церкви в современной России.

Задачи исследования:

1. С помощью предложенной методики предельно выделить ключевые элементы в основании политической идентичности.
2. Дать характеристику выявленным элементам.
3. Охарактеризовать конструкт политической идентичности, созданный Русской православной церковью в дискурсе.

Методологической основой исследования является совокупность теоретических подходов к анализу политической идентичности Б.Андерсена, Э.Геллнера, И.С.Семеновича, О. Ю.Малиновой, В.И.Пантина, И.Тимофеева.

Под политической идентичностью в исследовании понимается совокупность политических принципов, служащих основанием ответа на вопрос «Кто мы?», совокупность представлений, задающих уникальную сущность государства через соотнесение со значимыми «другими» («Мы-Они»), совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан и осознания ими своей политической общности.

Ключевыми характеристиками политической идентичности являются: изменчивость и изменяемость; неотделимость от процесса коммуникации и взаимодействия акторов; конструирование с помощью текстов, дискурсивных практик, языковых средств; сочетание различных контекстов, ролей, опыта, смыслов, концептов. Важно, что идентичность может конструироваться как самим индивидуумом или сообществом, так и извне, при этом внешние акторы и факторы могут оказывать большое влияние на процесс идентификации.

Вопрос конструирования политической идентичности неразрывно связан с понятием дискурса. С помощью дискурса формируются определенные реальности, конструирование идентичности происходит в дискурсе с помощью различных языковых средств, фреймов. Опираясь на работы Э. Лаклау и Ш. Муффа [7], в работе дискурс понимается как смысловое поле, как нечто, что предвосхищает любую действительную непосредственность, как область, где образуются смыслы и значения.

При анализе политического дискурса с точки зрения конструирования политической идентичности в исследовании используются идеи социального конструкционизма как направления в социальных науках, признающего первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира и собственного «я».

Эмпирическими методами исследования являются количественный и качественный контент-анализ Интернет – ресурсов, СМИ, когнитивное картирование, включенное наблюдение в социальных сетях.

Эмпирическую базу исследования составили: официальные документы РПЦ, официальные заявления представителей РПЦ; материалы качественного и количественного контент-анализа электронных СМИ, Интернет-ресурсы: сайты [www.patriarchia.ru](http://www.patriarchia.ru), [www.mospat.ru](http://www.mospat.ru) -официальные сайты Русской Православной Церкви, [www.pravoslavie.ru](http://www.pravoslavie.ru) - русский православный информационный ресурс, <http://www.hristianstvo.ru> - каталог православных ресурсов сети Интернет.

В данном исследовании рассматривается процесс конструирования политической идентичности Русской Православной Церковью в период с середины 2000 гг. до 2014 г.

В ходе исследования была разработана следующая методика обработки Интернет-материалов и анализа полученных данных. На основании совокупности определений политической идентичности были выделены смысловые кластеры: Мы (русские, россияне), Другие, История России, которые легли в

основу первоначального анализа материалов сайтов. В современной науке подобный подход получил название контекстный анализ политического дискурса. В результате контекстного анализа выявляются особенности смыслов отдельных составляющих политического дискурса, формирующиеся под воздействием внешних для него факторов (социально-экономических, культурных и политических условий). При этом признается, что дискурс объединяет смысловые элементы и практики всех сфер общественной жизни.

Процедура анализа состояла в следующем:

1. методом автоматизированной сплошной выборки были локализованы все контексты, в которых содержались слова, именуемые эти смысловые кластеры;
2. в рамках каждого контекста были выявлены ключевые слова, конкретизирующие структуру каждого кластера;
3. методом автоматизированной сплошной выборки были локализованы все контексты, в которых содержались ключевые слова, выявленные в пункте 2;
4. была посчитана статистика частотности ключевых слов на каждом сайте;
5. был проведен контекстный анализ употребления ключевых слов;

В ходе исследования с помощью представленной выше методики были проанализированы материалы сайтов Русской Православной Церкви, включая официальные заявления, материалы проведенных мероприятий, что обеспечило репрезентативность выборки. Помимо этого был проведен лингво-идеологический анализ политического дискурса.

Понятия, отражающие суть политической идентичности, были выявлены на основании сопоставления определений политической идентичности. Соответственно, ключевыми компонентами политической идентичности являются: «Кто мы» - основания принадлежности к политической общности, ценности и идеалы общества, представление о себе как нации и народе; «Другие», согласно Н.Б. Слободяник [8], опираясь на теорию Лаклау и Муффа, – это и враги, которых необходимо не только победить, но и уничтожить; и, с другой стороны, и соперники, т.е. те, с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся. "Соперник - это враг, но враг легитимный, враг, с которым у нас есть определенные точки соприкосновения». Также важным компонентом понятия политическая идентичность является понимание нашего исторического «прошлого».

При анализе текста мы опирались не на понятия связанные с самоидентификацией церкви (Мы - Церковь, РПЦ, представители церкви), а на внешнюю идентификацию, направленную на формирование, «Мы» - реципиента (Россия, русские). В ряде случаев внутренняя и внешняя идентификация будет совпадать.

В таблице 1 представлены наиболее часто употребляемые в дискурсе РПЦ понятия категории: «Мы». Также выделены самые распространенные характеристики и определения представленных компонентов. В таблице 2 перечислены ключевые понятия категории «Враги». В таблице 3 представлены исторические события, на которые РПЦ делает акцент в дискурсе.

Таблица 1

Категория «Мы»

КТО	КАКИЕ
Россия	православная, культурное многонациональное образование, великая, самобытная присутствует идея человеческой солидарности солидарное общество, общество социальной симфонии всемирный оплот традиционных семейных ценностей

Русский народ	Добро, жертвенность Наличие уникальных духовных ценностей, культуры, языка. Стойкость, храбрость, отвага, опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений, не раз определяли путь человечества на решающих исторических перекрестках,
Цивилизация	уникальная, самостоятельная, преемница Византии особый опыт многополярного и многоукладного бытия.
Святая Русь	единое духовное пространство, духовное единство многонациональное пространство Единство народа
Русский мир	великий, духовный цивилизационный. истинные ценности сила современного мира
Русская нация	дух Православия, уникальная, нравственная, духовная, с великой культурой и языком, историей Объединяет вокруг себя другие народы. существует поверх государственных и политических границ

Таблица 2

Категория Другие: «Враги»

КТО	ЧТО ДЕЛАЮТ
Враги церкви, православия= враги России = Антихристианские силы	Разрушают, дискредитируют, подрывают авторитет, желают духовно, психологически ослабить, предлагают грех, разрушение моральных устоев
Секты	Внушают, разлагают, навязывают чуждые для России ценности, разворачивают свою миссию, разделяют нас и по вероисповедному, и по национальному принципу, и по политическим взглядам
Радикализм, экстремизм, терроризм	уничтожают, расправляются, насаждают

Категория Другие: «Соперники»

Секуляризм	претендует на место религии стремится к искоренению религии, манипулирует рядом важных институтов в обществе
Либерализм	вседозволенность, игнорирует ценности большинства, неудержимое удовлетворение человеческих страстей и пороков, проявление греха

## Категория «История России»

Событие	Характеристика
Крещение Руси	возникает государственность, объединяет людей, объединение
Монголо-татарское иго	период тяжелейшего разорения русских земель губительное влияние нравственная немощь людей ненавистная рознь среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь
Куликовская битва	один из самых ярких примеров духовного единения нашего народа, соработничества на ниве государственного строительства и борьбы за национальную независимость объединение народа, земель
Смута	отсутствие легитимной власти, наказание страшное разорение русской земли внутренние усобицы, страшном опустошении, страна разорена, раздираема, политическая и духовная деградация, ужасающее, страшное зрелище самоуничтожения народа и самой страны терзала страну, труднейшее время повергло Россию в руины, люди потеряли жизненные ориентиры, разрушили свое государственное устройство, восстали друг на друга в междоусобных бранях
Установление дома Романовых	Воссоздание государства, Россия обрела второе дыхание, произошло огромное, колоссальное развитие национальной жизни, экономики, государственного строительства, освоения новых земель. Огромные силы, жившие в нашем народе, развернулись, и Московия превратилась в великое государство от моря и до моря, от океана до океана, с цветущей культурой и бурно развивающейся экономикой. превратилась в огромную семью народов, соединенную народом русским и верой православной.
Революция 1917 год	Насильственно Чудовищный никаких нравственных норм, безбожие
Великая Отечественная война	единение на фронте и в тылу героизм победа народа сила духа

Как мы видим категория «Мы» чаще характеризуется через прилагательные. По мнению исследователей, прилагательные являются одним из основных слоёв лексики, предназначенных для выражения оценки, в исследуемом дискурсе прилагательные положительной оценки преобладают над прилагательными отрицательной оценки.

Иная тенденция прослеживается при анализе категория «Другие» - в дискурсе она представлена в основном через глаголы, что придает особую динамику создаваемому образу. Лексическая семантика глагола позволяет открыто выражать эмоциональное отношение, желание, требование. Также глагол

позволяет отображать причинно-следственные связи между явлениями и действиями, позволяя актору объяснить, чем же опасен данный враг.

Согласно проанализированному материалу мы можем выделить узловые точки дискурса: справедливость, нравственность, патриотизм, солидарность, самоограничение, жертвенность.

Согласно Лакану - узловые точки, зачастую оказываются пустым означающим (англ. empty signifier), которое может быть заполнено содержанием ряда плавающих означающих вследствие артикуляции последних посредством цепи эквивалентностей. Также узловые точки характеризуются не столько насыщенностью значением сколько отсутствием содержания, что, как ни парадоксально, и содействует их роли структурирования и унификации дискурсного поля [8].

Господствующим означающим в категории «Мы» является Православие, благодаря именно этой категории узловые точки приобретают собственную степень значимости в дискурсе и выполняют определенную функцию в процессе конструирования политической идентичности.

В категории «Другие» и «История России» - господствующим означающим является духовность и единство. «Другие» противопоставляются категории «Мы» через господствующее означающее и логическая цепь выглядит следующим образом: «Мы» – духовные/единые, «Они» - разделяют, разрушают, отсутствие духовности.

В категории «История России» ситуация выглядит подобным образом. В периоды процветания Российского государства общество характеризуется как единое и духовное, в проблемные периоды мы встречаем понятия «падение духовности», «разъединение».

РПЦ определенно претендует на создание нового фундамента в основании политической и социальной системы. Констатируя крах идеологий, представители РПЦ пытаются реконструировать систему с доминированием религиозного мировоззрения и ценностями, которая, в принципе, исторически оказалась более стойкой, нежели другие системы.

Применение данной методики позволяет выделить основные понятия конструкта политической идентичности, выявить узловые точки и господствующее означающее, проанализировать их роль в дискурсе, что открывает новые возможности для исследования.

#### Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Sociolog/anders/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php) (обращение к ресурсу 20.11.2010)
2. Пантин В.В., Семенов И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация. [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/pantin.htm> (обращение к ресурсу 13.06.2014)
3. Пантин В.И., Семенов И.С., Лапкин В.В. «Идентичность в системе координат мирового развития» // Экспертно-аналитический портал Новости гуманитарных технологий. [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2699/>
4. Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskaja\\_politicheskaja\\_identichnost\\_skvoz\\_prizmu\\_interpretacii\\_istorii\\_2010-10-01.htm](http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskaja_politicheskaja_identichnost_skvoz_prizmu_interpretacii_istorii_2010-10-01.htm) (обращение к ресурсу 13.06.2014)
5. Хабибулин. А.Г. Рахимов. Р.А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. - № 5
6. Миненков Г.Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории [Электронный ресурс] URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:d64Cb37YaQoJ:belintellectuals.eu/media/library> (обращение к ресурсу 4.08.2011).
7. Chantal Mouffe. Artistic Activism and Agonistic Spaces. [Электронный ресурс] URL: <http://www.artandresearch.org.uk/v1n2/mouffe.html> (обращение к ресурсу 12.11.2009).
8. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа). Политическая лингвистика. - Вып. 2 (22). - Екатеринбург, 2007. С. 60-67

## **Max Weber's early reception in American theoretical sociology.**

*Катаев Дмитрий, ЛГПУ*

*доцент, кандидат соц. наук, кафедра социологии*

### **Ранняя рецепция Макса Вебера в американской теоретической социологии.**

Рассмотрение проблемы влияния социологических воззрений Вебера на развитие теоретической социологии в Америке, усложняется многочисленными и часто противоречивыми интерпретациями его произведений, появившимися в последние пятьдесят лет. Несмотря на то, что теоретики дисциплины часто ссылаются на него как основоположника предмета, это не означает, что веберовская социология действительно оказала значимое влияние на развитие американской теории. Напротив, основные течения американской социологии были и остаются несовместимыми с представлением о социологии немецкого ученого. Существует множество эмпирических работ инспирированных его произведениями, например, многочисленные историко-социологические исследования, но в теоретической социологии число таких работ невелико. При этом центральной темой в теоретической социологии выступает дилемма и даже конфликт между историческим подходом, с одной стороны, и формальным или даже формалистским подходом в социологии, с другой.

История веберовской рецепции начинается с опубликования Т. Парсонсом «Структура социального действия» в 1937 г. [1]. С этого перевода начинается в высшей мере селективное толкование Макса Вебера в американской социологии, так как со ссылкой на Парсонса, который перевел только первую главу «Хозяйство и общество», американский ученый оставил без внимания социолого-исторические, социально-политические и социально-экономические и другие теоретические и эмпирические исследования Макса Вебера. Ссылаясь на эту работу, Вебера, как и Дюркгейма и Маркса, стали рассматривали третьим в триумvirате социологических классиков. Но если влияние творческого наследия Маркса четко прослеживается в таких теоретических направлениях как неомарксизм и теория конфликтов, а труды Дюркгейма нашли свое дальнейшее применение в структурном функционализме, неофункционализме и неоеволюционных подходах, то социология М. Вебератакого эквивалентного продолжения не имеет.

Существуют фундаментальные труды Г. Грота, Р. Бендикса и других авторов, посвященные специальным вопросам веберовской теории, однако о едином веберовском направлении в социологии не может быть и речи [2, S. 332-367]. В последние пятьдесят лет веберовское наследие интенсивно исследовалось в США. Так, например, влияние протестантизма на экономическое, политическое и научное развитие эмпирически разрабатывалось и уточнялось [3; 4]. Однако наиболее тонкая дискуссия развернулась вокруг методологических трудов Макса Вебера. Это, прежде всего, относится к трудам Т.Бургера и Р. Коллинса [5;6]

О том, что веберовская социология не получила широкого распространения и направления в американской теоретической социологии, говорит тот факт, что в большинстве американских учебниках, в отношении классиков социологии в основном говорится о Марксе в связи с конфликтологическим подходом и Дюркгейме в связи с функциональным. Вебер же вообще не обсуждается. Как отмечает в предисловии один автор известного в Америке учебника «Структура социальной теории» Д.Тернер: «Я не упомянул этого интеллектуального гиганта, поскольку его произведения не инспирируют какую-либо перспективу для теоретической социологии» [7]. Таким образом, в американской социологии Вебера с одной стороны рассматривают как классика социологии, с другой, — говорится очень мало позитивного о значении его трудов для современной теоретической дискуссии в социологии.

Однако если обратиться к современным представителям теоретической социологии, то они внесли значительный вклад в развитие идей Макса Вебера. В особенной степени следует отметить профессора бостонского университета Стивена Колберга. Если первая его работа [9] посвящена блистательному анализу теоретико-методологических основ веберовской социологии с оригинальной

реконструкцией идеальных типов, их разработке и формированию в рамках сравнительно-исторической перспективы, то вторая работа посвящена в большей степени теоретическому обоснованию веберовской социологической программы (парадигмы).

Таким образом, несмотря на то, что ранняя рецепция Макса Вебера на раннем этапе имела скорее фрагментарный, незавершенный характер, то на современном этапе благодаря методологическому синтезу теоретических и материальных (содержащихся в самих произведениях) аспектов, американская теоретическая социология выходит на ведущие позиции в нео- и поствеберизме [10].

#### **Литература:**

1. Parsons T. The Structure of Social Action. — N. Y., 1937.
2. Zaret D. Max Weber und die Entwicklung der theoretischen Soziologie in den USA// Wagner G. (Hrsg.). Max Webers Wissenschaftslehre. — Frankfurt am Main, 1994. — S. 332.
3. Little D. Religion, Order, and Law, Oxford: Blackwell, 1970.
4. Nelson B. The Idea of Usury. Chicago: Chicago University Press 1969.
5. Burger T. Max Weber's Theory of Concept Formation. Durham: Duke University Press, 1976.
6. Collins R. Is 1980s Sociology in the Doldrums?//American Journal of Sociology 91, 1986.
7. Turner J.H. The Structure of Sociological Theory. Homewood: Dorsey, 1978.
8. Kalberg S. Einführung in die historisch– vergleichende Soziologie M. Webers. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag GmbH, 2001.
9. Kalberg S. Searching for the Spirit of American Democracy: Max Weber's Analysis of a Unique Political Culture, Past, Present, and Future. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2013.
10. Катаев Д.В. Актуализация социологии Макса Вебера в экономических теориях: проблемы интерпретации и рецепции. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 130: Научный журнал. – Спб., 2011. С. 244-251.

*Komf Evgeniya Valentinovna, Novosibirsk State Technical University,  
Assistant, The Faculty of Humanitarian Education  
Nurmahanova Aidana Marathanovna,  
Novosibirsk State Technical University, Student, The Business Faculty  
Rossomahina Ekaterina Vladimirovna,  
Novosibirsk State Technical University, Student, The Business Faculty  
Sushanskaya Christina Ruslanovna ,  
Novosibirsk State Technical University, Student, The Business Faculty  
Tishkevich Daria Aleksandrovna,  
Novosibirsk State Technical University, Student, The Business Faculty*

### ***The reasons of choice of higher education and specialty***

In the article consider the problem of choice of higher education and specialty by students. As result of made research the authors define the main reasons of choice of higher education and specialty.

#### **Statement of scientific problem.**

Quiet often young people have the idea about their future profession, but sometimes under the influence of public opinion and public stereotypes they could make wrong choice and go to wrong higher education. From the one hand, on the choice influence external factors connected with society, from the other hand, on the choice influence internal factors for that responsible young people.

**The analysis of researches of that problem.** At present moment there are no many studies obviously conclusions on this problem. Among its, studies concerning the motivation of getting higher education [1,2,3,4] and dynamics of value orientations of young people [5]. And there is need to continue studying this problem.

**The goal and the tasks of the article.**

Authors of this article had the goal to define the reasons that influence on the choice of higher education and specialty. The main tasks of study were next:

- 1) to choose main causes of getting higher education;
- 2) to define as the nearest entourage influence on choice of specialty.

**Main body.**

In March of 2014 was made the sociological research “The reasons of choice of higher education and specialty” among the students of the Business Faculty, first course, specialty “Economy”. As main method of research was used survey. All were questioned 40 students of first course in Novosibirsk State Technical University in the Faculty of Business.

As result of survey were known the main positions of first course students relatively the higher education.

There are three main causes decided them to get higher education in the opinion of questioned students:

- The higher education as guarantee of the future material welfare;
- The determination of higher education as basis of increasing of human intellectual level;
- Appreciation of higher education as element of human social status.

On students’ opinion, these are the characters that constitute the portrait of successful person.

In the process of research were determined main factors of choice of higher education and specialty.

As regards wishful and factual place of studies so 80% of the questioned went to that higher education and specialty that they wanted, accordingly, 20% planned went to another higher education and specialty.

From the beginning 10% of questioned planned to go only to free of charge education in higher education, 90% - purposefully went to charged education.

By the main criteria of choice of higher education need refer to:

- The level of learning process in higher education generally;
- Prestige of higher education;
- The activity of extracurricular students life;
- Parents opinion;
- List of matriculation.

And also during the research process were determined the main criteria of choice of specialty:

- Interested in specialty;
- the state of being relevant of specialty;
- recommendations of friends and acquaintances;
- Prestige of specialty.

As concerns the preparation to enter the higher education so most of questioned prepared to that independently (45%). Also among questioned less popular such methods of preparing as tutoring (32,5%) and attendance of access courses.

In the process of research was determined that more than half of questioned after they finish the university plan to work in their own field (85%). They think that their future profession is perspective and important on the labour-market.

With the statement “The best profession is that which most popular today” were agreed just 12,5 %. Most of them agree with this statement only just on 50%.

After the finishing of institute of higher education most of students plan to carry on business and fill a position of factory manager (65%). The small percent of students plan to continue the education (5%).

The main demands that matriculants make to the future profession are:

- Creative, interesting character of the work;
- Accordance with capability, skills;
- Possibility to get higher income;
- Possibility to achieve the appreciation, respect;
- Possibility to have top job and have the power.

**Conclusion.** The questioned students gave high values to the significance of the higher education. They separated three main causes of getting higher education: as guarantee of future material welfare: as basis of increasing of human intellectual level and appreciation of higher education as element of human social status. As a result were emphasized external and internal factors of choice higher education and specialty.

Students make the choice of higher education according to 3 groups of criteria:



External:

- Parents, friends and acquaintances opinions;
- General information about the institute of higher education (material and technical basis, the cost of education and so on).

Internal:

- Their own appreciations basis on their personal impressions.

Students focus mainly on two criteria when choose the specialty:

External:

- Important on the labour-market.

Internal:

- Personal interest by the specialty.

#### References:

1. Беляева О.С. Динамика мотивации получения высшего образования // Alma mater. 2013. № 4. - С. 23-25
2. Игнатъев В.И., Жандарова Я.В., Захваткина М.М. Выбор вуза абитуриентами и студентами в образовательном пространстве Новосибирска (на примере НГТУ) // Философия образования. 2010. Т.33, № 4. - С. 286-292.
3. Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации / ред.: В.И. Игнатъев, Е.Б. Мостовая. / Стратегические ориентиры образовательной подсистемы. Новосибирск, 2013. - С. - 157-188
4. Цылев В.Р., Дюмина Н.Н. Тенденции в изменении мотивов получения высшего образования у молодежи Мурманска // Социологические исследования. 2012. №2. – С.143-151
5. Комиссарова И.Г. Трансформация ценностных ориентаций российского студенчества: парадоксальность, социальные факторы и интерпретационные парадигмы // Сибирский социологический вестник. 2013. №1. - С.29-34

*Ignatyev Vladimir Igorevich, Novosibirsk State Technical University,  
Professor, Doctor of Philosophic sciences, The Faculty of Humanitarian Education  
Komf Evgeniya Valentinovna, Novosibirsk State Technical University,  
Assistant, The Faculty of Humanitarian Education*

### ***Breaking of the social space: information resonance effect***

The authors tests the hypothesis of the fault of social space. Examines mechanism, identified characteristics and stages of the break; examines agents forming strata virtual social space. Identification of the effect of "information resonance". Shows the interaction between the steep rise in volumes of information, intensity of information flows and education for social space based on restriction system of social interaction and turning it into an actual and virtual social actions.

#### **Statement of scientific problem.**

The global dimensions and complex character of crisis occurrences last time has generated acute interest to the quest of new approaches to explanation the nature of these processes. It appears that we deal with global shift, the essence of that is *breaking of the social space* [1]. The mankind has been formed in the second half of XX century as global wholeness, in the beginning of XXI century come to lose their wholeness.

#### **The analysis of researches of that problem.**

In the sociology the category "social space" use for the fixing of orderliness of social life that thought of as ordered interaction of some aggregate individuals-actors. The tradition of such interpretation of social space was laid the foundation by F. Ratzel, G. Simmel, E. Durkheim, R. Park, P. Sorokin, P. Bourdieu, M. Castells and others [2,3,4,5,6]. The unity and integrity of social space as the system of interactions founded on division on labour, sociality to the same degree as contradiction of group interests, social conflicts, political crisis, wars and revolutions. Social space doesn't break up but becomes transformed as a result of settlement of social conflicts. The new form of social life, which is just thinkable before the settlement of conflict as new "picture of reality", becomes the system of actual and prevailing practices after the transformation. However, the presence of these two structures of social space – thinkable and real (actual) – weren't fixed conceptions of social space which was known to us. Present descriptions of social space add up to the demonstration of mechanisms on basis of "move" individuals and stand in this space in accordance with patterns offered by society. In the research field is absent the picture (model) genesis of these patterns as samples and directions of movement. Patterns are the

components, fragments of some thinkable image, project of society following that means the individual's life in society. However, this picture – *appearance, illusion, false description hidden by images, myths and false knowledge of real existing of society.*

**The goal and the tasks of the article.** We offer to differ and separate visibility of social life as “social reality” from “social actuality” as real, factual, practical of its substance, absconded from observer is living in the world of everyday experience that forms the picture of “common sense” [7]. “Social reality” is a social world in that directly people and world live, that they see as it on the picture of “social reality”. On the picture of “social reality” figured in indissoluble unity observable facts of social life and thoughts-images, are explaining the unity of these facts. This is the world of desired, expected, mythic, remotely like its basis – social actuality. In this world people are the creators and designers of various forms most of them can't occur as they contradict the social actuality. Therefore the world of social reality is a probabilistic, unstable, ephemeral world. The most suitable definition for it is “virtual reality”. Actual realized social life. Let's define it as “actual sociality”.

**The main body.** All human history the social reality was the covering behind that hidden from the people social actuality. But it was organic unity of form and content, supplied with the wholeness of social space. We offer to define the social space as unity of social reality and social actuality (internal and external) and as method of subordination of its virtual action by the actual action. Virtual always was the mediator, included in action, subordinated by it, didn't equal to a practical action. But the informational epoch occurs and relation between virtual and actual replace with equal balance. On my opinion, have been occurred the transformation of basic “cell” of action's system, it turned into the system of actual and virtual action [8].

*Virtuality* in subject's action we consider not just as mental (thought) and thinkable by subject (action, focuses on thought), but thought (observation) about how he acts.

*Actuality* in action is that could be differ and correlate with thought-action as event of action that comprehend by acting subject [9].

What is the reason of such radical transformation of system of action?

From the middle of XX century is going the exponential growth of information. It produced the effects, that one can name “informational resonance”. What is its point? The growth of information leads to appearance the process self-creation of symbolic, imaginary social world (“social reality”) by the self-creation independent from social actuality its new possible forms.

Imaginary world begin to go in advance the actuality, the pictures of reality become more and more difficult and inconsistent by actuality. From the “material” constantly growing images arise new patterns of possible social practices, provoke its competition with settled forms of social actuality. Thus actual social action enters into contradiction with and confrontation with virtual action. World-system of virtual actions begins to turn away from the system actual-virtual and begin its own life. The formation of alternative, parallel social space takes place, new anti- institutional norms appears. Stable and increasing surplus of information generates anomia – oversupply of models for choice of role behavior [10]. Information as resource ready to carries out the function of individual arrangement of goal-achievement let the actor focuses not on the other but on the creating by him normative order. Permanent and increasing anomia provoked by growth of informational streams. It occurs the *informational resonance*. In this case the practice of actor determined not socially but individually. It is appearing new – virtual – social. Particular – parallel social space that may indicate as “virtual” becomes the source of social norms and control. Virtual space becomes autonomous, stop to be mediator inside the system of social interaction.

Informational resonance is a “wave” that transforms social space: differentiation and multiplication of number thinkable (imaginary) worlds of social reality increases turn into actual worlds; anomia and poly-orientation of actors growths; “zones of resonance” appear – strata of alternative social worlds (spaces); conflicts and disintegration of traditional space of social actuality growths. It appears the effect that we offer name the “space break-up”. The wave of informational resonance generates and four stages of breaking of the social space:

- 1) The stage of accumulation of critical mass of social information;
- 2) The stage of leap in the growth of information and appearance of informational resonance zones;
- 3) The stage of conflict that disintegrates social actuality and growth of virtual strata and its agents – actors of breaking;
- 4) The stage of differentiation (breakdown) of social space on the multitudes.

In the conditions of post-industrial economy the images but not the real things trade on the market. The economic process moves to the office of marketer and consultant, to the advertising agency and mass media

studio. It changes the structure of employment. Share of employment in the primary and secondary sectors of the economy reduces but share of employment in human services including mass media, marketing, consulting and advertising business grows. The simulation of things in advertisement begins to dominate over its own thing. It appears the simulation of innovation: for example, phenomenon of “model row”. It appears virtual producers - the new type of market agent. These are the producers of simulative economic practices (“designers of images”). It appears the virtual entrepreneur that simulates innovation – the creating of all the new images [11]. By the new agents may refer to representatives such as mass professions as office designer, specialist in corporate image, PR-manager. All of them participate in expansion of prices of the goods quicker than its cost and thereby are participating in virtualization (simulation) of economy as creating of the goods, provoking permanent inflation. Therefore economic crises had changed: now the growth of prices directly proportional to the growth of goods but not inversely, as long as in good price incorporates the “virtual cost”.

Agents of virtual social space differentiated on strata on basis of new characters - in the degree of stylization of consumption, knowledge of professional activity. Style as unity of image row is a system of images. Stylization turns consumption, knowledge and professions into image system. The ability to create and support image becomes the decisive factor in maintenance of status. New inequalities appear as consequences of competition of the stylizations. These new inequalities transform habitual laminar structure. It becomes fragmentary, multivariate and ephemeral [11]. That successfully manipulates by images or involves in this process always get relatively high social status. As a result he perceives the society first of all as field of symbolic practices.

These events of a newest capitalism named “glam-capitalism” we consider as further development of structure of virtual social space and growth of breaking of social space. On our opinion the main agents of its stratum of structure virtual space – glam-capitalists. By them step forth holders of copyright law and allied rights (on inventions, business idea, text, music, specific name and body). They control the most low-cost original investment brands. The second new stratum is supernova professionals – managers, designers, masters of style, consultants. Glam-capitalists differ from traditional bourgeois in that they quickly became rich and take life as “project”. Their style is intensive overconsumption. They constantly spend efforts on formation of product, attractive for consumer leaders of their status – the place among such leaders [12].

**Conclusion.** Thus increasing oversupply of information and lagging from its dimension of knowledge generates, finally, agents of uncertainty chaos and risk, i.e. forms programs of social interactions like virtual practices as short-time, unstable, non-planned, having absolutely probabilistic character.

#### References:

1. Ignatyev V. The Virtual Social Action: Social World System Collapse or New Social Order? // *Future Moves. Markets, Politics, and Publics in Global and Comparative Perspective. XVII World Congress of Sociology, Gothenburg, Sweden, 11-17 July, 2010.* - P. 47-48
2. Bourdieu P. Espace social et genese des classes // *Actes de la recherche en sciences sociales. №52/53, 1984.* – P.3-14
3. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen uber die Formen der Vergesellschaftung // G. Simmel. Bd 11. Frankfurt a. M.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва, 2000.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва, 2000.
6. Сорокин П.А. Система социологии. Т.2., 1920
7. Игнатъев В.И., Кузин С.А. Реальность как иллюзия действительности: к диагнозу состояния института образования // *Философия образования. № 3 (32).* – С. 57-65
8. Игнатъев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология.* – С. 91-104
9. Игнатъев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатъев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова: Новосибирск, 2009.
10. Giddens A. *The Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives.* London, 2002.
11. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. Санкт-Петербург, 2002. - С. 162; С. 191
12. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. Санкт-Петербург, 2008.
13. Игнатъев В.И. Системно-генетическая динамика социума. Новосибирск, 2007.

## ***King Arthur and the Holy Grail: Historical Realia or a Legend?***

The article is devoted to one of the most mysterious figures in English history – King Arthur. The publication focuses on the most debatable questions of his existence or non-existence based on the study of dictionaries, encyclopedias, theoretical and literary sources.

The history of any country has got a lot of mysteries. These mysteries often help us understand our present days better. The brightest example of it may serve the history of Britain which keeps a lot of myths and legends, a lot of tales about its national heroes. Some of those heroes are real, as King Alfred the Great, for example. And some are half real and half mythical.

Such is legendary King Arthur with his famous Round Table Knights whose life and deeds have always attracted not only historians but writers and poets, painters, theatre producers and film makers too.

According to the histories and the romances of the middle Ages, he was defending Britain against the Saxon invaders in the early 6<sup>th</sup> century. But modern historians are still debating his existence because the details of his story are mainly composed of legends. “And all legends are lies”- some of the historians think [Chesterton, p.24].

The earliest books on history telling King Arthur’s story are the *Historia Britonum*, *Annales Cambriae* and the *Gesta Regum* [Encyclopedia Britannica, vol.2, p.459]. Arthur’s name is also mentioned in early poetic works such as *Y Gododdin*, a Welsh poem.

International interest to legendary Arthur arose in the 12<sup>th</sup> century due to the book by Geoffrey of Monmouth *Historia Regum Britanniae (History of the Kings of Britain)*. At the same time, some Welsh and Breton tales and poems telling the story of Arthur had appeared earlier than this work. In those works Arthur was portrayed either as a great warrior defending Britain from human and supernatural enemies or as a magical figure of folklore. How much of Geoffrey’s *Historia* (completed in 1138) was borrowed from such earlier sources, rather than invented by Geoffrey himself, is unknown [Dee Finney].

In the 15<sup>th</sup> century Sir Thomas Malory became interested in the legends of King Arthur and the Holy Grail. This interest culminated in his famous book *Le Morte d’Arthur* [Malory T., 2007].

In Victorian times (1837-1901) one of the most prominent works of literature devoted to King Arthur was Alfred Tennyson’s *Idylls of the King* [Теннисон, 1903].

The legendary figure of King Arthur also inspired the writers of the 20<sup>th</sup> century, among them T.H. White *The Once and Future King* [White T.H., 1958], and the film makers of the 21<sup>st</sup> century (Steve Barron’s famous “*Merlin*”, for example) to create fantasy novels and fantasy films with King Arthur in the centre.

So it still remains uncertain whether Arthur was a historical figure. Most historians, writers and readers believe the medieval sources which say he was a 6<sup>th</sup> –century warrior and champion of Christianity, who united the British tribes against the Saxon invaders, died in the battle at Camlan c. 537, and was buried at Glastonbury [Britannica 2003. Ready Reference].

So, what are the main pros and cons advanced by historians?

As has been stated above, scientists have been debating for centuries the historical roots of Arthurian legend. Those who base their investigations on the above mentioned *Historia Britonum (History of the Britons)* and *Annales Cambriae (Welsh/Cambrian Annals)* consider Arthur to be a real historical figure, a Romano-British leader who fought against the invading Anglo-Saxons in the late 5<sup>th</sup> – early 6<sup>th</sup> century AD.

The *Historia Britonum* was written in the 9<sup>th</sup> century in Latin. Some scholars believe that its author was a Welsh cleric, Nennius by name. At least his name is mentioned in the full edition of *Encyclopedia Britannica*: “Nennius (fl 796) represents Arthur as a Christian warrior leading the kings of Britain against the Saxon kings of Kent. He enumerates twelve battles... The twelfth battle was in the Mount of Badon, wherein fell 960 men in one day of a single onset of Arthur; and no one overthrew them but he alone, and in all the battles he came out victorious” [Encyclopedia Britannica, vol.2; p.459].

Some investigators, however, doubt that the *Historia Britonum* can be considered a reliable source for the history of Arthurian times. Their arguments are as follows: “There is no other record of the 12 battles, but

Gildas, writing in 550, without speaking of Arthur, mentions the battle of Mount Badon as taking place on the day of his birth, which would be c.516. We may conclude then that Arthur was born about the end of the 5<sup>th</sup> century and that he was the general of royal armies fighting in South Britain” [Encyclopedia Britannica, vol.2, p.459].

As for the *Annales Cambriae (Welsh or Cambrian Annals)* compiled shortly after 956, they also connect Arthur with the Battle of Mount Badon which they also date to 516. So it becomes clear that the *Annales* support the idea that Arthur was a real historical figure. The *Annales* also mention the Battle of Camlan, in which Arthur was killed in 537 [Encyclopedia Britannica, vol.2, p.459].

The opponents of this approach think that the *Annales Cambriae* was based on a chronicle begun in the late 8<sup>th</sup> century in Wales. They also think that the Arthurian annals couldn't be added to it so early. They were more likely added in the 10<sup>th</sup> century and had never existed in any earlier annals. The Mount Badon description was probably taken from the *Historia Britonum* [Dee Finney].

All these facts made many recent historians exclude Arthur from their works on post-Roman Britain. For example, historian Thomas Charles-Edwards, Professor of Oxford who studied “Dark Ages” (during the Roman Empire), writes: “At this stage ... one can only say that there may well have been a historical Arthur [but ...] the historian can as yet say nothing of value about him” [Charles-Edwards Th., 2000]. It should be fair to mention that this is a relatively recent trend; historians of earlier times were less categorical though most of them had very little to say of heroic Arthur.

Such ideas gave birth to another school the representatives of which stated that Arthur had no historical existence. The above-mentioned Gildas, for instance, may be considered one of such scholars because having mentioned the historical battle of Mount Badon he didn't mention Arthur at all.

Another serious early historical source which also mentions the battle of Mount Badon without mentioning Arthur is the world famous *Ecclesiastical History of the English People* written by Saint Bede the Venerable who lived in the 7<sup>th</sup> – 8<sup>th</sup> centuries. His *Historia ecclesiastica gentis Anglorum* (the Latin name of the “Ecclesiastical History”) gained him the title of “The Father of English History” and is considered to be a very reliable source. So we can neither throw his opinion off the account nor ignore it.

Arthur's name is not mentioned in the *Anglo-Saxon Chronicle* either. And the Chronicle is a very serious historical document which was compiled on the orders of King Alfred the Great late in the 9<sup>th</sup> century. We can't ignore this fact either.

So it seems that some modern historians such as David Dumville or John Morris, for example, are absolutely right considering that: “... there is no historical evidence about Arthur; we must reject him from our histories and, above all, from the titles of our books” [Dumville D.N., 1995; Morris J., 1973]. Though it sounds a little bit categorical and doesn't leave space for further investigations.

So we have considered two diametrically opposite view-points on the problem of Arthur's real existence or non-existence.

There exists, however, the third approach to the problem. Some scholars think that Arthur was originally a fictional hero of folklore or even a half-forgotten Celtic God. And people ascribed to him different real deeds.

It is not even certain that Arthur was considered a king in the early texts. Neither the *Historia* nor the *Annales* calls him “rex” (the Latin for “king”): the *Annales* calls him “dux” or “dux bellorum” (the Latin for “leader of battles”) [Wikipedia].

There are very few historical documents for the post-Roman period. So a definitive answer to the question of Arthur's historical existence can hardly be given. Some places have been called “Arthurian” since the 12<sup>th</sup> century but no archeological evidence has so far been provided. Among the possible archeological proofs investigators name the Glastonbury Cross (Glastonbury is mentioned by many sources as the place where Arthur was killed) and the so-called “Arthur's Stone” (a stone found in Cornwall). But no convincing evidence has so far been produced to prove the identity of these artefacts. So it gives right to some investigators to declare that it is either forgery or the work of somebody's imagination.

All this makes us think that there are more enigmas and more mysteries about the figure of King Arthur than real facts. As G.K. Chesterton, a famous English writer of the beginning of the 20<sup>th</sup> century, wrote: “Indeed some allow that marvelous things were done, and that there may have been a man named Arthur at the time in which they were done; but here so far as I am concerned, the distinction becomes rather dim” [Chesterton, p.24]. Even such a reliable source as the full edition of *Encyclopedia Britannica* does not give a direct answer to the question whether Arthur was a real historical figure.

But still, the arguments provided by those who doubt the existence of such a person in the history of Britain seem to be the most convincing ones as the sources cited are very serious and absolutely reliable.

As the title of this article is “King Arthur and the *Holy Grail*” something should be said of the latter as there are many mysteries here too. The above mentioned novelist, journalist and essayist Gilbert Keith Chesterton in his “*A Short History of England*”, which was very popular in the 20<sup>th</sup> century, wrote in the chapter “*The Age of Legends*”: “A mystical materialism marked Christianity from its birth. ... Hence the scattering of relics was everywhere like the scattering of seeds. All who took their mission from the divine tragedy bore tangible fragments which became the germs of churches and cities. St. Joseph carried the cup which held the wine of the Last Supper and the blood of the Crucifixion to that shrine in Avalon which we now call Glastonbury; and it became the heart of a whole universe of legends and romances, not only for Britain but for Europe. Throughout this tremendous and branching tradition it is called **the Holy Grail**. The vision of it was especially the reward of that ring of powerful paladins whom King Arthur feasted at a Round Table, a symbol of heroic comradeship such as was afterwards initiated or invented by medieval knighthood. Both the cup and the table are of vast importance emblematically in the psychology of chivalric experiment. The idea of a round table is not merely universality but equality.

Rightly or wrongly, this romance established Britain for after centuries as a country with a chivalrous past. Britain had been a mirror of universal knighthood” [Chesterton, pp. 26-27].

The quotation is rather long and spacious but it couldn't be interrupted because it expresses the generally accepted view on this mysterious phenomenon.

Thus we read in *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language*: “Grail – a cup of chalice, which according to medieval legend was used by Jesus at the Last Supper, and in which Joseph of Arimathea received the last drops of Jesus' blood at the Cross; often used as a symbol of Christian purity or as the reward for Christian purity. Also called **Holy Grail**” [Webster's Dictionary, p. 613].

Almost the same characteristic is given in the full edition of *Encyclopedia Britannica*: “**Grail, the Holy**, the famous talisman of Arthurian romance, the object of quest on the part of the knights of the Round Table. It is mainly, if not wholly, known to English readers through the medium of Sir Thomas Malory's translation of the French *Quete del Saint Graal*, where it is the cup of chalice of the Last Supper, in which the blood which flowed from the wounds of the crucified Saviour has been miraculously preserved” [Encyclopedia Britannica, vol. 10, p. 604].

But the *Encyclopedia* denies the fact of Joseph's real existence and ascribes it to the pen of Robert de Borron: “...no story of Joseph of Arimathea exists in any legendary; it makes its first appearance in the romance of *Joseph of Arimathea* by Robert de Borron, composed in the closing years of the 12<sup>th</sup> century” [p. 604].

So it becomes evident that Joseph who was supposed to be the uncle of Jesus Christ as well as the Holy Grail were sooner the invention of literary men than real historical facts.

But still, some interesting additional information on the name of the cup is provided in *the Encyclopedia*: “The word *grail* undoubtedly originally signified *dish*; we read in an early French text of “boars' heads on grails of silver”, and Robert de Borron, the author of the first Christian Grail romance, represents it as the dish on which, at the Last Supper, the Paschal Lamb was served. ... This is certainly the primary sense of the word, which later on became attached to the varying manifestations of this mysterious object” [Encyclopedia Britannica, vol. 10, p. 604]. Further on it is said that *grail* may also be “a crystal vase, filled with blood” or “a stone ... the philosopher's stone, the stone of the alchemist” [pp. 604-605].

At the same time the Holy Grail is not mentioned either in Bible Dictionaries such as *Nelson's New Illustrated Bible Dictionary* /Nelson's ... Dictionary, 1995/ or *Dictionaries of Christian Terminology* that are available [Dictionary of Christian Terminology, 1995].

The interest to the Holy Grail has greatly increased after Dan Brown's best-seller “*The Da Vinci Code*” was published at the beginning of the 21<sup>st</sup> century [Dan Brown, 2003].

The above cited sources and the fact that the Grail isn't mentioned in Bible dictionaries and dictionaries of Christian Terminology make us agree with G.K. Chesterton that it's probably a traditional mystical symbol of Christian purity created by old legends and folklore.

As has been stated above, one of the earliest works of literature in which King Arthur's name was mentioned was the Welsh poem *Y Gododdin* (The Gododdin). As a matter of fact it was a collection of heroic death-songs. Investigators suppose that the author of this collection was the 6<sup>th</sup> century Celtic poet Aneirin. But the point is that very little information can be found on the contents of this literary work. It is only mentioned in some 12<sup>th</sup> and 13<sup>th</sup> century manuscripts. The original text of the poem has not survived. So those who study this period of Welsh literature state that *Y Gododdin* was a region where modern Edinburgh, the capital of Scotland,

stands. The expedition was sent from that place to take Catraeth (Catteric, modern Northern Yorkshire) from the invading Saxons.

The name of King Arthur first appears only at the very end of Aneirin's poem. But in the text of the poem a "boar" is mentioned and linguists say that another word for a "boar" is Artos (the Roman version of Arthur). And in various tales Artos was also mentioned [www.missglen.net/celtic/gododdin/introduction.html].

Other investigators of the same historical epoch state that Arthur was presented in the 6<sup>th</sup> century Welsh literature as a super-hero who protected Britain not only from the Saxons but also fought with super-natural forces, the personages of the Welsh Otherworld (Annwn is the way the Welsh Otherworld was called in the literary sources of the early Ages) such as giant cat-monsters, dragons and etc. [Dee Finney].

Unfortunately, the frames of the article do not allow giving a detailed account of all those literary works in which King Arthur was the main personage. So the main attention will be concentrated on the most significant works.

It has already been mentioned that the international interest to King Arthur arose in the 12<sup>th</sup> century owing to Geoffrey of Monmouth's Latin work *Historia Regum Britanniae* ("History of the Kings of Britain") written in 1147. And it has also been stated that Geoffrey places Arthur in the same post-Roman period as do the historical documents *Historia Brittonum* and *Annales Cambriae*. Arthur is one of the several British kings described by Geoffrey in his book up to the 7<sup>th</sup> century.

As is stated in the full edition of *Encyclopedia Britannica*, this book "was one of the chief sources for later biographies". Geoffrey "definitely introduces the mythical element by relating, among other events, the crowning of Arthur and his conquests abroad [Encyclopedia Britannica, vol.2, p. 459].

Geoffrey depicted Arthur as a king of Britain who defeated the Saxons and established an empire over Britain, Ireland, Iceland, Norway and Gaul. In fact, many elements and incidents that are now an integral part of the Arthurian story appear in Geoffrey's *Historia*, including Arthur's father Uther Pendragon, the wizard Merlin, the sword Excalibur, Arthur's birth at Tintagel, his final battle against Mordred at Camlan and final rest in Avalon. The 12<sup>th</sup> century French writer Chrétien de Troyes, who added Lancelot and the Holy Grail to the story, began the genre of Arthurian romance. In these French stories, the narrative focus often shifts from King Arthur himself to other characters, such as various Knights of the Round Table [/Dee Finney].

If one tries to tell some collective story of King Arthur based on different works of literature it would look approximately like this:

*Once upon a time there lived a cruel king, Uther Pendragon by name. He fell in love with the beautiful Duchess of Cornwall. He wanted to marry her so much that promised Merlin the Wizard to give him his son in case he married her. And when the boy was born Uther kept his promise. He gave the child to the wizard. In this way little Arthur became an adopted son of Sir Ector.*

*After Uther's death there was chaos in the country. Merlin the Wizard was afraid of the war and called all the English Barons in the largest church of London on the eve of Christmas. When the divine service was over they came out of the church and saw that a miracle stone had appeared in the square in front of the church. There was a sword in the middle of the stone and there was an inscription that read: "The one who will be able to take this sword out of this stone will become the King of England". Many men tried but the sword didn't even shake.*

*Many years later when everybody had already forgotten about the sword there was a tournament to which many brave knights had come. Among the guests of the tournament was Sir Ector with his son Kaius (Kay). A certain Arthur whom nobody knew but who as a matter of fact was Kay's foster-brother was accompanying them. He was Kay's friend and armour-bearer (sword-bearer). As it turned out, Kay had left his sword at home and Arthur was given the honour to return and bring it. But the house was locked because all the servants had left for the tournament. It*

was a shame for Arthur to return without a sword. Fortunately, he saw the stone in the square with a sword in it. He easily took the sword out of the stone and brought it to Kay. The latter immediately recognized the sword. It was Merlin's magic sword called Excalibur. It protected its owner during the battles. Some mysterious hand had once lifted it from the bottom of a bewitched lake. Kay showed the sword to his father and said that he would be the King of England from then on. But Ector understood everything and Kay confessed that he had lied. And when Arthur took the sword out of the stone another time it became clear to everyone who the real king was.

Arthur was a very just king. He did a lot of good for his country and for his people. Many noble knights had heard about his deeds and wanted to serve him. Those were strong and brave people but they often quarreled and this told badly on the life of the country.

But one day everything changed for the better. Arthur married beautiful Lady Guinevere. On their wedding day he got a present. It was an unusual table. 150 knights could sit at it at a time and as it was round in form they were all equal before God and the King.

Thus the brotherhood of the Knights of the Round Table was born. Once a year, on Pentecost (Trinity) Day noble knights from all over Britain came to the Camelot Castle and told about their deeds. In this way they proved their right to sit at the Round Table.

Camelot had become their nest - the nest of honour, nobleness and strength. Many noble knights gathered in Camelot. But one place at the Round Table was always vacant. It was called a "fatal" or a "ruinous" seat because only the most honest and the noblest knight could take it without making harm to himself and the others. And once such a knight appeared. On the traditional annual Pentecost (Trinity) Day when all the knights had taken their seats at the Round Table a handsome young man in white clothes came into the hall. An inscription "Galahad" immediately appeared on the back of the vacant chair. When Galahad took his seat, there was a thunderstorm, the shutters rattled and it became absolutely dark in Camelot. Suddenly a cup appeared on the table. It was covered with white cloth and some voice from the sky declared that the cup was the Grail and that until it lived in the world the brotherhood of the Round Table Knights would also live. No one could see the cup but the hall was filled with nice odours and different nice dishes appeared before the knights on the table. Then the Holy Grail was carried through the whole hall by some invisible hand and vanished. All those sitting at the table were spellbound and gave an oath to find the Holy Grail.

Looking for the Grail was not an easy thing. King Arthur's knights came across a lot of difficulties on their way. Only three of them: the invincible Perceval, the pure at heart Bors and the true knight Galahad reached the aim. The Holy Grail appeared to them as a reward for their courage. On seeing the Grail Galahad locked up into the sky and the Angels received him. Perceval and Bors saw a hand come down from the sky and take the cup. And since then no one has seen the Grail. The two knights returned to Camelot to tell everyone what they had seen.



*At that time Arthur was preparing to march on Rome. But he learnt that his nephew Mordredus (Mordred) - whom he had left to rule Britain - had married his wife Guinevere and taken the throne. He returned to Britain and took his last battle together with his knights. Mordredus was killed but Arthur was deadly wounded. He was taken to the isle of Avalon where he died of his serious wounds. His best knights followed him and shared the fate of their King.*

This is the story of King Arthur, his true and brave knights and the Holy Grail. The plot of the story remains almost the same in the early and the late works of literature but some details may be added and some may be left out. There exists a view-point that Arthur created Camelot as a nest so that his knights could, like birds, leave that nest in search of the Holy Grail. Those who think so also think that the myths and legends about Arthur and his Round Table Knights have been created to teach us look for the Grail. Even now, in the 21<sup>st</sup> century, there are people who seriously believe that the Grail is a real object hidden in a certain place and to find it we should have a certain code, a map and some secret information. Dan Brown's "The Da Vinci Code" tells one of such stories and is a vivid example of such a theory [Dan Brown, 2003].

Many of those who are interested in King Arthur think that "how much of this narrative was Geoffrey's own invention is open to debate. But whatever his sources may have been, the immense popularity of Geoffrey's *Historia Regum Britanniae* cannot be denied" [Dee Finney]. The influence of Geoffrey of Monmouth on the later medieval development of the Arthurian legend is difficult to overestimate. Many of its elements were borrowed and developed.

Much of the later Arthurian literature centres less on Arthur himself than on characters such as Lancelot and Guinevere, Perceval, Galahad, Merlin the Wizard and Tristan and Isolde.

The most attractive of these personages seems to be Lancelot, one of King Arthur's knights. The Russian reader knows this personage mainly from E. Schwartz's work "The Dragon" and the film "To Kill the Dragon" brilliantly made by Mark Zakharov after the play, with Alexander Abdulov starring in the role of Lancelot [Е.И. Шварц, 2008].

In the European literature Lancelot is considered to be one of the greatest and the most trusted of King Arthur's knights. On the other hand, he is ill famed for being intimate with Arthur's wife Guinevere for which sin he was not to see the Holy Grail.

As for Tristan, he was also King Arthur's knight according to the works of literature. He was said to be the nephew of King Mark of Cornwall and was sent to fetch Iseult (Isolde) back from Ireland to marry the king. But on the way from Ireland the young people fell in love and had to pass through many trials. Our contemporaries know the name through the famous opera "Tristan and Isolde" composed by Richard Wagner in the middle of the 19<sup>th</sup> century. Tristan is portrayed as a doomed romantic figure in the opera [Wikipedia].

Up to the beginning of the 13<sup>th</sup> century the works of literature on King Arthur were mainly poetic; later the legends were told in prose.

The name of Sir Thomas Malory and his immortal *Le Morte d'Arthur* have already been mentioned in this article. It is a piece of prose telling the entire legend in a single work in English in the late 15<sup>th</sup> century. Malory based his book – originally titled *The Whole Book of King Arthur and of His Noble Knights of the Round Table* – on the various previous romance versions. Most of the later Arthurian works are based on Malory's. But Malory's work, as well as Geoffrey's, was attacked by the critics from the view-point of the truthfulness of the events described [Malory, 2007].

What concerns the 16<sup>th</sup>, 17<sup>th</sup> and 18<sup>th</sup> century Arthurian prose or poetry, unfortunately, not much of the material available could be found. But in the 19<sup>th</sup> century the interest to King Arthur revived, especially in Victorian England. The name of Lord Alfred Tennyson has also been mentioned at the beginning of this article. His *Idylls of the King* tells the story of Arthur who wanted to make his kingdom ideal but failed through betrayal and human weakness. Here we meet all those who accompanied Arthur in other works of literature: Merlin, Guinevere, Galahad and others [Теннисон, 1903].

It has once already been noticed that not all the worthy names and works can even be mentioned within the framework of this article. It's possible to name only some of the key figures. Besides A. Tennyson, Mark Twain's satiric *A Connecticut Yankee in King Arthur's Court* should be mentioned [Twain, 2007].

Among the 20<sup>th</sup> century writers T.H. White's *The Once and Future King* deserves special mention [White, 1958]. The events are developing nearly in the same way as in all the books devoted to King Arthur but the title of the book sounds like a hint that King Arthur was a King for all times. It is supposed to be an

inscription on his grave stone. If so, the author of the inscription was a genius because the image of the legendary king has been living in people's minds and hearts through centuries and will never fade.

To crown it all it should be mentioned that the aim of this article was to reveal the role of King Arthur and his knights in the history of Early Britain. The results of the mini-research prove that one can't say for sure whether there was such a real king in the history of Britain because historians and literary men themselves doubt it greatly. And the opinions and the approaches differ. But in each concrete work we find convincing facts both pro and con.

But even if one is absolutely skeptical and considers those historical and literary legends "lies" or to be more tactful, the work of somebody's imagination, still one should respect the opinion of those who don't think so. It's on the one hand.

On the other hand, there is so much romanticism in Arthurian legends that one can't remain indifferent to his fate. It attracts like magnet.

And thirdly, Arthur and his brave and noble knights should serve the model of chivalry to modern young men as modern society lacks knights and knighthood.

#### **References:**

1. Brown Dan. The Da Vinci Code. – UK, 2003.
2. Charles-Edwards Thomas. The Welsh King and his Court. – Cardiff, 2000.
3. Chesterton G.K. A Short History of England. – London, 1917.
4. Dumville D.N. The Anglo-Saxon Chronicle. – Cambridge, 1995.
5. Malory Th. Le Morte d'Arthur. – USA, Penguin, 2007.
6. Morris J. The Age of Arthur. – NY, 1973.
7. Twain M. A Connecticut Yankee in King Arthur's Court. – UK, 2007.
8. White T.H. The Once and Future King. – UK, 1958.
9. Теннисон А. Королевские идиллии. – Санкт Петербург, 1903.
10. Шварц Е.Л. Дракон. – М., изд-во «Эксмо», 2008.

#### **Encyclopedias and Dictionaries**

1. Britannica 2003. Ready Reference.
2. Encyclopedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. Volumes 2 and 10. – Chicago – London – Toronto, 1957.
3. Nelson's New Illustrated Bible Dictionary. – Oxford University Press, 1995.
4. Russian – English Dictionary of Christian Terminology. – М., 1995.
5. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – NY, 1996.

#### **The Internet Sources**

1. Dee Finney. King Arthur and the Holy Grail <http://www.greatdreams.com/arthur.htm>
2. King Arthur's Knights <http://kingarthursknights.com/default.asp>
3. <http://en.wikipedia.org/wiki/Arthurian#References>
4. [www.missgien.net/celti/gododdin/introduction.html](http://www.missgien.net/celti/gododdin/introduction.html)
5. <http://en.wikipedia.org/wiki/>

*Kudaidergenova Zh. A., Kazakh National Pedagogical University  
named after Abay, Associate Professor, Doctor of Historical  
Sciences, Department of History of Kazakhstan*

## **The interconfessional tolerance in Kazakhstan**

*Кудайбергенова Ж.А., Казахский Национальный Педагогический  
Университет им. Абая Доцент, д.и.н., кафедра истории Казахстана*

### **Межконфессиональная толерантность в Казахстане**

Современная ситуация в мире характеризуется демографическими преобразованиями, крахом режимов тоталитаризма, позитивными изменениями в международной политике. Однако наряду с этим человечество сталкивается с такими реальными опасностями, угрожающими реализации прав и свобод человека и гражданина, как международный экстремизм, терроризм, обострение ксенофобии, национально-этнические и религиозные конфликты, международный терроризм. Острота этих глобальных проблем современного мира выдвинула на первый план необходимость сохранения целостности и многообразия современного мира. Избежать конфронтации цивилизаций, культур возможно лишь на пути диалога, отказа от индивидуального и культурного центризма, путем совместного решения трудностей, возникающих в развитии современного мира.

В этой связи нам представляется весьма актуальной тема межэтнической и межрелигиозной терпимости, толерантности в современном обществе. В представленной статье мы предпримем попытку исследовать дефиницию термина «толерантность», с исторических позиций проанализировать состояние межрелигиозных взаимоотношений в поликонфессиональном Казахстане, наметить перспективы совершенствования данного аспекта общественно-политической жизни современного общества.

Основные критерии «толерантности» и их показатели можно определить, исходя из определения самого понятия «толерантность» - активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культуры, нации, религии, социальной среды.

В 1995 г. представители более чем 185 стран подписали Декларацию Принципов Толерантности, в которой четко определили этот термин. Он формулируется следующим образом: «Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение; терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям) – это уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений[1].

Толерантность – терпимость по отношению к инакомыслию, чужим взглядам, верованиям, поведению, к критике другими своих идей, позиций и действий и т.д. Толерантность – это человеческая добродетель: искусство жить в мире разных людей и идей, способность иметь права и свободы, при этом, не нарушая прав и свобод других людей. В то же время, толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство, а активная жизненная позиция на основе признания иного.

Толерантность также требует предоставления каждому человеку возможностей для социального развития без какой-либо дискриминации. Это качество личности, которое является составляющей гуманистической направленности личности и определяется ее ценностным отношением к окружающим.

В то же время толерантность вовсе не означает безразличия к любым взглядам и действиям. Так, например, аморально и преступно мириться с расизмом, насилием, унижением достоинства, ущемлением интересов и прав человека. Нельзя мириться в том случае, если искажаются научные данные или сведения, экспериментально доказанные.

Если невозможно однозначно оценить, что лучше, что оптимальнее, где истина, то целесообразно уважительно и спокойно отнестись к инакомыслию, оставаясь при своих убеждениях.

Толерантный подход, как и толерантная личность, предполагает, что те или иные позиция и взгляд лишь одни из многих и не могут включать в себя все остальные. Эта ситуация не зависит от состояния или обладания знанием, а в равной мере и от социальной и политической позиции. Толерантная позиция и толерантная личность способны или хотя бы готовы допустить это различие и быть сторонником плюрализма. Собственно говоря, сама природа и проблема толерантности связаны с существованием различий и противоречий, а также возможностью конфликта. Но толерантность позволяет этой возможности не только не реализоваться, но даже и проявиться. Будучи порождением потенциальной конфликтности, толерантность не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах.

Толерантность не является универсальной категорией: ее содержание и границы, а также число adeptов среди рядовых граждан и активистов социального пространства различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов. Другими словами, терпимость к инаковости не является вневременной категорией и биосоциальной характеристикой человека и общества. Это есть приобретаемая и намеренно культивируемая личностная установка и коллективная позиция как реакция и условие существования сложных обществ. Это есть проявление зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований, а также международного сообщества в целом. Но было бы проявлением нетерпимости попытаться конституировать единое представление о границах толерантности. В одной культуре и политической традиции приемлемым может быть то, что в других условиях является неприемлемым. В одной социальной ситуации человек способен на проявление высокой степени толерантности, в другой - он может лишь быть обречен на терпение, не имея ресурсов, как материальных, так и эмоциональных, чтобы демонстрировать терпимость.

Толерантность - не есть панацея от всех человеческих пороков и социальных болезней, ибо ей постоянно противопоставляется нетерпимость к инаковости, в том числе в ее агрессивных формах. Терпимость - это не вседозволенность и всепрощение; она должна заключать в себе и активное действие, особенно в отношении крайних форм нетерпимости. Толерантность может сохранять и защищать себя путем подавления манифестной нетерпимости. Но было бы упрощением сводить толерантность только к принятию комплиментарных позиций или «иной толерантности». Сила и смысл современного содержания этого понятия должны заключать в себе в том числе терпимость к нетерпимому, если последнее не имеет целью разрушить сами основы толерантности, а тем более если это нетерпимое не обладает властью и ресурсом реализовать свою установку путем нанесения явного ущерба личности и обществу. Подавление частных и «мягких» форм нетерпимости от имени и во имя утверждения толерантности может означать конец самой концепции и политики толерантности.

На протяжении веков на исторической земле казахов перекрещивались судьбы многих народов – носителей различных культур, религий, традиций. В результате в Казахстане сложилась уникальная ситуация длительного мирного проживания представителей 140 этносов и 40 конфессий, сформировавшая в обществе устойчивые традиции толерантности.

Одной из характерных особенностей развития Казахстана в современный период является неуклонное возрастание роли религии в жизни общества. В республике сформировано поликонфессиональное пространство, в состав которого вошли все религиозные объединения традиционных для Казахстана вероучений (ислам, христианство) и новые организации нетрадиционных, ранее не представленных в Казахстане религиозных движений. Появились также псевдорелигиозные образования, способствующие проникновению в Казахстан религиозного экстремизма.

Основополагающие принципы взаимодействия государства и религии, а также взаимоотношений между различными конфессиями, определены Конституцией Республики Казахстан, которая в статье первой провозглашает нашу республику демократическим, светским, правовым и социальным государством. Законодательно утвержден принцип отделения религии от государства, в соответствии с которым:

1. Государство и его органы не вправе контролировать отношение своих граждан к религии и не ведут учета граждан по этому признаку.
2. Государство не вмешивается во внутриконфессиональную деятельность (если при этом не нарушаются действующие законы).
3. Государство не оказывает религиозным объединениям материальной или какой-либо иной, в том числе финансовой, поддержки.

4. Религиозные объединения не выполняют каких-либо государственных функций.

5. Религиозные объединения не вмешиваются в дела государства, а занимаются лишь вопросами, связанными с удовлетворением религиозных потребностей граждан [2].

В процессе построения демократического общества коренным образом изменились отношения между государством и религиозными объединениями. В соответствии с Конституцией Республики Казахстан и принятым в 1992 г. Законом Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» верующие получили возможность свободно исповедовать религию, не подвергаясь ограничению своих общечеловеческих и гражданских прав и обязанностей [3].

В Казахстане власть способствует развитию межконфессионального диалога, созданию климата взаимопонимания и толерантности между представителями различных вероисповеданий. В этих целях Совет по связям с религиозными объединениями при Правительстве, Министерство культуры, информации и общественного согласия, Комитет по делам религий при Министерстве юстиции содействуют проведению круглых столов, семинаров, конференций по вопросам межконфессионального диалога и веротерпимости. Существующие разнообразные связи между государством и религией позволяют последней оказывать влияние на решения властных институтов и общественную жизнь. Религиозные деятели участвуют в работе консультативных органов при Президенте страны (Ассамблея народов Казахстана) и акимах (малые Ассамблеи).

Примечательно, что Казахстан - одна из первых стран, в сложное время глобальных противоречий сумевших сделать идею духовного согласия реальной силой. Несмотря на сложности первых лет независимого существования именно наша республика в 1992 г. стала местом проведения I Всемирного конгресса духовного согласия. С тех пор в Казахстане 18 октября отмечается как День духовного согласия.

Сегодня религия в жизни казахстанцев играет значимую роль. Результаты социологических опросов показывают увеличение числа активно верующих. Динамика численности верующих, но не участвующих в религиозной жизни также имеет вектор устойчивого положительного развития. Суммарный процент верующих, по результатам национальной переписи населения 2009 г., составил 97% граждан Казахстана. Растет число людей, уважающих религиозные чувства верующих.

За годы независимости произошёл настоящий ренессанс религии в Казахстане. В 2009 г. численность религиозных объединений возросла по сравнению с 1991 г. в 6 раз, от 671 до свыше 4200. В Казахстане имеются следующие религиозные организации: 2369 официально зарегистрированных мечетей, подавляющая часть которых объединена в Духовное управление мусульман Казахстана; 299 официально зарегистрированных русских православных храмов; 83 официально зарегистрированных римско-католических прихода и связанных с ними организаций, 5 официально зарегистрированных греко-католических приходов; официально зарегистрировано 1267 организаций протестантской веры, которые располагают 543 культовыми сооружениями. В Казахстане проживает две группы баптистов: Союз Христиан-Евангелистов и Баптистов (Союз баптистов) с приблизительно 10 тыс. последователей и 227 зарегистрированными религиозными группами, а также Совет церквей христиан-евангелистов и баптистов (Совет церквей) с приблизительно 1 тыс. последователей. Совет церквей отвергает процедуру официальной регистрации по принципиальным соображениям. Другие официально зарегистрированные протестантские религиозные группы с заметным числом последователей - это пресвитериане, лютеране и пятидесятники, а также свидетели Иеговы и адвентисты седьмого дня; имеются также небольшие общины методистов, меннонитов, и мормонов. Также в республике имеется 5 синагог, 43 религиозные группы других конфессий, в том числе 4 буддистских, 12 отделений Общества Сознания Кришны, Церковь сайентологии, бахаисты, ученых-христиан и Церковь Объединения [4].

В Казахстане действуют 8 высших (в том числе 2 исламских, 1 католическое, 1 лютеранское, 4 протестантских), 6 средних специальных и 3 общеобразовательных духовных учебных заведений, функционируют постоянно действующие курсы при крупных мечетях и воскресные школы при церквях. В настоящее время в Казахстане работает 413 зарубежных миссионеров из 22 стран.

С учетом международного опыта западных стран по противодействию терроризму и религиозному экстремизму после террористических акций, совершенных в различных странах, возрастает необходимость совершенствования работы государственных органов по выявлению и пресечению функционирования религиозных объединений и зарубежных миссионеров, осуществляющих под прикрытием религии экстремистские действия.

Характеризуя религиозную ситуацию в Республике Казахстан, необходимо отметить, что она напрямую связана и определяется общим социально-политическим и экономическим положением

страны. С укреплением экономики и демократизацией общества ослабнет дестабилизирующий потенциал целого ряда нарастающих тенденций в религиозной сфере.

Одним из основных факторов стабильного общественного развития и улучшения благосостояния всех народов является мирный межконфессиональный диалог. Достижение межконфессионального мира является важным условием существования современного общества. Политика в сфере межконфессиональных отношений проводится Республикой Казахстан с учетом глобализационных процессов. По инициативе Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева в Астане состоялось три Съезда лидеров мировых и традиционных религий. В работе форумов приняли участие авторитетные представители ислама, христианства, иудаизма, синтоизма, индуизма, буддизма. Впервые в истории собрались вместе руководители мировых и традиционных религий и приняли совместные документы. Съезды стали существенным вкладом в глобальный процесс межцивилизационного и межкультурного диалога. Встреча за одним столом лидеров мировых конфессий явилась мощным орудием против нападков на религии и дискредитации отдельных религиозных учений. Успешное проведение форумов принесло зримые политические дивиденды Казахстану, способствовали повышению позитивного его имиджа на международной арене. Лидеры мировых и традиционных религий приняли Декларацию, в которой межконфессиональный диалог рассматривается как один из важнейших инструментов поддержания мира и согласия между народами и нациями, поддерживая усилия международного сообщества по продвижению диалога между цивилизациями.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в Казахстане сложилась уникальная модель межнационального и межрелигиозного согласия, толерантности, которая тем не менее требует мер по ее совершенствованию и распространению во всем мире.

Следует подчеркнуть, что инициатива Казахстана по созыву международного межконфессионального форума для многостороннего диалога и применения коллективных решений по уменьшению напряженности в мире получила всеобщее признание и широкую поддержку со стороны членов мирового сообщества и стала адекватным ответом на вызовы современности. Она открывает новые горизонты для использования огромного потенциала мировых и традиционных религий для укрепления мира и согласия между народами.

#### **Список литературы:**

1. Декларация принципов толерантности. 16 ноября 1995 г.  
[//http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/toleranc.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml)
2. Конституция Республики Казахстан. 30 августа 1995 г.
3. Закон Республики Казахстан "О свободе вероисповедания и религиозных объединениях". 15 января 1992 г. //Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1992 г., N 4, ст.83
4. <http://ru.wikipedia.org/Религия в Казахстане>.

## **Formation of the Irkutsk center of mica industry (1930s of XX C.)**

*Серебряник Инна Александровна, Иркутский государственный технический университет  
кандидат технических наук, доцент кафедры мировой экономики,*

### **Становление иркутского центра слюдопереработки (1930-е годы XX в.)**

В истории горного дела России ни одна отрасль, пожалуй, не имеет таких глубоких корней, как слюдяной промысел. В данной статье поставлена цель - изучить историю слюдяного производства в городе Иркутске.

Слюдяной промысел зародился на Русском Севере на рубеже X-XI вв., а к середине XVIII века слюдяной промысел стал приходить в упадок. Резкое снижение слюдодобычи традиционно связывают с широким распространением стекла, которое к тому времени вытеснило слюду. Ленинский план ГОЭЛРО (20-е гг. XX в.) вернул слюде прежнюю популярность. Только теперь она нашла новое применение – в качестве диэлектрика в электрических машинах и радиоаппаратуре.

В стране сложилась парадоксальная ситуация. Обладая огромными запасами слюды, СССР покупал ее за границей, например, в Германии. Германия же сама приобретала слюду у Индии и Америки, и соответственно, перепродавала ее по спекулятивным ценам. Импорт слюды в 1900-1904 гг. составил 75 тонн, 1905-1909 гг. – 153 тонны, в 1910-1913 гг. – 313 тонн [3; С.17]. То есть до революции промышленной добычи слюды в России не было. В годы гражданской войны ситуация принципиально не изменилась. В 1920-е годы началось так называемое «первобытное копанье» слюды с кайлом и свечой. Слюду добывали только с поверхности и переходили на другой участок.

Поскольку молодая советская республика нуждалась в слюде, необходимо было развивать слюдяную промышленность. Вместо примитивного ручного труда стали применять механическое бурение. Первая пятилетка – время рождения советской слюдяной промышленности. В этот период развернулись большие работы по разведке и добычи слюды. Уже в 1924 году началась ее добыча в Слюдянском районе, в 1927 году – в Мамско-Чуйском. В 1927 году на базе Института прикладной минералогии в Слюдянке был образован «Сибслюдтрест». С его созданием закончилась деятельность частных предпринимателей по добыче слюды. 17 сентября 1928 года по распоряжению Сибирского краевого Совета народного хозяйства «Сибслюдтрест» перевели в г. Иркутск. Позже он будет переименован в «Союзслюда».

Индустриализация требовала огромного количества минеральных ресурсов. Очень скоро добываемой слюды стало не хватать. В 1928 г. правительство приняло меры по активизации ее добычи. Если в 1927 году на Мамско-Чуйском месторождении добывали 7 тонн слюды, то к 1932 году добыча достигла 2216 тонн. К 1931 году добыча слюды Слюдянском месторождении достигла 3721 тонн [2; С.66]. Фактически с начала процесса добычи слюды в Иркутской области начинает развиваться промышленное производство, которое уже затрагивает не только интересы региона, но и российский и зарубежный рынки.

Изначально слюда с Мамских, Бирюньских и Слюдянских рудников обрабатывалась в мастерской Слюдянки. В 1929 году в г. Иркутске открылась мастерская по обработке слюды – слюдорезка [6; С.130]. Она располагалась в старом купеческом амбаре напротив бывшего мелочного рынка. Слюдорезка ютилась в нескольких комнатах. Штат рабочих и служащих мастерской насчитывал 150 человек. Труд был преимущественно неквалифицированным. В газете «Власть труда» от 25 января 1930 года (раздел Биржа труда) видим объявление о приеме на работу в слюдорезку в том числе демобилизованных красноармейцев, не имеющих квалификации.

Работали в мастерской преимущественно женщины, которые вручную расщепляли слюду на тонкие (0,1-0,6 мм) пластинки и обыкновенными ножницами обрезали дефектные части. Не была решена проблема малой механизации. Разгрузка сырья из ящиков, подача навесок на рабочие места проводится преимущественно вручную [4; С.31]. Отсутствие механизации, неквалифицированные работники, частые

простой делали производство крайне дорогим. Себестоимость продукции слюдорезки была на 85,5% выше, чем по промфинплану [8; С.124].

По решению Окружной партийной конференции Иркутской слюдорезке было выделено 465 тыс.рублей для проведения строительных работ и реконструкции. Реконструкцию провело предприятие «Промстрой». Было реконструировано здание бывшей библиотеки на улице Свердлова.

Уже 1930 году мастерские были преобразованы в производственное предприятие – «Иркутскую слюдяную фабрику им. 8 марта». Директором Слюдфабрики был утвержден тов. Горбатов.

Перед «Сибслюдтрестом» была, по сути, поставлена задача поднять СССР с 4-го места по вывозу слюды в мире на 1-е. Предполагалось, что ресурсов Восточной Сибири для достижения этой цели вполне достаточно. Перед трестом ставились следующие задачи: повышать добычу слюды на рудниках, использовать новейшие методы в разведке, перейти к миканитовому производству, подготовить профессиональные кадры и другие. В августе 1930 г. «Сибслюдтрест» закончил и предоставил проект фабрики по переработке слюды и производству слюдяных изделий. Предполагалась, что на фабрике будет работать 10,5 тыс.рабочих. Планировалось открыть следующие подразделения: обрезка, щипка, штамповка и изготовление разных изделий из слюды (миканитов). Фабрика будет механизирована отечественным и зарубежным оборудованием. Из-за границы будет получен 18-ти этажный пресс, а с заводов СССР будут заказаны 150 приводных прессов, 300 микрометров, 50 механических приводных ножей, 5 молотковых мельниц, 4 грохота и 5 воздушных сепараторов. Предварительная оценка проекта 2 млн.400 тыс. рублей (по данным газеты «Власть труда», №185 (3197) от 17 августа 1930 г.).

Необходимо заметить, что с 1925 по 1966 годы на территории СССР были открыты 13 специализированных фабрик по переработке слюды. Среди них фабрики в Ленинграде, Петрозаводске, Нижнеудинске. Причем почти у каждой фабрики были цеха и участки, которые находились, как на близких, так и отдаленных территориях. Иркутской слюдфабрике суждено будет стать самой крупной и самой оснащенной в СССР. Она была предназначена для обработки наиболее качественной слюды – мамско-чуйской (мусковит).

Основной задачей муковитовых фабрик было максимальное извлечение высокосортной слюды – телевизионной, конденсаторной, радиодетальной. Фабрика становится основным поставщиком электроизоляционной слюды в Советском союзе. Если в 1927-1928 гг. «Сибслюдтрест» добыл 1223,5 тонн слюды (82% от общей добычи в СССР), то за период с 1929 г по 1930 г. – 3439,1 (86,7%). При этом мощности все еще оставались недостаточными для выполнения плана по обработке слюды [8; С.125].

С 1932 года начинает работу филиал Иркутской слюдяной фабрики в Нижнеудинске. Изначально, это была мастерская со штатом в 30 работников, занятых щипкой уже не мусковита, как на Иркутской слюдфабрике, а флогопита Слюдянского месторождения. К концу года численность работников выросла более, чем в семь раз.

Развитие слюдяной промышленности имело стратегическое значение для страны, и планы ее развития были поистине грандиозными. В 1932 году трестом «Союзслюда» была принята первая технологическая схема обработки слюды. Ее составили на основе практики отечественных и зарубежных предприятий без каких-либо специальных исследований. И, если раньше основные операции по переработке очищенной слюды проводились на предприятиях электротехнической промышленности, то после утверждения схемы, основную функцию переработки стали выполнять слюдфабрики. Так в 1933 году был утвержден проект строительства Иркутской слюдяной фабрики стоимостью 3 млн.200 тыс. рублей.

В этом же году был построен новый корпус для щипки слюды. В 1934–1940 гг. сданы корпуса для помола слюды, главный корпус и новая электростанция. Строительство, как правило, велось в условиях нехватки стройматериалов. Оборудование монтировалось одновременно с реконструкцией. Страна жила под постоянной угрозой вражеского нападения, и развитие промышленной базы часто шло форсировано, без должной подготовки кадров. Руководители некоторых промышленных предприятий, в том числе и Иркутской слюдяной фабрики мало занимались вопросами подготовки кадров, не использовали такие формы повышения профессионально-технического уровня рабочих, как индивидуально-бригадное ученичество, курсы целевого технического назначения, клубы технического прогресса, школы коммунистических методов труда.

Первая пятилетка принесла желанные для власти плоды. Ценой больших вложений и усилий стране удалось освободиться от импорта слюды из-за рубежа и удовлетворять потребности промышленности только из собственных источников. За период 1931-1934 гг. в развитие слюдяной



промышленности было вложено 18 млн. 634 тыс. руб. К концу первой пятилетки (1932 г.), СССР занимал одно из первых мест в мире по добыче слюды.

Иркутская область стала центром слюдяной промышленности. Во-первых, тут сосредоточились две крупнейшие в СССР слюдяные фабрики — Иркутская и Нижнеудинская. Во-вторых, здесь же располагались два больших горнодобывающих предприятия — Слюдянское и Мамское. Все эти предприятия составляли большую часть слюдяной промышленности СССР. В Иркутске также располагался научный центр по изучению слюды.

В 1935 г. на Иркутской слюдяной фабрике впервые в слюдяной промышленности вводится производство полуочищенной слюды и ее щипка. В 1936 г. было освоено производство новых видов продукции, такой как электроотражатели, авиашайбы, конденсаторная слюда и другие.

К 1938 году на Иркутской слюдафабрике трудилось около 2000 рабочих и служащих, валовая продукция составляла 11717 тыс. рублей.

В 60-х годах начинает широко внедряться автоматика. Новейшее оборудование позволяет фабрике увеличивать выпуск радиодеталей и конденсаторной слюды. За 1967-1971 гг. производство радиодеталей возросло на 28%, конденсаторной слюды – на 26%. В производстве начинают использовать вторичное сырье. Это снизило себестоимость продукции и увеличило объем производства на 7,8%.

Таким образом, к середине XX в. Иркутская область стала флагманом добычи и переработки слюды в СССР. Самым крупным центром переработки ценного минерала являлась «Иркутская слюдяная фабрика им. 8 марта». Сегодня этот символ советской эпохи канул в лету. Однако сегодня можно говорить о возрождении спроса на слюду, в таких отраслях, как автомобилестроение (резинотехнические изделия, лакокрасочные материалы), строительство (отделочные материалы) и многие другие.

#### Список литературы:

1. Архив газеты Власть труда: [сайт]. URL: [http://ellib.library.isu.ru/vlast\\_truda/index.php](http://ellib.library.isu.ru/vlast_truda/index.php)
2. Волобуев Г.Т. Центр слюдяного производства в Красноярском крае // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы V Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru, 15 января - 15 мая 2009 года / Федерал. агентство по образованию, ГОУ ВПО "Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева". - Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. С. 65-78 .
3. Годы и люди слюдяной Мамы: (История Мамско-Чуйской экспедиции) / М. И. Верхотуров [и др.]; Иркут. гос. техн. ун-т . - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2000. - 324 с.
4. Дубенский А. М., Леонов С. Б., Вайнблат Я. Ш., Обогащение листовых слюд, Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1985. – 184 с.
5. Дубовик М. М., Либман Э. П. Две жизни чудесного камня: Из истории слюдяного промысла в России. — М.: Недра, 1966. — 188 с.
6. Дулов А.В. Памятники истории и культуры Приангарья. – Бимком, 1990. – 288 с.
7. Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд: доклады секции «Недра». Т. II. Новосибирск, 1928.
8. Прянишев Б.Г. Иркутская слюдяная фабрика в 1930-х гг. //Вестник Томского государственного университета - №2(14) – 2001. С.124-126.

## **The history of the refugee battalion formation of units Russian army General PN Wrangel in exile**

**Калядина Ирина Сергеевна,**

*старший преподаватель факультета экономики и управления,  
Воронежский государственный университет инженерных технологий*

### **История формирования беженского батальона из частей Русской армии генерала П.Н. Врангеля в эмиграции**

Изучение истории пребывания Русской армии генерала П.Н. Врангеля в эмиграции будет неполным без освещения вопроса о переходе военнослужащих на положение беженцев. Историографический анализ вопроса свидетельствует о пробелах в его изучении. При подготовке статьи были проанализированы: данные ГАРФ, мемуарная литература, периодические издания эмигрантов.

Первые несанкционированные случаи самовольного ухода из армии зафиксированы осенью 1920 г. 21 ноября П.Н. Врангель подписал приказ № 4185 о переходе на беженское положение: 1. Генералов, адмиралов, штаб и обер-офицеров (старше 43 лет), изъявивших желание покинуть ряды армии или не получивших назначения. 2. Офицеров, имеющих специальное высшее образование. 3. Штаб и обер-офицеров, солдат, предоставивших свидетельство о непригодности к службе. 4. Военнослужащих, имеющих 3-ю категорию в связи с болезнью или ранением [1].

На пароходах, в лагерях были открыты медицинские комиссии. Они рассматривали рапорты военнослужащих, желающих демобилизоваться по болезни или ранению, осуществляли их всестороннее обследование и выносили окончательное решение.

Причины оставления военнослужащими своих частей были разнообразны. Во-первых, материальные тяготы, «информационный голод», неопределенность будущего.

Во-вторых, в составе 1-го армейского корпуса числились люди, которые до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. принадлежали к тыловым частям и учреждениям. В Галлиполи они вынуждены были нести строевую службу, исполнять воинские наряды и т.д. В результате военнослужащие, не выдерживающие нового темпа жизни, переходили на беженское положение.

В-третьих, одной из причин стала пестрота частей. Характерно, что процент людей, оставивших службу в Корниловском, Марковском и Дроздовском полках меньше, чем в Алексеевском. В его составе находились части Самурского полка, 13 и 34-й дивизий. Управлять этими разрозненными частями было сложно, так как многие военнослужащие не хотели признавать новое руководство, подчиняться его приказам. Нередки были случаи дезертирства.

В-четвертых, отсутствие веры в успех дела, слабость духа, несогласие с основными задачами и идеями, объединяющими воинские круги.

Отношение руководства Русской армии к решению вопроса о переходе солдат и офицеров в разряд беженцев было неоднозначным. С одной стороны, Верховное командование препятствовало уходу личного состава. Практиковалось снятие военных с довольствия и приостановление рассмотрения их рапортов, издание газеты «Общее дело», на страницах которой велась открытая агитация против ухода из армии; отбирались теплые вещи (одеяла, верхняя одежда). Активизировала свою деятельность и контрразведка, секретные отделения которой появились во всех полках 1-го армейского корпуса. Все эти мероприятия вызывали возмущение солдат и офицеров, но вместе с тем особым образом дисциплинировали их.

С другой стороны, командирам частей, полков было запрещено удерживать в своих рядах слабых духом военнослужащих. Участник «галлиполийского сидения» Л. Владимиров писал: «Желающих

на комиссию оказалось...много, но пропускали только тех, кто был или мог бы оказаться вредным в деле сохранения армии...» [2].

12 января 1921 г. в Галлиполи был сформирован беженский батальон – «лагерь для слабых духом». Командиром назначен генерал-майор Б.П. Кочкин. Для управления батальоном и поддержания в нем дисциплины и внутреннего порядка в ведении Б.П. Кочкина находились 20 кавалерийских офицеров.

По своей структуре батальон представлял воинскую организацию: разделен на роты и взводы, во главе которых стояли командиры. Ежедневно проводились строевые занятия, назначались воинские наряды. Беженцы обязаны были носить военную форму, принимать участие в парадах, смотрах, подчиняться воинскому регламенту.

Попытки поддерживать в батальоне воинские порядки наталкивались на сопротивление беженцев. Первая волна военнослужащих, попавших в батальон, проявляющих какую-то активность, стремилась покинуть его ряды, воспользовавшись любым подходящим случаем для переезда в другие страны. К лету 1921 г. батальон представлял собой массу инертных, ничем не занятых людей, потерявших всякую перспективу в личной жизни.

Батальон жил особой, замкнутой жизнью. Внешние контакты были исключением. Это связано с тем, что беженцы с первых дней усвоили для себя психологию «обиды и неудовольствия». Ежедневно из батальона в адрес командования армейского корпуса поступали жалобы на неравномерное распределение продуктов питания и обмундирования. Однако, эти обвинения были беспочвенными. Беженцы получали продукты и вещи в том же объеме, что и строевые части 1-го армейского корпуса в соответствии с размерами, установленными французским интендантством. Кроме того, батальону оказывал помощь Американский Красный Крест.

Кадры беженского батальона составляла «пестрая» публика. Кроме бывших военнослужащих, в нем состояло немало людей, случайно оказавшихся осенью 1920 г. в Крыму и по различным причинам, эмигрировавших за границу. В батальоне числились так называемые «иностранцы» – люди, родившиеся и выросшие в России, служившие в ее армии, но по национальному признаку принадлежавшие к другим народам: румыны, поляки, латыши, литовцы, грузины.

В ноябре-декабре 1920 г. в батальоне находились 775 человек. Из них: 448 офицеров и 327 солдат [3]. До этого времени следить за пополнением батальона практически невозможно. Частые отправки беженцев и прибытие новых лиц не позволяют подвести общие итоги.

С 12 января по 1 августа 1921 г. в состав батальона влились 2875 человек: 796 офицеров и 2079 солдат [4]:

Таблица 1

Периодизация	Офицеров		Солдат	
	Переход в беженский батальон за месяц	%	Переход в беженский батальон за месяц	%
С 12 января по 1 февраля	88	0,91	56	0,37
С 1 февраля по 1 марта	16	0,16	27	0,18
С 1 марта по 1 апреля	15	0,15	11	0,07
С 1 апреля по 1 мая	91	0,98	57	0,41
С 1 мая по 1 июня	523	5,70	1875	14,18
С 1 июня по 1 июля	35	0,40	44	0,38
С 1 июля по 1 августа	28	0,32	9	0,08

Параллельно с пополнением батальона происходил отток беженцев. Одни поступали на гражданскую службу в Земский Союз, госпитали, мастерские, другие - уходили на сельские работы в соседние села и деревни. Все эти беженцы в официальных документах руководства батальона числились в «командировках». Некоторые лица исчезали в неизвестном направлении. Они были объявлены в «самовольной отлучке». Известны случаи, когда беженцы возвращались в батальон, но основная масса

навсегда покидала его ряды. Многие беженцы уезжали в Константинополь, Бразилию, Болгарию, Россию [5]:

Таблица 2

Направления движения	Всего	%	Офицеров	%	Солдат	%
В Константинополь	1517	41,05	481	38,57	1036	43,11
В Бразилию	268	7,36	176	14,11	92	3,83
В Сов. Россию	829	22,71	64	5,14	765	31,83
В Болгарию	121	3,31	90	7,22	31	1,89
В командировки	156	4,27	38	3,04	118	4,91
В самовольные отлучки	290	7,91	150	12,04	140	5,83
Вернулись в строевые части	187	5,12	68	5,45	119	4,95
В лазаретах	55	1,50	29	2,32	26	1,09
Состояло к августу 1921г.	227	6,29	151	12,11	76	3,16
Итого:	3650	100	1247	100	2403	100

Рост числа беженцев находился в прямой связи с политикой французского оккупационного командования, которое с первых дней поставило вопрос о необходимости «распыления» армии генерала П.Н. Врангеля и переводе военнослужащих в разряд беженцев. Открыто и официально велась агитация в этом направлении.

23 мая 1921 г. командир 1-го армейского корпуса генерал А.П. Кутепов подписал приказ № 323. Военнослужащие, желающие уйти из армии из-за слабого здоровья или по другим причинам, должны были написать рапорт на имя начальника своей части и в трехдневный срок покинуть ее ряды. Солдаты и офицеры, которые не воспользовались приказом, в будущем официально были лишены возможности покинуть армию. В случае самовольного оставления строевой службы военнослужащих арестовывали, сажали в тюрьму, а их дела поступали в ведение военно-полевого суда, который выносил окончательный приговор.

После опубликования приказа ряды 1-го армейского корпуса покинули около двух тыс. человек [6]. Эту информацию подтверждают архивные данные: с 24 по 27 мая в беженский батальон перешли 2057 человек: 432 офицера и 1625 солдат. В процентном отношении это выглядит следующим образом: 4,75% – офицеры и 12,53% – солдаты [7].

П.П. Перфильев в докладе о положении военнослужащих армии генерала Врангеля и русских беженцев писал о том, что во время опубликования данного приказа в Галлиполи находились 26 тыс. человек, из которых в разряд беженцев перешли 2300. «В течение 3-х дней были случаи, когда некоторые из офицеров записывались из строевых частей в беженцы и обратно из беженцев в полк до 40 раз» [8].

Таким образом, очевидно, что представленные выше данные дополняют друг друга. Относительно их достоверности не приходится сомневаться, хотя риск незначительной погрешности в цифрах существует.

После 27 мая 1921 г. переход военнослужащих на беженское положение фактически прекратился. Конечно, были случаи, когда солдаты и офицеры самовольно оставляли службу, становились беженцами по распоряжению начальника своей части, на основании пункта 2 приказа № 323 или по постановлению судов чести.

В конце мая французское оккупационное командование развернуло широкую агитационную кампанию за переброску строевых частей Русской армии и гражданских беженцев из Галлиполи в Болгарию. В результате 119 человек из беженского батальона: 88 офицеров и 31 солдат – добровольно дали согласие на отъезд [9]. В ответ генерал П.Н. Врангель сделал официальное заявление о том, что ответственность за дальнейшую судьбу этих людей, за порядок и дисциплину возлагается только на власти Франции, которые спровоцировали этот отъезд. 30 мая 1921 г. Главнокомандующий подписал специальный приказ № 358 [10]:

«Приказываю:

1) Командирам корпусов немедленно предложить всем желающим перечислиться из частей в беженские лагеря, назначив для записи трехдневный срок. 2) Объявить записавшимся, что они свободны отправиться куда пожелают, но пока они остаются в беженских лагерях на казенном пайке, они обязаны подчиниться порядку, установленному в лагерях. 3) Строжайше воспретить возвращение в части из беженских лагерей обратно. 4) Тех, которые, не записавшись в указанный срок в беженские лагеря и оставшись в частях, будут самовольно оставлять ряды армии, арестовывать и предавать военно-полевому суду, как сознательно вносящих разложение в части. 5) Командирам эшелонов под личную ответственность вменяю в обязанность не принимать на посадку отправляющихся одиночным порядком, а будут таковые посажены французскими властями – по прибытии в порт немедленно о них докладывать Русскому представителю в пункте высадки...»

По своему содержанию приказ «копировал» основные положения предшествующего и ставил точку в вопросе о переходе военнослужащих в разряд беженцев. Приказ произвел глубокое впечатление на войска: немногие решались теперь покинуть ряды армии, «запятнать свою честь» перед остальными сослуживцами и Верховным руководством.

Подводя итоги, необходимо отметить, что переход военнослужащих на беженское положение начался с первых дней эмиграции. Солдаты и офицеры оставляли строевые части вследствие следующих причин: осознание бесцельности дальнейшего противостояния советской власти, отсутствие веры в успех общей борьбы, пестрота частей, тяжелое материальное положение. Командование армии, с одной стороны, препятствовало переходу военнослужащих на беженское положение. В соответствии с его приказами ведущие периодические издания открыто развернули агитацию против ухода из армии, активизировала свою деятельность и контрразведка. С другой стороны, командирам всех воинских подразделений строго запрещалось препятствовать уходу военнослужащих, представляющих прямую угрозу для сохранения армии.

Анализ архивных документов и материалов позволяет сделать вывод о том, что переход военнослужащих 1-го армейского корпуса на положение беженцев не был масштабным. Всего в беженцы записались 5446 человек. Из них: 1730 офицеров и 3716 солдат. Основной отток военнослужащих пришелся на май 1921 г. Именно тогда был опубликован приказ генерала А.П. Кутепова № 323, регламентирующий правила перехода солдат и офицеров на беженское положение. Параллельно оттоку военнослужащих из строевых частей происходил обратный процесс. В ряды корпуса возвратились 187 человек: 68 офицеров и 119 солдат.

#### **Список литературы:**

1. Бюро русской печати в Константинополе. Бюллетень от 12/25 ноября 1920 г. № 379. - С. 1.
2. Владимиров Л. Возвратите их на Родину. М., 1924. - С. 22.
3. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 141. Л. 584.
4. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 141. Л. 588-589.
5. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 141. Л. 591.
6. Львов Н.Н., Даватц В.Х. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. - С. 87.
7. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 141. Л. 599.
8. Русская военная эмиграция 20-40-х гг. Документы и материалы. Т.1, кн. 2. М., 1998. – С. 64.
9. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 141. Л. 592.
10. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; Расселение армии // Зарницы. – 1921. № 13. – С. 7.

## **"Region" and "regionalism": theoretical approaches and importance in the context of federalism**

*Раньжина Ирина, Волжский гуманитарный институт (филиал)  
Волгоградского государственного университета,  
доцент, кандидат политических наук, экономико-математический факультет*

### **«Регион» и «регионализм»: теоретические подходы и значение в условиях федерализма**

В статье рассматриваются теоретические подходы в определении сущности понятия «регион» и «регионализм» на фоне федеративного устройства. Определяя «регион» как политико-правовую единицу государственного образования, можно заключить, что «регионализм» это неизбежный процесс федеративного государства, влияющий на формирование государственного устройства.

Центральное место в теории регионализма занимает понятие «регион» его основные характеристики и особенности определения. Однако в современной общественной науке это понятие имеет неоднозначную трактовку. С. Борисов выделяет наиболее распространённые характеристики понятия «регион», который исследователи определяют как: населения региона в целом; политико-административный истеблишмент региона; конкретный руководитель или сложившаяся группировка в региональном руководстве; отдельная ветвь или уровень региональной власти; территориальное подразделение общенациональной или трансрегиональной корпорации или социального сообщества в регионе. Характер таких корпораций сообществ может быть предельно разнообразен: финансовая или экономическая структура; политическая организация (партия, движение); этническая группа; профессиональная или отраслевая корпорация, конфессия и т.д. вплоть до криминальных сообществ [1].

Политологические аспекты понятия «регион» подчеркивает и известный исследователь региональной политики в ЕС А. Ландбассо, который пишет: «Если первый этап развития регионалистики характеризовался феноменологией, а второй - рационализмом и плюрализмом, то нынешний ... в своей основе идеократический, плюс к этому - он пронизан антропоцентризмом и одновременным отходом от так называемых общенациональных идей и доктрин... властно-правовой контекст, в который вписан данный регион, настолько важен, что может перевешивать даже материальные детерминанты» [2].

Исходя из многовариантности в подходах к определению «регион», понятие «регионализация» имеет также юридические, экономические, геополитические, исторические, культурные и иные трактовки этого сложного явления. Например, финский политолог П. Юкарайнен полагает, что под термином «регионализация» могут скрываться разнородные процессы, такие как движение за этнические права, сепаратизм, децентрализация государственного устройства, транснациональное сотрудничество соседних административно-территориальных образований, региональная сетевая интеграция и т. д. [9]

Западные ученые рассматривают регионализм в нескольких проявлениях:

под регионализмом понимается подход к проблемам социума с позиций интересов и потребностей регионов, их учет в экономике, политике, управлении, отказ от чрезмерного централизма и унификации. Регионализм в этом смысле получил особое распространение с 1950-1960 гг. в странах Западной Европы, где с этого времени региональные проблемы, интересы и потребности оказались в фокусе внимания национальных правительств – «нисходящий регионализм» - от центра к регионам [3]. В «восходящем регионализме» происходит самоидентификация самих региональных сообществ с характерными для них мироощущением, ценностями, идеями и практиками;

регионализм означает взаимодействие между государствами (некоего макрорегиона) или между отдельными частями (административно-территориальными единицами) той или иной страны, образующих соответствующие региональные группировки; их региональное сотрудничество, укрепление связей между ними [4];

регионализм как некая идеология региональных элит, стремящихся к достижению высокой

степени автономии/самостоятельности «своих» регионов в культурной, экономической, политической и иных сферах. М. Китинг [5], регионализм как особая идеология элиты зародился в эпоху модерна как своеобразная реакция на индустриализацию, интернационализацию, а отчасти также и на секуляризацию общественной жизни, причём как в многонациональных, так и в сравнительно гомогенных в этническом отношении странах;

под регионализацией понимаются политические движения в рамках разных региональных сообществ, направленные на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей), либо на расширение уже существующих прав региональных сообществ. Так, Т. Хеглин обозначает термином «регионализм» формирующиеся и развивающиеся в регионах разнообразные протестные движения против политико-административного или экономического централизма; они могут быть сфокусированы на достижение целей как культурной, так и политической автономии, в ряде случаев – политической федерализации либо даже политической сецессии (образования новых государств) или ирреденты [6]. В этом случае регионализм объединяет федерализм и унитаризм, поскольку подобные процессы происходят как в федеративных государствах (Бельгия, Россия), так и в унитарных (Испания, Италия). Подходы к определению федерализма и унитаризма становятся прозрачными, по крайней мере, в подходе о распределении полномочий государственных образований границы стираются.

С. Тарроу писал: «Есть важное различие между регионализацией как политическим курсом или совокупностью политических курсов, регионализмом как идеологией государственного вмешательства и регионализмом как организационной основой для защиты периферийных территорий» [7]. Эту мысль развивает и Э. Маркузен: «Региональная политика может принимать разные формы. Во - первых, она может выражаться во внутренних конфликтах по поводу будущей эволюции региона. Во - вторых, эта политика может принять очертания общерегиональной оппозиции какой-то внешней силе, будь то другой регион, крупное государство или экономическая структура». В то же время, однако, было бы несправедливым сводить комплексный феномен регионализма к той или иной государственной реакции на какие-то внешние «раздражители» [8].

С политологической точки зрения регионализация может быть определена как тенденция развития социума, предполагающая ослабление власти централизованного государства и усиление властных полномочий юридически оформленных (или не оформленных) территориальных общностей различного типа. Поэтому регионализация в рамках федеративного государства можно трактовать как совокупность процессов реформы власти по линии «центр - периферия» и регионализм определять, как федеративный. В.В. Алексеев определяет регионализм как политико-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав [10]. Представляется, что в данном случае автор использует узкодисциплинарное понимание понятия и применяет его для универсальной научной категории.

Исходя из эволюционного подхода к определению понятия «регион» Б. Хеттне и Ф. Содербауму в действительности удалось в какой-то мере упорядочить разношерстные взгляды на эволюцию региона и региональные макропроцессы. Как и другие социальные комплексы, региону свойственны рост и развитие, стагнация и упадок, протекание таких региональных макропроцессов, как регионализация и регионализм.

Практически все региональные подсистемы прошли в своём развитии пререгиональную стадию и многие находятся на стадии регионализации. Сама по себе регионализация – процесс противоречивый. Некоторые исследователи, например, считают, что она является синонимом понятию «региональная экономическая интеграция» [11]. Регионализация, таким образом, относится к процессам, имеющим эмпирический характер и приводящим к становлению относительно целостного региона.

Институциональный подход выражается, в том, что среди политических институтов наряду с государством особое место занимает регион, обладающий разветвлённой структурой органов власти, каждый из которых, в свою очередь, является институтом. Это органы законодательной, исполнительной и судебной власти, прокуратура и т.д. В регионе, как и в государстве сосредоточена политическая власть, именно поэтому регион в данном контексте следует рассматривать как политический институт в рамках федеративной парадигмы.

Примером развития региональных институциональных систем является Бельгия, будучи де-юре монархией, вступила в период политической модернизации в 1970 г., начав политические изменения с пересмотра конституции [12]. Причиной изменений послужили острые противоречия между двумя

основными этнолингвистическими общинами — фламандской и валлонской. Началась замена унитарной структуры (унаследованной ещё от первой конституции 1831 г.) на общинно-региональную.

В 1974 г. в Валлонии, Фландрии и Брюсселе были созданы региональные министерские комитеты. Однако в действительности эти комитеты оказались способными выполнять лишь консультативные и информативные функции. Традиционных унитарных принципов управления экономикой они изменить не смогли.

Институциональная система страны предусматривает, прежде всего, гарантии поддержания баланса между двумя доминирующими культурно-лингвистическими общинами. Хотя двухполярный федерализм и накладывает свой отпечаток на формирование и функционирование институтов, нельзя сказать, что, в отличие от многополярного, он обречён на провал. Как справедливо отмечает А. Алэн, «двухполярность – это данность социологическая, которую невозможно изменить при помощи институциональных реформ» [13].

Двухполярность отражается на институциональной структуре. Так, правительство Бельгии формируется по принципу паритетного представительства от фламандской и валлонской национальных групп [14].

Регионализация, таким образом, представляет собой политический процесс, который влечёт за собой территориальную дифференциацию (фрагментацию) и определённое структурирование (упорядочение) пространства. В процессы регионализации в той или иной степени вовлечены все политические объекты и явления.

Регионализм нацелен на практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления федеративных современных обществ, а значит - создаёт условия для рационального распределения компетенции власти и производственных ресурсов среди различных групп населения. Поэтому можно сказать, что регионализм внутренне присущ всем типам современных федеративных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т.д. [15] Регионализм неизменно присутствует во внутреннем обустройстве общественных отношений и не всегда принимает облик какой-то конкретной линии поведения государства.

Особое значение в исследовании регионализма заслуживает структурный подход, в основе которого лежит метод системного и структурно-функционального анализа, разрабатываемые Д. Истоном, Г. Алмондом и Т. Парсонсом, нашедшие широкое применение в политической регионалистике понятие «территориально неоднородная (гетерогенная) страна (государство)». Структурирование государственного (как и любого другого политического) пространства называется регионализацией. Структурный подход означает, что в фокусе внимания политической регионалистики находятся неоднородность и иерархическое строение государственной территории.

Использование системного и структурно-функционального метода в подходе позволило предпринять углублённый анализ сложных объектов, образованных из более простых, и тем самым выйти на уровень изучения региональных социосистем. Социосистема представляет собой некое цельное образование, состоящее из ряда взаимосвязанных элементов, функционирование которых зависит от их расположения на территории (в пространстве) и от свойств внешней среды, а также из подсистем, каждая из которых выполняет определённые функции, что и позволяет рассматривать социосистему как своего рода «чёрный ящик».

Регионализм выражается посредством различных форм социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ, проявляющих себя в идеях, настроениях, действиях, намерениях, направленных на сохранение самобытности региона или повышение его статуса в системе государств-наций.

#### **Список литературы:**

1. Борисов С.В. Конфликты региона-лидера с центром. Сб. статей. Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия / под ред. Дж. Азраэла, Э. Паина, Н. Зубаревич. М.: 1997. С. 153-154.
2. Ландбассо А. К вопросу о теории регионального развития // Федерализм. 1998. № 1. С. 42.
3. Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. 26 с.
4. Иванов И.Д. Европа регионов. М.: Международные отношения, 1998. 92 с.



5. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 68.
6. Hueglin T. Regionalism in Western Europe. Conceptual problems of a new political perspective // Comparative politics. 1986. Vol.18. № 4. P. 448-449.
7. Плотникова О.В. Регионализм: некоторые подходы к определению / О.В. Плотникова // Власть. - 2012. - № 3. - С. 133.
8. Там же. С. 132.
9. Jukarainen, P. Any Space for the Postmodern Identity? / P. Jukarainen // Border Regions in Transition: International Conference (14-18 June, 1997), pg. 5.
10. Алексеев В.В. Регион-этнос-культура // Россия в XX веке. Проблемы межнациональных отношений. М., 1999. С. 90.
11. Плотникова О.В. Юго-Восточная Азия и интеграция // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Уч. пос. / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002. – с. 358.
12. Николая Легасс. Бельгийский опыт: пример федерализма путём разъединения. Практический анализ институциональной эволюции бельгийского государства // Казанский федералист. – 2004. - №1 (9). Электронный ресурс. Режимдоступа: [http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/9/#\\_ftn5](http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/9/#_ftn5)
13. Alen A. Belgium: bipolar and centrifugal federalism / Brussels, Ministry of Foreign Affairs, 1990. p.8.
14. <sup>1</sup>Статья 99 Конституции Бельгии (Консолидированный текст от 17 февраля 1994) (Moniteurbelge, 17 février 1994, deuxième édition) в редакции после пересмотра Конституции от 7 мая 2007 (М.В., 8 mai 2007).
15. Daniel Lerner. Some Comments on Center - Periphery Relations // Comparing Nations. The Use of Quantative Data in Cross - National Research / Ed. by Richard L.Merritt and Stein Rokkan. NewHavenandLondon, YaleUniversityPress, 1966.

*Zabolotna Marianna, Kyiv National Taras Shevchenko University  
Postgraduate Student of the Department of Modern and Contemporary History of Foreign Countries  
The Faculty of Historical Science*

## ***The Non-Proliferation in the Structure of the Foreign Policy Priorities of USA and European Nuclear States (1991-2014)***

*Заболотна Маріанна, Київський національний університет імені Тараса Шевченка  
аспірант кафедри нової і сучасної історії зарубіжних країн,  
історичний факультет*

### ***Значення нерозповсюдження у структурі зовнішньо-політичних пріоритетів США та ядерних держав Європи (1991-2014 рр.)***

Проблема нерозповсюдження ядерної зброї з кожним днем набирає масштабнішої актуальності для все більшої кількості держав і тому потребує вирішення в рамках широкої міжнародної співпраці.

Так, питання зовнішньо-політичних пріоритетів США та ядерних держа Європи у галузі нерозповсюдження є досить актуальним. Серед українських дослідників найбільший внесок у вивчення окремих аспектів даної теми зробив авторитетний вчений С. Галака [1, 278 с.; 2, 429 с.], який у своїх роботах аналізує розвиток держав, які володіють ядерною зброєю, їх вплив на політику нерозповсюдження, і обґрунтовує ключову роль цих країн у системі трансформації міжнародних відносин ХХІ ст..

Більш глибоко цю проблематику вивчено, на нашу думку, американськими вченими. Серед робіт присвячених даній темі слід виділити праці Еммі Вульф [3, Р. 1], Боні Дженкінс [4]. Велику увагу значенню нерозповсюдження у системі пріоритетів США та ядерних держав Європи приділяє «Посібник для парламентаріїв» [5, Р. 36-40, 42-43, 77, 93-100, 116-117]. Беззаперечно цінність складають дані проєктів та річних звітів Глобального партнерства (ГП) «країн вісімки» [6, 152 р.; 7; 8, 23 р.; ] (на 2014 р.

“країн сімки”). Також важливими для нас є робочі документи турецького науковця Хакана Акбулута присвячені зібранням ГП [9].

Серед російських досліджень особливо цікавими і важливими, з нашої точки зору, є праці таких вчених і спеціалістів, як: Г. Арбатова [10, С. 23-54, С. 62-69.], В. Дворкіна [11, С. 39-102], В. Батюка [12, С. 19-26], А. Чебана [13, С. 11-35], Є. Бужинського [13, С. 35-50]. Також варто звернути увагу на Центр політичних досліджень Росії (ПІР-Центр) і Московський центр Карнегі, де за останні роки було зроблено величезний внесок у розвиток наукового аналізу проблеми нерозповсюдження. На наш погляд, кількість рівень дослідження теми із глибокою характеристикою сучасної ситуації у світі є досить обмеженим. Тому, автор зробить спробу проаналізувати і оцінити значення нерозповсюдження у структурі зовнішньо-політичних пріоритетів Сполучених Штатів та ядерних держав Європи, характерних вказаному періоду, та змодельовати їх трансформацію у майбутньому.

Фундаментальні тенденції сучасного розвитку, включаючи нарощування багатополарності, і диверсифікації ризиків та загроз, роблять очевидним бачення того, що вирішення проблем стабільності ядерного нерозповсюдження не може більше залишатися тільки сферою взаємовідносин між Російською Федерацією і Сполученими Штатами. Останні безсумнівно є визнаним світовим лідером по зусиллях направлених на протидію ядерному розповсюдженню, враховуючи основні фінансові внески у програми “Спільного зменшення загрози” 1990-тих років та проекти Глобального партнерства. А отже, із впевненістю можна сказати, що значення нерозповсюдження ядерної зброї у структурі зовнішніх пріоритетів США є одним із найважливіших, якщо не передовим. На думку автора, за останнє десятиліття країна різко змінила свій загальний підхід до нерозповсюдження. По-перше, заперечується будь-який взаємозв'язок ядерної політики США, перспектив нерозповсюдження і ядерного роззброєння, закріплених у статті VI Договору про нерозповсюдження ядерної зброї 1968 р. (ДНЯЗ) [14, С. 363]. Стверджується, що “порогові” та інші можливі нові ядерні держави будують свою політику незалежно від курсу Сполучених Штатів в області ядерної зброї. По-друге, до нерозповсюдження тепер здійснюється вибірковий контроль і відповідно обираються засоби впливу. Так, відносно одних країн (Пакистану, Ізраїлю, Індії) розповсюдження вважається таким, що не викликає занепокоєння, а до інших (КНДР, Ірану, Іраку, Лівії) – загрозовим. По-третє, складається враження, що Вашингтон все більш скептично дивиться на універсальні міри зміцнення ДНЯЗ та пов'язаних з ним режимів і організацій, віддаючи перевагу адресним діям по відношенню до окремих держав і компаній, до того ж у вигляді санкцій включаючи застосування сили. По-четверте, часта зміна пріоритетності США щодо “фаворитів” (як Ірак чи Іран, Саудівська Аравія чи Пакистан) може ще більше затягнути процес досягнення довготривалого міжнародного консенсусу в напрямку нерозповсюдження ядерної зброї. Це стосується перш за все Росії та Китаю, однак при незмінній ситуації це питання може торкнутись і взаємовідносин із Заходом.

Протягом останніх десятиліть предметом постійних розбіжностей між Сполученими Штатами та їх західноєвропейськими партнерами була неготовність останніх приймати активну участь у зміцненні режиму нерозповсюдження ядерної зброї на пострадянському просторі. За двадцять років в рамках програми Нанна-Лугара (12 грудня 1991 р. – що являла собою допомогу Сполученими Штатами колишнім країнам СРСР в утилізації ядерної та хімічної зброї і засобів їх доставки) Вашингтон асигнував більше 8,79 млрд. дол. на розвиток проекту [15]. На 2003 фінансовий рік американський Конгрес виділив 1 млрд. дол. на продовження Програми – проти 550 млн. євро, інвестованих європейцями протягом цілого десятиліття.

Зміни у підходах ведучих ядерних західноєвропейських країн до проблеми нерозповсюдження зброї масового знищення і засобів їх доставки із території колишнього СРСР стали прослідковуватись у позитивний бік із заяви «Групи восьми» на саміті 26-27 червня 2002 р. в Кананаскісе (Канада) про Глобальне партнерство проти розповсюдження зброї і матеріалів масового знищення (ГП). Першопочатково програма не ставила за ціль боротьбу із розповсюдженням ядерної зброї на рівні держав, і її основним завданням стала протидія попаданню зброї масового знищення і матеріалів для її виготовлення до недержавних акторів – терористів [16, С. 10]. “Країни вісімки” і країни-донори (які приєдналися до засновниць) надають фінансову допомогу при знаходженні на територіях зброї і/або матеріалів масового знищення та неспроможності самостійно вирішити проблеми пов'язані із підвищенням безпеки зберігання цієї зброї та матеріалів. Сьогодні Програма об'єднує 26 країн (включаючи і велику вісімку). Спочатку термін дії було розраховано на 10 років – до 2012, однак у травні 2011 р. на саміті «Групи восьми» у Довілі (Франція) було прийнято рішення про подовження мандату ГП ще на 10 років та розширенні його меж. За перші десять років на Програму було виділено 21

млрд. дол., більша частина коштів (70%) була направлена в Росію, із них 10 млрд дол. виділено Сполученими Штатами, 2 млрд дол. – Росією, 1,5 млрд. євро – Німеччиною, 1 млрд. дол. – Канадою, 1 млрд. євро – Євросоюзом, 1 млрд. євро – Італією та ін. [17, 88 р.]. Таким чином було виконано завдання по зниженню ризиків розповсюдження зброї масового знищення, що знаходилася на пострадянському просторі. Із прийнятим рішенням подовження ГП вже у квітні 2010 р. на саміті із ядерної безпеки, що відбувся у Вашингтоні, президент США Барак Обама оголосив, що на підтриману Сполученими Штатами Програму буде виділено 10 млрд. дол. на протязі 2012-2022 рр. [18]. Вже в березні 2012 р., під час другого саміту із ядерної безпеки в Сеулі, Канада заявила про свої наміри виділити на ГП 367 млн. дол. протягом 2013-2018 рр.[19].

Сьогодні Глобальне партнерство переживає складний період свого реформування і оновлення, а принципіально нових механізмів реалізації програми поки не розроблено, до того ж і досі вирішується питання в яких саме третіх країнах слід розвивати цю Програму. В цілому ж, заяву «вісімки» про заснування Глобального Партнерства можна розцінювати як свого роду компроміс між Вашингтоном та його західноєвропейськими союзниками, за підтримки Канади та Японії. Таким чином Сполучені Штати добились від Західної Європи більш активної участі в рамках нерозповсюдження зброї масового знищення.

Розглядаючи детальніше значення нерозповсюдження ядерної зброї для ядерних держав Європи, слід наголосити, що із ядерною стратегією Сполучених Штатів історично тісно пов'язана політика нерозповсюдження ЯЗ Великої Британії, яка характеризується найбільшою стриманістю порівняно з іншими країнами – офіційними членами “ядерного клубу”. В той же час, Британія веде програму накопичення досвіду в області перевірок скорочення та ліквідації ядерної зброї. Як Лондон, так і Париж одночасно задіяли ряд мір із ціллю пристосування своїх ядерних сил до нових реалій, що склалися у світі із закінченням Холодної війни. По-перше вони пішли на ряд суттєвих скорочення своїх ядерних арсеналів. По-друге, і Франція і Великобританія відразу прийняли спробу адаптувати свою ядерну стратегію до нового, постбіполярного світу. Так, суттєвим нововведенням у британську ядерну стратегію стало так зване “достратегічне” бойове завдання, що виявилось постійним для стратегічних сил країни після лютого 1998 р.. Поведінка ж Франції із середини 1990-х років характеризується політикою ядерного стримування, що розглядається як найкраща відповідь на можливий провал політики нерозповсюдження ядерної зброї. У найближчій перспективі очевидно, що Париж планує здійснювати активну та оптимізовану ядерну політику, зберігаючи передову роль ядерної зброї у своїй військовій доктрині.

Отже, автор приходять до висновку, що останнім часом Європа перебуває у стані різних підходів та розбіжностей щодо вирішення проблеми нерозповсюдження та стримування ядерної зброї. Якщо Франція не виключає принципіальної можливості ядерного стримування і нерозповсюдження у контексті європейської ядерної політики, то Велика Британія тримається за альтернативу тісної кооперації із Сполученими Штатами у ядерній сфері. В той же час країни Північної Європи виступають за повне ядерне роззброєння європейських країн (в тому числі і Росії), а країни Південної та Східної Європи, хоча і із різних причин, підтримують присутність американської ядерної зброї на своїй землі. Таким чином, Європейські держави ще випрацьовують консенсус із таких ключових питань, як основні положення самостійної європейської ядерної доктрини, політичної ролі ядерної зброї в Європі, умов її застосування та інше. Однак, жодна із розглянутих країн у своїй практичній політиці та офіційній риторичі не ставить ядерне роззброєння в якості цілі на уявну перспективу, а роль ЯЗ у їх воєнних доктринах не зменшується. США в переважній, Велика Британія і Франція в меншій, скорочують величезні запаси ядерної зброї, але при цьому не припиняють проводити, хоч і мінімальну, політику модернізації і розвитку своїх ядерних сил, що вказує на відсутність реальних кроків із радикальної трансформації ядерного стримування як однієї із найголовніших перепон на шляху розвитку політики нерозповсюдження.

#### **Список літератури:**

1. Галака С.П. Проблема нерозповсюдження ядерної зброї у міжнародних відносинах. - К.: Видавничо-поліграфічний центр „Київський університет”, 2002. – 278 с.
2. Галака С.П. Ядерне нерозповсюдження у світовій політиці // Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня док.політ.наук. Інститут міжнародних відносин Київського національного університету імені Тараса Шевченка - К., 2006. – 429 с.
3. Nonproliferation and Threat Reduction Assistance: U.S. Programs in the Former Soviet Union. Amy F.

- Woolf. Congressional Research Service. March 6, 2012. P. 1.  
<http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL31957.pdf>
4. Jenkins, Bonnie D. (2010): The Future Role of the G-8 Global Partnership: Combating Weapons of Mass Destruction. Policy Analysis Brief. The Stanley Foundation. June 2010.  
[http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/Jenkins\\_610.pdf](http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/Jenkins_610.pdf)
  5. Handbook for Parliamentarians. Supporting Nuclear Non-Proliferation and Disarmament. Inter-Parliamentary Union. No 19. 2012. P. 36-40, 42-43, 77, 93-100, 116-117.
  6. Report. The G8 Global Partnership against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction. Charles L. Thornton. The Nonproliferation Review/Fall-Winter 2002. - 152 p. Internet resource:  
<http://www.cissm.umd.edu/papers/files/globalpartnership.pdf>
  7. G7 Declaration on Non-Proliferation and Disarmament for 2014. Brussels, June 5, 2014. Internet resource of G8 Information Centre: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2014brussels/nonproliferation.html#top>
  8. Global Partnership Against the Spread of Materials and Weapons of Mass Destruction: President's Report for 2013. London: Foreign & Commonwealth Office, December 2013. – 23 p.  
[https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment\\_data/file/269504/UK\\_2013\\_GP\\_Report.pdf](https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/269504/UK_2013_GP_Report.pdf)
  9. Hakan Akbulut. The G8 Global Partnership: From Kananaskis to Deauville and Beyond. Working Paper 67/ March 2013. – 27 p.  
[http://www.oiiip.ac.at/fileadmin/Unterlagen/Dateien/Arbeitspapiere/AP\\_67\\_HA\\_Global\\_Partnership.pdf](http://www.oiiip.ac.at/fileadmin/Unterlagen/Dateien/Arbeitspapiere/AP_67_HA_Global_Partnership.pdf)
  10. Ядерное сдерживание и нераспространение. / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; М.: Моск. Центр Карнеги, 2005. - С. 23-54, С. 62-69.
  11. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина ; Моск. Центр Карнеги. — М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — С. 39 – 102
  12. Проблема нераспространения ядерного оружия в Европе в начале XXI века. Аналитический доклад. М., 2003. С. 19 – 26.
  13. Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности / под ред. А.С. Колбина и А. Я. Чебана. М.: Пир-Центр, сентябрь 2013. С. 11-35, 35 – 50.
  14. Договір про нерозповсюдження ядерної зброї / Закони України: Зб. док. у 16 т. - К., 1996. - Т.14. - С. 363
  15. Евгений Козичев, Как работала программа Нанна—Лугара. История вопроса // Газета «Коммерсантъ», № 190 (4975), 10.10.2012. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2040919>
  16. Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Справочник/Под ред. В.А.Орлова. – М.: Права человека, 2005. – С.10.
  17. Global Partnership Working Group — GPWG Annual Report Consolidated Report Data 2012. Annex. 88 p. <http://www.state.gov/documents/organization/183039.pdf>
  18. The United States Chairmanship of the Global Partnership in 2012. Global Partnership 2013. U.S. Department of State. <http://www.state.gov/t/isn/gp2013/>
  19. Nolke Sabine. The G-8 Global Partnership Against the Spread of WMD. Speech at the conference The Apex of Influence — How Summit Meetings Build Multilateral Cooperation. Chicago. 2012, 10 May, [http://fora.tv/2012/05/10/The\\_G8\\_Global\\_Partnership\\_Against\\_the\\_Spread\\_of\\_WMD#fullprogram](http://fora.tv/2012/05/10/The_G8_Global_Partnership_Against_the_Spread_of_WMD#fullprogram)

## **Dynamics of Institutionalization of modern social Movements in Russia**

*Скобелина Наталья Анатольевна,  
кандидат социологических наук,  
доцент, Волгоградский государственный технический университет*

### **Динамика институционализации общественных движений в современной России**

В современной России складывается новая политическая и социально-экономическая реальность, в которой движения становятся легитимной частью политической системы. Участие в политических партиях на регулярной основе – это поле деятельности профессионалов, которые составляют небольшую часть общества. Для рядовых граждан наиболее приемлемой формой являются движения. Социальная проблема исследования и ее актуальность обусловлены наличием противоречия, возникающего, с одной стороны, потребностью в общественно-политическом участии граждан, а с другой стороны, чрезвычайной сложностью влияния людей «на местах» на общественную жизнь. Значимость исследования движений значительно повышается в свете трансформации современного законодательства, в частности, изменения в законе о политических партиях [1], в результате чего, движения приобретают новые возможности для своей деятельности. Это и обуславливает их дальнейшее изучение.

В российской социологической науке большое количество исследований посвящено формированию демократического движения конца прошлого столетия, становлению и развитию протестного, экологического, женского, этнического движений. Серьезное значение для исследования динамики институционализации имеют работы, где авторы отмечают недостатки российской демократии, намечают пути преодоления существующего социально-политического кризиса в России [2]. Отечественные исследователи выделяют особенности неформальных объединений, предлагают их классифицировать по «зонам деятельности», идеологии, интересам, направленности [3]. Довольно большое значение для анализа изучаемого феномена имеют работы, раскрывающие специфику российских движений конца 1980-х – начала 1990-х годов [4]. Ученые анализируют демократическое движение в контексте политических и социальных трансформаций в СССР и России начала 1990-х годов, определяют состояние и механизмы формирования идеологии новых общественных движений.

Особый интерес для автора статьи представляют исследования, где рассматриваются условия возникновения и развития общественных движений [5,6,7] и подчеркивается роль глобальных сетевых структур [8,9]. Довольно большое значение имеют исследования, рассматривающие проблемы институционализации социальных субъектов в современной России [10,11].

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных исследуемому вопросу, в социологической науке недостаточно внимания уделено возможностям и моделям развития общественных движений, возникших в период трансформации российского общества; а так же институциональному аспекту становления движений и процессам их адаптации к новым социальным условиям. Целью данной статьи является определение динамики институционализации современных общественных движений.

Изменения в институциональной среде и появление новых форм общественных движений обуславливает проведение институционального анализа и применение неинституционального подхода к исследованию современных общественных движений.

В ходе анализа автором статьи использовались результаты формализованного (структурированного) интервью, проведенного в рамках гранта «Процесс институционализации общественных движений и организаций в современном российском обществе (региональный аспект) (№ 05-03-20301 а/В), среди участников общественных движений регионального и общероссийского уровня для выяснения целей создания, организационного оформления общественных движений, выявления

механизмов институционализации, оценки перспектив развития региональных и общероссийских движений (декабрь–январь 2005–2006 годы, 138 информантов).

По ряду рассматриваемых вопросов были привлечены законодательные и нормативные акты органов государственной власти Российской Федерации, регулирующие деятельность движений (1990-2012); статистическая информация о численности общественных движений, предоставленная автору Управлением Юстиции Волгоградской области (2004-2008); программные документы общероссийских и региональных движений (уставы, инструкции, программы); сайты общественных движений, форумы и блоги лидеров движений (2009-2012).

В свете теории нового институционализма функциональные свойства движений, определение правовой основы их деятельности, регулирование взаимодействия третьего сектора и общества – все это те области, где складывается и существует институциональная регуляция социальных взаимодействий. На основе таких признаков, как характер взаимосвязей и степень формализованности отношений автором выделяются три группы институционализированных практик: макроинституты – это устойчивые, с высокой степенью формализации, четко регламентированные институализированные формы взаимодействия, обеспечивающие функционирование общества как целостности (политические, экономические институты, институт семьи); микроинституты – это менее устойчивые (неустойчивые по сравнению с макроинститутами), слабо формализованные, имеющие рыхлую структуру институализированные формы взаимодействия (общественные организации, движения, иные общественные объединения); институции – это институализированные формы деятельности, базовые элементы, из которых строятся макро- и микроинституты (митинги, демонстрации и др.). В соответствии с идеями неонституциональной теории движение определяется в качестве микроинститута, результата активности социальных субъектов, которые взаимодействуют на основе определенных формальных и неформальных правил и норм. Институциональный анализ общественных движений позволяет избежать разрыва между микро- и макроуровнем, т.е. между целенаправленной деятельностью участников и функционированием институциональной системы.

Институционализация общественных движений определяется в качестве образования соответствующей организационной структуры в определенной институциональной среде. Движения конституируются и развиваются через активную общественную деятельность индивидов в рамках социальной организации и создают собственные специфические для объединений формы, которые постепенно приобретают институциональный характер. На основе созданных государством норм и правил движения институционализируются. Процесс институционализации следует рассматривать на микро-, мезо- и макроуровне: на уровне личности (потребность в участии в общественно-политической жизни, потребность в деятельности движения), общественного движения (образование организационного ядра, структурирование движения, взаимодействие с объединениями третьего сектора) и на уровне государства (законодательство, подтверждающее легальный характер деятельности движения; наличие механизма социального контроля, влияющего на деятельность участников). Значение социального контроля в процессе институционализации имеет двойкий смысл. С одной стороны, это приводит к ясности и определенности в отношениях между участниками движений. С другой стороны, поощрения направляются отдельным акторам. Это способствует иерархизации в третьем секторе. В соответствии с установленной государством законодательной базой структурируется институциональная среда, тем самым упорядочиваются общественные отношения. В тоже время, таким образом, сдерживается деятельность участников, вводятся определенные ограничения (выборочная финансовая помощь, тесное взаимодействие с отдельными движениями и организациями).

Учитывая, что мировое сообщество находится на стадии конвергенции, где институционализированные практики в различных обществах схожи по форме и направленности, зависимы от модели западной цивилизации, автор выделяет транснациональный уровень институционализации движений, который способствует образованию глобальных сетей и оказывает влияние на процесс становления локальных движений индивидов.

В зависимости от институциональной среды и возможностей, которые предоставляются элементам гражданского общества, движения имеют различные пути развития, т.е. варианты институционализации. Спонтанная институционализация движений включает в себя социальный конфликт, потребность в новых общественных движениях; интернализацию участниками новых социальных норм, ценностей, формирование на их основе потребностей, ориентаций и ожиданий; создание материальной, финансовой, ресурсной базы, распространение институционализированных форм деятельности; признание законности общественных движений в системе государственной власти,

их легитимность в массовом сознании. Планируемая институционализация характеризуется в первую очередь образованием организационного ядра вокруг лидера; созданием материальной, финансовой, ресурсной базы; признанием законности общественных движений в системе государственной власти; легитимностью в массовом сознании. Формальные правила (например, законы об общественных движениях (1990, 1995), о политических партиях (2001, 2012) определяют движениям путь развития и являются одним из главных механизмов институционализации третьего сектора.

Исследования, проведенные автором статьи, показывают, что в современной России общественные движения имеют организационные возможности для осуществления деятельности согласно определяемым самими участниками целям и задачам. Эмпирические данные указывают на недостаточность средств для эффективной деятельности, отсутствие необходимой материальной базы, на слабую поддержку со стороны общества, социальных и политических институтов. Социально-экономические и политические возможности, которые предоставляются движениям институциональной средой, ограничены. Учитывая, что российские движения имеют неравные возможности для своего развития, по уровню институционализации автор выделяет три группы движений.

1. Движения, основанные на инициативе, идущей снизу, определяемые реальной общностью интересов людей, проводившие деятельность с целью решения актуальных проблем. Как правило, они не имеют достаточно ресурсов для эффективной деятельности («Гражданская инициатива», «Национальное единство», «Поволжье», «Россия молодая», «Оборона»). Для таких движений характерна спонтанная институционализация.

2. Следует отнести в отдельную группу движения, созданные сверху, вокруг организационного ядра, с финансовой вербовкой сторонников, путем формирования определенными группами политических элит. Процесс институционализации подобных движений развивается по планируемому варианту. Они не нуждаются в ресурсах и имеют достаточно возможностей для достижения поставленной цели («Молодая гвардия», «Наши», «Молодежный центр ЛДПР», «Родина»).

3. Третью группу составляют движения смешанного типа, которые могут развиваться как по планируемому, так и по спонтанному пути. Они формируются как снизу, на основе гражданской инициативы, так и сверху, каким-либо политическим лидером. Движения развиваются благодаря грантам, выделенным государством (либо иными спонсорами). Их деятельность направлена на актуализацию определенных проблем, создание и реализацию социальных проектов. Однако она носит нерегулярный характер и зависима от внешних факторов («Деловая женщина», «Матери за социальную справедливость», «Боевое братство»).

Таким образом, движениям, которым характерен планируемый вариант институционализации, институциональная среда предоставляет возможность для развития, а движения, имеющие спонтанный вариант институционализации, прекращают свою деятельность.

Изучение движений на региональном уровне позволяет утверждать, что региональные объединения сохраняют особенности общероссийских объединений. Участники движений на начальном уровне институционализации разрабатывают устав, программу, инструкции согласно российским законодательным нормам. Траектории развития региональных движений имеют прогрессивную направленность. Например, в Волгоградской области в 2004 году было зарегистрировано 3057 общественных объединений, а в 2010 году их уже насчитывается 5447. Прогрессивная динамика численности характерна для России в целом. Легитимность на уровне права и позитивная динамика организационной активности движений позволяет сделать вывод, что общественные движения успешно институционализируются в современном российском обществе.

#### **Список литературы:**

1. ФЗ РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» от 23 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата доступа 11 января 2013 г.)
2. Сморгун Л.В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Демократия в современном мире: Сб. ст. Москва, 2009
3. Сундиев И. Нашествие марсиан? // Неформалы: Социальные инициативы. Москва, 1990
4. Костюшев В.В. Общественные движения и коллективные действия в условиях запаздывающей модернизации // Образ мыслей и образ жизни; отв. ред. Я. Гишинский. Москва, 1993
5. Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005

6. Кинсбургский А.В. Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва, 2006
7. Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. Москва, 2007
8. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. Москва, 2004
9. Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л., Филатов В.П. Феномен свободы в условиях глобализации. Москва, 2008
10. Елисеев С.М. Выйти из «Бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Политические исследования. 2002. № 6. С. 71-82.
11. Патрушев С.В. Доверие, симпатия и эмпатия: российское поведение в российском социуме // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. Москва, 2006

*A.N. Ustymenko, Kharkov National University named after V. N. Karazin,  
aspyrant, department of history of Ukraine, historical faculty*

## **Kharkov Incomplete Secondary Boarding School for Blind Children № 71 named after V.G. Korolenko during nazi's occupation time (1941-1943)**

*Устименко О. М., Аспірант кафедри історії України історичного факультету  
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*

### **Харківська неповно-середня школа-інтернат №71 імені в. Г. Короленка для сліпих дітей у роки нацистської окупації Харкова (1941-1943 рр.)**

У статті аналізуються причини, які зумовили провал евакуаційних заходів, вивчається контраверсійна постать одного з директорів інтернату – О. О. Уткіна. Досліджується безпосередньо діяльність інтернату за часів окупації Харкова. У роботі зроблено висновок про об'єктивність причин зриву евакуації, частково реабілітовано діяльність О. О. Уткіна, обґрунтовано провідну роль персоналу в мінімізації втрат навчального закладу.

Дослідження історії Харківської школи-інтернату ім. В. Г. Короленка для сліпих дітей у роки окупації Харкова нацистськими військами є досить актуальною проблемою, оскільки з даної теми існує лише декілька фрагментарних напрацювань популярного характеру. Вивчення минулого даної установи у зазначений період є також важливим в контексті дослідження історії Харкова в роки нацистської окупації.

Завданнями даної статті є вивчення перед окупаційної історії Харківської школи-інтернату №71 та причин, які завадили її евакуювати у тил; аналіз діяльності найсуперечливішої постаті в 125-ти річній історії 71-ї школи-інтернат – директора О. О. Уткіна; дослідження діяльності школи-інтернату під час нацистської окупації Харкова.

Автор статті використав широке коло джерел, більшість із яких неопубліковані та вперше вводяться до наукового обігу. Писемні джерела становлять основу джерельної бази статті. Це діловодна документація, актові джерела, періодика.

Для написання даного наукового дослідження вперше було задіяно лише нещодавно розсекречену карну справу у відношенні директора О. О. Уткіна, яка міститься у архіві Служби безпеки України – (СБУ). Саме завдяки цій справі було досліджено багато моментів життя 71-ї школи-інтернату часів окупації Харкова в цілому та діяльність директора зокрема [1].

По закінченню 1940/41 н. р. більшість дітей роз'їхалась на канікули. У школі залишилося 35 дітей сиріт. Планувалося вивезти їх з міста. На перше вересня в школі було близько 40 дітей. Ніхто не знав як бути, заняття майже не проводились. Учні працювали в шкільних трикотажних майстернях. На військову службу пішов директор школи П. І. Ніконков, котрий зробив все, щоб евакуювати незрячих сиріт, що залишилися, з міста.



Існує дві версії причин, які завадили евакуювати незрячих дітей. В першій версії – вже був заброньований вагон, знали час відправлення, але в останню хвилину вагон був переданий хворим дітям із заходу, котрі знаходилися на пересильному пункті в 71-й школі [2, с. 46]. Щодо іншої версії, то тодішній завгосп школи А. І. Олін згадує, що коли він прийшов на залізничний вокзал міста, він побачив там розбомблений вагон із табличкою від нього – школа-інтернат №71 [3, арк. 4].

Таким чином 35 чол. незрячих, із них 6 чол. сліпоглухонімих дітей залишилися в школі. За наказом обласного відділу народної освіти – (ОБЛВНО) у підвалах школи було залишено великий запас продуктів харчування і багато одягу. Директором школи було призначено О. О. Уткіна. Ця постать сама суперечлива та найменш досліджена у радянській та сучасній історіографії.

4 жовтня 1941 р. О. О. Уткін був прийнятий до 71-ї школи-інтернату в Харкові. А 17 жовтня був призначений відповідним наказом ОБЛВНО на посаду директора [1, арк. 71].

Одразу ж директор виключив із школи дітей, які були місцевими і мешкали у самому Харкові. Забігаючи дещо наперед, варто зазначити, що 2 вересня 1943 р., даючи свідчення в органах держбезпеки, вчитель І. В. Слепцов зазначав, що 10 листопада 1941 р. директор на педраді говорив: «Господи! Теперь, когда героическая немецкая армия освободила нас от большевицкого ига, мы должны работать в условиях нового порядка по искоренению большевицкого духа в школе, Советской демократии в школе больше не будет. Всем руковожу я» [1, арк. 31, 73-76].

У радянській історіографії діяльність О. О. Уткіна однозначно засуджується, так як після визволення Харкова його було заарештовано органами НКДБ (Народний комісаріат державної безпеки) і як вважалося до даного дослідження – розстріляно, що в свою чергу «навішувало» на О. О. Уткіна ярлик ворога народу і надалі згадувати про нього можна було лише у негативному контексті.

Завучем по адміністративно-господарчій роботі був А. І. Олін. Він пережив разом із незрячими учнями тяжкі місяці нацистської окупації. Ще в серпні 1941 р. А. І. Олін добився в міському комітеті партії дозволу на те, щоб завезти до комори школи якомога більше одягу із промтоварних складів Харкова, причому одягу не тільки для учнів, а й такого, котрий йшов би на обмін у населення на продукти. Весь цей одяг в період окупації обмінювали на продукти харчування, що рятувало учнів від голоду. Також завуч добився дозволу відремонтувати розбиту машину і знову почали виїжджати в села Полтавської області, звідки привозили продукти [3, арк. 5].

У школі залишилися троє дітей єврейської національності [5, с. 148]. Коли німецькі війська вступили до міста, за вказівкою німецького коменданта Харкова, директор надав списки у міську управу про дітей-євреїв. У грудні 1941 р. відповідно до вимоги німецької адміністрації О. О. Уткін наказав комірнику Травкіну відвести цих трьох дітей в будинок, де розміщувалася єврейська громада. Дещо пізніше цих дітей, як і усіх людей єврейської національності, буде розстріляно [1, арк. 31, 73-76].

Тут варто зазначити, що скоріш за все, директор ніяк не міг знати, що євреї будуть цілком знищуватися, так як і власне самі євреї не поспішали відступати з червоною армією в евакуацію. Про це свідчить величезна кількість людей єврейської національності, які залишилися на окупованій території України. Нацистські війська наступали так стрімко, що чутка про те, що німцями проводиться масове знищення євреїв не встигала розноситися попереду наступаючих німців.

Приміщення школи німці облюбували під комендатуру. Учні були виселені в праве крило, склади були розграбовані. Учні залишилися без харчів. Унікальна брайлівська рельєфно-крапкова бібліотека школи була спалена. Настала осінь, почало різко холодати, а топоти було зовсім нічим. Учні видали по два матраци – на одному спали, другим укривалися.

За час окупації не вдалося врятувати тільки одну дівчинку М. Октябрську, у котрої загострилося захворювання на туберкульоз, менінгіт. Її відправили в лікарню, де вона незабаром померла. Німці вирішили, що ця дівчинка померла від тифу, тому вийшов наказ про виселення дітей з школи.

Директор переїзду школи не заваджував, так як на передодні учень М. Довбня, пробравшись вночі у зал, де висів портрет Гітлера, цвяхом понівечив його. О. О. Уткін на учнів у комендатуру звісно не доніс, а вирішив сам знайти винних. Директор заховав понівечений портрет Гітлера, боячись того, щоб не постраждали учні та співробітники. Таким чином переїзд школи на майбутнє позбавив учнів та вчителів зайвої загрози по чийсь дурощі бути розстріляним [5, с. 149].

Так, у середині серпня 1942 р. школу з вул. Карла Лібкнехта, 55 (нині вул. Сумська) переселили на вулицю Басейну, 3 (нині вул. Петровського) [1, арк. 32]. У підвалі того будинку розміщувалася

трикотажна майстерня торговця Морозова. За розпорядженням директора старші учні ходили до підвалу цього торговця і крутили колеса в'язальних машин: електрики не було, а тут під рукою майже безкоштовна сила рук учнів. Головна ідея полягала в тому, що учні отримували за свою працю їжу та 30 крб. на місяць. За сталою думкою радянської історіографії та тогочасних особових джерел вважається, що О. О. Уткін був винний у тому, що примушував учнів працювати на фабриці, але якби учні там не працювали, то неясним залишалось питання відносно того, що вони взагалі їли, а в Харкові, як відомо, під час окупації лютував сильний голод [4, арк. 6].

О. О. Уткін схвально ставився до православної релігії. Так, у середині серпня 1942 р., у зв'язку з переселенням школи сліпих на вул. Басейну, по особистій ініціативі директора було проведено освячення нового приміщення школи. Для цього було запрошено духовенство з Покровського монастиря. Після цього обряду директор вів активні розмови про обов'язкове хрещення усіх вихованців школи та перешкодив цій справі вступ Червоної Армії до міста Харкова [1, арк. 32]. Звісно, зараз подібні дії директора будь якого інтернату зовсім не викликали б осуду, а от в радянські часи така поведінка буде інкримінована директору в провину.

Провина директора зводиться до того, що він в окупованому місті жив і працював по німецьким законам, а не по радянським, хоча це в свою чергу і не виправдовує його, тому, що так можна виправдати і нацистські злочини, мовляв офіцери та солдати Вермахту жили по тогочасним законам своєї країни та виконували накази керівництва.

Як відомо, довгождане визволення від німецької окупації прийшло 23 серпня 1943 р. Колектив школи одразу ж переселився в своє приміщення по вул. Карла Лібкнехта (Сумській), 55, але приміщення було дуже зруйноване. Одразу ж почали ремонт. Збирали цеглини, шматки скла, у зруйнованих будинках знаходили дошки, фанеру. У газеті було дане оголошення про те, що Харківська школа-інтернат №71 для сліпих дітей оголошує прийом учнів. У вересні 1943 р. було вже 20 учнів. Формувати класи почали з першого вересня, а закінчили тільки в кінці 1943 р. Всього на грудень 1943 р. було вже близько 40 учнів, класів було 5, тобто 1-5 класи [2, с. 65].

Ще з кінця серпня до початку вересня 1943 р. директором школи залишався О. О. Уткін, але вже 15 вересня органами НКДБ УРСР він був арештований [1, арк. 2-3] і після недовгого слідства, вироком військового трибуналу військ НКВС (Народний комісаріат внутрішніх справ) Харківської області 17 грудня 1943 р. згідно зі ст. 54-1"А" (дії, зроблені на шкоду військової міцності СРСР – перехід на сторону ворога) та 54-10 ч. 2 (агітація і пропаганда, що містять заклик до скинення, підриву й ослабленню радянської влади у військовий час) К.К. УРСР, по сукупності даних злочинів був засуджений до 15 років каторжних робіт з поразкою в правах на 5 років. А 29 жовтня 1944 р. О. О. Уткін помер у лікарні у в'язниці [1, арк. 70].

У жовтні 1943 р. директором був призначений Т. А. Неженець. Систематичні заняття почалися в грудні 1943 р. У класах було холодно, пальці в дітей замерзали, а це ж означало повну неможливість читання та писання незрячих, так як у пальців тоді погана чутливість. Не вистачало і теплої одягу, погано було з харчуванням, хоча діти отримували в день 500 грам хліба (200г - на сніданок, 200г - на обід, 100г - на вечерю). Два рази на добу давали гарячий суп [3, арк. 8].

Т. А. Неженець добився, щоб хоча б в кімнатах встановили буржуйки (пічки). Не вистачало паперу, не було книг, бо брайлівську бібліотеку спалили окупанти, не було грифелів, але всім тим дітям просто не було де діватися. І діти старалися, долаючи голод, холод і нестатки.

Таким чином у статті було досліджено причини, які завадили евакуювати учнів 71-ї школи-інтернату до тилу. Також було розглянуто життя учнів під час нацистської окупації Харкова. Та найголовнішим у дослідженні є аналіз матеріалів архіву СБУ, де було докладно викладено діяльність директора школи за часів окупації. Нами зроблено висновок, що однозначно засуджувати його ніяк не можна, багато його вчинків зараз навіть не були б злочином, а ті вчинки, які мали сумні наслідки – у дослідженні було докладно розглянуто та пояснено. Хоча, тут варто зазначити, що у статті антирадянська пропаганда О. О. Уткіна теж не виправдовується.

Підводячи підсумок проведеному дослідженню слід згадати, що ці страшні роки учні 71-ї школи-інтернату пережили майже без втрат. У цьому була безумовно заслуга персоналу школи. Не зважаючи на труднощі, учні продовжували навчатися, працювати та сподіватися на швидке звільнення Харкова від окупантів, а коли місто буде звільнено, намагалися якомога швидше відбудувати власну школу-інтернат. Залишається лише сподіватися, що незрячим дітям сучасності не доведеться пережити подібне.

#### Список використаних джерел та літератури

1. Державний архів Служби безпеки України. – Ф. кримінальних справ «Основний». – Спр. 18284. У відношенні Уткіна Олександра Олексійовича. 1943 р. – 82 арк.
2. Морозова М. П. История Харьковской средней школы-интерната для слепых детей им. В. Г. Короленко / М. П. Морозова. – Черновцы, 1998. – 144 с.
3. Музей Харківської обласної гімназії-інтернат для сліпих ім. В. Г. Короленка. – Олін А. І. Спогади. Зошит 1. – 10 арк.
4. Музей Харківської обласної гімназії-інтернат для сліпих ім. В. Г. Короленка. – Чернишенко А. Ю. Спогади. Зошит 3. – 10 арк.
5. Устименко О. М. Історія Харківської обласної спеціальної гімназії-інтернату імені В. Г. Короленка в роки Великої Вітчизняної війни (1941-1945 рр.) / О. М. Устименко // Харків – багатонаціональний: Збірник наукових праць. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2007. – С. 146-152.

*Molodov Oleg, Institute of Socio-Economic  
Development of Territories of RAS,  
Senior research associate, Candidate of Historical Sciences*

### ***Interfaith tolerance of the Crimea inhabitants by results of sociological polls***

*Молодов Олег, Институт социально-экономического  
развития территорий РАН,  
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук*

## **Межконфессиональная толерантность жителей Крыма по результатам социологических опросов**

Термин «толерантность» (терпимость) имеет различные значения. Религиозная толерантность – это «терпимые, взаимно уважительные отношения между верующими различных религий, религиозными объединениями, верующими и неверующими, строящиеся на принципе взаимного признания права на существование и деятельность» [1].

Проблема толерантности в современном мире чрезвычайно актуальна, а обеспечение стабильности межконфессиональных отношений стало важнейшим условием мира и безопасности.

Особый интерес для изучения данной сферы общественной жизни в настоящее время представляет Восточная Европа, в основном страны постсоветского пространства, в частности, Украина.

Религиозная ситуация в поликонфессиональной Украине имеет свою специфику, поскольку там исторически сложилось особое соотношение христианских религиозных объединений. По данным Министерства культуры Украины, кроме Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ (МП)), существует ряд влиятельных и массовых церковных организаций, среди которых: Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ-КП) – неканоническая православная церковь, возникшая в результате «раскола» в 1992 г., находящаяся под юрисдикцией Константинопольского патриархата; Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) – униатская церковь – крупнейшая поместная католическая церковь восточного (византийского) обряда; Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), канонически непризнанная, и Римско-католическая церковь (РКЦ). Между церквями существуют сложные взаимоотношения, обусловленные спорами об имуществе, противоречиями богословского и обрядового характера.

Про уровень религиозной толерантности можно судить по числу тех, кто считает, что любая религия имеет право на существование, а также по отношению граждан к различным конфессиям. На протяжении 2000–2013 гг. доля опрошенных в Украине, которые считали, что любая религия имеет право на существование, оставалась неизменной и составляла 74–76% [2]. Почти не изменился удельный вес тех, кто разделяет утверждение «Истинной является только та религия, которую я исповедую». В

2013 г. его отметил почти каждый десятый участник опроса (9%), а из числа верующих – каждый восьмой (12%).

Спецификой конфессиональной ситуации отличается Крымская автономия – АРК (ныне Республика Крым и г. Севастополь в составе России), где проживает значительное число мусульман, в основном крымских татар. Исследования, проведенные Центром Разумкова, свидетельствуют, что отношения между славянской общностью и крымско-татарской с точки зрения потенциальной динамики развития можно охарактеризовать как предконфликтные. Можно выделить основные линии раздела: политическую – неравенство возможностей реализации своих потребностей и интересов через органы власти и органы самоуправления АРК; социально-экономические – неравенство доступа к ресурсам Крыма; правовую – отсутствие законодательного оформления особенностей статусов одной из сторон и прав, обуславливающих эти статусы; социокультурная – дисбаланс возможностей в сферах образования и информации, и наличие у каждой общности претензий на «укорененность» в Крыму, следовательно – на его символическое и ценностное пространство [3].

Как отмечают исследователи, нетерпимость может быть как исключительно религиозной, так и служить прикрытием для завуалированных политических или социальных мотивов [4]. Чаще всего причинами конфликтов между сторонниками различных конфессий отмечаются такие как имущество и здания (32%) и стремление к власти со стороны церковных иерархов (31%). Пятая часть опрошенных (22%) видит первопричиной межрелигиозных противоречий политическую составляющую [5].

Славянское большинство населения Крыма (украинцы и русские), согласно результатам опроса, позитивно относятся к одним и тем же конфессиям. Положительные оценки получили в первую очередь православные церковные организации, в том числе «раскольнические» (табл. 1). Среди крымских татар преобладает позитивное отношение к исламу (89%), православным церквям Московского Патриархата (19 и 17%), иудеям и греко-католикам (по 13%).

Таблица 1

Позитивное отношение жителей Крыма к различным конфессиям  
в разрезе национальной принадлежности (в % от числа опрошенных) [6]

Место в рейтинге	Национальность		
	украинцы	русские	крымские татары
1	УПЦ (МП) – 70,5	УПЦ (МП) – 72,8	ислам – 89,1
2	РПЦ – 60,5	РПЦ – 67,6	РПЦ – 18,6
3	УПЦ-КП – 19,6	УПЦ-КП – 17,5	УПЦ (МП) – 16,5
4	УАПЦ – 13,7	УАПЦ – 14	иудаизм – 13,1
5	ислам – 6,5	УГКЦ – 9	УГКЦ – 13

Негативное отношение украинцев и русских крымчан к различным конфессиям также во многом совпадает (табл. 2). Оно проявляется в основном к исламу, иудаизму, восточным религиям и НРД протестантизма. Среди русских респондентов проявляется отрицательное отношение к УПЦ Киевского патриархата.

У крымских татар в равной степени негативное отношение (11–13%) выявлено как к ведущим православным конфессиям (РПЦ, УПЦ (МП) и УПЦ-КП), так и менее значимым (УАПЦ). Католики и греко-католики получили по 9% отрицательных оценок.

Таблица 2

Негативное отношение жителей Крыма к различным конфессиям  
в разрезе национальной принадлежности (в % от числа опрошенных) [7]

Место в рейтинге	Национальность		
	украинцы	русские	крымские татары
1	ислам – 14,9	ислам – 13,4	УАПЦ – 13
2	иудаизм – 12,5	иудаизм – 9,6	УПЦ (МП) – 12,1
3	евангелисты и харизматы – 11,7	евангелисты и харизматы – 9,3	РПЦ – 12
4	протестанты – 10,8	вост. религии – 7,6	УПЦ-КП – 11,4
5	вост. религии – 10,6	УПЦ-КП – 7,2	УГКЦ, РКЦ – по 8,7

Важной проблемой межконфессиональных отношений является слабое знание большинства населения «чужих» для них религий и культов. Не случайно, до половины опрошенных жителей Крыма указывают ответ «Ничего не знаю об этой конфессии». В Таблице 3 отражается отношение жителей к этим конфессиям, к которым относятся евангелисты и харизматы, восточные религии и практики, протестанты и католики.

Примечательно, что среди украинцев преобладает негативное отношение к менее известным религиям и культурам, а среди крымских татар (как правило, мусульман) – позитивное. Русское население Крыма в основном отрицательно относится к евангелистам и представителям харизматических церквей, adeptам восточных религий. Однако доля негативно относящихся к иным конфессиям во всех случаях невелика и свидетельствует об относительной стабильности межконфессиональных отношений в Крыму.

Как видится, факторами социального разобщения остаются социальное неравенство и негативные последствия репрессий населения полуострова. В сложившейся ситуации именно традиционные религии – православие и ислам – располагают значительными возможностями для толерантного сосуществования и конструктивного взаимодействия [9].

Таблица 3

Отношение жителей Крыма к конфессиям, о которых они менее всего осведомлены (в % от числа опрошенных) [8]

Конфессия	Варианты ответов		
	Ничего не знаю об этой конфессии	Позитивно отношусь	Негативно отношусь
украинцы			
Евангелисты и харизматы	42,1	3,9	11,7
Восточные религии и практики*	38,6	4,1	10,6
Протестанты	35,2	4,9	10,8
Римо-католики	34,0	5,7	9,8
Греко-католики	23,4	6,3	9,4
русские			
Евангелисты и харизматы	39,9	6,0	9,3
Восточные религии и практики	33,4	6,4	7,6
Протестанты	32,1	6,7	6,8
Римо-католики	29,9	8,5	5,0
Греко-католики	18,7	9,0	4,7
крымские татары			
Евангелисты и харизматы	47,6	13,0	4,9
Восточные религии и практики	39,1	9,2	3,3
Протестанты	44,6	13,0	4,9
Римо-католики	44,6	13,0	8,7
Греко-католики	39,1	13,0	8,7
* К ним относят буддизм, йогу и др.			
Исследование проведено социологической службой Центра Разумкова с 21 февраля по 14 марта 2011 г. в АР Крым и Севастополе. Опрошено 2020 респондентов старше 18 лет. Ошибка выборки – 2,3%.			

Для укрепления стабильности межконфессиональных отношений в Крыму необходимо неуклонно следовать конституционному принципу равенства религиозных объединений; содействовать повышению политической культуры и информированности духовенства и религиозных лидеров, верующих и иных граждан; увеличить объем социальной рекламы, направленной на популяризацию идей толерантности; публиковать в СМИ больше информации о положительном опыте сотрудничества различных конфессий, а не только о конфликтах и экстремальных событиях.

### Список литературы

1. Стецкевич М.С. Свобода совести. Санкт-Петербург, 2006. - С. 9-10.
2. Религія і влада в Україні: проблеми взаємовідносин: інформаційні матеріали до Круглого столу на тему «Державно-конфесійні відносини в Україні станом на 2013 рік: рух до партнерства держави і Церкви чи до кризи взаємин?» 22 квітня 2013 р. Київ, 2013. - С. 28.
3. Висновки та пропозиції // Національна безпека і оборона. 2009. №5 (109). - С. 70.
4. Ксенофобия в современном мире. Санкт-Петербург, 2008. - С. 268.
5. Религія і влада в Україні: проблеми взаємовідносин: інформаційні матеріали до Круглого столу на тему «Державно-конфесійні відносини в Україні станом на 2013 рік: рух до партнерства держави і Церкви чи до кризи взаємин?» 22 квітня 2013 р. Київ, 2013. - С. 35-36.
6. Як Ви ставитеся до наведених релігій а релігійних течій (опитування в Криму). – URL: [http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll\\_id=713](http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=713)
7. Як Ви ставитеся до наведених релігій а релігійних течій (опитування в Криму). – URL: [http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll\\_id=713](http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=713)
8. Як Ви ставитеся до наведених релігій а релігійних течій (опитування в Криму). – URL: [http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll\\_id=713](http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=713)
9. Гарас Л.Н. Эволюция межконфессиональных отношений в автономной республике Крым в условиях демократизации // Вісник СевНТУ: Зб. наук. пр. 2011. Вип. 115. Серія Філософія. - С. 115.

*Prokopenko Olga, National Institute of Strategic Research (Kyiv),  
graduate student, Department of humanitarian policy,  
E-mail: olproko@gmail.com*

## Features of the structure and process of formation of ethnic identity

**Прокопенко Ольга**, Национальный институт стратегических исследований (Київ), аспирант, отдел гуманитарной политики,  
*E-mail: olproko@gmail.com*

## Особенности структуры и процесса формирования этнической идентичности

Сегодня понятие «идентичность» применяется ко многим политическим, социальным, этническим и культурным явлениям. Общее содержание этого понятия отображает тождество объекта с собой, его существование в четких рамках, определенность бытия, стабильность и целостность. Понятие «идентичность» может относиться к отдельной личности, к социальной группе, к этносу, к государству. Идентичность может рассматриваться с разных позиций, в зависимости от того, что является основным идентифицирующим признаком. Так, речь может идти об этнической, культурной, религиозной, ментальной, государственной идентичности. Для любого общества и для любого народа этническая идентичность – главное условие развития и функционирования этноса. Это актуальный вопрос, недостаточная изученность которого играет главную роль в определении внешней и внутренней политики государства, его безопасности и последующих векторах развития. Недостаточная изученность вопроса о структуре и влиянии этнической идентичности на деятельность государства, функционирования современного общества дает повод к дальнейшим научным поискам.

В разное время вопросами идентичности занимались такие иностранные и отечественные ученые, как Е. Донченко, А. Зазнаев, Е. Кармалюк, Л. Лукьяненко, А. Майборода, Н. Мадей, Н. Пелагеша, А. Ростовский, Л. Смирнягин, М. Степико, В. Тишков, Э. Уилсон. Практически неизученным остается вопрос формирования структуры этнической идентичности и влияние такой идентичности на функционирование государства, общества в целом.

Таким образом, целью статьи является определение сущности, структуры и особенностей формирования этнической идентичности на современном этапе развития общества.

Анализ научной литературы показывает, что этническая идентичность формируется вместе с ростом самосознания личности, ее социализацией. В процесс социализации человека активно включаются факторы национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди. В ходе воспитания и обучения люди формируют в ребенке черты, свойства, привычки, отвечающие нормам и требованиям, действующим в рамках данной культуры. Высокий уровень формирования этнической идентичности может достигаться путем создания педагогических условий, учитывающих возрастные, этнокультурные особенности, мотивационно-потребностную сферу детей [1; с. 129-130]. В качестве основных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, выделяются родной язык, культура, традиции, обычаи, обряды, особенности этнокультурной контактной среды. Развитие этнической идентичности является необходимым условием для нормальной жизнедеятельности человека, так как на этой основе идет выработка внутренней культуры и ценностных ориентиров. Этническая идентичность как процесс и структура формируется в ходе развития деятельности и общения человека. Осознание этнокультурных особенностей общности обуславливает этническую самоидентификацию [2; с. 67].

Идентификация – важнейший процесс при формировании этнической идентичности. Ядром идентификации являются знания и представления, через которые осваиваются все формы бытия этноса, формируется система взглядов [3]. Многие исследователи рассматривают язык как важнейший фактор этнической идентичности (А. Агаев, В. Вундт, Л. Гумилев, А. Потеня). Сама этничность определяется совокупностью общих признаков у людей и сообществ: владение языком, признание его в качестве родного; усвоение культуры этноса, умение ее использовать в повседневной жизни; использование и сохранение традиций поведения и образа жизни этноса; самоосознание принадлежности к этносу, имеющему определенный этноним. Как мы видим, ключевым критерием идентификации себя с определенным этносом является коммуникация. Язык и другие символы повседневного взаимодействия становятся главными. Вместе с этим, распространение этих культурных доминант, влияющих на формирование этничности и межэтнических отношений, происходит с помощью образования и просвещения.

В течение десятилетий большинством ученых признавалось наиболее точным определение этнической реальности, предложенное Ю. Бромлеем, полагавшим, что этническая общность создается традиционно-бытовыми компонентами культуры, включающими обычаи, обряды, народное искусство, устное народное творчество, язык [4; с. 82-83]. В советский период все, связанное с понятием «этническое», рассматривалось как постоянно сужающаяся сфера, переходящая в будущем в безэтническое единство – советский народ. Понимание этнической реальности как сужающейся сферы связано с интерпретацией традиций как явления, возникшего в прошлом и постепенно полностью уходящего в него и остающегося, в лучшем случае, в виде памятников культуры. Вместе с тем традиции в их привычном понимании – явление неоднородное. Они связывают настоящее с прошлым и прошлое и настоящее с будущим различными способами и в разных формах. Все, что создается людьми – фольклор, обычаи, национальный этикет, нормы хозяйствования, особенности образования, воспитания, социализации – сохраняется, актуализируется, восстанавливается, преобразуется, совершенствуется. Следовательно, различные проявления этнического своеобразия не только утрачиваются, но и используются в новых условиях и различных функциональных проявлениях, обогащаются и преобразуются в новые традиции.

Так, Н. Чебоксаров, анализируя язык, территорию, совокупность черт культуры, присущую определенным этносам, утверждает: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления – этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результату действия всех основных факторов, формирующих этническую общность [5; с. 101-102].

Этническое самосознание – это чувство принадлежности к тому или иному этносу, выражающееся в этническом самоопределении, то есть в отнесении индивидом себя к данной этнической группе. Это отражение сознания этнической группы в индивидуальном сознании ее членов, выражающее результат усвоения последними представлений об историческом опыте, состоянии и перспективах

развития своего народа, его ценностях и нормах, а также его места и роли среди других народов и взаимоотношений между ними [6; с. 47].

М. Дробижева с коллегами провела ряд эмпирических исследований этнического самосознания, в которых кроме выделенных Ю. Бромлеем компонентов были введены и интересы, осознаваемые людьми как этнические. Анализ полученных данных позволил сделать вывод, что структура этнического самосознания включает в горизонтальном срезе следующие элементы: осознание принадлежности к этнической группе, «образ мы» и этнические интересы [2; с. 59].

В работах социолога Б. Винера можно найти интересную гипотезу о том, что этническая самоидентификация – это «результатирующая от осознания прочих компонентов этнической идентичности, которые находят свое выражение и разрешение на каком-то этапе социализации, где знания и элементы поведения позволяют осмыслить себя в качестве члена определенной этнической общности» [6; 127-129].

Рассматривая национальное самосознание, В. Бабаков и В. Семенов утверждают, что оно выступает ведущим компонентом национального сознания. Это сложная структурно-функциональная система, в которой взаимодействуют автостереотипы, включая социальную память, осознание значимости национальной территории как важнейшего фактора существования данного народа, ее целостности в единстве внутреннего и внешнего общения; осознанное отношение к созданным материальным и духовным ценностям; оценочное отношение к инациональному окружению – стереотипы и архетипы [2; с. 71].

В исследованиях В. Хотинцев установлено, что этническое самосознание, представляя собой целостное образование, в своем развитии проходит два этапа: 1) типологический, в ходе которого формируются представления об этнических особенностях общности, и 2) идентификационный, когда собственно и формируется этническая самоидентификация [5; с. 89-91]. Психологическая структура этнического самосознания представляется как осознание особенностей этнической культуры своей этнической общности, психологических особенностей своей этнической общности, тождественности со своей этнической общностью, собственных этнопсихологических особенностей, понимание себя в качестве субъекта своей этнической общности, социально-нравственная самооценка этничности. Таким образом, можно заключить, что в этническом самосознании присутствуют когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Рассмотрев понятие этнической идентичности, можно сделать вывод, что этническая идентичность – это исторически и социально обусловленное многоаспектное и динамичное явление социокультурной действительности, которое оказывает серьезное и противоречивое влияние на этносоциальные процессы современности. Основными сущностными признаками этнической идентичности следует признать: владение родным языком; созвучие духовности этноса, наличие определенной направленности мировоззрения, социальных качеств, освоение духовной культуры этноса (научных знаний, верований, норм нравственности, художественных и эстетических достижений и др.); включенность в хозяйственную деятельность народа; общность психического склада; следование национальным традициям, привычкам, обрядам, праздникам; осознание своей связи с культурой народа, готовность действовать в ее интересах. Данные свойства находятся в сложной диалектически противоречивой взаимосвязи, их набор, степень проявления и важность тех или иных атрибутов носит конкретно-исторический, социально обусловленный характер. Рассмотренные в статье аспекты вопроса этнической идентичности, безусловно, не охватывают всего спектра вопросов, касающихся феномена данного вида идентичности, и требуют последующих исследований для более глубокого понимания влияния этнической идентичности на функционирование общества и государства.

#### **Список литературы:**

1. Налчаджян А. А. Этнопсихология. – СПб. : Питер, 2004. – 381 с.
2. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 290 с.
3. Политология: Энциклопедический словарь. М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С. 212-213.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 412 с.
5. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. – 240 с.
6. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. 313 с.



Rimar Svetlana Victorovna

Head of the department of social and humanities  
Murom Institute (branch) Vladimir State University  
Candidate of Philology, docent

## National problems and modernity

*Рымарь Светлана Викторовна*

*заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин  
Муромского института (филиала)  
Владимирского государственного университета  
кандидат филологических наук, доцент*

### Национальные проблемы и современность

Национальные проблемы в современном мире отличаются глобальным противоречием, порождающим острые конфликты, затрагивающие, как правило, многие страны. Нет признаков разрешения этого глобального противоречия в обозримом будущем: уж слишком глубоки его корни, уходящие в столетия истории наций и народностей почти на всех континентах Земли. Такое положение чревато потрясениями, результаты которых непредсказуемы.

С одной стороны, XX век, после двух мировых войн, ознаменовался национально-освободительной борьбой народов, охватившей, по сути дела, весь мир, и образованием в результате этой борьбы многих десятков национальных государств, освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости. Право наций на самоопределение было закреплено решением ООН.

Но, с другой стороны, еще в конце XVIII века наметилась иная тенденция, которая получила в Старом и особенно в Новом Свете, можно сказать, повсеместное распространение. Со времени Великой Французской революции зарождается и вскоре приобретает весьма активное развитие либерализм. Внеациональный по своей сути лозунг буржуазной революции – свобода, равенство и братство – был принят либерализмом в его мировой политике. Этот внеациональный лозунг соответствовал также мировым политическим целям старых тайных и полутайных мистических обществ – масонов, оккультистов, астрологов и пр., испокон веков стремившихся в своей подрывной деятельности к мировому господству и разрушению государств, образованных на традиционно народно-национальных основаниях.

К концу XIX века либерализм, можно сказать, охватил всю Европу, стал – с теми или другими оттенками – её государственной идеологией. Значительное влияние либерализма испытала и русская интеллигенция и немалое число государственных деятелей.

Во второй половине XIX века откровенно обозначилось стремление США к мировому господству. Такая государственная политика Штатов была не только следствием их империалистической природы, глобализации экономики, развития транснациональных компаний – и как результат – подчинения этой политике других государств и наций. Такая экспансионистская государственная политика была обусловлена и внутриамериканским, явно обнаружившимся к этому времени кризисом «плавильного котла», или так называемой в нынешних условиях «американской идентичности» (см. ниже). Современному империализму и мондиализму не нужны национальные границы, как и сами традиционные общества с их неповторимыми национальными качествами и особенностями; все это необходимо разрушить.

За время, протекшее после Второй мировой войны, Америка во многом преуспела в Европе, обращая европейцев в свою веру – в американский образ жизни с его «общечеловеческими ценностями», «планетарным сознанием», «планетарной моралью», масскультурой, модернизмом и постмодернизмом.

Все указанные выше политические силы сошлись в оценке наций, образованных на определенном этапе исторического развития этносов, – как устаревших форм существования человечества, противоречащих его современному развитию. Отрицание права наций на существование тем самым подразумевало ненаучность классических представлений выдающихся отечественных и зарубежных мыслителей о нации и её истоках.

Национальная политика Российской Империи, и СССР была принципиально иной сравнительно с политикой США. Россия насильно не ассимилировала народы, не создавала «плавильных тиглей» и «салатниц», тем более не уничтожала коренных народов, как это делали Штаты с североамериканскими

индейцами. Присоединение к Руси – России других народов или их завоевание в историческом прошлом были вынужденной мерой защиты на открытом пространстве Русской равнины. Кстати сказать, в определенные исторические периоды такая политика была на руку и Западу.

Разрушение СССР, основного противника США в многолетней «холодной войне», сделало их единственной сверхдержавой и, казалось, США добились своего. Явная и тайная (через агентов влияния, замаскированных либералов, наконец, прямых недругов русского народа) «холодная война» сделала своё дело. От СССР отделились бывшие советские национальные республики, многие из которых нашли в лице Америки своего нового покровителя.

Однако произошедшие события мирового масштаба ещё более обнажили указанные выше глобальные противоречия, в которых всё обостряющаяся национальная проблема играет одну из главных ролей.

И в этом глобальном национальном противоречии многонациональная Россия с её 150-ю нациями и народностями занимает особое место. Такое положение в современном мире не могло не вызвать откровенную либеральную агрессию против русской нации как государствообразующей нации России. Не будь у России пока ещё сдерживающего ядерного щита, эта либеральная «мирная» агрессия могла бы превратиться в военную [2].

После разрушения СССР и прихода к власти РФ либералов страна пошла по пути дикого капитализма и оголтелого неолиберализма. Слишком долго наши государственные деятели считали, что уж теперь Запад их примет за «своих». Но затаённой целью Запада было разрушение не только СССР, но и России, и прежде всего ликвидации русской нации как таковой, «самого непокорного народа». Это ведь исконная историческая, геополитическая, стратегическая цель Запада, несмотря на то, что Запад, в том числе и США, немало был обязан в своей истории русским, Российской Империи, СССР. Но сейчас даже некоторые «братья-славяне» находятся в первых рядах этого пробного выпада против ослабшей России.

Нашим руководителям, государственным и общественным деятелям нужно помнить предостережения выдающихся представителей русского народа.

Пушкин писал, что Россия спасла «христианское просвещение» – не только для себя, но и для Европы, защищая её от варваров. «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» [6, с. 268].

Обвинённый в сотрудничестве, П.Я. Чаадаев на самом деле был убеждённым патриотом России. О русском либерализме он, в частности, писал: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце Запада» [7, с. 178].

Ф.М. Достоевский и в публицистических, и в художественных произведениях разоблачал ненависть либералов к России, их преклонение перед Западом и видел в этом большую опасность для будущего России. Он называл русских либералов «угрюмыми тупицами либерализма»; его оценка действий либералов звучит и сейчас весьма актуально, можно сказать, провидчески: «Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собою... Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут тёмное царство осмеяно. Но в том-то и дело, что вместе с тёмным царством осмеяно и всё светлое...» [4, с. 29].

В романе «Идиот» один из персонажей – Радомский высказывает мысли самого Достоевского о «русских либералах». Эту оценку «русского либерализма» того времени можно отнести полностью и современным либералам. Природа либерализма, в сущности, не изменилась, разве что он стал намного циничней, откровенней, проникнув во все поры государственной, общественной и культурной жизни: «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию». [5, с. 351].

Тютчев, прекрасно знавший Европу и её отношение к России, а также отечественных либералов, презиравших свой народ и слепо подражавших Европе, писал о них:

«Как перед ней ни гниешь, господа,  
Вам не снискать признанья от Европы:  
В её глазах вы будете всегда  
Не слуги просвещения, а холопы».

Во второй половине XIX – начале XX века либерализм заметно усилил свои позиции в Европе. Многим русским патриотам пришлось выступать в защиту русского народа – Н.Я. Данилевскому, Н.Г. Леонтьеву, П.И. Ковалевскому, В.Ф. Эрну, Н.А. Бердяеву, С.Н. Булгакову и другим.

«Европа не признаёт нас своими» – делал вывод политический деятель, философ Н.Я. Данилевский [3, с. 50].

Опыт взаимоотношений России и Запада неоднозначен. Если технические, научные заимствования способствовали развитию в России промышленности, науки, военного дела, то сказать

так же однозначно о культурном, духовном влиянии Запада (особенно это касается XX – XXI вв.) – нельзя. Эту черту взаимоотношений России и Запада тонко заметил В.Ф. Эрн в своих лекциях «Эпоха славянофильствует»: «Западная культура, врываясь в исконно русский ритм жизни, вызывает огромные «возмущения» духа. Она захватывает часть русской стихии, и борьба переходит на русскую почву, становится внутренним вопросом русского сознания и русской совести» [8, с. 388]. Отсюда двойственное отношение многих русских деятелей к Западу. Анализ отношения России к Западу В.Ф. Эрн подытожил следующими словами: «... К Западу мы должны стать в новые отношения, всегда постулировавшиеся всем духом славянофильских доктрин» [8, с. 389]. Этот вывод автора весьма красноречив, он перекликается с суждениями по этому поводу В.В. Розанова, С.Н. Булгакова и др.

Нетерпим к либералам был А. Блок, называя их вслед за Ап. Григорьевым «тушинцами», т.е. откровенными предателями. В известной своей работе об Ап. Григорьеве он писал: «Так Григорьев называл либералов вообще» [1, с. 509]. И далее: «(Григорьев) любил свою родину, и за резкие слова об этой любви (а есть любовь, о которой можно говорить только режущими, ядовитыми словами) много потерпел от «теоретиков», или «тушинцев»: от людей с побуждениями «интернациональными», «идейными – мёртвыми» [1, с. 513]. А. Блоку была свойственна политическая пронизательность. Многие его современники воспринимали её как пророчество. В последние годы жизни его постоянно тревожили судьбы России. О России и Западе он в своих знаменитых «Скифах» писал:

«Мы, как послушные холопы,  
Держали щит меж двух враждебных рас  
Монголов и Европы! ...  
Вы сотни лет глядели на Восток,  
Копя и плавя ваши перлы,  
И вы, глумясь, считали только срок,  
Когда наставить пушек жерла!»

#### **Список литературы**

1. Блок А. Судьба Аполлона Григорьева //Собр. соч. Т. 5, М.-Л.,1962.
2. Бредихин А.Л. О функциях государства // История государства и права. №22 - 2013. С. 17-20  
<http://lawinfo.ru>
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1990.
4. Достоевский Ф.И. О русской литературе. М., 1987.
5. Достоевский Ф.И. Идиот. СПб, 2005.
6. Пушкин А.С. Путешествие из Петербурга в Москву // Пол. собр. соч. Т. 11. М., 1949.
7. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
8. Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991.

***Rimar Svetlana Victorovna***

*Head of the department of social and humanities  
Murom Institute (branch) Vladimir State University  
Candidate of Philology, docent*

### **«American identity» as a threat to peace**

***Рымарь Светлана Викторовна***

*заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин  
Муромского института (филиала)  
Владимирского государственного университета  
кандидат филологических наук, доцент*

### **«Американская идентичность» как угроза миру**

На фоне копирования американского понимания нации как последнего слова науки и мнения тех авторов, которые не признают население США за нацию в действительно научном её понимании, показательно выглядят весьма обширные публикации самих американских авторов, например С.

Хантингтона и П. Бьюконена, о судьбах американского населения и так называемой «американской идентичности». Книги П.Дж. Бьюконена глубоко проанализированы В. Поповым в «Советской России» (В. Попов. Ставрогины «закрывают» Америку? // Сов. Россия, 7 сентября 2006 г. Отечественные записки. Выпуск № 104; 14 сентября 2006 г. Отечественные записки. Выпуск № 105; 21 сентября 2006 г. Отечественные записки. Выпуск № 106). Для нашей темы особый интерес представляет книга С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской идентичности?» (М., 2004), своего рода энциклопедия, излагающая исторические перипетии этой «идентичности».

Конструирование «американской нации», или, как позже стали её называть, - «идентичности», началось по окончании Гражданской войны в конце 18 века, когда Штаты перестали быть колонией Англии. В основу «американской нации» была положена некая вера, или «американское кредо» - «порождение англо-протестантской культуры отцов-основателей» [5, с. 16]. Впервые это кредо было изложено Т. Джефферсоном и затем уточнялось в формулировках его последователей. Ключевыми элементами культуры явились английский язык, евангельские заповеди, английское представление о главенстве закона, ответственности правителей, правах человека, а также такие протестантские ценности, как индивидуализм, рабочая этика, убежденность, что люди могут создать рай на земле [5, с. 16].

Как видим, отцы-основатели с самого начала подошли к конструированию «американской нации» эклектически. В ней они скорее видели свою мечту, объединив в этом понимании совершенно различные по своей природе признаки: с одной стороны, отдельные этнические, с другой, – государственные, конституционные с добавлением, к тому же, узаконенного расового правового неравенства и геноцида коренных жителей Америки – североамериканских индейцев. К этой искусственно, эклектически конструируемой «нации» добавилась непрекращающаяся, всё усиливающаяся иммиграция со всего света переселенцев разной расовой и национальной принадлежности, с разными языками, культурой, национальными традициями, бытом и т.д. Сказались эйфория после Гражданской войны и нарождающийся агрессивный американский прагматизм. Отцы-основатели мечтали, что образовавшийся «плавильный котёл» всё это переварит. Спустя более полувека президент США Т. Рузвельт ещё более упростил понятие «американской нации», или «идентичности», оставив такие признаки, как английский язык, политические взгляды и признаки, характерные для США, – отношение к церкви и государству. Эти признаки должны были полностью исключать какие бы то ни было черты происхождения иммигрантов [5, с. 100].

Однако отцы-основатели и другие президенты просчитались. У истории человечества свой естественный, объективный путь формирования наций. Американская эйфория и прагматизм в этом фундаментальном вопросе дали весьма существенный по своим историческим последствиям сбой. По отечественным и европейским представлениям, существенным признакам нации здесь можно считать язык и то с некоторыми оговорками (речь может идти об американском варианте английского языка). Другие же признаки имеют государственную, юридическую, религиозную природу.

Сам С. Хантингтон пишет, что если раньше «жители США определяли свою идентичность в терминах «раса», «этнос», «идеология» и «культура», то сегодня первые два термина практически выведены из оборота» [5, с. 16]. Сами американцы рассматривают свою страну как конгломерат рас и этносов, и те ценности, которые когда-то провозглашали отцы-основатели, утрачиваются современной Америкой [5, с. 525]. Однако и единая вера в современных США подвергается сомнению [5, с. 536].

В сущности, в американском кредо нет уже ничего национального в отечественном и европейском понимании термина «нация», используемого американцами.

К настоящему времени от так называемой «американской идентичности» не осталось ничего собственно национального. Разве что американский вариант английского языка, против проникновения которого в собственно английский язык борется принц Чарльз, возглавляя общество за чистоту языка бывшей метрополии. Маркерами «идентичности» остались базовые понятия либеральной демократии, легшие в основу Конституции США.

Хантингтон, пропагандист американского империализма и «американской идентичности», говорит об амбивалентности американского общества: оно одновременно «уникально» и «универсально» [5, с. 417].

Американское общество не поддерживает чувство любви у иммигрантов к нации происхождения, её культуре и т.д. Но США, их руководство и пропаганда не поддерживает это чувство и в любой другой стране мира, считая такое чувство «эмоциями дурного тона», поскольку они противоречат универсальной американской морали. Для Хантингтона свет клином сошёлся на Америке, для него не существует никакого другого опыта изучения нации и национальных отношений, кроме американского. Автор полностью игнорирует европейскую науку о нации, хотя сам термин отцы-основатели первоначально заимствовали европейский и пытались, как мы видели, отыскать отдельные подходящие для него признаки. Но впоследствии этот термин стал заменяться пресловутой «американской идентичностью».

Однако Хантингтон вынужден с сожалением признаться, что «люди склонны находить в политических идеологиях то глубокое эмоциональное содержание, которое порождается «кровью и почвой», чувством принадлежности, культурой и национальностью» [5, с. 529]. Автор не вскрывает причин провала концепции «плавильного котла» и тем самым отсутствия в современной «американской идентичности» каких-либо действительно национальных признаков, с точки зрения европейской и отечественной науки. Между тем описанная автором история этой «идентичности» делает, на наш взгляд, эти причины очевидными.

Как пишет автор, в соответствии с Конституцией США, обретение иммигрантом «американской идентичности» предполагает три продолжительных этапа: натурализацию (получение гражданства), ассимиляцию и собственно «идентичность» [5, с. 337]. Процесс ассимиляции, т.е. приобретения собственно «американской идентичности», значительно продолжительнее. Он предполагает, по Хантингтону, почти полное изживание признаков нации происхождения и приобретение черт новой социальной общности или этноса [5, с. 380]. И лишь «в четвёртом поколении этническая наследственность стремительно исчезает» [5, с. 471]. Только после этого можно говорить об обретении «американской идентичности», и иммигрант может назвать себя американцем.

Очевидно, что темпы иммиграции в США во все времена, и особенно в XX столетии (из Латинской Америки, Филиппин, Японии, Китая, Восточной Европы и других мест) существенно опережают по времени эволюцию американизации иммигрантов, предполагающую – с её тремя этапами – значительную временную протяженность. Это противоречие в течение всей истории США, по сути дела, исключало формирование новой нации или так называемой «американской идентичности».

Пустота национального содержания в «американской идентичности», её тождество с отдельными законами Конституции США породили весьма нежелательное, по мнению автора, явление – отказ иммигрантов от гражданства и ассимиляции [5, с. 344].

Весьма распространённое в настоящее время стремление среди иммигрантов иметь два, а то и три гражданства есть отказ от ассимиляции и «идентичности». Возросло количество иммигрантов с двойным гражданством и двойной «идентичностью» [5, с. 322]. Хантингтон с сожалением констатирует, что «с применением практики двойного гражданства идентичность утратила свою определённую и исключительность. Американское гражданство превратилось всего-навсего в дополнение к гражданству других стран» [5, с. 334].

После описания всех перипетий в течение более чем двухсотлетней истории «американской идентичности» и её превращения в конечном итоге в некоторые узловые положения Конституции США, С. Хантингтон пишет о трёх путях или возможностях «позиционирования» Америки в XXI веке. В этих подходах автор демонстрирует откровенный экспансионизм и агрессивность США на правах единственной сверхдержавы мира, основанные на «универсальности» и всеобщей легитимности «ценностей» глобальной американской либеральной демократии и морали.

Первый подход – «моралистский» – основывается на уничтожении патриотизма и национализма как «эмоций дурного тона и на утверждении, что «международные законы, институты, договоры и нормы являются этически приоритетными по сравнению с законами, институтами и нормами национальных государств» [5, с. 417]. На основе сказанного выше все эти международные законы, институты и т.д. имеют американскую редакцию. Прогнозируемая, а вернее – насаждаемая американскими политиками и учёными перспектива нивелирует нации. Пример тому подаёт сама «американская идентичность», которую нельзя назвать собственно нацией.

У второго подхода – имперского – цель та же, только он отличается от предыдущего свое откровенной агрессивностью, предусматривает силовое, вплоть до агрессии, внедрение американских либеральных ценностей на правах единственной сверхдержавы мира. Эта роль США более всего импонирует и автору книги С. Хантингтону [5, с. 567]. Как США преследует «зло», миру известно.

Американцы исторически так воспитаны, что им нужен враг. Колонизация Америки, формирование Штатов началось с геноцида коренных североамериканских индейцев, бесчеловечной эксплуатации рабов-негров, о чём документально, подробно описано, например, в работах проф. О. Платонова. Разумеется, такое насилие над коренным населением и рабами-неграми могли осуществлять люди с психологической склонностью к агрессивности, к издевательствам над человеком. Построив фундамент своего благополучия на труде миллионов рабов, американцы уверовали в свою исключительность, универсальность своей «демократии» и своей идеологии.

Наличие в мире других форм государственного устройства, других наций, основанных на «эмоциональном содержании», США считает реальной угрозой своему существованию. Американский империализм нашёл «национальный» и «демократический» поводы для своей агрессивности.

Историческое идеологическое наследие, действие изощёренных информационных технологий существенно определяют воинственность, агрессивность сознания американцев. Враг, оказывается, необходим для существования искусственно сконструированной «нации». Потенциальным врагом остаётся и многонациональная Россия, к тому же имеющая и ядерное оружие.

Георгий Арбатов, долго изучавший Америку, понимал суть американской идеологии, т.е. «американской идентичности», когда говорил американскому руководству в 1987 году: «Мы осуществляем нечто, действительно ужасное для вас, – мы отбираем у вас врага» [5, с. 405]. Но и он не до конца раскусил глубину агрессивности американского империализма. Немного потребовалось времени, чтобы у США появились новые враги, которые быстро восстановили «национальную» конструкцию США. Хантингтон с убеждённостью пишет: «Трагические обстоятельства 11 сентября 2001 года вернули Америке её идентичность» [5, с. 15]. Оказывается, достаточно одного такого акта, чтобы «идентичность» восстановилась – весьма своеобразные условия существования «нации».

В третьем, так называемом «национальном подходе» «Америка не может превратиться в мировую державу и остаться собой. Представители других обществ не могут стать американскими и остаться при этом прежними» [5, с. 569]. Автор здесь лукавит. Он не мыслит себе будущее мира без превращения США в абсолютную мировую державу, а всех остальных обществ – в «американские общества», потерявшие все прежние национальные качества. Америке, т.е. несостоявшемуся «плавильному котлу» и не нужно изменяться. Ведь «универсальная нация» и единственно «легитимная» идеология американской либеральной демократии, агрессивная по своей внутренней природе, остаются. Выбравшая эту идеологию страна входит в мифическое множество «американских стран», теряя свои национальные качества. Можно даже сказать, что тем самым они приобретают такую же «идентичность», как и население США. Американский империализм эпохи глобализации добивается своей цели – управлять организованным им мировым хаосом и эксплуатировать вненациональный электорат.

Таким образом, различие трёх «подходов» мнимое, поскольку каждый – под разным словесным прикрытием – имеет одну и ту же цель: господство над миром единственной сверхдержавы с «универсальным» государственным устройством (= либеральная демократия) и «универсальной» же идеологией – отдельными положениями американской конституции, к которой сводится, как мы убедились, современная пресловутая «американская идентичность». Америка подчиняет мир по праву сильнейшего.

Естественный путь образования нации в США с самого начала был невозможен, человеческую историю нельзя обмануть никаким прагматизмом и мифологией.

В соответствии с американским воинствующим прагматизмом и мифологизмом все возможно: можно сконструировать «американскую идентичность» в соответствии с принятой Конгрессом конституцией; и, напротив, подвергнуть деконструкции другие нации согласно трём «подходам» или возможностям США как единственной мировой сверхдержавы в XXI столетии. Почему бы нет? Создать нечто подобное несостоявшемуся «плавильному котлу» Штатов только в мировом масштабе и управлять им.

Как это ни покажется парадоксальным, но длительное противостояние США и СССР в «холодной войне» скрывало назревавшие глубокие внутренние противоречия в США и существенно сдерживало их проявление. Кризис этот – национальный, внутригосударственный, имеющий глубинные исторические причины, истоки которых уходят ко времени конструирования отцами-основателями самих Соединённых Штатов. Распад СССР и объявленная либералами победа США в «холодной войне» обнаружили это опасное в перспективе глобальное противоречие теперь уже между США и остальным миром.

Во второй половине XX века стало ясно, что Америка как национальное государство не состоялась; её население, по сути дела, вненациональное. «Плавильный котёл» не смог переварить огромный конгломерат рас, наций и народностей. Между тем в мире ему противостоят национальные в своей основе государства, в том числе и западноевропейские, которые, казалось бы, по идеологии, общественной формации, государственному строю близки США.

Традиционные нации мира, национальный патриотизм и национализм – это не более как «эмоции дурного тона», «пережитки племенного сознания». Такие оценки и характеристики мы встречаем не только в книге С. Хантингтона. Он стали общим местом в трудах американских глобалистов, оккультистов и масонов (ср., например: 2, 3, 4).

К стратегическим целям американского империализма, выражающимся в экономическом и государственном господстве в мире, прибавилась цель, обусловленная надвигающимся глубоким внутренним национальным кризисом, разрешить который США планирует путём разрушения других государств, образованных на традиционной национальной основе. Эту задачу американское руководство планирует осуществить, насаждая в мире либеральную демократию, чтобы сделать из традиционных наций нечто подобное вненациональному населению США, распространить в конечном итоге «американскую идентичность» в мировом масштабе на правах сверхдержавы мира и «лучшего в мире общественно-экономического успеха».

Промежуточными ступенями в этом глобальном процессе следует видеть осуществляемые уже сейчас «европейскую» и «российскую идентичности».

Россия в национальном отношении, как уже указывалось, является антиподом США даже в нынешнем своём состоянии дикого капитализма. При официально объявленном научно несостоятельном определении нации как «гражданства» Россия фактически остаётся многонациональным государством, что закреплено в той же ельцинской Конституции РФ. Но Америке такая Россия не нужна. Ей требуется страна с однородной «российской идентичностью», в которой официально, конституционно должны раствориться все 150 наций и народностей Федерации, и прежде всего русский народ. Это был бы большой шаг на пути глобализации мира, управлять которым собираются США по праву сильнейшего.

#### **Список литературы:**

1. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб., 1996.
2. Курилкина О.А. Концепция Евразийства в России: миф или реальность? // История государства и права. №16 - 2013. <http://lawinfo.ru/>
3. Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М., 1995.
4. Тимофеев М.С. Идеи И.А. Ильина о сильном государстве // История государства и права. №22 - 2013. [С. 28-31 http://lawinfo.ru/](http://lawinfo.ru/)
5. Хантингтон С. «Кто мы? Вызовы американской идентичности». М., 2004.

**Shahzad Farid<sup>1\*</sup>, Muhammad Luqman<sup>1</sup>,  
Muhammad Zeshan Saleem<sup>2</sup>, Ahmad Saad<sup>1</sup>, Waqas Ali Khan<sup>3</sup>, Samia Arshad<sup>1</sup>  
and Imtiaz Ahmad Warraich<sup>1</sup>**

<sup>1</sup>Department of Sociology, Bahauddin Zakariya University, Pakistan.

<sup>2</sup>Department of Gender Studies, Bahauddin Zakariya University, Pakistan

<sup>3</sup>Department of Sociology, University of Gujrat, Pakistan.

## **Social Isolation within Family: An Analysis of Old Age Citizens**

### **1. INTRODUCTION**

The prevalence of social isolation is widely identified among aged people [1] and it has several correlates e.g., lack of communication [2,3], personal relationship [4-9], economic resources [3,10, 5,6,11,12] and health [13,14,6,15]. In addition, it is associated with suicide, distress, premature death and mental illness [16-23]. Although social isolation has been associated with different variables but lack of communication was rarely noticed which is a key factor of social isolation.

South Asian countries, particularly Pakistan and India, have common features and problems [24,25] such as bureaucracy and social isolation [26,27]. In these countries, second generation has lack of communication with aged people because of cognitive and age differences [28-30]. They depend upon their children, family members and relatives. Due to the dependency, they rarely welcome to participate in the family issues. They feel being ignored [31] to participate in family issues [32].

Women are more isolated than men [33] especially widowed and unhealthy [34,35]. [36] Explored the extent of objective social isolation among married and unmarried women of different ethnic background. They found that married women are more socially isolated than those who are unmarried because married women, particularly in urban areas, have lack of interaction with their male family members. The diversity of emotional state and behavior also affects their relationship [37,38]. Such lack of interaction forces them to live as unhappy person [39] and promotes interpersonal difficulties that produce schizophrenic state among them [40-42].

### **1.1 Conceptualization of Social Isolation**

Social isolation should not be confused with loneliness and social exclusion. Loneliness, initially, illustrated by [43,44] and afterwards it was given empirical support by [45] who claimed that loneliness is the deficit of one's social relations. Social exclusion elaborated as the exclusion of certain groups from benefits of development due to the particular social identity like gender, ethnicity, caste, religion and profession. It is clearly demonstrated in the Eurostat statistical book [46] that social exclusion is much broader concept that represents the cluster of concepts like poverty, unemployment, access to education, health care facilities and living conditions.

[47] Clarified that loneliness and social isolation are subjective and objective states respectively. Social isolation is an "objective state of having minimal contacts with other people" [48,49], whereas, "loneliness refers to the subjective state of negative feelings associated with perceived social isolation. It is also expressed as having lower level of contacts than desired contacts or the absence of a specific desired companion".

Interestingly, [50] stated that all socially isolated people are not lonely because loneliness is the subjective term.



## 1.2 Theoretical Perspective

Pre-suppositions in relation with social isolation have been described through multidisciplinary approaches like health and aging [6,51-53]. The factors of social isolation have coercive influences on aged people which compel them to live in isolation. Sociologists, having major concerns with coercive forces over individuals, reflected it by macro level theoretical perspectives [54] but the present study did not concern with the pre-suppositions of functional or conflict perspectives of Sociology. In the present research, the factors of social isolation are extracted from risk factors, loneliness and causes of social isolation [55-57,52,58,59-61] which compel old age people to be isolated socially.

The structure of Pakistan is changing rapidly e.g., family structure [62]. There are several causes of such a change [63] which are affecting aged persons [64]. In Pakistan, joint family system is about to end and nuclear family system is becoming popular which is clearly pointing towards the isolation of children from parents [65,66]. Such kind of assumptions and propositions intrigued the researchers to detect the factors that force the aged persons towards social isolation. Thus, the core objective of the study is to identify those factors which effect old age citizen to be isolated within family.

## 2. METHODOLOGY

The present research used the mixed approach technique (see Fig. 1) dividing it into two phases due to the certain restrictions which are as follow:

- 1) Respondents were not agreed to provide the required time and data.
- 2) A structured questionnaire and in-depth interviews could not be conducted simultaneously.

### 2.1 Phase One

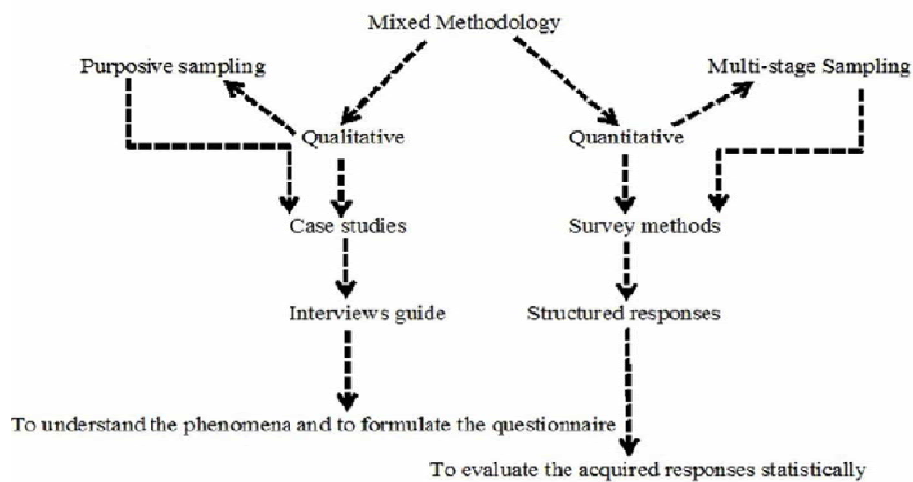
#### 2.1.1 Procedure, criterion and sample selection

Initially, researchers interviewed the 385 male and female respondents from Multan city; all respondents were above the age of 50 years. Researchers asked them either they feel isolation or not? Researchers did not include those males and females who were living in old age houses and do not have families because they were already isolated, whereas, the present study concerned with those old age people who conceived themselves isolated and those factors which forced them to be isolated. Those respondents who perceived themselves socially isolated were included in the sample (N=120) and all other male and female respondents who did not possess the selection characteristics excluded from the sample. While those respondents (i.e. widow, unmarried and divorced) who were living with families included in the sample as presented in Table 1.

**Table 1. Demographic profile of respondents**

Category	Age	Male (n=60)		Female (n=60)	
		Frequency	Percentage	Frequency	Percentage
		30	50.0		38.3
	50-55			23	
	56-60	18	30.0	21	35.0
	61-65	5	8.3	8	13.3
	Above 65	7	11.3	8	13.3
Education		13	21.7	15	25.0
	Uneducated	22	36.7	19	31.7
		17	28.3	17	28.3
		8	13.3	9	15.0
	Under matriculation				
	Under Graduation			4	6.7
	Above Graduation	21	35.0	14	23.3
Marital status		6	10.0	4	6.7
	Married	11	18.3	14	23.3
	Unmarried	22	36.6	28	46.6
	Divorced				
	Widowed	38	63.3	31	51.7
		10	16.7	17	28.3
		12	20.0	12	20.0
	Son				
	Daughter				
	Other				

Living with



**Fig. 1. Mixed Methodology path**

## 2.2 Phase Two

Tool for data collection and data collection procedure: After selection of the sample we formulated a structured questionnaire –consisted of 12 questions as presented in Table 2 which measured the factors of social isolation based on the previous researches and data acquired via first interview guide. The questionnaire was devised to identify the major factors that forced aged people to be isolated socially. The questionnaire is consisted of five points

Likert Scale ranging from strongly agree to strongly disagree. We analyzed the acquired data and organized the major factors of social isolation. Afterwards, we formulated a second interview guide to explore why those factors are forcing them to be isolated socially? Were-visited the panel of respondents for in-depth interviews and used the data, obtained through interview guide, to interpret the major factors of isolation.

### **3. RESULTS AND DISCUSSION**

Social isolation is an extensive concept having numerous indicators. Several researches have also been conducted associating multiple variables with social isolation [67,68,69]. It is impossible to measure a concept thoroughly covering all dimensions as [70] used a term “meaning space” (universe of indicators to measure a concept) to demonstrate this concept, whereas, [71] has made it evident through visual and theoretical depiction in her book “How to build social science theory”. Both of these have tried to explain that a concept in itself is a complex network of variables; therefore, we specified factors of social isolation. The factors selected to measure social isolation were not prioritized contingently for the study rather they were identified after the initial interview of respondents and review of relevant literature. All factors, except F.11 and F.12 see Table 2, are contiguous with the prefix “lack of” (e.g. lack of money) because social isolation, mostly occurs due to the absence or deficiency of selected factors whether physical (i.e. money) or non-physical (i.e. connectedness). Table 2 signifies the description of selected the factors of social isolation.

Table 2 depicts that lack of money (45 % are S.A) and lack of friends’ visits (45 % are S.A) are major contributing factors to make them socially isolated but most influential factor is lack of participation in family gathering (46.7% are S. A). Table 2 also revealed that lack of friends’ visits is imperative factor of social isolation comparing with lack of relatives’ visits (only 33.3% are S. A). Lack of participation in decision making within family is equally (43.3% are S.A) forced both, male and female respondents, to be isolated socially, whereas, minor importance was given by the respondents to the lack of involvement in matters of children like children consultation (33.3% are S.A), gossiping (30 % are S.A) and activities (38.3% are S.A).

Male respondents prefer lack of money, friends’ visits and decision making power as major factors of social isolation but the responses of females were contrary. Female respondents did not consider money as a proponent factor of social isolation (41.7% are SD). They preferred lack of involvement in family issues (46% are SA) and decision making process within family (46% are SA). The overall description of Table 2 reveals that female respondents have almost contrary axioms as compare to male respondents regarding coercive factors of social isolation. Therefore, the formulated hypotheses consisted of those factors which have vital contribution in social isolation of respondents.

Table 3 depicts that lack of money (independent variable) leads to the social isolation (dependent variable) among aged males and lack of involvement in family issues (independent variable) leads to the social isolation (dependent variable) among aged females.

**Table 2. Percentage distribution of respondents with respect to factors of social isolation (N=120; Males n=60 and Females n=60)**

Sr. #	Factors	Males						Females					
		SA*	A	UD	DA	SD	SA	A	UD	DA	SD		
1.	Lack of Money	45	10.0	11.7	26.7	6.7	5	11.7	18.3	23.3	41.7		
2.	Lack of relatives' visits	33.3	8.3	3.3	35	20	10	10	1.7	28.3	35		
3.	Lack of relatives' dealing	41.7	16.7	8.3	16.7			15.0	6.7	18.3	23.3		
4.	Lack of Friends' visits	45.0	18.3	5.0	25.0	16.7	36.7	11.7	6.7	21.7	18.3		
		46.7	13.3	3.3	23.3	6.7	41.7	10.0	5.0	21.7	21.7		
5.	Lack of Participation in Family gatherings	38.3	28.3	10.0	16.7	13.3	41.7	20.0	8.3	20.0	18.3		
6.	Lack of information about children activities	38.3	18.3	5.0	31.7	6.7	33.3	13.3	6.7	30.0	16.7		
7.	Lack of involvement in family issues	43.3	13.3	13.3	20.0	6.7	46	8.3	8.3	23.3	21.7		
		33.3	15.0	10.0	28.3	10.0	46	13.3	6.7	26.7	21.7		
8.	Lack of participation in decision making	30.0	28.3	5.0	15.0	13.3	31.7	26.7	26.7	15.0	6.7		
9.	Lack of children consultation	43.3	13.3	13.3	20.0	21.7	35	8.3	8.3	23.3	21.7		
		49	18.3	110.0	8.3	10.0	46	15.0	13.3	10.0	38.3		
10.	Lack of gossiping with children					33.3	51						
11.	Being unmarried or divorced												
12.	Self-Perceived social isolation												

\*SA=strongly agree A=agree UN=undecided DA=disagree SD=strongly disagree

**Table 3. Regression Analysis: Social isolation of males and females versus lack of money and lack of involvement in family issues respectively**

Predictors	Coef	SE Coef	t-value	p-value
*Constant	6.9701	0.5963	11.69	0.000
**LM	1.00751	0.02965	33.98	0.000
***Constant	33.803	1.736	19.47	0.000
****LIF	0.19135	0.03358	5.75	0.000

\*Regression equation is social isolation y = 6.97+1.007 LM x \*\*\*Regression equation is social isolation y = 33.803+0.193 LIF x \*\*Lack of Money  
 \*\*\*\*Lack of involvement in family issues

Actually, in Pakistan males hold the family economically [72] and they have to suffer for their family during their earning span. Caregivers spend, almost all of their lives, to scrutinize the process that how to feed their families and how to get better living standard for them and their families? They have to bear the expenses of education of children, family's health, food and almost every expense of family [73,74] even they have to pay for the hospitality of relatives and friends. When they become aged, it brings more psychological and social problems in their lives as retirement from job, lack of participation in family issues, loneliness and leisure [75, 76]. Indeed, they perceive themselves as money-man for family and get the maxim of "Money Relations" instead blood relations.

So, when they confront the lack of money (e.g., retirement) it elicits social isolation [77,78,79] that can decrease by giving them economic hold of the family. On the other hand, Pakistani females are less participative in work force [80] as compare to the other Asian countries [81] and mostly become the part of domestic work like child rearing, cooking and dish washing; the nature of work is different in rural areas of Pakistan [82]. They visit to their relatives only at special events and ceremonies. Therefore, lack of money is not a factor of social isolation for them. In case of typical Pakistani families, wives spend most of their time with the family stuff that's why they get very little time to visit relatives [83]. They get all their necessities within home without any job, while, it is a matter of pride for females to indulge in domestic affairs. That's why lack of involvement in family issues is a crucial factor of social isolation among aged women as compare to aged males. It also distorts their health [84] because isolation is associated with psychological impairments [41,85-88]. Results of the present study indicated that old age females are more concerned towards the lack of involvement in family issues as compare to males; therefore, the persistent involvement of aged females in family issues will reduce their isolation.

Self-satisfaction from earned money is also the factor that has been omitted in several studies of social isolation. Although some organizational reports paid attention on association between money and social isolation but they expressed it in suggestions and strategies to undermine social isolation among old age citizens.

#### **4. CONCLUSION**

The present research concluded that aged males and females are isolated from their families but the factors affecting their relations are varied [47] i.e. lack of money for males and lack of involvement in family issues for females. Some studies [89,90] inferred that females are more socially isolated than males, whereas, [91,92] reported males' isolation more than females. Males are responsible to cultivate their families [93] but when they encounter the monetary problems they perceive themselves as socially isolated. Females are more related with domestic relations [94,95] as compare to males, therefore, their life circulated around family relations [96,97] rather than earning which is a contrary result as compare to other researches [98,99]. It is also inferred that old age males and females perceived themselves socially isolated although they have families. Precisely, the study supported the formulated hypotheses that lack of money among aged males lead towards their social isolation and lack of involvement in family issues among aged females lead towards their social isolation.

#### **REFERENCES**

1. Wenger GC, Davies R, Shahtahmasebi S, Scott A. Social Isolation and Loneliness in Old Age: Review and Model Renement. *Ageing and Society*. 1996;16(3):333–358.
2. Retsinas J, Garrity P. Nursing home friendships. *Gerontologist*. 1985;25:376-381.
3. Maxwell G, Coebergh B. Patterns of loneliness in a New Zealand population. *Community Mental Health in New Zealand*. 1986;2:48-61.
4. Gierveld J. A review of loneliness: concept and definitions, determinants and

- consequences. *Reviews in Clinical Gerontology*. 1998;8:73-80.
5. Polansky N. Determinants of loneliness among neglectful and other low income mothers. *Journal of Social Service Research*. 1985;8:1-15.
  6. Mullins L, Elston C, Gutkowski S. Social determinants of loneliness among older Americans. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. 1996;122:453-473.
  7. Dykstra PA. Next of (non) kin: The Importance of Primary Relationships for Older Adults' Well-Being. Amsterdam: Swets and Zeitlinger; 1990.
  8. Dykstra PA. Loneliness among the never and formerly married: The importance of supportive friendships and a desire for independence. *Journals of Gerontology: Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 1995;50B:321-329.
  9. Plopa M. Anxiety dynamics in sea isolation: Family determinants. *Polish Psychological Bulletin*. 1996;27:359-371.
  10. Gallie D, Paugam S, Jacobs S. Unemployment, poverty and social isolation: Is there a vicious circle of social exclusion? *European Societies*. 2003;5:1-32.
  11. Jong-Gierveld JD, Tilburg TV. Living arrangements of older adults in the Netherlands and Italy: Coresidence values and behaviour and their consequences for loneliness. *Journal of Cross Cultural Gerontology*. 1999;14:1-24.
  12. Epstein LN. Determinants of regular source of health care in black, Mexican, Puerto Rican, and non-Hispanic white populations. *Medical Care*. 1991;29:543-557.
  13. Plouffe L, Hill AJ. Distressed and lonely: Health and social determinants among residents in seniors' housing. *Journal of Clinical Geropsychology*. 1996;2:51-60.
  14. Thoits P. Conceptual, methodological and theoretical problems in studying social support as a buffer against life stress. *Journal of Health and Social Behaviour*. 1982;23:145-159.
  15. Cobb S. Social support as a moderator of life stress. *Psychosomatic Medicine*. 1976;317:300-314.
  16. Turner RJ. Social support as a contingency in psychological wellbeing. *Journal of Health and Social Behavior*. 1981;22:357-367.
  17. Fratiglioni L, Wang H, Ericsson K, Maytan M, Winblad B. Influence of social network on occurrence of dementia: A community-based longitudinal study. *Lancet*. 2000;355:1315-1319.
  18. Robbins HJC, Metzner H. The association of social relationships and activities with mortality: Prospective evidence from the Tecumseh Community Health Study. *American Journal of Epidemiology*. 1982;116:123-140.
  19. Lester D, Yang B. Social and economic correlates of the elderly suicide rate. *Suicide and Life Threatening Behavior*. 1992;22:36-47.
  20. Berkman L, Syme L. Social networks, host resistance and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda County residents. *American Journal of Epidemiology*. 1979;109:186-204.
  21. Kawachi I, Colditz G, Ascherio A, Rimm E, Giovannucci E, Stampfer M, et al. prospective study of social networks in relation to total mortality and cardiovascular disease in men in the USA. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 1996;50:245-251.
  22. Rokach A. Loneliness and the life cycle. *Psychological Reports*. 2000;86:629-642.
  23. Ellis P, Hickie I. What causes mental illness?. In: Bloch S, Singh B, editors. *Foundations of Clinical Psychiatry*. Melbourne: Melbourne University Press; 2001.
  24. Chauhan CPS. Higher Education: Current Status and Future Possibilities in Afghanistan, 279 Bangladesh, Bhutan, India, Maldives, Nepal, Pakistan, and Sri Lanka. *Analytical Reports in International Education*. 2008;2(1):29-48.
  25. Haque MS. Recent transition in governance in South Asia: contexts, dimensions, and implications, *International Journal of Public Administration*. 2001;24(12):1405-1436.
  26. Haque MS. Incongruity between bureaucracy and society in developing nations: a critique. *Peace and change*. 1997;22(4):432-462.
  27. Zafarullah H, Haque A. Public Management in South Asia: Dimensions and Directions of Change. *International Journal of Public Administration*. 2003;21(10):1477-78.
  28. Mahajan A. Problems of the aged in unorganized sectors. Delhi: Mittal Publication; 1987.
  29. Gangrade KD. Social networks and the aged in India. In: Bose, AB, Gangrade KD, editors. *The ageing in India: Problems and potentialities*. New Delhi: Abhinav Publications; 1988.
  30. Batra S. Social components of active aging: A comparative study of engaged and disengaged women after retirement. *Journal of Research and Development*. 2004;10:23-29.
  31. Bose HS. Rural social change and the problems of the aged. *Social Welfare*. 1990;11:25-30.
  32. Vermani M, Darshan S. Changing social status of elders in rural Haryana. *Ageing and Society*.

- 2003;13:1-2.
33. Qureshi H, Walker A. The caring relationship, elderly people and their families. Basingstoke: Macmillan; 1989.
  34. Carey RG. The widowed: A year later. *Journal of Counseling Psychology*. 1977;24:125-131.
  35. Lynch JJ. The broken heart: The medical consequences of loneliness in America. New York: Basic Books; 1977.
  36. Reeder LG, Reeder SJ. Social isolation and illegitimacy. *Journal of Marriage and Family*. 1969;31(3):451-461.
  37. Berardo FM. Survivorship and social isolation: The case of the aged widower. *The Family Coordinator*. 1970;19(1):11-25.
  38. Lindsey EW. The impact of homelessness and shelter life on family relationships. *Family Relations*. 1998;47(3):243-252.
  39. Tissue T. Downward mobility in old age. *Social Problems*. 1970;18(1):67-77.
  40. Kohn ML, Clausen JA. Social isolation and schizophrenia. *American Sociological Review*. 1955;20(3):265-273.
  41. Lowenthal MF. Social isolation and mental illness in old age. *American Sociological Review*. 1964;29:54-7.
  42. Faris R. Cultural isolation and the schizophrenic personality. *American Journal of Sociology*. 1934;40(2):155-164.
  43. Zimmermann JG. About loneliness (Title translated in English). Frankfurt: Thoppau; 1786.
  44. Fromm-Reichman F. Loneliness. *Psychiatry*. 1959;22:1-15.
  45. Perlman D, Peplau LA. Toward a social psychology of loneliness. In: Duck SW, Gilmour R, editors. *Personal relationships in disorder*. London: Academic Press; 1981.
  46. Eurostate European Commission. Combating poverty and social exclusion: A statistical portrait of the European Union 2010. Luxembourg: European Union; 2010.
  47. Kaur H, Saini S. Assessment of the extent of social isolation amongst the aged for various dimensions of social isolation. *Anthropologist*. 2011;13(2):137-146.
  48. Lubben J, Gironde MW. Centrality of social ties to the health and well-being of older adults. In: Berkman B, Harootyan LK, editors. *Social work and health care in an aging world*. New York: Springer; 2003.
  49. Grenade L, Boldy D. Social isolation and loneliness among older people: Issues and future challenges in community and residential settings. *Australian Health Review*. 2008;32:468-478.
  50. Hawkey LC, Cacioppo JT. Aging and loneliness downhill quickly. *Association for Psychological Science*. 2007;16(4):187-191.
  51. Kivett. Discriminators of loneliness among the rural elderly: Implications for Intervention. *The Gerontologist*. 1979;19:108-115.
  52. Victor C, Scrambler S, Bond J, Bowling A. Being alone in later life: Loneliness, Social isolation and living alone. *Reviews in Clinical Gerontology*. 2000;10:407-417.
  53. Tjihuis MAR, Jong-Gierveld J, Feskens EJM, Kromhout D. Changes in and factors related to loneliness in older men: The Zutphen Elderly Study. *Age and Ageing*. 1999;28(5):491-495.
  54. Cuff EC, Sharrock WW, Francis DW. *Perspectives in Sociology*. 5<sup>th</sup> Ed New York: Routledge; 2006.
  55. Mullins CL, Smith R, Colquitt R, Mushel M. An examination of the effects of self-rated and objective indicators of health condition and economic condition on the loneliness of older persons. *Journal of Applied Gerontology*. 1996;15(1):23-37.
  56. Bosworth H, Schaie K. Relationship of social environment, social network, and health outcomes in the Seattle longitudinal study: Two analytical approaches. *Journals of Gerontology*. 1997;52B(5):197-205.
  57. Carr D, House J, Kessler R, Nesse M, Sonnega J, Wortman C. Marital quality and psychological adjustment to widowhood among older adults: A longitudinal analysis. *Journal of Gerontology. Social Sciences*. 2000;55B(4):197-207.
  58. Bukov A, Maas I, Lampert T. Social participation in very old Age: Cross sectional and longitudinal findings from BASE. *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. 2002;57B(6):510-517.
  59. Hawkey LC, Hughes ME, Waite LJ, Masi CM, Thisted RA, Cacioppo JT. From social structural factors to perceptions of relationship quality and loneliness: The Chicago health, aging, and social relations study. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2008;63(6):375.
  60. Evans GW, Wethington E, Coleman M, Worms M, Frongillo EA. Income health inequalities among older persons: The mediating role of multiple risk exposures. *Journal*

- of Aging and Health. 2008;20(1):107-125.
61. Biordi DL, Nicholson NR. Social isolation. In: Lubkin IM, Larsen PD, editors. *Chronic Illness: Impact and Interventions*. 7<sup>th</sup> Ed Sudbury: Jones and Bartlett Publishers; 2009:85-116.
  62. Mullins LC, Mushel M. The existence and emotional closeness of relationships with children, friends and spouses: The effect on loneliness among older persons. *Research on Aging*. 1992;14(4):448-47.
  63. Sharif M, Safdar S, Mubeen C, Hussain S, Rasheed S. Factors affecting family size and sex preference: A study of urban tehsil Faisalabad (Pakistan). *Journal of Agriculture and Social Sciences*. 2007;3(1):21-24.
  64. Ali SB, Kiani MFK. Ageing and poverty in Pakistan. MIMAP Technical Paper Series. 2003;18.
  65. Khan A. Psychosocial correlates of speech language impairment in the context of bilingual learning environment in a multi-cultural setting. *Pakistan Journal of Professional Psychology: Research and Practice*. 2006;1(1):1-9.
  66. Muhammad N, Ahmad MJ, Shah M, Ahmad Z. Old age people: A socioeconomic view of their problems in Peshawar City, Pakistan. *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*. 2009;7(2):126-130.
  67. Cacioppo JT, Hawkley LC. Social isolation and health, with an emphasis on underlying mechanisms. *Perspect Biology Med*. 2003;46(3):39-52.
  68. Tomaka J, Thompson S, Palacios R. The relation of social isolation, loneliness, and social support to disease outcomes among the elderly. *Journal of Aging and Health*. 2006;18(3):359-84.
  69. Brummett BH, Barefoot JC, Siegler IC, Clapp-Channing NE, Lytle BL, Bosworth HB, et al. Characteristics of socially isolated patients with coronary artery disease who are at elevated risk for mortality. *Psychosom Med*. 2001;63(2):267-72.
  70. Hage J. *Techniques and problems of theory construction in sociology*. New York. John Wiley; 1972.
  71. Shoemaker PJ, Tankard JW, Lasorsa DL. *How to build social science theory*. Thousand Oaks (CA): Sage publications; 2004.
  72. Isran S, Isran MA. Patriarchy and women in Pakistan: A critical analysis. *Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business*. Institute of Interdisciplinary Business Research. 2012;4(6):835-859.
  73. Mattoo SK, Nebhinani N, Kumar ABN, Basu D, Kulhara P. Family burden with substance dependence: A study from India. *Indian J Med*. 2013;137:704-711.
  74. Department of Economic and social affairs. *Men in families and family policy in a changing world*. United Nations, New York; 2011.
  75. Cloutier D, Kobayashi K, Smith A. The subjective dimension of social isolation: A qualitative investigation of older adults' experiences in small social support networks. *Journal of Aging Studies*. 2011;25:407-414.
  76. Rubinstein RL. *Singular paths: Old men living alone*. New York (NY): Columbia University Press; 1986.
  77. Arber, Ginn J. *Gender and later life*. London: Sage Publications; 1991.
  78. Tilburg T. Support networks before and after retirement. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1992;9:433-445.
  79. United Nations Development Programme. *Poverty, unemployment and social exclusion*. Croatia: UNDP; 2006.
  80. Afzal M. Micro-econometric analysis of private returns to education and determinants of earnings. *Pakistan Economic and Social Review*. 2011;49(1):39-68.
  81. World Bank. *World Development Indicators*. Washington (DC); 2002.
  82. International labor organization. *A rapid assessment of bonded labor in domestic work and begging in Pakistan*. 2004;22.
  83. Gilani Research Foundation. *Very few Pakistanis can afford recreational activities*. Gallup, Pakistan; 2009.
  84. Findlay RA. Interventions to reduce social isolation among older people: Where is the evidence? *Aging and society*. 2003;23:647-657.
  85. Hovaguimian T, Grab B, Stuckelberger A. Psychosocial problems and the health of the elderly with special reference to social isolation. *Journal of the Health Sciences Gerontology*. 1988;6:2-7.
  86. Gottlieb BH, Candice S. Collaboration and resources exchanged between professional and natural support systems. *Professional Psychologist*. 1978;9(4):614-622.
  87. Holtzman RE, Rebok GW, Saczynski JS, Kouzis AC, Doyle KW, Eaton WW. Social network characteristics and cognition in middle-aged and older adults. *Journal of Gerontology Series B Psychological Sciences*. 2004;59:278-284.



88. Barnes LL, Mendes CF, Wilson RS, Bienias JL, Evans DA. Social resources and cognitive decline in a population of older African Americans and whites. *Neurology*. 2004;63(12):2322-2326.
89. Vandervoort D. Social isolation and gender. 2000;19(3):229-236.
90. Elliott GC, Susan EM, Cunningham, Linder M, Colangelo M, Gross M. Child physical abuse and self perceived social isolation among adolescents. *Journal of Interpersonal Violence*. 2005;20(12):1663-1684.
91. Keith PM. Isolation of the unmarried in later life. *Family Relations*. 1986;35(3):389-395.
92. Amin H, Ali T, Ahmad M, Afzal A, Nosheen A. Participation of rural women in child care, education and training in Pakistan. *Pakistan journal of life social Science*. 2011;9(2):98-103.
93. United States Agency for International Development and Washington Development Associates. *Land and labor in Guatemala: An assessment*. Washington (DC); 1982.
94. Shaleesha A, Stanley VA. Involvement of rural women in aquaculture: An innovative approach. *Naga: The ICLARM Quarterly*. 2000;23:3.
95. Mahmood N, Nayab D. Gender dimensions of demographic change in Pakistan. *The Pakistan Development Review*. 37: 4 Part II. 1998;37(4):705–725;.
96. Sultana N, Nazli H, Malik SJ. Determinants of female time allocation in selected districts of Pakistan. *The Pakistan Development Review*. 1994;33:4.
97. Food and agriculture organization of the United Nations. *Women agriculture and rural development: A synthesis report of the near East Region*. FAO: Rome; 1995.
98. Nazli H, Hamid S. Concerns of food security, role of gender, and intra-household dynamics in Pakistan. *Working paper*. 2007;175.
99. Pal MS. *Women in Bangladesh: Country briefing paper*. Asian Development Bank. 2001;798-821.

K. Suman Kalyani<sup>1\*</sup>, C. Chandrasekhara Rao<sup>1</sup> and T. G. K. Murthy<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Central Tobacco Research Institute, Rajahmundry – 533 105, East Godavari District, Andhra Pradesh, India.

## Impact Analysis of Empowerment Programmes of Tribal Community in East Godavari, Andhra Pradesh, India

### 1. INTRODUCTION

The tribal farmers in East Godavari follow primitive methods of agriculture, known as podu cultivation and shifting cultivation [1,2]. Tribals mainly subsist on agriculture and cattle rearing, while kammaras are the traditional artisans. The Konda reddyies are still in primitive stage of hunting. The majority of the farmers clear away the forest lands on hill slopes by cutting and burning the trees. The tribes thus depend on various occupations viz., hunting, hill cultivation, simple artisan, pastoral and cattle-herder, folk-artist and agricultural and non-agricultural labour [3]. Nearly 30% of the total area is under forests with wide variety of fauna and flora. They raise minor millets like jowar, bajra, tapioca along with paddy which are staple food for them. Apart from agriculture they also follow seasonal occupations viz., tadi extraction, palm fibre production, tamarind combing, adda leaf collection and other minor forest produce (MFP) for their livelihood. The knowledge, awareness and adoption level of tribal farmers regarding agricultural technologies are very meager and insignificant [4,5]. The farmers do not aware of the recent agricultural technologies viz., seed treatment, green manuring, high yielding varieties, advanced agriculture implements and new breeds of poultry and cattle[5]. A set of agricultural technologies which were simple, effective and need based were selected and implemented to improve the knowledge, skills and abilities of the tribal farmers in the selected villages. An externally funded project was undertaken supported by Department of Bio-Technology (DBT), New Delhi in order to improve the livelihood security of tribal farmers with the following objectives.

1. To facilitate adoption of appropriate agricultural technologies.
2. To enhance the productivity level of the agro-based farming systems by dealing with the local problems effectively.

- To conduct need based extension activities in various agro-based technologies to improve knowledge, skills and abilities of tribal farmers.

## 2. METHODOLOGY

A project for a period of three years (2009 – 2012) was proposed and approved by DBT for empowerment of tribal farmers of East Godavari district. Pedageddada, Cheruvupalem, Chinageddada, Dokulapadu, Gandhi-nagaram, Bhupathipalem, Bandapalli, Thallapalem, Tativada, Pedapadu villages were selected from Rampachodavaram mandal / block, East Godavari district of Andhra Pradesh based on purposive random sampling. About 250 farm families in general and 100 tribal farmers in specific among ten villages of two panchayats from Rampachodavaram mandal were selected based on multistage sampling technique. Two key farmers from each village and a total of ten farmers were identified from five villages in the first stage where each key farmer has again identified another ten farmers in the second stage. Due this sample technique, several barriers like social and cultural obstacles were vitiated and the farmers were convinced. Problems in agro related aspects were identified through participatory rural appraisal (PRA) techniques and solutions were worked out. An interview schedule was developed, pre tested and incorporated. Interviews were conducted with farmers to elicit data before and after implementing interventions. Interventions through training programmes, awareness camps, front line demonstrations and method demonstrations were conducted to improve the knowledge, skills and abilities of tribal farmers. The impact of the project was analyzed by using summations and percentages. The rate of adoption and improved knowledge, abilities and skills in all the key areas were analyzed and presented. The maps of Andhra Pradesh state is shown in Fig. 1 and East Godavari district is shown in Fig. 2 were given below.



Fig. 1. Tribal population In Andhra Pradesh



Fig. 2. East Godavari district of Andhra Pradesh

### 3. RESULTS AND DISCUSSION

As the tribal farmers were highly conventional, they were reluctant at the beginning, but motivated afterwards by recognizing the benefits received by the key farmers in the adopted villages. The knowledge, socio-economic status, education, literacy levels are low in tribal communities on comparison with others [6]. The land holdings are very small and marginal [6]. The following technologies were incorporated and the impact was analyzed under the following sub heads. The following activities viz., facilitation of agricultural technologies, agro-based farming systems, need based extension activities have created a tremendous impact on the empowerment of tribal families [5].

#### 3.1 Facilitation of Adoption of Appropriate Agricultural Technologies

Under this objective, various frontline demonstrations on high yielding varieties (paddy), nutrient management and pest management in paddy crop, green manuring, soil test based fertilizer application, inoculation of bio-fertilizers viz., azospirillum to jowar seed, fertilizer management in paddy etc., were conducted to improve the awareness and reduced the adoption gap. The introduced technologies have created good impact in the adopted villages as shown in Table 1. Recent advances in agricultural technologies will have a good impact in improving the un-employment and increasing the family income of tribal farmers [4].

Table 1. Introduction of high yielding varieties and improved management practices

Activities	Results obtained	Impact
Front line demonstrations on Paddy high yielding varieties - (MTU-1001, MTU-1010, BPT-3626), INM-(Zinc sulphate - 50kg/ha), IPM in paddy (Chloropyriphos/ acephate-2-2.5ml/lt) Green manuring (sunnhemp – 50kg/ha ); Seed treatment of paddy (carbendazim /captan/thyram-2.5g/kg seed); Soil testing and water analysis (NPK levels, chloride content in water); soil test based fertilizer application; fertilizer management in paddy (split application of N- three times);	Due to the conduct of Front Line Demonstrations (FLDs) and method demonstrations, the tribal farmers are well acquainted with the improved agricultural technologies. The adoption gap was reduced, constraints were resolved and 80% farmers in the adopted villages started cultivating high yielding varieties and recommended scientific practices.	About 1200 kg/ha (35%) increase in yield was observed in paddy crop. The awareness of the tribal farmers regarding scientific know-how is significantly improved. The adoption gap was reduced. Varieties were popularized and entered into the seed chain. The area under cultivation of HYV was improved significantly. It has reached to an extent of 5000 hectares.

Front line demonstrations were conducted in the proposed adopted villages to acquaint the farmers with latest varieties and advanced technologies in pulses for period of three years (2009-2012) which has improved the farm productivity, net returns of the tribal farmers, as shown in Table 2.

**Table 2. Introduction of mosaic resistant varieties in black gram and improved management practices**

Activities	Results obtained	Impact
Front line demonstrations – high yielding varieties (LBG-623, LBG-752); inoculation of Rhizobium culture to pulse seed(rhizobium-200gm/10kg seed); IPM (Mancozob – 2.5gm/lt)	The tribal farmers have learnt the skill of inoculation of rhizobium culture. Farmers have identified that new varieties were giving good yields. The family diets were enriched with pulses along with cereals.	Yield improvement was observed up to 20% in black gram. The tribal farmers have improved their knowledge and skills. The adoption rate was increased up to an extent of 75 to 80%.

Season-wise front line demonstrations were conducted in the proposed adopted villages to acquaint the farmers with latest high yielding varieties and advanced technologies in cashew for period of three years (2009-2012) which has improved the farm productivity, net returns of the tribal farmers and presented in Table 3. Crop calendars were prepared where a set of management practices and instructions were given from time to time [7].

**Table 3. Improved technologies for higher productivity in Cashew orchards**

Activities	Results obtained	Impact
Front line demonstrations (pest management); pesticide application as a prophylactic measure. IPM in cashew (Monocrotophos-0.05% at flushing stage, endosulfan - 0.05% at flowing stage and carbaryl – 0.01% at fruiting stage)	Massive spray was done in cashew orchards in adopted villages. The pest incidence (T-mosquito and Stem borer) was controlled effectively with the help of monocrotophos (@ 0.05 %) at flushing stage, endosulphon (@ 0.05 %) at flower stage and carbaryl (@ 0.1%) at fruiting stage. There was significant reduction in panicle damage.	Improved yield up to 30% in cashew due to the reduced pest incidence. The tribal farmers have improved their knowledge and skills. The adoption rate was increased to up an extent of 90%.

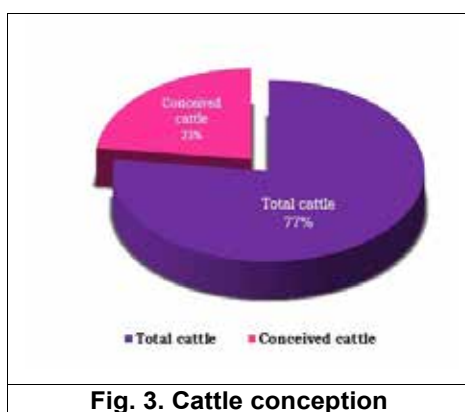
Front line demonstrations were conducted in the proposed adopted villages to acquaint the farmers with latest varieties and advanced technologies and cashew for period of three years (2009-2012) which has improved the skills in spraying, INM and IPM [8]. The farmers were trained in inoculation of bio-fertilizers.

### 3.2 To Enhance the Productivity Level of the Agro-Based Farming Systems

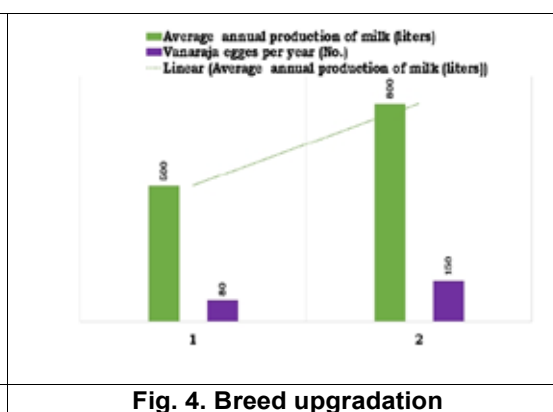
In interior tribal areas, lack of artificial insemination facilities, lack of awareness, lack of storage facilities of semen (cattle breeds), lack of technical expertise, location of tribal hamlets far from the insemination centers, has created a need to introduce high yielding male murreh buffalo in the tribal area. The murreh buffalo was introduced for the purpose of breed up-gradation. Due to this activity, about 23% animals were conceived and calves of murreh breed were born in the adopted villages and surrounding hamlets as shown in Table 4 & Fig. 3. The tribal families were benefitted by improving their family income of Rs.5000/-to Rs. 9000/- per month per family both by sale and consumption of the milk. The AP co-operative dairy society of Chekka Nimmalapalem village, Addategala Mandal got benefitted by introducing this buffalo in their dairy unit by improving the breed (33%). Awareness regarding murreh breed was also created among the tribal farmers. The fodder blocks, health camps, introduction of mineral mixtures, silages have improved the milk yields of cattle from 500 liters to 800 liters and eggs of poultry improved from 80 to 150 per annum as shown in Table 4 & Fig. 4. Animal husbandry and livestock are the components to be introduced for improving the health and nutritional status in tribal areas [4].

**Table 4. Introduction of breed improvement programme (Murrah and Vanaraja)**

Activities	Results obtained	Impact
Introduction of male murrah buffalo in cattle and vanaraja in poultry.	<p>Due to the up-gradation of poultry breed, the productivity level (egg laying capacity - 120 to 150) was improved significantly.</p> <p>The buffalos started conceiving and the progeny was improved significantly (80%) as the male buffalo was introduced in the villages which do not have a male previously.</p>	<p>Due to the up-gradation of cattle and poultry breeds, the productivity level was improved significantly (conception rate to an extent of 33.33% in cattle and breed up gradation to an extent of 25% in poultry). Awareness was created among farmers (80%).</p>



**Fig. 3. Cattle conception**



**Fig. 4. Breed upgradation**

The tribal farmers were well acquainted with the seed treatment, balanced fertilizer application and other advanced technologies for period of three years (2009-2012) which has improved the concept of seed village and thus seed multiplication was improved in tribal hamlets (Table 5).

**Table 5. Paddy nursery management & field crop management**

Activities	Results obtained	Impact
Application of carbofuran or phorate granules @1.5-2.0 kg/ha in paddy nurseries; treatment of paddy seedlings with carbendazim; micro-nutrient management (zinc application); seed village concept (2 villages); balanced fertilizer application; splitting the nitrogen fertilizer into three stages (basal, tillering and panicle formation).	Foundation seed was developed from breeder seed.	Breeder seed was multiplied by five progressive farmers and supplied to the village and hamlets.

The tribal diet is deficient both in macro and micro nutrients [6]. The kitchen garden component in the farming system has reduced family expenditure and improved the family income & tribal diets as shown in Table 6. Inclusion of kitchen gardens in backyards will reduce the malnutrition of pregnant and lactating mothers in tribal societies [4].

**Table 6. Nutritional security through backyard kitchen gardening, poultry, horticulture and animal husbandry**

Activities	Results obtained	Impact
Front Line Demonstration (vegetables HYV-arka Vijay); vegetable seed (IIHR varieties); establishment of Kitchen garden; maize as Rabi crop.	Farming systems concept was popularized among farmers.	Health and nutritional status of the tribal women and children was improved significantly. Disease incidence (scurvy, rickets, protein energy malnutrition, skin diseases) were reduced. Rs.6000/- p.a was supplemented towards family income.

Hill broom as a crop was readily accepted by the tribal farmers under podu cultivation. Income from other sources viz., labour works, collection of MFP, agricultural wage earnings form a major part of family income for tribals [6]. This hill brooms seeds was supplied and cultivation was taken up by the marginal farmers and the family income was improved (Table 7).

**Table 7. Need based programmes for rainfed upland agriculture**

Activities	Results obtained	Impact
Supply of hill broom seedlings	Hill broom cultivation was found suitable for rain-fed areas.	Additional annual income of (Rs.5000/year) due to cultivation of hill brooms on hill-slopes.

The tribals depend on forests for food, fuel and fiber needs [9]. Non-timber forest produce place a very important role in the tribal economy. Bio-gas plants were established for the benefit of tribal farmers which has saved the expenditure on fire wood. The introduction of bio gas units have reduced the family expenditure on fuel consumption, pollution, health problems and drudgery (Table 8).

**Table 8. Alternative fuel programme**

Activities	Results obtained	Impact
Establishment of bio-gas plants	Farmers established three bio-gas plants in the villages. Introduction of bio-gas units reduced the family expenditure on fuel consumption, pollution, health problems and drudgery. Deforestation was minimized.	Fuel saved and expenditure reduced to an extent of Rs. 5000/year. Better waste management, resource recovery and environmental conservation were observed due to the introduction of bio-gas units.

Awareness, knowledge and abilities of the tribal farmers were improved significantly (80%). General awareness programmes have a tremendous impact in improving the knowledge content of tribal farmers [4].

### 3.3 To Conduct Need Based Extension Activities in Various Agro-Based Technologies

Awareness and knowledge of the tribal farmers were improved significantly with the set of technologies transferred through training programs (Table 9). Thus a set of agricultural technologies with focused objectives create qualitative and quantitative changes in socio-economic parameters [10]. On an average by introduction of all the technologies in the tribal hamlets, there is an improvement of annual family income from Rs. 10,150 – 15,550 in agriculture, Rs. 15,500 – 19,500 in horticulture, Rs. 9,500 – Rs. 18,500 in livestock management, Rs.5,500 – Rs.15,000 in poultry + kitchen garden + MFP components and thus a total annual family income increased from Rs.40,650 – Rs. 68,550 (Fig. 5). Thus percent of increase in income was achieved to an extent of 68.63%.

**Table 9. Conduct of training programmes**

Activities	Results obtained	Impact
Paddy nursery management, Backyard kitchen gardening, Field crop management in paddy, integrated nutrient management in paddy, integrated pest management in paddy, package of practices in blackgram, integrated pest management in cashew, health and nutrition education, inoculation of Rhizobium to pulse seed, azospirillum inoculation in jowar, seed treatment, pesticide application in cashew, value addition to Minor Forest Produce(MFP), fruit and vegetable processing, green manuring, vermi-compost making, kitchen gardening etc.,	About thirty five training programmes were organized to create awareness in improved agro-based technologies.	The yield, production and productivity of field crops were increased to an extent of 35%. The total annual family income of the tribal community was enhanced. The knowledge level and skills of the tribal farmers was improved significantly. Linkages with resource agencies were developed. The adoption rate was improved to 80% regarding the latest technologies.

Awareness and knowledge of the tribal farmers were improved significantly with the set of technologies transferred through extension activities (Table 10).

**Table 10. Conduct of extension activities**

Activities	Results obtained	Impact
Exposure visits, Kisan melas (massive awareness programme comprising a group of farmers followed by exhibition), Field days, Diagnostic visits, Method demonstrations, Publications in regional language.	The extension programmes have increased the awareness and knowledge content of the tribal farmers. The communication skills of farmers were developed.	Technical know-how in recent agricultural technologies was enhanced. The awareness was created among tribal farmers



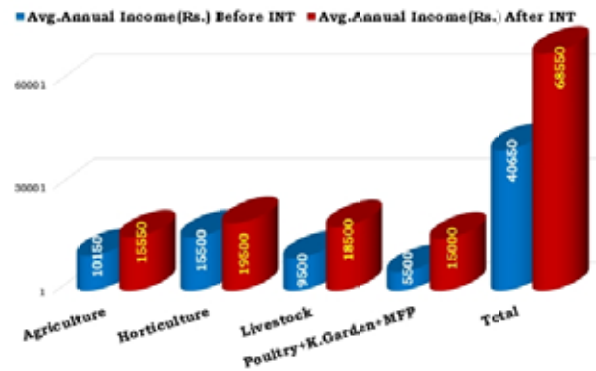


Fig. 5. Annual income of tribal families

➤ The farmers started adopting the need based improved technologies. The yield and productivity of the field crops were increased. The total family income of the tribal community was enhanced. The knowledge level and awareness of the tribal farmers were improved significantly. The crop productivity and family income level of the tribal families were significantly improved.

➤ The farmers have introduced kitchen gardening, horticulture and poultry to enhance farming system. The technologies introduced have intensified the existing farming system. Health and nutritional status of the tribal population in the adopted villages were improved significantly due to the implementation of backyard kitchen gardening.

➤ By the introduction of bio-gas units the family expenditure on fuel consumption, pollution, other associated health problems and deforestation were minimized.

➤ Low cost, improved farm agricultural implements were supplied and popularized. Improved agricultural implements have saved the drudgery and time. After introduction of drudgery reducing agricultural implements (dry land weeders, cono weeders, wind mill, pedal operated winnowing fans, adda leaf plate making machine), the occupational health hazards and drudgery of farm women were reduced to an extent of 50% and the farm efficiency was enhanced. The farmers acquired wide multiple skills in farm mechanization and the livelihood pattern was improved by implementing all the above technologies.

➤ An additional yield of 35% was recorded in paddy, over the local varieties. The seed village concept was popularized and the seed was multiplied. The paddy row seeder technique has saved the time and labour cost. The soil test based fertilizer application has improved the yields significantly.

➤ Due to the up-gradation of poultry breed, the productivity level (egg laying capacity – 150 eggs / annum) was improved significantly. The breed up-gradation in cattle was achieved to an extent of 23% in tribal villages and its surrounding hamlets. The fodder blocks and health camps have improved the milk yields.

➤ Need based, technologically sound and economically productive appropriate agricultural technologies were facilitated through conduct of training programs on

soil and water sampling procedure, soil test based fertilizer application, green manuring, INM and IPM technologies in paddy, blackgram, cashew, vegetables, jowar; backyard kitchen gardening, cattle health care, drudgery reducing agricultural implements, nutrition and health education, preparation of low-cost millet based recipes, value-addition to minor forest produce (adda-leaf plate making and amla products).

➤ The existing farming systems were modified and intensified by supplementing additional agro-based components for dealing the local problems and augmenting the family income of the tribal farm families. About 1200 kg/ha (35%) increase in paddy yield, 20% raise in black gram productivity, 30% improvement in cashew yields were observed. Breeds were up-graded; milk yields in cattle and egg laying capacity in poultry were enhanced. Thus the productivity level of the agro-based farming system was enhanced, net-returns were increased and an additional family annual income was gained after introduction of improved technologies in agriculture.

➤ Establishment of bio-gas plants and vermi-compost units helped in reduction of family expenditure on fuel consumption, and health problems of farm women. Homestead units were established to provide technical backup and marketing assistance in establishment of value added products viz., adda leaf plate making, hill brooms making, herbal powder making, post-harvest product management and MFP unit in order make the tribal youth self-reliant. Family income increase

to an extent of Rs. 5000/-per season after introduction of homestead units.

➤ Various extension activities viz., Kisan Melas (massive awareness programme comprising a group of farmers followed by exhibition), method demonstrations, exposure visits and diagnostic visits were conducted from time to time in order to equip the tribal farmers with improved technologies and latest technological know-how. Awareness was created in adoption of technologies. The knowledge level and skills of the tribal farmers were enhanced significantly. A total of 35 training programmes, 22 front line demonstrations, 2 Kisan Mela, 11 field days, 15 diagnostic visits, 16 method demonstrations, were organized for 250 families among ten villages of two panchayats.

#### **4. CONCLUSION**

The proposed interventions in agriculture, horticulture, poultry, animal husbandry and value addition programmes have enhanced the knowledge, abilities, skills and income level of the tribal families by improving their living standards. A desirable change was brought in economic, social, health aspects of tribal farmers. Such type of inventions are required to improve the primitive groups and hence can be replicated in the similar situations. The project can be replicated by adopting same type of interventions through introduction of farming system in rural and tribal India.

#### **ACKNOWLEDGEMENTS**

The authors are highly grateful to the Department of Bio-Technology (DBT), New Delhi for sponsoring the externally funded project entitled 'Empowerment of Tribal of East Godavari District through Agro-Ecological Conservation & Biotechnological Approaches' for implementing the project at Central Tobacco Research Institute, Rajahmundry, Andhra Pradesh for improvement of livelihood security of tribal farmers of East Godavari district.

#### **REFERENCES**

1. Nadeem Hasnain. Tribal India. Palaka Prakashan. Delhi; 1992.
2. Suman Kalyani K, Krishnamurthy V, Chandra Sekhara Rao C Aruna Kumari N, Jyothirmai VK. Socio-Economic Analysis of Tribals of East Godavari District, Andhra Pradesh Booklet Published by Director, CTRI, Rajahmundry; 2009.
3. Vidyarthi LP, BK Rai. The Tribal Culture of India. Concept Publishing Company; 1976.
4. Mohanty PK. Encyclopaedia of Scheduled Tribes in India. Isha Books, Delh; 2006.
5. Suman Kalyani K, Krishnamurthy V, Chandra Sekhar Rao C, Aruna Kumari N. Constraints analysis and prioritization through PRA techniques in the agency area of East Godavari District, Andhra Pradesh. Journal of Progressive Agriculture. 2010;1(1):35-38.
6. Sailaja Devi A. Socio-economic Conditions of Tribes. Sonali Publications, New Delhi; 2005.
7. Suman Kalyani K, Krishnamurthy V, Chandra Sekhara Rao C, Aruna Kumari N, Jyothirmai VK. Agricultural crop calendar (Telugu), published by Director, CTRI, Rajahmundry; 2009.
8. Suman Kalyani K, Krishnamurthy V, Chandra C, Sekhara Rao, Aruna Kumari N. Front Line Demonstration on Management of Tea Mosquito Bug. Indian Journal of Plant Protection. 2010;38(1):95-97.
9. Venkata Rao P. Dimensions of Transformation in Tribal Societies with reference to Andhra Pradesh. Sarup & Sons (Publishers), New Delhi; 2004.
10. Suman Kalyani K, Murthy TGK, Chandrasekhar Rao C, Aruna Kumari N. Life style of tribal farmers in East Godavari district – management practices in agriculture (Telugu) Booklet published by Director, CTRI, Rajahmundry; 2012.

## **THE DEVELOPMENT OF THE GERMAN SUFFRAGE (1815 – 1918)**

After collapse of the Roman Empire, the institute of suffrage developed more actively and Germanic states came to grant their citizens the right to elect representative organs of local authorities. On the eve of the revolution of 1848 the percentage of the citizens of German states granted the right to vote varied from 0,5 to 17 percent. According to the suffrage legislation of the first All-German National Assembly in 1848 the citizens of some member-states of the German Union had the right to participate in universal (for men), equal, direct elections by secret vote, while the citizens of the other states enjoyed relatively universal men's suffrage when they could participate in elections by equal, indirect voting by show. The citizens of the North-German Union and later German Empire had the right to vote in relatively universal elections in fact unequal from 1871 and by secret vote only from 1903. The suffrage in the German states from 1815 to 1918 provided the right to elect only representative authorities whose competence was of little significance. Besides, exercise of suffrage during major part of the period in question went parallel with virtually total deprivation of political rights. The abstract of the report is based upon the studies carried out under the grant of the Russian State Fund for Humanities (RGNF, project No 14-13-34014).

Right after the collapse of the Holy Roman Empire the suffrage development process activated and separate German states got granting their citizens the rights to elect local representative government bodies.

Due to the Union Act of 8 June 1815 that stipulated adoption of class-representative constitutions providing for representative government bodies in some German states, gradually (first in the South-German lands) suffrage was implemented. It was rather limited: not universal, not equal, in most cases not direct and in most cases by secret ballot. Practically everywhere the right to vote personally was given to men only. Though in some German lands suffrage (the right to vote through a representative) was granted also to women. On the eve of the revolution of 1848 the portion of people granted suffrage in the German states varied from 0.5 to 17 percent (depending on the character of a state or district). But, despite all this, the suffrage in many German states was fairly democratic if compared with other European countries.

The development of suffrage in Prussia can provide us with a general notion of the German elections on every level in 1815-1918. Elections of local government bodies, of provincial bodies and elections of the united landtags in the first half of the XIX century cannot be described as free or fair, although they were elections by secret ballot, because nearly 90 percent of population had not the right to vote (on the religious and national grounds as well). Also it should be noted that the elective representative bodies in Prussia and in other German states did not play any important role as it were the monarchs who really had power and authority. It was not until 1848 when in Prussia people's representations were formed on the basis of rather democratic (though not direct) elections.

The Prussian pattern of the suffrage development was like this. First they intended to calm the population by granting the rights to form the representative local government bodies, but it proved insufficient. Then these rights were extended to the regional representative bodies, but it proved insufficient either. Later the united landtags of the German states were set but the citizens still demanded the people's representation and the monarchs gave in again. Eventually as revolts occurred, the idea of elective all-German people's representative organ was realized. The population of most German states in 1848 was granted temporarily rather large elective rights to elect representative government bodies of every level.

As early as in 1849 three-class suffrage was implemented to elect the Prussian landtag. According to the suffrage the minority (those who belonged to the first and second classes) selected quite a few times more electors than the majority of voters (those who belonged to the third class). This suffrage determined the membership of the landtag. It consisted mostly of deputies who defended the interests of the well-to-do citizens.

The Prussian suffrage evolved against a background of the revolutionary movement in the following way: no democratic elections – the revolution of 1848 – implementation of comparatively universal, equal suffrage – decline in the revolutionary movement – three-class undemocratic suffrage – the revolution of 1918 – universal equal suffrage.

Because of considerable faults in limited class suffrage in Prussia the people were not very active in elections. Under the three-class suffrage it were the third-class voters who above all ignored elections because

they saw that they could not affect the situation. The limited suffrage met the interests mostly of the wealthiest citizens thus the wishes of the far greater part of the population – the poorer citizens – were considerably ignored.

Yet, despite its undemocratic character the Prussian three-class suffrage did allow the greater part of men to express their opinion in elections. We analyzed the statistics and established that in Prussia the portion of the citizens having the elective rights was about 30 percent larger than in England at the same period of time.

The Prussian three-class suffrage was almost universal (granted to the greater part of the men's population), indirect, unequal; elections were held by open voting (the right for the secret vote went through a number of curious transformations: secret vote by ballot – secret vote by voting paper – open vote).

According to the legislation on the election of the first All-German National Assembly in 1848 citizens of some German Union states were granted the universal (for men), equal, direct suffrage by secret vote, while in other states the citizens (men only) were content with the relatively universal (there were some qualification requirements about financial independence or tax qualification), equal, indirect suffrage by open vote. Despite the relatively democratic suffrage in the German states only about 70 percent of voters took part in the election of the Frankfurt National Assembly.

On 12 April 1849 a law was passed "On election of the People's Chamber of Germany". This law contained almost every principle of democratic suffrage. Men were granted relatively universal, equal, direct suffrage by secret vote. However the law never entered into force.

This law which came to be a sample of democratic suffrage for many countries for many years can be defined as one of the most outstanding events in the world's development of the law science and democracy.

It is traditionally believed that the election of the North-German Union Reichstag and then the election of the German Empire Reichstag were held on the basis of the universal, equal, direct, men suffrage by secret vote. But actually the suffrage was limited, unequal from 1871, elections were held by secret vote as late as from 1903.

Most faults of the Empire suffrage and of the legal status of the elector were eliminated with the passage of the law "On the Reichstag membership and proportional elections in large constituencies" on 24 August 1918. This law substituted the mixed election system for the majority one.

It is significant that the legal principle of equality of electors was broken in many elections in the German states because of the inequality of constituencies or because in case of equality of votes the winner was determined by lot. The inequality of constituencies stemmed from the fact that some of them were formed on the basis of the standard norm of representation while the others were based on the regulation that every area of the German Empire must have at least one representative in the Reichstag. We believe that this inequality of constituencies was justified even from the point of view of the modern legal norms.

The German states suffrage in 1815-1918 allowed the people only to participate in forming the representative bodies which were not important. Besides, the suffrage acted against a background of almost total absence of the political rights of the citizens during all the period studied (except the election for the Frankfurt National Assembly); this is further evidence that the German suffrage was not free and fair. These were the main reasons why some people's demands were satisfied and the government devised more democratic suffrage in the German states than in other countries (in most German states the suffrage was democratized).

Social and political character of suffrage and elections based on it cannot be determined only by the procedure of elections and the elective rights stated in the legislation. It is political regime that is crucial.

In the early XIX – the early XX centuries the development of the suffrage in the German states was closely connected with the people's revolutionary demands. As these demands grew more insistent the suffrage grew more democratic. As the revolutionary movement slowed down the suffrage got limited [1]. This happened because of fear that democratic suffrage may damage the essence of the state power. Deprivation women of the elective rights was considered natural and had not to be legally laid down. In most cases when granting citizens the elective rights the most important consideration was that people who have no economic influence must not participate in governing the state.

In our opinion the suffrage is an institution which can be constantly perfected but which can never achieve the ideal. For instance, in today's Germany which is a country with democratic suffrage many citizens still campaign for democratization of the suffrage as it was in XIX – the early XX centuries ("Suffrage not for everyone" [Wahlrecht nicht für alle]; "More democracy" [Mehr Demokratie]; "More democratic elections" [Mehr Demokratie beim Wählen]. These slogans today are as urgent as they were in the past and will surely be such in the future.

The main trend in the German suffrage development both in the period studied and at present time is granting the elective rights to more citizens and democratization of suffrage. The slogan “Mehr Demokratie beim Wählen” (More democratic elections) has been successfully realized over XIX-XXI centuries [2].

**References:**

1. Meyer G. Das parlamentarische Wahlrecht. - Berlin, 1901. - P. 252.
2. Боков Ю.А. Формирование избирательных прав германских граждан (1815-1918 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. - Волгоград: ВолГУ, 2003. - С. 123.

*Shmarion Yuri Vasilyevich, Lipetsk State Pedagogical University,  
Professor, Doctor of Sociological Sciences, the Faculty of Information and Social Technology,  
Blagin V. Vladislav Sergeevich, Lipetsk State Pedagogical University  
Head of the Laboratory of Sociological Research, the Faculty of Information and Social Technology,*

***Influence of types of activity for a healthy lifestyle residents at the municipal level***

*Шмарион Юрий Васильевич, Липецкий государственный педагогический университет,  
Профессор, доктор социологических наук, факультет Информационных и социальных технологий  
Благинин Владислав Сергеевич, Липецкий государственный педагогический университет,  
Заведующий лабораторией социологических исследований, факультет Информационных и  
социальных технологий*

**Активность населения муниципальных образований в организации и реализации здорового образа жизни**

Согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на здоровье населения влияют следующие факторы: образ жизни (49-53%), экологические и генетические факторы (до 40%), состояние системы здравоохранения (до 10%) [1].

Только здоровый современный человек может эффективно противостоять новым социальным и техногенным «вызовам», обусловленным техническим прогрессом и усложнением социальных процессов, проявляя активность в организации и реализации здорового образа жизни (далее ЗОЖ), опираясь, на имеющиеся ограниченные личные ресурсы и помощь федеральных, региональных и местных властей. Это приводит к широкому спектру социальных взаимодействий, как на микроуровне — это взаимодействие в рамках семьи, небольшого рабочего коллектива, студенческой группы, группы друзей и т.п., так и взаимодействие на макроуровне, которое разворачивается в рамках социальных структур, институтов и даже общества в целом [2].

Сложная структура социальных процессов и высокий уровень социальной динамики предопределяют множество стратегий поведения человека, укладов жизни, обуславливают разнообразие взаимодействий на макроуровне и микроуровне и требует системного социологического описания ЗОЖ, которое в социологии недостаточно разработано и в результате процесс формирования и развития ЗОЖ не соответствует достигнутому уровню социальных технологий. Социологические данные о ЗОЖ разрозненны, не систематизированы, носят преимущественно медико-биологический характер. Так в частности, Ю.П. Лисицын отмечал, что «здоровый образ жизни - это не просто всё то, что благотворно влияет на здоровье людей» [3]. По его мнению категория «здорового образа жизни» не сводится строго к медико-социальной активности, а, прежде всего, к «активной деятельности личности, группы людей, общества, использующих материальные и духовные условия и возможности в интересах здоровья, гармонического физического и духовного развития человека» [4]. Образ жизни как социологическая категория дает возможность комплексного изучения различных сфер жизнедеятельности населения:

культуры, быта, трудовой деятельности, характерных для конкретных социально-экономических отношений [5]. В современных условиях эффективное формирование и развитие здорового образа жизни населения любого муниципального образования нуждается в социальном управлении. Как отмечают Ю.П. Лисицын и Н.В. Полунина [6], здоровый образ жизни определяется в основном следующими видами активности человека: производственной (трудовой), внеуродовой (прежде всего физической), медицинской. Социальное управление процессом формирования и развития ЗОЖ предполагает наличие количественных характеристик этих видов активности, для получения которых была разработана программа социологического исследования. Анкетирование населения проводилось в Усманском, Чаплыгинском, Елецком, Воловском муниципальных районах Липецкой области, а также в областном центре – городе Липецке. Объем квотной выборки составил более 5000 наблюдений. Чаплыгинский муниципальный район Липецкой области является типичным муниципальным образованием, на примере которого возможно оценка уровня трудовой, внеуродовой и двигательной активностей населения. Среди взрослого населения Чаплыгинского района, около трети граждан – (29,9%) не занимаются физической культурой, а 41,5% населения занимаются физической культурой нерегулярно – от случая к случаю. Недостаточность двигательной активности у большей части населения ( $29,9\%+41,5\%=71,4\%$ ), в соответствии с определением ВОЗ, свидетельствует об отсутствии физического благополучия. Вместе с тем в сообществе, если люди (10,1%), которые регулярно в том или ином виде проявляют физическую активность, регулярно делают утреннюю зарядку – 12,0%, посещают спортивные секции – 5,1%, профессионально занимаются спортом – 1,4%. В целом, это достаточно большая группа граждан ( $10,1\%+12,0\%+5,1\%+1,4\%=28,6\%$ ) активно занимающаяся своим здоровьем, посредством регулярной двигательной активности. Для большинства граждан (77,1%), занимающихся физической культурой, на это важнейшее для здоровья мероприятие уходит от 30 минут до 1 часа, что составляет всего от 2,08% до 4.16% суточного времени.

Представленные данные свидетельствуют о том, что у граждан Чаплыгинского района сложились три стратегии реализации двигательной активности: первая стратегия характерна лиц, которые профессионально занимаются спортом, посещают спортивные секции, регулярно выполняют различные физические нагрузки. Это 15% всего населения, которое занимается регулярно, в одно и тоже время. Вторая стратегия характерна для тех, у кого технология ЗОЖ стала осознанной и одной из необходимых для обеспечения активной жизни, однако иногда объективные жизненные обстоятельства не позволяют обеспечить регулярность занятий физической культурой и спортом. Третья стратегия отражает поведение людей, которые осознают необходимость двигательной активности, но стойких мотивов регулярных занятий физкультурой и спортом у них не сложилось.

Трудовая активность обусловлена необходимостью обеспечения материального достатка домашнего хозяйства. В процессе трудовой деятельности на человека влияют различные факторы, в том числе и негативно сказывающиеся на состоянии здоровья. В целом, по оценкам 42% жителей Чаплыгинского муниципального района, их трудовая деятельность не влияет на состояние здоровья, либо даже улучшает его, на что указывают 20% респондентов. Однако 38% респондентов отмечают, что работа негативно отражается на их здоровье. Среди факторов трудовой деятельности, отрицательно воздействующих на здоровье жителей Чаплыгинского района, преобладают следующие: некомфортная температура (18,5%), непрерывный шум (15,8%) и недостаточная освещенность (14,6%), электромагнитное излучение (9,2%), контакт с опасными для здоровья химическими веществами (4,7%), постоянная вибрация (1,3%). Помимо факторов техногенного характера, на здоровье человека влияет психологический климат трудового коллектива. Психологическая обстановка на предприятиях благоприятная, об этом свидетельствует 55,2% респондентов, 35,2% отмечают, что психологический климат в коллективе ориентирован исключительно на деловые отношения. В целом 90,4% респондентов оценивают психологический климат трудовых коллективов Чаплыгинского района как позитивный. Интенсивность труда имеет следующие характеристики (по пятибалльной шкале): физическая нагрузка - 3,46 балла, умственная нагрузка - 3,90, эмоциональная нагрузка 4,03.

До сих пор традиционно считалось, что образ жизни в муниципальных районах более здоровый по сравнению с городским. Однако заболеваемость жителей поселений муниципальных районов

достаточно часто оказывается выше, чем жителей областных и районных центров. Одна из причин – низкая медицинская активность сельского населения, нерегулярное посещение лечебно-профилактических учреждений. Жители Чаплыгинского района оценивают качество медицинского обслуживания на 3 балла по пятибалльной шкале и видят в ней много недочетов. Только 13% респондентов при первом недомогании обращаются к врачам, 52,5% обращаются к врачам только в случае серьезного заболевания, 9% населения не обращаются к врачам в принципе и надеются на ресурсы своего организма. Несмотря на утверждение руководства сферы здравоохранения, что диспансеризация населения Чаплыгинского района составляет 100%, практически треть опрошенных утверждают, что не проверяют свое здоровье, если их ничего не беспокоит. Чуть больше трети проходят медосмотр только по инициативе работодателей. Регулярно проходят медосмотры по собственной инициативе лишь 17%, что крайне недостаточно. В целом, несмотря на довольно низкую оценку качества медицинских услуг в районе, большинство населения (82,0%) доверяют врачебным назначениям и рекомендациям и соблюдают их полностью либо по мере финансовых возможностей. Однако 10% отметили, что выполняют медицинские указания в случае, если они им нравятся, а 8% респондентов считают, что врачи не разбираются в медицине и предпочитают лечиться на духовном уровне (заговорами, молитвами и т.п.), либо не лечиться вообще, а надеяться на внутренние ресурсы своего организма. В случае заболевания большинство жителей Чаплыгинского района (61,4%) принимают отечественные лекарства, предпочтение импортным отдают 28,2%. Средства народной медицины использует четверть опрошенных [7].

Выявленные виды активности и их количественные характеристики позволят построить математические модели, связывающие уровень здорового образа жизни с видами активности и использовать эти модели при разработке социальных технологий формирования здорового образа жизни населения муниципальных образований.

#### **Список литературы:**

1. Устав (Конституция) всемирной организации здравоохранения // ВОЗ. Основные документы. 39-е изд. / пер. с англ. – М.: Медицина, 1995. – 208 с.
2. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет...Статьи разных лет / Ин-т социологии. - М.: Наука, 1994. — С.22-27
3. Лисицын Ю.П. Слово о здоровье. - М.: Советская Россия, 1986. - С. 53.
4. Лисицын Ю.П. Образ жизни и здоровье населения. - М.: Медицина, 1982. - С. 35.
5. Социологический энциклопедический словарь/Под ред. Г.В. Осипова. – М.: Инфра-М-Норма, 1998. – С. 227.
6. Лисицын Ю.П., Полунина И.В. Здоровый образ жизни ребёнка. - М.: Общество «Знание», РСФСР, 1984. - С. 15
7. Шмарион Ю.В., Благинин В.С., Дуспаев Б.Т., Кузьмина Е.Е. Здоровый образ жизни населения муниципального образования: социологический анализ (на примере Чаплыгинского муниципального района Липецкой области): Монография./ Ю.В.Шмарион, В.С.Благинин, Б.Т.Дуспаев, Е.Е.Кузьмина. – Липецк: ЛГПУ, 2013.– 203 с.

**Neduzhko Yury Victorovich,**  
*Volyn Institute for Postgraduate Education,*  
*Professor, Doctor of Historical Sciences*

## **Ukrainian diaspora and the Orange Revolution in Ukraine in 2004.**

During the presidential elections in Ukraine in 2004 clearly manifested patriotism Ukrainian diaspora willingness to always defend the national interests of their own people and homeland. November 12, 2004 UWC President Askold Lozinski sent a letter to the chairman of the Central Election Commission(CEC) Sergei Kivalov statement of gross violations during the first round of presidential elections in Ukraine and call for free and fair expression of Ukrainian during the second round. November 22, 2004 there was a joint statement Ukrainian World Congress (UWC), Ukrainian Congress Committee of America (UCCA) and the Ukrainian Canadian Congress (UCC) of mass violations during the second round of the race and the falsification of the will of the voters. UWC President had a telephone conversation with the chief of staff Viktor Yushchenko, Oleksandr Zinchenko and assured him that the Ukrainian diaspora support the recognition of falsified election results in Ukraine, announced by the CEC.

November 24, 2004 addressed to the UWC Ukrainian diaspora calling organize demonstrations in front of the official offices of Ukraine abroad, demonstrations in front of embassies and consulates of and influence on the authorities of his conviction for fraud during the electoral process and not to determine the results of the race. November 29, 2004 issued a call for UWC Ukrainian diaspora organizations to influence their governments to recognize the President of Ukraine Viktor Yushchenko. The document, in particular, emphasized : " World Congress of Ukrainians believe that the elections were blatantly rigged , and clearly ... and that the real winner is said. So the Ukrainian World Congress finds Viktor Yushchenko was elected president of Ukraine. UWC express recognition of all members of the current authorities and the diplomatic corps, institutions implement the law, the military and the people of Ukraine who have expressed unequivocal support for Viktor Yushchenko as President of Ukraine"<sup>1</sup>.

The Orange Revolution inspired the Ukrainian foreign to new heights in the name of Ukraine. Hundreds of thousands of Ukrainian diaspora took to the streets of Ottawa, Toronto, Winnipeg, Edmonton, Montreal, Washington, New York, Astoria, Chicago, Detroit, Boston, Baltimore, Cleveland, New Jersey, Philadelphia, Buffalo, Los Angeles, Canberra, Perth, Victoria, Melbourne, Sydney, London, Paris, Berlin, Munich, Rome, Barcelona, Madrid, Lisbon, Naples , Warsaw, Prague, Riga, Vilnius, Budapest, Zagreb with the requirements for Democracy in Ukraine. In their hands they held orange flag , ribbons and transporters with the slogan "We support democracy in Ukraine", portraits of the leaders of the Orange Revolution Viktor Yushchenko and Yulia Tymoshenko.

From 22 November to 19 December 2004 continued action Ukrainian diaspora in support of the Orange Revolution. Foreign Ukrainian community and launched a fundraising items to support Square in Kiev. It was a genuine expression of national patriotism that united the Ukrainian people in Ukraine and the Diaspora. The idea of further democratic development of Ukraine, depriving it of total corruption and power semi-criminal oligarchic clans for Welfare Ukrainian, transform Ukraine into a powerful, rich and prosperous nation rallied around him from different generations of Ukrainian emigration, warmed their hearts the hope of rapid democratic change for the better in Ukraine. His hopes are associated with the leaders of the Orange Revolution, Viktor Yushchenko and Yulia Tymoshenko, whose fiery speeches they heard on TV and radio. Ukrainian diaspora they believe. These politicians were for many years the national heroes, undisputed leader of the Ukrainian people for foreign Ukrainian.

---

<sup>1</sup> *Про сучасні події в Україні // IX Світовий Конгрес Українців. – Київ-Україна, 2008. – С. 104-105.*



November 25, 2004 in Washington DC Embassy of Ukraine to the representatives of the Ukrainian diaspora organized a protest against election fraud and usurpation of power in Ukraine. Demonstrators came from across the country demanded that the U.S. government does not recognize the election results and to support the Ukrainian people in their struggle for democracy. In a meeting attended by representatives of the Ukrainian community in New York, Washington, Chicago, Detroit, Astoria, Philadelphia, Boston, Baltimore, Cleveland, Buffalo.

U.S. Rep. Sander Levin, a member of the U.S. Democratic Party called on the government to listen to the citizens of Ukraine, Ukrainian peoples who have entrusted their power and fulfill the requirements of Ukrainian who came to protest on Independence Square in Kyiv and other cities of Ukraine squares. Ukrainian diplomats who signed statements of support for the people of Ukraine, welcomed the protesters and thanked them for their support in the fight against totalitarianism and lawlessness in Ukraine. Representatives of the Ukrainian Diaspora held talks on the events in Ukraine Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Ukraine to the United States Michael Resnick and with the guidance of the Bureau of Ukraine to the U.S. State Department, emphasizing the need for U.S. intervention in the situation in Ukraine. It should be noted that while continued demonstrations in front of the Russian Embassy in the United States and to the U.S. State Department. Ukrainian diaspora demanded non-interference in the internal affairs of Ukraine and greater support for resolving the political crisis in Ukraine by President George W. Bush. Ukrainian diaspora protests began in New York, Los Angeles, Detroit, Chicago, Buffalo, Philadelphia and other U.S. cities. The Orange Revolution Ukraine has moved beyond that spread to the West, Ukrainian community, which came to be full participants. Concern for the fate of his own people and the future of their distant homeland united in defense of further democratic development of Ukraine. Guide to Ukrainian American community in constant contact with representatives of the U.S. State Department, the administration of U.S. President George W. Bush and members of Congress to determine the action of the authorities of the North American country. U.S. Congressmen Curt Weldon of the Republican Party and Marcy Kaptur Democratic Party issued a statement in support of the Orange Revolution in Ukraine and the Ukrainian American community action. The same as the statement was signed by U.S. Senators and the Republican Party of the USA George Voinovich and Michael De Vine.

From November 22, 2004 the Ukrainian community of Toronto picketed the Russian and Ukrainian consulate around the clock for two weeks. Demonstrations in Toronto did not stop either on the day or at night, so that the whole world has learned to support Ukrainian Diaspora own people in their struggle for the further democratic development of the country.

December 7, 2004 passed a large-scale demonstration of Foreign Ukrainian Parliament of Canada in Ottawa. The Canadian government and Parliament fully identified with the requirements of the Ukrainian community in the country and supported the Orange Revolution. December 13, 2004 a large-scale demonstration in support of the Orange Revolution took place in front of Toronto City Hall. Participating in it were representatives of the federal government of Canada, the provincial government and the City Hall of Toronto. They unconditional supporters of the Ukrainian people to build a democratic Ukraine.

Actively performed in support of the Orange Revolution Ukrainian diaspora Baltic countries. Ukrainian Congress of Estonia and the Estonian Union of Ukrainian Women, Ukrainian Women's League was organized in Lithuania in Tallinn and Vilnius rallies in support of the Orange Revolution. Ukrainian Community of Lithuania attracted to participate in supporting the Orange Revolution of political forces of the Conservative Party of Lithuania, Lithuanian Liberal Party and the Conservative Party Young Lithuania and intelligentsia of the country - members of the Writers' Union of Lithuania, scientists, historians. Intense cooperation Ukrainian diaspora presidency lasted from Lithuania to prepare for the visit of President of Lithuania Valdas Adamkus in Ukraine to

participate in the peaceful resolution of the political situation in Ukraine and implementation requirements Ukrainian for further democratic development of the country<sup>2</sup>.

The Ukrainian community of France entered the Trocadero in Paris in support of the Orange Revolution and democratic change in Ukraine. December 2004 and January 2005 were in the life of the Ukrainian diaspora in the name of France's Orange Revolution and to support democratic forces in Ukraine. Daily rallies support for the Orange Revolution came Ukrainian Britain. In London there were numerous rallies and demonstrations in support of democratic changes in Ukraine. Ukrainian community in Germany could not stay away from the democratic processes in Ukraine. Ukrainians took to the streets of Berlin, Munich, Hanover, Laufen. November 25, 2004 a massive demonstration in front of the Council of the European Union in Brussels organized by the Ukrainian diaspora in Belgium. They demanded from the leadership of the European Union to immediately intervene in the political events in Ukraine and provide further support for democracy in Ukraine. Rally in support of the Orange Revolution was organized by Ukrainian Relief Committee in Belgium, Ukrainian Youth Association and the Association of Ukrainian Belgium.

Australian Federation of Ukrainian Organizations (AFUO) and the Ukrainian Women's League of Australia (SUA) has organized massive demonstrations in support of the Orange Revolution in all states. Large sums of money were sent to Ukraine for the participants of the democratic revolution. Letters of protest from the Australian Ukrainian has been sent to the Government of Australia. They Ukrainian diaspora raised the problem of preserving democratic rights in Ukraine, the need for fair and transparent elections. In Australia's capital Canberra organized a national demonstration, which came Ukrainian from across the country. Loud protest rally against Russian interference in the internal affairs of Ukraine was organized before the walls of the Russian Embassy in Australia. Ukrainian community organized a petition in support of the Orange Revolution in Ukraine addressed to the Governments of Australia and Ukraine<sup>3</sup>.

Together, the UCC and the Canadian Foundation for Ukrainian democracy support Ukraine Foundation was established Democratic Ukraine. Money from the fund in the amount of 1 million 600 thousand dollars went to support the Orange Revolution and democratic reforms in Ukraine. Another 1 million 500 thousand U.S. dollars was spent on the trip international observers from Canada to the polls December 26, 2004 in Ukraine and stay there<sup>4</sup>. Overall Ukrainian diaspora in the West has provided USD 16 million in support of the Orange Revolution in Ukraine.

During the second round run-off election in Ukraine December 26, 2004 2600 international observers, representatives of the Ukrainian Diaspora in the USA , Canada, Australia, Moldova, UK, France, Poland, Belarus, Russia, Germany, Italy, of Denmark and Sweden participated in the observation of vote. They have been accredited through the UWC, AFUO, UCCA and UCC. December 27, 2004 UWC, UCCA, UCC congratulated Viktor Yushchenko on his election as President of Ukraine. December 28, 2004, the UWC President Askold Lozinski, Vice President of UWC Eugene Czolij, UCCA President Michael Savkiv and head AFUO Stefan Romanov personally congratulated the newly elected President of Ukraine Viktor Yushchenko<sup>5</sup>.

Thus, the Ukrainian diaspora actively contributed to the victory of the Orange Revolution in Ukraine and the election of the President of Ukraine Viktor Yushchenko in 2004.

---

<sup>2</sup> Моргун Тетяна. *Союз Українок Литви (вибране зі звітів)// Дев'ятий Світовий Конгрес СФУЖО. – Київ-Україна, 2007. – С. 132.*

<sup>3</sup> Сивенька-Бейлі Христина. *Звіт Союзу Українок Австралії 2002-2007 // Дев'ятий Конгрес СФУЖО. – Київ-Україна, 2007. – С.107.*

<sup>4</sup> Грод Павло. *Звіт Конгресу Українців Канади за 2003-2008 рр. // IX Світовий Конгрес Українців. Звіти 2003-2008. – Київ-Україна, 2008. – С. 264.*

<sup>5</sup> Аскольд Лозинський. *Звіт Президента СКУ від серпня 2003 року до червня 2008 // IX Світовий Конгрес Українців. – Київ-Україна, 2008. – С. 24.*

## **Native nations, aborigines... Problems of search for integrative definition of Russian northern ethnoses.**

*Доржеева Виктория, Северо-Восточный государственный университет  
Доцент, доктор исторических наук, социально-гуманитарный факультет,*

### **Коренные народы, туземцы, аборигены... Проблемы поиска интегративной дефиниции российских северных этносов**

Обширные пространства российского Севера издавна населяют многочисленные этносы, относящиеся к различным языковым группам (тунгусо-манчжурские народы, палеоазиаты и др.). В досоветской историографии и государственном документообороте для обозначения всех нерусских народов употребляли термин «инородцы». Термин не носил явной негативной окраски и семантически означал человека иного, другого племени или народа, не русского. Употребляя на официальном уровне этот термин, государство констатировало многонациональный характер населения. В период с 1917 до середины 1920-х гг. в поисках адекватного наименования нерусских народов российских окраин использовался термин «туземцы». По словарю В. Даля «туземец» - здешний, тамошний, природный житель страны, о которой идет речь. Однако это устаревшее значение было дополнено оценочным смыслом. Дефиниция «туземец» - крайне неудачная, не раскрывающая сущности обозначаемого явления, имеющая, к тому же, негативный оттенок. Использование понятия «туземцы» в деловом обороте изначально предполагало какую-то, априорно более низкую, дикую ступень культурного и социального развития по сравнению с «цивилизованными» народами. В середине 1920-х гг. был предложен и законодательно закреплён декретами ЦИК и СНК другой термин - «народности Севера». Это эмоционально нейтральное, но абсолютно аморфное понятие. Оно объединяет крупные и малочисленные этносы, пришлые и автохтонные народы, не предлагает дифференцирующих оснований, кроме проживания на территории Севера. Очевидно, что шел поиск дефиниции, адекватно описывающей этнически, генетически, антропологически разные народы, проживающие в северных регионах страны.

Сегодня в научной литературе употребляют понятия «коренные малочисленные народы», а применительно к конкретным территориям термин включает в себя детализацию - «коренные малочисленные народы Севера», «коренные малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и т.д. В поисках дефиниций, и в целях уточнения объекта изучения современные исследователи употребляют понятия «традиционные», «реликтовые», «автохтонные», «циркумполярные», «арктические» народы<sup>i</sup>. В нормативных актах также нет терминологического единства, законодатель использует понятия «национальное меньшинство», «коренные малочисленные народы», «коренное население», «малочисленные этнические общности»<sup>ii</sup>.

В своем анализе мы отталкиваемся от нормативной формулировки, приведенной в федеральном нормативном акте<sup>iii</sup>. Это понятие, несмотря на его официальное закрепление и повсеместное применение, неидеально. Прежде всего, встает проблема критерия «малочисленности». Если количественный критерий в 50 тысяч человек будет преодолен, народ утратит свой статус «коренного малочисленного»? Согласно действующему законодательству гражданин вправе самостоятельно указывать (либо не указывать) свою национальную принадлежность. Во всероссийской Переписи 2010 г. был включен пункт о национальной принадлежности. Уточнение количества представителей конкретных народов позволит планировать государственную национальную политику, будет способствовать развитию национальной культуры. Открытым остается вопрос: при преодолении критической численности в 50

тысяч человек, устраняются ли тенденции утраты национальной культуры, приобретает ли народ стабильность в своем развитии, должна ли в корне изменяться государственная политика по отношению к такому этносу? При этом предполагается, что народ сохранит традиционный образ жизни.

Вызывает сомнение и понятие «коренные» народы. Кого к ним причислить? В нормах международного права<sup>iv</sup> для определения «коренных» народов применяется географический (территориальный) критерий. Коренными признаются потомки тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

В российском законодательстве подразумевается, что коренные - это изначально, традиционно проживавшие на данной территории этносы, до прихода русского населения. Однако степень «укоренённости» на территориях арктических широт у народов различная. Существуют автохтонные народы, история проживания которых на конкретной территории уходит в глубины тысячелетий, например, предки алеутов, ительменов, чукчей. Несмотря на споры о времени и траектории заселения, исследователи единодушны, что северные территории знали волны заселения, когда с южных широт сюда приходили иные этносы – эвены, юкагиры. И их арктическая история более короткая.

Необходимы уточняющие характеристики, определяющие иные особенности малочисленных народов. Статья 1 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 г. вводит их. К уточняющим характеристикам в федеральном законе отнесены: традиционный образ жизни малочисленных народов – исторически сложившийся способ жизнеобеспечения, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований;

- исконная среда обитания малочисленных народов – исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни;

- Общины и иные формы общественного самоуправления – формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам и объединяемых по кровнородственному и (или) территориально-соседскому принципам, создаваемые в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры;

- уполномоченные представители малочисленных народов - физические лица или организации, которые в соответствии с законодательством РФ представляют интересы этих народов;

- этнологическая экспертиза - научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

Отметим, что виды традиционных форм хозяйствования и промыслов федеральным законодательством не определены.

Однако, во многом, и они не могут являться адекватным инструментом. Традиционный образ жизни как исторически сложившийся способ жизнеобеспечения сегодня во многом утрачен. Особенно явно это проявляется в среде городских жителей. Кроме этого, Правительством РФ не определен порядок отнесения территорий к категории «традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»<sup>v</sup>.

В нормативных актах субъектов Российской Федерации, можно встретить и иные формулировки, определяющие малочисленные народы. Так, в нормативно-правовых актах Магаданской области, регулирующих соответствующие общественные отношения, встречается понятие «аборигены»<sup>vi</sup>. *Аборигены* (от лат. *ab origine* - от начала) – исконное, коренное для данной территории население, сохранившее традиционные формы хозяйствования, в противоположность приехавшим поселенцам. В современном праве аборигенами обычно обозначаются коренные народы (этнические группы)

некоторых развитых и развивающихся стран, сохранившие первобытнообщинный образ жизни (американские индейцы, эскимосы, новозеландские маори и другие). Законодательство предусматривает для них особый правовой статус, исходящий из традиционного уклада и предполагающий создание специальных резерваций, освобождение от общегражданских обязанностей (уплата налогов, воинская служба), признание традиционных институтов самоуправления (советы вождей) и обычаев, а также традиционных форм природопользования и промысла (охота, рыболовство). Термин *aborigены* употребляется как синоним применительно к коренным малочисленным народам России, имеет широкое распространение. Полагаем, что употребление термина «aborigены» для обозначения коренных малочисленных народов российского Севера научно некорректно. Данный термин не дает адекватного представления о коренных малочисленных народах, не содержит маркирующих характеристик.

Таким образом, и сегодня в нормативном и научном инструментарии исследователей не сложилось адекватного понятия точно, недвусмысленно и корректно обозначающего совокупность народов, проживающих на северных территориях и обладающих особым правовым статусом.

Разработка новой дефиниции должна учитывать принцип типологизации, позволяющий объединить этнически разные народы в единый тип, описать разнородные культуры, в своей совокупности составляющие северную цивилизацию. Данная задача - совместное дело законодателей, научного сообщества и представителей коренных этносов и их организаций.

#### Ссылки:

---

<sup>i</sup> Пospelова А.И. Особенности социокультурной организации коренных малочисленных народов Северо-Востока // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее / Материалы II региональной научно-практической конференции. Магадан, 27-28 ноября 2003 г. С. 234-236., Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. / В.В. Филиппова. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с., Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX - начале XXI в. / Л.Н. Хаховская; [отв. Ред. А.И. Лебединцев]; СВКНИИ ДВО РАН, Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.

<sup>ii</sup> Об особо охраняемых природных территориях: федеральный закон от 14.03.1995. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. №12. Ст.1024. О животном мире: федеральный закон от 24.04.1995. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. №17. С. 1462. О занятости населения в Российской Федерации: федеральный закон от 20.04.1996. № 36-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №17. Ст. 1915.

<sup>iii</sup> «Коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее - малочисленные народы) – народы, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»: О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999. № 82-ФЗ. Статья 1. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.

<sup>iv</sup> Конвенция Международной Организации Труда N 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». (Женева, 27 июня 1989 г.). Россия не присоединилась к данной конвенции.

<sup>v</sup> Слепцова О.Ю. Соотношение норм международного права и внутреннего законодательства России в сфере защиты прав и интересов коренных малочисленных народов // На перекрестке Севера и Востока (методологии и практики регионального развития): материалы I Междунар. Науч.-практ. конф., 10-11 июня 201. Магадан: СВГУ, 2013. Ч.3. С. 310-314.

<sup>vi</sup> См. например: «О дополнительных мерах экономической поддержки хозяйствующих субъектов аборигенов Магаданской области» Постановление Администрации Магаданской области от 31.05.1994 (в ред. Постановления администрации Магаданской области от 23.11.2001 г.) // Статус коренных малочисленных народов Севера (сборник федеральных, региональных и международных нормативных правовых актов) / сост. В. Кадцин. Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2004. С. 100-102.

## Section 9.

### Education and Pedagogy

*Yashchyk Oleksandr*

*Ternopil V.Hnatiuk National Pedagogical University*

*Assistant of Computer Engineering and Technology Department*

## HIGH-SCHOOL STUDENTS' COMPETENCIES FORMATION IN THE AREA OF ALGORITHMIZATION AND PROGRAMMING BY MEANS OF COMPUTER MATHEMATICS

*Ящик Олександр,*

*Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка  
асистент, інженерно-педагогічний факультет*

### ФОРМУВАННЯ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ СТАРШОКЛАСНИКІВ У ГАЛУЗІ АЛГОРИТМІЗАЦІЇ ТА ПРОГРАМУВАННЯ ЗАСОБАМИ СИСТЕМ КОМП'ЮТЕРНОЇ МАТЕМАТИКИ

Тенденції та напрями навчання інформатики в шкільній системі вказують на те, що частина такої важливої теми, як алгоритмізація та програмування, в загальному обсязі курсу інформатики значно занижена. Основний наголос зроблено на вивчення систем програмного забезпечення комп'ютера, зокрема операційна система, системи, що входять до складу MS Office, системи мережових технологій і т.д. Достатнє місце в деяких освітніх програмах займає тема безпосереднього програмування, яка ніби апріорі передбачає і алгоритмізацію: без алгоритму програми не напишеш. Але як будується цей алгоритм, які правила і рекомендації слід враховувати при його розробці, як виробити в учнів алгоритмічний підхід до вирішення прикладної задачі, – докладні відповіді на ці запитання не так часто зустрічаються в навчальних програмах курсу інформатики. У підсумку після навчання інформатики в школі у старшокласника не завжди формуються навички системного алгоритмічного мислення, які так йому необхідні в подальшій діяльності поряд зі знанням прийомів роботи з програмним забезпеченням комп'ютера.

Старшокласникам, що вивчають інформатику на поглибленому рівні, важливо не просто освоїти написання програмних кодів якоюсь мовою програмування, а отримати практичні навички алгоритмізації і програмування, використовуючи при цьому сучасні засоби та інформаційні технології. У зв'язку з цим більш ґрунтовне вивчення інформатики набуває особливої значущості. У цьому випадку основний акцент діяльності учнів переноситься на створення алгоритмів і програм у середовищі сучасних пакетів автоматизованих обчислень. Водночас сучасні засоби навчання повинні задовольняти певні специфічні вимоги, такі, наприклад, як зручний інтерфейс, можливість імпорту та експорту даних, вихід в Інтернет і багато інших. При навчанні зазначених розділів курсу інформатики використовуються як універсальні системи програмування, так і стандартні прикладні програми, в тому числі системи програмування на мовах Basic, Pascal, C, системи управління базами даних і т.п. Наразі розроблено досить велику кількість ефективних методів навчання алгоритмізації та програмування з використанням таких засобів. Підготовка школярів в рамках поглибленого навчання вимагає освоєння старшокласниками прийомів автоматизації складних математичних розрахунків, графічного подання інформатичних та математичних об'єктів, інформаційного, зокрема математичного моделювання, ґрунтованого на побудові алгоритмів і програм. На жаль, перераховані системи програмування та прикладні програми не тільки не завжди задовольняють вище названі вимоги, але й не цілком достатні для повноцінного вирішення завдань профільної підготовки школярів. Тому для підготовки школярів в рамках поглибленого вивчення інформатики необхідно використовувати додаткові засоби і методи навчання.

При цьому слід враховувати, що у процесі такого навчання доцільно використовувати комп'ютерні математичні пакети. Більшість таких програмних засобів разом з потенційними можливостями навчання математики та фізики мають і надзвичайно істотний потенціал щодо навчання алгоритмізації та програмування.

Однак, питання, які стосуються методики використання комп'ютерних математичних пакетів при навчанні шкільного курсу інформатики на поглибленому рівні ще не достатньо вивчені.

Таким чином, можна констатувати наявність протиріччя між необхідністю спеціалізованого навчання алгоритмізації та програмування, а також існуючими можливостями використання комп'ютерних математичних пакетів для такого навчання, з одного боку, і, з іншого боку, відсутністю системи навчання алгоритмізації і програмування в курсі інформатики на профільному рівні, підґрунтям якої є використання комп'ютерних математичних пакетів. Необхідність усунення зазначеного протиріччя свідчить про **актуальність** теми дослідження.

Виходячи з вищесказаного, **метою** дослідження є аналіз основних аспектів сучасної методичної системи навчання алгоритмізації та програмування, заснованої на застосуванні комп'ютерних математичних пакетів в рамках поглибленої підготовки школярів.

Слід зазначити, що використання комп'ютерних математичних пакетів в процесі навчання алгоритмізації та програмування в курсі інформатики сприяє:

- розвитку логічного та алгоритмічного мислення учнів, і, як наслідок, підвищення ефективності навчання інформатики;
- активізації творчої і пізнавальної діяльності учнів, підвищення їхнього інтересу до навчальної діяльності та зацікавленості у її кінцевому результаті, як в рамках навчання інформатики, так і в рамках міжпредметної інтеграції інформатики та інших дисциплін;
- підвищенню професійної орієнтації учнів в природничо-науковій і технічній діяльності, розвитку практичних вмінь в галузі застосування інформаційних технологій у подальшій професійній роботі.

Одним із ефективних засобів підвищення результативності навчання алгоритмізації та основ програмування є об'єктно-орієнтований підхід, що виявляється у педагогічно цілеспрямованому використанні освітніх інноваційних комп'ютерних технологій, у нашому випадку – систем комп'ютерної математики, за умов: комплексного та систематичного їх використання; добору навчальних задач, розв'язування яких без них є складним; досягнення більш високої мотивації навчання, ніж під час застосування традиційних засобів навчання; формування позитивного ставлення до навчання; забезпечення індивідуалізації процесу навчання. Потрібна подальша робота зі створення підручників із застосуванням наведених засобів навчання.

На думку В. Д'яконова та Ю. Триуса, комп'ютерна математика може бути визначена як сукупність теоретичних, методичних, алгоритмічних, апаратних і програмних засобів, які призначені для ефективного розв'язування за допомогою комп'ютерів широкого кола математичних задач з високим ступенем візуалізації всіх етапів обчислень [1; 7]. У системах комп'ютерної математики нагромаджено багатовіковий досвід розвитку математики та інформатики. На даний час вони стають потужними засобами діяльності як професійних математиків, так і тих, хто використовує математику для побудови й дослідження математичних моделей в різних предметних галузях, зокрема, й в системі освіти [5, с. 12 – 16].

Процес розв'язування прикладних задач з використанням сучасних комп'ютерних технологій може бути поданий у вигляді схеми, наведеної на рис 1.

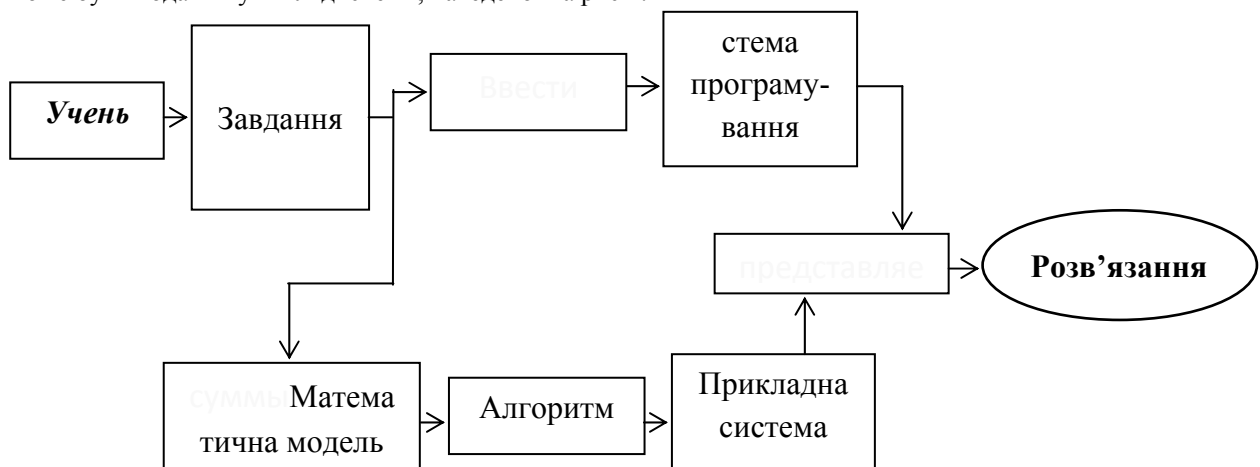


Рис. 1. Процес розв'язування прикладного завдання на комп'ютері.

Розв'язання може бути отримане двома шляхами: перший – за допомогою створення користувальницької програми на конкретній мові програмування, другий – з використанням прикладної системи без безпосереднього програмування. Стрімкий розвиток прикладних систем із зручним

графічним інтерфейсом користувача дозволило значно збільшити кількість вирішених з їх допомогою завдань.

Етап програмування при якісно розробленому алгоритмі виконується автоматичною заміною блоків схеми алгоритму операторами мови програмування, але вимагає знання методів і правил формування програм. Для непрофесійних користувачів, які вміють структурувати і алгоритмізувати задачу, але не мають навичок складання програм і роботи з системами програмування, цей етап викликає значну трудність.

Проблема використання в навчальному процесі комп'ютерних технологій та інформаційного методичного забезпечення інтенсивно досліджується вітчизняними й зарубіжними науковцями і методистами. Вчені В. Д'яконов, М. Жалдак, В. Клочко, М. Львов, С. Раков, Ю. Рамський, Ю. Триус та інші дослідники детально розглядали у своїх працях проблему впровадження та застосування СКМ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Ми розглядаємо використання систем комп'ютерної математики (СКМ) не тільки як засіб вирішення прикладних завдань, але і як середовище для вивчення основ алгоритмізації і програмування. Для реалізації такого підходу базовими виступають системи Matlab, Maple, Mathematica і MathCAD, які включають сотні математичних функцій як для чисельних, так і для аналітичних обчислень, що мають зручний інтерфейс, засоби опрацювання текстових і графічних даних, мультимедійні додатки і т.д. (отже, маємо можливість використовувати досить широкий набір команд виконавця алгоритму).

При поглибленому вивченні алгоритмізації та програмування, мови СКМ є хорошим прикладом лінгвістичного забезпечення при розробці ефективних структурованих програм, який поєднує кращі традиції структурно-модульної технології з орієнтацією на математичні додатки і непрофесійних користувачів.

Важливим аргументом на користь застосування СКМ в процесі вивчення основ алгоритмізації є й те, що в ході розробки і виконання програм користувач одержує структурований зручний в користуванні та вивченні документ, який може бути оформлений у будь-якому вигляді: звіту, технічної документації, HTML-документа і т.д.

Для прикладу наведемо подання базових алгоритмічних структур (розгалуження, повторення) навчальною алгоритмічною мовою і мовою СКМ Maple.

**Алгоритмічна мова [8]:**

```
Якщо <умова>
    то <серія 1>
все
Якщо <умова>
    то <серія 1>
    інакше <серія 2>
все
```

**Алгоритмічна мова [8]:**

```
поки <умова>
пц
<серія>
Кц
```

```
для x від xпоч до xкін[крок xкрок]
пц
<серія>
Кц
```

**вибір**

```
при <умова 1>: <серія 1>
при <умова 2>: <серія 2>
.....
при <умова k>: <серія k>
[інакше <серія>]
Все
```

**СКМ Maple:**

```
if <умова>
    then <серія 1>
end if
if <умова>
    then <серія 1>
    else <серія 2>
endif
```

**СКМ Maple:**

```
while<умова>
do<серія>
enddo
```

**Команда повторення – цикл «поки»:**

**Команда повторення з параметром – цикл «для»:**

```
for<ім'я>fromxпочtouxкрокtoxкін<серія>
end do
```

**Команда вибору:**

```
if<умова 1>then<серія 1>
elif<умова 2>then<серія 2>
.....
elif<умова k>then<серія k>
else<серія>
endif
```

Системи комп'ютерної математики знаходять все ширше застосування в багатьох галузях науки, таких як математика, фізика, хімія, інформатика та ін., стають все популярнішими для розв'язування завдань математично орієнтованих дисциплін, в наукових дослідженнях і промисловості. У цьому сенсі СКМ – міждисциплінарна галузь між математикою і інформатикою, в якій дослідження зосереджуються як на розробці алгоритмів для символічних обчислень (алгебри) і опрацювання на комп'ютерах, так і на



створенні мов програмування і програмного середовища для реалізації подібних алгоритмів. Важливо відзначити, що вивчення СКМ дає змогу школяреві (непрограмісту) на достатньо високому рівні освоїти не тільки програмування, але й сучасні інформаційні технології (створення WEB-сторінок, призначеного для користувача графічного інтерфейсу, підготовка вихідних мультимедійних документів у вигляді графіків і анімаційних кліпів) і мати в руках розвинений інструмент для розв'язування навчальних і надалі прикладних задач.

#### Список літератури:

1. Дьяконов В. П. Компьютерная математика. Теория и практика / В. П. Дьяконов. – М.: Нолидж, 2001. – 1296 с.
2. Жалдак М. І. Комп'ютер на уроках математики: Посібник для вчителів / М. І. Жалдак. – К.: РННЦ «Дініт», 2003. – 324 с.
3. Клочко В. І. НІТ навчання математики в технічній вищій школі: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.02 / В. І. Клочко. – Вінниця, 1998. – 396 с.
4. Львов М. Алгебра з комп'ютером / М. Львов, Н. Львова. – К.: Шк. світ, 2007. – 128 с.
5. Раков С. А. Програмно-методичний комплекс DG як крок від традиційної до інформаційної технології навчання геометрії / С. А. Раков, В. П. Горох // Комп'ютер у школі і сім'ї. – 2003. – № 1. – С. 20 – 23.
6. Рамський Ю. С. Про роль математики і деякі тенденції розвитку математичної освіти в інформаційному суспільстві / Ю. С. Рамський, К. І. Рамська // Науковий часопис НПУ імені М.П.Драгоманова. Серія №2. Комп'ютерно-орієнтовані системи навчання: Зб. наукових праць / Редада. – К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2008. – № 6(13). – 182 с. – С. 12 – 16.
7. Триус Ю. В. Комп'ютерно-орієнтовані методичні системи навчання: Монографія / Ю. В. Триус. – Черкаси: Брама-Україна, 2005. – 400 с.
8. Основи інформатики: Посібник для студентів / І.Ф.Следзінський, Я.П.Василенко. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2003. – 160 с.

*Pavlenko Anatoliy, Zaporizhzhya Regional Institute for Postgraduate Education, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences  
Bielchev Pavel, Melitopol State Pedagogical University, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Department of Mathematics and Computer Science*

## Educational problems in physics: criterial features of creativity

*Павленко Анатолій, Запорізький обласний інститут післядипломної педагогічної освіти, професор, доктор педагогічних наук  
Бельчев Павло, Мелітопольський державний педагогічний університет, доцент, кандидат педагогічних наук, факультет математики і інформатики*

## Навчальні задачі з фізики: критеріальна ознака творчості

Проблема визначення та класифікації творчих задач в дидактиці і теорії навчальних задач належить до складних і ще не достатньо розв'язаних. Разом з тим, таке визначення дозволить цілеспрямовано розвивати творче мислення учнів і студентів у процесі навчання необхідне для реалізації майбутньої практичної творчої діяльності.

У своїй монографії В.Г.Розумовський [1] класифікує їх без обґрунтування критеріїв, швидше всього за професійною практичною діяльністю людини: конструкторські та дослідницькі. Спроби розробки обґрунтованого визначення творчих навчальних задач та механізмів процесу творчості зроблені у працях Г.О.Балла, О.Ф.Есаулова, Я.А.Пономарьова [2-4].

Стосовно вживаних на практиці близьких понять *нестандартних* і *оригінальних* задач з фізики, Б.С.Беліков стверджує: “Очевидно, що спроба класифікації оригінальних задач, мабуть, також ( як і взагалі для всіх нестандартних задач) є марною. Можна тільки відзначити, що оригінальні задачі часто допускають і стандартний, і нестандартний, і оригінальний розв'язок. У першому випадку для розв'язку достатньо застосувати тільки конкретні і узагальнені знання, в іншому використовують з догадки, причому роль останнього елемента не так суттєва, і, нарешті, у третьому випадку задача може бути розв'язана тільки з допомогою догадки, інтуїції. Ці останні задачі і можна було б назвати власне оригінальними” [5].

Але з такого означення не можна зробити висновку про те, що є об'єктом догадки учня?

Метою статті є визначення ознак навчальної фізичної задачі за критерієм творчості діяльності розв'язувача.

Нами показано в працях [6, 7] на конкретних прикладах, що таким об'єктом здогадки переважно служить нова допоміжна мислена, а потім і графічна фізична модель, що описує задачну ситуацію. Учень розв'язує, як правило нову задачу, сформульовану ним самим в результаті *переформулювання* вихідної задачної ситуації. Таке переформулювання стає на цей раз вербальною, семантичною моделлю задачної ситуації, яка була використана для розв'язку.

Але як провести межу між творчою і не творчою задачею? Детальний аналіз даної проблеми вказує на її глибинний і системний характер не тільки в методиці викладання фізики, але і в педагогічній психології і дидактиці. Проблема ще далека від свого остаточного вирішення. Одна із продуктивних спроб визначення центральної ланки психологічного механізму творчості на основі структурно-рівневої концепції творчості належить Я.О.Пономарьову [4].

Згідно цієї концепції розв'язування творчих задач завжди здійснюється шляхом боротьби протилежностей, що виступають у даному випадку у вигляді діалектичного взаємозв'язку структурних рівнів організації розв'язуючої системи. У процесі розв'язку визначаються взаємно-прохідні напрями зверху вниз і знизу вгору. На вищих рівнях елементи задачі розуміються, усвідомлюються. Звідси бере свій організуючий початок функція управління процесом розв'язку. Нижчі рівні відіграють у ході творчого процесу дезорганізуючу роль: саме тут руйнуються побудовані логічним шляхом вихідні гіпотези, задуми, програми розв'язків. Разом з тим, у ході дезорганізації на нижчих рівнях знаходиться необхідний матеріал (побічний продукт). У момент розв'язку цей матеріал проривається поверхом вище, тобто на суміжний рівень, а потім розпочинається його поступовий підйом наверх, на вищі структурні рівні. Згідно такої схеми-критерію психологічного механізму творчості (факт зміни домінуючих рівнів) розв'язок нетворчих задач не супроводжується зміною домінуючих рівнів, опорою на субдомінантні утворення. Такий підхід показує, що у граничному випадку відмінності між творчою і нетворчою задачами дуже незначні, а з точки зору результатів їх розв'язку практично інколи невідомі.

Я.О.Пономарьов робить висновок, що загальна проблема критеріїв творчості є такою складною зокрема тому, що їх пошук орієнтований на результативний момент діяльності. Але остаточне розв'язання питання про те, чи є деяка задача творчою чи нетворчою, можливе лише за умови аналізу самого ходу її розв'язку тією чи іншою людиною: для одного вона може бути добре знайомою, нетворчою, для іншого - незнайомою, творчою. Творчий пошук розв'язку може бути властивий і нерозв'язаній задачі, а розв'язку задачі може бути отриманий і нетворчим шляхом.

Такий процесуальний критерій дав можливість побудувати уявлення про свого роду "квант психологічного механізму творчості", що визначається гранично малою амплітудою ... (прогнозується тільки теоретично і не встановлений ще експериментально). Такий "квант" повинен конкретизувати фази в роботі над творчою задачею: інтуїтивного розв'язку, вербалізації інтуїтивного розв'язку і т.д. [ 5 ].

Сітка похідних понять, використаних у загальному означенні творчої навчальної задачі за Г.О.Баллом [2], була розширена нами поняттями зовнішньої і внутрішньої задачі. Зовнішньою задачею відносно розв'язувача  $O$  є задача, предмет і вимога якої знаходяться поза розв'язувачем  $O$ . Внутрішня відносно розв'язувача  $O$  - це така задача, предметом якої є деяка модель, що знаходиться в розпорядженні розв'язувача  $O$  (а вимогою - відповідно модель стану цієї моделі, що вимагається).

Перехід від внутрішньої до зовнішньої задачі забезпечує генерацію моделей розв'язку вихідної зовнішньої задачі, відіграє вирішальну роль у складанні задачі як самостійної діяльності. Можна стверджувати, що елементи творчості у розв'язуванні задач в основному пов'язані з моделюванням. Отже означення творчої задачі, і фізичної зокрема, може бути уточнене і конкретизоване [ 6 ].

Творчою навчальною задачею є внутрішня задача  $M_0$  у навчальному пізнавальному процесі, якщо виконується хоча б одна із наступних умов: а)  $M_0$  є нерутинною відкритою пізнавальною задачею; б) необхідною умовою розв'язку задачі  $M_0$  є розгляд деякої нерутинної пізнавальної підзадачі  $N_0$ ; в) відбувається перехід внутрішньої нерутинної пізнавальної задачі  $M_0$ , або її нерутинної пізнавальної підзадачі  $N_0$  у зовнішню (складання, постановка задачі).

Навчальні задачі і тести з фізики інколи, і не зовсім правомірно, ототожнюють. Здебільшого це стосується тестів успішності. В цій ролі можуть виступати якісні фізичні задачі (на 1-2 логічні посилення, переформулювання, тощо) та нескладні розрахункові задачі (на 1-2 формалізовані дії). Задачі з більш складним оператором розв'язку вимагатимуть більше часу на їх розв'язання, матимуть у загальному випадку далеко не короткі відповіді і до тестів успішності можуть бути швидше умовно. Неуспішне виконання учнем розв'язку складної задачі не дозволяє в загальному випадку визначити його хибних ланки, а отже і причини негативного результату. Складні задачі можна розділити на підзадачі в результаті аналізу (метод редукції), які вже ефективніше підлягають тестовій обробці. Змістом підзадачі можуть бути безпосередньо не лише методи науково-теоретичного пізнання фізики (встановлення аналогії, висування гіпотез, моделювання і т.д.), а й загальнологічні методи та відповідні операції: класифікації, узагальнення, встановлення причинно-наслідкових зв'язків, аналізу і т.п.

Отже, творчі задачі: 1) у загальному випадку не містять прямої ін-формації про алгоритм виконання завдання; 2) можуть бути як рутинними, так і нерутинними за змістом; 3) є відкритими, тобто вимагають вести пошук відповіді серед великої кількості можливостей (перебору варіантів); 4) вимагають від учня переходу від внутрішнього до зовнішнього цілепокладання (переформулювання,

самостійна змістовна постановка вимоги тесту). Підсумовуючи, це дає нам змогу стверджувати про існування інтегрального критерію творчості стосовно оцінки не лише навчальних задач, а й навчальних логічних тестів, зокрема фізичних.

Перспективою подальших розвідок є систематизація різних типів творчих навчальних задач з фізики.

#### **Список літератури**

1. Разумовский В.Г. Развитие творческих способностей учащихся в процессе обучения физике. - Москва, 1975. – С.27
1. Балл Г.А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. - Москва, 1990. – С.121
2. Эсаулов А.Ф. Активизация учебно-познавательной деятельности студентов. - Москва, 1982.
3. Беликов Б.С. Решение задач по физике. Общие методы.- Москва, 1986. – С.227
4. Пономарев Я.А. Основные звенья психологического механизма творчества //Интуиция, логика, творчество.- Москва, 1987. – С.16.
5. Павленко А.І. Методика навчання учнів середньої школи розв'язуванню і складанню фізичних задач: (теоретичні основи).- Київ, 1997.
6. Павленко А.І. До визначення поняття творчої навчальної задачі // Професійна творчість в системі підготовки та перепідготовки педагогічних кадрів.- Вип.7.- Київ- Запоріжжя, 1997.

*Morkovin Andrej, Barnaul Law Institute, Assistant-Professor,  
Candidate of Pedagogical Sciences, the Head of the Chair of Foreign Languages  
Morkovina Olga, Altai Institute of Economics, Assistant-Professor,  
Candidate of Historical Sciences, the Faculty of Economics*

### **The problems and perspectives of the usage of the Waldorf pedagogics in the educational system of Russia**

*Морковин Андрей Михайлович, Барнаульский юридический институт,  
доцент, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой  
иностранных языков  
Морковина Ольга Владимировна, Алтайский институт экономики, доцент,  
кандидат исторических наук, экономический факультет*

### **Проблемы и перспективы применения вальдорфской педагогики в образовательной системе России**

Процесс обновления педагогической мысли в России, смена ориентиров традиционного воспитания тесно взаимосвязаны с государственно-политическими и социально-экономическими преобразованиями в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, что привнесло в российскую школу и систему образования в целом неопределенность социально-политических и образовательных перспектив.

Кризисные явления в образовании и воспитании обострились и явственно проявились к началу 80-х годов XX в.. Истоки их были заложены ещё в начале 30-х годов, а обнаруживаться они начали уже в 70-е годы прошлого столетия, что было связано с директивным переходом к всеобщему среднему образованию, усложненными программами обучения для всех и явной несостоятельностью унифицированной системы образования, её неприспособленностью к решению задач формирующегося динамичного постиндустриального общества [1].

В России после длительного периода замкнутости открылся широкий доступ к зарубежным педагогическим теориям, пропагандирующим идеи прогрессивной педагогики. Зарубежный опыт использовался для обеспечения доступности образования. Одним из таких педагогических направлений явилась вальдорфская педагогика, основанная известным ученым, педагогом, антропософом, философом Рудольфом Штайнером. Разработанное им педагогическое направление представляет собой целостную и самобытную теорию, в которой нашли выражение педагогические, философские, религиозные, внеконфессиональные идеи.

Очень ценным для нашей системы образования в вальдорфской педагогике является то, что школы данного вида в полной мере осуществляли всестороннее, гармоничное развитие личности. В рамках школ вальдорфского вида отрабатывали такие формы обучения и воспитания, которые позволяли приблизиться к этому педагогическому идеалу, опробовать целый ряд конкретных инновационных

подходов и методов, которые могли быть в последствии перенесены в общеобразовательную госсистему, как это происходит в настоящее время в Германии и других европейских странах [2].

Актуальность данного исследования также обусловлена несоответствием существующих образовательных технологий современным общественным требованиям и развитию самой системы образования; незначительным опытом осмысления результатов реализации гуманистических идей Р. Штайнера в образовательном процессе; отсутствием экспериментальных исследований в области применения вальдорфской педагогики в отечественной образовательной системе.

Оценивая в целом общероссийскую и зарубежную литературу, посвященную проблеме вальдорфской педагогики, следует отметить, что в ней содержится много фактического материала, и в то же время некоторые аспекты освещаются фрагментарно. Результаты отечественных исследований представлены, в основном, в статьях, тезисах выступлений на конференциях, в научно-популярных и публицистических очерках и сборниках. Отечественная педагогическая литература пока ещё не обладает достаточным количеством специальных исследовательских работ, посвященных вальдорфской педагогике. Недостаточно исследованы многочисленные педагогические приёмы и методики штайнеровской педагогики, её влияние на формирование разносторонне развитой личности и возможности её применения на практике в отечественной образовательной системе.

Анализ философской, психолого-педагогической литературы выявил противоречия между: необходимостью повышения результативности организации воспитательно-образовательного процесса для развития личности обучаемого и несовершенством системы её осуществления в условиях современной общеобразовательной школы; необходимостью создания организационно-методических условий разностороннего развития обучающихся в соответствии с установками концепции Р. Штайнера и недостаточной разработанностью этой проблемы в отечественной педагогической теории и практике.

Целью статьи является выявление возможностей применения педагогической концепции Р. Штайнера образовательной системе России.

В соответствии с целью исследования вытекают следующие задачи: выявить и охарактеризовать особенности и возможности применения педагогической концепции Р. Штайнера в отечественных школах; экспериментально проверить организационно-методические условия реализации педагогической концепции Р. Штайнера в образовательной системе России.

Педагогика Р. Штайнера получила развитие в России с применением новых подходов в методике и дидактике преподавания отдельных дисциплин. При этом в российских вальдорфских школах это делалось с учётом опыта как русской, так и российской педагогической школы, и в соответствии с культурными традициями страны. Следует отметить, что отечественные вальдорфские школы, соблюдая основные положения и требования школ данного вида, привносят в свою деятельность много дополнительного, отвечающего требованиям времени и общества.

Как показала практика российских вальдорфских школ, не все положения педагогики Р. Штайнера могут быть применены в отечественной системе образования:

- обучение по вальдорфской педагогике рассчитано на 12 лет, а не на 11 как в отечественных школах, что является неприемлемым для нашей образовательной системы, в связи с призывом в вооруженные силы для прохождения срочной военной службы в возрасте 18 лет;
- обучение в вальдорфских школах ведётся без стандартных учебников, что также не может быть принято как категорическое;
- обучение первые 7-8 лет в вальдорфской школе осуществляется одним учителем, а не четыре года как в традиционных отечественных школах, что также является неприемлемым.

Анализ педагогической концепции Р. Штайнера и деятельности вальдорфских школ позволил выделить следующие особенности, которые возможно применить в отечественной образовательной системе:

- воспитательно-образовательный процесс всегда подразумевает конкретного ученика и конкретного учителя;
- содержание воспитания ориентировано на духовные потребности учащихся каждой возрастной ступени и служит их духовно-душевному развитию;
- отрицание прямого воздействия учителя на учеников в воспитательно-образовательном процессе;
- организация воспитательно-образовательного процесса с учётом типов темперамента обучающихся;
- осуществление обучения с применением самых необходимых учебников и культуры этноса нашей страны, а также с учётом основ интернационального воспитания, и др.

На основе результатов теоретического и экспериментального исследования мы пришли к следующим выводам:

- в современной отечественной общеобразовательной школе возможно применение опыта вальдорфской педагогики в следующем: применение метода характеристик, которые выдаёт учитель каждому ученику и его родителям в конце каждой четверти и учебного года, «данные характеристики отражают удачи и неудачи ученика, а также выявляют его проблемы, на которые следует обратить внимание» [3], они составляются учителем совместно со школьным психологом;

- использование творческого подхода с учётом индивидуальных особенностей младших школьников в организации воспитательно-образовательного процесса в отечественных школах;
- учёт типов темперамента учащихся при комплектовании классов;
- осуществление обучения в школе с учётом культуры этноса нашей страны и основ интернационального воспитания;
- обучение с применением метода «эпох» для усиления межпредметных связей в воспитательно-образовательном процессе.

На основе результатов деятельности вальдорфских школ в России представляется возможность апробировать и другие инновационные подходы в обучении и воспитании, с целью дальнейшего использования в отечественных образовательных учреждениях.

Применение элементов педагогической концепции Р. Штайнера в отечественной системе образования позволяет улучшить качественные показатели знаний учащихся. Одновременно с этим, отмечается улучшение дисциплины на занятиях в школе, что позволяет сделать вывод о целесообразности применения педагогической концепции Р. Штайнера в системе общего и начального образования нашей страны. Целесообразно комплектовать классы в начальной школе по типам темперамента. Разработанная и реализованная программа воспитания и обучения младших школьников с элементами концепции Р. Штайнера, учитывает особенности учащихся по типам темперамента в организации воспитательно-образовательного процесса в начальной школе и способствует получению высоких итоговых показателей качества обучения учеников. Апробированная программа обучения и воспитания в сформированных начальных классах по типам темперамента, способствует осуществлению воспитательно-образовательного процесса в урочное и внеурочное время, с учётом индивидуальных особенностей каждого учащегося.

Проведённое исследование не является окончательным, и предполагает дальнейшее изучение философско-педагогических идей Рудольфа Штайнера и их использование в отечественной образовательной системе. В последующих исследованиях представляется важным для оптимизации воспитательно-образовательного процесса сосредоточить внимание: на дальнейшей корректировке методов работы с представителями разных типов темперамента в условиях урочной и внеурочной деятельности в школе; на более глубоком изучении международного опыта использования концепции Р. Штайнера в учебных заведениях разного вида; на исследовании индивидуального подхода к развитию личности обучаемого, как средству преодоления эмоциональной напряжённости, неуверенности в своих силах, адаптации в ученическом коллективе. Решение этих и других проблем является перспективой дальнейшего исследования.

#### **Список литературы:**

1. Загвязинский, В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования [Текст] / В.И. Загвязинский, Р. Астаханов / Учеб. пособие для студ высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 360 с.
2. Джурицкий, А.Н. История зарубежной педагогики. Учебное пособие для вузов [Текст] / А.Н. Джурицкий. – М.: Форум-Инфра. – 1998, 915 с.
3. Steiner, R. Erziehungskunst: Methodisch-Didaktisches. Menschenkunde und Erziehungskunst / R Steiner. 2. Teil.- 21.-30.Tsd.- Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1986. – 390 S.

*Podolyanska Anna Olegivna, post-graduate student  
Cherkasy National University named after Bohdan Khmelnytsky, Ukraine*

## **Peculiarities of Methodical System of Professional Training of Philologists in Higher Educational Establishments of Great Britain**

*Подольняська Анна Олегівна, аспірант  
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького*

## **Особливості методичної системи професійної підготовки філологів у вищих навчальних закладах Великої Британії**

Основним завданням вищої освіти є підготувати висококваліфікованого конкурентоспроможного фахівця, який би відповідав високим потребам сучасного суспільства. Відмінною рисою розвитку освіти XXI століття є системний підхід у всіх напрямках цієї сфери людської діяльності. Стандарти освіти орієнтують сучасного викладача на системно-діяльнісний підхід у навчанні,

що передбачає досягнення результатів навчання в комплексі, як єдиного нерозривного цілого. В основі навчального процесу, спрямованого на отримання високих системних результатів закладені універсальні навчальні дії викладача, які в цілому утворюють фундамент методичної системи. Кожен викладач прагне розробити власну методичну систему і впровадити її у практичний навчальний процес. Методична система повинна бути ефективною, сучасною, доступною та цікавою для обох сторін-учасників освітнього процесу; повинна враховувати соціальний фактор розвитку освіти та суспільства в цілому. Відповідно, для створення, розробки та реалізації такої системи викладач повинен мати належну методичну підготовку, оскільки рівень його професійності великою мірою залежить від методичних знань та вмінь.

Високий рівень освіти в університетах Великої Британії обумовлений в першу чергу правильним вибором методики навчання різним дисциплінам, в тому числі і мовам.

Система освіти Великої Британії в цілому і різні її аспекти зокрема завжди цікавили вітчизняних дослідників. Так, О. В. Глузман, Н. П. Яцишин досліджували британську модель педагогічної освіти; Ю. С. Алфьорова, О. Ю. Леонтєва, Л. П. Пуховська в своїх працях висвітлювали професійну підготовку вчителів у Англії; у дисертації І. П. Задорожної проаналізовано методичну підготовку вчителів англійської мови у Великій Британії; реформування вищої освіти Англії (кінець 80-х – початок 90-х років ХХ ст.) висвітлено у науковому дослідженні А. В. Парінова; професійну підготовку перекладачів в університетах Великої Британії проаналізовано у дисертації О. В. Сергєєвої.

Однак, на наш погляд, такий аспект як особливості методичної системи професійної підготовки філологів у вищих навчальних закладах Великої Британії не був предметом спеціального вивчення.

Мета статті полягає у розкритті поняття методичної системи; аналізі методики навчання мовам в університетах Великої Британії та представленні власного формулювання поняття методичної системи професійної підготовки філологів.

Оскільки темою статті є висвітлення сутності, структури та особливостей методичної системи професійної підготовки філологів в університетах Великої Британії, розглянемо що лежить в основі поняття методичної системи з точки зору різних вітчизняних та зарубіжних дослідників.

В. Ю. Биков стверджує, що методична система – це сукупність різних методик навчання. Методика навчання в свою чергу представляє модель навчального процесу, яка поєднує в собі зміст навчання і навчальну технологію. На думку науковця, в основі методики навчання лежить зміст навчального процесу, розроблений з метою досягнення цілей певної навчальної дисципліни; методика відображає психологічні та педагогічні методи навчання, обрані для викладання певної дисципліни; визначає особливості діяльності обох сторін-учасників освітнього процесу, організацію взаємодії викладача зі студентом, розкриває структуру і характер засобів навчання, що використовуються для забезпечення навчання [1].

А. М. Новіков визначає методичну систему як «загальну спрямованість навчання. Якщо, наприклад, метою навчання є засвоєння фактів або опис явищ, то провідним психологічним механізмом буде асоціація, а основними видами діяльності – сприйняття, осмислення, запам'ятовування та відтворення. Відповідними методами навчання виступають висловлювання, читання, відтворювальна бесіда, перегляд ілюстрацій. В сукупності ми отримуємо методичну систему пояснювально-ілюстративного, репродуктивного навчання» [2].

А. М. Пишкало визначає методичну систему як сукупність послідовних складових елементів навчання: цілей, змісту навчання, його методів, основних засобів та форм. На думку науковця, методична система, як модель навчання, має бути зосереджена на розвитку навчальної практики та містити такі компоненти, що передбачають розвиток її змісту, дозволяють перебудову внутрішніх структурних зв'язків [3].

Існує безліч підходів до визначення поняття методичної системи, на описі яких ми детально зупинимось: 1) *дидактичний підхід*, згідно якого методична система (надалі МС) постає як сукупність принципів системи освіти, в якій головну роль відведено дидактичним принципам: системність, багатогранність, варіантність, процесуальність, функціональність; 2) *функціональний підхід*, де МС розглядається як структура, до складу якої входять цілі навчання, його зміст, методи, форми і засоби навчання. Усі компоненти знаходяться у тісному взаємозв'язку, який передбачає перебудову всієї системи у разі змін принаймні одного з компонентів; 3) *модельний підхід*, відповідно якого МС – інформаційна модель, що в основі містить взаємопов'язані елементи та обґрунтовані вимоги щодо організації навчального процесу; 4) *результат-орієнтований підхід*, де МС – сукупність навчальних методів, засобів, форм, моделювання та організації навчання, контролю, моніторингу, коригування навчального процесу з метою поліпшення ефективності навчання, що все разом є взаємообумовленими та пов'язаними складовими; 5) *особисто-орієнтований підхід*, згідно якого МС – структура, що складається з цілей навчання, його змісту, методів, форм та засобів навчання, а також результатів навчання та індивідуального розвитку студента; 6) *діяльнісний підхід*, де МС – система, реалізація якої вимагає певної системи діяльностей від обох сторін-учасників навчального процесу; 7) *функціонально-діяльнісний підхід*, відповідно якого МС – система, що характеризується єдністю змістовних та діяльнісних характеристик навчання; динамікою взаємодії викладача та студента; 8) *концептуальний підхід*, згідно з яким МС – інтеграція цільового, змістовного та процесуального компонентів навчання з урахуванням

поєднання базових, професійно-орієнтованих та інформаційних знань та вмінь у різноманітних галузях професійної діяльності; 9) *соціальний підхід*, де МС – система, що включає цілі, зміст навчання, його форми та методи з урахуванням соціального контексту, а саме інформатизацію суспільства; 10) *предметний підхід*, згідно з яким МС – система навчання будь-якого предмету [4].

Отже, вищезазначені підходи до визначення поняття методичної системи, дають нам підстави до власного формулювання МС професійної підготовки філологів. *Методична система професійної підготовки філологів представляє систему цілей навчання, його змісту, методів, форм та засобів навчання з урахуванням індивідуальних особливостей студента, що підлягає модернізації та змінам в зв'язку зі стрімким розвитком інформаційно-комунікаційних технологій, що в основі спрямовано на результативну реалізацію професійної діяльності майбутнього філолога.*

Розглядаючи особливості методичної системи професійної підготовки філологів у вищих навчальних закладах Великої Британії нашу увагу привернула робота Т.С. Роджерса (T. S. Rodgers), який стверджує, що в основі навчання мові лежить поняття «метод навчання», який науковець трактує як систематичний набір навчальних правил на основі конкретної теорії мови. [5].

Автор ідеї наголошує, що існує безліч характеристик методології навчання мові (методологія – вчення про структуру, логічну організацію, методи і засоби діяльності [6]). Класичне формулювання методології навчання мові звучить як поєднання теорії та практики викладання. Теоретична сторона включає теорії стосовно того, що є мова взагалі і як її вивчають. Такі теорії пов'язані з різноманітними конструктивними особливостями навчання мові, до яких відносять: поставлені цілі, специфікації навчальних програм, види діяльності, роль викладача і студента тощо. Конструктивні особливості в свою чергу мають пряме відношення до фактичного викладання і вивчення мови. Такий комплекс взаємопов'язаних елементів і лежить в основі утворення методики викладання мов.

В методології часто плутають два поняття: методи та підходи, проте різниця між ними очевидна. Як зазначає Роджерс, методи представляють фіксовані навчальні системи з чітко встановленими прийомами та правилами, в той час як підходи відображають основні принципи навчання мові, які можна по-різному впроваджувати у навчальний процес.

Середина минулого століття увійшла в освітню історію під гаслом «Епоха Методів», оскільки саме тоді почалися активні пошуки методів для навчання мови. У Великій Британії поширеним став метод ситуативного навчання, а в Сполучених Штатах популярності набув аудіо-лінгвальний метод. В цей період почали з'являтися нові методи – послідовники методу ситуативного навчання та аудіо-лінгвального методу. Ці методи спробували реалізуватися під різними назвами, найпоширенішими були: сугестопедія (Suggestopedia), метод спільного вивчення мови, або «груповий» метод (Community Language Learning), «мовчазний» метод (Silent Way), метод повної фізичної відповіді (Total Physical Response). Проте ці методи не знайшли підтримки в широких колах філологів-викладачів, що в результаті призвело до появи інтерактивних видів навчання мовам, які в сукупності стали відомі як комунікативне навчання мові. Розробники методу комунікативного навчання визначили ряд принципів: єдиною метою навчання мові повинно бути спілкування; аудиторна діяльність на основі аутентичного та значущого спілкування має бути спрямована на досягнення головної мети; вільне володіння мовою є одним з домінуючих аспектів у спілкуванні; спілкування включає інтеграцію різних мовних вмінь та навичок; навчальний процес базується на творчій організації і передбачає метод спроб і помилок.

Проте розробники комунікативного навчання мові не зазначили набір прийомів, через які, вищеписані принципи можна реалізувати, таким чином включивши комунікативне мовне навчання до підходів, а не до методів навчання [5].

Комунікативне навчання мові стало в основу виникнення певної кількості відгалуджень, що включали той самий набір принципів, але які, до того ж, ще й ретельно висвітлювали деталі основних принципів або представляли навчальні правила у дещо інший спосіб. Ці, відокремлені від комунікативного мовного навчання підходи такі: природний підхід (The Natural Approach), спільне вивчення мови (Cooperative Language Learning), змістовоосноване навчання (Content-Based Teaching) та завдання-основане навчання (Task-Based Teaching) [7].

Існує безліч методів у навчанні мовам і описати їх коротко неможливо, оскільки вони мають більш-менш однакову основу, проте відрізняються у дрібних, проте дуже суттєвих деталях. Науковець Ларсен-Фрімен (Larsen-Freeman) у своїй книзі «Методи та принципи у навчанні мовам» («Techniques and Principles in Language Teaching») пропонує перелік всіх сучасних методів та принципів у навчанні мовам з детальним описом кожного з них [8].

В основному, всі методи навчання мовам у ВНЗ Великої Британії зводяться до основних великих груп: непрямий граматичний метод, прямий усний метод, еkleктивні методи (поєднання непрямого та прямого методів) [9].

Отже, існує безліч різних методів викладання мов, проте кожен викладач прагне розробити і реалізувати на практиці свою власну методичну систему, яка на його думку є ефективною та спрямованою на досягнення високих результатів навчання. Важливим у кожній методичній системі є її органічна взаємодія з викладачем та студентською аудиторією, задоволення нагальних потреб студентів та відповідність високим вимогам сучасного глобалізованого суспільства.

Список літератури:

1. Биков В. Ю. Методичні системи сучасних інформаційно-комунікативних технологій // Проблеми та перспективи формування національної гуманітарно-технічної еліти: Збірник наукових праць / За редакцією Л. Л. ТОВАЖНЯНСЬКОГО та О. Г. РОМАНОВСЬКОГО. – Вип. 3. – Харків: НТУ "ХПІ", 2002. – С. 73 – 83.
2. Новиков А. М. Методология: словарь системы основных понятий / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М. : Либроком, 2013. – 208 с.
3. Пышкало А. М. Методическая система обучения геометрии в начальной школе: Авторский доклад по монографии «Методика обучения элементам геометрии в начальных классах», представленной на соискание... д-ра пед. наук. – М.: Академия пед.наук СССР, 1975. – 60 с.
4. Фещенко Т. С. К вопросу о понятии «методическая система» [Текст] / Т. С. Фещенко // Молодой ученый. – 2013. – №7. – С. 432 – 435.
5. Rodgers T. S. Language teaching methodology // Online resources: digest, 2001. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.cal.org/resources/digest/rogers.html>
6. АBBYY Lingvo.Pro [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.lingvo.pro/ru/online-dictionary.html>
7. Richards J., Rodgers T. Approaches and Methods in Language Teaching (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 270 p.
8. Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 2000. – 189 p.
9. Teaching and learning foreign languages [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.aber.ac.uk/~mflwww/seclangacq/langteach2.html>.

*Trofimenko Viktoriya, National Aviation University,  
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, the Department of Higher Mathematics*

### **Analysis of creation of the methodical system of studies of higher mathematics**

*Трофименко Вікторія, Національний авіаційний університет,  
кандидат педагогічних наук, доцент кафедри вищої математики*

### **Аналіз створення методичної системи навчання вищої математики**

Кожна методична система навчання створюється і використовується на певному соціальному та культурному фоні, що здійснює на неї вирішальний вплив. Особливо значний вплив мають зовнішні зв'язки системи на цілі навчання.

Поняття методичної системи було введено А.М.Пишкало як сукупність взаємопов'язаних компонентів: цілей навчання, його змісту, методів, засобів та організаційних форм навчання. Положення, які визначають напрями бажаної модифікації системи, він назвав принципами вдосконалення методичної системи навчання, а центральним принципом вдосконалення методичної системи визначив принцип цілеспрямованості: напрями і результати вдосконалення системи загалом та її елементів зокрема повинні бути адекватними цілям навчання.

У XIX та на початку XX ст. була популярною модель навчання, яка ґрунтувалася на асоціативній теорії навчання і згодом модифікувалась до наступних етапів: підготовка до засвоєння нового матеріалу (постановка мети і завдання); повідомлення нового матеріалу; порівняння та абстрагування, виділення залежностей між елементами, встановлення властивостей, закономірностей, фактів тощо; узагальнення



(формування нових понять, правил тощо); застосування отриманих знань до розв'язування вправ, задач, під час відповідей на запитання.

Модель навчання на основі умовно-рефлекторної концепції більше наближає навчання до життя. Її характерними етапами є: вибір виду навчальної діяльності; формування цілей навчальної діяльності; обговорення шляхів досягнення мети; практичне дослідження явищ і фактів; узагальнення і формування результатів дослідження.

Звернення до особистості, бажання задовольнити її різнобічні пізнавальні потреби, освітні вимоги – характерна особливість сучасних методичних систем.

Комп'ютерно-орієнтованими методичними системами назвали [1] методичні системи, які сприяють розкриттю творчого потенціалу майбутніх фахівців, збільшенню ролі самостійної та індивідуальної роботи, і ґрунтуються на широкому впровадженні у навчальний процес новітніх педагогічних та інформаційно-комунікаційних технологій. “Під інформаційною технологією розуміється сукупність методів і технічних засобів збирання, організації, зберігання, опрацювання, подання відомостей, що розширює знання людей і розвиває їхні можливості стосовно управління технічними і соціальними проблемами” [1]. Це формулювання найповніше відповідає суті використання інформаційних технологій під час навчання студентів. Сучасні інформаційні технології характеризуються наявністю Всесвітньої мережі Інтернет, електронної пошти (e-mail), що надає широкі комунікаційні можливості. Тому інформаційні технології можна назвати інформаційно-комунікаційними. До комп'ютерно-орієнтованих засобів навчання можна віднести не тільки програмні засоби різноманітного призначення, а й інші засоби навчання, застосування яких поєднується з використанням обчислювальної техніки, зокрема і відповідним чином розроблені і орієнтовані паперові навчальні посібники; сюди також можна віднести і відеоматеріали, аудіоматеріали, гіпертекстові і гіпермедійні системи.

Отже, розробка певних методичних підходів до застосування інформаційно-комунікаційних технологій у навчальному процесі є першочерговою. Такі засоби, насамперед, повинні бути спрямовані на розв'язування психолого-педагогічних та методологічних проблем професійної підготовки спеціалістів, на реалізацію ідей розвивального навчання, розвитку особистості студента, а саме на розвиток творчого потенціалу індивіда, формування вмінь здійснювати прогнозування результатів своєї діяльності, розробляти стратегію пошуку шляхів і методів розв'язування навчальних та практичних завдань.

Інформаційно-комунікаційні технології навчання можуть бути ефективними і не шкодити фізичному та психічному здоров'ю студентів тільки тоді, коли вони органічно вписуватимуться у традиційну систему навчання.

Для навчального процесу, організованого з використанням ІКТ, можна виділити, як основні, наступні принципи:

- принцип науковості (до педагогічної моделі знань повинні бути включені як відомості про основні наукові факти: закони певної предметної галузі, так і про способи, якими ці факти встановлено. Способи подання навчального матеріалу повинні відповідати сучасним науковим методам пізнання. Такими є перш за все методи моделювання та системного аналізу);
- принцип наочності (найважливіша перевага комп'ютерно-орієнтованих засобів навчання полягає в тому, що студенти не є пасивними спостерігачами досліджуваних процесів і явищ, оскільки активно впливають на їх перебіг, при цьому навчально-пізнавальна діяльність набуває дослідницького, творчого характеру);
- принцип систематичності і послідовності (в об'єктах або явищах, моделі яких відтворюються за допомогою програмних засобів, повинні бути виділені основні структурні елементи і суттєві зв'язки між ними, що дозволить ув'язати ці об'єкти чи явища як цілісні утворення);
- принцип індивідуального підходу у навчанні (слід враховувати індивідуальні особливості студента і індивідуального початкового рівня);
- принцип активного залучення всіх студентів до навчального процесу;
- принцип доступності (тобто можливість досягнення мети навчання як загалом, так і на певному його етапі); принцип доступності пов'язаний з принципами систематичності і послідовності, оскільки тільки ті знання, які подаються у строгій послідовності, з дотриманням вимог систематичності, стають доступними для сприйняття і засвоєння.

Впровадженню комп'ютерних технологій в процес навчання математичних дисциплін присвячено багато робіт. Психолого-педагогічним аспектам застосування математичних пакетів у навчання математики у вищому навчальному закладі серед багатьох інших присвячена, наприклад, робота Ю.Лотюка [2]. Він пропонує розрізняти недоліки, зумовлені недосконалістю того чи іншого математичного пакета і недоліки, що зумовлені неповною реалізацією потенційних можливостей використання комп'ютера. Автор наголошує, що комп'ютер не більше як засіб діяльності педагога. Програмна підтримка математичних курсів повинна передусім сприяти досягненню педагогічної мети за рахунок використання комп'ютерних засобів: ілюстрації математичних понять, демонстрації застосувань математичних методів дослідження різноманітних процесів і явищ, проведення математичного експерименту, створення та вивчення інформаційних і математичних моделей явищ і процесів, розвитку математичної інтуїції, формування здатності до самостійної творчої роботи.

При визначенні ефективності будь-якої методики навчання необхідно враховувати особливості психічних процесів кожного студента, а саме: особливості мислення, властивості пам'яті, окремих аналізаторів (слух, зір), а також характер і волю. Без урахування зазначених факторів неможливо досягнути засвоєння студентами навчального матеріалу у повному обсязі. Використання інформаційно-комунікаційних технологій у навчальному процесі виступає своєрідним каталізатором, що призводить до якісних змін системи освіти в цілому.

За допомогою комп'ютера вдається зробити доступним багато з того, що протягом тривалого часу вважалося недоступним внаслідок своєї абстрактності. Наприклад, завдяки наочності студент має можливість дослідити самостійно характер кривої другого порядку в залежності від значень коефіцієнтів її загального рівняння, побудувати певну січну площину до даної поверхні і встановити загальні характеристики утвореного при цьому перерізу тощо. На лекційних заняттях використання мультимедійного проєктора та відповідного програмного забезпечення робить сприйняття матеріалу не лише більш наочним, а й більш доступним. Студенти не лише сприймають та запам'ятовують готові істини, але й самі беруть участь в процесі пошуку розв'язку навчальної задачі. Навчальний ефект при цьому значно збільшується порівняно з малюванням крейдою.

Використання комп'ютерних засобів навчання дозволяє збільшити обсяг аудіовізуальних матеріалів для засвоєння студентами, що у свою чергу сприяє розвитку їхнього мислення, здатність до самостійної творчої роботи. На практичних заняттях використання персонального комп'ютера, в першу чергу, дозволяє зменшувати витрати часу на деякі розрахунки. Це дозволяє розглядати на заняттях не тільки більшу кількість завдань, а й приділяти значну увагу розв'язуванню творчих задач, що сприятиме формуванню навичок математичного моделювання, розвиває творчі здібності студентів і формує їхню пізнавальну активність.

На даному етапі навчання вищої математики повинно бути насамперед особистісно орієнтованим (має забезпечувати умови для особистого зростання, самовдосконалення і самоосвіти); професійно-орієнтованим (має формувати професійну компетентність у прийнятті ефективних рішень, розвитку системно-аналітичного мислення та творчості у вирішенні професійних завдань, зокрема і у нестандартних ситуаціях); комп'ютерно-орієнтованим (має створювати умови для інтенсифікації процесу навчання, забезпечувати наочність навчання, розширювати спектр завдань та їх розв'язання засобами комп'ютерної математики), спрямованим на формування математичної та інформаційної культури студентів. Слід пам'ятати і про можливі негативні наслідки нерационального використання засобів ІКТ в навчальному процесі, надмірного захоплення моделюванням, програмуванням і т. д. При викладанні математики доцільно поєднання таких складових, як: інформаційно-комунікаційна підтримка курсу, подальша інтеграція математики з циклом професійних дисциплін, підвищення результативності самостійної роботи студентів (3)

Які характерні особливості будуть притаманні майбутнім методичним системам? Серед вимог до технологій навчання слід відмітити наступні:

- 1) умови виробничої діяльності потребують творчих фахівців, які мислять нестандартно;
- 2) сучасні методичні системи орієнтуються на стійку систему знань, умінь і навичок. Нині ця стійкість зменшується. Таким чином, необхідні еквіваленти елементів знань, які були б стійкими відносно зміни умов виробництва;
- 3) рівень освіти в державі визначається конкурентоспроможністю її наукової продукції на світовому ринку. Тому головним матеріальним ресурсом і надбанням вважають інтелект (людський капітал), і основою майбутньої методичної системи є підвищення рівня інтелекту майбутнього фахівця;
- 4) конкурентоспроможні технології можуть забезпечити тільки науковці-дослідники, інженери, технологи з міцною природничо-математичною освітою, які здатні миттєво-швидко зрозуміти і опанувати сучасні теоретичні основи новітніх розробок (формула "вища освіта + точні науки");
- 5) Мотиваційний вплив спричиняє тільки той навчальний матеріал, інформаційний зміст якого враховує наявні та майбутні потреби студента. При цьому слід мати на увазі, що в усіх студентів, зокрема і у тих, хто вивчає математику, існує потреба в постійній діяльності, у тренуванні окремих функцій (пам'яті, мислення, уявлення тощо), потреба у нових враженнях та позитивних емоціях, потреба у пошуках особистого призначення та моральних основ життя.

Нова картина світу, в якому буде працювати фахівець, невідома, і підготовка конкурентоспроможних фахівців є актуальною науково-методичною проблемою та нашим завданням, вирішення якого, насамперед, пов'язане із розумінням необхідності посиленого вивчення фундаментальної складової у професійній підготовці майбутніх спеціалістів.

#### Список літератури:

1. Жалдак М.І. Педагогічний потенціал комп'ютерно-орієнтованих систем навчання математики / М.І.Жалдак // Комп'ютерно-орієнтовані системи навчання. Зб. наук. праць/ Редкол. – К.:НПУ ім. М.П. Драгоманова. – Випуск 7. – 2003. –с. 3–16.
2. Лотюк Ю.Г. Застосування математичних пакетів у викладанні математики у вищому навчальному закладі/ Ю.Г. Лотюк // Комп'ютер у школі та сім'ї. 2001. №3,— с. 21–24.

3. Трофименко В.І. „Методична система навчання математики майбутніх фахівців авіаційної галузі з використанням інформаційно-комунікаційних технологій” : Автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.02. – К.: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2013. - 21 с.

*Shevchenko Volodymyr, Institute of special pedagogy the National academy of pedagogical sciences of Ukraine, Senior researcher, Candidate of sciences, Laboratory deaf-and-dumb pedagogy*

## **Rehabilitation of children with severe hearing impairment (on the example of Ukraine)**

*Шевченко Володимир, Інститут спеціальної педагогіки Національної академії педагогічних наук України, старший науковий співробітник, кандидат педагогічних наук*

### **Реабілітація дітей з тяжкими порушеннями слуху (на прикладі України)**

Згідно світової статистики, порушення слуху є найрозповсюдженішою патологією у новонароджених. 1-2 дитини із тисячі народжуються із серйозними порушеннями слуху або з глухотою, ще у 2-4 дітей спостерігається середній ступінь порушення.

Глуху дитину, переважно, не можна навчити усній мові. В той же час нормальний рівень володіння мовою – необхідний фактор для досягнення потрібного рівня інтелектуального, емоційного та соціального розвитку. Це також є основою для інтеграції дитини у співтовариство чуючих, в результаті чого вона отримує більш якісну освіту і в майбутньому буде мати високі шанси вдалого працевлаштування. Це складає основу для високої самооцінки і достатнього рівня самореалізації і, таким чином, допоможе досягти кращої якості життя [1].

У вітчизняній сурдопедагогіці навчання дітей з порушеннями слуху усній мові завжди розглядалося як пріоритетне завдання, вирішення якого сприяє їх більш повноцінному особистісному розвитку та соціальній адаптації (Багрова І.Г., Бельтюков В.І., Волкова К.О., Зікєєв А.Г., Зиков С.О., Зикова Т.С., Леонгард Е.І., Назарова Л.П., Носкова Л.П., Рау Ф.Ф., Слезіна Н.Ф., Шелгунова Н.І., Шматко Н.Д., Яхніна О.З. та ін.). Повноцінне оволодіння такими дітьми усною мовою передбачає розвиток здатності досить вільно розуміти звернену мову співбесідника та зрозуміло говорити. Ці два процеси взаємопов'язані, їх формування здійснюється з опорою на слухове сприймання [2].

Сучасні досягнення науки, в тому числі техніки, медицини, сурдопедагогіки, обумовили розробку високих технологій, необхідних для практичного вирішення більшості проблем осіб з порушеннями слуху. На сьогодні в якості одного з найбільш перспективних технічних напрямків для реабілітації людей з порушеннями слуху, насамперед дітей, і наступної інтеграції їх в середовище чуючих, є кохлеарна імплантація – революційний крок у слухопротезуванні, що здійснюється шляхом хірургічного втручання. Застосування кохлеарних імплантів стало у світі загальноновизнаним методом лікування сенсоневральної туговухості високого ступеня та глухоти (Богомільський М.Р., Дьяконова І.М., Дайхес М.А., Корольова І.В., Луцько К.В., Мороз Б.С., Миронова Е.В., Таваркіладзе Г.А., Овчінніков Ю.М., Ланцов О.О., Янов Ю.К., D. Dornan, B. McCormick та ін.).

Основна користь від кохлеарної імплантації полягає в тому, що у людини з порушеннями слуху з'являються всі умови для подальшого ефективного навчання, праці та відпочинку нарівні з чуючими людьми, для реалізації своїх устремлінь та бажань, повноцінного розкриття власних можливостей, покращання практично всіх сторін не лише свого життя, але й життя рідних, близьких та друзів [3].

Стаття має на меті висвітлити загальний стан реабілітації осіб з кохлеарними імплантами в Україні, показати, яке місце в слухомовленнєвому, інтелектуальному, соціальному розвитку дітей вона займає та накреслити шлях з удосконалення роботи в цьому напрямку.

За статистикою, в Україні постійно збільшується кількість людей, які мають захворювання органів слуху. Так, якщо у 2000 році їх було 1148489 (2332 на 100 тис.) чоловік, а у 2005 – 1196650 (2550 на 100 тис.), то вже у 2012 році їх кількість становила 1213247 (2672 на 100 тис.) чоловік, з них 339716 дітей віком від 0 до 17 років [4]. Діти втрачають слух в ранньому віці внаслідок перенесених хвороб та лікування ототоксичними препаратами, які згубно впливають на слух, а дорослі внаслідок травм, судинних, вірусних, професійних захворювань та віку.

На сьогодні ми не можемовилікувати таку дитину, але можемо надали їй максимально ефективну допомогу. Головна проблема осіб з порушеннями слуху в тому, що вони не чують або погано

чують оточуючих, а тому у них не розвивається або погано розвивається розуміння мови та власна мова. Таким чином, порушення слуху є первинним порушенням, яке без належної допомоги призводить до розвитку у дитини різних вторинних порушень – мислення, пам'яті, емоційно-вольових якостей та ін.

Якщо ми зможемо навчити дитину з тяжким порушенням слуху розуміти мову, думати, говорити так як це відбувається у дітей з нормальною слуховою функцією, то вона зможе повноцінно спілкуватися, вчитися, а потім і працювати, цілком соціалізувавшись у суспільство.

Світовий досвід показує, що допомогти їм і повністю соціалізувати у суспільство можна завдяки комплексу взаємопов'язаних компонентів. Їх основними складниками є:

- раннє виявлення (скринінг слуху) та діагностика порушень слуху;
- доопераційна абілітація дитини та навчання батьків;
- раннє бінауральне (двостороннє) слухопротезування адекватними СА (у віці 3-6 місяців) та КІ (оптимальний вік 9-18 місяців);
- аудіологічна підтримка для налаштування/переналаштування СА та звукових процесорів КІ;
- тривала кваліфікована психолого-педагогічна реабілітація;
- технічний пожиттєвий супровід;
- групи взаємодопомоги;
- громадські організації.

Завдяки сучасним можливостям медицини, техніки та сурдопедагогіки в останнє десятиліття в Україні активно впроваджується метод кохлеарного слухопротезування [3], а зазначені компоненти перебувають на різних етапах розвитку та реалізації, діють розрізнено, переважна їх частина локалізована в Києві, а деякі ще не створені. Внаслідок цього відсутня цілісна структура з надання комплексної допомоги дітям та дорослим з тяжкими порушеннями слуху та повною втратою слуху в усіх регіонах країни.

В Україні діє Державна програма «Здорова дитина на 2008-2017 роки». Згідно неї, щороку за кошти державного бюджету закуповується певна кількість (відповідно до виділених державою коштів) кохлеарних імплантів. Хірургічні операції проводяться в Києві на базі Інституту отоларингології ім. О. С. Коломійченка. На даний час було проведено біля 1000 таких операцій. Встановити кохлеарний імплант за державні кошти може кожна особа, у якої для цього є показання, оскільки черга практично відсутня. Також певний відсоток дітей імплантується за межами країни (Росія, Польща, Німеччина, Ізраїль) за власні кошти. Відповідно до цього з кожним роком збільшується кількість носіїв кохлеарних імплантів. Вони проживають в усіх регіонах України, перебувають в різних соціальних умовах та потребують відповідної допомоги і підтримки протягом всього життя. В такому разі вона має їм надаватися за місцем проживання або максимально наближено до нього. Така система побудована, випробувана і успішно працює в багатьох країнах Європи. Наприклад, в Німеччині Центрів реабілітації слуху близько 70. В Україні на сьогодні реабілітацією дітей з кохлеарними імплантами займаються шість Центрів слухової реабілітації (чотири в Києві, один в Одесі та Львові). Вони не в змозі надати весь спектр послуг та охопити всіх осіб з кохлеарними імплантами в країні, кількість яких постійно зростає.

Проблема ускладнюється й тим, що в Україні не створена система комплексної реабілітації осіб з кохлеарними імплантами, на досить низькому рівні знаходиться раннє виявлення порушень слуху у новонароджених та раннє втручання, відсутнє наукове обґрунтування комплексної реабілітації осіб з кохлеарними імплантами. На державному рівні ці проблеми не вирішуються або їх вирішення не змінює загальної ситуації. Так, Державна програма із закупівлі обладнання для скринінгу не працює, а обладнання купується за кошти благодійників та приватні пожертви.

Для підвищення ефективності роботи в цьому напрямку варто створити Пілотний проект в одній області або регіоні, який передбачав би створення нової моделі реабілітації осіб з тяжкими порушеннями слуху - створення комплексної системи надання послуг з реабілітації осіб з кохлеарними імплантами (за аналогом провідних країн світу). Така система передбачає створення Центру реабілітації осіб з кохлеарними імплантами з метою включення їх в середовище чуючих людей (соціалізація).

Центр має виконувати наступні функції:

- надавати всебічну первинну допомогу відвідувачам в ресурсному центрі (консультаційному пункті);
- здійснювати раннє виявлення (скринінг) порушень слуху новонароджених, дітей різного віку та дорослих за допомогою використання сучасного обладнання для скринінгу на власній базі та базі мобільної групи (пересувна лабораторія на базі мікроавтобуса, який за певним графіком буде працювати в різних населених пунктах певного регіону);
- здійснювати координацію та супровід дитини та її батьків, дорослих від виявлення порушення слуху впродовж всього періоду реабілітації за допомогою служби раннього втручання;
- надавати кваліфіковану реабілітаційну допомогу відповідними фахівцями (з раннього втручання, сурдопедагогом, логопедом, дефектологом, психологом, музичним керівником, ерготерапевтом, аудіологом, лікарем-отоларингологом);
- надавати протягом життя технічний супровід та необхідні сервісні послуги (налаштування звукових процесорів КІ, відновлення програмного забезпечення, заміна елементів живлення та звукових процесорів, придбання аксесуарів до звукових процесорів, надання дистанційного сервісу тощо);

- консультувати із залученням групи самопомоги осіб з порушеннями слуху та батьків дітей, майбутніх носіїв кохлеарних імплантів, з питань їх використання в повсякденному житті та побуті, відчуттях та інших аспектах;

- проводити заходи інформаційного та навчального спрямування (конференції, семінари, круглі столи, курси, тренінги тощо) для фахівців, батьків та дорослих осіб з порушеннями слуху;

- здійснювати підготовку і видання методичної літератури для педагогів та батьків;

- проводити широке інформування населення шляхом створення власного сайту, інформаційного бюлетеня та роздаткових матеріалів (буклетів, листівок, календарів тощо).

Для забезпечення повноцінного функціонування Проекту необхідно:

- створення Всеукраїнської громадської організації, яка буде координувати та підтримувати Пілотний проект, а в подальшому розвивати мережу в інших регіонах країни із залученням до процесу місцевих органів влади, профільних громадських організацій та фахівців;

- сприяння у підготовці фахівців (з раннього втручання, реабілітологів, аудіологів/інженерів) на відповідних курсах, стажування у провідних вітчизняних та закордонних Центрах слухової реабілітації та на базі фірм-виробників кохлеарних імплантів;

- створення моніторингової групи з провідних фахівців різних галузей (медицини, педагогіки, аудіології, проектної діяльності), яка буде здійснювати моніторинг ходу реалізації Проекту шляхом проведення аудиту;

- забезпечення повноцінного функціонування Центру, яке можливе за рахунок надання окремих платних послуг, благодійних внесків, спонсорської допомоги та місцевого бюджету.

Отже, метод кохлеарної імплантації на сьогодні є найбільш ефективним, безпечним і надійним методом реабілітації як дорослих, так і дітей з важкими порушеннями слуху і глухотою. Тому якщо дитині поставлено діагноз «глухота» - це не означає, що вона не зможе чути. Сучасні технології і правильно організована та проведена слухомовленева реабілітація дають справжню можливість людям покращити або повністю відновити слухове сприймання, отримати можливість для спілкування, а отже – можливість розвиватися і жити повноцінним життям.

Висвітлена проблематика вказує на розвиток наукової думки та технічних засобів щодо надання допомоги дітям з тяжкими порушеннями слуху. В цьому напрямку в Україні зроблено вже значний крок, але ще є проблемні питання, які в подальшому чекають свого вирішення, найголовніше з них – це створення системи надання послуг з комплексної реабілітації дітей та дорослих з кохлеарними імплантами.

#### Список літератури:

1. Ленхардт М. Універсальний неонатальний скринінг слуху: обов'язковий, факультативний або зайвий? // Доповідь на Конгресі отоларингологів в Єревані 23 листопада 2010 року. - С. 3.
2. Рахманов В.М. Медико-социальные аспекты воспитания и обучения детей с нарушениями слуха. Харьков, 1990. - С. 13-14.
3. Мороз Б.С., Овсяник В.П., Луцько К.В. Корекційні технології у слухопротезуванні дітей. Київ, 2008. - С. 7-8.
4. Заклади охорони здоров'я та захворюваність населення України у 2012 році // Державна служба статистики України. – Київ, 2012.- С. 14-42. Режим доступу: [http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/kat\\_u/2013/bl/07/bl\\_zozd\\_2012.zip](http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/kat_u/2013/bl/07/bl_zozd_2012.zip)

*Julianne Wai-Yin Wong<sup>1</sup>, Canon Tong<sup>2</sup> and Anthony Wong<sup>3\*</sup>*

<sup>1</sup>*International Graduate School of Business, University of South Australia, Australia.* <sup>2</sup>*Business, Government and Law, University of Canberra, Australia.*

<sup>3</sup>*Department of Business Administration, Caritas Institute of Higher Education, Hong Kong.*

## **The Mediating Effects of School Reputation and School Image on the Relationship between Quality of Teaching Staff and Student Satisfaction in Higher Education in Hong Kong**

### **1. INTRODUCTION**

It is clear that as a result of Hong Kong's higher education sector rapidly expanding, the question of how students see their learning institutions is assuming an increasing significance for stakeholders. The aim of this research was to find out through student

perception, the mediating effect of school reputation and image on the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction in Hong Kong's higher education sector.

Accordingly, the research investigated the respective influences of quality of teaching staff, school reputation and school image on student satisfaction; and examined possible mediating effects of school reputation and image on the relationship between the quality of teaching staff and student satisfaction.

Full-time students of higher education institutions and universities in Hong Kong were selected as the targeted participants in this research because, according to [1,2] they are the primary customers of higher education in today's competitive consumerist society.

### **1.1 Background of the Study**

Quality assurance (QA) in higher education is receiving an increasing attention in many parts of the world as a result of the rapid expansion of this sector and subsequent to recent education reforms, incurring thereby a need for the sector to respond to these changes as well as to the trend of globalization, in order to meet the expectations of communities as they develop into knowledge-based societies. It is almost a universal consensus that, in the concept of quality in the context of higher education is multifaceted, value laden and stakeholder-relative [3]. The nature of quality and its assurance has been taken up recently in the academic and professional literature, and new interpretations proposed [4,5] with various approaches to QA, such as total quality management [6,7], external quality monitoring (EQM) [8] and performance indicator [9,10] even practiced. A recent review of these approaches conducted by [1] has indicated that as one moves from the higher levels towards the lower levels, quality indicators that are of importance change and have a tendency to get softer, signifying that they are much more subjective than the quality indicators at the higher levels, such as students' attrition rates, and are more related to student experience, such as the quality of teaching and learning and student satisfaction with their various experiences.

### **1.2 The Higher Education in Hong Kong**

Like many other jurisdictions, Hong Kong has been undergoing various education reforms, especially in the past five years, to respond to the trend of internationalization and globalization [11]. With the launch of the Qualifications Framework (QF) in 2008 by the Education Bureau in Hong Kong, the concern about the quality of different qualifications in the vocational and academic sectors is becoming even more explicit. Furthermore, the number of self-financing degree-awarding tertiary institutions in Hong Kong has increased to six, providing a total of over 13,000 places. With the rapid expansion of post-secondary education in Hong Kong, it has become necessary to address the question of quality of the academic provisions concerned [12]. The volume and diversity of the student body inevitably imposes different challenges on educational institutions.

Hong Kong's higher education institutions, particularly the publicly funded ones, are increasingly under public pressure to demonstrate and account for their educational quality unambiguously and distinctly. However, the QA practices as currently adopted are more included towards an accountability-led view rather than an improvement-led view. Therefore, resources and efforts in many institutions have typically been committed more to the institutional aspects of the quality issues. Consequently, insufficient attention is paid to the student aspects, in particular students' experiences of various facets of their academic lives, which should be of paramount concern in the recent education reform of most countries, notably for the post-secondary sector in which a substantial expansion of student participation has been taking place. In the course of debates over various quality issues for higher education, a major focus of this research is the centrality of the student perception. This research is therefore conducted with the aim of finding out the mediating effects of school reputation and image on the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction from the students' perspectives.

## **2. LITERATURE REVIEW AND HYPOTHESES DEVELOPMENT**

The following provides an overview of the literature concerning the higher education sector in Hong Kong and investigates the roles of and relationships among different marketing concepts, in particular the concepts of quality, reputation, image and satisfaction in higher education provisions.

### **2.1 The Higher Education Market in Hong Kong**

The Chief Executive of the Hong Kong Special Administrative Region (HKSAR) pledged in his 2009-2010 Policy Address to invest in “education services....to enhance Hong Kong’s status as a regional education hub” [13].The objective was to strengthen the competitiveness of Hong Kong’s education sector, enabling it to better capture the opportunities spawned by the enormous global demand for higher education [11].

To the existing institutions of higher learning, these initiatives hold both opportunities and challenges. Enrollment is expected to soar as lifelong learning and increased intake of non-local students allow the institutions to widen their net and at the same time to expand beyond their home market. However, the government’s policy to encourage greater private sector involvement in higher education implies that the status quo will be destroyed and the existing institutions will be put into direct competition with both new and established education providers from home and abroad [11].

Sitting on this cusp of tremendous change, it seems obvious that no institutions of higher learning can now extricate itself from participating in market competition. To operate as market competitors, higher education institutions have to do more than just produce glossy brochures and stage expensive advertising campaigns. They, like any marketers in a competitive market, are required to consider what their customers need and perceive as good [14]. Although a multitude of factors have been found to contribute to student satisfaction subject to the specific segments of the higher education market under study, quality of teaching staff, school image, and reputation are the three most prominent drivers [15,16].

### **2.2 Quality Assurance in the Higher Education in Hong Kong**

From quality as a process emerges the concept of quality assurance (QA), which is a process-oriented system to ensure that the pre-defined standards of an organization are met and best practices or procedures are complied with [17,18,19]. It has become a trend in higher education provision across the world that QA initiatives be advocated and followed through to ensure quality of activities and continuous improvement [20]. In Hong Kong, QA is gaining prominence in the higher education sector due to, inter alia, the reform and rapid expansion of the education service in recent years, the urgent need to respond to the challenges of globalization, and the rising expectations of stakeholders [21,22].

The underlying principle for implementing QA in the education sector is to ensure that the main actors at the forefront of teaching and learning (school administration, teachers, students, parents and governing bodies) are committed to improving education performance and at the same time are given the means to see that the educational improvement objectives are implemented and fulfilled effectively [23,24].

### **2.3 Quality of Teaching Staff**

Research reveals that students value good teaching and that teaching quality is directly related to students’ perception of the quality of the high order learning provided [25,26]. However, quality of teaching, like quality in general, is an elusive abstraction. Though different techniques and tools have been proposed to evaluate teaching quality, it remains challenging to identify all the traits of quality teaching, let alone assess the quality of an individual’s teaching [25,26].

As[27]argued, to maintain or improve the quality of teaching, the teaching staff needs to develop and excel in these capabilities. [28]pointed out that there are four essential traits of good teaching: positive classroom climate, interest in learning, lesson organization, and clarity. The literature underlines the importance of knowledge, teaching skills, teacher sensitivity to student level and progress, clear teaching goals, fair assessment, and encouragement of independent

thinking. And, in addition to pedagogical skills, good teachers need to have passion and demonstrate strong enthusiasm for their students, for the subject they teach and for teaching itself [29].

## **2.4 Student Satisfaction**

One of the leading indicators of competitiveness in higher education provisions is the level of satisfaction of a student with regard to his/her experience from a particular institution [30]. Prior studies have given some slightly different definitions to the concept of student satisfaction. For example, [31] define student satisfaction as a “student’s perceived value of his or her educational experiences at an educational institution”. [32] define student satisfaction as “an evaluative summary of direct educational experience, based on the discrepancy between prior expectation and the performance perceived after passing through the educational cycle”. [33] defined student satisfaction “as emotional or cognitive response or reaction to the learning experience”. Although the definitions vary slightly from one to another, the common focus is on measuring a student’s ex post evaluation of educational experiences. In this sense, these definitions can be regarded as rooted in the earlier definition of satisfaction developed by [34].

According to [35], student satisfaction is a perceived value. This perceived value is the outcome, the difference between expectation and perception, of the student’s scrutiny of the value delivered by an educational institution. According to the expectancy disconfirmation theory [34,36], feelings of satisfaction or dissatisfaction arise when one compares his or her expectations before a transaction with his or her perceptions after the transaction. In the context of higher education, if a student’s perceptions exceed his or her expectations (a positive disconfirmation), student satisfaction may arise. On the contrary, if a student’s perceptions fall short of meeting his or her expectations (a negative disconfirmation), student dissatisfaction may arise [34,37].

### **2.4.1 Quality of teaching staff on student satisfaction**

In marketing, service quality and satisfaction are two discrete but highly interrelated concepts [38]. While a plethora of research has highlighted the importance of product/service quality in driving customer satisfaction [14,34,39], some scholars argue that satisfaction is the antecedent of quality [40]. Nevertheless, empirical findings conclude service quality causes satisfaction [41]. Service marketing tenets indicate the difficulties in delivering consistent quality of service in order to satisfy customers [42,43,44,45]. The inconsistency due to its innate characteristics of inseparability, heterogeneity, intangibility, and perishability are applicable in relation to the quality of teaching at educational institutions. The inseparability of the delivery from consumption of the service is apparent in teaching as more than just the teaching material provided to the students; the style of delivery and explanation of the content is essential to a student’s understanding. It is evident that teaching style differs from teacher to teacher, as does the style, the material provided, the knowledge delivered, and even body language differs. Total satisfaction can be a challenge to achieve as the acceptance of delivery style by one student can differ from another. However, in examining the teaching quality and student satisfaction linkage in a Canadian university, [46] used two separate sets of student samples (70 undergraduate students and 94 MBA students) to investigate the influence of a six teaching quality dimensions on student satisfaction in terms of course offerings and instructors. The results indicate that teaching quality strongly influences student satisfaction by showing that the quality dimensions explained 74% of student satisfaction with the course and 67% of student satisfaction with the instructors. It is expected that a similar causality may exist in Hong Kong’s higher education sector. Therefore, it is hypothesized that:

Hypothesis 1. The quality of teaching staff as perceived by students positively affects student satisfaction.

## **2.5 School Reputation in Higher Education**

In the higher education environment, students may form a perception about their institution and the specific course offerings. Similar to reputation in the business setting, an



institution's reputation hinges on deeds done in the past. If the institution "repeatedly succeeds in fulfilling its promises, it should have a favourable reputation, and inversely its expressed intentions may create a negative reputation" [47]. A positive and long-standing school reputation is also a strong indication of its high levels of quality and competence. [47]posited that "Institutional reputation may be viewed as a mirror of the organization's history that serves to communicate to its target groups the quality of its products or services in comparison with those of its competitors". This quality may be reflected in the school's capacity in meeting the expectations of the students, including their expectations for teaching staff of high professional caliber and for teachers who demonstrate characteristics of good pedagogical practice.

In addition, in the business sector, a good corporate reputation reduces customers' uncertainty in making buying decisions, boosts demand and helps a reputable firm to sell more to achieve its ultimate goal of profit maximization [48]. In higher education, a good school reputation also enhances the prestige of an institution and mitigates students' uncertainty in making enrollment decisions. However, contrary to workings in the business world, high levels of school reputation often lead to minimal sales. College aspirants will flood the most prestigious institutions with applications, but the majority of them will likely be disappointed since the supply of programmes is highly inelastic. In business transactions, customer satisfaction may turn into dissatisfaction and hurt the reputation of an institution if student demands cannot be adequately met for a long time [49]. Consequently, education institutions have to work hard to maintain their reputation and credibility. However, in the educational setting, the stricter the admission criteria and the tougher the competition, the stronger will be students' desire to be admitted and the higher will be the school reputation [50].

### **2.5.1 Quality of teaching staff and school reputation**

Though the link between quality of service and reputation of the service providers is well established in various sectors of the service industry [51,52,53], it is still unclear whether a similar positive association exists between quality of teaching staff and school reputation. In the higher education arena, there is a growing production of perceptual ratings or league table rankings of higher education institutions [54]. To gain a deeper understanding of the interplay between the constructs of teaching quality and reputation in higher education, the present research attempts to establish by empirical analysis whether there is a direct relationship between the two constructs in the higher education setting in Hong Kong. School reputation is measured by a 3-item scale developed by [47] to assess the perceived competence of an institution in delivering what it has promised, and the respondents' overall perception of school reputation and school competitiveness. It is therefore hypothesized that:

Hypothesis 2. The quality of teaching staff as perceived by students positively affects their perception of school reputation.

### **2.6 School Image in Higher Education**

Image and reputation are two closely intertwined concepts. There has been much debate in the literature about the relationship between the two.[55]pointed out that there is disagreement among scholars on how the two concepts be defined and distinguished from one another. Some scholars, for example, [56] suggested that image should be subsumed within reputation, arguing that image is just one of the many components of reputation [55]. Despite the different arguments, there appears to be a general agreement among scholars participating in the debate that image is distinguished from reputation in that the former is influenced by the everyday encounters between an organization and an outsider. It is concerned with the outsider's impression of an organization and is likely to be influenced by things such as the name, logo, building, or even the uniform or dressing styles of the staff members of a particular organization [57]. Reputation, on the contrary, is forged out of the more fundamental values of leadership, competitiveness, expertise, product and service philosophy, culture, and ethics which take a long time to cultivate and grow.

In the higher education setting, it is clear that school image is becoming increasingly important. To attract good students in the globalized higher education market and in

order to maintain their profile and competitiveness, institutions across the world have taken a proactive attitude towards image building [58]. Despite this, school image remains an unclear concept and the definitional dispute is often resolved by drawing strength from the established conceptions and theories in business marketing [49]. Following this line of thinking, the present research defines school image as the ideal impression that a higher education institution would like others to see. The image of an institution is measured by a 3-item scale developed by [47] to assess the respondents' general perception, their estimation of the perception of their peers, and the perceived image of their own institution relative to other institutions.

### **2.6.1 Quality of teaching staff and school image**

Prior studies on product or service marketing have confirmed the positive role that image plays on product/service advantage and competitiveness [59]. Moreover, the above-mentioned inherent characteristics of service present more challenges to build and sustain school image [42,43,44]. The intangibility, perishability, heterogeneity and inseparability of service make its image more vulnerable to variance in teaching quality, as image takes time to establish and consistency is one of image's most important requirements [43,60]. Research on corporate image has established that product/service quality is one of the key determinants of good image [61]. It is expected that a similar causality may also exist in the higher education sector as quality of teaching has a lot to do with building up a favourable impression in the minds of the students. Therefore, it is hypothesized that:

Hypothesis 3. The quality of teaching staff as perceived by students positively affects their perception of school image.

### **2.7 School Reputation and Student Satisfaction**

Firm reputation, customer satisfaction and the link between these two constructs is a relatively well-researched domain in management studies [62,63]. There is an abundance of empirical research, primarily from the perspective of marketing, which demonstrates the casual link between the two concepts [64,65]. While prior studies on non-education service settings report a positive influence of customer satisfaction on firm reputation [65], some other studies demonstrate that the casual relationship is reserved [64,66,67]. The contrary findings have led some scholars to conclude that the two concepts are in fact interrelated and mutually interdependent [63,68].

The relationship between school reputation and student satisfaction in the higher education market is a relatively understudied area of research, as treating students as customers is, after all, relatively new and controversial [69]. Besides, the student-institution relationship is growing in complexity due to massification and globalization of higher education [49]. Nevertheless, as more college aspirants are given access to more choices of institutions nowadays, school reputation is becoming an increasingly important factor in their enrollment decisions. For those who have made it to the best schools, the satisfaction is beyond words. Therefore, it is hypothesized that:

Hypothesis 4. The reputation of a higher education institution as perceived by students positively affects student satisfaction.

### **2.8 School Image and Student Satisfaction**

Some prior studies have found that brand image exerts a positive influence on customer satisfaction [39,70]. Other studies, however, claim that no such link exists. For example, in their study of the image and satisfaction link in the banking industry, [71] found that there is no direct influence of brand image on customer satisfaction. [72] conducted a three-year longitudinal study on various service sectors and confirmed the positive influence of image on customer satisfaction. They found that the influence of image on customer satisfaction increased over the three-year time span. In other words, the lack of influence of image on customer satisfaction as revealed by previous studies might simply be due to time lag or the existence of other factors mediating the relationship.

Although prior research has given moderate support to the influence of image on customer satisfaction in various service settings, this research proposes to extend the research scope to explore whether there is any positive influence of school image on student satisfaction. Therefore, it is hypothesized that:

Hypothesis 5. The image of a higher education institution as perceived by students positively affects student satisfaction.

### 2.9 Mediating Roles of School Reputation and Image

School reputation and image are presented as mediators, as it is postulated that the direct relationship between QTS and student satisfaction is intervened by these variables. Mediation is the effect of an independent variable on a dependent variable that goes through one or more third variables [73,74,75,76]. The effect of mediation was recognized as early as 1928 but in recent years various tests have been introduced to identify the exact nature of the mediation impact [73,75,76,77]. These interventions are recognized in the literature based on well-rooted theoretical and logical arguments. This research recognizes reputation and image as simple mediators that intervene the effect of QTS on SS separately [63,68,71,78].

Students' perception of school reputation is the first mediator proposed in the present research. As discussed above, quality of teaching staff is hypothesized to have a positive influence on student perception of school reputation as well as image, and student perception of school reputation and image positively influence student satisfaction. Therefore, it is hypothesized that:

Hypothesis 6. Student perception of the reputation of a higher education institution mediates the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction.

Student perception of school image is the second mediator proposed in the present research. As discussed above, quality of teaching staff is hypothesized to have a positive influence on student perception of school reputation, and student perception of school image is also hypothesized to have a positive influence on student satisfaction. Therefore, it is hypothesized that:

Hypothesis 7. Student perception of the image of a higher education institution mediates the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction.

### 2.10 Research Model

Seven hypotheses have been developed based on the literature on the marketing concepts of quality, satisfaction, reputation and image, and the corresponding concepts in the higher education market. Based upon the seven hypotheses developed, a research model (Fig. 1) was devised by adapting the following sets of constructs from prior studies.

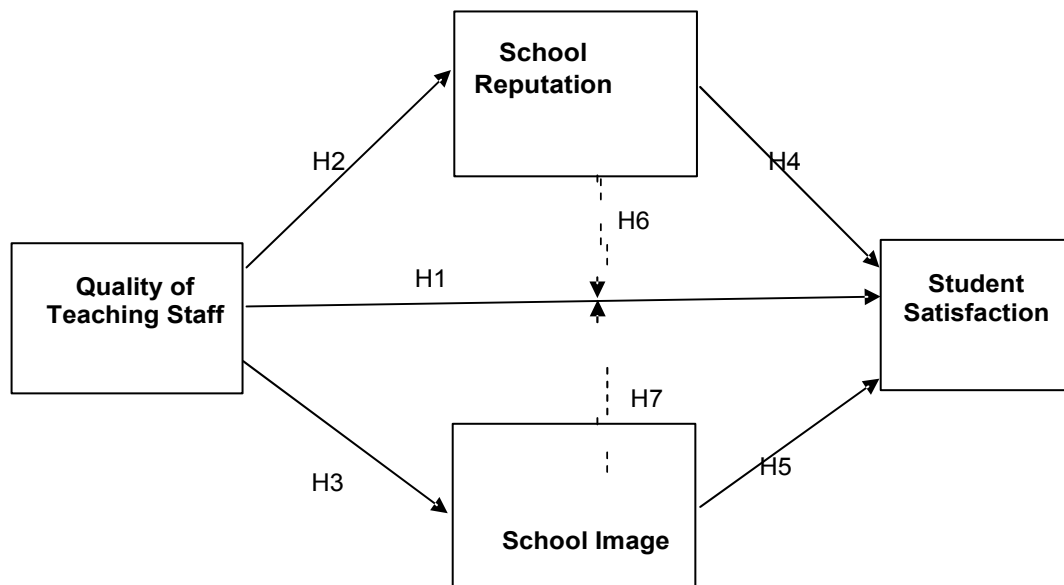


Fig. 1. Research model

The research framework shown above consists of four constructs, with one dependent variable named student satisfaction, two independent variables (which also act as two mediating variables) named school reputation and school image respectively and one independent variable named quality of teaching staff.

### 3. METHODOLOGY

#### 3.1 Sample

Full-time students enrolling in diploma or degree programmes at various levels in all institutions offering post-secondary programmes in Hong Kong were selected as the target population. This population served the purpose of the research, which was to explore the perception of full-time students of higher education on the mediating effects of school reputation and school image on the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction. This research adopted a probability sampling technique in which samples were acquired by random selection so that each individual within the population has an equal opportunity to be selected. In this research, the researcher drew sample data of a database extracted from two major public domain directories of higher education institutions in Hong Kong: The University Grants Committee and the Education Bureau, in which consist of the point of contact at every post-secondary institutes in Hong Kong. A total of 2,000 copies of the questionnaire were sent to nine institutions of higher education in Hong Kong. By the end of the survey period, 1,170 responses had been received, representing a response rate of 58.5%. Of the 1,170 responses received, 32 were invalid due to missing data, giving a total of 1,138 valid responses.

#### 3.2 Research Instruments

From the literature review, the following four constructs were identified for this research: Quality of Teaching Staff as the independent variable mediated by the constructs of School Reputation and School Image as mediating variables affecting the construct of Student Satisfaction as the dependent variable.

##### 3.2.1 Quality of teaching staff

There is evidence that teaching quality of staff can be further enhanced through student feedback with additional consultation, interpretation guides on result and other relevant arrangement. This can also form part of the staff development for improvement [79,80,81]. The following measuring items are used according to [34,82,83]. The measuring items for Quality of Teaching Staff are shown in Table 1.

##### 3.2.2 School reputation and school image

According to [84], institutional reputation is a sum total of a single stakeholder's perception of how well organizational responses are meeting the demands and expectations of many organizational stakeholders. The reputation of an organization is built through its credible actions [85]. School reputation and school image were therefore intended to measure the reflection of quality and services by studying the following three constructs: (a) impression, (b) reputation, and (c) comparative advantage. The measuring items for School Reputation and School Image are shown in Table 2 and Table 3.

##### 3.2.3 Student satisfaction

The measuring items for Student Satisfaction are adopted from Bennett and Rundle-Thiele, 2004; Oliver, 1980 and are listed in Table 4.

**Table 1. Measuring items for quality of teaching staff (Adapted from [82])**

ID	Questions (Constituent variables)
TS01	The teaching staff of my institution have appropriate academic credentials. (Academic Credentials)
TS02	The teaching staff of my institution are incorporating appropriate use of technology to teach. (Appropriate Use of Technology)
TS03	The teaching staff of my institution are effective communicators in the process of lecturing. (Aware of Learning Needs)
TS04	The teaching staff of my institution are aware of my learning needs and I can seek assistance from them. (Approachable and Friendly)
TS05	The teaching staff of my institution are approachable and display a friendly manner. (Approachable and Friendly)
TS06	The teaching staff of my institution treat students with respect. (Respect Students)

- TS07 The teaching staff of my institution display positive attitudes to students and do their best to help. (Positive Attitude)
- TS08 The teaching staff of my institution display empathy when I have difficulty in understanding a concept. (Display Empathy)

**Table 2. Measuring Items for school reputation(Adapted from [47])**

ID	Questions (Constituent variables)
SR1	In general, I believe that my institution always fulfils the promises it makes to its students. (Honouring Promise)
SR2	My institution has a good reputation. (Good Reputation)
SR3	I believe that the reputation of my institution is better than other institutions. (Better Reputation than Others)

**Table 3. Measuring items for school image(Adapted from [47])**

ID	Questions (Constituent variables)
SI1	I have always had a good impression of my institution. (Good Impression)
SI2	In my opinion, my institution has a good image in the minds of its students. (Good Image)
SI3	I believe that my institution has a better image than other institutions. (Better Image than Others)

**Table 4. Measuring items for student satisfaction(Adapted from [34,83])**

ID	Questions (Constituent variables)
SS1	I am satisfied with my decision to attend this institution. (Satisfied with Decision)
SS2	If I had a chance to do it all over again, I would still enrol in this institution. (Convicted in Decision Made)
SS3	My choice to enrol in this institution was a wise one. (Wise Choice)
SS4	I am happy with my decision to enrol in this institution. (Happy with Decision)
SS5	I did this right decision when I decided to enrol in this institution. (Right Decision)
SS6	I am happy that I enrolled in this institution. (Happy on the Course)

### 3.3 Data Analysis

The collected data were analyzed by the following quantitative methods.

#### 3.3.1 Measurement assessment

The validity and reliability tests were used to evaluate the quality of the data that collected for assessment of the constructs for further analysis. Cronbach's coefficient alpha ( $\alpha$ ) was adopted to assess the internal consistency reliability in order to determine if the homogeneity of the items in the instrument are highly correlated and support the construct. Cronbach's coefficient alpha ( $\alpha$ ) has a maximum value of 1.0. Therefore, the higher the coefficient approaches 1.0, the more reliable are the measures. [86]suggested that the minimum requirement of Cronbach's coefficient alpha ( $\alpha$ ) is 0.6.

**3.3.2 Factor analysis**

Exploratory Factor Analysis (EFA) is used in this research as the factor analysis technique to explore the underlying structure of a collection of observed variables. Although the constructs of this research adapted from previous studies with satisfactory level of reliability, EFA is conducted in order to ensure the appropriateness of the measurement constructs for the collected data.

**3.3.3 Hypotheses testing**

In this research, linear and multiple regression analysis were conducted to test both direct and indirect influences of the independent variable of quality of teaching staff, and the two mediators: school reputation and school image, on the dependent variable of student satisfaction. Linear regression was used to test the direct influence of quality of teaching staff, school reputation and school image on student satisfaction. Each of the eight quality of teaching staff dimensions was also tested independently using regression analysis to ascertain their respective influences on student satisfaction. A mediator influences the strength and direction of an independent variable on a dependent variable. The effects of the two mediators in this research, school reputation and school image, were tested with multiple regression analysis and a mediating effect was considered existent if the multiplicative term, school reputation times quality of teaching staff or quality of teaching staff times school image, was statistically significant [76].

**4. FINDINGS**

**4.1 Characteristics of the Sample**

Table 5 below shows the characteristics of respondents in respect of gender, marital status, age, and education level. Each of these characteristics are benchmarked and compared with the characteristics of Hong Kong’s adult population.

**Table 5. Demographic profile of valid respondents (n = 1138)**

		Frequency	Respondents Percentage (%) 37.9%
Gender	Male	431	
	Female	707	62.1%
Age	18 – 21	854	75.0%
	22 – 25	269	23.6%
	26 – 29	15	
		448	1.3%
Level of Study	Associate Degree	409	39.4%
	Higher Diploma	262	
	Undergraduate	19	35.9%
	Others	377	
		1 year or less	394
Years of Study	2 years	280	1.7%
	3 years	87	33.1%
	4 years or above		34.6%
			24.6%
			7.6

## 4.2 Validity and Reliability Test

Factor analysis and Cronbach's alpha are generally recognized as the most popular validity and reliability approaches to test the quality of the collected data [87,88]. In this research, exploratory factor analysis was used to extract the underlying variables [88,89] and Cronbach's alpha test was conducted to verify the internal consistency of the questionnaire items loaded into each underlying variable extracted [89,90]. In line with [89], questionnaire items of an underlying variable with a Cronbach's alpha value of 0.7 or higher suggest high reliability, while those with a Cronbach's alpha value not less than 0.6 are acceptable for statistical testing.

### 4.2.1 Exploratory factor analysis

As all the measuring scales for each of the hypothesized variables in this research were adapted from prior studies published in peer reviewed journals, it was considered reasonable to assume that the validity of the measuring scales were established by the researchers concerned and the reviewers prior to publication. However, given that the wording was fine-tuned to suit the special needs of this study, in order to ensure that the touch-up would not affect the quality of the measuring scales; exploratory factor analysis was performed to confirm the validity of the questionnaire [89,91].

Table 6 below shows KMO and that Bartlett's test outcome to ensure the data collected meets the assumptions for EFA. The KMO measure of sampling adequacy is 0.955 which is roughly the same of the minimum acceptable level of 0.96 [88,89], indicating excellent sampling adequacy.

Meanwhile, Chi-square value of 15751.725,  $df=190$  and  $p\text{-value} = 0.0001$  ( $p < 0.05$ ), shows identity matrix does not exist in the data collected for this research. Finally, the number of items used in total is  $k = 20$  and the sample size  $n=1,138$ , thus  $n/k = 1,138/20=57$ ; which is greater than 5.

**Table 6. KMO and Bartlett's test**

<b>Kaiser-Meyer-Olkin measure of sampling adequacy</b>		<b>.955</b>
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square Df	157 51.7
	Sig.	25 190
		.000

Table 7 shows a pattern matrix that shows all the items are in their corresponding components. Thus, all items used to measure the constructs for this research were validated as satisfying the convergent and discriminant validity.

**Table 7. Exploratory factor analysis on the constructs (n = 1138)**

Questionnaire Items	Component			
	1 (SS)	2 (QTS)	3(SI)	4(SR)
<b>Student Satisfaction</b>				
SS1	0.924			
SS2	0.883			
SS3	0.882			
SS4	0.879			
SS5	0.843			
SS6	.731			
<b>Quality of Teaching Staff</b>				
TS1		0.826		
TS2		0.818		
TS3		0.810		
TS4		0.799		
TS5		0.795		
TS6		0.704		
TS7		0.685		
TS8		0.675		
<b>School Image</b>				
SI1			0.859	
SI2			0.853	
SI3			0.687	
<b>School Reputation</b>				
SR1				0.863
SR2				0.769
SR3				0.684

Table 8 below shows a total of 71.08% of variance in responses to the items posted in the questionnaire. Amongst this, 47.32% of variance was explained by component 1 or student satisfaction, 13.34% explained by component 2 or quality of teaching staff, 6.70% explained by component 3 or school image, and 3.72% explained by school reputation. The balance of 28.92% of information that measures the constructs was lost during the data collection effort.



**Table 8. Total variance explained by QTS, SS, SR and SI**

Component	Initial Eigenvalues			Extraction sums of squared loadings		
	Total % of Variance	Cumulative %		Total	% of Variance	Cumulative %
SS	9.465	47.323	47.323	9.465	47.323	47.323
QTS	2.667	13.336	60.660	2.667	13.33	60.660
SI	1.341	6.704	67.364	1.341	6.704	67.364
SR	.743	3.716	71.080	.743	3.716	71.080

**4.2.2 Cronbach's alpha for reliability testing**

Cronbach's alpha tests were conducted to measure the level of internal consistency among the items in each of the four variables of QTS, SS, SI and SR [89]. Table 9 below shows the Cronbach's alpha value for these constructs with range from 0.860 to 0.940, indicating that the measuring scales are reliable and the data have good internal consistency for further analysis [89].

**Table 9. Cronbach's alpha values of variables**

Variable	Cronbach's alpha	Number of items
	0.906	8
QTS	0.940	6
SS	0.804	3
SR	0.860	3
SI		

The measurement scales in the questionnaire were reliable and the data collected from the nine institutions of higher education had sufficient reliability and validity for hypothesis testing and further investigation. Prior to hypotheses testing, the scores of the four underlying variables of QTS, SS, SR and SI, were summated [88,89].

**4.3 Hypothesis testing**

The seven hypotheses developed were tested using simple and multiple regression analysis.

**4.3.1 Direct relationships**

As hypotheses H1 to H5 are based on simple linear regression (SLR) analysis and are essential in determining the eligibility of mediating constructs, these were tested as follows.

H1: The quality of teaching staff as perceived by students positively affects student satisfaction.

**Table 10. Coefficient table for the relationship SS – QTS**

Model	Unstandardized coefficients			T	Sig.
	B	Std. error	Beta		
(Constant)	8.713	.962		9.057	.000
QTS	.486	.023	.524	20.751	.000

a. Dependent Variable: SS

Table 10 above shows  $t=20.75$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), indicating the significant influence of QTS on SS. The  $\beta=0.49$ , a positive value, specifying the direction of QTS and SS are the same. Thus, H1 is supported.

H2: The quality of teaching staff as perceived by students positively affects their perception of school reputation.

**Table 11. Coefficient table for the relationship SR – QTS**

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients		T
		Sig. B	Std. error	Beta	
(Constant)	5.022	.500			10.053 .000
QTS	.205	.012	.447		16.854 .000

a. Dependent variable: SR

Table 11 above shows  $t=16.85$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), indicating the significant influence of QTS on SR. The  $\beta=0.205$ , a positive value, specifying the direction of QTS and SR are the same. Thus, H2 is supported.

H3: The quality of teaching staff as perceived by students positively affects their perception of school image.

**Table 12. Coefficient table for the relationship SI – QTS**

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients		T
		Sig. B	Std. error	Beta	
(Constant)	5.517	.516			10.702 .000
QTS	.197	.013	.421		15.663 .000

a. Dependent variable: SI

Table 12 above shows  $t=15.66$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), indicating the significant influence of QTS on SI. The  $\beta=0.197$ , a positive value, specifying the direction of QTS and SI are the same. Thus, H3 is supported.

H4: The reputation of a higher education institution as perceived by students positively affects student satisfaction.

**Table 13. Coefficient table for the relationship SS - SR**

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients		T	Sig. Beta
		Std. error		Beta		
(Constant)	11.398	.637			17.886 .000	
SR	1.276	.047	.631		27.401 .000	

a. Dependent variable: SS

Table 13 above shows  $t=27.40$ ,  $p\text{-value } 0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus SR is a significant construct influencing SS, The  $b=1.276$ , a positive value, specifying the direction of SR and SS are the same. Thus, H4 is supported.

H5: The image of a higher education institution as perceived by students positively affects student satisfaction.

**Table 14. Coefficient table for the relationship SS – SI**

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients	
	Sig.	B	Std. error	Beta
(Constant)	10.930	.619		17.656 .000
SI	1.296	.045	.652	28.993 .000

a. Dependent Variable: SS

Table 14 above shows  $t=28.99$ ,  $p\text{-value } 0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus SI is a significant construct influencing SS, The  $b = 1.296$ , a positive value, specifying the direction of SS and SI are the same. Thus, H5 is supported.

#### **4.3.2 Mediating effects**

Multiple linear regression was used to test the mediating effect of school reputation (SR) on the relationship between QTS on SS met, Hypothesis 6 was tested using the following equations.

H6: Students' perception of the reputation of a higher education institution mediates the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction.

Table 17 shows  $t=20.751$ ,  $p\text{-value } 0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus QTS is a significant construct influencing SS; and Table 15 confirms the model fit as  $F = 430.59$ ,  $df = 1, 1136$ ,  $p\text{-value} = 0.0001$  ( $p\text{-value} < 0.05$ ).

In Table 16 indicates,  $F = 505.712$ ,  $df = 2, 1135$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ) whilst Table 18 shows that QTS:  $t = 12.54$ ,  $p\text{-value} = 0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus, QTS positively and significantly influences SS. SR:  $t=20.53$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus SR positively and significantly influences SS.

In testing H6, the following equations were compared:

$$SS = 8.71 + 0.49 (QTS) + e_1$$

$$SS = 3.68 + 0.28 (QTS) + 1.00 (SR) + e_2$$

By using Baron and Kenny's interpretation for testing mediating effects, as in Table 18,  $b = 1.00$  or SR is a significant variable, hence it is a mediator. In addition,  $b = 0.28$  (Table 18) is smaller than  $b = 0.486$  (Table 17), indicating the reduced effect of the independent construct (QTS). As Table 17 shows  $b = 0.28$ , so QTS is significant, the mediating effect of SR is deemed to be partial. Thus, H6 is partially supported.

H7: Students' perception of the image of a higher education institution mediates the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction.

Table 19 indicates that  $F=569.62$ ,  $df=2$ ,  $1135$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ) whilst Table 20 shows that QTS:  $t=13.12$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus, QTS positively and significantly influences SS in this relationship. Table 20 also shows that SI:  $t = 22.675$ ,  $p\text{-value}=0.0001$  ( $p\text{-value}<0.05$ ), thus SI positively and significantly influences SS in this relationship.

In testing H7, the following equations were compared:

$$SS = 8.71 + 0.49 (QTS) + e_3$$

$$SS = 2.96 + 0.28 (QTS) + 1.04 (SR) + e_4$$

By using Baron and Kenny's interpretation, Table 20 shows that  $b= 1.042$  or SI is a significant variable, hence it is a mediator. In addition,  $b=0.28$  (Table 20) which is smaller than  $b=0.486$  (Table 17), indicating the reduced effect of the independent construct (QTS). As Table 20 shows  $b= 0.28$ , so QTS is significant, the mediating effect of SI is deemed as partial mediator. Thus, H7 is partially supported.

**Table 15. Model fit for relationship of SS – QTS**

Model	Sum of squares	Df	Mean square	F	Sig.
Regression	12434.838	1	12434.838	430.588	.000 <sup>b</sup>
Residual Total	32806.242	1136	28.879		
	45241.080	1137			

a. Dependent variable: SS, b. Predictors: (Constant), QTS

**Table 16. Model fit for relationship of SS - SR – QTS**

Model	Sum of squares	Df	Mean square	F	Sig.
Regression	21318.212	2	10659.106	505.712	.000
Residual Total	23922.867	1135	21.077		
	45241.080	1137			

a. Dependent variable: SS, b. Predictors: (Constant), SR, QTS

**Table 17. Coefficient table for the relationship SS – QTS**

	Unstandardized coefficients	Standardized coefficients		Sig. B
		Std. error	Beta	
(Constant)	8.713	.962		9.057 .000
QTS Model	.486	.023	.524	20.751 .000

a. Dependent variable: SS

**Table 18. Coefficient table for the relationship SS - SR – QTS**

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients		Sig.	Collinearity statistics	
	B	Std. error	Beta			Tolerance	VIF
(Constant)	3.680	.858		4.291	.000		
QTS	.280	.022	.303	12.542	.000	.800	1.250
SR	1.002	.049	.495	20.530	.000	.800	1.250

a. Dependent variable: SS

**Table 19. Model fit for relationship of SS - SI – QTS**

Model	Sum of squares	Df	Mean square	F	Sig.
Regression	22662.682	2	11331.341	569.618	.000
Residual Total	22578.398	1135	19.893		
	45241.080	1137			

a. Dependent variable: SS, b. Predictors: (Constant), SI, QTS

**Table 20. Coefficient table for the relationship SS - SI - QTS**

Model	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients		Sig.	Collinearity statistics	
	B	Std. error	Beta			Tolerance	VIF
(Constant)	2.964	.838		3.538	.000		
QTS	.281	.021	.046	.303	13.117	.000	.822 1.216
SI	1.042		.524	22.675	.000	.822	1.216

a. Dependent variable: SS

## **5. DISCUSSION**

This research has theoretical importance as it contributes to various features of quality with a research model that describes and predicts the effects of quality of teaching staff, school reputation and school image on student satisfaction. While preceding readings of quality have mainly emphasized on the direct influences of different magnitudes of quality of teaching staff on student satisfaction, this research investigated the complicated relationship among constructs. One of the major results is the different degrees of influence that the quality of teaching staff has on student satisfaction and the interface of these two with the hypothesized mediators. School reputation was found to have a mediating effect on the positive side of quality of staff but the effect was only partially significant. This suggests that institutions with a good reputation may not be solely due to the quality of teaching staff. However, institutions with a poor reputation can be expected to be due to the quality of its teaching staff.

This research also confirms that the quality of teaching staff influences student satisfaction. The impact of quality on some general business settings has been widely analyzed in the literature, but no particular research work has been put on how it can be applied in a pragmatic educational setting. This finding has practical significance for policy setters and administrators of higher education in Hong Kong, because for the last thirty years the higher education in Hong Kong has been dominated by government-funded universities leaving self-funded post-secondary institutions to struggle for their market share of quality students. One way is for self-funded post-secondary institutions to improve the quality of teaching staff so as to attract more students to enrol in the school. Institutions should take heed that the path to successful education is to go back to the basics of good teaching, using this aspect to build better reputation and image.

The findings of this research confirmed the positive effects of school reputation and school image on student satisfaction. It is also a norm that the majority of secondary school graduates in Hong Kong choose universities or post-secondary institutions based on their brand name and reputation. Self-funded institutions that are less reputable try to attract potential candidates by emphasizing the quality of their teaching and attempt to satisfy students by other means. With this information, higher education administrators may wish to build up the reputation and image of their institution by analyzing potential students' needs and match those needs with programme development and resource capabilities.

Educators need to concern over the quality of the programme, quality of teaching staff, and learning resources caused by the over-enrolment were expressed by stakeholders, including students, staff and alumni in late 2012, which resulted in a University inquiry into the operation of the College and the Institute [92]. Since the incident had attracted public attention and received wide media coverage, the University's reputation and image were seriously affected. The Inquiry Panel made twenty-nine recommendations, eleven of which were related to students' perception of their teaching, learning and resources, seven to the University's governance and image, five to student admission and further studies, and five to the quality of teaching staff. According to the Inquiry Panel, the majority of the teaching staff was part-timers with insufficient experience or administrative support and with a heavy workload. This could have been avoided if management had taken timely action in staff recruitment and had provided adequate administrative support.

The Lingnan incident also lends support to the findings of this research that the quality of teaching staff significantly affects student satisfaction, and that in turn student satisfaction has a highly significant effect on school reputation and school image. Just as [85] opined, while a positive reputation leads to perceived credibility a tarnished reputation suggests a lack of credibility. As a consequence of the incident, Lingnan University had to change its senior management, including the Dean of the College, in order to re-establish its brand name and regain credibility in the eyes of the public.

The measurement scales for this research met the reliability and validity tests and were borrowed and modified to empirically substantiate the influence of school reputation and school image on quality of teaching staff and student satisfaction by using linear regression techniques. The constructs were based on deeply rooted theory and Cronbach's alpha tests on all constructs met the minimum level of 0.7 as recommended by [89] for highly reliable academic research. Furthermore KMO analysis showed that the samples were more than adequate for this study. Validity tests were based on factor loadings of 0.6167 to 0.791 for most constructs, except for student satisfaction that loaded at 0.700 to 0.828. The latter could be due to the large variances amongst the six

questionnaire items on student satisfaction and the fact that it was the only dependent variable of the research.

There are situations in Hong Kong that some universities have to accept less capable students when there are many universities offering undergraduate places to high-school leavers. It will be a challenge to maintain the quality of student intake and some schools need to deploy extra resources to help less capable students reach an acceptable post-secondary education standard. These findings should prompt educators in management roles to give thoughtful considerations to ways in which they can enable students to achieve satisfaction in their post-secondary studies, as the quality of graduating students may be another way of gaining a good reputation and image for post-secondary institutions.

## **6. LIMITATIONS AND FUTURE RESEARCH**

The first limitation of this research is the quantitative research methodology and tools used to examine the relationships among the study's four constructs: school reputation, school image, quality of teaching staff, and student satisfaction. It is highly likely some other constructs may exist that influence or mediate the hypothesized relationships. The relationship of influences displayed by different variables may shed further light on the mediating effects.

The second limitation of the research is that its findings may not be generalizable. Although data were collected from 1,170 respondents, a number that undoubtedly enhanced the quality of the study, the findings were substantially based on the perceptions of students studying sub-degree programmes in Hong Kong. The sub-degree sample may affect the applicability of the findings to other senior year students in undergraduate studies. Future studies could be conducted to determine how generalizable the findings of this research are to students studying other post-secondary programmes in Hong Kong or in other educational jurisdictions.

The third limitation of the research is associated to the finding that the two mediators, school reputation and school image partially influence the relationship between quality of teaching staff and student satisfaction. This finding suggests that the correlations concerned might be more complex than originally hypothesized. It is therefore suggested that a qualitative case study could be used as a primary tool to see how the different issues relate in a dynamic situation.

Based on the findings of this research, a number of recommendations are made for further related research. Firstly, as this research was applied to full-time higher education students in general, it may be useful for future research to concentrate on students of a specific discipline or on part-time students since the majority of post-secondary full time programmes are also offered in a part-time mode. In addition, the research findings revealed that a positive relationship exists between the quality of teaching staff and student satisfaction and confirmed the mediating effect of school reputation and school image. And, since results of the exploratory factor analysis found that school reputation and school image form an underlying 'school branding' superordinate variable, more research is needed to fully explore this new variable and its relationship to the independent and dependent variables.

## **7. CONCLUSION**

In order to attract high quality students in the globalized higher education market and remain competitive, educational institutions across the world are taking a proactive attitude towards image building [58]. This research supports the findings of a longitudinal study by [72] confirming the positive influence of image on customer satisfaction, which increased over the three-year time span of their research. It arrived at a similar finding of image with respect to student satisfaction but over a much shorter duration.

This research also provides empirical evidence to show educators and administrators of higher education how important it is to enhance reputation and image through student satisfaction with teaching and learning. Under such circumstances, it is extremely important to cultivate an image-culture based on quality of teaching and not totally on branding parallel with organizational vision and structure, technical infrastructure, collaborative environment, and appropriate training [93]. This research provides help with building an image by having studied the constructs of impression, reputation, and comparative advantage, and confirming the causal relationship between satisfaction and reputation and that the two concepts are interrelated and mutually interdependent. This research also confirmed that satisfaction is the antecedent of quality [40] and that a long-standing and positive school reputation is also a strong indicator of its high levels of quality and competence [47].

The findings provide help with building an image by having studied the constructs of impression, reputation, and comparative advantage, and confirming the causal relationship between satisfaction and reputation and that the two concepts are interrelated and mutually interdependent. However, since this research was carried out exclusively in Hong Kong,

further research is required in other jurisdictions to verify the adaptability of the findings.

## REFERENCES

1. Law DCS. Quality assurance in post-secondary education: the student experience, *Quality Assurance in Education*. 2010;18(4):250-270.
2. Petruzzellis L, Romanazzi S. Educational value: how students choose university: Evidence from an Italian university, *International Journal of Educational Management*. 2010;24(2):139-158.
3. Harvey L, Knight PT. *Transforming Higher Education*, SRHE & Open University Press, Buckingham;1996.
4. Doherty GD. On quality in education, *Quality Assurance in Education*. 2008;16(3):255-265.
5. Stensaker B. Outcomes of quality assurance: a discussion of knowledge, methodology and validity, *Quality in Higher Education*. 2008;14(1):3-13.
6. Houston D. TQM and Higher Education: A Critical Systems Perspective on Fitness for Purpose, *Quality in Higher Education*. 2007;13(1):3-17.
7. Koch JV. TQM: why is its impact in higher education so small? *The TQM Magazine*. 2003;15(5):325-33.
8. Harvey L, Newton J. Transforming Quality Evaluation, *Quality in Higher Education*.2004;10(2):149-165.
9. HEFCE. Review of Performance Indicators: Outcomes and Decisions. Higher Education Funding Council for England;2007/14.
10. Yorke M. Enhancement-led Higher Education? *Quality Assurance in Education*. 1994;2(3):6-12.
11. Education Commission (EC) Working Group. Report on the Development of Education Services in Hong Kong, Education Commission Working Group on the Development of Education Services in Hong Kong; 2011. [Accessed: 15th May, 2012]. Available:<http://www.e-c.edu.hk/eng/online/annex/Report%20Dev%20Edu%20Service%20Eng.pdf>
12. EMB. Review of the Post-secondary Education Sector. Education and Manpower Bureau, Hong Kong Special Administrative Region Government; 2006.
13. HKSAR Government. The 2009-10 Policy Address: Breaking New Ground Together; 2009. [Accessed 15 May 2012]. Available:<http://www.policyaddress.gov.hk/09-10/eng/docs/policy.pdf>.
14. Rasli A, Danjuma I, Yew LK, Iqbal MJ. Service quality, customer satisfaction in technology-based universities, *African Journal of Business Management*. 2011;5(15):6541-6553.
15. Chen SH, Wang HH, Yang KJ. Establishment and application of performance measure indicators for universities, *The TQM Journal*. 2009;21(3):220-235.
16. Ngan MY, Chung C. Parental Choice of Primary Schools in Hong Kong, *Journal of Basic Education*. 2004;13(2):79-105.
17. Hughes C. Introducing offshore support: Establishing a knowledge management Centre of Excellence at KPMG, *Business Information Review*. 2012;29(1):29-33.
18. Yang K. Multivariate statistical methods and Six-Sigma, *International Journal of Six Sigma and Competitive Advantage*. 2004;1(1):76-96.
19. Holt G, Henson S. Quality assurance management in small meat manufacturers, *Food Control*. 2000;11(4):319-326.
20. Klein S, Green KA. College for All: The American Model for Career and Technical Education, in Barabasch A, Rauner F. (eds), *Work and Education in America: Technical and Vocational Education and Training: Issues, Concerns and Prospects*, Springer, Netherlands. 2012;5:123-140.
21. Lee MNN. Regional cooperation in higher education in Asia and the Pacific, *Asian Education and Development Studies*. 2012;1(1):18-23.
22. French NJ. Transnational Education--Competition or Complementarity: the Case of Hong Kong, *Higher Education in Europe*.1999;24(2):219-223.
23. Asif M, Raouf A. Setting the course for quality assurance in higher education, *Quality & Quantity* [Online First Version]; 2011.
24. Hill FM. Managing service quality in higher education: the role of the student as primary consumer, *Quality Assurance in Education*. 1995;3(3):10-21.
25. Gursoy D, Umbreit WT. Exploring Students' Evaluations of Teaching Effectiveness: What Factors are Important? *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2005;29(1):91-109.



26. Elnicki DM, Kolarik R, Bardella I. Third-Year Medical Students' Perceptions of Effective Teaching Behaviors in a Multidisciplinary Ambulatory Clerkship, *Academic Medicine*. 2003;78(8):815-819.
27. Radloff A. Decentralised approaches to education development: supporting quality teaching and learning from within a faculty. In *Education Development and Leadership in Higher Education: Developing an effective institutional strategy*, ed. Fraser K. London: Routledge Falmer. 2005;72-87.
28. Hativa N, Barak R, Simhi E. Exemplary University Teachers: Knowledge and Beliefs Regarding Effective Teaching Dimension and Strategies. *The Journal of Higher Education*. 2001;72(6):699-729.
29. Benjamin LT. Lecturing, in Davis SF, Buskist W. (eds), *The Teaching of Psychology*, Lawrence Erlbaum Associates, New Jersey. 2008;57-68.
30. Abel R. Implementing best practices in online learning, *EDUCAUSE, Quarterly*. 2005;28(3):75-77.
31. Bolliger DU, Wasilik O. Factors influencing faculty satisfaction with online teaching and learning in higher education, *Distance Education*. 2009;30(1):103-116.
32. Munteanu C, Ceobanu C, Bobelca C, Anton O. An analysis of customer satisfaction in a higher education context, *International Journal of Public Sector Management*. 2010;23(2):124-140.
33. Smimou K, Dahl DW. On the Relationship Between Students' Perceptions of Teaching Quality, Methods of Assessment, and Satisfaction, *Journal of Education for Business*. 2012;87(1):22-35.
34. Oliver RL. A cognitive model of the antecedents and consequences of satisfaction decisions, *Journal of Marketing Research*. 1980;17(4):460-469.
35. Astin AW. *What matters in college? Four critical years revisited*, Jossey-Bass Inc, San Francisco; 1993.
36. Yu YT, Dean A. The contribution of emotional satisfaction to consumer loyalty, *International Journal of Service Industry Management*. 2001;12(3):234-250.
37. Khoo H, Idrus R. Student satisfaction in Malaysia: customer-focused learner support, *Asian Journal of Distance Education*. 2003;1(1):69-77.
38. Ladhari R. Service quality, emotional satisfaction, and behavioural intentions: A study in the hotel industry, *Managing Service Quality*. 2009;19(3):308-331.
39. Lai F, Griffin M, Babin BJ. How quality, value, image, and satisfaction create loyalty at a Chinese telecom, *Journal of Business Research*. 2009;62(10):980-986.
40. Karatepea OM. Service Quality, Customer Satisfaction and Loyalty: The Moderating Role of Gender, *Journal of Business Economics and Management*. 2011;12(2):278-300.
41. Jayawardhena C, Farrell AM. Effects of retail employees' behaviours on customers' service evaluation, *International Journal of Retail & Distribution Management*. 2011;39(3):203-217.
42. Suomi K, Jarvinen R. Tracing reputation risks in retailing and higher-education services, *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2013;20:207-217.
43. Shamuganathan G, Tong C. The mediating influence of brand associations in determining purchase intention in a private higher education (PHEI) in Malaysia, *Journal of the World Universities Forum*. 2010;3(1):157-174.
44. Zeithaml VA, Parasuraman A, Berry LL. Problems and strategies in services marketing, *Journal of Marketing*. 1975;49(2):33-46.
45. Lovelock CH. Classifying Services to Gain Strategic marketing Insights, *Journal of Marketing*. 1983;47(3):9-20.
46. Guolla M. Assessing the Teaching Quality to Student Satisfaction Relationship: Applied Customer Satisfaction Research in the Classroom, *Journal of Marketing Theory and Practice*. 1999;7(3):87-97.
47. Nguyen N, LeBlanc G. Image and reputation of higher education institutions in students retention decisions, *International Journal of Educational Management*. 2001;15(6):303-311.
48. Bruhn C, Dowling G. Corporate Reputation Risk: Creating an Audit Trail, in S. Helm, K. Liehr-Gobbers and C. Storck (eds), *Corporate Reputation Risk: Creating an Audit Trail*, Springer. Berlin; 2011.
49. Hemsley-Brown J, Oplatka I. Universities in a competitive global marketplace: A systematic review of the literature on higher education marketing, *International Journal of Public Sector Management*, London and New York: Springer. 2006;19:4316-338.
50. Larsen PV. Academic Reputation: How U.S. News & World Report Survey Respondents Form Perceptions. *International Journal of Educational Advancement*. 2003;4(2):155-165.
51. Gatti L, Caruana A, Snehota I. The role of corporate social responsibility, perceived quality and corporate reputation on purchase intention: Implications for brand management'. *Journal of Brand Management*, In Press; 2012.

52. Sun Q, Paswan A. Country branding using product quality. *Journal of Brand Management*. 2011;19(2):143-157.
53. Wang YG, Lo HP, Hui YV. The antecedents of service quality and product quality and their influences on bank reputation: evidence from the banking industry in China. *Managing Service Quality*. 2003;13(1):72-83.
54. Wedlin L. The role of rankings in codifying a business school template: classifications, diffusion and mediated isomorphism in organizational fields, *European Management Review*. 2007;4(1):24–39.
55. Barnett ML, Jermier JM, Lafferty BA. Corporate reputation: The definitional landscape, *Corporate Reputation Review*. 2006;9(1):26-38.
56. Fombrun CJ, van Riel CBM. The reputational landscape, *Corporate Reputation Review*. 1997;1(1/2):5–13.
57. Plenkovič M, Galinič V, Kuinč V. Analysis of hotel names in Croatia as a tool of marketing strategy, *Tourism and Hospitality Management*. 2010;16(2):207-218.
58. Hemsley-Brown J, Goonawardana S. Brand harmonization in the international higher education market, *Journal of Business Research*. 2007;60(9):942-948.
59. Mandhachitara R, Poolthong Y. A model of customer loyalty and corporate social responsibility, *Journal of Services Marketing*. 2011;25(2):122-133.
60. Kay MJ. Strong brands and corporate brands, *European Journal of Marketing*. 2006;40(7/8):742 – 760.
61. Reider R, Heyler PB. Analyzing sales for better cash flow management, *Journal of Corporate Accounting & Finance*. 2003;15(1):15-25.
62. Galbreath J. How does corporate social responsibility benefit firms? Evidence from Australia, *European Business Review*. 2010;22(4):411-431.
63. Selnes F. An Examination of the Effect of Product Performance on Brand Reputation, Satisfaction and Loyalty, *European Journal of Marketing*. 1993;27(9):19-35.
64. Kapil K, Kapil S. Antecedents of brand loyalty: an empirical study in mobile telecom sector. *International Journal of Indian Culture and Business Management*. 2010;3(1):1-22.
65. Walsh G, Mitchell VW, Jackson PR, Beatty SE. Examining the Antecedents and Consequences of Corporate Reputation: A Customer Perspective, *British Journal of Management*. 2009;20(2):187-203.
66. Hess Jr RL. The impact of firm reputation and failure severity on customers' responses to service failures, *Journal of Services Marketing*. 2008;22(5):385-398.
67. Walsh G, Dinnie K, Wiedmann KP. How do corporate reputation and customer satisfaction impact customer defection? A study of private energy customers in Germany, *Journal of Services Marketing*. 2006;20(6):412-420.
68. Mazzei A, Russo V, Crescentini A. Patient satisfaction and communication as competitive levers in dentistry, *The TQM Journal*. 2009;21(4):365–381.
69. Obermiller C, Atwood A. In defence of the student as customer metaphor, *International Journal of Management Education*. 2011;9(3):13-16.
70. Faullant R, Matzler K, Füller J. The impact of satisfaction and image on loyalty: The case of Alpine ski resorts, *Managing Service Quality*. 2008;18(2):163-178.
71. Bloemer J, Ruyter K, Peeters P. Investigating drivers of bank loyalty: The complex relationship between image, service quality and satisfaction, *The International Journal of Bank Marketing*. 1998;16(7):276-286.
72. Eskildsen J, Kristensen K, Juhl HJ. The Drivers of Customer Satisfaction and Loyalty. The Case of Denmark 2000–2002, *Total Quality Management & Business Excellence*. 2004;15(5-6):859-868.
73. Preacher KJ, Hayes AF. Asymptotic and resampling strategies for assessing and comparing indirect effects in multiple mediator models, *Behavior Research Methods*. 2008;40:879-891.
74. Shrout PE, Bolger N. Mediation in Experimental and Non-experimental Studies: New Procedures and Recommendations, *Psychological Methods* Copyright 2002 by the American Psychological Association. 2002;7(4):422–445.
75. MacKinnon DP, Dwyer JH. Estimating mediated effects in prevention studies. *Evaluation Review*. 1993;17:144-158.
76. Baron RM, Kenny DA. The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations, *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;51(6):1173-1182.
77. Sobel ME. Asymptotic intervals for direct effects in structural equations models In S. Leinhardt (Ed.), *Sociological Methodology* 1982 (pp. 290-312), San Francisco: Jossey-Bass; 1982.
78. Bruwer J, Johnson R. Place-based marketing and regional branding strategy perspectives in the California wine industry, *Journal of Consumer Marketing*. 2010;27(1):5-16.

79. Smith BL, Mac Gregor J. Learning communities and the quest for quality, *Quality Assurance in Education*. 2009;17(2):118-139.
80. Neuman WL. *Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches*, 6th Ed., Pearson, Boston; 2006.
81. Marsh HW, Roche L. The Use of Students Evaluations and an Individually Structured Intervention to Enhance University Teaching Effectiveness, *American Educational Research Journal*. 1993;30(1):217-251.
82. Gamage DT, Suwanabroma J, Ueyama T, Hada S, Sekikawa E. The Impact of Quality assurance measures on student services at Japanese and Thai private universities', *Quality assurance in Education*. 2008;16(2):181-198.
83. Bennett R, Rundle-Thiele S. Customer satisfaction should not be the only goal, *Journal of Service Marketing*. 2004;18(7):514-523.
84. Wartick Steven L. *The Relationship between Intense Media Exposure and Change in Corporate Reputation*, Business Society, SAGE, U.K; 1992.
85. Herbig P, Milewicz J, Golden J. A model of reputation building and destruction, *Journal of Business Research*. 1994;31(1):23-31.
86. Nunnally J. *Psychometric Theory*, McGraw-Hill, New York; 1978.
87. Bian X, Moutinho L. An investigation of consumers' perceptions of counterfeit branded products, original branded products and purchase consideration, *Journal of Business Research*. 2009;62(3):368-378.
88. Coakes SJ, Steed L, Price J. *SPSS Version 15.0 for Windows: Analysis without Anguish*, John Wiley & Sons, Ltd, Australia; 2008.
89. Hair JF, Black B, Babin B, Anderson RE, Tatham RL. *Multivariate Data Analysis*, Prentice Hall, USA; 2005.
90. Shin H, Collier DA, Wilson DD. Supply management orientation and supplier/buyer performance, *Journal of Operations Management*. 2000;18(3):317-333.
91. Bryman A. *Social Research Methods*, 3<sup>rd</sup>ed., Oxford University Press, Oxford; 2008.
92. Lingnan Inquiry Report. The Report of the Inquiry Panel on the Community College at Lingnan University (CC) and Lingnan Institute of Further Education (LIFE) 2012 Admission; 2012. (viewed 23 February 2013) Available: <http://www.google.com/cse?cx=009892163955693873435%3Ajssb1zer2l4&ie=UTF-8&q=Lingnan+Inquiry+Report&sa.x=5&sa.y=12#gsc.tab=0&gsc.q=Lingnan%20Inquiry%20Report&gsc.page=1>
93. Al-Busaidi KA, Olfman LA. Investigation of the Determinants of knowledge management systems success in Omani organizations, *Journal of Global Information Technology Management*. 2005;8(3):6-27.

**Kuznetsov G.V.**

*Tula filial of Financial university*

*The senior lecturer, the candidate of physical and mathematical sciences*

**Manohin E.V.**

*Tula filial of Financial university*

*The senior lecturer, the candidate of physical and mathematical sciences*

## ALGORITHMIZATION OF PROCESS OF TRAINING TO THE MATHEMATICAL ANALYSIS AND PROBABILITY THEORY IN ECONOMIC HIGH SCHOOL

**Кузнецов Г.В.**

*Тульский филиал Финансового университета  
доцент, кандидат физико-математических наук*

*E-mail: [kuzgv-tula@mail.ru](mailto:kuzgv-tula@mail.ru)*

**Манохин Е.В.**

*Тульский филиал Финансового университета  
доцент, кандидат физико-математических наук*

*E-mail: [emanfinun@mail.ru](mailto:emanfinun@mail.ru)*

## АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ И ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Формирование математической культуры студентов экономического вуза происходит и в рамках дисциплины «Теория вероятностей и математическая статистика». Студент не только должен освоить основные теоретические положения этой дисциплины, но и уметь решать задачи, имея представление о том, что необходимо для его будущей профессии. Поэтому встает **проблема** о путях подхода к нахождению решений таких задач.

Считая себя все-таки людьми не математического склада ума, многие из студентов испытывают определенную боязнь при использовании математических методов в экономике. Перед преподавателем стоит проблема преодоления данного, скорее всего психологического затруднения у студентов, и задача преподнести им определенные правила при решении задач. Данные правила можно формулировать в виде алгоритмов, следуя которым студент получает решение задач. Следует отметить, что чем меньше свободы предоставляются студенту в ходе такого решения, тем менее вероятно совершение им ошибки. Если внимательно присмотреться к решению учебных задач, то можно заметить точную и строгую последовательность большинства обучающих действий, операций и приемов. Преподаватель дает строго последовательные предписания по выполнению той или иной операции, которые получили название алгоритмов. **Здесь уместно вспомнить идею И.Г. Песталоцци (начало XIX в.)** об элементарном, а точнее, об элементном обучении, когда даже неграмотная крестьянка могла бы постигнуть простейший элемент обучения (и воспитания) и, используя его, шаг за шагом достигла бы необходимого, достаточно **высокого** результата **учебной** работы.

**Алгоритм** — это система решения задач (математических и других), предписывающая строго точную последовательность операций, приводящих к одинаковому результату. При этом и исходные данные должны быть однозначными, т.е. не допускать разных толкований. Но здесь нужно уточнить: не любое правило представляет собой алгоритм, потому что в нем нет предписаний, строго определяющих последовательность операций. Можно рассматривать **алгоритмические предписания** при обучении. Исследованием алгоритмизации обучения занимались Л.Н. Ланда, Н.Ф. Талызина, а также методисты по обучению языкам, математике. По их мнению, алгоритмы имеют некоторые существенные черты; М.П. Лапчик их называет “свойствами”, Н.Ф.Талызина — “требованиями”. Названные авторы располагают их в разной последовательности.

**Алгоритмизация предполагает, как уже сказано, составление алгоритмических предписаний. В учебном процессе они адресуются, во-первых, студенту, изучающему разные учебные предметы.** Он получает указания (команды) о точном выполнении операций над изучаемым материалом: это могут быть правила решения, например. Во-вторых, такие точные предписания может получить или иметь сам преподаватель, например, по использованию тестов достижений в учебном процессе и т.п. В-третьих, алгоритмы необходимы обучающим машинам.

**Алгоритмы можно представить в виде схемы или словесной записи. Схема алгоритма — это его графическое наглядное представление.** Предписания бывают двух типов: арифметические и логические. В первом случае предписывается выполнить ряд последовательных работ в одном направлении до получения результата. Логические предписания предполагают ветвление.

Можно

1. дать алгоритмы в готовом виде для заучивания потом закрепить при решении задач
2. можно пытаться строить учебный процесс чтобы студенты открывали алгоритмы

Обратимся к примерам алгоритмов и алгоритмических предписаний в разделе «Теория вероятностей» в курсе дисциплины «Теория вероятностей и математическая статистика» .

Тема № 1: «Основные понятия теории вероятностей». Здесь приводится алгоритм решения задач на классическое определение вероятности.

Алгоритм решения задач на классическое определение вероятности.

1. Уясняем, в чём состоит испытание, рассматриваемое в задаче, и событие, вероятность которого надо найти.
2. Устанавливаем, являются ли исходы испытания единственно возможными, несовместными и равновероятными.
3. Находим число всех возможных исходов испытания (n).
4. Находим число возможных исходов испытания, благоприятствующих рассматриваемому событию(m).
5. Находим вероятность по формуле (1.1):

$$(1.1)$$

С теоретико-множественной трактовкой основных понятий и аксиоматическим построением теории вероятностей студент может ознакомиться по учебнику [1, § 1.12]. (Этот материал в обязательную программу не входит.)

При этом имеет смысл установить **связь между алгеброй событий и алгеброй множеств.** Понятие множества студентам интуитивно ясно. Не вызывает трудности и тренировка в операциях над множествами: включение, объединение, пересечение, дополнение. Представления об этих операциях лежат в основе всей математики и, в частности, в основе теории вероятностей. Теоретико-множественные представления можно призвать на помощь при обучении языку алгебры событий

Для того чтобы установить параллель между языком теории множеств и языком алгебры событий, полезно составить вместе с студентами таблицу “ Аналогия между языком теории множеств и языком алгебры событий ”, которая приведена ниже [см.1, § 1.12].

**Аналогия между языком теории множеств и языком алгебры событий**

Обозначения	Интерпретация Теории множеств Теории вероятностей	
$\omega$	Элемент, точка	Исход, элементарное событие
$\Omega$	Универсальное множество, т.е. множество всех рассматриваемых точек	Достоверное событие исходов, т.е. множество всех элементарных событий
$\emptyset$	Пустое множество	Невозможное событие
A, B	Подмножество универсального множества	Случайное событие
A=B	Подмножества A и B равны	События A и B равносильные
A ∪ B	Объединение множеств A и B, т.е. множество точек, входящих или в A, или в B	Событие, состоящее в том, что произошло A или B

$A+B$	Сумма множеств, т.е. объединение непересекающихся множеств	Событие, состоящее в том, что произошло одно из несовместных событий либо А, либо В
$A \cap B; AB$	Пересечение множеств А и В, т.е. множество точек, входящих и в А, и в В	Событие, состоящее в том, что одновременно произошли события А и В
$A \cap B = \emptyset$	Множество А и В не пересекаются	События А и В несовместны( не могут наступать одновременно)
$A \setminus B$	Разность множеств А и В, т.е. множество точек, входящих в А, но не входящих в В	Событие, состоящее в том, что произошло А, но не произошло В
$A \Delta B$	$A \Delta B = (A \setminus B) \cup (B \setminus A)$	Событие, состоящее в том, что произошло одно из событий А или В, но не оба одновременно

Классического определения вероятности нельзя применить к опыту с бесконечным числом «равновероятных» исходов. К описанию такой ситуации приспособлено геометрическое определение вероятности, *геометрические вероятности*—вероятности попадания точки в область (отрезок, часть плоскости и т. д.).

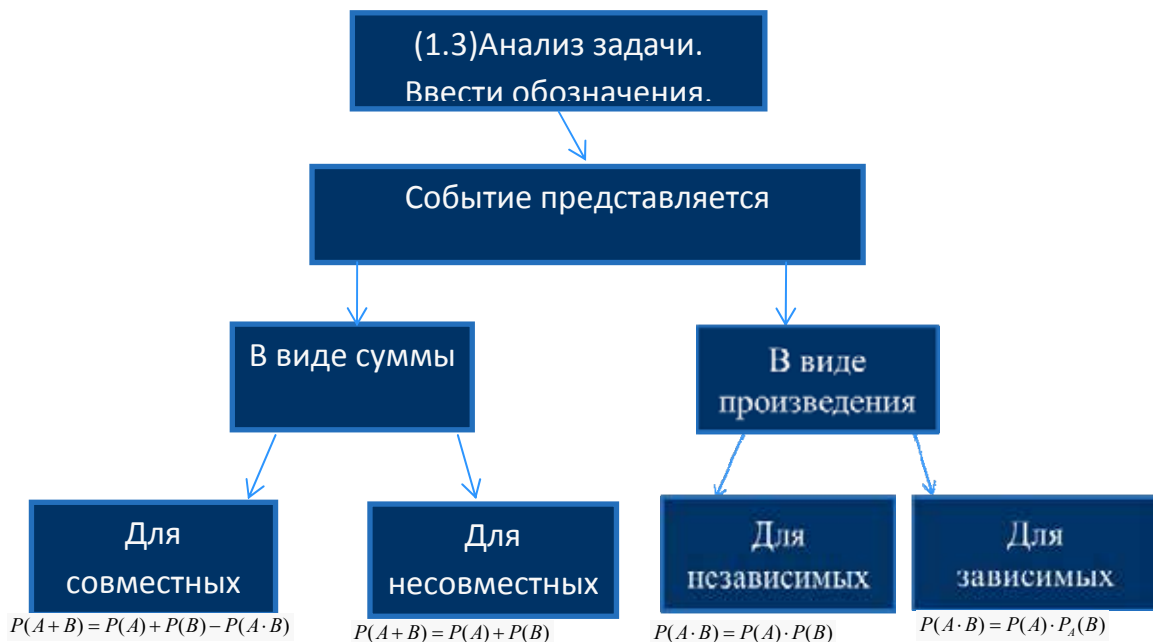
Алгоритм решения задач на геометрическое определение вероятности

1. Уясняем, в чём состоит испытание, рассматриваемое в задаче, и событие, вероятность которого надо найти.
2. Вычислить меру множества G
3. Найти подмножество Q множества G так, чтобы попадание точки в это подмножество соответствовало наступлению события, вероятность которого надо найти.
4. Вычислить меру множества Q.
5. Находим вероятность по формуле (1.2):

(1.2)

$$P(A) = \frac{mesQ}{mesG}$$

Тема № 2: «Основные теоремы теории вероятностей». Здесь приводится схема (1.3) алгоритма решения задач на теоремы сложения и умножения вероятностей.



Завершают тему 2 формулы полной вероятности и Байеса, являющиеся следствием теорем сложения и умножения вероятностей. Приводится алгоритм решения задач на формулу полной вероятности или формулу Байеса.

1. Уясняем последовательность испытаний рассматриваемых в задаче. Событие вероятность которого надо найти обозначим буквой А.

2. Составим множество гипотез образующих полную группу

3. Находим вероятности гипотез и условные вероятности .

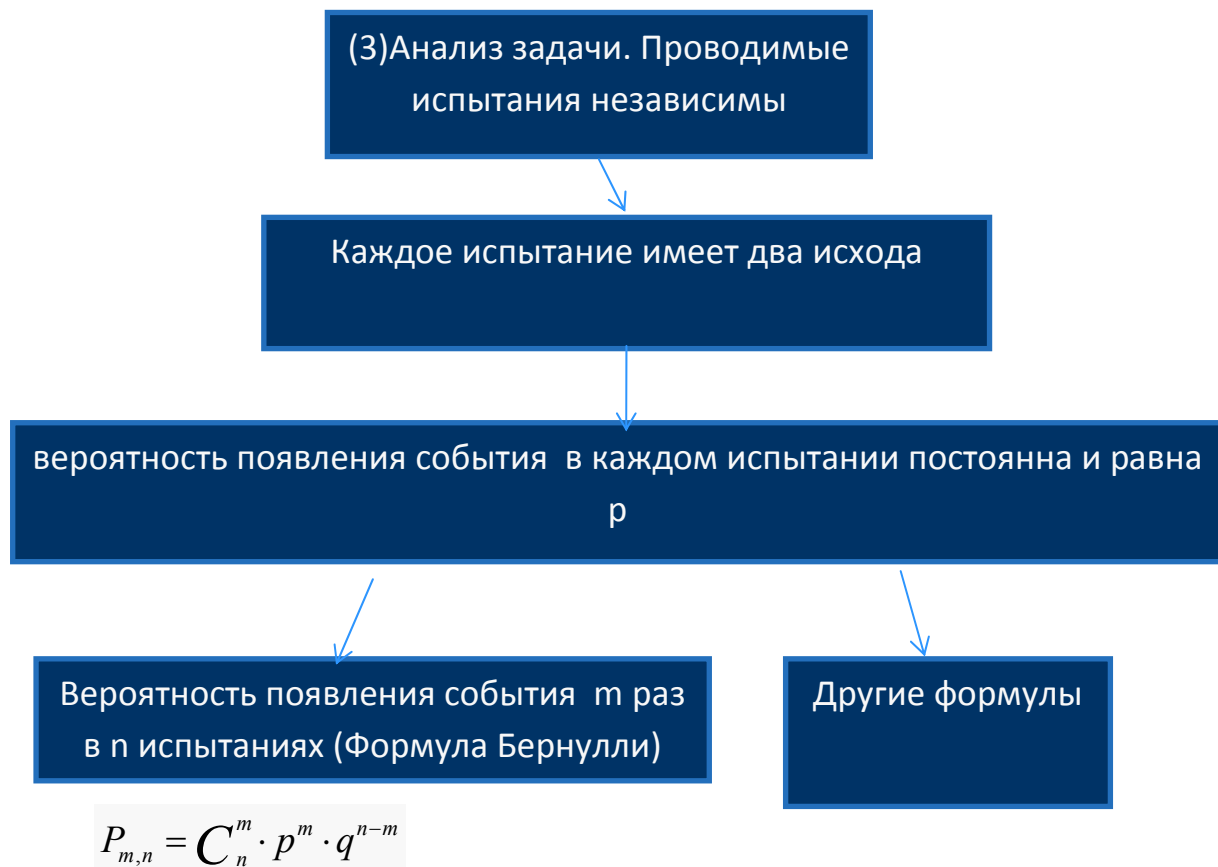
$$B_1, B_2 \dots B_n$$

4. Находим по формуле полной вероятности (1) P(A)

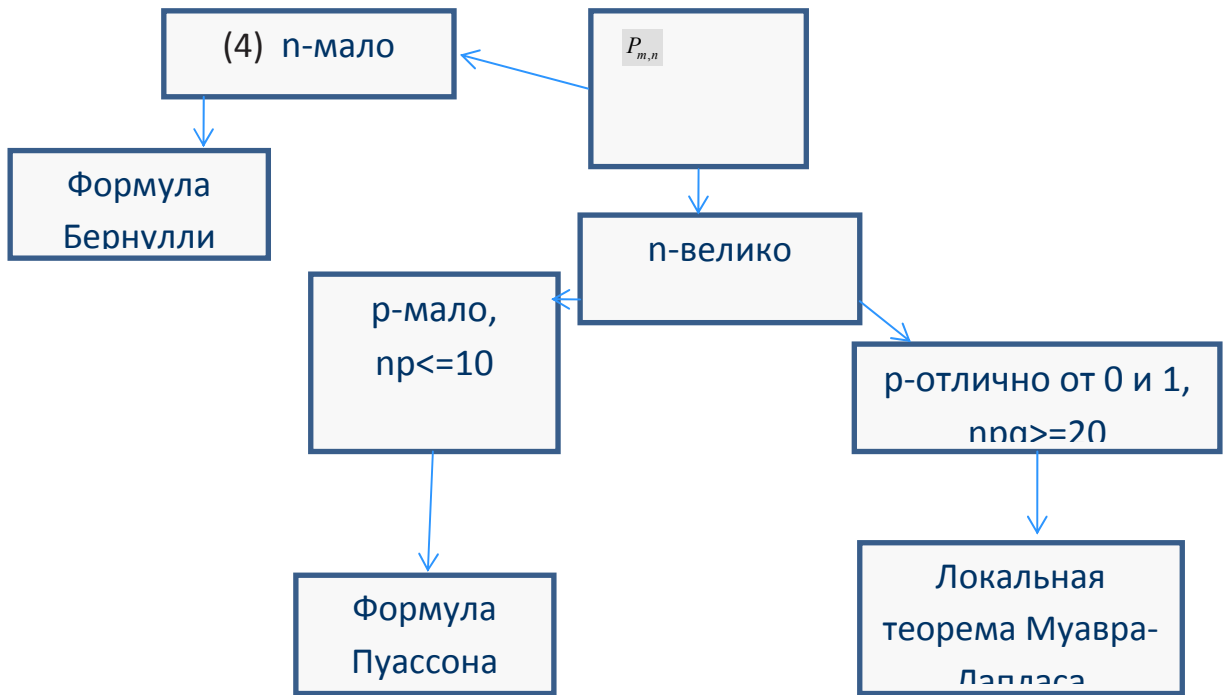
$$P(A) = P(B_1) \cdot P_{B_1}(A) + P(B_2) \cdot P_{B_2}(A) + \dots + P(B_n) \cdot P_{B_n}(A). \quad (1) \text{ формула Байеса (2)}$$

$$P(B_k / A) = \frac{P(B_k) \cdot P_{B_k}(A)}{P(B_1) \cdot P_{B_1}(A) + P(B_2) \cdot P_{B_2}(A) + \dots + P(B_n) \cdot P_{B_n}(A)} \quad (2)$$

нулли

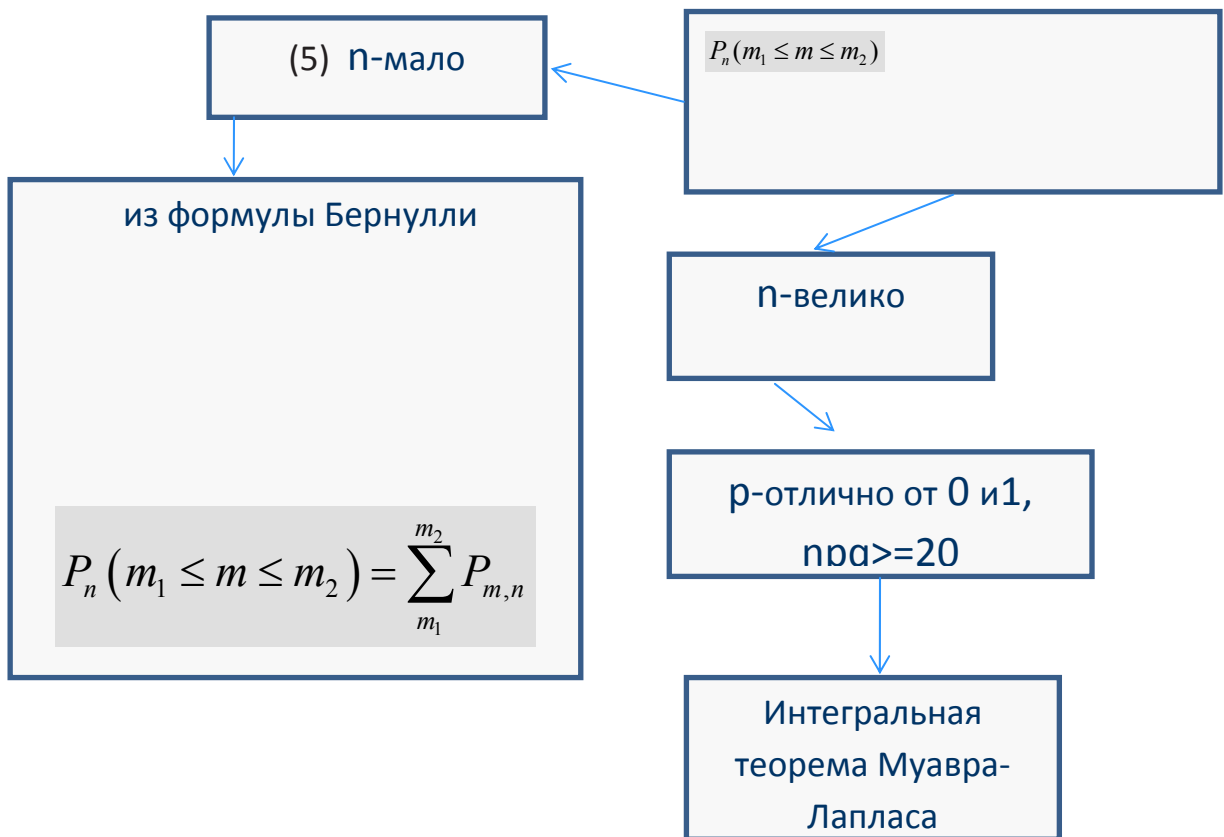


Если по техническим причинам вероятность  $P_{m,n}$  не может быть вычислена по формуле Бернулли, то используются асимптотические формулы – формула Пуассона (если  $n$  велико,  $p$  мала, так что  $np \leq 10$ ) или локальная формула Муавра–Лапласа (если  $npq > 20$ ) (схема (4)).



При этом могут определяться вероятности того, что:

- а) событие  $A$  появится точно  $m$  раз (вероятность  $P_{m,n}$ );
- б) событие  $A$  появится не менее или не более данного числа  $a$  раз (вероятности  $P_n(m \geq a)$  или  $P_n(m \leq a)$ );
- в) событие  $A$  появится  $m$  раз, заключенное в границах от  $a$  до  $b$  (включительно), то есть вероятность  $P_n(a \leq m \leq b)$  (схема (5)).



Рассматриваются Тема № 4: “Случайные величины” и Тема № 5: “Непрерывные случайные величины”.



здесь приводятся алгоритмы решения задач на составление таблицы распределения вероятностей дискретной случайной величины и на определение математического ожидания, дисперсии и среднего квадратического отклонения непрерывной величины

Алгоритм решения задач на составление таблицы распределения вероятностей дискретной случайной величины

1. Устанавливаем, что является случайной величиной в рассматриваемой задаче.
2. Перечислим все возможные значения случайной величины.
3. Из условия задачи устанавливаем закон распределения вероятностей случайной величины.
4. Находим вероятности возможных значений случайной величины.
5. Составим таблицу распределения вероятностей случайной величины. Проверим (6)

(6)

Определение математического ожидания,  $\sum_{i=1}^n p_i = 1$  и среднего квадратического отклонения непрерывной величины.

1. Если величина задана плотностью, то математическое ожидание находим по формуле (7)

(7)

2. Дисперсию находим по формуле (8)

$$M(X) = \int_{-\infty}^{+\infty} x \cdot f(x) dx \quad (8)$$

3. Среднее квадратическое отклонение находим по формуле (9)

$$D(X) = \int_{-\infty}^{+\infty} (x - M(X))^2 \cdot f(x) dx \quad (9)$$

Умение решать такие задачи, знать алгоритмы их решения позволяет получать на выходе вуза знающего специалиста, обладающего всеми необходимыми компетенциями. Дальнейшие исследования этой темы представляются перспективными.

Список литературы

1. Кремер Н.Ш. Теория вероятностей и математическая статистика. Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. -543 с.
2. Теория вероятностей и математическая статистика. Учебно-методическое пособие для второго курса студентов всех специальностей, студентов бакалавриата всех направлений и слушателей факультета непрерывного обучения / под ред. проф. Н.Ш. Кремера. –М.: ВЗФЭИ, 2010.

*E.V. Shirshov, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov  
Professor, Doctor of Pedagogy, Higher School of Economics and Management  
E-mail: e.shirshov@gmail.com*

## **Didactic providing of the educational process in higher education in modern conditions. Theoretical aspect**

*Е.В. Ширишов, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,  
профессор, доктор педагогических наук, Высшая школа экономики и управления  
E-mail: e.shirshov@gmail.com*

### **Дидактическое обеспечение образовательного процесса в высшей школе в современных условиях. Теоретический аспект**

Смена парадигм образования и активный переход от знаниевой парадигмы к парадигме, в основе которой лежит компетентностный подход обуславливается прежде всего тем, что в информационном обществе будущий специалист – выпускник вуза должен быть готов к деятельности в условиях

постоянно изменяющегося социума, освоению и переработке огромных массивов информации, и в первую очередь к самостоятельной постановке и решению профессиональных задач [1-5].

Таким образом, в современных условиях при организации образовательного процесса в высшей школе особый акцент должен быть сделан на разработку новой системы дидактического обеспечения, основанной на использовании электронных информационных и образовательных технологий.

Как показывает проводимое автором исследование, на этапе информатизации общества сама дидактика как наука постоянно развивается, наполняясь новым смыслом и содержанием. Существующая система обучения в высшей школе, на наш взгляд, не обеспечивает в достаточной мере профессионального уровня подготовки специалистов. Для соответствующих преобразований, изменяющих формы и методы обучения, механизм усвоения знаний и умений, требуется обоснование научности обеспечения всего образовательного процесса и в первую очередь разработки «дидактических положений, ассимилирующих идеи системности и способов реализации ее принципов» [3, с. 65].

Решению проблемы дидактического обеспечения образовательного процесса в высшей школе уделяется достаточно большое внимание в работах отечественных педагогов-исследователей О.Ю. Ананьина, В.П. Беспалько, А.А. Вербицкого, В.Я. Виленского, В.В. Гузеева, М.В. Кларина, П.И. Образцова, И.В. Онокова, В.А. Ситарова, Э.Г. Скибицкого, В.А. Слосткина, А.И. Умана М.Ю. Швецова и др.

Контент-анализ опубликованных по данной проблеме материалов [4-6] показал, что в педагогической теории и практике наиболее распространены и используются такие виды обеспечения, как дидактическое, методическое, педагогическое, организационное, информационное, технологическое, и их сочетания – организационно-педагогическое, системно-информационное, информационно-методическое и др.

Прежде всего, детальная конкретизация основных компонентов дидактического обеспечения обусловлена необходимостью в определении терминов и понятий категорийного аппарата исследования, характерного для самого образовательного процесса в высшей школе и его элементов.

Так, по мнению В.Я. Виленского и др. [7] в дефинициях системно-методическое и научно-методическое – подчеркивается глубина проработки данных аспектов обеспечения. В первом случае речь идет о необходимости подхода к методическому обеспечению учебного процесса с «...системных позиций, учитывая все компоненты процесса обучения как целостной педагогической системы», во втором – «...с позиций научного обоснования применяемых педагогом методов, способов, приемов организации обучения и используемых при этом дидактических средств» [7, с. 26].

Проблема дидактического обеспечения образовательной деятельности в его различных видах, способах и средствах имеет более глубокие исторические корни. Рассмотрение основных понятий процесса дидактического обеспечения учебного процесса в высшей школе, как считает О.Ю. Ананьин, позволяет глубже понять его сущностное значение и обосновать содержание. Проведенное автором исследование, показало, что содержание дидактического обеспечения наиболее целесообразно рассматривать «...через комплекс его основных компонентов...» (методического, научного, информационного и др.). Обеспечение образовательной деятельности именно с этих позиций, «позволяет определять его как дидактическое, дающее возможность воплотить в жизнь общие требования к обучению...» [8, с. 4].

Вопросам современного дидактического обеспечения дистанционного обучения посвящен ряд исследований и публикаций Э.Г. Скибицкого и др. Последний под дидактическим обеспечением понимает «комплекс взаимосвязанных по дидактическим целям и задачам образования и воспитания разнообразных видов содержательной учебной информации на различных носителях, разработанный с учетом требований психологии, педагогики, валеологии, информатики и других наук, и используемый для дистанционного образования» [9, с. 21]. По его мнению, комплекс может быть представлен в виде трех блоков: информационно-содержательного, контрольно-коммуникативного и коррекционно-обобщающего. Перечисленные блоки не являются изолированными программными элементами, а специально создаются и поддерживаются компьютерной оболочкой.

М.Ю. Швецов, рассматривая в этом же аспекте сущностные характеристики образовательного процесса в высшей школе, выявил следующие составляющие обеспечения его эффективности: системно-информационное, организационное, методологическое, правовое, материально-техническое, социальное, диагностическое. Он считает, что в условиях высшей школы системно-информационное обеспечение «...определяет логико-математическую модель функционирования алгоритма алгоритмов (особый надалгоритм)

с количественно измеряемым педагогическим результатом». В теоретическом плане оно «основывается на таких фундаментальных понятиях, как информация, система, модель, метод...» [10, с. 47–48].

На наш взгляд, в дальнейшем наиболее целесообразным, с одной стороны, является рассмотрение содержания различных видов обеспечения образовательного процесса в высшей школе, как составляющих его компонентов. С другой стороны, анализ проблемы показал, что обоснование сущности различных видов обеспечения также носит противоречивый характер и предполагает различные подходы к их пониманию. Таким образом, несмотря на имеющийся обширный теоретический материал, многие аспекты дидактического обеспечения образовательного процесса требуют дальнейшего исследования.

Для обоснования авторской позиции в определении сущности, функционального содержания и назначения дидактического обеспечения образовательного процесса в высшей школе более подробно рассмотрим ключевые из них, связанные непосредственно с тематикой исследования.

В педагогической науке термин «обеспечение» является ключевым в методическом или учебно-программном аспекте и рассматривается как элемент профессионально-педагогической деятельности работников высшего учебного заведения, его содержательная основа для осуществления образовательного процесса, под которым понимается «совокупность учебно-воспитательного и самообразовательного процессов, направленная на решение задач образования, воспитания и развития личности в соответствии с государственным образовательным стандартом» [11, с. 238].

В электронном словаре, находящемся на портале [www.gramota.ru](http://www.gramota.ru), мы находим, что дефиниция «обеспечивать» означает «снабжать чем-либо в достаточном количестве, полностью удовлетворять какие-либо потребности», а также «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым» [12, с. 427], т.е. речь в нашем случае может идти о совокупности средств, методов, форм и технологий, позволяющих организовать учебный процесс в высшей школе, сделать его результативным и эффективным.

Выделение и рассмотрение дидактического обеспечения образовательного процесса как самостоятельной, научно-педагогической категории с целью обеспечения целостности её компонентов и полноты функциональных связей позволило, учитывая его структуру, разграничить содержание понятия, выявить сущность и сформулировать рабочее определение.

Под дидактическим обеспечением образовательного процесса в высшей школе в современных условиях мы понимаем совокупность функционально взаимодействующих и взаимосвязанных средств, методов и организационных форм обучения, используемых на основе электронных информационно-образовательных технологий.

Ключевыми компонентами системно-дидактического обеспечения выступают: дидактический – средства (традиционные, современные, инновационные), методы (познавательные-деятельностные, практико-ориентированные, контрольно-оценочные), организационные формы обучения (индивидуальная, групповая, коллективная, фронтальная); технологический – электронные информационно-образовательные технологии обучения (компьютерные, мультимедиа, интерактивные, мониторинговые, дистанционные, модульные, сетевые).

В научной работе рассматривается алгоритм проектирования направлений комплексного использования дидактического и технологического компонентов (модульные и дистанционные образовательные технологии, современные средства обучения, индивидуальные и групповые организационные формы) системно-дидактического обеспечения, предлагаемого автором и апробированного в ряде учебных заведений, в сочетании с традиционными элементами образовательного процесса в вузе.

Таким образом, в современных условиях вопросы дидактического обеспечения образовательного процесса в высшей школе рассматриваются нами с позиции определения сущности, ключевых понятий, формирующих научно-теоретическую основу дидактического обеспечения, что позволяет объективно раскрыть его содержание через комплекс компонентов, входящих в структуру образовательного процесса (средства, методы, технологии и организационные формы обучения).

Дальнейшие направления исследований обусловлены новыми перспективами в построении теории и практики образования в высшей школе и связаны с изучением вопросов подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности. С этой точки зрения, применительно к условиям информатизации общества, целесообразно продолжить исследование таких проблем, как:

– изучение закономерностей перехода от традиционного учебного процесса в вузе к современному образовательному процессу, основанному на реализации новых средств, организационных форм и методов обучения с использованием электронных информационно-образовательных технологий;

– решение на системной основе вопросов организации учебного процесса, связанных с вариативностью содержания образовательных программ, непрерывностью их педагогического сопровождения и дидактического обеспечения в высшей школе.

#### **Список литературы:**

1. Wodaski, R. Multimedia madness / R. Wodaski. – Sams Publishing, 1992. – 632 p.
2. Stonier, T. The Wealth of information. A profile of Post-Industrial Economy / T. Stonier. – L., 1983. – 394 p.
3. Асманова, И.Ю. Развитие системного мышления студента как условие фундаментализации и профессионализации усваиваемых знаний: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / И.Ю. Асманова. – Ставрополь, 2004. – 178 с.
4. Аверьянов, А.Н. Системное познание мира. Методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. – М.: Политиздат. – 1985. – 263 с.
5. Кохановский, В.П. Философия и методология науки / В.П. Кохановский. – Ростов н/Д.: Феникс. – 1999. – 576 с.
6. Российская педагогическая энциклопедия: в 2-х тт. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Рос. энцикл. – 1993. – Т.1. – 608 с.
7. Виленский, В.Я. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе / В.Я. Виленский, П.И. Образцов, А.И. Уман; под ред. В.А. Сластёнина. – М.: Пед. об-во России, 2004. – 192 с.
8. Ананьин, О.Ю. Дидактическое обеспечение учебной работы в вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О.Ю. Ананьин. – М., 2004. – 243 с.
9. Скибицкий, Э.Г. Дидактическое обеспечение процесса дистанционного обучения / Э.Г. Скибицкий // Дистанционное образование. – 2000. – № 1. – С. 21.
10. Швецов, М.Ю. Системно-информационное обеспечение образовательного процесса в высшей школе: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / М.Ю. Швецов. – Чита, 2002. – 331 с.
11. Словарь-справочник по педагогике / авт.-сост. В.А. Мижериков; под общ. ред. П.И. Пидкасистого. – М.: ТЦ Сфера. – 2004. – 448 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

*Bilyk Elena, Kharkiv State Academy of Culture,*

*Docent, Candidate of Pedagogical Sciences, Doctoral Student, the Faculty of Social Communications*

### **Information socialization of foreign students in the educational and cultural environment of the higher educational institutions of Ukraine**

*Билык Елена, Харьковская государственная академия культуры,*

*доцент, кандидат педагогических наук, докторант, факультет социальных коммуникаций*

### **Информационная социализация иностранных студентов в образовательно-культурной среде высшего учебного заведения Украины**

В условиях глобализации современного общества все большую популярность завоевывает получение образования в другой стране, то есть в мире с каждым годом увеличивается количество иностранных студентов, подготовка которых становится в образовательной системе государства

отдельным сегментом, требующим особого внимания. Для успешной реализации основной цели обучения иностранных студентов – подготовки высококвалифицированных специалистов для зарубежных стран, необходимо уделять должное внимание процессу их социализации в условиях новой образовательно-культурной среды, важной составляющей которой выступают информационные технологии. Как указывает В. Шейко, «информатизация образования является по своей сути современной образовательной революцией, во время которой формируется образовательная система информационной цивилизации» [1]. Для того, чтобы иностранные студенты умели ориентироваться в потоке электронной и аналоговой информации, обмениваться информацией, преодолевать коммуникативные барьеры, необходимо уделять особое внимание формированию их информационной грамотности, развитию информационной культуры, которые выступают одним из условий их успешной информационной социализации.

Социализация личности как многоаспектное явление, рассматривается с разных направлений: социально-философского (С. Батенин, Б. Парыгин, Т. Парсонс и др.), социально-психологического (Г. Андреева, И. Антипова, И. Кон, А. Леонтьев, А. Петровский и др.), социально-педагогического (Б. Бим-Бад, О. Безпалько, И. Зверева, А. Мудрик, А. Рыжанова, С. Савченко и др.).

Так, в философском словаре социализация определяется как «процесс операционального овладения набором программ деятельности и поведения, характерный для той или иной культурной традиции, а также процесс интериоризации индивидом выражающих их знаний, ценностей и норм» [2].

Г. Андреева трактует социализацию как «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [3].

В социальной педагогике социализация определяется как «процесс вхождения человека в общество вместе с его социальными связями и интеграцией в разные типы социальных общностей, вследствие чего происходит становление социального индивида» [4].

По мнению А. Рыжановой, в условиях информационного общества «новая цель социального воспитания – расширение границы социальности социальных субъектов до глобального уровня – будет решаться через обоснование и реализацию социально-педагогических технологий по усвоению глобальных ценностей, формированию глобального сознания, воли, глобальной социальной активности человека, страны, региона, мира, что предусматривает гармонизацию их социальных ценностей» [5].

Информационное общество обусловило процесс становления нового личностного типа, предполагающего наличие таких черт, как способность адаптации к возрастающему количеству информации, способность интеграции в быстро изменяющуюся социальную среду. В условиях современного информационного общества процесс социализации также имеет информационный аспект, с которым связаны такие понятия, как «информационная социализация», «информационная грамотность», «информационная культура личности».

Термин «информационная социализация» впервые встречается в работах В. Бородиной и касается социализации читателей в библиотеках, где происходит приобщение личности к информационной деятельности, которую исследовательница считает базисом социализации читателя [6].

Как указывает В. Жилкин, «сущность процесса инфосоциализации состоит в том, что это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение личностью значимого для нее информационного опыта путем приобщения к информационному пространству (информационной инфраструктуре), системе информационных связей, с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом информационных связей за счет собственной информационной деятельности, активного включения в информационное пространство» [7].

Таким образом, в информационном обществе процесс социализации не утрачивает своей актуальности, а приобретает новый аспект – информационный, поэтому, говоря о социализации личности в целом, мы не можем игнорировать ее информационную социализацию. Особенно актуальной эта проблема становится применительно к процессам социализации иностранных студентов, которые исследовались в работах И. Ушаковой, Н. Грищенко, Д. Порох, Т. Язвинской, Ху Жунси, Дин Синь и др. Необходимо отметить, что проблеме информационной социализации иностранных студентов исследователи достаточного внимания не уделяли.

Цель статьи – рассмотреть особенности информационной социализации иностранных студентов в образовательно-культурной среде высшего учебного заведения Украины.

Задачи статьи: выявить роль информационной грамотности и информационной культуры иностранных студентов в процессе их информационной социализации, проанализировать спецкурсы, направленные на формирование информационной грамотности и развитие информационной культуры личности иностранных студентов с учетом этапов их информационной социализации в образовательно-культурной среде высшего учебного заведения.

Одним из условий информационной социализации личности выступает формирование информационной грамотности. Х. Лау под информационной грамотностью понимает наличие знаний и умений, необходимых для выполнения таких задач, как: эффективный поиск информации, ее организация и реорганизация, идентификация информации, пригодной для выполнения определенного задания или решения определенной проблемы, интерпретация и анализ найденной, извлеченной информации; оценка точности и надежности информации, обеспечивающая соблюдение этических норм и правил пользования полученной информацией при передаче и представлении результатов анализа и интерпретации другим лицам; применение информации при осуществлении определенных действий, нацеленных на результат [8].

С информационной грамотностью тесно связано понятие информационной культуры личности. По мнению И. Гендиной, «с философской точки зрения, информационная культура выступает как важнейший компонент духовной культуры общества в целом, различных социальных групп, отдельной личности» [9].

Так как формирование информационной культуры в сфере высшего образования зависит от профессиональной направленности обучения, информационная социализация может быть рассмотрена как профессиональное качество будущего специалиста. Образовательно-культурная среда высшего учебного заведения, рассматриваемая нами как «совокупность условий, которые обеспечивают приобретение и актуализацию иностранными студентами базовых элементов инокультуры, навыков межкультурного взаимодействия, содействующих их успешному личностно-профессиональному становлению в новом социальном окружении» [10], в условиях информационного общества имеет необходимый потенциал для оптимизации процесса информационной социализации иностранных студентов.

По нашему мнению, потребности иностранных студентов, особенности организации учебно-воспитательного процесса для иностранных студентов позволяют выделить в образовательно-культурной среде высшего учебного заведения следующие компоненты: организационно-технологический, учебно-профессиональный, социально-воспитательный и социокультурный. Поскольку информационные технологии охватывают все виды деятельности иностранных студентов, проникают во все сферы их жизни, то каждый из выделенных нами компонентов образовательно-культурной среды вуза содержит потенциал для их информационной социализации. Поэтому важно организовать учебную деятельность в образовательно-культурной среде таким образом, чтобы она способствовала информационной социализации иностранных студентов.

Для решения задач, связанных с оптимизацией пребывания иностранных студентов в образовательно-культурной среде высшего учебного заведения, в Харьковской государственной академии культуры (ХГАК) при студенческом совете был создан Центр межкультурной коммуникации и социальной интеграции иностранных студентов. Одним из направлений деятельности Центра является содействие процессу информационной социализации иностранных студентов. Результатом коллективной работы преподавателей-филологов, преподавателей факультета социальных коммуникаций, сотрудников библиотеки и студентов Харьковской государственной академии культуры стало создание цикла спецкурсов, направленных на формирование информационной грамотности и информационной культуры личности иностранных студентов.

Поскольку мы предлагаем рассматривать процесс социализации иностранных студентов в высших учебных заведениях Украины как состоящий из трех этапов: социальной адаптации, социальной интеграции и социальной индивидуализации, в информационной социализации мы также можем выделить три этапа – информационную адаптацию, информационную интеграцию и информационную индивидуализацию.

Информационная адаптация предполагает приспособление человека к информационному пространству, его требованиям, законам функционирования информационных потоков и происходит, прежде всего, во время обучения иностранцев на подготовительном факультете. Информационная интеграция (соответствует обучению иностранных студентов на 1-4 курсах базовых факультетов) предполагает активное поведение индивида в информационном пространстве высшего учебного заведения и страны обучения, в котором человек делает сознательные выбор видов и форм информационной деятельности, поиск и создание собственной информационной продукции. Для наивысшего уровня информационной социализации – информационной индивидуализации характерны: социально-информационная зрелость, творческая самореализация и самоэффективность, способность создавать собственный информационный продукт на основе усвоенного социально-информационного опыта, связанного с вхождением в новую информационно-культурную среду. Этот уровень во многом зависит от личностной самореализации, от степени удовлетворения социальных информационных потребностей индивида и реализуется в процессе обучения иностранных граждан в магистратуре и аспирантуре.

С учетом особенностей процесса информационной социализации иностранных студентов на каждом из обозначенных этапов разработаны четыре спецкурса, имеющие своей целью формирование информационной грамотности и информационной культуры иностранных студентов, выступающие, по нашему мнению, эффективным фактором оптимизации процесса их информационной социализации.

Так, на этапе информационной адаптации, охватывающем подготовительный факультет, происходит знакомство иностранных студентов с особенностями информационной составляющей образовательно-культурной среды высшего учебного заведения. Поэтому для иностранных студентов, обучающихся на подготовительном факультете, в Харьковской государственной академии культуры разработан спецкурс «Основы документоведения и библиотековедения». Его цель – заложить основы знаний по информационной грамотности, создать предпосылки для того, чтобы, опираясь на эти знания и используя их в дальнейшем, иностранные студенты могли получить высшее образование в вузах Украины и достичь соответствующего их профессии уровня информационной грамотности. При проведении этого спецкурса используются такие виды работы: знакомство с документами, которые иностранные студенты вынуждены составлять в процессе своего обучения и пребывания в Украине (заявление о предоставлении индивидуального графика, смене места проживания, об оформлении документов для регистрации, объяснительная записка и т.п.); знакомство со структурой библиотеки академии, с информационными услугами, которые предоставляет библиотека ХГАК, проведение информационного поиска в каталогах библиотеки, экскурсии в библиотеки других высших учебных заведений и центральные библиотеки Харькова. Итоговой работой по изучению спецкурса выступает подготовка презентации на украинском (русском) языке, в которой представлена сравнительная характеристика библиотеки Украины и библиотеки страны, из которой прибыл иностранный студент.

На первом курсе базовых факультетов продолжается процесс информационной адаптации иностранных студентов к условиям новой образовательно-культурной среды, который постепенно переходит уже в процесс информационной интеграции их в эту среду. Иностранный студент, приступая к своей профессиональной подготовке в условиях незнакомой ему образовательно-культурной среды, вынужден иметь дело с большим количеством разнообразной информации, с различными источниками ее поступления. Информационная грамотность является важнейшим фактором успешной профессиональной деятельности, социального воспитания, а также условием социальной защищенности личности иностранного студента в образовательно-культурной среде высшего учебного заведения Украины. Уровень социального развития личности в условиях информационного общества существенным образом зависит от уровня владения информационной коммуникацией, так как, не владея современными информационными технологиями, невозможно овладеть профессией на должном уровне. В связи с этим более качественная информационная подготовка иностранных студентов становится все более актуальной, что обуславливает необходимость продолжения работы по формированию информационной грамотности и социальному развитию личности иностранных студентов. Обеспечению их целенаправленной информационной подготовки, формированию информационной грамотности может содействовать спецкурс «Основы информационной грамотности», который адресован иностранным студентам первого курса, начинающим свою профессиональную

подготовку в условиях образовательно-культурной среды высшего учебного заведения Украины. Цель курса – формирование информационного мировоззрения иностранных студентов, овладение ими знаниями, умениями и навыками информационного самообеспечения в учебной деятельности, создание условий для успешной информационной интеграции. Достижение этой цели осуществляется в ходе решения следующих задач: получение представлений об информационных ресурсах современного общества, особенностях документального потока по культуре и искусству; освоение рациональных приемов и способов самостоятельного поиска информации и систематизации данных в соответствии с задачами учебного процесса; знакомство с библиотекой как центром собирания и хранения информации; актуализация информационных возможностей Интернета, использование их в учебном процессе в условиях образовательно-культурной среды высшего учебного заведения; формирование навыков информационной безопасности и этического использования информационных ресурсов.

На втором – четвертом курсах продолжается процесс информационной интеграции иностранных студентов в образовательно-культурную среду высшего учебного заведения, следовательно, продолжается и процесс формирования информационной грамотности и информационной культуры личности иностранного студента, поэтому мы предлагаем иностранным студентам работу со спецкурсом «Информационная культура». В рамках этого спецкурса студенты знакомятся с понятием «информационная культура личности» и процессом аналитико-синтетической переработки информации, учатся работать с учебными и научными текстами, составлять аннотации и рефераты профессионально-ориентированных текстов научного стиля речи. Иностранные студенты испытывают значительные трудности при осуществлении поиска информации, ее отборе, что связано с вхождением их новую информационную среду, поэтому необходима индивидуальная работа сотрудников библиотеки, преподавателей с иностранными студентами, направленная на формирование их информационной культуры. К этой работе Центр межкультурной коммуникации и социальной интеграции иностранных студентов привлекает также украинских студентов специальностей «Книговедение, библиотековедение и библиография», «Социальная педагогика», «Культурология», «Документоведение и информационная деятельность», «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры». Кроме лекционных, практических и индивидуальных занятий для иностранных студентов с участием их украинских однокурсников проводятся презентации, встречи, литературно-художественные вечера, круглые столы, диспуты, посвященные проблемам информационной культуры.

На третьем этапе информационной социализации – информационной индивидуализации – предполагается создание иностранными студентами на основе полученных знаний, умений и навыков собственного интеллектуального продукта в виде магистерской исследовательской работы, экранного произведения, хореографической постановки, исполнения музыкальных произведений и т.п. (в зависимости от специальности). Продолжается также и процесс их информационной социализации, связанной, прежде всего, с научно-исследовательской деятельностью. Исходя из этого, для иностранных студентов магистратуры мы предлагаем спецкурс «Информационная культура и научно-исследовательская деятельность», основной целью которого выступает формирование у молодых исследователей умений и навыков работы с научной информацией, поиск ее, оформление списка использованной литературы, подготовка докладов, тезисов и научных статей, подготовка магистерской диссертации и ее защита. Работа над материалом этого спецкурса направлена на формирование понимания того, что такое плагиат, на выработку умений правильно оформлять ссылки на заимствованные в научной литературе идеи, составлять библиографическое описание различных источников, списки использованной в исследовательской работе литературы, на знакомство с ББК и УДК.

Как результат целенаправленной работы всего коллектива ХГАК по формированию информационной культуры иностранных студентов, по содействию их информационной социализации в образовательно-культурной среде украинского вуза можно рассматривать подготовленные иностранными студентами дипломные проекты, связанные с украинскими традициями, украинской культурой. Так, например, иностранными студентами специальности «Кино-, телеискусство» за последние три года были подготовлены и защищены такие экранные дипломные проекты: документальный фильм «Украина – Китай: диалог культур» (2013г., авторы – студенты из КНР), очерк-портрет «Душа, отданная танцу» (о народном артисте Украины, профессоре Борисе Колногузенко; 2012 г., авторы – студенты из КНР), очерк-портрет «С мелодией в сердце» (о заслуженном деятеле



искусств Украины, профессоре Вере Осадчей; 2013 г., автор – студент из Сирии); научно-популярный фильм «Украинская народная архитектура» (2011 г., автор – студент из Сирии), научно-популярный фильм «Тайны украинской кухни» (2014 г., автор – студент из КНР).

Таким образом, информационная социализация иностранных студентов выступает важной составляющей их профессиональной подготовки, социального воспитания и социального развития, а также составной частью процесса их социализации в целом как личности, способной к продуктивной профессиональной и социокультурной деятельности в условиях информационного общества. Процесс информационной социализации будет более эффективным, если, во-первых, проводить систематическую целенаправленную работу по формированию информационной грамотности и развитию информационной культуры иностранных студентов в условиях новой для них образовательно-культурной среды; во-вторых, в рамках этой работы организовать проведение спецкурсов для иностранных студентов, направленных на формирование их информационной грамотности и развитие информационной культуры; в-третьих, спецкурсы должны разрабатываться с учетом особенностей информационной деятельности иностранных студентов на каждом этапе информационной социализации – информационной адаптации, информационной интеграции, информационной индивидуализации, в-четвертых, оптимизация информационной социализации иностранных студентов предполагает создание программы социально-педагогического сопровождения, которая включает и специально разработанные для иностранных студентов спецкурсы по информационной грамотности и информационной культуре в соответствии с учетом особенностей протекания того или иного этапа социализации и определенных целевых установок.

Перспективой дальнейших исследований проблемы информационной социализации иностранных студентов считаем разработку и апробацию программы социально-педагогического сопровождения этого процесса в условиях образовательно-культурной среды высшего учебного заведения.

#### **Список литературы:**

1. Шейко В. М. Формування основ культурології в добу цивілізаційної глобалізації (друга половина XIX – початок XXI ст.). Монографія. Київ, 2005. – С. 218.
2. Новейший философский словарь: изд.3-е исправ./ сост. и гл. ред.. А. А. Грицанов. Минск, 2003. – С. 964.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. Москва, 2007. – С. 179.
4. Соціальна педагогіка : мала енциклопедія / за заг. ред. І. Д. Звереві. Київ, 2008. — С. 237.
5. Рижанова А. О. Розвиток соціальної педагогіки в соціокультурному контексті: автореф. дис. ...докт. пед. наук 13.00.05 – соціальна педагогіка. Луганськ, 2005. – С. 30.
6. Бородин В. А. Информационная социализация — путь к всеобщей доступности информации // Библиотечное дело-2004: всеобщая доступность информации : тез. докл. 9-й Междунар. науч. конф. Москва, 2004. – С. 12.
7. Жилкин В. В. Инфосоциализация: сущность понятия // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 1. – С.40 – 41.
8. Лау Х. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни: Jesús Lau Guidelines on Information Literacy for Lifelong Learning. Москва, 2006. – С. 14.
9. Гендина Н. И. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование учебной дисциплины / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. Москва, 2006. – С. 44.
10. Ху Жунсі. Педагогічні умови адаптації китайських студентів до культурно-освітнього середовища вищих навчальних закладів України : дис. ...канд. пед. наук 13.00.05 – соціальна педагогіка. Луганськ, 2014. – С.57.

## **The Criteria and Component Characteristics of Individual's Cognitive Independence Formation: Theoretical Aspects**

*Кабанкова Олена, Севастопольський національний університет  
ядерної енергії та промисловості  
старший викладач кафедри іноземних мов*

### **Критеріально-компонентна характеристика формування пізнавальної самостійності особистості: теоретичний аспект**

**Постановка наукової проблеми та її значення.** У процесі модернізації вищої освіти України в галузі педагогічної науки постала ціла низка наукових проблем щодо розвитку фахівців, здатних оперативно реагувати на зміни в суспільстві та працювати у складних соціально-економічних умовах, самостійно мислити та приймати рішення. Сутність сучасної педагогічної освіти полягає утворенні особистості, спроможної здійснювати самостійне пізнання і перетворення педагогічного середовища відповідно до швидкоплинних реалій соціокультурного простору. За цих обставин актуалізується значущість пізнавальної самостійності студентів, необхідність пошуку ефективних підходів до формування в них цієї особистої якості.

Проблема формування пізнавальної самостійності нині є однією з найактуальніших у педагогіці, адже активна пізнавальна самостійна діяльність майбутнього фахівця є необхідною передумовою самовдосконалення і саморозвитку особистості, її творчої самореалізації упродовж усього життя.

**Аналіз останніх досліджень та публікацій.** Педагогічні аспекти проблеми формування пізнавальної самостійності розглядалися в теоретичних дослідженнях педагогів (Л. Арістової, М. Данилова, Б. Єсіпова, Л. Жарової І. Лернер, Н. Кузьміної, Н. Половникової, О.Савченко, С. Рубінштейна, Т. Шамової та ін.), в яких розроблено питання розуміння сутності, структури і критеріїв розвитку пізнавальної самостійності студентів, засобів її формування. Відзначаючи беззаперечну цінність проведених досліджень, до цього часу ще не встановлена єдина точка зору щодо показників та критеріїв пізнавальної самостійності.

Таким чином, **метою статті** постає визначення понять «критерії» та «компоненти» пізнавальної самостійності. Для досягнення мети слід вирішити такі **завдання**: розглянути теоретичні підходи до розуміння понять та феноменів «критерії» та «компоненти» пізнавальної самостійності, а також визначити умови розвитку пізнавальної самостійності студентів.

**Виклад основного матеріалу.** Пізнавальна самостійність (ПС) – це складне комплексне поняття, що передбачає «сформованість потреби і умінь самостійно мислити, здатності орієнтуватися в новій пізнавальній ситуації, самому бачити питання, задачу, віднаходити, шляхи їх вирішення» [1, с. 680]. ПС виступає як інтегративна властивість особистості, яка пов'язана із її здатністю та прагненням виконувати цілеспрямовану самостійну пізнавальну діяльність.

Слід зауважити, що для успішного виконання пізнавальної діяльності суб'єкт повинен мати можливість власними силами організувати та регулювати її перебіг: планувати, контролювати, коригувати, приймати рішення про її завершеність. ПС виявляється в процесі навчання через прагнення і здатність виконувати студентами поставлені вимоги, самостійно розв'язувати теоретичні та практичні завдань. Вона передбачає послідовне визначення мети роботи, засобів й напряду її реалізації, здійснення контролю та оцінки її результатів.

Критеріальна база для формування ПС характеризується високим рівнем сформованості готовності до професійної пізнавальної діяльності. Передусім зауважимо, що в енциклопедичних словниках «критерій – це ознака, за якою можна судити про щось, мірило для визначення, оцінки предмета чи явища» [2, с. 731], «підстава для оцінки або класифікації чогось» [3, с. 211].

Критерії є мірою оцінки рівня сформованості мотиваційно-ціннісної сфери, знань, умінь і навичок особистості. Їх можна розглядати як певні орієнтири перевірки мети і завдань дослідження, що є

підставою для висловлення суджень про успішність отриманих результатів за темою дослідження. Ознаками критеріїв є певні показники, які відображають міру прояву виявленого критерію.

Критеріальна база якості підготовки студентів – це сукупність критеріїв і виявлених ознак (показників), за допомогою яких вимірюється рівень сформованості готовності майбутнього фахівця до професійної діяльності. Для виявлення сформованості пізнавальної самостійності особистості необхідно встановити ті критерії пізнавальної самостійності, котрі якнайповніше відображають сутність досліджуваного явища, в умовах якого відбувається діяльність.

Так, на думку Л. Тархової, слід виділяти *мотиваційно-вольовий, змістовий, операційно-процесуальний* критерії сформованості ПС [4]. Схожої думки дотримується П. Лузан, котрий визначає *змістовно-результативний, операційний та мотиваційно-динамічний* критерії головними показниками навчально-пізнавальної активності (спорідненої з ПС пізнавальної якості) [5]. Ряд учених (І. Левіна, О. Громова, Я. Галета) аналогічним чином під критеріями розвитку ПС розуміють сформованість зазначених показників.

Проблема визначення критеріїв є дуже важливою при науковому обґрунтуванні аспектів ПС студентів. На наш погляд, структурний склад цієї категорії як особової характеристики представляє сукупність взаємопов'язаних компонентів: *змістовно-операційного, мотиваційно-ціннісного вольового та поведінкового*.

*Змістовно-операційний компонент* включає в себе володіння суб'єктом системою базових знань, методів, прийомів і способів ПС. Варто зазначити, що тут йдеться саме про базові знання, тобто такі, які є опорою для надбання нових знань, основою для широких узагальнень, і виступають як стрижневі в науці. Для успішного перебігу самостійного пізнавального процесу обов'язковим є володіння також методами отримання цих знань.

*Мотиваційно-ціннісний компонент* ПС характеризується внутрішнім прагненням студента до процесу пізнання, стійким інтересом до навчального предмету, ціннісною орієнтацією на самостійність у пізнавальній діяльності, потребою опановувати знання, прагненням до вольового напруження у досягненні цілей діяльності на всіх етапах її здійснення та задоволеністю від отримання результату. Означений компонент має на меті пробудити й закріпити у студентів позитивні емоції в процесі колективної навчальної діяльності, викликати інтерес, допитливість, бажання до самостійного розмірковування та сформулювати прагнення до пошукової діяльності. Він охоплює мотиви, інтереси, потреби й ціннісні орієнтації студента, що забезпечують його психологічну готовність до самостійного пізнання. Отже, можемо зазначити, що його сутністю є наявність в особистості пізнавального інтересу, тобто спрямованість на зміст пізнавальної діяльності, і пізнавальна схильність, тобто спрямованість особистості на процес пізнавальної діяльності.

*Вольовий компонент* передбачає не тільки прагнення досягти мету пізнання, але й володіння довільними формами організації та регуляції процесу засвоєння нових знань. У психології воля розуміється як «здатність людини свідомо контролювати свою діяльність, активізувати і активно керувати нею, долаючи перешкоди і підпорядковувавши її свідомо поставленій меті» [6, с. 92], «сторона свідомості, її діяльна регульовальна засада, покликана створити зусилля й утримувати його так довго, як це необхідно» [7, с. 80]. Наявність у людини волі пов'язана з наявністю значущих для неї цілей і завдань. Чим більш значущі і привабливі для людини ці цілі, тим сильнішим буде її вольове зусилля, більш напруженим бажання, більш наполегливим прагнення до здійснення відповідної діяльності. Отже, вольовий компонент ПС є її діяльним і регулюючим початком, який має створити зусилля й утримувати його так довго, як це необхідно.

*Поведінковий компонент* охоплює комплекс умінь, які відповідають: а) основним видам навчально-пізнавальної діяльності з орієнтацією на навчальний предмет (спостереження, експеримент, систематизація знань);

б) етапам творчого процесу (формулювання проблеми, здійснення пошуку ідеї, розробка стратегії рішення, реалізація стратегії, перевірка доцільності рішення, оформлення результатів). Цей компонент відображає практичну готовність студента до ПС.

Таким чином, ефективне формування ПС повинно здійснюватися у єдності її критеріально-компонентних характеристик (мотиваційно-ціннісного, змістовно-операційного, вольового та поведінкового), реалізація яких створить основу для визначення рівнів досліджуваного феномену.

**Перспективи подальших наукових розвідок** ми пов'язуємо з розробкою моделі формування пізнавальної самостійності студентів як за компонентами, так і цілісно та її експериментальною перевіркою.

#### СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Савченко О.Я. Пізнавальна самостійність / О.Я. Савченко // Енциклопедія освіти / за заг. ред. В.Т. Кременя. – К. : Юрінком Інтер, 2008. – 1040с.
2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. – 5-е изд. – СПб. : Издание автора, 1991. – 1370 с.
3. Новий тлумачний словник української мови / укл. В. Яременко, О. Сліпушко. – К. : Аконт, 1998. – 351 с.
4. Тархова Л.А. Формування пізнавальної самостійності майбутніх перекладачів у процесі професійної підготовки. – Автореф. дис... к.п.н: 13.00.04 / Любов Анатоліївна Тархова. – Південноукраїнський державний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського. – Одеса, 2006. – 23 с.
5. Лузан П.Г. Теоретичні і методичні основи формування навчально-пізнавальної активності студентів у вищих аграрних закладах освіти. – Автореф... доктора пед. наук: 13.00.04 / Петро Григорович Лузан. – Інститут педагогіки АПН України. – Київ, 2004. – 40 с.
6. Платонов К.К. О системе психологи / К.К. Платонов. – М. : Мысль, 1972. – 212 с.
7. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск : Харвест, 1998. – 798 с.

*Ludmila Rudenko, State University of Economics and Services, the Russian Federation,  
Vladivostok city, Primorsky Krai*

*Ph. D in Technical Sciences, department of tourism, hospitality and catering*

*Irina Barashok, Far Eastern Federal University, the Russian Federation, Vladivostok city, Primorsky Krai*

*Ph.D. in History, associate professor, department of service and tourism*

*Elena Makarceva, Far Eastern Federal University, the Russian Federation, Vladivostok city, Primorsky Krai*

*ESP teacher-in-chief, department of service and tourism*

## **On Value Centered Philosophy of a Higher School Teacher and Making the Value Aspect Concrete in the Process of Training Bachelors of Art in Tourism**

**Abstract:** The article is devoted to value centered outlooks and approaches of a higher school (university) teacher which present the system forming core of any educational situation. The selection of values depends on the purpose the teacher sets in the working process. This research of the pedagogical value aspect targets the competency and competence approach in the process of training bachelors of art in tourism and services.

**Key words:** modernization of pedagogical education, pedagogical philosophy of a university teacher, a competence approach, the system of values of the tourism syllabus teacher.

**Introduction.** Modernization of contemporary higher professional education gives priority to the purpose of training a competent teacher possessing a conscious pedagogical position combining professional consciousness and behavior and taking into consideration the subjectivity of every student. The professional development of a higher school teacher requires his (her) preparedness for a serious and scrupulous effort of changing himself[1,2].

The matter-of-fact level of modernization of pedagogical education is motivated by the inner cause for such changes, namely, the adequate pedagogical outlooks, the latter being the decisive factor of defining the essence of pedagogical activities and their subjective methodology[3].

Unfortunately it is known that a higher school teacher's approach to teaching within the context of traditional education does not always reflect contemporary views on modernization of professional education, competency and competence centered approach etc.

**Materials and Research Methods.** The theoretical basis for this here investigation is represented by the following complex of ideas, concepts and analytical generalizations: philosophical theories of values (М.С. Каган[4], Г.П. Выжлецов[5]); theory of personal activity awareness (С.Л. Рубинштейн[6], А.В. Петровский[7]), statements of the content of the teacher's philosophy (К.А. Абульханова-Славская[8], Л. И. Божович[9], and others); humane psychology of A. Maslow[10]; acmeological paradigm of В. Ananyev[11] and L. Stepashko's scientific school[12]. This piece of work is using methods of theoretical analysis of literature on scientific pedagogy, comparative analysis of thesis texts and author essays and the method of theoretical modeling.

**Results.** As far as the fact that a teacher of any discipline possesses a scientific, moral, axiological world outlook is a relevant condition for molding students' views, the research into the value centered outlooks and approaches of a higher school teacher and based on them students' hierarchy of values presents a vital interest for those involved in educational activities. It concerns in particular specialists teaching humanitarian disciplines included into the curricula for training bachelors of art in tourism and services. Through teaching and learning service disciplines value oriented communicative skills of future specialists can be formed as well as humane attitudes, high cultural ambitions and manner of behavior giving way to appreciation of servicing professions and jobs.

The aim of this research is to look into the value oriented world outlook of a university teacher and its implementation in the process of training bachelors of art in tourism.

Issues of defining, analyzing and comparing of values have been studied by many Russian (М.С. Каган, Г.П. Выжлецов, М. Мамардашвили, П.Г. Щедровицкий, В.А. Сластенин etc. ) and foreign ( V. Windelband, G. Ricket, E Kassier, N. Gartman etc. ) authors from different angles of philosophy, cultural studies, sociology, pedagogy, psychology, economics, technologies etc. Carl Mitcham notices that "the concept of values is more complex than it might initially appear. By extension, values range from personal preferences as indicated by pleasures, desires, wants, and needs to more objective goods such as health, efficiency, progress, truth, beauty, and more..."[13]

Axiology offers different types of classifications of values and approaches to them. This article is not aimed at their analysis. Without going into it we will proceed from the definition of value as fixed in man's consciousness characteristics of his attitude to the object – in our case –the syllabus discipline, profession, another student. One of the major problems of contemporary education is that of the competency of professional activities, the main objective of a university education being molding of students' personality as that of a specialist and a citizen prepared to taking independent decisions and participating in the dialogue, looking for and finding ways to settle vital fundamental and applied problems in science, technology, business, culture and society. The role of education consists not only in transmitting knowledge and social experience, but in developing new value centered consciousness and behavior.

Experts believe that the highest possible degree of capability to assimilate social and professional experience is inherent to people aged from eighteen to twenty five, namely to young people studying at colleges and universities, where the students' world and society outlooks as well as deeper personal and professional insights keep and frequently complete developing. Due to its value forming function higher education plays a decisive role in the process of forging a moral, efficient and creative professional.

Overcoming "competency crisis" in Russia is closely connected with modernization of the country's higher education, the most urgent tasks being intensification of work to adopt educational models that contain axiological ideas taking into consideration mentality and national and historic traditions of the country. A university teacher (one who displays a conscious pedagogical philosophy) is in the center of this process.

Generally speaking, pedagogical philosophy is the approach, the basic points of view, the meaningful value centered component that adds consciousness, steadiness, non-contradiction and flexibility to any activity including the pedagogical one. This phenomenon proves to be a core and a system forming basis of an educational situation[14].

The notion of the pedagogical philosophy of a university teacher can be defined as a basic platform of his own views and actions expressing and determining his attitudes to educational and pedagogical activities, to his own self as to the object and the subject of these activities and to other participants of the pedagogic community through the contents and forms of his behavior and communications. This philosophy is characterized by a university teacher's value and meaning centered self-determination achieved in the process of living through value focused causes for his activities, awareness of their meaning and his niche in the contemporary socio cultural situation. Being expressed both in personal and professional sectors, this world outlook seems to be a system forming factor of the personal and professional development.

The integral completeness of the phenomenon of pedagogical philosophy is revealed through the structural contents of its three components: value motivated, activity regulating and communicative.

The inner mechanism of the development of the pedagogical philosophy in the value motivated aspect shows itself in the teacher's progressing from the value of professional and pedagogical knowledge to the acceptance of humanistic values.

In the activity regulating aspect this inner mechanism is revealed in the process of acknowledging oneself the subject of educational and pedagogical activities.

In the communicative aspect it is expressed in the interaction and intercourse aimed at the development of another person – a student.

Each of the criteria mentioned above refers to one of the most relevant spheres of a higher school teacher's activities: value motivated, operational ( activity regulating) or communicative (the sphere of interaction and cooperation). These three components in their interaction and conformity promote the complete fulfillment of axiological, meaning forming and reflection functions. Thus the pedagogical position or philosophy of a higher school teacher can be viewed and treated as a combination of the teacher's role and niche in the system of the person's attitudes to the pedagogical reality and the person's views on purposes and nature of the activities in this reality determined by a complex of personal views, requirements, demands and motives.

The value centered, meaningful foundation of the teacher's actions – his pedagogic position- allows a professional to bear the grunt of inner responsibility for his labor results, providing his emotional stamina, personal and professional productivity.

The potential of value centered method of teaching the syllabus disciplines in tourism for B.A. degree is based on the teachers' awareness of values they wish to transmit to their students in the process of studies, the selection of values depending on the purpose of tasks the teacher sets in this process. In this research the value centered orientations target the competency and competence approach to training bachelors of art in the sphere of tourism.

The analysis and generalization of values and value orientations have made it possible to build up a model of professional strategies of a teacher's pedagogical philosophy of training bachelors of art for tourism sphere of activities ( figure 1 )

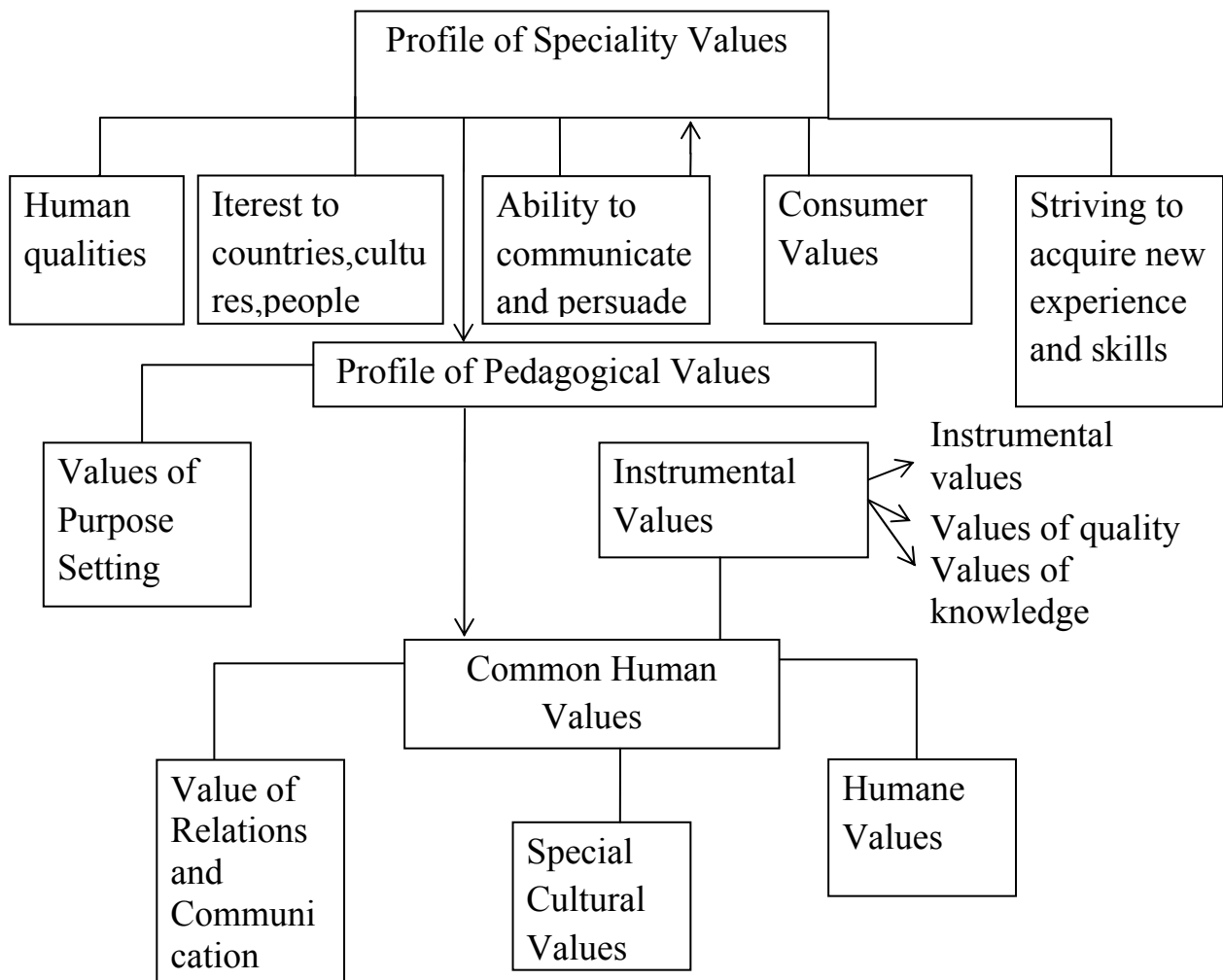


Figure 1–Value centered professional strategy of a university tourism department teacher

The foundation for the system of values of the university tourism syllabus teacher is laid by the common human values wherefrom there have been selected the most relevant for a profession in tourism. Their prior relevance is stipulated by sheer impossibility to be a teacher if failing to possess one’s own individual system of values. The following relevant common human values have been selected on the basis of the analysis of a number of books and articles on pedagogical and professional values:

Humane values are those of life, health and environment. When setting on a tour in the mountains or relaxing near the sea, a tourist company client entrusts his life and safety, as well as the organization of his comfort and services to tourism specialists. In the market environment the surviving companies are the ones whose specialists assimilate and transform human values into the produce of their labor;

Values of human intercourse and communication are among the most important ones in the field of a tourism specialist’s activities. They can be equally appreciated by tourist industry employees and their customers. No doubt a service minded professional must have an understanding that human need to communicate is associated with one of his immediate professional functions through which he can learn about the customer’s wishes and priorities and satisfy them.

Socio cultural values are laid into the foundation of a tourism specialist’s profession. They promote for the openness of the Western and Eastern culture in the work of a tourism specialist depending on the culture he deals with as well as tolerance, ability to take the client as he is, to establish and maintain rapport throughout entire relationships.

The second level of a university teacher's value centered strategy refers to the demands and requirements of the profession to personal qualities and pedagogical qualification of a teacher. This level italicizes the following pedagogical values:

Self-made values or purpose setting values include the creative nature of the pedagogue's work, prestige, social meaningfulness, responsibility to the government and people, advantages for promotion, self-assurance, devotion to students, etc.

Instrumental values or values of means are formed as a result of mastering theories, methodologies and pedagogical technologies and constitute the basis of pedagogue's professional education.

The overview of professional pedagogical values could lead to a conclusion that any higher school teacher must have pedagogical qualifications. There is much information to illustrate the idea that a sheer discipline instructor may prove inadequate in the eyes of the state, society, employers. It is a teacher the pedagogue who can be capable of cultivating in his own self and in the other people the values that lie at the core of any education. Under such circumstances education itself becomes the *value* (for a teacher and a student), not the tortures or boredom which unfortunately are frequently faced with in professional higher schools.

The top of the value row is crowned by the professional values directly connected with training in tourism. The analysis of works looking into the problems of training specialists in tourism and services (И.В. Зорин, В.А.Квартальнов, Е.Н. Ильина) has made it possible to outline the following professional values promoting for the teacher's work in this sphere: human values, interest to countries, cultures, people; ability to communicate and persuade; striving to learn from one's experience and acquire new knowledge and skills; consumer values and others.

In a vast sector of human qualities humane approach to the client, partner, colleague, classmate, teacher etc. comes forefront in the process of studies and in the sphere of professional interests and activities;

Interest to countries, cultures and people combine such important personal qualities as tolerance, love to travel, acceptance of different cultures and people. These qualities can well be implanted when delivering lectures and giving instructions in such disciplines as "Culture and traditions of people in the world", "Animation in tourism", "Cultural studies of different countries".

The ability to communicate and persuade is a precious instrument in selling tours, thus achieving success of a company and a specialist working for it. It does take a talent and experience to make a client believe that a tour or travel is good and useful for him. In this sense, acquiring strategy skills of persuading others, practicing the orator's habits could become student's valuable educational acquisition.

Striving to learn from one's own experience and acquire new skills is a valuable quality that can serve its turn throughout the entire man's life. When roleplaying or sorting out situational tasks, letting alone practical professional activities, students (and teachers) are frequently inclined to concentrate on positive effects of experience received. We wish to accentuate here the importance of getting a precious negative experience, acquiring a habit of taking mistakes seriously, correcting them thoughtfully, learning more and moving ahead.

Consumer values are also important for understanding the consumer's behavior that can be approached from the angle of terminal and instrumental values.

Terminal values include self-respect, safety, good relationships, the sense of the achieved, self-satisfaction, respect of the others, the sense of belonging, pleasure, joy, excitement.

Instrumental values in this context consist of the functional, social, emotional, epistemic and conditional values. Having grasped the above values from a syllabus discipline "Service operations" a student may begin to attach more importance to an active use of client oriented technologies.

During his university years a student can absorb a fortune of the world culture, society, people and labor. The scheme of transmitting values by means of arranging a variety of educational forms – lectures, seminars, practical and laboratory studies and researches - is represented on figure 2.



## Transmission of Values by a Higher School Teacher

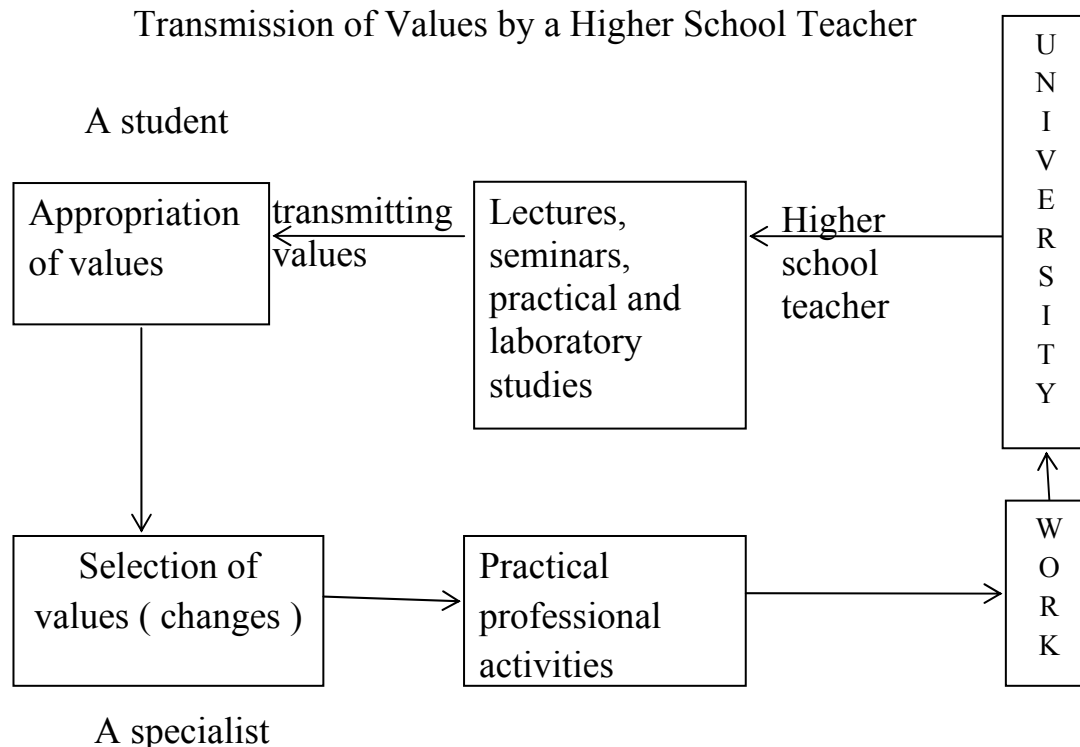


Figure 2 – Steps of transmitting and acquiring values

As we have more than once noticed, a university (a higher school) teacher is a value medium and much may depend on the approach he adheres to. Starting at common human values, imbibing pedagogical values and finally selecting professional ones we have come to the whole pattern of values transmitted and appropriated through tourism curriculum disciplines in the process of training bachelors of art.

**Conclusion.** A holistic approach to the problem under study clearly marks the pattern of the value centered philosophy of a university teacher adhered to in the educational process, defines his own position in it, his attitudes and relationships with students and colleagues, opens up a wide specter of possibilities for value oriented activities of the would be tourism and services specialists.

Pedagogical activities, the communications mode and the personality of a teacher of humanitarian disciplines are to a great extent determined by the fact that the subject to be appropriated by the students is another person, his value orientation and behavior in reality, which doubtlessly requires a teacher's high competency in psychology and pedagogy. By the tools of his discipline a university teacher makes analysis of the inner world of his disciples, influences their choice and manner of their behavior and their professional preferences. Having in mind the possibility of deep influence on a younger soul, a teacher must be very careful and rather knowledgeable not only in tourism, but in philosophy, psychology, sociology, cultural studies and languages. He should have sturdy and vast world outlooks and value oriented approaches and attitudes. In this sense we will have to admit the necessity of the *pedagogical* competence of the professional education teacher.

### References

1. Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации от 21 декабря 2012 №273-ФЗ Дата обращения 20.04.2014 [wwwbase.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158429](http://wwwbase.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158429)
2. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011 - 2015 годы» от 7 февраля 2011г. №163-р Дата обращения 20.04.2014 [www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/](http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/)
3. Бирюкевич Е.А.,Валитова, И.Е. Психологический анализ педагогической позиции и пути ее формирования // Психология. Республиканский межведомственный сборник. Выпуск 11. Психология подготовки к педагогической деятельности. Минск, 1990. – С. 19-24
4. Каган, М.С. Философская теория ценностей / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
5. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб.: СПбГУ, 1996. – 348 с.
6. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003.– 512 с.

7. Петровский, В. А. Личность. Деятельность. Коллектив / А. Петровский. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
8. Абульханова-Славская, К.А. Психология и сознание личности: Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности: избр. психол. тр. / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
9. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности: избр. психол. тр. /Под ред. Д.И. Фельдштейна ; Рос.акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. - 3-е изд. - М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2001. – 349 с.
10. Маслоу, А. На подступах к психологии бытия / А. Маслоу. – М.: "Рефл-бук" – К.: "Ваклер", 1997; К. :Psylib, 2003. – 138 с.
11. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л.: Из-во Ленинградского университета, 1968.– 339 с. Дата обращения 20.04.2014[http://elib.gnpbu.ru/text/ananyev\\_chelovek-kak-predmet\\_1968/go,0;fs,1/](http://elib.gnpbu.ru/text/ananyev_chelovek-kak-predmet_1968/go,0;fs,1/)
12. Степашко, Л. А.Философия образования: онтологический аспект / Л. А. Степашко. – Хабаровск, 2002
13. Encyclopedia of Science, Technology and Ethics. V.1 / edby Carl Mitcham .New York:Thompson Gale, 2005. Date Views 20.04 2014 <http://brookre.org/reader?file=619393&pg=4>
14. Слободчиков, В.И. Исаев, Е.И.Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъектности / В. И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
15. [Helen Jossberger,Saskia Brand-Gruwel,Henny Boshuizen](#) and [Margje van de Wiel](#). The challenge of self-directed and self-regulated learning in vocational education: a theoretical analysis and synthesis of requirements// Journal of Vocational Education & Training. [Vol. 62, No. 4](#), December 2010, p. 415-440Date Views.04.2014 <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13636820.2010.523479?queryID=#.U2bjWcWnCI>
16. Andrea R.English. *Discontinuity in Learning* / R. Andrea. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DateViews20.04.2014.<http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139177825>
17. Guzman Johannessen, B. Gloria; Unterreiner, Анню. Formal and Informal Mentoring in Academia for the 21st Century // Education and society.№3, 2010,pp. 31-49(19) Date Views 08.04.2014 <http://www.ingentaconnect.com/content/jnp/es/2010/00000028/00000003>
18. Competence-based learning. A proposal for the assessment of genetic competences. Date Views 20.04.2014[http://w.unideusto.org/tuningeu/images/stories/Publications/Book\\_Competence\\_Based\\_Learning.pdf](http://w.unideusto.org/tuningeu/images/stories/Publications/Book_Competence_Based_Learning.pdf)
19. Balode I. Formation of Professional Competences of the Tourism and Hospitality Sphere Specialists, 2010. Date Views 20.04.2014 [http://isma.lv/fileadmin/ISMA/Publications/ITMS/2010/ITMS\\_Volume3\\_N1/15\\_Balode++edit.pdf](http://isma.lv/fileadmin/ISMA/Publications/ITMS/2010/ITMS_Volume3_N1/15_Balode++edit.pdf)

## ORGANIZATION AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF ABILITY FORMATION OF FUTURE PRIMARY TEACHERS TOWARDS CREATION OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATIONAL ENVIRONMENT

*Лецюк Ігор Зеновійович, Класичний приватний університет, аспірант*

### ОРГАНІЗАЦІЙНО-ПЕДАГОГІЧНІ АСПЕКТИ ФОРМУВАННЯ ГОТОВНОСТІ МАЙБУТНЬОГО УЧИТЕЛЯ З ПОЧАТКОВОЇ ОСВІТИ ДО ПРОЕКТУВАННЯ ІНФОРМАЦІЙНО-КОМУНІКАЦІЙНОГО СЕРЕДОВИЩА

**Постановка наукової проблеми та її значення.** В системі освіти України, згідно з Національною доктриною її розвитку (розділ IX «Інформаційні технології в освіті»), визначено пріоритетним впровадження сучасних інформаційно-комунікаційних технологій (ІКТ), що забезпечують удосконалення навчально-виховного процесу, доступність та ефективність освіти, підготовку молодого покоління до життєдіяльності в інформаційному суспільстві.

Введення пропедевтичного курсу інформатики «Сходинки до інформатики» в ланку загальної початкової освіти має на меті розвиток ключових компетентностей, серед яких інформаційно-комунікаційна та уміння вчитися, свідчить про необхідність формування у молодших школярів практичних навичок ефективної роботи з сучасними ІК-технологіями у розв'язанні навчальних, життєвих завдань. Разом з тим, в даному аспекті зростає роль вчителя початкової школи в готовності до проектування інформаційно-комунікаційного середовища, здійснення педагогічної діяльності засобами ІКТ. Актуальність дослідження організаційно-педагогічних аспектів формування готовності до проектування інформаційно-комунікаційного середовища визначається рядом протиріч, зокрема між технологічною підготовленістю студентів та інформаційною надлишковістю інструкцій до практичних робіт; між зацікавленістю студентів пошуком нової інформації, засобами мультимедіа та представленням даних, що характеризується низьким рівнем інтерактивності та візуалізації; між готовністю до роботи в команді, до співробітництва, емоційною відкритістю студентів та вимогами до індивідуального виконання та захисту результатів навчальної діяльності [1] та ін.

Зміни в соціально-економічному, освітньому середовищі поряд зі змінами в змісті початкової освіти вимагають пошуку нових моделей, організаційно-педагогічних умов формування готовності майбутніх учителів з початкової освіти до професійної діяльності.

**Аналіз досліджень даної проблеми.** Необхідність дослідження проблеми створення умов формування готовності учителя до проектування інформаційно-комунікаційного середовища визначається аналізом тематики наукових досліджень з питань формування готовності до професійної діяльності учителя. Розвідками з даної проблеми займалися О. П. Демченко, О. М. Івлева, С. М. Мартиненко, О. Я. Савченко, Л. О. Хомич, О. П. Хижна, М. І. Дьяченко, Л. О. Кандибович, А. Ф. Ліненко, В. О. Сластьонін, І. В. Гавриш, К. М. Дурай-Новакова, Н. В. Морзе, О. І. Локшина, Л. С. Петухова, А. М. Коломоєць, О. В. Нікулочкіна, О. М. Гавриленко, Л. А. Чернікова, І. Д. Чорней, О. С. Маркова, В. М. Барановська, О. В. Хмизова та ін. У працях науковців простежується перефокусування уваги від аналізу загальної готовності на її конкретні аспекти. Серед окреслених компонентів є ті, що розкривають готовність до використання ІКТ, ТЗН, комунікації. Проте проблема формування готовності майбутнього учителя з початкової освіти до проектування інформаційно-комунікаційного середовища ще не знайшла свого наукового вирішення. Необхідність розвідок даної проблеми визначається низкою праць [2 - 7].

**Мета статті (постановка завдань).** Мета дослідження - розкрити організаційно-педагогічні аспекти формування готовності майбутнього учителя початкової школи до проектування інформаційно-комунікаційного середовища. Досягненню мети сприятиме виконання таких завдань: проаналізувати

роль викладача та інформаційно-комунікаційного середовища ВНЗ у процесі фахової підготовки майбутнього учителя з початкової освіти; описати програмне, організаційно-методичне забезпечення процесу підготовки майбутнього вчителя з початкової освіти до проектування інформаційно-комунікаційного середовища.

**Виклад основного матеріалу.** Враховуючи усю багатогранність професійної діяльності учителя початкових класів, перед викладачами педагогічного ВНЗ постає низка завдань, серед яких:

- організувати середовище для ефективної інформаційної діяльності студента;
- забезпечити підготовку вчителів на основі навчання інноваційного типу та їхньої неперервної освітньої діяльності;
- засвоєння перспективних педагогічних, інформаційно-комунікаційних технологій змістити з пасивної на активну діяльну особистісну позицію майбутнього учителя;
- орієнтувати навчальну діяльність майбутнього учителя не лише на споживання готового контенту, а й на участь у спільному пошуку, розробці, співтворчості і т.ін.

Важливого значення в реалізації цих завдань набуває інформаційно-комунікаційне середовище ВНЗ з використанням сучасних телекомунікаційних технологій.

Концептуальними засадами формування освітнього середовища є гуманістичний, акмеологічний, системний, інформаційний, інноваційний та інші підходи [8]. Вони вказують на інтегративний зміст, визначають вимоги до якостей майбутнього вчителя початкової ланки освіти. Зокрема інформаційний та інноваційний підходи акцентують увагу на необхідності сформованості достатнього рівня інформаційної культури майбутнього учителя, організації творчих взаємин між учасниками навчального процесу, сформованої готовності студентів до професійної діяльності.

Розуміючи зміст професійної підготовки учителя з початкової освіти як свого роду проєкцію його майбутньої діяльності на навчальний процес, підготовка майбутнього учителя початкової школи у Запорізькому педагогічному коледжі здійснюється через проектування елементів організаційно-педагогічної системи, що за змістом є технологіями організації навчального процесу та імітують інформаційну діяльність майбутнього учителя початкових класів. Сучасні технології організації педагогічного контенту розглядаються як з позицій інструментів, так і об'єктів вивчення, залежно від мети, завдань і рівня оволодіння ІКТ.

Ефективність організації інформаційно-комунікаційного середовища ВНЗ та широкі можливості його використання забезпечують технології Веб 2.0 [9]. Серед способів використання даних технологій, які застосовувалися нами в процесі професійної підготовки майбутніх вчителів початкової ланки, варто виокремити:

- збереження мультимедійних даних (відеофільми, презентації тощо);
- організація доступу до даних та їх спільне використання;
- геосервіси;
- зберігання закладок та поширення посилань на ресурси, створення тематичних каталогів;
- використання платформ співпраці WikiWiki, docs.google.com та ін.;
- представлення результатів засобами організації блогів;
- структурування даних, встановлення зв'язків між об'єктами через використання ментальних карт, mind maps та ін.

Активними засобами організації групової, масової, індивідуальної самостійної роботи майбутніх учителів початкової школи є використання систем керування вмістом сайту (CMS/Content Management System). Це комп'ютерні програми або системи, які використовують для забезпечення і організації спільного процесу створення, редагування і керування вмістом сайту (текстовими, графічними чи мультимедійними елементами). Вибір системи залежить від майбутнього її призначення (енциклопедійні, транзакційні, бібліотечні, освітні та ін.). Серед освітніх є такі як Moodle, MaxSite CMS, Joomla, ATutor, Pias та інші. У процесі вивчення дисципліни «Інформатика» майбутніми вчителями початкової школи чільне місце в практиці організації контенту займав проєкт uCoz, що дає можливість будь-кому охочому створити власний сайт, що працює за принципами Web 2.0, надає безкоштовний хостинг з безпосередньо вбудованою СКВ (система керування вмістом). Даний сервіс не вимагає володіння професійними навичками Web-дизайну, що скоротить час для проектування та наповнення корисним контентом. Успіх технологій Веб 2.0 визначається відкритістю інформаційного наповнення, оперативністю доступу й розміщення, незалежністю від індивідуального графіка включення учасників в процес комунікацій під час спільної роботи. Не менш важливим є можливість користувачів самостійно

створювати контент, маніпулювати ним та управляти зв'язками між своїми та чужими матеріалами, використовувати різного роду ІТ, доступу до даних, що знаходяться на віртуальних серверах, в "хмарах".

**Висновки та перспективи подальших досліджень.** Наш досвід організації навчально-виховного процесу професійної підготовки майбутніх учителів початкової ланки засобами інформаційно-комунікаційного середовища засвідчив, що освітній процес з використанням ІКТ є широкоохоплюючим, інтегративним, створює умови для аналізу ситуацій, вирішення проблемних завдань. Ефективність ІКТ простежується за умов використання методів активного навчання, організації співпраці, змагання, ігор тощо. Розв'язання комунікаційних навчальних завдань, участь у мережних проєктах, Веб-квестах, віртуальних мандрівках формують гнучкість мислення, відповідальність у прийнятті рішення, уміння працювати в команді.

Серед педагогічних умов формування готовності майбутніх учителів початкової школи до проєктування інформаційно-комунікаційного середовища відзначимо вибір активних методів навчання, що передбачають активність суб'єктів навчального процесу (використання освітньої проєктної методики, методу доцільно підібраних задач, застосування методів і засобів комп'ютерної графіки, моделювання, методи ділових та ситуаційних ігор, вебінари, телеконференції, методи творчого пошуку нестандартних рішень, методи мультимедійного й дистанційного навчання, активної аудиторної і самостійної роботи студентів, інтерактивні методи).

Подальші розвідки вбачаємо в побудові моделі формування готовності майбутнього учителя початкової школи до проєктування інформаційно-комунікаційного середовища в контексті формування його готовності до професійно-педагогічної діяльності.

#### Використана література

1. Nataliya Kushnir, Anna Manzhula. Formation of Digital Competence of Future Teachers of Elementary School. ICT in Education, Research, and Industrial Applications. / Nataliya Kushnir, Anna Manzhula // Vadim Ermolayev, Heinrich C. Mayr, Mykola Nikitchenko, Aleksander Spivakovsky, Grygoriy Zholtkevych / 8th International Conference, ICTERI 2012, Kherson, Ukraine, June 6-10, 2012, LNCS. Vol. 347, pp. 230-243. Springer, (2013).
2. Шиненко М.А., Сороко Н.В. Використання хмарних технологій для професійного розвитку вчителів (зарубіжний досвід) [Електронний ресурс] Режим доступу: [http://ite.ksu.ks.ua/webfm\\_send/308](http://ite.ksu.ks.ua/webfm_send/308) – Назва з екрану.
3. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева; под ред. Е. С. Полат. – М. : Издательский центр „Академия“, 2004. – 416 с.
4. Моніторинг якості освіти : світові досягнення та українські перспективи / за заг. ред. О.І. Локшиної. – К. : К. І. С, 2004. – 128 с.
5. Петухова Л.Є. Історичний екскурс розвитку інформаційно-комунікаційного педагогічного середовища / Л. Є. Петухова // Педагогіка вищ. та серед. шк.: зб. наук. пр. - 2010. - Вип. 28. - С. 41-47.
6. Іваницький О.І. Інформаційно-комунікаційне середовище як засіб професійної підготовки майбутнього вчителя фізики / О.І.Іваницький // Інформаційні технології в освіті. - 2012. - № 12. - С. 9-13.
7. Морзе Н. В. Як навчати вчителів, щоб комп'ютерні технології перестали бути дивом у навчанні? / Н. В. Морзе // Комп'ютер у школі та сім'ї. – 2010. – № 6(86). – С. 10–14.
8. Шапран Ю. Концептуальні підходи до створення інноваційного середовища / Ю. Шапран. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу до журн.: [http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc\\_gum/VIrd/2010\\_11/20.pdf](http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VIrd/2010_11/20.pdf).
9. О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра Online: электрон. журн. [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.computerra.ru/think/234100>.

*Melnyk Iryna Mykolayivna,*

*Ph. D., East - European National University named after L. Ukrainka*

*Semenyuk Mariya Panasivna,*

*Ph. D., East - European National University named after L. Ukrainka*

## **The effectiveness of project technologies in pedagogical process of the pre-school establishments**

*Мельник Ірина, Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки  
доцент, кандидат педагогічних наук, педагогічний інститут*

*Семенюк Марія, Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки  
доцент, кандидат педагогічних наук, педагогічний інститут*

### **Ефективність проектних технологій у педагогічному процесі дошкільних закладів**

**Актуальність проблеми.** Нові суспільно-економічні відносини в Україні викликали появу суперечності між соціальним замовленням на творчу, самореалізовуючу особистість і можливостями донині існуючої системи освіти реально виконати це замовлення. Сучасна філософія освіти докорінно змінює свою парадигму. Нині вона стверджує «дитиноцентризм» і заперечує «предметоцентризм», що зумовлює необхідність розробки особистісно зорієнтованої системи. Інноваційні освітні процеси стали ознакою кожного навчального закладу, що має тенденцію до розвитку. Серед ефективних засобів забезпечення педагогічного процесу в дошкільному навчальному закладі, а також розвитку творчого, професійного, зрілого, компетентного вихователя, ініціативного й мислячого вихованця учені відзначають значний потенціал проектних технологій.

**Постановка проблеми та її значення.** Інноваційні процеси, які поєднують створення, освоєння та застосування педагогічних нововведень, здатні значно прискорити процеси оновлення системи освіти загалом. Тому їх вивчення та реалізація поширюється в системі освіти. Одним із напрямів інноватики в освітніх установах сьогодення є впровадження проектних технологій.

**Аналіз дослідження проблеми.** Відродження методу проектів у сучасних освітніх закладах співвідноситься з діяльнісним підходом у дидактичній системі. У наукових джерелах останніх років проблема використання проектних технологій в освітньому процесі взагалі розглядається в контексті педагогічної інноватики (Г.Селевко, А.Нісімчук, В.Докучаєва, І.Дичківська, Н.Шуркова, О.Падалка, І.Смолюк, О.Пехота, Г.Кравченко, Н.Н.Кугуєнко та ін.) .

**Мета та завдання статті.** Розкрити сутність проектних технологій та висвітлити особливості їх реалізації в педагогічному процесі дошкільного навчального закладу.

**Виклад основного матеріалу та обґрунтування отриманих результатів.** У контексті напрямку нашого дослідження ми акцентуємо увагу на технологіях, що активно розвиваються на сучасному етапі – проектних. Значний інтерес в ключі нашого дослідження становлять напрацювання Ю.Д.Буракової, А.Н.Бистрюкової, М.В.Калуської, В.В. Химинець, М.М.Чепіль, Л.А.Швайки. Науково-педагогічна література достатньо широко подає інформацію щодо виникнення методу проектів, зокрема проектних технологій в педагогічній галузі. У 1702 р. Королівська академія архітектури в Парижі оголосила серед студентів конкурс будівельних планів, ескізи яких було названо проектами. Саме тому було визначено три ознаки поняття «проект»: отримання знань у процесі реалізації проекту, залучення фактів дійсності в процесі проектної діяльності, одержання конкретного продукту (досягнення запланованого результату) [1;5;6].

Спрямованість організації проектної діяльності в ДНЗ визначається головними цілями розвитку освіти та її завданнями.

Цілі розвитку освіти:

- гуманізувати навчально-виховну роботу ДНЗ шляхом створення педагогічної практики, що базується на внутрішній свободі, творчості, співпраці, взаємодії дорослого і дитини;

- створити в ДНЗ організаційно-педагогічні умови, за яких буде максимально забезпечено розвиток і саморозвиток дитини, а також здобуття нею творчого потенціалу й тих особистісних якостей, що сприяють цьому на основі формування психоемоційного благополуччя;

- створити навчально-розвивальне середовище для формування особистості, спрямоване на забезпечення необхідного рівня компетентності щодо здорового способу життя, фізичної активності, загальнолюдських цінностей: здоров'я, фізичного, соціального та психічного благополуччя. Забезпечити умови для соціально-орієнтованих форм роботи з дітьми, які базуються на сучасних програмах і технологіях та сприяють реалізації освітніх завдань і соціальному запиту батьків;

- активізувати вільний вибір і впровадження вихователями нових прийомів, творчий потенціал кожного педагога; формувати потребу в постійній творчій діяльності, орієнтованій на розвиток здібностей до пошукового мислення й розвитку творчої уяви.

Серед пріоритетних завдань освіти науковці виділяють:

- *розвивальні*: створити умови, що максимально відповідають віку через емоційне благополуччя, розвиток і саморозвиток дітей, розвиток їхнього творчого потенціалу, який включає: інтелектуальний, моральний і дієвий компоненти; формування життєвонеобхідних рухових навичок і фізичних якостей для підготовки до майбутньої навчальної трудової діяльності;

- *виховні*: формування в дітей моральних установок особистості маленького громадянина України, його громадянської культури; усвідомлення цінності свобод і прав людини, готовності до активної участі в громадському житті, ставлення до довкілля за законами добра, забезпечення умов для становлення у випускників загальнолюдських цінностей, формування позитивної мотивації на здоровий спосіб життя;

- *освітні*: створити умови для соціально-організованих форм роботи з дітьми, а також для нерегламентованої дитячої діяльності на основі цілісної інтегративно-педагогічної діяльності з використанням чинних програм та інноваційних технологій, які сприяють реалізації освітніх завдань як чинних програм, так і соціального запиту батьків [ 3].

Відтак конкретною метою навчального проектування є створення педагогом таких умов під час освітнього процесу, за яких його результатом є індивідуальний досвід діяльності дітей.

Продуктивна діяльність, перш за все, плідна для освіти, є індивідуальною дією, результатом якої може бути корисний матеріал або нематеріальний продукт, отже, вона має практичну цінність. Оскільки таке навчання розвивається у продуктивній діяльності, воно розширює сферу суб'єктивності в процесі самовизначення, творчості і конкретної участі.

Під час використання технології вирішується ціла низка різнорівневих дидактичних, виховних і розвивальних завдань: розвиваються пізнавальні навички дітей, формується вміння самостійно конструювати свої знання, вміння орієнтуватися в інформаційному просторі, активно розвивається критичне мислення, сфера комунікації тощо.

Основні завдання:

1. Не лише передати особистості суму тих чи інших знань, а навчити здобувати ці знання самостійно, вміти застосовувати їх для розв'язання нових пізнавальних і практичних завдань.

2. Сприяти дитині у здобутті комунікативних навичок, тобто здатності працювати у різноманітних групах, виконуючи всілякі соціальні ролі (лідера, виконавця, посередника тощо).

3. Розширити коло спілкування дітей, знайомство з іншими культурами, різними точками зору на одну проблему.

4. Прищепити дошкільникам уміння користуватися дослідницькими прийомами: збирати необхідну інформацію, вміти її аналізувати з різних точок зору, висувати різні гіпотези, вміти робити висновки.

Ефективність впровадження проектних технологій залежить не лише від програми проекту, а й від особистості педагога, його взаємин з дітьми. Безперечно, кожен талановитий, висококваліфікований і вдумливий педагог поєднає у своїй роботі загальнотеоретичні досягнення педагогіки, власний досвід, урахування особистісних рис дітей. Сучасний вихователь має прагнути до самовдосконалення в контексті ідей гуманізації виховання, повинен знати й вміти використовувати досягнення науки, самостійно формувати оригінальні методики навчання дітей, ефективно працювати з батьками і громадськістю. Запорукою успішної педагогічної діяльності є також ерудованість вихователя, сучасний світогляд, об'єктивна самооцінка, педагогічний такт, високо розвинуті професійні якості, психолого-педагогічна освіченість, уміння працювати з дітьми. Успішний педагог – це насамперед людина, яка любить дітей, радіє спілкуванню з ними, вірить у них, уміє дружити з вихованцями, приймає до серця дитячі радощі й прикрощі, знає душу дитини, ніколи не забуває, що й вона сама була дитиною.

**Висновки і перспективи подальшого дослідження.** Застосування методу проектів у дошкільному закладі має на меті стимулювання інтересу дітей до певних проблем і розв'язання їх через діяльність, а також практичне застосування набутих знань та розширення можливостей дітей у самореалізації.

Акцентуємо: поєднання методів проектів із традиційними технологіями забезпечує інтерактивну взаємодію в атмосфері відкритості, щирості, стимулює пізнавальний інтерес вихователів, їх ініціативу та творчість. Свідченням ефективного впливу проектних технологій є усвідомлення вихователями своїх особистісно-професійних можливостей, себе у системі педагогічного спілкування, сформованість умінь критично мислити, діяти, робити вибір, рефлексувати, долати труднощі в досягненні результату, оновлювати свій творчий потенціал.

Вважаємо, що перспективами подальшого дослідження може бути питання взаємовпливу традиційних та проектних технологій у дошкільному навчальному закладі, їх порівняльна ефективність.

#### **Список використаних джерел.**

1. Бистрюкова А.Н. Характеристика понятійного дослідження проблеми педагогічного проектування/А.Н.Бистрюкова//Гуманізація навчально-виховного процесу:Зб. наук. пр. – Вип.38. – Слов'янськ: Вид. центр СДПУ, 2007. – С.55-60.
2. Дичківська І.М. Інноваційні педагогічні технології/І.М.Дичківська. – К.:Академвидав, 2004. – 352с.
3. Кравченко Г.Ю., Кугуєнко Н.Н. Метод проектів у розвитку якості дошкільної освіти/Упоряд.: Г.Ю.Кравченко, Н.Ф.Кугуєнко. - Х.:Вид-во «Ранок», 2013. – 2013. – 176с.
4. Освітні технології/За ред. О.М.Пехоти. – К.:А.С.К., 2003. – 255с.
5. Чепіль М. М. Дудник Н. З. Педагогічні технології: Навчальні посібник/Чепіль Марія Миронівна, Дудник Надія Зеновіївна Педагогічні технології. – К.: Академвидав, 2012. – 222с.
6. Химинець В.В. Інноваційна освітня діяльність/В.В.Химинець. – Тернопіль: Мандрівець, 2009. – 360с.

*Iryna Firsova,*

*Borys Grinchenko Kyiv University, The Institute of Human Sciences,  
Postgraduate student, Department of social pedagogy and social work*

## **Comparing Definitions for the Term “Social Advertising”**

Today every developed country in the world conducts nonprofit informational and advertising activity not aimed at providing commercial benefits to anyone. Yet, due to a number of factors, there is no such thing as a uniform system of defining the terms used within this type of activity. In this publication, we would like to draw attention to the particularities of interpreting one of the basic concepts of informational and advertising activity – “social advertising”. It should be noted that there are some differences between formulation of this concept in Ukraine and in other countries that are worth knowing.

According to the Ukrainian legislation, “Social advertising” is a legitimate term. For Ukraine social advertising is a rather new phenomenon that is understudied, with a wide range of issues and challenges requiring a split-level solution. Social advertising is a non-commercial form of communication. Its aim is to express social and state interests, to assist in achievement of charitable purposes [1]. It is the effective means of solving social problems all over the world. For a rather long period of time advertising has been used in Western Countries as a characteristic feature of country’s presentable appearance on the global stage.



The law and everyday vocabulary of European countries have a number of other terms representing activities which in Ukraine are defined by the term “social advertising”. This is how these terms can be explained.

Public service announcement (PSA) or public service [advertising](#) is a type of [advertisement](#) featured on television, radio, print or other media. Whereas the objective of a standard advertisement is to market a product, a PSA is intended to change the [public interest](#), by raising awareness of an issue, affecting public attitudes, and potentially stimulating action. [Public service advertising](#), [non-commercial advertising](#), public interest advertising, [cause marketing](#), and [social marketing](#) are different terms for (or aspects of) the use of sophisticated advertising and marketing communications techniques (generally associated with commercial enterprise) on behalf of non-commercial, public interest issues and initiatives [9].

In the United States a public service announcement is defined by the Federal Communications Commission in a formal and detailed manner. A public service announcement is any announcement (including network) for which no charge is made and which promotes programs, activities, or services of federal, state, or local governments (for example, recruiting, sale of bonds, etc.) or the programs, activities or services of non-profit organizations (for example, United Way, Red Cross blood donations, etc.) and other announcements regarded as serving community interests, excluding time signals, routine weather announcements and promotional announcements [4]. Also called Public Awareness Advertising, Social Service Advertising and Social Awareness Advertising, Public Service Advertising refers to those advertising efforts which are done as a part of social responsibility by such entities as advertising agencies, Government, non-governmental organizations as well as other business organizations. The main objective behind Public Service Advertising is to spread social consciousness among the masses and promote important social issues which generally go unnoticed. Such advertisements may range from being subtle to direct, and practical to ironic [8].

Public Service Advertisements should carry a short message which is to the point. Such messages can be dramatic and should ideally stand out from the clutter of all other advertisements [6].

Non-commercial advertising media can include [wall paintings](#), [billboards](#), [street furniture](#) components, printed flyers and [rack cards](#), radio, cinema and television adverts, [web banners](#), mobile telephone screens, shopping carts, web [popups](#), [skywriting](#), bus stop benches, [human billboards](#), magazines, newspapers, town criers, sides of buses, banners attached to or sides of airplanes ("[logojets](#)"), [in-flight advertisements](#) on [seatback tray tables](#) or overhead storage bins, taxicab doors, roof mounts and [passenger screens](#), musical stage shows, subway platforms and trains, elastic bands on disposable diapers, doors of bathroom stalls, stickers on apples in supermarkets, [shopping cart handles](#) (grabvertising), the opening section of [streaming](#) audio and video, posters, and the backs of event tickets and supermarket receipts. Any place an "identified" sponsor pays to deliver their message through a medium is advertising [7].

[Public service advertising](#) is seen as an integral part of social marketing. The term “social marketing” was used for the first time in 1971 by Philip Kotler and Gerald Zallnun, who defined it as follows: Social marketing is the design, implementation, and control of programs calculated to influence the acceptability of social ideas and involving considerations of product planning, pricing, communication, distribution, and marketing research [5]. Social marketing is the systematic application of marketing alongside other concepts and techniques, to achieve specific behavioural goals, for a social good (by Jeff French and Clive Blair-Stevens) [3].

It is focused on enabling, encouraging, and supporting behavioural change or maintenance among target audiences and the re-engineering of services and systems to support and facilitate change. Many of the central principles of social marketing and its techniques are applied in the mainstream public health and health promotion practice and in many other related fields without the label of social marketing being attached to them.

In conclusion, we would like to highlight that despite some discrepancies in the definitions of the term “social advertising”, it is an indisputable fact that such kind of advertising is very important and necessary for the modern society. Well thought through and implemented promotional products of non-commercial nature are capable of changing life of the modern society for the better, regardless of their definition and the terms used.

#### References:

1. On Advertising: Law of Ukraine, 3 July 1996 // Statement of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 1996. – №39. – P. 181.
2. The concept of public service [advertisement](#) development in Ukraine. [Electronic resource] / Retrieved from : <http://mlsp.kmu.gov.ua>.

3. Big pocket guide. Social marketing (second edition 2007). [Electronic resource] / J. French, C. Blair-Stevens // National Social marketing Centre. – London, 2007. – Retrieved from : <http://www.snh.org.uk/pdfs/sgp/A328463.pdf>
4. Dessart G. Public service announcements [Electronic resource] / George Dessart // The Museum of Broadcast Communications. – Retrieved from: <http://www.museum.tv/eotvsection.php?entrycode=publicservice>
5. Kotler P. Social marketing: an approach to planned social change / P. Kotler, G. Zallnun // Journal of marketing. – 1971. – №35(3). – P. 3-12.
6. Mass communication and public health: complexities and conflicts / [Atkin Ch., Wallack L. and others] ; edited by Charles Atkin and Lawrence Wallack. – Newbury Park, California : Sage Publications, 1990. – 198 p.
7. Ogilvi D. Ogilvi on advertising // David Ogilvi. – London : Prion, 2008. – 225 p.
8. Public service advertising – Advertisements that spread social awareness. [Electronic resource] / Retrieved from : <http://www.contentwriter.in/articles/advertising-marketing/public-service-advertising.htm>
9. Public service announcement. [Electronic resource] / Retrieved from : [http://en.wikipedia.org/wiki/Advertising#Public\\_service\\_advertising](http://en.wikipedia.org/wiki/Advertising#Public_service_advertising)
10. What is public service advertising? [Electronic resource] / Retrieved from : <http://advertising.blurtit.com/q624374.html>

*Yuldashev Shukhrat,*

*Branch of the Russian economic University after G.V. Plehanov in Tashkent (Uzbekistan),*

*Professor, Doctor of economic science, Department of Economic theory,*

*Head of Department*

*Shibarshova Lyudmila,*

*Professor*

## **Factor's analysis of the Development of Higher Education of the Republic**

*Юлдашев Шухрат,*

*Филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова в г. Ташкенте*

*(Узбекистан), зав.кафедрой «Экономическая теория»,*

*Шибаршова Людмила,*

*профессор кафедры*

## **Факторный анализ развития высшего образования республики**

Динамика развития экономики, существенные изменения на рынке труда специалистов, долгосрочные последствия мировой финансово-экономического кризиса, обострившие проблему занятости, поставили перед высшим образованием, специалистами и учеными, работающими в этой области, новые задачи. Одна из них – системная и комплексная разработка совокупности механизмов повышения качества и конкурентоспособности выпускников вузов.

На основе проведенного комплексного анализа высших образовательных учреждений можно выделить следующую систему факторов повышения их качества и конкурентоспособности<sup>1</sup>.

Нами ранжированы данные факторы, в зависимости от этапов прохождения обучения студентов: входной этап, процесс обучения, выходной этап.

На входном этапе:

---

<sup>1</sup> Опыт системы образования Российской Федерации для условий Узбекистана. Под редакцией академика К.Х. Абдурахманова. Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова. Филиал в г. Ташкенте. 2009.

1. Организация качественного приема в вузы. В Узбекистане – это тестирование. В России - Единый государственный экзамен, как официальная форма государственной итоговой аттестации и поступления в высшие учебные заведения.
2. Обеспечение такого социально важного фактора, как обеспечение -доступности качественного образования, в том числе, за счет возможностей дистанционного обучения.

В процессе обучения:

1. Оптимизация системы управления образовательным процессом. Конструирование эффективных форм управления в высших учебных заведениях.
2. Формирование и развитие новых моделей деятельности современных университетов. Становление университетов инновационного типа.
3. Государственная и общественная аттестация и аккредитация. Самообследование ВУЗов, как внутренняя аттестационная экспертиза.
4. Стандартизация. Дальнейшее введение и совершенствование стандартов третьего поколения.
5. Совершенствование финансово-экономического механизма в сфере образования. Диверсификация источников финансирования.
6. Совершенствование нормативно - правового обеспечения системы образования.
7. Совершенствование интеграции в международное образовательное пространство и экспорт образовательных услуг.
8. Поддержка и развитие вузовской науки.
9. Кадровое обеспечение. Создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании. Повышение статуса учёного и преподавателя. Повышение качества возрастной и квалификационной структуры кадрового потенциала высшего образования
10. Совершенствование педагогических и информационных технологий.

На выходном рубеже:

1. Совершенствование практики студентов.
2. Совершенствование взаимодействия системы высшего образования и рынка труда.

Анализируя каждый фактор, можно говорить о подфакторах развития высшего образования<sup>2</sup>. Качество образования, а отсюда-конкурентоспособность выпускников, во многом зависят от масштабов финансирования образования и эффективного использования полученных финансовых ресурсов. Вот почему отдельное внимание уделим подфакторам совершенствования финансово-экономических механизмов в сфере образования, которые, во-многом, способствуют обеспечению развития приоритетных направлений образовательной политики, росту количества и качества выпускников вузов.

Анализ корреляции количества выпускников вузов Узбекистана в зависимости от финансирования образования показывает, что на количество выпускников вузов республики большое влияние оказывает государственное финансирование<sup>3</sup>. Как показывает эконометрическая модель (уравнение 1)<sup>4</sup>, рост государственных расходов на образование на 1 % приводит к росту выпускников университетов на 3%, тогда, как рост заработной платы, обеспечивающий возможность оплачивать контракты на обучение, на 1% приводит к росту выпускников также на 1%. Большое влияние государственных расходов на образование связано с тем, что государство полностью берет на себя обязанности по финансированию школьного и среднего специального образования.

$$\text{LGRAD} = 4.42 + 0.03 * \text{LEXPEN} + 0.01 * \text{LWAGE} + 0.65 * \text{LGRAD}(-1)$$

(1.77) (0.01) (0.01) (0.13) (1)

R-squared 0.967474, F-statistic 52.05304,

Где:

<sup>2</sup> Бурков А. В. Методология экономико-статистической оценки и моделирования качества высшего образования с учетом критерия занятости. Самара., 2010.

<sup>3</sup> Рассчитано на основе: Развитие образовательной системы Узбекистана в 1991-2013. Статистический бюллетень. Государственный Комитет Республики Узбекистан по статистике. Ташкент. Узбекистан. 2014.

<sup>4</sup> Модель представлена в логарифмическом масштабе.

GRAD – количество выпускников вузов республики,  
GRAD(-1) - количество выпускников вузов республики за предыдущий период,  
EXPEN – величина государственных расходов на образование,  
WAGE – реальная величина заработной платы (с учетом инфляции),

Таким образом, государственное финансирование оказывает значительное влияние на количество выпускников вузов. Значительным оказывается и влияние на коррекцию качества образования и конкурентоспособности выпускников. Назрела необходимость разработки и внедрения новых инструментов финансирования образования. С этой целью нами предлагается обеспечение многоканального финансирования вузов, в частности, увеличение объема финансирования сферы высшего образования со стороны реального сектора экономики (целевая подготовка специалистов, финансирование конкретных программ профессионального образования), введение конкурсного распределения средств на программы развития вуза (с учетом потребностей государства, общества, вклада вуза и региона) и на научно-исследовательскую деятельность – также по обсужденным, утвержденным и известным образовательному сообществу критериям. Государственная поддержка вузов должна быть связана с их способностью добиваться намеченных результатов, разработка методологической базы и примерных, рекомендуемых вузам регламентов финансового менеджмента высшего учебного заведения.

Список литературы:

1. Развитие образовательной системы Узбекистана в 1991-2013. Статистические бюллетени. Государственный Комитет Республики Узбекистан по статистике. Ташкент. Узбекистан. 2002 – 2014 гг.
2. Опыт системы образования Российской Федерации для условий Узбекистана. Под редакцией академика К.Х. Абдурахманова. Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова. Филиал в г. Ташкенте. 2009.
3. Бурков А. В. Методология экономико-статистической оценки и моделирования качества высшего образования с учетом критерия занятости. Самара, 2010.

*Kondratenko Maryna, Kharkiv State University  
of Food Technology and Trade, lecturer, Department of Foreign Languages  
Muraviova Olena, Kharkiv State University  
of Food Technology and Trade, senior lecturer, Department of Foreign Languages  
Podvorna Ludmyla, Kharkiv State University  
of Food Technology and Trade, senior lecturer, Department of Foreign Languages  
Korol Alina, Kharkiv State University  
of Food Technology and Trade, lecturer, Department of Foreign Languages*

## Modern computer teaching technologies in the field of foreign languages

*Кондратенко Марина, Харківський державний університет харчування та торгівлі, викладач, кафедра іноземних мов  
Муравйова Олена, Харківський державний університет харчування та торгівлі, старший викладач, кафедра іноземних мов  
Подворна Людмила, Харківський державний університет харчування та торгівлі, старший викладач, кафедра іноземних мов  
Король Аліна, Харківський державний університет харчування та торгівлі, викладач, кафедра іноземних мов*

## Сучасні комп'ютерні технології навчання у сфері іноземних мов

**Постановка наукової проблеми та її значення.** Останніми роками все частіше постає питання про застосування нових інформаційних технологій у вищих навчальних закладах. Це не тільки нові технічні засоби, але й нові форми та методи викладання, новий підхід до процесу навчання. Основною метою

навчання іноземним мовам є формування і розвиток комунікативної культури студентів, навчання практичному оволодінню іноземною мовою із застосуванням новітніх комп'ютерних технологій. Сучасні педагогічні технології, зокрема такі, як навчання у співробітництві, проектна методика, використання нових інформаційних технологій, інтернет-ресурсів, допомагають реалізувати особистісно-орієнтований підхід у навчанні, забезпечують індивідуалізацію та диференціацію навчання з урахуванням здібностей студентів, їх рівня знань, схильностей тощо [1].

Основа масової комп'ютеризації освіти, безумовно, пов'язана з тим, що сучасний комп'ютер є ефективним засобом оптимізації умов розумової праці взагалі, у будь-якому її прояві.

**Аналіз останніх досліджень і публікацій.** Чимало досліджень присвячено теоретичному обґрунтуванню й розробці педагогічних умов, що забезпечують використання нових інформаційних технологій у ВНЗ через посилення мотивації до вивчення предмета "Іноземна мова професійного спрямування". Вивчаючи іноземну мову за допомогою комп'ютера, можна вирішувати низки дидактичних завдань, а саме: формувати навички й уміння читання, використовуючи матеріали інтернет-мережі; удосконалювати вміння письмового мовлення студентів; поповнювати словниковий запас учнів; формувати в студентів стійку мотивацію до вивчення англійської мови [2].

Інформаційні технології сприяють підвищенню мотивації до вивчення іноземних мов й удосконаленню знань і культури студентів і за певних умов можуть бути ефективно використані в навчальному процесі.

**Мета та завдання статті.** Проаналізувати вітчизняний та зарубіжний досвід застосування засобів нових інформаційних технологій, зокрема комп'ютера, для навчання, а також теоретичні дослідження в галузі проблем інформатизації освіти. Для досягнення поставленої мети необхідно конкретизувати методичні особливості використання комп'ютера в навчальному процесі, що певною мірою впливає на роль засобів навчання, використовуваних у процесі викладання курсу іноземних мов, розробити модель застосування нових інформаційних технологій для коригування традиційно сформованої структури навчального процесу.

**Виклад основного матеріалу дослідження та визначення отриманих результатів.** Відсутність комплексного підходу до проблеми використання засобів сучасних інформаційних технологій у процесі освіти, недооцінка того, що застосування комп'ютера без інших засобів навчання, без спеціалізованого кабінету, не може привести до позитивних зрушень у сфері підвищення ефективності процесу навчання, спричинили поширення практики використання комп'ютера як засобу, призначеного для "латання дір" традиційної методики навчання [3]. Таке викривлене уявлення про можливості використання засобів нових інформаційних технологій, і комп'ютера зокрема, дискредитує саму ідею інформатизації освіти. Розглядаючи педагогічні аспекти проблем інформатизації освіти й результати досліджень у цій галузі психологів і методистів тощо, слід констатувати, що в процесі спілкування студента із засобами нових інформаційних технологій, зокрема, під час роботи з комп'ютерною програмою, а також у процесі так званої "екранної творчості", він підміняє об'єкти реального світу моделями, зображеннями цих об'єктів або символами, які позначають об'єкти чи відношення між ними, при цьому сприйняття студентом реального світу підміняється опосередкованим сприйняттям, що часто призводить до відірваності від дійсності. Крім того, робота за комп'ютером пов'язана з високим емоційним напруженням, яке не завжди і не кожному може бути корисним [4].

Ураховуючи виняткову важливість вищевикладеного, а також деякі теоретичні положення, можна зробити висновок про те, що засоби нових інформаційних технологій, зокрема комп'ютер, слід розглядати лише як елемент системи засобів навчання іноземним мовам. При цьому під системою засобів навчання іноземним мовам маємо на увазі сукупність взаємопов'язаних (у рамках методики їх використання) елементів і (або) компонентів системи, що утворюють певну цілісність, єдність.

Визначаючи систему засобів освіти, доречно зупинитися на розгляді її складових. Так, складову, наповнену предметним змістом, назвемо компонентом системи засобів освіти, на відміну від елемента засобів інваріанта щодо наповнення.

Перерахуємо характерні риси навчального процесу, що відбувається із застосуванням системи засобів навчання, які функціонують на базі новітніх інформаційних технологій. До них належать: автоматизація процесів обробки, передавання інформації про об'єкти вивчення та керівництва навчанням; організація інформаційно-навчальної та експериментально-дослідної діяльності; організація самостійної навчальної діяльності за поданням і вилученням відомостей, забезпечення предметності діяльності з засобами нових інформаційних технологій, її практична спрямованість [5].

Вищезазначене забезпечується наявністю таких умов:

1. Програмно-методичне забезпечення, орієнтоване на підтримку процесу викладання курсу іноземних мов, які мають включати: програмні засоби підтримки процесу викладання мови; інструментальні програмні засоби, що забезпечують можливість автоматизації процесу контролю результатів навчальної діяльності, а також управління навчанням.

2. Об'єктно-орієнтовані програмні системи, в основі яких лежить певна модель об'єктного "світу користувача" (наприклад, система підготовки текстів, база даних, електронні таблиці, різні графічні та музичні редактори).

3. Засоби навчання, що функціонують на базі НІТ (нових інформаційних технологій), застосування яких забезпечує предметність діяльності, її практичну спрямованість (наприклад, навчальні роботи, керовані ЕОМ [6]; різні електронні конструктори, пристрої, що забезпечують отримання інформації про змінюваний або регульований фізичний параметр чи процес; моделі для демонстрування принципів роботи ЕОМ, її частин, пристроїв).

4. Системи штучного інтелекту, використовувані в навчальних цілях (наприклад, навчальні бази даних, експертні навчальні системи, навчальні бази знань).

5. Предметно-орієнтовані середовища навчального і розвиваючого призначення, можливими варіантами реалізації яких можуть бути програмні, на базі технології мультимедіа, на основі використання системи "Віртуальна реальність"; у сучасній педагогічній практиці вітчизняної освіти їх створюють в основному на базі програмної реалізації, а закордонні розробки (у розвинених країнах) ґрунтуються головним чином на технології мультимедіа; прикладом експериментальних розробок предметно-орієнтованих середовищ, реалізованих на базі системи "Віртуальна реальність", є розробки, проведені у Великобританії [7].

Крім перерахованого вище, система засобів навчання на базі розвитку нових інформаційних технологій доцільно включати і традиційні засоби навчання, що забезпечують підтримку процесу викладання того чи іншого навчального предмета. Необхідність цього зумовлена їх специфічними функціями, які передати засобами нових інформаційних технологій або неможливо, або недоцільно з психолого-педагогічної чи гігієнічної точки зору. Наприклад, демонстрацію статичної інформації, що дається студентам для запам'ятовування теоретичних положень, а також систематизовані відомості, довідкові дані, які студент повинен запам'ятати, слід подавати у вигляді навчальних таблиць, схем. Систематично, з кожним новим практичним заняттям, візуально сприймаючи демонстрований таблицею матеріал, студент мимоволі запам'ятовує його. При цьому використання комп'ютера навіть недоцільне. Якщо ж довідковий матеріал треба запам'ятовувати, а він потрібен лише для короткочасного використання, його доцільно виводити на екран за допомогою спеціальної програми або користуватися інформаційно-пошуковою системою. Аналогічні міркування стосуються використання навчальних кінофільмів, діафільмів, транспарантів для графопроектора, використання яких у навчальному процесі має бути педагогічно виправданим.

**Висновки та перспективи подальшого дослідження.** Підсумовуючи вищевикладене, можна запропонувати такий склад системи засобів навчання нового покоління, до якого входять засоби навчання, що функціонують на базі нових інформаційних технологій, зазначивши при цьому призначення складових: існують такі новітні технології навчання іноземних мов: засоби навчання, призначені для підтримки процесу викладання навчального курсу іноземних мов, що включають програмні засоби, об'єктно-орієнтовані програмні системи, призначені для формування інформаційної культури і, зокрема, культури навчальної діяльності. Навчальне, демонстраційне обладнання сполучається з ЕОМ, призначене для самостійного вивчення навчального матеріалу при забезпеченні предметності діяльності, її практичної спрямованості та, крім того, дозволяє студенту реалізовувати спектр можливостей засобів нових інформаційних технологій (управляти реальними об'єктами, здійснювати введення і

маніпулювання текстовою і графічною інформацією, одержувати і використовувати для навчання інформацію про регульовані фізичні параметри чи процеси) [8]. Системи штучного інтелекту, призначені для організації процесу самонавчання, предметно-орієнтовані середовища навчального і розвиваючого призначення, у тому числі одна з можливих реалізацій – інформаційно-предметне середовище з вбудованими елементами технології навчання [9].

Перспективи подальших досліджень ми вбачаємо у розробці певної системи навчально-методичних матеріалів (підручників, навчальних посібників для студентів, методичних посібників, рекомендацій для викладачів), із певним складом і структурою – навчально-методичних комплексів (НМК) на базі засобів нових інформаційних технологій.

#### **Список літератури:**

1. Allan M. Teaching English with video. London, 1991. – P.84
2. Chauminot G. Compréhension orale. Apports et limites du multimédia. Paris, 2002. – P.33
3. Higgins J. Computer and English Language Learning. Oxford, 1995. – P.103
4. Hollett V. Business Objectives. Oxford, 2001. – P.92
5. Pothier M. Multimédias, Dispositifs D'apprendre et Acquisition des Langues. Ochrys, 2000. – P.122
6. Olsen D. M. Strategic management in the hospitality industry. Oxford, 2006. – P.284
7. Абдуллина О. А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. Москва, 1990. – С.73
8. Абрамова Г. С. Возрастная психология. Екатеринбург, 1999. – С.47
9. Аванесова А. С. Основы педагогики и психологии высшей школы. Москва, 1986. – С.32

*Ogorodov Mikhail Aleksandrovich, Udmurt State University,  
Graduate student, Theory and Methods of professional education*

### **Possible criteria for evaluation of formation of professional motor skills of bachelors in training "Physical Culture".**

*Огородов Михаил Александрович,  
Удмуртский Государственный Университет, аспирант,  
специальность «Теория и методика профессионального образования»*

### **Возможные критерии оценки сформированности профессионально-двигательных компетенций студентов-бакалавров по направлению подготовки «Физическая культура».**

В связи с переходом ВУЗов страны на многоуровневую систему образования и, в соответствии с ФГОС 3 поколения, обучение направлено на приобретение компетенций, перечень которых прописаны в ФГОС 3 поколения. Компетенция – это область знаний, о которой кто-либо имеет хорошее представление [1].

Создание условий в вузовском пространстве по формированию двигательной компетенции у студентов как современного и продуктивного направления в физическом воспитании будет способствовать корректному формированию будущих профессионально-прикладных качеств у молодых людей. Однако на наш взгляд общекультурные и профессиональные компетенции требуют более глубокой детализации. На это обращают внимание такие авторы научных работ, как: Ш. З. Хуббиев, В. Н. Макаров, Д. А. Завьялов, В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева, Е. В. Бондаревская, Н. В. Кузьмина. С этой

целью нами тоже предпринята попытка конкретизировать профессиональные компетенции, которые являются наиболее значимыми при подготовке бакалавров, будущих тренеров по избранному виду спорта.

Цель исследования: выявить значение метода показа в обучении физическими упражнениями.

Задачи исследования:

1) Определить качественные показатели двигательных компетенций в основных упражнениях легкой атлетики, лыжных гонок и баскетбола.

2) Выявить критерии сформированности данных двигательных компетенций.

3) Определить влияние степени сформированности компетенций на степень понятийного и визуального восприятия выполнения упражнения.

Обсуждение и результаты исследования. Теоритическая и практическая подготовка в сфере физической культуры и спорта являются фундаментальными. Однако именно умение студента показать упражнение, зафиксировать правильное положение, выявить и показать основные ошибки является более значим при обучении двигательным действиям занимающихся. Это и является двигательной компетенцией.

Так как показ является более доступным в обучении, нами были выявлены критерии сформированности данных двигательных компетенций.

Для примера приведены основные упражнения, выполненные в легкой атлетике, лыжном спорте и баскетболе, на основе которых можно легко разработать критерии оценки для остальных технических действий, выполняемых в том или ином виде спорта. Данные критерии были сформированы на основе рекомендаций В. М. Дьячкова [2], Н. Г. Озолина [3], О. И. Тюпы, Д. Д. Донского [4], Т. И. Раменской, В. В. Осинцева [5], А. Л. Дулина [6].

Критерии оценки сформированности двигательных компетенций:

#### **I. По технике владения лыжными ходами.**

Упрощенная схема оценивания на основе анализа техники попеременно двухшажного классического хода.

«5» - четкая согласованность движений рук и ног с наклоном туловища, появление проката на одной лыже.

«4» - наличие согласованности движений рук и ног с наклоном туловища, имеется отрыв лыжи от снега.

«3» - появление нарушений в согласованности движений рук и ног, недостаточный наклон туловища, маховая нога не всегда поднимается над снегом.

Упрощенная схема оценивания на основе анализа техники одновременного одношажного классического хода.

«5» - четкая согласованность движений рук и ног, скользящий шаг выполняется с наклоном туловища, отсутствует двухопорное скольжение, при окончании отталкивания руками туловище наклонено до горизонтального положения, руки разгибаются с движением кистей за бедра.

«4» - наличие согласованности движений рук и ног, скользящий шаг выполняется с недостаточным наклоном туловища, при окончании отталкивания руками нет наклона туловища, разгибание рук неполное, кисти около бедер.

«3» - имеется нарушение согласованности движений рук и ног, скользящий шаг выполняется без наклона туловища, появление двухопорного скольжения, при отталкивании руки не разгибаются, кисти впереди бедер.

#### **II. По технике владения легкоатлетическими упражнениями.**

Упрощенная схема оценивания на основе анализа техники бега на короткие дистанции.

«5» - четкая и последовательная постановка рук на линии старта, ног на стартовые колодки; по команде «Внимание» правильное разгибание ног и поднятие таза; постепенное нарастание длины стартовых шагов и выпрямление туловища; легкость и свобода движений на дистанции; активные разноименные движения рук; резкий наклон грудью вперед на финише.

«4» - четкая и последовательная постановка рук на линии старта, ног на стартовые колодки; недостаточный или чрезмерный подъем таза, ноги согнуты или выпрямлены; резкий подъем головы при старте; постепенное нарастание длины стартовых шагов и выпрямление туловища; чрезмерный наклон



туловища вперед или назад на дистанции; широкая или «скрестная» работа рук; растягивание шагов, прыжок на финише.

«3» - постановка рук на линии старта, ног на стартовые колодки; руки согнуты в локтевых суставах, плечи далеко от стартовой линии; недостаточный или чрезмерный подъем таза, ноги согнуты или выпрямлены; руки рано оторваны от дорожки, резкий подъем головы и выпрямление туловища на первых шагах стартового разгона; чрезмерный наклон туловища, бег на согнутых ногах по дистанции, вялая и «скрестная» работа рук; преждевременный наклон туловища (за 2-3 шага до финиша), вызывающий падение бегуна, растягивание шагов, прыжок на финише.

Упрощенная схема оценивания на основе анализа техники прыжков в длину способом «согнув ноги».

«5» - верно подобранная длина разбега, сохранение ритма и скорости шагов; четкая постановка толчковой ноги на планку отталкивания; согласованное движение рук, ног и туловища в полете; группировка при приземлении, сохранение равновесия при касании песка ногами.

«4» - верно подобранная длина разбега, малая вариативность длины беговых шагов в конце разбега, небольшое снижение скорости; при отталкивании неполное выпрямление опорной ноги, малая активность маховых движений; высокая траектория выпрыгивания, незначительная потеря равновесия в полете, недостаточная группировка при приземлении; недостаточно высокое поднятие ног при приземлении.

«3» - неверно подобранная длина разбега, удлинение последнего шага перед отталкиванием, нарушение ритма и скорости шагов, значительное подседание на маховой ноге; опорная нога при отталкивании практически согнута во всех суставах, нет маховых движений; потеря равновесия в полете, раннее прогибание туловища, нет группировки перед приземлением; раннее выпрямление ног в коленных суставах при приземлении.

### **III. По технике владения основными приемами в баскетболе.**

Упрощенная схема оценивания на основе анализа техники ведения мяча в высокой стойке на месте.

«5» - правильное исходное положение, умеренный по силе толчок мяча в пол, правильное положение пальцев кисти на мяче, энергичное движение руки в локтевом суставе, отскок мяча до уровня пояса, пружинистые движения ног.

«4» - правильное исходное положение, умеренный по силе толчок мяча в пол, небольшое «шлепание» по мячу, кисть прикасается к мячу с боку, выпрямленные ноги, зрительный контроль над мячом.

«3» - неверное исходное положение, собранные вместе пальцы кисти, «шлепание» по мячу, различный по силе отскок мяча, ведение мяча двумя руками, зрительный контроль мяча.

Упрощенная схема оценивания на основе анализа техники ловли и передачи мяча двумя руками от груди на месте.

«5» - верное исходное положение игрока, своевременный перенос массы тела с ноги на ногу, правильное расположение пальцев рук относительно друг друга, присутствуют амортизационные движения в суставах рук и ног, резкость в движениях рук, хлесткое движение кистей.

«4» - верное исходное положение игрока, своевременный перенос массы тела с ноги на ногу, отсутствие амортизационного движения, нет вращения мяча при передаче, вялость движений, выпрямленные ноги.

«3» - неверное исходное положение, неверное положение пальцев рук на мяче, нет амортизационного движения, нет вращения мяча при передаче, касание мяча ладонями, отклонение туловища назад или вперед при ловле, нет обратного вращения мяча при передачах.

Для определения влияния степени сформированности компетенций на степень визуального восприятия выполнения упражнения нами был проведен опрос школьников: насколько доступно и наглядно педагог объяснял и показывал выполнение упражнения.

Детям были предложены следующие вопросы:

- 1) Насколько понятны были слова и формулировки, применяемые при объяснении?
- 2) Понятен ли вам был показ исходных положений, согласованность действий упражнения после показа учителем?

- 3) Считаете ли вы, что учитель должен был показать упражнение еще несколько раз?
- 4) Сформировалось ли у вас зрительно-логическое представление об упражнении в целом после его показа учителем?
- 5) Считаете ли вы необходимым показ основных ошибок при выполнении упражнения?

По результатам опроса, а так же объяснения и показа упражнений различным студентами, нами было выявлено следующее: а) студент, который владеет теоретическими знаниями и показом упражнения на оценку «удовлетворительно» не смог объяснить школьникам задание. После выполнения задания этим студентом, школьники не поняли, как выполнить упражнение.

б) студент, имеющий оценку «хорошо», смог объяснить основы упражнения, школьники поняли последовательность выполнения задания и смогли повторить его с ошибками.

в) студент-отличник выполнил показ, объяснение упражнения, акцентировал внимание на основные ошибки и сложных элементах. Школьники смогли выполнить упражнение и повторить.

В завершении можно сказать, что двигательные компетенции являются наиболее значимыми в подготовке будущих тренеров и учителей по физической культуре и спорту.

#### Список литературы

1. Завьялов Д. Теория ключевой двигательной компетенции. Москва, 2002. – С97
2. Дьячков В. Совершенствование технического мастерства спортсменов. Москва, 1972. – С.231
3. Озолин Н. Лёгкая атлетика. Москва, 1989. – С.671
4. [Донской Д. Биомеханика физических упражнений](#). Москва, 1958. – С.230.
5. Осинцев В. Лыжная подготовка в школе. Ижевск, 1999. – С.342
6. Дулин А. Баскетбол в школе. Ижевск, 1996. – С.400
7. Кривоносов М. Методика обучения легкоатлетическим упражнениям. Минск, 1986. – С.312
8. Боген М. Обучение двигательным действиям Москва, 1985. – С.192
9. Матвеев Л. Теория и методика физической культуры Москва, 1991. – С.543

*Ozhga Mykhailo Mykhailovych, Ukrainian Engineering Pedagogics Academy*

*Post-graduate student at Pedagogics and Vocational Training Methodology Department*

## **MODEL AS A BASIC METHOD FOR TEACHING THE THREE-DIMENSIONAL COMPUTER DESIGN TO THE FUTURE ENGINEER-PEDAGOGUES WITH THE COMPUTER SPECIALIZATION**

This article examines general principles of pedagogical modeling and provides definition of model and modeling. Models of teaching three-dimensional computer-aided design systems to future teachers-engineers of computer sciences major were rationalized and developed in the article as well.

### **Introduction**

Intensive development of computer technologies over the last several decades and social demand for specialists to use computer tools in their professional activities dictate the necessity to improve and rethink professional training of specialists in different fields. One of the primary tasks educational system faces is to improve quality of training future teachers-engineers – specialists in computer sciences field, as they are the ones who provide training for regular labour force.

The essential component of engineering work and engineering training is design, these days performed with the help of computer-aided technologies, including three-dimensional design technologies. However, experience has shown that teaching three-dimensional computer-aided design is based on empirical approaches, in other words, there exists no scientifically justified methodology of teaching 3-D computer design. An effective methodology could be developed only on the basis of scientifically justified teaching models; therefore, this problem could be solved through developing teaching models which reflect training process at large fully and sufficiently.

The issues of teaching students in teaching-engineering field were addressed in writings by: V.S. Bezrukova, N.A. Bryukhanova, T.A. Dmitrenko, E.F. Zeer, E.E. Kovalenko etc. The issue of pedagogical modeling was addressed by: S.I. Arkhangel'skiy, Y.K. Babanskyi, V.S. Bezrukova, L.P. Vishnikina, A.G. Gokhman, N.G. Kolyada, N.I. Lazaryev, A.N. Leontyev, I.Y. Lerner etc. A lot of models were suggested for training students in the field of Graphics, for example: "Constituent parts of component drawing" (N.N. Kozyar), "Organizational structure of learning materials for correspondence courses in Engineering and Computer Graphics" (E.V. Slobodyanyuk), "Model of teaching Graphics to future specialists in the field of technology by means of information technologies in higher education institutions" (G.A. Raikovskaya) and others.

Despite an abundance of research in the area of teaching Graphics, models for teaching three-dimensional computer-aided design systems to future teachers-engineers are practically absent from scientific research.

Thereafter, **the aim of this article** is to justify and develop the model for teaching three-dimensional computer-aided design systems to future teachers-engineers in computer sciences major.

Since the end of 20<sup>th</sup> century, modeling has become actively introduced into all areas of pedagogical sciences. Literature on Didactics treats modeling as one of teaching methods.

The dictionary of Ukrainian language indicates that model is mental or conventional image (picture, scheme, description) of any object, process or phenomenon, used to represent it [1, 532]. The process, through which model is developed and analysed, is called modeling. According to S.S. Ermakova, modeling (from French "sample") is a method in scientific research, which involves developing and analysing model of an object being researched. The model itself is a system of elements replicating certain aspects, connections and functions of an object being researched, in other words, of an original [2, 115]. Another allegation, teaching models are abstract reflections of pedagogical regularities by means of describing them through logical and mathematical symbols [3]. On the other side, pedagogical modeling is defined as an artificially created sample or special sign and symbol form, which is used to reflect and mimic in a somewhat simplified way structure of a multifactorial phenomenon, direct study of which provides new knowledge about an object being researched [4, 80].

Modeling is a complicated and multifaced process. V.S. Bezrukova [5] points out that modeling comprises only one stage (step) of design out of three, namely: stage I – modeling, stage II – project conception, stage III – design. While developing the model of teaching three-dimensional computer-aided design to future teachers-engineers, we proceeded from system approach methodology [6]. In this context teaching model is an integral system which consists of separate sub-systems, has certain structure, stages and elements.

The choice of principal structural components of the teaching model was conditioned by:

- the nature of teachers-engineers' professional activity in the field of three-dimensional computer-aided design;
- the objectives of training future teacher-engineers of computer sciences major;
- the specifics of software tools applied for three-dimensional computer-aided design;
- the structure and regularities of training process.

Traditionally, Computer Graphics disciplines are taught on the principle of studying software package features. Consequently, computer graphics system becomes the object of study, studying includes three stages:

- familiarization with interface;
- familiarization with tool box of a software;
- accomplishment of separate (independent) tasks.

For developing creative abilities sometime they add fourth stage - complex tasks or small projects.

Second methodological approach applied for this research is activity approach [7]. Here activity approach is understood as a way to organize training process which is based upon each student's individual work, consisting of learning objective (objectives), actions and activities performed, means of activity and expected results.

Following from the activity structure, the objective is learning objective, actions and activities are, firstly, professional actions and activities, and secondly – learning actions and activities, determined by training process nature, and the nature of professional and educational activities; means of teaching are software

programmes that can be applied for teaching. All of these components become an integral part of learning project (fig. 1), the main idea of which is not teaching to work with software programmes but teaching to perform certain activities with the help of software programmes. The learning project can be completed as part of some specific Graphics discipline.

In order to create three-dimensional computer-aided learning project, it is necessary to adhere to certain algorithm of professional activities. This algorithm has to be developed in general-purpose system, in other words, the system which allows completion of all stages of design. The teaching process itself has to be strictly defined.

Let us consider in depth all of the elements which influence learning project development.

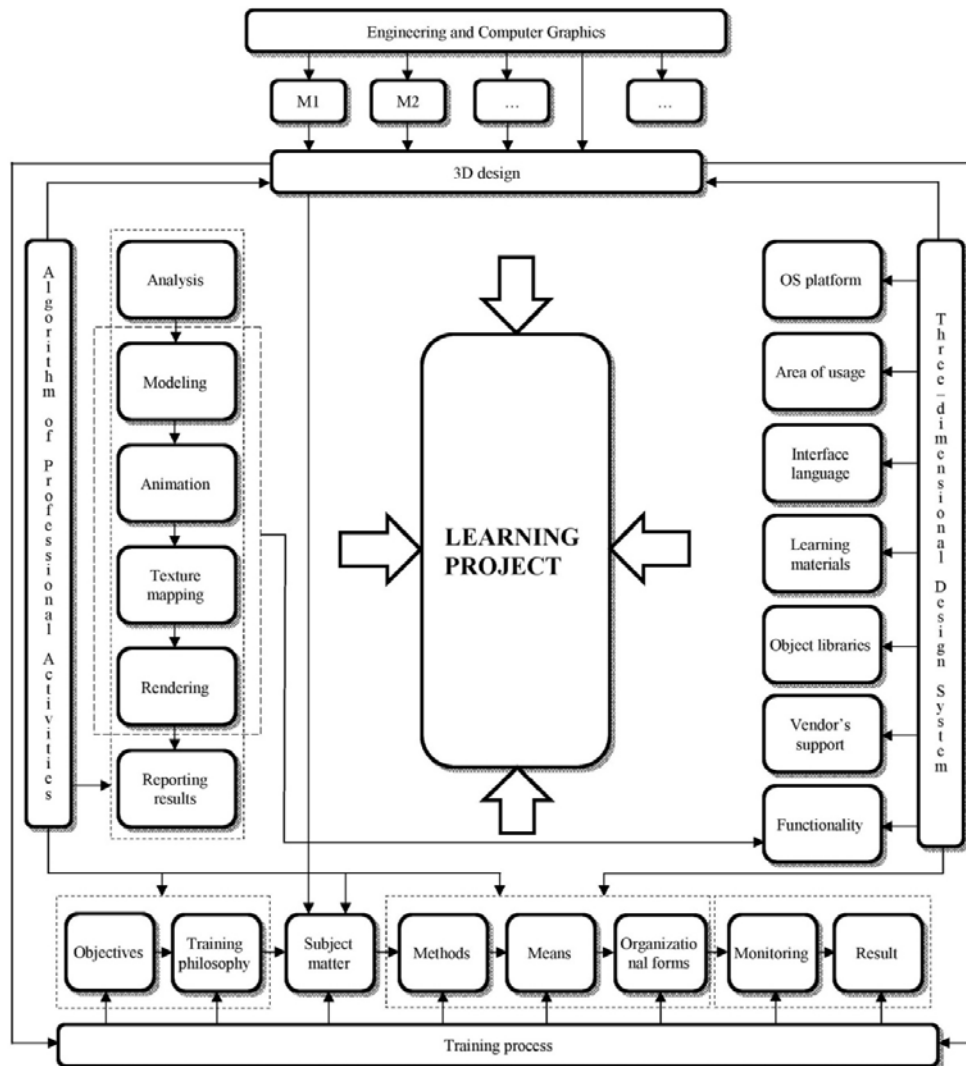


Fig. 1. Model of teaching three-dimensional computer-aided design to future teachers-engineers

In one of our previous publications [8], it was provided rationalization for professional activities algorithm which includes the following stages:

- analysis;
- modeling;
- animation;
- texture mapping;
- rendering;
- reporting results.

As follows from this algorithm, students carry out actions, analogous to those performed by industry professionals. The only difference is that students perform those actions in order to acquire knowledge and skills, and use them in further professional activities afterwards.

In order for teaching to be effective and relatively not time-consuming, the project as a whole has to be developed in a single three-dimensional design system. The choice of such system has to be well-founded and comply with a number of requirements as follows:

- the software programme has to run on Windows and Linux operating system platforms, as the majority of workstations in educational institutions are equipped with them;
- software programme usage should not be limited to one area only, for example, to motion picture industry;
- for learning with three-dimensional design system to be more comfortable the software programme has to come with Ukrainian or Russian interface language;
- the availability of learning materials;
- the availability of modeling objects library;
- an important aspect is software vendor's support, in other words, providing free licence for instructional purposes, as well as stable work of the software;
- one of the most essential software features is its functionality, in other words, the ability to work through all stages of design process, as well as its generic nature and close resemblance to other three-dimensional graphic software packages.

Development of three-dimensional computer-aided learning project is a complicated and prolonged process. In order to complete it effectively, a clear sequence is required. When we have the algorithm of professional activities and three-dimensional design system, the next step is to define all of the components of the training unit in accordance with the teaching process structure, in particular: training objectives and philosophy, training unit subject matter, methods, means and training process forms. The final stage of future teachers-engineers training in relation to three-dimensional project development is monitoring and the efficiency outcome of teaching 3-D computer-aided design systems.

So, we have examined the most general factors which influence learning project development. In order to consider the process of its implementation in greater depth, let us examine the model of teaching three-dimensional computer-aided design in the process of carrying out 3-D computer-aided project, presented in figure 2.

The primary element for carrying out any project is project task, and in our case it can be presented as a real model to be imitated in virtual space of three-dimensional computer-aided design system. An idea or graphic presentation of a project can serve as a task, too.

The first step for fulfilling the task requires students to imagine the final result. Imagining what the final result should be, will let students complete the design process much more effectively, expending, in addition, less time and efforts. The project can be carried out in two ways: project task → efficiency → esthetics → result, or project task → esthetics → efficiency → result. The specific way for doing it is defined by the project task.

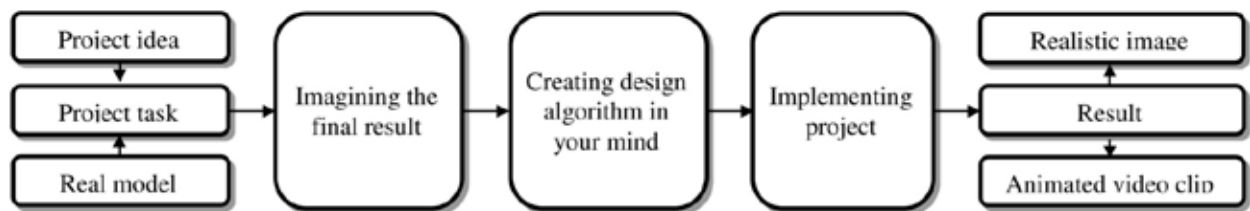


Fig. 2. Model of teaching three-dimensional computer-aided design in the process of 3-D computer-aided project development

The second step in the process of carrying out the project is to create design algorithm in your mind. For this step the operations to be undertaken at each stage of professional activities algorithm should be defined. I have taken the model of stagewise mental effort development by P.Y. Galperin [9] as a basis for imagining design algorithm.

The third stage is implementing project. In order for students to proceed with modeling, they have to possess certain skills, the majority of which are acquired during the course of studying compulsory disciplines in the field of engineering graphics and design. In the course of project development these skills improve and new skills are acquired on their basis (fig. 2), those skills being determined by special aspects of professional

activities in the area of three-dimensional graphics. Crucial factor in carrying out three-dimensional computer-aided project is that students have to combine in a wise way engineering and design principles in the process of their development. Ultimately, the modelled object has not only to be beautiful from outside, but functional in use as well.

After completing all of the necessary design procedures the result is obtained which, depending on objectives set, can appear in the form of an image (digital or on paper) or animated video clip.

Please note, that the model presented in figure 3 reflects general process of carrying out learning project; in other words, it is structural part of the model of teaching future teachers-engineers, presented in fig. 1.

Integration of the models proposed here permits to provide rationalization for subject matter for every component of teaching process, and thus lays foundation for developing methodology of teaching future teachers-engineers of computer sciences major about three-dimensional computer-aided design systems.

**Conclusion.** This work justifies and develops models of teaching three-dimensional computer-aided design systems to future teachers-engineers of computer-sciences major. The teaching models were developed on the basis of system approach on one side, and activity approach on the other side.

The model of teaching three-dimensional computer-aided design to future teachers-engineers is determined by the nature of professional activities, training objectives, special aspects of software tools and training process regularities.

In turn, the model of teaching 3-D computer-aided design in the process of carrying out three-dimensional computer-aided project is hierarchical and becomes integrated into the preceding model.

Further research in this field should rationalize and develop the methodology of teaching 3-D computer-aided design systems to future teachers-engineers of computer sciences major.

#### **References:**

1. Великий тлумачний словник української мови / упоряд. Т.В. Ковальова; худож.-оформлювач Б.П. Бублик. – Х. : Фоліо, 2005. – 767 с.
2. Єрмакова С.С. Моделювання процесу професійної підготовки майбутніх викладачів ВТНЗ з використанням технологій випереджального розвитку / С.С. Єрмакова // Вісник Черкаського університету. Сер. Педагогічні науки. – Черкаси, 2011. – № 199, Частина II. – С. 15-23
3. Литвин А.В. Наступність у професійній підготовці фахівців машинобудівного профілю в системі “ВПУ – вищі заклади освіти” : дис. канд. пед. наук : 13.00.04 / Литвин Андрій Вікторович. – К., 2002. – 290 с.
4. Педагогічне моделювання як основа проектування освітніх процесів / Л.П. Вішнікіна // Імідж сучасного педагога. Науково-практичний освітньо-популярний журнал. – Полтава, 2008. – № 7-8 (86-87). – С. 80-84
5. Безрукова В.С. Педагогика. Проективная педагогика : Учебное пособие для инженерно-педагогических институтов и индустриально-педагогических техникумов. – Екатеринбург : Деловая книга, 1996. – 334 с.
6. Von Bertalanffy, Ludwig, General Systems Theory, George Braziller, New York, 1968.
7. Формирование учебной деятельности студентов. / Под ред. В.Я. Ляудис. – М.: Изд-во МГУ, 1989. - 240 с.
8. Ожга М.М. Алгоритм професійної діяльності з об'ємного комп'ютерного проектування як основа навчання систем тривимірного проектування / М.М. Ожга // Комп'ютерно-інтегровані технології: освіта, наука, виробництво : міжвуз. зб. – Луцьк : ЛНТУ, 2012. – №10. – С. 203-210
9. Гальперин П.Я. Психология мышления и учения о поэтапном формировании умственных действий / П.Я. Гальперин // Исследования мышления в современной психологии. – М.: Наука, 1966. – 248 с.

## **Increasing of Social Demand for Knowledge of Foreign Languages in Ukraine at the Beginning of the 21<sup>st</sup> Century**

*Подольняська Наталія Олегівна, аспірант,  
Черкаський національний університет імені Б. Хмельницького, Україна*

### **Зростання соціальної потреби у знанні іноземних мов в Україні на початку XXI століття**

Актуальність, мета і цілі мовної освіти в Україні змінювались на різних етапах її історичного розвитку у досить широких межах. Це було спричинено, по-перше, ідеологічним впливом існуючого в певний період політичного режиму, а по-друге, впливом соціально-економічних змін суспільного життя. Двома конкуруючими цілями були практичне використання знання мови та її культурно-освітній та виховний вплив на особистість учня. У свою чергу розуміння практичної ролі мовної освіти також зазнавало трансформацій в залежності від властивого певному етапу розвитку держави уявлення про характер міжнародної та міжкультурної комунікації [1, 122].

Багатомовність і полікультурність «вважаються конче необхідними для громадян нової Європи» і сучасної України, тож одним з пріоритетних освітніх завдань є вдосконалення процесу вивчення іноземних мов, щоб випускники всіх навчальних закладів нашої країни могли вільно нею спілкуватися. Для досягнення цієї мети слід розширити «масштаби» мовної освіти і «перебудувати» процес опанування мови таким чином, «щоб засвоювалися не лише знання про мову, а й сама жива мова» [2, 338].

Останнім часом значна кількість публікацій вітчизняних і зарубіжних науковців присвячена питанню впливу світових тенденцій глобалізації та інтернаціоналізації на освітню систему різних країн і на розвиток мовної, зокрема іншомовної, освіти. Серед них публікації Гаманюк В. А., Готлиба Р. А., Зіноватної О. М., Кузнецової О. Ю., Кременя В. Г., Лопушинського І. П., Семенов О. М. та інших науковців. Однак, питання соціальної затребуваності знань з іноземних мов серед громадян України потребує подальшого детального дослідження.

Мета статті полягає у висвітленні соціально-економічних процесів, які відбуваються в сучасному українському суспільстві та свідчать про зростання потреби українців у вивченні іноземних мов.

У 60-х роках ХХ ст. людство увійшло в епоху глобалізації. З самого початку пострадянського періоду значно зросла кількість українсько-іноземних підприємств, освітніх, наукових, культурних, спортивних та розважальних заходів, нині розвиваються спільні туризм і шоу-бізнес, збільшується кількість поїздок за кордон та масштаб міграції українських громадян [3].

Міжнародні зв'язки у галузях науки, культури, політики, спорту і бізнесу зазвичай здійснюються у формі короткотривалих візитів, конференцій, семінарів, турів тощо, під час яких у процесі особистісного спілкування вирішуються важливі ділові питання. Успішне здійснення всього спектру ділових взаємин іноземною мовою передбачає, що учасники подібних заходів, крім необхідного знання професійної лексики, повинні володіти мовним етикетом, іншомовним сленгом та ідіоматикою [1, 124].

Не зважаючи на те, що характер і продукт діяльності різних трудових організацій не однакові, службові обов'язки їхніх співробітників загалом досить схожі. Як правило, серед основних загальних вимог до сучасного фахівця є здатність підтримувати формальний або неформальний контакт з іншими співробітниками, отримувати і аналізувати інформацію зі ЗМІ, Інтернету, письмово і усно звітувати перед керівництвом, здійснювати і відповідати на телефонні дзвінки та повідомлення мобільного зв'язку, переглядати електронну пошту і надсилати електронні повідомлення. Таким чином, для успішного виконання своїх професійних обов'язків сучасному випускникові ВНЗ, окрім високоякісних знань зі спеціальності, необхідні практичні вміння й навички принаймні з однієї, зазвичай англійської, іноземної мови. Відсутність іншомовного знання може серйозно ускладнити, а в деяких випадках виключити можливість успішної професійної кар'єри [1, 124].

Західна Європа вже давно усвідомила потребу інтернаціоналізації вищої освіти, і не лише для того, щоб укріпити процес Європейської інтеграції, а й для позиціонування Європи у світовій економіці.

Європейська комісія зумовлює співробітництво у наукових дослідженнях і освіті за допомогою належного фінансування програм, щоб заохочувати і активізувати студентів і науковців вдосконалювати знання з Європейських мов і зміцнювати зв'язок між вищою освітою і промисловістю [4].

Не випадково практичним завданням Болонського процесу є уніфікація європейської системи освіти, що має на меті насичення ринку праці лінгвістично кваліфікованими робочими кадрами. Саме тому в ЄС активно підтримуються програми студентського обміну: наприклад, у провідних ВНЗ США, Великобританії, Канади іноземні громадяни становлять до 80 % студентів [5].

Незважаючи на часті посилення на інтелектуальне і культурне значення іншомовних знань, популярність іноземних мов у вітчизняній мовній освіті визначалась в основному утилітарними цілями. В радянські часи найпопулярнішою іноземною мовою була німецька, а з 1990-х років першість впевнено перейшла до англійської. Однак, в Європейському співтоваристві мовна політика акцентує увагу саме на мовному універсалізмі, що передбачає рівноправне вивчення студентами іноземних мов. В березні 2002 року ЄС у Барселоні рекомендував з раннього віку навчати дітей двом іноземним мовам. Пропаганда мовного плюралізму означає вивчення досить широкого спектра мов у європейських освітніх закладах, включаючи мови не тільки малих народів, а й місцевих емігрантських спільнот.

Останнім часом, на думку багатьох українських провідних науковців і громадських діячів, в Уряді України сформувалося більш послідовне і ґрунтовне офіційне бачення проблеми розвитку іншомовної освіти, який визначив, що уміння спілкуватися з іноземними представниками їхньої рідною мовою становить культурну й економічну цінність для держави, відкриває нові горизонти для співпраці і значно розширює можливості в торгівлі, туризмі, науці, міжнародних відносинах та інших сферах політичного, культурного і соціально-економічного життя. Саме з цього приводу Кремень В. Г., академік АПН України, не раз наголошував на потребі поліпшення рівня вивчення і володіння не лише державною, а й іноземними мовами [6]: «особливої уваги потребує і вивчення, поряд з державною, рідною мовою іноземної мови значного міжнародного поширення. Інноваційність утверджується в світі, який стає дедалі більш глобалізованим. І без уміння спілкуватися із іншими країнами, швидко перебирати кращий досвід, знання неможливо забезпечити інноваційну економіку, бути конкурентоспроможним» [7].

Соціальне замовлення українського суспільства на освітній продукт з іноземної мови знаходить відображення у професійній орієнтації студентів нашої держави, подібна тенденція характерна також для сфери освіти більшості держав пострадянського простору. На початку ХХІ століття найбільш популярними сферами професійної діяльності серед сучасної молоді є підприємництво, комерція, фінанси, юридичні служби; серед найбажаніших спеціальностей випускники називають «світову економіку», «маркетинг», «юриспруденція», «менеджмент організації», «міжнародний бізнес», «фінанси і кредит» [8, 18], а з-поміж основних прагнень студенти зазначають досягнення успіху в суспільстві і можливість мати високий зарібок. Тож очевидно, що сьогодні найбільш затребуваними видами ділової активності є саме ті, в яких без адекватного рівня знань, умінь і навичок з іноземної мови молодим фахівцям буде складно домогтися наміченого успіху, незалежно від того з якою сферою пов'язана їх діяльність. Частина молоді, яка обрала гуманітарні спеціальності, пов'язані з літературознавством, культурологією, історією тощо, також розраховує на те, що озброївшись іншомовними знаннями, їхня професія знайде попит на сучасному ринку праці. Майбутні фахівці з гуманітарних наук орієнтуються на те, що вони зможуть успішно працювати в суміжних, але краще оплачуваних областях, таких як реклама, зв'язки з громадськістю, переклад літератури тощо.

Варто зазначити, що українські студенти, які навчаються за кордоном, дуже часто стикаються з серйозними труднощами, пов'язаними з мовним бар'єром, і необхідністю вирішувати одночасно безліч проблем різного характеру, побутові включно. Український абітурієнт, що бажає вступити, наприклад, до ВНЗ США, але не достатньо добре володіє розмовною англійською мовою, скоріш за все не зможе пройти навіть «візову» співбесіду в американському посольстві. Саме тому, особливого значення на всіх рівнях української освіти, особливо після приєднання нашої держави до Болонського процесу, набуває якісне вивчення іноземних мов.

Наступний не менш важливий наслідок інтеграції української освіти в європейську систему – це питання щодо процесу адаптації іноземних студентів, які бажають навчатися в українських ВНЗ. Повноцінне залучення України до Болонського процесу неминуче призведе до зростання студентського обміну. В найближчому майбутньому престиж вітчизняних вищих навчальних закладів багато в чому визначатиметься кількістю іноземних студентів, що навчатимуться в ньому, і відповідністю виробленому



ЄС стандарту квот студентського обміну. Зазначимо, що вже нині на території України відкриваються відділення зарубіжних освітніх організацій, застосовуються іноземні навчальні проекти і програми.

Вважаємо за необхідне наголосити на деяких сумних фактах, які також пояснюють зростання рівня зацікавленості представників українського суспільства у вивченні іноземних мов. За результатами соціологічного опитування американської компанії Gallup, понад 15 % дорослого населення в 12 державах колишнього Радянського Союзу бажають іммігрувати в іншу країну на постійне місце проживання. За цими даними залишити Україну назавжди хочуть 21% українців [9].

Наприкінці XX – на початку XXI ст. серед значної частини громадян України віком до 35 років, а особливо серед студентства виникла нова тенденція: соціологічні опитування демонструють зростаюче прагнення молодих українців продовжити навчання, працювати і, навіть, проживати за кордоном. За даними дослідження компанії HeadHunter, Міжнародного кадрового порталу, який є на сьогодні найбільшим об'єднанням рекрутингових проектів у восьми країнах Європи й Азії, більшість (а точніше – 91 %) висококваліфікованих українських фахівців з вищою освітою розглядають варіанти працевлаштування за кордоном, оскільки молодь України не влаштовує сучасна економічна і політична ситуація в державі. Мова йдеться не лише про студентів ВНЗ. Ця тенденція характерна для тридцяти- – тридцяти-п'ятирічних фахівців, які висловлюють серйозні наміри щодо працевлаштування за кордоном, в першу чергу, в державах Західної Європи, США і Канаді. Найпопулярнішими для запланованої трудової міграції є високорозвинені країни Європа, такі як Німеччина, Швейцарія, Австрія, Фінляндія. Знайти роботу у цих країнах прагнуть 63 % респондентів. 42 % опитаних українців хочуть працювати у США або Канаді. За результатами досліджень п'ята частина планує їхати до Австралії, а 14 % - до Росії. Менш популярними виявилися країни Азії (8%), Південної Америки (5%) і Африки (3 %) [9].

Початок XXI століття характеризується для українського суспільства посиленням ще однієї тенденції, яка мотивує учнів старших класів підвищувати рівень своїх знань з іноземних мов. Останнім часом серед української молоді стало популярним здобувати освіту за кордоном. Загалом, це стосується вищої освіти, однак за останні 5 – 7 років зросло число учнів старших шкіл, які отримують шкільний атестат за кордоном і мають змогу вступити там до ВНЗ. Молоде покоління України приваблюють престижна освіта, хороші стипендії та гарні перспективи залишитися в іноземній державі після закінчення ВНЗ і знайти там роботу. Тож, найбільш популярними серед української молоді є програми вищої освіти за кордоном. Другими за популярністю йдуть програми мовних курсів; число батьків старшокласників і студентів початкових курсів, які ними цікавляться постійно зростає. Перше місце в рейтингу популярності країн займає Великобританія, на другому знаходиться Німеччина, на третьому - Франція. Серед бажаних держав респонденти порівняно часто зазначають «англомовні країни», країни Західної Європи і Сполучені Штати Америки [1, 125].

За інформацією HeadHunter, серед респондентів, які хотіли б отримувати вищу освіту за межами України, 71 % віддали б перевагу країнам Євросоюзу, 21 % прагнуть навчатися у ВНЗ Сполучених Штатів і Канади, 5% опитаних українців цікавляться можливістю вступити до коледжів і університетів Австралії і 3 % – до вищих закладів Російської федерації.

На початку XXI століття ця тенденція значно посилилася. Сьогодні багато українських студентів мріє не лише навчатися, а й, у подальшому, жити і працювати за кордоном. Згідно з українсько-польським соціологічним дослідженням число цих студентів становить 80 %. Майже третина студентів хоче жити в Україні, але мати можливість вчитися або тимчасово працювати за кордоном. І менше за всіх, хто хоче постійно жити і працювати тільки в Україні, – лише кожен п'ятий студент [9]. З наведених даних випливає, що як мінімум 75% опитаних не змогли б обійтися як в роботі, так і в побуті без знання щонайменше однієї з іноземних мов, причому рівень володіння цією мовою повинен бути в їхньому випадку вельми високим.

Однак, останнім часом багато українських учнів, студентів та їхні сім'ї почали усвідомлювати, що, не зважаючи на багаторічне вивчення іноземної мови під час навчання у школі, училищі, коледжі чи ВНЗ, вони не володіють належним рівнем іншомовного спілкування, достатнім для ведення вільної комунікації з іноземцями, навчання, проживання чи роботи за кордоном.

Отже, глобалізація стала вагомим фактором посилення потреби українських громадян у знанні іноземних мов. Вищезазначені факти свідчать про те, що великій кількості українських громадян сьогодні або в найближчому майбутньому необхідно опанувати іноземну (в основному, англійську) мову на досить високому рівні. Ці іншомовні знання, вміння і навички стосуються трьох основних сфер соціальної комунікації: сімейно-побутовому, загально професійному і вузькопрофільному. Таким чином, опанування необхідних знань, умінь і навичок з іноземної мови належного рівня передбачають успішне

здійснення спілкування українців з іноземними громадянами під час проживання перших за кордоном і в процесі соціальної адаптації других в українському соціумі, налагодження і підтримання офіційних соціально-ділових контактів і кваліфіковане виконання професійної роботи, що включає інтерпретацію вузькоспеціалізованого іншомовного матеріалу. Обов'язкові вимоги до сучасного висококваліфікованого фахівця, який окрім професійної компетентності неодмінно повинен володіти досить високим рівнем інформаційної та іншомовної компетенцій, реальні можливості практичного застосування власних знань з іноземної мови, перспективи престижніше працевлаштуватися спонукають представників українського суспільства кардинально змінити власне ставлення до іншомовної освіти.

#### **Список літератури:**

1. Готлиб Р. А. Социальная востребованность знания иностранного языка // Социологические исследования, 2009, № 2. – С. 122 – 127.
2. Лопушинський І. П. Формування та реалізація державної мовної політики в галузі освіти України : Дис... д-ра наук: 25.00.02. – 2008. – 515 с.
3. Юрлов Ф. Н. Социальные издержки глобализации // Социол. исслед. 2001. № 7. – С. 14.
4. Panetta L. E. Foreign Language Education: If 'Scandalous' In The 20<sup>th</sup> Century, What Will It Be In The 21<sup>st</sup> Century? – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://stanford.edu/dept/lc/language/about/conferencepapers/panetta\\_paper.pdf](http://stanford.edu/dept/lc/language/about/conferencepapers/panetta_paper.pdf)
5. Сагинова О. В. Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности (на примере Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова). – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://www.marketologi.ru/lib/sagino-va/inter\\_vuz2.html](http://www.marketologi.ru/lib/sagino-va/inter_vuz2.html)
6. Кремень В. Г. Сучасні цивілізаційні зміни і нові вимоги до вчителя // Голос України. – 2006, 18 липня.
7. Кремень В. Г. Сьогодні потребує інноваційного мислення // Урядовий кур'єр. – 2006, 13 жовтня.
8. Контарева Н. А. Совершенствование организационно-экономического механизма подготовки кадров высшей квалификации в вузах России. Автореферат дисс... канд... экономических наук. Москва, 2007.
9. Єршоміна С. Все більше українців жертвують усім заради життя за кордоном / Новини ТСН. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://tsn.ua/ukrayina/vse-bilshe-ukrayinciv-zhertvuyut-usim-zaradi-zhittya-za-kordonom-290886.html>

*Tereshenko Natalya Kherson state university  
senior lecturer faculty of culture and arts*

## **The implementation of the function of aesthetic education by ballroom choreography methods in modern educational space**

*Терешенко Наталія Віталіївна, Херсонський державний університет  
старший викладач, факультет культури і мистецтв*

### **Реалізація функції естетичного виховання засобами бальної хореографії в сучасному освітньому просторі**

Проблема естетичного виховання завжди була і залишається актуальною в плані формування духовної особи дитини, в перспективі його розвитку. Завдання естетичного виховання зводиться до формування естетичного ставлення дитини не тільки до дійсності, але і до мистецтва.

Хореографія це вид мистецтва, який володіє величезними можливостями для повноцінного естетичного вдосконалення дитини, для його гармонійного духовного і фізичного розвитку. Тож бальна хореографія є невід'ємною частиною сучасного різноманітного українського хореографічного мистецтва.

Величезний позитивний досвід, що доводить безпосередній взаємозв'язок занять хореографією з естетичним вихованням накопичений у дослідженнях педагогів і діячів мистецтв: Л.Н.Богаткової, С.І. Букатіної, А.Я.Ваганової, Е.Д.Васильєвої, Г.І. Плахта, Т.В. Пуртової, М.М. Фокина та ін. Методичні

аспекти викладання бальної хореографії досліджували Гью Ховард, Алекс Мур, Уолтер Лерд, але виховні можливості бальної хореографії ще не достатньо вивчені.

Тому метою нашої статті є дослідження бальної хореографії як засобу естетичного виховання в сучасному освітньому просторі.

Мистецтво має унікальні можливості впливу на людину, тому естетичне виховання потрібно розглядати не лише як процес набуття художніх знань і вмінь, а, насамперед, як універсальний засіб особистісного розвитку школярів на основі виявлення індивідуальних здібностей, різнобічних естетичних потреб та інтересів [1]. Бальна хореографія в площині системи сучасної освіти здатна вирішувати кардинальні завдання, серед яких провідне місце належить естетичному вихованню школярів.

Естетичне виховання в системі освіти розглядається науковцями на основі різних підходів і позицій: як процес взаємодії педагога і учнів з метою розвитку естетичного відношення особистості до реалій сьогодення і мистецтва, формування естетичної свідомості та здатності до естетичної діяльності; як вид виховної роботи, в процесі якої засвоюються естетичні знання, набуваються творчі вміння і формується світогляд; як формування естетичного сприйняття і оцінки оточуючої дійсності; як стадіальний процес, що враховує вікові особливості сприйняття естетичного; як набутої індивідуальної цінності.

Серед дієвих ціннісно орієнтуючих чинників, що впливають на естетичне виховання старшокласників детермінуючим чинником є бальна хореографія, яку слід розглядати не тільки на макрорівні його функціонування, але й на мікрорівні певної субкультури, до якої належить особистість школяра.

Мистецтво як засіб формування ціннісних орієнтацій має багато властивостей та якостей, які визначаються природою естетичного, відтак, впливаючи на свідомість людини, мистецтво бальної хореографії виконує функцію формування ціннісного ставлення до моральних, естетичних, соціальних явищ як довготривалої установки, що входить до ціннісно-орієнтуючої системи як складової світогляду особистості.

В навчально-виховних закладах освіти бальна хореографія (на макрорівні) функціонує як засіб естетичного спілкування, що забезпечує обмін почуттями, смаками, уподобаннями школярів. Бо танець має здатність втілювати, зберігати і відтворювати духовні цінності, які жодним іншим шляхом не можуть іманентно перетворитися у суспільне надбання.

Хореографічне мистецтво є засобом пізнання цінності буття, отже, спонукає старшокласників дивитися на світ ціннісними категоріями. Унікальність хореографії в тому, що вона передбачає світосприйняття як думкою, так і переживанням цієї думки. Отже, танцюючи, старшокласники в системі освіти спроможні занурюватися у певні рольові ситуації в житті. І завдяки танцю вони переживають те, що в реальному житті для них може залишитися *terra incognita*. Це своєрідний спосіб комунікації зі світом, який передбачає не стільки логічні переконання, скільки розширення реального життєвого досвіду через ціннісне відношення до світу.[2]

Естетичне виховання засобами бального танцю за своєю природою - творчий акт. Він характеризується динамічною пластикою, інтенсивністю творчого переживання, співучастю учасника колективу, сприяє розширенню і збагаченню його особистого досвіду художнього бачення світу.

Успадковані віками традиції танцювального мистецтва можна розглядати крізь призму вирішення освітніх проблем. Адже хореографія – частина духовної культури, завдяки чому особистість має можливість прилучитися до соціуму шляхом набуття пізнавальної та соціальної активності у контексті творчого саморозвитку.

Погляди відомих філософів, мистецтвознавців, педагогів, психологів різних часів наголошують на доцільності прилучення учнів до занять танцем з метою їх різнобічного й гармонійного розвитку. Тому віддавна у багатьох країнах елементи хореографічного мистецтва як складові компоненти педагогічних систем включалися в естетичне виховання. Історична складова цього питання уможливорює переглянути та проаналізувати танцювальне мистецтво в освітньому просторі.

Німецький педагог, теоретик експериментальної педагогіки Вільгельм Август Лай розглядав танцювальну діяльність в школі як ефективний спосіб утвердження вивченого матеріалу. На його думку, використання танців сприяло творчому відношенню дітей до навчання, кращому запам'ятовуванню матеріалу, розвитку уяви й моторики [3].

Слід відзначити, що заняття танцем та хореографією в освіті XVIII – XIX століть розглядалися і як частковий вид діяльності, і як складова роботи з естетичного виховання.

Сучасна педагогіка у галузі хореографічного мистецтва підкреслює багатофункціональний аспект танцю в роботі з дитячим колективом. Так, теоретики (С. Акішев, Л. Бондаренко, Н. Георгян, В. Годовський, О. Голдріч, В. Кирилук, П. Коваль, Б. Колногузенко, О. Мартиненко, Б. Стасько, А. Тараканова, А. Фомін та інші) вважають, що залучення дитини до танцювального мистецтва в системі освіти важливе для її духовного розвитку, формування необхідних моральних якостей та розкриття творчого потенціалу. Духовна культура танцю спрямована на залучення до загальнолюдських культурних цінностей, формує розвиток естетичного смаку, емоційних виявів, вихованню позитивних норм поведінки, формуванню навичок психорегуляції.

Танець у системі освіти сприяє покращенню як естетичного так і фізичного розвитку, зміцненню здоров'я, формуванню інтересу до рухової діяльності, задоволенню природної потреби в русі, профілактиці відхилень у фізичному розвитку – порушення постави, плоскостопості, ожиріння тощо (Е. Вільчковський, К. Глушак, О. Сайкіна, А. Тараканова, Ж. Фірілеєва та ін.).

Бальна хореографія в сучасному освітньо-культурному просторі відіграє потужне виховне значення. В Україні накопичено цінний досвід викладання бального танцю в системі освіти.

Нині значної популярності набули ансамблі бального танцю в шкільному середовищі, учасники яких вивчають і пропагують світове хореографічне надбання.

Завдяки заняттям бальним танцем школярі здобувають основи естетичного виховання, у них формується потреба готовності відчувати та творити красу, звичка оцінювати явища і факти естетики, її основні категорії, розвивають стійкий інтерес до мистецтва, розуміння його ролі до духовного збагачення людини. Танцюючи, вони отримують чіткі уявлення про художні цінності, створені світовою культурою, у них виховуються стійкі критерії та емоційно-естетичне ставлення до мистецтва, поглиблюється здатність активної перетворюючої діяльності з внесенням елементів краси у всі сфери життя.

Важко переоцінити освітньо-виховне значення танцю в естетичному вихованні системи освіти. Удосконаленню естетичного виховання школярів сприяє робота мережі ансамблів, гуртків, секцій, студій бальної хореографії, які широкою мережею діють в загальноосвітніх навчальних закладах. Огляд їх досвіду свідчить, що бальний танець став важливим елементом виховного процесу. Тут охоплено не тільки музику, образотворче мистецтво, які входять до обов'язкового переліку предметів базового навчального плану загальноосвітніх шкіл, а також історія хореографічного мистецтва.

Аналіз практичної діяльності ансамблів бальної хореографії показує, що грамотно організована в них робота, з одного боку, прилучає школярів до культурного процесу, традицій, а з другого – стимулює естетичний розвиток особистості школяра, активно впливає на створення нових духовних цінностей, підтримує і посилює інтерес до світового мистецтва.

Бальний танець, то, як засіб виховання музично-танцювальної культури, відіграє важливу роль - поєднує в собі засоби музичної, пластичної, спортивно-фізичної, етичної і художньої освіти. Заняття бальним танцем органічно пов'язані із засвоєнням норм етики, немислимі без вироблення високої культури взаємодії між людьми. Витримка, бездоганна ввічливість, відчуття міри, простота, скромність, увага до оточуючих та їх настрою, доброзичливість, привітність - ось ті межі, які виховуються в учнях під час занять танцем і стають невід'ємними в повсякденному житті.

Виховання відчуття стилю та міри, при виконання того або іншого танцю, впливають на формування художнього смаку - важливого в естетичній освіті людини. Це завдання, є складовою частиною у навчанні бальному танцю, та повинно стати визначним в практичній діяльності педагога.

Зростаючий інтерес до бальної хореографії, прагнення залучитися до цієї поетичної мови спілкування є загальним для всіх народів. Тому так природно поява за останні роки нових для бальної хореографії танців, заснованих на традиціях національних культур. Бальний танець по праву може розглядатися як засіб і спосіб виховання толерантності і пошани до національних традицій і звичаїв інших народів, до менталітету і індивідуальності окремо взятої особи.

Головним виразним засобом є тут пластика людського тіла, узагальнена до символу. Рухи танцю організовуються в часі і просторі на основі музики. Бальний танець не розповідає про реальні явища, події або про конкретні предмети. Як і хореографічне мистецтво в цілому, бальний танець є мистецтвом, в якому відбиваються, перш за все, внутрішній світ людини, його емоційний стан, настроїв, відчуття, думки.

Аналіз практики доводить, що не може задовільнити розвиток естетичного виховання лише один урок музики на тиждень. Тому заняття бальною хореографією здатне заповнити прогалину у естетичному вихованні.

За спостереженнями С.В.Бондаревської [4], старшокласники прагнуть утвердити свою внутрішню незалежність, підкреслити свою самостійність у прийнятті життєво важливих рішень, вони здатні до самовиховання та самоосвіти.

У загальноосвітніх школах України донині існує нахил в бік дисциплін математичного і науково-природничого циклів. На предмети естетичного спрямування – музику, образотворче мистецтво відводиться лише близько 4% навчального плану. Недосконалість програм не дає можливості художнім дисциплінам стати фундаментом естетичного виховання, не сприяє формуванню художніх здібностей, художньо-образного мислення, фантазії естетичних почуттів, ціннісних критеріїв, а також набуття спеціальних знань і умінь. А розрив між наявною культурою школярів та істинними цінностями мистецтва дедалі збільшується, що становить загрозу відлучення школярів від світової скарбниці.

Отже естетичне виховання призначене коригувати формування особистісних характеристик особистості. Так, роль бального танцю в системі освіти можна визначити як цілеспрямовану духовну і практичну діяльність з формування у особистості активної життєвої позиції. Бальний танець здатний реалізувати функції естетичного виховання шляхом розвитку емоційно-логічного сприйняття соціальної дійсності; формування естетичних смаків, ідеалів, поглядів, переконань, етичного ставлення до танцювальної діяльності; стимулювання самостійності та розвиток творчих здібностей; пробудження здатності відчувати інтереси, потреби і бажання; формування передавати художній образ у творчій діяльності; розвиток здатності особистості до сприйняття цілісної картини світу, прагнення до примноження світового досвіду.

#### **Список літератури**

1. Концепція художньо-естетичного виховання учнів у загальноосвітніх навчальних закладах України // Шкільний світ. – 2002.- № 9. – 16 с.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – М.: «Академия», 2002. – 320 с.
3. Вильгельм Лай. Школа действия // История социальной педагогики : хрестоматия-учеб.: учеб. пособие / под ред. М.А. Галагузовой. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 544 с.
4. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика: Личность в гуманистических теориях и системах воспитания. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. - 560 с.

*Bukatova Oksana M., Izmail State Humanitarian University,  
Lecturer, Department of Technology Education*

## **Some aspects of learning the basics of occupational safety in the preparation of teachers of educational area "Technology"**

*Букатова Оксана Михайловна,  
Измаильский государственный гуманитарный университет,  
преподаватель кафедры технологического образования*

## **Некоторые аспекты изучения основ охраны труда в процессе подготовки учителей образовательной области «Технология»**

В статье рассматриваются некоторые аспекты изучения основ охраны труда в процессе подготовки учителей образовательной области «Технология».

Проводится анализ трудов ведущих украинских исследователей посвященных проблемам профессиональной, методической подготовки учителей технологий. Констатируются результаты анализа образовательных стандартов подготовки студентов в вузе по учебным дисциплинам «Безопасность жизнедеятельности», «Основы охраны труда», «Охрана труда в отрасли».

Развитие научно-технического прогресса предъявляет новые требования, как к развитию современного производства, так и к подготовке квалифицированных работников, владеющих прочными знаниями, умениями и навыками в различных отраслях производства. Однако необходимо отметить, что

с развитием современного производства растет и уровень производственного и непроизводственного травматизма, а также профессиональной заболеваемости. Поэтому трудовая подготовка учащихся должна происходить не только с учетом перспектив и достижений техники и технологий, но и с полным осознанием опасностей, возникающих при тех или иных технологических процессах.

По данным Всемирной организации здравоохранения, смертность от несчастных случаев в наше время занимает третье место после сердечнососудистых и онкологических заболеваний. Травматизм стал настоящим социальным злом и приобрел масштабы эпидемии; статистика показывает, что травматизм является основной причиной смерти человека в возрасте от 2 до 41 года.

Одной из причин неблагоприятного положения является низкий уровень знаний должностными лицами, школьниками вопросов безопасных приемов работы, серьезные упущения в воспитательной работе с учащимися, проводимой в этом направлении.

Анализ практической деятельности школьника на уроках технологий дает основания утверждать, что любая деятельность человека потенциально опасна. Действительно, источником опасности является сам человек, и травматизм в его деятельности отражает не волю случая, а следствие его собственных промахов, и заблуждений, отсутствие необходимого опыта деятельности, и непредусмотрительность. Поэтому на первый план должно быть поставлено целенаправленное обучение детей безопасным правилам и приемам в трудовой деятельности как важнейшему фактору сохранения жизни и здоровья.

Важная роль в решении этой проблемы принадлежит учителю технологий, потому что именно от наличия в его профессиональной деятельности необходимых умений и навыков, зависит степень подготовки учащихся к безопасной работе в сфере производства. Знание учителем этих факторов, владение методикой позволит добиться необходимых результатов по овладению безопасными приемами работы и сохранению жизни и здоровья людей. Поэтому совершенствование системы подготовки будущих учителей технологий на сегодняшний день рассматривается как одна из неотъемлемых составляющих системы образования в целом.

Опыт практической работы и аналитический обзор научной литературы показывает, что в современных условиях соотношение теоретической и практической подготовки будущих учителей технологий еще не достигло должного уровня.

Подготовка учителей технологий включает изучение свойств и технологических процессов обработки разного рода материалов, в частности цветного и черного металлов; различных пород древесины; различных видов тканей и т.д. В связи с этим возникает необходимость в приобретении практических умений и теоретических знаний безопасного использования оборудования и оборудования для обработки вышеупомянутых материалов, в соответствии с требованиями охраны труда.

Анализ образовательных стандартов подготовки студентов в вузе показывает, что в рамках высшего профессионального образования существует возможность более эффективного развития направленности студентов на безопасность профессиональной деятельности в процессе усвоения знаний по учебным дисциплинам «Безопасность жизнедеятельности», «Основы охраны труда», «Охрана труда в отрасли», потенциал которых не используется в достаточной мере в высшей школе.

Проблемам профессиональной, методической подготовки учителей технологий (трудового обучения) посвящено много трудов ведущих украинских исследователей: В.Андрюшина, И.Волошка, А.Вихруца, О.Гедвилло, В.Гетты, Р.Гуревича, А.Коберника, Н.Корца, В.Кузьменко, В.Мадзигона, Л.Оршанского, В.Сидоренко, В.Стешенко, Г.Терещука, В.Титаренко, Д.Тхоржевского, М.Янцура и других.

Важное место среди работ, посвященных вопросам охраны труда в подготовке будущих учителей технологий (трудового обучения) занимают труды таких ученых, как Р.Сабарно [4], В.Огурцова [2], А.Саркисова [5]. В сборнике производственных ситуаций и деловых игр по курсу «Охрана труда», разработанной Г.Н. Титовой, собрано достаточное количество производственных ситуаций и деловых игр (с примерами их проведения), имитирующие профессиональную деятельность инженера-технолога при проектировании и эксплуатации химических производств [6]. Группой авторов Донбасской государственной машиностроительной академии созданы методические пособия по организации самостоятельной работы студентов по дисциплине «Основы охраны труда» с использованием программных средств обучения [1].

Однако в этих работах дается лишь краткое содержание лекций, методические советы по их проведению преимущественно традиционными методами обучения. Следует отметить, что в одних исследованиях отмечается необходимость установления и развития межпредметных связей и

взаимодействий науки об охране труда с другими учебными дисциплинами. Она широко использует новейшие достижения науки и техники, базируется на теоретических разработках по физике, химии, математике, электронике, медицине, экономике и т.п.

Важное место в разработке вопросов охраны труда занимают такие научные дисциплины, как эргономика, инженерная психология и физиология труда, техническая эстетика.

На сегодняшний день объективной реальностью является тот факт, что учебные мастерские и лаборатории оснащены разнообразным оборудованием, которое используется в процессе обработки разного рода материалов. И именно учителю технологий и учебным мастерам приходится обеспечивать и поддерживать надлежащее состояние материальной базы учебных мастерских, которая будет отвечать современным требованиям образовательных программ. Поэтому прежде учитель технологий должен владеть знаниями, связанными со строением и принципом работы механизмов для обработки разного рода материалов, умело и безопасно проводить их эксплуатацию в соответствии с назначением и техническими условиями, проводить сложные ремонтные работы, не внося существенных изменений в устройство и принцип действия данного оборудования, которые не противоречили бы требованиям охраны труда.

Однако ряд вопросов таких, как профессиональная и научная подготовка учителей технологий по основам охраны труда, разработка методически обоснованного обеспечения ориентированного на профессиональную подготовку, еще не полностью отражены в научно-методической литературе.

В связи с этим, в условиях внедрения кредитно-модульной системы обучения нужны принципиально новые подходы, как к преподаванию учебного курса, так и к его методическому обеспечению.

Кроме того, анализ литературных источников по теме исследования показал, что есть работы, как украинских, так и зарубежных авторов, в которых исследуются вопросы методического обеспечения и методики преподавания курса «Основы охраны труда». Однако в этих работах дается лишь краткое содержание лекций, методические советы по их проведению преимущественно традиционными методами обучения.

На основании всего выше сказанного можно сделать вывод, что изучение этой учебной дисциплины в вузах предусмотрено соответствующими нормативными актами Министерства образования и науки Украины при подготовке специалистов по образовательно-квалификационному уровню «младший специалист», «бакалавр», «специалист» и «магистр» и является очень важным в процессе подготовки учителей образовательной области «Технология».

#### **Список литературы:**

1. Глиняна Н. М. Організація самостійної роботи студента з дисципліни "Основы охорони праці" з використанням ПЕОМ: Для всіх спец. ден. форми навчання / Глиняна Н. М., Дементій Л. В. – Краматорськ : ДДМА, 2004. – 31 с.
2. Огурцов В. П. Методика подготовки и чтения лекции по вопросам охраны труда и техники безопасности / Огурцов В. П. – К. : Знание, 1975. – 21 с.
3. Питання державного регулювання викладання у ВНЗ дисципліни "Безпека життєдіяльності", "Охорона праці" та "Цивільний захист" / О. І. Запорожець, А. В. Русаловський, В. М. Заплатинський, Б. Д. Халмурадов // Безпека життєдіяльності. – 2007. – № 11. – С. 11-13.
4. Сабарно Р. В. Методика подготовки и чтения лекции по вопросам охраны труда / Р. В. Сабарно, В. В. Марцун. – К. : Знание, 1977. – 19 с.
5. Саркисов А. Р. Правовые вопросы охраны труда и техники безопасности: учебно-метод. пособие / Саркисов А. Р. – М. : Знание, 1979. – 56 с.
6. Титова Г. Н. Сборник производственных ситуаций и деловых игр по курсу "Охрана труда" / Титова Г. Н. – Л. : Химия, 1988. – 216 с.

*Zhukova Oxana, Ph.D., Pedagogics; Associate Professor,  
Department of Pedagogy, Faculty of Psychology  
Kharkov National University named after V.N.Karazin*

## **Indications of a successful socialisation of students in a constantly changing environment**

*Жукова Оксана, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна,  
кандидат педагогічних наук, доцент, факультет психології*

### **Чинники успішної соціалізації студентської молоді в умовах світу, що змінюється**

Зміни в соціальній, економічній, політичній сферах суспільного життя призводять до відповідних змін в освітній сфері та в цілому мають суттєвий вплив на процес соціалізації молоді.

У період трансформації суспільства можна спостерігати яскраві приклади кризової, нормативної, реабілітаційної типів соціалізації, а також тієї, що відхиляється від норми. Фахівців психолого-педагогічного напрямку особливо цікавлять питання, пов'язані з успішною соціалізацією індивіда, як певної ідеальної моделі в аспекті підготовки майбутніх фахівців.

Показниками, що визначають різний ступінь успішності або неуспішності процесу соціалізації, є наявні результати діяльності індивіда з оволодіння ним еталонами, нормами, установками, досвідом, соціальними ролями й т.ін., притаманними суспільству на конкретному історичному відрізку часу. Слід зазначити, що питання, пов'язане з виділенням критеріїв результативності процесу соціалізації, є недостатньо розробленим як вітчизняними, так і закордонними вченими, а тому є відкритим.

Свого часу думки та ідеї щодо результативності соціалізаційного процесу були висловлені представниками французької соціологічної школи Е. Дюркгеймом, Л. Леві-Брюлем, С. Московичі, В. Дуазом, Д.Жодле, американцями Н. Смелзером, Т. Шибутані, Е. Берном, К. Роджерсом, Дж. Мідом, М. Мід, Т. Парсонсом, Е. Еріксоном та іншими видатними європейськими мислителями - З.Фрейдом, Ю. Хабермасом.

Оцінка результатів процесу соціалізації була предметом уваги російських учених, серед яких: Б.Г. Ананьєв, А.В. Брушлінський, В.В. Богданова, Л.Г. Борисова, С.Г. Вершловський, А.С. Волович, Н.О. Каргапольцева, А.І. Ковальова, І.С. Кон, С.М. Краснокутська, А.І. Кравченко, С.М. Макарова, І.В. Михайлов, А.В. Мудрик, А.О. Реан, Г.С. Сухобська, Д.Й. Фельдштейн, М.М. Шашунов та ін.

Серед представників української школи слід звернути увагу на праці Г.М. Авер'янової, Т.Ф. Алексеєнко, О.В. Безпалько, Н.М. Дембицької, І.Д. Зверєвої, Н.М. Лавриченко, М.П. Лукашевича, В.В. Москаленка, А.О. Рижанової, С.В. Савченко, Л.О. Шеїної та ін.

Аналіз праць вищезазначених авторів дозволив зробити висновок про те, що активність, діяльність і раціональність в їх сукупності та єдності, що визначають індивідуальний шлях людини в соціалізаційному процесі на етапі її вторинної соціалізації, не розглядалися в якості чинників успішної соціалізації.

Отже, мета статті полягає у висвітленні тріади чинників, що характеризують індивідуальність й неповторність соціалізаційного процесу кожного конкретного індивіда та мають певний вплив на його успішність.

Для реалізації зазначеної мети були поставлені наступні завдання:

- з позицій міждисциплінарного підходу дати оцінку результатів соціалізації;
- представити активність, діяльність та раціональність як такі якості індивіда, що сприяють його особистісному зростанню;
- довести, що зазначені якості можна розглядати як чинники успішної соціалізації індивіда.

Проблема соціалізації особистості займає одне з центральних місць у філософських, соціологічних, психологічних, педагогічних, соціально-філософських, соціально-педагогічних та соціально-психологічних дослідженнях.

У загальному вигляді процес соціалізації є динамічним процесом, який триває все життя; процесом, що включає суму контрольованих (цілеспрямованих) та стихійних впливів;



індивідуалізованим процесом, що складається з двох боків - зовнішнього (адаптації) та внутрішнього (інтеріоризації суспільних норм, правил поведінки, соціальних ролей й т.ін.).

Як підкреслює С.М. Макарова [17, с. 145], в соціології під час дослідження процесу соціалізації «увага, як правило, акцентується не так на індивідуальних особливостях, як на самих соціальних структурах, нормах, формах поведінки і т.п., та на механізмах передачі соціального досвіду від покоління до покоління». Згідно з нашими поглядами, у світлі зміни освітніх парадигм зі знаннєвої на гуманістичну для розвитку сучасної педагогіки, що набуває риси особистісно-орієнтованої, особливого значення набуває зміна акцентів з процесів засвоєння та присвоєння суспільних норм на розвиток індивідуальних якостей людини в ході цих процесів, бо соціалізація «покликана забезпечити постійне особистісне зростання» [9, с. 111]. З позицій соціально-педагогічного підходу індивід розглядається як такий, що активно бере участь у процесах самоперетворення, які відбуваються на тлі соціокультурного середовища, що постійно змінюється [1, с. 80].

Згідно з нашими переконаннями, активність, діяльність та раціональність є саме тими якостями індивіда, що, з одного боку, сприяють особистісному зростанню індивіда, а з іншого боку, ступінь їх сформованості дозволяє дати оцінку процесу соціалізації.

Автори, які сформулювали поняття «соціалізація» (Ф.Г. Гіддінгс) [25, с. 9], чітко зафіксували її зв'язок з процесами освіти та виховання [15, с. 130]. Ці процеси, за їхнім розумінням, є важливими засобами соціалізації. Суспільство через соціальні інститути та різні форми суспільної свідомості завжди здійснювало свою корегуючу дію на освіту та виховання і навпаки. Така взаємодія і взаємовплив забезпечують подальший розвиток соціуму. Це положення знайшло своє відображення в західній системі соціально-філософського знання ХХ ст.

Сучасника Ф. Гіддінгса, французького соціолога Г. Тарда, у дослідженні процесу соціалізації цікавили механізми стабілізації суспільства, які він пов'язував із розвитком соціуму через творчі можливості людини, що мають розвиватися в ній завдяки процесам виховання та навчання.

Сучасний український учений М.П. Лукашевич у своєму дослідженні соціалізаційного процесу [16], що містить аналіз робіт більш ніж п'ятдесятьох вітчизняних, радянських, російських та закордонних авторів за ціле століття, підтвердив зв'язок соціалізації з процесами навчання і виховання, зацентрував увагу на постановці проблеми щодо значення результатів соціалізації в різних соціально-економічних умовах проживання людей (зокрема, на чисто прагматичному підході американських соціологів до цілей і результатів соціалізації дитини, як «випічці» своєрідної продукції для потреб суспільства) [16, с. 144].

До прагматичного у вихованні підходу відомого американського філософа Дж. Дьюї було додано ідеї необіхевіористичного, «нового» гуманістичного та екзистенційного підходів [24].

Головний підсумок історичного огляду М.П. Лукашевича підтверджується думкою І.С. Кона про те, що «особистість, що формується, не є об'єктом якихось зовнішніх впливів, а є активним суб'єктом самоосвіти» [16, с. 153] і, додамо, самовдосконалення.

У сучасному розумінні суті соціалізації типовим є прагнення дослідників урахувати всю сукупність соціальних і психологічних процесів, за допомогою яких відбувається процес соціалізації – як контрольованих цілеспрямованих, так і стихійних, спонтанних [7, с. 119; 10, с. 5; 11; 22, с. 28; 28, с. 190]. Деякі автори розуміють їх як взаємодію [18, с. 15; 9, с. 110], а не просту сукупність впливів на людину.

В цілому, аналіз праць дослідників процесу соціалізації минулих часів та сучасності свідчить про те, що на сьогодні не існує чіткого на всі випадки життя й історичні епохи визначення явища соціалізації через несхожість її проявів в особі кожного конкретного індивіда та особливостей при наявності спільних рис та характеристик. Теоретичні думки й формалізовані моделі в межах цього явища у вигляді понять, визначень й т.ін. деяким чином обґрунтовують та доповнюють одна одну, але, згідно з нашими поглядами, головне обґрунтування полягає в адекватності отриманих знань дійсності на кожному конкретному відрізьку часу.

Згідно з нашою думкою, спільними для розкриття сутності соціалізації в згаданих вище працях є, як мінімум, чотири ознаки особистості як члена соціуму:

- активність, що перетворила людину на індивіда, здатного вижити внаслідок оволодіння трудовими навичками та засвоєння соціального досвіду;
- індивідуальність, що характеризується моральною і соціальною відповідальністю в суспільстві, економічній системі;
- раціональність як здатність підтримувати зв'язки, розуміти інших людей, успішно з ними взаємодіяти, конструювати «повсякденну діяльність» на прийнятних для всіх учасників умовах (хоча й не завжди сприйнятливих для всіх членів суспільства);

● діяльність як здатність ставити мету й досягати її індивідуально чи колективно, співвідносно з цінностями й ціннісними орієнтирами всього людства, з урахуванням досвіду минулого для майбутніх поколінь.

У працях дослідників радянського часу визначення поняття соціалізація, тобто оволодіння людиною цінностями, нормами, установками, зразками поведінки, властивих даному суспільству, крім ідеологічного впливу, виховання і навчання в обов'язковому порядку включало й активну, цілеспрямовану участь самої людини. Слід додати, що ступінь активності в дослідженнях авторів радянського часу був різним, про що свідчать праці М.М. Іорданського [8, с. 17], М.О. Бердяєва [2, с. 148; 3, с. 210], І.С. Кона [12, с. 22, 101], В.Б. Ольшанського [13, с. 66-67], Б.Д. Паригіна [20, с. 124-125] та й ін. Людина була головним героєм і творцем науково-технічної революції. Від інших біологічних істот її відрізняла здатність до перетворювальної діяльності оточуючого середовища [27, с. 12].

Актуальною та важливою для успішної соціалізації індивіда в трансформаційний період розвитку багатьох країн під кутом зору нових підходів до виховання і навчання в умовах ринкових відносин стала думка італійського вченого та суспільного діяча А. Печчеї (1977 р.) відносно того, що «...слід просто перевернути нинішнє поняття розвитку, сфокусувати основну увагу не на потребах людської істоти, а на її спроможності вносити вклад у їхнє задоволення, тобто на її власних якостях та на її власній винахідливості» [21, с. 254]. Таким чином, один з векторів активної поведінки людини повинен мати спрямування на формування розмаїтого спектру особистісних якостей, що допоможуть індивіду вільно функціонувати в умовах світу, що постійно змінюється.

Виділення активності людини в якості однієї з умов її успішної соціалізації, згідно з нашими поглядами, не може применшувати значення тієї частини визначень поняття «соціалізація», де йдеться мова про можливість стихійного оволодіння людиною певною сумою накопичених знань та соціального досвіду, необхідних для її виживання в умовах того або іншого суспільства, політичної системи, рівня виробництва й т.ін. Пасивною людина просто не може бути за своєю приналежністю до живої, біологічної сфери. Вона їй іманентна, тобто внутрішньо властива.

Активність – риса матерії, що розвивається, і, безумовно, характеристика всього живого, включаючи людину. Вона дозволяє пояснити періодичність та ситуативність соціалізації. Наукові, в тому числі філософські, дослідження активності мали місце в працях дослідників радянського часу 70-80-х рр. В.І. Кременського, В.Х. Беленького, А.В. Маргуліса [14, с. 60]. В них, зокрема, стверджувалась думка про те, що активність властива всім формам матерії, включаючи неорганічну природу. Як фундаментальне явище дійсності, вона, згідно з нашими поглядами, може бути краще зрозумілою у співставленні з пасивністю.

Так, М.В. Дьомін довів, що «активність можна визначити як дію (або сукупність дій) того чи іншого предмета, обумовлену причинами, що мають внутрішній характер», а для пасивності основною ознакою є, навпаки, зовнішня детермінація [6, с. 7-8]. Аналогічним способом можна розрізняти пасивні чи активні процеси соціалізації, в тому числі оцінювати ступінь засвоєння норм поведінки, впливу механізмів соціалізації.

Через призму активності соціалізація виступає в суперечній єдності з процесами змін, розвитку, руху, взаємодії, що мають універсальний характер. У зв'язку з цим, рух і взаємодія процесів, що системно визначають соціалізацію, забезпечують її рух і саморух та мають відображення в актах пристосування, зміни й розвитку механізмів, засобів, типів соціалізації. Зокрема, завдяки активності, зміни відбуваються у змісті й характері норм, цінностей, ціннісних орієнтацій. Вони можуть бути видозмінені та набувати нових якостей.

Таким чином, активність, являє собою сукупність окремих дій або актів діяльності людини – зовнішніх чи внутрішніх, матеріальних і нематеріальних, духовних.

У 70-ті рр. Г.П. Щедровицьким, радянським філософом та методологом, було подано особливе уявлення про акт діяльності з метою аналізу й порівняння форм її організації, в яких групи людей спільно й планомірно беруть участь в одному або різних процесах праці [26, с. 267].

Також поняття «діяльність» певною мірою розкривається через поняття «мети» (ідеальної уяви про майбутній результат діяльності) й поняття «доцільності» чи «раціональності».

Діяльність припускає цілеспрямовані дії, тобто, припускає рух, акти дії по досягненню бажаного результату, який спочатку уявляється в ідеальній формі. У відповідності з цим, діяльність – це таке виявлення живих істот, котре, з одного боку, характеризується активністю, а з іншого – доцільністю. Тому під діяльністю розуміють цілеспрямовану раціональну активність.

Діяльність можна розглядати через її види й елементи, сутність, структуру та ін. Цілеспрямована діяльність властива і тваринам, тільки в цьому випадку вона визначається генетичним кодом, відтворюється кожного разу в одному й тому ж вигляді, має споживацький характер. Діяльність людини відрізняється чітко або нечітко вираженою перетворювальною спрямованістю.

Цілісність структури діяльності людини утворюється завдяки тісній взаємодії чотирьох основних її елементів:

- предметної діяльності, що, в першу чергу, включає компоненти емоційної та інтелектуальної дії на предмет духовної (теоретичної) і практичної (матеріальної) дійсності;
- спілкуванню, котре в найбільш розгорнутому вигляді сприймається як обмін інформацією між людьми та проявляється в духовній площині у вигляді взаємовпливу, взаєморозуміння, взаємопереживання;
- праці; вона розглядається в якості утилітарної, викликані потребою, необхідністю, що продиктована потребою і зовнішньою доцільністю;
- ігрової діяльності, яка включає розважальні (функція задоволення) та продуктивно-перетворюючі види ігор (функція соціалізації, адаптації й ін.).

Діяльнісний підхід до соціалізації дозволяє з перших спроб, з використання уявлень про елементи діяльності, їх відмінність і зміст, через елементи структури діяльності, таких як мета, цінності, методи і засоби, технології та ін. проникати все глибше в сутність соціалізації в теоретичній, методологічній, суцільно практичній площинах. Вищезазначений зміст елементів діяльності дає багаті можливості для поглиблення знань, внесення різноманітності, комбінування підходами й методами в межах соціальної роботи, освіти й т.ін.

Через структуру раціональності можна визначити мотиви діяльності та її спрямованість (на процес чи результат).

В цій же площині становить інтерес раціональність вибору мети, ставлення до розрахунку й логіки, що, наприклад, має прояв в тому, яким чином людина пояснює свої неуспіхи під час досягнення поставленої мети – невдачею, обставинами, що не залежать від неї, власною помилкою. В одних культурах є престижним вважати людину невдахою, ніж дурнем, а в інших – навпаки, краще вважатися дурнем, ніж невдахою, що співзвучно нашій дійсності в період суспільних трансформацій.

З вищезазначеного чітко прослідковується тісний зв'язок поняття «активність» з поняттями «діяльність» та «раціональність». Поняття «об'єкт» діяльності було розроблено чиказьким вченим Дж. Мідом. В його межах дослідником було розглянуто пізнавальні, психічні й соціальні феномени, у тому числі соціальність та соціалізація.

Об'єднавши підхід М. Вебера, основу якого становила соціальна дія, з традицією пізнання соціальних процесів Дж. Міда, Т. Парсонс у 30-ті рр. XX ст. створив «аналітичну теорію соціальної поведінки», у рамках якої з'явилася можливість вивчати не просто об'єднання людей, як таких, або людину окремо, а й елементи дії людини, серед яких - норми культури, цінності, інституціональні орієнтації й т.ін.

Після М. Вебера раціональність, за свідченням Н.Ф. Наумової [19], довго не залучали для вивчення властивостей поведінки людини і лише в 60-ті рр. XX ст. вимір раціональності соціальної дії зайняв скромне місце в американській соціології серед інших «особистісних рис» людини. Раціональність розглядалася із фрейдистських позицій як «сила Я», тобто ступінь розумності поведінки людини.

Згідно з думкою Н.Ф. Наумової, раціональність є ані властивістю, ані стратегією індивідуальної поведінки. Вона - засіб і характеристика взаємодії людей. Згідно з нашими переконаннями, вона є ще й «містком» для розуміння сучасними поколіннями досвіду та діяльності минулих поколінь, тому що раціональність є аналогом з'ясовності, зрозумілості: «...не тому зрозуміла поведінка іншої людини, що вона раціональна, а тому вона раціональна, що зрозуміла обом учасникам взаємодії» [19, с. 35].

Отже, активність, діяльність, раціональність, що досліджувались у радянські часи, не були виділені як тріада важливих чинників успішної соціалізації індивіда, хоча одним із критеріїв соціалізованості (поряд із змістом сформованих установок, стереотипів, цінностей; адаптованістю особистості, її нормотипічною поведінкою; соціальною ідентичністю) був виділений ступінь незалежності особистості, її впевненості, розкутості, ініціативності, незакомплексованості [23, с. 74].

Наприкінці XX ст. з'явилися нові підходи в дослідженні процесу соціалізації з урахуванням глобальних змін, а також змін у політичній та соціально-економічній сферах країн СНД.

Перехід від радянської моделі соціалізації, що передбачала рівні стартові можливості й гарантії, до сучасної варіативної моделі, згідно з поглядами А.І. Ковальнової та В.П. Букіна [5, с. 125; 9, с. 114], супроводжувався процесами трансформації основних інститутів соціалізації та деформації ціннісно-нормативного механізму соціальної регуляції; дисбалансом організованих і стихійних процесів соціалізації; зміною співвідношення суспільних та особистих інтересів у бік розширення автономії особистості, простору для самодіяльності, творчості, ініціативи.

Інтегральним показником, що дозволяв урахувати об'єктивний та суб'єктивний боки соціалізаційного процесу, стало відносно нове поняття «соціалізаційна траєкторія» [9, с. 114]. Взввши за основу запропоноване А.І. Ковальновою трактування даного поняття, В.В. Богдановою було графічно проілюстровано траєкторну модель соціалізації та представлено типи соціалізації за ознакою результативності у згаданій моделі [4]. Серед представлених дослідницею типів соціалізації нами акцентовано увагу на успішній соціалізації.

Різні підходи до дослідження «успішної соціалізації» були розглянуті С.М. Макаровою. На думку автора, терміни «соціалізованість», «соціальна зрілість» є тотожними терміну «успішна соціалізація» » [17, с. 145] і, в цілому, вони символізують результативність соціалізаційного процесу. Аналіз даної роботи [17] дозволяє виділити складові успішної соціалізації, серед яких:

- психологічні явища, що свідчать про міру й глибину соціалізації (Б.Г. Ананьєв);
- здатність успішно орієнтуватися в суспільному житті, а також проявляти конформність до соціальних приписів; ступінь здатності людини бути суб'єктом власного розвитку і, в якійсь мірі, суспільства в цілому (Л.Г. Борисова);
- сформованість рис, що задаються статусом і мають бути затребуваними у даному суспільстві (А.С. Волович);
- засвоєння якостей (особистих й соціальних), що будуть характеризувати індивіда на наступній стадії розвитку (А. Інкельс);
- здатність до зміни особистістю своїх ціннісних орієнтацій; вміння знаходити баланс між своїми цінностями та вимогами ролі при вибірковому ставленні до соціальних ролей; орієнтація на розуміння універсальних моральних людських цінностей, а не на конкретні вимоги (А.В. Мудрик);
- внутрішня спрямованість особистості тільки на ті цінності, що мають позитивну спрямованість по відношенню до розвитку людства, його культури та цивілізації (Г.С. Сухобська);
- повага до себе (відчуття власної гідності), повага до людей і до природи, вміння прогнозувати, творчо підходити до життя (гнучкість й усталеність в мінливих ситуаціях), креативність (І.С. Кон);
- відповідальність, терпимість, саморозвиток та позитивне мислення як інтегральний компонент, що охоплює всі попередні критерії й одночасно присутній у кожному з них (А.О. Реан);
- розвиненість соціально-моральних якостей, таких як працьовитість, громадська свідомість і активність, почуття обов'язку, законслухняність, відповідальність та ін. (А.І. Кравченко);
- ступінь незалежності, впевненості, самостійності, розкутості, ініціативності, незакомплексованості, що виявляються в реалізації соціального в індивідуальному (Д.Й. Фельдштейн);
- зміна особистісних мотивацій (С.Г. Вершловський);
- інтелектуальний, трудовий, професійний, світоглядний, політичний, моральний та ін. боки соціальної зрілості (Н.О. Каргапольцева);
- самосвідомість людини та її «Я-концепція» (Т. Шибутані, Е. Берн, К. Роджерс);
- придбання моральної та персональної ідентичності (З. Фрейд, Е. Еріксон);
- розуміння й визначення свого «Я» (М. Мід);
- розвиток здібностей до побудови та реалізації власного життєвого проекту (Ю. Хабермас);
- особистісні норми, особистісні смисли (О.Ю. Артем'єва, О.Г. Асмолов);
- досягнення вершин творчості (Б.Г. Ананьєв, А.О. Деркач, А.М. Зімічев, Г.С. Михайлов);
- соціальні звички (С.А. Беличева, А.В. Петровський), а також установки, мотиваційні освіти, в тому числі ціннісні орієнтації, характер особистості.

Таке розмаїття складових успішної соціалізації, згідно з нашою думкою, можна пояснити тим, що людина постійно еволюціонує, тому постійно еволюціонує й поняття «соціалізація». На кожному історичному відрізку часу воно має певний зміст, наповнюється новими смислами відповідно до вимог суспільства і життя, що також постійно змінюються.

Зазначений вище перелік складових успішної соціалізації, як певної ідеальної моделі, згідно з нашими поглядами, з часом теж буде розширюватися та уточнюватися з метою формування індивіда з розвиненими соціально-моральними якостями, творчим підходом до справ, здатного до вільного

функціонування в суспільстві й орієнтації в суспільному житті, подальшого розвитку здібностей, необхідних для формування й вибудови власної траєкторії життя.

Сукупність всіх складових соціалізаційного процесу (умови, фактори, інститути, агенти й т.ін.) має вагомий вплив на формування особистісних якостей індивіда, серед яких провідну роль становлять активність, діяльність, раціональність.

Отже, викладений матеріал та його аналіз дозволяє зробити наступні висновки.

1. З позицій соціально-педагогічного підходу особистість розглядається як така, що активно бере участь у процесах самоперетворення та самовдосконалення в соціокультурному середовищі. В межах зазначеного підходу сутність соціалізації полягає в тому, що вона є процесом і одночасно результатом розвитку та самозміни людини.

2. Освіта та виховання, вищі навчальні заклади складають певну систему інститутів соціалізації, функціонування яких спрямоване на розвиток особистості. Активність, діяльність та раціональність слід вважати такими якостями індивіда, що сприяють його особистісному зростанню.

3. Активність, діяльність, раціональність можна розглядати як тріаду чинників, що характеризують індивідуальність й неповторність соціалізаційного процесу кожного конкретного індивіда та мають певний вплив на його успішність.

### **Список літератури:**

1. Безпалько О.В. Соціалізація /О.В. Безпалько //Енциклопедія для фахівців соціальної сфери. – 2-ге видання. – Київ, Сімферополь: Універсум, 2013. –С.79-81.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма /Н.А. Бердяев. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 220 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире /Н.А. Бердяев //Новый мир. – 1990. - №1. – С. 207-232.
4. Богданова В.В. Траектории социализации как социологический феномен /В.В. Богданова //Знание. Понимание. Умение. – 2009. - №1. – С. 70-74.
5. Букин В.П. Социализация молодежи в современном российском обществе: региональный аспект /В.П. Букин //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. - №1 (9). – С. 122-130.
6. Демин М.В. Природа деятельности /М.В. Демин. – М.:МГУ, 1984. – 168 с.
7. Зверева І.Д. Соціально-педагогічна робота з дітьми та молоддю в Україні: теорія та практика /І.Д. Зверева. – К.: Правда Ярославичів, 1998. – 333 с.
8. Иорданский Н.Н. Основы и практика социального воспитания /Н.Н. Иорданский. – М.: Работник просвещения, 1923. – 190 с.
9. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория /А.И. Ковалева //Социологические исследования. – 2003. - №1, 2003. – С. 109-114.
10. Коваль Л.Г., Зверева І.Д., Хлебик С.Р. Соціальна педагогіка /Л.Г. Коваль, І.Д. Зверева, С.Р. Хлебик. – К.: ІЗМН, 1997. – 392 с.
11. Кон И.С. Психология ранней юности: Книга для учителей /И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
12. Кон И.С. Социология личности И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
13. Кон И.С., Ольшанский В. Социализация /И.С. Кон, В. Ольшанский //Философский словарь. – М., 1970. – Т.5. – С. 66-67.
14. Кременский В.И. К анализу активности материальных систем /В.И. Кременский //Вопросы философии. – 1969. - №10. – С.54-63.
15. Лозова В.І., Троцко В.Г. Теоретичні основи виховання і навчання /В.І. Лозова, В.Г. Троцко. – Х., 1997. – 338 с.
16. Лукашевич Н.П. Социология воспитания: Краткий курс лекций /Н.П. Лукашевич. - К.: МАУП, 1996. – 180 с.
17. Макарова С.Н. Успешная профессиональная социализация: основные подходы к исследованию /С.Н. Макарова //Вестн. Челябинского гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. - 2007. - № 17. - С. 145-155.
18. Москаленко В.В. Социализация личности: Философский аспект /В.В. Москаленко. – К.: Вища шк., 1986. – 200 с.

19. Наумова Н.Ф. Рациональность поведения: социологические аспекты /Н.Ф. Наумова //Философские аспекты системных исследований. - М., 1980. – 78 с.
20. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука /Б.Д. Парыгин. – Л.: Лениздат, 1967. – 262 с.
21. Печчеи А. Человеческие качества /А.Печчеи. - М.: Прогресс, 1985. – 311 с.
22. Соціальна педагогіка: В 2 ч.: Ч.1: Основи соціальної педагогіки /Харк.Держ.ін-т культури, Малько. – 1998. – 59 с.
23. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе /Д.И. Фельдштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 206 с.
24. Шварман К.А. Философия воспитания /К.А. Шварцман. – М.: Политиздат, 1989. – 208 с.
25. Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации /Е.Б. Шестопал. – М.: Мысль, 1988. – 203 с.
26. Щедровицкий Г.П. Избранные труды /Г.П. Щедровицкий. – М.: Шк.культ.политики, 1995. – 800 с.
27. Щукина Г.И. Роль деятельности в учебном процессе /Г.И. Щукина. - М.: Просвещение, 1986. – 144 с.
28. Ясная Л.В. Социализация /Л.В. Ясная //Социология: Словарь-справочник. – М., 1991. – Т3. – С.190-192.

***Oksana Karabin,***

*PhD at Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University,  
Department of Computer Science and Methods of Its Teaching*

***Inna Hrod,***

*PhD at Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University,  
Department of Computer Science and Methods of Its Teaching*

## **Problems of training of prospective teachers to work in the information environment**

Total computerization and effective strategy for new priorities which consider innovation processes at the present stage of education development are possible through extensive implementation of information technology and creation on its basis a perspective information environment in the process of prospective teacher training.

The current state of informatization in Ukraine is characterized by the following achievements: state policy in the field of informatization is being actively implemented; a regulatory and legal framework and technical basis for informatization are being created; the process of informatization has ceased to be spontaneous and started to be manageable; regional component of informatization is getting more effective; the market of information technology and services has taken shape and it is getting more competitive; the authorities take measures aimed at information protection and information security of the state in terms of the use of computer technology; international cooperation in the field of informatization is being developed [1].

To work in the information environment, one must have some level of preparedness to use the information technologies that will allow to use such an environment fluently, as well as to participate in its development and improvement, and to promote distribution of information streams [5].

Various aspects of the information environment have been widely reflected in psychological and pedagogical works by K. Kolin, Yu. Schreider, N. Moiseienko, V. Bykov, A. Zimina, O. Sokolova, E. Zaitseva, L. Kechiyev, H. Putilov, R. Tumkovskiyi. The problems of training teachers to work in the information environment have been considered in the works by A. Ardeyev, N. Bulhakov, M. Kademiya, I. Robert.

With the development of the national system of education, prospective teachers' effective work in the information environment is provided via the conditions imposed by the intended educational purpose of the education and training process, the focus of which is the identity of the future teacher with a high level of professional training at a higher vocational education.

The aim of the present paper is to outline the features of training of prospective teachers to work in the information environment. Modern information society defines the following objectives for higher education establishments to train professionals:

- to be flexible enough to adapt to situations which may change and to be able to independently acquire the necessary knowledge and apply it in practice;
- to be able to think critically and to see the problems that arise in real activity, as well as to seek ways of their rational solution using information technology;
- to be able to handle information correctly;
- to be sociable, to contact different social groups, to be able to work in a team;
- to work independently to develop one's own morality, intelligence, and cultural level [14].

According to some researchers, the information environment should be considered from the following aspects [2; 10; 11; 13]:

- The information environment as an activity when a person becomes a member of the communication process and the focus is on his/her ability to present personal knowledge in the form in which it can be transferred, and after the information has been processed to turn it into personal knowledge again;
- The information environment as a system of historically established forms of communication;
- The information environment as an information infrastructure created by society to carry out communication activities on a scale that corresponds to the level of social development (publishing houses, libraries, information centers, data banks, the media, etc.).

In many studies, researchers emphasize the following possibilities of the information environment:

- A set of hardware and software facilities for storage, accumulation, transfer, handling, processing and dissemination of information. These facilities should provide quick access to information and perform educational and research communications which are relevant to achieving the goals and objectives of education [2; 8];
- Widespread use of the new capabilities of computer science, active integration of information technology to improve the efficiency of the education system and to create conditions for the formation of a competent professional [4;9];
- Accumulation of large amounts of information objects and relationships between them, as a sum of all the information and knowledge streams at the intersection of which there is a specialist as well as organizational and legal structures which support the information processes [6; 12].

Some authors [8] define the information environment as a set of hardware and software means for storage, processing and transmission of information, as well as political, economic and cultural conditions for the implementation of informatization processes.

There are different views on the concept of information environment. In general terms, they can be grouped as follows:

- A system for storage, structuring, presentation, transmission, processing and enrichment of data, which constitute the content of accumulated knowledge [2];
- Information about a subject domain which is not recorded clearly in the information system, but which can be applied by the user [15];
- A set of hardware and software means for storage, processing, transmission of data and messages, as well as political, economic and cultural conditions for the implementation of informatization processes. [3].

We believe that the information environment is an area of accumulation of intellectual, cultural, social media, an open system of engineering and information means, resources and processes for the information activities of prospective professionals which are aimed at professional improvement and the level of education and the quality of the educational process [7].

The infrastructure of the educational services of the information environment in professional development of prospective teachers of the humanities has the following levels:

- Level of information. Granting access to information and getting by all the participants of the educational sector (information resources of the Internet), as well as the creation of an information and resource base of a higher educational institution (libraries, electronic teaching resources, electronic subject courses, electronic textbooks and manuals, electronic scientific and research materials, multimedia, video, archives, etc.);
- Level of identification. Granting access (senior staff of the university, teaching staff, teaching and educational personnel, educational and employee departments, engineering and technical staff and prospective teachers) to information resources;

- Level of a user. Formation of a base of human resources and granting access of appropriate categories to the information system environment (distribution of appropriate access rights).

Efficient work of prospective teachers in the information environment, which improves the quality of professional training based on the information training; allows for the use of the means of information technology, such as free use of appropriate hardware, software and information resources to accomplish different professional tasks in educational or research activities; ensures availability (according to identification) of information and reliability of its storage, accumulation and retrieval, databases and knowledge bases, network resources, education and information resources, structured and orderly organized teaching content, online sources, research and regulatory materials; allows you to achieve professional development of self-belief in teaching and research activities, as well as the correction of prospective teachers' independent teaching and learning and promotes the development of all the functions of the educational process (learning, educational, developing, motivating, organizational, self-control); provides for interactive communication at all levels between the participants of the educational process: the learning process (student – university teacher – student), the scientific process (student – scientific advisor), the educational process (administration – curator – student); ensures openness and accessibility of ratings of the educational process both from the management of the higher educational institution and the parents of the prospective teachers, depending on the rights and privileges [7].

Thus, the training of prospective teachers to work in the information environment requires an integration of different types of educational and self-learning activity formation of a holistic process of creating conditions for comprehensive, creative, professional, and open learning and monitoring of the implementation of workload; development of advanced methods, tools, forms of learning with a focus on developing and faster education aimed at student personality; implementation of individual approach to the educational process; formation of experimental research aimed at the global community, achievement of one's professional and academic goals; work of group or individual projects.

#### REFERENCES

1. Aristova I. V. State Information Politics — Organizational and Legal Aspects: Monograph / I. V. Aristova; edited by the Doctor of Laws, Professor O. M. Bandurka. — Kharkiv: Publishing House of the University of Internal Affairs, 2000. — 368 p.
2. Bashmakov M. I. The learning process in the information environment / M. I. Bashmakov, S. N. Pozdniakov, N. A. Reznik // *School Technologies*. — 2000. — № 6. — P. 133–159.
3. Glossary on Information Society. [online source]. — access mode: <http://www.iis.ru/glosary/infenviroment.ru.html>.
- 4/ Doroshenko Yu. O. Computerization is a Priority of Reforming the Educational Sector / Yu. O. Doroshenko // *Pedagogical Newspaper*. — 1999. — № 3 (57). — P. 4–5.
5. Zhaldak M. I. New Information Technology: the Issue of Computerization of Schools / M. I. Zhaldak, A. H. Oliinyk // *Soviet School*. — 1989. — № 1. — P. 71–73.
6. Zaitseva E. N. Information and learning environment as a means of developing students' independent work in teaching a foreign language: Dissertation of a candidate of pedagogical sciences: — 13.00.08 / Zaitseva Elena Nikolaievna. Moscow State Pedagogical University. — M. 2003. — 242 p.
7. Karabin O. Y. Training of the prospective teachers of the humanities to work in the information environment: Dissertation of a candidate of pedagogical sciences. — 13.00.04 / Karabin Oksana Yosyfivna. Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University. — Ternopil, 2013. — 274 p.
8. Kudriavtseva S. P. A Textbook / S. P. Kudriavtseva, V. V. Kolos. — Kyiv: Publishing House «Slovo», 2005. — 400 p.
9. Moiseienko N. A. Informational and educational environment in pedagogical theory and practice / N. A. Moiseienko. Hroznyi State Petroleum Institute. Head of a department at VIPITI 02.10.2006, № 1187-B2006. — Hroznyi, 2006. — 24 p.
10. Poliakov A. A. Informational and educational environment of open education / A. A. Poliakov // *Public Education*. — 2000. — № 8. — P. 43–45.
11. Putilov H. P. A concept of creating informational and educational environment at a technical university / H. P. Putilov. — Moscow : Moscow State Institute of Electronic Machine Building, 1999. — 28 p.
12. Robert I. V. Theoretical basis for the creation and use of informatization in education: Dissertation of a doctor of pedagogy : — 13.00.02 / Robert Irena Veniaminovna. Russian Academy of Education, Institute of Learning Tools. — Moscow, 1994. — 339 p.



13. Russian portal of open education: training, experience, organization; executive editor V. I. Soldatkin. — Moscow : Moscow State Industrial University, 2003. — 508 p.
14. Slovopectia. [online source]. — access mode: <http://slovopectia.org.ua /53/53382-0.html>.
15. Glossary of the Basics of Information Activities; Edited by a Doctor of Economics, Professor N. N. Yermoshenko. — Kiev, 1996. — 252 p.

*Bobina Oleh Valeriyovych, National University of Shipbuilding after Admiral Makarov, Associated Professor, Candidate of Historical Sciences, director of the Humanitarian institute*

## **Peculiarities of Higher Professional Education Development in Ukraine**

*Бобіна Олег Валерійович, Національний університет кораблебудування імені адмірала Макарова, доцент, кандидат історичних наук, директор Гуманітарного інституту*

### **Особливості становлення вищої професійної освіти в Україні**

Професійно-орієнтована освіта в Україні, як і в будь-якій країні складається з трьох рівнів. Ще в часи перших цивілізацій професійні знання, уміння, навички передавались від майстра до учня безпосередньо, при виконанні роботи, через досвід. Але вже в давньому Єгипті існували школи що готували державних службовців-обліковців (фактично перших бухгалтерів) і відповідні школи в Китаї, де готували державних службовців для всієї імперії.

Згодом вся освіта в Європі зосередилась в руках християнської церкви. Першими вищими освітньо-професійними закладами стали університети XII –XIII ст. Саме вони готували висококваліфікованих церковних діячів, а згодом правників і медиків. Пізніше в Європі починається розвиток професійної освіти в сучасному розумінні.

Система освіти сучасної України одна з небагатьох особливих галузей економіки і соціальний інститут, що залишається достатньо ефективною.

Зміни в системі освіти неможливі без розуміння і знань історії освіти і основних етапів розвитку професійної освіти зокрема. Як на нашу думку робіт що висвітлюють історію освіти і особливо професійної небагато. Більшою мірою вони присвячені окремим ВНЗ, мають вузький характер, не подають узагальненої картини, написані в контексті інших тем [1]. В останні роки з'явилися праці що певним чином заповнюють цю прогалину [2]. Але на жаль ознайомившись з чисельними публікаціями ми не знайшли відповіді на питання "Скільки потрібно ВНЗ і професійних зокрема для ефективного існування-розвитку суспільства?".

Українська професійно-орієнтована освіта, на думку окремих дослідників і "Повісті минулих років" починається з XI ст. Ярослав Мудрий при соборі св. Софії у Києві заснував школу перекладачів і переписувачів. Певним чином професійна освіта існувала в умовах діяльності ремісничих цехів в XVI – XVIII ст. Але в Україні таких цехів було небагато і вони аж ніяк не вплинули на розвиток професійної освіти. Тому першою спеціалізовано-професійною освітою для українців стала церковна освіта. Встановлені факти існування такої освіти відносяться до другій пол. XVI ст. Так в кінці XVI ст. в Україні налічувалось більше 20 єзуїтських колегіумів які здійснювали освіту за латино-європейським зразком. Лише в 1576 р. князь Костянтин Острозький в м. Острог відкрив слов'яно-греко-латинський колегіум. Згодом він мав перетворитись в православну академію. Але після смерті князя в 1608 р. його нащадки передали колегіум єзуїтам. Майже всі навчальні заклади що утворились на землях України до кінця XVIII ст. здійснювали навчання в межах т. зв. церковної "профорієнтації". Це Могиланська академія (1632), Чернігівський колегіум (1700), Харківський колегіум (1721), Переяславський колегіум (1738). Так само в межах церковно-католицької традиції діяв і Львівський єзуїтський колегіум, який за дипломом короля Яна Казимира 20 січня 1661 р. отримав статус академії і титул університету. До 1773 р. Львівський університет (найстаріший в Україні) був під управлінням ордену єзуїтів.

З другої половини XVIII ст. ситуація поступово змінюється. Військові потреби Російської імперії, необхідність колонізації України, спроби останнього гетьмана К. Розумовського зберегти Гетьманщину вимагали спеціалізованих знань і відповідних фахівців. В 1765 р. пр. Харківському колегіуму створені додаткові класи для світських осіб. Програма підготовки включала вивчення руської мови і літератури (вперше в Україні), математику, інженерну справу, артилерію, архітектуру, геодезію, географію, малювання, пізніше фізику і природничу справу. В 1773 р. ці класи виокремились в Казенне училище. Таким чином цей рік можна вважати початком відліку в історії середньої ланки професійно-орієнтованої освіти України поза межами університетів. Змінився зміст освіти і у Львівському університеті. В умовах реформ Франца Йосипа II (70-80-ті рр. XVIII ст.) університет після "диплому про оновлення" (жовтень 1784 р.) мав готувати не лише богословів, а і вчителів і суддів. Так до кінця XVIII – початку XIX ст. поступово завершився перший етап становлення вищої професійної освіти в Україні. Цей етап обумовлювався рядом факторів: 1) потребами церкви – католицької, а згодом православної і уніатської; 2) військовими і колонізаційними потребами Російської імперії кінця XVIII – XIX ст.; 3) реформами в Австрійській імперії кінця XVIII ст.

Другий етап професіоналізації освіти починається в XIX ст. і продовжується до другої половини XIX ст. Його можна назвати універсально-перехідним. Суть етапу – створення університетів і створення перших спеціалізованих професійних навчальних закладів. В 1802 р. в Російській імперії створюється Міністерство освіти, а в 1803 р. відбувається перша освітня реформа. Затверджено чотири типи навчальних закладів: парафіяльна школа, повітова школа, губернська гімназія, університет. Особливе становище, між гімназією і університетом протягом XIX ст., продовжували займати три ліцеї: Рішельєвський (Одеса, 1817 р.з.), Крем'янецький (Крем'янець, Волинь, 1819 р.з.), Ніжинський (1820 р.з.). Місця для професійно-орієнтованих, нецерковних і невійськових навчальних закладів в цій реформі не знайшлося. Хоча реальне життя вимагало цього. Адже дві третини майстрів і фахівців що будували Єлизаветград, Катеринослав, Херсон, Миколаїв, Одесу, Севастополь були з Британії, Франції, Італії і німецьких князівств. Життя виявилось багатіше і складніше реформи. Тому в 1804 р. в Чернігові почала працювати перша в Україні реміснична школа, в 1807 р. Кременчуцьке землемірне училище, в 1834 р. Херсонське училище торговельного мореплавства, в 1844 р. училище садівництва в Одесі, в 1851 р. Харківське землеробське училище і кілька фельдшерських шкіл. Покладено початок вищій професійній освіті в Західній Україні. У Львові в 1817 р. відкривається Реальна академія (згодом торговельна, зараз Львівська комерційна академія), в 1844 р. Технічна академія (згодом Політехнічний інститут). До 70-х рр. XIX ст. створено Харківський університет (1805 р.), Київський (1835 р., на основі Кременецького ліцею), Одеський (1865 р., на основі Рішельєвського ліцею), Чернівецький (1875 р.).

Таким чином другий етап характеризується появою перших нецерковних, невійськових професійно-орієнтованих навчальних закладів середнього і вищого рівнів. Більшість навчальних професійних закладів середнього рівня створюються на підросійській Україні, а перші навчальні вищі професійні заклади неуніверситетської організації у Львові. З 70- рр. XIX ст. підросійська Україна перехоплює ініціативу "західняків". На її землях починається "освітній бум" і третій етап розвитку професійної і технічної освіти зокрема.

Третій етап розвитку професійної освіти починається в 70-80-ті рр. XIX ст. Переростання промислового перевороту в Росії в першу капіталістичну індустріалізацію вимагало нових професіоналів. Суть цього етапу – створення бази-основи професійної освіти середнього і вищого рівня. В 1864 р. в Росії проведена друга освітня реформа яка вплинула і на розвиток вищої і середньої професійної освіти. В 1888 р. проведена реформа, яка фактично започаткувала середню промислово-технічну освіту в Росії. Всі промислові училища були поділені на три рівні і готували відповідно кваліфікованих робітників, майстрів і техніків. В другій половині XIX ст. почали працювати Ветеринарний інститут (1851 р., Харків), Південноросійський технологічний інститут (1885 р., Харків, згодом політехнічний), Політехнічний інститут (1898 р., Київ), Вище гірниче училище (1899 р., Катеринослав), комерційні інститути (Київ, Харків, 1906 р.). У 1915 р. у Харкові почав функціонувати евакуйований з Нової Олександрії сільськогосподарський інститут. Поряд з технічними з'являються ветеринарні і педагогічні інститути, вищі жіночі медичні курси. На підросійській Україні в 1917 р. діяло 27 вищих навчальних закладів в яких навчалось 35 тис. студентів. На півдавстрійській Україні діяло 5 вищих навчальних закладів. Загалом система освіти в Україні за часів Російської імперії не відповідала вимогам індустріального розвитку. За переписом 1897 р. в Україні серед населення віком від дев'яти до п'ятдесяти років письмений нараховувались 24%.

Час з 1917 по 1921 рр. відрізнявся революційними хаосом в усіх сферах життя, в тому числі і освіті. Українська національна влада створювала нові вищі навчальні заклади. Натомість пролетарсько-комуністична влада вважала професорів і студентів з їхніми інтелігентськими замашками і вимогою вільною висловлюватись "класово-чуждими елементом". В 1918–1920 рр. комуністичною владою були прийняті ряд документів які призвели до занепаду вищої освіти і технічної вищої освіти зокрема в найближче десятиліття. Таким був четвертий етап розвитку професійної освіти. В 1920 р. в Україні були ліквідовані університети. На їхній базі створювались інститути народної освіти. Політехнічні інститути перетворювались в вузькопрофільні навчальні заклади і технікуми. Особливими стали форми і методи навчання, наприклад "бригадний метод здавання екзаменів". До 1938 р. організація вищої освіти, форми і методи навчання постійно змінювались. Якщо в 20-ті рр. існування вищої освіти обумовлювалось принципом "буржуазності", то в 30-ті – індустріалізація вимусила владу змінити ставлення до вищої освіти. З 1929 р. починається чергова реформа спеціальної середньої і вищої освіти, уніфікація її за галузевою ознакою. В 1932 р. відновлено статус університетів. В тому-ж році почалось укрупнення – об'єднання 203 ВНЗ. Відновлено звання кандидатів і докторів наук, посади доцентів і професорів. В 1938 р. затверджені єдині для всіх ВНЗ СРСР навчальні плани. В них була визначення структура що зберігалась до-сьогодні: загальнотеоретична підготовка, загальноспеціальна підготовка і підготовка з конкретної спеціальності.

Особлива увага приділялась технічним ВНЗ які мали забезпечити кадрами другу (соціалістичну) індустріалізацію в Росії і Україні. В 1937 р. в УРСР працювали 123 ВНЗ, у тому числі 4 університети, 35 індустріальнотехнічних, 20 сільськогосподарських, 36 педагогічних, 14 медичних та ін. ВНЗ. В 1939–1940 рр. до них додалися ВНЗ що працювали в Західній Україні. Паралельно йшло реформування загальної середньої, нижньої і середньої професійної освіти. Фактично в цей час складалась система середньої і вищої професійної освіти в СРСР. Вся система освіти була пронизана централізацією і уніфікацією, політехнізмом, орієнтацією на інженерну освіту.

Наступний етап розвитку вищої професійної освіти – післявоєнне двадцятиліття. Цей період вмістив в себе процес відновлення роботи ВНЗ після звільнення України від нацистської окупації, об'єднання ВНЗ після 1954 р., відкриття заочних і вечірніх відділень, створення філіалів і консультаційних пунктів. За окремими даними якщо в 1940–1941 рр. в УСРСР працювало 173 ВНЗ то в 1963–1964 рр. 131 ВНЗ.

60-ті рр. – 1990/1991 рр. – найдовший етап з часів імператорської Росії, коли вища освіта функціонувала в умовах відносної економічної, політичної і культурної стабільності. Саме в ці три десятиліття зафіксувались принципи існування вищої професійної освіти, методи і форми здійснення навчального процесу, відповідне нормативне, кадрове, методичне, матеріальне. забезпечення. Головним принципами роботи стали централізація, уніфікація, контроль. В 1984 р. в УРСР діяло 146 ВНЗ. В тому числі: університетів 9, технічних ВНЗ – 50; сільськогосподарських ВНЗ –17; ВНЗ з економіки і права – 10; педагогічних інститутів – 30; медичних і ВНЗ з охорони здоров'я – 15; ВНЗ з фізкультури і спорту – 3; культури і мистецтва – 12. До цієї мережі можна зарахувати і 25 філіалів ВНЗ.

З 1990/1991 рр. – до сьогоднішнього часу триває черговий етап розвитку вищої професійної освіти який нагадує період 20-30-х рр. Це період певної кризи і пошуків нових принципів і методів функціонування вищої професійної освіти. На 2014 р. в Україні, за рейтингом Міністерства освіти і науки України, функціонує 304ВНЗ. Серед них класичних університетів 29; технічних університетів – 26; технологічних, будівельних і транспортних – 31; педагогічних, гуманітарних, фізичного виховання і спорту – 31; культури, мистецтва, дизайну – 17; охорони здоров'я – 16; аграрних – 20; економічних, фінансових і управління підприємством – 21; з права – 16. Це вищі навчальні заклади що знаходяться в державній і комунальній власності. Рейтинг фіксує 76 приватних ВНЗ і 21 відокремлений структурний підрозділ. Із них в рейтинг "ТОП – 200", входить, звичайно, – 200; в рейтинг "Компас" – 232 ВНЗ, в рейтинг WEBOMETRICS / 2014 р. – 306 ВНЗ [7].

#### **Список літератури:**

1. Вергунов В. А. Нариси історії аграрної науки, освіти та техніки / В.А. Вергунов. – К.: Аграрна наука, 2006. – 492 с.; 3 історії української науки і техніки. Хрестоматія-посібник / Співавт.–укладачі В. І. Онопрієнко, А.А. Коробченко, О. Я. Пилипчук, С. П. Руда, Л. П. Ярьсько. – Київ : Академія наук вищої школи України, 1999. – 171 с.; Історія науки і техніки в Україні : Анотований каталог 106 докторських і кандидатських дисертацій. 1979 – 2008 рр. / укладачі : О. Я. Пилипчук, О. О. Пилипчук,

В.П. Шуманський. – К. : Вид-во «АСМІ», 2008. – 264 с.; Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут». Історія розвитку. 1885–2010 / уклад. : В. І. Ніколаєнко, В. В. Кабачек, С. І. Мешкова [та ін.]. – Харків : НТУ «ХПІ», 2010. – 408 с.; Оноприєнко В. І. Становлення вищого технічного образования на Украине / В. І. Оноприєнко, Т.А. Щербань. – К. : Наук. думка, 1990. – 140 с.; Оноприєнко В. І. Історія української науки. Курс лекцій / В. Оноприєнко, В. Ткаченко. – К. : Варта, 2010. – 652 с.; Пилипчук О. Я. Історія науки та освіти в Україні (найдавніші часи – перша третина ХХ ст.) : навч. посібник з українознавства / О.Я. Пилипчук [та ін.]; Академія наук Вищої школи України. Сектор історії та методології освіти, науки і техніки. – К. : ТОВ «Міжнародна фінансова агенція», 1998. – 80 с.; Славетні імена Київського політехнічного інституту / редколегія : М. Ю. Ільченко, Л. О. Гріффен, В. О. Добровольський, В.О. Константинов, Л. С. Перелигіна, Л. Р. Слободян. – К. : «ЕКМО», 2003. – 128 с.; Национальный университет кораблестроения: 90 лет служения образованию и науке / Под общей редакцией С. С. Рыжкова. – Николаев : НУК, 2011 – 416 с.: ил., 2-е издание, дополненное и переработанное; Имени адмирала: университет, музей, фонд ценной книги. – Николаев : ФОП Торубара Е. С., 2011. – 126 с., илл.

2. Ворох, Андрій Олександрович. Розвиток вищої технічної освіти в Україні (20-30-ті рр. ХХ ст.) [Текст] : дис... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ворох Андрій Олександрович ; Слов'янський держ. педагогічний ун-т. - Слов'янськ, 2006. - 304 арк. - арк. 185-211.; Ховрич, Сергій Миколайович. Становлення та розвиток вищої технічної освіти Наддніпрянської України (остання чверть ХІХ - перші десятиріччя ХХ ст.) [Текст] : дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Ховрич Сергій Миколайович ; Національний технічний ун-т України "Київський політехнічний ін-т". - К., 2004. - 264 арк. - арк. 195-264.

3. "Топ – 200". Режим доступу: <http://euroosvita.net/>; "Рейтинг ВНЗ «Компас»". Режим доступу: <http://bestuniversities.com.ua/ua/compass>; Міжнародний рейтинг університетів «Вебометрикс» (Webometrics). Режим доступу: <http://www.webometrics.info/>

**Myakuschkina O.V.**, Voronezh State University of Engineering Technologies  
Assistant, Foreign language Department

**Dryuchenko A.A.**, Voronezh State University of Engineering Technologies  
Candidate of Philology, Foreign Language Department

## **PROFESSIONALLY - FOCUSED FOREIGN LANGUAGE TRAINING TO THE STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALITIES.**

Foreign languages have become an integral part of any profession in various spheres of a production activity now. Therefore theoretical development of educational model which is based on professional communication in a foreign language and its technological implementation is very important for training in non-language higher education institution. The Foreign Language (FL) becomes means of increase of the level of knowledge within the specialty and formation of a professional orientation of the student. Thus, in conditions when, knowledge of a foreign language became insufficient for a wide range of experts, the specification and updating of the purpose professional the focused foreign-language training is required. Quality of training of the modern expert is estimated through such indicators, as competence, independence, readiness for decision-making in situations of an alternative choice, ability to adapt in fast-changing working conditions, motivation for continuous education and professional growth in the competitive environment, professional responsibility, active participation in programs of the international professional partnership and integration. Training of specialists in technical colleges is based on the formation of such communicative abilities which would allow to carry out professional contacts in a foreign language in various spheres and situations. The sphere of communication is understood as set of the uniform communicative situations, being characterized by uniformity of speech incentive, the relations between a kommunikant and a situation of communication . Foreign-language communication can happen both in official, and in informal forms, during individual and group contacts, in the form of performances at conferences, at discussion of contracts, projects, drawing up business letters. In this

regard special relevance is gained by professionally-focused approach to training of a foreign language in technical college which provides the formation of foreign-language communication ability in a particular professional, business or scientific spheres and in situations where professional thinking is necessary.[ 1]

The essence of professionally - focused training in a foreign language consists in its integration with special disciplines for the purpose of receiving additional professional knowledge and formation of professionally significant qualities of the personality. The foreign language in this case acts as means of professional competence acquisition and as means of personal and professional development of students.

Professionally- focused training in a foreign language has to be directed on the solution of the following tasks:

1 - development of communicative abilities according to the types of speech activity (speaking, audition, reading, writing). Successful mastering skills of the dialogical speech are performed in ability to lead a conversation on various professional subjects. The monological speech assumes ability to make the report, the message, to state the point of view in discussion. The purpose of training in audition is formation of abilities of perception and understanding of statements of the interlocutor in a foreign language, according to a certain situation and the communication situation. Training in reading should result in ability to read all types of publications of various genres, including special literature becomes. The purpose of training in writing is the ability of drawing up the summary, writing of business letters, registration of contracts, etc.

2- mastering certain language knowledge (knowledge of the phonetic phenomena, grammatical forms, rules of word formation, lexical units).

3- formation of sociocultural knowledge which help to get acquainted with different cultural customs and traditions, help to adapt to the foreign-language environment, to avoid misunderstanding in communication.

4- mastering a certain set of units of the professional lexicon, special terminology in a foreign language. Studying the language of speciality demands the knowledge of a large number of terms and the special concepts necessary for a future expert. But for the time spent in higher education institution for learning foreign languages it is impossible to seize all terminology therefore development in students of skills of work with special dictionaries, glossaries, reference books on speciality is very important. [2]

The teacher has to study specialty bases, basic professional lexicon, be educated in terminology, if he wants to teach a professionally-focused foreign language. After all , very often if teacher lacks basic preparation it leads to a distortion of meaning while translating the texts, to emphasis not important information from the point of view of the expert. The model of professionally focused training in a foreign language and its realization in educational process of higher education institution in the form of specially designed technology of training promotes efficiency of language vocational training of students of technological faculties, motivates educational activity, raises the level of creativity that, in turn, is the obligatory prerequisite of their successful professional activity.[3] Training of professionally-focused language assumes thematic conditionality of training materials used. Interest to a subject will increase when students clearly and accurately can see a practical value of the gained knowledge, useful skills and abilities which in the future will be expedient and valuable. As cognitive activity of students represents the anticipation and reflection process regulating processes of understanding and thinking, the context of professional activity provides conscious assimilation of knowledge i.e. provides the development of informative independence . Professionally- focused training in a foreign language broadens horizons of the expert, allows to conduct the professional activity in modern conditions more successfully, especially with foreign partners. The professional orientation of training demands integration of a foreign language with profile disciplines, careful selection of the content of training materials. Training materials have to be focused on the last achievements in this or that field of activity, reflect the newest discoveries, the innovations concerning professional interests of students and to give a chance to them for professional growth.

#### **References:**

- 1 . Matukhin D. L. Professionalno-the focused training in a foreign language of students of not linguistic specialties, Language and culture, No. 2 (14), 2011
- 2 . Zaychenko A.A. Features professional the focused training in foreign languages of students of economic specialties, the Messenger of SEVKAVGTU, the Humanities series, No. 2 (12), 2004
- 3 . Pokushalova, L.V. formation of foreign-language competence professional the focused competence at students of technical college / L.V. Pokushalova. - Young scientist. - 2011 . - No. 3. T.2. - Page 151-154.

<sup>1</sup>Rezeda Khadiullina, <sup>2</sup>Marat Galyautdinov, <sup>3</sup>Almaz Sidikov

<sup>1,3</sup>senior lecturer of department of physics and mathematics and information technology, <sup>2</sup>c. of ph-m.s.,  
associate professor, head of department of physics and mathematics and information technology  
Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia

## The structure of the distance course "Informatics" for student-athletes of different forms of learning

<sup>1</sup>Резеда Хадиуллина, <sup>2</sup>Марат Галяутдинов, <sup>3</sup>Алмаз Ситдиков

<sup>1,3</sup>старший преподаватель кафедры физико-математических дисциплин и информационных технологий, <sup>2</sup>к.ф.-м.н., доцент, зав.кафедрой физико-математических дисциплин и информационных технологий Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма Казань, Россия

## Структура дистанционного курса «Информатика» для студентов-спортсменов разных форм обучения

**Постановка научной проблемы и ее значение.** В статье обосновывается необходимость и актуальность использования дистанционного обучения в вузах физической культуры. На примере дисциплины «Информатика» представлена структура дистанционного курса для студентов-спортсменов разных форм обучения.

**Анализ исследований этой проблемы.** Специфика обучения в вузах физической культуры состоит в том, что большую часть времени студенты-спортсмены вынуждены обучаться на расстоянии. Причиной тому – их подготовка и участие в соревнованиях различного уровня. Выходом из данной ситуации может служить использование в их образовательном процессе электронных версий изучаемых дисциплин, реализуемых с помощью дистанционного обучения.

Дистанционное обучение подразумевает использование не только современных информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе, но и личностно-ориентированную направленность, дифференцированный подход к формированию и реализации учебного процесса для студентов-спортсменов разных форм обучения: очной формы, очной формы по индивидуальным планам, заочной формы обучения.

**Цель и задачи статьи.** Рассмотреть структуру электронного (дистанционного) курса информатики для студентов-спортсменов разных форм обучения; представить основные дистанционные средства и технологии, используемые при изучении данной дисциплины.

**Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования.** Построение дистанционной формы учебного процесса в вузе физической культуры (на примере ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма») опирается на следующие законодательные и нормативно-правовые документы: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [1], Концепцию создания единой системы дистанционного образования в России [2], Закон Российской Федерации «Об использовании дистанционных образовательных технологий» [3] и др.

Основным средством реализации дистанционной формы обучения является электронная версия учебно-методического комплекса изучаемых дисциплин – дистанционные (электронные) курсы. В ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ» такие курсы по всем изучаемым дисциплинам представлены для студентов-спортсменов разных направлений и форм обучения на платформе дистанционного обучения Moodle.

На примере дисциплины «Информатика» рассмотрим структуру и основные инструменты одноименного дистанционного курса.

Электронный курс состоит из нескольких разделов, что фактически представляет собой три модуля: нулевой и два обучающих модуля.

**Нулевой блок** курса включает в себя:

- **Информационный чат**, позволяющий участникам учебного процесса опроса иметь возможность синхронного письменного общения в реальном времени. Этот чат используется на занятиях для теоретических опросов.
  - **Форум**, используемый участниками учебного процесса для обсуждения вопросов в асинхронном режиме, т.е. в течение длительного времени. Это удобный способ получить различные мнения, понять друг друга и высказаться по обсуждаемой теме.
  - **Введение к курсу** (вводная информация по курсу). Это простая страница, где указаны: цель и задачи курса; место, занимаемое данной дисциплиной в структуре ООП ВПО; компетенции студента, формируемые в результате освоения учебной дисциплины; список основных и дополнительных учебных материалов.
  - **Формируемые компетенции**. Это отдельная страница, в которой указаны основные компетенции, формируемые у студента при изучении данной дисциплины.
  - **Методические рекомендации к курсу (основная методика работы с курсом)**. Это простая страница, раскрывающая: основные виды работы при работе с курсом, навигацию по курсу, условия допуска студентов к сдаче зачета, условия получения зачета по текущей успеваемости («автоматом»), графики сдачи заданий и количество баллов за выполнение, а также расписание курса. Изучив содержание данной страницы, студент имеет общее представление о дисциплине, о графике прохождения курса и получаемых баллах за выполняемые задания, рекомендации по взаимодействию с преподавателем. Поэтому если студент пропускал занятия по определенным причинам, с помощью этих рекомендаций студент сможет сориентироваться, какие задания ему надо выполнить, чтобы повысить свой рейтинг.
  - **Обратная связь**. Этот модуль позволяет создать собственные анкеты для сбора обратной связи от участников, используя различные типы вопросов.
  - **БРС (балльно-рейтинговая система)**. Благодаря этому разделу студенты имеют возможность отслеживать получаемые баллы по всем видам деятельности. Данные представлены в электронной таблице Microsoft Excel, согласно разработанной учебной программе и распределению баллов по заданиям каждого модуля.
- Следующие два блока представляют собой два обучающих модуля, имеющих одинаковую структуру, за исключением наличия лекционного блока в первом модуле.

**Первый модуль** включает в себя:

1. **Лекционный материал**, представленный в формате .pdf.
2. **Презентации лекций**. Лекционный материал, представленный в виде презентаций PowerPoint.
3. **Закрепление лекционного материала**. Данный подраздел содержит интерактивные упражнения, созданных в различных приложениях:
  - ✓ активный элемент «Лекция»;
  - ✓ задания, созданные в программе Hot Potatoes с помощью приложений JCross, JCloze, JMix, JMatch;
  - ✓ задания, созданные с помощью конструктора интерактивных заданий LearningApps.org (Пакет SCORM);
  - ✓ модуль «Семинар», позволяющий накапливать, просматривать, рецензировать и взаимно оценивать студенческие работы.Эти элементы курса позволяют формировать обратную связь, раскрывают уровень сформированности основных компетенций по изучаемому курсу.
4. **SMART-упражнения**. Данный модуль позволяет популяризировать использование информационно-коммуникационных технологий и средств визуализации, в том числе интерактивной доски *SMART-board* при изучении курса «Информатика», повысить эффективность восприятия лекционного курса и выполнения практического материала, благодаря использованию интерактивных технологий.
5. **Методические рекомендации к практическим занятиям**. Рекомендации содержат подробный алгоритм выполнения практических работ.
6. **Дистанционное выполнение практических занятий:**
  - ✓ **Тест**. Этот элемент курса содержит тестовые вопросы и используется для промежуточного контроля сформированности основных знаний по изучаемому курсу.
  - ✓ **Задания для отработки пропущенных занятий**. Если студент пропустил занятия, этот раздел позволит повысить свой рейтинг при выполнении заданий.

7. **Дополнительный материал для самостоятельного изучения.** Данный подраздел содержит ссылки на материалы, которые можно изучить дополнительно.

8. **Задания для самостоятельной работы студента:**

- ✓ контрольный опрос;
- ✓ «База данных», позволяющая студентам создавать каталоги, списки и т.д.;
- ✓ глоссарий, позволяющий студентам составлять свой словарь терминов.

**Второй модуль** имеет такую же структуру, что и первый модуль.

Для студентов, обучающихся по индивидуальному плану обучения, **имеется дополнительный модуль**, состоящий из двух подразделов, имеющих одинаковую логическую структуру. Задания для самостоятельной работы студента включают:

- ✓ тест;
- ✓ практические упражнения.

**Заключительным блоком** дистанционного курса являются «*Материалы для подготовки к зачету (экзамену)*». Данный блок позволяет студентам ознакомиться с вопросами к зачету (экзамену), полезными ссылками на интернет-ресурс, еще раз пройти контрольное тестирование:

- ✓ вопросы к зачету (экзамену);
- ✓ интернет-ресурсы;
- ✓ итоговый тест.

Для студентов заочной формы обучения дистанционный курс имеет структуру, аналогичную для студентов очной формы обучения. Отличительными особенностями такого курса являются: отсутствие *Smart*-заданий и заданий для отработки пропущенных занятий.

**Выводы и перспективы дальнейшего исследования.**

1. Дистанционное обучение позволяет студенту-спортсмену осуществлять параллельно образовательный и тренировочно-спортивный процессы. При этом в центре такого обучения находится его самостоятельная познавательная деятельность. Система обучения, основанная на дистанционных технологиях, позволяет приобретать знания, где и когда это удобно спортсмену, что делает для него процесс обучения комфортным.

2. Структура электронных курсов дифференцирована, лично ориентирована и разработана с учетом формы обучения студента-спортсмена. Электронные курсы позволяют студентам-спортсменам приобретать знания, а преподавателям осуществлять контроль за этим процессом, как на основе оперативной обратной связи, так и отсроченного контроля.

3. Используемые дистанционные курсы не смогут полностью заменить очный учебный процесс, но являются некой альтернативной в образовательном процессе студента-спортсмена. Стоит отметить, что такие предметы, как «Легкая атлетика», «Лыжный спорт» и др. дистанционно изучить невозможно, но некоторые элементы дистанционного курса позволят студентам-спортсменам знакомиться с теоретическими основами выполнения упражнений или, например, осуществлять анализ спортивных видеосюжетов.

**Литература.**

1. Об образовании в Российской Федерации [текст]: от 29 декабря 2012г № 273-ФЗ// Рос.газета.№5976.-2012.- 31 декабря 2012 г.-с.1

2. О состоянии и перспективах создания единой системы дистанционного образования в России [текст]: постановление Госкомвуза РФ от 31 мая 1995г. №6/ Правовое регулирование дистанционного образования: Сборник нормативных актов / Р.Р. Халитова, 2004 г.

3. Об использовании дистанционных образовательных технологий [текст]: приказ Мин.образ. и науки РФ от 6 мая 2005 г.№137// Рос.газета.№3848.-2005.- 16 августа 2005.-с.9



*Sirazetdinova Rimma Faatovna,  
Zagir Ismagilov Ufa State Academy of Arts,  
Assistant professor – Department of Piano, Candidate of Pedagogical Science,  
Doctor of science, honoris causa of the Russian Academy of Natural History,  
Professor of the Russian Academy of Natural History (RANH)*

## **Z.G. Ismagilov's opera creation: ethic aspect**

*Сиразетдинова Римма Фаатовна,  
Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова,  
доцент кафедры фортепиано, кандидат педагогических наук,  
Почетный доктор наук Российской Академии Естествознания,  
профессор Российской Академии Естествознания (РАЕ)*

### **Оперное творчество З.Г. Исмагилова: этический аспект**

В плеяде известных башкирских композиторов (М.М. Валеев, Р.А. Муртазин, Х.Ш. Заимов, Н.Г. Сабитов, Р.В. Сальманов и др.) особое место отводится классику музыкального искусства Башкортостана Загиру Гариповичу Исмагилову – автору многочисленных произведений в различных жанрах, среди которых – шесть оперных сочинений: "Салават Юлаев", "Шаура", "Волны Агидели", "Послы Урала", "Акмулла", "Кахым-туря".

Жанр оперы помогает композитору через отражение многообразного мира человеческих чувств своих героев показать свое собственное отношение к изображаемому. Так, композитор, посредством специфических приемов национального музыкального искусства, откristаллизовавшихся в его индивидуальном творческом стиле, воплощает обширный перечень этических понятий – добро, зло, долг, совесть, честь, справедливость, счастье, достоинство, гуманизм, интернационализм, патриотизм, героизм, коллективизм, любовь, благородство, верность, искренность, человечность, смелость, мужество, самоотверженность, а также предательство, лицемерие, грубость, трусость, высокомерие, зависть, ревность и др.

По признанию Исмагилова, он сам считает себя именно оперным композитором, отмечая, что "оперная музыка – это область острых жизненных конфликтов, раскрывающих напряженность духовной жизни человека, страстность его исканий, сложную борьбу чувств" [1], ведь когда слово "сливается с музыкой, то становится всемогущим в передаче образного мира" [2], и, кроме того, "опера дает еще широкие возможности для живой связи с народной музыкой..." [3].

Отличительной чертой творческого стиля З. Исмагилова, не порывающего связи с национальной почвой, является не просто цитирование самобытных народных мелодий в своих сочинениях, а их творческая переработка, результатом которой становится создание оригинального авторского тематизма, своего собственного композиторского почерка. Не случайно многие песни и мелодии Исмагилова воспринимаются слушателями как типичные башкирские народные мелодии. Этот факт свидетельствует о незаурядном композиторском мастерстве и большой творческой зрелости З. Исмагилова. Как подчеркивает А.А. Эйхенвальд, "национальные композиторы должны воспитываться и учиться на музыке своего народа" [4].

Оперное творчество З.Г. Исмагилова связано крепкими узами, прежде всего, с национальной культурой собственного народа, хотя прослеживаются прочные связи не только с общеевропейскими традициями, но и музыкальным романтизмом и русской оперной классикой [5].

Влияние **национальной музыкальной культуры башкирского народа**, имеющей древнейшее происхождение, на творчество Исмагилова сказывается в следующем:

- 1) ладовая организация:
  - опора на натурально-ладовую мелодику (пентатонику, основным типом которой, как известно, является бесполутоновая, или ангемитонная, пентатоника);
  - ладовая переменность параллельных тональностей, идущая от ладовых особенностей башкирских народных мелодий с присущей им плавной сменой ладового устоя, и др.;
- 2) музыкальный язык, средства музыкального выражения, являющиеся глубоко национальными:

- мелодика и интонационный строй музыки, обнаруживающие глубокую связь с мелосом узун-кюй (вокально-песенное начало, постоянное подчеркивание квинтового тона, интонации полузаполненной кварты и др.);
  - вариационное и вариант
  - 
  - ное развитие мелодии, корнящееся в национальных традициях многих народов (норвежского, башкирского и др.), посредством многократного, постоянно изменяющегося повтора мелодии;
  - предрасположенность к интервалу квинты, заложенная не только в самом строении пентатонных ладов (прежде всего, большетерцового и малотерцового), но и в характерной особенности исполнительства на традиционном башкирском народном музыкальном инструменте курае, отличающемся сочетанием звучащей мелодии и нижнего звука в виде органного пункта, образующего интервал квинты (это связано и с личной практикой Загира Исмагилова-кураиста), что находит отражение в использовании созвучий с пропущенной терцией (квинтовые двузвучия; квинтоктавааккорды, являющиеся в творчестве композитора нормой; пентаккорды, образовавшиеся по вертикали из четырех чистых квинт), аккордов с внедряющимися побочными (секстовыми, секундовыми) тонами и также обнаруживает связи со строением пентатонных ладов;
  - большая роль плагальности (плагальное кадансирование, наложение субдоминантовой функции на тоническую, широкое использование всех побочных ступеней / II, III, VI / и др.);
  - использование натуральной доминанты (наряду с гармонической), имеющей интонационные связи с ладом малотерцовой пентатоники;
  - стремление избежать острых функциональных тяготений и, прежде всего, вводнотоновости (типичных для европейской мажоро-минорной системы), обусловленное ангемитонным строением мелодики;
  - ритмическая организация, обнаруживающая связи со стилистикой кыска-кюй (равномерность ритмического движения, акцентный ритм и др.);
  - фактурные приемы, характерные для народной инструментальной музыки различных народов (выдержанный органнй пункт в басу, квинтовый бас и др.);
- 3) наличие многочисленных жанрово-бытовых эпизодов и сцен, выполняющих функцию отстранения, оттенения главного конфликта и обнаруживающих тесные связи с национальной песенной и танцевальной культурой башкирского народа (хор рыбаков, поймавших богатый улов, или картина сенокоса из оперы "Волны Агидели", комическая жанровая "пьяная" сцена из оперы "Шаура" или жанровый показ мирного аула и его жителей из оперы "Послы Урала" и др.).

Неоспоримо колоссальное влияние **общевропейских музыкальных традиций** на творческий стиль З.Г. Исмагилова, что, в частности, подразумевает:

- 1) введение лейтмотивной техники как музыкально-драматургического приема, сформировавшегося в творчестве композиторов прошлых столетий:
  - конец VIII века: В.А. Моцарт (поздние оперы), композиторы французской школы – А. Гретри, Э. Мегюль, Л. Керубини и др.;
  - 1-ая половина XIX века: Л. Шпор, Д. Мейербер, Э.Т.А. Гофман, К.М. Вебер;
  - середина XIX – начало XX вв.: Р. Вагнер, Д. Верди, Ш. Гуно, Ж. Бизе, К. Дебюсси, Ж. Массне, Р. Штраус, А. Берг, Л. Яначек, М.П. Мусоргский, П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков и др.;
- 2) мастерское, органичное соединение национальных и европейских композиторских приемов:
  - объединение натурально-ладовой и мажоро-минорной систем в единое целое;
  - влияние функциональной, диатонико-хроматической гармонии на натуральные лады, вследствие чего пентатонные лады в мелодической горизонтали приобретают вид октавных и на первое место выдвигаются два главных лада, обладающие признаками ладовой централизации (лады с мажорным и минорным трезвучием на первой ступени).

На оперное творчество З. Исмагилова оказали определенное воздействие и некоторые особенности **романтического музыкального стиля**, что выражается в следующем:

- 1) передача душевных переживаний героев (Амины в опере "Салават Юлаев", Гюльзифы и Гайнуллы в опере "Волны Агидели", Шауры и Акмуллы в одноименных операх и др.), являющихся основным содержанием, в частности, лирической оперы и раскрывающихся на основе чрезвычайно яркого мелодического языка;
- 2) повышенный интерес к красочности, яркой картинности описаний (ночные блики затухающего костра и загадочные шорохи темного леса в опере "Салават Юлаев"; живописная картина летнего рассвета в опере "Шаура"; образ взволнованно бурлящей, разбушевавшейся или вернувшейся в свои берега реки Агидель

в опере "Волны Агидели", что достигается с помощью искусной звукоизобразительности Исмагилова – настоящего мастера музыкального пейзажа; и др.).

Оперное искусство З.Г.Исмагилова также тесно связано с традициями **русской классической оперной школы** (М.И. Глинка, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, А.П. Бородин и др.), проявившимися в следующем:

- 1) идейная, тематическая и сюжетно-образная сферы, измеряемые масштабами общенародного значения, стремлением к высоким гуманистическим идеалам, величиим нравственных тем:
  - историческая тематика опер М.И. Глинки ("Иван Сусанин"), А.П. Бородина ("Князь Игорь"), музыкальных драм М.П. Мусоргского ("Борис Годунов", "Хованщина") и др.;
  - остросоциальная трактовка психологических сюжетов, свойственная операм А.С. Даргомыжского ("Русалка"), П.И. Чайковского ("Евгений Онегин", "Орлеанская дева", "Мазепа", "Пиковая дама") и др.;
- 2) принципы структуры и формообразования:
  - строгая пропорциональность и логичность композиции;
  - тяготение к крупным формам;
  - ясность музыкального выражения;
- 3) использование разнонациональных истоков (башкирского, русского) как средства для создания контрастной драматургии, обнаруживающего преемственность с творчеством М.И. Глинки, М.П. Мусоргского и др.;
- 4) вывод на авансцену народных масс, обилие массовых хоровых народных сцен, трактовка образа народа как основной движущей силы истории.

На примерах мирового профессионального музыкального искусства можно проследить эволюционное развитие целого ряда общечеловеческих ценностей, лежащих в идейной основе творчества многих композиторов. Обнаруживаются тесные преемственные связи содержательных аспектов музыкального творчества великих композиторов-предшественников и оперного творчества З.Г. Исмагилова, опирающегося также и на башкирский музыкальный фольклор с его комплексом музыкально-выразительных средств, приемов и методов. Как справедливо отмечает В.Н. Холопова, "национальная традиция – как бы «филогенез» искусства" [6].

Исследование национального музыкального искусства на примере творческого наследия З.Г. Исмагилова подтверждает, что национальная профессиональная музыкальная культура обладает специфическим арсеналом музыкально-выразительных средств, оказывающих нравственно-этическое воздействие на личность, и должна изучаться наряду с мировым искусством и применяться в процессе нравственного воспитания подрастающего поколения.

Таким образом, на основе изучения оперного творчества З.Г. Исмагилова, сохраняющего тесную связь с национальной почвой, возможно составление музыкальной технологии нравственного воспитания подрастающего поколения, поскольку неизменное присутствие этического, нравственного аспектов в каждом его сочинении в сочетании с самобытным творческим стилем композитора, поднимает музыку Исмагилова от уровня сугубо национального до уровня общечеловеческого, что является, в частности, ярким показателем его истинного композиторского мастерства.

#### **Список литературы:**

1. Месягутов Ш. Загир Исмагилов. От курая до оперы. – Уфа, 1967. – С. 45.
2. Вопросы искусствоведения (Статьи о творчестве З.Г. Исмагилова) / Ред.-сост. В.А. Башнев, Ф.Х. Камаев, Л.Н. Шаймухаметова. – Уфа, 1986. – С. 17.
3. Месягутов Ш. Загир Исмагилов. От курая до оперы. – Уфа, 1967. – С. 45.
4. Из прошлого и настоящего музыкальной культуры: Межвузовский сборник статей. Вып. 3 / Сост. Е.Б. Долинская. Магнит. гос. консерватория, Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского. – Магнитогорск, 1997. – С. 281.
5. Галина Г.С. Загир Исмагилов. Монография (К 80-летию со дня рождения). – Уфа, 1997.
6. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства. – Санкт-Петербург, 2000. (Мир культуры, истории и философии). – С. 209.

*Svetlana Nikolayevna Gavrilyuk*

*Candidate of pedagogical science, docent, doctoral candidate  
of Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University*

## **THE FORMATION OF THE CREATIVE PERSONALITY OF THE FUTURE TUTORS OF PRESCHOOL AGED CHILDREN IN THE PROFESSIONAL TRAINING PROCESS**

*Гаврилюк Светлана Николаевна*

*Кандидат педагогических наук, доцент, докторант  
Уманского государственного педагогического университета  
имени Павла Тычины. (г. Умань)*

## **ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ**

**Постановка научной проблемы и ее значение.** Возрастание роли детского творчества в воспитательной системе дошкольных учебных заведений предусматривает особую профессиональную подготовку будущих воспитателей детей дошкольного возраста к педагогическому творчеству.

Уровень творческого развития будущего поколения в значительной мере определяется высоким педагогическим профессионализмом, творческой компетентностью, профессиональным педагогическим мышлением педагога, его готовностью к педагогическому творчеству. «Именно от родителей, воспитателей зависит, станет ли ребенок духовно устремленным, стремящимся к высоким идеалам, или прагматизм, будничность будут стилем его жизни. На чашу весов поставлено творчество или приспособление, личность или индивид. Судьба направленности творческого акта в руках взрослых, в руках общества» [1, с. 28].

**Анализ исследований этой проблемы.** Анализ современных психолого-педагогических исследований, посвященных различным аспектам профессиональной подготовки будущих педагогов к педагогическому творчеству (Л. А. Друбецкой, Е. В. Волошенко, З. С. Левчук, Л. А. Мильто, Л. И. Павловой, Н. В. Кичук, Л. Ф. Квитовой, Л. Е. Князевой, Р. К. Сережниковой, С. А. Сысоевой, Н. В. Устиновой и других), свидетельствует о большом научном интересе к данной проблеме. Ученые определяют необходимость творческого развития личности в дошкольном возрасте, когда наблюдается потребность ребенка в игре, творческой активности, художественно-эстетической деятельности, познавательных процессах и т.д. Результаты научных поисков ученых доказывают, что дети дошкольного возраста, в отличие от подростков и взрослых, обладают способностью к творчеству, присущей каждому ребенку. Одновременно ученые с тревогой отмечают, что блокирование творческого потенциала в раннем детстве отражается негативными последствиями в дальнейшем развитии.

Поэтому, чтобы ребенок смог стать активным соучастником в различных видах творческой деятельности, необходима психологическая готовность воспитателей к педагогическому творчеству, специальная поддержка ребенка со стороны взрослых, создание педагогических условий развития творчества детей в дошкольном возрасте.

**Цель научной статьи:** развитие личностных и профессиональных качеств воспитателя, необходимых для будущей творческой деятельности: педагогической интуиции, эрудиции, инициативности, активности, формирования эмоционально положительного отношения к избранной деятельности и любви к детям; мотивации к непрерывному саморазвитию и профессиональному усовершенствованию.

**Задачи статьи направлены на:**

1). изучение проблемы профессионального творчества воспитателей в педагогическом наследии известных педагогов-новаторов: Г. Г. Ващенко, К. Д. Ушинского, С. Ф. Русовой, А. С. Макаренка, В. А. Сухомлинского, В. И. Волкова и др.

2). практическое применение творческого опыта прошлого у современной профессиональной подготовке будущих воспитателей детей дошкольного возраста к творческой педагогической деятельности.

**Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования.**

Творческий характер труда педагога, в том числе воспитателя дошкольного учебного заведения отмечали многие педагоги - исследователи прошлого, такие как: Г. Г. Ващенко, К. Д. Ушинский, С. Ф. Русова, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, В. И. Волков и другие.

Г. Г. Ващенко отмечал, «что школа будущего – это, в первую очередь, творческая школа». Но чтобы воспитание в детском саду давало желаемые результаты, для этого в первую очередь, нужно, чтобы воспитатели-дошкольники находились на должном уровне. В частности, они должны четко представлять себе задачи, которые ставит воспитание молодежи, хорошо понимать психологию ребенка дошкольного возраста, владеть техникой воспитания и любить свой труд. Кроме того, нужна еще одна черта, которую можно назвать способностью перевоплощаться в некоторых моментах в ребенка. Особенно эта черта нужна воспитательнице при руководстве игрой» [2, с. 55].

Понятно, что так воспитывать детей смогут лишь хорошо подготовленные садоводы. Одним из условий успешного воспитания является авторитет воспитателя. Но это не внешний авторитет, опирающийся только на возраст воспитанника и его положение и поддерживается исключительно суровостью, карами или наградами. Это – авторитет внутренний, опирается на чувство искреннего уважения и даже любви к педагогу. А такая любовь возможна только тогда, когда наставник любит питомца, знает его психические свойства, понимает его стремления и интересы, не ломает его воли, а тактично и мудро направляет его на верный путь. В таком случае между воспитателем и воспитанником образуется единство. Воспитанник охотно, с верой, воспринимает то, что подает ему наставник, а последний, не насилуя воли воспитанника, ведет его вперед. Наставник действует на сознание и волю воспитанника, но так, чтобы тот принял его науку и советы как что-то свое, сообразно с его волей, желательно для него. Вместе с тем наставник всеми способами стимулирует собственную инициативу питомца, его творческие порывы [3, с. 347].

К. Д. Ушинский убедительно доказывает, что «в воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он был придуман, не может заменить личности в деле воспитания» [4, с. 39]. К. Д. Ушинский сравнивал деятельность педагога с творчеством художника. Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно формировать характер [4, с. 39].

Профессиональную подготовку педагогических кадров (садовниц) рассматривала С. Ф. Линдфорс (Русова), которая впервые вошла в историю педагогики как выдающийся теоретик дошкольного воспитания. Автор отмечала, что самый большой клад каждого народа – его дети, и чем сознательнее становится общество, тем с большим вниманием относится оно к воспитанию детей, к обеспечению им лучших условий жизни [5, с. 34].

Ценными в контексте нашего исследования являются советы С. Ф. Русовой по профессиональной подготовке дошкольных педагогов в работе с родителями. Прежде всего, хороший воспитатель должен понимать, что в его обязанности не только входит общение с детьми, а состоят они еще и в хороших отношениях с родителями. Со своей стороны педагог должен давать советы родителям по воспитанию и развитию творческих способностей воспитанников.

К важным личностным качествам детской «садовницы» С. Ф. Русова относит наблюдательность, педагогическую интуицию, интеллект, любовь к детям, скромность, доброту, которые являются показателями педагогического мастерства воспитателя. Автор отмечала, что личность «садовницы» является главным фактором в детском саду – она дает ему прогрессивное движение.

А поэтому, она должна быть веселой, приятной в обращении со всеми: и детьми, и взрослыми, – должна иметь чистую, красивую одежду, приятный, приветливый голос, уметь стать товарищем для каждого ребенка [5, с. 155]. Таким образом, всестороннее, глубокое изучение и творческое использование психолого-педагогического наследия С. Ф. Русовой поможет в подготовке будущих воспитателей детей дошкольного возраста к творческой педагогической деятельности в современных дошкольных учебных заведениях.

Большое внимание творческим умениям, стилю деятельности, мастерству педагога уделял А. С. Макаренко. Педагогическая техника и мастерство рассматривалась А. С. Макаренко, как

творческое начало в педагогической деятельности воспитателя. «Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение» [6, с.265-269].

А. С. Макаренко был убежден, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы он не представлял себе работы воспитателя [6, с.269]. По мнению А. С. Макаренко всему этому мастерству может легко научиться каждый будущий педагог, если ему помогут и если он будет работать и относиться к делу с чувством долга. Ведь хорошим мастером можно стать только в хорошем коллективе.

Особое внимание уделял А. С. Макаренко проблемам воспитания детей раннего дошкольного возраста. Он считал, что в первые два-три года закладывается фундамент не только физического здоровья, но и основные линии будущей личности, характера, успех воспитания человека определяется в младшем возрасте до пяти лет. Соответственно огромное значение в воспитательном процессе детей дошкольного возраста принадлежит воспитателю. Поэтому, А. С. Макаренко уделяет большое внимание обучению педагогической технике, формированию педагогического мастерства и творчества будущих воспитателей в процессе их профессиональной подготовки.

Проблему педагогического творчества, характеристику его личностных и профессиональных качеств можно считать основой научного наследия В. А. Сухомлинского. Ученый отмечал, что педагогический, воспитательный аспект творчества, к сожалению, почти не тронутая целина теории и слабый участок практики.

Особенность педагогического творчества воспитателя дошкольного учебного заведения, по мнению В. А. Сухомлинского, заключается в том, что «объектом деятельности является ребенок, который постоянно меняется, всегда новый, сегодня не такой, как вчера» [7, с.421].

Ученый определяет педагогическое творчество как видение человеком своего внутреннего мира, прежде всего своего ума, своего напряжения интеллектуальных сил, понимания и созидания красоты в результате труда, усилий. Процесс творчества характерен тем, что создатель своей деятельностью и ее последствиями оказывает огромное влияние на тех, кто находится рядом с ним. В. А. Сухомлинский отмечал, что «самой сущностью педагогического творчества является мысль, замысел, идея, связанные с тысячами повседневных дел» [7, с.19]. Выражение известного педагога убеждает в том, что развитие творческого потенциала ребенка дошкольного возраста будет зависеть в первую очередь от личности самого воспитателя, его моральных и профессиональных качеств. Ведь именно воспитатель первый вводит ребенка в мир красоты, добра, творчества. Следовательно, основная задача педагога как творца детской радости, по мнению ученого, заключается в развитии творческих способностей своих воспитанников.

В произведениях В. А. Сухомлинского «Павлышская средняя школа», «Сердце отдаю детям», «Рождение гражданина», «Письма к сыну», «Как воспитать настоящего человека», и других, изложена гуманистическая концепция воспитания личности, основанная на приоритетах интересов ребенка, учете его природных задатков, разновозрастного взаимодействия и общения между детьми разного возраста, педагогами и родителями в процессе различных видов творческой деятельности: эстетической, художественной, трудовой. Учебно-воспитательный процесс в Павлышской школе был направлен на развитие творческих способностей воспитанников. С этой целью педагоги Павлышской школы пытались заметить природные задатки, влечения, интересы, склонности воспитанников, опираясь на индивидуальный подход к каждому ребенку. Для этого воспитанники имели возможность развивать свои способности в кабинете живой природы, на опытном участке, на пасеке т.п.

Большое внимание проблеме развития творческих способностей детей оказывал И. П. Волков. Творческая деятельность рассматривалась И. П. Волковым как деятельность, способствующая развитию целого комплекса качеств творческой личности: умственной активности, умению быстро обучаться, смекалке и изобретательности, стремлению добывать знания, необходимые для выполнения конкретной практической работы; самостоятельности при выборе и разрешении задачи; трудолюбию; способности видеть общее, главное в разном и разное в подобных явлениях и т.д. Результатом такого широкого и эффективного развития качеств, необходимых для творческой деятельности, по мнению И.П. Волкова, должен стать самостоятельно созданный (творческий) продукт: модель, макет, стихотворение, игрушка и т.п. Творчество, индивидуальность, мастерство проявляются хотя бы в минимальном отступлении от образца. Для этого были и разработаны уроки творчества для начальных классов [8, с. 98].

Работая учителем труда и рисования, И. П. Волков стремился предоставить каждому ребенку возможность для самовыражения в трудовой, исследовательской, изобретательской, художественно-

творческой деятельности. С этой целью, по инициативе педагога, в Реутовской школе начала работать «Творческая комната», где каждый воспитанник привлекался к творчеству. Уроки творчества И. П. Волкова направлены на развитие наблюдательности, воображения, формирование творческого отношения к труду.

Целью таких уроков было «пробудить заложенное в каждом ребенке творческое начало, научить работать, помочь понять и найти себя, сделать первые шаги в творчестве для радостной, счастливой и наполненной жизни – к этому и стремимся мы в меру своих сил и способностей, организуя наши уроки. Разумеется, задачу эту не под силу решить одному педагогу. Но если каждый из нас поставит себе эту цель, и будет следовать к ней, выиграют, в конце концов, наши дети, наше будущее» [9, с.126].

Характеризуя творческий характер деятельности И. П. Волкова, В. А. Кан-Калик отмечает, что в педагогической концепции И. П. Волкова привлекает идея общения с детьми на основе увлеченности совместной творческой деятельностью. «Учитель выступает не просто как педагог, обучающий, а как искренне увлеченный творческий человек, который привлекает к творчеству младшего коллегу. Творческая коллегиальность – вот что, пожалуй, определит характер педагогического общения И. П. Волкова с детьми» [10, с.65].

**Выводы и перспективы дальнейшего исследования.** Творческое осмысление многогранного наследия педагогов-новаторов, свидетельствует о том, что источником детского творчества является привлечение ребенка к красоте и гармонии в мире, искусстве, природе, пробуждение его чувств, стремление к труду.

Новые подходы к организации информационно-развивающей среды в дошкольном учреждении дают детям возможность мечтать, представлять, создавать, поэтому для детей дошкольного возраста должны быть представлены различные виды творческой деятельности: трудовой, художественно - эстетической, познавательной, игровой и т.п. Поэтому, в каждом современном дошкольном учреждении должны действовать такие творческие комнаты: «Источники знаний», «Комната мысли», «Комната сказки», «Уголок мечты», «Уголок красоты», «Сад здоровья», «Школа сердечности», «Школа под голубым небом».

Убеждены, что такой подход к формированию личности, будет способствовать значительным достижениям в сотворчестве воспитателя и воспитанников, позволит получить наслаждение и радость собственного творчества. На наш взгляд, изучение и творческое использование опыта прошлого, у системе профессиональной подготовки будущих воспитателей, будет способствовать успешной реализации их профессиональной деятельности.

Период обучения студентов в вузе связан с профессиональным становлением личности будущего специалиста. Задача преподавателя высшего учебного заведения заключается в создании педагогических условий эффективной педагогической фасилитации творческой деятельности студентов, направленной на формирование у студентов готовности к творчеству, развитие психолого-педагогической компетентности, творческого отношения к будущей профессиональной деятельности, воспитание у студенческой молодежи творческих способностей, что способствует профессиональному творческому саморазвитию личности. Это и обосновывает перспективу дальнейших наших исследований.

Следовательно, возникает объективная необходимость профессионально-педагогической подготовки будущих воспитателей к педагогическому творчеству как важнейшей составляющей квалификационной характеристики специалиста дошкольного образования.

#### **Список литературы:**

1. Кульчицкая Е. И. Сирень одаренности в саду творчества / Е. И. Кульчицкая. В. А. Моляко. – Житомир, 2008. – С. 28.
2. Ващенко Г. Хвороби в галузі національної пам'яті. / Г. Ващенко – Київ, 2003 – С. 55.
3. Ващенко Г. Праці з педагогіки та психології. Твори. Том 4 / Г. Ващенко – Київ, 2000. – С. 347.
4. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. у 2-х т. Т.1. / Ред. кол.: В. Н. Столетов (пред) и др. – Київ, 1983. – С. 39.
5. Русова С. Ф. Вибрані педагогічні твори: у 2 кн. Кн. 2. / за ред. Є. І. Коваленко; упоряд. прим. Є. І. Коваленко, І. М. Пінчук. – Київ, 1997.– С. 155.
6. Макаренко А. С. Некоторые выводы из моего педагогического опыта /А. С. Макаренко // пед. сочинения : в 7 т. Т.5 – Москва, 1958. – С. 269.
7. Сухомлинский В. О. Вибрані твори: в 5-ти т. Т. 4 / В. О. Сухомлинський. Київ. – С. 19-20, 421.

8. Волков И. П. Учим творчеству: Опыт работы учителя труда и рисования школы № 2 г. Реутова Московской обл. / И.П. Волков – 2-е изд. – Москва, 1988. – С. 98.
9. Педагогічний пошук / Упорядник І. М. Баженова. – Київ, 1988. – 496 с.
10. Кан-Калик В. А. Педагогическая деятельность как творческий процесс / В. А. Кан-Калик, Н. Д. Никандров. – Грозный, 1976. – С. 65.

*Dvoryatkina Svetlana, Yelets State Bunin University,  
Professor, Doctor of Pedagogic Sciences, the Faculty of Physics and Mathematics*

## **The model of development of students probabilistic thinking style in learning mathematics as a basis of postnonclassical educational paradigm in the field of cultural dialogue**

*Дворяткина Светлана, Елецкий государственный университет  
им. И.А.Бунина, профессор, доктор педагогических наук,  
физико-математический факультет*

### **Модель развития вероятностного стиля мышления студентов в процессе обучения математике как основа постнеклассической образовательной парадигмы в поле диалога культур**

Современные проблемы математического образования следует рассматривать не только с узкопрофессиональной точки зрения, но и с широкой гуманитарной позиции. Это вызвано тем, что с одной стороны математическое образование – это освоение способов и норм математической деятельности и профессиональных ценностей, с другой – развитие интеллекта, формирование духовно-нравственных ценностей и ориентиров, приобщение к математической культуре как части общей культуры. Математическое образование и его отражение в общественном сознании вписываются в структуру нового мировидения. Становящаяся постнеклассическая парадигма формирует современную научную картину мира, обновляет стиль научного мышления, изменяет научную онтологию, задавая ориентиры ментальности и миропонимания. Переход образования на постнеклассическую рациональность и акцентуализация на междисциплинарной системе знаний позволяет решить проблему взаимного обогащения и взаимодействия естественнонаучной и гуманитарной культур, проблему реализации диалога культур.

**Диалог естественнонаучной и гуманитарной культур** в образовательном пространстве определяем как взаимодействие, взаимовлияние, взаимообогащение областей знания, которое даёт представление о разных способах познания действительности (рациональном естественнонаучном и иррациональном гуманитарном), принципиально различных, несоизмеримых типах мышления (логическом и интуитивном), способах восприятия информации (дигитальном и визуальном).

Возможность глубокого проникновения диалога культур в обучение математики рассматриваем как феномен, обеспечивающий создание эффективной развивающей среды. В таком контексте актуальной задачей педагогики высшей школы становится формирование наиболее значимых общекультурных компетенций: способность вероятностного стиля восприятия и описания объектов, явлений окружающего мира; способность находить организационно-управленческие решения в нестандартных, неопределённых ситуациях; способность выстраивать и реализовывать перспективные линии интеллектуального, культурного, нравственного и профессионального саморазвития и самосовершенствования.

Данные способности трактуются нами как следствие формирования и развития у будущих специалистов современного стиля мышления – вероятностного. Для ВСМ характерны гибкость, критичность, адаптивность, динамизм, способность действовать в условиях неопределённости и



неоднозначности. ВСМ обеспечивает способность порождать нешаблонные идеи, отключаться от традиционных схем мышления, адекватно отражать объективный мир.

В ходе рассмотрения истории и современного состояния проблемы развития ВСМ в контексте диалога культур в педагогической науке, роли математического образования в его развитии и в профессиональной подготовке современных специалистов в условиях экономической нестабильности, неопределенности нами была обоснована необходимость и возможность развития ВСМ средствами математики на основе диалога культур [1]. Рассматривая эволюцию стилей мышления в философии, психологии, математике, установили, что стиль мышления специалиста должен соответствовать стилю мышления эпохи, современной научной картине мира.

Под **вероятностным стилем мышления** будем понимать индивидуальную систему интеллектуальных стратегий, способов, приёмов, принципов, форм, идей вероятностно-статистического описания и познания закономерностей окружающего мира на основе: сочетания модальностей восприятия и первичного усвоения учебного материала; активизации взаимодействия логического и интуитивного типов мышления; интеграции логических и вероятностных форм мышления; качественного обогащения мыслительных операций через формирование системных знаний.

**Развитие вероятностного стиля мышления** представляет собой количественные и качественные изменения в его внутренней структуре, определяемые: гармоничным взаимодействием логического и интуитивного типов мышления у студентов гуманитарного и технического направлений подготовки; - овладением операциями мыслительной деятельности (транспонирование, анализ, синтез, комбинирование, оценка, прогнозирование), формами мышления (логические и вероятностные), структурными элементами системы научных знаний и их совершенствованием и применением в процессе изучения математики.

Разработка модели развития вероятностного стиля мышления студентов в процессе обучения математике как основа постнеклассической образовательной парадигмы в поле диалога культур, ее цели, задачи исходят из потребности в поисках нового, оптимального в содержании, методах, средствах и формах обучения. Структурообразующем модулем концептуальной модели развития ВСМ студентов в процессе обучения математике на основе диалога культур явилась **Концепция**, которая включает:

- *цель* – теоретическое обоснование стратегии развития ВСМ студентов в процессе обучения математике на основе диалога естественнонаучной и гуманитарной культур, являющейся основой общекультурной и профессиональной компетентности современного специалиста;
- *методологические подходы* – синтез системного подхода с синергетическим, личностно-ориентированным, компетентностным, информационно-технологическим, культурологическим и фрактальным;
- *ведущую идею* – эффективное развитие ВСМ студентов технических и гуманитарных направлений и повышение качества математического обучения могут быть обеспечены разработкой модели развития ВСМ в процессе обучения математике на основе диалога естественнонаучной и гуманитарной культур и опосредующей ее практическую реализацию технологией обеспечения традиционного развития ВСМ.

Концепция развития ВСМ включает в себя как новые положения (идея использования фрактальных методов для диагностики результатов обучения, установления обратных связей и формирования индивидуальных траекторий обучения, идея обучения ТВиМС как содержательной интеграции понятийной, мировоззренческой, деятельностной и концептуальной форм научного знания), так и известные педагогической науке, но рассматриваемые в авторской трактовке (идея реализации диалога естественнонаучной и гуманитарной культур, идеи гуманитаризации и фундирования в качестве эффективного механизма обучения, гипотеза латерализации и др.).

Методологическим основанием служит **триадическая система принципов**, которая обеспечивает новый качественный уровень развития ВСМ студентов, дает возможность установления единства математического, профессионального, духовно-нравственного и интеллектуального развития личности специалиста и, тем самым, повышает качество образовательного процесса в целом. На базе интеграции базовых принципов обучения математике нами выявлены и разработаны следующие триады принципов на основе синергетического подхода: развитие математической интуиции - логичность структуры математических объектов - включенность вероятности в структуру и содержание познания; фундаментальности - профессиональной направленности - фундирования; дискретности - непрерывности

- фрактальности; проблемности - ясности - неопределенности; открытости - замкнутости - трансдисциплинарности и др.

Проектом педагогической системы развития ВСМ в процессе обучения математике, который реализуется на практике, является технология обеспечения градиционного развития ВСМ студентов [2]. Технология реализует последовательный переход из фиксируемого исходного состояния в прогнозируемое устойчивое, где каждое состояние представляет собой определенный уровень со сложной структурой и целостной совокупностью характеристик ВСМ, принадлежащих по своим параметрам соответствующей фрактальной базе. Каждый уровень развития ВСМ отражает систему качеств личности студента, составляющих основу профессионального становления.

При решении технологических задач реализации концептуальной модели в качестве механизма обучения и объективного средства контроля качества знаний выступала **адаптивная компьютеризированная обучающая система задач (АОСЗ)** [3]. Особое внимание акцентируем на блоке учебно-информационного материала, который содержит **расширяемый банк учебно-познавательных и исследовательских задач** по математике, способствующий развитию ВСМ, что обеспечивает соответствующий уровень достижения в учебной и последующей профессиональной деятельности. В системе заложен принцип предоставления материала с нарастанием междисциплинарных связей и плавным переходом формулировок заданий из естественнонаучного профиля в гуманитарный без изменения сложности вычислительной части для студентов технических специальностей. Для студентов-гуманитариев предусмотрен обратный переход от заданий гуманитарного содержания в естественнонаучную образовательную область.

Резюмируя сказанное, отметим **особенности** модели:

1. **Триадическое построение системы принципов, основанное на синергетических идеях** придает результатам образовательного процесса новое качество, позволяет осуществить перестройку самой конфигурации ситуации обучения, создает необходимые условия, при которых становится возможным порождение знаний самими обучающимися, их активное и продуктивное творчество за достаточно ограниченное время.

2. **Технология обеспечения градиционного развития ВСМ**, используя качественно новое структурно-функциональное и содержательно-информационное обновление математического материала, позволяет осуществлять оперативный контроль и гибкое интерактивное управление процессом обучения с регулируемым шагом дискретизации, обеспечивая адаптацию педагогического процесса под индивидуальные особенности каждого студента.

3. **Обеспечение эффективного развития мыслительных операций** студентов, ориентированного на равномерную активизацию логического и интуитивного типов мышления с целью гармоничного развития интеллектуального и творческого потенциалов личности, формирует ВСМ у студентов технических и гуманитарных специальностей.

4. **Применение фрактального представления понятий при структурировании содержания учебного материала** и фрактального подхода к методам контроля на требуемых уровнях взаимопроникновения, управления глубиной установления междисциплинарных связей и способам интерактивной коррекции [4].

5. Информатизация процесса обучения математике посредством **разработки АОСЗ** для организации практических занятий и обеспечения самостоятельной работы по ТВиМС.

#### Список литературы:

1. Дворяткина С.Н. Развитие вероятностного стиля мышления в процессе обучения математике: теория и практика: Монография. - М.: ИНФРА-М, 2013. - 272 с.
2. Дворяткина С.Н., Кузовлев В.П. Технология градиционного развития личности в процессе обучения студентов инженерных и гуманитарных специальностей теории вероятностей и математической статистике// Психология образования в поликультурном пространстве. 2011, №2. С. 103-112.
3. Дворяткина, С.Н. Проектирование обучающей интерактивной системы задач по теории вероятностей и статистике для студентов инженерных и гуманитарных специальностей// Педагогическая информатика. 2012, №2. С. 61-70.
4. Dvoryatkina S. Technology of fractal description of selection end structuring of learning content of probability theory and statistics at the university // Science, Technology and Higher Education. Materials of the II international research and practice conference. Vol. II- Westwood, Canada, 2013. P.451-455.

## **Professional self-realization of high school teachers' of Russia and the technology of its formation**

*Калашникова Светлана, Барнаульский юридический институт МВД РФ,  
кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков*

### **Профессиональная самореализация преподавателя высшей школы России и технология ее формирования**

Технологии формирования профессиональной самореализации преподавателя необходима как характеристика эффективного выполнения профессиональных функций и предполагает переход от одной стадии профессионального становления педагога к другой, который осуществляется путем разрешения нормативных профессиональных кризисов, что требует, прежде всего, ценностно-смысловой перестройки (переориентации) личности [1]. Процесс переосмысления ценностей деятельности, механизмом которого является трансценденция личностных смыслов (переход от одной системы ценностей к другой), подготавливает смену способов профессиональной деятельности, ведет к изменению социально-профессиональной позиции, а значит - к новому этапу профессионального становления педагога [2].

В процессе профессиональной деятельности обостряются противоречия между: требованиями общества к педагогу-профессионалу и его неготовностью к профессиональной самореализации; усилиями преподавателей высшей школы по формированию профессиональной самореализации и наличием несистематических теоретических представлений о механизмах и закономерностях ее осуществления в процессе педагогической деятельности; необходимостью формирования профессиональной самореализации преподавателя высшей школы России и недостаточной разработанностью этого вопроса в педагогической науке и практике.

Цель статьи заключается в описании технологии формирования профессиональной самореализации преподавателя высшей школы России и ее реализации.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи: уточнить понятие «профессиональная самореализация преподавателя высшей школы России»; охарактеризовать технологию формирования профессиональной самореализации преподавателя высшей школы России.

Анализ философской, психолого-педагогической литературы способствовал выделению нескольких уровней рассмотрения проблемы самореализации личности, а именно:

- на философском уровне определена суть и условия самореализации человека как родового существа в связи с развитием человечества в целом;
- на психологическом уровне самореализация рассмотрена в трех аспектах: как потребность, как деятельность, как объективный и субъективный результат этой деятельности;
- педагогический уровень изучения обосновал определение самореализации личности как способности к выявлению, раскрытию и опредмечиванию сущностных сил личности, затрагивая разработку средств и организационно-педагогических условий, способствующих более эффективной самореализации.

Для нашего исследования является актуальным рассмотрение самореализации в профессиональной деятельности. Профессиональная самореализация личности преподавателя – это всегда интегральная сумма того, что содержится как некоторая возможность последующего развития; она способствует осознанию смысла жизни, своей собственной ценности, что определяет достижение педагогического мастерства, развитие личности, которая творчески реализуется. В современных условиях востребован педагог способный к профессиональной самореализации, острее ощущается невозможность делать профессиональное дело, отрешившись от его сущности, не поднявшись до уровня осмысления осознания его бытийной значимости. В ситуации множественности смыслов перед педагогом как никогда остро встает проблема выбора стратегии деятельности. Это сопряжено с

объективной необходимостью принимать на себя ответственность за глобальные последствия своих педагогических действий.

Таким образом, мы определяем профессиональную самореализацию преподавателя высшей школы России как процесс реализации личностью сущностных сил, представляющих собой совокупность внутренних возможностей развития Я-концепции преподавателя, включающей личностно-профессиональные ценности и потребность педагогического саморазвития

Формирование профессиональной самореализации преподавателя вуза осуществлялось преимущественно средствами курса «Особенности профессиональной самореализации преподавателя в условиях модернизации образования», который раскрывал теоретические и практические вопросы формирования профессиональной самореализации, особенности профессионально-педагогической деятельности преподавателя высшей школы России. Разработанный нами курс включал три этапа: ознакомительно-теоретический, пракческо-информационный, профессионально-методологический.

Данный спецкурс предполагал чтение лекций и проведение практических занятий. На лекционные занятия выносились общие теоретические положения, а практические занятия предусматривали более детальное рассмотрение и осмысление закономерностей профессиональной самореализации; формирование потребности у преподавателя заниматься самосовершенствованием.

В курсе занятий применялись разнообразные методы активизации процесса обучения преподавателей, способствующие развитию сущностных сил и их воплощению в профессиональной деятельности: проблемное изложение материала; эвристический метод; исследовательский метод; дискуссии; ролевые и деловые игры. К приемам и средствам, используемым в процессе обучения педагогов, относились: анализ педагогической ситуации; анализ собственной профессионально-педагогической деятельности; написание педагогических эссе («Личный план профессиональной самореализации», «Моя профессиональная деятельность»).

Формирование профессиональной самореализации преподавателя высшей школы России организационно проводилось на трех уровнях: институтском, кафедральном, личностном. На уровне ВУЗа активно использовались организационные и методические возможности образовательного учреждения, а именно систематические занятия в «Школе передового опыта», «Школе начинающего педагога». На кафедре уделялось пристальное внимание начинающим преподавателям, которые последовательно осваивали составляющие профессиональной деятельности. В дальнейшем происходило расширение содержания педагогической деятельности, что выражалось в приоритете самостоятельной работы. На личностном уровне формирование профессиональной самореализации обеспечивалось путем развития «самости...»: самоопределения - самопознания – самовоспитания – самообразования – самоутверждения, субъектной позиции педагога.

Организация процесса формирования профессиональной самореализации осуществлялась по следующим направлениям: определение целей и задач профессиональной самореализации, разработка содержания профессиональной самореализации, составление личного плана работы над собой, организация контроля и самоконтроля за ходом и результатами профессиональной самореализации. Развитие педагога осуществлялось через использование диагностических карт, способствующих формированию у преподавателя представления о своей системе работы. Собранные материалы предоставили возможность самому педагогу объективно оценить свой предметно-методический уровень, профессиональную компетентность и эффективность собственной профессиональной деятельности.

Для выявления эффективности технологии формирования профессиональной самореализации нами была организована опытно-экспериментальная работа, которая проводилась в естественных условиях в три этапа, которые логически взаимосвязаны и подчинены одной цели. В исследование были вовлечены преподаватели различных подразделений высших учебных заведений, начальники кафедр, сотрудники учебного отдела и психологической службы в количестве 136 человек.

Методика экспериментальной проверки эффективности разработанной технологии, целью которой является реализация требований современного общества к педагогу как субъекту собственной профессионально-педагогической деятельности; профессионалу, способного определить перспективы своего профессионального роста, выстроить профессиональные цели и планы, связана с определением показателей развитости основных компонентов профессиональной самореализации.

На основе анализа психолого-педагогической литературы, результатов опроса преподавательского состава были установлены показатели, которые не только являются составной частью каждого из компонентов профессиональной самореализации (мотивационно-целевого, когнитивного, процессуально-деятельностного, рефлексивного), но и соответствуют проявлению

существенных сторон данного качества личности преподавателя, а также способствуют достижению высшего уровня соответствующего компонента. Показатели развития профессиональной самореализации преподавателей позволяют оценить изменения, происходящие на всех этапах работы с педагогами, а также определить степень сформированности компонентов составляющих структуру готовности к профессиональной самореализации.

Степень осуществления профессиональной самореализации оценивалась по следующим критериям: наличие целенаправленности в действиях; наличие комплекса знаний и умений, способствующих осмыслению сущности и специфики профессиональной деятельности; наличие навыка самопроектирования профессиональной деятельности; наличие креативности в деятельности. В соответствии с выделенными критериями определены уровни сформированности профессиональной самореализации личности преподавателя высшей школы России: низкий, средний, высокий, высший.

В процессе опытно-экспериментальной работы мы предположили, что если при формировании уровня профессиональной самореализации будет зафиксирована стабильная положительная динамика развитости компонентов в экспериментальной группе, и при этом прирост качества в ней будет выше, чем в контрольной, то организованную нами работу можно считать эффективной.

Определение уровня сформированности компонентов профессиональной самореализации преподавателя высшей школы России проводилось в начале и в конце опытно-экспериментальной работы, что способствовало на начальном этапе знакомству с педагогами, а на заключительном этапе – определению эффективности проведенной работы. В процессе опытно-экспериментальной работы по проверке технологии формирования профессиональной самореализации были избраны контрольная и экспериментальная группы. Число преподавателей в каждой из 2-х групп составило: контрольная – 44 чел. и экспериментальная – 38 человек. Группы являлись сопоставимыми по стажу педагогической деятельности, по степени занятости самообразовательной деятельностью.

Итоговый «замер» уровня сформированности готовности к профессиональной самореализации проводился в конце опытно-экспериментальной работы. Данные показывают, что в течение проведения эксперимента уровень профессиональной самореализации существенно изменился в экспериментальной группе и незначительно – в контрольной.

Анализируя итоги опытно-экспериментальной работы, мы пришли к выводу, что в структуре профессиональной самореализации преподавателей высшей школы России произошли качественные изменения. У испытуемых наблюдалась потребность в самореализации, в реализации своего идеала. Педагоги осознавали необходимость получения новых знаний, информации, ее углублению и систематизации, что являлось, по нашему мнению, положительным моментом, повышающим, в последствии, профессионально-педагогическую деятельность. У преподавателей наблюдалась потребность в повышении собственных педагогических, психологических, методологических знаний; в креативном преобразовании собственной профессионально-педагогической деятельности, привнесением в нее нового, нешаблонного, оригинального. Испытуемые могли четко задавать цель собственной профессионально-педагогической деятельности и, констатируя у себя определенные затруднения, определять пути их устранения и преодоления. Преподаватели переосмысливали педагогический опыт прошлого и настоящего, коллективного и личного; вытесняли в своем сознании прежние взгляды и представления, возникала рефлексивная ситуация рождения новых проблем и активного поиска решения трудностей.

Подводя итоги опытно-экспериментальной работы, необходимо заметить следующее: преподаватели экспериментальной группы находятся на более высоком уровне сформированности профессиональной самореализации по результатам опытно-экспериментальной работы. Разработанная нами технология эффективна в процессе формирования профессиональной самореализации преподавателя.

В дальнейших исследованиях представляется важным обратить внимание на определение психолого-педагогических механизмов ответственных за управление профессионально-педагогической деятельностью; выявить содержание ценностно-смысловой сферы преподавателя вуза; определить особенности личностно-профессионального развития; изучить профессионально важные качества педагога, которые могут одним из критериев его профессиональной состоятельности. Перспективы нашего дальнейшего исследования мы связываем с решением этих и других проблем.

**Список литературы:**

1. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: основные сферы жизнедеятельности: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001. 398 с
2. Галажинский Э. В. Системная детерминация самореализации личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 43 с.

*Korobkova Svetlana Alexandrovna, Volgograd State Medical University,  
Lecturer, Candidate of Pedagogical Sciences, Physics Department  
Smykovskaya Tatiana Konstantinovna, Volgograd State Social Pedagogical University, Professor,  
Doctor of Pedagogical Sciences, the Faculty Physics, Mathematics and Informatics*

### ***New orientations in teaching foreign students at Russian Higher School***

Now practically each person is included in a system of the ethnocontaining relations as the carrier of cultural traditions, systems of communications of the different ethnos groups. Tolerance, acting as one of the most burning issues in the sphere of the ethnic relations, is an objective need for the process of numerous contacts between a person and the other ethnos in the multinational world where this person belongs to a certain number of the multiethnic group [1]. So a pedagogical problem consisting in creation of special polyethnocultural educational environment of high school rises and Russian teachers try to solve it by using of special methods and technologies of teaching of foreign students.

Our scientific problem due to real situation in higher education of Russia consists in creation of special polyethnocultural educational environment of the university based on the accounting of gender and ethnocultural features and specifics of girls and the young men coming to Russia for studying at some of Russian universities.

A modern situation in the nationally orientated education and modernization of education in Russia as a whole promote search of the most effective methods and technologies of training in the higher education institutions are carrying out training of different ethnic origin specialists. Higher education has one of the main purposes today. It must help to master three main levels of society values. Among them: ethno cultural, national (Russian) and universal (planetary) values.

According to "The concept of modernization of Russian education for the period till 2010", a modern society needed the educated, moral people capable independently to make decisions in a situation of a choice, ready to the interaction with people of different ethnoculture including their male and female gender features and different ethnoculture, and possessing a sense of responsibility for destiny of the country. Polyethnocultural education obviously becomes an integral part of pedagogical culture of the modern teacher in the conditions of the multicultural world and multiethnic Russian society.

The reflexive period of the pedagogical culture's development gradually passing into active creative process is observed in Russia. These days a pedagogical thought is based on essentially new orientation: on increasing of ethnocultural interaction. The teacher who hasn't seized culture of professional work, the reflection, not understanding how to gain missing knowledge of strategy and interaction tactics with people of different nationalities, is lost and doesn't feel freedom in multiethnic community of students [2].

Teaching foreign future specialists in Russia has old and difficult history. Now the tradition of teaching foreign students in the Russian higher education institutions remains to one of significant factors for the Russian Federation. The number of foreign students is still politically and economically significant fact for Russian Federation. On the one hand there is a sign of the country's authority and with another – a way of integration into world intellectual community [3].

There are many techniques which help to find out the number of male and female features and specifics of teaching foreign students to physics and mathematics. The author's technology of teaching on the basis of gender approach, determined the suitable ways and forms of interaction during the classes for girls and young men proved the effectiveness of educational interaction based on the accounting of gender and ethnocultural features of foreign students [4].

Data of psychological and pedagogical researches show that international communication, interaction, relationship in such collective demands from each person of overcoming of additional psychological difficulties, psychological and communicative (language) barriers, tolerance, the interpersonal relations and so on [5].

A variety of forms of the interpersonal relations is usually based on a national identity, cultural specifics including male and female culture, an originality of language, customs and traditions in a multinational collective [6]. These relations, anyway, are reflected in educational process and have to be fixed in interests of learning efficiency of representatives of different ethnic and gender group. The analysis of foreign researches showed that studies have to not only reconcile among themselves variety of different cultures, but also consider different cultures gender features [7]. The problems existing in practice of teaching foreign students are often connected with inability of application the appropriate technology of teaching by a teacher, his or her skill to choose corresponding for girls and young men of different ethnoculture ways and forms of interaction and control of assimilation of a studying material. Therefore there is a need for theoretical scientific justification of possibility to take into account ethnocultural and gender features in a studying process in the conditions of the polyethnocultural educational environment of higher school.

There are the considerable difficulties connecting with problems in the course of adaptation to new conditions in others' country, new university environment and communication with carriers of others' cultures including certain language barriers for the students who get higher education in Russia.

Practice of teaching foreign students at universities of Russia showed the lack of productive experience of teachers based on gender approach in the polyethnocultural educational environment of higher school. Educational process more often is based on traditional ways and forms of students' education, out of purposefully organized process by a teacher without taking into account any features of students. There is one type of educational interaction between a teacher and a student in well-known traditional pedagogics in Russia. It is usually motivated on the assignment of the reproductive experience which is the main source of the development of a student. However, there are distinctions between male and female in education and certain traditions in teaching students of different gender and ethnos [8].

The conditions of the multicultural world and multiethnic Russian society polyethnocultural education obviously become an integral part of pedagogical culture of the XXI century teacher.

A modern process of high school teaching foreign students in Russia in any way doesn't consider the already enough expressed ethno cultural and gender specifics and cultural features of representatives of different ethnic groups. So, for example, from girls and young men of Asian, African and Indian cultures teachers of the higher medical school demand to work equally during the classes and to follow general requirements of the higher school.

We understand purposefully created conditions of a full development of the foreign student's identity, his ethnocultural inclinations, the features promoting self-realization in educational process (when training in concrete discipline at university) and a formation of tolerant and harmonious relationship between the teacher and students of different ethnocultural and gender groups, among the whole student's collective under a term "polyethnocultural educational environment of higher school".

Educational practice in teaching foreigners proves that the majority of teachers at Russian universities during the realization of educational process in the polyethnocultural environment in multinational student's collective, experience frequent and serious difficulties in formation of relationship with students in the course of training, first of all at the initial stage of their activity. One of the main reasons is lack of special preparation of the faculty of higher education institution in which representatives of different ethno cultural groups are taught.

Teachers of the higher school often don't realize expediency and efficiency of the accounting of gender and ethnocultural distinctions and features in educational process when teaching girls and young men in monoethnocultural and polyethnocultural groups of students.

Educational practice in special polyethnocultural educational environment of the university created on the basis of the accounting gender and ethnocultural features and specifics of foreign students allows teachers of the higher school the following:

- more effectively to realize ideas of humanity and equality among students of a different ethnic group in their everyday life and studying activity;
- to expect social consequences of certain processes in polyethnocultural community of students, their positive or negative sides influencing nature of their relationship with each other and their teacher;
- to find on the basis of joint efforts, cooperation of intellectual and social forces of girls and young men of any ethnos real and reliable ways for original interaction, the painless solution of controversial questions, prevention of aggravation of relations and the conflicts in the international relations.

Many years researches and own pedagogical experience of teaching foreign students to physics and mathematics in medical and pedagogical higher schools of Volgograd of the Russian Federation allowed us to reveal the general positions in different ethnocultures for young men and girls during their training in scientific disciplines. Effective interaction between the teacher of the higher school and foreign students, and also productive development of the physics and mathematics subject's and problem's maintenance directly depends on:

1) purposes, educational problems and basic maintenance of a subject material: they have to be uniform for trainees regardless of their gender and ethnocultural group to which foreign students belong;

2) transformation by a teacher of a discipline's studying material maintenance: it has to be carried out only taking into account gender features of students at the level of a subject and physics and mathematics problem material;

3) choice of educational means: it is made on a basis both gender and taking into account ethno cultural distinctions and opportunities of foreign students;

4) interactions with young men and girls of different ethnoculture: it has to be directed on gender equality and among students of one ethnocultural group, and among the whole polyethnocultural student's community.

Interpersonal level of manifestation of the teacher's professionalism in the international relations demands formation of definite number of skills, abilities and qualities of the personality. A teacher who organizes educational process in polyethnocultural environment of university must be ready to provide overcoming of various difficulties in interaction and communication of representatives of various ethnic groups and give the chance to each of them to choose such ways of the contact, participation which are close to their specific ethnic features and not disperse from requirements of the universal morals.

So, the accounting of gender and ethnocultural features of foreign students in practice of their teaching to physics and mathematics is one of the variants which give possibility to a teacher of Russian higher school for effective interaction with foreigners in a case of teaching them to any studying course in the polyethnocultural educational environment of the university.

According to the concept of teaching foreign students to physics and mathematics at universities of Russia, in our opinion, the maintenance of a studying material of these disciplines need to subject transformations taking into account gender features of girls and young men of different ethnoculture through introduction of humanitarian components and elements of contextual giving of a subject and problem material. That is the perspective direction in pedagogical research which permits to make wider the knowledge about effective methods and technologies of education in conditions of polyethnocultural educational environment of any university where students of different ethnoculture get higher education.

#### **References:**

1. Asmolov A., 2001. About meanings of the concept "tolerance". Century of tolerance. Scientifically publicist Journal, No 1: 8-18.
2. Berezhnova L. and Shcheglov V., 2007. Culture of ethnopedagogical activity. Ethnopedagogics. Moscow: Publish center "Academy", pp: 203-212.
3. Fomina T.K., 2004. Foreign students in medical school of Russia: interiorization of professional values. Dissertation for the degree of doctor of Sociological pedagogical Sciences. Volgograd State Medical University. Volgograd.
4. Smykovskaya T. and Korobkova S., 2012. Organization of interaction between higher school teacher and foreign students on the basis of gender approach. Scientific-Theoretical and Applied Journal of Historical, Philosophical, Political and law Sciences Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 9 (23) Part I: 152-156.
5. Bondyрева S., 2005. Psychology and pedagogical problems of integration of educational space: Chosen works. Publishing House of the Moscow Psychology-social Institute. Voronezh, pp: 352.
6. Fisher A., Rodrigues Mosquera P. et. al., 2004. Gender and culture differences in emotion. Emotion, Vol. 4: 87-94.
7. Lefrancois Guy R., 2000. Psychology for teaching. Published by Wadsworth, a division of Thomson learning, pp: 576.
8. Guiso L., Monter F., Sapienza L., 2008. Diversity: Culture, gender and math. Science, No 320: 1164-1165.



## **ENGINEERING EDUCATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF CULTURAL POTENTIAL OF THE CITY**

The article examines approaches to solving problems of engineering education, analyzed the system of preparation of experts in higher educational institutions of the city of Volzhskiy, Volgograd region.

Feature of modern society becomes the formation of a global information industry, which affects the development of consciousness and self-consciousness. The endless flow of information, brings down on modern man, a series of constantly updated knowledge, the regular appearance of new species discoveries and technology, the emergence of methodological void between the natural sciences and the humanities fields of scientific knowledge leads to absolutism technical, rational or functional principles, while ignoring the importance of humanitarian. This can not but aggravate the conflict between cultures and civilizations. In a clash of human and technical culture is noticeably inferior to their positions. Information is becoming one of the major productive resources, the foundation of the economy and society as a whole. Position and place the man in the modern world is changing rapidly. At the same time in the information society only creative person is able to effectively use the information as a powerful productive resource, as a means to transform the world and himself by the laws of harmony, beauty and usefulness.

Impossible to disagree with A.V. Khutorskiy, that man - is the creator, and in an effort to discover new things and create it, he realizes not only the natural but also the social, socio-cultural mission.

Today, it is obvious that mankind has created a anti natural civilization, in opposition to Nature, destroying and polluting it. The main reason for the current situation is the type formed man, a man with unlimited consumer claims for personal material wealth and comfort. This is type of person incapable of building up, it acts as a destroyer. Consequently, it is necessary to go beyond the traditional scientific ideas and create new technology for humanity, capable of creating Culture. Science itself with a lack of culture, moral development can not be a factor in social progress, that's why any influence on society Civilization must inevitably be accompanied by a growing "compensation contribution." Special importance in these conditions becomes the development of technical sciences, as the sphere of culture and the profession of engineer is becoming an important degree of influence on the results of work of the fate of planet and of society.

Important role played not only to the development of scientific and technical knowledge, but also the training of specialists in this field, because their training is directly related to the cultural process, their formation and development. Consequently, in order to enable Russia to develop effectively and to compete with other countries in the context of globalization and strengthening integration links, required at all levels (University, city, area, region), training of specialists, able to easily integrate into the intellectual environment of a state and to adapt to it, ready to establish and develop mutually beneficial contacts on a professional level with foreign partners, as well as to prove in an ever increasing global competition competitiveness of Russian engineering education system. In this regard, the profession of engineer is becoming one of the most important in terms of impact work performance, both on the economy and on the processes of Culture, which imposes on the engineer's an additional burden responsibility for decisions.

Exploring traditions accumulated national engineering thought and engineering education experience, suggests that it is the Russian engineering education, thanks to its identity, humanistic values laid down in the content, and the ability to absorb all of the most advanced proves in modern conditions its significance and perspective .

For us modern engineering education - the process and the result of purposeful comprehensive education and training of specialists in the field of engineering and technology, involving: learning content corresponding to the chosen specialty; important development for the profession of personal qualities and types of cultures (engineering, management, ethical, environmental, aesthetic, hermeneutic, etc.); formation of professional (special and personal) competencies and values needed for creative and responsible to transform reality for the benefit of culture, society and Civilization. [1]

Analyzing the situation of training in higher educational institutions of Volzhskiy city of Volgograd region, we can state that the focus of most universities - it is training of specialists is in the area of technical knowledge. Actively developing a network of universities Volzhskiy city: it is Volzhskiy Institute of Civil Engineering, branches of University of Humanities Volgograd, Volgograd Technical University, Moscow

Power Engineering Institute. Of course, this can be justified because Volzhskiy is one of the largest industrial cities in the Lower Volga region. There are more than 200 industrial enterprises, the foundation of productive capacities of which are chemical, petrochemical, engineering industries, metallurgy and energy. However, the question arises match whether the existing system of training of engineers in Russia the situation of rapid growth of scientific and technological progress in the world on the one hand, and the need for understanding the role of man in culture on the other.

It should be noted that in engineering education today has accumulated many problems manifested, including in technical colleges of the city Volzhsky. Most of them stand out in relief as follows:

- the need for professionals who do not prepare in higher education of our country;
- isolation from the world community;
- the needs for engineers with knowledge at the intersection of traditional disciplines in engineering and science;
- the emergence of new information technology and other opportunities for the effective training of engineers and professional fulfillment;
- underestimation of the role of personality and human capital;
- the declining prestige of the engineering profession in society;
- growing competition in the export of engineering education;
- short of world-class specialists, English-speaking and prepared for the implementation of engineering activities in the markets of Western and Asian countries;
- dismissive attitude to ecology;
- economic downturn in 80 - 90 years;
- growing backlog of national engineering thought from international technological developments;
- rigidity of the system of higher engineering education, which leads not to address emerging issues and their accumulation;
- transformation of universities centers of science and of education centers in passive forms of work with students, academic and "cramming" and as a consequence the loss of creativity in engineering works.

These problems cause increase the role of higher technical educational institutions, and the setting of challenging tasks for training and education specialist XXI century simultaneously initiates the search and development of philosophical targeted, substantial and procedural platform contributing solution of these problems.

We believe that engineering education, built on the idea of the hermeneutic approach can ensure the organic unity of the ontological and methodological, science and human, rational and irrational, values and meaning, explanation and understanding, knowledge and self-knowledge, logical and emotional imagery and intuitive, that largely harmonizes relations an engineer with technical environment, and the person with the outside world. Experience of hermeneutics in the field semantic development and transformation of reality is characterized by willingness to enter into dialogue, to hear, accept and understand the other in all its "otherness" and manifestations (results of operations, actions, beliefs, etc.). Similar dialogue in terms of engineering education inevitably carries ethical content, where the understanding has not only operationally-informative or personality-developmental functions, but also morally transformative. [2] This education is able to talk not only about simple causal explanations of the world, education and humanitarian thinking and hermeneutical culture (a culture of understanding), but also provide specialist competence in decision-making and production-technological, organizational, managerial, research, design and other engineering tasks as socio-cultural practices based on an understanding of the meanings of engineering. This is allows it to act as an important mechanism for creating human civilization. [1]

The purpose of modern education, in terms of A.G. Asmolov - "creating the gestalt, sense picture of the world, that in a situation of uncertainty can help find ways of development or action."

Only in the horizons of meaning and understanding can be fully disclosed and implemented such priority directions of development of education as humanization, and humanization fundamentalization (S.V. Galenko). Investigations performed within "understanding of pedagogy" (G.I. Bogin, E.K. Breytigam, O. V. Zaslavskaya, L.M. Luzina, L.P. Samoilo, I. I. Sulima, etc.) and "sense didactics" (I.V. Abakumova, A.G. Asmolov, C. V. Volkova, S.V. Galenko, P.N. Ermakov, etc.), fully confirm this.

Without rejecting the achievements "Knowledge" approach because information technogenic society based on knowledge and information, "humanitarian graft" in the form of sense experience (sense activities) in various spheres (personal, educational, professional, etc.) makes, in our opinion, implement professional development of personal-semantic future specialist largely adequate requirements of the XXI century.

BIBLIOGRAPHIC LIST

- 1.Samoilov, L.P. Engineering Education in Russia: Problems and Prospects. Part 1. Fundamentals of Engineering hermeneutics: Study guide / VSTU. - Volgograd, 2010. – p. 77.
- 2.Sense - creative foundation engineering of education / S.N. Sidorova // Pedagogy of Professional Education: Prospects for Development: Monograph / Society. Ed. S.S. Chernova. - Book 4. - Novosibirsk: Publishing house "SIBPRINT", 2011. – 274p. P.61-81

*Lisitsyna Tamara, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,  
Professor, Doctor of Philological Sciences, Research Center  
Gavrikov Anatoliy, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,  
Professor, Doctor of Sociological Sciences, President of University*

***The mobile future is in focus of science and education: university in a cloud***

*Лисицына Тамара Аркадьевна, НовГУ имени Ярослава Мудрого,  
профессор, доктор филологических наук, научно-исследовательский центр  
Гавриков Анатолий Леонидович, НовГУ имени Ярослава Мудрого,  
профессор, доктор социологических наук, президент университета*

***Мобильное будущее в фокусе науки и образования: университет в облаке***

Включение интеллектуальной России в деятельностную среду глобального информационного общества начала XXI в. вызвало существенную перестройку социосферы. Мобильная стратегия стала областью приоритетных инвестиций в науку и образовании. Жизненные стратегии мобильного мира требуют развития мобильных коммуникаций и формирования мобильных контентов специально-предметной деятельности в научно-образовательных средах, инициируют внедрение мобильных технологий в системы управления вузами, стимулируют использование мобильных устройств в научно-образовательных практиках. Опытные штудии новых конфигураций информационно-образовательного пространства в условиях глобализации оформляются в виде мобильных приложений, размещаемых на сайтах вузов. Символом мобильного будущего, создаваемого в недрах инновационной индустрии знаний на основе тесного союза науки и образования, является университет в облаке.

В российских вузовских практиках мобильный университет как научно-образовательный комплекс, базирующийся на использовании облачных технологий, еще не обрел целостного системного воплощения. Пристальный анализ российским образовательным менеджментом мирового опыта реализации принципа мобильности в организации информационно-образовательной онлайн-среды университетов способствует возникновению новых проективных решений и экспериментальных разработок в данной сфере. Проблемная суть их сводится к поиску эффективных алгоритмов доступа к наиболее востребованным онлайн-ресурсам и созданию адаптивных пользовательских механизмов рационального взаимодействия субъектов образовательного процесса в англоязычной интернет-среде.

Несмотря на очевидный рост числа локальных версий мобильных приложений в российских вузах, остается нерешенной проблема разработки универсальных концептуально-методологических оснований и оптимальных технологических схем функционирования российских мобильных университетов в глобальном информационном мире. Вкладом в решение этой проблемы является данная статья, представляющая результаты научного исследования и образовательных практик специалистов НовГУ в сфере мобильного обучения на базе ИКТ.

Магистральный путь решения проблемы создания мобильной научно-образовательной сети на облачной платформе определяется в российской реальности устранением противоречия между новыми конфигурациями образовательного пространства и традиционным содержанием образовательных практик, между инновационными формами образовательного процесса и устаревшими

методологическими подходами к его анализу. Это классическое противоречие между «формой» и «содержанием», между «теорией» и «методом» реально присутствует в национальных системах образования разных стран – в России оно также не устранено и проявляется в отношении к информационным технологиям, в выборе модели образования и управленческих решениях [1].

Логико-ступенчатая схема создания научно-образовательного комплекса «Мобильный университет» включает следующие позиции: 1) мотивацию, или сформированность потребности в мобильном университете; 2) выбор формата; 3) формулировка целей и задач; 4) определение инфраструктуры; 5) установление способов и форм оценки эффективности обучения в мобильном университете.

Базовые положения концепции мобильного университета формируются с учетом анализа основных линий трансформации современного образования, касающихся не только содержания и формы, но и субстантивных параметров, связанных с общественным статусом личности и качеством социальной реальности. Элементами превентивного факторного воздействия на успешность функциональной модели мобильного университета на российском и международном рынке образовательных услуг сегодня являются: 1) повышение роли социальных детерминант и бизнес-стратегий в развитии образования как способа разумной жизнедеятельности личности и общества; 2) внедрение новой парадигмы инжиниринга научно-образовательной среды как продукта телекоммуникационных и цифровых технологий; 3) изменение способов хранения и передачи учебно-научной информации, приемов трансляции знаний в образовании; 4) расширение использования облачных технологий в формировании и потреблении научно-образовательных информационных ресурсов; 5) доминирование виртуального образовательного пространства, базирующегося на принципах диалогичности, дискусионности и открытости, в инновационных моделях образования; 6) превращение образования в определяющий фактор самоорганизации и саморазвития личности.

Сегодня использование высоких технологий в образовательном процессе, а также реализация перспективных проектов в научно-образовательной сфере и даже рациональное инвестирование в перспективные для образования информационно-коммуникационные технологии еще не обеспечивают безусловного конкурентного преимущества вуза в мобильном мире. Решающим фактором успеха научно-образовательной деятельности университета в информационную эпоху является эффективность его присутствия в интернет-пространстве: способность рационально мобилизовать наличные информационные активы и максимально продуктивно использовать доступные интернет-ресурсы.

Стратегическая цель мобильного университета – формирование информационно-образовательного пространства вуза в условиях глобализации. Создание мобильного университета нацелено на решение целого комплекса задач: 1) модернизация образовательной сферы; 2) получение доступа к интернет-ресурсам; 3) улучшение качества подготовки кадров; 4) создание комфортной научно-образовательной среды; 5) оптимизация управления образовательным процессом; 6) расширение межвузовского и международного сотрудничества; 7) стимуляция инновационного развития; 8) использование интегрированных маркетинговых коммуникаций в продвижении образовательных услуг вуза. Все они подчинены генеральной задаче повышения конкурентоспособности вуза на нестабильном рынке образовательных услуг.

Необходимым условием реализации проектно-инновационной модели «Мобильный университет» является превращение научно-образовательной среды вуза в информационное пространство свободных творческих коммуникаций. Наиболее перспективным средством обеспечения мобильности информационно-образовательных сред являются облачные технологии, базирующиеся на идее распределенной обработки информации. Активная динамика развития облачных технологий в образовательной сфере обусловлена их виртуальной мобильностью. При разработке мобильной информационно-образовательной среды как формы развития виртуального образовательного пространства необходимо создание базового программного обеспечения и формирование образовательного контента [2].

Практика свидетельствует, что 1-ой ступенью в создании интегрированной информационно-образовательной среды в вузе является, как правило, запуск внутренней сети, обеспечивающей диалоговый режим взаимодействия субъектов образовательного процесса. После адаптации всех категорий пользователей к информационно-образовательной сети внутреннего потребления на 2-ой ступени с помощью коммуникационного приложения University на платформе мировой социальной сети Facebook происходит переориентация на межвузовскую аудиторию. Данное приложение представляет собой виртуальную образовательную площадку с размещенной на ней актуальной информацией – как

разновидность нового мобильного интернет-сервиса. На 3-ей ступени ставится задача превращения университета в образовательную площадку мирового уровня посредством качественной реорганизации информационно-образовательной среды [3].

Модель управления мобильным университетом должна быть интегрированной внутренне, а также инкорпорированной в управленческую структуру вуза. Принципиальное значение имеет решение задач коммуникации и создание схемы управления информационными потоками.

Задачи разработчиков состоят в том, чтобы: 1) автоматизировать работу модели управления мобильным университетом; 2) создать ресурсную базу обучения с использованием облачных технологий; 3) обеспечить открытый доступ участников образовательного процесса к ресурсам обучения; 4) реализовать на базе корпоративного портала мобильную стратегию обучения; 6) осуществлять мониторинг эффективности всех элементов проективной модели.

Технологии реализации проекта научно-образовательного комплекса «Мобильный университет» обеспечивают конструирование модели, выбор формата, его наполнение и мотивацию. Критериальными показателями качества технологических решений являются привлекательность и конкурентоспособность. Основная функция мобильного университета состоит в накоплении и эффективном использовании знаний.

Критерии эффективности модели научно-образовательного комплекса «Мобильный университет» раскрываются через характеристики функционала: 1) встроенность в корпоративный портал вуза; 2) интегрированность в информационное пространство управленческой структуры; 3) легкость (незатрудненность) доступа; 4) оперативная простота (понятность функционала); 5) удобный интерфейс; 6) комфортность работы с ресурсами; 7) позитивный дизайн; 8) невысокая стоимость затрат на создание и обслуживание (администрирование и обновление ресурсов); 9) техническая и функциональная надежность; 10) снижение эксплуатационных рисков.

Ведущими в системных характеристиках научно-образовательного комплекса «Мобильный университет» являются структура, функциональность и дизайн. Суммарные представления о комфортности здесь связываются с рядом пользовательских преимуществ: 1) простота и удобство использования ресурсов мобильного университета (операциональный автоматизм); 2) сохранение стиливого единства интерфейса портала и приложения; 3) возможность расширения и дополнения функционала под задачи.

Неоспоримое преимущество модели «Мобильный университет» заключается в том, что ее запуск способствует оптимизации образовательного процесса. Это проявляется в целом ряде изменений, направленных на повышение качества образовательных услуг. Так, виды мобильных сервисов в приложениях российских вузов непрерывно обновляются. Российские пользователи отдают предпочтение виртуальным обучающим средам с широкими программными возможностями [4].

Среди направлений реализации проекта «Мобильный университет» возрастающей активностью отличаются: 1) разработка набора приложений для мобильных устройств; 2) проведение в рамках программ стратегического развития вузов одноименных рекламно-просветительских и профориентационных акций; 3) организация мобильных классов для целевых аудиторий в рамках стратегии «обучение в течение всей жизни»; 4) формирование мобильных приложений для сопровождения коммерческих проектов вузов; 5) расширение мобильных сервисов в системе дистанционного образования; 6) информационно-технологическое оснащение подготовки кадров по направлению «Мобильные технологии и мобильный маркетинг»; 7) развертывание открытых международных проектов развития мобильных интеллектуально-образовательных сред.

Поиск российским научно-образовательным сообществом оптимальной модели мобильного университета далеко не завершен. Перспективы развития научно-образовательного комплекса «Мобильный университет» **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**базируются на вхождении информационных ресурсов в единую распределенную базу данных, средствах анализа и принятия решений.

Статус мобильного университета в глобальном мире определяется в немалой степени его социальной значимостью как гражданского проекта развития. Социальная значимость мобильного университета проявляется в ряде присущих ему критериальных показателей, ценность которых в глобальном мире будет неуклонно возрастать: 1) здоровье- и ресурсосберегающие инновационные экспресс-технологии самообучения; 2) экономия временных трудовых затрат; 3) комфортность, быстрота и

надежность освоения информации; 4) гармонизация социальной атмосферы путем выравнивания возможностей представителей разных социальных групп.

#### Список литературы

1. Гавриков А.Л. От электронного университета к электронной России: региональный аспект // Экономика и образование сегодня. 2005. №3. – С. 105-108.
2. Гавриков А.Л., Лисицына Т.А. Формирование образовательного контента с помощью облачных технологий // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. № 7(136). Т. 1. Ноябрь, 2013. – С. 29-34.
3. Замах на мобильный университет // [Эксперт Юг. №15-16\(255\)](http://expert.ru/south/2013/16/zamah-na-mobilnyij-universitet/). 22 апр. 2013 г. – URL: <http://expert.ru/south/2013/16/zamah-na-mobilnyij-universitet/>
4. [http://portal.edu.asu.ru/pluginfile.php/13894/mod\\_resource/content/1/Пособие\\_Moodle.pdf](http://portal.edu.asu.ru/pluginfile.php/13894/mod_resource/content/1/Пособие_Moodle.pdf)

*Fadyeyeva Tetyana, Pedagogical University of Kirovograd,  
Associate professor, the Faculty of Pedagogical and Psychological*

### **Axiology the essence of the content of the preschool science natural-mathematical education**

*Фадеева Татьяна, Кировоградський педагогічний університет,  
доцент, факультет педагогіки та психології*

### **Аксіологічна сутність змісту дошкільної природничо-математичної освіти**

**Постановка наукової проблеми та її значення.** Дослідження проблеми аксіологічних пріоритетів в освіті в умовах стрімкого розвитку соціокультурних та інформаційних процесів потребує нового трактування та розробки практико орієнтованих технологій навчання за базовими змістовими лініями розвитку особистості вихованців. Генерування цінностей дошкільної природничо-математичної освіти в середовищі гуманістичного типу передбачає розробку дидактичних моделей навчання, спрямованих на розвиток суб'єктного потенціалу особистості. Дошкільний етап як перша ланка неперервної освіти містить значний потенціал становлення та розвитку ціннісних орієнтацій у підготовці дітей дошкільного віку. Поєднання традиційних теоретико-методичних основ з аксіологічним аспектом дошкільної природничо-математичної освіти розкриває нові дослідно-експериментальні перспективи упровадження компетентнісного підходу в дошкільне навчання.

**Аналіз дослідження проблеми.** Дослідженню сутності категорії „цінність”, розкриттю становлення та функціонування ціннісних орієнтацій в розвитку особистості, розгляду питань впливу на поведінку вихованців та формування когнітивних компонентів присвячені дослідження філософів, психологів і педагогів Ш. Амонашвілі, Б. Ананьєва, Л. Архангельського, М. Боришевського, І. Зязюна, Ю. Кулюткіна, В. Лекторського, О. Леонтєва, С. Рубінштейна, О. Сухомлинської. Проблему упровадження аксіологічного підходу у дошкільній освіті вивчали Т. Андрющенко, І. Бех, А. Богуш, А. Кір'янова, З. Плохій, Т. Поніманська, В. Маршицька та інші. Аналіз науково-педагогічних досліджень щодо проблеми формування у дітей дошкільного віку природничо-математичних компетентностей, що базуються на аксіологічному підході, дозволяє дійти висновку, що вона не була предметом сучасних педагогічних розвідок.

**Мета статті** – обґрунтувати сутність понять „аксіологія”, „аксіологічний підхід”, „ціннісне ставлення до знань”; розкрити аксіологічний аспект процесу формування компетентностей у природничо-математичній освіті дітей дошкільного віку.

**Виклад основного матеріалу та обґрунтування одержаних результатів дослідження.** Аксіологія – вчення про цінності, їх становлення та функціонування в цілеформувальній діяльності. З позицій системного аналізу поняття "цінності" вченими розглядається як предмет чи явище життєвоважливого значення, ціль-ідеал діяльності, суб'єктна інтерпретація пізнавальних потреб, нормативна база соціально-практичної діяльності. Педагогічна аксіологія визначається як галузь педагогічного знання, що розглядає освітні цінності з позиції самоцінності людини і здійснює ціннісні підходи до освіти на основі визнання цінності самої освіти [1, С. 99].

У зв'язку зі змінами пріоритетів соціально-економічного розвитку та суспільних запитів і вимог щодо якості освітніх послуг та їх прикладної спрямованості актуальною постає потреба вивчення базових, основоположних цінностей дошкільної освіти, зорієнтованих на якнайповніше розкриття особистісного та пізнавального потенціалу дітей дошкільного віку. У Базовому компоненті дошкільної освіти (2012 рік) вказується на необхідність виховання ціннісного ставлення до природного й соціального довкілля, розвитку особистісних цінностей, ціннісної етичної орієнтації та ціннісного ставлення до змісту предметного світу у дітей дошкільного віку. У стандарті дошкільної освіти наголошується на формуванні природодоцільної поведінки, а саме: виваженому ставленні до рослин і тварин; готовності включатись у практичну діяльність, що пов'язана з природою; дотримуватися правил природокористування [2]. Тобто, йдеться про індивідуальну систему цінностей як найважливішу складову особистості дитини дошкільного віку. Дошкільна освіта має забезпечувати стійкість у взаємодії дитини із зовнішнім світом, наступність у становленні пізнавального досвіду, гнучкість екоповедінкової стратегії, усвідомленість пізнавальних потреб та інтересів, логіко-математичну підготовку, що суттєвим чином впливає на готовність дитини до школи. У навчальному процесі ціннісні орієнтації розглядаються як спрямованість суб'єкта діяльності на певну цінність, що виступає основою для вибору дитиною власних цілей, засобів, прийомів у конкретних ситуаціях пізнавальної діяльності. Ціннісне ставлення дитини до оточуючого світу пов'язане з когнітивними процесами, з пізнавальною діяльністю та її результатом – компетентностями.

З-поміж аксіологічних проблем дошкільної освіти варто виокремити найбільш вагомні аспекти навчання у дошкільних навчальних закладах, а саме: 1) взаємодію гуманістичного середовища та формування у ньому ціннісних відношень (об'єктивація суспільно-освітніх пріоритетів) на змісті природничо-математичного матеріалу; 2) значущість гносеологічного потенціалу у розвитку ціннісного ставлення вихованця до природничих і математичних знань (суб'єктивний фактор); 3) роль і значення педагогічних інновацій у викладанні у підготовці дітей дошкільного віку (процесуально-діяльнісний аспект); 4) структурна композиція або ієрархія цінностей дошкільної освіти (проектувальна перспектива).

Однією із цінностей дошкільної освіти виступає забезпечення педагогічної взаємодії, в основі якої лежить положення про цінність особистості у діалозі «дорослий – дитина». Така взаємодія базується на системі взаємних впливів у спільному діалозі, в результаті якого відбувається збагачення кожної із сторін. Аксіологічна складова передбачає формування системи цінностей дитини у концептах «істина», «освіта», «культура», «поведінка» тощо. Взаємодія «дорослий – дитина» відбувається як реалізація культурно-історичної ініціативи щодо розширення освітнього простору та дослідницького поля діяльності кожного покоління вихованців у нових соціально-активних станах структурування знань про навколишній світ у категоріях, що віддзеркалюють рівень наукових розвідок та практичного досвіду людства. Структура взаємодії вибудовується на основі міжособистісних контактів, у яких важливе значення набувають питання цілеформування у самосвідомості дитини, саморегуляції на основі мотиваційних пріоритетів, самовизначення пізнавальних інтересів, життєстверджувальних позицій, екоповедінкової стратегії, самоідентифікації у природничому та соціальному середовищах. Зважаючи на наслідувальний характер пізнавальних процедур дитини у пізнанні, варто акцент зробити на реалізацію сценарію гуманізації дошкільної освіти. Взаємодія – це комунікація з пізнавальним пролонгуючим ефектом дальності у формуванні особистості на тлі потенційної зони саморозвитку дитини та її внутрішньої активності.

Експериментально-дослідна модель формування цінностей освітнього простору дошкільного навчального закладу на основі компетентнісного підходу передбачає проведення поетапної педагогічної діяльності. У процесі дослідження виокремлено такі етапи роботи: цілеформувальний, мотиваційний, проектний та практико орієнтований. На першому етапі здійснювалася робота щодо формування ціннісного ставлення дітей до змісту природничо-математичної освіти, теоретичного обґрунтування суб'єкт-суб'єктної моделі взаємодії учасників навчального процесу. Мотиваційний етап передбачав

розробку дидактичних ситуацій актуалізації пізнавального потенціалу особистості дитини дошкільного віку, тоді як проектний – вибудовувався на принципі інтеграції змісту дошкільної освіти. Зважаючи на засади освітньої парадигми щодо нелінійного, синергетичного характеру процесу пізнання у формуванні освітнього ядра особистості та пізнавальних пріоритетів проектні процедури здійснювалися з урахуванням збереження цілісності світобачення у різних поєднаннях, а саме: предметної (дитина – оточуючий світ); соціальної (дитина як суб'єкт комунікацій та навчально-інформаційне середовище); особистісної (природоцільна поведінка, екоорієнтоване мислення, інформатичність процесу пізнання, логіко-математичний розвиток). Природничо-математична підготовка спрямована на розвиток у дітей дошкільного віку уявлень та понять (природничих, математичних, інформаційних), які формують цілісну картину світу та «Я-концепцію» дитини; ознайомлюють з природним і соціальним оточенням як середовищем життєдіяльності людини; розкривають її належність до природи і суспільства; відображають основні властивості й закономірності оточуючого середовища (предметного, соціального, природного); розширюють, систематизують та узагальнюють досвід соціальної комунікації та пізнавальної діяльності. Компетентності, як цільові характеристики результативності природничо-математичної освіти старших дошкільників, мають міждисциплінарний характер та інтегруються через освітні лінії «Дитина у природному доквіллі», «Гра дитини», «Дитина в сенсорно-пізнавальному просторі», «Комп'ютерна грамота» (варіативна складова) Базового компоненту дошкільної освіти. Практико орієнтований етап спрямовано на упровадження компетентнісного підходу на дошкільному етапі, на становлення життєспроможної соціалізації дитини, набуття нею навичок соціальної комунікації та оволодіння етнокультурним змістом освіти. Формою прояву підходу виступає система сформованих компетенцій за результатами освітньої роботи, предметним наповненням, методичним забезпеченням інформатично-операційної складовою організації навчального процесу в дошкільному навчальному закладі.

**Висновки та перспективи подальших досліджень.** Одним із перспективних завдань дошкільної освіти виступає формування у дітей дошкільного віку природничо-математичних компетентностей на основі аксіологічного підходу. Перспективи подальших наукових розвідок вбачаємо у дослідженні проектів розвивального середовища у дошкільному навчальному закладі, зорієнтованих на відкритість освітніх процесів дитині.

#### Список літератури:

1. Слостенин В.А. Введение в педагогическую аксиологию : [учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений] / В. А. Слостенин, Г. И. Чижакова. — М.: Издательский центр "Академия", 2003. — 192 с.
2. Базовий компонент дошкільної освіти (нова редакція) // Дошкільне виховання. – 2012. – № 7. – С. 4 – 19.

*Yuldashev Shukhrat, branch of Russian economic University after G.V. Plehanov " in Tashkent, doctor of economic sciences, Professor, head of Economic theory Department*

## Special features of the reforms in higher education of Uzbekistan

*Юлдашев Шухрат Ганиевич, филиал «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Ташкенте, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория»*

## Особенности реформ в сфере высшего образования Узбекистана

Коренные реформы в сфере образования Республики Узбекистан начались в 1997 году, когда были приняты Закон «Об образовании» и Национальная программа по подготовке кадров, заложившие прочную правовую основу для дальнейшего развития системы образования. Государственная политика в сфере образования, включая высшее образование, основывается на Конституции Республики Узбекистан,



Указах Президента Республики Узбекистан и Постановлениях Кабинета Министров Республики Узбекистан.

Важность образовательной реформы в Узбекистане должна рассматриваться в особом демографическом контексте: при общей численности населения около 30 миллионов человек более 11 миллионов (41%) составляют граждане в возрасте до 17 лет.

Национальная программа по подготовке кадров (НППК)<sup>5</sup>, принятая Олий Мажлисом Республики Узбекистан (Законодательный орган), представляет собой долгосрочную стратегию по совершенствованию системы образования, развитию непрерывного образования и укреплению двухступенчатой системы высшего образования. Целью программы является радикальное реформирование системы образования, полный пересмотр её идеологических аспектов, а также разработка национальной образовательной системы для подготовки высококвалифицированных специалистов на уровне развитых демократических государств. Развитие международного сотрудничества было определено в качестве одного из механизмов для достижения поставленных целей.

Создана правовая основа для сотрудничества в сфере образования и реализации приоритетных направлений международного сотрудничества, включая создание совместных образовательных учреждений (наподобие действующих филиалов российских вузов, Вестминстерского, Сингапурского и Туринского университетов), а также более широкий обмен научно-педагогическими кадрами и студентами.

В результате реформирования сферы высшего образования полностью осуществлен переход на двухступенчатую систему высшего образования, состоящую из бакалавриата (4 года обучения) и магистратуры (2 года обучения).

На сегодняшний день в Узбекистане действуют 65 вузов (до провозглашения независимости в стране действовало 42 вуза).

Высшие учебные заведения являются юридическими субъектами. Существуют следующие типы вузов:

- Университет (*Universitet*): предоставляет образовательные программы высшего образования (как бакалавриат, так и магистратуру), а также послевузовского образования (соискательство PhD) в широком спектре областей знаний и сферах профессиональной подготовки. Всего в стране действуют 23 университета, включая 19 университетов республики и 4 филиала зарубежных университетов.

- Академия (*Akademiya*): предоставляет образовательные программы по двум ступеням высшего образования, а также по послевузовскому образованию (аспирантура/докторантура) в конкретных областях знаний и сферах обучения.

- Институт (*Institut*): предоставляет образовательные программы на уровне бакалавриата и магистратуры (докторантура PhD), и, как правило, для послевузовского образования в конкретной сфере профессиональной подготовки в пределах одной области знаний.

Послевузовское образование (ученая степень PhD) может быть получено в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях Академии наук Республики Узбекистан.

Следует отметить, что Законом «Об образовании»<sup>6</sup>, принятым в 1997 году, определена правовая основа для создания негосударственных вузов. Учебные заведения такого типа могут функционировать после аккредитации и сертификации в соответствии с установленными процедурами. Для получения аккредитации, негосударственный вуз должен доказать качество предоставляемого образования после завершения, как минимум, одного полного цикла образовательной программы и первого выпуска студентов.

В ходе первого этапа реализации НППК система подготовки кадров с высшим образованием была децентрализована и распределена по регионам.

Правительством республики придается важное и приоритетное значение сфере образования. Это отражается и на распределении ресурсов: государственные расходы на образование в Узбекистане являются относительно высокими. За последние несколько лет они постоянно превышают 10-12% ВВП, а в 2013 году они составили 12,0%, что является самым высоким показателем не только в Центральной Азии, но и в Европе.

<sup>5</sup> Национальная программа по подготовке кадров, Ташкент, 1997.

<sup>6</sup> Закон «Об образовании», Ташкент, 1997.

Сектор образования в Узбекистане в основном финансируется из государственного бюджета на трёх уровнях: центральном, областном и местном (в 2013 году объем расходов из госбюджета на сферу образования составило 35%). Высшие учебные заведения, созданные при них академические лицей, а также институты повышения квалификации учителей в областях, финансируются из республиканского бюджета.

В связи с тем, что количество студентов-контрактников представляет значительную долю в общем числе студентов, внебюджетные фонды составляют более половины всех расходов на систему высшего образования.

Непрерывность и связь между общим средним, средним специальным, профессиональным и высшим образованием является важным аспектом в обеспечении качества высшего образования. На данный момент государственные образовательные стандарты (ГОСы) были обновлены для 269 направлений бакалавриата и 845 специальностей магистратуры. Качество высшего образования обеспечивается государственными образовательными стандартами, которые устанавливают минимальные требования для каждого образовательного уровня, определяют основные характеристики, структуру, содержание и выполнение учебных программ, обеспечивают контроль качества подготовки кадров и устанавливают обязательные (базовые) компоненты (т.е. список учебных предметов).

В целях стимулирования и повышения ответственности профессорско-преподавательского состава за результаты своей работы разработан механизм рейтинговой оценки преподавателей, который обеспечивает заинтересованность преподавателей в повышении своей квалификации на обязательной и дифференцированной основе, прохождении аттестации и анализа достигнутых ими результатов. Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений в установленном порядке проходит курсы переподготовки или повышения квалификации каждые 3 года. Фонд «Истеъдод» (Talent) оказывает содействие молодым преподавателям и исследователям в краткосрочном обучении и повышении квалификации в зарубежных университетах.

В Узбекистане создана система организации научно-исследовательской работы, предусматривающая конкретные меры по привлечению одаренных студентов, аспирантов и докторантов к научно-исследовательской работе во всех вузах. Действующая структура обеспечивает необходимые условия для участия молодого поколения в научно-исследовательской работе и использования интеллектуального потенциала молодых специалистов в деле дальнейшего развития общества и экономики.

В целях обеспечения действенной интеграции вузовской и академической науки, эффективного использования научного потенциала и ресурсов высших образовательных и научно-исследовательских учреждений, активного привлечения одаренной молодежи из числа студентов к вузовской и академической науке, МВССО и Академией наук принято и внедрено в практику совместное «Положение о привлечении студентов к научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам и их стимулировании».

Научно-исследовательская деятельность и внедрение инноваций в отраслях национальной экономики являются одними из самых важных направлений дальнейшей модернизации высшего образования.

При разработке нового поколения государственных образовательных стандартов основное внимание уделяется интеграции науки, образования и производства, а также улучшению координации деятельности вузов с требованиями работодателей к кадрам. В связи с этим организация производственной практики студентов используется в образовательных программах как самый эффективный путь к интеграции образования и производства. Более того, наблюдается тенденция к упрощению процесса обучения студентов по индивидуальным учебным планам.

Развитие международного сотрудничества было определено в качестве одного из механизмов достижения целей Национальной программы по подготовке кадров.

Международное сотрудничество является одной из самых динамично развивающихся сфер в сфере высшего образования Узбекистана, что свидетельствует о приоритетности процесса интернационализации высшего образования. Благодаря межправительственным соглашениям имеются широкие возможности обучения за рубежом. Международное сотрудничество осуществляется в следующих направлениях (на основании данных МВССО):

- создание совместных высших образовательных учреждений;
- привлечение зарубежных преподавателей и ученых к процессу обучения в вузах республики;
- содействие академической мобильности;
- содействие совместной научно-исследовательской деятельности;
- организация международных конференций по текущим вопросам в сфере высшего образования, инновационным технологиям, сбережению ресурсов и энергии;
- привлечение зарубежных инвестиций.

Широкомасштабное международное сотрудничество внесло значительный вклад в улучшение качества образовательного процесса и повышение квалификации преподавателей.

В настоящее время в республике успешно действуют Международный Вестминстерский университет в Ташкенте, филиалы Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Московского государственного университета им. М. Ломоносова, Российского университета нефти и газа им. Губкина, Сингапурского института развития менеджмента и Туринского политехнического университета.

В настоящее время Национальным университетом Узбекистана, Академией наук Узбекистана совместно с ведущим вузом Великобритании – Кембриджским университетом создается учебно-экспериментальный Центр высоких технологий. С сентября 2014 года в Узбекистане начнет свою деятельность филиал южнокорейского университета Инха, направлением обучения в котором станут информационно-коммуникационные технологии, компьютерный инжиниринг.

Наряду с этим, тысячи представителей молодежи Узбекистане сегодня получают образование в ведущих университетах Японии, Германии, Южной Кореи, Китая, Великобритании, США, Франции и др. стран.

Тесное взаимодействие со следующими международными организациями (работающими в сфере высшего образования) обеспечивает стабильную основу для плодотворного междууниверситетского сотрудничества: Азиатский банк развития (АБР), Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA), Немецкая служба академических обменов (DAAD), Британский совет, Корейское агентство по международному сотрудничеству (KOICA), Институт Гёте, Всемирный банк, Немецкое общество по техническому сотрудничеству (GTZ), ЮНЕСКО, Французский культурный центр им. Виктора Гюго и др.

На наш взгляд, за относительно короткий промежуток времени независимости Республики Узбекистан сделано немало усилий для дальнейшего развития системы высшего образования. При этом эти реформы продолжают и набирают обороты с учетом требований реализации Национальной программы по подготовке кадров, с учетом развития рынка труда, а также путем изучения и внедрения опыта ведущих вузов мира. Ведется постоянная работа по совершенствованию, обновлению и внедрению государственных образовательных стандартов, которые определяют новые требования к качеству обучения и квалификации выпускников.

Таким образом, в Узбекистане имеются все предпосылки и предпринимаются меры, которые помогут системе образования стать частью мирового образовательного сообщества и дадут импульс для расширения конкуренции на рынке образовательных услуг.

#### **Список литературы:**

1. Закон «Об образовании» Республики Узбекистан, Ташкент, 1997.
2. Национальная программа по подготовке кадров, Ташкент, 1997.

## Section 10. Psychology

*Glebov Victor, Peoples' Friendship University of Russia,  
Assistant Professor, PhD of Psychology Sciences, the Faculty of Ecology,*

### ASSESSMENT OF THE PSYCHOFUNCTIONAL CONDITION OF THE MIGRANTS' STUDENTS, WHO HAVE ARRIVED TO MOSCOW FROM DIFFERENT REGIONS OF RUSSIA

*Глебов Виктор, Российский университет дружбы народов,  
доцент, кандидат психологических наук, экологический факультет*

### ОЦЕНКА ПСИХОФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ В МОСКВУ ИЗ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

**Постановка научной проблемы и ее значение.** Состояние здоровья молодежи - показатель здоровья нации, одна из характеристик социально-экономического, духовно-нравственного, научного и культурного развития общества [1,2,3,4,5]. К сожалению, Россия относится к числу стран, где за последние десятилетия наблюдается тенденция ухудшения здоровья молодежи [6,7,8,9]. Свою долю ответственности за сложившуюся ситуацию несет и система образования [10,11,12, 13].

Исследования российских и зарубежных ученых [1-20], исследующих проблему адаптационных процессов и состояние психофизического здоровья учащейся молодежи показывают ухудшения показателей работы сердечно-сосудистой, дыхательной, иммунной и других функциональных систем у студентов, особенно у тех, кто приехал получать образование из lneub[ регионов [14,15].

**Анализ исследований проблемы.** Образовательный процесс вуза имеет свои специфические особенности, связанные с интенсивной умственной деятельностью и психоэмоциональным напряжением, способным приводить к перенапряжению гомеостатические регуляторные механизмы организма, которые могут вести к заболеваниям студентов и часто особенно тех кто приехал из других регионов страны [15,16]. Несмотря на многочисленные исследования адаптации иногородних студентов, мало изученным остаются вопросы, связанные со сложным взаимодействием функциональных систем студента, ее динамикой в процессе обучения в вузе в условиях крупного города.

Исходя из представленной актуальности исследования, нами была поставлена цель: дать оценку работы некоторых функциональных систем иногородних студентов, обучающихся в столичном мегаполисе. Это позволит в дальнейшем выявлять и устранять проблемы, связанные с адаптационными процессами молодых людей [17,18,19,20].

**Материалы и методы.** В исследовании приняли участие 212 студентов 1-4 курсов Российского университета дружбы народов и Московского университета имени М.В. Ломоносова. Исследуемая выборка иногородних студентов являлась представителями различных регионов РФ (Центрального, Приволжского, Северокавказского и Сибирского Федеральных округах). Студенты были разных факультетов (экологического, филологического, экономического и психологического). Гендерный и возрастной состав был следующим: 98 юношей и 114 возраста от 17,6 до 19,1 лет

В основе исследования нами был использован комплексный подход, который учитывал многообразие факторов био-социальной среды, влияющих на адаптационные процессы иногородних студентов [3-8]. В этой связи были использованы следующие методы: наблюдение, анкетирование (включающие вопросы социально-экономического, антропометрического характера), психологические (опросники на тревожность, когнитивные функции) и психофизиологические (метод вариационной кардиоинтервалометрии - ВКМ, позволяющий выявить функциональную работу сердечно-сосудистой системы) тесты.

**Результаты и их обсуждение.** В ходе исследования был выявлен комплекс факторов, которые касались условий проживания, питания, климата, культуры и воздействия антропогенных факторов. Нами были выбраны три наиболее значимых факторов, которые часто присутствовали в ответах исследуемой выборки. Анализ результатов анкетного опроса иногородних студентов показал (рис. 1), что первым фактором, оказывающее значимое воздействие на приспособление в новых условиях среды был вопрос, связанный с финансовыми нуждами. Так значимость данного фактора для студентов из Приволжского, Сибирского и Центрального Федерального округа составил 65%, 49%, 48% соответственно.

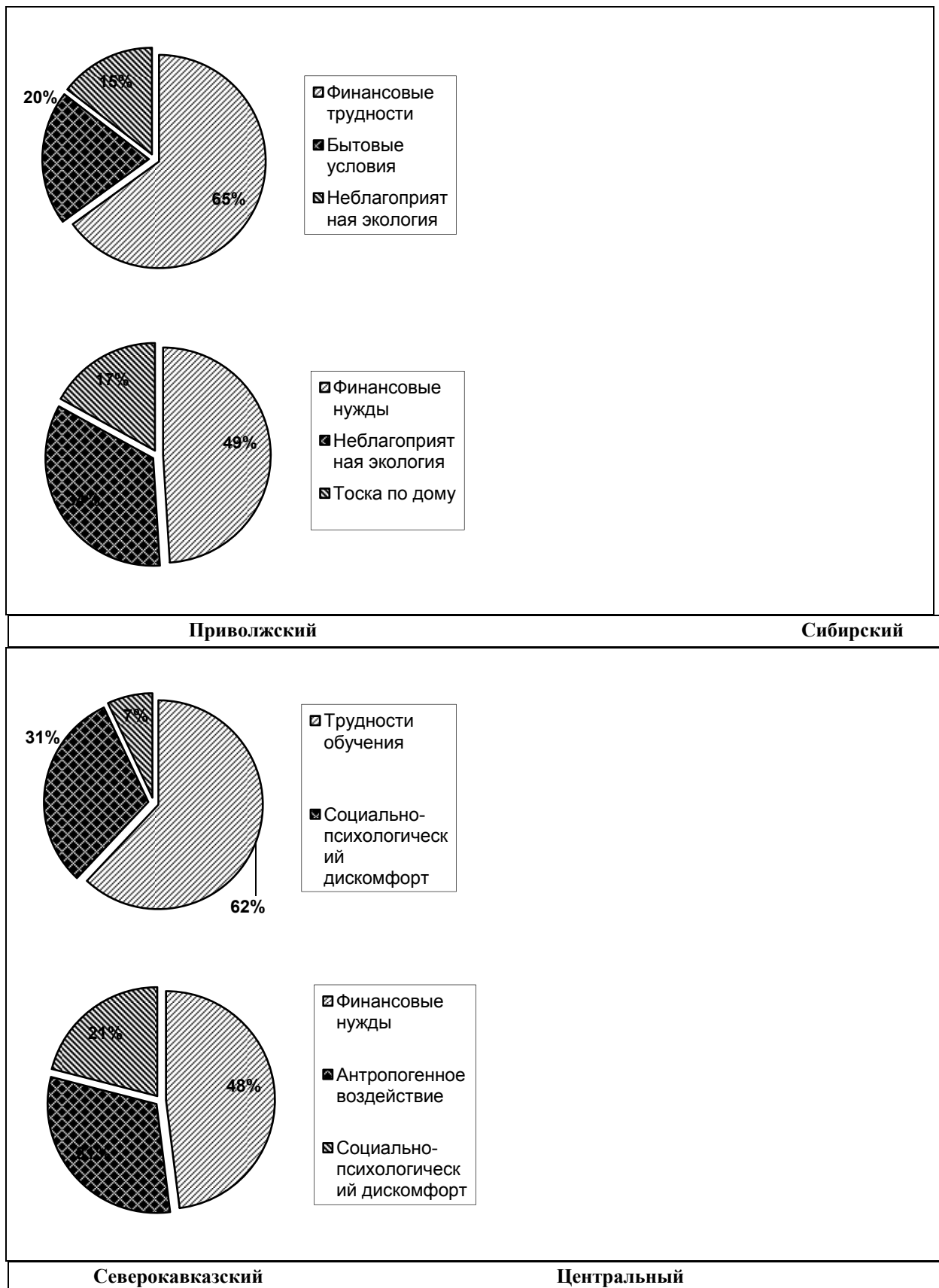


Рис. 1. Комплексные факторы окружающей среды, выявленные в ходе анкетирования исследуемой выборки иногородних студентов (n=212)

Вторым по значимости фактором, оказывающим на адаптационные процессы иногородних студентов были: для учащихся из Приволжья - несоответствующие бытовые условия (20%), для студентов из Сибири - неблагоприятные условия окружающей среды (34%), для студентов из Северного

Кавказа - социально-психологический дискомфорт, связанный с комплексом социо-культурных факторов (31%), для студентов из Центрального Федерального округа - негативное антропогенное воздействие окружающей среды, связанное с шумом, атмосферным загрязнением (31%).

Третьим фактором дезадаптации также был разным для иногородних студентов. Так для студентов из Приволжья и Северного Кавказа сложности вызывали неблагоприятные экологические условия проживания в мегаполисе (15%), для студентов из Сибири тоска по дому (17%), для студентов из Центрального Федерального округа социально-психологический дискомфорт, связанный с комплексом психической и информационной перегрузок (21%).

Исследования уровня тревожности (тест Спилбергера-Ханина) студентов разных регионов показал следующую картину (рис.2).

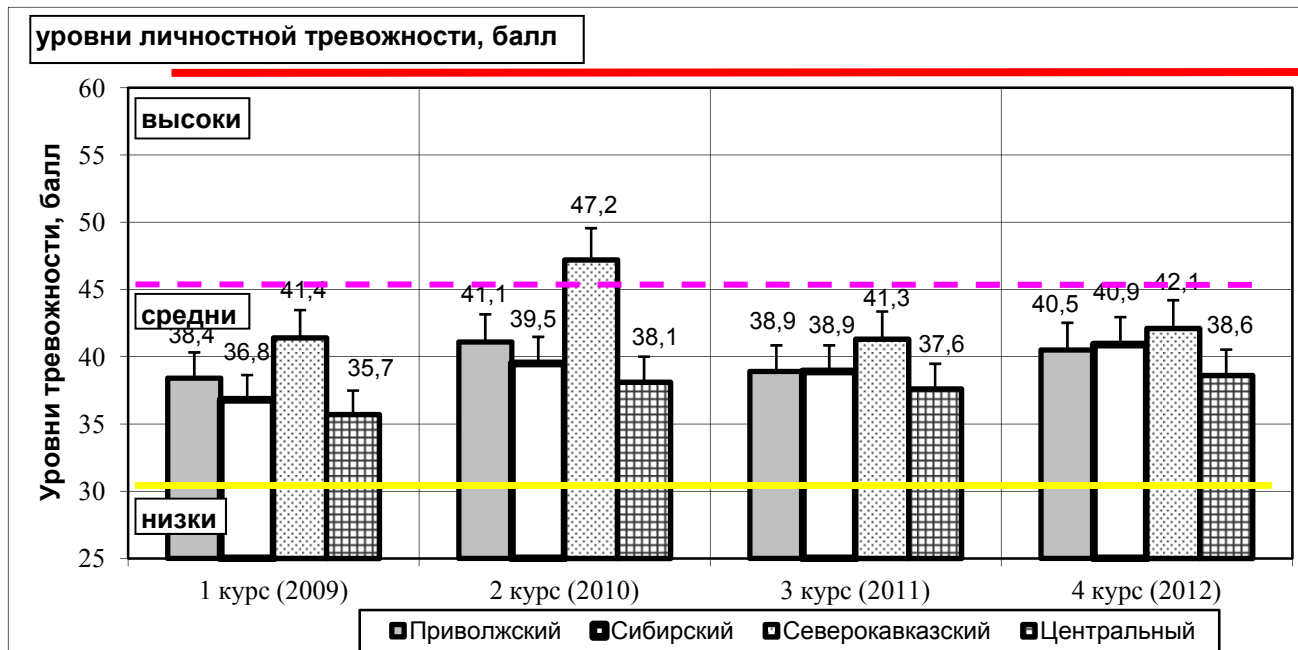


Рис. 2. Динамика уровня личностной тревожности иногородних студентов в течение всего периода обучения (n=212)

На рисунке 2 видно, что на начальном этапе образования, на первом курсе студенты из разных регионов России показатели находятся на уровне средних значений личностной тревожности, что связано с началом новой жизни, новым этапом обучения.

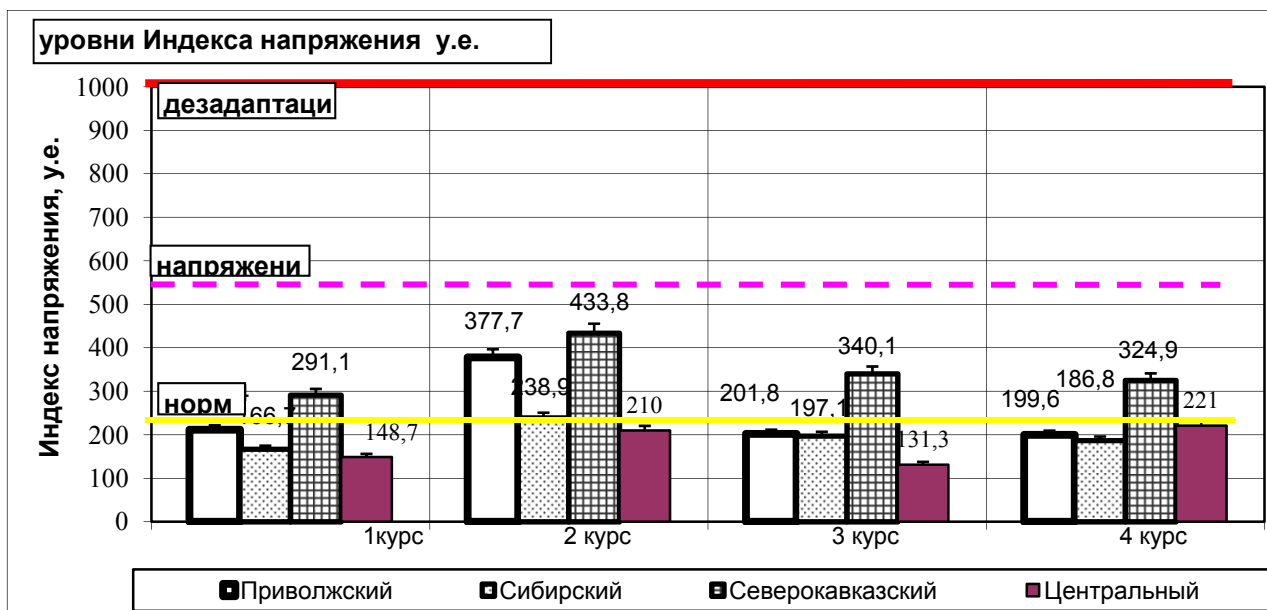
Второй курс отмечен ростом психо-эмоционального напряжения у иногородних студентов, что отразилось на уровнях личностной тревожности особенно у студентов из Приволжского (41,1 балла), Северокавказского (47,2 балла), Сибирского (39,5 балла) Федеральных округов. Рост показателей личностной тревожности также отмечен у студентов из Центрального Федерального округа (38,1 балла), хотя по показателям тревожности он был меньшим по сравнению со студентами других округов.

На третьем и четвертом курсе в группе иногородних студентов отмечается спад уровня личностной тревожности, что можно объяснить комплексной адаптацией иногородних студентов к образовательной среде и условиям столичного мегаполиса.

Исследование уровня ситуативной тревожности иногородних студентов показало аналогичную тенденцию в динамике протекания адаптационного процесса.

В исследовании адаптации человека хорошо зарекомендовал себя такой показатель как индекс напряжения (по Баевскому). Индекс напряжения регуляторных систем (ИН), показывает степень активности симпатического отдела вегетативной нервной системы [16]. Этот показатель широко используется при оценке стрессового напряжения человека. Величина ИН в норме колеблется в пределах от 50 до 150 условных единиц (у.е.) [16].

При исследовании функционального состояния сердечно-сосудистой системы (ССС) иногородних студентов по показателю ИН (стресс индексе) была выявлена следующая динамика (рис.3).



**Рис. 3.** Динамика среднегрупповых показателей по индексу напряженности иногородних студентов в течение всего периода обучения ( $n=212$ )

На первом курсе показатели ИН у всех иногородних студентов за исключением студентов из Северного Кавказа находились в зоне нормы.

На втором курсе у иногородних студентов отмечался рост стрессового напряжения. Так у студентов из Приволжского округа ИН 377,7 у.е., у студентов из Сибири 238,9 у.е., у студентов из Северного Кавказа 433,8 у.е., у студентов из Центрального Федерального округа 210 у.е.

Третий и четвертый курс показал снижение стрессового напряжения кроме студентов из Северного Кавказа (340,1 и 324,9 у.е. соответственно).

**Выводы и перспективы дальнейшего исследования.** На основании полученных результатов и проведенного анализа данных можно констатировать:

1. Психо-эмоциональное напряжение иногородних студентов, проявляющееся в адаптационный период, затрагивает не только уровень психический, но и психофизиологический уровень.
2. На психофизиологическом уровне изменения проявляются в параметрах кардиоритма, который наиболее выражен у студентов второго курса в период экзаменационных сессий.
3. Метод кардиоинтервалометрии может выступать объективным методом оценки адаптационного процесса студентов в системе высшего образования.

Таким образом, комплексный подход в исследование адаптационных процессов иногородних студентов показал высокую информативность в оценке психоэмоциональной сферы и психофункционального состояния учащихся. Данный подход можно рекомендовать в использование мониторинга психоэмоциональной сферы и психофункционального состояния студентов в процессе адаптации в вуза.

#### 1. Список литературы:

2. Кузьмина Я.В., Глебов В.В. Динамика адаптации иногородних студентов к условиям экологии столичного мегаполиса //Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6-2. С. 305-307.
3. Beiser, M., Wood, M., Barwick, C., Berry, J.W., deCosta, G., Milne, W., Fantino, A.M., Ganesan, S., Lee, C., Tousignant, M., Naidoo, J., Prince, R., & Vela, E. (1988). After the door has been opened: Mental health issues affecting immigrants and refugees in Canada. Ottawa: Ministries of Multiculturalism and Citizenship, and Health and Welfare
4. Глебов В.В. Информационные технологии в системе социально-гигиенического мониторинга. //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2013. № 2. С. 53-56.
5. Berry, J.W. (2001). A psychology of immigration. Journal of Social Issues 57, P 611– 627.

6. Глебов В.В. Состояние двигательной активности студентов в условиях обучения в столичном вузе. // Спортивный психолог №3(27) 2012-С.85-89
7. Аракелов Г.Г., Глебов В.В. Вегетативные составляющие стресса и личностные особенности пациентов, страдающих пограничными расстройствами// Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 35-47.
8. Глебов В.В. Уровень пищевого и психофизиологического состояния студентов в условиях крупного города //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 2. С. 45-50.
9. Глебов В.В. Процессы академической адаптации иностранных студентов к процессу вузовского образования в России //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 5. С. 8-10.
10. Аникина Е.В., Глебов В.В. Социально-психологическая адаптация студентов столицы, прибывших из разных эколого-климатических зон России //Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2010. № 3. С. 117-119.
11. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Психофизиологические характеристики формирования дезадаптации у студентов в условиях мегаполиса. // Адаптация биологических систем к естественным и экстремальным факторам среды: материалы IV Международной науч.-практич. конф. (Челябинск, 8-9 октября 2012 г.). – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2012. С. 163-165
12. Родионова О.М. Состояние здоровья студентов из различных регионов России и студентов РУДН за 1995-2010 гг. // Экономика природопользования. 2010. № 5. С. 110-120.
13. Глебов В.В., Аникина Е.В., Рязанцева М.А. Различные подходы изучения адаптационных механизмов человека //Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5. С. 135-136.
14. Родионова О.М. Эндозоологическая болезнь как следствие экологического кризиса. //Экономика природопользования. 2010. № 5. С. 120-126.
15. Родионова О.М., Глебов В.В. Немотивированная агрессия в различных социальных группах - угроза социальной стабильности и безопасности современного мегаполиса. //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2007. № 1. С. 42-48.
16. Родионова О.М. Формирование эндозоологического сознания и ответственности за собственное здоровье студентов вуза. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2008. № 3. С. 89-96.
17. Агаджанян Н.А., Баевский Р.М., Берсенева А.П. Проблемы адаптации и учение о здоровье: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006.– 284 с.
18. Halberg F., Cornélissen G., Bingham C. et al. Chronomics: Imaging in time by phase synchronization reveals wide spectral-biospheric resonances beyond short rhythms // Neuroendocrinology Lett. V. 24. № 5. 2003
19. Berry, J.W. (2003). Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, & G. Marin (Eds.), Acculturation: Advances in theory, measurement and applied research ( pp. 17–37). Washington, DC: APA Press.
20. Bergman, L., Magnusson, D., & El-Khoury, B. (2003). Studying individual development in an interindividual context: A person-oriented approach. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
21. Hayes-Bautista, D. (2004). La nueva California: Latinos in the golden state. Los Angeles, CA: University of California Press.



## Common Sense: Psychosocial and Educational Perspectives

### 1. INTRODUCTION

As inter-relational phenomenon of great complexity, common sense is difficult to research and measure because of its numerous objective and subjective sides, of its interdisciplinary and paradoxical character (even if its performance seems a matter-of-course, common sense is frequently breached).

What is the nature of this phenomenon whose complexity we “support” every day?

Common sense was treated as a philosophic concept, of humanist nature, investing the individual as supreme value, from the Antiquity up to the present, without being circumscribed to a particular school or philosophic orientation: the stoics, Aristotle [1], Descartes [2], Kant [3], Wittgenstein [4], G.E. Moore [5].

Wittgenstein [4] asserts that common sense is the principle on which any world pattern may be built – including that of human person – We consider in agreement with these authors that common-sense may be constituted in a real conception about world and life, if built around it as nucleus, in a conscious and persistent manner a theory of equilibrium and measure, constantly implemented.

Is common sense an ethic concept? We enquire ourselves, as ethic works authors. The essence of this concept is ethics and it may lead – we consider – to the elaboration of a new ethic discipline designated as “Common sense ethics”, being based on the principle value which Common sense is and on subordinated values, such as: respect, dignity, decency, but also on norms and rules regulating these values. We frequently find the concept of common sense at the interaction between knowledge and practice, between philosophy and ethics, in the area of ethic philosophy.

### 2. PSYCHOSOCIAL STRUCTURE OF COMMON SENSE

#### 2.1 Common Sense – Behaviour or Conduit?

The behaviours we consider as common sense behaviours are most frequently obvious, external, noticeable and easy to describe. But is common sense only an external, situational behaviour which depends exclusively on the situation? The behaviours describing common sense such as: apologising when going wrong, not making a fuss at all costs, not using words that may injure human dignity: fool, cretin, idiot, not having an aggressive language or behaviour, defending one’s own rights without breaching the others’ rights (assertiveness) are not just external, noticeable behaviours. From the psychological point of view, according to the conduct psychology of P. Janet as support Teodorescu S [6], common sense is a conduct which has also internal, organisation and regulating elements of the behaviour (images, ideas, affects). Relating to the examples given, we query what is human dignity, which are its coordinates, why we must respect the others’ rights, which rights relate to common sense? Common sense involves also a manner of thinking, refers to the understanding of human dignity, to the representation of the other one’s rights, to the empathic communication with the other?!

#### 2.2 Perceptive Compound of Common Sense

From the perspective of the relationship of common sense with the level of individual sensorial knowledge, one may say that common sense is not a product of perception, it does not depend essentially on sight, hearing, smell, taste, touch, but it is a 6<sup>th</sup> sense, or a synthetic sense communicating us a final result of reception by – as

we consider – combining sensitivity and intuition. By using common sense tool one intuit, globally, which is the most adequate behaviour in a situation and one implements it, finding the way of equilibrium. Intuition as “immediate knowledge form of truth according to experience and knowledge previously got, with no preliminary logic reasoning [7] is the one that establishes the relationship of common sense with the second level of world reflection – thought.”

### 2.3 Rational Compound of Common sense

In general, common sense is often defined as a set a cognitive processes (knowing, understanding, perceiving) or a belief system that is shared by most people without need for debate [8].

Aristotle, cited by Nirestean, Ardelean, Melian, Tg. Murec, [9] relates to common sense as an *exercise of virtue*, representing the “capacity to deliberate and to make the adequate thing, in the adequate manner, at the adequate moment” *proving equilibrium and measure (The Nicomachean Ethics)*. *The cultivation of virtue means choosing the medium way, as Aristotle says, between too less and too much, avoiding excess. It is possible by the free decision of the individual, as they consider Mircea Lazarescu, in 2007 [10], which means a certain self-determination, self-formation freedom. The virtue is defined by Aristotle, as consider Purdel ,as being the aptitude gained by exercise, so the aptitude to always act according to reason, which means always keeping the medium way, the way between the extremes [11]. From the point of view of thought, Descartes [2] used to think about Common sense as “the power to judge well and to distinguish what is true and what is false” identifying common sense with reason. Having common sense – considered Descartes in 1637 – means being rational, relating to reason, not being irrational, “the power to judge well and to differentiating the truth and the false and this is properly designated as common sense or reason.”*

It is important the rational compound of common sense (not passing from an extreme to the other, arguing what you are asking for, being rational, respecting elementary logic, keeping the medium way) – but it is not the only one and none the definitive one. The everyday experience, the psychological literature, especially the psychotherapy experience (the role of unconscious mind) proved that people may differentiate the truth and the false without having obligatorily common sense, they may act in a conscious way avoiding common sense, breaching deliberately the rules of common sense. Why, we may ask ourselves?

What other psychological compounds enter in the structure of common sense beyond reason, together or in contradiction with reason?

### 2.4 Affective Compound of Common Sense

Theodule Ribot [12] speaks about the logic of feelings, about a type of affective reasoning, beyond the cognitive one. The affective reasoning is compounded of concepts and judgements which have a certain emotional coefficient. Other researchers (1993) shows that if in case of the intellectual reasoning the series of the terms conditions the conclusion, in the affective logic, the conclusion conditions the series of the terms involved.

Abstract and general ideas of the rational logic are replaced in the feelings' logic by values – concepts or value judgements.

Consequently, by applying the concept of affective reasoning, we consider that common sense does not represent only the power to make rational judgements, but also to apply value judgements to a certain behaviour, to a certain situation. But which is the hierarchy of values of a given society? At what value level is situated the said behaviour? Who appreciates the said behaviour? If a maid is expecting from an old person to walk in order to for her to hand in a document that the old person asked in a legitimate way, the behaviour of the maid has no common sense and breaches an elementary human right! But it depends on who makes the labelling, in what context this appreciation is made? Among all the affective reasoning forms that Ribot presents: passionate, unconscious, imaginary, justificatory and mixed (composite), the one specific to common sense – as we consider – is

the mixed one, which is based on all the other forms.

Making a value judgement has more a practical than theoretical character, means implementing an appreciating reasoning, having the determination to apply this reasoning in practice “When we speak [13] about value judgements, we understand those judgements where we appreciate, value for practical achievement, values expressed by existential judgements” How is it made, at individual level? In a paradoxical manner, by means of social attitudes!

### 2.5 The Attitude Compound of Common Sense

The attitude, even if individual, has a social origin – as we consider together with Chircev. Chircev [14] considered that there are only social attitudes, in the sense that they are obtained by interaction with the others. “From the point of view of the psychology of social attitudes, the human person lives in a subjective environment formed of all the faiths, opinions, biases, and attitudes relating to different social and cultural forms – Chircev, 1941.”

Common sense is structured in the psychical evolution of the child as such an attitude, according to the development of the capacity to understand the values, by the operation of filtering the social representations by the young individual’s personality, in the mature stage of character structuring.

Common sense is as the other attitudes both a “mental state” (preparation for action) and a “physical action”, the proper behaviour. Common sense is formed – as we consider – as the other attitudes, of tendencies, wishes, habitudes, feelings and opinions.

Psychologist definitions of the attitude explain the attitude according to the individual factors (moods, feelings), and the socialising definitions are centred on social factors (social conceptions and values). We consider that social factors, such as social conceptions, values, the psychosocial factors, such as opinions, faiths, biases are filtered by the psychological and individual factors (moods, feelings, will) for resulting common sense behaviours or those breaching common sense.

If within the current Romanian society, common sense is considered a value, if the opinions concerning common sense are positive, individual common sense behaviours shall be stimulated to develop and to manifest. On the other hand, when a society appreciates directly or indirectly, consciously or unconsciously, the breaching forms of common sense, the breaching behaviours of common sense shall be stimulated. The common sense individual behaviours shall be implemented, by effort, by the individual action against the wave.

Allport [15] makes the distinction between 2 types of attitudes – motivational attitudes where the tendencies and instrumental attitudes prevail where directives prevail.

Chircev [14] defines as follows the social attitude: “attitude is a directional mood, having a less cognitive substrate and a more affective and conative substrate, a less native and more social nature, and a more dynamic and less postural and static character.”

Common sense – as we consider – is an instrumental attitude, of altruist nature relating to the others, where directives or the inclinations to action prevail. We hereby enumerate some of these instrumental attitudes, of altruist nature, which are specific – as we consider – to common sense.

1 modesty 2 self-trust and trusting the others 3 sincerity 4 being opened with the others 5 empathy 6 soul warmth 7 goodwill 8 simplicity 9 propriety 10 communicativeness

### 2.6. Biological Components of Common Sense

From the biological point of view, many researchers, in 2004-2005 demonstrated that altruistic attitudes have a genetic basis:

- sth-rh hormone causing the activation of networks of neurones in the brain cortex which explain the altruistic attitudes of the person.
- male hormones of the elegant behaviour – B type and rosterones contribute to the activation of cortex areas responsible for the breaking of instinctive behaviours.
- after the age of 20, serotonin hormones encourage the manifestations of

altruistic behaviours. These genetic researches should encourage the possibility to educate common sense if there were not other factors intervening and influencing common sense development, such as social representations.

### **2.7 Common Sense as Social Representation**

Does common sense function in a world of individual, absolute subjectivity, a world with no rules, where everyone makes what he/she wants or in a world of communication interrelation, empathy, value judgements, socially, historically and culturally determined?

We consider that common sense functions in a world of collective subjectivity, different from a social and historic stage to another, in a nodal relationship with the images, faiths, biases of a social category, of a professional group, of a community.

Which are the images associated to a common sense person within the current Romanian society? – quiet – boring – decent – fool – uninteresting – as he/she must be – Are these images stimulating for the multiplication of common sense?

Which faiths dominate within the current Romanian society concerning common sense? I select some of the personal notices on certain different categories of people:

- punctuality is a desirable behaviour, but being late a little means letting yourself expected, so being in focus when arriving”.
- respecting the others’ rights is a desirable behaviour, but one’s own rights are more important than the other rights.
- respecting human dignity is a desirable behaviour, but this notion is too abstract Getting safe of any situation not necessarily standing up is more useful!

Which are the biases specific both to professors and students, but also to the parents of the current Romanian society? Have they any relationship one with the other?

- “today’s students do not learn as much as we used to learn once” - “today’s teachers are corrupt”
- “today’s students’ parents do not take care anymore of their students”

Consequently, if one analyses these social representations [16,17] of common sense of the current Romanian society, what is the conclusion?! That, the current Romanian society does not stimulate the common sense development. And then we ask ourselves which is the common sense statute, what is its importance within the society, on what valuing level is it situated? We consider that there are not the society or the external factors which have a determinant final role in forming common sense, but self-education, volitional and activating elements of the individual’s personality, conscience level of the person.

EINSTEIN used to consider common sense as “an assembly of biases which form up to the age of 18”, in the sense that common sense is formed of preconceived ideas, which are common to a given collectivity, has a common positive or negative affective colour, but the volitional and activating elements are particularly individual.

### **2.8 Motivational Elements of Common Sense**

From the motivational point of view, common sense is it a duty or an obligation? The response depends both on the society we live in and on the social group and on the person itself involved in a certain social relationship. We consider that common sense is part of the duty morality and not of the obligation one. The main motivation of the duty morality is derived, according to Kant, of the stipulation of the existence of an intrinsic purpose. As we cannot build a geometry with no axioms, we cannot either build a moral which does not stipulate something as intrinsic purpose, something valuable by itself, something that cannot be transformed in a mean for another purpose [3]. Kant [3] delimitates two intrinsic purposes: life and humanity of the person of any human being. Due to the first purpose, we may find the perfect moral duty of non-suicide, due to the second one, we may find the practical imperative: I.Kant: the human being is an intrinsic purpose, not only a mean. Imm. Kant founds the manners’ philosophy on a “gold rule”: treating the others as one would like to be treated [18].

The practical imperative [3] tells us: act in order to treat humanity, both in your person and in any other’s person, always and at the same time as purpose and never only as a mean. Such an action is – as we consider – the action of common sense, in the philosophy and

ethics of common sense.

Common sense is – as Goethe considered – the humanity genius – or – in our vision the corollary of humanitarian behaviours, from the point of view that it synthesises those highly humanitarian, altruistic behaviours where the human being is valued by the others at the level of purpose and not of mean, is appreciated, stimulated at the highest level.

### 3. COMMON SENSE KNOWLEDGE. COMMON SENSE PSYCHOLOGY

Such a psychology valuing the human being at the highest level, elaborating valid concepts and explanations for every day's life is humanist psychology. Considering that the entire human being and not only parts of it should constitute the subject matter of psychology, humanist psychology appeared, with its main representatives such as Abraham Maslow, Carl Rogers, Carl and Charlotte Buhler, Rolo May.

"I believe that humanist psychology must treat more the important issues of the human position in today's world and I say it because all the important issues of mankind – war and peace, exploitation and fraternity, hate and love, disease and health, understanding and conflict, bliss and sadness – lead to a better understanding of human nature and to a psychology with direct application for human life" [19].

Humanist psychology considers that:

- the stress must be places on several human qualities, such as: the capacity of choosing, creating, self-realisation against some external stimuli acting on it;
- the human being is and imposes to remain a value, capable to adapt and to model in order to become what it is maximum possible to become.

Rogers speaks to this end about an actual Self, which develops by reporting to a imaginary (ideal) Self, considering that between them there may appear an agreement, a congruence or a disagreement, an incongruence. The favourable conditions of the congruent person development are treating it with respect, trust, empathy, acceptance, (common sense psychology).

This therapeutic vision on human being, which characterises the therapy centred on the client, may and must be extended in every days' life – as C. Rogers [20] considers – in order to develop the human being, in order for it to become a person.

Healthy persons, as Rogers puts it, are: experience-opened, they live here and now, they manifest the freedom to experience, and they are creative. All these characteristics do not exclude the responsibility of the human being.

Where is common sense situated in the motivational pyramid of Maslow? Of course, at the level of appreciation, esteem and respect so at the 4<sup>th</sup> level of human needs. This position is significant for the difficulty of individual achievement of common sense, which must overpass the first 3 levels in order to become active. But according to the functioning laws of the pyramid of Maslow, we may put between brackets, for a determined time, the inferior levels of the pyramid and to activate in a conscious way the level of interrelation appreciation, of esteem and respect of oneself and of the other. The activation of common sense insures the respect behaviours for the others, which come back and contribute to the development of the self person respect. Maslow's pyramid highlights again the cir

cularity between the self respect and the others' respect.

### 4. COMMON SENSE FORMATION COVERS THE SAME DEVELOPMENT STAGES AS THE OTHER MORAL BEHAVIOURS, ACCORDING TO THE PATTERN OF L. KOHLBERG [21]

#### 4.1 The Preconventional Level of Moral Judgement (Early and Medium Childhood)

Judgment based on personal needs and on the others' rules – Stage 1 of punishment and submission: the rules (common sense) are respected in order to avoid sanction (good and evil are evaluated according to the physical consequences of the action: if common sense is compensated, it receives an impulse in its development; if it is punished, by non-appreciation, common sense may be inhibited or may develop in a difficult way. Pay attention in this case to the family education of common sense, to the examples provided by the parents, to the learning by imitation of the children. Stage 2, of the individual instrumental purpose and exchange (naïve instrumental hedonism): the good (common sense) and evil (breaching of common sense) are evaluated according to the personal needs: it is good what brings advantages to us; it is bad what it does not bring advantages to us; the orientation is made in order to obtain a rewarding. Usually, common sense breaching brings benefits: not returning borrowed things, sitting on a chair in front of an old and ill person standing up, using the labelling of fool, incapable puts for a moment the person using them in the opposed position. During the

medium childhood, common sense develops according to the instrumental hedonism action. If we extend the psychological explanations at the level of the society, we may say that our current Romanian society is placed at this stage. But it would be a psychologist conception.

#### **4.2 Conventional Level of Moral Judgement (13-16 Years Old)**

The judgment based on the others' approvals, on the family's expectations, on the community's values and laws – Stage 3 of the interpersonal mutually conformity (morality of good relationships if having good relationships with certain persons, one manifests common sense relating to them, if social relationships are not good, one breaches the common sense rules, the good (common sense) and evil (breaching common sense) are appreciated according to the actions producing pleasure and as they are appreciated by the others (being good/evil) – Stage 4 of the social system and of conscience (order and duty morality): law and order oriented; the authority must be respected and the social order must be maintained.

#### **4.3 Postconventional Level of Moral Judgement (16-20 Years' Old)**

The judgement based on abstract concepts – Stage 5 of priority rights and of social contact: the good (common sense) is appreciated according to what the social establishes as standards of individual rights – Stage 6 of the universal ethic principles: the good (common sense) and the evil are issues of the individual conscience and involve a series of abstract concepts as justice, human dignity and equality.

At this last level, it is maximum developed common sense as moral principle, a synthetic value as treated within the work.

### **5. TRAINING COMMON SENSE**

Even if it has a biologic, genetic content, the manifestation of common sense cannot be explained only at this level. The family education provides essential models the formation of common sense relates to, insures the affective training of common sense [22]. The school education develops the rational compounds of common sense, the equilibrated judgement, the measure of appreciation. The institutions outside the school (NGOs, foundations, associations), the social and cultural activities particularly enlarge the sphere of experiential learning of common sense. But – as we consider – self-education is mainly responsible for common sense training.

### **6. CONCLUSION**

1. Common sense as complex psychological product is formed of cognitive, affective, volitional, attitudinal and behaviourist compounds.
2. Common sense as compounding part of personality takes part of the character structure of personality.
3. Common sense as socio-cultural product represents a valuing mixture (respect, self-control, altruism, responsibility), being represented by social attitudes.
4. Common sense has a genetic basis, but is formed and develops in the context of significant inter-human relationships.
5. From the psychosocial point of view, the social and individual circularity is significant, the social representations of common sense are generating common sense general schemes, but the individual conscience is responsible for the concrete manifestation of common sense.
6. Self-education is mainly responsible for common sense.

### **REFERENCES**

1. Aristotel. Nicomahica ethics (translation), Publisher, IRI, Bucharest; 1998.
2. Descartes R. Discourse on the method, Scientific Publishing House, Bucharest, translation Totoiescu; 1957.
3. Kant I. The Foundation of metaphysics, Critique of practical reason, Scientific Publishing House, Bucharest; 1972.
4. Wittgenstein L. Philosophical Investigations, Blackwell Publishing; 1953.
5. Moore GE. Principia Ethica, Cambridge: Cambridge University Press; 1903.
6. Teodorescu S. Behavior psychology. Contribution to the knowledge of the work of Pierre Janet, Scientific Publishing House, Bucharest; 1972.
7. Coteanu I. Explanatory dictionary of the Romanian language, Univers Enciclopedic Bucharest; 1998.
8. Chong Ho Yu, Juanita M. Cole, Friend or Foe? Common Sense in Science Education from the Perspective of History and Philosophy of Science, British Journal of Education,

Society & Behavioural Science. 2014;4(5):673-690.

9. Nirestian A, Ardelean M, Melian A. Common sense at schizoid and obsessive-compulsive types of pathological personalities in Romanian Journal of Psychiatry, 2000;2:2-3:120-124.
10. Lazarescu M. Personality disorders, Polirom Publishing House, Iasi; 2007.
11. Purdel C. The idea of happiness in Nicomahica Ethics, thesis Bucharest; 2010.
12. Ribot Th. The logic of feelings, Paris, Felix Alcan, french; 1905.
13. Andrei P. The value of philosophy, Bucharest King Michael Foundation; 1945.
14. Chircev A. The psychology of social attitudes about the Romans Publishing House of the Institute of psychology of the University of Cluj Sibiu; 1941.
15. Allport G. The structure and development of personality, Didactic and pedagogic Publishing House, Bucharest; 1991.
16. Moscovici S. Machine made gods, Polirom Publishing House, Iasi; 1995.
17. Moscovici S. The Social Psychology of relationships with other, Polirom Publishing House, Iasi; 1998.
18. Miroiu M. Professional ethics, University course, Bucharest; 2000.
19. Maslow AH. Motivation and Personality. New York: Harper & Row; 1970.
20. Rogers C. Becoming a person. Three publishing house, Bucharest; 2008.
21. Kohlberg L. The Development of Modes of Thinking and Choices in Years 10 to 16, Ph. D. Dissertation, University of Chicago; 1958.
22. Schiopu U, Verza E. The psychology of the ages of life cycles. E.D.P.R.A. Bucharest; 1995.

*Vasylenko Inessa, Kharkiv State Academy of Physical Culture,  
Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology,*

## **The problem of fear in psychological and pedagogical training of students-athletes**

*Василенко Інесса,  
Харківська державна академія фізичної культури,  
викладач кафедри педагогіки та психології*

### **Проблема страху в психолого-педагогічній підготовці студентів-спортсменів**

**Постановка проблеми.** Психологічна готовність спортсменів залежить від ступеню сприяльності ними різних зовнішніх та внутрішніх факторів: вплив оточення, емоцій що переповнюють людину перед якими-небудь діями на публіці, накладання відповідальності та боязні оступитися, не реалізувати сподівання тренера і т. і. І від того на скільки він зможе протидіяти виникаючим зовнішнім та внутрішнім факторам залежить його успіх або поразка. Одним із особистих факторів, здатних надати несприятливий вплив на психологічну готовність студентів-спортсменів, є страх, так як при досягненні високих спортивних результатів студенти – спортсмени значно частіше перебувають в стресових ситуаціях, де його спортивний успіх або поразку оцінюють інші люди: тренер, судді, вболівальники, друзі, та близькі люди. Також студенти-спортсмени виконують не тільки роль спортсменів, а і паралельно роль студентів ВНЗ, що теж викликає певні страхи поразок в навчальному процесі.

Отже, існує необхідність в дослідженні проблеми страху в психолого-педагогічній підготовці студентів-спортсменів.

**Аналіз останніх досліджень і публікацій.** Вивчали проблему виникнення страхів такі вчені, як Ю. Щербатих, Ф. Ріман, К. Ізард, П. Симонов, А. Рібаков, Є. Івлева, С. Керкегор, Я. Рейковський. Особливу увагу цьому питанню приділяли Т. Сімсон, М. Кузьміна, Л. Лебедева, Л. Костіна, Н. Імедадзе, Дж. Боулбі, Дж. Грэй, З. Фрейд, Ф. Зімбардо, Л. Макшанцева, Є. Савіна, Н. Шаніна, Д. Соколов, В. Оклендер, В. Астапов. А започатковано відповідні дослідження ще у працях А. Захарова, А. Прихожан, Г. Еберлейн, Н. Максимова, О. Скляренко, К. Томкінс, але проблемі страху при підготовці студентів-спортсменів було присвячено не достатньо уваги.

**Мета статті:** теоретично проаналізувати проблему страху, як одну з актуальних проблем в підготовці студентів-спортсменів.

**Основний матеріал:** Страх - емоція яка виникає в ситуації загрози біологічному або соціальному існуванню індивіда і спрямована на джерело дійсності або уявної небезпеки, на відміну від болю та інших видів страждання викликаних реальною дією небезпечних для існування факторів [1, с. 791].

На відміну від болю чи інших видів страждання, обумовлених реальною дією небезпечних для існування суб'єкта факторів, страх виникає під час їх передбачення. У залежності від характеру загрози інтенсивність та специфіка переживання страху мають досить широкий діапазон відтінків: побоювання, боязнь, переляк, жах. Стан, в якому знаходиться суб'єкт, якщо джерело небезпеки невизначене або неусвідомлене, називається тривогою [2, с. 4].

Ч. Дарвін, У. Джем, Ф. Ріман, К. Хорні говорять про те, що почуття страху є природженим, а П.В. Смирнов та К.Д. Ушинський вважають, що страх виникає в процесі онтогенезу, тобто є набутих в процесі життя. Аналізуючи думки останніх авторів, можна розглядати страх, як прояв інстинкту самозбереження, котрий формується і розвивається в процесі соціалізації особистості.

Стан страху є достатньо типовим для кожної людини особливо, якщо людина знаходиться в екстремальних умовах діяльності, як саме знаходяться студенти-спортсмени. В багатьох випадках механізм прояву страху у людини є условнорефлекторним, в результаті наявного попереднього негативного досвіду. Страх також може проявлятися на інстинктивному рівні.

Дж. Боулбі відзначає, що причиною страху може бути, як присутність чогось загрозового, так і відсутність того, що забезпечує безпеку (наприклад, матері для дитини). Дж. Грей вважає, страх може виникнути, якщо подія не відбувається в очікуваному місці і в очікуваний час. Багато авторів відзначають, що страх викликається об'єктом (предметом, людиною, явищем природи), але що бувають і безпредметні страхи, тобто не пов'язані ні з чим конкретним [3, с.148].

Я. Рейковський у роботі «Експериментальна психологія емоцій» описав, як саме страх впливає на організм людини на фізіологічному рівні, тобто фізіологічні прояви страху:

- збільшення частоти серцебиття, підвищення кров'яного тиску;
- зниження тону м'язів шлунково-кишкового тракту, припинення діяльності травних залоз, гальмування процесів травлення і виділення;
- розширення зіниць очей, напруга м'язів, що забезпечують пиломоторну реакцію;
- посилення потовиділення;
- посилення секреторної функції мозкової речовини надниркових залоз, внаслідок чого збільшується кількість адреналіну в крові, що викликає посилення серцевої діяльності, гальмування перистальтики, збільшення вмісту цукру в крові, прискорення здатності крові до згортання [4, с. 55].

Дослідження Я. Райковського довели, що стан страху має без посередній зв'язок не тільки на загальний психоемоційний стан людини, а і на погіршення загального фізичного стану. Якщо розглядати вплив страху на фізичний стан студентів-спортсменів, можна говорити про те, що стан страху може впливати негативно на спортивну діяльність студентів-спортсменів, а саме на координацію дій та рухову систему при участі та підготовці до спортивних змагань в результаті чого може знизитися спортивний результат.

Аналізуючи погляди представників психофізіологічного напряму можна говорити про те, що кожен з вчених розглядає проблему страху, як суто фізіологічний процес. Даний підхід не враховує специфіку емоційних переживань і тим самим відсуває їх на другий план, а на перший план висувається лише розглядання ролі страху, в загальнобіологічному контексті.

Психологічний напрям дослідження проблеми страху включає в себе наступні підходи: чуттєвий, когнітивний, психоаналітичний і синтезуючий.

Представниками чуттєвого підходу є В. Джемс, Е. Клапаред, Д. Ланге, І.Б. Тітченер. Вчені вважають, що саме оцінка ситуації страху формується на основі відчуттів.

Представники когнітивного підходу М. Симон, Р.С. Лазарус, Р.У. Ліпер, М.С. Зінгер, говорять про те, що саме уявлення про страх як про наявність майбутньої загрози і неможливість її уникнути виробляється на основі інтелектуальних (когнітивних) процесів. Р.С. Лазарусу, вважає, що саме оцінка емоційної ситуації відбувається завдяки інтелектуальним здібностям, а також якщо індивід оцінює ситуацію як небезпечну і загрозову — у нього виникає емоція страху [5, с.13-14]. Вчені когнітивного підходу розглядають страх з позиції усвідомлення, про те не враховують не які інші фактори які впливають на його виникнення.

Представники психоаналітичного підходу М.С. Неймарк, Д. Рапапорт, З. Фрейд, Є.Г. Шехтел, С.Р. Роджерс, П.М. Якобсон вважають, що причини та механізми виникнення страху криються в травму чому минулому індивіда. Представники психоаналітичного підходу пропонують розрізняти страх і фобію (боязнь). Вони вважають, що на відміну від фобії страх не виконує захисну або попереджувальну функцію. Якщо фобія нагадує про об'єкт небезпеки, від якого потрібно або захищатися, або нападати на нього, або рятуватися втечею, тобто активізує наш потенціал і змушує приймати правильне рішення, то страх, навпаки, є повним ступором, "безпорадністю перед лицем небезпеки". Він вводить у заціпеніння



тіло, і не дозволяє вірно оцінити ситуацію та прийняти правильне рішення, а іноді ставить під загрозу і саме життя. Окрім цього, Фрейд вважав, що страх є причиною, а не наслідком деякої душевної травми.

У більшості досліджень в області психології емоцій переважає розуміння страху як результату зовні рефлексуючої діяльності суб'єкта, якому відводиться важлива роль у функціонуванні механізмів самозбереження. Як віддзеркалюючий суб'єкт, виступають «організм», «індивід», «особа», «людина».

**Висновки.** Страх є однією з найбільш значущих для людини емоцій, що надають потужний вплив на різні аспекти її життя. Данне почуття формується з розвитку раннього онтогенезу та супроводжує людину на протязі його всього життя. Страх може впливати на професійну діяльність студентів-спортсменів, як позитивно так і негативно. Іноді страх виступає сигналом того, що досягнений рівень емоційної регуляції поведінки не працює в нових умовах та визиває підключення інших дій, тим самим мобілізує внутрішні ресурси для подальшої боротьби та пошуку рішення. А, іноді відчуття страху приводить спортсмена до стану ступору, що в подальшому приводить до спортивної поразки.

При підготовці спортсменів до спортивних змагань слід враховувати їх емоційний стан, необхідно навчати прийомам психічної саморегуляції для того, щоб спортсмен в екстремальних умовах спортивної боротьби зміг самостійно регулювати свій емоційний стан, і тим самим мобілізує свої внутрішні ресурси для подальшої спортивної боротьби.

#### Список літератури:

1. Словарь психолога-практика [состав. Головин С. Ю.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 967 с.
2. Карпенко Н. В. Корекція та профілактика дитячих страхів / Н. В. Карпенко // Психологічна газета. – 2006. – № 7. – С.1–31.
3. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2001. – 752 с: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
4. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский: пер. с польск. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
5. Чирва А. В. Особливості толерантності до страху у військовослужбовців у процесі початкової парашутної підготовки: автореферат дис. на здоб. наук., ступ. кандидат. психолог. наук: Харківський військ. університет. – Харків, 2003. – 20с.

K. Shivakumara<sup>1\*</sup>, Sangeetha R. Mane<sup>2</sup>, M. Ravindra<sup>2</sup>, Ravikanth B. Lamani<sup>3</sup> and Ashok A. Pal<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Department of Psychology, Karnatak University, Dharwad – 03, Karnataka, India.

<sup>2</sup>Department of Social Work, Karnatak University, Dharwad – 03, Karnataka, India.

<sup>3</sup>Department of Criminology, Karnatak University, Dharwad – 03, Karnataka, India.

## Aggression Behaviour of Delinquent and Non-Delinquent Adolescents

### 1. INTRODUCTION

In spite of facing many social problems, juvenile delinquency is one of the major problems in India. The menace is so severe that several thousands of children are officially labeled as delinquents every year and they are placed into correctional homes. There are also thousands of cases which are not officially recorded and brought under the justice system. Sustained increase in juvenile delinquency over decades has been affecting the growth and harmony of the society and it has been considered as a social, economic and ethical issue. However, it does not mean that the juvenile delinquency was non-existent in the country before. It might have been there but in a far less proportion. The joint family system, the self-sufficient pattern of the traditional Indian village and such other factors offered a kind of automatic check on the growth of delinquency in the past. Hence, the instances of children found to have indulged in delinquent behavior were rare. Dutta [1] observes “juvenile delinquency is rapidly becoming a serious menace in India and with the progressive

industrialization of many parts of the country. Which were essentially rural areas until a few years ago, this problem will soon assume the same proportions as in many of the western countries”.

According to Juvenile Justice (Care and Protection of Children) Act (2000) when young children below the age of eighteen indulge in criminal and antisocial behavior, it is regarded as juvenile delinquency. Crimes of children are presumed as juvenile crime because they are not aware of the legal implications of their activities. Therefore, they are referred to as children with bad conduct. Crime committed by individuals above statutory age is called criminals because they are well aware of the criminal and legal implications of their anti-social behavior. The Indian Penal Code (IPC) used the term ‘juvenile offence’ instead of juvenile delinquency. Now it uses the term ‘juvenile in conflict with the law’ and the children between the 7–18 years are called as juvenile delinquents.

Juvenile delinquency is multidimensional phenomenon involving social, economic and psychological aspects. Psychological and psychiatric theories argue that criminal behaviour originates primarily in the personalities of offenders rather than in their biology or in situation. Among many personality factors, emotional maladjustment has been considered as one of the important factors.

According to Glueck and Glueck theory delinquency is a symptom of emotional maladjustment. Many delinquents are emotionally disturbed [2]. Emotional instability would be expected to multiply with the antisocial conduct. It has been reported by many researchers that the crimes like murder and rape are mainly the crimes of emotionality [3,4]. As mentioned by Friedlander many delinquents not only have a long history of severe frustration, they also react aggressively to stress situations [5].

A range of childhood problems can be subsumed under the headings of internalizing and externalizing syndromes [6,7]. Under the heading of internalizing syndromes are a variety of problems reflective of depression, withdrawal, anxiety obsessions, somatic complaints and so on. Under externalizing syndromes aggressiveness and delinquency are included as main problems. Aggressive behavior seems to constitute both a common and sometimes serious problem of childhood that has important implications for later adjustment.

### **1.1 Aggression**

Aggression involves hurting others on purpose. It has been defined as “any form of behavior directed towards the goal of harming or injuring another person” [8]. Traditionally, psychologists have directed aggression as behavior against another person with the intention of committing harm. This definition refers to socially unacceptable behaviour. Working definition of aggression define aggression as the willingness to engage in physical and psychological acts of harm in order to control the actions of other people. It incorporates the idea that aggression involves psychological as well as physical harm. According to widely accepted definition, aggression is: “an aggressive act in any form of behaviour designed to harm, or injure a living being who is motivated to avoid such treatment” [9]. It has become increasingly clear that it can be displayed by children and adolescents.

One distinction frequently examined in research is between reactive and proactive aggression [10]. Proactive aggression is aggressive behaviour that is initiated by the individual to achieve some desired outcome. It is important to note that aggressive behaviour need not involve fighting or other forms of physical attack. The individual may show physical aggression in the form of hitting, shoving, biting, scratching, and kicking or they may display nonphysical aggression by being verbally abusive toward others. Reactive aggression is generally defined as aggression that occurs as an angry response to a perceived provocation of threat [11], whereas proactive aggression is conceptualized as aggression that is unprovoked and is used for instrumental gain or dominance over others [12,10]. Indirect aggressiveness is defined as harming others through covert behaviours such as gossiping and rumor spreading [13].

### **1.2 Aggression and Delinquency**

Huesmann et al., [14] tracked one sample of 600 subjects for 22 years. They found

that highly aggressive 8 year olds often became relatively hostile 30-year-olds who were likely to batter their spouses or children and to be convicted of criminal offenses. Twin studies suggest that some individuals are genetically predisposed to have aggressive behaviour and other antisocial acts [15,16]. Childhood aggression is frequently associated with a host of negative outcomes such as subsequent psychopathology, juvenile delinquency and criminality [17,18,19]. In addition, early aggression tends to be fairly stable. Aggression that begins early in childhood is the single best predictor of later criminal behaviour [20]. Longitudinal investigations have demonstrated that aggression is one of the best known predictors of future social, psychological, behavioural, delinquency and peer victimization [21].

Two aspects of social-psychological adjustment—aggressive behaviour and delinquency, were assessed before and after one year period of time. It was revealed that the strongest predictor of future social-psychological adjustment problems was the combination of relational and physical aggression. Relational aggression also contributed unique information relative to physical aggression in the prediction of future maladjustment [22]. Youths with earlier ages of onset were more likely to engage in several types of physical aggression, frequent lying, theft and vandalism [23]. Research on adult forensic samples suggest that antisocial individuals who show psychopathic traits are more aggressive than other antisocial individuals, exhibiting a higher rate of aggression both inside and outside of forensic institutions and showing aggression that result in more severe harm to their victims [24]. The presence of callous-emotional (CU) traits may designate a particularly severe and aggressive pattern of conduct problems [25,26] and it may enhance the prediction of later delinquency. Several studies have documented the presence of CU traits predicting subsequent delinquency, aggression, number of violent re-offending in antisocial youths [27,28,29]. There is also evidence to suggest that children with conduct problems who are aggressive also tend to form a severe and chronic subgroup of antisocial youth [30].

Higher frequency of aggressive acts was significantly associated with higher levels of anger and stronger beliefs that physical aggression is an appropriate course of action in conflicts. Juvenile offenders reported higher levels of anger experience and higher frequency of aggression and antisocial behaviour compared to high school students [31]. Childhood exposure to violence against females and male-modeled anti-social behaviour were examined as risk factors for sexual aggression and non-sexual aggression and delinquency among adolescents. Both risk factors produced direct and indirect effects on non-sexual aggression and delinquency [32]. Hamalainen and Pulkinen [33] showed that a group of convicted men had been more aggressive and lower in prosocial behaviour. Juvenile delinquents had been more aggressive than adolescent delinquents. Among those, recidivists were more aggressive and lower in prosocial behaviour.

Researchers assessed the prevalence of severe aggressive behaviour and conduct disorder in runaway and homeless adolescents. Conduct disorders were present in 55% and severe aggression in 62% of the subjects. Severe aggression was associated with other problem behaviours including arrests and convictions [34]. Exposure to socially deviant peers, even in treatment environments, has been shown to produce lasting detrimental effects on young males including long term increases in aggressive and antisocial behaviour [35]. Within the backdrop of above studies emphasizing on aggressive traits more prevalent among the delinquents the present study was conducted with the below mentioned objectives and hypotheses.

## **2. METHODOLOGY**

### **2.1 Objectives**

1. To ascertain the magnitude of aggressive behaviour among delinquent and non-delinquent adolescents.
2. To examine the effect of domicile on aggressive behaviour of delinquent and non-delinquent adolescents.

### **2.2 Hypotheses**

1. Magnitude of aggressive behaviour is significantly higher among delinquent adolescents than non-delinquent adolescents.
2. There is significant effect of domicile on aggressive behaviour of delinquent and non-delinquent adolescents.

### **2.3 Study Sample**

This research on exploring the level of aggressive behaviour was conducted on 321 **male** adolescents consisting of two sub-sample groups. Female samples were not included in the present study due to lack of availability of adequate size of delinquent adolescents. The characteristics of the sample groups have been mentioned below:

#### **2.3.1 Delinquent adolescents**

The male adolescents, between the age group of 14-18years, who have committed offense ranging from petty theft to serious offenses like murder and rape, were selected for this group. They were confirmed cases of offense under Indian Penal Code (IPC) and they were selected from the State Observation Homes located in Bangalore, Mysore, Shimoga and Dharwad. The delinquent adolescents were administered the questionnaire individually, the researcher read out the statements and responses given by them were recorded carefully. The sample sizes of the delinquent adolescents were 150.

#### **2.3.2 Non-delinquent adolescents**

The non-delinquent adolescents were selected from the schools and colleges studying in 8<sup>th</sup> grade to II preuniversity course. They were selected from Karnatak Public High School, Karnatak College, K E Board School and Basel Mission High School located in Dharwad city of Karnataka state. The sample size of the group was 171 adolescents. In selecting the non-delinquents sample adolescents the inclusion criterion of the adolescents not having any delinquency background were considered.

### **2.4 Tools**

#### **2.4.1 Aggression scale**

The aggression scale developed by Pal and Naqvi [36] was administered to the subjects. The scale has 30 items of statements measuring various aggressive behaviour ranging from rude answering to violent attacking on other individuals. Each item has 6 alternative answers. The scoring was done following the below method. For answer of 'very much' a score of 5 was given and a score of 0 was given for 'not at all' responses, and intermediate scores were given for the remaining responses. Total raw score was calculated simply adding the scores on all items. The total raw score ranges from 0 to 50. The higher score on this scale indicates higher aggressive behaviour. But the scale does not provide separate scores for proactive and reactive aggressive behaviour. It provides scores including both the types of aggressive behaviour.

The test author has calculated the split-half reliability by odd-even method. The correlation co-efficient was 0.82, which shows that the scale is highly reliable. The test-retest reliability of the scale was found to be 0.78. The validity of the scale has been calculated by two methods. For the content validity the items of the scale has been collected through the experts' opinions and available literature. The validity of this scale was again checked through the administration of both, present scale and Chauhan and Tiwari's Frustration test (only aggression scores were calculated). The validity co-efficient was found to be 0.74, which shows that the present scale is valid for measurement of aggression.

#### **2.4.2 Pilot study**

A pilot study on 50 subjects including both above said groups was conducted. Necessary modifications in the terminologies and statements were made in the test

which was translated from English to Kannada language. After the data collection the data was subjected to 't' analysis. The findings provided significant difference in the aggressive behaviour that the scores more favouring the delinquent adolescent groups. Later, data for the main research was collected using the modified Kannada version questionnaires. Further analyses was carried out and interpreted.

### 2.4.3 Procedure

After seeking the permission by the concerned authorities of the institutes, including that of Karnataka State Women and Child Welfare Department and schools/colleges, 30 items aggression scale was administered to the subjects individually. For the ethical consideration, the subjects were explained about purpose of the study and they were assured of the confidentiality. The data from the subjects were collected from the first author.

The responses of the subjects were scored and subjected to statistical analysis.

### 2.4.4 Statistical techniques

After calculating the scores for each of the subjects, Mean and SD were calculated for the sub-groups separately. 't' analyses was carried out to determine the significance level of difference between the comparative groups.

## 3. RESULTS AND DISCUSSION

Aggression, as a personality trait, is closely related to delinquency of the adolescents. In the present research aggression was measured using the test among the delinquent adolescents and the non-delinquent adolescents.

**Table 1. Means, standard deviations and t-value of the delinquent and the non-delinquent adolescents on aggression**

Sample Groups	Mean	SD	't' value
Delinquent Adolescents (n=150)	117.75	16.78	
Non-delinquent Adolescents (n=171)	72.24	14.92	25.94**

\*\* Significant at 0.01 level

Table 1. depicts the aggression scores of the delinquent adolescents and the non-delinquent adolescents. On aggression there was significant difference in the mean scores (delinquent adolescents mean 117.75 (SD 16.78)/non-delinquent adolescents mean 72.24 (SD 14.92),  $t=25.94$ ,  $p<0.001$ ). The above result clearly implies that the delinquent adolescents have higher level of aggression than the non-delinquent adolescents. They experience anger to the extent that they damage objects or harm the person who provokes anger. Even for a small thing they get anger too much and intend to harm others or harm others. They establish relationships with persons those retaliate against society (for example, with juvenile involving gang) and they go against the traditions and standards of the family and society. This shows that the delinquent adolescents inability to control or regulate aggression, they are much prone to delinquent activities or delinquent adolescents have aggression at the higher level than the non-delinquent adolescents.

Findings on the delinquent adolescents indicate that proactive aggression is associated with fights and delinquency [37,38] and reactive aggression is generally accompanied by anger and emotional outbursts and has been associated with impulsivity [39,10]. Loeber [19] and Patterson et al., [21] showed that aggression that begins early in childhood is the single best predictor of later criminal behaviour. Aggressive behaviour takes various forms and juvenile delinquency encompasses a wide range of acts that violate social norms and rights of others. Physical aggression such as hitting, pushing and kicking is one obvious example of delinquent behaviour. Non-aggressive delinquent behaviour includes lying, stealing, breaking rules. Compared to physical aggression, non-aggressive antisocial behaviour is found to be a predictor of criminal offenses. Buss and Shackelford [40] mentions that the aggressive behaviour can be explained as a complex interaction of genetic dispositions, observational learning and cognitive scripts.

**Table 2. Means, standard deviations and t-value of the delinquent rural and urban adolescents on aggression**

Delinquent adolescents (n=23)	Mean	SD Rural	't' value
Urban (n=171)	119.26	15.54	0.47
	117.48	17.03	

Table 2. depicts the aggression scores of the delinquent rural and urban adolescents. On aggression, there were little differences in the mean scores obtained by the adolescents belonging to different domicile (rural delinquent adolescents mean 119.26 (SD 15.54)/urban delinquent adolescents mean 117.48 (SD 17.03),  $t=0.47$ ,  $p>0.005$ ). The above results state that domicile has no significant effect on aggression level of the delinquent adolescents. This non-significant result between the delinquent adolescents of the rural and the urban domicile are expected to be because of homogenous level of aggression among the delinquent adolescents irrespective of their domicile background. It may be assumed that adolescents indulge in delinquent activities irrespective of their domicile due to their higher level of aggression. The present results also support the view point that the aggression variable plays a significant role in the causation of delinquency irrespective their domicile.

**Table 3. Means, standard deviations and t-value of the non-delinquent rural and urban adolescents on aggression**

Non delinquent Adolescents	Mean	SD	't' value
Rural (n=89)	74.51	14.15	2.28
Urban (n=82)	69.37	15.31	

\*\* Significant at 0.01 level

Table 3. depicts the aggression scores of the non-delinquent rural and urban adolescents. The results indicate that the non-delinquent adolescents of rural domicile have higher aggressive behaviour than the non-delinquent adolescents of urban domicile (rural non-delinquent adolescents mean 74.51 (SD 14.15)/urban non-delinquent adolescents mean 69.37 (SD 15.31),  $t=2.28$ ,  $p<001$ ).

Studies indicate that juvenile delinquents from urban environment report more behavioural problems. This rural/urban difference may be attributed to greater opportunities to join deviant peer groups in urban environment. The juvenile delinquents of urban setting reported considerably elevated levels of internalizing, externalizing and other behavioural problems [41]. It was observed by researchers that the rural criminals were significantly maladjusted in emotional areas as compared to the urban criminals [42]. In another study no associations were found between living in an urban versus rural area and emotional/behavioural problems in the north Norwegian samples [43]. However other research revealed that rural Muslim students have higher aggression than urban Muslim students [44]. Children and adolescents from the lower socio-economic strata particularly males from larger urban areas exhibit more aggressive behaviour and higher levels of delinquency [45,46].

Present contradictory result may be verified with larger sample groups, as present study involves smaller sample size.

#### 4. CONCLUSION

As hypothesized in the present research, the aggression behaviour was found to be more among the delinquent adolescents than the non-delinquent adolescents. The demographic variable domicile was found to be having significant diverse effect on the aggression level of the non-delinquent adolescents, aggressive behavior being found to be more among rural adolescents. Whereas on the delinquent adolescents the domicile background has no differential effect on aggressive behavior. It is suggested that the goal of rehabilitation of the delinquents should be to develop skills to control and regulate their emotions appropriately and adequately. Encouraging positive emotions should also be the part of the therapy for delinquent and non-delinquent adolescents.

#### CONSENT

All authors declare that 'written informed consent was obtained from the patient (or other approved parties) for publication of this case report.

## ETHICAL APPROVAL

All authors hereby declare that all experiments have been examined and approved by the appropriate ethics committee and have therefore been performed in accordance with the ethical standards laid down in the 1964 Declaration of Helsinki.

## REFERENCES

1. Dutta GC. Seminar on social defense. Intelligence Bureau, Government of India. 1967;30.
2. Glueck S, Glueck E. Unraveling juvenile delinquency. Cambridge: Harvard University Press; 1950.
3. Johnson EH. Crime, correction and society, Illinois: Dorsey Press; 1996.
4. Gibbons DC. Society, crime and criminal careers. New Jersey: Prentice Hall; 1968.
5. Friedlander K. The psychoanalytical approach to juvenile delinquency. New York: International Universities Press; 1945.
6. Achenbach TM. The classification of children's psychiatric symptoms: A factor analytic study. Psychological Monographs. 1966;80:615.
7. Achenbach TM, Edelbrock CG. The classification of child psychopathology: A review and analysis of empirical efforts. Psychological Bulletin. 1978;85:1275-1301.
8. Baron R A, Richardson DR. Human aggression (2<sup>nd</sup> ed.), New York: Plenum; 1993.
9. Baron RA, Byrne D. Social psychology: Understanding human interaction (7<sup>th</sup> ed.). Newton, M A: Allyn and Bacon; 1994.
10. Dodge KA. Emotion and social information processing. In Garber J, Dodge KA. (Eds.), The Development of emotion regulation and dysregulation. New York: Cambridge University Press. 1991;150-181.
11. Berkowitz L. Aggression: Its causes, consequences and control. New York: Academic; 1993.
12. Dodge KA, Coie JD. Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups. Journal of Personality and Social Psychology. 1987;53:1146-1158.
13. Bjorkqvist K, Lagerspetz KMJ, Kaukiainen. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression. Aggressive Behaviour. 1992;18:117-127.
14. Huesmann LR, Lagerspitz K, Eron LD. Intervening variables in the TV violence-aggression relation: Evidence from two countries. Developmental Psychology, 1984;20:746-775.
15. Plomin R. The role of inheritance in behaviour. Science. 1990;248:183-188.
16. Rushton JP, Fulker DW, Neale MC, Nias KKB, Eysenck HJ. Altruism and aggression: The heritability of individual differences. Journal of Personality and Social Psychology. 1986;50:1192-1198.
17. Kupersmidt JB, Coie JD, Dodge KA. The role of poor peer relationships in the development of disorder. In S.R. Asher and J.D. Coie (Eds.), Peer rejection in childhood. New York: Cambridge University Press. 1990;274-375.
18. Loeber R. Development and risk factors of juvenile antisocial behaviour and delinquency. Clinical Psychology Review. 1990;10:1-41.
19. Stattin H, Magnusson D. The role of early aggressive behaviour in the frequency, seriousness, and types of later crime. Journal of Consulting & Clinical Psychology. 1989;57:710-718.
20. Patterson GR, Crosby L, Vuchinich S. Predicting risk for early police arrest. Journal of Quantitative Criminology. 1992;8:335-355.
21. Coie JD, Dodge KA. Aggression and antisocial behaviour. In W. Damon and N. Eisenberg (Eds.), Handbook of child psychology: Social, emotional and personality development. Toronto: Wiley. 1998;779-862.
22. Crick NR, Ostrov JM, Werner NE. A Longitudinal study of relational aggression, physical aggression and children's social-psychological adjustment. Journal of Abnormal Child Psychology. 2006;34(2):131-142.
23. Lahey BB, Goodman SH, Waldman ID, Bird H, Canino G, Jensen P, Regier D, Leat PJ,

- Gordeon R, Applegate B. Relation of age of onset to the type and severity of child and adolescent conduct problems. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 1999;27(4):247-260.
24. Hart SD, Hare RD. Psychopathy: Assessment and association with criminal conduct. In Stoff DM, Brieling J, Maser J (Eds.), *Handbook of Antisocial Behaviour*. New York: Wiley. 1997;22-35.
  25. Chirstian RE, Erick PJ, Hill NL, Tyler L, Frazer DR. Psychopathy and conduct problems in children: Implications for sub typing children with conduct problems. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 1997;36:233-241.
  26. Lynam DR. Pursuing the psychopath: Capturing the fledgling Psychopath in a nomological act. *Journal of Abnormal Psychology*. 1997;106:425-438.
  27. Brandt JR, Kennedy WA, Patrick CJ, Curtin JJ. Assessment of psychopathy in a population of incarcerated adolescent offenders. *Psychological Assessment*. 1997;9:429-435.
  28. Forth AE, Hart SD, Hare RD. Assessment of psychopathy in make young offenders. *Psychological Assessment*. 1990;3:342-344.
  29. Toupin J, Mereier H, Dery M, Cote G, Hodgins S. Validity of the PCL-R for adolescents. *Issues in Criminological and Legal Psychology*. 1995;34:143-145.
  30. Frick PJ, Ellis ML. Callous unemotional traits and subtypes of conduct disorder. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 1999;2:149-168.
  31. Sukhodolsky DG, Ruchkin VV. Association of normative beliefs and anger with aggression and antisocial behaviour in Russian male justice offenders and high school students. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2004;32(3):225-236.
  32. Hunter JA, Figueredo AJ, Malamath NM, Becker JV. Developmental pathways in youth sexual aggression and delinquency: Risk factors and mediators. *Journal of Family Violence*. 2004;19(4):233-242.
  33. Hamalainen M, Pulkkinen L. Aggressive and non-prosocial behaviour as precursors of criminality. *Studies on Crime and Crime Prevention*. 1995;4(1):6-21.
  34. Booth RE, Zhang Y. Severe aggression and related conduct problems among runaway and homeless adolescents. *Psychiatric Services*. 1996;47(1):75-80.
  35. Dishion TJ, McCord J, Poulin F. When interventions harm: Peer groups and problem behaviour. *American Psychologist*. 1999;54(9):755-764.
  36. Pal R, Naqvi T. *Manual for aggression scale*. Agra: Agra Psychological Research Cell; 1986.
  37. Connor DF, Stengard RJ, Anderson JJ, Melloni RJ. Gender differences in reactive and proactive aggression. *Child Psychiatry and Human Development*. 2003;33:279-294.
  38. Raine A, Dodge K, Loeber R, Gatzke-Koppa L, Lynam D; Reynolds C. et al. The reactive-proactive aggression (RPQ) questionnaire: Differential correlates of reactive and proactive aggression in adolescent boys. *Aggressive Behaviour*. 2006;32:159-171.
  39. Crick NR, Dodge KA. Social information-processing mechanisms in reactive and proactive aggression. *Child Development*. 1996;67:993-1002.
  40. Buss DM, Shackelford TK. Human aggression in evolutionary psychological perspective. *Clinical Psychology Review*, 1997;17(6):605-619.
  41. Elgar FJ, Arlett C, Groves R. Rural-urban differences in stress, coping styles and behavioural problems in adolescents. *Journal of Adolescence*; 2003.
  42. Mohan V, Singh A. The effect of caste and education on the nature of crime. *Indian Journal of Criminology*. 1977;5:92-95.
  43. Heyerdahl S, Kvernmo S, Wichstrom L. Self-reported behavioural/ emotional problems in Norwegian adolescents from multiethnic areas. *European Child and Adolescent Psychiatry*. 2004;13:64-72.
  44. Irfan M, Trama S, Sharma HK. Adjustment achievement motivation and frustration among rural-urban Muslim students in Punjab. *Indian Psychological Review*. 2003;60(4):210-216.
  45. Atwater E. *Adolescence* (2<sup>nd</sup> ed.). Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall; 1992.
  46. Feshback S. Aggression. In Mussen PH (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology* (Vol.2). New York: Wiley; 1970.



## **Criteria and performative indicators of psychocorrectional work with hyperactive children**

*Прокопів Людмила, Прикарпатський національний університет ім. Василя Стефаника,  
аспірант кафедри педагогічної і вікової психології,*

### **Критерии и показатели эффективности психокоррекционной работы с гиперактивными детьми**

В статье определены ключевые признаки когнитивных, эмоциональных и поведенческих нарушений детей старшего дошкольного возраста с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью. Операционализация этих признаков привела к выделению диагностических критериев детской гиперактивности (объем, устойчивость и продуктивность внимания, импульсивность и др.) и соответствующих им методических средств. Проанализированы показатели эффективности внедрения экспериментальной программы мультимодальной комплексной психокоррекции гиперактивных детей, сочетаемой с соответствующей психоэдукацией воспитателей и родителей.

**Ключевые слова:** гиперактивность, гиперактивные дети, синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ), мультимодальная комплексная психокоррекция, психоэдукация.

The article defines the key features of cognitive, emotional and behavioral disorders of hyperactive preschool children. Operationalization of these features lead to the isolation diagnostic criteria for child hyperactivity (volume, stability and productivity attention, impulsivity, etc.) and their respective methodological tools. The efficiency factors implementing the experimental program of multimodal psychocorrection of hyperactive children combined with the proper psychoeducation educators and parents have been analyzed.

**Keywords:** hyperactivity, hyperactive children, Attention Deficit Hyperactivity Disorder (ADHD), multimodal complex psychocorrection, psychoeducation .

**Актуальность проблемы.** Синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) в наше время является самым распространенным расстройством развития в детском возрасте. В 2004г. Всемирная ассоциация детской и подростковой психиатрии и смежных профессий (IACAPAP) признала синдром дефицита внимания и гиперактивности проблемой номер один в сфере охраны здоровья детей. Число детей с данным диагнозом постоянно возрастает (И. П. Брызгунов, Е. В. Касатикова, 2001; Г. Б. Молина, Е. К. Лютова-Робертс, Л. С. Чутко, 2007; О. И. Политика, 2006). Актуальность проблемы можно проследить и по нарастающему интересу ученых к синдрому дефицита внимания и гиперактивности. Каждый год публикуется более двух тысяч книг и статей, посвященных клиническим и психолого-педагогическим проблемам детей с СДВГ.

Появилась острая необходимость разработки новых методологических подходов и практических средств, призванных повысить эффективность воспитания и обучения детей с СДВГ. Значимость работы с дошкольниками обуславливается тем, что в этом возрасте большое значение для формирования личности ребенка имеют генетические, биологические и социальные факторы, действие которых существенно мешает процессам целенаправленной социализации.

**Критерии и методики эмпирического исследования.** Изучение признаков и причин гиперактивности осуществляют специалисты в области медицины, психологии и педагогики. Ученые и исследователи каждой отрасли предлагают свое видение данной проблемы и обоснование путей ее решения.

Синдром дефицита внимания и гиперактивности – патология, требующая своевременной диагностики и комплексной коррекции: психологической, медицинской и педагогической. Но это расстройство имеет и более оптимистический прогноз возможности реабилитации в отличие от многих

других неврологических заболеваний, при условии, если коррекция проводится вовремя. Дошкольный возраст является наиболее благоприятным и важным для комплексной психокоррекции СДВГ с целью подготовить ребенка к дальнейшему обучению в обычной школе и позитивного личностного становления.

О синдроме дефицита внимания и гиперактивности написано уже много. Но до сих пор нет какой-либо единой концепции профилактики, диагностики и лечения этого заболевания. Это действительно сложная проблема, лежащая на стыке генетики и неврологии, педиатрии и неонатологии, возрастной физиологии, социологии и педагогики.

Различные авторы, изучавшие причины возникновения СДВГ, делали самые разные предположения и выделяли различные факторы риска заболевания. Если их объединить, то можно выделить следующие группы факторов, ведущих к возникновению заболевания: биологические – минимальные мозговые дисфункции (ММД), социальные, генетические и другие факторы. Исследования показывают, что в первые годы жизни на ребенка воздействуют преимущественно биологические факторы, а затем начинают доминировать социальные. При сочетании неблагоприятных биологических и социальных факторов резко увеличивается вероятность возникновения различных признаков синдрома дефицита внимания и гиперактивности (Г. Б. Моница, Е. К. Лютова-Робертс, Л. С. Чутко, 2007; А. Максимова, 2006).

Организуя исследование, мы учитывали клинические проявления СДВГ, которые определяются тремя основными симптомокомплексами: невнимательностью, повышенной активностью (гиперактивностью) и импульсивностью.

Под невнимательностью большинство ученых понимают повышенный уровень отвлечения и снижение концентрации внимания. Согласно А. Р. Лурии, внимание является фактором, который «обеспечивает избирательность и направленность психических процессов. Устойчивое (непрерывное) внимание – это способность поддерживать сосредоточенность в течение долгого времени. Произвольное внимание проявляется в способности сосредоточиваться на необходимых стимулах и не отвлекаться на помехи (посторонние стимулы)» [3, с. 68]. У детей с СДВГ слабо развито произвольное внимание, проявляющееся в невозможности длительного выполнения неинтересного задания. Кроме этого, дефицит произвольного внимания является причиной повышенного уровня отвлечения на посторонние стимулы, особенно если они яркие и интересные.

Гиперактивность у детей с СДВГ определяется как повышенная двигательная (моторная) активность. В отличие от просто энергичных детей, активность у детей с СДВГ носит бесцельный характер. И. Л. Арцишевская выделяет семь признаков гиперактивности у детей дошкольного возраста: постоянная двигательная активность, нарушение внимания, эмоциональная лабильность, неспособность выполнять задачу до конца, вспыльчивость, непереносимость стресса, импульсивность [1].

Импульсивность, как составляющую симптомов СДВГ, определяют, как невозможность управлять своими импульсами. Выделяют когнитивную импульсивность (отражает поспешное мышление) и поведенческую импульсивность (отражает трудности сдерживания реакций) (Е. Меш, Д. Вольф, 2003). Импульсивные дети не могут дождаться своей очереди во время игры. В учебной ситуации у таких детей наблюдается «импульсивный стиль деятельности»: они выкрикивают, не отвечают на вопрос полностью, перебивают других (К. Квашнер, 2001). Из-за импульсивности дети часто попадают в опасные ситуации, им не свойственно задумываться о последствиях.

Кроме того, «запущенная» гиперактивность со временем дополняется коморбидными расстройствами и ведет к расстройству поведения (РП) (conduct disorder), которое характеризуется наличием агрессивных и антисоциальных поступков.

Результаты исследований Дж. Августа и Р. Баркли (1998) доказывают, что данный синдром в 3-4 раза чаще встречается у лиц мужского пола. Относительное преобладание СДВГ среди мальчиков данные ученые объясняют рядом причин: влияние генетических факторов; более высокой уязвимостью больших полушарий мозга у мальчиков по сравнению с девочками, что приводит к уменьшению резерва компенсаторных возможностей (А.Н. Корнев, 1995). Кроме этого, у мальчиков СДВГ диагностируют чаще вследствие их агрессивного поведения, а у девочек невнимательность намного реже сопровождается деструктивным поведением.

В апреле 2006 года в Москве состоялся первый Международный форум «Охрана здоровья детей в России» с темой конференции «Синдром дефицита внимания и гиперактивности». В конференции участвовали ведущие ученые, много лет занимающиеся проблемой гиперактивности, в частности, Рассел Баркли – известный американский психиатр. На конференции прозвучали выводы ведущих ученых. В частности профессора Х. Штайнхаузена (Швейцария): «Большинство гиперактивных детей не нужно отделять от общества, это позволит им избежать клейма и не чувствовать себя изгоями» и профессора Р. Мак-Бернетта (США): «Если детей с СДВГ собрать вместе, они будут отрицательно влиять друг на друга. Нужно делать все возможное, чтобы такие дети учились в обычной школе, – в большинстве американских классов, по крайней мере, есть один такой ребенок».

Коррекционную работу с гиперактивными детьми необходимо строить на основе комплексной диагностики. Нами проведено исследование детей дошкольного возраста. Для выявления детей с признаками гиперактивности мы использовали диагностический блок: критерии выявления гиперактивности у дошкольников, определенные П. Бейкером та М. Алвордом; анкета для родителей, составленная И.П. Брызгуновым и Е.В. Касатиковой; тест на гиперактивность в дошкольном возрасте И.Л. Арцишевской (для родителей и воспитателей). В исследовании приняло участие 162 ребенка дошкольного возраста (77 мальчиков и 85 девочек) из пяти дошкольных учебных заведений г. Коломыя Ивано-Франковской области.

**Результаты.** Вследствие диагностики были выявлены признаки гиперактивности у 22 детей (13,5%), то есть гиперактивным оказался каждый 7-8 ребенок. Среди них мальчиков – 16 (20%) и девочек – 6 (7%) от всей выборки испытуемых. Результаты подтвердили утверждения авторов о гендерном различии проявления СДВГ. Всех детей с признаками СДВГ мы разделили на две группы по 11 детей, причем для обеспечения эквивалентности групп мальчиков и девочек в эти группы распределили в одинаковом соотношении. Затем в контрольной и экспериментальной группах была проведена дополнительная диагностика ключевых признаков СДВГ по таким методикам: «Запомни и расставь точки» (объем внимания), «Найди и вычеркни» (продуктивность и устойчивость внимания) – обе Р. С. Немова, анкета определения уровня импульсивности у дошкольников (Г. П. Лаврентьева, Т. М. Титаренко), анкета определения уровня агрессивности и склонности к осоциальному поведению (обе – З. С. Карпенко), а также определение самооценки дошкольника «Какой я?» Р. С. Немова.

Результаты диагностики основных показателей у гиперактивных детей:

- объем внимания: средний уровень – 3 детей (13,6%), низкий уровень – 8 детей (36,4 %), очень низкий уровень – 11 детей (50%);
- производительность и устойчивость внимания: средний уровень – 4 детей (18,2%), низкий уровень – 12 детей (54,5%) , очень низкий уровень – 6 детей (27,3%);
- агрессивное поведение: высокий уровень – 1 ребенок (5%), средний уровень – 9 детей (41%), низкий уровень – 12 детей (55%);
- импульсивность: высокий уровень – 7 детей (32%), средний уровень – 13 детей (59%), низкий уровень – 2 детей (9%);
- самооценка: очень высокий уровень – 1 ребенок (4,5 %), высокий уровень – 1 ребенок (4,5 %), средний уровень – 13 детей (59%), низкий уровень – 7 детей (32%).

По всем показателям гиперактивные дети значительно отличались от детей группы возрастной нормы, а между экспериментальной и контрольной группами вначале эксперимента не было значимых отличий.

**Обсуждение особенностей психокоррекции.** Организация психокоррекционного процесса с гиперактивными детьми должна соответствовать определенным условиям. Развитие и тренировку слабых функций мы проводили в эмоционально-привлекательной форме, что существенно повышает переносимость предъявляемой нагрузки и мотивирует усилия по самоконтролю. Этому требованию соответствует игровая форма занятий. Каждая используемая игра должна обеспечивать тренировку одной функциональной способности, не нагружая в то же время другие дефицитарные способности [7].

Для работы с экспериментальной группой детей была подготовлена авторская мультимодальная психокоррекционная программа, рассчитанная на три месяца занятий (индивидуальных и групповых). Игровые упражнения мы подбирали по следующим направлениям: упражнения на развитие внимания;

упражнения на снятие мышечного и эмоционального напряжения (релаксации); упражнения, развивающие навыки волевой регуляции (управления); упражнения и игры на тренировку умения «действовать по правилам»; арттерапевтические методики для гиперактивных дошкольников (изотерапия, сказкотерапия).

Комплекс игр для психокоррекционной программы мы подбирали с учетом сложностей с концентрацией внимания гиперактивного ребенка. Такой ребенок редко доводит начатую игру до конца. Ему сложно дождаться очереди в групповой игре, трудно придерживаться всех правил. Начинать заниматься с гиперактивным ребенком лучше индивидуально и только потом постепенно вводить его в групповые игры, так как индивидуальные особенности таких детей мешают им сосредоточиться на том, что предлагает взрослый, если рядом есть сверстники. Тренировку внимания, двигательного и эмоционального контроля надо проводить поэтапно. Вначале мы вводили упражнения на тренировку одной функции – внимания. Если был достигнут нужный результат, то предлагались игры на развитие двигательного контроля, затем импульсивности. В процессе психокоррекции, на наш взгляд, целесообразно вводить элементы релаксации – в игровой форме учить ребенка расслабляться и снимать напряжение.

Необходимо отметить, что у гиперактивного ребенка гипертрофированы функции правого полушария, поэтому наиболее эффективной психокоррекционной работой с ним оказывается не на рационально-логическом, а на эмоционально-ценностном уровне. Одним из новых и эффективных методов психокоррекции детей с СДВГ является сказкотерапия (Р. М. Ткач, Т. Д. Зинкевич-Евстигнева). Задача сказкотерапии заключается в том, чтобы через совместное изучение сказочных ситуаций, оценку изменений, происходящих с героями сказок, пробудить в гиперактивном ребенке созидателя, актуализировать в нем «дремлющую» творческую силу и направить ее на познание внутреннего и окружающего миров. Психокоррекционные сказки предназначены для мягкого опосредованного влияния на поведение ребенка. Они «замещают» неэффективный стиль поведения более производительным [5].

По мнению Р. Баркли, обязательной составляющей комплексной коррекции должна стать последовательная психоэдукация – специальное образование родителей, воспитателей и педагогов ребенка относительно природы СДВГ, особенностей поведения гиперактивных детей и способов помочь им [4, с. 137].

В рамках психокоррекционной программы была применена специальная программа психоэдукации для родителей и разработаны рекомендации по воспитанию гиперактивного ребенка: методика эскалации тактильного контакта (А. М. Тохтамыш); организация оптимального режима дня.

Применение методики эскалации тактильного контакта является эффективным средством, которое влияет на взаимоотношения родителей с ребенком, гармонизирует развитие ребенка, существенно уменьшает негативные последствия гиперактивности с дефицитом функции внимания. Около 70% родителей указывают на значительное улучшение поведения ребенка после проведения занятий по этой методике. Наиболее заметными при этом являются изменения в качестве взаимодействия ребенка с окружающей социальной средой и в проявлении таких черт поведения и характера, как постоянство внимания, покладистость, способность быть спокойным, общительность [6].

Были разработаны специальные рекомендации для родителей по организации быта гиперактивных детей. В повседневной жизни гиперактивному ребенку нужно обязательно соблюдать режим дня, который должен учитывать индивидуальные биоритмы ребенка и его интересы. Желательны длительные прогулки на свежем воздухе. Во-первых, на прогулке удовлетворяется потребность в двигательной подвижности и выплескивается излишняя активность, происходит снятие психического напряжения. А во-вторых, происходит социализация ребенка в естественных условиях (на детской площадке). Родители должны учитывать, что у гиперактивного ребенка обязательно должна быть возможность для эмоциональной и физической «разрядки». Желательно, чтобы у ребенка в квартире был спортивный уголок, полезно посещение активных кружков (гимнастика или танцы) [2, с.117].

**Выводы и практические рекомендации.** Оценка эффективности предложенной мультимодальной комплексной психокоррекционной программы осуществлялась путем сравнения описательных статистик диагностированных показателей, определения значимости их сдвига в сторону

увеличения/уменьшения в экспериментальной и контрольной группах при помощи критерия Стьюдента для данных с нормальным распределением и непараметрического критерия Вилкоксона для аномальных распределений, относящихся преимущественно к порядковой шкале.

Оказалось, что по всем диагностируемым показателям, за исключением и до того низкого показателя склонности к асоциальному поведению, в экспериментальной группе детей с СДВГ наблюдалось весьма значимое улучшение. В свою очередь, в контрольной группе тенденция к улучшению результатов психодиагностики также присутствовала, но она была выражена не столь впечатляюще и зачастую не обладала статистической значимостью. Результаты эмпирического исследования показывают, что применение мультимодальной комплексной психокоррекции детей старшего дошкольного возраста совместно с психоэдукацией воспитателей и родителей свидетельствуют об оптимизации психических процессов малышей и гармонизации их личности.

**Список литературы:**

1. Арцишевская И. Л. Работа психолога с гиперактивными детьми в детском саду. М.: Книголюб, 2011. – 64 с.
2. Брызгунов И. П. Непоседливый ребенок или все о гиперактивных детях. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2008. – 208 с.
3. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие. М.: Академия, 2004. – 384 с.
4. Романчук О. И. Гиперактивное расстройство с дефицитом внимания: практическое руководство. Львов: Крео, 2008. – 323 с.
5. Ткач Р. М. Сказкотерапия детских проблем. – СПб.: Речь; М.: Сфера, 2008. – 118 с.
6. Тохтамыш А. М. Методика эскалации тактильного контакта в психологической помощи детям дошкольного и младшего школьного возраста с признаками гиперактивности и дефицита внимания // Вестник психологии и социальной педагогики: сб. науч. трудов. 2009. URL: <http://www.psyh.kiev.ua> (дата обращения: 22.05.2014).
7. Шевченко Ю. С., Шевченко М. Ю. Игровая психология детей с гиперактивным поведением // Школа здоровья. 1997. Т. IV. №2. С. 82 – 85.

*Pitkevich Marya, Lomonosov M.V. Moscow State University,  
Graduate student, the Faculty of Psychology,*

## **MANIFESTATION OF INTERRELATION OF MOTIVATIONS AND STRESSFUL REACTIONS IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT**

*Питкевич Мария, Московский государственный университет  
имени М.В. Ломоносова, аспирант, факультет психологии*

## **ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИЙ И СТРЕССОВЫХ РЕАКЦИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ**

Вопросы мотивации человека была всегда в центре внимания мыслителей всех времён и народов [1,2,3]. На сегодняшний день существует несколько десятков принципиально разных теорий мотивации, которые рассматривают различные подходы мотивации человека.

Анализ научной литературы показывает [4,5,6,], что имеются определенные различия в поведение и объяснение человеком своих успехов и неудач людьми с выраженным мотивом достижения успеха или с мотивом избегания неудачи [7]. Так для первой категории людей главным является направленность на достижение успеха в жизни (любимая работа, профессиональный рост, создание счастливой семьи, толерантность по отношению к неудачам, целеустремленность,

стрессоустойчивость и адаптивность к окружающему миру) [8]. У другой категории людей в основе своей стратегии поведения людей с мотивацией избегания неудач лежит недооценка достижения успеха и высокая степень переживания своих неудач [9]. Характерной особенностью их деятельности выступает выраженная ее зависимость от успешности [10]. В ситуации стабильности и спокойствия успешность деятельности такой категории людей достаточно ровная, хотя и не связана с высокими достижениями, а вот в кризисной ситуации дезорганизуют их деятельность, возникает неспособность к постановке и решению даже простых задач. В результате роста стрессового напряжения, на фоне психо-эмоционального срыва быстро возникает дезадаптивное поведения [11].

Ухудшение социально-психологического состояния большей части населения России особенно среди молодежи ухудшает психическое здоровье нации [12].

Одним из важных вопросов повышения успешности академической успеваемости и качества профессионального образования в высшей школе является проблема развития мотивации успешной профессиональной деятельности будущих специалистов, где необходимо понять, каким образом нынешний студент мотивируется в освоение профессиональных знаний и умений, которые направлены на достижение успехов, и как он реагирует на постигающие его неудачи [13,14].

Какова обстановка в столице России в молодежной среде где высокий уровень жизни, возможность трудоустройства и карьерного роста? Выявить социально-психологическое состояние учащейся молодежи, их мотивационные направления в условиях столичного мегаполиса стало отправной точкой нашего исследования.

**Организация и методы исследования.** При проведении исследования были использованы следующие методики: опросник Т. Элерса со шкалами оценки мотивации к успеху и избегания неудач, опросник А.А. Реана для диагностики мотивации успеха или боязни неудачи, опросник агрессивности Баса–Дарки, опросник САН (самочувствие, активность, настроение), опросник Спилбергера-Ханина, на выявление личностной и ситуативной тревожности; [15]; математическая обработка данных в программе Statistica. Выборкой нашего исследования стали студенты Российского университета дружбы народов (РУДН) города Москвы, обучающиеся на разных курсах (I-IV). Объем выборки исследования составил 148 человек (с каждого курса участвовало по 37 человек). Возраст испытуемых был от 17 – 21 лет (71 юношей и 77 девушек).

**Полученные результаты и обсуждения.** Наше исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе нами проводилось тестирование мотивационных реакций.

*Уровень и тип мотивационных реакций.* По полученным результатам исследования мотивации к успеху и избегания неудач (опросник Т. Элерса) в исследовательской выборке, нами было выделено 4 мотивационных типа: *1-й тип* – испытуемые с высоким уровнем мотивации достижения успеха и высоким уровнем мотивации избегания неудач (11,4% от общего объема выборки).

*2-й тип* – испытуемые с высоким уровнем мотивации достижения успеха и низким уровнем мотивации избегания неудач (15,2% от общего объема выборки); *3 тип* – испытуемые с низким уровнем мотивации достижения успеха и высоким уровнем мотивации избегания неудач (17,3% от общего объема выборки); *4 тип* – испытуемые с низким уровнем мотивации достижения успеха и низким уровнем мотивации избегания неудач (56,1% от общего объема выборки). Таким образом, *4 тип* – испытуемых с низким уровнем мотивации достижения успеха и низким уровнем мотивации избегания неудач представляет самую большую часть в исследовательской выборке.

**Мотивации.** Исследуя выборку на *мотивацию к успеху*, по методике Т. Элерса было получены следующие результаты.

Так на I и II курсах основной процент выборки составил средний уровень (47,6% и 47,9% соответственно). III и IV курс мотивация к успеху перемещается на уровень умеренно высокий (30,2% и 50,7% соответственно).

При исследовании выборки на *мотивацию избегания неудач* по методике Т. Элерса были получены следующие результаты.

Так на I и II курсах мотивации на защиту отмечается в большинстве случаев на уровне средних значений (52,1% и 51,9% соответственно); на III и IV курсе мотивации на защиту отмечается в большинстве случаев на уровне низких значений (43,9% и 73,1% соответственно). С повышением курса (1-4 курс) отмечается тенденция снижения мотиваций на защиту по уровням «умеренно высокий» и

«слишком высокий». Это и понятно на старших курсах студенты более адекватно оценивают цели своей профессиональной деятельности для ее успешного развития и реализации. Эти испытуемые не имеют заниженной самооценки, пессимизма, повышенной тревожности, наличия фрустрирующей ответственности.

Полученные нами данные по методике Т. Элерса согласуются с данными Кучина О.П. (2010), где в эмпирическом исследовании на выборке 237 студентов технического вуза ХИИК ГОУ ВПО СибГУТИ изучались типы мотивационных реагирования испытуемых.

**Уровни тревожности.** Анализ полученных данных по ситуационной и личностной тревожности теста Спилбергера-Ханина показали аналогичную тенденцию: показатели ситуационной тревожности имели низкие (14,6% и 18,3%) и средние значения (65,2% и 64,4%) при типе реагирования 1 и 2 и средние (41,5% и 59,6%) и высокие (48,2% и 32,3%) при типе реагирования 3 и 4. Высокие показатели ситуативной тревожности служат признаками чрезмерного стрессового напряжения человека, которое является индикатором дезадаптации личности [16].

Для большинства типов (за исключением III типа) мотивационных реакций исследуемой выборки отмечается преобладания среднего уровня как ситуационной так и личностной тревожности (I тип – 65,2% и 50,1%, II тип – 64,4% и 51,6%, IV тип – 59,6% и 61,6% соответственно). Высокий уровень тревожности наблюдался в III и IV типе реагирования по сравнению с I и II типом реагирования.

Таким образом, наиболее благоприятная ситуация по уровню ситуационной тревожности наблюдается при типе реагирования 1 и 2, где низкий и средний уровень был 14,6%, 65,2% и 18,3% и 64,4% соответственно. В тоже время при типе реагирования 3 и 4 отмечается рост показателей ситуационной тревожности по шкале «высокий уровень» - 48,2% и 59,6%. Такая же тенденция отмечается и по показателям личностного уровня тревожности.

Наши результаты подтвердили одно из положений теорий Дж.Аткинсона, Д.МакКлелланда, Х.Хекхаузена [17] где говорится о том, что стремление к успеху преобладает у низко и средне-тревожных индивидов. Так из результатов нашего исследования в изучаемой выборке максимальные показатели мотивации достижения успеха и мотивации на избегание неудач (1-й и 2-й тип реагирования) наблюдаются при низких и средних уровнях показателей личностной и ситуативной тревожности.

С другой стороны в нашем исследовании обнаружено также, что 3-го типа реагирования существует статистически значимая связь между высоким уровнем личностной и ситуативной тревожности и тенденцией мотивации избегания неудачи. Данное обстоятельство подтверждает одно из положений теорий Дж.Аткинсона, Д.МакКлелланда, Х.Хекхаузена о том, что избегание неудачи характерно для высокотревожных индивидов.

Исследования по видам агрессии в исследуемой выборке студентов показала следующую картину. При типе мотивационных реакций 1 и 2 преобладали показатели физической, косвенной и вербальной агрессии, при типе мотивационных реакций 3 и 4 преобладали показатели по негативизму, обиде, подозрительности, раздражения.

Студенты с низким уровнем мотивации достижения успеха и высоким уровнем мотивации избегания неудач (3 тип) в большей степени склонны к проявлению негативизма (5,8 балла), обид (6,3 балла), подозрительности (8,1 балла) и раздражения (8,5 балла). Такая же тенденция наблюдалась и у студентов с низким уровнем мотивации достижения успеха и низким уровнем мотивации избегания неудач (4 тип).

Тестирование по самооценке студентов своего функционального состояния (тест САН) показало, что в среде студентов прослеживается также зависимость от типа мотивационных реакций.

Так показатели по тесту САН (самочувствия, активности и настроения) имели средние и высокие показатели у студентов при типе реагирования 1 и 2, которые снижались и имели средние и низкие показатели у студентов с типом реагирования 3 и 4.

Итак, мы пришли к предварительному заключению, что характер мотивации, как и характер самой профессиональной деятельности, определяется доминирующим мотивом – мотивом достижения, который характеризуется своей потребностью – успехом. При этом развитие мотива достижения успеха осмысливается будущим специалистом для достижения цели профессиональной деятельности и получения желаемого результата – высокой эффективности. В этом случае цель деятельности как ожидаемый успешный результат будет вызывать позитивные переживания и стимулировать тем самым его профессиональное саморазвитие и творчество [18,19].

**Выводы.** Подводя итоги проведенного нами исследования, можно сделать следующий вывод. Тип мотивации студентов оказывает влияние на особенности поведенческого реагирования. Так при типе реагирования 1 и 2 наблюдается активный тип реагирования – часто для достижения поставленной цели у студентов такого типа прослеживается напористость и активность личности, где доминируют такие виды агрессивных реакций как физическая, косвенная, вербальная [15]. При этом можно отметить, что студенты данного типа реагирования, как правило, мотивированны на успех отчетливо проявляют стремление добиваться только успехов в своей деятельности. Они рассчитывают получить одобрение за действия, направленные на достижение поставленной цели, и связанная с этим деятельность вызывает у них положительные эмоциональные проявления

При 3 и 4 типе мотивационного реагирования у исследуемых выявлен пассивный тип реагирования, который проявляется негативизме, обиде, подозрительности, раздражения и в высоком уровне по шкалам личностной и ситуативной тревожности и низких значений по шкалам самочувствие, активность, настроения.

Таким образом, высокая мотивация достижения успеха направляет будущего специалиста, движет его к цели, способствует его развитию. Настоящий профессионал всегда обладает сильной и устойчивой мотивационной сферой на осуществление определенной деятельности и на достижение в ней уникального, неординарного результата.

#### **Список литературы:**

1. Аракелов Г.Г. Глебов В.В. Диагностика механизмов дистресса //Тезисы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. "Психология 21 века". Под редакцией В.Б. Чеснокова. СПб. 2002. - С. 61-63
2. Аракелов Г.Г., Аршинова В.В., Глебов В.В. Психосоциальная устойчивость. // Материалы Научно-практической конференции «Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России». МГУ, 2005 С.23
3. Аракелов Г.Г., Глебов В.В. Вегетативные составляющие стресса и личностные особенности пациентов, страдающих пограничными расстройствами. //Психологический журнал, 2005 том 26, №5. с.35-46
4. Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка.—В кн.: Изучение мотивации детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благондежиной. М., 1972, с. 7—44.
5. Воробьева Е.В. Оценка мотивации достижения успеха в учебной деятельности // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 1 – стр. 36-37
6. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Организация досуговой деятельности школьников как средство профилактики агрессивного социального поведения в детско-подростковой среде. //Вестник МГУКИ №6, 2012-С.146-150
7. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Адаптация биологических систем к естественным и экстремальным факторам среды: материалы IV Международной науч.-практич. конф. (Челябинск, 8-9 октября 2012 г.). – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2012.-С.163-165
8. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Зависимость мыслительной деятельности человека от уровня агрессивной мотивации.// Сборник научных материалов Пятой международной конференции по когнитивной науке: Тезисы докладов: в 2т. Калининград, 19-24 июня 2012 г.- Калининград, 2012. Т.1- С. 319-320
9. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Особенности стресс-факторов в развитии пограничных состояний. // А. Р. Лурия и психология 21 века. Тезисы докладов Второй международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Р. Лурии. Под редакцией Т.В. Ахутиной, Ж.М. Глозман, Д.Таппера. Москвы, МГУ, 2002, С. 5-6
10. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е.П. Ильин. - СПб.: Питер,2004. -509с.
11. Кучина О.П. Мотивация достижения как реализация успеха профессиональной деятельности субъекта. // Образование и общество. №5, 2010-С.46-49
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., Смысл, Академия, 2005. — 352 с.
13. Лоренц К. Агрессия [Текст] / К. Лоренц. – М.: Просвещение, 1994. – 310с.
14. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с. – (Психологическое образование).



15. Орлов А. Б. Две ориентации в исследованиях мотивации за рубежом. — Вестник МГУ. Серия 14. Психология, 1979, № 2, с. 65—78
16. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. — Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М,» 2008.672 с.
17. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности. СПб., 1996.
18. Якуб А. С. Связь тревожности с мотивацией достижения успеха и избегания неудач (женский аспект проблемы) [Текст] / А. С. Якуб, Л. Л. Абелите, Д. А. Ширяев // Молодой ученый. — 2011. — №9. — С. 174-180.
19. Atkinson J. W., Litwin G. H. Achievement motive and test anxiety conceived as motive to approach success and motive to avoid failure. — J. abn. Soc. psychology, 1960, 60, 52—63
20. Berkowitz L. Some determinants of impulsive aggression: The role of mediated as-sociations with reinforcements for aggression // «Psychological Review», 81, 1974.
21. Cannon W.B. Organizatin for Psychological homestasis // Psychological Review. 1929, v. 9
22. McClelland D. C. The Achievement Motive. — In : Current perspective in Social - Psychology. — 3-d ed. — Ох., 1971, p. 166—174.

*Kushel' Nataliia, Kievan national pedagogical university the name of M.P. Dragomanova, graduate student of 3 of studies, department of theoretical and konsul'tativnoy psychology*

## **Theoretical pre-conditions of becoming of self-realization of personality**

*Кушель Наталія, Київський національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова, аспірант 3 року навчання, кафедри теоретичної та консультативної психології*

## **Теоретичні передумови становлення самореалізації особистості**

Самореалізація особистості – це важлива складова у формуванні ролі вчителя як професіонала, як вчитель себе самореалізує, так і сформується його професійний образ (ролі вчителя, пед. майстерність, пед. техніки, самоствердження, самотворення та ін.).

Цілі і завдання нашої статті полягають у теоретичному аналізі робіт вітчизняних і зарубіжних вчених-психологів які займалися розробкою та описанням самореалізації особистості.

Теоретичною психологічною основою нашого дослідження стали ідеї Л.С.Виготського, С.Л.Рубінштейна, А.Н.Леонтьєва, Л.І.Анциферової, К.А.Абульханової-Славської та інших психологів, які розробляли проблему психологічних аспектів активності особистості.

Для дослідження активності особистості істотне значення має проблема виникнення і формування діяльності й свідомості. Ця сторона питання може бути розкрита й досліджена на основі принципу заломлення зовнішнього через внутрішнє, також розробленого С.Л.Рубінштейном. Керуючись цим принципом, можна зрозуміти не тільки виникнення суб'єктивного в індивідів, але й процес самореалізації суб'єкта стосовно предметного світу, а також широкої соціальної дійсності. Одночасно для дослідження особистісної самореалізації необхідно вивчати особистість з погляду її способу існування. Ця сторона особистості в психології нині стала вивчатися на основі принципу життєдіяльнісних стосунків особистості. Цей принцип розробила К.А. Абульханова-Славська [1]. Він об'єднує ряд цінних положень про суб'єкт, саморегуляцію, спосіб життєдіяльності, самовизначення особистості. До найважливіших принципів, розроблених під безпосереднім впливом С.Л.Рубінштейна, потрібно віднести принцип динамічного підходу до психологічного вивчення особистості, автором якого є Л.І.Анциферова [2]. Сюди ж можна віднести стратометричну концепцію А.В.Петровського, яка

розкриває соціально-психологічні механізми формування особистості в колективі, через колектив за цілями й способами діяльності [3].

На сучасному етапі розвитку психолого-педагогічної науки принципи єдності свідомості й діяльності, заломлення зовнішнього через внутрішнє зливаються з особистісним принципом і підходом. Суть цього принципу полягає у тому, що діяльність, внутрішнє і зовнішнє опосередковуються особистістю, точніше суб'єктом предметної і соціально-необхідної діяльності. Це дає широкі можливості об'єктивного пізнання самого суб'єкта, його цілепокладань, самопізнання, саморегуляції. У зв'язку з цим акцентується увага на питанні при розгляді таких конкретних питань, як суб'єкт діяльності, самосвідомість суб'єкта, проблема "Я", трансформуючи їх у соціально-професійну діяльність. Дослідження особистісної самореалізації викликає необхідність розробки спеціальних принципів через особливості предмета й цілі дослідження.

Активність життєвої позиції особистості вчителя виступає як результат взаємодії об'єктивного процесу визначення "іншими" й суб'єктивного внутрішнього процесу самореалізації. Самореалізація і визначення "іншими" – взаємні детермінанти. Становлення особистості – соціальна самореалізація. Тільки особистість, що самореалізується, має цілісність, стійкість, активність і спрямованість. Ці властивості особистості дають можливість стверджувати наявність внутрішньої позиції, що сформувалася. Під позицією у науковій літературі розуміють вибіркоче ставлення особистості до поставлених перед нею цілей і завдань. Активність позиції вчителя виражається у вибірковій мобілізованості готовності до діяльності, спрямованій на її здійснення. Позиція зумовлює певну лінію поведінки особистості й сама зумовлюється нею.

Самореалізація і формування самосвідомості особистості - єдиний процес. Але при цьому слід пам'ятати, що зведення особистості вчителя до її самосвідомості неправильно так само, як і вивчення особистості без її самосвідомості. У самореалізації, як ми зазначили вище, самосвідомість, насамперед, виявляється в усвідомленні названих чотирьох компонентів: "хочу", "можу", "маю", "потрібно" в їхньому зіставленні, виборі й прийнятті життєво важливих рішень, виходячи з усвідомлення їхньої суспільної значущості та необхідності в саморегуляції заради досягнення сформульованих цілей. Самореалізація характеризується не тільки усвідомленням суб'єктом свого "хочу", "можу", "маю", "потрібно", але усвідомленням також подібних утворень первинного колективу, суспільства, в якому особистість живе й розвивається. Тим самим особистість здобуває, за С.Л.Рубінштейном, "вихід за межі свого буття" [4].

Отже, самореалізація виступають, з одного боку, як вияви саморегуляції, з другого – сама саморегуляція є механізмом самовизначення особистості загалом, оскільки вона супроводить діяльність особистості у всіх сферах її життєдіяльності, тобто є безпосереднім внутрішнім життям особистості як суб'єкта самовизначення.

#### **Список літератури:**

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. - М.: Наука, 1980. – С.335.
2. Анциферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал, 1981, № 2. - С.8-18.
3. Петровский А.В. Формирование стратометрической концепции психологии коллектива / Психологическая теория коллектива. - М.:Педагогика, 1979. - С.42.
4. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-е изд. /Отв. ред. Е.В. Шорохова. - М., Педагогика, 1973. – С.416.

## Correlation analysis of needs and self-relation of the modern student

*Макарова Наталья Геннадьевна, Российский университет дружбы народов, доцент кафедры психологии и педагогики, кандидат психологических наук*

### Корреляционный анализ потребностей и самоотношения личности современного студента

Изучение потребностей во все времена для психологической науки имело огромное значение. Исключением не являются и наши дни. Проблеме потребностей в отношении ее актуальности уделено в работе Бурыкиной М.Ю., которая отмечает следующее: «Значение потребностей человека, их место в процессе психического развития и формирования личности общепризнано. Личностные потребности детей, особенно дошкольного возраста, являются основой формирования ценностных ориентаций, построения отношений между людьми, их поведение и деятельности» [1]. Подобная позиция автора наводит на мысль, что потребности являются основополагающим направлением развития личности, дающем возможность ориентироваться в отношениях с окружающими людьми, в профессиональной деятельности, собственном поведении. Детально исследуя проблему интереса личности к самой себе, можно вывести так: «Изучение себя в полной мере можно осуществить путем общения с другим человеком, в процессе чего происходит знакомство о себе глазами собеседника» [2]. Другими словами, в данной ситуации уместно сделать акцент на том, что человек в наибольшей степени способен себя познать с помощью других людей, через призму общения с которыми сможет увидеть те качества собственной личности, которые неведанные ему при самостоятельном изучении. Другие люди являются как бы «зеркалом», отражающим сущность человеческих черт и наиболее присущие качества личности, часто проявляемые и видимые при общении во взаимодействии.

Более того, важно зафиксировать то, что для самого человека изучение собственной личности имеет колоссальное значение в его жизни и деятельности. Общение с другими людьми не является исключением, в процессе которого «всплывают» проблемы незнания собственной личности человеком. В одной из работ, посвященных самоотношению личности, говорится таким образом: «Способность знать себя со всех сторон, дает возможность человеку выражать только те качества личности, которые необходимы и актуальны в определенной ситуации. Незнание собственного «Я» напротив приводит к кризисам внутри личности и конфликтам с окружающими людьми во внешнем мире» [3]. То есть, знание собственной личности дает возможность человеку наиболее успешно взаимодействовать с окружающим социумом и адаптироваться в обществе. Именно полученные из окружающего мира знания помогут человеку понимать собственный внутренний мир гораздо четче, лучше и применять их для взаимодействия с близкими людьми.

Рассматривая более глубинно данный вопрос, можно отметить, что отношение человека к самому себе, во многом зависит от тех потребностей, которые преобладают у личности. В зависимости от того, какие потребности у человека развиты в большей степени, на том акцент в своем развитии он и будет ставить.

Проблемой потребностей занимались различные ученые (З. Фрейд, Мюррей, А. Маслоу). Актуальность поднятого вопроса связана с изменениями различного рода (социологические, психологические, политические, экономические аспекты) и обозначено так: «Повышенный интерес к затронутому вопросу возрастает в связи с очень сильно изменившимися условиями жизни, затронувшими практически каждую личность. Уже как пару десятилетий поменялись мировоззренческие позиции людей на происходящие события в мире, изменился внутренний ценз каждого человека и продолжает меняться с каждым годом, что сказывается на взаимоотношениях в обществе людей и в отдельности, их взятых» [4]. Из этого вытекает, что потребности возникают у любого человека и реализуются во внешнем взаимодействии, а значит, и так или иначе могут отражаться на всем обществе

в целом. Вот каким образом продемонстрирована позиция относительно понятия потребности: «Потребность можно понимать как специфическую форму существования необходимых связей объективного, окружающего мира и человека. Потребность становится узловым моментом преобразования внешней обусловленности поведения во внутреннюю...потребность выступает внутренним побудителем активности своего носителя, которая обуславливается и направляется опытом функционирования субъекта в изменяющихся внешних условиях» [5].

Нами было проведено исследование на студентах разных направлений подготовки московских вузов в количестве 1369 человек, цель которого заключается в выявлении соотношения параметров потребностей и самоотношения у современных студентов. Интересно изучить, в каком соотношении проявляются связи между параметрами потребностей человека и его самоотношения.

В исследовании использовались тест-опросник самоотношения (Ч.В. Столин, С.Р. Пантелеев) и методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей (Скворцов В.В.). По результатам полученных данных, выделяются четыре основных и семь дополнительных шкал самоотношения и пять ключевых групп потребностей.

В ходе исследования была проведена статистическая обработка данных (Statistica – 6), которая с помощью корреляционного анализа были выявлены связи между величинами.

Рассмотрение матриц интеркорреляций изучаемых параметров потребностей и самоотношения студентов позволило выделить связи с разными степенями выраженности: очень сильные и очень слабые, либо они отсутствуют вовсе, но которые тоже можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1

**Интеркорреляции переменных потребностей и самоотношения современных студентов (n=1369)**

	Матер потребн	потребн в безопасн	потреб МЛО	потреб в призн	потреб в самовыраж	Интегр за и против "я"	Уважение	Ауто симпатия	"+"отнош друг их	Самоинтерес	Самоуверенность	Отношение друг их	Самоприятие	Самоуверенность	Самообвинение	Самоопимание
Матер потребн	1,00	0,42	-0,45	0,17	-0,66	0,55	-0,01	-0,65	0,22	-0,59	0,28	0,22	0,25	0,31	-0,48	-0,68
потребн в безопасн	0,42	1,00	-0,36	-0,15	-0,59	0,04	-0,64	-0,30	-0,42	-0,19	-0,36	-0,42	-0,44	-0,66	0,25	-0,77
потребн МЛО	-0,45	-0,36	1,00	0,16	0,46	-0,45	0,25	-0,20	0,08	0,45	-0,08	0,08	-0,03	0,16	-0,06	0,78
потребн в призн	0,17	-0,15	0,16	1,00	-0,47	0,48	0,68	-0,54	0,61	-0,62	0,73	0,61	0,70	0,60	-0,81	0,01
потребн в самовыраж	-0,66	-0,59	0,46	-0,47	1,00	-0,67	-0,06	0,52	-0,26	0,87	-0,43	-0,26	-0,30	-0,07	0,47	0,80
Интегр за и против "я"	0,55	0,04	-0,45	0,48	-0,67	1,00	0,56	-0,30	0,79	-0,85	0,85	0,79	0,75	0,50	-0,76	-0,51
Уважение	-0,01	-0,64	0,25	0,68	-0,06	0,56	1,00	-0,13	0,91	-0,39	0,90	0,91	0,91	0,83	-0,82	0,36
Ауто симпат	-0,65	-0,30	-0,20	-0,54	0,52	-0,30	-0,13	1,00	-0,27	0,44	-0,26	-0,27	-0,17	-0,38	0,55	0,24
"+"отнош друг их	0,22	-0,42	0,08	0,61	-0,26	0,79	0,91	-0,27	1,00	-0,54	0,94	1,00	0,89	0,79	-0,86	0,09

Самоинтерес	-0,59	-0,19	0,45	-0,62	0,87	-0,85	-0,39	0,44	-0,54	1,00	-0,73	-0,54	-0,63	-0,41	0,71	0,63
Самоуверенность	0,28	-0,36	-0,08	0,73	-0,43	0,85	0,90	-0,26	0,94	-0,73	1,00	0,94	0,96	0,78	-0,92	-0,06
Отношение других	0,22	-0,42	0,08	0,61	-0,26	0,79	0,91	-0,27	1,00	-0,54	0,94	1,00	0,89	0,79	-0,86	0,09
Самопринят	0,25	-0,44	-0,03	0,70	-0,30	0,75	0,91	-0,17	0,89	-0,63	0,96	0,89	1,00	0,79	-0,91	0,04
Самоуправление	0,31	-0,66	0,16	0,60	-0,07	0,50	0,83	-0,38	0,79	-0,41	0,78	0,79	0,79	1,00	-0,83	0,28
Самообвинение	-0,48	0,25	-0,06	-0,81	0,47	-0,76	-0,82	0,55	-0,86	0,71	-0,92	-0,86	-0,91	-0,83	1,00	0,07
Самопонимание	-0,68	-0,77	0,78	0,01	0,80	-0,51	0,36	0,24	0,09	0,63	-0,06	0,09	0,04	0,28	0,07	1,00

Итак, судя по таблице № 1, можно обозначить очень сильные положительные связи и сильные положительные связи по самоотношению и потребностям у студентов по итогам исследования. А значит, некоторые параметры самоотношения и потребностей связаны друг с другом. У студентов с высокими показателями потребностей в межличностных взаимоотношениях, - способны понимать себя. Из этого следует то, что студенты понимают себя благодаря частому общению с окружающими их людьми в соответствии с потребностями в социальных контактах.

Студенты проявляют потребности в самовыражении - интересуются собой и понимают самих себя. Чем больше человек пытается узнать о себе, самовыражает в обществе, и демонстрирует свои наилучшие качества личности, тем в большей степени понимает собственный внутренний мир.

Студенты с потребностью в признании обладают такими параметрами самоотношения как уважение, ожидание положительного отношения к себе со стороны других, самоуверенны, принимают себя, способны управлять собственным поведением, занимают активную жизненную позицию. Благодаря тому, что люди способны уважать себя за лучшие качества личности, которыми обладают сами, уверены в себе и своих чертах характера, ждут и положительной оценки со стороны окружающих. Более того, такие люди принимают свой внутренний мир за счет наличия тех качеств личности, которыми гордятся, но и нуждаются в постоянном подкреплении собственного видения себя, нуждаясь в общественном признании со стороны.

Не считая этого, отрицательные корреляции образовались в следующих случаях: материальные потребности и потребности в самовыражении; материальные потребности и аутосимпатия; материальные потребности и самоинтерес; материальные потребности и самопонимание. Люди, ориентированные на материальные ценности, вовсе не заинтересованы во внутреннем собственном мире, не проявляют симпатии к собственной персоне, не стремятся к пониманию своей психической сущности и не симпатичны самим себе.

Кроме того, отрицательные связи получились между параметрами потребностей в безопасности и потребностей в самовыражении; потребностей в безопасности и уважения; потребностей в безопасности и самоуправления; потребностей в безопасности и самопонимания. Студенты, стремящиеся к безопасности не готовы выражать собственный внутренний мир и демонстрировать существующие качества личности. Они не считают себя, достойными уважения, не понимают себя и не способны контролировать собственное поведение. На наш взгляд, из-за отсутствия доверия к себе и своему внутреннему миру.

Более этого, отрицательные корреляции выделились между параметрами потребности в признании и самоинтереса; потребности в признании и самообвинения. Студенты, стремящиеся к признанию со стороны окружения, не интересны самим себе и очень много имеют критических замечаний в сторону своего собственного внутреннего мира.

Также, между потребностью в самовыражении и интегративное за и против «Я» обозначалась отрицательная корреляция. Человек, находящийся в конфликтном отношении к своему внутреннему миру, не способен выразить себя окружающим людям.

Таким образом, из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что существуют корреляции между некоторыми параметрами потребностей студента московских ВУЗов и его самоотношения. Те студенты, которые умеют выражать себя и представлять обществу, очень интересны самим себе и понимают свой собственный внутренний мир психики, наполненный многогранным личностным содержанием. Студенты, способные понимать себя и свой внутренний психический мир, очень хорошо контактируют с окружающими их людьми, умеют выстраивать коммуникации и ценят тех, с кем взаимодействуют. Для них другие люди являются мерилom собственного внутреннего мира и неким отражением того наполнения психическим содержанием личности. Студенты, стремящиеся к признанию в обществе, очень уважают себя, ценят, принимают, верят в собственные силы и возможности и ожидают подобного отношения от других людей, кто находится рядом с ними.

Подводя итог выше сказанному, можно обозначить будущие перспективы изучения данной проблемы в более углубленном варианте. На наш взгляд, стоит в следующих исследованиях остановиться более подробно на мотивах и ценностях имеющихся потребностей каждой личности через призму самоотношения студентов.

#### Refereces:

1. Бурькина М.Ю. Психология личностных потребностей детей дошкольного возраста: Дис. ... докт. психол. наук. Москва, 2010. – С. 38 385
2. Макарова Н.Г. Самоопределение личности в условиях современности «Социально-гуманитарные науки: проблемы и пути решения в условиях современного общества: монография. Книга 2 / под общ. ред. И. Н. Титаренко – Ставрополь: Логос, 2013. – С. 18 6-27
3. Макарова Н.Г. **Проблема саморефлексии и методика ее исследования** // Методология, теория и практика в современной педагогике, психологии, социологии, философии: материалы Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 19 августа 2013 г.). – Новосибирск: ООО агентство «Сибпринт», 2013. - С. 51 50-53
4. Макарова Н.Г. Саморегуляция личности в современном обществе: коллективная монография «Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века»: Коллективная монография. – Краснодар, 2013. С. 48 29-57.
5. Малышина Н.А. Человек и его потребности: Учебное пособие для бакалавров / Н.А. Малышина. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. С. 31 160.

## **LEVELS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL ADAPTATION OF WORKERS OF THE INTELLECTUAL AND PHYSICAL JOB OCCUPIED IN THE EDUCATIONAL SPHERE**

*Дмитриева Наталья, Российский университет дружбы народов,  
аспирант, экологический факультет*

## **УРОВНИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РАБОТНИКОВ УМСТВЕННОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ТРУДА, ЗАНЯТЫХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Постановка научной проблемы и ее значение.** Современные условия жизни и труда в разной степени воздействует на человека. Все трудовое население в той или иной степени подвержено влиянию мультистрессовых факторов, влияние которых возрастает с увеличением численности популяции человека в городе [1,2].

Труд и профессиональная карьера в жизни любого человека занимает особое место. Отмечая такие социэкономические направления в профессиональной деятельности как преподаватели, работники финансовых и информационных служб можно отметить, что они играют значимую роль в социально-экономической жизни страны [3]. Вместе с тем необходимо также подчеркнуть что в этих профессиональных группах отмечается высокий процент психофункциональных нарушений, которые часто ведут к заболеваемости [4].

В отечественной литературе и зарубежом данная проблема поднималась рядом исследователей [4,5], но она затрагивала в основном проблемы профессиональной адаптации преподавателей. Однако исследований, которые изучали разные профессиональные группы, в процессе трудовых отношений практически нет. Нами в качестве модели исследования взято высшее учебное заведение (вуз), который по своей сути представляет миниатюрное государство с наличием различных служб, управлений и подразделений и тесными взаимосвязями между ними [6]. Выход из строя одного из них может привести к сбою в работе всего учебного заведения. В этой связи целью данного исследования стала оценка психофизиологической адаптации работников умственного и физического труда, занятых в образовательной сфере [7].

**Организация и методы исследования.** Работа проводилась на базе трех государственных высших учебных заведений: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), Российский университет дружбы народов (РУДН) и Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

В экспериментальную группу вошли 172 сотрудника данных ВУЗов, которые представляли разные категорий профессиональной деятельности: профессорско-преподавательский состав (ППС) - 112 человек (36 мужчин и 76 женщины, возраста 32-59 лет); работники управления информационно-технических служб (УИТО) -32 человек (24 мужчин и 8 женщины, возраста 25-54 лет); сотрудники бухгалтерского учета и финансового контроля (УБУ и ФК) - 28 человек (28 женщин, возраста 28-62 лет).

Контрольную группу представляли сотрудники Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Их деление по полу и категориям профессиональной деятельности был следующим: сотрудники ППС - 57 человек (27 мужчин и 30 женщины, возраста 27-63 лет); работники УИТО – 9 человек (9 мужчин, возраста 25-55 лет); сотрудники УБУ и ФК - 9 человек (9 женщин, возраста 25-60 лет).

**Результаты исследования и их обсуждения.** Анализ полученных результатов наших исследований выявил профессиональные группы, которые имели разные уровни адаптационных процессов. Так в процессе профессиональной адаптации разных категорий служащих (преподаватели,

бухгалтера и служащие информационных служб) наиболее подвержены эмоциональному выгоранию и высокому стрессовому напряжению были сотрудники бухгалтерии как г. Москвы так и г. Ельца, которых можно отнести к группе низко уровня адаптированности.

По состоянию адаптационных процессов средний уровень заняли преподаватели вузов.

Наиболее благоприятной ситуацией в процессе профессиональной адаптации и уровня адаптационных процессов отмечено у служащих информационных служб.

При сравнении профессиональной адаптации мужчин и женщин отмечено, что адаптационные процессы у женщин шли хуже по сравнению с мужчинами.

Конечно, на рост дезадаптационных процессов работников умственного труда влияет комплекс стресс-факторов окружающей среды. Воздействие этих факторов носит поли-системный (много аспектный) характер [1,2]. Действие некоторых стресс факторов с трудом поддаются регулированию или сложно разрешимы, например плохие экологические условия проживания и рост психоэмоционального и информационного давления на человека в крупном индустриальном городе. Однако есть и такие стресс факторы среды, которые можно исключить собственными силами. Например, при личном опросе сотрудников бухгалтерии, о том, чтобы они хотели изменить на своем рабочем месте, большинство респондентов выразило желание иметь комнату отдыха. В такой комнате работники могли бы снимать напряжение, накопившееся за день, проводить обеденный перерыв, уединиться для решения каких-то конфликтных и личных вопросов. Главное требование, высказанное бухгалтерами к такой комнате, отсутствие там стопок бумаг, документов, вычислительной техники и т.д., то есть всего, что с чем приходится работать в течение всего рабочего дня, и наличие уюта (цветы, какие-то настольные игры и т.д.) [2-4].

По – нашему мнению, которое подтверждается результатами некоторых исследований [7,8] часто люди строго привязаны к рабочему месту, при этом находятся под постоянным действием таких стресс-факторов, как шум компьютеров и другой вычислительной техники, пониженная влажность воздуха из-за постоянной работы различного рода принтеров и многофункциональных устройств, постоянные телефонные звонки, разговоры коллег и т.д. Преподаватели, которые не так завязаны на конкретное рабочее место, находятся в более выигрышном положении в этом вопросе.

Так же наличие в штате университетов психологов и комнат психологической разгрузки дает свой положительный результат. Так на базе психолого-педагогического центра Московского государственного строительного университета (МГСУ) создана и постоянно функционирует система тренингов, направленных на повышение уровня стрессоустойчивости и профессиональной адаптации преподавателей и студентов. Тренинги проводятся с использованием современного оборудования и технологий: массажных кресел, прибора для определения уровня кардиостресса, аппарата для электротранквилизации, свето-цвето-музыкального сопровождения, ароматерапии. Большое внимание уделяется методикам, направленным на освоение и развитие навыков самоорганизации [9,10].

В статье О.А. Кожевниковой (2009) [9] дается ряд рекомендаций руководителям учебных заведений для уменьшения стресса сотрудников на рабочем месте. Среди них, проведение групповых тренингов, отведение на каждые 6 часов труда как минимум 1 часа активного отдыха; своевременное прохождение курсов повышения квалификации, предоставить возможность участия в социальных программах, конференциях различного уровня, налаживание обратной связи между руководством и сотрудниками, проведение ежегодного мониторинга уровня развития эмоционального выгорания и наличия профессиональных стрессов [1,11,13].

Что же касается методов снятия стресса у сотрудников бухгалтерии этому вопросу уделяется большое внимание на страницах специализированных профессиональных научно-популярных изданий и носят более популистический характер: отчетность уже сдавали много раз и это не смертельно; переключение на другие сферы жизни, помимо работы, так как жизнь не концентрируется только на работе; занятие спортом; поощрение себя за проделанную работу; не забывать про чувство юмора: для поднятия духа на дверь прикрепите забавную табличку, например, «Не входить: идет подготовка отчетности!» [8]. Помимо того, в Internet представлено большое количество различных тренингов по снятию стрессов у бухгалтеров, что опосредованно доказывает актуальность данной проблемы.

Третьей группой в нашем исследовании были сотрудники информационно-технологических служб. Хотя, по данным нашего исследования, они меньше всего из рассмотренных категорий



подвержены стрессу, но и их состояние нельзя назвать идеальным. Группу риска составляют работники, занимающиеся технической поддержкой и руководители подразделений, так как их работа сопряжена с постоянным общением с большим количеством людей, при том, что большинство программистов по своему складу характера являются интровертами [5]. Общие рекомендации для них занятие спортом, избавление от вредных привычек, наличие хобби, желательное не связанное с вычислительной техникой, на некоторое время смена деятельности, если появляются зачатки эмоционального выгорания [12,13].

При этом не надо забывать об общих рекомендациях для работников умственного труда, утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ от 18.12.2007. В них говорится о необходимости проведения ежедневных сеансов «психологической разгрузки», сеансов аутогенной тренировки, дыхательных упражнений, электротранквилизации центральной нервной системы и ряде других мероприятий [10].

**Заключение.** Таким образом, подход в профилактике и коррекции профессиональной адаптации работников умственного труда должен носить с одной комплексный характер, снижающий негативное воздействие стресс факторов окружающей среды, а с другой стороны учитывать специфику умственного труда который позволяет лучше проводить процессы профессиональной адаптации работника.

#### Список литературы:

1. Аракелов Г.Г., Глебов В.В. Вегетативные составляющие стресса и личностные особенности пациентов, страдающих пограничными расстройствами// Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 35-47.
2. Глебов В.В., Аникина Е.В., Рязанцева М.А.Различные подходы изучения адаптационных механизмов человека //Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5. С. 135-136.
3. Глебов В.В., Аникина Е.В.Влияние комплексных факторов на адаптацию популяции человека в условиях мегаполиса (на примере города Москвы)// Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2010. № 3. С. 134-136.
4. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика [Текст]: учеб. пособие / [Э.М. Казин,, Н.Э. Касаткина, Е.Л. Руднева и др.]-3-е изд., перераб.-М.: Издательство «Омега-Л», 2013.-443 с.
5. Hoekstra, A., & Korthagen, F. (2011). Teacher learning in a context of educational change: Informal learning versus systematically supported learning. *Journal of Teacher Education*, 62(1), 76-92. <http://dx.doi.org/10.1177/0022487110382917>
6. ИТ-специалисты и «выгорание» <http://www.kv.by/content/328940-it-spetsialisty-i-vygoranie> (дата доступа 19.02.2014)
7. Ишков А. Д. Диагностика и технологии повышения уровня адаптации преподавателей высшей школы // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Политематическая. 2012. Вып. 3(23.)
8. Как справиться со стрессом на работе: советы бухгалтеру <http://www.b-kontur.ru/blog/13381> (дата доступа 19.02.2014)
9. Кожевникова О.А., Профессиональный стресс: причины возникновения, возможности профилактики и коррекции. //Мир науки, культуры, образования Горно-Алтайск, №7-1, 2009, 273-277
10. Лавер Б.И., Глебов В.В., Глебова Е.В. Состояние медико-психологической и социальной адаптации человека в условиях крупного города //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 5. С. 34-36
11. Методические рекомендации "профилактика стрессового состояния работников при различных видах профессиональной деятельности". мр 2.2.9.2311-07" (утв. главным государственным санитарным врачом рф от 18.12.2007
12. Родионова О.М., Глебов В.В.Становление системы экологического профессионального образования: опыт российского университета дружбы народов (РУДН) // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2010. № 3. С. 244-245.
13. Родионова О.М. Эндозоологическая болезнь как следствие экологического кризиса // Экономика природопользования. 2010. № 5. С. 120-126.

## CONDITION OF THE PSYCHOEMOTIONAL SPHERE OF THE SCHOOL POPULATION, LIVING IN DIFFERENT ENVIRONMENTAL CONDITIONS OF THE LARGE CITY

*Сидельникова Наталья, Российский университет дружбы народов,  
аспирант, экологический факультет*

### СОСТОЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ШКОЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЗНЫХ СРЕДОВЫХ УСЛОВИЯХ КРУПНОГО ГОРОДА

**Постановка научной проблемы и ее значение. Актуальность исследования.** Изучение особенностей адаптации человека к факторам окружающей среды вследствие неумолимого роста загрязнения природы, дальнейшей индустриализации и значительного снижения слаженной работы психофункциональных систем является важной и актуальной задачей в аспекте экологии человека [1,2,3,4]. Вместе с ухудшением экологического состояния окружающей среды отмечается и мощный рост стрессогенных факторов современной жизни: процессы урбанизации, психо-информационные перегрузки, острая нехватка времени и т.д. [5,6,7].

В процессе жизненного пути индивида существуют периоды, когда чувствительность организма к воздействию факторов окружающей среды является очень высокой [9,10]. Поступление ребенка в начальную школу является одним из таких периодов. В этот момент жизни у ребенка существенно меняется привычный образ жизни, появляются определенные обязанности, увеличиваются психические и информационные нагрузки [11,12].

Сложная экологическая обстановка в таком крупном индустриальном городе как Москва вызывает тревогу в связи с ухудшением состояния психофизического здоровья подрастающего поколения. Это связано с тем фактом, что растущий организм ребенка в силу морфофункционального развития и недостаточной зрелости функциональных систем, чувствителен к действию антропогенных факторов большого города [13-17].

Для выявления средовых влияний на психоэмоциональное состояние младших школьников, проживающих в разных округах Москвы, было проведено тестирование уровня тревожности.

**Организация и методы исследования.** Комплексные исследования по изучению психоэмоциональной сферы, умственной работоспособности и интеллекта младших школьников, а также состояние адаптационных процессов проводились с участием 162 практически здоровых младших школьников, где общее количество составило 86 мальчиков и 76 девочек в возрасте от 7,3 до 11,1 лет.

Тестирование испытуемых проводилось в период с 2009 по 2012 гг. на базе лабораторий экологической психологии и медицинской экологии кафедры экологии человека экологического факультета Российского университета дружбы народов г. Москвы.

Нами были сформированы две группы: *экспериментальная* и *контрольная группы*

**Экспериментальная группа.** Общий количественный состав *экспериментальной группы* составили 113 детей младшего возраста – 51 мальчик и 62 девочки, возраста от 7,3 лет до 11,1 лет.

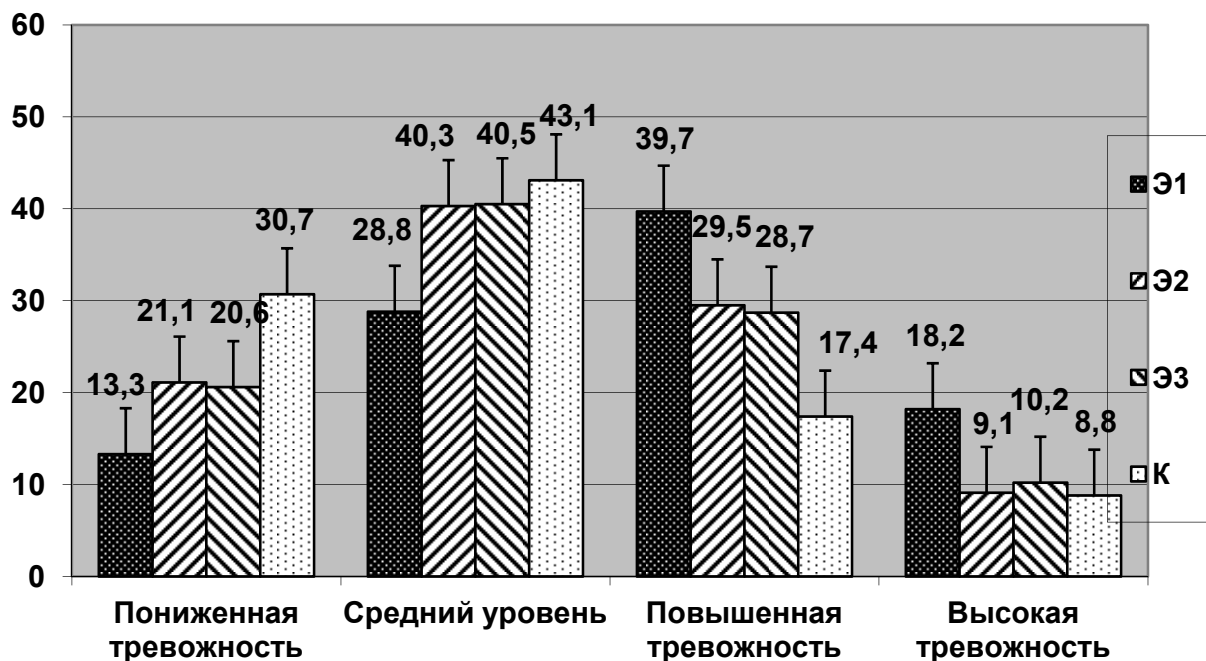
Экспериментальная группа была разделена на 3 подгруппы. В *первую подгруппу* (Э1, n=62) вошли дети, проживающие в ЮВАО, имеющих достаточно высокий уровень шумовой нагрузки (67-88 дБ) и химическое загрязнение атмосферного воздуха (превышение ПДК по оксиду углерода, окислам азота, фенолу, формальдегиду, взвешенным веществам, углеводородам). Помимо экологического воздействия в этой подгруппе было выявлено неблагоприятное влияние социальной среды (низкий социально-экономический статус семей младших школьников). *Вторая подгруппа* (Э2, n=23) имела достаточно высокий социально-экономический статус (хороший материальный достаток и жилищные условия). В *третью подгруппу* экспериментальной группы вошла часть младших школьников (Э3, n=28) из ЮЗАО,

которая имела низкий социально-экономический статус (низкая зарплата родителей, неполная семья, безработные, асоциальность отношений в диаде «родитель-ребенок» и т.д.).

**Контрольная группа** (ЮЗАО) проживала также на территории столичного мегаполиса, в относительно «чистом» экологически благоприятном административном округе. В нее вошли 49 детей –21 мальчик и 28 девочек, возраста от 7,6 лет до 10,7 лет.

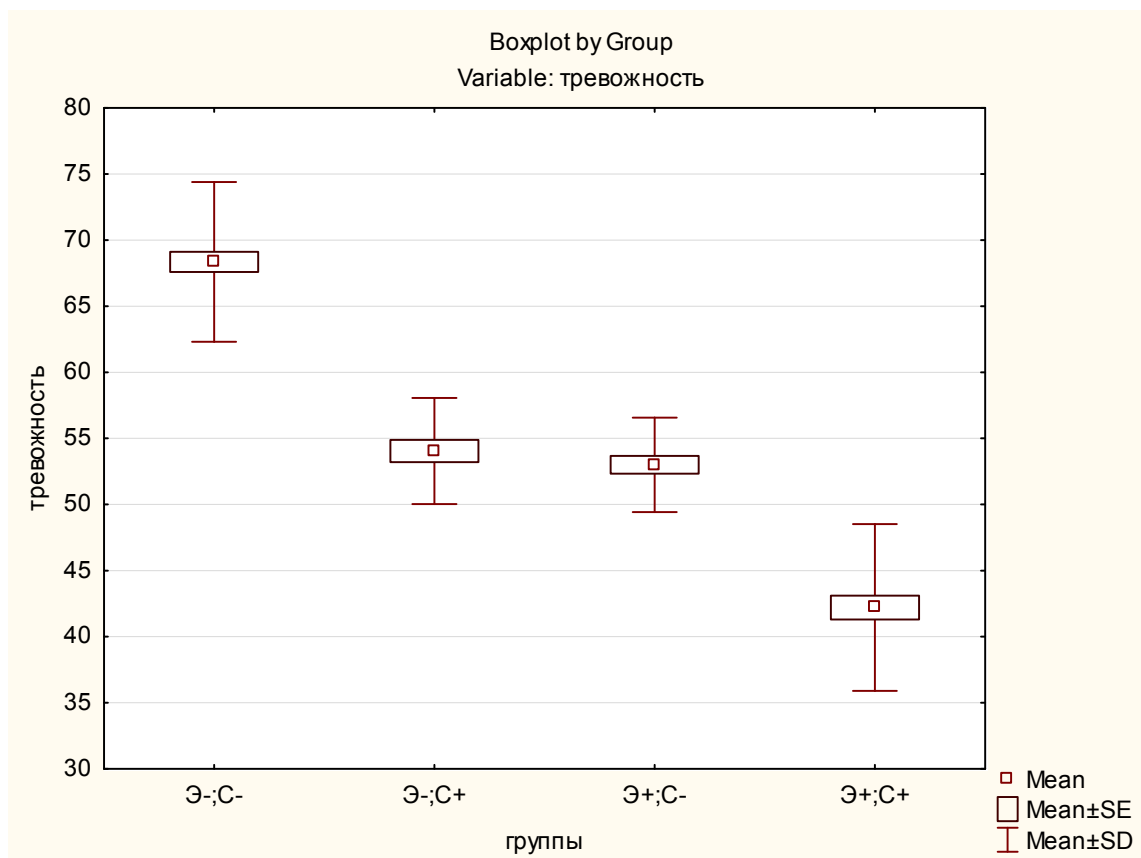
Методикой исследования психоэмоционального состояния младших школьников стал тест тревожности (Р. Томмл, М.Дорки, В.Амен). Для статистической обработки результатов исследования использовались стандартные статистические методы: дисперсионный однофакторный анализ, метод ранговой корреляции Спирмена, t-критерий Стьюдента. Обработка результатов проводилась с помощью статистического пакета программ StatSoft Statistica 6.0. Сравнительный анализ полученных результатов по тестовым заданиям основной и контрольной группы младших школьников проверялась с помощью t-критерия Стьюдента. При этом вычислялся уровень статистической значимости (p) сравниваемых параметров. На уровне значимости  $p < 0.05$  различия считались достоверными

**Результаты исследования и их обсуждения.** Сравнительный анализ уровней тревожности детей младшего школьного возраста, проживающих на территориях с разными средовыми условиями, показал следующую картину (рис. 1).



**Рис. 1.** Встречаемость уровней тревожности у детей младшего школьного возраста (в %) в зависимости от средовых условий столичного мегаполиса (n=162)

Сравнивая экспериментальную Э1 (Э-;С-) и контрольную К (Э+;С+) группы можно отметить, что сочетание средовых факторов (неблагоприятная экологическая и социальная среда и наоборот) по-разному влияет на тревожность младших школьников. В экспериментальной (Э1) группе отмечается рост и большой процент встречаемости младших школьников по тревожности. Так начиная с уровня «средний» и заканчивая уровнем «высокий» зафиксированы такие результаты: 28,8%, 39,7% и 18,2% соответственно. В контрольной группе младших школьников отмечается обратная тенденция по тревожности: 43,1%, 17,4% и 8,8% соответственно. Различия между показателями экспериментальной Э1 (Э-;С-) и контрольной К (Э+;С+) группы по тревожности значимы ( $p=0,0000$ ). Также статистический анализ по непараметрическому критерию Крускала-Уоллиса (Kruskal-Wallis) показал (рис. 3, табл.6) значимые различия между группами: контрольной К (Э+;С+) и экспериментальной Э2 (Э-;С+); контрольной К (Э+;С+) и экспериментальной Э3 (Э+;С)  $p=0,0002$  и  $p=0,0003$  соответственно.



**Рис. 2.** Значимость различий по тревожности между группами младших школьников, проживающих в разных средовых условиях Москвы ( $n=162$ )

Сравнивая в экспериментальной группе подгруппы Э2 и Э3 при разнонаправленном действии средовых факторов (неблагоприятная экологическая и благоприятная социальная среда и наоборот), можно отметить, что показатели тревожности были примерно одинаковыми (21,1% и 20,6%-пониженная тревожность; 40,3% и 40,5%-средний уровень; 29,5% и 28,7% - повышенный уровень; 9,1% и 10,2% - высокий уровень).

**Заключение.** Наши исследования показали, что в зависимости от уровня и сочетания комплекса факторов окружающей среды, воздействующие на детей младшего школьного возраста были выявлены 3 группы младших школьников, которые отличались уровням тревожного состояния - высокого, среднего и низкого.

При совместном воздействии неблагоприятной экологической и социальной сред отмечалось значимое ухудшение адаптационных процессов младших школьников. При различных сочетаниях неблагоприятного и благоприятного воздействия экологической и социальной среды и наоборот действия факторов среды частично нивелировалось, но оказывало воздействие на адаптационные процессы младших школьников. При благоприятном воздействии экологической и социальной сред адаптационные процессы младших школьников протекали адекватно возрастным нормам.

#### Список литературы:

1. Глебов В.В. Профилактическая и коррекционная работа по повышению адаптации детей и подростков. //Вестник РУДН. Серия: «Экология и безопасность жизнедеятельности». Россия, Москва, РУДН, № 1, 2014 -С. 83-91.
2. Глебов В.В. Оптимизация режима труда и отдыха в психофизиологической адаптации учащихся школ.// Известия СГУ. Серия: «Философия. Психология. Педагогика» Россия, Саратов, СГУ, № 1, 2014 -С. 87-90
3. Глебов В.В., Родионова О.М. Экологическая физиология и биология человека РУДН Россия, Москва, РУДН, 2014 -236 с

4. Глебов В.В., Аракелов Г.Г. Организация досуговой деятельности школьников как средство профилактики агрессивного асоциального поведения в детско-подростковой среде // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6. С. 146-151.
5. Глебов В.В. Состояние адаптационных процессов населения школьного возраста крупного города // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 4. С. 25-32.
6. Глебов В.В., Михайличенко К.Ю., Чижов А.Я. Динамика загрязнения атмосферы столичного мегаполиса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2012. Т. 2. С. 59-67.
7. Глебов В.В., Даначева М.Н., Сидельникова Н.Ю. Функциональное состояние школьников в условиях столичного мегаполиса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2012. Т. 2. С. 72-80.
8. Назаров В.А., Глебов В.В., Марьяновский А.А. Динамика информационных нагрузок в школе и психофункциональное развитие детей столичного мегаполиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 5. С. 24-27.
9. Лавер Б.И., Глебов В.В., Глебова Е.В. Состояние медико-психологической и социальной адаптации человека в условиях крупного города // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2012. № 5. С. 34-36
10. Глебов В.В., Сошников Е.А., Сидельникова Н.Ю., Даначева М.Н., Рязанцева М.А., Назаров В.А., Михайличенко К.Ю., Чижов А.Я. Состояние здоровья школьников в условиях мегаполиса и села // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2011. № 2. С. 27-38.
11. Глебов В.В., Аникина Е.В., Рязанцева М.А. Различные подходы изучения адаптационных механизмов человека // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5. С. 135-136.
12. Даначева М.Н., Назаров В.А., Глебов В.В. Влияние экологических и гигиенических факторов на психофизиологическое состояние школьников в условиях мегаполиса // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6-1. С. 90-92.
13. Глебов В.В., Аникина Е.В. Влияние комплексных факторов на адаптацию популяции человека в условиях мегаполиса (на примере города Москвы) // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2010. № 3. С. 134-136.
14. Назаров В.А., Глебов В.В., Чижов А.Я. Мониторинг социально-психологической адаптации популяции школьников в условиях крупного города (на примере Москвы) // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2010. № 3. С. 166-168.
15. Глебов В.В., Рязанцева М.А. Профилактика агрессивного поведения подростков // Профессиональное образование. Столица. 2008. № 5. С. 16-17.
16. Глебов В.В., Щавырёва Е.В. Воздействие социально-психологических факторов на динамику детско-подростковой агрессии в школьной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 3. С. 32-39.
17. Аракелов Г.Г., Глебов В.В. Вегетативные составляющие стресса и личностные особенности пациентов, страдающих пограничными расстройствами // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 35-47.

*Galyna Ganzilevska,*

*National University of Ostroh Academy, PhD, associate professor*

*Tetiana Shyriaieva*

*National University of Ostroh Academy, PhD, associate professor*

## **Preservation of National Identity in the Works of Ukrainian Writers of Australian Diaspora**

In the light of transformation to European Union that Ukraine faces nowadays, the problem of national identity preservation appears to be of a great importance. It is worth mentioning that amid factors which influence national identity preservation in Ukrainian immigrants, researchers enlist family, church, education, social organizations, country of one's current living and the country of one's origin [8]. Sometimes, the list includes additional option that is cultural and artistic activity [2].

In our previous research devoted to the issue of artistic activity of the immigrants of the third wave, we followed the idea of A. Atamanenko [1], according to who, its representatives have peculiar national identity, and we came up with a conclusion that Ukrainian Diaspora in Australia was formed after World War II when compared to the one of Canada or the USA [7]. Moreover, despite all difficulties that Ukrainians came across in the first years of their staying in Australia, their cultural and artistic activity was being actively developed that positively influenced the preservation of national identity in Australian Ukrainians [6]. While observing the influence of artistic activity of Ukrainian Diaspora in the context of its national identity preservation, the literary works of Ukrainian writers seem to be decisive. According to V. Maruniak, it is literary activity that can be viewed as the main area of artistic reflection of immigration activity [10, p.183].

The analysis of the role of literary works of Ukrainian immigrants is impossible without clear understanding of the period of immigration. Thus the first years of Australian immigration were remarkable because of the almanac "New Horizon", which was edited by an activist Dmytro Nytchenko (Chub) "Lastivka" (Melbourne). Not only the works of outstanding Ukrainian writers who lived at the time in Australia could be found in it, but the information concerning various aspects of life of Ukrainians in Australia, especially the one about artistic units that popularized Ukrainian culture abroad, was widely described [4]. To analyze the tendency with which Ukrainian writers participated in active artistic life, we focused our attention on Issue 2 of the above mentioned almanac "New Horizon", the editorial board of which was comprised of the widely known names of G. Chornobytska, P. Vakulenko, and D. Chub. The publishing of an issue was devoted to the 10<sup>th</sup> anniversary of Ukrainian immigrants' living on the territory of Australia. The number of writers whose works were published in this issue doubled as compared to the one of the previous issue, which is an undeniable proof of active participation of immigrants in Ukrainian culture preservation. In the list of writers there were M. Deiko, O. Katran, L. Gaievska-Denes, Z. Kogut, P. Dubova, S. Radion, T. Voloshka etc. These writers spent 10 previous years on publishing their works in separate books. However, more frequently they popularized their works with a help of newspapers, such as "Iednist", "Ukrainets v Avstralii" etc. Though, it should be mentioned that it was in 1951 that Ukrainian magazine "Nash Visnyk" edited by D. Chub saw the world [4, p.231].

Measuring the importance of works of Ukrainian Diaspora writers, Iu. Denysenko paid attention to the criterion of location, which was introduced by M. Soroka and related to the place where the development of writers' artistic activity took place, and underlined the literary heritage of Dmytro Nytchenko's daughter L. Bohuslavets. In 1943 together with her family she immigrated to Germany. Later, in 1949 she moved to Australia. According to Iu. Denysenko, the representatives of the first wave of immigration were the real Diaspora members as their literary development took place not outside the territory of their Motherland [5].

L. Bohuslavets is the member of the National Writer's Union of Ukraine, the member of V. Symonenko literary and artistic club and the literature laureate of 'Triumph'. In the light of national identity preservation she emphasizes the role of such social institutions as choirs, dance and theater clubs, and groups of bandurists, Plast, SUM, sports organizations etc, about which she mentions in her private correspondence dated on December 3, 2013 and February 4, 2014. Having analyzed the works of L. Bohuslavets, Iu. Denysenko relates to the concept of 'national feminism'. According to the researcher, the problems of a woman are closely connected to those of the Ukrainian nation [5]. I. Kominiarska cited O. Veretiuk while saying that the identity of

a writer as an organic unity occurs only when the national identity of a writer as an individual and the national identity of their literary work are of the same nature [9, p.51].

K. Tereshchenko understands national identity as the feeling of resemblance to the nation, its history, past and present, responsibility for Motherland and certainty about concrete deeds realization [12]. She has defined two blocks in the structure of the national identity: cognitive and affective and she understands national identity as a feeling of unity with the nation, its history, present and past, sharing the responsibility for Motherland and certainty about the necessity of active social participation. So far, cognitive block is comprised of such factors as one's awareness about national group existence, his/her own belonging to the group, knowledge about the national territory, emblems, symbols, institutions, traditions, history, outstanding figures, common origin and relation of an individual to the national group. Affective block is made of subjective actuality of national identity and the degree of affection to national identity: the ability to reject it or the membership in it, the feeling of belonging to national group, the level of affection and feelings concerning national territory, social feelings such as being proud of your nation, ashamed, guilty or nationally self-respectful [11].

In the context of current history of Ukraine the fact of national identification preservation appears of a great interest for the researchers. Thus in this paper the main attention is paid to the factors of national identity that can be examined in the works of writers who immigrated from the territory of Ukraine while continuing writing about it.

In our previous research of the national identity of Australian Ukrainians in the work of L. Bohuslavets "Moia Avstraliiska kuma" (1990) [3] we used the method of content analysis to define the categories of national identity (national identifiers). The classification of identifiers was introduced by O. Udod who defined five factors of national identity, namely collective identification, common history, social life, geographical belonging and national character [13, p.34]. Having assessed the lexical material of the above mentioned text, we counted average validity or partial lexical distribution.

The statistics of content analysis showed that the process of national identity preservation in Australian Ukrainians occurs mainly due to their active participation in social meetings of various types (average variable 0.91%). Below, identifiers were placed according to their average variable figures from the highest to the lowest: national character, which is a set of traditions and cultural beliefs that are kept by Ukrainians (0.67%), collective identification (0.58%), common history (0.46%) and geographical belonging (0.39%). The general number of lexical units in the text amounts to 20,813 [7].

However, it appears reasonable to examine one more text of the same writer to measure national identity identifiers. Our attention was focused on the one of the latest texts of L. Bohuslavets "My thirteenth journey to Ukraine" (2014) in which she colorfully described her impressions and thoughts about Ukraine, the country she was born in. As far as two texts under analysis were written at different time periods, it can be assumed that statistical importance of categories of national identity preservation can be different. Content analysis of this text showed that preservation of national identity in Australian Ukrainians is possible due to their active participation in social events (average variable 0.87%). The following figures were: common history (0.71%), national character (0.62%), geographical belonging (0.59%) and collective identification (0.32%). The general number of vocabulary units is 16,795.

As it becomes obvious, in both texts social life identifier is predominant. Active social life is a category that is comprised of cultural and educational meetings, professional and religious associations, activity in political groups. National character is a component represented by the system of individual's attitudes to the surrounding, which he/she demonstrates in various types of behaviour. However, in the first text mainly cultural public meetings were mentioned, while in the second the mentioning about religious institutions, such as churches, temples, monasteries etc prevail.

Common history is the factor that got lower variable but is still higher than the rest. We see this as a memory that unites and is kept as a system of individual attitudes to the surrounding world which is reflected in typical patterns of behaviour or mental stereotypes known as a national character. Moreover, geographical belonging goes next and partially summarises above mentioned factors. The preservation of religious and moral principles that Ukrainian is famous for appears to be more vivid than geographical but higher than historic belonging to one's own nation. It is widely known that Ukrainian nation is religious and family-oriented

that explains the fact that language, religion and culture are embraced into the concept of their national identity.

To conclude, it should be mentioned that all the findings got in the research suggest that national identity is not a simple concept but a complex unity of integral elements, all of which influence the possibility of an individual to be and feel as the part of community that lives on a certain territory, keeps the rules and traditions that regulate their perception of the world, and identifies itself as with the majority of representatives of the same nation. Moreover, the research has proved that social life is an essential factor that helps to transmit information between generations and to unite with those individuals who share similar system of attitudes and beliefs. It became clear from the works of L. Bohuslavets that one's belonging to a particular nation is not so much linked to the territory that the nation lives on but relates to the peculiarities of national culture, customs and traditions.

Such assumptions stress the importance of national identity preservation as a means to make Ukrainian nation survive, its cultural and moral values flourish, and religious devotion strengthen. Moreover, the indicators of national identity that are got from the works of Ukrainian immigrants to Australia are introduced and can be further measured in the literary works of other Ukrainian immigrants.

#### References:

1. Atamanenko, A. (2010). *Ukrainske istorychne tovarystvo (1965-1991) [Ukrainian historic society (1965-1991)]*. Kyiv.
2. Bilas, O. (2010). *Formy kulturnogo zhyttia ukrainsiv u Nimechchyni ta Avstrii (1939-1955) [Forms of cultural life of Ukrainians in Germany and Austria (1939-1955)]*. Lviv.
3. Bohuslavets, L. (1991). *Moia avstraliiska kuma [My Australian kuma]*. Dnipropetrovsk.
4. Chub, D. (ed). Literarura, mystetstvo, kulturne zhyttia [Literature, art, cultural life]. *Almanah Novyi obry, 2*, 239.
5. Denysenko, Iu. (2012). Kulturologichni kontseptsii diiuchiv ukrainskoi diaspory II polovyny XX stolittia [Culturological concepts of activists of Ukrainian Diaspora of the II half of XX century]. *Visnyk Kharkivskoi derzhavnoi akademii dysainu i mystetstv*, 9, 64-70. Retrieved June 10, 2014 from [http://nbuv.gov.ua/j-pdf/had\\_2012\\_9\\_14.pdf](http://nbuv.gov.ua/j-pdf/had_2012_9_14.pdf)
6. Gandzilevska, G. (2013). Zberezhennia natsionalnoi identychnosti tvorchoiu diasporoiu ukrainsiv Avstralii [The preservation of national identity of Ukrainian artistic Diaspora in Australia]. *Naukovi zapysky: Psychology and Pedagogy*, 25, 21-25.
7. Gandzilevska, G., Shyriaieva, T. (2014). The peculiarities of national identity of Australian Ukrainians in the works of L.Bohuslavets. *Problems of Psychology in the 21st Century*, 8(1), 16–25.
8. Kliuchkovska, I. (2007). Faktory zberezhennia natsionalnoi identychnosti ukrainsiv Frantsii [Factors of national identity preservation of Ukrainians in France]. *Ukrainoznavstvo: naukovyi zhurnal*, 2, 332-339. Retrieved June 10, 2014 from <http://www.ualogos.kiev.ua/search.html?search=%EA%EB%FE%F7%EA%EE%E2%F1%FC%EA%EO>
9. Kominiarska, I. (2012). *Ulas Samchuk: alter ego I alter idem [Ulas Samchuk: alter ego and alter idem]*. Zhytomyr: Ruta.
10. Maryniak, V. (1985). *Ukrainska emigratsiia v Nimechchyni i Avstrii po drugiy svitoviy viyni (1945-1951) [Ukrainian immigration to Germany and Austria after World War II (1945-1951)]*. Munich: Academic Publishing of Petro Belei.
11. Tereshchenko, K. (2009). Formuvannia iedynoi natsionalnoi identychnosti iak umova rozvytku suchasnogo suspilstva [Formation of united national identity as a condition of the development of modern society]. *Aktualni problem psykologii*, 23, 188-194.
12. Tereshchenko, K. (2009). Socialno-psychologichni chynnyky rozvytku natsionalnoi identychnosti molodi [Social and psychological factors of the development of national identity of youth]. *Visnyk Chernihivskogo derzhavnogo pedahohochnoho universytetu imeni T. Shevchenka*, 7, 148-150.
13. Udod, O. (2010). Pro rol i znachennia shkilnoi istorii u protsesi tvorennia natsionalnoi identychnosti [About role and meaning of school history in the process of national identity development]. *Istoriia Ukrainy*, 37, 3-6.



## Section 11.

### Philology

*Aynur Budagova Mukhtar*

*Azerbaijan University of Languages, teacher*

## COMMUNICATIVE ROLE OF INTERNET IN SOCIETY

Contemporary communications study science considers the Internet competent integral part of massive communication system. This field also turned to mass media. This mean was limited with carrying out service function before, but now it carries out multilateral functions. As we can find any information by entering to internet network, also, we can include any information to it- to the Internet. Arising of new information carrier expanded the opportunities of mass communication system as mass media. Recently, all leading information agents, many publishers, advertisement agencies benefit from Internet and created their pages in Internet. All of the leading papers and magazines of the world have web page. Papers are directly included to the Internet. Recently all offices and institutions are opening their web pages. Each of International organizations has their own page on the Internet. Not only ordinary peoples, but also politicians, most governments, parliaments are represented on the Internet now and keep close cooperation via Internet. Users of Internet (institution or individuals) can get information about all current materials-interviews, reports, chronicles, statistics of world press, about activity of government bodies, activity of large organizations.

Possessing expanded information network made Internet to be dangerous competitor of any traditional mass media. Internet is information medium considered for wide auditory and is a new field of information service. However, using from internet in all Mass Media turned to the necessity in truth (in terms of both to get information and transmission the information to the network).

If on the one hand, Internet helps people in solving many problems, in the other hand, it turns to cause harmful consequences, incidents for both individual and social life. Modern world entered to global information sphere by creating and applying the latest telecommunications technologies. Internet is the main mean providing freedom information, its immediate transmission. Contemporary information technologies gained an opportunity to provide needs as creating communication among people, transmitting and accepting information according to own individual consciousness of people regardless of living in anywhere in the world, regardless of their beliefs and religions, regardless of racial and religious affiliation. People use from these opportunities in a maximum size.

Addition to above mentioned, as the Internet is the best transmitter of information and information holder, also easiness of information acceptance from Internet increases propensity for using from Internet. Internet has the opportunity to create communication among different individuals. Internet creates machine-human relation. Sometimes computer turns to more beneficial interlocutor, player from living being, for individual that entered to communication with him. Computer does not put against to any liability or responsibility the person while being in communication with it. It gives opportunity to person to correct an error in communication process. Recently dependence on the Internet widespread as an abusing to alcoholism, addiction, gambling. Internet, computer penetrates rapidly to the life of child and attracts children with its word field, opportunities especially with games. Researches show that, 10 percent of users of Internet in the world exposure to internet addiction. According to results of requests in Russia, 4-6 percent of users of Internet are dependent on the Internet. Dependence on the Internet are considered in many countries and controlling issues are put forward. For example, in Finland postponement is considered during conscription to people that are dependent on the Internet. In the result of this, Internet adduction is drawn to attention, studied in different fields of sciences.

Studying psychological and social aspects of mutual contact between human and computer, also researching of efficient application methods of information technologies are important today. However, applying of computers in daily life has positive and negative aspects.

In modern world Internet turned to the subject of integrative interdisciplinary research and many professionals worked on humanitarian sciences for preparing of it, also we may note the fields of psychology, sociology, politology, and linguistics, pedagogy and etc. Internet technologies are accepted as the communication facilities and as an information source. The specific characteristics of communication via Internet are its anonymity and the opportunity “to play in different roles”. The main motives of applying to Internet includes managing, scope of interest, communicative, recreational games, requirement to feel himself as a member of any group, also, cooperation, self-realization and self-confirmation motives. Different researches put forward the thoughts about forms and types of dependence on the Internet. To determine main coverage area of these forms and types, to define their numbers, grouping and classification are included in research work. We can note the existence of following forms in collected materials and in conducted research process: 1) obsessive dependence to work in computer (to computer games, to programming and dependence on other fields of activity); 2) compulsive navigation in WWW, to conduct searches in different data bases; 3) dependence to gambling games, to auctions, to electron shopping; 4) dependence to social apply to the Internet; chats, group games, teleconferences, web-forums, acquaintances and etc. 5) dependence to watching to film sites, porn sites.

There is not any prohibition for using from information on the Internet. They can be in text, audio, video and in other formats. Information on the Internet can be general, special, public, scientific-popular. The accuracy of information obtained is more doubtful in comparison with previous information holders (book, paper etc.). So, information posting and responsibility for its accuracy did not regulated enough. One of the important opportunities of the Internet is to be free in posting information there. Every user has the opportunity to post his own information in network, to allow to others benefiting from that information. In this case, that person becomes the object of the information.

Liberty in getting information creates opportunities for using from it with the purpose of commerce. Commercial activity on the Internet progresses on some line. Advertisement pages, internet-stores, internet-exchange has indirect contact with network. Commercial work related to activity of network are includes preparing advertisements for other sites, preparing web-pages of activity of provider, preparing programs. Internet-commerce is more attractive for young people. Attracting young peoples and teenagers of the Internet to commercial activity has double-character. They integrates by the professional, carrier, financial aspect from one side, from another side, limitation, narrowness of activity sphere are elected by its negative influences.

Researches conducted on reasons causing Internet-addiction shows that communication tool of Internet, meta diversification environment, social environment and subculture, virtual environment that forms ideal of “I”, to be pathologic creative place increases dependence on it. In some cases, if this dependence causes by requirements in the process of work and profession, in many cases it derives from interior psychological necessity. All these factors show that, dependence on Internet is a new field, and a new phenomenon that requires multilateral researches.

However, extensive use of Internet coincides to the end of XX century, to the beginning of XXI century, and new communication method appears.

#### **Annotation**

The article illustrates how sophisticated technology; computers, tablets, mobile phones or mobile gadgets influence to the mass media texts or communication. In the article, it is said how the Internet is important to our lives. It is clearly shown that internet makes our lives easy or at the same time difficult, according to this point, some examples are given in the article. In general this is a very actual topic.

In conclusion, it is visible how most of the people all over the world are obsessed with the Internet.

#### **References**

1. Akhmedova A. Internet Influence to the language. 2006, №1, c.25-32;
2. Arestova O., Babanin L., Vaiskounsky A. *Psychological research of computer-mediated communication in Russia // Behaviour and Information Technology, 1999.*

*Udoenko Inna, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,  
Associated Professor, Candidate of Philological Sciences*

*Kolesnyk Alina, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,  
Associated Professor, Candidate of Technical Sciences*

*Ardelyan Maryna, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,  
Associated Professor, Candidate of Philological Sciences*

*Manuyenkova Olena, Kharkiv State University of Food Technology and Trade,  
Senior Lecturer*

## **Activization of students' self study through interactive teaching methods (on the base of the French language)**

*Удовенко Інна, Харківський державний університет харчування та торгівлі,  
доцент, кандидат філологічних наук,*

*Колесник Аліна, Харківський державний університет харчування та торгівлі, доцент, кандидат  
технічних наук,*

*Арделян Марина, Харківський державний університет харчування та торгівлі, доцент, кандидат  
філологічних наук,*

*Мауєнкова Олена, Харківський державний університет харчування та торгівлі, старший викладач*

## **Активізація самостійної роботи студентів за допомогою інтерактивних методів навчання (на матеріалі французької мови)**

**Постановка наукової проблеми та її значення.** Дослідження присвячено проблемі організації самостійної роботи студентів за допомогою інтерактивних методів навчання, які є одними з основних останніх інновацій. Слово „інтерактив” прийшло до нас із англійської мови „interact”. „Inter” – це „взаємний”, „act” – „діяти”. Інтерактивне навчання – діалогове навчання, в ході якого здійснюється взаємодія викладача і студента, активізується такий вид діяльності, як самостійна робота. Мета інтерактивного навчання – створювання комфортних умов навчання, при яких студент відчуває свою успішність, свою інтелектуальну досконалість, що робить продуктивним сам освітній процес.

Особливої актуальності набуває проблема професійного саморозвитку майбутнього фахівця, вирішення якої потребує оновлення всієї педагогічної освіти, її гуманізації, орієнтації на неповторність особистості кожного студента, диференційованого творчого підходу до його підготовки. Саме тому самостійна робота, яка здійснюється за допомогою й при участі нових інноваційних освітніх технологій, має стати провідною в навчанні студентів, які незабаром почнуть свою професійну діяльність.

**Аналіз досліджень проблеми.** Самостійна робота як об'єкт наукових та методичних досліджень була та є предметом вивчення зарубіжних та українських лінгвістів (Kessler C., Evans V., Wright A., C.I. Greg, Ur P., Беленька Г. В., Козаков В.А., Ягельска Н.В., Драб В.Н. та ін.).

Поняття самостійної роботи студента в сучасній методологічній літературі обов'язково співвідноситься з роллю викладача-організатора [7., с.134], а під самостійною роботою розуміють різні види індивідуальної і колективної діяльності студентів, яка здійснюється ними на аудиторному й позааудиторному заняттях чи вдома за завданням викладача безпосередньо [7, с.156].

**Мета статті** – дослідити особливості і умови інтерактивних методів навчання як засобу активізації самостійної роботи студентів.

**Виклад основного матеріалу.** Розуміння суті самостійної пізнавальної діяльності [1, с.37], самостійної роботи [3, с.28], терміну „організація” [1, с.34] дало нам можливість сформулювати власне визначення поняття „організація самостійної роботи студентів”: це – система спільних дій викладача і студента, яка спрямована на реалізацію пізнавального циклу кожного студента, в процесі якого активну детермінуючу роль виконують студенти. У даному визначенні ми намагались поєднати системний підхід щодо організації самостійної роботи з специфікою останньої, конкретну мету і завдання, які ставляться перед студентами на заняттях з іноземної мови, з їх індивідуальними пізнавальними можливостями.

Сучасний фахівець, який не володіє іноземною мовою, спроможний реально обробити лише 6% інформаційного матеріалу з різних джерел тієї галузі, що його цікавить. Це означає додаткові витрати

матеріальних коштів та інтелектуальних зусиль на обробку інформації. Тому при підготовці висококваліфікованих фахівців у сфері економіки, менеджменту, торгівлі і харчування, ресторанного бізнесу важливо не тільки мати якісну загальну мовну підготовку, але й оволодіти іноземними мовами професійного спрямування, діловою мовою, теорією і практикою перекладу.

Розв'язання цих актуальних проблем можливо лише на основі широкого запровадження нових педагогічних технологій, спрямованих на всебічний розвиток особистості.

Організація самостійної навчальної роботи на заняттях, а в нашому випадку на практичних заняттях з іноземної мови, вимагає попередньої підготовки і використання сучасних засобів навчання, які виконують у ній різноманітні функції. Тому мета введених на сучасному етапі інтерактивних методів навчання полягає у тому, щоб навчальний процес відбувався за умов постійної активної взаємодії викладача і студентів, і професійної організації самостійної роботи останніх. Це співнавчання, взаємонавчання, де і студент, і викладач є рівноправними, рівнозначними суб'єктами навчання, розуміють, що вони роблять, рефлексують із приводу того, що вони знають, вміють і здійснюють.

Інтерактивна взаємодія включає як домінування одного учасника навчального процесу над іншими, так і однієї думки над іншою в процесі самостійного обговорення проблеми в групах. Під час інтерактивного навчання студенти вчаться бути демократичними, спілкуватися з іншими людьми, конструктивно мислити, приймати продумані рішення. Зміст роботи полягає не лише у знаннях, але у способах мислення. Інтерактивне навчання – це специфічна форма організації навчальної діяльності, одна з цілей якої забезпечення комфортних умов, за яких кожен учень відчував би свої успіхи, інтелектуальну роботу, активізував би продуктивну самостійну пізнавальну діяльність [6, с.62].

Основними формами інтерактивної роботи є навчальна взаємодія студентів у парах та мікрогрупах. Оптимальний склад групи – не більше ніж 4-6 чоловік. Групи самостійно вивчають навчальний матеріал і міжособистісні вміння.

Інтерактивна робота має свої принципи:

- одночасна взаємодія (усі студенти працюють в один і той же час);
- однакова участь (для виконання завдань кожному студентові надається однаковий час);
- позитивна самостійна взаємодія (група виконує завдання за умов успішної роботи кожного з членів групи);
- індивідуальна відповідальність (при роботі у кожного – своє завдання).

Для презентації ми приведемо моделі деяких тренувальних інтерактивних вправ, які використовуються нами на вступному етапі вивчення іноземної мови для студентів першого курсу Харківського державного університету харчування та торгівлі:

### **I. Charades: retrouvez le mot entier.**

Mon premier fait partie des meubles (**table**).

Mon deuxième est un article contracté (**au**).

Mon entier est pendu au mur

Et dans la classe il y a toujours (**tableau**).

### **II. Reconstituez le texte (séparations entre les mots, signes orthographiques, ponctuation, majuscules).**

lagastronomieestdevenueenFrancefacteurdunitenationale84%lesFrancaissentpersuadesquelacuisinedele  
urpaysestlameilleureaumondeetunetelleopinionestegalementpartageeparlamajoritedesetrangersaucunautrepa  
saudenepoutsevanterdeproduirepresdequatrecentssortesdefromagesunbonvraicamembertestincomparable  
lesvins  
sontclassesendeuxgrandescategorieslesvinsdetableetlesvinsdequaliteondenombreactuellementenfrance  
plusde450  
0sortesdevinsletiquettedebouteilleestuneveritablecartedidentitepourtouteproductionelledoitcomporter  
ladenominat  
ionduproduitletitrealecometriquellevolumelenometladressedelembouteilleur

### **III. Reconstituez ce texte (Dans le texte suivant, certains mots sont perdus, les verbes sont à l'infinitif. Retrouvez les éléments manquants, mettez les verbes à la forme correcte et faites les accords nécessaires).**

Dans un café de Paris.

Client - aller - attaquer - entrecôte - bien grillée - lorsque - s'apercevoir - ne pas avoir - moutarde. - Se pencher - table - voisin. - Pouvoir - passer - pot - moutarde - s'il vous plaît. - client - répondre - ton - sévère. - Ne pas - pouvoir - demander - garçon. - Vouloir - excuser - monsieur. - Je - se tromper. - Vous - me - prendre - peut-être - pour - garçon. - Non - je - vous - prendre - pour - monsieur - bien élevé.

Заняття організуються як індивідуально, так і в постійних та у змінних групах. Викладачу необхідно створити такі умови взаємодії, які б психологічно мотивували в студентів потребу висловлюватися щиро і безпосередньо. Таким чином вони демонструють вміння мислити, спробувати поглянути на себе з іншого боку, - все це дає змогу формувати у студентів самостійне критичне мислення. Критичне мислення – це не тільки здатність помічати помилки та недоліки у чужій роботі, але й більш широкі здібності аналізувати, виявляти позитивне і негативне. Ключові елементи критичного мислення – це знання, вміння, цінності, відношення. У студентів формується розгорнута навчальна діяльність шляхом оволодіння самостійними організаційними, логіко-мовленнєвими, пізнавальними і контрольними-оцінними вміннями і навичками.

Для цього нами були визначені основні методологічні умови самостійної роботи студентів під час застосування інтерактивних методів навчання: 1) наявність інструкції чи програми виконання завдання; 2) виділення в них основних етапів виконання завдання; 3) членування етапу чи всього завдання; 4) систематичний контроль і облік викладачами виконаного завдання, надання своєчасної допомоги у вигляді пояснення прийому, способу виконання дії. Знання факторів, які впливають на процес організації самостійної діяльності, дасть можливість викладачам і студентам приділити спеціальну увагу їх дослідженню і функціонуванню, що поліпшить ефективність організації діяльності в цілому.

У ході нашого експериментального дослідження було виявлено, що у 60% студентів не вистачає навичок самостійної роботи і лише 35% першокурсників вважають себе підготовленими до самостійної роботи. Вивчення ж стану розробленості проблеми в практиці показує, що викладачам у ході занять особливу увагу слід звертати на формування у студентів раціональних навичок розумової праці, тобто пропонувати такі завдання, виконання яких ставить студентів в умови максимальної самостійності, розраховані на найповніший вияв усієї суми знань та навичок, засвоєних студентами.

Підготовку студентів до самостійної роботи і керівництво нею можна спростити, розподіливши цей процес на три великі блоки: мотиваційний, технологічний і організаційний [7, с.158]. Створенню високої мотивації сприяло цілеспрямоване акцентування викладачів на важливість самостійної роботи. Таким чином, мотиваційний аспект через фактор часу тісно пов'язаний з організаційним. Йдеться про те, щоб запропонувати студентам обґрунтовані норми часу на різні види робіт (це особливо важливо при запровадженні інтерактивних методів навчання), а також давати завдання для опрацювання чи доопрацювання на дому з урахуванням цих норм.

Отже перед організатором самостійної роботи студентів постає двоєдине завдання: з одного боку, обґрунтовано і правильно добирати обсяг матеріалу для самостійної роботи (в нашому випадку обсяг і зміст інтерактивних вправ), з іншого – у мотиваційному і технологічному аспектах підготувати до неї студентів.

Результати дослідження дозволяють зробити такі **висновки**:

Значні потенційні пізнавальні можливості іноземної мови ефективно не реалізуються традиційними формами і методами навчання. Забезпечення високого рівня сформованості пізнавальних умінь пов'язане з впровадженням в навчальний процес інтерактивних методів навчання, які активізують самостійну роботу студентів, співробітництво та співтворчість між викладачем і студентами, гуманізацію відносин в системі „викладач – студент”, „студент-студент”. Саме інтерактивні методи дають змогу створювати навчальне середовище, в якому теорія і практика засвоюються одночасно, а це надає змогу студентам розвивати світогляд, логічне мислення, зв'язне мовлення, формувати критичне мислення, виявляти і реалізовувати індивідуальні можливості. При цьому навчальний процес організовується таким чином, що студенти шукають зв'язок між новими та отриманими знаннями, приймають альтернативні рішення, мають змогу зробити „відкриття”, формують свої власні ідеї та думки за допомогою різноманітних засобів, навчаються співробітництву.

**Рекомендації щодо застосування результатів роботи:** впровадження в практику роботи викладачів кафедри іноземних мов моделей організації самостійної пізнавальної діяльності студентів, консультування та забезпечення методичними матеріалами дослідження в галузі вивчення іноземних мов.

### Список літератури

1. Kessler Carolyn. Cooperative Languages Learning / Teacher Resource Book. – Prentice Hall Regents Englewood Cliffs, 1992. – 257p.

2. Evans Virginia, Dooley Jenni. *Entreprise-Intermediate Coursebook*. – Express Publishing, 2001. – 149 p.
3. Van Lier. *Interaction in the Language Curriculum*. – Monography, Cambridge University Press, 1998. – 187 p.
4. Ur P., Wright A. *Five-Minute Activities*. – Cambridge University Press, 2008. – 134 p.
5. C.I. Gregg. “Because Wisdom Can’t Be Told”, in M.P. McNair (Ed.), *The Case Method at the Harvard Business School* (New York: McGraw-Hill, 1994) – 189 p.
6. Беленька Г. В. Роль інтерактивних прийомів навчання в оптимізації навчального процесу у вищій школі // Наукові записки. Серія: Педагогічні науки. – Кіровоград : КДПУ ім. В.Вінниченка, 2009. – Вип. 32. – Ч. 1. – С. 62-68.
7. Козаков В.А. *Самостоятельная работа студентов и её информационно-методическое обеспечение*.: Учебн. пособие. – К. : Вища школа, 1990. – 248 с.

*Alfiya Yusupova, Kazan Federal University,  
Professor, Doctor of philology, the institute of philology and intercultural*

## **The role of orthodox missionaries in the edition of the Tatar-Russian dictionaries of the XIX century**

The XIX century was marked by the brilliant national Renaissance which made an essential increase of Tatars role in economic, political and cultural life of the Russian Empire, a mass distribution of the Tatar education and publishing business in the history of the Tatar people. Also the origin of new tendencies in development of the Tatar language and literature should be noted, first of all the rapprochement between Tatar literary and colloquial languages. These phenomena were connected with the social and economic and political reasons on Russia scale.

Thereafter in Russia, there was a need of more attentive relation to the Tatar people, and a need of studying the Tatar language grew. This task was set as an indispensable activity condition for educational institutions, especially if they had an Oriental focus. Especially it is necessary to allocate a role of orthodox missionary movement in studying and teaching the Tatar language. Its outstanding and educated representatives understood an integral role of the Tatar language as a language of communication of many Turkic-speaking inhabitants of the Russian Empire. All east policy of imperial Russia also demanded the knowledge of the Tatar language.

As a result of pragmatic relation to the Tatar language many representatives of missionary movement became one of the best experts on the Tatar language, and in such quality they did their bests in the leading Oriental centers. In particular, the Kazan school of turcologists appeared at the Kazan university in thirties-forties, there were many specialists in the Tatar language among them.

Keywords: XIX century, the Tatar language, dictionary, orthodox missionaries, role, school of turcologists

*Юсупова Альфия Шавкетовна, Казанский федеральный университет,  
профессор, доктор филологических наук, институт филологии и межкультурной коммуникации  
E-mail: alyusupova@yandex.ru*

## **Роль православных миссионеров в издании татарско-русских словарей XIX века**

*В истории татарского народа XIX век ознаменовался блистательным национальным Возрождением, проявлением которого стали существенное возрастание роли татар в экономической, политической и культурной жизни Российской империи, массовое распространение татарского просвещения, книгоиздательского дела. В том числе следует отметить зарождение новых тенденций в развитии татарского языка и литературы, прежде всего сближение между татарским литературным*

и разговорным языками. Эти явления были связаны с социально-экономическими и политическими причинами в масштабах России.

Соответственно в России, была необходимость более внимательного отношения к татарскому населению, росла необходимость изучения татарского языка. Данная задача ставилась в качестве обязательного условия деятельности перед различными существовавшими и вновь возникавшими в XIX в. учебными заведениями, особенно если они имели востоковедческую направленность. Особо следует выделить роль в изучении и преподавании татарского языка православного миссионерского движения. Его видные и весьма образованные представители понимали ключевую роль татарского языка в качестве языка общения огромного массива тюркоязычных жителей Российской империи. Вся восточная политика царской России также требовала знания татарского языка.

Не случайно, что в итоге столь прагматичного отношения к татарскому языку многие представители миссионерского движения стали одними из лучших знатоков татарского языка, и в таком качестве проявили себя прежде всего в ведущих востоковедческих центрах. В частности, в 30-40 годы в Казанском университете при Восточном разряде складывается Казанская школа тюркологов, в их числе было немало специалистов по татарскому языку.

Ключевые слова: XIX век, татарский, язык, словарь, православные миссионеры, роль, школа тюркологов.,

В XIX веке православные миссионеры сыграли большую роль в изучении языков, фольклора и этнографии тюркских народов. Учителя татарского языка в религиозных учебных заведениях христиан в этом плане особенно были активными. В их числе выделяется фигура А.Троянского. Александр Алексеевич Троянский – один из тюркологов, внёсших огромный вклад в развитие лексикографии и татарского языкознания XIX века. Он родился в 1779 году в деревне Апаз Казанского уезда. Отец был священником. В 1799 году А.Троянский завершает обучение в Казанской духовной академии и начинает работу священником в деревне Сотнуры Казанской губернии. С 1800 года А. Троянский связывает свою жизнь с педагогической деятельностью и преподаёт татарский язык в разных учебных заведениях[1].

Вклад Александра Троянского в татарскую лексикографию велик. Первый том словаря издаётся в 1833 году в типографии Казанского университета. Он состоит из 629 страниц, где зафиксировано около 6490 слов. Второй том издаётся в 1835 году и состоит из 340 страниц. В нём собрано около 3400 слов. Формат словаря – 26\*25.

Что касается структуры работы, то этот татарско-русский словарь составлен в алфавитном порядке. Фонетические варианты слов представлены как отдельные лексические единицы. Включение в словарь географических названий делает словарь ещё более интересным.

Татарско-русский словарь Александра Троянского создан с целью обучения представителей других национальностей татарскому языку. Обстоятельный характер словаря проявляется в качестве и тщательности перевода татарских слов на русский язык.

Автор обращает внимание и на происхождение слов, при этом указывая на язык, из которого заимствовано это слово. Например, к словам приставлены такие сокращённые примечания, как «араб.», «перс.». Автор, прежде всего, указывает на заимствования, которые редко встречаются в татарском языке и являются пассивными в употреблении. Таким образом, в первом томе зафиксировано 374 арабских и 162 персидских слова, во втором – 283 арабских и 23 персидских заимствования. Но указанные в словаре арабско-персидские заимствования не ограничиваются лишь этим.

Рядом с некоторыми словами автор даёт в скобках такие лексические пояснения, как «трава», «дерево», «платье», «плод», «зверек», «растение», «рыба», «болезнь», «грамматический термин», тем самым указывая их принадлежность к определённой тематической группе. Но данные примечания используются не всегда. Можно предположить, что автор таким образом отмечал слова, не знакомые для читателей и редко используемые в речи.

Важная особенность словаря заключается в том, что среди лексических единиц можно найти и географические названия: **Bich** – Вена, **Bahig Nazar**–Каспий, **Chin ma Cin**– Китай и т.д..

Словарь А. Троянского – один из крупнейших татарско-русских словарей, появившихся в первой половине XIX века. Он объединяет в себе более 22 тысяч слов и словоформ. На наш взгляд, это удивительно огромное лексическое богатство достойно отдельного монографического исследования.

В конце XIX века миссионерским обществом активизируется издание татарско-русских словарей. Среди них можно отметить словари Н. Остроумова “Первый опыт словаря Остроумова народно-

татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии” (1876) и “Татарско-русский словарь” (1892).

В 1870 году, по предложению Н. И. Ильминского, после двух испытательных лекций Н. Остроумов избирают на кафедру миссионеров, выступающих против мусульман, и назначают учителем татарского языка в Казанскую духовную академию. В 1871 году Н. Остроумов получает степень магистра. В этом же году ему присваивается имя доцента, но он продолжает свою работу учителем татарского языка в Казанской духовной академии и там же с 1 ноября по 20 июля 1874 года преподаёт такие предметы, как история и география [1].

Первый словарь Н.Остроумова был издан в типографии Казанского императорского университета в 1876 году и предложен в качестве полезного руководства для крещеных школ. Данный словарь состоит из 145 страниц.

Словарь Н.Остроумова содержит очень богатый лексический материал. Слова написаны только на кириллице и расположены в алфавитном порядке русского языка.

Несмотря на то, что работа Н. Остроумова называется **словарь**, она включает в себя богатый материал об истории татарского народа, о татарском языке, о мусульманах и миссионерах. Помимо этого, Н. Остроумов попытался проанализировать слова с фонетической и морфологической сторон. Автор на примерах показывает все возможные случаи звуковых чередований, взаимовлияний, огубления, добавления в слова звуков и их сокращений.

В словаре Н. Остроумова даётся следующий комментарий: I. а) употребление в словах русских букв; б) ударение; в) произношение татарских слов. II. Этимология татарского языка: а) правила произношения гласных; б) правила произношения согласных; в) окончания; г) грамматические категории числа, лица и времени у глаголов; д) склонение имён существительных и прилагательных по падежам; е) глагол как часть речи; ж) функции слов в предложении. III. а) порядок русских букв; б) русско-татарский словарь; в) таблица родственных терминов.

В словаре Н. Остроумова зафиксированы диалектные, устаревшие и заимствованные слова. Среди них большое место занимает диалектная лексика, потому что миссионеры идеальным татарским языком считали язык крещёных татар.

Изданный в 1892 году “Татарско-русский словарь” Н. Остроумова считался словарём миссионерского общества. В его составлении участвовало 3 автора: Н. Ильминский, Н. Остроумов, А. Воскресенский. Но первым это дело начинает Н. Остроумов. Он сам составляет словарь, Н. Ильминский издаёт его, а А. Воскресенский был помощником Н. Ильминского, следовательно, он продолжил его дело. Данный труд состоит из 244 страниц, включает в себя всего 1710 слов.

Что касается структуры словаря 1892 года, то следует заметить, что вступительная часть его довольно коротка. Предисловие дано в шести параграфах: 1) татарская речь, буквы и порядок русского алфавита в словаре; 2) буквы а, о, у, н; 3) знаки препинания; 4) звездочка; 5) сокращения; 6) погрешности.

От первого словаря данный труд отличается тем, что к корпусу предпосылаются краткое предисловие, правила пользования, в которых излагаются особенности построения данного словаря, объясняются значения используемых сокращений и условных знаков.

Братство Святителя Гурия (Миссионерское общество святителя Гурия) было создано 1867 году в Казани для распространения христианства среди нерусского населения Казанской губернии. Основными направлениями деятельности являлись открытие школ для “иностранцев”, переводы и издание церковной литературы на языках народов Поволжья и т.д. [2]. Прекратило существование в 1917 году. Во время своего существования это братство составило и выпустило несколько татарско-русских словарей. «Краткий татарско – русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом», составленный данным миссионерским обществом, издаётся 5 раз (1880, 1882, . 1886, 1888, 1891)

Формат всех словарей един – 10\*17,5. Словари составлены по тематическому принципу.

«Краткий татарско – русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом» издаётся в типографии М. А. Гладышевой в 1880 году. Состоит из 55 страниц. В основе словаря лежит тематический принцип. Всего выделено 43 тематические группы. В словаре же зафиксировано 983 слова. Названия групп даны как на татарском, так и на русском языке: ishek aldindagi karaltılar – строения на дворе, ashamlıklar – съедобное, jort koshlari– домашние прицы, sugish korallari – оружие, kiıemneg – одежды и т.д.

В приложении представлены «**Церковно – славянские слова**». Здесь зафиксировано всего 315 слов, которые полностью относятся церковной жизни.



Второй словарь «Краткій татарско-русский и славяно-татарскій словарь словарь съ прибавленіемъ основаній русской грамматики» является четвертым изданием словаря Православного Миссионерского общества. Словарь был издан в 1888 году в типографии М.А.Чириковой. Печатался по рекомендации Совета Братства св. Гурия.

Корпус словаря состоит из 45 тематических групп. Названия групп даны как на татарском, так и на русском языке. Отражение своеобразной орфографической нормы слов свидетельствуют о том, что авторы строго держались за своих миссионерских принципов. Они хотели отражать своеобразие говоров крещеных татар.

В названии словаря указано, что он является и славяно-татарским. Это показано последней тематической группой и там даны церковно-славянские слова. В данной части ярко выражается основная – миссионерская цель словаря.

Кроме корпуса, данный словарь, в отличие от своего предшественника, имеет приложение. Оно называется «Грамматикадан айтеу».

В конце представлены предложения на русском языке для разбора и для упражнения в правописании. Дается сбор разных не связанных по смыслу предложений, которые состоят из двух или трех слов. Например, *Спрячьте свои тетради. Дети играли на дворе.*

В заключение следует сказать, что данный словарь был очень удобен для изучающих татарский язык. Так как авторы учитывали все особенности обучения другому языку при составлении словаря. Включение в него лишь активных и необходимых для общения единиц, разделение их на тематические группы, попытка отразить фонетические законы языка в письме, работа в больших случаях с эквивалентами слов при переводе, подача грамматического материала свидетельствует о богатом лексикографическом опыте авторов данного словаря.

Появление подобных двуязычных словарей объясняется тем, что татарский язык в XIX веке служил функциональным государственным языком и языком дипломатии в отношениях русского государства со странами Востока. Дипломатические документы, отправленные от имени русского государства в Крым, Турцию, Среднюю Азию, Иран, Индию и Монголию в то время оформлялись на татарском языке. Это послужило одной из главных причин появления двуязычных словарей [3]. Словари, наряду с воплощением в жизнь целей миссионерства играли большую роль и в обучении татар русскому языку. Их появлению на свет способствовали не только цели миссионеров, но и общественные потребности в них.

#### Список литературы:

1. Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период). Москва, 1974. С. 340
2. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Ленинград, 1972. С. 271
3. Yusupova A.Sh Tatar Language Dictionaries of XIX Century as a Unified Historical and Cultural Phenomenon //World Applied Sciences Journal 30 (2): 2014. P.186-190

*Vera Mityagina, Volgograd State University,*

*Professor, Doctor of Philological Sciences,*

*Faculty of Philology and Intercultural Communication*

*Anna Naumova, Volgograd State University,*

*Assistant Lecturer, Faculty of Philology and Intercultural Communication*

## Popular Science Monograph as a Genre of Professional Translators' Discourse

Studies in professional communication belong to an actively developing area of modern knowledge. They focus on grounding basics of professional discourse (PD) theory [1-6], describing types of PD, and developing of PD genres typology [7]. The description of translators' variety of PD is considered to be topical

for two reasons: lack of papers devoted to the specified kind of professional communication, and importance of translation craft in the era of globalization.

Despite numerous publications in professional communication, written genres actualizing translators' speech activity have not been analyzed yet. The system of translators' PD genres like any other kind of PD is determined by the content of activities and contributes to the main goal of translators' discourse – optimization of translation process and its results.

The article aims to identify socio-communicative characteristics of such a widespread genre as popular science monograph. The genre in question represents the culmination of monological communication on problems of translation. Therefore, it seems logical to analyze purpose of communication, statuses and roles of communicants and communicative key.

The monograph «Translation as a Profession», John Benjamins Publishing Company, 2010 by Daniel Gouadec, translation theorist, translator, terminologist, serves as an object for analysis. Popular scientific character of the monograph is manifested in all its genre parameters.

The purpose of the monograph is to familiarize aspiring translators with peculiarities of specialized translation, diversity of practices, situations and environments. Furthermore, the author addresses the book to practising translators who want to be more successful in this field. The main idea of the author is to explain why professional translation is the cornerstone of multilingual multimedia communication.

The book is based on the results of studies, surveys and publications undertaken by the author in French, but published in English – language of professional communication of John Benjamins Publishing Company, the Benjamins Translation Library series. This fact is clearly linked to the focus on diffusion of practical skills and knowledge which the author expresses in concentrated and complex form of monograph.

#### Statuses and roles of communicants

Like all written genres that of monograph is considered to be monologic and includes only one active communicant – author of the text. Despite that fact the pragmatics of addressee – monograph readers – significantly influences description format of theoretical and experimental data understandable to non-specialists as well. Aspiring translators unfamiliar with the details of their profession are considered to be potential addressees of the monograph. However, they formally belong to one class of qualified professionals along with their practicing colleagues. Thus, we state horizontal type of verbal interaction between participants, i.e. equal in status.

#### Communicative key

Phatic communicative key defined as variable emotionally dynamic communication with the purpose to ensure comfortable dialogue of communicants depending on their changing settings [8] is typical of popular science monograph. Phatic communicative key is realized through the use of intentionally colloquial phrases that are not included into academic style: *Should I or shouldn't I? Have I got what it takes to be a translator? Here we go! Beware of pipe dreams! Of time and money; From the village to the globe // Dotcom, dotbiz, and dotnet are homeless, ruthless and heartless: They just do business...* etc. Leading role in forming communicative key belongs to the factors of addressee and addresser. In the first case we are talking about inexperienced colleagues who in playful, colloquial form get advice, thereby confirming that they belong to the professional community, and in the second case – about rather competent experts with whom the translator – member of the same expert community – the author of the monograph imparts his practical experience. Thus, peculiar format of experts' communication is created.

Popular science monograph in translation is a genre aimed at exchange of experience, transfer of professional knowledge to a wide range of colleagues. The maximum program performed under the genre which consists in presenting your own point of view as a successful way of improving the results of translation activities is achieved through creating a text of monograph as a tool for comfortable communicative interaction. The monograph itself represents horizontal type of communication, i.e. collegial peer contact provided by phatic means which aim at successful communicative interaction.

The description of other written genres of professional translators' discourse, as well as development of corresponding classification seem relevant as these issues are still left open in the theory of genres in general and in the theory of genres of professional communication in particular.

#### **References:**

1. Sarangi S. and Roberts C. (eds.) *Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings*. Berlin, 1999

2. Candlin C.N. Research and Practice in Professional Discourse (ed.). Hong Kong, 2002
3. Bhatia V.K. Worlds of Written Discourse. London, 2004
4. Gunnarsson B.-L. Professional Discourse. London, 2009
5. Mitjagina V. Ritualisierte kommunikative Handlungen im institutionellen Diskurs und Probleme der Translation. Nümbrecht, 2011. S. 81-89
6. Бейлинсон Л. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы. Волгоград, 2009
7. Голованова Е. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанры профессиональной коммуникации: соотношение понятий. Челябинск, 2013. – С. 32-35
8. Карасик В. Языковые ключи. Москва, 2009. – С. 304, 306

*Drebet Viktor Vasylovych, National University of Chernovtsy,  
Postdoctoral student, Department of German, General and Comparative Linguistics,  
Chernovtsy, Ukraine*

*Drebet Viktor Wasyljowitsch, Nationale Universität Tscherniwzi,  
Habilitation, Lehrstuhl für germanistische, allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft,  
Tscherniwzi, Ukraine*

## **Transformation of nouns into the sentence structure formation of the contemporary German prose from the point of view of language logicism**

### **Nomen-Transformation in den Strukturbau des Satzes in modernen deutschsprachigen Prosawerken vom Standpunkt des Sprachlogizismus**

**1. Problemstellung.** Bei der Beschäftigung mit den wirkenden Sprachgesetzen müsste offensichtlich die Frage nach dem Prinzip sprachlicher Wechselbeziehungen sowie nach der Logik sprachlicher Konventionen gestellt werden. Anders gesagt, müsste die heutige Sprachwissenschaft bei der Betrachtung funktionaler Besonderheiten eines Sprachzeichens den Logizismus von Zusammenhängen semantischer und syntaktischer Sprachmittel berücksichtigen. In pragmatischer Hinsicht sind diese Zusammenhänge auf die Erzielung bestimmter Sprecher- und Schreiberintentionen in dem Kommunikationsprozess gerichtet. Die Linguisten machen uns darauf aufmerksam, dass mit der fortschreitenden menschlichen Entwicklung und infolge immer tieferer Erkenntnis der außersprachlichen Welt insbesondere die Zahl der Substantive anwächst. Nach Erben lassen sich mehr als zwei Drittel (50-60%) des Gesamtwortschatzes dieser Wortart zurechnen (vgl. Erben 1972: 124). Diesen Umstand erklärt er damit, dass neue oder neu begriffene Größen „als Träger, Ziel oder Umstand eines Geschehens (Seins) gesehen und „namentlich“ hingestellt werden können“ (ebenda). Durchaus verständlich ist somit ein großes Interesse an der Untersuchung substantivischer Semantik-Natur von verschiedenen Standpunkten und unter verschiedenen Aspekten (siehe z.B. Feng 2003; Ladissow 1983; Mainke 1996; Schippan 1992; Schmidt 1966; Wotjak 1971; Гарипова 1972; Генералова 1973; Кацнельсон 1965; Клычков 1958; Ольшанский 1982; Чернышенко 1987). Im Deutschen wurden die semantischen Rollen von Substantiven mit Berücksichtigung grundlegender kategorialer Kasusbedeutungen untersucht (siehe Helbig 1998; Primus 2012). Immer mehr wird die Notwendigkeit erkannt, die funktionalen Besonderheiten der Nomen-Lexik oder, anders gesagt, die substantivische Realisation auf der syntagmatischen Ebene zu erforschen (siehe z.B. Hölzner 2007). Es ist somit an der Zeit, sich mit den funktionalen Charakteristiken dieser Wortart vom Standpunkt des Sprachlogizismus aus zu beschäftigen. Unseres Erachtens ist das Thema Sprachlogizismus dessen wert, aus der Peripherie linguistischer Untersuchungen ausgezogen zu werden.

**2. Sprachlogizismus.** Seinerzeit begann der deutsch-amerikanische Philosoph und Logiker Rudolf Carnap die Grundsätze formaler Theorie auf formale Sprachregeln zu übertragen. Er stellte Logik und Syntax gegenüber, dementsprechend „soll hier die Auffassung vertreten und durchgeführt werden, dass auch die Logik die Sätze formal zu behandeln hat“ (Carnap 1968: 1-2). Unter logischer Syntax einer Sprache betrachtet unser Autor die Syntax als eine formale Theorie der Sprachformen dieser Sprache, als eine „systematische Aufstellung der formalen Regeln, die für diese Sprache gelten, und die Entwicklung der Konsequenzen aus diesen Regeln“

(Carnap 1968: 2). Unseres Erachtens müsste aber so eine rein formale Satz betrachtung den Aspekt Sprachlogizismus nicht ausschließen, sondern auf die Logik des Semantik-Syntax-Komplexbaus zu übertragen suchen. Die Leistungen der Vertreter formaler Logiker in gebührender Weise würdigend, machen wir uns aber auch darauf aufmerksam, dass sich im Laufe der Zeit bestimmte Sprachgesetze nach einer Logik entwickelt haben, hinter der eine sprachliche Verallgemeinerung der gewonnenen Erfahrungen einer bestimmten menschlichen Sprachgemeinschaft steht. Bei solchen Sachverhalten sollte die Entwicklung von Sprachgesetzen auch als ein Sprachinstrumentarium mit der sich herauskristallisierenden syntaktischen und semantischen Logik aufgefasst werden. Deswegen sind wir der Meinung, dass der sprachliche Logizismus dazu berufen ist, den Satz nicht formal, sondern als einen inhaltlichen Bau von syntaktischen Konstruktionen mit dem hierher integrierten Wortschatz nach der Logik gebildeter Sprachgesetze zu behandeln. In diesem Zusammenhang wäre offensichtlich die Betrachtung des Sprachlogizismus aus der Perspektive der generativen Grammatik folgerichtig. Der amerikanische Philosoph und Linguist Noam Chomsky, einer der Begründer von generativer Grammatik, schrieb seinerzeit folgendes: „Ich möchte annehmen, dass eine Grammatik eine Basis besitzt, die aus einer kategorialen Komponente (welche ich als kontextfreie Grammatik ansetzen will) und einem Lexikon besteht. Das Lexikon besteht aus lexikalischen Eintragungen, die jeweils ein System spezifischer Merkmale darstellen“ (Chomsky 1978: 7). Damit macht der erwähnte Vertreter und Entwickler formaler Sprachen deutlich, dass Basis und Regeln der Aufstellung von lexikalischen Eintragungen die Syntax konstruieren. Gleichzeitig wird in der generativen Grammatik die Meinung über die Phrasenerzeugung nach dem „Kopfprinzip“ vertreten. Kopf einer Phrase bildet einen terminalen Knoten, der seine dominierenden Eigenschaften auf diese Phrase projiziert: „Die Generative Grammatik weist dem Kopf einer Phrase nicht nur eine gewisse strukturelle Machtposition zu, sondern auch „Erzeugerqualitäten“... Dieser Kopf überträgt seine kategorialen Eigenschaften (und auch andere, etwa der Bedeutung) auf die gesamte Phrase, was eben Projektion genannt wird“ (Brandt/Dietrich/Schön 2006: 29 f). Zusammenfassend ließe sich unseres Wissens eine wissenschaftliche These entwickelt werden, dass sich der Sprachlogizismus als eine Perspektive eröffnen sollte, die Generierung von Gedanken und nächstfolgende Transformation der letzt erwähnten in syntaktischen und semantischen Rahmen zu untersuchen, und zwar als eine im Rahmen einer bestimmten Sprache gebildete und funktionierende Logik der Sprachgesetze zu interpretieren suchen.

Somit wäre es in diesem Zusammenhang sinnvoll und berechtigt, die Einbeziehung von Nomen-Lexik beim Generierungsprozess syntaktischer Konstruktionen mit dem verschiedenen Strukturbau zu untersuchen, und zwar mit dem einfachen und zusammengesetzten Satzbau. Diesbezüglich sollte man von der Satzsemantik sprechen, unter welcher „eine sprachliche Konstruktion des Situationsmodells“ zu verstehen sei (Почепцов 1973: 44). Der deutsche Sprachwissenschaftler Peter von Polenz definiert die Satzsemantik 1) als „die Lehre bzw. das System, in der/dem man beschreibt und erklärt, wie sich der Inhalt von Sätzen bzw. seine Teile zum Satzausdruck bzw. seinen Teilen verhalten“ (Polenz 1988: 26-27) und 2) als „Theorie über die Regeln und Operationen, die aus semantischen Konfigurationen syntaktische Oberflächenstrukturen generieren“ (Polenz 1988: 27). Die oben erwähnten Definitionen der Satzsemantik werden durch eine von Hak gegebenen Definition der Situation ergänzt als „eine Gesamtheit von Elementen, die im Bewusstsein des Sprechers in der objektiven Wirklichkeit im Moment des Sprechakts vorhanden sind und auf bestimmte Weise die Selektion der Sprachelemente bei der Bildung der Aussage an sich vorbestimmen“ (Гак 1973: 358). Sich auf eine Situation orientierend, unterscheidet der Forscher direkte Nominationen, d.h. solche semantischen Strukturen, die die Wirklichkeit isomorph wiedergeben, und abgeleitete Nominationen (vgl. Гак 1969: 80-81).

**3. Zielsetzung.** Ausgehend von einer Hierarchie der sprachlichen Bedeutungen auf der paradigmatischen Ebene, setzen wir uns somit in der vorliegenden Arbeit zum Ziel, die Auswahl von Hauptbedeutungen bzw. abgeleiteten Bedeutungen aus dem polysemen substantivischen Potential, sowie die Auswahl der monosemen Substantive bei der Bildung von einfachen und zusammengesetzten Sätzen in modernen deutschsprachigen Prosawerken zu untersuchen. Vom kognitiven Standpunkt aus wird die Frage aufgeworfen, welche Aktivierung des Nomenpotentials aus dem mentalen Lexikon des Menschen bei der Generierung von Sätzen verschiedenen Strukturbau im heutigen Deutschen dominiert (d.h. eines polysemen Potentials in Form von Hauptnominationen bzw. abgeleiteten Nominationen oder eines monosemen Potentials in Form von Substantiven nur mit einer einzigen sprachlichen Bedeutung). Vom Standpunkt des Sprachlogizismus handelt es sich um die Realisation des Nomens oder um die Aktivierung seiner potenziellen Möglichkeiten in einfachen und zusammengesetzten Sätzen. Dieser Sachverhalt ließe sich offensichtlich als Aktivierungsmodell für eine einfache oder zusammengesetzte Inhaltsergänzung bei der Beschreibung von Ereignissen und Situationen, Personen, Gegenständen und Erscheinungen, noch anders gesagt, als Aktivierungsmodell von Hauptbedeutung bzw. abgeleiteter Bedeutung eines zusammengesetzten hierarchischen polysemen Gebilde oder

als Aktivierungsmodell eines einfachen monosemen Gebilde der Nomenlexik im heutigen Deutschen interpretieren.

**4. Auswahl der erklärenden Wörterbücher und Forschungsmaterial.** Bei aller und nicht voll aufhebbarer Subjektivität in der Arbeit von Lexikographen werden die Bedeutungen eines Wortes nicht auf zufällige Art und Weise voneinander abgegrenzt, sondern aufgrund bestimmter Verfahren, welche eine hierarchische Ordnung in der Struktur des Wortes berücksichtigen. In diesem Zusammenhang wäre angebracht, uns auf den in der kognitiven Linguistik vertretenen Gedanken bezüglich eines sogenannten mentalen Lexikons des Menschen zu verweisen: „Die prozessorientierte Forschungsrichtung beschäftigt sich mit dem Vorgang des lexikalischen Zugriffs auf das im LZG (Langzeitgedächtnis) gespeicherte Wissen und untersucht, wie die Wortinformationen beim Sprachbearbeitungsprozess aktiviert und abgerufen werden. Beide Forschungsbereiche haben dabei als gemeinsamen Ausgangspunkt das mentale Lexikon... Das mentale Lexikon ist der Teil des LZG, im dem die Wörter einer Sprache mental repräsentiert sind“ (Schwarz 1996: 84). Von diesem Standpunkt aus sollten logischerweise Schlüsse über die Hierarchie von Bedeutungen polysemen Wortes gezogen und akzeptiert werden. Ralf Nüse demonstriert den Gebrauch der Präposition *auf* in zwei Rahmenausdrücken: 1) *die Amsel auf dem Wegweiser/ auf der Terrasse* ra 2) *die Schrift auf dem Wegweiser/ auf dem Plakat* und schreibt: „Zudem sind beide Bedeutungen auch nicht gleichwertig, vielmehr ist die erste in mehreren Hinsichten vorrangig bzw. zentral: Sie ist diejenige, die einem zuerst einfällt, und sie ist die häufigere; und wenn beide Bedeutungen tatsächlich mit Bezug auf die Vertikale zueinander in Beziehung gesetzt werden, dann ist die erste auch strukturell vorrangig, weil die zweite aus der ersten abgeleitet werden kann, aber nicht die erste aus der zweiten. Kurz: Bei dieser Sorte von Modellen wird der Unterschied von (1) und (2) als einer der Bedeutung der Präposition *auf* betrachtet, und es gibt eine geordnete Folge der verschiedenen Bedeutungen. Aus dieser Sicht handelt es sich um ein ‚Polysemie-Modell‘“ (Nüse 1998: 121). Somit vertreten wir den Standpunkt, dass die Hauptbedeutung, die im kognitiven Polysemie-Modell als erste in struktureller Hinsicht gilt, wird als erste Bedeutung ins Wörterbuch eingetragen, und die nächst folgenden Bedeutungen werden als abgeleitete Bedeutungen eines polysemen Wortes eingetragen. Wir sind aber auch der Tatsache bewusst, dass bei der Erstellung von Wörterbüchern in größerem oder kleinerem Maße der oben erwähnte subjektive Faktor seinen Platz hat. So ein Subjektivismus kann durch Einbeziehung mehrerer lexikographischer Quellen minimiert werden. Zuverlässiger ist diese Prozedur deshalb, weil es eine Möglichkeit gibt, die Wortdefinitionen verschiedener lexikographischer Quellen miteinander zu vergleichen. Für die Lösung der in der vorliegenden Arbeit vor uns stehenden Frage sollten uns die einsprachigen erklärenden Wörterbücher „Duden. Deutsches Universalwörterbuch“ (Duden), „Wahrig Deutsches Wörterbuch“ (Wahrig) und „Digitales Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache“ (DWDS) bestpassend dienen. Als optimale Variante müsste wohl die Übernahme einer Erfahrung sein, wo für die Endergebnisse solche Definitionen gehalten werden, die wenigstens in zwei von drei analysierten Wörterbüchern übereinstimmen würden (siehe dazu Венгринович 2003). Subjektivismus zu minimieren und Interpretation kontextueller Integrierung eines Wortes zu vereinfachen, welches in verschiedenen Wörterbüchern verschiedene Zahl von Bedeutungen haben kann, sollte dabei die von uns vorgeschlagene Möglichkeit geben, Hauptnominationen und abgeleitete Nominationen realisierter Substantive abzugrenzen. Interpretationsprozedur der Endergebnisse wird nicht auf die Auszählung verschiedener Zahl von Wortbedeutungen in drei Wörterbüchern gerichtet, sondern auf die vergleichende Komponentenanalyse und Datengewinnung bezüglich der Hauptnomination als einer Hauptbedeutung, sowie der abgeleiteten Nominations, welche verschiedene Zahl von abgeleiteten Bedeutungen eines Wortes in drei Wörterbüchern umfassen kann. Somit bedeuten Hauptnominations die Realisation der Hauptbedeutung eines Wortes, und abgeleitete Nominations – Realisation der abgeleiteten Bedeutung. Außerdem wird auf der parole-Ebene die Realisation von solchen Nomen ihren Platz haben, welche auf der langue-Ebene monosem sind, weswegen sie die Realisation des monosemen Nomen-Potentials darstellen. Somit wurden nach dem Gesamtauswahl-Verfahren 20 modernen deutschsprachigen Prosawerke je 1000 Substantive zwecks der Analyse realisierten Nomen-Potentials in kontextuellen Rahmen der einfachen und zusammengesetzten Sätze entnommen. Dementsprechend beträgt die Gesamtzahl 20000 Substantive.

**5. Forschungsverfahren.** In der vorliegenden Arbeit gehen wir davon aus, dass in der Wissenschaft relevant ist, nicht nur gewisse Zahlencharakteristiken eines Untersuchungsgegenstandes zu gewinnen, sondern auch mithilfe besonderer statistischer Verfahren die Zuverlässigkeit statistischer Resultate festzustellen. Mithilfe des  $\chi^2$ -Tests (Chi-Quadrat-Test) setzen wir uns zum Ziel, das Vorhandensein oder Fehlen der Zusammenhänge zwischen Realisationen eines bestimmten Nominationsstyps der Substantive und dem jeweiligen Strukturbaue des Satzes in Prosawerken zu ermitteln, und mithilfe des Tschuprows Kontingenzkoeffizienten K setzen wir uns zum

Ziel, noch das Maß dieses Zusammenhangs zwischen untersuchten Größen festzustellen (detaillierter über Chi-Quadrat-Test und Kontingenzkoeffizienten siehe Левицкий 2006: 120-125).

**6. Nomen-Transformation in den Strukturbau der Sätze.** Untersuchung der Nomen-Realisation beim Generieren substantivischen Inhalts einfacher und zusammengesetzter Sätze in modernen deutschsprachigen Prosawerken haben folgendes erwiesen:

a) die erste, zahlenmäßig vielfach größere Gruppe ist mit den Nomen-Realisationen in zusammengesetzten Sätzen deutschsprachiger Prosa vertreten. Zur Veranschaulichung wird ein Beispiel kontextueller Nomen-Integrierung in den Satz mit einem zusammengesetzten Strukturbau angeführt. Für die realisierten Nominationsstypen geben wir nur diejenigen Erklärungen, die wenigstens in zwei von drei analysierten Wörterbüchern übereinstimmen und somit für die Endergebnisse der Nomen-Definitionen gehalten werden:

1) „Blitzschnell durchfuhr es ihn: die Worte bedeuteten das Ende seiner Freiheit, den Abschluss seiner Studienzeit, die Aufnahme in den Orden und seine baldige Einreihung in die Hierarchie“ (Hesse, Das Glasperlenspiel: 118).

Die Wortdefinitionen zeigen, dass in dem oben angeführten zusammengesetzten Satz pluralisches Substantiv *Worte* die Realisation einer abgeleiteten sprachlichen Wortbedeutung demonstriert und somit eine abgeleitete Nomination präsentiert: **das Wort – 2.** *etw., was man als Ausdruck seiner Gedanken, Gefühle o.Ä. zusammenhängend äußert; Äußerung* (Duden); **das Wort – 2.** *mündlich oder schriftlich formulierte, sinnvolle Äußerung, Bemerkung* (DWDS). Das Substantiv *Ende* demonstriert die Realisation seiner Hauptbedeutung bzw. seiner ersten Wortbedeutung (langue-Ebene) und funktioniert als Hauptnomination: **das Ende – 1.** *Schluss, Ausgang (einer Angelegenheit), Abschluss, Aufhören, Ort od. Zeitpunkt, an dem es nicht mehr weitergeht* (Wahrig); **das Ende – 1.b)** *Zeitpunkt, an dem etw. aufhört; letztes Stadium* (Duden); **das Ende – 1.b)** *letzter Zeitpunkt, letztes Stadium eines Geschehens* (DWDS). Das weitere Substantiv *Freiheit* erfüllt auch die Rolle einer Hauptnomination: **die Freiheit – 1.** *Zustand, in dem jmd. von bestimmten persönlichen od. gesellschaftlichen, als Zwang od. Last empfundenen Bindungen od. Verpflichtungen frei ist u. sich in seinen Entscheidungen o.Ä. nicht [mehr] eingeschränkt fühlt; Unabhängigkeit, Ungebundenheit* (Duden); **die Freiheit – 1.** *Unabhängigkeit von Zwang od. Bevormundung od. Behinderung* (Wahrig). Kontextuelle Integrierung des Substantivs *Abschluss* präsentiert die Realisation dieses Substantivs in seiner abgeleiteten Bedeutung, d.h. in der Rolle einer abgeleiteten Nomination. Dabei wird diese abgeleitete Bedeutung in allen drei Wörterbüchern identisch definiert: **der Abschluss – 2.** *Ende, Beendigung* (DWDS); **der Abschluss – 2.** *Ende, Beendigung* (Wahrig); **der Abschluss – 3.a.** *Ende, Beendigung* (Duden). Das nächste Substantiv *Studienzeit* ist monosem, das heißt, es hat nur eine Bedeutung auf der langue-Ebene und stellt somit die Realisation seines monosemen Nomenpotentials dar: **die Studienzeit – Zeit, Jahre des Studiums (Duden); **die Studienzeit – Zeit des Studiums (an einer Hochschule)** (Wahrig). Das Substantiv *Aufnahme* präsentiert eine abgeleitete Nomination: **die Aufnahme – 3.** *Zulassung zum Beitritt in eine Gemeinschaft* (DWDS); **die Aufnahme – 3.** *das Aufnehmen; Erteilung der Mitgliedschaft* (Duden). Das weitere Nomen *Orden* wird als Hauptnomination realisiert: **der Orden – 1.** *[klösterliche] Gemeinschaft, deren Mitglieder nach Leistung bestimmter Gelübde unter einem gemeinsamen Oberen bzw. einer gemeinsamen Oberin u. nach bestimmten Vorschriften leben* (Duden); **der Orden – 1.** *relig. od. weltl. Gemeinschaft, die nach bestimmten Regeln lebt u. (bei geistlichen Orden) bestimmte Gelübde abgelegt hat* (Wahrig). Das Substantiv *Einreihung* demonstriert die Realisation seines monosemen Potentials. In allen drei Wörterbüchern wird es ableitend vom Verb *einreihen* definiert: **die Einreihung – in einer Reihe, in einen gegliederten Zusammenhang an die richtige Position einordnen** (Wahrig); **die Einreihung – b)** *in eine Reihe, Ordnung eingliedern; einer Gruppe zuordnen* (Duden); **die Einreihung – etw., jmdn., sich in einer Reihe, Gruppe einordnen** (DWDS). Das Substantiv *Hierarchie* schließt den nominalen Inhalt des oben angeführten zusammengesetzten Satz mit seinem monosemen Potential ab: **die Hierarchie – a)** *[pyramidenförmige] Rangfolge, Rangordnung* (Duden); **die Hierarchie – Rang-, Stufenfolge, Rangordnung, Aufbau in verschiedenen Stufen** (Wahrig). Es verdient darauf aufmerksam zu machen, dass der substantivische Inhalt in diesem zusammengesetzten Satz mit allen drei Nominationsstypen generiert wird: je drei Substantive funktionieren in der Rolle von Hauptnominations und abgeleiteten Nominations und noch drei treten als monosemes Nomenpotential auf. Im Allgemeinen aber demonstriert die Entfaltung gegebenen Satzes mit dem zusammengesetzten Strukturbau eine Dominanz der Gedankentransformation in das Polysemie-Modell, in dem Hauptnominations und abgeleitete Nominations beim entsprechenden nominalen Inhaltsausdruck in der Prosasprache gleichermaßen aktiviert werden.**

Somit repräsentieren die Nomen-Realisationen in zusammengesetzten Sätzen der untersuchten deutschsprachigen Prosa die zahlenstärkste Gruppe. Insgesamt wurden 14888 Realisationen festgestellt, davon gehören 6997 Fälle zur Hauptnomination, 4882 Fälle gehören zur Realisation monosemer Substantive und 3009 – zur Realisation abgeleiteter Nominationen. Wir sehen, dass in den Fällen mit dem Polysemie-Modell die Aktualisierung der Hauptbedeutungen gegenüber den abgeleiteten dominiert, zugleich aber auch die Aktualisierung des Monosemie-Modells in quantitativer Hinsicht die Realisationen von abgeleiteten Bedeutungen der polysemen Substantive überwiegt. Somit erfolgt die Reduzierung des substantivischen Gebrauchs in solcher Reihenfolge: 1) Hauptnomination – 2) mono – 3) abgeleitete Nomination.

Demgemäß wurde in der vorliegenden Arbeit zur Ermittlung des Vorhandenseins oder des Fehlens eines statistisch relevanten Zusammenhangs zwischen realisierten Nominationstypen der Substantive und dem jeweiligen Strukturbau des Satzes in Prosawerken der oben erwähnte  $\chi^2$ -Test (Chi-Quadrat-Test) verwendet, und zur Ermittlung des Maßes der Zusammenhänge zwischen untersuchten Größen – der gleichfalls erwähnte Kontingenzquotient K. Da die Untersuchung der realisierten Nominationstypen auf der parole-Ebene in unserem Fall die Einbeziehung der Substantive voraussetzt, die auf der langue-Ebene entweder polysem (mit zwei und mehr Bedeutungen), oder monosem (nur mit einer Bedeutung) sind, sollte man vor der unmittelbaren Analyse ermittelter statistischer Resultate die universale quantitativ-systematische Polysemie-Charakteristik natürlicher Sprachen erwähnen. In diesem Zusammenhang wurde festgestellt, dass der semantische Umfang des Wortes und die Zahl der Wörter mit dem gegebenen semantischen Umfang im Wörterbuch miteinander korrelieren: den größten Teil bilden im Wörterbuch die Wörter mit einer Bedeutung, danach in der Reduzierungsreihenfolge – die mit zwei, drei und mehr Bedeutungen (Тулдава 1987: 134). Ausgehend von diesem Sachverhalt, erweist es sich unseres Erachtens als gerechtfertigt und rational, die ermittelten statistischen Größen als lineare oder nichtlineare Entfaltung der substantivischen Realisationen mit bestimmtem Nominationstyp beim Generierungsprozess der Sätze mit einfachem und zusammengesetztem Strukturbau zu interpretieren. Als lineare Entfaltung bezeichnen wir den Prozess einer linearen Reduzierung oder Vergrößerung der realisierten Wörter mit verschiedenem semantischem Umfang (wenn die empirischen Größen den theoretisch erwarteten entsprechen), und als nichtlineare Entfaltung bezeichnen wir den Prozess einer nichtlinearen Reduzierung oder Vergrößerung der realisierten Wörter mit verschiedenem semantischen Umfang (wenn die empirischen Größen den theoretisch erwarteten nicht entsprechen). Der minimale relevante Chi-Quadrat-Wert bei der Anzahl der Freiheitsgrade  $df=1$  und bei  $P=0,05$  beträgt in unserem Fall  $\chi^2=3,84$ . Der Kontingenzquotienten K schwankt zwischen 0 und 1 (detaillierter dazu siehe Левицкий 2006: 120 ff., 137 f.).

Somit weist die erste viel zahlenstärkere Gruppe der Nomen-Realisationen in zusammengesetzten Sätzen deutschsprachiger Prosa einen statistisch relevanten Zusammenhang der Hauptnomination und des monosemen Nomenpotentials auf, wobei für die abgeleitete Nomination kein statistisch relevanter Zusammenhang mit diesem Satzbau festgestellt wurde (für 6997 Hauptnominationen  $\chi^2=159,35$ ,  $K=0,06$ , für 3009 abgeleitete Nominationen  $\chi^2=1,64$ ;  $K=0,006$ , und für 4882 monoseme Substantive  $\chi^2=141,64$ ;  $K=0,06$ ). Da die ermittelten empirischen Größen von den substantivischen Hauptnominationen und dem monosemen Nomen-Potential die theoretisch erwartete Größe (3,84) in hohem Grade überschreiten, stellen wir in dieser Gruppe eine nichtlinear starke Entfaltung von Nomen-Realisationen wie beim Prozess der Gedakentransformation ins substantivische Polysemie-Modell mit der Aktivierung der Hauptnominationen, als auch beim Prozess der Gedakentransformation ins substantivische Monosemie-Modell fest. Somit lässt sich eine statistisch bestätigte Relevanz von substantivischen Hauptnominationen und dem monosemen Nomen-Potential beim entsprechenden Inhaltsgenerieren in den zusammengesetzten Sätzen deutschsprachiger Prosa beobachten, wobei aber die Aktivierung des Polysemie-Modells stärker als die des Monosemie-Modells ist. Vom Standpunkt des Sprachlogizismus erlauben wir uns folglich davon zu sprechen, dass die Komplexität des syntaktischen Satzbaus mit Verwendung vom semantischen Umfang der substantivischen Hauptnominationen sowie dem der monosemen Substantive in den deutschsprachigen Prosawerken vereinfacht und verdeutlicht wird;

b) die zweite, zahlenmäßig vielfach kleinere Gruppe ist folglich mit den Nomen-Realisationen in einfachen Sätzen deutschsprachiger Prosa vertreten. Zur Veranschaulichung wird ein Beispiel kontextueller Nomen-Integrierung in den Satz mit einem einfachen Strukturbau angeführt:

2) „Die Glocken der Altstadt bronzierten wie immer gegen acht Uhr den Himmel“ (Grass, Die Blechtrommel: 281).

Der substantivische Inhalt des gegebenen Satzes wird zuerst mit dem pluralischen Substantiv *Glocken* in seiner Hauptbedeutung, d.h. also als Hauptnomination entfaltet: **die Glocke – 1.a) aus Metall bestehender, in**

der Form einem umgedrehten Kelch ähnlicher, nach unten offener, hohler Gegenstand, der durch einen im Innern befestigten Klöppel zum Klingen gebracht wird (Duden); **die Glocke** – 1. kegelähnlicher, geschweifeter, unten offener u. nach außen aufgebogener Schallkörper mit einem Klöppel im Innern, dessen Anschlag an der Wandung einen Ton verursacht (in kleiner Form als Klingel) (Wahrig); **die Glocke** – 1. Gegenstand aus Metall in der Form eines umgekehrten Bechers mit einem Klöppel zum Läuten (DWDS). Den weiteren substantivischen Satzinhalt entwickelt das monoseme Substantiv **Altstadt**: **die Altstadt** – ältester Teil einer Stadt, historischer Stadtkern (Duden); **die Altstadt** – ältester Teil einer Stadt (Wahrig); **die Altstadt** – ältester Teil einer Stadt, Stadtkern (DWDS). Danach realisieren sich die inhaltlichen Charakteristiken des Substantivs **Uhr** in der Rolle einer abgeleiteten Nomination: **die Uhr** – 2. bestimmte Stunde der Uhrzeit (Duden); **die Uhr** – 3. Uhrzeit, Zeitangabe (Wahrig); **die Uhr** – 2. Uhrzeit (DWDS). Der nominale Inhalt des Satzes wird mit dem Substantiv **Himmel** in seiner ersten Bedeutung also als Hauptnomination abgeschlossen. **der Himmel** – 1. scheinbar über dem Horizont liegendes, halbkugelähnliches Gewölbe (an dem die Gestirne erscheinen) (Duden); **der Himmel** – 1. scheinbare Halbkugel über der Erde mit den Gestirnen (Wahrig); **der Himmel** – 1. scheinbare, hohle Halbkugel über der Erde, Himmelsgewölbe (DWDS).

Somit wird der substantivische Inhalt gegebenen Satzes mit allen drei Nominationstypen generiert: zwei Substantive realisieren sich als Hauptnominationen, zwei – als abgeleitete Nominationen, und ein Substantiv realisiert sein monosemes sprachliches Potential. Im Allgemeinen demonstriert die Entfaltung des angeführten Satzes mit dem einfachen Strukturbau eine Dominanz der Gedakentrasformation in das Polysemie-Modell mit überwiegender Aktivierung der Hauptnominationen gegenüber den abgeleiteten, aber das Monosemie-Modell wird mit der abgeleiteten Nomination beim entsprechenden nominalen Inhaltsausdruck in der Prosasprache gleichermaßen aktiviert.

Somit ist die zweite viel zahlenschwächere Gruppe mit Nomen-Realisationen in den einfachen Sätzen deutschsprachiger Prosa vertreten. Insgesamt wurden 5112 Realisationen festgestellt, davon gehören 2428 Fälle zur Hauptnomination, 1703 Fälle gehören zur Realisation monosemer Substantive und 989 – zur Realisation abgeleiteter Nominationen. Wie in der ersten Gruppe substantivischer Realisationen in den zusammengesetzten Sätzen beobachten wir auch der Gruppe substantivischer Realisationen in den einfachen Sätzen, dass in den Fällen mit dem Polysemie-Modell die Aktualisierung der Hauptbedeutungen gegenüber den abgeleiteten zahlenmäßig dominiert, zugleich aber auch die Aktualisierung des Monosemie-Modells in quantitativer Hinsicht die Realisationen von abgeleiteten Bedeutungen der polysemen Substantive überwiegt. Somit erfolgt die Reduzierung des substantivischen Gebrauchs in solcher Reihenfolge: 1) Hauptnomination – 2) mono – 3) abgeleitete Nomination.

Die entsprechenden Berechnungen nach dem  $\chi^2$ -Test (Chi-Quadrat-Test) und dem Kontingenzkoeffizienten K weisen in der zweiten zahlenschwächeren Gruppe substantivischer Realisationen in den einfachen Sätzen einen statistisch relevanten Zusammenhang zwischen allen drei Nominationstypen und diesem Satzbau auf (für 2428 Hauptnominationen  $\chi^2=49,65$ ;  $K=0,03$ , für 981 abgeleitete Nominationen  $\chi^2=6,61$ ;  $K=0,01$ , und für 1703 monoseme Substantive  $\chi^2=25,87$ ;  $K=0,02$ ). Im Unterschied zu der Gruppe von Nomen-Realisationen in den zusammengesetzten Sätzen, wo für die abgeleiteten Nominationen kein statistisch relevanter Zusammenhang festgestellt wurde, beobachten wir schon somit in dieser viel zahlenschwächeren Gruppe substantivischer Realisationen den Zusammenhang für alle Nominationstypen. Da die ermittelten empirischen Größen von den substantivischen Hauptnominationen und dem monosemen Nomen-Potential die theoretisch erwartete Größe (3,84) vielfach überschreiten, stellen wir in dieser Gruppe eine starke Entfaltung von Nomen-Realisationen wie beim Prozess der Gedakentrasformation ins substantivische Polysemie-Modell mit der Aktivierung der Hauptnominationen, als auch beim Prozess der Gedakentrasformation ins substantivische Monosemie-Modell fest. Eine lineare Reduzierung empirischer Größen demonstrieren Nomen-Realisationen beim Prozess der Gedakentrasformation ins substantivische Polysemie-Modell mit der Aktivierung abgeleiteter Nominationen. Somit lässt sich allgemein eine statistisch bestätigte Relevanz sowie des Polysemie- als auch des Monosemie-Modells beim entsprechenden Inhaltsgenerieren in den einfachen Sätzen deutschsprachiger Prosa beobachten.

Vom Standpunkt des Sprachlogizismus sprechen wir davon, dass die Sätze mit dem einfachen Strukturbau beim Generierungsprozess der Substantive eventuelle inhaltliche Komponenten der anders strukturierten zusammengesetzten Sätze komprimieren und kondensieren. Dass heißt, dass einfache Sätze die Explizitheit der hypotaktischen und parataktischen Satzstrukturen durch Kondensiertheit semantischen Umfangs monosemer Substantive gewissermaßen verschleiern. Andererseits aber wird die Implizitheit inhaltlicher Komponenten in den einfachen Sätzen der Prosawerke – um nicht „zwischen den Zeilen gelesen zu werden“ – durch den kleineren, anfänglich nicht zu tief gehenden semantischen Umfang der Hauptbedeutungen bzw.



Hauptnominierungen der realisierten polysemen Substantive ausgeglichen. Statistisch festgestellter Zusammenhang zwischen dem einfachen Satzbaustruktur und den abgeleiteten Nominierungen spricht zugleich auch für die Relevanz einer tiefer gehenden semantischen Transformation nominalen Inhalts. Das spricht dem Prinzip der Sprachökonomie zugunsten. In unserem Fall interpretieren wir somit als theoretisch relevant, begrenzte Zahl der polysemen Substantive aus dem mentalen Lexikon des Menschen für die Bezeichnung einer viel größeren Zahl von Realien in der extralinguistischen Welt zu aktivieren, welche letzte sich in den einfachen Sätzen deutschsprachiger Prosawerke substantivisch gestalten und entfalten lässt.

Somit konnte anhand der berechneten Größen mit statistisch relevanten Werten die Aktualität der Nomen-Realisierungen im Zusammenhang mit bestimmter Satzstruktur und Nominierungstypen für die substantivische Bezeichnung der Inhalte in modernen deutschsprachigen Prosatexten belegt werden.

**Weitere Forschungsperspektiven.** Selbstverständlich haben unsere Zusammenfassungen keinen Anspruch auf ein endgültiges Ergebnis, vielmehr geben sie einen Anstoß zu weiteren und tieferen Untersuchungen der Zusammenhänge zwischen der Gedankentransformation ins bestimmte Wortmodell und der Bildung verschieden strukturierter Sätze. Das ermöglicht das ganzheitliche Bild von der modernen Satzgenerierung mit dem nominalen Inhalt zu machen und mithilfe statistischer Berechnungen den Sprachlogizismus in der deutschen Sprache neu aufzufassen und zu interpretieren.

### LITERATURVERZEICHNIS

1. Erben Jh. Abriß der deutschen Grammatik. – 2., neub. Auflage. – München : Max Hueber Verlag, 1972. – 392 S.
2. Feng X. Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2003. – 301 S.
3. Ladissow A. Konnotation in der nominalen Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache // Entwicklungen der Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Berlin : Akademie der Wissenschaften der DDR, 1983. – S. 21-48.
4. Mainke E. Das Substantiv in der deutschen Gegenwartssprache. – Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 1996. – 496 S.
5. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1992. – S. 122. – 306 S.
6. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. – Berlin : Akademie-Verlag, 1966. – 130 S.
7. Wotjak G. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung. – Berlin : Akademie-Verlag, 1971. – 343 S.
8. Гарипова Н. Д. К типологии смысловых структур существительных в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. – С. 54-71.
9. Генералова Л. К. К вопросу о структуре значений имен существительных // Сборник научных трудов Московского пед. ин-та. – 1973. – №71. – С. 43-50.
10. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.-Л. : Наука, 1965. – 110 с.
11. Клычков Г. С. Специфика семантических изменений в различных частях речи // Вестник МГУ: историко-филологическая сер. – М., 1958. – №2. – С. 41-51.
12. Олшанский И. Г. Полисемия существительных в языке и речи. – М. : Высшая школа, 1982. – 149 с.
13. Чернышенко Н. Н. Факторы, влияющие на употребление падежных форм в современном немецком языке : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки». – Одесса, 1987. – 25 с.
14. Helbig G. Oberflächen- und Tiefenkasus. Zum Problem der Bedeutung der Kasus // Kasus im Deutschen: Form und Inhalt. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 1998. – S. 1-13.
15. Primus B. Semantische Rollen. – Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 2012. – 99 S.
16. Hölzner M. Substantivvalenz. – Tübingen : Niemeyer, 2007. – 352 S.
17. Carnap R. Logische Syntax der Sprache. – Wien – New-York : Springer-Verlag, 1968. – 274 S.
18. Chomsky N. Studien zur Fragen der Semantik. – Dt. Erstausgabe. – Frankfurt/M., Berlin, Wien: Ulstein Buch, 1978. – 205 S.
19. Brandt P., Dietrich R.-A., Schön G. Sprachwissenschaft. – 2. Aufl. – Köln, Weimar, Wien : Böhlau Verlag, 2006. – 329 S.
20. Почепцов Г. Г. Про семантичні плани речення // Мовознавство. – 1973. – №5. – С. 44 – 46.

21. Polenz P. Deutsche Satzsemantik. – 2., durchges. Aufl. – Berlin-New York : Walter de Gruyter, 1988. – 389 S.
22. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1973. – С. 349-373.
23. Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 77-85.
24. Schwarz Monika. Einführung in die Kognitive Linguistik. – 2. überarb. Aufl. – Tübingen und Basel: Francke Verlag, 1996. – 238 S.
25. Nüse R. Lexikalische Semantik als Psycholinguistik: Ein Experiment zum Polysemie/Monosemie-Problem bei Präpositionen // Lexikalische Semantik aus kognitiver Sicht: Perspektiven im Spannungsfeld linguistischer und psychologischer Modellierungen. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1998. – S. 119-139.
26. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [CD-Rom] / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion [Red.: Kathrin Kunkel-Razum ... Bearbeiter d. 5. Aufl.: Anette Auberle ...]. – [5., überarb. Auflage.]. – Mannheim [u.a.] : Dudenverlag, 2003.
27. Wahrig Deutsches Wörterbuch [CD-Rom] / hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind. – [8., vollst. neu bearb. und aktualisierte Auflage.]. – Gütersloh [u.a.] : Bertelsmann-Lexikon-Inst., 2006.
28. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache [Электронный ресурс] / Hrsg. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften [Red. Alexander Geyken]. – Berlin, 2003. – Режим доступа: <http://www.dwds.de/>.
29. Венгринович А. Залежність між семантикою іменника й кількості синонімів у німецькій мові // Науковий вісник Чернівецького університету. Германська філологія. – Чернівці, 2003. – № 168. – С. 23-31.
30. Левицкий В. В. Семасиология. – Винница : Нова Книга, 2006. – 512 с.
31. Hesse H. Das Glasperlenspiel. – Санкт-Петербург : Каро, 2006. – 478 S.
32. Тулдава Ю. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. – Талин : Валгус, 1987. – 204 с.
33. Grass G. Die Blechtrommel. – 15. Auflage. – München: Deutsches Taschenbuch Verlag, 2005. – 779 S.

*Lozenko Victoria, Kharkov national university of medicine,  
Latin language teacher, the V faculty of medicine,*

## **The literary specificity of the concept “island” in the play «The Simpleton of the Unexpected Isles» by B. Shaw**

*Лозенко Виктория, Харьковский национальный медицинский университет,  
Преподаватель латинского языка, V медицинский факультет*

### **Художественная специфика концепта острова в драме «Простак с Нежданных островов» Б. Шоу**

Концепт острова — один из ключевых концептов английской литературы. Это связано с менталитетом английской нации. Концепт острова широко представлен в произведениях английской литературы: «Плавание Брана» (VII—VIII ст.), «Утопия» (1516) Т. Мора, «Буря» (1611) У. Шекспира, «Новая Атлантида» (1623) Ф. Бэкона, «Робинзон Крузо» (1719) Д. Дефо, «Приключения Гулливера» (1726) Дж. Свифта, «Коралловый остров» (1857) Р. М. Баллантайна, «Остров сокровищ» (1883) Р. Л. Стивенсона, «Фрейя Семи островов» (1912), «Победа» (1915) Дж. Конрада, «Остров доктора Моро» (1896), «Мистер Блетсуорси на острове Ремполь» (1928) Г. Уэллса, «Остров фарисеев» (1904) Дж. Голсуорси, «Простак с Нежданных островов» (1934) Б. Шоу, «Луна и грош» (1919) У. С. Моэма, «На

маяк» (1927) В. Вулф, «Повелитель мух» (1954) У. Голдинга, «Остров» (1962) О. Хаксли, «Волхв» (1965) Дж. Фаулза, «Англия, Англия» (1998) Дж. Барнса и др.

Концепт острова исследовался такими учёными, как Г. Казакевич [1], А. Нямцу [2], Ю. Степанов [3], для которых концепт острова — это олицетворение утопии или антиутопии; Дж. Бир [4], У. Палмер [5], Дж. Фаулз [6] считают концепт острова метафорой личности; Ж. Делёз и Ф. Гваттари [7] интерпретируют концепт острова как место приобретения знаний, опыта; для Г. Гачева [8], Е. Тупахиной [9] концепт острова — олицетворение консерватизма британцев.

Объект исследования нашей статьи — драма «Простак с Нежданных островов» Б. Шоу. Цель исследования — выявить художественную специфику концепта острова в драме «Простак с Нежданных островов» Б. Шоу. Выбор темы обусловлен тем, что до сих пор в литературоведении не существует комплексного анализа концепта острова в данной драме. Концепт острова — один из главных концептов английской культуры, в особенности литературы, поэтому целесообразно изучить его в произведениях английской литературы.

Актуальность темы обусловлена тем, что в начале XXI в. повышается интерес к исследованию концептов в художественной литературе.

В драме «Простак с Нежданных островов» Б. Шоу затрагивается проблема цивилизации. Ещё одна из самых известных «островных» драм Б. Шоу — это «Другой остров Джона Булля» (1904). Первоначальное название пьесы — «Правь, Британия», но сатирическая направленность произведения была очень явной, поэтому Б. Шоу изменил название. Детальная характеристика этой пьесы представлена в диссертациях П. Балашова [11], З. Гражданской [12], И. Омарова [13], Н. Портянской [14]. Анализ образа острова в пьесе «Другой остров Джона Булля» подаётся в научно-критическом труде западно-немецкого литературоведа Ф. Деннингхауса «Театральное призвание Бернарда Шоу» [15]. Эта пьеса не является объектом нашего исследования, поэтому можно коротко определить, что в пьесе «Другой остров Джона Булля» освещаются социально-экономические и политические вопросы. Работа Ф. Деннингхауса также исследует образ острова в связи с социальными проблемами. Джон Булль (Джон Бык) — прозвище Англии, другой остров Джона Булля — это Ирландия. Ф. Деннингхаус, И. Омаров, П. Балашов считают, что Англия в этой пьесе воплощает образ захватнического государства, которое использует невежество ирландских фермеров для увеличения своей английской прибыли.

Другая пьеса Б. Шоу, «Простак с Нежданных островов», рассматривается упомянутыми исследователями также только в социальном плане. Одни учёные изучают антиколониальную тему в этой пьесе, а сам остров воплощает деградацию колониальных чиновников (З. Гражданская, И. Омаров); другие учёные исследуют тему дальнейшего бессмысленного существования Запада, удушливую атмосферу социальной и личной жизни, лишённой какого-либо смысла, пути перемен в социально-бытовой жизни Англии (П. Балашов, Ф. Деннингхаус, Н. Портянская). Целью же нашего исследования являются до сих пор не исследованные проблемы — определение роли топоса острова в драме «Простак с Нежданных островов», своеобразии создания персонажей.

Главные герои драмы «Простак с Нежданных островов», Пра и Прола, стремятся создать новую расу людей на живописном острове. Топос острова описывается лексемами с позитивным значением: «The lawn of a stately house on the north coast of a tropical island in the Pacific commands a fine view of the ocean and of a breakwater enclosing a harbor, large enough to accommodate a fleet. <...> the lawn is banked to a higher level and becomes a flower garden, sheltered from the wind by shrubberies. To the west of the flower garden the lawn falls away to the sea, but not to sea level, all that is visible of the port being the top of the lighthouse. There are trees enough in all directions to provide shade everywhere.» [15]. («Лужайка перед красивым домом на северном побережье тропического острова в Тихом океане имеет прекрасный вид на океан, виден мол, который замыкает гавань, достаточно большой, чтобы предоставить приют флоту. <...> лужайка, раскинувшись склоном, переходит в цветник, спрятанный от ветра зарослями кустарника. На запад от цветника лужайка спускается к морю, но она не доходит до пляжа; всё, что видно, — это верхушка маяка. Во всех направлениях растут тенистые деревья.» (здесь и дальше перевод наш — В.Л.). Топос острова, имея позитивные коннотации, передаёт представление о нём как о прекрасном сказочном месте, где воплощается в жизнь мечта главных героев, Пра и Прола, — создать новую цивилизацию людей с идеальной физической формой. Интерпретация роли топоса острова в произведении Б. Шоу приобретает неоднозначный характер: с одной стороны, живописная природа острова символизирует идиллическое место, где осуществляются все мечты. С другой, выделяется мотив краха идиллии (неудача Пра и Прола). Однако в то же время после Судного дня звучит надежда сделать ещё одну попытку основать новую цивилизацию на Нежданных островах.

Так Б. Шоу создаёт парадокс, где мотивы идиллии, мечты и её краха тесно переплетаются между собой, и концепт острова может нести как негативную, так и позитивную идею одновременно.

В контексте островной тематики в драме «Простак с Нежданных островов» Б. Шоу освещается проблема цивилизации. Главные герои пьесы — Хайеринг и сэр Фаруотерс со своими жёнами, Пра и Прола, — создают новый цивилизованный мир на одном из отдалённых тропических островов, подвластных Британской империи. В начале пьесы описывается удушливая атмосфера острова, которая угнетает и деморализует человека, о чём говорит один из чиновников: «A man's a slave here worse than a nigger. Spied on, reported on, checked» («Здесь человек — настоящий раб. За ним шпионят, доносят, преследуют его») [15]. Через какое-то время другой чиновник по имени Уилкс кончает жизнь самоубийством, а дежурный спокойно делает замечание, что это уже пятый за месяц. Ещё один чиновник, Хайеринг, тоже думает о самоубийстве и даже хочет прыгнуть со скалы, но ему мешает жрец Пра. Пра знакомит Хайеринга с Пролой и увлекает его идеей создания нового общества. Позднее к этой идее и воплощения её в жизнь присоединяется молодая туристка (она станет миссис Хайеринг), сэр Фаруотерс и его жена.

Герои руководствуются желанием избавиться от условностей старого цивилизованного общества (светские правила поведения). Но при этом принимают за абсурд общие моральные ценности (верность мужу или жене, моногамия; гармоничное развитие тела и души). Пра и Прола, основатели новой цивилизации, мечтают создать идеальную расу людей, которые будут пренебрегать этикетом и заботиться в первую очередь о физической форме.

В результате смешанных браков на свет появляются две девочки (Майя и Вашти) и два мальчика (Канчин и Джанга), которые, повзрослев, пропагандируют свободную любовь, как и их общие родители. При первой же новости, что Британская империя распадается, на острове устанавливается хаос. Дети новой цивилизации воспринимают падение империи как новую увлекательную игру, пусть даже и жестокую. Дети мечтают немедленно пойти и начать убивать под крики Канчина: «Let us die for something.» («Давайте умрём за что-нибудь») [15]. На упреки родителей, что они не задумываются над своими словами, дети отвечают, что их не научили думать, единственное, что у них есть, — воображение: «Maya. We have no minds. / Vashiti. We have imaginations.» [15] («Майя. У нас нет ума. / Вашти. У нас есть воображение.»)

Именно в это время с небес спускается ангел и провозглашает, что сегодня Судный день в Лондоне и на подвластных Британской империи островах. Появление ангела у Б. Шоу изображается как абсолютно будничное повседневное явление. Герои даже оскорблены тем, что появление ангела происходит без молнии, грома, смещения стихий, — всех тех атрибутов Страшного суда, которыми их пугали с детства. Миссис Хайеринг обиженно заявляет: «<...> but I tell you straight, Mister Angel, I cant feel as if there was anything particular happening, in spite of you and your wings. I've only just had my tea; and I cant feel a bit serious without any preparation or even an organ playing.» [15] («<...> я говорю вам прямо, мистер ангел, я не чувствую, что происходит что-то особенное, не смотря на вас и ваши крылья. Я только что выпила чай; и я не могу заставить себя воспринимать всё это серьёзно, без каких-либо приготовлений, даже без органа!») Ангел иронизирует над героями, предвидя их реакцию на Страшный суд: «I am afraid you will find it very dull.» [15] («Боюсь, что это вам покажется очень скучным.») Парадокс, заложенный в образе ангела, соединение бытового и сакрального, комического и серьёзного, становится выражением кризиса и падения не только Британской империи, но и любой искусственно созданной цивилизации (цивилизация Пра и Прола), в которой смешались понятия иллюзии и реальности. В пьесе до появления ангела такой иллюзией выступает слепая вера в совершенство социального порядка на Нежданных островах. Ангел замечает, что после Страшного суда остаются жить только избранные — те, кто умеет оправдать своё существование. А люди, жизнь которых лишена какого-либо смысла, просто исчезнут. Именно поэтому первыми исчезают Майя, Вашти, Канчин и Джанга, потому что они ничего не умеют создавать, только бесцельно проводят свою жизнь в изобретении новых игр.

В Судный день оценивают плодотворность жизни человека. Пра согласен с ангелом в необходимости Страшного суда, несмотря на то, что исчезают его дети: «Judgment is valuation. Civilizations live by their valuations. If the valuations are false, the civilization perishes as all the ancient ones we know of did. We are not being punished today: we are being valued.» [15] («Суд — это оценка. Цивилизации существуют в соответствии со своими ценностями. Если ценности неправильные, то цивилизация гибнет, как погибли все древние цивилизации, о которых нам известно. Нас сегодня не наказывают, а оценивают.») И дальше добавляет: «The Unexpected Isles are the whole world.» [15]

(«Нежданные острова — это весь мир».) Концепт острова у Б. Шоу затрагивает проблему цивилизации, а метафора «нежданные острова» служит обозначением любой цивилизации. Британская империя — это тоже «нежданные острова», где господствует неожиданный хаос на территориях, недавно абсолютно стабильных в экономической и политической сферах. Концепт острова освещает также бессмысленную жизнь многих англичан (первыми в Судный день исчезают лондонские светские красавицы и врачи-шарлатаны).

Простаком на Нежданных островах становится священник по-имени Идди (уменьш. от «идиот»). Священник сам просит называть его Идди и даёт этому объяснение: «<...> I became the Iddy. Do please call me that. And be kind to me. I am weakminded and lose my head very easily; and I can see that you are all wonderfully clever and strongminded. That is why I could be so happy here. I can take in anything if you will only tell it to me in a gentle hushabyebaby sort of way and call me Iddy.» [15] («<...> я стал Идди. Пожалуйста, называйте же меня так. И будьте добры ко мне. У меня слабый мозг и я легко теряю голову. Я вижу, что вы все чрезвычайно умны и рассудительны. Вот почему я мог бы быть так счастлив здесь. Я могу воспринимать всё что угодно, лишь бы вы рассказали мне это ласково, как ребёнку, и называли меня Идди.») Над Идди смеются, даже пихают ногой, не воспринимают всерьёз его мнение. Идди уверен, что принцип свободной любви на островах — это другой способ прикрыть бессмысленность своего существования. Идди не понимает единичных законов бытия, для него не существует понятия частного, руководствуясь общими категориями о добре и красоте. Слабоумие священника позволяет ему свободно выражать свои мысли. Простые вопросы, сравнения и эпитеты Идди демонстрируют невозможность существования цивилизации, в системе ценностей которой идеальная физическая форма ставится на первое место. Рано или поздно такой способ жизни приведёт к ненависти между близкими людьми: «We all love one another here in a wonderful way: I love Vashti, I love Maya, I love Prola; and they all love me so wonderfully that their three loves are only one love. But it is my belief that some day we'll have to try something else. If we dont we'll come to hate one another.» [15] («Мы здесь все чудесно любим друг друга: я люблю Вашти, я люблю Майю, я люблю Пролу; и они все так чрезвычайно любят меня, что все их три любви — это только одна любовь. Но я уверен, что когда-нибудь нам придётся заняться чем-то другим. Если мы это не сделаем, то мы возненавидим друг друга.»)

Идди обвиняет островитян в том, что они не настоящие, а их чувства фальшивые. Идди скучает по обыкновенной английской деревне, саду, церкви. Судьба Идди читателю неизвестна — огорчённый Идди идёт к морю, и на этом заканчивается какое-либо упоминание о слабоумном священнике. Образ Идди продолжает ряд образов шутов/дураков в мировой литературе: шекспировские шуты, Симплициссимус Гриммельсгаузена, вольтеровский Кандид, князь Мышкин Ф. Достоевского, в какой-то степени Пьер Безухов Л. Толстого, и, наконец, Киган из драмы «Другой остров Джона Булля» Б. Шоу. Идди выражает мысли, высказывает суждения об общих законах мироустройства, которые глубоко сидят в подсознании других героев, но эти герои не хотят признавать правильность суждений Идди (Пра и Пролы). Именно Идди советует Проле как самой рассудительной среди островитян сделать ещё одну попытку создать новый «прекрасный и добрый мир», на что Пролы не обращает внимания, но будет мечтать об этом в конце пьесы: «We must have an ideal of a beautiful and good world. We must believe that to establish that beautiful and good world on earth is the best thing we can do, and the only sort of religion and politics that is worth bothering about.» [15] («Мы должны иметь идеал прекрасного и доброго мира. Мы должны верить в то, что создать такой прекрасный и добрый мир на земле — это лучшее, что мы можем сделать. И это единственный вид религии и политики, о котором стоит беспокоиться.»)

Герои Б. Шоу — идеальны физически, энергичны, но тем не менее у них почти или совсем нет индивидуальных черт, кроме Пра и Пролы, основателей новой цивилизации, и Идди. Хайеринг и сэр Фаруотерс со своими жёнами описываются как эстеты, которых интересует принцип наслаждения и идеальная физическая форма. Майя, Вашти, Канчин и Джанга изображаются абстрагировано, схематически. Они больше похожи на красивых идолов, чем на людей. Эти четверо руководствуются алогичными инстинктами в жизни, их не научили думать, к тому же у них отсутствует какое-либо представление о морали. Образ человека будущего, воплощённый в Майе, Вашти, Канчине и Джанге, формируется по принципу универсализации, стереотипности, парадокса и отрицания одновременно. Эти образы парадоксальны, потому что они должны были воплощать идею Пра и Пролы о совершенной и прекрасной расе будущей цивилизации, а на самом деле являются отражением архаичной первобытной культуры, кровавой и жестокой (алогичное желание

Канчина и других детей убивать и самим умереть). Такой человек не может быть человеком будущего, поэтому дети исчезают первыми в день Страшного Суда. В пьесе Б. Шоу отрицается факт создания новой будущей прекрасной, но не умеющей думать цивилизации. Человек должен уметь думать и оценивать свои поступки. Если этого нет, то попытка создания новой цивилизации приводит к созданию антицивилизации, примитивного сообщества, которое придаёт значение только своим тёмным алогичным влечениям. Позитивная идея человека будущего воплощена в образах Пра, Пролы и Идди. Пра и Прола символизируют физическое совершенство, энергичность, умение владеть собой и управлять островом. На Пра и Проле лежит важная миссия — создать после хаоса упорядоченный гармоничный мир. Идди же передаёт жизненную мудрость, общие законы бытия, напоминает универсальные этические правила, стремится вызвать в героях желание создать прекрасный и добрый новый мир.

Концепт острова определяется как «нежданный», то есть постепенно читателю предоставляются новые характеристики острова, которых не ожидает читатель: вначале драмы остров выступает символом смерти (чиновники кончают жизнь самоубийством), потом остров — это символ развития новой цивилизации, и, наконец, её гибели. Концепт острова сопровождается фреймами «хаос», «беспорядок», а также слотом «надежда» (надежда создать новую цивилизацию).

После анализа концепта острова в драме «Простак с Нежданных островов» можно сделать **вывод**, что одним из важных компонентов концепта острова является топос острова. Топос острова (живописность, широкий простор) воплощает идею идилического локуса — мечта создать новую цивилизацию, новую расу людей, свободных от общественных условностей, метафорическим выражением чего является «прекрасный вид на океан, виден мол, который замыкает гавань, достаточно большой, чтобы предоставить приют флоту» (метафора широкого кругозора представителей будущей расы). Но фатальность этой попытки сменяет семантический спектр топоса острова, который выражает обречённость на неудачу создать цивилизацию искусственным путём. В то же время в конце драмы заложена идея создания ещё одной цивилизации после хаоса, и таким образом топос острова снова приобретает позитивные черты.

Специфика топоса острова является отражением характера героев драмы Б. Шоу: на живописных Нежданных островах действуют активные, способные на поступки герои. Внутренняя сущность героев меняется, обновляется — испытание Судным днём и осознание своих ошибок Пра и Пролой.

В дальнейшем планируется исследовать концепт острова в других «островных» произведениях английской литературы первой половины XX века, в частности рассказе «Заводь» У. С. Мозма, «На маяк» В. Вулф, где наша цель будет состоять в выявлении и исследовании компонентов концепта острова, а также изучении специфики создания персонажей.

### Список литературы

1. Казакевич Г. Кельти: традиційна культура та соціальні інститути. Київ, 2006. — 260 с.
2. Нямцу А. Проблеми традиції та новаторства у світовій літературі. Чернівці, 1998. — 208 с.
3. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. Москва, 2004. — 992 с.
4. Beer G. Virginia Woolf: the common ground. Michigan, 1996. — 183 p.
5. Pulmer W. Fiction of John Fowles: Tradition, art and the loneliness of selfgood. Columbia, 1974. — 113 p.
6. Фаулз Дж. Кротовые норы. Москва, 2002. — 640 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Москва, 1998. — 288 с.
8. Гачев Г. Ментальности народов мира. Москва, 2008. — 544 с.
9. Тупахіна О. Поетика постмодерністської притчі у творчості Джуліана Барнса: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.04 «Література зарубіжних країн». Київ, 2007. — 20 с.
10. Shaw B. The Simpleton of the Unexpected Isles / B. Shaw // Режим доступу до джерела: <http://gutenberg.net.au/ebooks03/0300481h.html> - shaw
11. Балашов П. С. Художественный мир Бернарда Шоу : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки, Австралии». Москва, 1974. — 32 с.
12. Гражданская З. Т. Драматургия Бернарда Шоу : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии». Москва, 1962. — 38 с.

13. Омаров И. Тема борьбы против империализма, захватнических войн и колониализма в творчестве Бернарда Шоу: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Баку, 1966. — 20 с.
14. Портянская Н. Бернард Шоу и ирландская демократическая драма: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.644 «Литература стран Западной Европы и Америки». Москва, 1971. — 19 с.
15. Деннингхаус Ф. Театральное призвание Бернарда Шоу. Москва, 1978. — 326 с.

*Panasenko Katherina, Kherson State University, Postgraduate, the Faculty  
for Translation/Interpretation Studies*

## **The principles of relativity of notions „symbol“, “allegory” and “metaphor”**

*Панасенко Катерина, Херсонський державний університет,  
Аспірант, Факультет перекладознавства*

### **До проблеми співвідношення поняття «символ» із суміжними поняттями «алегорія» та «метафора»**

Прагнення до символічного переосмислення оточуючої дійсності супроводжувало людину з давніх часів і до сьогодні. До спроб трактувань поняття «символ» зверталися свого часу Аристотель, Платон, Емпедокл, середньовічні схоласти, П. Флоренський, К.Г. Юнг, Г.В.Ф. Гегель та інші. Символ виступає одним із центральних понять різних наукових дисциплін: культурології, мистецтвознавства, семіотики, психології, філології, філософії та ін., кожна з яких розглядає символ у специфічному для неї ракурсі, що призводить до величезної кількості тлумачень поняття «символ».

На думку Ю.М. Лотмана, символ може отримувати визначення в залежності від специфіки тієї часткової семіотичної системи, в терміноапараті якої він посідає чільне місце [1, с. 240].

Проблема символу пов'язана з багатьма суміжними категоріями, серед яких «художній образ», «алегорія», «метафора», «знак», «міф», «архетип», «ім'я» та інші. Неоднозначність тлумачення поняття «символ» часто призводить до плутанини у поняттях, їх ототожнення та неувagi до їх відмінних рис. Особливі труднощі пов'язані з неможливістю диференціації понять «символ» та «алегорія», які за час історії свого розвитку розглядалися зокрема як синоніми. Проблемною убачається диференціація понять «символ» та «метафора». У контексті перекладознавчих досліджень актуально вважаємо необхідність відмежування цих понять, які, маючи точки дотику, суттєво відмінні, розуміння та врахування чого відіграє важливу роль при перекладі, особливо художнього тексту, де перекладач має чітко розуміти, що саме перед ним – символ, алегорія чи метафора, і на основі цього розуміння приймати адекватні перекладацькі рішення.

Серед дослідників, у розвідках яких були здійснені спроби диференціації вищезазначених понять, доцільно відмітити М.Ф. Алефиренка, Е. Калера, О.Ф. Лосева, М.О. Новикову, Н. Попову, Ц. Тодорова.

Заявлений ракурс дослідження обумовлює мету статті, яка передбачає дефінітивне зіставлення поняття «символ» з алегорією та метафорою та з'ясування їх найсуттєвіших диференційних рис з лінгвістичної точки зору.

**Символ і алегорія.** Алегорія і символ як літературні засоби з певною функцією усвідомлені вже античною літературою. До VIII ст. ці поняття часто вживались як синоніми, означаючи інакомовне зображення і багатопланове його розуміння [2, с. 138 – 39]. Однак, на межі XVIII-XIX ст. спостерігається протистояння символізованого мислення первісній алегоричній формі вираження, коли окремі спроби теоретичного осмислення алегорії виявлялись марними, що свідчило про глибину антагонізму поглядів щодо можливості/неможливості ототожнення цих понять [3, с. 165]. Це протиставлення протрималось до XIX ст. і набуло апогею у критиці символістів. Підхопивши ідею про символ як поезію, а алегорію як

дидактику, розуміння алегорії як схеми й ілюстрації, а символу як піднесеної поезії постає загальним місцем теорії літератури [2, с. 139].

У даній статті ми розглянемо такі визначення символу, які уможливить з'ясування принципової відмінності символу від алегорії та метафори, актуалізація яких, як правило, реалізується насамперед у художньому тексті.

Під символом, услід за І.О.Солодиловою, розуміємо троп, що породжує образ, в якому предметне уявлення служить актуалізації, або символізації абстрактного поняття, яке несе основний сенс, що відрізняється особливою ємністю і неоднозначністю тлумачень [4, с. 31].

Алегорія ж розуміється як один з видів іносказання, в якому конкретний образ є формою розкриття абстрактного поняття, судження [5, с. 39]. Як алегорія, так і символ мають загальне та одиничне [2], під якими ми і розуміємо поєднання чітко уявного чуттєвого образу та абстрактної ідеї. В алегорії їх поєднання спрямоване тільки на підведення індивідуального під загальне з неодмінним зниженням першого, з повною відмовою розуміти його буквально і з використанням його тільки як ілюстрації, яка може бути замінена будь-якими іншими ілюстраціями. Всі ці ілюстрації, взяті самі по собі, незалежно від їх художнього сенсу, в байці як в особливому жанрі і в алегорії ніколи не приймаються всерйоз і ніколи не мають самостійного значення. Вони зіграли свою ілюстративну роль і після цього зникли.

Ми цілком погоджуємося з думкою О. Лосєва, про те, що, якщо розглядати алегорію через поняття абстрактного та конкретного, або через призму відношень вид/рід, тоді чуттєвий образ у складі алегорії виступає видом, який підпорядкований більш абстрактній ідеї, яка репрезентує рід. Вид підведений під рід, якому й належить вся істотність. Щодо символу, видове явище теж підводиться тут під певну спільність, але воно не гине, не розуміється у переносний спосіб, не зникає з поля зору письменника і читача, воно таке ж реальне, як і спільність, під яку воно підведене [6].

К.Д. Бальмонт висловлює подібну думку, розмірковуючи над символічною поезією та алегорією: в алегорії конкретний зміст є елементом абсолютно підлеглим, оскільки він відіграє службову роль. На відміну від символу, якому притаманне злиття двох смислів, що народжується спонтанно, алегорії властиве насильницьке їх поєднання, викликане певним зовнішнім міркуванням [7]. Отже, обом іпостасям символу притаманна рівнозначність, відношення вид/рід не характеризується такою підпорядкованістю, як у випадку з алегорією, де рід (абстрактна ідея) підпорядковує собі вид (конкретний чуттєвий образ).

Думка О. Лосєва стосовно того, що індивідуальне в алегорії слугує лише ілюстрацією абстрактної ідеї і може бути замінена іншими ілюстраціями, дає підстави визначити алегорію як авторську категорію, на відміну від символу як категорії колективної. Пояснимо свою думку на прикладі байки американського письменника XIX-XX ст. Амброзе Бірса "Wolf and the Lamb": *A Lamb, pursued by a Wolf, fled into the temple. "The priest will catch you and sacrifice you," said the Wolf, "if you remain there." / "It is just as well to be sacrificed by the priest as to be eaten by you," said the Lamb. "My friend," said the Wolf, "it pains me to see you considering so great a question from a purely selfish point of view. It is not just as well for me"* [8, с. 344]. У тексті байки Ягня вступає прикладом алегорії, ілюструючи ідею покірності, яка в інтерпретації автора набуває форми цілковитої байдужості. Автор обирає саме образ Ягня, хоча для вираження цієї ідеї він міг використати інший персонаж. У іншому тексті Ягня може виступати ілюстрацією іншої ідеї, адже лексема *lamb* наділена такими символічними значеннями: "the lamb represents Christ as both suffering and triumphant; it is a sacrificial animal, and may symbolize gentleness, innocence, and purity <...> ; sweetness, forgiveness and meekness" [9].

Символічне значення виникає на основі «живих» асоціацій, тоді як алегоричне значення створюється і розпізнається за заданою схемою. Тому коментарі, пояснення, підписи майже завжди свідчать, що перед нами не символ, але алегорія [10, с. 190]. Подібну думку висловлює С.С. Аверинцев: сенс символу не можна дешифрувати простим зусиллям розуму, в нього треба «вжитися». Саме в цьому полягає принципова відмінність символу від алегорії: зміст символу не існує як певна раціональна формула, яку можна «вкласти» в образ і потім «витягувати» з образу [11, с. 156]. Символ часто підмінюють алегорією, що піддається розгадці через власну однозначність як «мораль байки» [11, с. 159]. Дослідник також зазначає, що за символом пізнають і розуміють один одного «свої», на відміну від алегорії, яку може дешифрувати і «чужий» [11, с. 156]. Ми підтримуємо думку дослідника, оскільки зміст алегорії, як певної моральної настанови, однозначний і його в змозі розпізнати навіть необізнаний читач.



На відміну від алегорії, символ не має прямолінійного, розсудливого значення. Він зберігає емоційні асоціації з широким колом явищ. Символу, на відміну від однозначної алегорії, притаманна невичерпна полісемія. В.І. Іванов, зокрема, зазначає: «Символ тільки тоді є справжнім символом, коли він невичерпний і безмежний у своєму значенні <...>. Він багатолікий, багатозначний і завжди темний в останній глибині» [12, с. 141]. Саме у нероздільності та взаємодії значень символу дослідник вбачає принципову його відмінність від алегорії, зміст якої подільний [12, с. 141]. На семантичну «невловимість» символу вказує також і М.Ф. Алефиренко [10, с. 190].

На підтвердження опозиції «полісемія символу – моносемія алегорії» знову звернемося до байки Амбросе Бірса “Wolf and Lamb” [8, с. 344]. Автор обирає образ Ягня, наділяючи його конотацією виключно покірності та байдужості. Вище було розглянуто символічні значення, якими наділена лексема *lamb*, серед яких покірність (*meekness*) також виділяється. Отже, Ягня у байці актуалізує лише одне із своїх символічних значень.

Як зазначає М. Моклиця, вектор символічного мислення прямує від землі до неба, тоді як алегорія спускається з неба на землю, аби вустах пророків можна було пояснити не надто освіченим людям наочних прикладах складні моральні імперативи [2, с. 139]. Ми розділяємо цю думку і вважаємо, що алегорія завдяки своїй однозначності та наочності є досить ємним та доступним засобом вираження певної ідеї, викриття певного пороку, що характерно для повчальних жанрів (байка, притча). Звісно, функціонування алегорії не звужується рамками цих жанрів, однак, на відміну від символу, алегорії, на наш погляд, властиве більш чітке закріплення за цими жанрами, тому вона більш жанрово детермінована.

**Символ і метафора.** Спроби диференціації і аналізу метафори і символу показують наявність як загальних, так і відмінних рис, на найсуттєвіших з яких ми й зупинимось.

Беручи за основу думку О. П. Квятковського, метафорі можна надати узагальнене визначення, яке передбачає її розуміння як одного з тропів художнього мовлення, в основі якого лежить невиражене порівняння предмета з іншим предметом на основі ознаки, спільної для обох членів, що зіставляються. Метафоричним слово або вираз визначається у разі вживання не в прямому, а у переносному значенні [13, с. 156].

Розглядаючи символ з лінгвістичної точки зору, треба пам'ятати, що одним із шляхів його створення постає процес метафоризації, тобто перенос значення на основі подібності об'єктів, явищ, понять.

Структурна антропологія К. Леві-Строса імплікує висновок про метафоричний зв'язок значень у символі. У світлі цього підходу символ кожного конкретного коду є ланкою в парадигматичному ланцюжку значень, пов'язаних метафоричними відносинами на основі загальних деномінаторів, наприклад, *батько – небо – денне сяєве небо (deiuo) – бог* (загальний деномінатор «запліднює»), *мати – земля – «темна», «чорна» богиня* (загальний деномінатор «народжує») [цит. за 14, с. 179 – 180]. Ці приклади ілюструють, що виникнення символів (у даному випадку небо, земля) обумовлене метафоричним переосмисленням цих понять та їх порівнянням з батьком та матір'ю на основі ознак подібності, якими виступають семи запліднення та народження. Отже, метафора часто стає основою для формування символу, тобто первинним поняттям по відношенню до нього. Разом із тим, метафора, як формально більш ємне утворення, ніж символ, може містити у своєму складі останній. Приміром, у вірші У. Блейка “The Tiger” метафора *fire of eyes* має у своєму складі компонент *fire*, який функціонує як символ [15, с. 31]. Часто метафора виникає на основі символів, наприклад, у тому ж вірші У. Блейка метафора *forests of the night* [15, с. 31] повністю побудована на символах; у вірші Г.У. Лонгфелло “The day is done” метафора *wings of night* [16] також містить компоненти, кожен з яких є символом. У зв'язку з неможливістю визначення первинності/вторинності понять «метафора» і «символ» відносно одне одного, можна зустріти такі терміни, як «метафоричний символ» та «символічна метафора», вживання яких, на наш погляд, є цілком виправданим.

Попри той факт, що метафора, як і символ, можна назвати «шифром», «кодом», який читач має декодувати, для метафори, як і для алегорії, характерна більш «конкретна семантична визначеність» у той час, як символу притаманна полісемія та неоднозначність тлумачень. Метафору зазвичай відносять до конкретного суб'єкта, і це утримує її в межах значень, прямо або побічно пов'язаних з дійсністю (як і у випадку з алегорією). Символ, навпаки, легко долає «земне тяжіння», прагнучи позначити не стільки земне життя, скільки життя вічне. Тому символ часто демонструє невиразні трансцендентні смисли. У метафори інше, більш «земне» завдання, адже вона покликана створити такий образ об'єкта, який би

розкрив його латентну сутність. Метафора поглиблює розуміння реальності, символ відводить нас за її межі [17, с. 25].

На підтвердження думки щодо невичерпності тлумачень символу на противагу можливості адекватного тлумачення метафори звернемося до прикладу метафори *fire of thine eyes* із вірша У. Блейка “The Tiger” [15, с. 31], яка не потребує великих зусиль для інтерпретації. Зрозуміло, що під «*вогнем очей*» розуміється лють Тигра, що актуалізується за допомогою символу *fire*. Якщо цей символ розглядати окремо, не у складі даної метафори, неважко помітити, що він полісемантичний, причому має не лише негативні, але й позитивні конотації: “culture or intellect, passion (lust and anger), any warmth of feeling, even human life itself...” [18, с. 73 – 75]. Цей список можна було б продовжити, але нами були наведені найсуттєвіші символічні значення лексеми *fire*, що засвідчує твердження про багатозначність символу.

М. Ф. Алефиренко стверджує, що як метафора, так і символ, пов’язують два концепти в один, однак метафора, зіставляючи два концепти, нівелює їх відмінні риси, тоді як символ ці відмінності зберігає і, водночас, підкреслює самостійність кожного концепту [10, с. 189].

Важливою рисою, яка відрізняє метафору від символу, можна вважати індивідуально-авторську природу першої (якщо не йдеться про концептуальну метафору, яка належить до засобів репрезентації концептосфери певної культури) та колективний характер другого (звісно, існування індивідуально-авторських символів не заперечується). Слушною у зв’язку з вищезгаданим вважаємо думку М.О. Новикової, яка твердить про стабільність значення символу та тривалість його існування у порівнянні з метафорою [19, с. 12]. Дійсно, символ існує у культурній пам’яті мовного колективу впродовж багатьох століть у той час, коли лише найяскравіші та найоригінальніші метафори здатні стати культурним надбанням.

Проведений дефінітивний та диференційний аналіз символу з поняттям «алегорія» та «метафора» дає підстави дійти наступних висновків.

Найсуттєвішими рисами, які, на наш погляд, відрізняють символ від алегорії, є такі: підпорядкування виду (конкретного чуттєвого образу), роду (абстрактній ідеї) в алегорії та гармонійне співіснування обох іпостасей символу; авторська природа алегорії та колективний характер символу; однозначність алегорії та багатозначність символу; узагальнювальний та трансцендентний характер символу і конкретний та «земний» характер алегорії; тяжіння алегорії до функціонування у повчальних жанрів.

Щодо диференційних ознак між символом та метафорою, найважливішими вважаємо такі: «конкретна семантична визначеність» і однозначність метафори та багатозначність символу; конкретизувальний характер метафори та узагальнювальний і трансцендентний характер символу; авторська природа метафора та колективна природа символу, що обумовлює тривалість існування символу у порівнянні з метафорою; тяжіння до переносного значення метафори та рівноправність значень символу.

Перспективи подальших досліджень убачаємо у лінгвістичному вивченні та визначенні найсуттєвіших ознак, що відрізняють символ від суміжних понять, зокрема міфу та архетипу на матеріалі текстів художнього дискурсу в лінгвістичному та перекладознавчому аспектах.

### Список літератури

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2001. – С. 240.
2. Моклиця М. Алегоричний фрагмент символічної мови Лесі Українки: «Осінь казка». Луцьк, 2010. – Сс. 138 – 139.
3. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М., 2002. – С. 165.
4. Солодилова И.А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла. Оренбург, 2004. – С. 31.
5. Українська Літературна Енциклопедія: в 5 т. К., 1988. – Т. 1. – С. 39.
6. Лосев А. Проблема символа и реалистическое искусство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [royallib.ru/.../losev\\_aleksey/problema\\_simvola\\_i\\_realisticheskoe\\_iskusstvo](http://royallib.ru/.../losev_aleksey/problema_simvola_i_realisticheskoe_iskusstvo).
7. Бальмонт К.Д. Элементарные слова о символической поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [az.lib.ru/b/balxmont\\_k\\_d/text\\_0340.shtml](http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0340.shtml).

8. Bierce A. The Monk and the Hangman's Daughter. Fantastic Fables. New York and Washington, 1911. – P. 344.
9. Online Symbolism Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: [www.umich.edu/~symbolismproject/symbolis...](http://www.umich.edu/~symbolismproject/symbolis...)
10. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. М., 2010. – Сс. 189 – 190.
11. Аверинцев С. С. Символ. К., 2001. – Сс. 156 – 159.
12. Иванов Вяч. И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. – С. 141.
13. Квятковский А.П. Поэтический словарь [Электронный ресурс ]. – Режим доступа: feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-1561.htm.
14. Шелестюк Е.В. О диалектике устойчивости и изменчивости концепта и символа. Челябинск, 2004. – Сс. 179 – 180.
15. Blake W. Poems and prophecies. London, 1991. – P. 31.
16. Longfellow H.W. Poems [Electronic Resource] – Mode of access: [www.poemhunter.com/i/.../pdf/henry\\_wadsworth\\_longfellow](http://www.poemhunter.com/i/.../pdf/henry_wadsworth_longfellow).
17. Теория метафоры. М, 1990. – С. 25.
18. A dictionary of literary symbols: second edition. Cambridge, 2007. – P. 73 – 75.
19. Новикова М.А. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов). Запорожье, 1996. – С. 12.

*Ardelyan Olena, Kirovohrad State Pedagogical University, Ukraine,  
Associate Professor, Candidate of Science in Pedagogy,  
the Faculty of Foreign Languages,*

## **The mechanisms of functioning of proper names as phraseological units' components**

*Арделян Олена, Кіровоградський державний педагогічний університет  
ім. В.Винниченка, доцент, кандидат педагогічних наук,  
факультет іноземних мов,*

### **Про внутрішньосистемні зв'язки фразеологічних одиниць з ономастичним компонентом**

Для мовознавства (загального, порівняльно-типологічного, романського, германського, слов'янського тощо) останнім часом є притаманим швидкий розвиток лінгвістики тексту і словника, в результаті чого «внутрішньолінгвістична типологія тексту» отримує все більш результативне вивчення поряд з розвитком такого теоретичного напрямку, як системно-рівневий аналіз мови [5, с.34].

Так, питання про вивчення власного імені займає науковців з античних часів – з моменту виділення стоїками власних імен в якості самостійного класу слів. Своєрідність власного імені, специфіка його семантики роблять питання про статус власного імені одним, що зазнає найбільш широкого дискусування та обговорення серед питань сучасної лінгвістики. Багато хто з лінгвістів [1, с.142; 2, с.114] вважають власну назву периферійною, «додатковою» частиною словникового складу. Головну різницю між власним ім'ям і загальними назвами (апелятивами) вони вбачають у тому, що власне ім'я не має значення. Власні імена визначаються на підставі індивідуальної знакової умовності, а не на підставі загального значення, тобто головну функцію власних імен вбачають в ідентифікації, вираженні «граничної одиничності» [4, с.227-228]. Всі дослідники – представники даного напрямлення – маніфестують власне ім'я семантично неповноціним [7, с.114-115]. Свої положення вони підкріплюють наступними доводами: власні імена не виражають поняття, оскільки вони, на відміну від загальних назв, не мають ознак предметів, не володіють властивістю узагальнення, що, в свою чергу, зумовлює відсутність у них лексичного значення. Функціональна і мовна своєрідність власного імені обумовлює необхідність розгляду особливостей прояву його семантичної природи на всіх рівнях мови – а також і на

фразеологічному. Як відомо, слова, які зазнали фразеологізації, зазнають складних семантичних зрушень.

Сутність компоненту в сучасній фразеології розуміється не однозначно. Одні науковці вважають компоненти фразеологічних одиниць фразеологічними словами, інші повністю відмовляють їм у семантичності. У зв'язку з цим, уявляється досить актуальним аналіз функціонування у складі фразеологізму власного імені – одиниці, котра позбавлена семантики на рівні мови. Розкриття семантичних трансформацій власного імені – компонента фразеологічної одиниці буде сприяти більш точному визначенню статусу власного імені, а також вирішенню питання про природу слова – компонента фразеологічної одиниці.

На сучасному етапі розвитку мовознавства невирішеність питання про статус власного імені спонукає пошук критеріїв визначення власного імені у дослідженні, його проявів на різних рівнях мови і мовлення, наразі при аналізі функцій власного імені у складі фразеологічної одиниці. Фразеологічна сутність слова, тобто його функціонування у складі фразеологічної одиниці відрізняється від існування того ж слова поза фразеологізмом. У зв'язку з цим уявляється актуальним розгляд особливостей функціонування у складі фразеологічної одиниці такого складного мовного знаку, як власне ім'я. Подібний аналіз може сприяти не тільки розкриттю семантичних трансформацій самого власного імені, але і вирішенню питання про природу слова – компонента фразеологічної одиниці.

Будучи сладовою фразеологічної одиниці, власне ім'я виконує як власне ономастичні (культурно- і соціально-інформативну), так і загальнономовні функції (дейктичну, експресивну, образно-експресивну). Домінуючу роль відіграє культурно-інформативна функція, що підтверджується багатством конотацій даної групи імен, їхньою поліконотативністю, словотвірною та фразетвірною активністю. Другою екстралінгвістичною функцією є соціально-інформативна функція, яка на сучасному етапі обумовлюється не словесною диференціацією гіпокористичних імен, а іншими факторами – ступенем розповсюдження імені, особливостями психолінгвістичного сприйняття його носіями мови і т.п., що зближує актуалізовану у фразеологічній одиниці соціально-інформативну функцію з інтралінгвістичними функціями власного імені.

Одним з розвинутих видів системних відносин, які властиві фразеологічним одиницям, на відміну від структурно-адекватних їм власним іменам у вільному вживанні, є синонімія. Так, деякі фразеологічні одиниці типу, що досліджується, мають лексичні кореляти серед загальних імен («міжривнева» синонімія), наприклад: *Jack Ketch – a hangman, Jack Tar – a sailor, Tommy Atkins – a soldier*. Незважаючи на тотожність предметно-логічного значення кожної пари, між ними немає повної відповідності. Слова *a hangman, a sailor, a soldier* стилістично нейтральні, тоді як фразеологічні одиниці вживаються у фамільярному розмовному мовленні. Переосмислені, вони більш експресивні, ніж слова. Для фразеологічних одиниць з ономастичним компонентом властива також внутрішньогрупова синонімія (поодинокий випадок «внутрішньорівневої» синонімії), що підтверджується існуванням в англійській мові наступних фразеологічних одиниць: *David and Jonathan; Damon and Pythias; Pilades and Orestes*. Всі вони виступають у значенні «нерозлучні друзі». Володіючи понятійною тотожністю, дані фразеологічні одиниці не мають ніяких семантичних розбіжностей. Вони характеризуються стилістичною однорідністю, будучи вжитими як в усному, так і в письмовому мовленні, і здатні замінювати одна одну у всіх конкретних випадках вживання. Будучи рівноцінними у відношенні уживаності, фразеологічні одиниці виявляють всі ознаки абсолютних синонімів.

Накладання будь якої з трьох раніше зазначених фразеологічних одиниць на омонімічне їй вільне сполучення (з власним ім'ям) є наочною ілюстрацією їхньої семантичної несумірності, воно дає нам чітке уявлення про характер розбіжностей між ними. Порівнявши, наприклад, фразеологічну одиницю *David and Jonathan* з вільною сполукою *David and Jonathan*, стає зрозумілим, що семантичні можливості власних імен – компонентів фразеологічних одиниць суворо обмежені. Обидва виступають у тотожному значенні «відданий друг», реалізація якого потребує співвідношення власного імені з іншим іменем у тому ж значенні.

Смисловий зміст власних імен – компонентів вільних сполук незрівнянно багатший. Виконуючи свою безпосередню функцію ідентифікації об'єкта, саме власне ім'я у кожному окремому випадку виступає формою закріплення узагальненої сукупності характерних ознак певної особи. Денотативно реалізовані імена *David and Jonathan*, на відміну від фразеологічної одиниці, викликають уяву лише про якихось конкретних істот чоловічої статі, зовсім не обов'язково пов'язаних узами міцної дружби. Ці доводи справедливі також і у відношенні характеристики семантичних розбіжностей фразеологічної одиниці *Pilades and Orestes*, фразеологічної одиниці *Damon and Pythias* та відповідних їм вільних

сполук. Через індивідуальний характер семантики компонентів останніх, про синонімізацію їх не може бути й мови.

Номінативні тотожність фразеологічних одиниць з власним ім'ям, а також загальність емоційного тону [3, с.109] забезпечують їхню взаємозамінність. Буквалізація значень компонентів фразеологічних одиниць веде до втрати ними фразеологічного статусу. Вільні сполуки *Brother Jonathan* та *Uncle Sam*, не маючи між собою нічого спільного у семантичному плані, десинонімізуються. Емоційно-експресивний момент, який супроводжує предметно-логічне значення адекватних їм фразеологічних одиниць, тут також відсутній. Різновидом «внутрішньорівневої» синонімії є фразеологічні одиниці з корелюючими компонентами – власними іменами. Ними можуть бути «власні імена», які етимологічно представляють собою наступні.

1 Етноніми: *It is Greek to me (you, etc.); It is double Dutch to me (you, etc.)* – китайська грамота, безглуздя, абракадабра, нісенітниця; *I'm a Dutchman if* – «будь я проклятий, якщо», *I'm a Turk if* – провалитися мені на цьому місці, якщо; даю голову на відсіч, що; *to get one's Dutch/Indian/Irish up* – розізлитися, вийти з себе. Цікаво зазначити, що слово *Dutch*, входячи до складу різних стійких зворотів, синонімізується з чотирма етнонімами: *Greek, Indian, Irish, Turk*, що стало можливим внаслідок втрати всіма згаданими власними іменами своєї похідної функціонально-якісної специфіки.

2 Топоніми: *from China to Peru* – від Китаю до Перу; повсюду, скрізь; *from Dan to Beersheba* – від Дана до Вірсавії; повсюди, скрізь.

3 Дні тижня: *When two Sundays come together* – ніколи; *When two Fridays come together* – «після дощу, у четвер».

4 Антропоніми: *Queen Ann is dead; Queen Elizabeth is dead* – відкрив Америку! (як відповідь тому, хто сповіщає стару новину).

Деякі фразеологічні одиниці з корелюючими власними іменами, незважаючи на уявну близькість значень, неможливо визнати синонімами. Наприклад: *(as) old as Methuselah* – старий як Мафусаїл; *(as) old as Adam* – 1) старе як світ; 2) дуже старий, стародавній. Різний характер сполучення перешкоджає їхньому взаємозаміненню. Так, якщо компаративна фразеологічна одиниця *(as) old as Methuselah* вживається стосовно людей, то фразеологізм *(as) old as Adam* вживається для характеристики абстрактного поняття та конкретних речей.

Важливим показником при виявленні диференційних ознак фразеологізованого власного імені є антонімія, відсутність якої у власного імені знов-таки обумовлена його специфікою. Слід зазначити, що серед фразеологічних одиниць з ономастичним компонентом – антонімія – явище доволі рідкісне. Однак, характерним є сам факт протиставлення їхніх компонентів – власних імен. Надбання цієї семантичної властивості власними іменами свідчить про їхнє глибоке якісне переродження та перехід до категорії загальних назв, чи до розряду фразеологізмів.

Повними антонімами є наступні фразеологічні одиниці: *(as) rich as Croesus* – багатий, як Крез, дуже багатий; *(as) poor as Lazarus* – бідний, як Лазар, дуже бідний. На перший погляд здається, що семантична полярність цих фразеологічних одиниць утворюється тільки антонімічністю компонентів-прикметників. Однак, хоча слова *rich* та *poor* існують як самостійні одиниці, надані фразеологічні одиниці зобов'язані своїм існуванням не їм. Це підтверджується існуванням в англійській мові таких слів, як *Croesus* – «багатий» та *Lazarus* – «бідний». У складі фразеологічних одиниць прикметники *rich* та *poor* слугують засобом експлікації однієї з ознак одиничного поняття, що походить від певного денотату (особи). У процесі дезінтеграції одиничного поняття ця ознака зазнає узагальнення і типізації і стає понітійним ядром значення фразеологічної одиниці.

За підсумками проведених досліджень можливо зробити наступні узагальнення.

1 Досліджені фразеологічні одиниці є цікавими перш за все з точки зору вивчення особливого структурного компоненту – власного імені.

2 Власне ім'я – мовна категорія, існування якої обумовлене необхідністю індивідуалізації у багато чому схожих об'єктів реальної дійсності. Головним пунктом всіх протиріч, що виникають при вивченні цього складного явища, є проблема його змістовної інтерпретації.

3 У функціонально-семантичному плані власне ім'я протистоїть як загальній назві, так і фразеологічній одиниці, на тлі яких воно отримує подвійну негативну характеристику за всіма показниками.

4 Фразеологізація власного імені – а разом з нею і розширення його внутрішньосистемних зв'язків – можлива тільки за умови, що воно пориває як із загальним, так і з одиничним значенням, і полягає у подоланні власним ім'ям своєї семантичної замкненості.

5 Перетворення власного імені у складі фразеологізму відбувається шляхом сближення його із загальною назвою. Воно отримує можливість виражати поняття, яке відповідає класу однорідних предметів. «Апеллятивний» характер фразеологізованого власного імені підтверджується як парадигматичними, так і синтагматичними його властивостями.

#### **Список літератури:**

- 1 Бушуй, А.М. Имя собственное как компонент тавтологических комплексов // Вопросы ономастики. I. Труды СамГУ № 214. – Самарканд, 1981. – С.138-146.
- 2 Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction in the Mental Lexicon. – Oxford; New York: Basil Blackwell, 1994. – 290 p.
- 3 Backman, G. Meaning by metaphor: An Exploration of Metaphor with a Metaphoric Reading of Two Short Stories by Steven Crane. – Uppsals: (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Anglistica Upsaliensia; 75), 1991. – 203 p.
- 4 Beans S. Symbolic and Pragmatic Semantics. – Chicago: University of Chicago Press, 2005. – 450 p.
- 5 Bushuy, T.A. Phraseological Equivalention as a Problem of Contrastive Lexicography // Contrastive Linguistics. – Sofia, 1996. – # 1. – P. 30-35.
- 6 Collins, Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary. New edition – London: Harper, 2009. – 1712 p.
- 7 Dunkling, Leslie Alan. First names first. – London: Dent, 2007. – 285 p.

*Galyna Chulanova, Sumy State University*

*Associated professor, PhD, the Department of Germanic Philology*

*Larysa Shchyhlo, Sumy State University*

*Associated professor, PhD, the Department of Germanic Philology*

*Olha Zhulavska, Sumy State University*

*Associated professor, PhD, the Department of Germanic Philology*

*Olena Nazarenko, Sumy State University*

*Teacher, the Department of Germanic Philology*

## **Integration of verbal and non-verbal aspects in blurbs**

The article deals with the integration of verbal and non-verbal signs in blurbs. Particular attention is focused on the non-verbal component of these texts. Structural-semantic and communicative-pragmatic features of blurbs are being analyzed on the empiric material of the English advertising texts.

Advertising genre is one of the way of adding creativity into a verbal advertising set, namely into the advertising text (AT). The term "text" as applied to the sphere of mass communication is used not only for denotation of verbal set of the text, but also acquires the features of extensionality and multidimensionality, including the whole set of extra linguistic meaningful components [9: 6]. AT refers to creolized texts, "the texture of which consists of two non-homogeneous parts", representing the alloy of verbal and non-verbal components. Under the non-verbal components - the main components of "magic of commerce" [11: 213] – we understand non-linguistic means, accompanying verbal communication, such as: font variation (font size, font performance technique, font color performance), graphic substitutes of words, non-font graphic methods, underlining, abnormal writing and using punctuation marks, figurative elements, space-composition resolution.

The object of the article is the creolized blurbs, addressed to the readers of fiction books, the subject is the integrative tendency of verbal and nonverbal means, performing the pragmatic function of influence on the recipient.

Relevance of the topic is objectified by the tendency to profound study of multifunctional features of a short text form, in the paradigm of which blurbs are singled out, and also by the necessity of creation of effective advertising text.

Any arbitrarily taken blurb is perceived as advertising in the unity of its verbal and graphic implementation. Nonverbal means facilitate the perception of information, help to arrange semantic accents,

enhance the connotative content of linguistic component. The language of visual representation is interpreted faster and easier in comparison with verbal language (text) [8: 123]. Depriving the verbal part of the blurb of characteristic graphic signs, photographs, illustrations one thus transforms it into a simple announcement, bringing its effect to a minimum. As a rule, half of the load in the transfer of information falls on the non-verbal aspect of the advertising message.

According to the method of transfer of information, the nonverbal elements are divided into composite and graphic. The font size and shape, its color, especially in contrast with the background, capitalization, underlining, decorative elements (forming frames, ornaments, symbolic notations) are referred to composite elements. Catchy graphic element increases the level of interest of the reader, reports to consumer the creative zest of the advertising. Creative zest - is an "emotional charge, finding echo in the mind of the consumer, something consonant with his worldview, confirmation of rightness, hopes which he cherishes" [2: 64].

Photographs, illustrations, drawings, which validate the verbal message, refer to graphic elements. Photo makes the message pictorially saturated, creating the effect of a living presence. Drawings made by different techniques have their advantages, they can include an exaggeration, grotesque and effects, inaccessible to photos. The involvement of visual elements makes it possible to create a clearer representation of the advertised product. Combining of the text and visual signs dramatically lower the threshold of efforts which are required for the perception of the message.

"Cooperative effect" associated with the interaction of two different types of perception - semantic and aesthetic is created [5: 127]. A recipient, being perfectly ready, allows being captivated emotionally. It is proved in engineering psychology that human reaction to a visual component is stronger than to a word [6: 39], thus the using of graphic elements facilitates the procedure of the perception and decoding blurbs.

While compiling blurbs a copywriter should "see" the text, i.e. think not only how it will be read, but also what it will look like. The usage of the field-proven formula AIDCA (Attention - Interest - Desire - Conviction - Action) significantly helps in the process of development of printed advertising material. If the advertising material doesn't immediately catch the eye, grip our attention, it may be unnoticed. The reader's attention can be caught by appropriate placement of advertising material on the page or with the help of the appropriate size or shape of the text. One investigated AT located on special Internet sites, on the book covers and/or book fly-leaves, i.e. where they cannot be overlooked. It is possible to provide reader's attention, using creative techniques, such as: an appropriate design and typography (under typography we understand the ability to choose the right size and style of font, to combine different styles, to identify proper number of words) [4: 282], together with the use of color and illustrative material. Using the above-listed techniques makes sense on the assumption of potential reader's interest in advertising. However, it's not enough to attract the reader's attention and arouse his interest, one should also make him buy this product, convince that the consumer will be satisfied with it. It may require the facts concerning the quality of the product, its characteristics [4: 273], i.e. verbal component. So, the whole "fusion of verbal and non-verbal components of" AT drives the reader to act.

When creating any AT and blurbs in particular one should take into consideration eight laws of design: 1) the law of integrity; 2) the law of contrast; 3) the law of harmony; 4) the law of equilibrium; 5) the law of rhythm; 6) the law of proportion; 7) the range of colors' law; 8) the law of emphasis. The law of integrity lies in the fact that all the details of the AT must make a whole. The law of integrity demands that all parts of the text should be integrated. The law of contrast lies in the fact that advertising messages cannot be monotonous, colorless. Contrast is provided by means of illustrative material, different size and font style (most suitable: Tahoma, Arial, Helios, Helvetica [1: 275], use of color, capitalization – markers of attraction of the addressee's attention. Capitalization as a pseudo-prosodic means [10: 107], is a graphological expression of voice pitch, logical stress. It is used to highlight the semantic center of discourse, e.g., "*A SPLENDID NOVEL ... AN EPIC LOVE STORY... romance that evolves has an intensity which is rarely found in novels...*" – *The Cork Examiner*; "*FEW WRITERS HAVE MAINTAINED such a high standard of excellence for as long as Dick Francis*"; "*FRANCIS'S THRILLERS HAVE SEVERAL TRADEMARKS: A stalwart hero and a narrative pace that's as fast as a horse you'd like to own.*" – *Christian Science Monitor*. In the above-listed blurbs copywriters have used the capital letters in some words, attracting readers' attention to the extraordinary personality of the author (FEW WRITERS), to the grandeur (A SPLENDID NOVEL) and rare characteristics (SEVERAL TRADEMARKS) of the book. In the following blurbs copywriters use the capital letters, italics and/or black type to attract the reader's attention to the title, e.g., "*MERCY is the sort of book that makes you panic as you near the end – because you don't want it to end. You don't want Theo, Michelle, and Noah to leave your life ... A complex, suspenseful plot.*" – *75s State*; "*The Deep End of the Ocean burns itself into the memory line by line. It is by turns lyrical and startling brilliant! I wish I had written it!*" – *Kaye Gibbons*; "*SIX OF ONE is just as free of*

cant... An exuberant performance.” – *City Paper, Baltimore, Md.* In blurbs separately taken words, which semanticize a vivid characteristic of the book and motivate the reader's choice can also be marked out, e.g., “GRIPPING ... Evans knows how to depict complicated emotions and interactions; he paints a compelling portrait of three people who love each other but can't break through the self-created walls that keep them apart.” – *Chicago Sun-Times*; “SENSATIONAL ... Part love story, part adventure, the book is above all a story of self-knowledge, healing and redemption.” – *Telegraph Magazine*; “LOVE this book. No other book in the entire world can ever replace it.” – *Kid's review*. In the last example the author encourages the reader to love the books as it is one in a million.

Fonts are data bearers of certain connotations, and their variation is a base of graphical heterogeneity [3: 93], e.g., “Funny, provoking, immensely readable. A TRIUMPH!” – *Evening Standart*. Capitalization and style font 'Arial' intensify recipient's attention in the given blurb.

The law of emphasis, according to which "if one emphasizes all, nothing stands out" is associated with the law of contrast [4: 279]. This happens if there are too many capital letters or black type in the text. Thus, in the following blurb the entire text is written with capital letters, e.g., “SPRAWLING ... COMPELLING ... A REAL PAGE-TURNER.” – *San Francisco Chronicle*; “A BOOK OF RARE POWER AND BEAUTY ... EXPECT THIS OUTSTANDING NOVEL TO BE THE TALK OF THE SEASON!” – *Booklist*; “ENGAGING ... INTENSE AND GRIPPING.” – *Houston Chronicle*. These texts contrast with other blurbs located on the cover of the same book.

To attract the recipient's attention, Gary Dahl encourages to use not only font graphic techniques, but also underlined words [2: 75], e.g., “Ordinary People will join Catcher in the Rye and A Separate Peace... Read it for its plotting, its sure sense of character and its wit, and rejoice!” – *The Washington Post Book World*. It can be used to actualize the most important lexical units of the text, implying the sense of "importance" and serving as a means of attracting attention.

The analysis of blurbs shows that the use of graphic substitutes of words, like, e.g., “#1” – “the best”, “\*\*\*\*\*” – “beyond any compliments”, “2 me” – “to me” is relevant for them: “\*\*\*\*\* #1 National Bestseller” – *New Yorker*; “I like it because it is full of suspense and rather adventurous. I'd give it \*\*\*\*\*. That's a masterpiece!” – *George, Rotherham*; “ewwww...i hated this book. it was really uninteresting 2 me. i only finished it cuz it was a skool assignment.” – *Katie*. Graphical symbols convey the emotional state of the addresser, making blurbs unusual, appealing to the addressee.

Trying to capture the reader's attention, the authors of blurbs use "creative" orthography. The repetition of letters within a word visually identifies the given lexeme, increasing its volume, consequently, increasing the fixation of attention, e.g., “This book is the worst I've ever read!!!!!! I didn't even read the end because it was soooooooooo bad!!! Just like a bad nightmare, I thought it would never end!!!!!!!!!!” – *Matt K. Bulmershe*. The repetition of the letter o in a lexeme so is an illustration of the author's emotional state on the graphic level.

Besides extraordinary usage of orthography breaking the rules of punctuation is peculiar to blurbs. In a blurb punctuation helps to transform the intention adequately and perceive and understand the written text better. Emotional load of a blurb is transmitted with the help of means of intensification of emotionality of the text, and in particular exclamation and question marks, omission points. Question mark points out great surprise, e.g., “What will be better than thrillers that will keep you awake??” – *Arizona Daily Start*.

The further comparing study of blurbs, aimed in particular to different target audiences, is perspective. Another promising direction for further work we see in the comparative analysis of blurbs placed on covers and fly-leaves of books and in the Internet in various languages.

#### References:

1. Владимирська А., Владимирський П. Реклама: Навч. посіб. – К.: Кондор, 2009.
2. Дал, Гэри. Реклама для «чайников»: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2003.
3. Дедова О.В. Графическая неоднородность как категория гипертекста // Вест. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. – 2002. - №6.
4. Джефкинс Ф. Реклама: Практ. Посіб.: Пер. з 4-го англ. вид. – К.: Т-во „Знання”, КОО, 2001.
5. Кара-Мурза С.Г. Маніпуляція свідомістю: Навч. посіб. – К.: Оріяни, 2003.
6. Назайкин А.Н. Иллюстрирование рекламы: Одно изображение стоит тысячи слов. – М.: Эксмо, 2005.
7. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. – ООО «Издательство Астрель», 2000.
8. Шуванов В.И. Психология рекламы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
9. Goddard A. The Language of Advertising. – London-New York: Routledge, 1998.



10. Shortis, Tim The Language of ICT: Information and Communication Technology (Intertext). – London: Routledge, 2001.

11. Twitchell, James Twenty Ads That Shook the World: The Century's Most Groundbreaking Advertising and How It Changed Us All. – NY: Three Rivers Press, 2001.

*Koloiz Zhanna Vasylyvna, Kryvyi Rih Pedagogical Institute, State Higher Education Establishment "Kryvyi Rih National University"*  
*Ukrainian department manager, doctor of philological sciences, professor*  
*Lytovchenko Iryna Oleksandrivna, Kryvyi Rih Pedagogical Institute, State Higher Education Establishment "Kryvyi Rih National University"*  
*postgraduate student, the Faculty of Ukrainian Philology*

## Unusual contamination as a linguistic phenomenon

*Колоїз Жанна Василівна, Криворізький педагогічний інститут ДВНЗ "Криворізький національний університет"*  
*завідувач кафедри української мови, доктор філологічних наук, професор*  
*Литовченко Ірина Олександрівна, Криворізький педагогічний інститут ДВНЗ "Криворізький національний університет"*  
*аспірант факультету української філології*

## Неузуальна контамінація як лінгвістичний феномен

Мовний розвиток стимулює передусім безперервна зміна мовних смаків та оцінок, які не завжди збігаються з традиційними, усталеними, прийнятими та закріпленими узусом, що обов'язково спричиняє появу в системі несподіваних окремих лакун, які логічно мають бути чимось заповнені. У процесі мовленнєвої діяльності, що «детермінує норму, мовне чуття, смак і навіть мовленнєву моду», іноді доводиться не лише «вибирати» з готового, давно апробованого матеріалу, але й конструювати на його основі щось нове, оптимальніше для конкретної комунікативно-прагматичної ситуації [1].

Цим прагматичним завданням підпорядковані різноманітні результати дериваційних процесів, що мають неузуальну матеріальну форму вираження. Продуктування таких одиниць отримало й відповідну кваліфікацію – неузуальне словотворення, ґрунтоване здебільшого на використанні узуальних способів деривації за продуктивними в мові моделями (*блзнюк, відшелець, візитер, втюремити, доларизація, журналізм, кобзонство, маунізм, обезтебіти* тощо), наприклад: *Серед нових заходів – перевірка паспортів...з допомогою сканерів, фотографування візитерів* (Політика і культура), де *візитер* ← *віза*. Новизна подібних новотворів зазвичай малопомітна, тому дехто з науковців пропонує зараховувати їх до розряду потенційних слів – одиниць, які, згідно з відповідною позицією, займають проміжну ланку між узуальними й оказіональними словами, репрезентують «нормальний і масовий мовотворчий процес». Згадувані лінгвоодиниці (попри різнобій у термінології) неодноразово ставали предметом зацікавлення як зарубіжних, так і вітчизняних мовознавців (С. Алаторцева, М. Бакіна, Г. Вокальчук, О. Габінська, Н. Гаврилюк, В. Герман, О. Земська, М. Калніязов, Д. Мазурик, А. Нелюба, О. Стишов, Л. Струганець, Г. Сюта, О. Турчак та ін.).

Лінгвістична наука отримала у своє розпорядження чимало цікавих напрацювань щодо статусу відповідних одиниць, їхніх диференційних ознак, місця в мовній системі та ролі в тому чи тому текстовпросторі і т. ін. Щоправда, низка проблемних питань, зокрема тих, які безпосередньо стосуються виявлення специфічних способів продуктування оказіоналізмів, залишається остаточно не розв'язаною. Успішна реалізація окресленого завдання сприятиме насамперед виробленню критеріїв репрезентації матеріалу в лексикографічних працях нових зразків.

Актуальність запропонованої теми зумовлена посиленням інтересом не лише до проблем неології, але й неuzuальної (оказіональної) деривації, прагненням до дослідження новотворів не тільки в семантичному, стилістичному, ономазіологічному, але й у словотвірному аспектах. Опис системи способів неuzuального словотворення є досить перспективним напрямком у теорії деривації загалом. Навчальна та наукова література подає лише побіжні зауваження щодо окремих способів утворення оказіоналізмів, як-от: контамінація, або міжслівне накладання; черезступеневе словотворення; емансипація афікса; словотворення за конкретним зразком, або субституція; гендіадис, або повтор-відзвуччя; тмезис; голофразис; кремація тощо (О. Габінська, Д. Гугунава, А. Журавльов, О. Земська, В. Ізотов, С. Ільєсова, М. Калніязов, В. Костюков, А. Мойсєєв, Р. Намітокова, С. Ніколаєв, В. Панюшкин, М. Радченко, В. Санников, І. Улуханов, Н. Янко-Триницька та ін.). На сьогодні україністика здебільшого немає у своєму розпорядженні ґрунтовних монографічних праць, присвячених комплексному дослідженню того чи того способу (як, скажімо, «Голофразис как способ словообразования в русском языке» І. Ковиневої). У межах запропонованої статті ми маємо на меті зупинитися на особливостях такого активно «експлуатованого» в ЗМІ способу неuzuального продукування, як-от контамінація, або міжслівне накладання.

Загалом у вітчизняній лінгвістиці контамінацію (лат. *contaminatio* – змішування, зіткнення) кваліфікують як схрещення двох мовних одиниць, які, перебуваючи в парадигматичних і рідше синтагматичних відношеннях між собою, одночасно спливають у свідомості мовця при потребі позначення певного поняття чи ситуації і внаслідок цього переплітаються або тісно поєднуються в межах однієї новоутвореної одиниці [2]. Щоправда, в україністиці, як і в русистиці, немає одностайності у витлумаченні відповідного лінгвістичного феномена, спостерігається різнобій у використованій термінології. Спосіб словотворення, унаслідок якого на основі «схрещення двох мовних одиниць» продукується похідний дериват, що вирізняється новизною не лише у формальному, але й у семантичному плані, називають по-різному: злиття, стягнення, вставний словотвір, гібридизація, телескопія, міжслівне накладання, контамінація і т. ін.

Терміни «контамінація» (В. Ізотов, О. Земська, Р. Намітокова) і «міжслівне накладання» (Н. Янко-Триницька) витлумачуються переважно як тотожні: їх кваліфікують як спосіб словотворення, на основі якого відбувається злиття, так би мовити «наїждження» слова на інше слово (*бувшовик* ← *бувш*[ий + більш]овик; *шексперимент* ← *Шексп*[ір + експ]еримент; *Янушеску* ← *Ян*[укович + Ча]ушеску). Продукування супроводжується частковим накладанням, унаслідок чого виникає формально і семантично цілісний дериват. У такому разі зневиразнюється морфемне членування новотворів, модифікується їхній семантичний план, адже значення інновацій враховує семантику всіх компонентів дериваційної бази (*бандюкович* ← *бандю*[к + Яну]кович; *кидалов* ← *кид*[ати + Ків]алов; *шуффризнутий* ← *Шуффри*[ч + ши]знутий). Особлива виразність цих утворень пояснюється їх новизною, свіжістю, несподіваністю, оригінальністю, адже вони завжди є продуктом індивідуально-авторської мовотворчості, індивідуально-авторським експериментом і експромтом. Перефразовуючи В. Чабаненка, зауважимо: той, хто продукує оказіональний контамінант, «свідомо деформує норму і відчуває при цьому естетичне задоволення від своїх мовотворчих здібностей, а той, хто його сприймає, дивується хистові автора і, у свою чергу, дістає естетичне задоволення від співучасті в акті творчості, від розуміння своєї підготовленості до цього акту» [3]. Наприклад: *Із фракції я не виходжу, з партії не виходжу, бо мені в моїх роках перескакувати з купини на купину уже було б ганебно. Та ще й поповнювати ряди комунтантів, які вчора цілували знамено, потім обтерли об нього свої чоботи* («Політика і культура») (пор.: *комунтант* ← *ко*[муніст] + *мутант*); *А поняття «Україна» складається не тільки з сорока з гаком мільйонів лохторату, який можна безкарно дурити й експлуатувати* («Літературна Україна») (пор.: *лохторат* ← *лох* + [елек]торат); *Найбільша вада українських демократів – замало патріотизму і забагато партіотизму* («Літературна Україна») (пор.: *партіотизм* ← *парті*[я + патрі]отизм).

Проілюстровані контамінанти є результатами неuzuальної деривації, для яких та чи та комунікативно-прагматична ситуація стає їхньою своєрідною апробацією. Маючи нестандартне матеріальне вираження, оказіональні утворення не проходять повз увагу адресата: вони безпосередньо впливають, хоч і по-різному, на сам процес сприйняття та розуміння прагматичної інформації.

Попри різнобій у підходах до витлумачення контамінації як лінгвістичного явища не викликає принципових заперечень твердження про те, що для контамінованих похідних характерне «уламкове» поєднання мотивуючих основ без участі будь-якого словотвірного форманта, що, у свою чергу, не дає змоги здійснити чітке морфемне членування новоутвореної одиниці: **Меркозі** ← Мерк[ель + Сарк]озі; **мемуаразм** ← мемуар[и + мар]азм; **ПіКадор** ← ПіК + [маг]адор; **оленіум** ← олень + [мілен]іум; **радагаскар** ← Рад[а+ Мад]агаскар; **рекетир** ← рекл[ама + рек]етир; **релігіонер** ← релігі[я + легі]онер; **солов'яни** ← солов' [ї + слов']яни тощо.

Контамінація є структурно неоднотипною й дає змогу виокремити такі різновиди:

1) накладання основи першого компонента й омонімічного початку другого компонента дериваційної бази (**КАНАЛізація** ← канал + [канал]ізація; **АВТОритет** ← авто + [авто]ритет);

2) накладання кінця основи першого компонента й омонімічного початку другого компонента дериваційної бази (**кабмінімум** ← Кабмін + [мін]імум; **ліліпутін** ← ліліпут + [Пут]ін; **ком'юТЕРА** ← ком'ютер + [тер]ра; **майданс** ← майдан + [дан]с);

3) накладання основи першого компонента дериваційної бази й усіченої початкової (співзвучної) частини другого компонента (**банджорист** ← банджо + [банду]рист; **мавп'яж** ← мавп[а + мак]іяж; **клоунцерт** ← клоун + [кон]церт; **МЕРсіанський** ← мер + [мар]сіанський; **фарсифікація** ← фарс + [фальс]ифікація; **жлобалізація** ← жлоб + [глоб]алізація);

4) накладання усіченої частини першого (співзвучного) компонента дериваційної бази та структурно цілісного (або частково модифікованого) другого компонента (**бігморди** ← біг[борди] + морди; **комуїсти** ← кому[ністи] + їсти; **литвинарник** ← Лит[вин + с]винарник);

5) накладання усіченої кінцевої частини першого та початкової другого компонентів дериваційної бази (**архипентура** ← Архипен[ко + скульп]тура; **кучмек** ← Куч[ма + чуч]мек; **Тальсінкі** ← Та[ллін + Ге]льсінкі; **товстократ** ← товсто[сум + демо]крат);

6) вклинювання основи одного компонента в середину іншого (**інтЮлігенція** ← інт[ел]ігенція + Юл(я); **картлайфочка** ← карт[очка + лайф]; Семироженко ← Семи[нож]енко + рож(а).

Кожен з адресантів для продукування тих чи тих контамінантів послуговується узуальним матеріалом; кожен із них у семантичній структурі сконструйованих одиниць закодує інформацію про своє ставлення до позначуваного, новоутворені знаки запрограмовуються на інтенсифікацію виразності. Пор.: *Тут справді проглядає незлоблива іронічна усмішка й насмішуватий побутовий гумор, а часом і добротна політична сатира на злобу дня, де фігурують генсеки й еСДеки, сучасні Гобсеки й просто Кучмеки та навіть зеки як альтернативні рими до слів лелека й далеко* (Г. Гайовий «Критичний клекіт поетичного лелеки») (**кучмек** ← Кучм[а + чуч]мек); *Мільйони людей мешкають не в столиці, а в регіонах, але не є прибічниками донецького клану і навіть не живуть у зонах переважного впливу ПРУ (у так званій ПРУсії)* («Літературна Україна») (**ПРУсія** ← ПРУ + [Пру]сія). Чи правильно інтерпретуватиме адресат запропоновану йому інформацію і відповідним чином відреагує на неї – залежить насамперед від його семантичної компетенції, від уміння співвіднести той чи той оказіональний знак із його узуальною дериваційною базою.

Можливість виникнення образу і ступінь його яскравості залежить від характеру значень лексичних одиниць, на основі яких виникає новотвір, і від особливостей словотворчих засобів. Звернені іноді до інтелекту, а частіше орієнтовані на чуттєве сприйняття, індивідуально-авторські контамінанти є творчим здобутком, наповнені естетичним смислом і наділені великими експресивно-емоційними потенціями. Власне, ґрунтовне дослідження експресивно-емоційного потенціалу контамінованих оказіоналізмів може стати предметом подальших наукових розвідок.

#### Список літератури:

1. Колоїз Ж. Українська оказіональна деривація. Київ, 2007. – С. 5.
2. Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000. – С. 250.
3. Чабаненко В. Стилїстика експресивних засобів української мови. Запоріжжя, 1993. – С. 160–161.

**Zayneta Khachmafova**, *Adyghe State University*  
*Professor, Doctor of Philology the Faculty of Foreign Languages*  
**Bersirova Safiat**  
*Adyghe State University PhD in Philology*  
*the Faculty of Foreign Languages*  
**Alexander Efremov**  
*PhD in Philology, Translator in the oil and gas company in the*  
*Republic of Adygeya, Russia*

## **Metaphor potential ability to create new terms in oil and gas terminology**

**Зайнета Руслановна Хачмафова**  
*Адыгейский государственный университет,*  
*доктор филологических наук, профессор,*  
*факультет иностранных языков,*  
**Сафиат Аминовна Берсирова**  
*Адыгейский государственный университет,*  
*кандидат филологических наук, доцент,*  
*факультет иностранных языков,*  
**Александр Александрович Ефремов,**  
*кандидат филологических наук,*  
*переводчик в нефтегазовой компании в республике Адыгея.*

### **Терминообразовательный потенциал метафоры в нефтегазовой терминологии**

**Введение.** Изучение базовых терминологических гнезд нефтегазовых метафорических терминов (далее НГМТ) было предпринято с целью определения терминообразовательного потенциала метафорических терминов, образующих терминологические гнезда и являющихся производными, а также структуры понятийного аппарата исследуемой терминологии.

При определении понятия «термин» мы придерживаемся функционального подхода, согласно которому термины – это не «особые слова, а только слова в особой функции». «В роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально» [1]. В данном исследовании нами было принято определение термина, сформулированное В.М. Лейчиком: «Термин – лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие определённой специальной области знаний или деятельности» [2]. Под метафорическим термином мы понимаем термин, построенный путём метафорического переосмысления лексической единицы, привлечённой из определённой области-источника, и входящий в состав определённой терминологии.

**Материалы и методы.** Материалом исследования послужил корпус терминов-метафор общим объемом 1944 единиц, полученных методом сплошной выборки из наиболее авторитетных источников отраслевой терминологии: терминологические словари, научные труды, монографии, справочники, специализированные журналы, отраслевые регламенты и государственные стандарты, изданные в США. В рамках данного исследования использовались следующие методы: лингвистического анализа и синтеза научных данных по терминоведению, лингвистического описания, компонентного анализа на основе контекстов и научных дефиниций. При рассмотрении структурно-семантических характеристик метафорических терминов были применены статистический, этимологический методы, а также метод моделирования.

**Обсуждение.** Одним из наиболее важных проявлений содержательной связности терминологии является «... морфологический способ образования производных терминов на базе исходных корневых слов и синтаксический, при котором у базисного компонента проявляется признаковый компонент или признаковый компонент термина приобретает статус базисного компонента производной номинации. В результате применения этих способов терминообразования появляются характерные признаки

терминосистем: наличие терминологических гнёзд» [3] «По существу, любая терминология – это система, состоящая из подсистем и микросистем, которые включают терминологические гнёзда» [4]. При этом, по мнению С.И. Богомолой, в организации терминологических гнёзд «отчётливо проявляется взаимодействие понятийных категорий, связанных данной терминосистемой, а деление на терминологические гнёзда связано с понятийной системой соответствующей системы знаний» [5]. В Полном словаре лингвистических терминов под редакцией Матвеевой Т.В. термину «словарное гнездо» дано следующее определение: «комплексная единица словообразовательной системы, а именно: совокупность однокоренных слов, имеющих общее исходное непроизводное (корневое) слово» [6]. По содержанию словообразовательные гнёзда принято разделять на микрогнёзда, простейшие гнёзда, в которых, кроме исходного слова, есть одно производное слово, и макрогнёзда, которые состоят из большого количества производных. Чаще всего словообразовательное гнездо представляет сложное структурное образование. В качестве минимальной единицы в структуре словообразовательного гнезда выступает словообразовательная пара, которую составляют производящее и производное слово. Словообразовательная цепь является наиболее крупной единицей словообразовательного гнезда. Слова последующих звеньев, кроме последнего, одновременно выступают как производные и производящие, при этом, слово, замыкающее цепь, является только производным. Во главе каждого гнезда стоит исходное слово, которое, будучи непроизводным, является фундаментом в формировании гнезда, влияя на его строение и во многом определяя значение производных терминов, составляющих гнездо.

Среди словообразовательных (морфологических) гнёзд особое распространение получили гнёзда, в которых термином-доминантой являются метафорические термины, образованные за счёт заимствования слов из областей-доноров «мир животных и птиц» и «мир моря»: *wildcat* («поисковая скважина, пробуренная с целью нахождения залежи нефти или газа», дословно «дикая кошка») – *to wildcat* («производить работы по бурению поисковых скважин», дословно «охотиться в темноте») – *wildcatter* (физическое лицо или компания, занимающиеся бурением поисковой скважины, дословно «охотящийся в темноте, как дикая кошка») – *wildcatting* («работы по бурению поисковых скважин», дословно «охота в темноте») – *semiwildcat* («поисковая скважина, пробуренная на геологической структуре, нефтегазоносность которой ещё не установлена», дословно «полудикая кошка»); *fish* («предмет, оставленный в скважине», дословно «рыба») – *to fish* (производить ловильные работы по извлечению предметов, оставленных в скважине, дословно «ловить рыбу») – *to fish out* («извлекать на поверхность предмет, оставленный в скважине», дословно «вытаскивать рыбу на поверхность») – *fishing* («относящийся к ловильным работам», дословно «рыболовецкий») – *fisherman* («специалист по производству ловильных работ», дословно «рыбак») – *fishermen* («специалисты по производству ловильных работ», дословно «рыбаки»). Нами было установлено, что в исследуемой терминологии образование производных метафорических терминов морфологическим способом не является продуктивным, что мы в первую очередь склонны связывать с ограниченными возможностями аффиксального словообразования американского варианта английского языка. Однако терминологические производные, образованные синтаксическим способом, широко представлены в исследуемой терминологии.

Выявленные нами в процессе анализа терминологических гнёзд основные термины-доминанты нефтегазовой отрасли представлены в следующей таблице.

Таблица 1

**Термины-доминанты терминологии нефтегазовой отрасли**

№ п/п	Термин-доминанта	Наполняемость гнёзда терминов-метафор
1	<i>well</i>	72
2	<i>hole</i>	62
3	<i>oil</i>	56
4	<i>gas</i>	49
5	<i>bit</i>	28
6	<i>dog</i>	27
7	<i>mud</i>	26
8	<i>rig</i>	24
9	<i>rock</i>	19

10	<i>field</i>	18
11	<i>pipe</i>	17
12	<i>completion</i>	12
13	<i>head</i>	12
14	<i>cat</i>	11
15	<i>fish</i>	11
16	<i>sand</i>	11
17	<i>drill</i>	10
18	<i>water</i>	10
19	<i>line</i>	9
20	<i>string</i>	9
21	<i>tubing</i>	9
22	<i>monkey</i>	8
23	<i>thief</i>	8
24	<i>plug</i>	7
25	<i>nipple</i>	7
26	<i>basket</i>	7
27	<i>nigger</i>	6
28	<i>elephant</i>	6
29	<i>grass</i>	6
30	<i>box</i>	6
31	<i>bird</i>	6
32	<i>belly</i>	6
Итого:	29,5%	575

В рамках анализируемой терминологии было выявлено 32 (1,6% от общего количества НГМТ) терминов-доминант, образующих гнёзда, вокруг которых группируется 575 метафорических терминов (29,5% всего терминологического массива НГМТ). Число терминов, образующих терминологическое гнездо, неодинаково и колеблется от 6 до 72 в зависимости от значимости термина-доминанты для терминологии американской нефтегазовой отрасли (см. Таблицу 1). При этом терминологическое гнездо включает в себя как словообразовательное гнездо данного термина, так и образованные от него синтаксические метафорические словосочетания.

Среди выявленных нами особенностей, свойственных НГМТ, отдельного внимания заслуживает частое включение в их состав единиц, имеющих непосредственное отношение к нефтегазодобывающей сфере деятельности человека. Термины-доминанты, образующие терминологические гнёзда, называют в первую очередь ключевые понятия терминологии нефтегазовой отрасли, такие как скважина, нефть, буровое оборудование, газ, порода, месторождение и т.д. В частности, нами было установлено, что 411 НГМТ (около 71% общего количества слов и терминов, формирующих терминологические гнёзда) в своём составе имеют, по крайней мере, одну из 14 таких лексических единиц. Примером могут послужить следующие словосочетания: *to kill a well* – «глушить скважину», *mouse hole* – «шурф для буровой трубы», *bald-headed bit* – «полностью сработавшее буровое долото».

Также следует отметить, что некоторые метафорические термины содержат одновременно две лексические единицы, заимствованные из нефтегазовой отрасли, например, *oil and gas window* – «зона нефтегазообразования» (наиболее нефтегазонасыщенный интервал, встречающийся при температуре от 107 до 177°C); *slim hole drilling* – «бурение скважин малого диаметра».

Частота включения в состав нефтегазовых метафорических терминов (см., напр.: [7]), имеющих прямое отношение к нефтегазовой отрасли, подчиняется определённой закономерности, согласно которой в большей степени метафоричной номинации подвергаются те понятия, которые являются ключевыми и имеют для данной отрасли наибольшее практическое значение. Так, термины-синонимы *well*, *hole* – «скважина», *oil* – «нефть», *gas* – «газ», обозначающие основные и чётко определённые понятия нефтегазовой отрасли, встречаются в составе НГМТ по 49 и более раз. Термины, обозначающие такие объекты, как *bit* – «долото», *rig* – «буровая установка», *mud* – «буровой раствор», *to drill* – «бурить» встречаются от 10 до 28 раз, и лишь один термин (*tubing* – «насосно-компрессорная труба») встречается менее 10 раз.

Обращает на себя внимание то, что метафоризация не ограничивается только ключевыми понятиями, о чём свидетельствуют полученные нами статистические данные, согласно которым существенная доля (около 30%) НГМТ, формирующих терминологические гнезда, не имеет в своём составе единиц, первоначально относившихся к базовой терминологии, что указывает на факт заимствования из других областей знания слов и терминов, подвергшихся при включении в состав исследуемой терминологии существенной семантической модификации (*fish* – «предмет, оставленный в скважине», дословно «рыба»; *monkey board* – «балкон верхового рабочего», дословно «бортик обезьяны»).

**Результаты и выводы.** Подводя итоги анализа способности нефтегазовых метафорических терминов к созданию и участию в создании терминологических гнезд, следует выделить большое количество слов и терминов, образующих синтаксические гнезда (32 единицы), при выявленной нами непродуктивности морфологического способа образования терминологических гнезд. Мощность самого активного терминологического гнезда, производящим в котором является термин *oil* «нефть», составляет 72 единицы. Метафорической номинации чаще подвергаются те понятия, которые являются основополагающими и имеют для данной отрасли наибольшее практическое значение.

#### Примечания

1. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – Т.У. Сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 5.
2. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1989. – С.16-17.
3. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий / С.Г. Казарина. – Краснодар, 1998. – С. 15.
4. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учеб.– метод, пособие / Л.В. Ивина. – М.: Акад. проект, 2003. – С.175.
5. Богомолова С.И. Проблема формирования многокомпонентных терминосистем (на материале терминологии математической кибернетики) // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевых терминосистем. Межвуз.сб. М., 1999. – С. 53.
6. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С.476.
7. Ефремов А.А. Метафоризация как способ терминообразования в американской нефтегазовой отрасли // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 1<sup>st</sup> International Academic Conference. Vol.2. October 27-28, 2012, St. Louis, USA. – p. 406-411.

*Ilyasov Ilyas O., Teachers Training University of Dagestan, Makhachkala, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, the Faculty of Foreign Languages, Musaeva Zarema I., Teachers Training University of Dagestan, Makhachkala, Docent, Candidate of Pedagogical Sciences, the Faculty of Foreign Languages*

## **On determination of the typology of lexical errors first-year students at the national university teaching English**

The article deals with a problem of English vocabulary teaching at the linguistic university. There are described the elements of control over the mastering of the lexical material. The authors describe the problem of methodological typology of the lexical material.

The lexical errors of four within language and two cross language groups of errors of the first-year students of the linguistic higher educational Institute are accordingly detailed in proposed typology.

*Ильясов Ильяс Омарович, ДГПУ, профессор, доктор педагогических наук, факультет иностранных языков, г. Махачкала  
Мусаева Зарема Ильясовна, ДГПУ, доцент, кандидат педагогических наук, факультет иностранных языков, г. Махачкала*

## **К вопросу определения типологии лексических ошибок студентов первого курса национального вуза при обучении английскому языку.**

Статья посвящена проблеме обучения английскому языку в языковом университете. Описаны элементы контроля за усвоением лексического материала. Авторы описывают проблему методологической типологии языкового (лексического) материала. В предлагаемой типологии соответственно выделены лексические ошибки из четырех групп внутриязыковых и двух групп межъязыковых ошибок студентов первого курса языкового вуза.

Трудности усвоения иноязычной лексики обусловлены тем, что лексические единицы могут отличаться формой, объемом значения и употреблением в речи как внутри изучаемого языка, так и в плане сопоставления с русским языком. Речь идет о преподавании английского языка в многонациональной аудитории, где русский язык выступает как второй родной язык для этой аудитории и как язык, на котором ведется преподавание всех учебных дисциплин. Предполагаем, что в решении проблемы эффективности обучения лексике большую роль может сыграть организация систематического следящего контроля за усвоением лексического материала. Хотя вопросы контроля уже давно привлекают к себе внимание методистов, тем не менее эту проблему нельзя считать до конца решенной [Товма, 1996]

В данной статье делается попытка подойти к организации следящего контроля за усвоением лексики на основе методической типологии лексического материала, подлежащего контролю. В связи с этим возникает необходимость разработки соответствующей типологии языкового материала.

Проблема методической типологии языкового материала возникла в связи с тем, что языковые явления неоднородны по степени и характеру трудностей, о которыми связано их усвоение. Методическая типология связана со стремлением рационализировать учебный словарь, выявить в нем "специфическую систему, основанную не только на лингвистических признаках, но и на учете возможных направлений интерференции и переноса, что облегчает использование полезных и вытеснение (предотвращение) вредных ассоциаций в процессе усвоения лексики». [Бухбиндер, 1972]

Различные точки зрения на типологию лексики помогают уяснить состояние проблемы методической типологии лексического материала. Устанавливая трудности усвоения лексики, методисты подходят с разных позиций. Одни определяют трудности слов исходя из их формы и значения, другие – исходя из употребления в речи [Чуйков, 1964]. В статье делается попытка определить группы слов на основе общности определенных признаков, связанных с употреблением слов в речи, которое, в свою очередь, тесно связано с интерферирующим влиянием как русского, так и внутрииностранный языка. При этом необходимо обращать внимание не только на то, что объединяет соответствующие слова этих языков, но и прежде всего, на различия и особенности в употреблении и сочетаемости данных слов в русском и иностранном языках.



Интерферирующее влияние русского и иностранного языков является одной из основных причин лексико-семантических ошибок в речи учащихся. В связи с этим необходимо, на наш взгляд обратиться к анализу и классификации типичных лексических ошибок. Выявляя основные трудности овладения лексическим материалом, типология ошибок является основой для создания методической типологии лексического материала. Таким образом, данная типология ошибок поможет определить трудности усвоения лексики и на этой основе разработать тесты для ее контроля.

В предлагаемой типологии [Розендорф, 1964] представляется целесообразным выделить интерференцию двух планов: I - **внутриязыковую** и II - **межъязыковую интерференцию** [Хэртвиг, 1972]. Ошибки, вызванные внутриязыковой интерференцией, можно классифицировать на четыре группы:

**Первая группа** - ошибки вызванные расхождениями, обусловленными аналогией с уже усвоенными явлениями иностранного языка, например: hard-hardly 1. They must word **hard** before their exams. 2. It was so dark that we could **hardly** see.

Студентам известно, что наречие в английском языке образуется при помощи суффикса **-ly**, но некоторые английские наречия по форме совпадают с прилагательными, а при прибавлении суффикса **-ly** изменяют свое значение.

Известно также, что после глаголов движения в английском языке употребляются предлог **to**, например: to run to the station, поэтому возникают ошибки типа to start to the station вместо to start for the station по аналогии с усвоенным to run after smb. Студенты делают ошибки типа to follow after smb вместо to follow smb.

**Вторая группа** - ошибки, вызванные расхождениями в оттенках значения синонимов и их употреблении. Затруднение, к примеру, вызывает выбор нужного слова из предлагаемой пары: high-tall. 1. He said he had spent his childhood far away in **high** mountains. 2. Peter the First was an unusually tall man.

**Третья группа** – ошибки, вызванные расхождениями в лексико-грамматической сочетаемости слов, например: quite-at all. 1. It was done quite well. 2. Does he know anything at all?

**Четвертая группа** – ошибки, вызванные расхождениями в употреблении форм переходных и непереходных глаголов, например: raise-rise. The curtain would't **rise** and we had to **raise** it.

Особое внимание следует уделять ошибкам, вызванным **межъязыковой интерференцией**, которая возникает вследствие противодействия более старых, а потому и более устойчивых навыков родного языка, и ее более трудно преодолеть, чем внутриязыковую. [Ильясов, 1999].

**Первая** и самая большая **группа** ошибок вызвана расхождениями в семантическом объеме и сочетаемости некоторых русских и английских слов. В данном случае студенты делают ошибки, в основном, на употребление **предлогов**. При этом отмечаем, что в дагестанских языках отсутствует понятие «предлог» и студенты не находят опоры на свои родные языки [Ильясов, 1999]. Ошибки в употреблении предлогов вызванные аналогией с русским языком, можно, в свою очередь, классифицировать на три группы: а) ошибки, обуславливаемые расхождением в употреблении русских и английских предлогов ( to be sure of smth., on Sunday, in the suburb), б) отсутствием предлога в английском языке и наличием его в русском ( next year, join smb.), в) отсутствием предлога в русском языке и наличием его в английском ( to ask smb. for advice, to wait for smb, to introduce smb to smb.)

**Вторая группа ошибок** в плане межъязыковой интерференции связана с расхождениями в грамматических моделях в русском и английском языках. Студенты часто употребляют наречие вместо прилагательного в именном составном сказуемом, например It was quite unexpectedly for us вместо It was quite unexpected.

Описанная типология была положена в основу теста, который был предложен студентам I курса английского отделения Дагестанского государственного педагогического университета в конце 2010-2011 учебного года. Тест был составлен с использованием «Лексического минимума...» [Фалькович, 1972] и действующего учебника «Practical Course of English» [Аракин, 1972].

Проведенный нами качественный анализ полученных данных показал, что студенты допускают наибольшее количество ошибок при выполнении заданий теста на группу типологии 1/1 – 30% ошибок. К группам типологии средней трудности следует отнести группы 1/3- 17% ошибок и 2/1- 16% ошибок. Сравнительно меньшее количество ошибок сделано при выполнении заданий теста на группы типологии ½- 13%, 2/2- 13% и ¼- 11% ошибок.

Следовательно, можно с уверенностью констатировать, что анализ ошибок, допущенных в ответах студентов, подтверждает целесообразность предлагаемой типологии ошибок, дает возможность выявить трудности, с которыми встречаются студенты, употребляя необходимую лексику в речи, позволяет классифицировать их и на этой основе в дальнейшем разработать как некоторые приемы обучения лексике, так и контроля. Кроме того, проведенный тест дает возможность глубже проникнуть в природу и истоки подобных ошибок и выявить уровень владения лексикой в плане ее употребления студентами первого курса (в конце учебного года).

### Литература

1. Бухбиндер В.А. Вопросы обучения лексике.- М. Ж-л ИЯШ, 1972, № 6
2. Хэртвиг Е.И. Об interfering влиянии лексико-семантической системы родного языка при овладении иноязычной лексикой. В кн.: Обучение лексическому аспекту устной речи на иностранном языке в школе и в вузе.- Л., 1972.
3. Фалькович М.М. Лексический минимум по английскому языку.-М., «Высшая школа»,1972.
4. Ильясов И.О. Английский язык в многонациональной школе. Методика обучения. Махачкала, Дагучпедгиз, 1999.-333с.
5. Practical Course of English, edited by Prof. V.D. Arakin, Moscow, 1972.
6. Розендорф Т.П., Ловинская М.Л. Типичные лексико-грамматические ошибки студентов I курса и их устранение. Иностранные языки в высшей школе, вып.3.- М., 1964.
7. Товма Е.Л. Тест в функции упражнения при обучении лексике иностранного языка.// ИЯШ. 1996, №1, с.17-23.

*Shchyhlo Larysa, Sumy State University,  
Associate Professor, Candidate of Philology, the Faculty of Foreign Philology and Social Communications,  
Chulanova Galyna, Sumy State University,  
Associate Professor, Candidate of Philology, the Faculty of Foreign Philology and Social Communications,  
Bogdashkin Kyrylo, Sumy State University,  
Student, the Faculty of Foreign Philology and Social Communications,  
Ozkan Aldora, Sumy State University,  
Student, the Faculty of Foreign Philology and Social Communications,*

### ***Some observations on word-formative potential of the verbs of movement in the modern German language***

The problem of identifying word-formative potential of different parts of speech, verbs in particular, is extremely relevant in the modern word-formation. According to the observations of scientists, verbs have the greatest derivational opportunities among all parts of speech. This is largely determined by the fact that the verb not only forms "extensive class of words, but also evinces an active penetration into the sphere of other classes, dictating them ways of replacement and rearrangement" [1]. Appeal to the analysis of movement verbs is relevant: firstly, it is ontologically significant formation of lexical structure of language [2]; secondly, it has its own characteristics as a highly organized system [3]; thirdly, the development of society, the evolution of any language and human life itself are directly associated with movement. Finally, they have repeatedly been the subject of studies in the works of domestic and foreign linguists. Verbs of movement were studied in terms of semantic [4] and syntagmatic properties [5]; in typological - comparable terms [6]. Although their derivational features were studied fragmentary [7]. In our study, we identify verbs with categorial meaning of active movement as members of the dominant macrosystem of verbs of movement. They represent the situations where the carriers of active movement are living creatures that move with the help of natural and technical means [8].

The **relevance** of work is determined by its orientation on the study of word-formative processes, special attention is paid to the function of generative bases in mechanism of derivation. The lack of linguistic research of word-formative ability of generative bases of verbs with categorial meaning of active movement stimulates the need of studying their word-formative, semantic and combinatorial properties in creation of new derived units. Paradigmatic relations between these units are studied in the relevant derivational groupings (word-formative pairs, word-formative paradigms, word-formative nests).

The **aim** of this study is to determine the word-formative potential of verbal bases with categorial meaning of active movement, to identify their combinatorial, derivational, motivational and semantic properties, to establish paradigmatic relations within such groups as a word-formative pair, a word-formative paradigm, a word-formative nest.

The **object** of this study are verbal bases with categorial meaning of active movement in the modern German language.

The **subject** of study are derivational, motivational, combinatorial and semantic factors contributing to derivational potential of verbal bases with categorial meaning of active movement in the modern German language.

The **scientific novelty** of work is to identify word-formative potential of verbal bases with categorial meaning of active movement in the modern German language on the basis of the aggregate of derivational, combinatorial and semantic factors.

As the basic unit of derivational analysis we analyze the basis of the generative word as a motivational basis from which new words are formed. It is considered as an obligatory constituent of word-formative structure, its lexical-semantic nucleus in the process of formation of derivative words.

Word-formative potential, accordingly, is defined as the ability of word basis to be a generative basis for formation of semantically and structurally dependent new words. It is predetermined by nominative status of a word as a part of speech, its semantic features and power of derivation [9].

The most perspective grouping of verbal derivatives with categorial meaning of active movement in the modern German language representing their word-formation potential is a word-formative nest. It is a group of cognate words, combined by the derivational relationship, with general invariant meaning inherent to basis-top of the nest as the motivating basis in relation to other members of the nest. Cognate verbs to indicate active movement are represented in word-formative nests by word-formative pairs and word-formative paradigms. The smallest unit of word-formative nests with categorial meaning of active movement is word-formative word pair, which represents a generative word and a derivative word, related with motivational relations and with the method of derivation: for example, *kriechen ankriechen*; *schwimmen entlangschwimmen*. Complex integrated unit, which clearly reflects the word- potential of verbal bases with categorial meaning of active movement is word-formative paradigm, i.e. a set of cognate motivated words that have the same motivating basis. All words of word-formative nest involved in word formation have a word-formative paradigm and act as generative ones. In the nest there are as many word-formative paradigms as generative words. Typical for verbs with categorial meaning of active movement in the modern German language is three-zoned substantive-adjective-verbal word-formative paradigm with such semantic positions: in the substantive zone: "the performer of movement" - *m Läufer, m Springer*; "the subject, called by the generative basis" - *m Zieher*, "the person according to the kind of activity" - *m Flieger, m Kletterer, m Turner*, "the place of movement" - *m Ausgang, m Durchgang*, "the objectified movement" - *m Gang, n Schwimmen, f Fliegerei*; in the verbal zone: "the spatial modification of actions" - *ankommen, durchkriechen, umlaufen*; in adjective zone "the vesting feature, called by the generative basis" - *humpelig, strampelig*; "suited to anything" - *gangbar, fahrbar*.

An important parameter that defines qualitative and quantitative word-formative potential of verbal bases with categorial meaning of active movement is the depth of word-formative nest. The latter depends on the degree of derivation, i.e. successive rows of words formed by means of affixation (zero affixation also possible) from the generative basis. The depth of word-formative nests at different stages of derivation is not the same: the bulk of derivative words in the word-formative nests is accounted for I - II levels. The first level represents the biggest number of word-formative ability of verbs with categorial meaning of active movement in the modern German language. The inventory of word-formative means serving to form derived units with categorial meaning of active movement on the first level of derivation is characterized by the greatest diversity. In the formation of verbs prefixes (*er-, ver-zer-*); semiprefixes (*ab-, an-, aus-, durch-, um- and others*) are involved; as well as components of frequency (*auseinander-, dazwischen-, empor- and others*).

On the first level of word-formation (the original is a non-generative bases) one can form affixal verbal nouns (*m Renner*), adjectives (*fahrbar, humpelig*), verbs (*umgehen, entkommen*). On the first level of word-formation nouns are formed from all verbal bases with the help of conversion. Rare are nouns formed with the suffix *-e, -er,-ling,-t,-ung*. Adjectives are mainly formed with the productive suffix *-ig (eilig)*. The second level of word-formation is represented by nouns, adjectives and verbs. Adjectives are formed with the help of suffixes from abstract names expressing the process of movement (*gangbar*). Prefixal verbal basis are characterized by the activity in further formation of nouns by conversion (*m Aufgang, m Hinflug*). On the second level of derivation verbs with double prefixes (*umherfahren, vorbeigehen*) are observed.

The following word-formative steps are characterized by a gradual decline in generative activity as for generative bases of verbs with categorial meaning of active movement, and for their derivational formants. On the third level of derivation there are nouns and adjectives that have lost semantic connection with generative basis and do not express the categorial meaning of active movement. On the fourth level there is word-formative process associated with the creation of verbal derivatives to mean an active movement.

Word-formative nest with categorial meaning of active movement has a clearly defined structure, where each element (word) occupies a place that is supposed by the linguistic system and fixed by the norm. The structure of word-formative nest is based on the principle of hierarchy, i.e. successive subordination of one units to others. Components of a word-formative nest semantically and structurally depend on each other. The study has shown that verbal bases with categorial meaning of active movement are characterized by different word-formative activity. They form different word-formative nests with the number of words from 10 to 30 or more. The highest word-formative activity is observed in non-generative verbal bases such as *geh-, komm-, lauf-, zieh-, flieg-, tret-, spring-, reit-, renn-* (volume of word-formative nest is more than 30 words of different parts of speech). The middle word-formative activity belongs to such verbal bases as: *eil-, steig-, jag-, schleich-, schreit-, krieche-, schwimm-, gleit-, klett-, saus-, spaz-, dring-* (volume of word-formative nests is from 11 to 30 words of different parts of speech). The low word-formative activity is observed in the following verbal bases: *ras-, hetz-, hump-, folg-, bumm-, stieb-, stolp-, hink-, polt-* (volume of word-formative nests is from 3 to 15 words or less of different parts of speech). Absolute minimum of word formative potency have the verbal bases with the categorial meaning of active movement as: *klimm-, pes-* (volume of word-formative nests - from 0 to 1), as they form the nests, the depth of which is one derivational step. Within the verbal word-formative nest with categorial meaning of active movement, its members come in different paradigmatic relations. The most common type among them belongs to synonymous relations based on generative bases similar or close in lexical meaning and word formative formants identical in functions and semantic structure, *for example, gangbar-gängig.*

Thus, the results indicate the fruitfulness of systemic-functional and nest approaches to the study of word-formative potential of verbal bases with categorial meaning of active movement in the modern German language based on the description of their valency characteristics and may be useful in the preparation of explanatory dictionary of word-formation of basic vocabulary of the modern German language, built on nest principle, where all word-formative system of the German language would be reflected. Promising direction for further scientific research is the study of word-formative potential of generative bases of other parts of speech with various categorial meaning, typological-comparative analysis of word-formative potential of derivative words of Slavic and Germanic languages, which will serve as the creation of a comprehensive theory of word formation.

*Eglit Larissa, Kazakh National Pedagogical  
University named after Abai, Professor, Candidate of Philological Sciences,  
Institute of Philology and Multilingual Education,*

## **New Language Realities in Literary Texts of Dyusenbek Nakipov**

*Эглит Лариса, Казахский национальный педагогический университет имени Абая,  
профессор, кандидат филологических наук, институт филологии и полиязычного образования*

### **«Новые реальности языка» в художественных текстах Дюсенбека Накипова**

Для того же, чтобы судить о внутренних механизмах языковой способности, полагают современные лингвисты, необходимо изучать её внешние проявления. Этому постоянному сопоставлению и соотнесению экстерииоризированных и интерииоризированных языковых данных служит новая парадигма знания, появление которой вызвано тем, что установки и принципы анализа, ею постулируемые, позволяют описать «новые реальности языка» и объяснить новые свойства уже известных языковых явлений.

Лингвистическое исследование художественных текстов актуально во все времена, поскольку последние фиксируют смену культурно значимых ориентиров языка, способствуют переходу потенциального в актуальное.

В русле поставленных проблем находится и предпринятое нами исследование, цель которого выявить структурно-семантические особенности инноваций известного казахстанского писателя-билингва Дюсенбека Накипова и описать условия их функционирования в современных поэтических и прозаических текстах автора.

Исследователи творчества Накипова обращают внимание на языковые эксперименты поэта и прозаика, одни порицая, другие же, наоборот, одобряя подобные новообразования, мы же, осознавая, что времени перемен необходимы коренные преобразования, которые должны сопровождаться революционными процессами, в том числе и в языке, пополним стройные ряды последних, помня, что инновационную поэзию современного мира, неразрывно связанного с Прошлым и смотрящим в Будущее, открыл для нас человек Вселенной – Дюсенбек Накипов, образный мир которого «так отчётливо ориентированный на национальные ценности, включающий в себя на всех уровнях поэтики основные атрибуты казахского Космоса в их многоликом выражении, – в то же самое время настолько богат и многогранен, что, концентрически расширяясь, выводит читателя на такие круги бытия, которые суть вечные проявления человеческого существования» [1].

Яркой особенностью творческого лексикона Дюсенбека Накипова являются новообразования, производящая основа которых (слова, словосочетания, фразеологизмы) представляет объективную предпосылку, потенциальную возможность выражения актуального смысла, она же закладывает в производных словах способность акцентировать новые признаки. Реализуются эти возможности посредством разных средств и способов словообразования: суффиксации (*влюбленье, источатель, миллионность, стонный*), префиксации (*невстреча, прарань, постжизнь, преддвижение, надвышние*), депрефиксации (*кони высокие-жарые, небесья*), депостфиксации (*снить*), конфиксации (*недоплытье, оконтуренный, неимянец*), префиксально-суффиксально-постфиксального способа (*изветриться, измудриться*), сложения (*Ак-кайын-невеста, охло-плуто-хренократия, ветроворот, лунно-печально, нелепо-леп, погружаясь-засытая, оу-хрю*), сложения с аффиксацией (*средиморья, нечленовредительно, всеветвенно*), сращения (*вечносвежие*).

Доминирующее же положение среди всех новообразований, входящих в словарь инноваций писателя, занимают отличающиеся необыкновенной семантической ёмкостью дефисные комплексы-сложения, которые подчёркивают взаимодействие смыслов объединяемых слов и служат сигналом развития нового, целостного значения, значимого для семантической композиции текста: *лёгкий-летучий-ляно-пряный-липуче-медовый, самоубиение-сэп-поку, те-эти-я-она, бьётся-рвётся-стонет-хочет, прямой-мячом-прокол, микроб-былинка-мирадно единый планктон-муравейник-пушинка-зародыш-рой пчелиный-мошка одна*. Подобные окказиональные образования, являющиеся образцом смысловой компрессии в художественном дискурсе, обладают повышенной выразительностью, которая обеспечивается их необычностью на фоне нормативных узуальных образований.

В инновациях-сложениях в качестве компонентов синкретичного комплекса могут выступать и свободные, и устойчивые сочетания слов: *безвестная-без имени, ноги-руки-голова-всё тело, свирепостудёная-пенная-с пчинками воды*; (из аркана) *бараньего-тугого-витого-с конским волосом внаклад; злость-слёзы-боль-гнев-бессилие-ком в горле-мёрзлое сердце*.

В одном дефисном комплексе объединяются, например, существительные или прилагательные разных разрядов (*жизнь-трава-сны-явь; гурманый-густой-желудочный* (оргазм), *таинственная-волшебная-магнитно-привлекательная-притягательная-ароматная* (роса); *заскорузлые-скукоженные-брошенные-овечьи-человечьи* (шкуры), прилагательные в положительной и превосходной степени (*фантастически-раскошные-свежайшие*); глаголы разной видовой принадлежности (*исчез-отсутствовал-пропал, сияла-воссияла*). В подобных образованиях привычный план выражения отдельных компонентов комплекса и необычный план содержания инновации в целом усиливают эффект необычности, активизируют восприятие, обеспечивая широкий объём ассоциаций.

Таким образом, конституирующим признаками подобных новаций являются смысловая диффузность, семантическая компрессия, возможность в одной номинации дать всеохватывающее описание реалии, выразив в слове-образе собственное миропонимание.

Для словаря Накипова характерны образования с нарушением системной продуктивности словообразовательных типов, когда мотивированное слово создаётся от слов иной семантики, чем в узуальном словообразовательном типе, т.е. изменяется характер мотивирующей основы, или происходит

замена словообразовательного средства, либо слово возникает в результате чересступенчатого словообразования и т.д.: *сонмище, вывываешь, надвышние, желтоксанить, вершиниться, погончий* (шест погонщиков-волопасов), *растеньевая пыльца, колокольчивый* (звон), *сиюминутя, изветриться, выпучил-иззолупил, льдистая, вонные* (свалки), в *двунатысячепервый* раз, *верёвистые* (мысли), *кроманьонно* вздыхая.

Среди подобных образований выделяются новации, в которых наблюдается отступление от принятых грамматических норм, в результате чего возникает окказиональная морфологическая форма слова, нарушающая узуальную парадигму. В нашем случае изменения связаны с формами числа и рода субстантивов: *заботы-беспокойства, учения-веры-религии, долготы, немОты*, (мой) *птич* ('птица'). Особой представленностью отличаются новообразования, возникшие в результате употребления узуальных вещественных и отвлечённых существительных Sing. tantum в форме множественного числа: *динамиты* конфликтов, мгновенья *статик*, столетья *одиночеств*, женщина *всех совершенств*, глобальные *эгоизмы*, мои *труды и лени, температуры святых скарлатин*, причём отмечены факты неоднократного употребления отдельных словоформ-инноваций в разных текстах: скорбные *поэзии*, ветер *поэзий*, прозосуть *поэзий*, дожди моих *поэзий*; сгущение *тин*, над *тинами* плывя, морок-мокрота *тин*, в значала синих *тин*; Алма-Ата, которую он любил всем сердцем, во *все погоды*, в такт хорошим *погодам*, простая дума о *погодах*, Что за *погоды* пошли?

В творческом лексиконе писателя выделяется ряд нарицательных существительных-неологизмов в форме множественного числа, которые являются отонимическими образованиями. Накипов-поэт создаёт их на базе топонимов и антропонимов, которые в узусе имеют только форму единственного числа: в *палестинах* воюют; по пути на *голгофы*, в поисках *мекк*; *атлантиды* былых цивилизаций; никто не найдёт руны на *енисеях*; бессильны знания *авиценн*; у *гераклов* фасеточный глаз.

Отмечаемый в приведённых выше новообразованиях процесс окказионализации грамматического значения [2] базируется на взаимном единстве содержательной и формальной сторон слова, а лингвистические показатели, потенциал, заложенный в абстрактности самой формы, приводят к созданию той системы художественных образов, которые становятся частью идиостиля автора художественного текста.

Интерес представляют авторские инновации, в которых прослеживается наличие в содержательной структуре семантических сдвигов, проявляющихся в изменении валентностных свойств морфем, синтагматическом расширении: *океан-индиго, светожор-звездод-пантократор, самомумифицироваться, неестественное-сверхобнажённое, яблонно-звонкий* (город Алма-Ата), *вишнёво-цветущее* (кимоно), *росно-пушистое* (гнездо), *думал ствольно, дунайно текущая Венгрия, фাগот виолончелен, сиренья кровь* (кровь сирени), *жасминный голос глубокого джаза*.

Как видим, экспрессивность индивидуально-авторских образований писателя создаётся за счёт разрушения старых и установления новых синтагматических отношений, вызывая эффект окказиональности, сверхобразности, необычности

Накал экспрессивности подобных новаций особенно ярок на фоне других «диких» словоречений (Д. Накипов) и графикации, в которых проявляется авторская игра на нескольких уровнях, но, прежде всего, на уровне семантики: ... и *выплёвывая зуб, вывываешь крик...ааа...а мы видим беззубое-кричащее и слышим-зрим потустороннее и немо проступает нечто-ничто...ам-аз-о-нн-кк-ааа...мама...река...изз...ттравв...ссс-ттт-еее-ппп-ее-ийй... т.е. из трав степей...не путать с озоном или зоной...с азаном-молитвой...зело...то бишь, новыми словозвучиями энд звуками...*

В ходе исследования мы пришли к заключению, что особенно характерны для художественных текстов Накипова инновации, в которых эксплицируется «интеллектуальная» игра со словом, смыслом, знаком, звукорядом, текстом, что в отдельных случаях сопровождается аппликацией стилистических фигур: ...*медиумы, мистики, суфии... Яссауи-а-ии-я... фламинго розовый..., янтарный олень... шемяще-явственный... где вы?...музыканты мук...муми мудрости...ммм...; ... что-то шептало... лишь лишьлившись лишнего лишишься личности... лишь-лишь... слышь?...*

Рифмованные сложения в окружении *словозвучий*, как их определил сам автор, многоточий и предложений без знаков препинания, набранные курсивом, – яркая особенность художественного почерка Накипова. Даже на жанровом уровне, как справедливо отмечают исследователи творчества Д.Накипова, прослеживается диалог поэзии и прозы, и внутренним объединяющим началом выступает музыкальность, проявляющаяся и на уровне фонетическом, и на уровне смысла: «...*аз воздам-двигну-создам-подвигну-и ад-дам...ввв...ррр...аааийй...адам плюс остальное плюс ева плюс зев плюс дыра плюс ам плюс лоно...*».

Виявленні в художественному тексті графікати належать до засобів як номінативного, так і експресивного словоутворення і мають семантичну щільність, багатоступовість і потенційну широту інтерпретації.

Резюмуючи сказане, відзначимо, що ідеї та образи Дюсенбека Накіпова в усьому повноті відбилися в новаторському мові його творів, що потребують комплексного лінгвістичного дослідження. Інновації Накіпова – це не тільки результат творчого процесу, що заключається в вираженні понять, але і спосіб викликання думок, емоцій, образів та асоціацій, в них проявляються авторські інтенції, прагнення в значимому креативному слові висловити своє, під час критичного, ставлення до реалій сучасного життя, в тому числі і до особливостей мови третього тисячоліття.

#### **Література**

1. Мучник Г.М. Ескіз ідиостилю Дюсенбека Накіпова//Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції «Філологічні науки в сучасному світі». – Алматы, 2013. – С. 351.
2. Ісенова Ф.К. Про граматичну природу окказиональності в художественному тексті//Матеріали Республіканської науково-практичної конференції «Мова – мислення – слово в філологічних дослідженнях», присвяченій 80-літтю со дня народження професора Р.С. Зуєвої. – Алматы, КазНУ ім. аль-Фарабі, 2012. – С.180.

*Lazurenko Lidia, Prydniprovsk State Academy of Civil Engineering and Architecture, Foreign Languages Department  
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,  
Shashkina Natalia, Prydniprovsk State Academy of Civil Engineering and Architecture, Foreign Languages Department  
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,  
Druzhinina Lylya, Prydniprovsk State Academy of Civil Engineering and Architecture, Foreign Languages Department, Associate Professor*

### ***Analysis of some stylistic features in English and Ukrainian technical languages in cognitive aspect of research***

*Л.А. Лазуренко, Придніпровська державна академія будівництва та архітектури, кафедра іноземних мов,  
доцент, кандидат філологічних наук  
Н.І. Шашкіна, Придніпровська державна академія будівництва та архітектури, кафедра іноземних мов,  
доцент, кандидат філологічних наук  
Л.В. Дружиніна, Придніпровська державна академія будівництва та архітектури, кафедра іноземних мов, доцент,*

### ***Аналіз деяких особливостей науково-технічного стилю англійської та української мов в когнітивному аспекті дослідження***

Мовне значення слова прямо залежить від певного образу, який сформувався в мозку людини, що стоїть за цим словом, тобто при сприйнятті будь-якої інформації людина використовує вже готові структури, що полегшують сприйняття, запам'ятовування і що зберігаються в його «банку даних» доти, поки в них не виникає необхідність, а при виникненні чогось нового автоматично робить вибір найбільш схожої схеми для звернення нового з вже наявними в пам'яті.

Наступне дослідження продовжує серію лінгвістичних робіт [1, 2, 3, 4], які зображують загальні та специфічні особливості галузевих термінологій. Актуальність вибраної теми полягає в тому, що

аналізуючи лексичний склад і характер організації термінологічної системи, є можливість виявити тенденції формування, функціонування та зросту лексики сучасних мов в найбільш динамічній їх частині, яка швидко розвивається – у сфері природно-наукової термінології. Це зумовлено низкою цікавих характеристик термінології (помітний збіг семантичної і формальної структури термінів, наявність однієї концепції, яка зображує систему понять), що дозволяє зробити висновки щодо способів побудови галузевих термінологій в сучасних мовах в цілому.

Як відомо, результат пізнання спеціальної сфери діяльності реалізується у терміні.

Термін є найважливішим елементом розумової діяльності людини, він має властивості, які відображають логіко-понятійний зміст розумових операцій. Когнітивні властивості терміну примітні тим, що вони знаходять неодмінне вираження в термінологічних структурах. Ці структури є інтеграцією декількох видів інформації: знання про певний фрагмент світу (куди входить енциклопедичне, загальнонаукове і власне спеціальне знання), знання про ментальні форми його віддзеркалення в свідомості, про мовні форми його репрезентації, а також знання про операцію мовними одиницями з метою обробки, зберігання і передачі знань [3].

Когнітивна структура знань людини в різних сферах діяльності відбивається в способах термінологічної номінації. В завдання номінації входить рішення питання про те, яка частина знань про явище дійсності, перероблена свідомістю у вигляді концепту, отримує окреме найменування. Будь-який номінативний акт має елементи когнітивного і прагматичного характеру. Вибір мотивуючої основи нового слова, що відображає певне уявлення людини про навколишній світ, його суб'єктивно-об'єктивне сприйняття дійсності – це первинний акт; вторинне іменування в мові науки формується на підставі тих ознак, які людина вибирає при аналізі внутрішньої форми слова. Наукове поняття, яке називає термін, формується за допомогою логічного осмислення найбільш важливих сторін об'єкту, виділення в ньому істотних і необхідних мотивуючих ознак. Вони можуть відрізнятися в різних терміносистемах, тому для правильного розуміння значення терміну потрібно опанування всією концептуальною системою даної області знання – «концептосферою» [4]. В загальнолітературній мові слово *concrete* означає «конкретний», а в будівельній термінології – «бетон». Термін *mortar* в будівельній термінології перекладається «розчин», а в військовій – «мортира», «міномет». Слово *rate* у фізичній термінології означає «швидкість», а в економічній – «ставка», «курс»: *interest rate* – «процентна ставка», *exchange rate* – «обмінний курс». У загальнолітературній мові слово *stroke* означає «удар», а в будівельній термінології – «хід поршня».

Логічне осмислення найбільш важливих сторін одного й того ж об'єкту в різних мовах теж може різнитися. У найменуванні *end-bearing-pile* (паля, з функцією, що несе, на кінцях) виражена ознака «призначення». Український термін *паля-стійка* передає ознаку «зовнішній вигляд, форма». *Фундамент на природній основі* перекладається англійським терміном *direct foundation*, що означає «прямий, безпосередній фундамент». Український термін точніше передає розташування фундаменту «на ґрунті, на землі». Різні мотивувальні ознаки покладені і в основу наступних найменувань: *continuous concrete* (бетон, що укладається без перерви) – *монолітний бетон*; *massif exploding* (вибух масиву) – *визрівання бетону*; *cast-in-place* (залита на місці) *pile* – *набивна паля* і т. ін..

Мовні форми репрезентації концептів в різних мовах мають певні особливості, які залежать від структурного характеру мови.

Особливі труднощі для розуміння при перекладі тексту утворює неформальність англійського слова, тому треба пам'ятати, що в англійській мові важливий порядок слів в реченні, на відміну від найменування в українській мові, тому що головні частини мови в ній мають формальні показники, які визначають їх синтаксичний зв'язок між собою.

*The region budget and total fund of Ukrainian local budgets have been examined*

*Розглянуто бюджет регіону та весь фонд українських місцевих бюджетів.*

Намагання показати реальні об'єкти і використати реальні речі призводить до переваги в англійському науково-технічному стилі іменних структур. Прагнення позбавитись великої кількості прийменників в термінологічному найменуванні призводить до використання сполучень ряду іменників в загальному відмінку або складних слів, які пишуться через дефіс: *cone-headed nail* - *цвях з конусною голівкою*, *rigid-when-wet corrugated board* - *вологостійкий гофрований картон*, *polypropylene fiber-reinforced concrete* – *поліпропіленовий волокнистий залізобетон*.



В науково-технічному стилі, за нашими спостереженнями над сферою функціонування, частіше, ніж в загальнолітературному, використовується герундій, якого не існує в українській мові і перекладається іменником або неозначеною формою дієслова:

*Prestressing will be employed in a large scale...*

*Попереднє напруження буде використовуватись в широкому масштабі...*

Дієприкметник теперішнього часу в українській мові вживається не так часто, як в англійській та російській мовах. Під час перекладу перевага надається підрядним реченням. Тому необхідно враховувати правила граматичної будови мови. Порівняємо англійські, російські та українські речення.

*Reinforcing steel is primarily the tensile component of reinforced concrete.*

*Армирующая сталь в первую очередь является элементом железобетона, работающим на растяжение (растягивающим элементом).*

*Сталь, яка армує, є, в першу чергу, розтяжним елементом залізобетону.*

Дієприкметник теперішнього часу *reinforcing* в російському реченні відповідає дієприкметнику теперішнього часу *армирующая*, а в українській – підрядному реченню. Переклад «*Армуюча сталь є, в першу чергу, ...*», на наш погляд, стилістично гірший варіант. Словосполучення *tensile component* в українській мові, як і в англійській, перекладається за допомогою конструкції прийменник + іменник. Але російська конструкція *элемент..., работающий на растяжение* частіше використовується в терміносистемі «Будівельні матеріали» і є закріпленою в сфері фіксації, хоч в сфері функціонування зустрічається і варіант *растягивающий элемент*.

Складені найменування української та англійської термінології мають бінарну структуру і є субстантивними словосполученнями. Стержньовий компонент таких словосполучень завжди виражений іменником, а той, що його визначає, - різними частинами мови. В англійській мові – сполученням іменників, а також дієприкметників і прикметників. На українську мову такі найменування можуть перекладатись прийменниковими та безприйменниковими дво- і трикомпонентними сполученнями, а також напів предикативними конструкціями або термінами-описами: *corrugated asbestos-cement board* – *хвилястий асбестоцементний лист*, *ultrahigh early strength cement* – *надвидкотвердіючий цемент*, *drilling mud* – *глинистий розчин для буріння*, *worked lumber* - *спеціально оброблений лісоматеріал*, *cement dispersion admixture* - *домішка для полегшення розмелу цементу*, *polypropylene fiber-reinforced concrete* – *бетон з заповнювачем з поліпропіленового волокна*; *cold setting adhesive* – *клей холодного твердіння*; *fully-graded aggregate* – *заповнювач з безперервним гранулометричним складом* та ін.

Терміни-описи з'являються в терміносистемі тоді, коли відсутні найменування для певних понять. По суті вони є дефініціями даних понять: *ceramic fiber metal* - *метал, армований керамічними волокнами*; *off-axis fiber composite* - *композиційний матеріал, армований під кутом до вісі навантаження*; *barge board* - *дошка, яка закриває фронтові стропильні ноги*, *single-fiber composite* – *композиційний матеріал, який містить волокно тільки одного типу*, *green concrete* – *зчеплений, але не затверділий бетон*, *job-mixed concrete* - *бетонна суміш, яка готується на будмайданчику*, *rumped concrete* - *бетонна суміш, яка транспортується по трубах бетононасосом*, *strip concrete* - *бетон, який ущільнили центрифугуванням* та ін.

Справа не тільки в тому, що у технічних текстах багато назв реальних предметів. Дослідження показали, що в таких текстах номіналізуються описи і процесів, і дій. Замість того, щоб сказати *to clean after welding (прибирати після сварки)*, фахівець скаже *to do post-welding cleaning (виконати прибирання після сварки)*; якщо треба показати, що частка знаходиться поблизу ядра, говорять *it occupies a just nuclear position (вона займає позицію саме біля ядра)*.

Таким чином, можливо зробити висновок. Когнітивний підхід в дослідженні процесу формування і функціонування термінів дозволяє реконструювати етапи когнітивної і практичної діяльності людини, принципи сприйняття і категоризації світу, описати мовну картину даної галузі знання і діяльності. Систематизація в термінах когнітивної лінгвістики дає можливість встановити, яка саме частина знань про будівельні терміни відбита в їх назвах і які саме ознаки кладуться в основу номінації в кожному з даних прикладів. Використання ономазіологічного методу для аналізу термінології дозволяє: 1) встановити, як співвідносяться поняття, відбиті в семантиці термінологічних

одиниць; 2) виявити понятійні механізми утворення термінів і характер мотивованості нового найменування. Контрастивний аналіз українського та англійського наукового стилю дозволяє визначити особливості терміну як основної одиниці наукового стилю мови, ґрунтуючись на когнітивних характеристиках.

Вивчення властивостей термінів сприяє розумінню специфіки терміносистеми, її більш швидкому засвоєнню і правильному використанню досліджуваної термінології.

#### **Список літератури:**

1. Лазуренко Л.А., Шашкина Н.И., Дружинина Л.В. Коммуникативная функция терминологии в когнитивном аспекте исследования. // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна»: збірник наукових праць / укладачі І.В.Ковальчук, Л.М. Коцюк, С.В.Новоселецька. – Острог : Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. – Вип. 42. – С.212 - 214
2. Шашкина Н.И., Лазуренко Л.А., Дружинина Л.В. Лингвометодические аспекты в изучении терминологической концептосферы. // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : VI Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 22-23 апреля 2013 г.) : материалы / составитель Т.С.Пристайко. – Д. : Нова ідеологія. 2013. – С.320 - 322
3. Новодранова В.Ф. Развитие методов когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей. // Российский государственный гуманитарный университет, материалы круглого стола РГГУ 24 октября 2011. – e-library. www2.rsuh.ru
4. Дроздова Т.В. Типы знаний и их представление в научном дискурсе //Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. труд. – М. – Калуга: – «Эйдос», 2007. С. 111-120.

*Prus Lilia Vitaliivna, Borys Grinchenko Kyiv University,  
Graduate student, the Faculty of Germanic and Romanic languages*

## **Manipulative promissive speech acts in contemporary political discourse**

**Прус Лілія Віталіївна**, Київський університет імені Бориса Грінченка,  
аспірант кафедри германських і романських мов

## **Маніпулятивні промісивні мовленнєві акти в сучасному політичному дискурсі**

У повсякденному житті кожна людина є невід'ємною частиною політичного дискурсу – адресатом, тобто об'єктом впливу різних інформаційних центрів з політичними промовами, агітаціями, виступами, пропагандистськими матеріалами, преси, телебачення, інтернету, радіо, рекламних банерів тощо. В основі будь-якої політичної промови є інтенція політика-адресанта, адже кожен комунікативний акт містить превербальний осмислений намір мовця, що організує та регулює інтерактивний процес, зумовлює вибір комунікативних стратегій і мовні засоби їх реалізації [6, с. 40]. Задля переконування громадян, адресного впливу на чітко окреслені групи населення та електоральні групи з метою спонукання їх до певної посткомунікативної дії (політичного вибору, участі в політичних процесах тощо) і зрештою з метою керування суспільною думкою та політичною поведінкою політики активно використовують маніпулятивні стратегії у промісивних мовленнєвих актах – обіцянках, пропозиціях, особистих зобов'язаннях, гарантуваннях.

Маніпулятивність є визначальною рисою сучасного політичного дискурсу. Багато вітчизняних і зарубіжних науковців присвятили свої дослідження вивченню механізмів маніпуляції людською свідомістю і електоральних процесів, комунікативних стратегій впливу на адресатів, тактик

дистанціювання від маніпуляцій — Р. Блакар, Т. ван Дейк, С. Доценко, О. Іссерс, Г. Почепцов, С. Кара-Мурза, Е. Кассирер, К. Лоренц, Е. Фромм, О. Шейгал та ін. Але, незважаючи на популярність маніпулятивних промісивних актів у сучасному політичному дискурсі, а отже, й актуальність їх дослідження, досі у мовознавстві немає цілісного й усебічного аналізу стратегій та засобів впливу на адресатів у обіцянках політиків, що визначає необхідність вивчення висловлень цього типу.

Мета статті — розглянути основні маніпулятивні стратегії впливу, які політики активно використовують у промісивних мовленнєвих актах. Реалізація поставленої мети передбачає виконання таких завдань:

- виявити маніпулятивні промісивні акти у виступах сучасних політиків;
- проаналізувати вербальні засоби впливу на адресатів і їх функціональний потенціал у сучасному політичному дискурсі.

У промовах та виступах політики-адресанти використовують мовне маніпулювання — вид мовного впливу, який використовується для прихованого впровадження в психіку адресата цілей, бажань, намірів, відносин або установок на противагу тим, які є у адресата в даний момент [3, с. 99]. У свою чергу Р. Блакар обґрунтовував ідею використання мови задля впливу на світосприйняття співрозмовника [2]. Дослідник розумів мовленнєвий вплив як засіб здійснення влади, констатує, що маніпуляція не просто містить елемент влади, вона особливим чином передбачає зловживання дискурсивною владою, вершиною якого є домінування» [4, с. 255]. Таким чином, можемо стверджувати про персуазивність політичних промов, адже вона є формою соціального впливу, осмисленого зусилля, яке спрямоване на зміну свідомості у процесі комунікації в такій ситуації, коли адресат наділений певною свободою [1, с. 10], що уможливує доволі легке надсилання мовних повідомлень, метою яких є вплив на певну аудиторію.

Особливим типом персуазивної мовленнєвої дії є маніпуляція. Для її здійснення використовуються слова, символи, жести, міміка — лінгвальні та паралінгвальні засоби, які в певному контексті та значенні можуть впливати на адресата — інструменти мовної маніпуляції. Доволі поширеним засобом мовленнєвої маніпуляції в промісивних комунікативних актах є дейксис, який використовується для актуалізації компонентів ситуації мовлення і компонентів денотативного висловлювання [7, с. 128]. Різні форми адресації часто використовуються і як риторичний прийом — звернення до аудиторії, і як прийом демагогії — особливо використання займенника «солідарності» «ми» і «ви». Так, наприклад, президент Росії Володимир Путін брав участь у пленарному засіданні 18-ого Петербурзького міжнародного економічного форуму, основною темою якого було «Укрепление доверия в эпоху преобразований»: *«Уже к 2020 году мы планируем удвоить взаимный товарооборот, доведя его до 200 миллиардов долларов... Мы также планомерно идём к формированию стратегического российско-китайского энергетического альянса, который будет служить несущей опорой энергобезопасности всего Азиатско-Тихоокеанского региона.*

*Со стороны России в течение 4–6 лет будет инвестировано около, мы сейчас не можем точно сказать, но около 55 миллиардов долларов. Будут построены заводы по производству гелия и газохимии, новая инфраструктура, не только газовая, но и дорожная, энергетическая инфраструктура, созданы тысячи современных высокотехнологичных рабочих мест.*

*Дорогие друзья, наша страна неоднократно доказывала, что способна осуществлять масштабные проекты».* Бачимо, що в цьому промісивному висловленні фігурує рольовий дейксис — **ми** і **наша**. Провідна роль відводиться займеннику солідарності **ми**, який повторюється декілька разів для посилення маніпулятивного ефекту та характеризує не лише безпосередньо В. Путіна і його команду, а й усю Російську Федерацію, що надає особливої ваги обіцянкам. Окрім того, після декількох повторів займенника «солідарності» звучить ще одна маніпулятивна стратегія — посилення на авторитет країни: **«наша страна неоднократно доказывала»**, а словосполучення **наша страна** у цій мовній конструкції ефективно підкреслює завуальовану репрезентацію ідей і намірів президента та його команди як прагнень і бажань громадян Росії. Таким чином, ця група представлена як єдине ціле, їй приписуються загальні інтенції.

Досить часто політики у промісивних висловленнях використовують комбінацію з декількох засобів мовної маніпуляції. Наприклад, прем'єр-міністр України Арсеній Яценюк під час свого виступу на з'їзді партії «Батьківщина» використовував посилення на авторитет Європи, а також дейксис: *«Як глава уряду гарантую, що ми забезпечимо чесність і прозорість виборів. Президентом буде той, за кого проголосує народ»*, — пообіцяв Яценюк.

«Разом ми з вами перейдемо всі виклики, переборемо всі негаразди, продемонструємо всьому світу нашого європейського президента, нову європейську конституцію, нові європейські регіони і наше справжнє європейське майбутнє», – підбив підсумки свого виступу прем'єр.

У цьому промісивному мовленнєвому акті бачимо, що А. Яценюк каже про світле майбутнє українського народу і при цьому вказує на учасників комунікації, використовуючи займенники **ми, ми з вами**, які і сполучають всіх учасників цього висловлення в єдине ціле – народ. Таким чином, ми констатуємо наявність одного із засобів мовленнєвої маніпуляції – рольового дейксиса. Також варто звернути увагу на такі словосполучення, як **нову європейську конституцію і нові європейські регіони** – адресант використовує прикметник новий, який, відповідно до більшості тлумачних словників, має семантику змін. Але будуть ці зміни на краще чи на гірше? Звичайно ж, політик хоче довести людям, що зміни відбудуться на краще, і використовує в словосполученні ще один прикметник – **європейський**. За допомогою нього політик впливає на адресатів, адже кажучи «європейський», Арсеній Яценюк має на увазі економічно розвинені країни Європи з гідним рівнем життя, якого ми тільки прагнемо.

Аналогічну маніпулятивну мовну стратегію бачимо у промові президента США Барака Обама 20 січня 2009, де він закликає до «new era of responsibility»: *«To the people of poor nations, we pledge to work alongside you to make your farms flourish and let clean waters flow; to nourish starved bodies and feed hungry minds. And to those nations like ours that enjoy relative plenty, we say we can no longer afford indifference to the suffering outside our borders, nor can we consume the world's resources without regard to effect. For the world has changed, and we must change with it»*. По-перше, Барак Обама використовує рольовий дейксис «солідарності» **we, you і our**, коли говорить про бідні країни та про США, і таким чином руйнує всі межі між людьми різних національностей, різних рас і з різного матеріального статку. По-друге, в цьому виступі президент Америки також говорить про зміни, посилаючись на свою країну, а також держави, які живуть в достатку і, безперечно, є авторитетом для народів бідних країн. Наведені приклади свідчать про істинність висновків С. Г. Кара-Мурзи про те, що коли як аргумент на підтримку якогось суто ідеологічного чи політичного ствердження залучається авторитет і повага, завойовані в зовсім іншій, не пов'язаній з цим твердженням сфері, то це – типова маніпуляція [5, с. 816].

Цікавою, на нашу думку, є комбінація таких мовленнєвих стратегій маніпуляції, як **посилання на позитивний факт у минулому і позитивна саморепрезентація**, що ми простежуємо у виступі Володимира Жириновського 2008 року в студії московського «Радио Свобода»: *«Ну, вот в самые первые новогодние дни, конечно, общее затишье, и мы ничего особенно не предпринимали. Но мы в декабре делали (не все это отражается) и сейчас будем делать. Мы делаем больше, чем любая другая политическая структура»*. Посиланням на позитивний факт у минулому є речення з дієсловом «**делали**», що є констатацією дій, але без фактичного уточнення, адже політик не вказує, що саме робили і що зробили. Та сама процесуальність вказує адресатові на те, що відбулися певні дії і, значить, в майбутньому теж буде відповідний результат. Засобом маніпуляції у цьому реченні також є чітка опозиція **своїх і чужих**, оскільки Жириновський говорить, що його команда робить більше, ніж усі інші – **«мы делаем больше, чем любая другая политическая структура»**. Цією фразою він вказує на позитивні сторони «своїх» і водночас дискредитує опонентів – «чужих».

Отже, у своїх виступах представники влади використовують цілий арсенал специфічних мовних конструкцій та мовленнєвих засобів задля переконання адресатів у істинності їхніх намірів та втілення власних інтенцій. Кожен мовний елемент є досить складним і чутливим інструментом, на якому грає той, хто користується мовою, а сприйняття і розуміння, що народжується в адресата, залежать від того, як користується цим тонким інструментом адресант [2, с. 97]. Ми розглянули декілька маніпулятивних стратегій та засобів впливу у промісивних мовленнєвих актах. Проте вартими уваги є й інші стратегії маніпулювання адресантами у промісивних висловленнях політиків, які стануть предметом наших наступних студій.

#### Список літератури

1. O'Keefe D. J. Persuasion: Theory and Research. – 2nd ed. / Daniel J. O'Keefe. – Thousand Oaks: Sage Publications, Inc., 2002. – 365 p.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125.
3. Быкова О. Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. – Красноярск, 1999. – Вып. 1(8).

4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.
5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм-Эксмо, 2005. – 832 с.
6. Кокоза Г. А. Комунікативні стратегії і тактики персоналізації публіцистичного дискурсу мовними одиницями на позначення одягу / Г. А. Кокоза // Філологічні трактати. – Видавництво СумДУ, 2010. – Т.2. – №1. – С. 40–44.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

*Roman Lilija Anatoljevna, Bukovinian State Medical University,  
The Teacher, the Department of Ukrainian and Social Studies  
Moisej Antonij Arkadjevich, Bukovinian State Medical University,  
PhD of History, the Chief of the Department of Ukrainian and Social Studies*

## **The Influence of Christianity in the Formation of the Concept of «Chronotope»**

*Роман Лилия Анатольевна, Буковинский государственный медицинский университет  
Преподаватель кафедры общественных наук и украиноведения  
Мойсей Антоний Аркадьевич, Буковинский государственный медицинский университет,  
Доктор исторических наук, заведующий кафедрой общественных наук и украиноведения*

### **Вплив християнства на формування поняття «хронотоп»**

Уявлення про час і простір завжди були універсальними формами освоєння і переживання людиною навколишнього світу. Людина вже на самій ранній ступені свого розвитку, тобто у первинному суспільстві, почала усвідомлювати час з початку у теперішньому, потім у минулому і майбутньому. Для осмислення історії людства в цілому і для існування конкретної людини загалом час має особливе, принципове значення. Особливу актуальність ця проблема має як в індивідуальному, так і в узагальненому вигляді для сучасної України. Час у цьому розумінні виступає як структуроутворюючий аспект життєдіяльності людини, усвідомлення нею власної сутності і духовності. «Історичний час» у такому контексті служить для розгортання ідей духовної культури українського народу, осмислення розвитку національної самосвідомості.

Дослідженню феномену часу і простору присвячено велику кількість праць, але всі дослідники цього питання працювали у різних царинах (Августин, Ф. Бренано, В. Дільтей, Е. Гусерль, А. Бергсон, М. Гайдеггер, Г. Гадамер, В. Татаркевич). Зокрема аналізу художнього часу та простору прози присвячені праці М. Бахтіна, Ю. Лотмана, В. Гречнева, Т. Солдатенко, Н. Фортунатова, Т. Мотильової, О. Білого. У цих дослідженнях організуюча функція часу та простору розглядається як основна для цього виду літератури. Хронотоп поезії аналізувався в працях Ю. Лотмана, А. Лосєва, Б.Єгорова, А. Гризуна, В. Мовчанюка. Тут основна увага дослідників зосереджувалася на філософських позиціях поетів та їх утіленні в часово-просторовій організації твору або ж на ритмічних особливостях поезії.

**Мета** нашої статті – дослідити вплив християнства на формування поняття хронотопу в історико-літературному дискурсі.

Термін «хронотоп» вперше був використаний видатним російським фізіологом А. Ухтомським у 1923 році для позначення психологічної домінанти, яка пояснює поведінку організму у єдності його фізіологічних та психологічних проявів. Але у філософію гуманітарних наук та у культурологію це поняття ввійшло пізніше завдяки праці М. Бахтіна «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» [1]. Згідно М. Бахтіна, глибинний смисл будь-якого художнього тексту пов'язаний із реальним або уявним часово-просторовим континуумом. Але пережити позачасове інтуїтивне почуття і світосприйняття автора ми можемо лише за допомогою дискретних кванторів

соціокультурного простору і часу – хронотопів. Хронотопи можуть виражати плин часу за допомогою просторових форм, переліку якихось предметів чи знаків або ж відображати різні картини буття за допомогою часових координат. «Точка зору, – пише він, – завжди хронотопічна, тобто включає в себе як просторовий, так і часовий момент [1]. М. Бахтін у своїх працях виділив топографічний, психологічний і метафізичний хронотопи.

Системно проблематика часу була проаналізована також у працях М. Еліаде. Він одним з перших поставив за мету дослідити онтологічний аспект часу, його формування і значення для різних суспільств, а також у різних історичних умовах. Грунтом усіх розробок з історії релігії для М. Еліаде є ідея первинного, «міфічного часу». Він розробив ідею класифікації міфу з точки зору його функціонування в ритуалі і надає міфу «пафосу вічного повторення». Учений спробував дати відповідь на запитання, як людина архаїчного суспільства сприймала себе і своє місце у космосі. Космос в її розумінні – це світовий порядок, встановлений від віку, який регулює всі відносини у всесвіті. Архаїчна людина за М. Еліаде, відчувала себе нерозривно пов'язаною з космосом і його ритмами – на відміну від людини сучасної, пов'язаної з історією. «Історія» космосу і людського суспільства («священна історія») встановлюється і розповсюджується посередництвом міфології. Ця історія може повторюватись нескінченно доти, доки міфи служать взірцями для церемоній, які періодично відтворюють великі події первісного часу. Вчений також справедливо наголошував на тому, що кожний ритуал має свою сакральну модель, архетип. Як приклад, дослідник навів давнє індійське прислів'я: «Ми можемо діяти так, як діяли на початку боги», або «Так робили боги, так роблять люди» (Чатападха Брахмана). В цьому індійському прислів'ї, підкреслює М. Еліаде, резюмується вся теорія, яка стоїть за ритуалами народів. На думку дослідника, для «первісного мислення» найважливіші акти повсякденного життя були представлені відвічно богами чи героями. Люди безкінечно лише повторюють ці взірцеві і парадигматичні дії [2]

Провідну роль у формуванні понять «часу» та «історії» відіграло християнство, яке водночас мало глибокий історичний вплив на формування й як європейської культури загалом, так й української зокрема. Перехід від язичництва до християнства супроводжувався суттєвою перебудовою всієї структури часових уявлень у середньовічній Європі. Але архаїчне сприйняття часу не зникло – воно лишень відступило на задній план, так би мовити у «нижчий» пласт народної свідомості. Язичницький календар, який відображав природні ритми, був пристосований до потреб християнської літургії. Категорія божественного архетипу, яка визначала поведінку і свідомість людей в архаїчних суспільствах, залишалася центральною у світосприйнятті і середньовічного християнства. Персонажі і події Старого і Нового завітів посідали реальність особливого роду. Середньовіччя – це період у свідомості народів Європи, коли поступово починає здійснюватися перехід до сприйняття і осмислення часу як незворотного, векторного, односпрямованого, яке спрямоване з минулого у майбутнє. Відмінності у сприйнятті та осмисленні часу і простору стали суттєвими в період формування міського населення, хазяйське життя якого її влаштування і організація, стиль і ритм принципово відрізнялися від життя сільських груп населення. Формування цих двох «полюсів життя» виконало функцію пускового механізму в процесі започаткованого переходу від «біблійного часу» до «часу купців». Середньовічне суспільство було аграрним, а тому час у такому суспільстві сприймався крізь природні ритми. Найважливішими були зміна пір року і послідовність сільськогосподарських робіт. Внаслідок цього календар у такому суспільстві носило характер сільськогосподарського. Але аграрний час у середньовічній Європі був одночасно часом літургичним. Рух за річним кругом членувався, точніше, впорядковувався і організовувався за допомогою свят, які знаменували події з земного життя Ісуса Христа, Пресвятої Богородиці, святих і т. д. Відповідно проводився і відлік часу – за числом тижнів до Пасхи і після неї, до і після Різдва Христова. Доби в цей період ще не ділились на рівновеликі проміжки, вони ділились на часи дня і ночі. Темп життя і основних занять залежав від природнього ритму. Аграрний час циклічний, але наразі існували і лінійні уявлення про час, які втілюються в так званому «родовому часі». Європейською формою фіксації родового часу були генеалогії. Цей час був фактично часом історії, тому що «історія Середньовіччя – це історія древніх феодальних родів і династій». У мовній сфері це відображується у номінації відрізків історичного часу з опорою на антропонімію. Лінійний час земних царств і змін одна за одною подій не сприймали як єдиний потік, не як справжній, він співіснував з коловим циклічним часом. З іншого боку, цей час був мирським і протиставлявся сакральному, біблійному часу. Це співіснування двох часів виразилося у наявності двох типів календарів – народного аграрного і церковного. Сакральний і мирський час об'єдналися в категорію часу історичного, про що свідчать найменування «Від створення миру...», «Від Різдва Христова». При цьому

історичний час в цій єдності підпорядковується сакральному, але в ньому не розчиняється (земний час швидко рухомий, неповторний, направлений на перехід до вічного життя).

За А. Гуревичем, пориваючи з циклізмом язичницького світогляду, християнство перейняло зі Старого Завіту розуміння часу як есхатологічного процесу, напруженого очікування великої події, що вирішує історію, – приход Месії. Однак, поділяючи старозавітний есхатологізм, новозавітне вчення переробило це уявлення і висунуло зовсім нове поняття часу. У християнському світосприйнятті поняття часу було відділено від поняття вічності, яка в інших давніх світоглядних системах поглинала і підпорядковувала собі земний час. Вічність – невимірна часовими відрізками. Вічність – атрибут Бога, час же створений, має початок і кінець, він обмежує вік людської історії. [3]. Таким чином, християнство вважає основним принцип лінійності у сприйнятті часу, пов'язаної з односпрямованістю, незворотністю та дискретністю. Християнська концепція часу передбачає повторюваність у межах літургічного кола, проте, це не буквально, а «символічне, сакральне зв'язування часу».

Як бачимо, саме з виникненням та поширенням християнства формується принципово нове, лінійне розуміння часу в історичному русі людства, що, пізніше, в свою чергу, вплинуло на формування поняття єдності часу й історії, часу та простору – часопростору. За словами С. Аверінцева: «Біблія вже у Старому Завіті оповідає про осмислений, змістовний шлях від призначення Авраама через Вихід і Синайське Одкровення до передвіщеного пророком Ієремією «нового завіту» (31:31) і месіанської перспективи» [4]. Історія вибудовується в одну лінію, що розпочинається з творіння і завершується Страшним судом. Після закінчення весь світ прийде до Бога, який і був його початком. Поняття «світ прийде до Бога» слід розуміти як повернення до вічності, що є атрибутом Бога. Таким чином, середньовічна християнська свідомість сформулювала свій хронотоп, що складався з лінійного невідворотного часу і ієрархічно вибудованого, наскрізно символічного простору, ідеальним вираженням якого є мікрокосм храму.

Завершуючи наш виклад такого бачення впливу християнства на генезу поняття хронотоп, слід відзначити, що це – тільки узагальнене окреслення проблеми. Існує й безліч нерозглянутих питань, які стосуються форм вираження хронотопічних елементів, залучення суміжної лінгвістичної проблематики, співвідношення художнього часу та простору з питаннями стилю, засобів та прийомів творення образу, ідейного змісту твору тощо, вирішення яких ще чекає на увагу науковців.

#### **Список літератури**

1. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975.
2. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы / М.Элиаде. – М.: Прогрес, 1987, с. 45, 54;
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Избранные труды / А.Я.Гуревич. – М., 1999. – Т. 2.
4. Аверинцев С. Связь времен / Сергей Аверинцев. - К., 2005. - 448 с.

*Zaika Liudmyla, State Institution of Higher Education "National Mining University"  
Senior teacher, Department of Foreign Languages,*

### ***Development of cognitive motives at the English language lessons***

This article is devoted to motivation of the students' educational activities. The publication focuses on the ways of development of cognitive motives and formation of motivation through emotions.

Motivation is a source of active behavior and activity of a student, motivation and organization (preparation to carry out a certain activity with the aim to read the desired results), activity and fulfillment (fulfillment of activities which have to ensure achievement of the desired result), control and correction (comparison of the obtained result with the desired one and making changes if the results are not appropriate). [1] Motivation, organization and grasp of activity take place at the first stage of students' activity. They all are interdependent, interrelated and mutually complementary in real practical students' work at the English lessons.

To change students from the objects into subjects of educational activity is the aim of a teacher and that has to ensure the expediency, self-discipline and correctness of their further activity. Any activity will be successful only if its participants are interested in their own results and take part in the activity directly. The degree of the participants' activity in the process of activity is determined with the motives.

Motives are complex, multilevel, inner psychological formation accumulating the interests, needs, dispositions, ideas, which are significant for personality as the results of his/her activity. [2]

Motives can be different (economic, social, cognitive etc.), but they appear only in the process of complex inner psychological activity of the subject of educational activity himself. That's why a teacher can only influence formation of students' motivations (interests, dispositions, moral standards, lifestyle principles etc.) which will be used by them to form the motives. Some students are motivated with the process of cognition itself during the studies and the others are motivated with communication with other students during the studies: the cognitive motives are connected with the content of the educational activity and the process of its fulfillment; the social motives are connected with different social interactions of a student with other people.

Cognitive interests have special meaning in educational activity. Motivation of the process of studies depends directly on the main interests of students:

- direct interest to the content of the subject of activity reflected in it;
- interest caused by the character of the mental activity which is necessary for the subject;
- interest stipulated by the appropriate disposition of a student to a certain type of the subject activity;
- indirect interest to the subject caused by the ideas about future activity;
- interest stipulated by the process of educational activity connected with social situation (a student group, a teacher etc.).

Social motives can be the following ones:

- wide social motives: awareness of the social benefit of education, the feeling of obligation, responsibility, aspiration to train well for future profession;
- narrow social motives (positional): a student strives to occupy a special position, to get a certain status of a leader or a teacher's approval.

Such attitude to education when a student is aware of his social significance makes education just necessary and attractive for him. If that attitude is quite steady it gives a student some forces to overcome the hardships, to display patience and carefulness. However, if those motives are not supported by the other ones they will not be able to ensure maximum effect, because in those cases not the activity itself attracts, but the things connected with it.

Motive is an engine of thinking and its regulator. Any pedagogical activity must have correct motivation and each method of education must have powerful motivation in itself. [3]

Motives appearing independently are displayed in a student's striving for independent studying of the tasks and aims independently of a teacher's assessment and in unwillingness to use a teacher's prompt during the English language lesson. To create steady educational motives it is necessary to stress practical significance of knowledge for further life, create educational problem situations highlighting significance of the obtained knowledge for development of logic and abstract thinking ability to self-analysis.

Positive emotion is pleasant and brings satisfaction for students. Motivation sphere of studies is determined with peculiarities of emotions accompanying the process of studies. They depend on the characteristic features of students, motivation, reflect relations between motives and opportunities of success of activity concerning realization of those motives. [4]

Peculiarities of emotional climate, necessary to create and support motivation of the English language studies are the following ones:

- positive emotions connected with the state institution of higher education;
- positive emotions which stipulate relations between the members of a student group and take part in their life: emotions of prestige and mutual feelings;
- emotions connected with a student's awareness of his/her opportunities;
- positive emotions in consequence of acquaintance with the new educational material: emotions of interest and curiosity, passion for the subject, prestige;
- positive emotions appearing in the process of mastering the ways of self-dependent obtaining knowledge by the students.

Those emotions create atmosphere of emotional comfort. Negative emotions must be changed into positive ones. During the process of studies it is necessary to form students' active attitude to the phenomena and events they study and display attractiveness of the process of cognition. The new material has to wake up



emotions and desire to study English language, that is, to be emotionally active. Emotions play important role in formation of cognitive activity, interest to the sciences, needs in self-study. Emotions show which direction the subject or phenomenon is in concerning the needs and interests of a student, urge a student to the activity and strengthen mental processes. That is a factor of formation of cognitive activity, interest to English language. The feeling of mutual emotional experience plays an important role in the process of cognition. The ability to mutual feeling enriches the inner world of a student. That's why the objective necessity appears to apply to a personal emotional experience of a student in the process of studies. A teacher's emotional introduction speech, his/her emotional feeling will not leave the students indifferent.

One more way of emotional influence on the students is setting of a problem and its solution. During solution of problem situations students display activity in search of solution and this process contains different emotional experience. The students emotionally go through the situation of choice as a state of uncertainty, there appears the incentive to active mental activity. During the studies of the new material it is necessary to create situation of information shortage, when students feel deficiency in their knowledge. If the new material is emotionally felt in its content and way of presentation then it will produce impression of unexpectedness, causes surprise, interest and striving to know more, and to solve that problem independently.

Acquaintance of students with interesting and thrilling facts concerning English speaking countries has strong emotional influence. Some interesting illustrations, photos, schemes can be used at the studies. Interest not only stimulates cognitive interest but relieves the tension and mobilizes attention, increases emotional vitality, that is, especially important for the students. Knowledge that does not provoke emotions is considered formal, is forgotten quickly and does not promote development of thinking and creativity. The following methods and modes promote strengthening of cognitive motivation: a thrilling story; diversification of the structure of studies; the change of logic succession; the change of thought; unexpected questions; emotional experience of a teacher.

Educational activity is the main form of students' activity directed to change the student himself/herself as a subject of education. Education action is composed of two components: motivation and fulfillment. Motive as an urging reason of one action and combined actions is a result of complex interaction of motives, aims, cognitive interests, social interests, moral, practical and others. Motive is displayed in the studies in the form of attitude of a student to the totality of actions in the result of which competencies of a certain level are formed. [5]

High efficiency of a lesson and its effects are ensured by the usage of the following actions during motivation of educational activities:

- to use different forms and methods of organization of work that are based on the students' experience according to the theme they study;
- to create atmosphere of interest of each student in his own work and work of the whole group;
- to involve students into statement of their own thoughts without a risk to make a mistake;
- to note and support all possible displays of students' activity which facilitates achievement of the aim of the English lesson;
- to stimulate the displays of initiative, independence, resourcefulness in the ways of students' work with different degree of preparation for the English lesson;
- to take into consideration originality, independence, validity of a student's answer during its analysis;
- to form personal interest of a student.

A teacher can use different ways to develop cognitive motives during the English language lessons such as: conversation, creation of problem situation, "brain storming", "incomplete sentence", creative tasks, situation of success, extrapolation and cognitive games.

A teacher can present the materials for studies through his own individual vision, for example, a story about his impressions. A teacher's thoughts are open during explanation of certain conformity to natural laws and his feelings are open with the help of vocabulary. Students feel respect to themselves because a teacher takes them into his confidence and emotional experience. Thus, the content of the material and methods of its presentation, psychological atmosphere of the lesson, a teacher and his relations with students influence emotional feelings of students significantly. Feelings on their own influence formation of world outlook, cognitive needs of students and striving for education appears.

#### *References:*

1. Алексеева М. Мотиви навчання учнів. – К.: Радянська школа, 1981. – С.8
2. Асеев В. Проблема мотивации личности: Теоретические проблемы психологии личности. – М: Наука, 1977. – с.12

3. Ильин Е. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. – С.502
4. Маккеланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. – С.603
5. Пехота О. Освітні технології. – К.: А.С.К., 2003. – С.7

*Karp Marta, Lviv National Agrarian University  
Teacher of English, the Department of Foreign Languages*

### ***Multimodal text analysis regarding cohesion and coherence***

*Scientific issue and its meaning.* Issues arising from the consideration of semiotic resources other than language (gesture, gaze, proximics, dress, visual and aural art, image-text relation and page-layout, cinematographic and sound design and production resources, etc) in interaction with each other and with language have emerged in recent decades as important challenges. Such resources include aspects of speech such as intonation and other vocal characteristics, the semiotic action of other bodily resources such as gesture (face, hand and body) and proximics, as well as products of human technology such as carving, painting, writing, architecture, image and sound recording, and in more contemporary times, interactive computing resources (digital media hardwares and softwares).

*Analysis of researches of the problem.* In 1985 M.A.K. Halliday observed that the wide availability of sound recording technology widespread empirical study of authentic natural spoken discourse with profound consequences during the 1960s and 1970s for linguistic theory and methodology [1 : 2]. In seeking to develop a methodology that will allow analysts to deal with multimodal texts in an informed manner, G. Kress, T. van Leeuwen, A. Baldry and P.J. Thibault extend the basic ideas of M.A.K. Halliday's "Systemic Functional Linguistics" and his view of language as a social semiotics to encompass the analysis of texts that are more than purely verbal [3 : 115].

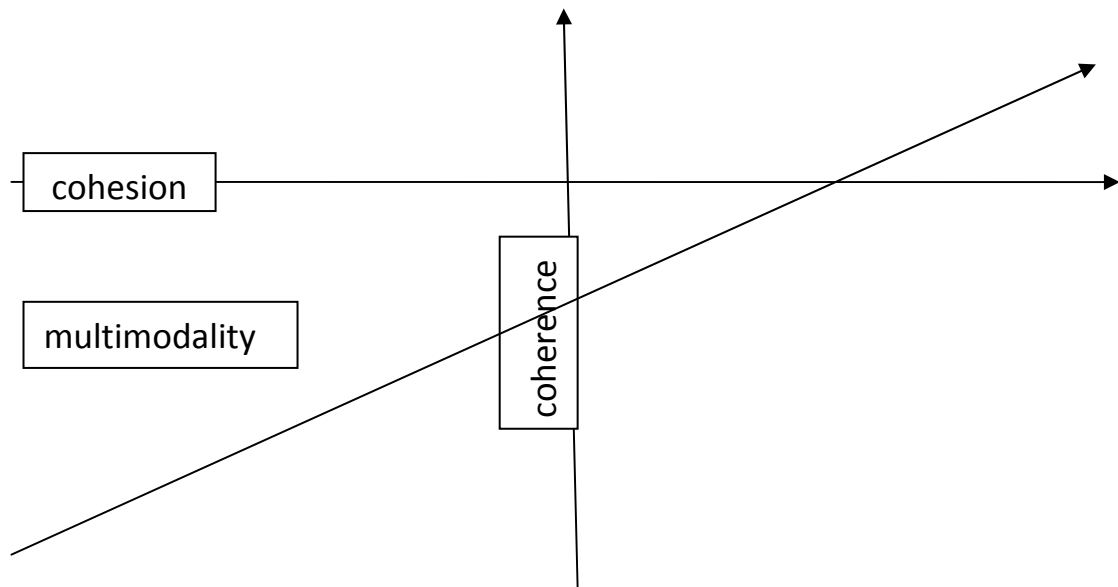
*Aim and task of the article.* The dominant visual language is now controlled by the global cultural or technological empires of the mass media, which disseminate the examples set by exemplary designers, and through the spread of image banks and computer imaging technology, exert a "normalizing" rather than explicitly "normative" influence on visual communication across the world. In practical terms the analysis of static art is relatively feasible even within the constraints of the printed page; while the multimodal analysis of other media points clearly to the difficulties of representing on the printed page the mass and complexity of detail involved in multimodal analysis, and of capturing the dynamism and dimensionality of audiovisual film, hypermedial navigation etc [2 : 299].

*Main body and basing the results of the research.* In order to construct discourse we need to establish additional relations within the text; relations that may involve elements of any extent, (both smaller and larger than clauses, from single words to lengthy passages of text); and that may hold across gaps of any extent (both within the clause and beyond it, without regard to the nature of whatever intervenes). This cannot be achieved by grammatical structure. It depends on these non-structural resources for discourse are what are referred to by the term "cohesion". There are four ways by which cohesion is created in English by reference, ellipsis, conjunction and lexical organization [4 : 309].

It is natural to talk about cohesion as a relation between entities. The organization of the text is semantic rather than formal, and much looser than that of grammatical units. It is important to think of text dynamically, as an ongoing process of meaning and of textual cohesion as an aspect of this process [4 : 311].

Whereas the latter are realized through grammatical structures, the former are not, or not necessarily. Cohesion is non-structural relationship. A text has a semantic structure. For a text to be a coherent, it must be cohesive. Text must deploy the resources of cohesion; it must be semantically appropriate and it must have structure. Discourse is a multidimensional process; “a text” is the product of that process. Text is an active partner in the reality-making and reality-changing processes [4 : 338].

Interaction between cohesion, coherence and multimodality can be represented graphically:



According to the scheme cohesion is a horizontal category of logical plan, which follows logical rules. Coherence is a vertical category, which links a text. Multimodality is an intermediate link, which connects or disconnects cohesion and coherence in a modern literary text. That’s why it is up-to-date linguistic issue that needs our further scientific research.

While M.A.K. Halliday claims that language has developed to express three different major kinds of meaning – experiential, interpersonal and textual meaning. G. Kress and T. van Leeuwen argue that the same types of meaning may be found in a visual context, too [3 : 121].

While Halliday’s “Systemic Functional Linguistics” has proved a useful tool kit to draw on for the analysis of the wording of written verbal language in literature, the approach to multimodality proposed, by G. Kress and T. van Leeuwen looks promising as an extension of that tool kit for dealing with literary narratives that employ several semiotic modes for their meaning-making [3 : 124].

Two major strategies have emerged for dealing with these challenges, constituting two of the major approaches by which multimodal text analyses can be characterised: one is to explore theory, using text analysis as both test and illustration of the discussion of general principles; and the other is to explore actual texts, working from such analyses towards generalizations [1 : 3].

The exemplar work is G. Kress and T. van Leeuwen’s “Reading images: The grammar of visual design”, where powerful theoretical generalizations from these different schools of thought are applied, calibrated and synthesized via consideration of a diverse range of texts. Thus, G. Kress and T. van Leeuwen highlight the difference between a “grammatical” and a “lexical” approach to the semiotics of visual design from the perspective of social semiotic theory, stressing the importance of the distinction between formal and functional theories, and highlighting the relation of specific multimodal features, structures and systems to more general social (particularly power) structures and (ideological) forces. G. Kress and T. van Leeuwen include a wealth of useful analysis derived from the application of a coherent theoretical framework: the difference, that is, is one of approach and aim [1 : 4].

The second approach was pioneered and is best represented by the work of M. O’Toole. He provides an “adaptation of systemic functional grammar” as “at least some shared (or sharable) terminology and assumptions”, stating that M.A.K. Halliday’s “Systemic Functional Linguistics” offers a powerful and flexible model for the study of other semiotic modes besides natural language, and its universality may be of particular

value in evolving new discourses about art. M. O'Toole prophetically argues that a proper semiotics will only grow out of a large body of analysis, description, interpretation and theory by people with a range of orientations. However, he also later works towards social semiotic generalizations, drawing upon a wider range of theoretical traditions [1 : 5].

As M. O'Toole has shown, it is the former (social semiotic theory) that drives the development of descriptions of semiotic resources other than language, while the latter (linguistic descriptions) can nevertheless provide useful materials, if appropriately adapted, for such descriptions. As in 2008 M.A.K. Halliday points out, the human analyst can never be replaced by computer-based or other technology-based approaches, but such resources increase the power of our analytical reach (for example, via low-level feature extraction, mathematical processing, visualization techniques), presenting richer but more complex and detailed phenomena to analyse. C. Jewitt, J.L. Lemke, K.L. O'Halloran and L. Unsworth have shown how important an understanding of multimodality is to the study of classroom discourse and education. The integration of knowledge and techniques from multimodal semiotics science promises new approaches to the development and study of computational science. Multimodal text analysis has been shown to be crucial to a consideration of a wide range of fields [5 : 2].

*Conclusions and perspectives of further research.* It is important to recognize that while it is only in recent decades that extensive multimodal text analysis has heralded the emergence of a distinct field of multimodal studies. In fact the study of multimodal communication and artefacts can be found in the long lineage of works within anthropology, archeology, art criticism and history, computer science, engineering, psychology and all fields of research engaged with human or non-human communication. In addition, multimodal text analysis requires the integration of both low and high level analyses. As with early studies of intonation, the study of multimodality has been centrally concerned with the material plane, the organization of the physical (including technologically-driven) phenomena by which meaning is created, in their relation to higher level grammatical and semantic organizations of such as abstract, semiotic systems and structures.

#### **References:**

1. O'Halloran K.L., Smith, B.A. Multimodal text analysis. – 1 – 13 p.
2. Lemke J.L. Travels in hypermodality. *Visual Communication*, 1(3), 2002. – 299 – 325 p.
3. New perspectives on narrative and multimodality. Edited by R. Page. New York: Routledge, 2010. – 115 – 124 p.
4. Halliday M.A.K. An introduction to functional grammar. 2<sup>nd</sup> ed. London, New York, Sydney and Auckland: Arnold, 1994. – 309 – 338 p.
5. O'Halloran K.L., Tan S., Smith B.A., Podlasov A. Challenges in designing digital interfaces for the study of multimodal phenomena. *Information Design Journal*, 18:(1), 2010. – 2 – 12 p.
6. O'Halloran K.L. Multimodal discourse analysis. In K. Hyland and B. Paltridge (eds), *Companion to discourse analysis*. London: Continuum.
7. Halliday M.A.K. *Spoken and written language*. Warrn Ponds, Victoria: Deakin University Press, 1985.
8. Kress G., van Leeuwen T. *Reading images: the grammar of visual design*. London and New York: Routledge, 1996.
9. Baldry A., Thibault P.J. *Multimodal transcription and text analysis*. London and Oakville: Equinox, 2006.
10. Toolan M. *Language in literature. An introduction to stylistics*. London and New York: Arnold, 1996.
11. Nørgaard N. *Systemic functional linguistics and literary analysis. A Hallidayan approach to Joyce – A Joycean approach to Halliday*. Odense: University Press of Southern Denmark, 2003.
12. Jewitt C. *Technology, literacy and learning: A multimodal approach*. London: Routledge, 2006.
13. Lemke J.L. *Metamedia literacy: transforming meanings and media*. In D. Reinking L. Labbo M. McKenna & R. Kiefer (Eds.), *Handbook of literacy and technology: transformations in a post-typographic world*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1998. – 283 – 301 p.
14. Unsworth L. *Multimodal semiotics: functional analysis in contexts of education*. London & New York: Continuum, 2008.
15. Jewitt C. *Handbook of multimodal analysis*. London: Routledge, 2009.

## *Functions of onyms in fiction*

Максимюк Марта, Буковинський державний медичний університет,  
Канд. філол. наук, викладач кафедри суспільних наук та українознавства

### **Функції онімів у художньому тексті**

В українській ономастиці досі немає єдиного підходу до вивчення функцій власної назви в контексті художнього твору. Не в останню чергу це зумовлено тим, що вчені по-різному розуміють завдання ономастичних досліджень. З цією проблемою також пов'язані „термінологічні суперечки в межах літературної ономастики, які й досі точаться в українській лінгвістиці ...”<sup>i</sup>.

З огляду на особливість функціонального навантаження літературно-художніх онімів та його вагомість загалом для студій з літературно-художньої ономастики, варто детально з'ясувати функції власних назв, ужитих у художньому творі. Ю. Карпенко зазначає: „Якщо основною функцією власної назви в мові є диференціальна (номінативна або ідентифікаційна), то в літературі вона, хоч і зберігається, але втрачає свою першість. У художній літературі головною є функція стилістична, яка виявляється у двох різновидах: а) *інформаційно-стилістична*, виразником якої є внутрішня форма власної назви і яка містить соціальні, ідеологічні, характеристичні дані; б) *емоційно-стилістична*, яка викликає певну оцінку, емоційне ставлення до зображуваного”<sup>ii</sup>.

Серед мовознавців немає єдності щодо визначення функцій онімів. Так, О. Суперанська пов'язує функції онімів із загальними функціями мови і виокремлює: 1) комунікативну (повідомлення, репрезентації); 2) апелятивну (заклик, дію на щось); 3) експресивну (виразову) і 4) дейктичну (вказівну)<sup>iii</sup>. О. Фоякова виокремлює у сфері ономастичної номінації три мовні функції (номінативно-диференціальну, ідентифікаційну, дейктичну) і п'ять мовленнєвих (прагматичну, апелятивну, контактостановлювальну, адресну і фатичну, або перейменування), а у сфері сигніфікації – п'ять функцій змістового характеру (концептуальну, інформативну, акумулятивну, енциклопедичну, когнітивну), які виявляються на мовленнєвому рівні, у сфері конотації додає ще сім функцій: мовностилістичну, емоційно-оцінну, соціально-оцінну, регіональну і культурно-історичну, а також текстотвірну й естетичну, які реалізуються вже в тексті<sup>iv</sup>.

Т. Гриценко розрізняє такі функції онімів: 1) ідентифікаційно-диференційну, що є основною і забезпечує виділення денотата з-поміж інших, 2) локалізаційну у часі та інформативну, завдяки чому створюється часова канва; 3) соціологічну (така характеристика іменованих об'єктів реалізується за допомогою апелятивної лексики й онімів, типових для різних етнокультурних систем); 4) емотивну (встановлення зв'язку між ім'ям літературного героя, його характером та ім'ям і характером прототипа), 5) стилістичну (зі стилістичною метою часто використовується прийом актуалізації внутрішньої форми оніма)<sup>v</sup>.

Л. Белей особливий функціональний статус літературно-художніх антропонімів вважає однією з основних особливостей літературно-художньої антропоніміки<sup>vi</sup>. На його думку, у художньому творі за вагомістю номінативна функція поступається характеристичній (за Ю. Карпенком – стилістичній) і може реалізовуватися двоюко: „апелюючи до людського *ratio* й *emotio*. Тобто, ЛХА (літературно-художній антропонім. – М. М.) може виступати джерелом інформації, засобом характеристики денотата або засобом вираження оцінки, ставлення до персонажа-денотата. У першому випадку маємо справу з інформаційно-характеристичним, а в другому – з оцінно-характеристичним проявами характеристичної функції ЛХА”<sup>vii</sup>. Наступною функцією є дейктична, вказівна, під якою розуміє „здатність окремих ЛХА не стільки називати чи характеризувати літературного персонажа, скільки вказувати на конкретну реальну особу, прототипа, що зображується у творі під іншим або трансформованим прізвиськом чи іменем”<sup>viii</sup>. На відміну від Ю. Карпенка не заперечує в літературно-художніх антропонімів ідеологічної функції, але вважає, що вона була штучно нав'язана ЛХА творів соцреалізму і розвинулася на ґрунті соціальних характеристик денотата. Щодо естетичної та символічної функції, то вважає, що як естетика онімів, так і їх символічне значення виконують у творі художньої літератури функцію насамперед

характеристичну<sup>ix</sup>. Відповідно до виділених функцій, учений поділив літературно-художні антропоніми на чотири функціонально-стилістичні типи: характеристичні (мають соціальну, національно-регіональну, часову або інформаційно-оцінну значущість), ідеологічні (із політико-оцінною значущістю), дійктичні (з власне ідентифікаційною значущістю) та нейтральні (з номінативно-диференційною значущістю).

Варто відзначити, що інші розряди поетонімів з погляду їхніх функціонально-стилістичних можливостей не мають таких детальних класифікацій, як антропоніми.

О. Фоякова серед стилістично маркованих топонімів виділяє позитивно та негативно забарвлені, які можуть бути пов'язані з розвитком сюжету та долею головного персонажа, характеризувати епізодичних осіб або визначати місце дії епізодів; окремо виділяє вона топоніми-символи. Залежно від емоційного забарвлення і змісту контексту дослідниця виокремлює такі „семантико-стилістичні функції географічних назв, що зберігають номінативну функцію як загальну: 1) реально-географічну, нейтрально-описову; 2) знижено-побутову, конкретно-біографічну; 3) просторічно-комічну, гумористичну; 4) піднесено-ліричну, поетичну”<sup>x</sup>.

Г. Шотова-Ніколенко, досліджуючи власні назви у творах Ю. Яновського, прийшла до висновку, що вони „інформативні, поліфункціональні, виступають незамінними засобами когезії, пов'язуючи текст романів, займають своє чітке місце в онімній ієрархії кожного роману, виступають знаками-ідентифікаторами, „обличчям” кожного роману, тим самим виконуючи *текстотвірну* функцію”<sup>xi</sup>. Також, на думку дослідниці, у творах Ю. Яновського яскраво виявляють себе такі функції власних назв, як функція *небуденності*, що зростає до символічності; *характеристична*, яка опосередковано представлена в етимології та екзотичності імен; *хронотопічна*, яка вказує на час і місце описуваних подій; *експресивно-виразова*, що виявляється у конотативному забарвленні поетонімів<sup>xii</sup>.

Визначення поняття функції поетонімів дає В. Калінкін, який вважає, що це – „специфічна діяльність оніма у створенні образності художнього мовлення” і підкреслює її залежність від зміни „граматичної форми назви, синтаксичних і семантичних властивостей контексту, інформаційного й естетичного змісту художнього висловлювання загалом”, а також „від акту художньої комунікації, який безпосередньо впливає на якість і кількість інформації, актуалізованої поетонімом у кожному окремому вживанні”<sup>xiii</sup>.

Отже, нині засвідчено чимало спроб систематизації функцій поетонімів, однак єдиного погляду на цю проблему досі не вироблено. Причини такого стану чітко визначив В. Калінкін: це і відмінності у поглядах мовознавців на сутність функцій, і порушення правил побудови класифікаційних схем, і відсутність логічно та лінгвістично обгрунтованої ієрархії категорій поетики оніма, і сплутування явищ різного рівня та якості, зокрема непослідовність у розмежуванні лінгвістичного та екстралінгвістичного, мовного та мовленнєвого, і складність віднесення тієї або іншої властивості поетоніма до семантики або поетики тощо<sup>xiv</sup>. В. Калінкін наголошує на багатофункціональності поетоніма, який у художньому тексті виконує й основні мовні функції номінації, ідентифікації, диференціації, і специфічні стилістичні, які нашаровуються на основні і роблять власну назву виразальним художнім засобом. Учений виокремлює низку функцій (стилістичну й емоційно-стилістичну естетичну, ідеологічну, характеристичну, алюзивну, символічну, експресивну, локалізувальну, соціологічну та ін.), висловлює думку про необхідність вивчення поетики онімів у тісному зв'язку з поетикою відповідних художніх творів. У найзагальнішому вигляді функцію поетоніма, вважає науковець, можна назвати естетичною (поетичною, стилістичною), а в кожному випадку сприймання художнього тексту поетонім діє на читача „як єдиний комплекс засобів, які впливають одномоментно”, включаючи і фонетичну структуру оніма, і морфемні, і лексемні властивості, і синтаксичні поєднання<sup>xv</sup>.

Отже, власна назва в художньому мовленні реалізує свої різнопланові потенції відповідно до жанрових особливостей твору, авторських завдань і психологічних та інтелектуальних даних читача. На цій основі, зауважує М. Торчинський, „можливим є виділення таких функцій поетонімів, як номінативно-диференційна (поетоніми характеризуються відсутністю додаткових конотацій і функціонують в художньому мовленні, щоб одночасно називати денотатів і диференціювати їх від інших одно- чи різнотипних об'єктів номінації), характеристична (поетоніми мають соціальну, національно-регіональну, часову або іншу інформаційно-оцінну значущість), ідеологічна (поетоніми дають енциклопедичну характеристику та ідеологічну оцінку денотата, причому часто це відбувається на рівні символізму), емотивна (поетоніми співвідносяться з реальними прототипами), емоційно-експресивна (поетоніми викликають певну емоційно-експресивну оцінку зображеного), естетична (поетоніми як мірило прекрасного) та ідіостилістична (поетоніми мають різнопланові стилістично-виразальні можливості, які значною мірою залежать від індивідуальності митця)”<sup>xvi</sup>. Звичайно, поетоніми реалізують не всі функції одночасно, навпаки, переважна більшість їх виконує одиничні функції, однак в цілому названі

функціональні особливості можна вважати визначальними для художнього мовлення<sup>xvii</sup>. Виокремлення науковцями різних функцій у поетонімів, як і різної їх кількості, ще раз свідчить про різнобій щодо підходів вивчення власних назв у художньому творі.

Гадаємо, що таке розмаїття класифікацій функцій літературно-художніх онімів пов'язане не тільки зі специфікою кожного онімного розряду і класу, але й очевидно, що функціональна „навантаженість” онімів у художньому тексті зумовлена різною жанрово-стилістичною спрямованістю творів і не в останню чергу – особливостями авторського ідіостилу, авторським баченням місця і способів використання онімів у тексті. Комплексне вивчення онімного простору певного твору дає змогу виявити зв'язок між типом літературно-художнього тексту й використаною в ньому системою власних назв. Головна функція літературної онімії – працювати на художній текст, на художнє ціле, становлячи завдяки цьому його вагому частину. Уся сукупність власних назв у художньому тексті митця-Майстра слугує цьому текстові, адже оніми відіграють значну роль у художній логіці твору, виступаючи основою підтексту чи, принаймні, однією з його опор, одним з породжуючих його факторів. Усе зазначене, очевидно, визначає той набір функцій, які виконуватимуть власні назви в кожному конкретному творі.

#### Список літератури:

<sup>1</sup> Колесник Н. Термінологічні суперечки в царині літературної ономастики і фольклорна ономастика / Наталія Колесник // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія Філологія. Соціальні комунікації. Присвячується 90-річчю від дня народження Й. О. Дзєндзелівського. – Ужгород: Вид-во УжНУ „Говерла”, 2011. – С. 124.

<sup>1</sup> Карпенко Ю. О. Про літературну ономастику та її функціональне навантаження / Ю. О. Карпенко // Записки з ономастики: Зб. наук. праць / Відп. ред. Ю. О. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2000. – Вип. 4. – С. 34.

<sup>1</sup> Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – С. 271 – 272.

<sup>1</sup> Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / О. И. Фоякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – С. 16 – 17, 24.

<sup>1</sup> Гриценко Т. Б. Власні назви як засіб стилетворення в українській історичній прозі другої половини ХХ ст. (на матеріалі романів про Б. Хмельницького) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Т. Б. Гриценко. – К., 1998. – С. 7 – 9.

<sup>1</sup> Белей Л. Нова українська літературно-художня антропонімія: проблеми теорії та історії / Л. Белей. – Ужгород, 2002. – С. 23.

<sup>1</sup> Там само. – С. 24.

<sup>1</sup> Там само. – С. 28.

<sup>1</sup> Там само. – С. 30.

<sup>1</sup> Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / О. И. Фоякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – С. 88.

<sup>1</sup> Шотова-Ніколенко Г. В. Онімний простір романів Ю. І. Яновського : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / Ганна Василівна Шотова-Ніколенко; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2006. – С. 15.

<sup>1</sup> Там само. – С. 15 - 16.

<sup>1</sup> Калінкін В. М. Теоретичні основи поетичної ономастики : дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 – російська мова; 10.02.15 – загальне мовознавство / В. М. Калінкін. – Донецьк, 2000. – 464 с.

<sup>1</sup> Там само. – С. 303 – 304.

<sup>1</sup> Там само. – С. 279 – 291.

<sup>1</sup> Торчинський М. М. Функції власних назв у художньому мовленні / М. М. Торчинський // Науковий часопис Національного пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова : зб. наук. пр. / відп. ред. А. П. Гриценко. – К. : НПУ імені М. П. Драгоманова, 2006. – Вип. 2. – С. 299.

<sup>1</sup> Там само. – С. 300.

**Abueva Najavat**, Daghestan State Technical University,  
Professor, Master of Philology, the Head of the Foreign Languages Department  
Frontier in the “Northern Cycle” of Jack London’s Creative Work  
**Абуева Нажават**, Дагестанский государственный технический университет,  
профессор, кандидат филологических наук, зав. каф. иностранных языков

## **Фронтир в «Северном цикле» творчества Джека Лондона**

Джек Лондон являлся представителем новой американской литературы, зародившейся на рубеже XIX-XX веков, и был глубоко современным писателем, выдвинутым новой эпохой, новыми условиями жизни в США. Творчество Джека Лондона отразило сложности и противоречия эпохи, её новые веяния, стремление к радикальным переменам в жизни людей, сохранив при этом романтическую веру в конечную разумность мира.

Мало с кем из художников американские критики обошлись так несправедливо. Лондону приписывались и плохая литературная школа, и профессиональная неумелость, и натуралистичность; его творчество игнорировали, либо отзывались пренебрежительно, его прижизненная слава была объявлена недолговечной, но на самом деле Лондона не приняли, в первую очередь, как писателя, отразившего реальную сторону американской жизни его времени и не пытавшегося хоть как-то приукрасить её. Его не приняли как художника нового, реалистического направления, которое на рубеже веков стало доминирующим в американской литературе, но не находило поддержки у критиков.

А между тем, мало кто из американских писателей был так широко известен за пределами своей страны, как Джек Лондон, который и по сей день остаётся писателем не только одним из популярнейших в мире, но и глубоко воздействующим на духовный склад и жизненные убеждения своих читателей.

В цели данной статьи входит рассмотрение творчества Джека Лондона как одного из интереснейших явлений американской литературы, где сочетаются умело два вида художественного метода – реалистический и романтический, как писателя, открывшего для американской литературы тему Севера и разработавшего её настолько выразительно, что его «Северный цикл» и по сей день остаётся непревзойдённым эталоном художественного мастерства.

Джек Лондон принадлежал к числу писателей, исходивших при создании своих произведений из собственного жизненного опыта. В основе его книг всегда лежит жизненная правда. Живя полной жизнью, он ни на одну минуту не переставал наблюдать её, при этом видя в ней объект своего художественного исследования. Ему никогда бы не удалось дать столь полную, яркую и реалистичную картину Клондайка, если бы он не побывал там сам. Известно, что годичное пребывание на Севере явилось для Лондона «последним университетом», сыгравшим огромную роль в формировании его как писателя. Он открыл для себя абсолютно новый мир, в котором жили герои его будущих произведений – самобытные, сильные и смелые люди. Ту романтику, которую он всегда искал в жизни, романтику подвига, самопожертвования, подлинной человеческой дружбы и любви писатель нашёл именно на Севере. Лондон утверждал, что материалом для художника должна служить реальная действительность, и приукрашивать её он не вправе, ибо обязан показывать жизнь со всеми её противоречиями и теневыми сторонами, сохраняя, однако, при этом, за собой право на творческий вымысел и фантазию. Писатель, по словам Лондона, не должен заниматься «фотографированием» жизни, зато обязан дать её «сгусток». Этому принципу он следовал на протяжении всего своего творчества. Будучи сторонником реалистичного подхода, Джек



Лондон в то же время на всю жизнь сохранит любовь к романтике, используя её как одно из важнейших средств выражения протеста против пошлости и серости жизни. Он понимал, что как бы люди ни стеснялись высоких слов, в глубине их сознания романтика неистребима, как неистребимо чувство прекрасного, извечное стремление к справедливости, к совершенствованию жизни и самих себя.

Джека Лондона называют писателем дороги. Это исконно американская черта. Совсем рядом - освоение необозримых просторов громадных пространств открытых для заселения земель, фронтир – передвигающаяся граница, люди, проехавшие в фургонах тысячи километров... До-рога – это надежда. Тема большой дороги – одна из стержневых у Лондона.

Трёхвековое продвижение на Запад, начавшееся в начале XVIIв. и закончившееся в 1890г., когда было официально объявлено о том, что в США не осталось свободных земель, получило название американского фронта и пересекло всю Америку, начав свой путь с берегов Атлантического океана. Принято считать, что американский фронтир закончился заселением Калифорнии, однако, по нашему убеждению, в истории каждого штата был момент, когда он являлся фронтиром, и последним резервом фронта стал Север, куда вследствие знаменитой «золотой лихорадки» в конце 90-х годов XX в. мигрировали тысячи переселенцев теперь уже с Запада и Востока. Таким образом, колонизация американского Севера стала заключительным этапом продвижения «границы» вглубь страны. Безусловно, что фронтир в качестве фермента американизации сыграл особую роль в становлении американской нации, в определённом смысле став колыбелью национальной культуры. При этом немаловажно, что главнейшей особенностью фронта была непосредственная близость индейских племён, и он, таким образом, стал «местом встречи» белого и индейца, буржуазной цивилизации и природного начала.

«Северный цикл» - большое достижение Дж. Лондона в плане отражения специфики американского фронта. Писатель оставил нам многоплановое литературное наследие, отразив здесь процесс колонизации американского Севера, который полностью завершилось заселение американских земель.

«Северные рассказы» - новое слово в литературе, сказанное молодым писателем. На материале аляскинского фронта Лондон продолжает романтическую традицию, противопоставляя мужество и человечность северных «ветеранов» бессмыслице светского времяпровождения и меркантилизации общества и поднимая тему морального возрождения человека в исключительных по нравственной сложности обстоятельствах.

Первые рассказы Дж. Лондона, где он реально отображает старательскую вольницу «северного» фронта, покоряют новизной материала, своеобразием изложения, поэтичностью автора, способного отыскать художественный эффект в самом, казалось бы, банальном факте - описании упряжки или хижины золотоискателей. Из-под его пера выступает своеобразный и загадочный мир, в описаниях которого выявляется новая действительность, выдвинутая едва нарождавшейся цивилизацией Севера. Рассказы, в основе своей отражая подлинную жизнь, новые социальные отношения, возникшие в стране золотоискателей, рисуют исключительно яркий мир, полный действия, энергии, человеческой активности. По своему содержанию рассказы весьма разнообразны. Одни из них посвящены человеческому героизму, другие - человеческой жестокости. Они говорят о приключениях, о борьбе с природой, о страсти к золоту, о воле к жизни, о вере в человека. Не всё, написанное Джеком Лондоном, равноценно с точки зрения содержания и формы, но лучшие его произведения пронизаны истинным жизнеутверждающим демократизмом.

В «Северных рассказах» обнаруживается не только увлекательное чтение, но и важные проблемы американской жизни. Лондон, довольно резко выступая здесь с критикой

буржуазной цивилизации, ищет иные пути и иные формы чело-веческого существования. Обычная Америка оставалась за предела-ми мира «северного» фронта. Она в воспоминаниях, в сравнитель-но редких обращениях к прошлому. От неё герои бежали. Бежали от собственничества, от мелочности, от устоявшегося быта. Бежали в надежде не только на приключения и обогащение, но и надеясь обрести подлинно человеческие связи вне буржуазной цивилизации.

Для героев Лондона Север стал суровейшим испытанием человеческих возможностей. Писатель вводит своих героев в такие драматические и напряжённые ситуации, где всё наносное в человеке отодвигается на задний план, отчётливо обнажая его подлинную ценность.

Несмотря на то, что рассказы о жизни Севера отличаются друг от друга сюжетом и характерами, есть нечто общее, что объединяет их в единый цикл: это общность места действия и общность идеи, раскрывающей-ся в том, что красота жизни - в силе духа и тела человека, в его постоянной готовности к труду. Человек - главная тема творчества Джека Лондона. Именно в Северных рассказах возникает впервые человек, который не сда-ётся.

В «Северном цикле» мы встречаем множество людей самых разных характеров, возрастов, национальностей и социальных прослоек. Несмотря на то, что в стране Белого Безмолвия они ищут золото и добывают ценные меха, эти разные люди объединены не страстью к наживе, а жадной приключений, любовью к свободе. На золотоносных берегах Клондайк и Юкона, наедине с первобытной природой и суровой действительностью, ведут они борьбу за утверждение своей личности, отстаивая своё человеческое достоинство. Стойкость и выносливость, мужество и трудолюбие - вот те качества, которые обстоятельства десятилетиями воспитывали в фронтисменах - людях, отодвигающих «границу», заселяющих континент.

Особенность творческой манеры Лондона - стремление показать человека в минуты серьёзных жизненных испытаний, на переломе судьбы. Север Лондона - это сотни разных судеб, подчас трагичес-ких. В противоборстве добра и зла на бескрайних просторах этой американской окраины родился тот человеческий тип, который мы называем сегодня «северный фронтисмен».

Раскрывая картины жизни американского фронта, писатель вводит нас в круг совершенно новых взаимоотношений, сложившихся в процессе освоения новой земли; им выразительно воссоздаются реалистические картины из жизни северных фронтисменов, типические образы и ситуации, характеризующие особенности периода колонизации американского Севера, продвижения фронта вглубь страны.

Необходимость бороться за жизнь сплачивала людей, Клондайк заставлял их освобождаться от индивидуализма, недоверия, предрас-судков. Постоянно находясь под угрозой смерти, человек на Севе-ре должен был научиться противостоять ей. А для этого нужны были не толь-ко сила и выносливость, но и чувство локтя, сознание товарищест-ва, братства людей. Тема товарищества - лейтмотив всего «Северно-го» цикла. Именно в этом проявляется новаторство Лондона, противопоста-вившего своего героя прочно устоявшемуся в американской литера-туре образу фронтисмена, характерной особенностью которого является крайний индивидуализм.

Мир лондоновских произведений реален при всей своей романтичности и яркой необычности. Это мир, где живут особые люди, существуют иные условия, свои предания и легенды, свои законы. «Север есть Север, - говорит Джек Лондон, - и душа людей там подчиняется страшным законам, непонятым для тех, кто не бывал в далёкой стране». Люди живут здесь вне общих законов цивили-зации, создавая собственный кодекс чести, морали и

права. Здесь иная жизнь, иные обычаи, которые как-то устанавливаются сами собой. И никто не смеет нарушать их, ибо они возникают на почве взаимного молчаливого, но справедливого соглашения. Если кто-нибудь на Юконе, проходя мимо, делает заявку на поиски золота, никто другой уже не застолбит этот участок земли. Совсем иначе было в условиях Дальнего Запада, прозванного Диким не случайно: ведь там основным законом было право сильного. Нельзя было рассчитывать на то, чтобы застолбить за собой участок, не владея шестизарядным кольтом, и револьверный лай звучал там непрерывно, а насильственная смерть была обычным явлением.

Путь к Северу, сопряжённый с такой колоссальной энергией, обязывает, как к долгу, к уважению к человеку. Здесь повсюду право на свободный труд, но и обязанность уважать труд другого. Жизнь на фронтире трудна, но одинакова для всех. Мораль Севера глубоко гуманна, ибо стоит на стороне слабого и защищает порядочность в отношениях между людьми. Она не щадит тех, кто нарушает законы Севера. Честность, по Лондону, необходимое условие жизни на фронтире. Ложь, непорядочность и двуличие были грубейшим нарушением этики фронтира, которое беспощадно каралось (в рассказе «Мудрость снежной тропы» Ситка Чарли неумолимо наказывает своих сородичей за то, что они отказали в помощи больному и съели запасы муки втайне от товарищей).

В отличие от концепции Ф. Дж. Тернера, согласно которой выходит, что люди, попавшие в условия фронтира, чуть ли не заново рождались на свет (чем дальше уходил пионер на запад от Атлантического побережья, тем более он оказывался в некоей нулевой человеческой ситуации: один на один с природой - одновременно своим другом и врагом), в герое Лондона, оказавшемся на Севере, происходит переоценка ценностей, его духовное перерождение.

Среда, показанная писателем в рассказах, - это среда, где социальные противоречия отступают на задний план, а необходимым условием является «честная игра» человека с судьбой, в которой сильный человеческий характер, как правило, побеждает. В единоборстве с природой или с врагом этот характер проявляется наиболее полнокровно.

Для Лондона, как и для многих американских романтиков, характерно обращение к природе, занимающей исключительное место в его «северной» теме. Природа у него выступает как самостоятельная лирическая тема. Купер, Торо, Мелвилл, Брет Гарт, видели в природе естественный идеал, помогающий выявить истинные чувства человека, и считали, что именно на лоне нетронутой цивилизацией природы возрождается человеческая личность и восстанавливается утраченное ею чувство гармонии и красоты. Джек Лондон в «Северных рассказах» продолжает эту традицию. Писатель не забывал, что на всех этапах своего развития фронтир отличался особым духом - духом бодрости, оптимизма, радости первооткрытия. Он знал, что «дух» фронтира - это не только предпочтение прерий и диких лесов цивилизованным городам, но и дух начала, построения нового, претворения в жизнь своих идеалов. Но тема природы у Лондона неразрывно связана с проблемой фронтира. Условия жизни «северного» фронтира резко отличались от условий, существовавших на территории собственно Соединённых Штатов. Вслед за Купером, который в своей пенталогии о Кожаном Чулке противопоставляет мир фронтира городской жизни, Лондон стремится отделить чистую, неиспорченную природу от тлетворного влияния меркантильных человеческих отношений. Человек и природа - основная тема сборников рассказов Лондона, посвящённых жизни Севера. Природа в них выступает то как антипод человека, испытывая «на прочность» его этические ценности, то как союзник, помогающий обрести себя, почувствовать противостоящую цивилизации безыскусственность и величественную силу единения с Севером. Природа оказывает благотворное воздействие на формирование человеческого

характера. Фронтир у Лондона - это место, где всегда можно «to begin anew». Герои его северных рассказов, особенно более поздних, стремятся уехать на Север, остаться наедине с природой, стать более естественными. Север у Лондона предстаёт краем духовной свободы, убежищем, где можно укрыться от всех противоречий реальной действительности, и здесь Лондон, конечно же, увлечён романтизацией, идеализацией природы. В то же время, описание её поражает своей реалистичностью, правдивостью изображения. И здесь в очередной раз прослеживается направление романтического реализма, столь характерного для творчества писателя.

То же можно сказать и о героях клондайкского цикла. С одной стороны - это романтики, искатели приключений, которым присущи гуманизм, мужество, упорство в достижении цели. Однако, характеры этих людей, воплотившие представление Лондона об идеале, раскрываются через сопоставление с другими типами людей, населяющих фронтир, в которых погнавшая их на Север золотая лихорадка разожгла самые низменные инстинкты.

Проблема положительного героя - одна из наиболее значимых в творческой программе клондайкского цикла. Положительный герой здесь - образ собирательный. Это совершенно новый герой, рождённый «северным» фронтиром, и, следовательно, несущий на себе отпечаток его социальных, психологических и моральных особенностей. Как правило, это выходец из народа, и здесь большая заслуга Лондона в том, что он создал подлинно народный героический характер, способный переносить любые невзгоды и преодолевать любые опасности. В ранних сборниках клондайкских новелл таким героем был Мэйлмут Кид, великодушный и бескорыстный старожил Севера, пользовавшийся громадным авторитетом среди товарищей и всегда готовый прийти на помощь. Его сменяет Смок Беллью - герой последнего «северного» цикла, написанного уже в 1911г. Если Кид - старожил Клондайка, то Смок Беллью, дитя буржуазного мира, - чечако, который лишь на Севере будто впервые открывает в себе человека, готового забыть о себе, если нужно оказать кому-то помощь.

С особой симпатией Лондон рисует образ Ситки Чарли. Этот индеец, «проживший большую жизнь и много повидавший на своём веку», отошёл от своего народа и стал, «насколько это возможно для индейца, даже по своему духовному облику белым». Ситка Чарли и сам говорит, что пришёл на огонёк, подсел к костру белых и стал одним из них («Тропою ложных солнц»). Будучи неграмотным, он обладает замечательным мастерством рассказчика, но ещё более замечательной, по словам автора, была та «полнота, с какой он усвоил образ мыслей белого человека, его подход к вещам».

Положительные герои – Мейлмут Кид, Смок Беллью, Малыш, Ситка Чарли и целый ряд других персонажей - не только сильны и храбры, но и глубоко человечны. Бескорыстие – одна из самых характерных их черт. Север привлекает их не только золотом, но и возможностью выявить свои способности, испытать свою волю и мужество. Они творцы и исполнители законов Севера. Вообще, те огромные суммы денег, о которых часто идёт речь, не имеют какой-либо самостоятельной ценности. Разумеется, золото также является чем-то важным, оказывающим влияние на судьбу человека, но оно не существенно настолько, чтобы составлять весь смысл его жизни. Золото всего лишь стимул, но никак не цель героев. И, что характерно, они даже не знают, что станут делать с деньгами, добытыми столь тяжким и упорным трудом. «Человек должен жить не ради денег, а ради счастья, которое никто не может ни дать, ни купить, ни продать, которого не оплатишь ничем», - говорит Ситка Чарли.

Принято считать, что фронтису принадлежит решающая роль в становлении национального характера. Фронтисмен, чья жизнь была сродни опыту многих переселенцев, стал первым национальным героем. Главными чертами американского пионера считались его энергия и индивидуализм. Идеальный образ фронтисмена создал Фенимор Купер в своей

пенталогии о Кожаном Чулке, показав своего героя человеком, «не знавшим пороков, честным и искренним, как сама природа». Джек Лондон, продолжая традицию Купера, создал в своих произведениях, посвящённых теме фронта, образ благородного, мужественного и сильного человека, который держится при всех обстоятельствах.

Символика фронта занимает огромное место в американской жизни, и можно отдельно говорить обо всех последствиях для современной истории и литературы США, какие имела эпопея фронта.

Таким образом, можно заключить, что традиции фронта в литературе американского романтизма носили гуманистический, демократический и антибуржуазный характер.

Изучение американской литературы - составная часть российской литературной науки. Традиции фронта, сохраняя демократическую направленность, остаются живым фактором развития литературы США. К сожалению, современная американская литература, ставшая, по мнению многих американских же интеллектуалов, индустрией, в которой книги, как правило, не пишутся, а производятся, не создала пока ни одного героя, и в первых рядах по-прежнему продолжают оставаться впечатляющие образы из книг Лондона, Драйзера, Хемингуэя, Стейнбека, Фолкнера.

#### **Список литературы:**

1. Turner F.D. The Significance of the Frontier in American History. – Ithaca (N.Y.) , Cornell University Press, 1956.
2. Богословский В.Н. К вопросу о формировании американского реалистического романа в конце XIX в. // Проблемы традиций и новаторства в англо-американской литературе XIX-XX вв. – Москва, 1985.
3. Гиленсон Б.А. Джек Лондон: реализм, одухотворенный романтикой. В кн.: История зарубежной литературы конца XIX-начала XX веков. - Москва, 2006.

*- N. V. Voronevskaya, North-Eastern State University in Magadan, Russia,  
Candidate of Philology, Assistant Professor,  
English language department, School of Philology  
T. O. Melnichuk, North-Eastern State University in Magadan, Russia,  
a graduate student, Foreign languages department, School of Philology*

## **APHORISMS OF O. WILDE AS A TRANSLATER'S TASK**

*Вороневская Наталья Викторовна, Северо-Восточный  
государственный университет (г. Магадан, Россия),  
канд. филол. н., доцент, доцент кафедры английского языка, филологический факультет СВГУ  
Мельничук Татьяна Олеговна, Северо-Восточный  
государственный университет (г. Магадан, Россия),  
студентка 5 курса отделения иностранных языков филологического факультета СВГУ*

## **АФОРИЗМЫ О. УАЙЛЬДА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЗАДАЧА**

Оскар Уайльд, известный ирландский писатель, драматург, поэт и философ, известен своими произведениями полными парадоксов и афоризмов. Интерес к жизни и творчеству О. Уайльда стал появляться еще при жизни писателя и с тех пор никогда не ослабевал. Рецепция творчества О. Уайльда в России имеет большую историю. Однако если жизни автора посвящено много книг и критических

статей, то многие аспекты его творчества еще остаются малоизученными. К таким аспектам можно отнести афоризмы О. Уайльда. Афоризмы О. Уайльда – это отражение особой формы его мышления и индивидуальной манеры письма. Целью данной работы является выявление путей воссоздания афоризмов О. Уайльда в переводах на русский язык.

Как справедливо замечает О. М. Фадеева, анализ исследований афористики в отечественном и зарубежном языкознании позволяет сделать вывод, что в настоящее время еще не выработан единый подход к определению афоризма и его сущности [Фадеева: 5]. В нашей работе под «афоризмом» мы понимаем глубокую стремящуюся к истине и полученную обобщением, законченную мысль определенного автора в предельно краткой, отточенной и высокохудожественной форме [Федоренко: 184]. На основе обобщения работ отечественных исследователей афоризма нами были выделены следующие основные его свойства: глубина мысли, стремящаяся к истине; обобщенность; краткость; законченность мысли; отточенность мысли; художественность афоризма, достигаемая применением различных эмоциональных и стилистических средств. Несомненно, что афоризм как специфический тип текста при переводе должен сохранять свою идентичность.

Материалом нашего исследования являются афоризмы, отобранные из различных произведений О. Уайльда: из сказок – «Соловей и Роза», «Преданный друг», «Замечательная ракета»; из романа – «Портрет Дориана Грея»; из пьес – «Женщина, не стоящая внимания», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным» и всех, имеющихся в нашем распоряжении их переводов, принадлежащих перу М. Благовещенской, В. Чухно, А. Соколовой, Ю. Кагарлицким, Т. Озерской, З. Журавской, Н. Дарузес, О. Холмской, И. Кашкиным, М. Абкиной. Всего было проанализировано 150 афоризмов на английском языке и 259 переводов афоризмов.

В рамках данной работы не представляется возможным представить полный анализ всех афоризмов О. Уайльда и их переводов на русский язык. Анализ переводов афоризмов О. Уайльда позволяет сделать вывод, что наиболее приемлемым видом художественного перевода является тот, в котором по возможности полно воссоздано содержание и учтены все особенности формы оригинала. Для достижения тождества содержания и формы исходного и переводного афоризма переводчикам О. Уайльда необходимо было прибегнуть к тем или иным переводческим трансформациям. Так, нами было выявлено, что из лексических трансформаций российскими переводчиками наиболее часто использовались:

– опущение (25%) (Пр.: The artist is the creator of beautiful things. Художник – тот, кто создает прекрасное (пер. М. Абкиной), Художник – творец прекрасного (пер. В. Чухно)). И в первом, и во втором примерах переводчики опускают существительное «things», так как оно является семантически избыточным, а выражающее его значение может быть извлечено и без его помощи;

– добавление (17%) (Пр.: There is no such thing as a moral or an immoral book. Books are well written, or badly written. That is all. – Нет книг нравственных или безнравственных. Книги или хорошо написаны, или написаны плохо. И в этом вся разница (пер. В. Чухно)). В данном переводе В. Чухно прибегает к добавлению в последнем предложении: «вся разница». В оригинале это не было выражено, но переводчик решил добавить эти слова, пытаясь придать афоризму требующуюся форму;

– конкретизация (17%) (Пр.: But beauty, real beauty, ends where an intellectual expression begins. – Но красота, подлинная красота, исчезает там, где появляется одухотворенность (пер. М. Абкиной)). Как видно из перевода М. Абкиной, она заменяет слова «ends» и «begins» с более широкими значениями словами «исчезает» и «появляется» с более узкими значениями, что обусловливается расхождениями в их стилистических характеристиках;

– модуляция (12%) (Пр.: One should never trust a woman who tells one her real age. A woman who would tell one that, would tell one anything. – Никогда нельзя верить женщине, которая не скрывает своих лет. Женщина, которая говорит, сколько ей лет, может рассказать все что угодно (пер. Н. Дарузес)). Из перевода видно, что Н. Дарузес использовал прием модуляции при переводе конструкции «a woman who tells one her real age». Данная замена основана на причинно-следственных отношениях, где следствие заменено причиной: женщина открыто говорит о своем настоящем возрасте, потому что не скрывает его.

Из грамматических трансформаций наиболее часто в переводах встречается замена частей речи. Как показал наш анализ, в русских переводах афоризмов О. Уайльда эта трансформация была представлена следующими заменами:

– заменой единственного числа на множественное и наоборот (29%) (Пр.: Women represent the triumph of matter over mind, just as men represent the triumph of mind over morals. – Женщины – это воплощение торжествующей над духом материи, мужчина же олицетворяет собой торжество мысли над

моралью (пер. М. Абкиной). Женщины являют собой торжество материи над разумом, а мужчины – торжество разума над моралью (пер. В. Чухно)). В данном случае переводчики заменили существительное множественного числа «morals» на существительное единственного числа «мораль», так как такой вариант перевода стилистически более приемлем для авторов перевода;

– заменой существительного на прилагательное и наоборот (11%) (Пр.: It can never be necessary to do what is not honourable. – Не может быть необходимостью то, что бесчестно (пер. В. Чухно)). В. Чухно передал на русский язык прилагательное «necessary» существительным «необходимость», что, на наш взгляд, не повлияло на смысл исходного афоризма.

О. М. Фадеева справедливо отмечает, что количество трансформаций лексического и грамматического плана при переводе афоризмов должно быть минимальным, поскольку каждый афоризм – это уникальная текстовая структура [Фадеева: 12]. Как показал наш анализ переводов, из 259 афоризмов всего лишь 10%, что составляет 25 афоризмов от их общего числа, не передают афоризмы О. Уайльда в полной мере. Некоторые искажения смысла авторских афоризмов были выявлены в переводах Ю. Кагарлицкого, Н. Дарузес, О. Холмской, В. Чухно, И. Кашкина и М. Абкиной. В переводах, выполненных О. Холмской и В. Чухно, оригинальные афоризмы воссозданы не в полном объеме, так как эти переводчики использовали, на наш взгляд, слишком много лексико-грамматических трансформаций, и поэтому их переводы не всегда можно признать адекватными. Думается, что афоризмы О. Уайльда могут и должны быть адекватно воссозданы средствами русского языка для того, чтобы представить читателю всю полноту афористического мастерства этого известного ирландского писателя.

#### **Список литературы:**

1. Фадеева О. М. Афористика Э. М. Ремарка и проблемы ее воссоздания в русских переводах / О. М. Фадеева: автореф. дис. канд. филол. н. – Магадан, 2003. – 16 с.
2. Федоренко Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская – М.: Наука, 1990. – 419 с.

*Ivan A. Bekhta, Ivan Franko National University of Lviv  
Professor, Dr. Sc., the Faculty of Foreign Languages*

*Natalia D. Negrych, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University  
Postgraduate student, the College of Modern European Languages*

### **Idiom variation palette**

The colourful linguistic spectrum of expressions called “idioms” directly reflects the considerable difficulties linguists face in finding an appropriate definition and classification of these linguistic phenomena and to explain their grammatical behaviour. Idioms are peculiar linguistic constructions that have raised many eyebrows in linguistics and often confuse newcomers to a language [1]. They are an important part of the colloquial language. Even if people are not aware of it, they are used very frequently in everyday speech and very often, when people have a conversation, they can be used without noticing them. I believe that it is generally agreed that, to be accepted as a member of a given society, it is essential to be familiar with the linguistic routines of the language, not only to be able to follow them, but also to deviate from them, if that is what the situation requires. Rather than just being reproduced, idioms can be varied in discourse. These constructions may change their conventional appearance: parts of their conventional formal and semantic substructures can be highlighted with others changing or fading away. Such exploitations happen and are very noticeable in text, but they are not the dominant type. For this reason idiomatic expressions have been object of several studies among linguists for the last decades. Restricted morphosyntactic and lexical variability has been used as one of the main definitory parameters that distinguish PUs from free syntax. Nevertheless, lexicogrammatical variability of PUs is a recognized empirical fact. More comprehensive and meticulous analyses of important publications in the field are offered by R. Moon (1998), H. Burger et. al (1982), H. Burger (1998a), A. Langlotz (2007), P. Skandera (2007), A. Sabban (1998) and show that their structure can actually undergo considerable modifications.

The **article aims** at a closer consideration of different categories of variation and principles of categorization of idioms. We're going to use terms phraseological unit (PU), idiom or idiomatic expression defining them like most linguists do: polylexemic expression whose meaning cannot be deduced from the meaning of its parts.

One cannot but notice the concurrent use of the terms transformations and variation in literature on idioms. Quite often they are used synonymously with either one of them appearing as a major hypernym that covers all kinds of performed changes, although in some cases they are regarded as separate categories [2]. The term *transformation* was established within the framework of transformational grammar and originally used to denote a formal linguistic operation on the constituents of a deep structure which converts into a surface structure.

The transformational hierarchy for English idioms was first suggested by B. Fraser, who observed that idioms with the same syntactic structures do not permit the same set of transformations. According to his claim, idioms can range from “completely frozen” to fairly amenable to transformational operations” [3], i.e. frozenness is gradable. The ultimate poles are represented by levels L0 (completely frozen) and L6 (unrestricted). All variation happens on levels L1 to L5: *Adjunction, Insertion, Permutation, Extraction* and *Reconstitution*. The linguist points out that L6 is not applicable to idioms, i.e. operations like clefting, relative clause formation, conjunction reduction, gapping and pronominalization are not possible in idioms. He admits the fact that the place of a particular idiom in the hierarchy may differ among speakers, but he emphasizes that the system as a whole is nevertheless valid for each speaker. However, criticisms of his model show that his model is not universal.

Syntax-based approaches of U. Weinreich and B. Fraser to idiom variation have also been criticized for a lack of explanatory power, since they describe transformational deficiency as something given, without trying to explain the reason why certain idioms are more frozen than others [4, 5, 1]. However, alternative semantic models of W. Chafe (1968), F. Newmeyer (1974), H. Burger (1973), G. Nunberg, I. Sag & T. Wasow (1994) seem unconvincing explaining the syntactic behaviour of idioms in purely semantic terms. For instance, in their pursuit to correlate meaning with syntactic flexibility W. Chafe (1968), F. Newmeyer (1974) and H. Burger (1973) claim that passivization cannot be applied to the notorious idiom *kick the bucket* since it describes an intransitive process of “dying” and intransitive verbs are not open to passive voice. At the same time T. Petrova criticizes such a semantic approach showing existence of examples like (1) – (3) below, where this idiom is passivized.

(1) *I reckon one aspect of it \*truelly\* being someone's time is when the deal is done and **the bucket kicked**.*

(2) *When **the bucket is kicked**, the body battery is turned off. No brain waves, electrical activity, just a slab of beef (unless you're hindu).*

(3) *But I always figure, if I live what I consider to be a good life, then the problem can safely be put off till after **the bucket is kicked**; God and I can argue about the nitpicky details then.*

These examples show that “even semantically nondecomposable PUs allow some transformational productivity” [2], which means that semantics cannot predict the syntactic variability of a PU. In addition, the presence of a passive-governing predicate in the idiomatic meaning doesn't take the idiom's passivization variation potential for granted.

Despite the fact that C. Fernando's (1996) functional treatment of idioms lies outside the framework of transformational grammar, she still chooses to operate with the base set of elementary transformations while categorizing various ways in which idioms can be changed [2]. Her classification includes *replacements (substitutions), additions, permutations* and *deletions* and makes no difference if the described phenomena occur on the morphosyntactic or lexical level. Its four classes are therefore aimed to represent all possible types of qualitative and quantitative changes in form. Consequently, each category involves phenomena of very different kinds.

R. Moon (1998) distinguishes between transformations and variation as two different categories. Transformations are discussed together with such issues related to lexical and grammatical form of idioms as grammatical types and structures, inflectability and regular slots; variation includes a subcategory of lexical variation. Her classification is criticized for examples of the same construction appearing in transformation and variation categories simultaneously.

A. Langlotz divides variation into purely semantic (variation in an idiom's meaning), and purely formal (variation in an idiom's form) but it “neglects the fact that changes in form would inevitably entail changes in meaning” [2].



A. Melerovič & V. Mokienko (2001) come up with the following solution: they do not have a category for purely formal variation. While the first higher level category in their classification includes solely semantic modifications, the second category of modifications is called structural-semantic. But in practice “numerous examples listed under the category of semantic transformations, in fact contain structural changes as well” [2]. So the authors fail to keep purely semantic and structural-semantic changes apart from each other when it comes to actual examples.

The terms *usual* variant and *occasional* variant are commonly used to distinguish between frequently recurring vs. non-recurring idiom variants in usage-based studies of idiom variation [6, 7, 8, 1]. As for me, one needs more features to distinguish usual from occasional variants. A. Langlotz claims that systematic variation of idioms depends on their motivation but it meets the opposition that “motivation is a subjective criterion that cannot be verified or operationalized in a strict way” [9].

G. Fauconnier & M. Turner (1996, 1998, and 2002) apply Conceptual Integration Theory to lexical substitution in PUs as well as to amalgamation of two or more PUs in one modification and present them as a result of the mechanisms of conceptual integration. “People construct conceptual structures called mental spaces as they think and use language. General cognitive processes, called blending, operate on these mental spaces as inputs. Input spaces project on to a separate blended space, which inherits partial structure from each of them, but also produces new emergent structures” [10]. The Conceptual Integration Theory has an essential drawback – being a very abstract model, it lacks any tools for the analysis of linguistic structure.

The notion of the *base form* of PUs seems to be highly relevant for the study of their variation and variability. As a matter of fact, the very concept of variation cannot be defined without assuming the existence of some kind of initial form to which modifications are applied and to which they can be compared. According to N. Chomsky: “semantic properties of idioms are exhibited via a base syntactic form at the syntactic level of D-structure” [11], while J. Bresnan locates the base form at the level of lexical representation [12]. Both approaches assume that all properties of the idiom are stated once and for all at the level of the single base form, and that all idiom variants can be related to each other via grammatical mechanisms, by which they are derived from the base form. A. Langlotz defines an idiom’s base form as “an idiom’s context-independent default-structure that is distilled from various usage-events” [1]. The only question is what should be equated to the base form and which criteria are to be used in order to determine it? “Practically the base form is the dictionary form” [13] which shows a common practice and the *lexicographic approach* in idiom variation research. But how practical is it to rely on dictionary forms? Lexicographers are faced with the same problem while choosing the citation form and different dictionaries can list different forms of the same PU. In fact, dictionaries in some cases may not reflect the contemporary language use due to the statement that “the base form status of a construction can vary diachronically while a dictionary may reflect an out-of-date situation” [2]. Apparently, the lexicographic approach to the definition of the base form is problematic. There also exists *quantitative approach*, which would regard the base form as the one that has the highest number of occurrences among other forms in discourse. But there is always a possibility that different data sources will give us different results. Finally, there is a possibility to apply a *diachronic perspective* and regard the original, historically primary construction as the base form and all later derivatives as its variants. However, there are several problems here as well. Firstly, this option is only available for idioms with identifiable textual sources. Secondly, there are at least two kinds of textual dependence: quotations and allusions [9].

Discussing and comparing categorization principles of idiom variation that occur in linguistic literature we conclude that similarly to differences in linguists’ approaches to the object of phraseology as a linguistic science, the definition of its object as well as terminology the issue of variability or transformations of idioms also varies impressively. Most of the offered models fail to fulfil the requirements of keeping categories clearly defined; some of them seem to be a great deal subjective. The central problem of the base form approach is that there are neither clear criteria of how such a form should be determined, nor adequate solutions for the methods of its representation that could account for possible variation. The complexity of such language phenomena as phraseological units does not allow fitting them into the Procrustean bed of any taxonomy. The perspective of our further research is studying such a phenomenon of language as variation of idiomatic expressions in a context, particularly in postmodernist discourse.

#### References:

1. Langlotz A. Idiomatic creativity: a cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English / Andreas Langlotz. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company – 2006. – 325 p.

2. Petrova O. Of pearls and pigs: a conceptual-semantic Tiernet approach to formal representation of structure and variation of phraseological units / Oksana Petrova . – Åbo:Åbo Akademi University Press – 2011. – 412 p.
3. Fraser B. Idioms within a transformational grammar / B. Fraser // Foundations of Language. – 1970. – vol. 6. – 22 - 42 P.
4. Burger H. Idiomatik des Deutschen / unter Mitarbeit von H. Jaksche. – Tuebingen: Max Niemeyer Verlag. – 1973. – 117 s.
5. Schenk A. The syntactic behaviour of idioms / A. Schenk // Idioms: structural and psychological perspectives, ed. M. Everaert. – 1995. – 253 -271 P.
6. Burger H. Phraseologie: eine Einfuehrung am Beispiel des Deutschen / von H. Burger. – Berlin: Erich Schmidt. – 1998. – 224 s.
7. Burger H. Handbuch der Phraseologie. / Burger H., Buhofer A., Sialm A. – Berlin: de Gruyter. – 1982. – 433 s.
8. Melerovič A.M., Mokienko V.M. Frazеологізми в русској речі: slovar' 2nd edn / Melerovič A.M., Mokienko V.M. – Moscow: Russkie slovari. – 2001. – 860 p.
9. Dobrovolskij D., Piirainen E. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives / Dmitrij Dobrovolskij, Elisabeth Piirainen. – Amsterdam, The Netherlands: Elsevier. – 2005. – 419 p.
10. Fauconnier G., Turner M. Principles of conceptual integration / G. Fauconnier, M. Turner // Discourse and cognition: bridging the gap, ed. J. Koenig. – Stanford CA: Center for the Study of Language and Information. – 1998. – 269-283 P.
11. Chomsky N. Rules and representations / Chomsky Noam // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3. Issue 01. – 1-15 P.
12. Bresnan J. The mental representation of grammatical relations / Joan Bresnan. – Cambridge, MA: The MIT Press. – 1982. – 874 p.
13. Naciscione A. Phraseological units in discourse: towards applied stylistics / Anita Naciscione. – Riga: Latvian Academy of Culture. – 2001. – 283 p.

**Sharmanova Natalia Mykolayivna**, Kryvyi Rih Pedagogical Institute, State Higher Education Establishment  
"Kryvyi Rih National University",

*Docent, PhD on Philological Sciences, Department of Ukrainian language*

**Vavrynyuk Tetyana Ivanivna**, Kryvyi Rih Pedagogical Institute, State Higher Education  
Establishment "Kryvyi Rih National University",

*Docent, PhD on Philological Sciences, Department of Ukrainian language*

## **Ethnonyms in Proverb Cliches**

*Шарманова Наталя Миколаївна, Криворізький педагогічний інститут  
ДВНЗ "Криворізький національний університет"*

*доцент, кандидат філологічних наук, кафедра української мови*

*Вавринюк Тетяна Іванівна, Криворізький педагогічний інститут  
ДВНЗ "Криворізький національний університет"*

*доцент, кандидат філологічних наук, кафедра української мови*

## **Етноніми в паремійних кліше**

Паремії як репрезентанти етнокультурної інформації визначають вимір суспільних норм з урахуванням фонових знань комунікантів, проєктують стратегію їх поведінки в соціумі. Для паремій властива стереотипність образної побудови, за якої економно відтворюється конкретна ситуація з виокремленням таких її сторін, що можуть стати узагальненою формою передачі типових сценаріїв. На

характер референційної складової та семантичної мотивації пареміологічної одиниці впливають клішованість, афористичність і сентенційність. Клішованість – це властивість тексту сприйматися глобально, як наявне конструктивне й семантичне ціле, що відтворюється без істотних змін у відповідних комунікативних ситуаціях [1].

Паремії зберігають і відтворюють етнічний досвід на рівні аксіоматичних приписів і прагматичних преференцій, дають змогу програмувати й пояснювати різні ситуації в щоденному спілкуванні, забезпечують універсальність і аргументованість комунікативної бази.

Дослідження різних аспектів етнічної ідентифікації, національного світосприйняття подано у працях вітчизняних (І. Голубовська, В. Жайворонок, В. Калашник, З. Коцюба, О. Селіванова, О. Стоколос-Ворончук та ін.) і зарубіжних пареміологів (Н. Барлі, В. Бондаренко, А. Дандіс, В. Жуков, З. Каньо, М. Кіммерле, Е. Кокаре, Г. Крейдлін, А. Крикманн, М. Куусі, Д. Лукатос, Дж. Мілнер, В. Мокієнко, З. Нойман, Л. Савенкова, О. Селіверстова, А. Семеркені, А. Тейлор, Р. Якобсон та ін.).

Особливим інтересом у царині пареміології позначені проблеми стереотипізації елементів із соціокультурною інформацією. Важливим є висвітлення питання щодо репрезентації етнізмів у пареміях на основі опозиції “свій – чужий», яке охоплює весь культурний простір і постає одним із головних концентрів будь-якого колективного, масового світосприйняття.

**Мета** статті полягає в описі мовної репрезентації етнізмів в українських пареміях. Мета роботи передбачає розв’язання низки завдань: 1) визначити когнітивні механізми паремійної реалізації загальномовної аксіологічної моделі “свій – чужий”; 2) з’ясувати особливості функціонування авто- і ксеноетнізмів у паремійних кліше.

Теоретичні дослідження етнізмів охоплюють у сучасній лінгвістиці широке коло проблем, якими займаються А. Грищенко, А. Ердман, А. Железняк, М. Закієв, В. Кашкін, Г. Ковальов, В. Кононенко, А. Кравчук, К. Лучиніна, В. Маслова, В. Ніконов, І. Ольшанський, С. Пейхенен, О. Рогач, Л. Степанова, А. Суперанська, В. Супрун, О. Фролова, В. Шапошников та ін. Дослідники етнізмів наголошують, що ці одиниці виникли з потребою етнічного самоусвідомлення, продукують ономаціологічний портрет “етнічної людини” й відображають картину світу; трактують етноконотації як засіб виявлення стереотипізованих властивостей національних характерів [2].

**Етнізми** є номенами етнічних груп людей (племені, племінного союзу, народності, нації), етнічних угруповань у складі нації та груп споріднених народів [3]. Залежно від суб’єкта номінації розрізняють автоетнізми, або ж самоназви, та ксеноетнізми – найменування, дані іншими народами переважно скептичного, глузливого характеру (Г. Ковальов, Г. Лозко, В. Супрун).

Етнізм стереотипізує національні вияви, оскільки позначає не окрему людину, а цілу етнічну спільність з усіма притаманними їй рисами. Ці лінгвоодиниці відтворюють етнічні стереотипи як складники мовної свідомості, які несуть у собі потужний емоційний заряд, що впливає на ступінь адекватності сприймання того чи того елемента концептуальної картини світу. Відповідно світ загалом і його фрагменти у процесі пізнання сприймаються крізь призму аксіологічної моделі “свій – чужий” (В. Иванов, Ю. Лотман, О. Пеньковський, Л. Савченко, О. Селіванова, Б. Успенський та ін.), де традиційно “свої” оцінюються позитивно, а “чужі” – негативно.

Опозиція “свій – чужий” належить до загальнолюдських моральних механізмів вибору між ознаками категорій добра і зла, тож поняття “свого” і “чужого” продукують внутрішню форму паремій. Кліше, дійсно, відображає специфіку національного менталітету [4]. На протиставленні “свій – чужий” ґрунтуються автоетнізми за моделями таких номінацій: зі значеннями “реальна людина, народ, свій” та із семантикою “говорять зрозуміло”, що розмежовуються за ознакою етнічної ідентифікації (В. Супрун). В основу номінації інших етносів покладаються номенні “чужі, вороги” й етнізми, які називають етнос за якою-небудь зовнішньою ознакою його представників [5].

Найбільш етноцентричним компонентом в українських пареміях є етнізм *Україна*. Персоніфікація образу України пов’язана з духовним генотипом українського народу й ментальним лексиконом. Етнізм *Україна* є національним духовним макроконцептом, який репрезентує світовідчуття українців, визначає фонові знання комунікантів на рівні етносвідомості. Лінгвалізацію забезпечують конкретні образи і ментефакти: **Україна** – мати, за неї треба головою стояти; Нема в світі, як своя **Україна!** **Україна** – козацька мати; Поки Дніпро пливе, **Україна** не вмере [6].

Для українських паремій властива актуалізація етнізмів через профілювання когнітивної

структури “свій – чужий”, що співвідноситься з моделлю: *Україна – не Україна*. Це протиставлення репрезентує ядро й периферію – різні світоглядні вектори задля розуміння українського світосприйняття, зокрема на позначення соціокультурної ситуації як в Україні (*На **Вкраїні** добре жити: мед и вино пити; Біда **Україні**: и оттоль горяче, и отсель боляче; У нас **Україна**: треба собі самому хліба україти*), так і зовні: *А це правда! **Польща** така! Ні, хлопці! ёго пора в **Московію** послати – там з ёго буде пан* [6]. Лексеми *Польща, Московія* репрезентують країни, до складу яких входила Україна, перебувала під їх монархічним гнітом, – Річ Посполиту, Російську імперію.

У збірці паремій, перше видання якої здійснено в 1864 році у Санкт-Петербурзі, одиниці виконують оцінну функцію – характеристику українцями інших націй. Виразна історико-політична оцінка репрезентована в одиницях *Москва слёзам не вірить; Москва на злиднях збудована, та й злиднями годована* [6]. Відстежуємо і паремійні паралелі із соціокультурною оцінкою життя українського й польського етносів: *Як **Польща** знов настане, тогда Марія Тереса з пекла вийде; Од **Киева** до **Кракова** всюди біда однакова; Піти до **Кракова**, всюди біда однакова; піти й за **Карпати**, то треба бідувати* [6]. У межах однієї паремії актуалізовано відразу і автоетнонім, і ксеноетнонім в аспекті соціального розшарування: *У **Ляхів** – пани, на **Москві** – ребъята, а у нас брати* [6]. До паремії *Романе, Романе! нічим живеш – **Литвою** ореш* М. Номис подає історичний коментар, спираючись на пареміографічні розвідки І. Снегирьова, та наводить синоніми: *Романе! лихим живеш, **Литвином** ореш; Зле, Романе, робиш, що **Литвином** ореш* [6].

Особливості конструювання світу представниками різних етносів трансформують основну модель на *українець – не українець*. Задля самоідентифікації українців у збірці уживається ксеноетнонім *хохол*, даний українцям представниками інших етносів: *Хохол більше нашого Богу упадає; Хохол більше москаля на Бога надіється* [6]. У пареміях функцію автоетноніма виконує лексема *козак*, наприклад: *Зроду-звіку **козак** не був и не буде катом! **Козак** не гордун; Де **козак**, там и слава; **Козак** як не сало їсть, як не **Турка** рубає, так нужи шукає* [6]. Відбувається маркування українця за національною приналежністю й рисами вдачі, тому знаковою для ідентифікації української нації є кліше *Козацькому роду нема переводу* [6].

Осмилення власної національної ідентифікації дало поштовх до усвідомлення самотності інших народів, з якими українцям довелося жити поряд. Такі взаємини – дружні й ворожі – засвідчені в пареміях *Непроханий гість гірше **Татарина**; Люде не **Татаре**, дадуть кусок хліба; З **Поляком** говори, а камінь за пазухою держи; Лихо, та не тихо: коло Махновки **Цигане** облегли* [6]. Переважно негативна оцінка цих стосунків зумовлена чітким протиставленням людей за етнічним принципом, який домінує в побутовій свідомості над духовними, моральними критеріями. З позиції української сміхової культури розкриваються чужі етностереотипи: *Іхав **Грек** з винами, з пивами, та й перевернувсь у нашій кваші; Так мене то гріє, як **Німця** краватка; Мудрий **Поляк** по шкоді: коли коня вкрали, тогда стаїню замикає; **Циган** своє за тин тягне, та ще хвалить, що добре було; Убравсь в правду, як **Татарин** в зброю; Голий, як **турецький** святий* [6]. У кліше дається оцінка типових рис характеру інших етносів, способу їх життя і звичаїв, вони зіставляються за зовнішньою, соціально-політичною, мовною й релігійною ознаками: *Що **Литвину** шкодить, то **Русину** помагає; **Поляка** на світі не було, він се з **Русина** народив; **Татарин** пив, а **Литвин** на дереві сидів; **Лях** співає, як їсти хоче, а мужик жінку б’є, а **Жид** порухи відмовляє* [6].

Паремійна репрезентація ксеноетнонімів розкриває домінування певних прикмет щодо інших етнічних осіб. Продуктивними стали номени *москаль, кацап* (росіянин), *жид* (єврей), *циган* (ромен). Ураховуючи історію українсько-російських взаємин, можемо говори про маркування своєї оцінки: *Москаль не свій брат, не помилує; З **Москалем** дружи, а камінь за пазухою держи; За **Москалем** панство: коло ноги ременяки – и все господарство* [6]. Етнонім *москаль* активно використовується як одиниця вторинної номінації (“солдат”): *Ти, **москалю**, и добрий чоловік, та шенелія твоя злодій; Казав **москаль** право, та й збрехав браво* [6].

В інших ксеноетнонімах відображені стереотипи за такими ознаками, як зовнішність, одяг, поведінка, риси національного характеру, національно-культурні традиції: *Оце жахаєця, як **Жид** Христа; **Жид** брехнею живе, все з нас тягне; **Жид**, и молячи, вчиця обманути* [6]. Оскільки цигани вели кочовий спосіб життя, то про них склалися досить негативні етнічні уявлення: *Крутить, як **Циган** сонцем; Ласий, як **Циган** на сало; Такий знающій, як **Циган** до пасіки* [6]. Актуалізація ксеноетнонімів розкриває історично обґрунтоване ставлення українців до інших етносів.

Отже, крізь призму менталітету того чи того народу визначено образну основу паремійної репрезентації міжетнічних стосунків в Україні, що є перспективним напрямком у світовій пареміології. Глибинне значення кліше з етнонімним компонентом є результатом семантичного поєднання компонентів когнітивної моделі "свій – чужий". Паремійне представлення етнонімів відтворює стереотипне бачення етносів, які протиставляються за національним принципом на рівні етносвідомості.

#### **Список літератури:**

1. Черкасский М. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремииологический сборник: Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). Москва, 1978. – С. 38.
2. Кашкин В., Пейхенен С. Этнонимы и территория национальной души // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. – С. 62.
3. Українська мова: Енциклопедія. Київ, 2004. – С. 179.
4. Кухарева Е. Клише как отражение национального менталитета: На примере арабских паремий. Москва, 2005. – 166 с.
5. Ковалёв Г. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование. Воронеж, 1991. – С. 20.
6. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис. Київ, 1993. – С. 768.

*Natalia elnychuk, Chernivtsi National University  
Assistant Professor, the Faculty of Foreign Languages*

### ***Semantics and Word-Formation of Emotively-Evaluative Adjectives In Modern English***

Modern linguistic science is characterized by wide interest in the study of language as a social phenomenon. The organization and use of language as the means of intercourse in the investigation of linguistics can not be complete without researching the emotive aspects of language, speech and text units. Emotional aspect of human personality plays a significant role in a modern linguistic paradigm. Intercommunication of rational and emotional spheres in cognition helps a person to experience emotionally what language represents.

Emotions are the special, original form of cognition and reflection of reality since only in them a person appears simultaneously as an object and subject of perception. Emotions are firmly connected with the needs of a person, which are the basis of acting to fulfill those needs. In addition to an objective lexical meaning, emotional words express a subjective view, which represents the speaker's attitude to the expressed opinion. Though subjective meaning and emotion are different concepts, as well as lexical methods of realization, quite a few evaluative words can be attributed to the emotional vocabulary.

It is necessary to mark that in the last few years the problem of representation of emotions in a language and speech attracts more attention from linguists who use certain methods for its analysis, for example, studying the lexically-semantic aspect of problem [1]; researching emotive words on material of specific discourses [2]; investigating the problems of realization of category of emotiveness in syntactic structures [3]; determining the basic role of emotions in speech interaction [4], [5].

This article is dedicated to the research of problem of word-formation of English emotively-evaluative adjectival units and to the study of some semantic aspects in their formation. In analyzing derivative adjectives researchers can trace the peculiarities of their use and learn the dependence of adjectival units on certain word-formation affixes. Uniqueness of this research is determined by the absence of works in which lexical units of language were learned on the basis of semantic filling in combination with the study of word-formation

processes taking place during their formation and influencing their use in a language significantly. Actuality of work is determined also by the orientation of modern linguistic research on the study of aspects of language meaning and the necessity of interlingual analysis. This research represents the tendencies of modern scientific paradigms – a word-formation is combined with the different areas of linguistic disciplines – lexicology and semantics. The offered approach exposes important semantical and word-formation connections between the elements of derivative words and makes certain contribution in the development of the general theory of semantic word-formation.

The objects of investigation in this article are more than two thousand adjectives chosen by partial selection from A. S. Hornby's "Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English" and more than a thousand emotive adjectives, chosen from literary texts of the modern English and American writers such as Agatha Christie, Graham Greene, Ruth Rendell, Angela Noel, Dorothy L. Sayers, Margery Allingham, Sir Arthur Conan Doyle, and Patricia Highsmith. The purpose of the research is a study of semantic peculiarities of adjectival units of positive or negative evaluation and their functioning in the English language in general and in the authors' discourse in particular.

Adjectival units are a special interest for many linguists studying emotive filling of the texts; in fact, they are the most difficult structures because they represent not only a person's outer but also inner world and his/her attitude to the surrounding reality. For English in general and for the author discourse in particular it is characteristic to form emotionally-evaluative adjectives: "*I'll swear you do, you **damned** old miser,*" said of Mr Gooch offensively." [6: 71].

The adjectives of emotional state actualize their meanings mainly in a predicative function with the personal nouns and possessive pronouns. Because of a large concentration of evaluation in an adjective it possesses a principal attention in the linguistic paradigm of the manipulative means. In their absolute form, adjectives assume the existence of evaluative scale by which it is possible to form thematic groups of adjectival words by their meaning and positive or negative characteristics.

Taking into consideration specific properties of morpheme affixes of adjectives which were observed by partial selection from the dictionary of English [7] it is possible to conclude that adjectival words are characterized by the variety of evaluative semantics. The group of words of common evaluation (the meaning of which express it without pointing on any signs) is the biggest one, but also the groups of words of negative and positive evaluation (which show language bearer's disapproving or approving attitude toward objects, facts and phenomena of objective reality) are large in number. Adjectives basically express exactly negative evaluation, for this reason their amount exceeds the number of adjectival units of positive evaluation. One of the major functions of adjectives is their possibility to contain both semantic and pragmatic aspects of language. Adjectives of the emotional state, such as joyous, happy and cheerful, are indisputably evaluative in relation to concepts "good" or "bad".

The analysis of more than two thousand emotively-evaluative adjectives chosen from a dictionary [7] show that their most characteristic suffixes are: *-ic, -al, -ful, -ous, -able, -ent, -ant, to th, -less, -ing, -ed, -al, -ive, -ish, -ate, -like*. These suffixes form derivative adjectives, among which the largest number were words of common evaluation.

Prefixation is a productive method of English word formation. It consists in the modification of root basis by adding a prefix. With regard to specific properties of morpheme prefixes of English adjectives and their semantic filling, new adjectival words are formed by the most productive prefixes and characterized by variety of evaluative semantics.

Consequently, it is possible to conclude that the number of English adjectival derivatives with general evaluation has considerable advantage in both cases: during formation of new units with the help of suffixes or prefixes. In comparing the quantity of emotive words with positive or negative evaluation it is obvious that the last group essentially prevails in both cases.

Our research shows that at word formation level all suffixes can convey negative evaluation; however, the most numerous are such suffixes as *-ous, -able, -y, -ed, -ive*, the quantity of adjectives formed with their help is plentiful: *ravenous (extremely rapacious; intensely eager for gratification or satisfaction), officious (objectionably aggressive in offering one's unrequested and unwanted services, help, or advice; meddling), insatiable (incapable of being satisfied or appeased), inexorable (not to be persuaded, moved, or affected by prayers or entreaties), stingy (not generous or liberal: sparing or scant in using, giving, or spending), tawdry*

(cheap and gaudy in appearance or quality), perverted (morally wrong; wicked; misguided; distorted), damned (detestable; loathsome; condemned or doomed, especially to eternal punishment), repulsive (arousing aversion or disgust), consumptive (tending to consume; destructive; wasteful).

Due to emotionality in the semantics of adjectives of positive evaluation, these words show a speaker's attitude toward objective reality which he/she perceives. The attitude is expressed with suffixes -y, -ous, -ed, -ent, -ing, -able, -ful; however, many other suffixes also are used in formation: *exemplary* (excellent and providing a good example for people to follow), *frisky* (energetic, lively and playful), *scrupulous* (very careful to be completely honest and fair), *audacious* (showing great courage or confidence in a way that is impressive or slightly shocking), *resigned* (feeling or marked by resignation; acquiescent), *penitent* (feeling or expressing humble or regretful pain or sorrow for sins or offenses), *confident* (excessively bold; presumptuous), *irritable* (easily irritated or annoyed; readily excited to impatience or anger), *dutiful* (proceeding from or expressive of a sense of duty), et cetera.

Adjectives express negative evaluation on the lexical level, that's why the number of words with negative evaluative semantics formed by the most productive prefixes (in-, un-, dis-, non-, ir-, pre-, super-) exceeds the number of adjectival units of positive evaluation and can be illustrated by the followings examples: *inexorable* (proceeding from or expressive of a sense of duty; relentless), *indomitable* (having great determination or courage), *unjust* (violating principles of justice or fairness; unfair), *unscrupulous* (behaving in an unfair or dishonest way), *dissociable* (incongruous; not reconcilable), *disloyal* (false to one's obligations or allegiances; not loyal; faithless; treacherous), *irretrievable* (difficult or impossible to retrieve or recover), *irreverent* (without due respect or veneration; disrespectful; flippant), *preposterous* (completely unreasonable or silly), *preconceived* (of an idea or an opinion - formed too early, especially without enough thought or knowledge), *superfluous* (more than is needed or wanted). Accordingly the most productive prefixes for formation of adjectives of positive evaluation are as following: *inter-* (internal), *over-* (overjoyed), *in-* (inconceivable, ingenious), *un-* (undying, unassuming), et cetera.

Comparative analysis of the use of adjectives of positive and negative evaluation formed by the suffixal and prefixal method of word-formation in the modern English and American writers' compositions enables us to single out the basic descriptions of emotive elements and to investigate the features of their use in authors' discourses. The analysis of more than thousand of emotively-evaluative adjectival lexical units chosen from author discourses [6] shows that emotive adjectives are characterized by the variety of evaluative semantics.

The strengthening of expressive meaning of adjectives in the author discourse often takes place at the expense of the weakening of subjectively-logical meaning which extends the possibilities of their combinations with other words: "Mary Barton had brought her abroad, and the very day after they landed the tragedy had occurred. And they were both nice, commonplace, **refined** English women!" [6: 20].

Objective meaning of an adjective can be expressed by the form of a word and an affix which often gives it an emotional tone. Owing to this, adjectival emotive words are filled with denotative meaning and become an important part of the artistic system of author discourse: "The **jarring** note was sounded by Mr Gooch. He ate too noisily, drank far too freely, got on Proudfoot's nerves and behaved to Mr Spiller with a kind of veiled insolence which was **embarrassing** and **disagreeable** to listen to". [6: 71-74].

Our research has shown that the most productive affixes of emotively-evaluative adjectives in the author discourse are: -ed, -ing, -y, -ous and un-, in-, ir-, dis-. It is interesting that the number of adjectives of negative evaluation formed with their help prevails over the number of units of positive evaluation.

In the structure of the author discourse emotive vocabulary plays an extremely important role because an artistic text has aesthetic and emphatic effects that make it imaginative and expressive: these texts influence the reader's consciousness: "And human nature, Dr. Watson — the black ingratitude of it all! When did I ever refuse one of her requests? Was ever a woman so **pampered**? And that young man — he might have been my own son... And yet see how they have treated me! Oh, Dr. Watson, it is a **dreadful, dreadful** world!" [6: 109].

Thus, it should be noted that the most productive suffixes and prefixes which are used during formation of English emotive adjectives are accordingly: -ous, -able, -y, -ed, -ive, -ent, -ing, -ful and in-, un-, dis-, non-, ir-, pre-, super-, inter-, over-. Adjectives of positive evaluation formed by affixal word formation represent a significant part of English vocabulary, but are less numerous than adjectives of negative evaluation;

the reason for this is that adjectival units often mainly lexically express negative evaluation. Thus, emotive coloring of the adjectives is not something external but is a part of the structure of their meaning.

Emotive adjectives in author discourse have a specific semantic value and are used by the authors to create certain artistic and stylistic effects. The criteria for the presence of negative or positive evaluation in the lexical meaning of adjectives can often be affixes among which the most productive are **un-, in-, ir-, dis-** and **-ed, -ing, -y, -ous**. Thus, the structure of the semantic content of emotive adjectives in the author discourse is a clear and consistent system.

Further exploration of this issue should be directed to the deeper study of the role of emotively-evaluative adjectival units in English and explication of the relationship between the internal word-formation processes and semantic content of English emotive adjectives.

#### References:

- 1) Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. — М.: ЛКИ, 2008. — 208с.
- 2) Emotion in Dialogic Interaction: Advances in the Complex / edited by Edda Weigand // Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, Series IV: Current Issues in Linguistic Theory. — John Benjamin Publishing Company, 2004. — Pp. 39-51.
- 3) Зализняк А.А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 280-288.
- 4) Goddard C. Explicating Emotions Across Languages and Cultures: A Semantic Approach // The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives / edited by Susan R. Fassell. — Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2002. — Pp: 19-55.
- 5) Pavlenko A. Emotions and Multilingualism (Studies in Emotion and Social Interaction) / Aneta Pavlenko. — Cambridge University Press, 2005. — 304 pp.
- 6) Crime never pays. Short stories/ Edited by Clare West. — Oxford: OUP, 2000. — 144 p.
- 7) Hornby A.S., Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: OUP, 1992. — 1579 p.

*Rudaya Nataliya Viktorovna, Kharkov National Normal University,  
teacher of Chinese, Foreign Languages Department*

## **The Features of Usage of Polypredicative Complex Sentences in “Rickshaw Boy” by Lao She**

*Рудая Наталья Викторовна, Харьковский национальный педагогический университет,  
преподаватель китайского языка, факультет иностранной филологии*

### **Особенности использования многокомпонентных сложных предложений со сложноподчиненной структурной основой в романе Лао Шэ «Рикша»**

Целью данной статьи является анализ использования моделей многокомпонентных сложных предложений (МСП) со сложноподчиненной структурной основой (СО) в романе Лао Шэ «Рикша».

В современной китайской литературе существует довольно много авторов, работы которых переводились на разные языки мира и вынесли реалии китайской жизни за пределы Китая. Однако одним из наиболее известных за пределами своей родины китайских писателей является Лао Шэ, видный прозаик, драматург, публицист, более известный реалистической и сатирической прозой, один из ведущих мастеров национальной литературы.



Язык произведений Лао Шэ максимально прост и вместе с тем чрезвычайно богат. Он полон метафор, сравнений, аллегорий. Множество стилистических фигур способствуют более полному раскрытию портретов персонажей и пейзажных описаний. Однако следует отметить, что практически отсутствуют исследования, посвященные функционированию сложных предложений в творчестве Лао Шэ. Считаем, что на это существуют объективные причины.

Изучением сложного предложения в китайском языке занимались многие ученые. Однако до сих пор нет единого, общепринятого, четко сформированного мнения относительно классификаций различных типов предложений. Это связано с тем, что синтаксис стал объектом внимания ученых значительно позже остальных разделов китайской грамматики. Характерной чертой китайской лингвистической традиции довольно длительный период времени являлось изучение иероглифики, фонетики и лексикологии. И хотя в конце XIX века грамматика становится предметом пристального изучения ученых, однако доминирующими в ней были труды, посвященные морфологии и принципам построения простых предложений.

Лишь в середине 40-х годов XX в. выдающийся лингвист Лю Шусян в своем «Кратком очерке китайской грамматики» впервые исследовал специфические для китайского языка синтаксические конструкции, рассмотрел типы синтаксических связей в словосочетании и предложении [6]. В этот же период выходит книга Ван Ли «Современная китайская грамматика», в которой ученый пытался решить проблемы, связанные с разграничением понятий слово и словосочетание, изучал структуру и виды синтаксических конструкций, в том числе с предлогами страдательного залога [2].

С тех пор появляется множество подобных работ, в которых анализируются функциональный, структурный и семантический аспекты китайского синтаксиса. Однако в качестве объекта исследования в них выступают синтаксические конструкции, функционирующие в разговорной речи, и монопредикативные высказывания. Кроме того, наблюдается отсутствие со стороны китайских ученых системного подхода в изучении синтаксиса китайского языка: синтаксические исследования зачастую носят описательный характер. Огромный пласт проблем не рассматривается или изучается очень поверхностно. Это касается и синтаксиса сложного предложения, который не анализируется вообще. В китайском языкознании не существует отдельных исследований, посвященных МСП, поскольку данные конструкции не выделяются как отдельный синтаксический тип.

Огромный вклад в изучение теории китайского языка внесли такие отечественные синологи, как В.И. Горелов, А.А. Драгунов, Е.Н. Драгунова, Т.П. Задоев, А.Ф. Котова, Е.И. Шутова. И хотя в центре их внимания находились, в основном, вопросы морфологии, лексикологии, диалектологии и истории развития китайского языка, тем не менее, существует ряд работ, посвященных синтаксису, в том числе, синтаксису сложного предложения. Среди таких работ, в первую очередь, следует отметить труды В.И. Горелова «Грамматика китайского языка» [3] и «Теоретическая грамматика китайского языка» [4], Е. И. Шутовой «Синтаксис современного китайского языка» [7]. Тем не менее, указанные работы имеют, с нашей точки зрения, ряд серьезных недостатков. В первую очередь, это связано с тем, что классификации синтаксических конструкций были основаны на классификациях известных российских филологов, в частности, В.В. Виноградова. Следовательно, они не в полной мере отражают специфику синтаксиса китайского языка. Вторым существенным недостатком было то, что авторы не разграничивали понятия элементарного сложного предложения и многокомпонентного сложного предложения. А между тем МСП, как подтверждено в отечественном языкознании [5], имеют определенный синтаксический статус, отличающий их от элементарных сложных предложений (ЭСП) целым рядом особенностей. Это и большая протяженность МСП по сравнению с ЭСП, и большая семантическая емкость. В МСП происходит структурное и интонационное преобразование составляющих их компонентов, способных расширять или изменять свою функцию. Кроме того, для МСП характерны уровни членения, в них возникают ограничения в сочетаемости предикативных единиц, налагаемые структурой МСП.

В МСП наблюдается совмещение функций главного и придаточного в одном компоненте, что приводит к появлению в структуре придаточного показателей структуры главного и, как результат, стечение контактирующих подчинительных союзов, определяющих сложное предложение как МСП.

В связи с тем, что МСП представляют собой конструкции преимущественно письменной речи, то можно было бы предположить, что в языке современной китайской прозы, в основе которой лежит байхуа (□□), изначально являющийся языком разговорным, их количество невелико, поскольку разговорная речь стремится к краткости и лаконичности, с одной стороны, и к максимальному упрощению восприятия речи собеседником, с другой. Между тем анализ романа Лао Шэ «Рикша»

показывает, что МСП одна из достаточно употребляемых синтаксических конструкций. Так анализ постраничной частотности МСП относительно других типов предложений показал, что МСП с союзными и бессоюзными видами связи в среднем составляют 39% от всего количества употребленных предложений.

Известно, что МСП представляет собой целостное синтаксическое построение, при помощи которого выражается сложность познаваемых явлений действительности. Именно это их семантическое свойство заставляет выдающегося китайского прозаика Лао Шэ облекать текст от лица автора и речь действующих лиц в форму моделей МСП.

Объектом нашего исследования являются МСП, встречающиеся в романе Лао Шэ «Рикша», которые употребляются с различной частотой. МСП со сложносочиненной СО количественно преобладают над МСП со сложноподчиненной СО. Соотношение сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в художественном стиле во многом зависит от индивидуального стиля писателя.

МСП со сложносочиненной СО в романе «Рикша» составляют 62% от общего количества МСП с союзной связью. Общим значением таких предложений является значение однотипности семантики сочетающихся частей. Пользуясь наблюдениями В.В. Бабайцевой, можно отметить, что в сложносочиненных предложениях происходит нейтрализация некоторых свойств, более ярко выраженных у бессоюзных и сложноподчиненных предложений. «При связи простых предложений в сложносочиненные в их языковой и речевой семантике актуализируются те значения, которые важны в коммуникативном аспекте» [1, с. 73]. МСП со сложносочиненной СО используются в художественной речи чаще всего для образного изображения действительности и для передачи авторской эмоциональной оценки. МСП, построенные по принципу сочинения, выступая в качестве синонимов простых самостоятельных предложений, отличаются тем, что мысли в сложном предложении образуют сложное целое. Так, в художественном стиле простые предложения выделяют в изображаемой картине отдельные детали, а сложносочиненные предложения объединяют детали в более полную картину, раскрывают взаимосвязь между ними. В процессе исследования было подсчитано количество используемых моделей МСП со сложносочиненной СО, встречающихся в романе. Действительно, в романе Лао Шэ «Рикша» речь автора преобладает над диалогической и монологической речью персонажей. Писатель уделяет большое внимание раскрытию внутреннего мира главного героя, описанию его душевных страданий, разочарований и надежд.

Наиболее частотной является модель МСП со сложносочиненной структурной основой, осложненная бессоюзием (61%). Данный тип МСП является весьма емкой и удобной формой, благодаря разнообразию синтаксических связей между компонентами, которые позволяют довольно полно, с необходимыми уточнениями и пояснениями, передать читателю информацию. Как и в любом сложносочиненном предложении, в рассматриваемой модели МСП выражается сочетание мыслей, явлений. Процессы реальной действительности изображаются в естественной последовательности их проявления. Это позволяет Лао Шэ в своем романе «Рикша» поэтапно изобразить происходящие события и логически подвести итог сказанному. Писатель уделяет большое внимание точному описанию действий и поступков персонажей, что особенно хорошо удается передать именно с помощью МСП с сочинением и бессоюзием. Предложения, построенные по такой схеме, передают тончайшие пояснения и уточнения, необходимые писателю для создания детальной и полной картины происходящего. Например:

祥子的叙述只有这么个缝子，可是祥子一点没发毛咕的解释开，老头子放了心。

平日，他虽不大喜欢交朋友，可是一个人在日光下，有太阳照着他的四肢，有各样东西呈现在目前，他不至于害怕。

假若他的环境好一些，或多受着点教育，他一定不会落在“胶皮团”里，而且无论是干什么，他总不会辜负了他的机会。

Следующей по употребительности является модель с многокомпонентным сочинением (25%). Исследуемая модель функционирует, как правило, в распространенных монологах, внутренних рассуждениях персонажей. Для данных структур характерна некоторая размеренность, взвешенность, последовательность, несвойственные живой, спонтанной речи персонажей. Главному герою романа,

бедному рикше, присуща некоторая рассудительность и неторопливость, поэтому его мысли и поступки Лао Шэ довольно часто облекает именно в конструкции с многокомпонентным сочинением. Например:

他的思想很慢，可是想得很周到，而且想起来马上去执行。

他也能看到自己身上的一切，虽然是那么破烂狼狈，可是能以相信自己确是还活着呢。

他得带走这几匹牲口，虽然还没想起骆驼能有什么用处，可是总得算是几件东西，而且是块儿不小的东西。

Отмечается небольшой процент использования моделей МСП с сочинением и подчинением, осложненным бессоюзием – 14% . Это, вероятно, объясняется особенностью жанра романа «Рикша», который относится к социально-бытовому жанру, и стремлению Лао Шэ сделать язык своего произведения максимально доступным для массового читателя. Например:

她也长得虎头虎脑，因此吓住了男人，帮助父亲办事是把好手，可是没人敢娶她作太太。

Таким образом, можно отметить довольно частотное использование МСП со сложносочиненной СО в романе Лао Шэ «Рикша». Это объясняется широкими семантическими возможностями данных структур, а также их структурная приближенность к разговорной речи, понятной большинству жителей Китая.

Проведенная инвентаризация МСП со сложносочиненной СО не является исчерпывающей в вопросе о функционировании данных конструкций в языке художественной литературы. Требуют внимания вопросы, связанные с особенностями использования средств связи, с протяженностью и усложненностью моделей. Сказанным определяется дальнейшая перспектива исследования.

#### **Список литературы:**

1. Бабайцева В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. Москва, 1979. - 256 с.
2. Ван Ли. Основы китайской грамматики. Москва, 1954. – 261с.
3. Горелов В. Грамматика китайского языка. Москва, 1982. – 280 с.
4. Горелов В. Теоретическая грамматика китайского языка: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. Москва, 1989. – 318 с.
5. Калашникова Г. Синтаксис многокомпонентного сложного предложения в системе филологического образования в вузе и в школе. Харьков, 1998. – 297 с.
6. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. Москва, 1961. – 266 с.
7. Шутова Е. Синтаксис современного китайского языка. Москва, 1991. – 390 с.

**Dudnikov Mykola**

*Krivorozgian Pedagogical Institute SHEI «KNU», Ukraine*

*Docent, Candidate of Philology*

## **TYPOLOGICAL GROUPS OF HISTORICAL FICTION**

**Дудніков Микола**

*Криворізький педагогічний інститут ДВНЗ «КНУ», Україна*

*доцент, кандидат філологічних наук*

## **ТИПОЛОГІЧНІ ГРУПИ ІСТОРИЧНОЇ ФАНТАСТИКИ**

Здатність фантазувати – унікальна здібність, властива людині. Якщо мати на увазі значення слова «фантастичне» як «створене уявленням», тоді вся художня література «фантастична», тому що в її основі лежить вимисел, уява.

У більш вузькому і спеціальному розумінні фантастику тлумачать у контексті творів, де зображуються неправдоподібні явища й образи, що не зустрічаються в реальності, а також явно відчутне порушення художником властивих природі причинних зв'язків і закономірностей. Вагомий внесок у вивчення фантастичної літератури зробили такі провідні літературознавці, як Є. П. Брандіс (1916–1985), А. Ф. Брітіков (1926–1996), Г. І. Гуревич (1917–1998), Ю. Й. Кагарлицький (1926–2000), Т. А. Чернишова та ін. У «Тлумачному словнику» В. І. Даля читаємо: «Фантастичний – незбутній, мрійливий; або витіюватий і химерний, особливий і відмінний за своєю вигадкою» [1]. Іншими словами, мається на увазі два значення: а) дещо нереальне, неможливе і неймовірне; б) дещо рідкісне, перебільшене, незвичайне.

У фантастичній літературі домінантною є перша ознака, через те що фантастичне не стільки опис рідкісної події, скільки опис частково чи повністю неможливого в реальному житті. Фантастичне в літературі визначається за його протилежністю до реального й існуючого.

Розуміння фантастики історичне: те, що сьогодні вважається фантастичним, завтра може стати дійсним.

Народження фантастики простежується за наступними історичними періодами: в античності системи фантастики не існує, елементи фантастики наявні у міфології; Середньовіччя теж не побудувало системи фантастики, вона лише використовувалася в релігії та фольклорі; в епоху Відродження оформлюється один із основних прийомів фантастики – гротеск, фантастика продовжує своє існування у фольклорі та релігії; у романтизмі, пов'язаному зі становленням наукової думки, фантастика набуває стійких показників (жанрової стабільності) і використовується як особливий художній прийом – наприклад, гофманівські новели, об'єднані у збірку «Фантазії в душі Калло» (1814–1815); у реалістичному художньо-літературному методі фантастика стає особливим різновидом художньої літератури: зароджується власне *наукова фантастика* Ж. Верна, Г. Уеллса, загострюється соціальна (викривальна) функція фантастики.

Специфіку романтичної фантастики, як ніхто інший, розкрив Ш. Нодьє (1780–1844) у статті «Про фантастичне в літературі» (1831), яку можна вважати програмною для всього романтизму. Французький письменник відзначає, що «література швидко розширила сферу своїх великих і чудових відкриттів, більш дивовижних і численних, ніж ті, що пропонував предметний світ» [1, 2 с. 409]. Тобто роль фантастики в романтичній літературі – розширення меж того, що допускається завдяки уявленню. Така функція відповідає фантастиці до цих днів. Таким чином, Ш. Нодьє функцію фантастики сприймає перш за все в контексті її творчих можливостей, практично необмежених.

Своєю самостійністю фантастика завдячує Ж. Верну (1828–1905), який даного терміну не вживав, французький письменник-фантаст назвав свій цикл «Незвичайні подорожі», або «Романи про науку» (1862–1905). Фантастика Ж. Верна була «предметною». Суть такої фантастики полягала в тому, що герої володіли доскональними машинами, апаратами (і в цьому сенсі фантастичними) і завдяки цьому потрапляли в незвичайні (фантастичні) ситуації. Іншою якістю – *прогностикою* збагатила загальний хід розвитку фантастика Ф. Бекона (1561–1625) «Нова Атлантида» (1623 – не завершена).

Г. Уеллс (1866–1946) користувався численними прийомами фантастики Ж. Верна, але естетична основа його фантастики була іншою. Він оперував фантастичними образами, коріння яких іде з романтизму, але Г. Уеллс зумів трансформувати їх у реалістичному дусі: письменник почав писати романи не стільки про науку, стільки про її можливості та ті сили, які заважають науці служити людям.

Історія світової літератури, особливо нового і новітнього періоду, починаючи з романтизму (кінець XVIII–початок XIX ст.), нагромадила величезне багатство художнього арсеналу фантастики. Головні її види розрізняються за ступенем виразності та реальності фантастичного начала: *явна фантастика*; *фантастика неявна (завульована)*; *фантастика з природно-реальним поясненням*.

У першому випадку (явна фантастика) надприродні сили в дії виступають відкрито: Мефістофель у «Фаусті» (I ч. – 1808; II ч. – 1830) І. В. фон Гете (1749–1832), демон в однойменній поемі М. Ю. Лермонтова (1814–1841), чорти та відьми у «Вечорах на хуторі...» (1831–1832) М. В. Гоголя (1809–1852), Воланд і компанія в «Майстрі та Маргариті» (1928–1940) М. О. Булгакова (1891–1940). Цю явну фантастику можна віднести до філософської. Фантастичні персонажі вступають у прямі стосунки з людьми, намагаються вплинути на їх почуття, думки, поведінку, причому ці стосунки часто набувають характеру злочинної змови з чортом. Так, наприклад, Петер Шлеміль у повісті А. фон Шаміссо (1781–1838) «Дивовижна історія Петера Шлеміля» (1813) погоджується людині в сірому, самому дияволу, як

потім з'ясулося, продати свою тінь заради червоного гаманця, у якому завжди є гроші; Фауст у трагедії І. В. фон Гете чи Петро Безродний у повісті «Вечер напередодні Івана Купала» із циклу «Вечора на хуторі поблизу Диканьки» (1831–1832) М. В. Гоголя для виконання своїх бажань також продають дияволу свою душу.

У творах з неявною (завуальованою) фантастикою замість прямої участі надприродних сил трапляються дивні збіги, випадковості, несподіванки (романтичний засіб). Так, у «Лафертівській маківниці» (1825) О. О. Погорельського-Перовського (1787–1836) прямо не сказано, що титулярний радник Аристарх Фелелеїч Мурликін, який сватається до Маші, – не хто інший, як кіт старої маківниці, що має славу відьми. Однак багато збігів примушують у це повірити: Аристарх Фелелеїч з'являється саме тоді, коли помирає стара і раптово зникає кіт; у поведінці чиновника є щось котяче: він «з приємністю вигинає круглу свою спину», мурчить щось «собі під ніс», і його прізвище – Мурликін – теж викликає певні асоціації.

У завуальованій формі спостерігаємо фантастичне начало і в багатьох інших творах (наприклад, у «Золотому горщику» (1814, 1819) Е. Т. А. Гофмана (1776–1822), «Піковій дамі» (1834) О. С. Пушкіна (1799–1837).

Нарешті, існує вид фантастики, що ґрунтується на максимально повних і цілком природних мотивах (наприклад, науково-фантастичні оповідання Е. А. По (1809–1852): «Незвичайні пригоди Ганса Пфааля» (1835), про дивовижні пригоди, що пов'язані з польотом на Місяць, «Пригода з повітряною кулею» (1841) – про переліт через Атлантичний океан, та ін. Крім функції інакомовності фантастика часто виконує функцію сатиричну, викривальну (Д. Свіфт, Ф.-М. Вольтер, М. Є. Салтиков-Шедрін, В. В. Маяковський, М. О. Булгаков). Часто ця роль поєднується з іншою – стверджувальною, позитивною. Оскільки фантастика є експресивним, підкреслено яскравим способом вираження художньої думки, вона часто схоплює у суспільному житті те, що тільки народжується і виникає. Момент випередження – загальна властивість фантастики.

Проблема визначення фантастики не вичерпується її класифікаціями. Фантастику необхідно розрізняти за фактурою образів, породжених різними епохами і різними системами уявлень про світ: одні народилися у глибоку давнину і пов'язані з казкою та язичницькими повір'ями (*казкова фантастика*); інші – виникли в епоху середньовіччя – в основному в надрах народного марновірства, опираючись на досвід язичницьких уявлень про світ; нова образна система з'явилася в мистецтві XIX–XX ст.ст., враховуючи попередній «фантастичний» досвід.

Літературний критик, історик наукової фантастики, дослідник творчості Г. Уеллса (1866–1946), доктор філологічних наук Ю. Й. Кагарлицький (1926–2000) визначив важливий компонент механізму зародження фантастики, звернувшись до думки відомого філософа: «Гегель порівнював фантастику з інкрустацією. В цьому образі замкнений різке вірний смисл. Фантастика – дитя нового часу. Вона виникла тоді, коли похитнулось синкретичне мислення, де реальне і духовне нероздільне. Лише з моменту, коли первинна єдність розпадається на мозаїку ймовірного і неймовірного, лише з цього моменту починає формуватися фантастика» [3].

Постійний прийом фантастичного зображення – *гротеск*. Класичним прикладом фантастичного гротеску є епізод ладнання голови градоначальника в романі М. Є. Салтикова-Шедріна (1826–1889) «Історія одного міста» (1869–1870). Фабула така: у градоначальника в голові розташований органчик, який виконував тільки дві п'єси: «Розорю!» і «Не стерплю!» Але у зв'язку з тим, що в дорозі голова відсиріла, градоначальник не міг говорити розбірливо, пропускав літери і склади. Як зауважила літературознавець, провідний теоретик наукової фантастики Т. А. Чернишова: «Ця сцена необхідна для того, щоб фантастичний гротеск і фантастичний образ були повнокровні. Без гротеску образи втратили б художність, перетворилися б в схему» [4].

У художньому фантастичному творі важливу роль відіграє художня ілюзія. Вона допомагає нам вірити в неймовірне (наприклад, історія майора Ковальова у повісті М. В. Гоголя (1832–1833) «Ніс». Особливість цієї віри полягає в тому, що вона існує тільки в художньому світі, створеному авторами, і не виходить за його межі. Реальна дійсність має силу в той момент, коли читач безпосередньо спілкується з текстом. Але віра в неймовірне може мати іншу особливість, суть якої полягає в тому, що фантастичний образ виходить за межі конкретного твору. Цю віру необхідно шукати в самій системі поглядів на світ.

Сучасна фантастика включає в себе такі напрями, як *наукова фантастика*, *фентезі*, *жахи*, *магічний реалізм* тощо. Зазначимо, що у сучасному літературному процесі досить плідно розвивається напрям *історичної фантастики*, в якому намітилось три головних різновиди:

а) *альтернативна історія (контрфактична історія)*; б) *криптоісторія (таємна історія)*; в) *сакральна (містичний напрям)*.

В основі творів «альтернативної історії» лежить, так зване контрфактичне моделювання, висловлене формулою «що було б, як би?». В основу альтернативної історії покладено географічний або часовий принцип. До географічного принципу належать альтернативні твори, написані на підставі своєї (вітчизняної історії) та чужої (зарубіжної) історії. Часовий принцип покладено в твори про альтернативне минуле і альтернативне недавнє минуле. Існує український варіант назви альтернативна історія – так звана «*якбитологія*», запропонована журналістом Д. Шурхалом [5]. Цю тему також розвиває О. В. Желіба [6].

Можна також зазначити, що об'єктом вивчення альтернативної (контрфактичної) історії є все те, що залишається «поза лаштунками» сучасної офіційної історіографії.

Жанр альтернативної історії досить популярний, тематичний ряд має такі сюжети: а) німцям і росіянам в 1941 році прийшлося разом воювати проти інопланетян (Гарри Норман Тертлдав цикл «Друга Світова: новий баланс» (1990 – 1996); б) в Америці XIX ст. воюють між собою не мешканці Півдня та Півночі, а США воює проти Англії (Гаррісон); в) у Другій Світовій війні перемогли німці (А. Г. Лазарчук «Усі здатні тримати зброю»); г) Сталін став порядною, доброю людиною і дожив до наших днів. (Роман А. Валентинова із трилогії «Око сили» «Орфей і Ніка» про 1937–1938 роки). В ньому простежуються варіації на тему міфу «Про доброго товариша Сталіна». Автор залишає право читача на домисел і на співтворчість. Викривлення ходи історії (хроноклазм – від англ. *chronoclasm* – термін складений із грецьких слів – *chronos* (час) і *clasm* (поламаний), тобто дослівний переклад – «злам часу») стало популярним при написанні історичних романів сучасними авторами.

За часів «перебудови» (кінець 1980-х років) з'явився такий різновид історичної фантастики, як «*криптоісторія*» («*таємна історія*») – це жанр фантастики, який ґрунтується на фантастичному припущенні, що реальна історія людства не та, яку ми знаємо. Справжня історія була забута, прихована або сфальсифікована. Витоки цього терміну пов'язані з однойменною книгою візантійського історика Прокопія Кесарійського (між 490 і 507 – після 565), в якій він писав про закулісне життя видатних людей. На Заході давно існує поняття «*secret history*», хоча в окремий напрям фантастики «таємна історія» не виокремлюється. Особливу увагу фантастів-«криптоісториків» привернула історія СРСР ХХ ст. Тривала фальсифікація історичних подій цього періоду призвела до нагальної потреби «ревізії» історії. Разом з правдивими фактами з'являлися епатажні сюжети: одні письменники переконували суспільство у величчї власного минулого, інші – нівелювали ці історичні перемоги. У «крипто історичних» романах саме реальні персонажі минулого складають основу твору. У сучасному вітчизняному літературознавстві термін «криптоісторія», по одній із версій, закріпився наступним чином: друзі харківського письменника Андрія Валентинова (справжнє ім'я А. В. Шмалько) українські письменники-фантасти Д. Громов і О. Ладижинський (псевдонім – Генрі Лайон Олді) охарактеризували цим терміном творчість А. Валентинова. Існує формула криптоісторії: «Чапаєв не тонує у річці Урал». Сутність її полягає в показі минулих подій таким чином, ніби вони й насправді відбувались.

Певних обертів набирає сакральна історична фантастика (містичний напрям). Автори таких творів переконують читачів у існуванні надприродних сил, які стають певним лакмусовим папірцем щодо перевірки моральних якостей людей. Критика намагається визначити сакральну фантастику більш конкретно: «*богопошукова література*», «*християнський реалізм*, але термін «сакральна фантастика» найбільш усталений. Часто виникненню сакральної (містичної) історії сприяють якісь зовнішні сили: або це експеримент вчених (машина часу), або втручання надприродних сил (Бога або диявола), подібні сюжети французький філософ, антрополог, етнолог Л. Леві-Брюль (1857– 1939) назвав «*містичною партиципацією*» [7]. Партиципація (франц. *participation* – співучасть, співпричетність) – це брюлевське поняття означало основний закон «*пратологічного мислення*» – повна байдужість до логічного закону протиріч, коли допускається поєднання протилежностей у одному уявленні.

Пояснення історичних епізодів є дійсно фантастичними, оскільки вони містять сюжетні лінії, пов'язані з інопланетянами, з представниками негуманоїдної раси (наприклад, мислячі ящірки), демони, які втручаються в реальне життя людей.

Історичний роман досить активно розвивається, породжуючи нові модифікації, вивчення яких дозволяє виокремити систему типологічних груп, які фіксують самотність певних життєвих реалій та

індивідуальність авторського світосприйняття. Він має величезну перспективу розвитку, а тому потребує уваги науковців як один із найпопулярних та продуктивних жанрів історичної прози.

Основний закон фантастики – згущене вираження уявлень про всезагальні причинно-наслідкові зв'язки. Ці уявлення складаються з типів фантастичних світів – моделей реальності, створених за допомогою системи специфічних образів.

Фантастичне несе в собі частину поетичної думки твору, елементи частинок самої дійсності. Воно незвичайне за своєю відстанню до реального положення речей, і масштаби цієї відстані відчутні. У той же час знаходимо в дійсності такі основи, які зробили це зіставлення з нереальним можливим і закономірним, – у цьому коріниться ефект фантастики. Відтак, фантастика виникає як своєрідне бачення світу і спосіб засвоєння дійсності, вона існує впродовж розвитку світової культури в різноманітних жанрах. Діапазон її застосування – широкий, її функції різноманітні: від інакомовності, загострення ситуації, образності та експресивності до осмислення проблеми на більш високому рівні. Історико-фантастична художня література зусиллям уявлення прагне проникнути вглиб світу речей. Вона відіграє роль арсеналу мистецтва, є ефективним засобом осягнення багатогранного світу.

#### Список літератури

1. Даль В. И. Толковый словарь. Москва, 1955. – Т. 4 – С. 532.
2. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – Под ред. А. С. Дмитриева. Москва, 1980. – С. 409.
3. Кагарлицкий Ю. И. Реализм и фантастика // Вопросы литературы. – 1971. – № 1. – С. 104.
4. Чернышева Т. А. Потребность в удивительном и природа фантастики // Вопросы литературы. – 1979. – № 5. – С. 221.
5. Шурхало Дмитро. Українська «якбиТОлогія»: Нариси альтернативної історії. – 2 вид. : доп. і перероб. Львів, 2007. – 318 с.
6. Желіба О. В. Альтернативна історія: методика використання в навчальному процесі // Література та культура Полісся. Вип. 39: Історія та культура Полісся й України в сучасному науковому сприйнятті / Відп. ред. і упорядник Г. В. Самойленко. – Ніжин, 2007. – С. 52–58.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления. – Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. – Москва, 1980. – С. 135.

*Ardelyan Olena, Kirovohrad State Pedagogical University, Ukraine,  
Associate Professor, Candidate of Science in Pedagogy,  
the Faculty of Foreign Languages,*

### **The mechanisms of functioning of proper names as phraseological units' components**

*Арделян Олена, Кіровоградський державний педагогічний університет  
ім. В.Винниченка, доцент, кандидат педагогічних наук,  
факультет іноземних мов,*

#### **Про внутрішньосистемні зв'язки фразеологічних одиниць з ономастичним компонентом**

Для мовознавства (загального, порівняльно-типологічного, романського, германського, слов'янського тощо) останнім часом є притаманим швидкий розвиток лінгвістики текста і словника, в

результаті чого «внутрішньолінгвістична типологія тексту» отримує все більш результативне вивчення поряд з розвитком такого теоретичного напрямку, як системно-рівневий аналіз мови [5, с.34].

Так, питання про вивчення власного імені займає науковців з античних часів – з моменту виділення стоїками власних імен в якості самостійного класу слів. Своєрідність власного імені, специфіка його семантики роблять питання про статус власного імені одним, що зазнає найбільш широкого дискусування та обговорення серед питань сучасної лінгвістики. Багато хто з лінгвістів [1, с.142; 2, с.114] вважають власну назву периферійною, «додатковою» частиною словникового складу. Головну різницю між власним ім'ям і загальними назвами (апелятивами) вони вбачають у тому, що власне ім'я не має значення. Власні імена визначаються на підставі індивідуальної знакової умовності, а не на підставі загального значення, тобто головну функцію власних імен вбачають в ідентифікації, вираженні «граничної одиничності» [4, с.227-228]. Всі дослідники – представники даного напрямку – маніфестують власне ім'я семантично неповноціним [7, с.114-115]. Свої положення вони підкріплюють наступними доводами: власні імена не виражають поняття, оскільки вони, на відміну від загальних назв, не мають ознак предметів, не володіють властивістю узагальнення, що, в свою чергу, зумовлює відсутність у них лексичного значення. Функціональна і мовна своєрідність власного імені обумовлює необхідність розгляду особливостей прояву його семантичної природи на всіх рівнях мови – а також і на фразеологічному. Як відомо, слова, які зазнали фразеологізації, зазнають складних семантичних зрушень.

Сутність компоненту в сучасній фразеології розуміється не однозначно. Одні науковці вважають компоненти фразеологічних одиниць фразеологічними словами, інші повністю відмовляють їм у семантичності. У зв'язку з цим, уявляється досить актуальним аналіз функціонування у складі фразеологізму власного імені – одиниці, котра позбавлена семантики на рівні мови. Розкриття семантичних трансформацій власного імені – компонента фразеологічної одиниці буде сприяти більш точному визначенню статусу власного імені, а також вирішенню питання про природу слова – компонента фразеологічної одиниці.

На сучасному етапі розвитку мовознавства невирішеність питання про статус власного імені спонукає пошук критеріїв визначення власного імені у дослідженні, його проявів на різних рівнях мови і мовлення, наразі при аналізі функцій власного імені у складі фразеологічної одиниці. Фразеологічна сутність слова, тобто його функціонування у складі фразеологічної одиниці відрізняється від існування того ж слова поза фразеологізмом. У зв'язку з цим уявляється актуальним розгляд особливостей функціонування у складі фразеологічної одиниці такого складного мовного знаку, як власне ім'я. Подібний аналіз може сприяти не тільки розкриттю семантичних трансформацій самого власного імені, але і вирішенню питання про природу слова – компонента фразеологічної одиниці.

Будучи складовою фразеологічної одиниці, власне ім'я виконує як власне ономастичні (культурно- і соціально-інформативну), так і загальномовні функції (дейктичну, експресивну, образно-експресивну). Домінуючу роль відіграє культурно-інформативна функція, що підтверджується багатством конотацій даної групи імен, їхньою поліконотативністю, словотвірною та фразетвірною активністю. Другою екстралінгвістичною функцією є соціально-інформативна функція, яка на сучасному етапі обумовлюється не словесною диференціацією гіпокористичних імен, а іншими факторами – ступенем розповсюдження імені, особливостями психолінгвістичного сприйняття його носіями мови і т.п., що зближує актуалізовану у фразеологічній одиниці соціально-інформативну функцію з інтралінгвістичними функціями власного імені.

Одним з розвинутих видів системних відносин, які властиві фразеологічним одиницям, на відміну від структурно-адекватних їм власним іменам у вільному вживанні, є синонімія. Так, деякі фразеологічні одиниці типу, що досліджується, мають лексичні кореляти серед загальних імен («міжривнева» синонімія), наприклад: *Jack Ketch – a hangman, Jack Tar – a sailor, Tommy Atkins – a soldier*. Незважаючи на тотожність предметно-логічного значення кожної пари, між ними немає повної відповідності. Слова *a hangman, a sailor, a soldier* стилістично нейтральні, тоді як фразеологічні одиниці вживаються у фамільярному розмовному мовленні. Переосмислені, вони більш експресивні, ніж слова. Для фразеологічних одиниць з ономастичним компонентом властива також внутрішньогрупова синонімія (поодинокий випадок «внутрішньорівневої» синонімії), що підтверджується існуванням в англійській мові наступних фразеологічних одиниць: *David and Jonathan; Damon and Pythias; Pilades and Orestes*. Всі



вони виступають у значенні «нерозлучні друзі». Володіючи понятійною тотожністю, дані фразеологічні одиниці не мають ніяких семантичних розбіжностей. Вони характеризуються стилістичною однорідністю, будучи вжитими як в усному, так і в письмовому мовленні, і здатні замінювати одна одну у всіх конкретних випадках вживання. Будучи рівноцінними у відношенні уживаності, фразеологічні одиниці виявляють всі ознаки абсолютних синонімів.

Накладання будь якої з трьох раніше зазначених фразеологічних одиниць на омонімічне їй вільне сполучення (з власним ім'ям) є наочною ілюстрацією їхньої семантичної несумірності, воно дає нам чітке уявлення про характер розбіжностей між ними. Порівнявши, наприклад, фразеологічну одиницю *David and Jonathan* з вільною сполукою *David and Jonathan*, стає зрозумілим, що семантичні можливості власних імен – компонентів фразеологічних одиниць суворо обмежені. Обидва виступають у тотожному значенні «відданий друг», реалізація якого потребує співвідношення власного імені з іншим іменем у тому ж значенні.

Смисловий зміст власних імен – компонентів вільних сполук незрівнянно багатший. Виконуючи свою безпосередню функцію ідентифікації об'єкта, саме власне ім'я у кожному окремому випадку виступає формою закріплення узагальненої сукупності характерних ознак певної особи. Денотативно реалізовані імена *David and Jonathan*, на відміну від фразеологічної одиниці, викликають уяву лише про якихось конкретних істот чоловічої статі, зовсім не обов'язково пов'язаних узами міцної дружби. Ці доводи справедливі також і у відношенні характеристики семантичних розбіжностей фразеологічної одиниці *Pilades and Orestes*, фразеологічної одиниці *Damon and Pythias* та відповідних їм вільних сполук. Через індивідуальний характер семантики компонентів останніх, про синонімізацію їх не може бути й мови.

Номінативні тотожність фразеологічних одиниць з власним ім'ям, а також загальність емоційного тону [3, с.109] забезпечують їхню взаємозамінність. Буквалізація значень компонентів фразеологічних одиниць веде до втрати ними фразеологічного статусу. Вільні сполуки *Brother Jonathan* та *Uncle Sam*, не маючи між собою нічого спільного у семантичному плані, десинонімізуються. Емоційно-експресивний момент, який супроводжує предметно-логічне значення адекватних їм фразеологічних одиниць, тут також відсутній. Різновидом «внутрішньорівневої» синонімії є фразеологічні одиниці з корелюючими компонентами – власними іменами. Ними можуть бути «власні імена», які етимологічно представляють собою наступні.

1 Етноніми: *It is Greek to me (you, etc.); It is double Dutch to me (you, etc.)* – китайська грамота, безглуздя, абракадабра, нісенітниця; *I'm a Dutchman if* – «будь я проклятий, якщо», *I'm a Turk if* – провалитися мені на цьому місці, якщо; даю голову на відсіч, що; *to get one's Dutch/Indian/Irish up* – розізлитися, вийти з себе. Цікаво зазначити, що слово *Dutch*, входячи до складу різних стійких зворотів, синонімізується з чотирма етнонімами: *Greek, Indian, Irish, Turk*, що стало можливим внаслідок втрати всіма згаданими власними іменами своєї похідної функціонально-якісної специфіки.

2 Топоніми: *from China to Peru* – від Китаю до Перу; повсюду, скрізь; *from Dan to Beersheba* – від Дана до Вірсавії; повсюди, скрізь.

3 Дні тижня: *When two Sundays come together* – ніколи; *When two Fridays come together* – «після дощу, у четвер».

4 Антропоніми: *Queen Ann is dead; Queen Elizabeth is dead* – відкрив Америку! (як відповідь тому, хто сповіщає стару новину).

Деякі фразеологічні одиниці з корелюючими власними іменами, незважаючи на уявну близькість значень, неможливо визнати синонімами. Наприклад: *(as) old as Methuselah* – старий як Мафусаїл; *(as) old as Adam* – 1) старе як світ; 2) дуже старий, стародавній. Різний характер сполучення перешкоджає їхньому взаємозаміщенню. Так, якщо компаративна фразеологічна одиниця *(as) old as Methuselah* вживається стосовно людей, то фразеологізм *(as) old as Adam* вживається для характеристики абстрактного поняття та конкретних речей.

Важливим показником при виявленні диференційних ознак фразеологізованого власного імені є антонімія, відсутність якої у власного імені знов-таки обумовлена його специфікою. Слід зазначити, що серед фразеологічних одиниць з ономастичним компонентом – антонімія – явище доволі рідкісне. Однак, характерним є сам факт протиставлення їхніх компонентів – власних імен. Надбання цієї

семантичної властивості власними іменами свідчить про їхнє глибоке якісне переродження та перехід до категорії загальних назв, чи до розряду фразеологізмів.

Повними антонімами є наступні фразеологічні одиниці: *(as) rich as Croesus* – багатий, як Крез, дуже багатий; *(as) poor as Lazarus* – бідний, як Лазар, дуже бідний. На перший погляд здається, що семантична полярність цих фразеологічних одиниць утворюється тільки антонімічністю компонентів-прикметників. Однак, хоча слова *rich* та *poor* існують як самостійні одиниці, надані фразеологічні одиниці зобов'язані своїм існуванням не їм. Це підтверджується існуванням в англійській мові таких слів, як *Croesus* – «багатий» та *Lazarus* – «бідний». У складі фразеологічних одиниць прикметники *rich* та *poor* слугують засобом експлікації однієї з ознак одиничного поняття, що походить від певного денотату (особи). У процесі дезінтеграції одиничного поняття ця ознака зазнає узагальнення і типізації і стає понітійним ядром значення фразеологічної одиниці.

За підсумками проведених досліджень можливо зробити наступні узагальнення.

1 Досліджені фразеологічні одиниці є цікавими перш за все з точки зору вивчення особливого структурного компоненту – власного імені.

2 Власне ім'я – мовна категорія, існування якої обумовлене необхідністю індивідуалізації у багато чому схожих об'єктів реальної дійсності. Головним пунктом всіх протиріч, що виникають при вивченні цього складного явища, є проблема його змістовної інтерпретації.

3 У функціонально-семантичному плані власне ім'я протистоїть як загальній назві, так і фразеологічній одиниці, на тлі яких воно отримує подвійну негативну характеристику за всіма показниками.

4 Фразеологізація власного імені – а разом з нею і розширення його внутрішньосистемних зв'язків – можлива тільки за умови, що воно пориває як із загальним, так і з одиничним значенням, і полягає у подоланні власним ім'ям своєї семантичної замкненості.

5 Перетворення власного імені у складі фразеологізму відбувається шляхом сближення його із загальною назвою. Воно отримує можливість виражати поняття, яке відповідає класу однорідних предметів. «Апелятивний» характер фразеологізованого власного імені підтверджується як парадигматичними, так і синтагматичними його властивостями.

#### Список літератури:

- 1 Бушуй, А.М. Имя собственное как компонент тавтологических комплексов // Вопросы ономастики. I. Труды СамГУ № 214. – Самарканд, 1981. – С.138-146.
- 2 Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction in the Mental Lexicon. – Oxford; New York: Basil Blackwell, 1994. – 290 p.
- 3 Backman, G. Meaning by metaphor: An Exploration of Metaphor with a Metaphoric Reading of Two Short Stories by Steven Crane. – Uppsals: (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Anglistica Upsaliensia; 75), 1991. – 203 p.
- 4 Beans S. Symbolic and Pragmatic Semantics. – Chicago: University of Chicago Press, 2005. – 450 p.
- 5 Bushuy, T.A. Phraseological Equivalentation as a Problem of Contrastive Lexicography // Contrastive Linguistics. – Sofia, 1996. – # 1. – P. 30-35.
- 6 Collins, Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary. New edition – London: Harper, 2009. – 1712 p.
- 7 Dunkling, Leslie Alan. First names first. – London: Dent, 2007. – 285 p.

## **Asyndetic sentence in the poetries of A. Krymski**

*Байдюк Ольга, Хмельницький національний університет,  
аспірантка, гуманітарно-педагогічний факультет*

### **Складні безсполучникові речення в поетичному мовленні Агатангела Кримського**

У статті з'ясовано специфіку типології і функціонування складних безсполучникових речень у поетичному мовленні А. Кримського, визначено експресивно семантичне значення досліджуваних синтаксичних одиниць, встановлено продуктивність наявних видів складних безсполучникових речень.

Сучасна наука розглядає поезію як культурний, психологічний та лінгвістичний феномен. Вивчення поетичної творчості відбувається в різних аспектах – літературознавчому, психологічному, мовознавчому, що й дозволило виробити певні традиції в дослідженні мови поезії.

Власне лінгвістичний напрям вивчення віршового мовлення започаткував ще О. О. Потебня. В останні десятиріччя ХХ століття як самостійний аспект дослідження мови поетичних творів виокремлено семантичний, який набув актуальності у зв'язку з розвитком у вітчизняній лінгвістиці функціонального підходу. Привертає увагу дослідників поетичний синтаксис, питання якого розв'язують С. Я. Єрмоленко, Г. Ф. Калашникова, І. І. Ковтунова, Л. Ф. Тарасов [1, с. 7]. Із позицій структурно-семантичного синтаксису проблеми складного речення розглядаються у працях В. А. Белошапкової, І. Р. Вихованця, А. П. Грищенка, С. І. Дорошенка, А. П. Загнітка, М. В. Ляпон, К. Ф. Шульжука та інших [1, с. 3].

Подібно до того, як синтаксис є найвищим мовним рівнем і таким, що найбільш наближений до мовленнєвого, текстового, поетичне мовлення визнано вершинною формою існування художнього мовлення. На синтаксичному рівні найповніше виявлені стилістичні функції всіх одиниць мови, а в поетичній строфі апробовані новаторські підходи до реченнєвої організації [1, с. 7]. Однак, незважаючи на різнопланові дослідження життя і творчості А. Ю. Кримського такими науковцями, як: О. К. Бабишкін, С. І. Білокінь, М. С. Возняк, К. І. Гурницький, М. Й. Євшан, Леся Українка, Л. Г. Лопатинський, М. Т. Рильський, І. Я. Франко, Г. М. Хоткевич, та інші; у наш час цю справу продовжують М. М. Веркалець, Т. І. Гундорова, Т. Ф. Маленька, Г. Г. Останкіна, Я. О. Поліщук, О. Й. Пріцак [2, с. 3], вивчення складних безсполучникових речень у поетичному мовленні діяча відсутнє, що становить актуальність теми дослідження.

Мета пропонованої роботи полягає у виявленні наявних видів складних безсполучникових речень у віршах А. Ю. Кримського, описі їх продуктивності та визначенні семантичної навантаженості досліджуваних одиниць.

Складні безсполучникові речення – конструкції, які не мають однозначного трактування [3, с. 343]. Лінгвісти або не виділяють їх в окремий тип, а розподіляють між складносурядними і складнопідрядними реченнями, або надають їм статусу складних безсполучникових речень, або виводять за межі речення. О. М. Пешковський розглядав безсполучникові конструкції як різновид складносурядних і складнопідрядних речень. І. Р. Вихованець лише незначну частину утворень відносив до складносурядних та складнопідрядних речень. Решту конструкцій він трактує як складні безсполучникові речення з недиференційованим синтаксичним зв'язком між ними. С. П. Бевзенко, С. І. Дорошенко, Б. М. Кулик, Л. О. Кадомцева, М. С. Поспелов та ін. виокремлюють складні безсполучникові речення із парадигми речень сполучникового типу. І. Н. Кручиніна виводить складні безсполучникові конструкції за межі речень [3, с. 344 – 345]. Близьких поглядів дотримуються Н. В. Гуйванюк, М. Ф. Кобилянська, І. І. Слинько, визначаючи ці конструкції як безсполучникові комунікативи, що не мають граматичних моделей (структурних схем) і парадигм [4, с. 632].

Щодо наявності предикативних компонентів, складні безсполучникові речення, за К. Ф. Шульжук, можуть бути елементарні (дві предикативні одиниці) і неелементарні, багатоконпонентні (три і більше предикативних одиниць) безсполучникові речення [3, с. 345]. З огляду на змістові відношення між складовими частинами ці конструкції мовознавець поділяє на речення з однорідними частинами і речення з неоднорідними частинами [3, с. 346]. П. С. Дудик, Л. В. Прокопчук за своєрідністю смислових зв'язків між предикативними частинами розрізняють складні безсполучникові речення з однофункціональними (однотипними) і різнофункціональними (різнотипними) предикативними частинами [5, с. 298].

У поетичному мовленні А. Ю. Кримського найбільшою продуктивністю з-поміж усіх типів складних безсполучникових речень, яких нараховується 146, характеризуються елементарні конструкції з неоднорідними частинами (35,8 %) [3, с. 349]. Сьогодні існують різні підходи до визначення структури та семантичних відношень у реченнях із однотипними частинами. Зокрема, К. Ф. Шульжук виділяє речення з умовними, причиново-наслідковими, часовими, допустовими, цільовими, пояснювальними [3, с. 349] і пояснювально-приєднувальними семантико-синтаксичними відношеннями [3, с. 353]. Класифікація П. С. Дудика і Л. В. Прокопчука різниться розмежуванням причиново-наслідкових відношень на причинові та наслідкові, відсутністю одиниць із цільовим значенням та з пояснювально-приєднувальними відношеннями. Окремим типом мовознавці виділяють речення зі з'ясувально-об'єктними відношеннями [5, с. 301 – 302].

Найбільш уживаними і досить ваговими за своїми змістовними виявами є складні речення з причиново-наслідковими відношеннями (50,2 %). Безсполучникові речення цього різновиду можуть бути односуб'єктними, в обох складових частинах яких є спільний підмет, та двосуб'єктними, з різними підметами в предикативних частинах [3, с. 351]. У поетичній спадщині А. Ю. Кримського функціонують тільки двосуб'єктні конструкції на відтворення буденної дійсності (44,4%): *Хвиля йде, – Білий замок аж гуде* [6, с. 56]; *Він моргнув, – Я схилила очі* [6, с. 42]; на зображення різних за своїм характером емоцій, почуттів людини, їх вияву (37,1 %): *Ударила новітня хвиля – Навіки розлучились* [6, с. 30,]; на змалювання краси природи (18,5%): *Журливо стріпнулася рожка-краса, – Упала на мене пахуча сльоза* [6, с. 39]; *Та змудилась квітка от пташиних співів, – Їй щирості хтілось, Відради, розваги...* [6, с. 55].

Не виділяються частотністю у використанні А. Ю. Кримським безсполучникові неоднорідні речення з пояснювальними відношеннями (31,2 %). Наукові засади вивчення цих конструкцій заклав ще М. С. Поспелов. Його погляди розвинули І. Р. Вихованець, Н. В. Гуйванюк, А. П. Загнітко, Є. І. Загревський, Л. О. Кадомцева, І. І. Слинко та ін. [3, с. 352 – 353].

Для речень вказаного типу властиве використання конструкцій, які призначені для вияву почуттів, емоцій, сподівань (50 %): *Знай же: тебе я люблю* [6, с. 54]; *Каже надія: діждемся напевне Вільного рідного дома* [6, с. 65]; опису дійсності навколишнього світу (50 %): *Так і здається: тихцем підпливаєте Вдосвіта ви до затоки* [6, с. 131]; *Мені ж вони шепочуть: мужик безталанний Без хліба й просвіти* [6, с. 63].

Найменше в поетичному мовленні А. Ю. Кримського представлені речення із допустовими відношеннями (18,6 %), які служать для вираження виключно неминучості розчарування у людських стосунках: *Та хай мене взавтра ти й зрадиш – Сьогодні ж іще ти моя* [6, с. 80].

Диференційною ознакою складних безсполучникових елементарних речень із неоднорідними частинами вважаємо відсутність конструкцій із умовним, цільовим значеннями та з часовими семантико-синтаксичними відношеннями.

Складні безсполучникові елементарні речення з однорідними частинами становлять 24,3 % від загальної кількості безсполучникових речень у поетичному мовленні А. Ю. Кримського. У цих конструкціях між складовими наявні часові (темпоральні) (82,5 %) і зіставно-протиставні (17,5 %) семантико-синтаксичні відношення.

Речення з часовими відношеннями представлені в досліджуваних поезіях одиницями, що вказують на одночасність дій, явищ (93,9 %) і на послідовність дій або явищ (6,1 %) [6, с. 347].

Різноманітне змістове наповнення мають речення, що виражають одночасність перелічуваних явищ. Зокрема ці конструкції функціонують для опису природи (35,4 %): *Нічка осіння, похмура; Вітер по лісі шумить* [6, с. 83]; *Шумів гіллястий дуб, фіалками цвів май...* [6, с. 82]; вказують на почуття людини (22,6 %): *Знову серце заболіло, Знов уцерть набігло горя...* [6, с. 31]; *Нудьга в душі, ломота у кістках...* [6, с. 59]; висвітлюють різні ситуації із повсякденного життя (22,6 %): *Я черпала воду в міх, – Гнав юнак*

верблюди [6, с. 70]; Тут дике було господарство, Вояцтво, селянство рехло [6, с. 81]; служать для опису зовнішності людини (19,4 %): *Постать – як у кедра, Із заліза – груди* [6, с. 41]; *Снігове обличчя, – Щоки – як гранати* [6, с. 42]. Останній різновид переважно репрезентується неповними еліптичними предикативними конструкціями.

Як кількісно, так і семантично обмеженими є складні безсполучникові речення, що виражають часову послідовність дій або явищ. Ці сполуки не несуть яскравого смислового навантаження, змальовують тільки буденність: *І я – зіперся об твоє плече, Щока моя – торка твоє волосся* [6, с. 129 – 130].

Другу групу серед речень з однорідними частинами складають конструкції із зіставно-протиставними відношеннями. Донедавна ці речення кваліфікувалися як протиставні чи зіставні або ж зіставно-протиставні. Нині ці конструкції розрізняють [3, с. 348].

60 % речень зі значенням зіставності нараховується в поезіях А. Ю. Кримського. Характерною особливістю цих одиниць є порушення проблеми дисгармонії життя, як особистого, що виражається у невзаємному коханні (66,7 %): *Там – справляється весілля, Я – зсихаюся од журби...* [6, с. 69]; *Це легіт для тебе, мені ж він доносить Мужичькі стогнання* [6, с. 63]; так і суспільного (33,3 %): *Міліони стогнуть з голоду, з неправди, – Я ж готов у стогнах Ще й шукать принади* [6, с. 62 – 63].

Реченням зі значенням протиставлення в поезіях відводиться 40 %. У конструкціях такого типу, за С. І. Дорошенком, можна виділити дві групи: речення, у яких частини об'єднані на основі заперечно-стверджувального протиставлення, і структури, де відношення між частинами засновані на невідповідності їх змісту [3, с. 348]. У віршах функціонують речення обох типів, наприклад: *То не мила злегка торгає Уночі моє вікно: То нудьга потайно грюкає В глиб душі, у саме дно* [6, с. 114] (заперечно-стверджувальне протиставлення); *Я всі очі прогляділа, – Милого нема!* [6, с. 28] (речення, де відношення між частинами засновані на невідповідності їх змісту). Кожне із наведених речень передає почуття, стан людини.

Через відсутність у складних безсполучникових реченнях будь-яких сполучних засобів, які б конкретизували сутність семантичних відношень між предикативними частинами, часто не вдається визначити різновиди таких конструкцій за запропонованими багатьма синтаксистами схемами та класифікаціями. Наприклад, нами зафіксовано низку складних речень, зміст яких не вдається чітко визначити, що свідчить про особливе сприйняття А. Кримським навколишнього середовища та про специфіку викладу його думок. Складність цих конструкцій виявляється у семантичній різноплановості предикативних частин у межах одного речення (18,4 %): *Новую пісню чую я, веселу, молоду: Вже достоялись маслини* [6, с. 42]; *Тут, засліплений, спиняюся на мить: Онде – скеля ...* [6, с. 127]. Так, спостерігається паралельне функціонування одиниць на позначення різних за характером дій, процесів, станів, властивостей, якостей та ін.

Своєрідними за структурою та змістом в поетичному доробку А. Ю. Кримського є складні безсполучникові багатокомпонентні речення (21,5 %). Залежно від відношень між предикативними одиницями К. Ф. Шульжук виділяє три різновиди цих конструкцій: з однорідною безсполучниковістю, з неоднорідною безсполучниковістю, з однорідною і неоднорідною безсполучниковістю [3, с. 354].

Найпоширенішими в проаналізованих поезіях є структури з однорідною безсполучниковістю (35,3 %), представленні реченнями з часовими відношеннями (80 %) і сполуками, де поєднуються часові та зіставно-протиставні семантико-синтаксичні відношення (20 %), що змальовують природу (60 %): *Затемнилось би яснеє сонце, Поспадали б зірки; Срібний місяць з такого б нещастя Розколовсь на шматки* [6, с. 34]; зовнішній вигляд людини (20 %): *Широченні шаровари, пишная намітка; Чорний вус Ще темніш від ночі* [6, с. 42]; підкреслюють відчуття безвихідності, самотності (20 %): *Гасне розум, гаснуть сили, Гасне цілий чоловік* [6, с. 37].

Характерним для вказаних багатокомпонентних речень є домінування конструкцій, які об'єднують три предикативні частини (90 %): *Квилить горлиця в садочку; Висять фіги в зеленочку; Виноград цвіте-буяє, Любу пахоц розливає...* [6, с. 27]. У поезіях зафіксоване одиничне використання багатокомпонентного речення з однорідною безсполучниковістю, до складу якого входять чотири предикативні частини: *Всякі пахоці там дишуть, Всякі овочі там спіють, Кардамон зіллявся із нардом, Нард розлився із шафраном* [6, с. 27]. Як бачимо, усі аналізовані конструкції репрезентують опис природи.

Дослідження багатокомпонентних речень виявило, що у поетичній спадщині А. Ю. Кримського 35,2 % відводиться одиницям із неоднорідною безсполучниковістю, хоча, на думку К. Ф. Шульжука, конструкції з відношеннями семантичної неоднорідності речень реалізуються в мовленні рідко [3, с. 355].

Особливість речень такого виду полягає у домінуванні сполук, до складу яких входять три предикативні частини (66,7%). Для більшості одиниць притаманна відсутність чіткого змістового навантаження, емоційного насичення, наприклад, для речень із пояснювально-приєднувальними відношеннями та з умовним значенням (50%): *Ріже нерви, мов пилою, дзвоник у передпокою; Хто з гостей прийде – Дзвоник зараз загуде* [6, с. 37]. Почуття кохання, хай неідеалізованого, втілюється у реченні з пояснювальними та допустовими відношеннями (25%): *Розум зважив: се кохання – марне, Нерозумне, дивне й мерзенне, – Дак чого ж мене не хоче кинуть Чуття шалене?* [6, с. 34]. Для зображення краси природи, захоплення нею А. Ю. Кримський використовує речення зі зясувально-об'єктними [5, с. 301] і причиново-наслідковими відношеннями (25%): *Глянь, прийшла весна-красна; Зацвіли красуні рожі* [6, с. 34].

Меншого поширення набули чотирикомпонентні речення (33,3%), зокрема, із причиново-наслідковими відношеннями і з умовним значенням на позначення перебігу подій повсякденного життя (50%): *На приморському безлюдді Обернувся я в дитину: Гарні мушлі підбираю; Вглядо краці, – давні кину* [6, с. 32]. Специфічним є використання безсполучникового неоднорідного речення із пояснювальними, пояснювально-протиставними семантико-синтаксичними відношеннями та з умовним значенням (50%): *Ти ж бо знаєш: я живий, – Знов надійде гнів колишній, Перерву ланцюг я свій* [6, с. 82]. Цій конструкції притаманна особлива експресивність, спрямована на піднесеність людського духу, становлення волі, демонстрації можливих шляхів подолання існуючої проблеми.

Складні речення з однорідною і неоднорідною безсполучниковістю охоплюють 29,5% від загальної кількості багатоконпонентних сполук. У реченнях такого зразка представлені різні варіанти моделювання конструкцій з однорідними і неоднорідними частинами. Найбільшого поширення набули речення із трьома (50%) і чотирма (50%) предикативними одиницями, де поєднуються часові та пояснювально-приєднувальні відношення (40%), зокрема в описах природи (50%): *Підведу од книжки очі, – Під вікном ростуть банани, Шелестять високі пальми, Мирти, фіги в платани* [6, с. 29]; у розкритті призначення, сутті людини, її почуттів (50%): *Ти ж бо поет, ти – між сонця синами; Вічно люблю я вас, вічно я з вами* [6, с. 128].

40% речень з однорідною і неоднорідною безсполучниковістю займають конструкції, складові яких перебувають у часових і причиново-наслідкових відношеннях, що передають буденність нашого життя, і утворюються шляхом поєднання трьох (50%) або чотирьох (50%) предикативних частин: *Дмухне вітерець, – замають ганчірки, Захилитає страхопуд руками* [6, с. 66].

Трикомпонентним реченням з однорідною і неоднорідною безсполучниковістю з пояснювальними та зіставно-протиставними відношеннями (20%) А. Ю. Кримський засуджує відсутність любові до своєї батьківщини, країни, відданості своєму народу: *І оце: Вкраїні – воля, Вас – земля чужа пожерла* [6, с. 137].

У результаті дослідження було виявлено, що поетичне мовлення А. Ю. Кримського характеризується функціонуванням складних безсполучникових елементарних речень із неоднорідними частинами (35,8%) (з причиново-наслідковими (50,2%), пояснювальними (31,2%) і допустовими (18,6%) відношеннями) та однорідними частинами (24,3%) (з часовими (82,5%) та зіставно-протиставними (17,5%) відношеннями). 18,4% відведено сполукам, де не можна чітко встановити вид семантико-синтаксичних відношень. Спостерігається відсутність речень із неоднорідними частинами із умовним, цільовим значеннями та з часовими семантико-синтаксичними відношеннями.

Неелементарні речення (21,5%) представлені конструкціями з однорідною (35,3%), неоднорідною (35,2%) та однорідною і неоднорідною безсполучниковістю (33,3%). Одиницям такого типу властива наявність трьох (68,9%) і чотирьох (31,1%) предикативних частин.

Особливістю усіх зафіксованих у віршах складних безсполучникових речень є використання їх для зображення природи, змалювання зовнішності людини, відбиття різних за характером почуттів, емоцій, станів, для відтворення буденної дійсності.

У перспективі наше дослідження буде спрямоване на аналіз складних речень у прозі А. Ю. Кримського.

**Список літератури:**

1. Ричагівська Ю. Структурно-семантичні параметри складного речення в поетичному мовленні : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. : 10.02.01 «Українська мова». Луцьк, 2009. – С. 20
2. Останіна Г. Літературно-художня творчість А. Кримського : проблематика і поетика : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. : 10.02.01 «Українська мова». Дніпропетровськ, 2007. – С. 20
3. Шульжук К. Синтаксис української мови. Київ, 2004. – С. 408
4. Слинко І. Синтаксис сучасної української мови. Київ, 1994. – С. 670
5. Дудик П. Синтаксис української мови. Київ, 2010. – С. 384
6. Кримський А. Ю: твори в п'яти томах. Київ, 1972. – Т. 1. – С. 629

*Zadorozhna Olga, Medical University of Lviv,  
The Department of Foreign Languages,*

## **Structural analysis of idioms with an artifact component in German language**

*Zadorozhna Olga, Medizinuniversität Lwiw,  
Der Lehrstuhl für Fremdsprachen,*

## **Strukturelle Analyse der Phraseologismen mit Artefakt-Komponenten in der deutschen Sprache**

Die Forschung der Artefakte in deutschen Sprichwörtern verhilft zur Darstellung der Weltbilder des deutschen Volkes. Deutsche Sprichwörter bieten reichhaltiges Material für inhaltliche, kommunikative, strukturelle, stilistische, kontrastive und lexikologische Forschungen.

Der Ausdruck "Artefakt" (vom lat. Arte = mit Kunst<sup>4</sup> und factum = das Gemachte<sup>5</sup>), auch Kunstprodukt, Machwerk, steht im allgemeinen Sprachgebrauch meist für menschliche Hervorbringnisse – „Gemachtes“ im Unterschied zu einfach passiv Vorgefundenem – und hat je nach Kontext verschiedene spezifischere Verwendungen. Von Artefakt ist auch das Adjektiv artifiziell (für künstlich, auch künstlerisch) abgeleitet. [Meyers Großes Handlexikon, 63]

Die Widerspiegelung der Artefakte in der deutschen Phraseologie folgt ihrer Entwicklungsgeschichte in der europäischen Kultur. Die mannigfaltigen Erscheinungsformen der Erzeugnisse menschlicher Hand änderten im Laufe der Geschichte ihre Formen und ihre Gebrauchsmöglichkeiten. Dementsprechend änderte sich der Bedeutungsumfang des jeweiligen Begriffs. Die Bezeichnungen der Artefakte wurden vieldeutig oder polysemantisch. Die Mehrdeutigkeit und der übertragene Sinn dieser Wörter sind in der deutschen Phraseologie als einem Teilbereich der deutschen Sprache festgehalten.

Als Ausdrucksmittel der Artefakte dienen nur Substantive.

Die Bezeichnungen der Artefakte bilden ein großes lexikalisch-semantisches Feld. Diese sprachlichen Ausdrucksmittel lassen sich in 17 Gruppen zu klassifizieren: 1. Gebäude und architektonische Elemente; 2. Geldeinheiten; 3. Geschirr; 4. Haushaltsgegenstände; 5. Kleidungsstücke, Schmuck und Accessoires; 6. Lebensmittel, Speisen und Getränke; 7. Medizinische Mittel; 8. Messgeräte; 9. Musikinstrumente; 10. Möbel und Einrichtungsgegenstände; 11. Schriftsachen; 12. Spiele; 13. Technik; 14. Verkehr, Fahrzeuge, Bauteile; 15. Waffen; 16. Werkzeuge; 17. Alltagsgegenstände. Als ihre Ausdrucksmittel dienen nur Substantive.

z.B. hier ist die thematische Gruppe „Geldeinheiten“ angesehen:

Zur thematischen Gruppe „Geldeinheiten“ gehören folgende Stichwörter: *Geld, Pfennig, Batzen, Taler, Heller, Groschen, Münze.*

Cent	Der Cent macht den Euro.
Euro	der schnelle Euro
Geld	Altes Geld und junge Weiber sind gute Zeitvertreiber. Armer Leute Pfennige sind auch Geld. Auf sich halten kostet kein Geld. Das Geld liegt auf der Straße. das Geld zum Fenster hinauswerfen  Das ist das Leiden in der Welt, der eine hat den Beutel, der andere das Geld. Das liebe Geld kann alles. Der Weizen auf dem Feld ist noch kein Geld. Ein blinder Richter hört's Geld auch klingen. Es ist alles möglich, aber es regnet kein Geld. etw. Luft ins Geld etw. zu Geld machen Geld gibt Courage. Geld ist die Seele des Geschäfts. Geld ist ein guter Diener, aber ein böser Herr. Geld kann viel, Liebe alles. Geld macht nicht glücklich Geld macht stumm. Geld regiert die Welt. Geld stillt keinen Hunger. Geld stinkt (nicht). Geld will zu Geld Glück im Spiel, Geld in der Liebe. Gute Tage kosten Geld. Hat der Bauer Geld, hat's die ganze Welt. Je mehr Geld, desto mehr Sorgen. nicht für Geld und gute Worte Viel Geld, viel Freunde. Viel Geld, wenig Verstand. Wenig Geld, wenig Sorge. Wer Geld hat, lässt blasen. Wer Geld hat, wird überall verstanden. Wer kein Geld hat, der zahlt mit der Haut. Wer kein Geld hat, muss Honig im Munde haben. Wer kein Geld hat, reitet zu Fuß. Wo Geld fehlt, da ist das Brot teuer. Wo Geld ist, da kommt Geld hin. Wo Geld redet, muss Verstand schweigen. Zeit ist Geld.
Groschen	einen schönen Groschen verdienen endlich ist der Groschen bei jmdm. gefallen keinen Groschen wert sein Sich Groschen aus der Tasche ziehen lassen
Heller	bis auf den letzten Heller keinen Heller wert sein
Мьнзе	etw. für bare Мьнзе nehmen mit gleicher Мьнзе zahlen
Pfennig	Besser heute ein Pfennig als morgen ein Taler. Der eigene Pfennig zahlt am besten. Der König heißt, der Pfennig heißt. Der Pfennig hat hundert Wege. Der Pfennig ist gern da, wo man ihn ehrt.



	Der Pfennig ist gut angewandt, der einen Groschen erspart. Das Geheimnis sitzt im Pfennig. Ein ersparter Pfennig ist zweimal verdient. Ein geschenkter Pfennig ist besser als ein versprochener Taler. Ein Pfennig allein macht nicht reich. Ein Pfennig macht kein Geldut. Ein Pfennig zieht den andern aus dem Beutel. Ein tglicher Pfennig gibt einen jhrlichen Taler. Es ist ein guter Pfennig, der hundert einbringt. Herr Pfennig geht voran. In Pfennigen kommt's und in Talern geht's.
Pfennig	Man ehrt den Pfennig, nicht den Mann. Man muss mit Pfennigen anfangen, wo man mit Talern aufhuren will. Mancher geizt um Pfennige und wirft Taler weg. Mancher sieht auf den Pfennig und lsst den Batzen fahren. Pfennig ist Pfennigs Bruder. Pfennig kommt, Pfennig geht. Pfennig zu Pfennig macht (am Ende) einen Taler. Vor dem Pfennig zieht man den Hut. Wenn der Pfennig anklopft, ruft jedermann herein. Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert. Wer den Pfennig nicht spart, kommt nicht zum Groschen. Wer einen Pfennig findet, hat fr einen Taler Freude. Wer keine Pfennige hat, lstert die Dukaten. Wer Pfennige hat, hat auch Freunde. Wer Pfennige zhlt, wird auch Taler zhlen. Wo der Pfennig spricht, hurt man andere Rede nicht.
Taler	Besser heute ein Pfennig als morgen ein Taler. Ein ehrlicher Pfennig ist besser als ein gestohlener Taler. Frauen machen aus Pfennigen Taler, Mnner aus Talern Pfennige. Mancher geizt um Pfennige und wirft weg. Kss-den-Pfennig kommt zum Taler. Viele Pfennige machen einen Taler.

Diese Gruppe bilden strukturell verschiedene Phraseologismen: Sprichwrter, Redensarten verbalen und nominalen Typs.

1. Sprichwrter

*Der Knig heit, der Pfennig beit.*

*Geld ist ein guter Diener, aber ein buser Herr.*

*Viele Pfennige machen einen Taler.*

*Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert.*

*Zeit ist Geld.*

1. Verbale Redensarten

*etwas fr bare Mnze nehmen*

Diese Redensart ist ihrer Struktur nach prdikativ und hat motivierte Bedeutung. Sie bedeutet „etwas ernst nehmen, obwohl nur im Scherz gesprochen.“ Andere Redensarten dieses Typs sind:

*das Geld zum Fenster hinauswerfen*

*einen schnen Groschen verdienen*

*endlich ist der Groschen bei jmdm. gefallen*

*keinen Groschen wert sein*

*keinen Heller wert sein*

3. Nominale Redensarten

*der schnelle Euro*

Diese Struktur ist nominal und nicht motiviert.

Die Didaktisierung der deutschen Sprichwrter mit Bezeichnungen der Artefakte schafft zustzliches bungsmaterial zu den verschiedenen lexikalischen Themen, unter grammatischem Aspekt knnen die

Deklination und die Pluralbildung der Substantive, das Präsens der Verben, einige Satztypen behandelt werden. Die Verwendung der Sprichwörter mit Artefakten im Unterricht Deutsch als Fremdsprache kann durchaus den Unterricht beleben und die interkulturellen Einblicke gewähren.

#### **Literaturverzeichnis:**

1. Гавриш В.І., Пророченко О.П. Німецько-український фразеологічний словник / У 2-х томах. / Укл. В.І.Гавриш, О.П.Пророченко. — Київ: Радянська школа, 1981.
2. Кудіна О.Ф., Пророченко О.П. Перлини народної мудрості: Німецькі прислів'я та приказки. – Вінниця: Нова книга, 2005.
3. Agricola E. Einführung in die Probleme der Redewendungen // Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. — Leipzig: 1968.
4. Beyer H., Beyer A. Sprichwörterlexikon. — Moskau: Vyssaja skola, 1989.
5. Beyer H., Beyer A. Sprichwörterlexikon. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1989.
6. Borchard Wustmann Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. — Leipzig: 1955.

*Mzhelskaya Olga, Omsk institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics,  
Candidate of Philological Sciences  
Plotskaya Yulia, Omsk State Medical Academy, senior lecturer*

### ***Metaphorical character of dental terminology used in advertisement discourse***

*Мжельская Ольга, Омский институт (филиал)  
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,  
кандидат филологических наук  
Плюцкая Юлия, Омская государственная медицинская академия,  
ст. преподаватель*

### ***Метафоричность стоматологической терминологии в рекламном дискурсе***

Постановка проблемы. Одной из наиболее развитых и сложных терминосистем в настоящее время является медицинская терминология, для которой характерно наличие дублетов: специалисты используют научные термины латинского и греческого происхождения, а для общения с пациентами и написания рекламно-просветительских текстов – термины-метафоры, значение которых понятно носителям языка.

Анализ исследований этой проблемы. Проблема метафоризации в терминологии в разное время занимались Л.М. Алексеева, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Д. Бикертон, М. Блэк, Э.В. Будаев, О.И. Глазунова, А.П. Дьяченко, М. Джонсон, Дж. Лакофф, З.И. Резанова, А. Ричардс, Дж. Серль, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.

Цель исследования заключается в рассмотрении терминосистем стоматологической лексики немецкого и английского языков в аспекте употребления метафорических терминов в рекламно-просветительских текстах. Задачи: обзор рекламных текстов ведущих компаний-производителей товаров по уходу за полостью рта; извлечение терминов-метафор из рекламно-просветительских текстов методом сплошной выборки; составление таблицы терминов-метафор в английском и немецком языках, их перевод на русский язык и сравнение с научным термином греко-латинского происхождения

В настоящее время мы наблюдаем процесс превращения рекламы в единую глобальную индустрию, что естественным образом делает рекламный дискурс все более многогранным, когда трудно диверсифицировать один вид рекламы от другого. Выделяют различные виды рекламы, но в данной статье представляют интерес идеи Ф. Котлера, который классифицируя рекламные тексты в зависимости от цели, обращает внимание в частности на информативную рекламу, решающую следующие задачи: рассказ рынку о новинке или о новых применениях существующего товара; информирование рынка об изменении цены; объяснение принципов действия товара; описание оказываемых услуг; исправление неправильных представлений или рассеяние опасений потребителя, формирование образа фирмы [1].

Именно информативная реклама наиболее характерна для продвижения стоматологических услуг и товаров, особенно в Интернете, поскольку в настоящее время люди, сталкиваясь с какой-либо проблемой, в первую очередь ищут информацию о ней в сети. Поисковый браузер предлагает перейти на сайты компаний, производящих средства для гигиены полости рта, на которых можно прочитать ряд просветительских статей, разъясняющих различные вопросы имеющие отношение к стоматологии и предлагающие способы решения проблем с помощью производимых ими продуктов. Представляет интерес выбор терминологии, способствующей составлению просветительского текста в рамках рекламного дискурса, поскольку в понятие дискурса включаются как экстралингвистические, так и психологические и др. факторы. В данном дискурсе текст представляет собой отражение действительности, и, в свою очередь, становится фрагментом этой действительности.

Изучив сайты таких компаний как Oral-B, Colgate и т.д. можно сделать вывод, что авторы текстов в основном используют метафорическую терминологию, и такое положение характерно как для английского, так и для немецкого языков. Метафорические термины являются неотъемлемым компонентом терминологической системы и играют важную роль в процессе формирования нового знания. А.Н. Баранов рассматривает когнитивную функцию или функцию получения нового знания как одну из важнейших функций метафоры [2]; по мнению Г.Г. Бабаловой, метафора обладает огромной потенциальной возможностью для развития новых семантических вариантов слова [3]. Метафоризация небезосновательно рассматривается рядом учёных как способ семантического словообразования [4]. Метафоризация может происходить как в пределах одного класса слов, так и сопровождаться «синтаксическим сдвигом», например, переходом из именной позиции в предикатную или от описания признака предмета к его номинации [5].

Перенесённые из сферы общеупотребительного языка в терминологическую систему компоненты метафорического термина имеют определённые преимущества перед латинизмами благодаря прозрачности семантической мотивировки. Можно также обнаружить сходство метафорических терминов с фразеологизмами: и тем и другим присуще постоянство лексического состава, образное переосмысление, воспроизводимость в речи в неизменном виде, наглядность. Стоит также отметить, что метафоризация терминов приводит к их частичной или полной фразеологизации, т. е. идёт процесс переосмысления термина на основе ассоциаций и вызываемого им образа. По мнению А.П. Чудинова, метафоризация является основной ментальной операцией, которая объединяет понятийные сферы и создаёт возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы [6]. Ассоциативные связи, возникающие при метафорическом переносе, имеют место благодаря фундаментальным концептам, которые являются как бы «врождёнными», т. е. изначально обусловлены человеческим бытием, но их реализация зависит от языка как орудия культуры.

Изменения основных концепций в медицине, в частности пациентоцентрический подход повлекли за собой изменения речевого поведения и взаимодействия врача и пациента. Отличительной особенностью стоматологической терминологии является наличие и функционирование в ней специальных и бытовых терминов, поскольку для терминологии как части общелитературного языка характерны те же процессы словообразования, что и для языка в целом, бесспорно влияние на язык коммуникативных, разговорных и культурных контактов [7]. Один из продуктивных способов терминообразования в медицинской стоматологической терминологии представляет собой метафоризация, Айвор А. Ричардс называет метафору вездесущим принципом языка [8]. Метафорическая сущность термина позволяет пациенту догадаться о значении того или иного зубоветеринарного понятия (Zahnfleischtasche (нем.), pocket (англ.) – десневой карман), о назначении инструмента (Flaschenkaries (нем.), Baby Bottle Tooth Decay (англ.) – бутылочный кариес), способе лечения (Sandwichtchnik (нем.), sandwich technique (англ.) – сэндвич-техника). Необходимо отметить, что в рекламном и медицинско-просветительском дискурсе метафора используется вместе с научным термином, что облегчает понимание текста неспециалистом. Как отмечает Дж. Лакофф, метафора

позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей [9].

Нижеприведенная таблица представляет собой иллюстрацию межъязыковых соответствий метафорических моделей в четырех языках.

Метафорическая модель	немецкий язык	английский язык	русский язык	латинский язык
Человек	Weisheitszahn	wisdom tooth	зуб мудрости	dens sapientiae
	Zahnverlust	tooth loss	потеря зуба	adentia
	Zahnkrone	crown	коронка зуба	corona dentis
	Mundgeruch bekämpfen	bad breath	дурной запах изо рта	foetor ex oris
Предметы повседневного обихода	Zahnfleischtasche	pocket	десневой карман	recessus gingivae
	Bindegewebe	connective / conjunctive tissue	соединительная ткань	tela conjunctiva
	Zahnbett	bed	зубное ложе	parodontium
	Schneidezahn	incisor tooth	резцовый зуб	dens incisivus
Архитектура, инструменты	Teleskopprothese	Telescopic prothesis	телескопический протез	prothesis
	Wurzelkanal	root canal	корневой канал	canalis radialis dentis
	Extraktion	tooth extraction	извлечение	extractio
	Mundvorhof	vestibule	преддверие (рта)	vestibulum
	Dentintubulus	dentine tubule	дентинная трубочка	tubulus dentini
	Brücke	bridge	мост	pons
Еда	Milchzahn	milk tooth	молочный зуб	dens deciduus
География	Kanalsystem	canal system	система каналов	systema canalium
	Mundhöhle	oral cavity	полость рта	cavitas oris
Флора и фауна	Zahnwurzel	root of a tooth	корень зуба	radix dentis
	Phoenix-Abszess	phoenix abscess	феникс-абсцесс	abscessus
	Krebs	oral cancer	рак	cancer

Выводы. Анализ выборки (около 200 примеров, взятых из следующих интернет источников: <http://www.oralb.com>, <http://www.colgate.com>, <http://www.oralb-blendamed.de>, <http://www.colgate.de>) показал, что наиболее продуктивной является концептуальная метафора, поскольку она дублирует значение специального термина греко-латинского происхождения; вслед за А.Н. Барановым мы понимаем под концептуальной метафорой устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества [10]. На основании проведенного исследования можно сказать о влиянии антропоморфной языковой картины мира (модели «Человек», «Предметы повседневного обихода», «Архитектура, инструменты», «Еда») на образование терминов-дублетов в сравниваемых языках, в связи с чем, отличительной особенностью стоматологической терминологии в рекламном дискурсе является совпадение языковой картины мира в рассматриваемых языках. Метафоричность и использование различных фигур и тропов характерно для просветительского текста рекламного дискурса.

Таким образом, поскольку стоматология является одной из самых быстро развивающихся отраслей медицины, соответственно необходимость в создании новых терминов будет неуклонно расти, поэтому можно предположить, что терминогенез будет развиваться по пути метафоризации.

#### Список литературы:

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. Пер. с англ. - М.: 2007 - С.434
2. Баранов А. Предисловие к Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. - М.: 2004. - С.11
3. Бабалова Г. Оптимизация функциональной природы подязыка информатики. Омск: 2007. - С. 24
4. Марков В. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск: 1981
5. Мжельская О. Влияние языковой картины мира на концептуализацию заимствованных имён собственных. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета Сер. Филология. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. – №1 - С. 42
6. Чудинов А. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб.: 2001. - С.36
7. Плоцкая Ю. К вопросу о лексических заимствованиях в немецком языке // Сборник научных трудов SWorld. Одесса: 2013. - С.72
8. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. Пер. с англ. - М.: 1990 - С.4
9. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Ed. By Ortony A. Cambridge. 1993. P. 245
10. Баранов А. Предисловие к Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. - М.: 2004. - С.11

*Vovchanska Svitlana Ivanivna, Ternopil  
Postgraduate student, department of german philology,  
Precarpathian National University named after V. Stefanik, Ukraine, Ivano-Frankivsk*

### ***Thematic specifics of the German terminology of marketing***

The professional language is based on the main levels: phonologic, morphological, lexical and syntactic, connected by nominative units of marketing where grammatical, phonetic, textual facilities come forward auxiliary. Therefore at the beginning we consider terminology as a basic basis of a professional language. Thus it is necessary to remember that professional terminology first of all serves the concrete sphere of science or technique and most intensively develops in its limits [1, p. 18].

Now marketing is selected from the general economic theory as the completely formed scientific concept. As the main sources of formation of the German professional language of marketing come the loans from English, international fund (word-formation on an English-speaking basis) and semantic ways of formation of new terms taking into account the cognitive potential of the German language. It is important to notice that

the appeal to English-speaking terminological fund promotes the creation of uniform terminological space for the German and English languages with the unified terminological mechanism.

The German terminology of marketing (GTM) makes difficult and many-sided system. It is hierarchically structured on subsystems and groups of terms on the basis of logical-semantic communications between concepts.

On the basis of continuous selection, using a definitive method, primary working corpus of professional lexical units of language of marketing which made 2000 units was created. Studying of the definitions of the outlined professional terms by 6 explanatory terminological dictionaries was the following step:

1. Das Grosse Deutsch- Russische Wirtschaftswörterbuch [2].
2. Neues Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Wirtschaftswörterbuch [3].
3. Neues Wirtschaftswörterbuch (herausgegeben von W. Salistschew, H. Dix) [4].
4. PONS Fachwörterbuch Marktwirtschaft (herausgegeben von Renate Rathmayr) [5].
5. Syvak M.V. Das neue grosse Wirtschaftswörterbuch Deutsch-Ukrainisch [6].
6. Das Gabler Wirtschaftslexikon [7].

As a result of comparison of 6 definitions of one word and by the condition of not less than 4 similarities in definitions of concept, the term had belonged to this terminology. We will notice that definition existence by the term is obligatory, as it represent its main semantic volume. In "The linguistic dictionary" of T. Lewandowski the definition is characterized as "a terminological, detailed explanation of the contents and the use of concepts, whenever possible exact and full interpretation of concepts by means of other concepts" [8, p.77]. As a rule, any determination contains two main parts: determination of concept definition on the basis of semantic signs and necessary additional information, which concretizes the above-mentioned signs. As a result of the analysis it was selected 1051 terms.

Using the classification of professional lexicon offered by T. Kiyak, we divided all selected professional names into 4 groups:

- 1) sectoral terms – terms of this branch which have own definition;
- 2) intersectoral and general scientific terminological units – for example, widespread terms of philosophy, political science, mathematics, philology, etc.;
- 3) semi-terms or professionalism;
- 4) professional jargons that don't apply for unambiguity and accuracy and have high level of figurativeness and emotionally painted value [9].

As a result of classification we found the volume of stratification groups in the corps of the investigated German professional language of marketing:

**Sectoral terms** (69,4%) which are used by the outlined circle of experts: *Banded Pack* «zwei komplementäre Produkte werden in einer Verpackung angeboten», *das Briefing* «wesentliches Instrument der Zusammenarbeit zwischen Werbeagentur und Kundenfirma». Sectoral terms are used in the labours focused first of all on experts in definite branch [10, p. 9]. Unlike nonterminological lexicon, they keep the sectoral scientific marking [11, p. 37].

**Intersectoral** (26,4%) and **general scientific terms** (including terms of interdisciplinary sciences) (2,8%) are used in different branches and form the general terminological fund for different sciences, for example: *die Typologie, die Prognose*.

According to O. Luneva, intersectoral terms are only a temporary phenomenon which springs up from a crossing of terminological systems of allied industries as then such terms are able to pass to category of all-technical or general scientific lexical units, and also to fill up common-literary lexicon [12, p.14].

**Professionalism** (0,6%) are words which are used on denotation of the special concepts in the field of that or other profession, and exist mainly in a natural language. Unlike the unemotional scientific spheres of communication, exactly in the professional broadcasting the emotionally painted professional neologisms, which sufficiently detailed characterize the line of work, actions, or objects, direct-coupled with the sphere of activity of the proper profession, appear productively.

Within one enterprise can appear new, only in this collective usable *профессионализм*. In written, business language the use of such words which "have no accurate scientific definition, doesn't make complete system, but in details differentiates those subjects, actions, qualities which are directly connected with a field of activity of the corresponding profession", is undesirable [13, p.69].

**Professional jargons** (0,8%) – a kind of language that it is used mainly in oral communication by separate, rather resistant social group which unites people on the basis of a profession, a place in society, interest or age. From public language the slang is distinguished by specific lexicon, phraseology and special use of word-formation means. Professional jargons in our research are considered as emotionally painted words and are characterized by limited functioning in a colloquial broadcasting of marketing specialists, for example: *skimming pricing, no name Produkt*.

Therefore, the main body of GTM are intra-branch terms, and the periphery – terms from allied industries and general scientific special words.

Important stage of our research we consider to carry out classification of terms of marketing by the content of concepts which can be presented by categories of systems of values of studied terminology which were offered by T. Kandelaki [14, p.161-165]. Having analysed value of terms considering the presented types of categories, we constructed such thematic classification:

1. die Handelsbetriebslehre – the science about an economy and organization of point-of-sale enterprise (31,2%);
2. die Grundlagen des Marketings – marketing bases (13,9%);
3. die Marktforschung – the market research (13,8%);
4. die Kommunikationspolitik – the communicative policy (16,4%);
5. die Vertriebspolitik – the policy of sale (8,8%);
6. die Produktpolitik – the policy of production (9,1%);
7. die Preispolitik – the monetary policy (10,4% of all terms);
8. das Markenmanagement – the brand advance (3,2% of all terms);
9. sonstige Termini – other terms (3,5% of all terms).

On the basis of the thematic analysis of terms of marketing it is possible to draw the following conclusions:

- thematic groups are specific microformation which displays semantic structure of lexicon of sublanguage of marketing. Peculiar lines of lexicon of this sublanguage are traced by the analysis of the lexical relations of separate nominative units in lexical-semantic group which is a lexical-semantic paradigm in which lexical units are grouped on the basis of a dominant invariant sign.

- the thematic group «die Handelsbetriebslehre» is a lexical-semantic paradigm as all its members contain a prepotent sign «der Handel» and «der Betrieb» that is supplemented with a number of specifying signs: *der Cash-and-carry Großhandel, die Betriebsbereitschaft*.

- the research of semantic structure of values of lexical units which enter a theme group «die Grundlagen des Marketings», testified that this group can't be considered as a lexical-semantic paradigm as in it isn't recorded a prepotent invariant sign behind which there is a semantic grouping of terms, because the last display the general concepts of economy: *der Bedarf, die Diensleistungen, die Ware, das Image*, which received narrower meaning in this sublanguage.

- identical quantitative rates of thematic groups «die Grundlagen des Marketings» (13,9%) and «die Marktforschung» (13,8%) can be explain in the following way: the fundamental and opening group is «The science about economy and the organization of trade enterprise» which smoothly goes to «Marketing bases» and begins the grouping of terms on a dominant sign «marketing», specifying components of which are groups «die Marktforschung» (lexical units are grouped on specifying signs: *die Analyse, die Studie, der Test*) as the initial stage of marketing, "tools of a marketing mix" which are chosen and applied according to the «Marktforschung» and «Markenmanagement». Marketing mix includes the following thematic groups: die Kommunikationspolitik (16,4%), die Vertriebspolitik (8,8%), die Produktpolitik (9,1%) and die Preispolitik that are distributed almost evenly as there are interconnected and complementary components of whole.

- the most volume thematic group is «Handelsbetriebslehre» (science about economy and the organization of trade enterprise), and the least numerical – «Markenmanagement» (brand advance). This phenomenon, in our opinion, we trace under a semantic corner, if we analyse the concept "Handelsbetriebslehre", we will see that in its basis we have a concept "Lehre" – the theoretical principles, concepts, names of certain objects, subjects, the phenomena, actions on which marketing as system is based. If we investigate the term «Markenmanagement», its starting point is the concept «Management» – management, the functioning of certain concepts of marketing (in our case – of a brand) in practice. We can draw a conclusion that any branch, the sphere of science is based on the theoretical principles which define it as the same branch. Therefore quantitative advantage of thematic group «Handelsbetriebslehre» as fundamental for terminological system of marketing is logically caused.

Each of these groups isn't isolated one from another. These are the open and dynamic microsystems which members are in certain communications among themselves. Y. Апресян asserts: "... from any semantic field, through the more or less long chainlet of the mediated lanocs it is possible to get in any other field" [15, p. 251-252].

#### References:

1. Білозерська Л. П. Термінологія та переклад: навч. Посібник для філологічного напрямку підготовки / Білозерська Л.П., Возненко Н.В., Радецька С.В. – Вінниця: НОВА КНИГА, 2010. – 232 с.
2. das Grosse Deutsch- Russische Wirtschaftswörterbuch / [herausgegeben von J.I. Kukolev] / Большой немецко-русский экономический словарь: Ок. 50 000 терминов / [ред. Ю. И. Куколев]. – М. : РУССО, 2007. – 928с.
3. Neues Deutsch-Russisches und Russisch- Deutsches Wirtschaftswörterbuch / [herausgegeben von G. Meyendorf, J. E. Dorokhova] / Новый немецко-русский и русско-немецкий экономический словарь: Свыше 100 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений / [ред. Мейендорф Г, Дорохова Ю. Э., канд. филол. наук, доц. каф. нем. яз. ГУ – ВШЭ]. – М. : Живой язык, 2009. – 464 с.
4. Neues Wirtschaftswörterbuch / [herausgegeben von W. Salitschew, H. Dix] Новый немецко-русский экономический словарь / [ред. Салищев В. А., Дикс Х.]. – М. : РУССО, 2002. – 608 с.
5. PONS-Fachwörterbuch Marktwirtschaft / [herausgegeben von Renate Rathmayr] / Fachwörterbuch Marktwirtschaft. Немецко-русский словарь, русско-немецкий глоссарий. – К.: Методика, 2004г. – 432 с.
6. Syvak M.V. Das neue grosse Wirtschaftswörterbuch Deutsch-ukrainisch / Новый великий немецко-український економічний словник / [ред. Сивак М.В.]. – К. : УБС НБУ, 2008. – 1515 с.
7. das Grosse Deutsch- Russische Wirtschaftswörterbuch / [herausgegeben von J.I. Kukolev] / Большой немецко-русский экономический словарь: Ок. 50 000 терминов / [ред. Ю. И. Куколев]. – М. : РУССО, 2007. – 928с.
8. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch 1/3 / Theodor Lewandowski. – Heidelberg/Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1994. – 600 S.
9. Кияк Т. Р. Вузькогалузеві терміни як основа формування та квазіреферування фахових текстів / Т. Р. Кияк // Вісн. нац. ун-ту "Львівська політехніка". Серія "Проблеми української термінології" – 2008.– № 620. – С. 3–5.
10. Коваль А. П. Науковий стиль сучасної української літературної мови. Структура наукового тексту / Коваль А. П. – К. : Вид-во Київського ун-ту, 1970. – 306 с.
11. Марахова А. Ф. Мова сучасних ділових документів / Марахова А. Ф. – К. «Наукова думка», 1981. – 139 с.
12. Лунева О. В. Лингвостатистическое исследование подязыка специальности «Цифровые сигнальные процессоры»: автореф. на соискание ученой степени канд. фил. наук : спец. 10.02.01 / Лунева О. В. – Иваново, 1996. – 21 с.
13. Олійник О. К. Мова офіційних документів / О. К. Олійник: Інститут післядимої освіти КНУ ім. Тараса Шевченка. – К., 2002. – 259 с.
14. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки; Ком. науч.-техн. терминологии АН СССР. – М. : Наука, 1977. – 167 с.
15. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.:Наука, 1974. – 367 с., с. 251-252



*Samokhina V.A., V. N. Karazin National University,  
professor, Doctor of Philology, the Faculty of Foreign Languages*

*Tarasova S.A., V. N. Karazin National University,  
BA, the Faculty of Foreign Languages*

## ***Reframing of comic in genre of hospital clowning***

*Самохіна В.О., Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна  
професор, доктор філологічних наук, факультет іноземних мов*

*Тарасова С.О., Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна  
бакалавр, факультет іноземних мов*

## **Рефреймінг комічного у жанрі лікарняної клоунади**

Сміх народжується та існує в зоні контакту особистостей і соціальних груп, культур, епох, центру і маргіналії та розповсюджується на всі сфери діяльності людини. На сьогоднішній день лінгвісти фокусують свою увагу на різноманітних типах інституційного дискурсу як спілкування в межах визначеного соціального інституту (К.В. Бобирєва, В.І. Карасик), в той час як аналіз комічного інституційного (професійного) дискурсу залишається поза їх увагою. До сьогодні ще не проведено комплексного дослідження комічного інституційного дискурсу із позиції функціонально-комунікативного підходу до мовних явищ, який притаманний сучасній лінгвістиці [1].

У підґрунті цієї роботи перебуває теорія рефреймінгу, розроблена Р. Бендлером і Дж. Гріндером [2], яка застосовується в психотерапії для опису процедур переосмислення та перебудови механізмів сприйняття, мислення, поведінки з метою позбавлення від невдалих психічних шаблонів. На сьогоднішній день теорія рефреймінгу успішно використовується в гуморі, де застосовується рефреймінг контексту і рефреймінг змісту в гумористичному дискурсі. Як найкраще, ці види рефреймінга можна спостерігати в медичному дискурсі на матеріалі жанру «лікарняної клоунади», де «сумний фрейм» замінюється на фрейм «оптимістичний». Фрейм як психологічна «рамка» відноситься до когнітивного контексту тієї чи іншої події, переживання або ситуації, і встановлює рамки та обмеження при взаємодії Номо Faber з навколишнім контекстом (світом). Рефреймінг виконує функцію розстановки акцентів, спрямовуючи увагу в інше, потрібне для адресанта русло (наприклад, неприємне переживання – в приємне, проблему – у її вирішення і ін.). Це свого роду, фрейм-результат, або рефреймінг, основне завдання якого – концентрація уваги адресата на цілі. Фрейм результату характеризується тим, що Номо Communisens орієнтується на вирішення проблеми і позитивне майбутнє. Застосування цього фрейма має на меті такі дії, як заміна формулювання проблеми на формулювання мети, а описів з використанням «негативних» слів на «позитивний» опис чи дії. Використання рефреймінгу в жанрі лікарської клоунади вперше стає об'єктом дослідження.

Жанр лікарняної клоунади є різновидом професійного гумористичного спілкування в соціальному інституті медицини. Мова медицини неодноразово була предметом наукових розвідок, проте комічна комунікація в сучасному англійському медичному дискурсі у жанрі лікарняної клоунади вперше стає предметом лінгвістичних розвідок із позицій функціонально-комунікативного напрямку.

Комічне як різновид емоційно-ціннісної орієнтації у медичному дискурсі відрізняється від комічного в інших типах дискурсу головним чином тим, що спрямоване на створення позитивного мислення у критичній ситуації. Жанр лікарняної клоунади, який, в основному, виконує психотерапевтичну та ігрову функції, – це система комічних заходів, спрямованих на підтримку пацієнтів, які мають позитивну динаміку в лікуванні та перебувають на стаціонарному режимі з метою інтенсивної реабілітації.

Матеріалом аналізу слугують 157 англійських фрагментів жанру лікарняної клоунади англійського медичного дискурсу, в яких досліджено рефреймінг як когнітивний механізм комічного. Ці фрагменти виокремлено методом суцільної вибірки із американських та британських Інтернет-сайтів, а також з англійських телевізійних шоу та новин. Для їх обробки використана низка взаємопов'язаних методів: *дискурс-типологічного аналізу* – для виявлення та систематизації дискурсовірних рис медичного дискурсу; *інтеннт-аналізу* – з метою розкриття інтенцій клоуна при створенні гумору у незвичайних обставинах, когнітивного – для розкриття сутності рефреймінгу в гумористичній ситуації.

За М. А. Наумовою та О. В. Пчиною, визначаємо лікарняну клоунату як систему заходів, спрямованих на інтенсивну реабілітацію хворих, що перебувають на стаціонарному лікуванні за допомогою засобів клоунати, арт-терапії та ігротерапії [3]. Це – симбіоз актомайстерності, драматичної і циркової клоунати при безпосередньому спілкуванні актора-клоуна із залом, з хворими з різних відділень .

Адресантами у жанрі лікарняної клоунати виступають лікарі, переодягнені в костюми клоунів, професійні актори, аматори, а адресатами – одужуючі пацієнти. Візити клоунів у лікарню покликані сприяти одужанню пацієнтів, а також підтримати персонал та родичів пацієнтів, за допомогою позитивної сили надії і гумору, спрямовані на створення позитивної мотивації до одужання. Лікарі-клоуни, які відвідують дитячу та дорослу аудиторію, вважають спільним спрямованість на видужання, тому основною аудиторією сприйняття лікарняної клоунати є пацієнти, які одужують.

У жанрі лікарняної клоунати вирізняються такі піджанри:

- 1) буфонадний антре (від фр. *entree* – вихід, клоунська сценка) – невелика розіграна сценка, в якій беруть участь клоуни. Зміст антре складають лацци (*lazzi* – з італ. жарти з комедійними трюками), пантоміма, куплети, частівки, репризи, що містять сатиру на злобу дня.
- 2) комічна сценка без слів – невеличка вистава з використанням необхідного обладнання, де в пародійній манері клоуни показують епізоди повсякденного життя пацієнтів та лікарняний побут .
- 3) фокус, який в лікарняній клоунаті супроводжується активним використанням трюкового реквізиту: кольорових перук, строкатого костюма, перебільшеного гриму з накладним носом, сценічних ефектів на кшталт сліз фонтаном, клубів диму, предметів, що вибухають.
- 4) гег (від англ. *gag* — жарт, комічний епізод) — комедійний прийом з переважанням невербальних компонентів, в основі якого перебуває очевидна безглуздість, яка може розсмішити. Використання гегів у лікарняній клоунаті вже давно стало нормою, їх тематика різноманітна – від побутових сцен до сцен професійного спрямування.

Базові функції лікарняної клоунати – психотерапевтична та ігрова – реалізуються у вербальних та невербальних сферах. У невербальній сфері – це жанри ексцентрики та буфонадного антре, під час яких за допомогою трюків, пантомім, гегів, комічних сценок, маленьких реприз, спрямованих на одужання пацієнтів, покращується їх самопочуття. Це директивна модель ігротерапії. У буфонаті та ексцентриці використовуються такі невербальні засоби комічного, як трікстерська травестійна поведінка, пародійність, комізм логічно безглузлого, ексцентричність, дотепність, підшучування тощо.

У вербальній сфері психотерапевтична та ігрова функції реалізуються за допомогою лінгвоситуативних жартів [1]. Базові лінгвальні прийоми комічного у лікарняній клоунаті використовуються на чотирьох рівнях: фонетичному, лексико-семантичному, синтаксичному та текстовому. Переважно, це – гіпербола, каламбур, шиболет, повтори, які обираються свідомо адресантом як прості для мовленнєвого вираження. Тематика лікарняної клоунати розмежовується на два типи: побутові теми (використання пісень, скоромовок, казок, жартів, обговорення стану здоров'я пацієнта за порушення моральних, етичних, релігійних, соціальних та політичних норм та випадки чорного гумору, який дає людині, яка одужує, можливість подивитися на ситуацію з комічного боку.

У транскриптах медичних діалогів, узятих з Інтернету і які були записані в клініках США, під час візитів лікарів-клоунів, визначено основні сучасні типи гумору в реалізації психотерапевтичної і ігрової функцій: гумор-сподівання, гумор-підтримка, гумор шибеника, жалісливий гумор, їдкий гумор.

Гумор-сподівання – це емоційна реакція, яку викликає конкретний набір оцінок, а саме сприйняття події або ситуації як безглуздо-смішних або кумедних. З гумором-сподіванням пов'язується всім знайома приємна емоція – специфічне відчуття благополуччя, яку описують такими поняттями, як «забава», «радість», «веселощі», «життєрадісність» і «розвага». Наприклад, звернімо увагу на демонстрацію гумору-сподівання:

*Patient: Doctor, what does the X-ray of my head show?*

*Clown: Absolutely nothing! [4]*

(Під час «контакту» лікаря з пацієнтом, перший використовує прийом іронії, що забезпечує подвійне розуміння діагнозу, що і створює ефект комічного).

Гумор-підтримка характеризується виразом чутливості: підтримка людяності (гумор допомагає персоналу показати, що вони відносяться до пацієнтів не як до роботи, а як до живих людей) . Наприклад:

*Patient (lifting arm): Doctor, it hurts when I do this.*

*Clown: Don't do that [5]*

(Пацієнт повідомляє лікарю, що йому боляче, коли він підіймає руку. Ефект комічного спричинюється легкістю «поради» лікаря-клоуна).

Гумор шибеника та їдкий гумор насамперед пов'язуються з функцією передачі критичних або несхвальних повідомлень, агресією, примусом і маніпуляцією. Висміюючи дурість, некомпетентність, лінь і інші недоліки людей, які обурюють і дратують їх і заважають просуванню до мети, люди здатні мінімізувати страждання, які можуть викликати інші і отримувати певне задоволення на шкоду їм. У наступному прикладі демонструється гумор шибеника:

*Patient: My head is full.*

*Clown: It is called thinking. Go with it [6].*

(Жінка-блондинка намагається пояснити лікарю своє погане самопочуття, але лікар-клоун коментує ситуацію, спираючись на стереотипи, що безпосередньо створює ефект комічного).

Жалісливий гумор використовується як засіб когнітивного управління подіями і ситуаціями, які загрожують благополуччю людей, перетворюючи їх на щось несерйозне і смішне. Оскільки цей тип гумору будується на розгляді невідповідностей і різних інтерпретацій, він може допомогти людині змінити свій погляд на стресову ситуацію, переоцінивши її з новою і менш загрозливою точки зору. Наприклад:

*Clown: What seems to be the trouble?*

*Patient: Doctor, I keep getting the feeling that nobody can hear what I say.*

*Clown: What seems to be the trouble? [7]*

(Лікар-клоун навмисно демонструє свою глухоту, щоб підтримати пацієнта).

Основною метою функцій лікарняної клоунади є експресивно-емотивний регулятивний вплив на адресата. Ця мета реалізується низкою стратегій емотивного впливу та стратегій інформативного впливу, що взаємодіють разом. Для втілення функцій жанру лікарняної клоунади найчастіше використовується стратегія позитивного емотивного впливу.

Перспективою подальших пошуків убачаємо у виділенні додаткових функцій комічного у медичній практиці та комічному стилі спілкування лікарів та хворих, дослідження застосування мовленнєвого жанру жарту в межах лікарняної клоунади із застосуванням когнітивного механізму рефреймінгу.

#### ЛІТЕРАТУРА

1. Самохина В. А. Современная англоязычная шутка: [монографія] / В. А. Самохина. – Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. – 367 с.
2. Bandler R. Reframing: NLP and the Transformation of Meaning/ Richard Bandler/ - Washington: Real People Press, 1983. – 208 p.
3. Наумова А. М. Філологічний аналіз тексту (Основи лінгвопоетики) : [навч. пос. для студ. вищих навч. закладів] / Науменко А. М. – Вінниця : Нова книга, 2005. – 416 с.
4. Харченко О.В. Феномен комічного у комунікативному просторі США: монографія. – К.: «МП Леся», 2014. – 460 с.

#### СПИСОК ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

5. <http://www.ontvtime.ru/general/tvc.html>
6. <http://www.golos-ameriki.ru/>
7. <http://www.americaru.com/>

*Khizhnyak Sergei, Saratov State Law Academy,  
Professor, Doctor of Philology, the Department of the English Language, Theoretical and Applied Linguistics*

### Legal linguistics as an integral part of applied linguistics

In recent decades, there emerged a trend of linguistics differentiation in accordance with specific subjects and objects reflecting, above all, the extra-linguistic orientation of research. The process of differentiation of theoretical linguistics emerged at a time when linguistics was structured in accordance with

two large sections - "The inner structure of language" and "Extra-linguistic factors of language development". The latter was to examine the totality of cognitive, historical, economic, social, ethnic, geographical and other factors associated with language development. Within the framework of external linguistics, separate branches (psycholinguistics and sociolinguistics) originated. Both these sectors influenced the formation of other highly specialized branches of linguistic knowledge (political linguistics, documentation linguistics, mass media linguistics, suggestive linguistics, etc.), which at present are included into the system of applied linguistics. Legal linguistics is one of interdisciplinary applied spheres that has been rapidly developing in the world in recent years. As the name implies, it is a branch of linguistics studying legal language. In July 1993 in Bonn (Germany), the first international conference on legal linguistics was held. In the same year, the international Union of legal linguistics was set up, and the first scientific periodical was published. This was the indication of the official recognition in the world of the status of legal linguistics as a separate branch, which is closely linked with lexicography and terminology, rhetoric and functional stylistics (the part of it that deals with the official style addressing the issue of practical use of language in different legal situations). However, the problem of the structure of "Legal linguistics" as a branch of knowledge and educational discipline from the point of view of its subject and object has not been discussed yet, and therefore the idea of its subject and object are not altogether clear. That is why the structural characteristics of this branch of applied linguistics is not altogether clear.

Until now, research in the field of legal linguistics covered mainly historical aspects of the development of legalese and legal terminology, its modern condition, peculiarities of official style, forensic eloquence and linguistic forensic examination. However, it is obvious that the subject matter of legal linguistics is much wider.

Thus, the *aim* of this paper is to identify the object and subject of legal linguistics. The *task* of the article is the analysis of the new research works connected with the study of various aspects of legalese to clarify the subject and the object of this section of applied linguistics.

Recent legal linguistics research works make use of the provisions and practices of linguistic studies performed in the framework of other areas: sociolinguistics, psycholinguistics, political linguistics, theory of translation and intercultural communication, forensic expertise, etc. These relationships between particular branches of linguistics have a direct impact on the formation of research involving legal sublanguage.

Sociolinguistic research component of legalese is associated with the increased influence of extra-linguistic factors (ideological and political) on the development of legal terminology. Political linguistics is a kind of humanitarian applied science, which deals with language resource use in the struggle for political power and manipulation of public consciousness. Important general direction of sociolinguistics, political linguistics and legal linguistics is the interest in contemporary language policy, which is largely determined by the adoption of laws on languages [1].

The term intercultural communication in a narrow sense appeared in the 70-ies of XX century. By now, there formed a theoretical linguistic direction based on the study of communicative failures and their consequences in situations of intercultural communication. Linguistic component of intercultural communication is the most important one, as most of the communication process is based on using natural language, each level of which (phonetics, lexicology, morphology, syntax) are culturally marked. As it is known, the legal terminology in each language also possesses national-and-cultural features. This fact determines not only the use of the main provisions of linguistics and intercultural communication theory in the study of culturally specific terms, but also in the practice of translation of legal texts from one language to another, in teaching foreign languages for specific purposes, and also in the identification of requirements that must be observed in compiling legal terminology dictionaries, especially bilingual [2].

Language acts not only as a means of influencing peoples' minds in general, but also as a means of influencing the attitudes and behaviors of the parties involved in the judicial process. The skills of using the language as such a tool require consideration of the scientific achievements of the modern psycholinguistics, theory and practice of NLP (neuro-linguistic programming). Modern legal conflicts manifested in the form of libel and defamation necessitate the development of specific methods and techniques of language analysis in forensic linguistic expertise and of the linguistic knowledge necessary for forensic and investigation practice. Thus, one can say that the legal linguistics as a complex branch of linguistic knowledge and theory is an integral part of modern applied linguistics, borrowing some subjects and objects from other sections of linguistics for the study of all aspects of the functioning of the language in legal practical and theoretical spheres.

The formation of a new scientific field inevitably requires not only consideration of the whole range of issues referring presumably or beyond doubt to its competence, but also the defining its object and subject. Only after having substantiated these categories, it is possible to speak about the emergence of a new scientific and educational discipline. As it is known, the subject of science is what the studies performed in this scientific field

are directly aimed at. The *subject of legal linguistics* is the study of language use in law and jurisprudence. This differentiation of legal spheres is important. It should be said that law and jurisprudence are closely related, but they are not identical spheres. Law is institutionalized in legislative acts and jurisprudence studies law (legislation) in close connection with the functioning of the state, seeking critical approaches to it and making recommendations for its improvement. Characteristics of the terms used in these two spheres may also be different to a certain degree.

The *object of legal linguistics* is the specific use of language studied in all the variety of manifestations of the legal life of the society. No science can exist without the conceptual and terminological apparatus. Therefore, one of the specific objects of legal linguistics is the study of terminology of law and terminology of jurisprudence that, in its turn, determines the need of lexicographic work on fixing terms in the dictionaries of various types. The content of legal relations is wide. It covers the study of the use of language in legal proceedings (speeches of judges, prosecutors, and lawyers); in the work of experts (both linguists and criminologists) related to the analysis of statements and written documents with the aim of identification of persons and substantiation of the evidence in the case; in teaching students legal eloquence speech and intercultural professional communication in a foreign language; in lexicographic work on compiling bilingual terminological dictionaries; in formation of computer databases relating to the legislation and corpuses of legal texts. The use of language in professional official sphere and in theoretical studies has its own specific features. The object of legal linguistics must also cover the studies of language use in an unofficial communication of the personnel members of law-enforcement bodies, or by the representatives of declassed strata of the society who use the language to commit crimes [3]. These are more or less traditional objects of studying legalese.

But one can also mention comparatively new aspects of the Russian legal linguistics scholars have been investigating at present: *cognitive aspects of terminological systems* [4, 5]; *correlation between codified terms, professional slang and criminal jargon* [5]; *types of legal documents and their linguistic characteristics*; *legal discourse*; *suggestive linguistics and NLP in the work of lawyers*; *psycholinguistic instrumental methods of obtaining evidence* [6]; *judicial linguistic examinations due to re-criminalization of libel in the Criminal Code of the RF* [7]; *intercultural professional communication of lawyers and teaching language for specific purpose taking into the consideration of the globalization law problem* [8]; *the role of modern information technologies in the development of didactic aspects of the legal linguistics* [9], *developing of the theoretical foundations of translation of legal texts* [10].

Thus, we can say that in recent years the subject of legal linguistics has considerably expanded. This process affected the details and complexity of the object and structure of this branch of knowledge.

Scientific research progress always leads to changes in the process of education including linguistic and legal ones. We see the *perspectives* of further development of the legal linguistics in the introduction of research work results into the teaching practice of law schools and linguistic departments of universities. At present, the following subjects are taught or may be taught the Russian higher schools “Basics of legal linguistics”, “Basics of the theory of the language of jurisprudence”, “Fundamentals of forensic linguistics”, “Foreign language in the sphere of jurisprudence”, “Intercultural professional communication of lawyers”, etc. Understanding of the subject and the object of legal linguistics and the structure of this sphere of knowledge may considerably improve not only further research work in accordance with the needs of law, state and society, but also a better structuring of the teaching courses or their introduction into the curricula of higher schools.

#### References:

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Москва, 2006. - 255 с.
2. Khizhnyak S.P. Terminological systems of law as specific fragments of the language pictures of the world // Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research. 2013. № 2 (3). - P. 9-18.
3. Хижняк С.П. Юридическая терминология: Формирование и состав / под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – С. 38-78.
4. Данилов К.В. Содержание концепта «смертная казнь» в библейском тексте и американской культуре // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). – С. 245-249.
5. Кузнецова Ю.А. Репрезентация концепта «пенитенциарные учреждения» в терминологии и профессиональной лексике английского языка // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2013. № 4. - С. 61-66.
6. Хижняк С.П. Основы юридической лингвистики: Учебное пособие. Саратов, 2011. – 122 с.

7. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. Москва, 2013. – 592 с.
8. Семенова, Э.В., Ессина И.Ю. Особенности преподавания английского языка в юридическом вузе // Иностранный язык в системе среднего и высшего образования: материалы международной научно-практической конференции 1-2 октября 2013 года. Прага, 2013. - С. 182-185.
9. Вьюшкина Е.Г. Использование информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь, 2012. № 17. – С. 11-18.
10. Калмазова Н.А. Актуальное членение предложения и трудности перевода юридических документов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь, 2012. № 17. – С. 203-208.

*Sharova Tetiana, Melitopol State Pedagogical University named Bogdan Khmelnytsky  
Candidate of Philology, the Faculty of Philology Science*

## **Features art Kostya Gordienka**

*Шарова Тетяна, Мелітопольський державний педагогічний  
університет імені Богдана Хмельницького,  
доцент, кандидат філологічних наук, філологічний факультет*

## **Особливості художньої творчості Костя Гордієнка**

**Постановка наукової проблеми.** Українська література ХХ ст. була відзначена високим ступенем мистецького охоплення життєвих явищ, різноманітністю естетичних систем художнього людського світу, широким рядом стильових напрямів, течій, жанровою палітрою, представлених відомими авторами. Але лишаються письменники, які чекають на професійну оцінку своєї творчості. З-поміж них – Кость Олексійович Гордієнко – письменник та публіцист. Літературна спадщина цього прозаїка у складі літературного процесу недостатньо осмислена. Тим часом пильне вивчення творчої індивідуальності Костя Гордієнка сприятиме всебічному науковому осмисленню літературного контексту.

**Аналіз дослідження проблеми.** Проза Костя Гордієнка ще не була предметом системних досліджень в українському літературознавстві, а серед невеликої кількості розвідок учених, які звертались до вивчення художньої організації його творів, слід назвати праці О. Зінченко, В. Романовського, В. П'янкова, О. Ющенко та ін. Життєпис та загальна творчість письменника досліджувалися критиками переважно побічно. Увага дослідників зосереджувалася навколо незначних життєвих проблем Костя Гордієнка та його родини (Л. Жикол, Ф. Кириченко, А. Ковтуненко, Я. Кривко, І. Маслов, В. П'янков, В. Панченко, В. Романенко, В. Романовський, Л. Смілянський, В. Стецюра, Г. Стукалова, Л. Тома, В. Фургайло, М. Шаповал, М. Шумило, О. Ющенко, В. Чаговець).

Аналіз творчості Костя Гордієнка подавався такими критиками, як В. Брюховецький, Г. Стукалова, Г. Гельфандбейн, Ю. Герасименко, І. Голубничий, О. Зінченко, Г. Сеульський, Л. Ладанов, К. Козуб, І. Маслов, М. Острик, Л. Новиченко, Р. Якель.

Історичні романи письменника здебільшого досліджувалися В. Іванисенком. Тема села у творчості письменника знайшла відгомін у роботах І. Шутова. Над дослідженням трилогії “Буймир” Костя Гордієнка працювали І. Пашук, Г. Гельфандбейн, В. Оскоцький. Також вивчалися й інші твори митця, зокрема: А. Гаєв, Л. Коваленко – “Заробітчани”, Г. Нудьга – “Буян”, Д. Гольдштейн – “Діти землі”, С. Журахович – “Дівчина під яблунею”, Є. Кирилук – “Автомат”, Л. Пріцкер – “Чужу ниву жала”, В. Романовський – “Повість про комуну”, М. Чеховий, І. Юрченко – “Мудриголови” та ін. Але ці розвідки не є вичерпними: літературознавці часто звертались до тематичного розмаїття творів письменника та їх проблематики, однак постать Костя Гордієнка залишається не поцінованою.

Цінним скарбом для історії української літератури є епістолярна спадщина Костя Гордієнка. У Харківському Літературному музеї збереглися листи письменника до різних осіб. Цікавими є листи до В. Мисика, І. Виргана, А. Чернишова, В. Петрова, В. Кочевського, М. Шаповала, Б. Котлярова, В. Мацько, О. Юценка, С. Жолоб, М. Равлюка, Харківського відділу СПУ. Важливу для літературознавства інформацію можна взяти з листів до митця слова. Частіше за все листування відбувалося на рівні з'ясування актуальних питань щодо виходу в світ творів письменника, їх рецензування. Листи до Костя Гордієнка писали В. Колодій, Ф. Винниченко, І. Лисенко, О. Ющенко, І. Боян, К. Багмут, О. Левада, М. Равлик, Л. Мачківський, В. Малишко, С. Жолоб, Є. Васильченко, А. Кисельов, Д. Нітченко, лебединські вчителі та адміністрація музеїв "Літературне Поділля" та "Література Хмельниччини".

**Метою статті** є дослідження багатогранної спадщини Костя Гордієнка та виявлення в ній специфічних рис, які притаманні для історії української літератури ХХ ст. Слід зазначити, що зміст усієї діяльності Костя Гордієнка – служіння інтересам народу.

**Основний зміст.** Кость Гордієнко один із тих письменників, який майстерно розповів про тяжку долю дітей-наймитів; він насмілювався поставити віч-на-віч дитячу душу із злочинцями, злиднями, мерзенним продажем людського життя. Проза Костянтина Олексійовича Гордієнка є важливим складовим елементом літературного процесу і являє собою перспективний матеріал для літературознавчих студій насамперед з огляду на її місце в системі явищ художньої літератури ХХ ст.

Власне розповіді Костя Гордієнка можна розділити досить чітко на дві тематичні групи: село і місто в перші роки революції. Письменник краще знав село, тому цікавішими виходили у нього сільські "шкіци". Це – майже фотографічна констатація побаченого або почутого з вуст свідків. Перед читачем, як правило, – малюнок одного моменту, однієї ситуації. Нерідко у твір вводяться елементи публіцистики. Як і багато інших письменників 20 – х рр. ХХ ст., Гордієнко часто звертається до контрасту, зіставлення – коли йдеться про сьогодення і минуле, про характеристику представників протилежних класових сил, про нелегке сьогодення і радісне майбутнє (нарис "Там, де царі жили", "Баркан", "Базар", "Живемо комунією" та ін.) [9; 12].

Сучасного читача сьогодні вражають гіркі правдиві картини тогочасного суспільства, змальовані Костем Гордієнком. Романи і повісті письменника збагатили літературу того часу масштабними зображеннями картин селянського життя, значною галереєю образів людей з народу. Такі люди мали винятково багатий емоційний світ. Кость Гордієнко, будучи українським радянським письменником і спираючись на традиції та канони вітчизняної літератури, по-перше, зображує за допомогою засобів поезики драматичний світ людини, яка була онтологічно вкорінена в життя. По-друге, торкається щоденних побутових проблем людини і, таким чином, намагається показати примирення людини із самою собою. Читача хвилює незбагненна драма тогочасного реального життя. По-третє, Кость Гордієнко прагнув через створення своєрідного дискурсу подолати не тільки художню традицію, а й канони соціалістичного реалізму. Внаслідок цього і виникає поетикальний ґрунт, який може бути цілком сприятливим для подальшого розвитку історії української літератури [8, с. 12].

Природа для Костя Гордієнка – місце, де він особливо гостро відчуває різкі контрасти життя, глибину народного горя, гіркі злидні знедолених і зневажених людей. З появою високохудожніх творів Костя Гордієнка в українській художній прозі широкого розмаху набула повість з народного життя, яка мала велике розмаїття людських характерів, справжнє народне мислення, незвичайно багатий емоційний світ бідних людей. Найближчим оточенням митця є прості, нехитрі люди, що не втрачають почуття відповідальності, честі й совісті. До таких людей варто віднести сільських правдолюбців з маси, спролетаризовану бідноту, молодих інтелігентів з різночинців, які постійно відчувають свій кривий зв'язок з простим народом.

Головні герої письменника – це представники глибинних низів – сільська біднота, наймити. Вони не пасивні страдники, це люди з негнатовним духом протесту, бунтарі, шукачі правди ("Чужу ниву жала"). У романах Кость Гордієнко піднявся до вищого рівня художнього зображення різних типових соціально-психологічних характерів. Письменник частіше за все співчуває покривдженим. Він намагається уславлювати боротьбу сміливих і чесних борців простого народу за свої соціальні й національні права, показує наполегливі шукання ними шляхів до правди і волі ("Чужу ниву жала", "Дівчина під яблунею"). Протестує проти гноблення Захар ("Чужу ниву жала"); добувати силою волю,

боротися, битися закликає Павло (“Чужу ниву жала”); шукає правди жінка-селянка Текля (“Дівчина під яблунею”) [1; 2; 11].

Характери, почуття, картини природи, переживання, емоційні образи, події, вимисел, символи тощо – це той арсенал письменника, за допомогою якого продукується реальна картина світу тогочасної дійсності, і яким вміло послуговувався Кость Гордієнко як прозаїк. Для Костя Гордієнка революція є покликом до нового життя, гарного та щасливого, яке починається в тому місці, де люди допомагають одне одному, стають товаришами в прагненнях і боротьбі, оскільки вони здатні на подвиг заради інших. Героїка революції, перші силуети позитивних героїв радянської дійсності, психологічні тіні минулого – все це знаходить певне відображення в творах митця [10, арк.1].

Авторська позиція у творах письменника виявляється у важливих аспектах: присутності авторського голосу, акцентуації на різноманітних розповідях з життя, а також подієвості. У творах митця простежується злиття опису та зображення, відкритість на багатозначність прочитання. Романам і повістям Костя Гордієнка притаманна найвагоміша якість – усі вони можуть зберігати універсальні життєві істини та забарвлюють їх національним тогочасним колоритом.

Прочитати сьогодні Костя Гордієнка – це значить разом з письменником і його героями пройти головні етапи становлення соціалістичного ладу, радянської країни і нової людини. Письменник, як і його соратники по літературній творчості, ріс і мужнів разом зі становленням методу соціалістичного реалізму, власне своєю творчістю затверджував його провідні риси.

Літературно-художні твори Костя Гордієнка відображували життя тогочасної України, зокрема її складні процеси становлення влади, життя, радощі та тривоги звичайних людей упродовж розвитку країни. Письменник досягнув значного успіху в показі побуту та життєвих негараздів, у розкритті сподівань та думок обуреного українського селянства. На сторінках його творів селянська маса постає не в безликому вигляді, а має яскраві особистості зі своїми звичками, самотніми характерами, егоїзмом і горем, щирістю і радощами [6; 7].

У художній творчості Костя Гордієнка проблеми, пов’язані зі звичайним життям українських селян під час реформ, стали вагомими та актуальними, а їх ідейно-художня реалізація призвела до появи великих епічних полотен, в яких письменник намагається подати реалії тогочасної дійсності на селі, його перебудову та класову нерівність. Роздуми Костя Гордієнка просякнуті повагою та любов’ю до селянина, який невтомно працює на землі, духовно збагачується за допомогою спілкування з однодумцями. Письменник доводить у творах необхідність культури, просвіти, навчання дітей українською мовою. Цілком упевнено можна стверджувати, що творчість Костя Гордієнка пройнята гуманістичними ідеями добра, вірою в людський розум [3; 4; 5].

**Висновки.** Творчість Костя Гордієнка виросла з великої любові до своєї батьківщини, до народу, з глибокої ненависті до його гнобителів. Почуттям великого почесного обов’язку сина-патріота перед Вітчизною перейнята вся творчість письменника-демократа. Кость Гордієнко – один із тих українських письменників, у творчості яких найяскравіше виявились особливості розвитку української революційно-демократичної прози. Саме тому творчість письменника є художнім і культурним феноменом ХХ ст.

Заслугу Костя Гордієнка слід убачати передусім у тому, що він значно розширив межі і можливості реалістичного методу, незмірно підняв українську прозу, збагатив її жанрово, відповів на суспільну потребу створення в рідній літературі соціального роману й повісті з народного життя.

#### Список літератури:

1. Гордієнко К. Буймир: [трилогія] / К. Гордієнко. – М. : Радянський письменник, 1981. – 725 с.
2. Гордієнко К. Дівчина під яблунею: [роман] / К. Гордієнко. – К. : Радянський письменник, 1954. – 316 с.
3. Гордієнко К. Заробітчани: [повість] / К. Гордієнко. – Х. : Прапор, 1982. – 183 с.
4. Гордієнко К. Зерна: [повість] / К. Гордієнко. – Х. : Радянська література, 1934. – 316 с.
5. Гордієнко К. Зернися, земле!: [нариси, спогади, роздуми] / [упорядник М.Т. Равлюк, ред. О.В. Килимник] / К. Гордієнко. – К. : Радянський письменник, 1988. – 165 с.
6. Гордієнко К. Літературні спогади / К. Гордієнко // Вечірній Харків. – 1993. – 7 грудня. – С. 3.
7. Гордієнко К. Нивою життя / К. Гордієнко // Прапор. – 1973. – № 3. – С. 95.



8. Гордієнко К. Рясне слово: [роздуми і спогади] / К. Гордієнко. – К. : Радянський письменник, 1978. – 135 с.
9. Гордієнко К. Твори: [в 2-х т.]: [художня література]. Заробітчани: [повість]. Сім'я Остапа Тура: [повість] / К. Гордієнко. – К. : Державне видавництво художньої літератури, 1959. – . Т.2. – К. : Державне видавництво художньої літератури, 1959. – 366 с.
10. Гордієнко К. Час добрий: [рукопис] / К. Гордієнко / Архів Літературного музею, м. Харків РП-2657, Вст-18901, 2 арк.
11. Гордієнко К. Чужу ниву жала: [роман] / К. Гордієнко. – К. : Державне літературне видавництво, 1959. – 235 с.
12. Гордієнко К. Як виростає герой: ["Зерна", "Сквар і син", "Кристали"] / К. Гордієнко // Літературна газета. – 1935. – 24 квітня. – С. 3.

*Luizova-Horeva, Tsveta, University of Food Technologies, Plovdiv, Bulgaria, Senior English Language Lecturer, PhD Student*

## **Some Metaphor-Based English Compounds Motivated by Image Schemas in the Language of Tourism**

### **Introduction**

Image schemas constitute a special kind of concepts which lie at the basis of the human conceptual system. They are “the essential glue that binds embodied experience, thought, and language” [1]. Image schemas can provide the grounds for categorisation, for many aspects of grammar and for metaphorical mapping [2]. Abstract image-schematic concepts give rise to more specific lexical ones which are coded and externalised through a particular lexical form [3]. An increasing number of studies have been focused on the role played by image schemas in metaphorical linguistic usage since they provide the link between the spheres of embodied action and linguistic action: people use the intuitive sense of their own bodies to interpret and structure more abstract conceptual domains [4].

The theory of conceptual metaphor has been successfully applied to the study of compounds. Combining it with the theories of metonymy, blending, profile determinants and schemas, Réka Benczes [5] has offered a detailed examination of metaphorical and metonymic processes in English nominal compounds. She refers to metaphor- and metonymy-based compounds as “creative compounds” since they involve creative associations between concepts; associations evoked by similarity, analogy or contiguity.

The aim of this paper is to demonstrate that a large number of these associations are closely related to simple or more complex image schemas. The focus on a specific area of language use can determine whether the image schemas and metaphors which structure the meaning of compounds in common everyday language also contribute to the semantics of compounds in specialised discourse.

### **Image schemas**

The term “image schema” was introduced by Mark Johnson who defined it as follows: “An image schema is a recurring, dynamic pattern of our perceptual interactions and motor programs that gives coherence and structure to our experience” [6]. An image schema is neither propositional, nor a rich, specific object or mental representation. Imagistic experience is in contrast with what psychologists call “introspective”, i.e. internal subjective experience, e.g. feelings and emotions. The second part of the term, schema, means that image schemas are not detailed but rather abstract concepts.

Johnson uses image schemas to describe basic concepts such as CONTACT, CONTAINMENT and BALANCE which arise from and are connected to human pre-conceptual experience of the world directly mediated and structured by the human body. He and Lakoff [7] believe that embodied concepts of this kind can systematically provide structure to more abstract concepts and conceptual domains through a process called conceptual mapping.

The set of image schemas includes prototypical examples such as CONTAINMENT, UP-DOWN, NEAR-FAR, PATH, etc. [8]. A very important factor for people is the asymmetry of the vertical axis of the human body – it gives rise to the UP-DOWN image schema. According to Grady, some image schemas are perceptually more basic with regard to bodily physical experience (e.g. PART-WHOLE, CENTRE-PERIPHERY, CONTACT etc.), whereas others are more complicated, for instance CYCLE, PROCESS, SCALE, though a clear distinction is not always possible – in PATH and CONTAINMENT for example [9]. Individual linguistic usage can highlight one or several of their components.

### Metaphor and compounds

Conceptual metaphor has been found to play a major role in our conceptualisation of the world. Its mechanism can be explained by the mapping of the source model structure onto the target model [10]. On the basis of the elements from the source concept mapped onto the target concept, the respective metaphorical models can be outlined.

In compounds, the effects of conceptual metaphor can be described by the five patterns suggested by Benczes whereby it acts on the following parts of compounds: (1) on the modifier; (2) on the head; (3) on both components; (4) on the compound as a whole; and (5) on the relation between both components of the compound [11].

Since image schemas have been found to motivate different concepts as well as conceptual metaphors [11], [12], metaphor-based compounds can also be classified according to the image schema(s) involved in their semantics.

### Metaphor-based compounds motivated by image schemas

#### A. The MOTION image schema

The image schemas of motion include the basic elements “trajector” (the moving entity) and “landmark” (an entity with respect to which the trajector moves). The basic elements of the PATH schema are a source point A, a terminal point B (the destination or goal), and a vector tracing a path between A and B (a series of connected locations between the two). There is also a relation, a force vector moving from A to B [13]. This is one of the most common image schemas treated in the cognitive research on schemas and metaphors. From the viewpoint of the analysis of metaphors related to travel and vehicles, it would be appropriate to regard the more general MOTION schema described by Kövecses and Benczes [12], [11]. It is built by an initial point, movement, and an end point. This schema would make it possible to provide a clearer illustration of how the concepts based on it (e.g. (JOURNEY)) are filled with various details.

- compounds having the component *shuttle*. According to Benczes, the source concept (the source domain in her terminology) is the MOTION abstract image schema which is based on the shuttle movement, the trajector moving back and forth on a path between two destinations [14]. All elements of this abstract image are mapped onto the target concept represented by the compound head directly (*air shuttle, helicopter shuttle*) or via the contiguity relation between the modifier and the head (*shuttle bus, shuttle service*).

- *circle trip*: the metaphor demonstrated in the first component of the compound is again motivated by all elements of the MOTION image schema in combination.

- *airbridge, jetbridge*: in both compounds the head is motivated by a metaphor evoked by the MOTION schema, its part connecting the source point and terminal point in particular.

- *cash flow, tourist flow*: the metaphor based on this image schema surfaces in the head components of both compounds.

- *milk run*<sup>1</sup>: the metaphorically structured concept is expressed by the whole compound. The most active demonstration of the schema here is in the movement along a sequence of connected points between the source and the terminal point.

- *flip-flop*<sup>1</sup>: again the whole compound expresses the metaphorically structured concept, the accent being on the source and terminal point as well as on the regularity and sequence of the action.

- *pub crawl*: the metaphor motivates the second component of the compound, and the schema is again demonstrated in its Path part as a sequence of connected points highlighted by its contiguity relation to the first component. Under the influence of metaphor, the element ((Manner of motion)) in the structure of the metaphor-motivated concept is activated.

#### B. The CONTAINMENT image schema:

This basic image schema involves the concepts (CONTAINER) and (CONTENT) [16]. The metaphor motivated by this image schema can act upon all parts of the compounds:

- *capsule hotel*: a metaphor motivated by the Container element of this schema together with Shape and Function metaphorical models acts on the first component. In turn, the relation between the components reflects the Content-Container relation instantiating the model of *apartment hotel*, *all-suite hotel*, *casino hotel*.

- *cupcake*: the model demonstrated in the semantics of this compound is a mirror image of the one described above. The relation between the head and the modifier is again motivated by the Content and Container elements of the same image schema but in the opposite direction: the modifier provides access to the Container element.

- *tour package*, *tour shells*: the image-schematic metaphor motivated by the CONTAINMENT schema and the Shape and Function metaphorical models structures the concepts expressed by the head words of both compounds.

- *gravy boat*: the schema with its two elements, i.e. Content and Container motivates the relation between the two components of the compound. The second component itself is motivated by the Shape metaphorical model.

- *pigeonhole*: the image-schematic metaphor acts on the compound as a whole.

- *wrap-up session*: the metaphor has an effect on the relation between the two components of the compound, the accent being on the Boundary element of the CONTAINMENT schema.

### C. The SCALE image schema

The metaphor MORE IS UP is connected both to the simple spatial UP-DOWN schema and the complex SCALE schema. According to Johnson, it is its grounding in the SCALE schema which allows it to spread both on the quantitative and the qualitative aspects of experience owing to the cumulative and normative character of this complex schema [17]. A metaphorical projection of the same schema is the first component of the compound *peak season*. The action of the schema and the metaphor it has given rise to is observed in the modifiers of the compounds *midrange hotel*, *midscale hotel* and *upscale hotel*. In *upmarket hotel* the concept expressed through *market* in the complex modifying component has been structured as a physical object which can be spatially measured in the vertical dimension thereby activating the same type of metaphoric transfer.

### D. Joint action of image schemas

Image schemas can also occur in combination, complementing each other and deriving from each other.

- *drop pocket*: the CONTAINMENT schema motivates the metaphor acting on the head word whereas the concept expressed by the modifier has been structured by the MOTION image schema. The relation between the components of the compound exhibits the joint action of these image schemas: movement towards a container.

- *air corridor*: the metaphor structuring the concept expressed by the head word is simultaneously motivated by the CONTAINMENT schema (by its Container part providing access to the limited space through which airplanes move) and the MOTION schema.

### Conclusion

The analysis of the above metaphor-based compounds has shown that their semantics can be accounted for from the perspective of both the theory of conceptual metaphor and the image schema theory. It has been demonstrated that the associations underlying the action of metaphors, though evoked by a relation of similarity, resemblance or contiguity, may, to a large extent, be grounded in one of the most basic conceptual structures, i.e. image schemas. The compounds studied provide further evidence that conceptual metaphors and image schemas pervade all areas of language, including specialised discourse.

### References:

1. Gibbs, R. The psychological status of image schemas. // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. B. Hampe (ed.), Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 113
2. Kimmel, M. Culture regained: situated and compound image schemas. // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. B. Hampe (ed.), Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 287
3. Evans, V., M. Green. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2006. – P.180

4. Gibbs, R. The psychological status of image schemas. // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. B. Hampe (ed.), Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 123-124
5. Benczes, R. Creative compounding in English. *The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
6. Johnson, M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1987. – P. 23
7. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1987.
8. Johnson, M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1987. – P. 126
9. Grady, J. Image schemas and perception: Refining a definition. In: *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. B. Hampe (ed.), Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 35-56
10. Ungerer, F., H. J. Schmid. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2006. – P. 118
11. Benczes, R. Creative compounding in English. *The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. – P. 90, 115-117
12. Kövecses, Zoltán. *Metaphor. A Practical Introduction*. New York: Oxford University Press, 2010. – P. 43-44
13. Johnson, M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1987. – P. 28-33
14. Benczes, R. Creative compounding in English. *The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. – P. 116-117
15. Harris, R., J. Howard. *Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality*. Melbourne: Hospitality Press, 1996. – P. 120, 96.
16. Evans, V., M. Green. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2006. – P. 190
17. Johnson, M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1987. – P. 122-123

*F.Ibragimova, Senior Lecturer.  
English Tashkent Financial Institute*

## **LINGUISTIC BASES OF REGIONAL GEOGRAPHIC ASPECT IN TEACHING OF THE FOREIGN LANGUAGE**

*Ф.Ибрагимова, ст.преп.  
Ташкентский Финансовый институт*

## **ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Анализ требований, предъявляемых международными стандартами (представленных в сертификационных экзаменах по иностранным языкам), показывает, что в них основное внимание сосредотачивается на оценке уровня развития коммуникативных умений в области непосредственного устного и письменного общения.

Слово *лингвистика* появилось в русском языке как название науки о языке, синоним *языкознания* и *языковедения*. Как всегда бывает в языке, с одной стороны, синонимы конкурировали между собой, с другой – слегка расходились их значения. Слово *языковедение* тихо уходило из языка, название *языкознание* закреплялось за уже давно существующими и давно известными научными областями, а *лингвистика* – за научными направлениями более новыми и современными.

Некоторые науки настолько тесно переплетаются друг с другом, что границы их различия размыты, они могут являться дочерними сразу для нескольких других наук одновременно, в связи с чем, говорить о какой-либо системности не представляется возможным. Язык не системен, но понимание его основных структур необходимо.

Будучи гуманитарной наукой, лингвистика не всегда отграничивает субъект познания (то есть психику лингвиста) от объекта познания (то есть от изучаемого языка), особенно если лингвист изучает свой родной язык. Лингвистами часто становятся люди, совмещающие тонкую языковую интуицию (чутье языка) с обостренной языковой рефлексией (способностью задумываться над своим языковым чутьём).

Фундаментальная цель лингвистики - познание скрытых законов языка.

Прикладная цель - решение множества социальных задач: политических, экономических, образовательных, религиозных, инженерных, военных, медицинских, культурных.

И лингвистические школы, и лингвистические университеты стали лингвистическими, не только потому, что в них преподают иностранные языки, но и потому, что в них готовят ЛИНГВИСТОВ. То есть, как нетрудно догадаться, *людей, знающих иностранные языки*.

В чем горе лингвистов в старом (еще, впрочем, не исчезнувшем) значении слова? Ну, утратили монополию на слово. Ну, перестали быть элитарными, зато стали популярными, поскольку отблеск популярности иностранных языков падает и на лингвистику.

Методика преподавания иностранным языкам опирается на лингвистику и черпает из нее данные, которые касаются характеристики лингвистических закономерностей изучаемого языка, особенностей его грамматического строя, фонетической и лексической системы. Иными словами, речь представляет собой реализацию языковой системы в конкретных актах коммуникации, т.е. включает как сам процесс общения, так и продукты этого процесса.

Язык, рассматриваемый как средство общения – это сложное явление, в котором могут быть выделены различные стороны. Так Ф. Де Соссюр различал *языковую деятельность*, составной частью которой является язык, т.е. система знаков, объединяющих смысл и акустический образ, и *речь*, которую он считал индивидуальным актом воли и понимания. Академик Л.В. Щерба различал три аспекта языка: *речь*, под которой он понимал процесс говорения и понимания; *язык*, т.е. грамматические и лексические правила; *языковой материал*, т.е. сумму отдельных актов говорения и понимания, длящихся в воспоминании.

При овладении иностранным языком следует идти по направлению от речи к языку. На практике в школе не всегда так бывает – там процесс обучения иностранному языку имеет направление от языка к речи, и в некоторых случаях учащихся так и не выводят на уровень речи. Основная цель обучения иностранному языку в школе – обучить иноязычной речевой деятельности, что можно осуществить путем обучения системе языка через речь в процессе целенаправленного общения.

Общая и сопоставительная лексикология и фразеология изучаемого и родного языков образуют лингвистическую основу страноведческого аспекта в преподавании иностранного языка. Общий подход страноведчески ориентированной лингвистики к языковому материалу имеет социолингвистический характер, причем внимание уделяется социально обусловленной межязыковой дифференциации, а не языковым формам. Лингвистическое обоснование страноведческого аспекта в преподавании иностранного языка находится за пределами методических исследований и составляет задачу страноведчески ориентированного языкознания. Речь идет об обусловленном практическими потребностями выделении прикладного аспекта лингвистических исследований, учитывающего нужды международной коммуникации.

Однако можно назвать и некоторые более конкретные задачи страноведческой лингвистики:

- сведение страноведчески значимых единиц лексикона в лексико-фразеологические поля соответствующих ключевых слов;
- изучение специфически формальных средств иностранного языка для обозначения страноведчески существенных явлений;

- анализ национально-специфического взаимодействия языковых и невербальных средств коммуникации в определенных разговорных ситуациях;
- лингвистическое обоснование страноведческого аспекта учебных материалов для преподавания и изучения иностранного языка, создания страноведчески ориентированных учебных словарей.

Лингвострановедение — это всего лишь часть процесса обучения, который не стоит на месте и ищет новые пути эффективного познания. И лингвострановедение в совокупности с новыми, прогрессивными методиками сможет дать и достичь того результата, которого требует наше общество на данной ступени развития, т.е. личности способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации и готовой самостоятельно совершенствовать свою иноязычную речевую деятельность.

А такая личность должна иметь внутреннюю устойчивую мотивацию создание которой связано с использованием на уроках аудиовизуальных средств; введением лингвострановедческих воздействий преподавателя; характером педагогических воздействий преподавателя; вовлечением эмоциональной сферы в процессе обучения; использованием личностной индивидуализации.

#### Литература:

1. Панов Е.И., Кузовлев В.П., Коростелев В.С. Цель обучения иностранным языкам на современном этапе развития общества. // Иностранные языки в школе. № 6, 1987.
2. Райхштейн А.Д. Лингвистика и страноведческий аспект в преподавании иностранных языков. // Иностранные языки в школе № 6, 1988.
3. Пассов, Е.И. Учитель иностранного языка : учеб. пособие / Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев, В.В. Царькова. - М. : Просвещение, 2000. - 250 с.

## Section 12.

### Anthropology, Cultural Studies and Philosophy

*Tchapligin Alexandr, Kharkiv National Automobile and Highway University, Professor,  
Doctor of Philosophy, the Faculty of transport systems,  
head of the Department of Philosophy and Political Science,  
Suk Elena, Kharkiv National Automobile and Highway University,  
the Faculty of transport systems, Senior Lecturer of Philosophy and Political Science,*

#### ***Crisis in engineering technologised society: hopes and threats***

*Чаплыгин Александр Константинович, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, профессор, доктор философских наук,  
факультет транспортных систем, заведующий кафедрой философии и политологии,  
Сук Елена Евгеньевна, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет,  
факультет транспортных систем, старший преподаватель кафедры философии и политологии,*

#### **Кризис инженерии в технологизированном обществе: надежды и угрозы**

Современное развитие техногенной цивилизации характеризуется целым рядом кризисов, касающихся человечества в целом (глобальные кризисы и проблемы), самой этой цивилизации, отдельных регионов и стран. Пересекаясь, они создают ту сложную картину социальной жизни, проблем, которые необходимо осмысливать и решать.

Проблема технологического развития в постиндустриальном обществе привлекает все большее число исследователей, как на Западе, так и на постсоветском пространстве. Классическими в этом отношении выглядят два сборника статей «Новая технократическая волна на Западе» и «Новая посттехнократическая волна на Западе», опубликованные на русском языке в 1986 и 1999 годах [1]. В них ход и возможные последствия разворачивавшегося нового этапа научно-техно-технологической революции рассматривали такие авторы как Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. Эллюль, а также Л. Мэмфорд, Х. Склимовски, Дж. П. Грант, А. Димер, Ж. П. Контен и другие.

Среди русскоязычных авторов проблемы взаимодействия науки, техники и технологии рассматривают А. И. Половинкин, А. Е. Войскуновский, О. А. Дорохов, В. Г. Горохов, А. Н. Дубовик, Б. И. Пружинин, В. М. Розин, А. И. Ракитов, М. А. Розов и другие.

Вопросам социальных и антропологических, позитивных и негативных последствий неконтролируемого техно-технологического прогресса посвящены работы ряда современных авторов (Э. Агацци, Х. Ленк, Д. Нейсбит, Г. Рейнгольд, Ю. Хабермас, К. Хюбнер, А. А. Воронин, В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов) [2].

Данная статья подготовлена на основании ряда из указанных выше источников.

Целью статьи является раскрытие содержания современного научно-техно-технологического прогресса и его перспектив, а также обоснование необходимости учета гуманитарного фактора в социально-технической политике в целом и в образовательном процессе в высшей технической школе. В этой связи в работе поставлены такие задачи:

- раскрыть специфику кризиса инженерии в постиндустриальном обществе;
- обосновать выход на передний план в научно-техно-технологическом прогрессе технологической составляющей;
- показать позитивные и негативные последствия внедрения (в том числе high Tech) технологий для отдельного человека и социума.

Как отдельный вид кризиса, касающийся развития техногенной цивилизации в различных ее разновидностях, исследователи выделяют кризис инженерии [3], под которой понимается сфера профессиональной умственной и практической деятельности инженера по созданию, изготовлению, обслуживанию и эксплуатации техники. Деятельность инженера носит комплексный характер, включая инженерное изобретательство, конструирование, проектирование. При этом изобретательство охватывает все циклы инженерной деятельности: установление связей между всеми элементами инженерной реальности, функциями инженерных устройств и природными процессами; между

природными условиями и конструкциями, которые создаются. Указанные элементы отыскиваются, описываются, рассчитываются в процессе изобретательства. Конструирование представляет, так сказать, практическую сторону создания техники, объединение требований к объекту с поиском конструктивных решений и объединением отдельных конструкций в определенную целостность (машину, механизм, устройство, сооружение) [4]. Проектирование – это определение конструкции инженерного устройства в теоретической форме.

Инженерия исторически предшествовала проектированию, инженерное искусство объединило теорию с техническими действиями, естественное и техническое в объектах. Постепенно сложились тесные взаимосвязи между наукой и инженерией, на основе чего возникает и проектирование. Как раз союз науки и инженерии обеспечил высокую эффективность инженерной деятельности по сравнению с опытными разработками, с опорой на практику.

Ситуация сегодня отличается тем, что и в инженерном проектировании все большее место занимает то, что не обусловлено естественными науками. Речь идет об экологическом, эстетическом измерениях техники, социальных, человеческих аспектах влияния техники. В поле зрения инженера все чаще попадают процессы, не поддающиеся расчету, не включающиеся естественные и технические науки (влияния инженерии на природные процессы; трансформация деятельности и других искусственных систем, влияние инженерных проектов на человека и общество).

Технология в этих процессах естественно выглядит детищем инженерии, она не только отработала наиболее эффективные пути развития инженерии, но и способствовала постепенному осознанию и выявлению операциональных, деятельностных, социокультурных составляющих инженерной деятельности, расширяя поле своего применения за рамки решения непосредственно инженерных задач и становясь одной из важнейших составляющих новой технической действительности. Технология связывает в единую цепь науку, технику, инженерию, проектирование, производство и социально-культурные процессы.

С развитием технологии происходят кардинальные изменения в механизмах и условиях прогресса техники и технического знания. Уже не установление связей между природными процессами и техникой (как в изобретательстве), и не расчеты и разработка технических изделий (инженерия) являются определяющими в техническом прогрессе, а разнообразные комбинации сложившихся идеальных, технических объектов, имеющих видов исследовательской, инженерной и проектной деятельности, технологических и изобретательских процессов, операций и принципов. Традиционное изобретательство и конструирование начинают обслуживать этот процесс, который определяется уже не столько познанием процессов природы, возможностями использования знаний в технике, сколько логикой внутреннего развития технологий.

Технология, особенно в развитых в техническом отношении странах, уже сегодня выглядит той суперсистемой (техносферой), которая определяет формирование и развитие всех технических систем, изделий, а также технического знания. Развиваясь уже в пределах технологии, а не наоборот, инженерия все больше становится стихийной, неконтролируемой, в конце концов, деструктивной силой. Теперь характер инженерных задач часто определяется не наличием человеческих потребностей, которые необходимо удовлетворить, а возможностями техносферы и технологии, которые через социальные механизмы формируют соответствующие потребности, а через их удовлетворение, – и «техногенные» качества человека. Так, технология не только покоряет технику и инженерию, но и человека и общество. В результате типичным для технологизированного общества становится человек с разорванной на гуманитарную и техническую культурой. В итоге человек и природа не успевают адаптироваться к стремительным изменениям в технико-технологической сфере, где эти изменения меняют друг друга молниеносно [5].

Сегодня трудно обойти вниманием влияние новых информационных технологий на человека, на структуры ее идентичности, формы коммуникации, типы личности, которые формируются благодаря общению с новой техникой. Дело в том, что современную технику (особенно информационную) уже недостаточно рассматривать как инструмент, являющийся нейтральным по отношению к человеку и выступающий продолжением органов труда. Любые инструменты «направлены не только вовне, на объекты человеческой деятельности, но и внутрь самого субъекта, изменяя структуру его деятельности или порождая новые ее формы». К тому же, расширяя возможности, технические средства одновременно подчиняют человека, вызывая целый спектр отношений – от глубокой зависимости и неприязни к технике до иррационального страха.



Например, Джон Нейсбит подвергает критическому разбору влияние на современного человека и общество в целом новейших технологий и приходит к выводу, что «среда нашего обитания отравлена технологией» [6]. Среди бесчисленных вариантов и направлений технологизации общества автор по своим негативным последствиям особо выделяет так называемый «военно-игровой комплекс», который предусматривает использование игровых технологий в военном деле и их же в игровой индустрии для детей.

Среди негативных воздействий на личность новейших технологий автор выделяет такие, как иллюзия возможности быстрого решения возникающих проблем с помощью новых технологий; испытание одновременно чувства страха перед новыми технологиями и преклонения перед ними; отсутствие различия фантазии и реальности; принятие насилия как нормы жизни; любовь к технологиям как к игрушкам. В результате, по мнению Д. Нейсбита, наша жизнь становится отстраненной и рассеянной [7].

Исследователи современной культуры даже пришли к выводу, что человек столкнулся с новым для себя явлением – с «хищными технологиями». Он окружил себя совершенными и якобы незаменимыми для него вещами, без которых он уже не представляет собственное существование. «Речь идет о прожорливых вещах, несущих в себе искушение, ставших большими, чем они есть на самом деле; вещах, в которых слились средство и содержание, технология и психология, и которые, кроме удовлетворения потребности, ради которой они и были созданы, начинают удовлетворять другие потребности или даже их порождать», – пишут В. А. Емелин и А. М. Тхостов [8].

Авторы прослеживают влияние на повседневную жизнь человека мобильной связи как наиболее массовой и близкой к субъекту технологии. Мобильный телефон к тому же делает своего обладателя доступным, даже предельно доступным. Дело в том, что главное назначение мобильной связи – обеспечение непрерывной возможности доступа к связи абонентов, независимо от местоположения последних, – быстро обернулось негативной стороной, которая заключается в разрушении внешних границ человека – пользователя телефона. Негативное влияние, несмотря на внешнюю доступность и открытость абонента мобильной связи, осуществляет «мобильник» на саму возможность общения, приводя к его выхолащиванию и упадку.

Особый круг вопросов касается ситуации вокруг новых государств, образовавшихся после распада СССР, к которым относится и Украина. Анализ тогдашней ситуации показывает, что начиная с 90-х годов происходила не только неудачная, но и запоздавшая конвергенция с капиталистической системой: на вооружение брались не новейшие технологии и обновленные ценности, а происходило неестественное объединение элементов советской (коммунистической) системы индустриального типа с такими образцами либерально-технологического западного индустриализма, который и в самых развитых государствах Европы, Америки, Азии уступает совершенно новой фазе развития.

Это общество, которое возникает, называют по-разному: постиндустриальным, информационным, образовательным и т. п. [9]. Конечно, и этот тип общественного устройства не идеален. Но именно в наиболее развитых регионах мира постепенно пробивают дорогу идеи гуманитарного развития, под которым понимается изменение ориентаций в обществе от максимизации прибыли, власти, потребления и самовыражения на обеспечение развитой гармонии общества, личности и природы. Тем самым может быть преодолен как крайний индивидуализм и субъективизм либерализма, так и господство государства и коллективности в тоталитарном обществе коммунистического типа и в центре всех отношений оказываются субъект-субъектные, а не субъект-объектные отношения [10].

Конечно, указанные ценностные ориентации есть не что иное, как желанная цель, идеал, пока полностью не реализованный нигде в мире, но как раз западное общество находится ближе к такой ориентации. Как раз здесь идея гуманитарного развития находит реализацию в определенных социальных технологиях и способствует тем самым преодолению наиболее вопиющих противоречий либерализма и индустриализма, в том числе и тех, которые порождены проникновением технологий техногенной эпохи во все сферы общественной жизни.

Мероприятия, касающиеся образования, науки, культуры, медицины, призванные вдохнуть новую жизнь в эти важные институты общественной жизни, реализуются бессистемно, и опять же касаются фасада, а не сущности процессов. Так, в области высшего образования произошло расширение его доступности путем введения платного обучения и создания частных учебных заведений. Вместе с тем, произошло резкое ухудшение качества подготовки учащихся и студентов. Попытки заимствовать западные стандарты образования ограничились восприятием внешних признаков (ступенчатое образование, накопительная система в оценке знаний студентов и т. д.). И здесь наблюдаются не всегда

удачные попытки сочетания технологий советского образца с новейшими мировыми достижениями без учета особенностей студенческой молодежи и преподавательского состава, при игнорировании отечественных традиций и реалий переходного периода.

Далекими от гуманитарного развития остаются отечественные культура, медицина и другие отрасли. В лучшем случае в нетронутым виде используются технологии, наработанные в советские времена (медицина), в худшем – некритически заимствуются западные технологии (поп-культура, например).

Таким образом, техника в широком смысле в дальнейшем остается важным фактором прогрессирующего развития общественных организмов. Однако ее негативные воздействия должны ограничиваться созданием и использованием оптимальных технологий, а сам социальный процесс должен осуществляться с учетом культурных и других социальных факторов (традиции, менталитет народа, имеющиеся природные и человеческие ресурсы, состояние творческого потенциала общества и человека). Большое значение при этом имеет выработка ценностных ориентиров, соответствующих возникающим вызовам истории и воспринимаемых обществом как необходимые для воплощения. Со стороны ученых и управленцев необходима не только выработка таких ориентиров, но также разработка механизмов их реализации и организации выполнения практических мероприятий, а при необходимости, – корректировка результатов и ограничения негативных последствий.

#### **Примечания**

1. Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986; Новая посттехнократическая волна на Западе. – М.: Academia, 1999.
2. Список литературы по проблемам технико-технологического развития см.: Мовчан С. П., Чаплигін О. К. Основи філософії техніки та технології. Навч. посібник. – Х.: Форт, 2013. – С. 306–314.
3. Розин В. М. Философия техники: история и современность. – М.:ИФ РАН, 2001. -283. с., формат PDF, режим доступа <http://www.torrentino.com/torrents/846730>
4. Там же, С. 54
5. Там же, С. 66.
6. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность. Технологии и наши поиски смысла. – М.: Транзит книга, 2005. – С. 5.
7. Там же, С. 10–11.
8. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Технологические соблазны информационного общества: пределы внешних расширений человека // Вопросы философии. – 2010. – №5. – С. 84–90.
9. См.: Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – 452с.
10. Сагатовский В. Н. Что такое гуманитарное развитие общества // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – №3. – С. 65–83.

*Кравивнюк Ганна, Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,  
Post-doctorate student, PhD, the Department of Philosophy,*

## **Philosophical and Anthropological Analysis of the Norm and Pathology Concepts in the Crime Fiction Genre**

*Кравивнюк Ганна, Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди,  
докторант кафедри філософії, кандидат філологічних наук*

### **Філософсько-антропологічний аналіз понять норми і патології в жанрі детективу**

**Постановка проблеми.** Будь-яке модерне суспільство характеризується декларуванням свободи кожного індивіда і його вільного вибору. Звичайно при цьому непоодинокими є випадки спротиву або

недотримання встановлених норм. Проблема девіантності, злочинності, мотивів вчинення злочинів, методів їх розкриття й покарання і, в цілому питання норми і патології розглядаються в сучасній науці. Мабуть ще з часу появи криміналістики як науки, фундаментальних відкриттів в царині психології і психоаналізу вказані питання не втрачають свого актуального статусу, оскільки стосуються практично кожного члена модерного суспільства. Саме філософсько-антропологічний аналіз надає можливість простежити й поміркувати над багатограними проявами норми і патології культурної особистості сучасної людини в умовах бурхливого розвитку цивілізації.

**Аналіз досліджень і публікацій.** Вказані проблеми стають об'єктом міждисциплінарного пошуку. Прогрес, розширення наукового знання в області філософії, соціології, психології, психоаналізу, релігієзнавства і інших споріднених гуманітарних галузей стимулює появу досліджень опозиції концептів норми і патології в сучасній медійній культурі. Серед вчених, які приділяють увагу різнобічному розгляду концептів норми і патології можна назвати Е. Анушата, У. Бека, Е. Дюркгейма, В.Ф. Пірожкова, Є.Т. Соколову, В.А. Тихомірова, З. Фройда, Ю. Габермаса тощо.

**Метою** цієї роботи є філософсько-антропологічний аналіз понять норми і патології в детективному жанрі (текстовим матеріалом є романи Ф.М. Достоевського, Дж. Фаулза і П. Зюскінда).

**Основний матеріал.** В есе «Норма і патологія» Е. Дюркгейм розглядає аномію, тобто патологію суспільства, і зазначає, що «злочинність є одним із факторів суспільного здоров'я, невід'ємною частиною всіх здорових суспільств» (переклад наш – Г.К.) [3, с. 40]. Дослідник стверджує, що існування будь-якого суспільства неможливо за відсутності злочинності; якщо певний злочин припиняє розглядатися як такий або частота скоєння такого злочину падає значно нижче звичайного рівня, йому на зміну надходять інші дії, що тлумачаться суспільним колективом як протиправні. Злочинність є необхідністю, тому що вона тісно пов'язана з основними умовами будь-якого соціального життя. Саме завдяки цьому вона є корисною, оскільки ті умови, частиною яких вона є, не можна відділити від нормальної еволюції моралі і права. [3, с. 42] Дійсно, якщо культурні правила і норми, які існують в будь-якому суспільстві порівняти з правилами гри, то в ньому повинні бути представлені відповідні ролі, в тому числі, ролі тих, хто не виконує правила або свідомо їх порушує. Далі, Е. Дюркгейм приходять до висновку про те, що якщо модерна людина розглядає злочинність як захворювання, то покарання за нього є ліками. [3, с. 44]

При визначенні понять норми і патології цікавою видається думка відомого психіатра О.В. Кербікова, який говорив, що норма є клінічно зручним, але теоретично беззмістовним поняттям тому, що з точки зору психіатрії зовсім нормальних людей немає. І ніколи не було. [2, с. 46-47] Ще до появи детективного жанру, з'явився ряд письменників, які ставили акценти на концепті злочину і на особистості злочинця, тобто на нормі і патології. При цьому самі автори часто-густо страждали різними психічними патологіями (як наприклад, Маркіз де Сад з філософією, що пропагує жагу до насилля і безмежного задоволення). В цілому еволюція культури людства є певною мірою парадоксальною. Співвідношення норми і девіантності (зокрема, злочину) є таким, що саме феномен злочину пов'язаний з почуттям азарту, ризику, вдачі, він приваблює і стимулює розвиток людини більше, ніж покірне дотримання вже існуючих норм. Якщо розглядати проблему ширше, як опозицію добро-зло, то можна стверджувати, що світ по своїй природі добрий, але діяльність людей, які реалізують цей світ в окремих проявах може породжувати функціональне зло як спотворене добро. [4] Наприклад, якщо голодна дитина візьме булку з прилавку в лавці, це ще не є злочином само по собі. Але з урахуванням того, що поява цієї булки була результатом праці, за яку працюючий очікував отримати гроші, то ця дія стає злочинною. Чиста дія безгрішна, але нормативні ігри людей перетворюють її на гріховну і злочинну. [4] Будь-який бунт, навіть те, що націлено на «очищення», на благо є ні чим іншим як замаскованим злом, тобто людина сама приймає вибір на користь зла.

В літературних художніх текстах, зокрема в романній формі, як в одному із проявів медіа культури, виявляються і широко описуються феномени, пов'язані зі співвідношенням норми і патології, актуальним на час створення твору.

Поява феномену організованої злочинності породила й потребу в описі відповідних анти-культурних структур. Це було зроблено як в наукових розвідках, так і в художніх текстах. Такі структури стають колективними (анти-)героями детективних текстів, п'єс, серіалів, ігор тощо. Таким чином з'являється можливість вивчати кримінальну субкультуру, тобто її ідеологію, певні етичні норми і цінності, естетику, потреби, міфологію і преференції [12].

В рамках цього дослідження розгляд концептів норми і патології обмежено їх репрезентацією в детективному жанрі. Його формула широко використовується в романі, що є однією з найбільш вільних

форм в художній літературі, і тому, вона ідеально підходить для письменників, які намагаються створити і встановити свої правила гри з адресатом в уявленому світі твору.

Романи Ф.М. Достоевського «Злочин і кара», Дж. Фаулза «Волхв» і «Колекціонер», П. Зюскінда «Парфюмер» і різними за часом і місцем створення, але всі вони мають дещо спільне: вони являють собою складний симбіоз різних жанрів романної форми, в тому числі й детективного.

Ще Т. Манн зіставляв Ф.М. Достоевського з Ф. Ніцше. Вчення німецького філософа, як і його тяжкий шлях пізнання, публіцист Т. Манн тлумачив як розвиток захворювання. Саме тому плодами його філософії стане фашизм в Німеччині (фігурально Т. Манн, прирівнюючи вчення Ф. Ніцше до захворювання, переносив його на німецьку землю, щоб зобразити фашизм як аномалію, або точніше патологію). К такому порівнянню публіцист прийшов за допомогою психоаналізу австрійського психіатра З. Фройда. [9] В есе «Філософія Ніцше в свете нашего времени» Т. Манн вказує, що саме об'єктивне психічне захворювання Ф. Ніцше стало джерелом тих збуджуючих імпульсів, що часом так сприяли або, навпаки, згубно впливали на цілу епоху [8]. Автор розвідки зазначає, що і Ф.М. Достоевському, і Ф. Ніцше притаманна екстатичність, пізнання істини, що народжується в результаті раптового, напівбожевільного осяяння, а також релігійний ... моралізм, який Ніцше називав антиморалізмом [9]. Т. Манн пише, що для Ф. Ніцше мораль є «хранительницею істини», вона вбиває в житті все живе, бо життя в значній мірі базується на видимості, мистецтві, самообмані, надії, ілюзії, а все живе покликано до життя в результаті помилки, хибної думки. [8]

На відміну від класичного за детективною схемою (але по суті філософського) роману Ф.М. Достоевського, в зазначених вище текстах Дж. Фаулза відсутня фігура героя-слідчого як такого. Акцент поставлено письменником на психологічний аспект і на взаємодію образів мисливця та його жертви (або жертв). Використовуючи визначення Ц. Тодорова щодо детективного твору, згідно з яким в детективі завжди присутні два наративи: історія злочину, що відбувається до початку оповідання і історія слідчого (детектива), який розкриває оригінальне оповідання [14, с. 16], можна сказати, що текст роману «Колекціонер» включає тільки перший наратив, тоді як другий лишається поза кадром. Вивченням феномену колекціонування займаються деякі вчені і письменники (наприклад, Ж. Бодрійяр, О. Малинкін, Дж. Фаулз, П. Зюскінд та інші). Слід надати визначення цього терміну: колекція (від лат. *collectio* - збираю) – це «систематизоване зібрання однорідних предметів, що мають науковий, художній, історичний інтерес; збирання» [13]). Крім того, роман поділено на дві частини, де друга є щоденником жертви патологічної особистості колекціонера, що описується. Таким чином, читачеві доводиться самому виступати в ролі судді і дописувати ті заходи, що він їх вбачає потрібними задля досягнення справедливості. Той факт, що весь роман пронизано психологічними описом, пошуками, роздумами і вони приводять лише до невтішного, хоча й досить реалістичного кінця, натякає на більш глобальні культурні, філософські проблеми, кризу модерних цінностей, сліпоту тих, хто повинен слідкувати за порядком, в тому числі попереджати злочини. Завдяки техніці культурного читання, реципієнт задається питанням про те, яким чином події в світі, що описується, лишаються поза увагою поліції й не получують належного покарання. Більш того, антигерой роману «Колекціонер» є вочевидь психічно хворою людиною, яку не було діагностовано, і яка компенсує свою недієздатність колекціонуванням. Він є непомітним для оточуючих саме завдяки тому, що він є посередністю в усьому. Нічого б не було страшного, якщо б ця колекція була обмежена метеликами. Але колекціонер змінює об'єкт колекціонування і звертається до збирання людей, тому справа сприймається зовсім з іншої точки зору (як правової, так і моральної).

Важливими функціями подібних творів другої половини минулого сторіччя з антигероем є комунікативна і компенсаторна. З одного боку, письменник має можливість перенести свої таємні думки, почуття, страхи і свій біль в «слово». З іншого, сприймаючи текст, адресат має можливість віртуально зробити або/і відчувати певним чином заборонені і таємні речі. Ще однією функцією, притаманною з того часу, є функція маніпулювання, де адресант маніпулює свідомістю реципієнта, провокуючи його на певну реакцію і дії.

В зазначеному кримінальному романі Дж. Фаулза головний персонаж обирає новий об'єкт колекціонування (людину), що є, культурно й метафорично, пов'язаним з метеликами. Він вважає перший її предмет – бездоганим (хоча згодом, коли антигерой не в змозі з'єднати уявлений образ ідеальної жінки із реальною людиною). Мабуть метелики були спочатку невинуватим об'єктом колекції. О. Малинкін вважає, що в основі будь-якого збирання лежить специфічна любов людини до речей. [7, с. 30] Для древніх греків слово метелик також мало значення душа. Протистояння мисливця і потенційної жертви (а не рівних партнерів, закоханих) очевидно з самого початку, тому що Міранда –

жива і творча особистість, тоді як Клегга, за термінологією Е. Фромма, можна було б по праву віднести до групи некрофілів – він полює все статичне, неживе, закрите, нетворче, його мова/мовлення, дім (навіть запах в ньому), погляд на речі і т.п. – все вказує на смерть.

Ніхто і не може запідозрити Клегга в намірах або у скоєнні злочинів, тому що на поверхні він веде себе чемно, згідно з формальними суспільними правилами. Тобто він не може стати «жертвою» поліції і суспільства, тому що для останніх «Ненормальність» - соціальна, фізична, духовна – стає головною ознакою для вибору жертви» (переклад наш – Г.К.) [11]. Цей персонаж є продуктом культури споживання, сучасної цивілізації, що мріє про підкорення природи, а значить, про обмеження, тобто, з іншого боку, втрату свободи людиною. Тим самим автор тексту критикує ту поверхневу, формалізовану культуру й кризу сучасної філософії, вихід з якої і досі шукають в різних гуманітарних науках, в міждисциплінарних дослідженнях. Роман описує опозицію міщанства (тобто низу міського суспільства, мас, варварства (про яке говорило багато вчених, починаючи ще з кінця дев'ятнадцятого сторіччя – Ф. Ніцше, М.О. Енгельгардт, К.І. Чуковський) і творчої еліти, що має розум і вірить, все ще опирається на доброту і інші традиційні модерні цінності. Кінець твору, що говорить про вже зроблений антигероєм – злочинцем вибір наступного предмету колекції – про наступну жінку-жертву, засвідчує пригнічення свободи і творчості в сучасному суспільстві, що є суспільством постійного всеохоплюючого ризику (термін суспільство ризику було введено У. Беком в [2]). Екзистенціальний елемент є досить вираженим при філософсько-антропологічному розгляді «Колекціонеру» – антигерой і його жертва демонструють свою духовну, моральну сутність тільки в екстремальних ситуаціях, що вимагають від них певних дій (наприклад, сумніви колекціонера і його рішення і методи щодо викрадання своєї мрії – Міранди, сумніви і рішення самої Міранди щодо того, чи вбивати або не вбивати тупим предметом Калібана заради врятування свого життя).

Г.В. Кучумова вказує на те, що філософія постмодернізму, різнобарвність філософсько-образного ряду ускладнюють естетичну систему сучасного мистецтва, що орієнтовано на відкриту гру. Людина минулого сторіччя (створюваний персонаж роману того ж періоду) самоідентифікується через соціальні й культурні маски (зокрема, маску колекціонера) [6, с. 11]. Слід зауважити непримітність, «сірість» та посередність антигероя фаулзівського роману, що виявляється скрізь в оточенні Клегга, від створеної їм обстановки нового (старого) дому до внутрішньої убогості й недорікуватості. В своїй науковій розвідці Г.В. Кучумова відмічає, що «фігура «людини без властивостей» стає центральною в романі кінця ХХ сторіччя» (переклад наш – Г.К.) [6, с. 12]. Калібан просто надіває маску зовнішньо порядної людини, громадянина, колекціонера, щоб сховати свою невизначеність і психічну патологію. В одному зі своїх інтерв'ю, Дж. Фаулз сказав, що відчуття того, що ти є ніким може привести кожного з нас до насилля і інших нерозумних вчинків. На протязі всієї історії людства це відчуття слугувало схованим мотивом того, щоб доказати, «ХОЧА Б КОМУ-НЕБУДЬ» те, що ти не є пустим місцем (переклад наш – Г.К.) [5]. З одного боку, думка письменника справді стосується низької самооцінки, але, з іншого, її також можна віднести і до почуття гордості і пихи (достатньо згадати хоча б приклад героя вищезгаданого кримінального роману Ф.М. Достоевського).

Компенсація патології Клегга (педантичності, нав'язливих думок і страхів, тривоги, що спровоковано невпевненістю в собі) переходить й призводить до скоєння кримінального злочину (такі випадки мають місце і в реальному житті і вивчаються, відповідно, в психіатрії і криміналістиці) – при цьому не одного, а в декількох, що перетікають один в інший, і закінчуються фактичним вбивством жертви (і планами на тортури і вбивство наступної). Слід також відзначити, що колекціонування само по собі теж нагадує гру. [7, с. 21] Суб'єкт збирання вільно обирає що і як колекціонувати, а «вдало підібрана колекція – це завжди ідеальний твір». (переклад наш – Г.К.) [7, с. 21]

Дж. Фаулз наділяє й описує свого персонажа почуттям любові / приязні до своєї колекції, але при цьому він, практично, розповідає своєму читачеві, як слідчому, важливу інформацію, що характеризує головного персонажа як хвору людину. Підтвердження знаходимо в указаній монографії О. Малинкина: «... людина не може любити річ або речі так, як вона кохає іншу людину або любить Бога. Якщо раптом таке трапляється, і любов до речі замінює кохання до іншої людини або любов до Бога, - а таке може трапитися за наявності надмірного егоїзму, - тоді мова йде про симптом психічного захворювання, про клінічний випадок. <...> В такому разі постійне милування своєю колекцією є насправді самомилуванням, нарцисизмом». (курсив – авторський, виділення і переклад – наш – Г.К.) [7, с. 31] Хоча з початку процес збирання, що їм займається головний персонаж роману «Колекціонер», не сприймається їм як феномен, пов'язаний з сексуальністю, поступово цей аспект накладається (тому що

він фізіологічно є людиною, статево невдоволеною, такою, що сублімує сексуальну енергію, що потім вивільняється в досить перверсивній формі).

Ще одним яскравим прикладом детективного роману, де функціонує елемент колекціонування є роман П. Зюскінда «Парфюмер». Письменником представлено модель колекціонера, який в своїй творчій діяльності трансформує прозу повсякденних речей в поезію. З моральної точки зору, цей детективний твір теж (як і у Дж. Фаулза) нагадує притчу про нарциса, що втратив «онтологічну» рівновагу і має безкінечно збирати свої відбиття в інших. Гротеск «ольфакторного» генія пародійно загострює і виявляє сутність сучасної людини, що не може знайти діалог з Іншим. [6, с. 23] Метафора ясного бачення тотального спостереження в цьому романі замінюється метафорою ясного сприйняття запахів. Поняття запаху в тексті, крім інших значень, виступає як метафорична модель масових медіа, що всюди проникають і все бачать, а «ольфакторний» герой – це представник нових інформаційних технологій, що зацікавлені в організації різних видовищ. В фіналі роману «великий Містифікатор» влаштовує дійсно грандіозне видовище, що складається з людських вад, які він виводить з середини на поверхню. [6, с. 20] Таку точку зору поділяє й Б. Орехов, який вказує на те, що письменник розуміє орієнтацію медійної культури на переважно візуальне сприйняття інформації людиною. Тому П. Зюскінд свідомо зберігає схему сприйняття, але змінює зір на нюх. В результаті реципієнту пропонується практичне й екстремальне відбиття героя, для якого запах означає майже те саме, що й для людини маси візуальний ряд. Так за допомогою травестії народжується виключний персонаж, який при більш детальному вивченні здається вже й не таким виключним: це досить типовий представник масової культури. Тільки людина маси навпаки. [10, с. 172-173]

Важливим аспектом вказаного детективного твору є те, що часом розгортання подій є вісімнадцяте сторіччя - розквіт епохи Просвітництва. Жан-Батист Гренуй живе в той час, коли філософи і суспільство ще вірять в те, що геній не може використати свої вміння заради зла, а виховання й навчання ведуть до добродетності». [10, с. 175] І Гренуй («Парфюмер»), і Клегг («Колекціонер») застосовують наукові методи й досягнення задля привабливання й перемоги над своїми жертвами (при цьому, якщо Гренуй порівнюється письменником з Наполеоном, то Клегг використовує нацистську літературу для вивчення методів поведінки зі своєю жертвою).

**Висновки.** Філософсько-антропологічний аналіз явищ, пов'язаних з концептами нормою і патологією в детективному жанрі підтвердив актуальність цього питання в сучасній культурі. Можна зробити висновок, що поняття норми-патології пов'язано з ігровою природою відносин між людьми, створюваних і сприйнятих ними текстів, зокрема, формульного детективного жанру. Питання, що аналізуються, стосуються кожної модерної людини, відповідної культури і суспільства, в цілому. Показано, що форма детективного роману надає можливість щонайповніше розкрити антропологічну сутність патологічних явищ, сприяти встановленню певного відношення автора і реципієнта до культурних цінностей, соціального устрою, етики і естетики.

#### Список літератури:

1. Абрамова Н.Т., Воронин А.А., Михайлов Ф.Т. Самосознание и культура. Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2009. – 210 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну; пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории). - М. : Издательство «Прогресс», 1966. с. 39–44.
4. Захарченко Г. Философия преступления [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/01/04/575>
5. Иностранная литература. Ежемесячный литературно-художественный журнал. – 2002. - №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/1/faul.html>
6. Кучумова Г.В. Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980-2000гг.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : 10.01.08 – Теорія літератури. Текстологія. — Самара, 2010. — 47 с.
7. Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с.
8. Т. Манн Философия Ницше в свете нашего времени / Собрание соч.-й. М., 1960, Т.10, с. 346-391.
9. Мельник С. Достоевский в публицистике Т. Манна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles/excelion.ru/science/literatura/other/02906317.html>

10. Орехов Б. Роман «Парфюмер». Элитный продукт массового потребления / Б. Орехов // «Бельские просторы», 2005. - №12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.hrono.ru/text/2005/oreh12\\_05.html](http://www.hrono.ru/text/2005/oreh12_05.html)
11. Пигалев А.И. «Козел отпущения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://velikanov.ru/philosophy/kozel\\_otpuschenija\\_zhirar.asp](http://velikanov.ru/philosophy/kozel_otpuschenija_zhirar.asp)
12. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. (Криминальная субкультура). – Тверь : ИПП «Приз», 1994. – 320 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.pravo.vuzlib.net/book\\_z686\\_page\\_9.html](http://www.pravo.vuzlib.net/book_z686_page_9.html)
13. Словопедія. Slovopedia.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovopedia.org.ua/36/53402/241737.html>>КОЛЕКЦІЯ</a>
14. Pamela Bedore Dime Novels and the Roots of American Detective Fiction. - Palgrave MacMillan, 2013. – 224 p.

**Obidov Asliddin,**  
*researcher, chair of Philosophy, Tashkent State  
University of Economics, Tashkent, Uzbekistan*

## **Tolerance as the condition of international agreement**

**Обидов Аслиддин,**  
*исследователь, кафедра Философии Ташкентского  
государственного экономического университета, Ташкент, Узбекистан*

## **Толерантность – условие межнационального согласия**

Современный мир характеризуется не только позитивными тенденциями и бурным ростом информационных и nano-технологий, но и, к сожалению, глобальными экологическими, экономическими катаклизмами, невиданно ранее социальными потрясениями, обострением межэтнических и межконфессиональных противоречий, пагубно влияющие на социальную стабильность и развитие общества. Эти явления охватывают практически все регионы мира. Не является исключением и постсоветское пространство, в частности регион Центральной Азии и, в особенности, современный Узбекистан.

В настоящей статье пойдет речь о проблеме обеспечения межнационального и межконфессионального согласия в независимом Узбекистане – одном из многонациональных и многоконфессиональных государств Центральной Азии. К числу наиболее острых проблем, связанных с обеспечением мирного, стабильного развития нашего общества, относится проблема обеспечения межнационального и межконфессионального согласия, толерантности, как необходимых условий утверждения демократии.

Узбекистан приобрел свою национальную независимость в августе 1991 года с распадом СССР. С первых же лет независимости Узбекистан уделял особое внимание обеспечению и укреплению межнационального согласия, мира и дружбы.

Узбекистан издавна является многонациональной страной. В формировании этнического многообразия населения наложило отпечаток геополитическое положение страны – она издревле была мостом между Востоком и Западом, по ней проходил Великий Шёлковый путь. В конце XIX века на территории нынешнего Узбекистана проживали около 70 представителей различных народов и этнических групп. К 1927 году количество различных национальностей достигло 90, к 1979 году 113, а к 1979 году 123. На сегодняшний день в Узбекистане проживают 136 наций и народностей. К 2011 году национальный состав населения было следующим: узбеки – 23322,7; каракалпаки – 626,0; таджики – 1392,5; русские – 871,1; казахи – 831,2; татары – 219,1; киргизы – 251,8; туркмены – 171,3; корейцы – 142,1; представители других народов и этнических групп – 626,1 тысяча человек<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Этноконфессиональный атлас Узбекистана. – Т., 2011. – с.2.

Уже в первые годы независимости под этническое разнообразие страны была подведена сильная правовая база, закреплённая Конституцией Республики Узбекистан. Так, статья 18 Конституции Республики Узбекистан гласит: “Все граждане Республики Узбекистан имеют одинаковые права и свободы и равны перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения”<sup>2</sup>. Статья 31 Конституции Республики Узбекистан провозглашает: “Свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов”<sup>3</sup>. Таким образом, созданы все условия и предпосылки для свободного развития наций и народностей.

Показателен опыт Узбекистана и в системе образования. Образование в стране ведётся на семи языках – узбекском, каракалпакском, русском, таджикском, туркменском, киргизском, казахском. На основе Постановления №10 от 13 января 1992 года Кабинета Министров Республики Узбекистан был создан Республиканский Интернациональный культурный Центр, который координирует 141 Национальный центр.

Сегодня в республике действуют арабский, болгарский, башкирский, греческий, грузинский, дунганский, литовский, китайский, крымско-татарский и каракалпакский культурные центры. Два белорусских, по три бухарско-еврейских и уйгурских, по четыре армянских, немецких, польских и турецких; 5 еврейских, по 6 киргизских, 7 азербайджанских и казахских, 10 таджикских, 20 русских, 27 корейских культурных центров. На 7 языках (узбекском, каракалпакском, русском, таджикском, туркменском, казахском, корейском) издаются газеты и журналы. На 10 языках ведётся теле и радиовещание (узбекском, каракалпакском, азербайджанском, татарском, таджикском, уйгурском, французском, английском, киргизском, казахском).

В конфессиональном отношении в Узбекистане более 90 процентов населения составляют мусульмане, около 10 процентов православные и представители других конфессий. В целях координации отношений государства и религии при Кабинете Министров Республика Узбекистан создан Комитет по делам религии.

В последние десятилетия по всему миру произошла активизация религиозных течений фундаменталистского и экстремистского толка. Подобные явления затрагивают и Узбекистан – неоднократно предпринимались попытки свернуть его светский конституционный строй, взамен создать исламское государство (халифат) средневекового толка, основанное исключительно на догмах Корана, активизация деятельности миссионеров зарубежных исламских террористических организаций (“Хизб-ут Тахрир”, “Братья мусульмане”, “Джихад” и др.).

Вызовы и угрозы религиозного толка исходят из соседних исламских государств Среднего и Ближнего Востока, а также Саудовской Аравии. Это требует корректировки и обогащения существующего узбекского законодательства, обеспечивающего правовую базу во взаимоотношении государства и религии, а также секулярный характер Узбекистана.

В стране созданы необходимые условия для удовлетворения потребностей верующих. В республике зарегистрировано 2225 религиозных организаций, объединённые в 16 конфессий. В стране насчитывается 2038 мечетей (в 1991 году их было всего 146). Внесены изменения в Закон Республики Узбекистан “О свободе совести и религиозных организациях”, вступивший в силу с 15 мая 1998 года.

Главной социальной проблемой современного Узбекистана (и не только Узбекистана, но и России и др. стран пост советского пространства) является обеспечение мира и стабильности общества, основанного на межнациональном и религиозном согласии, веротерпимости, толерантности, взаимного уважения религиозных чувств. Решение этой проблемы видится нами в реализации следующего:

- Развитие и поддержка межконфессионального просвещения, диалога, культурного обмена;
- Углубление и расширение контакта светских и религиозных некоммерческих и негосударственных организаций, направленных на поддержку демократических преобразований в обществе;
- Налаживание глубоких теоретических исследований причин современного религиозного возрождения, углубления межконфессиональных и внутри религиозных (сектантство, прозелитизм и др.) противоречий.

Межконфессиональное согласие, мир и дружба может быть обеспечена только в условиях

<sup>2</sup> Конституции Республики Узбекистан. – Т., 2008. – с.6.

<sup>3</sup> Конституции Республики Узбекистан. – Т., 2008. – с.8.



мирного сосуществования различных религиозных конфессий, диалога и религиозного просвещения населения.

Однако зарубежные фундаменталистские силы всячески пытаются сыграть роль идеологического «донора» в молодых республиках Центральной Азии, свернуть их с избранного ими светского пути развития, противопоставить ислам и христианство, сеять вражду между самими мусульманами (сунниты и шииты, ханафиты, салафиты, ваххабиты и т.д.). Это поощряется исламистскими центрами Ирана, Саудовской Аравии, Пакистана и других стран, преследующих вполне определенные геополитические цели – образовать всемирный мусульманский халифат<sup>4</sup>. В обеспечении мира и стабильности, межконфессионального согласия и толерантности оказывают определенные сопротивления и внутренние религиозные силы. Те, что воспевают национальную и религиозную исключительность титульной нации, стараются обосновать исключительность ислама и исламских ценностей. Они выдвигают различные аргументы в пользу обоснованности исключительности исламских ценностей. Например:

- внешнем облике мусульманина (хиджаб, борода и т.п.);
- социально-культурных признаках (язык, обычаи, традиции, обряды);
- вере;
- социально-экономической сфере (образ жизни, оседлость или кочевой образ, аграрное хозяйство и т.п.);
- идейно-идеологические различия.

Но самой главной опасностью развития подобной тенденции является то, что она сеет раздор между верующими и приводит в конечном итоге к политизации ислама. Политический ислам, как известно, является питательной средой и опорой терроризма и экстремизма. Стратегическая цель политического ислама – установление тесной связи с мусульманами во всем мире (ал-кийак ал-даули лил-уммат ал-исламийя) с последующим объединением в мусульманское государство – халифат. Это созвучно доктрине самого яростного фанатика – исламиста Усама бен Ладена, уничтоженного американскими спецслужбами.

Узбекистан строит светское, демократическое общество и правовое государство. Руководство республики проводит последовательную политику правовой и политической поддержки действующих на территории республики религиозных конфессий. Так называемые «исламский путь развития», «исламские государство», «исламский социализм» не совместимы с конституционной ориентацией Республики Узбекистан, направленной на формирование современного, светского демократического общества<sup>5</sup>, где будет доминировать право, закон и равенство всех граждан.

*Vozniakovich Ekaterina, OINPE MEdPhI, senior lecturer*

## **Typology of educational strategies in the context of genesis of criteria of the assessment of knowledge**

**Вознякевич Екатерина Евгеньевна,**  
к.ф.н., доцент кафедры ФиСН ИАТЭ НИЯУ МИФИ

### **Типология образовательных стратегий в контексте генезиса критериев оценки знания**

Образование как система имеет целью, в том числе, формирование определенного горизонта когнитивных установок учащегося. Но, получаемое знание не может рассматриваться как рядоположное.

<sup>4</sup> См: Шухрат Ёвкочев. Политика и религия. Т.: ТГИВ, 2011; Хужамурадов И., Якубов Ю. Ислам. Общество. Личность. Т.: ТГАУ. 2007.

<sup>5</sup> Анвар Кадыров. Традиционное общество и стратегия его модернизации. – Т.: Изд-во Ташкентского государственного юридического института. 2006.

В этом случае, во многом образовательный процесс связан с овладением метакогнитивными приемами упорядочивания знания в зависимости от его ценности. С одной стороны, указанный навык предполагает присутствие субъективных критериев оценки знания с точки зрения его актуальности для познающего. С другой, в рамках образовательных практик формируется набор специфических установок, которые могут быть рассмотрены как интерсубъективные. Первые, субъективные, являются во многом случайными, определяются слабо систематизируемыми факторами, такими как: представление обучающегося о будущей деятельности, о применимости данного знания для решения профессиональных или личностных задач и т.д. Вторые формируются посредством путей включения определенного комплекса знаний в целостный образ образовательной программы. Таким образом, сама структура образовательной стратегии определяет трансформацию критериев оценки знания в ходе реализации образовательного процесса.

Все многообразие образовательных стратегий может быть типологизировано в зависимости от цели. Действительно, этимология слово «образование» указывает на то, что все усилия в стратегической перспективе направлены на формирование образа. Каков же этот образ? Естественно, содержательно он определяется всей совокупностью культурных предпочтений и различен для каждого исторического периода. Тем не менее, с формальной точки зрения можно уловить нечто устойчивое, что и является основой типологизации. Первый тип образовательных стратегий обращен на формирование образа как образца, имеющегося в наличии. Такая стратегия позволяет на каждом этапе сличать получаемый результат с образцом на предмет того, приближается ли образ к нему или отдалается. Такое положение дел дает широкий простор для постоянной коррекции применяемых образовательных практик, предоставляя достаточной рациональное обоснование для отбора образовательных воздействий. В качестве образца могут выступать идеализированные образы «ученого», «рабочего», «инженера» и так далее, явленные через персонификацию. То есть, за образец берется некоторая личность, чьи достижения в силу исторических, довольно случайных, обстоятельств выглядят наиболее привлекательными на данном этапе.

Второй тип образовательных стратегий ориентирован на формирование образа универсального, предъявляемого в качестве общеобязательного. Он описывается не через совокупность возможностей для достижений, а через совокупность знаний и навыков, которыми следует обладать тому или иному специалисту в некоторой области. Данная стратегия легко формализуема и может быть представлена в виде поэтапного освоения от общего к частному. Такая дедуктивная по своей природе стратегия выводится из некоторой «картины мира», доступной экспертному сообществу, авторитет которого и есть единственное основание для признания данной содержательной части стратегии. Сам объект образовательного воздействия оказывается в состоянии некоторой проективности, он еще не владеет теми знаниями, которые должен получить в результате, и не может оценить каково место того или иного фрагмента, с которым он знакомится на каждом этапе, в той «картине мира», которую ему формируют. В силу этого, в рамках данной стратегии возможно лишь целенаправленное действие, но не целенаправленное. поэтому вполне обоснованная извне стратегия, направленная на формирование универсального образа, для самого объекта образовательных воздействий не выглядит как рациональная. Постфактум ее можно было бы оценить, когда образ завершен, но, дело в том, что образовательная стратегия не мыслится как завершаемая. Горизонт совершенствования квалификации оказывается открытым, образ может быть предъявлен только как один из этапов. В результате у объекта образовательных воздействий постоянно присутствует субъективный «эффект лишних знаний». То есть, человеку кажется, что часть той информации, которая ему дана, которая им осмысленна, не имеет никакого отношения к его деятельности ни прямо, ни косвенно. Результатом такого положения дел становится устойчивый процесс «забывания», принятие какого-то обоснованного знания за излишнее, не стоящее дальнейших усилий по его осмыслению и потому постепенной его догматизации. По сути, такая образовательная стратегии неизбежно ведет к культивации догматизма, иррациональной веры, когда знание принимается объектом образовательного воздействия без достаточных оснований. Именно к этой стратегии применима парадоксальная поговорка: «Чем больше я знаю, тем больше забываю». Таким образом, значительная часть усилий, как объекта, так и субъекта образовательных воздействий оказывается мало эффективной, не рациональной.

Третий тип образовательных стратегий направлен на формирование уникального образа, оптимально соотносимого с другими. Планирование такой стратегии связано с одной стороны с уникальной системой задатков данного индивида, с другой – с неповторимостью его проекта собственного «места в мире». Грубо говоря, каждый должен иметь какую-то исключительную

характеристику, позиционируя ее как свое конкурентное преимущество на «рынке жизненных позиций». То есть, стратегия разрабатывается исходя из проективного представления такой ситуации, в которой именно данный образ окажется наиболее востребованным. Наличие сейчас ли в будущем такой ситуации не может быть гарантированным, более того, убежденность, что именно данный образ может быть востребован, носит субъективный характер и не всегда обоснована в достаточной мере. Но преимущество такой стратегии в том, что данный образ постоянно корректируется в соответствии с ростом компетенции самого объекта образовательных воздействий, что является основанием для рационального выбора тактических действий по формированию образа. Данная стратегия оказывается наиболее динамической, предполагая активность самого объекта, который здесь рассматривается как соучастник образовательного процесса, соавтор стратегии.

«Под образование можно понимать три взаимосвязанных перманентно реализуемых процесса: усвоение стандартов поведения, принятых в данном социуме; обучение навыкам специализированной деятельности, необходимой для производства тех или иных продуктов или оказания услуг; овладение высшими профессиональными знаниями, что в современном обществе осуществляется в учреждениях высшего образования. В этом смысле образование подразумевает также развитие и имплантацию в сознание лица, получающего образование, навыков творчества, способностей быстро усваивать новые научные знания, критически их перерабатывать с учетом реальной потребности адаптации к данной действительности, модернизировать и трансформировать саму эту действительность в интересах достижения тактических, а в конечном счете стратегических целей социума» [1].

Таким образом, первый тип стратегии рационально обосновывается через установления отношений «пространственной» симметрии между образцом и образом. Второй тип рационализируется через понимание понятие «гармонично развитой личности», то есть стремление к установлению отношения симметрии внутри динамического по своей природе мировоззрения конкретного индивида. А третий тип образовательных стратегий может быть рационально обоснован через описание динамической симметрии, имея дело с инвариантами образов, соотносимых друг с другом только в горизонте, задаваемом хронотопом для данной индивидуального случая. Такое положение открывает наибольшее количество степеней свободы для реализации различных форм рациональности в образовательных стратегиях.

В сложившихся обстоятельствах возникает опасность диспропорции прикладных и общеобразовательных моментов в стратегическом формировании образа индивида, если понимать их как две ценностные установки, культивируемые в различных типах стратегий. Тем не менее, вероятно, эта опасность несколько преувеличена. Поскольку эти два направления не являются разными ориентирами, задающими образовательные стратегии, это различные формы рационального постижения мира, которые могут быть рассмотрены как инвариантные. «В ходе познания, как обыденного, так и научного, мы всегда имеем два вектора движения мысли. Первый – это путь буквального понимания уже полученных знаний, путь решения конкретных задач в рамках уже имеющихся теорий или накопленного практического опыта. Второй – превращение уже имеющихся знаний в образец для построения новых методов, новых теорий или научных дисциплин. Это путь методологического мышления, путь метафор и категориальных программ, позволяющих заимствовать опыт отдаленных областей знания» [2]. Таким образом, вне зависимости от принципиальной ориентации для данного этапа развития образа, третий тип образовательных стратегий позволяет сохранять оба вектора как инвариантные. Диспропорция в пользу того или иного направления выступает лишь как кажущееся в некотором пространственно-временной абстракции какого-то момента «сейчас», в то время, как их симметричность в динамике устойчива и постоянна.

В этом смысле вне зависимости от того, какова система правил, устанавливаемых и конституируемых проективным образом и ситуаций, где это образ выступал бы как оптимальная альтернатива при выборе, образовательные практики всегда оказываются рациональными, предельно эффективными в предлагаемых условиях. Осваивая разнообразие форм научной рациональности в ходе увеличения степеней компетентности, человек формирует не столько свою квалификацию, которая определяется не исключительно компетентностью, а скорее, определенный «образ мысли», уникальный способ освоения мира, который оказывается для него предельно эффективным, что проявляется в его рациональной деятельности. «Концепция познания, разработанная им как теория аргументативного дискурса, предполагает, таким образом, восхождение от «парадигматических очевидностей» к теоретическим утверждениям через посредство «очевидностей познания», свойственных данной научной дисциплине. Она основывается на триаде, включающей в себя додискурсивные условия опыта, условия дискурса и условия опыта, относящиеся к дискурсу» [3]. Таким образом, многообразие форм рациональности, обнаруживающее себя в третьем типе образовательных стратегий, может быть понято как инварианты, реализуемые в индивидуальном опыте, как предельно достижимая в контексте данной ситуации эффективность практической или теоретической деятельности.

В этом смысле совокупность критериев оценки знания разворачивается как динамическая система, не предполагающая заранее заданных моделей, с которыми можно было бы сравнить постоянно изменяемые из заданной ситуации когнитивные установки. Высокая интенсивность информационных воздействий, которым подвергается современный человек, определяет необходимость навыков,

позволяющих совершенствовать приемы организации информационного компонента конкретной проблемной ситуации таким образом, чтобы принимаемое решение оказывалось оптимальным не с точки зрения актуальной ситуации, а, как бы, в проекте, в результате развития событий. По сути дела, специалист уже не столько предсказывает возможное развитие событий, сколько моделирует его. На первый план выходит уже не точность и достоверность информации, которая позволяла бы давать максимально вероятностные прогнозы, а релевантность (без спецификации) и полнота (без избыточности) информации.

Исходя из сказанного, задача современного педагога выглядит парадоксально. Его целью, если принимать третью, как было показано, более эффективную, стратегию, оказывается обучение тому, что ему самому не известно. Кажущаяся парадоксальность обусловлена стереотипом мышления, навязанным классической парадигмой, когда образование рассматривается, прежде всего, как процесс передачи знания. В современных условиях информационного общества существует практически неисчерпаемое множество источников знания. Нет необходимости использовать педагога как один из многих трансляторов, чье преимущество будет базироваться исключительно на авторитете. Напротив, трансформация содержания образовательных практик может быть ориентирована на поиск форм мотивации и целеполагания, позволяющих учащемуся самостоятельно моделировать проблемную ситуацию.

#### **Список литературы:**

1. Ракитов А.И. Образовательные стратегии // Социология науки и технологий. – 2001. - №3. – Т.2. - С. 43-44
2. Розов М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) // Наука глазами гуманитария. Москва, 2005. – С. 24
3. Соболева М.Е. Онтологические позиции внутри философии языка: Три взгляда на проблему // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. Санкт-Петербург, 2003. - С. 89

***Goverdovskaya Elena Valentinovna,***

*Pyatigorsk Medical-Pharmaceutical Institute, Branch of Volgograd State Medical University,  
Professor, Doctor of Pedagogical Science, Deputy Director of Post-Diploma & Additional Education*

***Ermakova Larisa Ivanovna,***

*Pyatigorsk State Linguistic University,  
Professor, PhD, Director of Multi-Level Innovative Academy of Lifelong Education*

## **The Factor Analysis of the Domestic Education Development up to the 20th Century**

***Говердовская Е.В.,*** *Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал Волгоградского государственного медицинского университета, профессор, доктор педагогических наук, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию,*

***Ермакова Л.И.,*** *ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», профессор, доктор философских наук, директор Многоуровневой инновационной академии непрерывного образования*

## **Факторный анализ исторического развития отечественного образования до XX века**

Отечественная культура интегрировала в себе культурные традиции населявших страну народов, культурный опыт тех государств, с которыми ей приходилось вести всеобъемлющий синхронический и диахронический диалог на протяжении многих столетий. Как один из результатов взаимодействия культур выступает российское образование в целом и сложившаяся в стране образовательная система, в частности. Анализ источников по проблеме и государственных стандартов позволяет представить

образовательную систему как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных уровней образования: начального, основного и среднего (полного) общего образования; начального, среднего и высшего профессионального образования. С иным положением мы сталкиваемся при рассмотрении российской образовательной системы в историческом аспекте. Ряд авторов выделяют религиозную, государственную и общественно-государственные системы образования, системы начального, среднего и высшего, общего и профессионального образования. Встречаются упоминания о системах женского и женского гимназического образования, системе коммерческого образования, системе сельскохозяйственного образования и т.д. [1, 2, 3]. Очевидно, что в условиях обретения теми или иными видами образования системной организации все они имеют право на существование. В науке сложилось несколько подходов к классификации образовательных систем: по историческим периодам; по главным движущим силам; по типу государства и права России и др. Каждый из подходов имеет как сильные, так и слабые стороны. Поэтому при исследовании таких сложных явлений, как образовательная система общества, целесообразно использовать интегративный критерий, способный объединить несколько простых. Таким критерием является культура общества: более высокому уровню культуры соответствует более сложная образовательная система. При рассмотрении историко-культурных детерминант развития образования культурологический подход органично интегрируется с цивилизационным подходом, предполагающим изучение историко-педагогического процесса в первую очередь как культуuroобразующего фактора. Изучение истории отечественной образовательной системы начинается с IX – X веков. Археологические находки свидетельствуют о существовании у древних русичей еще не расшифрованного протославянского письма и о том, что наши предки уже в VI – VII веках пользовались восточнославянской формой греко-славянской письменности. Большое влияние на развитие образовательной системы страны оказывали политические факторы. Исторически первым крупным политическим событием следует считать объединение древних русичей под властью киевских князей. Функционирование нового государственного образования – Киевской Руси – потребовало организации элементарного управления, было немыслимо без нормативного регулирования жизнедеятельности русичей. В рамках единого государства начали активнее развиваться торгово-экономические связи, постепенно формировалась потребность в грамотных людях. Этому способствовало установление отношений с другими государственными и племенными образованиями. Одним из возможных путей проникновения письменности на русскую землю мог быть обмен так называемыми «заложниками». «В те времена практически все межплеменные и межгосударственные вопросы решались путем обмен договаривающихся сторон заложниками, – пишет А.Ю. Карпов. – Отправляясь к печенегам для торговли (а русы покупали у них коров, овец и коней) или для заключения мира, непременно брали «талей» (заложников) – это обеспечивало посольству безопасность. В свою очередь и печенеги требовали таких же заложников для себя. Среди заложников преобладали люди знатного происхождения, нередко ими оказывались дети».

Серьезное воздействие на развитие образования оказало крещение Руси. В политическом отношении принятии православия определило ориентиры развития общества на столетия вперед; в культурном – приобщило русский народ к богатейшей византийской культуре с ее высокой образованностью.

Первыми учителями и организаторами школ на Руси являлись византийские священнослужители, а с момента крещения началось активное приобщение русского народа к богатейшей византийской культуре. На протяжении существования Древней Руси, когда школьное дело находилось целиком в руках церкви, образованность высоко ценилась и считалась одним из главных достоинств людей. По окончании монгольского нашествия Русская православная церковь несколько столетий сохраняла очаги школьного знания, а потом являлась инициатором в деле восстановления школьной системы[2]. В начале XVIII столетия, в связи с потребностью государства обеспечить квалифицированными кадрами социально-политические и экономические реформы Петра I, на первый план выдвигалась проблема создания системы светского образования. Ее разрешение выдвинуло в число приоритетных задачу формирования образовательной потребности населения, и прежде всего дворянства. Сначала принудительными, а затем социальными мерами задача была в значительной степени решена. В 1822 г. «Табелем о рангах» император, поделив всех государственных служащих на 14 разрядов, узаконил зависимость социального статуса человека от занимаемой должности, выполнение которой предполагало определенный уровень образованности, что является наглядной иллюстрацией зависимости образования от социальных факторов. От социальных факторов зависело не только образование в целом, но и трактовка его содержания. Если во времена петровских реформ под

образованностью понимался уровень профессиональной подготовки человека, то во второй половине XVIII века, когда существовало искаженное представление о воспитанности как об обретении светских манер, в защиту подлинного образования выступили русские писатели, высмеивающее в своих произведениях дворянские нравы. Можно констатировать, что русская литература способствовала ограждению страны от не имеющих педагогических знаний иностранных учителей, развенчанию ложных образовательных идеалов. Невозможно перечислить все повлиявшие на развитие образования социально-политические события и процессы. В своей истории наша страна знала многолетние кровопролитные войны и революции, политический терроризм и глубочайшие политические кризисы. В России с ее издревле сложившейся авторитарной системой правления направленность образовательной политики зачастую определялась личными пристрастиями монархов, интересами европейской политики, в которой неизменно участвовало государство, политическими интересами партий и даже политическими предпочтениями стоявших у власти людей.

Социально-политические факторы влияли на развитие образования как непосредственно, так и опосредованно, воздействуя через социальные и экономические детерминанты. В социальном плане такое воздействие осуществлялось, прежде всего, через подчиненность образовательной политики интересам определенных классов и социальных слоев общества.

Как свидетельствуют древние источники, древнерусская школа не знала сословного деления, не разделяла учеников на богатых и бедных, что соответствовало традициям византийского образования и главному назначению первых училищ: образование служило в первую очередь целям духовного воспитания, предполагающим изучение основ православия, а уже затем овладение «светскими» искусствами – грамматикой, риторикой, элементами народной, отечественной культуры, прежде всего литературы. Воспитательно-образовательная деятельность древнерусских школ не только позволяла готовить будущих священнослужителей из местного населения, но и способствовала укреплению православной веры, а с ней – и государства, в чем одинаково нуждались все жители страны.

Всесословными, но уже по другим причинам, были и первые петровские школы. В отсутствие развитой образовательной потребности дворянства, на которое Петр I сделал основную ставку в своих реформах, он для осуществления этих планов был вынужден комплектовать учебные заведения из всех способных к учению, а тем более желающих учиться. По осознанию дворянами практической значимости получения образования положение дел изменилось, и первое высшее светское учебное заведение – открытая в 1715 г. Морская академия – имело строго сословный характер. О сословной направленности образовательной реформы начала XVIII века свидетельствует и тот факт, что вопросы народного образования не рассматривались даже на уровне проектов.

Анализ документов показывает, что принцип сословности лежал в основе образовательной реформы Екатерины II и развития школьного дела при Николае I. Отступление от него в годы царствования Александра I, закрепленное уставом 1804 г., носило временный характер и было ослаблено последующими нормативными документами. Принцип сословности не был до конца упразднен даже в процессе буржуазных реформ 60-х годов XIX века. В несколько трансформированном виде сохранялся данный принцип и в первые годы Советской власти, когда преимущество в получении полноценного образования было предоставлено представителям рабочего класса и крестьянства.

Развитие образования в России происходило в рамках общей сословной направленности политики царского правительства. Имевшие место отступления от него (например, в сфере профессионального образования во второй четверти – середине XIX века) объяснялись потребностями развития общественного хозяйства, прежде всего промышленности, торговли, финансового дела. Эти внешние по отношению к образованию процессы требовали организации подготовки квалифицированных специалистов, повышения грамотности занятого в сфере сложных производств населения.

На развитие образования определяющее влияние оказывали экономические факторы. Они, во-первых, определяли образовательные потребности страны и направленность образовательной политики, во-вторых, формировали материальную основу деятельности школы. Зависимость школьного дела от экономики страны наглядно прослеживается в ходе сравнительного анализа их развития.

Экономические расчеты показывают, что в период формирования государственной системы образования в первой четверти XVIII века, когда огромные средства уходили на ведение войны и содержание армии и флота, государство с трудом находило деньги на развитие жизненно необходимого для реализации кардинальных социально-экономических реформ Петра I профессионального образования. Расходы на содержание народного образования, включая цифирные школы при

архиерейских домах, были возложены на церковь. Известная петровская практика направления дворянских юношей для обучения за границу осуществлялась за счет средств родителей.

В отсутствие государственного финансирования крылась основная причина неудач задуманной Екатериной II реформы народной школы. В XIX веке финансирование деятельности государственной школы всех уровней складывалось из казенных, родительских и спонсорских (меценатских) средств, а одной из главных причин реорганизации кадетских корпусов в военные гимназии в 60-х годах являлась высокая затратность обучения в учебных заведениях интернатного типа. На это, в частности, в 1862 г. обращал внимание Александр II министр народного просвещения А.В. Головин.

Переход экономики на капиталистический путь в середине XIX века явился главным фактором развития технической школы. Экономические потребности регионов определяли направленность профессиональной подготовки низших общеобразовательных и специальных школ на местах и т.д. На благотворительные средства различных обществ (Мариинского, Святой Александры, Святой Репсимии, Святой Нины и др.) и отдельных граждан, а также на плату за обучение содержалась вся система женского гимназического образования. Документы свидетельствуют, что даже в кадетских корпусах, готовящих офицерские кадры в государственных учебных заведениях, воспитанники делились на казеннокоштных, своекоштных и стипендиатов, стипендии которым устанавливали частные лица.

В образовательной политике России, особенно со второй половины XIX века, прослеживается влияние геополитических факторов, главным из которых являлся курс на русификацию местного населения окраинных территорий.

Детерминантно-генетический анализ пройденного российским образованием пути свидетельствует, что наряду с названными факторами российское образование на протяжении истории оказывалось зависимым от уровня технического прогресса, состояния отечественной и зарубежной педагогической мысли и других внешних факторов. Одновременно на образование оказывала влияние микросреда, и это влияние в отдельных случаях оказывалось не менее сильным.

К числу детерминирующих развитие образования факторов правомерно отнести и факторы собственно педагогические: уровень развития мировой и отечественной педагогической мысли, состояние европейской школьной практики, заинтересованность общественности в развитии школы, ее обеспеченность квалифицированными педагогическими кадрами, а следовательно, их организацию и подготовку и т.п.

Существовала устойчивая тенденция к копированию школьных порядков и методик преподавания отдельных предметов на различных этапах истории школы у латинян, австрийцев, немцев, французов и англичан. Анализ развития школьного дела позволяет утверждать, что от иностранной зависимости дореволюционная русская школа не освободилась до конца своего существования. Лишь проект реформы народного образования, разработанный под руководством одного из последних министров народного просвещения России графом Н.П. Игнатьевым, выглядит в данном плане сбалансированным.

С точки зрения выполнения социального заказа вырисовывается противоположная картина. Именно во второй четверти XIX века была создана тщательнейшим образом отработанная правовая база образования, охватывающая все его уровни, все типы существующих школ и подробно регламентирующая права и служебные обязанности занятых в образовательном процессе людей. Исчезла неоднозначность толкования распоряжений и указаний, была установлена строгая субординация органов управления, что явилось определяющим фактором в выполнении социального заказа.

#### **Список литературы:**

1. Джуринский А.Н. История педагогики: Учебное пособие для студентов педвузов. М.:ГИЦВЛАДОС, 1999.С.46
2. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., б.г.и.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С.499.
4. Сурма И.В., Аникин В.И. Современная Россия: методологические аспекты стратегии политического и экономического развития// Национальная безопасность.-2012.-3.-С.4-16.

## **Psychosomatic aspects of Hesychasm**

**С.С. Еськов**, аспирант ХНПУ им. Г.С. Сковороды

### **Психосоматические аспекты исихазма.**

Исихазм обуславливается внешним уединением подвижника, способствующим внутренней тишине – чистоте ума и сердца от помышлений, которая необходима для молитвенного общения с Богом, размышления о Нем. Покой подразумевается и как конечный итог аскетической борьбы, как цель, к которой стремится подвижник. Исихазму присущ психосоматический метод умной молитвы, где с каждым дыханием подвижника соединяется непрестанное памятование о Боге, Иисусова молитва. Ввиду единства души и тела в нашей человеческой природе творение Иисусовой молитвы сочетается с дисциплиной дыхания, для того, чтобы это повторение было действительно постоянным, оно, и было связано с постоянным элементом психосоматического целого человека - дыханием. Исихазм рассматривается так же, как учение практики стяжания Святого Духа, данная работа совершается безмолвно и бессловесно умом в глубинах человеческой души и ведет к очищению души для восприятия божественной благодати, ведущей к обожению. Это созерцание нетварного света, неотделимо от аскетического делания и своей вершины достигает в молитвенном созерцании. Оно предполагает возвращение ума (*νοῦς*) к своей изначальной чистоте и просвещение его Святым Духом. Данное мистическое включает в себя понятие стремления всего, человека, всех его энергий к Богу, возлюбив Его всем сердцем, всей душой и всем помышлением, очистив от всяких посторонних мыслей ум и сердце, которые должны быть хранимы и не колеблемы помыслами. Особо стоит понятие трезвения или борьба с помыслами и внимания - внимательной, бдительной охраны молитвенной концентрации человека. Понятие внимание содержит в себе различные компоненты, которые подразделяются в соответствии с многими задачами: здесь различают внимание ума, сердца, внимание к себе, сюда же присоединяют память и бодрствование, трезвение., как элемент практики умного делания. Соблюдение чистоты ума и сердца во время молитвы способствует концентрации сознания и всех сил подвижника на ней, усердие подвижника и заключается в удержании ума в рамках внимания к молитве, в очищении себя от сора страстей, а сама истинная молитва происходит по воле Божией и, по средством молитвы и воли Господа, происходит и само очищение человека и приобретение добродетелей, которые должны быть вместо страстей в сердце каждого.

Что касается физических приемов, то есть определенного положения тела при молитве, наклона головы, устремление взгляда на определенное место и сама координация молитвенного ритма с дыханием - все это не самое главное в делании исихастов, но рекомендуется отдельными учителями как вспомогательное средство для удержания концентрации сознания в молитве. Суть молитвенного делания не в этих приемах, но советы вытекают из того взгляда на тело в деле духовного подвижничества, о котором говорено было выше. Эти телесные приемы того же происхождения и порядка, как поднятие рук ввысь, крестное знамение, связанное с поклонами, лежание долу на земле и подобное. Известно, что в выработке своих приемов, аскетика не только не пренебрегает телом и его функциями, но и использует их для духовного делания. В аскетическом подвиге должна участвовать не одна только душа или какая-нибудь одна из ее способностей, такие как воля, ум, чувство и подобное, а весь вообще психофизический состав человека - и такова древняя практика монашества. Святые подвижники неоднократно указывают на зависимость результатов и плодов молитвы от этих внешних приемов, в которых участвует тело, так преподобный Антоний Великий говорил, что «телесный труд приносит чистоту сердца, а чистота сердца делает то, что душа приносит плоды»[1, с. 606].

Практика использования определенных положений тела при молитве широко была используется в православных египетских монастырях. В основном использовались статические положения тела, что



способствовало концентрации в молитве или свидетельствовало о высокой сосредоточенности в ней, в молитве обращенной к Создателю или в размышлении о его делах. Так в житии Пахомия Великого говорится, что он «имел обычай молиться стоя с простертыми вверх руками (εκτείνειν τὰς χεῖρας), в течение всей молитвы стоял так, будто висел на кресте» [3, с. 320], такое положение во многих случаях символизировало Распятого Господа, так как в житии многих христианских подвижников повествуется о смысловой распростертости рук, не только в положении стоя, но и лежа.

Однако, статичность тела далеко не свидетельствовала о пассивности или бездействии внутренних сил подвижника, но во многом даже и о его внутренней битве, напряжении воли, глубокой молитве, так о преподобном Макарии Великом говорится, что «блаженный старец иногда так углублялся в молитву, что простаивал на ней всю ночь» [2, с. 134]. Физические приемы, в частности стояние, способствовали не только в борьбе с аффектами ума, помыслами, но использовались и против естественных немощей, отвлекающих или мешающих молитве, так у Палладия Еленопольского говорится, что блаженный Моисей «дал себе слово не спать всю ночь и не преклонять колен даже для молитвы, дабы избежать власти сна. И, прожил он шесть лет в келии, по целым ночам стоя в келии, непрестанно молясь Богу и не смежая очей» [3, с. 89]. Тело также участвует в сражении с дьяволом, который отвлекает ум не только посредством помыслов и видений, но и телесных чувств, так «одному брату лукавый настолько противоборствовал во время молитвы, что стоило ему простереть руки лукавый превращался во льва и вонзал когти в бока, «но святой никогда не ослаблял рук, не завершив обычной молитвы» [4, с. 88].

Авва Евагрий говорил о потупленности взора во время молитвы также, как об этом говорил через тысячелетие Григорий Палама, споря с Варлаамом на соборе 1341 года. Евагрий учил так: «Во время молитвы держи потупленными (Сидоров А. И говорит, что «слово *αμετεω'ριστον* переводится и как «неразвлекающимися, не блуждающими», но скорее оно является производным от глагола *μετεωρι'ζω* (поднимать, возводить). В том и другом случае смысл один и тот же, ибо молится не один только ум или дух, но весь человек. Это подразумеваемое Евагрием, как и всеми ранними подвижниками, положение послужило позднее основой для выработки так называемого психосоматического метода молитвы») [4, с. 194].

Как основа физического и психического здоровья человека исихазм вмещает в себя понятие катарсиса ума и сердца, их соединение и верховенство ума над сердцем – разума над чувственным и управление умом чувствами подобно всадником конем – было и является телосом самоконтроля и психического здоровья в исихазме. Развитие психосоматического метода молитвы, в котором подразумевалось единое действие «умосердца» (то есть единства ума и сердца в молитве) и тела в молитвенном служении Богу. А так же, была распространена практика концентрации сознания для молитвы в каком-либо статическом положении тела, участвующего в сражении с дьяволом, который отвлекает ум не только посредством помыслов, воображения и видений, но и телесных чувств.

#### Литература

1. Энциклопедия православной веры от А до Я. - Клин: Христианская жизнь, 2004.
2. Палладий Епископ Еленопольский. Лавсаик, - М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003
3. Добротолюбие в русском переводе (еп. Феофана Затворника), дополненное. В 5-ти томах. Т.1. - М., 1883.
4. Творения аввы Евагрия / вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А. И. - М. :Мартис, 2004.

## ***The diversity of approaches as a problem of modern epistemology***

*Водяникова Ирина, Южный Федеральный Университет  
Доцент, кандидат философских наук, факультет философии и культурологии*

### **Многообразие подходов как проблема современной эпистемологии**

Одной из проблем современной эпистемологии и одновременно ее состоянием являются междисциплинарность, многообразие подходов, и как следствие отсутствие системности.

Основную установку современной когнитологии, претендующей на создание всеобъемлющей теории познания, можно сформулировать следующим образом: как осуществляется на самом деле, в реальной жизни познавательная деятельность человека? Эта задача, сформулированная У.Найссером, нашла выражение в «натуралистическом повороте» современной эпистемологии, что выражается, прежде всего, в опоре на конкретно-научное знание (биологию, психологию, нейродисциплины, этологию и другие науки) при ответе на философские вопросы. Натуралистический подход представлен эволюционной эпистемологией, натурализованной эпистемологией, генетической эпистемологией, радикальным конструктивизмом. Каковы основные направления этих эпистемологических концепций?

Основоположником эволюционной эпистемологии признан австрийский этолог К.Лоренц, сторонниками являются К.Поппер, Г.Фоллмер, С.Тулмин. К числу основных положений эволюционной эпистемологии можно отнести следующие: любые живые существа снабжены системой априорных когнитивных структур, которые в наибольшей степени соответствуют окружающим условиям жизни этих существ и способствуют их выживанию. Это, собственно, и есть главный тезис эволюционной теории [1].

В основе радикального конструктивизма лежит идея самоорганизации, развивавшаяся в кибернетике, физике, теории систем. Представители радикального конструктивизма в биологии: У.Матурана, Ф.Варела; радикальный конструктивизм как современную эпистемологическую концепцию представляют Х.фон Ферстер, Э.фон Глазерсфельд. Сегодня конструктивизм представлен различными ветвями: логический конструктивизм, натуралистический и культуральный, конструктивистская теория символов, социальный конструктивизм [2].

Главное научное достижение крупнейшего психолога XX века Жана Пиаже - создание модели онтогенетического развития познавательных способностей. Модель имеет философские основания и в своих выводах расширена до философской концепции - генетической эпистемологии.

Теория базируется на принципе конструктивизма и стадильности. Конструирование познания и конструирование действительности – два аспекта единого процесса. Согласно Ж.Пиаже, разум организует мир, в процессе организации самого себя. Когнитивное развитие человека в онтогенезе проходит качественно различные стадии, уровни. Ж.Пиаже считал, что обучение должно строиться в соответствии с определенным уровнем развития[3].

Основоположником натурализованной эпистемологии является патриарх американской философии Уиллард ван Орман Куайн. Куайн сформулировал свой подход к эпистемологии, утверждая, что «эпистемология является частью психологии и, следовательно, частью естественной науки». Основной вопрос куайновской эпистемологической программы формулируется так: каким образом из скудного входа (воздействие волн и частичек на поверхность нашего тела) мы создаем такие богатые и разнообразные научные теории? Исследование Куайна осуществляется в контексте обучения языку, прослеживается цепь усвоения ребенком элементов языка. Куайн, по его мнению, осуществил «скромную имитацию» известной программы эмпиризма, дал набросок каузальной цепи, от воздействия частичек волн на наши рецепторы вплоть до миниатюрной научной теории[4].

Анализ приведенных концепций, несомненно, обнаруживает их единство в конструктивистской направленности, в самоорганизующихся, адаптивных функциях когнитивных процессов, в стадильности (эволюции) формирования когнитивных процессов. Кроме того, важнейшей особенностью современной эпистемологии является стремление дать объяснение лишь тем когнитивным процессам, которые эмпирически (экспериментально) фиксируются. Ведь главный

интерес современной эпистемологии, сосредоточивается на вопросе: «как реально, в действительности осуществляется познавательный процесс?» [5]. Понятно, что когнитология пока на пути в своей возможности ответить на этот вопрос. Несмотря на успехи когнитологии, междисциплинарность, как ее основание, создает и проблемы, например, это необходимость говорить сразу на нескольких языках, поскольку единого языка междисциплинарности нет и, сомнительно, будет ли создан в ближайшее время. «Под языком науки понимают не только лексику, но и особые приемы представления знания и движения мысли, схемы мыследеятельности. Например, математический язык теоретической физики, язык формул-схем органической химии, язык карт географии и геодезии и т.п. сильно различаются» [6]. Ответы на стоящие перед современной эпистемологией вопросы требуют не случайного, а систематического обращения к конкретным научным дисциплинам. Именно современная наука в своих новейших областях оказалась способной давать не абстрактно-умозрительные, а конкретные, хотя и неизбежно гипотетические, ответы на важные философские вопросы.

Цель и задачи статьи показать, что, несмотря на достижения в рамках этих подходов наблюдается понимание необходимости дальнейшего разворота в эпистемологии – а именно, ее развития в рамках анализа языковых практик, разворачивающихся в обществе.

И.Т. Касавин отмечает, что последние тридцать лет особое внимание философов концентрируется на теме «познание и язык», которая доминирует в эпистемологической проблематике. Вместе с тем, высказывает сожаление, что рассмотрение языковых эпистемологических проблем осуществляется в отрыве от социума и предлагает обратиться к исследованиям, которые с самого начала рассматривали язык как социокультурное явление. Познание вплетено в социальную жизнь, осуществляется в рамках конкретного языкового поведения. Язык – важнейшее познавательное средство и главный фактор формирования человека. Язык необходим, чтобы сформулировать знание и опыт, сохранить его и передать следующим поколениям. Эта констатация меняет существенно статус эпистемологии, она становится одной из дисциплин, занятых исследованием общества [7]. С этой точки зрения, считается продуктивным развитие эпистемологии в рамках анализа, прежде всего языковых практик.

Открывается возможность решать традиционные задачи теории познания исследованиями в сфере социальной жизни, без чего ответ на главный вопрос, сформулированный выше, был бы неполным. Обратимся к примеру. Он относится к понятию дискурса, активно разрабатываемому в рамках лингвистических и социолингвистических исследований. Дискурс (от франц. discours – речь) – текст, взятый в событийном аспекте. «Дискурс – это речь «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с жизнью не восстанавливаются непосредственно» [8]. Представление о дискурсе возникло в ходе исследований конкретных языковых практик, в этом плане, характерной является работа швейцарского ученого Патрика Серю «Язык власти: критический анализ» [9]. Автор рассматривает советский дискурс 70-х годов XX века. Он описывает лексику, присущую этому дискурсу, показывает принципы структурирования предложений, выявляет то, что можно назвать «советским политическим языком». Серю подчеркивает, что речь идет не об особом языке, а об особом способе использования средств русского языка. В частности, особенностью советского политического дискурса является неумеренное использование безличных предложений, приводящее к исчезновению субъекта. В нем лишь протекают процессы «роста производительности труда», «автоматизации», «механизации» и т.д. Дискурс, как отмечено, всегда развивается в рамках определенного сообщества, при этом, он, в значительной степени, формирует это сообщество. Дискурс определяет познавательные интересы членов сообщества, методы познания, образцы решения типичных задач и т.д. С дискурсом связана картина мира, разделяемая членами сообщества, дискурс заставляет видеть мир определенным образом.

В этом примере понимания связи языка и социальной реальности: единство языка, формирующего общество и общества, продуцирующего язык. Они оказываются равнодействующими по отношению друг к другу.

В качестве другого примера – хрестоматийный, получивший название гипотезы лингвистической относительности. Суть ее в том, что наше мышление и наше представление о реальности определяется структурой того языка, которым мы пользуемся. В конечном счете, все категории, в которых выражается наше знание о мире, не извлекаются из реальности самой по себе. Эти категории навязываются нашему сознанию языком, а соответственно той картине мира, которую мы формируем.

Тот факт, что в разных языках возникают совершенно несопоставимые структуры реальности, обнаруживается при сравнении языков, отстоящих достаточно далеко друг от друга. Но сопоставление индоевропейских языков с языками североамериканских индейцев приводит к неожиданным результатам. Таким образом, принцип относительности гласит: сходную картину мира можно получить, лишь при сходстве языковых систем. В данном способе понимания связи языка и социальной реальности: границы языка определяют границы мира.

Еще пример, который в вышеназванной работе, приводит Касавин И.Т. по исследованиям Б.Бернстайна. Английский ученый Бэзил Бернстайн рассматривает языковое поведение в различных социумах. Так, описывается ситуация характерная для первобытных обществ оседлого типа, сохранившихся до наших дней (австралийские бушмены, африканские пигмеи; рамки статьи не позволяют рассмотреть другие ситуации языкового поведения). Языковое поведение осуществляется здесь в рамках тотального господства социума над личностью, которая черпает и формирует мышление и деятельность исключительно из непосредственного окружения. Воспитание осуществляется стихийно и сводится к тому, чтобы ребенок усвоил традиционные ценности и знания, которые делают его частью группы. Всякая девиация отбрасывается как нечто чуждое.

Выводы, которые можно сформулировать, следующие.

- Приведенные эпистемологические концепции, подходы исследующие соотношение социума и языка, мало похожи один на другой и едва ли вписываются в рамки какой-то дисциплины. Каждый из них является междисциплинарным.

- Эти примеры показывают отсутствие системности современной эпистемологии. Попытка описать ее состояние выльется в рассмотрение множества примеров. Многообразие языкового поведения, исследовательских подходов превращает каждое исследование в отдельный, уникальный взгляд.

- Современную эпистемологию уместно сравнить с витгенштейновским принципом семейного сходства. Чтобы понять, что такое современная эпистемология, нужно пытаться обозреть различные виды исследований языковых практик – чем больше, тем лучше. Однако невозможно охватить все пространство познавательной деятельности в пределах единой науки, базирующейся на единых принципах и пользующейся единой методологией.

- В рамках каждого отдельного исследования возможно использование различных методологических инструментов: герменевтических, социологических, лингвистических и других. Но каждый такой подход ограничен, поскольку наряду с ним могут разрабатываться другие проекты. Ни один из них не может претендовать на универсальное значение.

### **Список литературы**

1. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.:Эдиториал УРСС, 2000.
2. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Изд-во «Канон +», М., 2009. С. 373-380
3. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. -СПб.: Питер, 2004.
4. Куайн У.В.О. Слово и объект. - М.: Логос, Праксис, 2000.
5. Кезин А.В. Натуралистический подход в современной эпистемологии// Философия науки: Исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2006. - С.11
6. Книгин А.Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. 2008, №3, -С.18.
7. Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии//Познание в современном контексте. М., 1994. –С.9-61
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. –С.137
9. Серио П. Язык власти: критический анализ//Философия языка в границах и вне границ. Харьков, 1993.

Marcel Lourel<sup>1\*</sup>, Nicolas Gueguen<sup>2</sup> and Alexandre Pascual<sup>3</sup>

<sup>1</sup>IUFM Nord-Pas de Calais, University of Artois, BP 90357,  
F- 59304 FAMARS Cedex, France.

<sup>2</sup>University of Bretagne Sud, France.

<sup>3</sup>Department of Psychology, University of Bordeaux, France.

## Complex Systems: Thoughts on the Causes of Nature

### 1. INTRODUCTION

According to authors [1] the heuristic significance offered by the paradigm of non-linear complex systems is high. Along these lines, authors [1] have mentioned that: "Certain psychological variables can be considered in an ecological context as the resultant of complex systems subject to uncontrollable and unpredictable impacts. Each value produced comes from a process of self-organization at time  $t$ . For this reason, a separate study of the constituents of the system will not in any way lead to an understanding of the comprehensive functioning of the system. The spirit cannot be reduced to separate mechanisms without taking into account the mutual influences and their coordination. In this sense, several specific psychological functions work in parallel in order to generate a superior structure able to bring forth a product that can be understood by everyone." There is a massive volume of literature in the field of complex systems (see [2]; for a complete review; see also [3-4]).

If we are to believe certain author [5], the principle of parsimony of hypotheses is "a simplifying representation" of the world of living things which is in contrast with complexity. In light of what has just been stated, we think that this principle pleads in favor of a *refined* hypothesis. In other words, it is a plausible representation of nature until proof of the opposite. As a reminder, the principle of parsimony referred to as *Occam's razor* (W. of Occam, 14<sup>th</sup> century) can be summarized with a simple statement: "*Pluralitas non est ponenda sine necessitate*" (i.e. entities should not be multiplied unnecessarily). In this case, the approach used by the researcher involves translating concepts and constructs that are generally very complex into the simplest possible hypotheses.

Beyond this, we can add that a researcher should never be satisfied with one method, one appropriate experiment or one statistic regardless of its power, in determining the significance of an object of Nature. This is one of the divisions that the Sciences face in general, and this is true for the Humanities and Nature as well. The paradigm of complex systems is based on the idea by which a system is composed of a large number of distinct but interconnected elements. For this reason, the probable outcomes are exponential while the relationship between the uncertainty and the organization is broadly fleshed out.

This brings us to the insistent issue of entropy in the soft sciences. It is generally accepted in the hard sciences where it reflects (in particular) in thermodynamics for example, the irreversibility of a system. The transformation of heat into mechanical energy is intrinsically limited, because the conversions always operate from hot to cold.

In thermodynamics, we accept the existence of a *quantity* called *entropy* which is specific to the state of the system. The entropy of the system can only increase due to the wealth of probable events that directly or indirectly impact a resultant. Consequently, there is a process of self-organization at time  $t$ . Here, the infinite multiplication of the hypotheses (called "H") is a temptation which all researchers face, despite the fact that the base postulates (called "A") are within a vectorial space that is finite. Whence the necessity, as we believe, to unify – not to say reconcile – the orientations of the complexity with those of the principle of parsimony of hypotheses. This is the point of view defended in this research note. The challenge to be taken up is a substantial one because it requires an in-depth remodeling, both in terms of the epistemology of the sciences, and the methodologies to be

implemented to support a coherent paradigm. In this case, the nomothetic construction depends on the elimination of duplicate hypotheses in favor of the one that is both true and acceptable, reasonable, to justify what seems plausible in the occurrence of an event and/or a behavior, keeping in mind that both of them are subject to the laws of Nature. Research aims at bringing probable answers until proof of the opposite.

In this way, the explanation of a fact remains furtive only when it is presented within a multiplication of hypotheses, without necessity, to the detriment of those that are both true and sufficient to explain this fact.

Although we accept the paradigm of the complex system as a plausible representation of a situation, the evaluation of the variances remains problematic, because an infinity of causes and events leads to an infinity of outcomes, each one as probable as the others. Logically, the ways to reach the same result are multiple.

It appears, from the standpoint of the *philosophical doubt* introduced by Pinel (see the dictionary of the medical sciences, C. L. F. Panckoucke (under the direction of), Paris: C.L.F. Panckoucke, 10 (Dise-Eau), pp. 239-242.), that such variability is clearly an advantage, especially for the anchoring of the research problematic, for the hypotheses that address it accompanied by appropriate experiments, but what about the principle of the parsimony of hypotheses?

Starting from this postulate, the originality of our reasoning is based on a simple idea: there exists an infinite set of hypotheses leading to a finite set of solutions or outcomes by virtue of the principle of the theory of the explanation of the causes of the things of Nature - or epistemology of the things of Nature. The paradigm defended is presented in the following section.

## 2. REGARDING NATURE

Work of the author [6] relates to the study of logic, epistemology and sciences cognitive. This work concerns the study of the logic and the philosophy of sciences of nature. Its research relates to the designs on the nature of human rationality and their effects on social operation.

In the idea of Robert [6], deductive reasoning follows several rules, the most important of which are *modus ponens* (if *a* then *b*) and *modus tollens*. In the equation of Robert, according to the logic of *modus tollens*, the verification of a hypothesis strictly follows the mathematical expression:

$$(H + A) \rightarrow e^* e^* \rightarrow (H + A)$$

In this expression, H represents the hypothesis, A the postulates and *e\** the resultant (observed fact). This is where *modus ponens* (if *a* then *b*) comes in. We can represent it in the following manner:

The founding rule of deduction is read in the following manner:

- If *a* is true.
- And if *a* is true then *b* is also true.
- Then *b* is true.

For practical examples : see [7-8-9-10-11]

The founding rule of the abduction is illustrated as follows:

- If *b* is true
- And if *a* is true then *b* is also
- Then *a* is true.

According to [12]: "Abduction or, as it is also often called, Inference to the Best Explanation is a type of inference that assigns special status to explanatory considerations. Most philosophers agree that this type of inference is frequently employed, in some form or other, both in everyday and in scientific reasoning. However, the exact form as well as the normative status of abduction is still matters of controversy. This entry contrasts abduction with other types of inference; points at prominent uses of it, both in and outside philosophy; considers various more or less precise statements of it; discusses its normative status; and highlights possible connections between abduction and Bayesian confirmation theory".

For the author (op.cit. [12], and see [13-14-15] for a complete historical review):

"Abduction is normally thought of as being one of three major types of inference, the other two being deduction and induction. The distinction between deduction, on the one hand, and induction

and abduction, on the other hand, corresponds to the distinction between necessary and non-necessary inferences. In deductive inferences, what is inferred is necessarily true if the premises from which it is inferred are true; that is, the truth of the premises guarantees the truth of the conclusion. A familiar type of example is inferences instantiating the schema

All As are Bs. a is an A.

Hence, a is a B.

But not all inferences are of this variety. Consider, for instance, the inference of “John is rich” from “John lives in Chelsea” and “Most people living in Chelsea are rich.” Here, the truth of the first sentence is not guaranteed (but only made likely) by the joint truth of the second and third sentences. Differently put, it is not necessarily the case that if the premises are true, then so is the conclusion: it is logically compatible with the truth of the premises that John is a member of the minority of non-rich inhabitants of Chelsea. The case is similar regarding your inference to the conclusion that Tim and Harry are friends again on the basis of the information that they have been seen jogging together. Perhaps Tim and Harry are former business partners who still had some financial matters to discuss, however much they would have liked to avoid this, and decided to combine this with their daily exercise; this is compatible with their being firmly decided never to make up.”

Presentation of the illustration of the reasoning (source: <http://www.les-mathematiques.net>) In deduction we state that:

“All men are mortal, Socrates is a man, therefore Socrates is mortal.” In abduction we state that:

“All men are mortal, Socrates is mortal, therefore Socrates is a man.” Also, in induction, we state that:

“All men whom I know are mortal, therefore all men are mortal.”

It is about a logical demonstration of the principles.

*Modus tollens* and *modus ponens* imply that if  $e^*$  is not observed, then H and/or A cannot be true because the deduction and the abduction are violated.

On this level, if  $e^*$  is false, it is impossible to know whether we must reject H or A or H and A. However, we do not exclude the idea that the contamination of an unverified or parasite variable can distort the research paradigm. A complex system will always generate outcomes that exceed the predicted range of outcomes of even the most well-encoded model, regardless of size and intricacy of the model. From a probabilistic standpoint, we can accept that the multiplication of the paradigms can reduce the probability of the appearance of an element not predicted in the model. For these reasons, we expect an effect of narrowing or proximity of the expression of the data of  $e^*$  (i.e. the resultant or the observed fact + uncertainly calculation) around a central trend index once the estimation of the error of measurement or error calculation has been done.

However, probabilistic logic also shows that in the strictest experimental conditions, for the observed facts there is always a fluctuation which is not expected in the model, once the error of measurement has been introduced in the equation of the model. As a reminder, the error of measurement (or error calculation) is called Delta ( $\Delta$ ) by convention.

With no surprise, we can say that there is a set of techniques that exist for the purpose of estimating the error produced on a numerical result. This error is equivalent to the uncertainties or errors made on the measurements that lead to the observed result. The total error is the product of the sources of error such as: the accuracy of the measurement of uncertainty ( $\Delta_1$ ); statistical dispersion ( $\Delta_2$ ); and systematic error ( $\Delta_3$ ).

The sources of error are defined as follows:

✓  $\Delta_1$ : refers to the distances separating the graduations of the analog devices. This is mostly present in the hard sciences

✓  $\Delta_2$ : corresponds to the external disturbing phenomena that very slightly influence the experimental conditions (we speak of the principle of quantum uncertainty) when the experiment is repeated x times;

✓  $\Delta_3$ : refers to the very slight difference or statistical dispersion that results from a sampling error for example.

The total error is thus expressed in the following manner:

$$\Delta = \Delta_1 + \Delta_2 + \Delta_3$$

These elements lead me to think that the equation of the author [6] is incomplete. The theory that we propose is underpinned by an approach that is assumed to be *contemporary* but which by virtue of Nature, we believe, is already obsolete. This theory is based on the simple idea that the combination of conditions *a* and *b* allows for the expression of a law, i.e. that all of the regular and observed facts in the presence of *a* and *b* lead to the expression of phenomena not predicted in a complex and determined model given the error calculation ( $\Delta$ ).

Logically, this idea implies that the researcher's approach is constantly in *motion*.

Beyond the discourse and predictions promised by the *motion*, it is essential to think about the processes, influences, and resistances that will hinder the evolution of subjects, groups, and organizations. From a scientific standpoint, this issue is obviously not new.

However, in the reasoning that we are presenting, we accept the existence of a hidden variable which is paradoxically omnipresent in the sequence of verification of a hypothesis.

The theory that we are presenting has the following form:  $(H \times A) + k \rightarrow e^{*\delta}$

$$-e^{*\delta} \rightarrow -(H \times A) + k$$

The terms are the same as those presented previously, i.e.:

H: represents the hypothesis; A: represents the postulates;

$e^*$ : represents the resultant (variation of the fact observed given  $\Delta$ ).

The mathematical expression of the author [6] which is presented above, and after modification, sets forth the hypothesis that the resultant ( $e^*$ ) is the product of H (hypothesis) multiplied by A (the postulates). In this case, the base postulates are contained in a finite system. The presence of a constant  $k$  not provided for in the deductive reasoning - itself associated with a constant or squaring (small  $\delta$ ) - expresses a condition of equivalence in the left term  $((H \times A) + k)$  which predicts the set of variations that is illustrated using the values of the right term ( $e^{*\delta}$ ).

Thus, in a *deductive* approach which, as a reminder, is based on the idea that the researcher first establishes a hypothesis, logically infers a research protocol for the purpose of materializing it (the hypothesis), proving it, then deriving new models and more complete theories from it, the presence of a constant small  $\delta$  is expressed as follows (rules of deduction and abduction):

The founding rule of the deduction after modification is read in the following manner:

- If  $a$  squared by small  $\delta$  is true;
- And if  $a^{\delta}$  is true then  $b$  squared by small  $\delta$  is also;
- Then  $b$  is true only in the presence of the squaring of small  $\delta$ .

The rule of the abduction after modification is illustrated as follows:

- If  $b$  squared by small  $\delta$  is true;
- And if  $a^{\delta}$  is true then  $b$  squared by small  $\delta$  is also;
- Then  $a$  is true only in the presence of the squaring of small  $\delta$ .

Thus, the product of a set of resultants (facts observed given  $\Delta$ ) is in a universe between  $-\infty$  and  $+\infty$  because the presence of the constant small  $\delta$  expresses the squaring of a set of phenomena (deductive reasoning), of which the base components are located in a universe of hypotheses and postulates which, in the presence of the constant  $k$ , has no limits. Consequently, the product of  $e^*$  (the resultant i.e. the variation of the fact observed given  $\Delta$ ) can be simplified as follows:

$$e^{*\delta} = (H+A) * (H+A) e^{*\delta} = (H+A)I + k$$

*An explanation of the causes of the things of Nature*

### 3. CONCLUSION

At the end of this analysis, our wish was to submit to the sagacity of the reader a paradigm on which a *refined* hypothesis is based. We have just done this. Contrary to the preceding, does this mean that the principle defended following the example of the theory on which a *refined* hypothesis is based forms a coherent model?

However, the idea presented does not always seem to be satisfactory. We see at least two reasons for this:

First, there was no consideration of the fact that a resultant is not a fact in and of itself, but merely a plausible representation of  $e^*$  at some point. Also, it seems to me that the static nature of the approach suggests that it is far from being able to predict the outcomes of a multitude of events that emerges from new properties in a system that oscillates between



equilibrium and non-equilibrium. The theory and the idea of the *refined* hypothesis that stems from it must therefore be covered by a deepening for the purpose, not just of being scientifically refuted, but also to be in line with the simple idea that the elegance of a theory lies in the simplicity of the terms that compose it.

Beyond this, it seems that another fundamental issue must be raised. This involves the methodology and the epistemology that illustrate the approach and its limits. This pressing issue must guide the researcher, and it is already a subject of debate [16].

On the methodological level, reliable metrological instruments must be available for this. Consequently, researchers are constantly caught in a dogmatic strait jacket, a doctrine from which they must resolutely break free if they want to reach the ultimate goal which is the universality of knowledge and thus the understanding of the things of Nature, the emancipation of the human species and the quest for happiness and the Truth.

Thus, the introduction of nomothetic research must involve the invariance of the paradigmatic structure, which itself lies in the capitalization of knowledge. It is no surprise that the observable goes through the prism of personal experience and the subjectivity of the investigator. It therefore seems that the fruit of research work most often makes a contribution to the knowledge of an object, without however prejudging the veracity of the proven models and the approach needed to validate them. This is one of the fundamental limits of all research approaches.

## REFERENCES

1. Ninot G, Fortes M. Study the dynamics of built social psychology. *Sci Motricity*. 2007;60:11-42.
2. Mittal S. Emergence in stigmergic and complex adaptive systems: A formal discrete event systems perspective. *Cogn Syst Res*. 2013;21:22-39.
3. Allen PM. Coherence, chaos and evolution in the social context. *Futures*. 1994;6(26); 583-597.
4. Kwapiec J, Droïdï S. Physical approach to complex systems. *Phys Rep*. 2012; 515: 115-226.
5. Cadet B, Chasseigne G, editors. *Processing complexity in the humanities*. Paris: Publibook; 2010. French.
6. Robert S. *Logic, its history, its foundations*. Longueuil: Le p̄r̄amble. French; 1978.
7. Gana K, Blaison C, Boudjemadi V, Mezred D, K'Delant P, Trouillet R. et al. Study of some determinants of the anxiety with regard to the passage to retirement. *Can J Aging*. 2009;41(4):206-271.
8. Gana K, Lourel M, Trouillet R, Fort I, Mezred D, Blaison C et al. Judgment of Riskiness: impact of Personality, Naive Theories, and Heuristic Thinking among Female Students. *Psychol Health*. 2010;25(2):131-147.
9. Lourel M, Ford M, Edey-Gamassou C, Guïguen N, Hartmann A. Negative and positive spillover between work and family: relationship with perceived stress and job satisfaction. *J Manage. Psychol*. 2009;24(5):438-449.
10. Mouda F, Riquois C, Savoye G, Lerebours E, Blot J, Lourel M. Epuisement professionnel et satisfaction au travail chez les patients atteints d'une Maladie Inflammatoire Chronique de l'Intestin (MICI). *Psychol Work Organi*. 2009;15(4):400-418. French.
11. Trouillet R, Gana K, Fort I, Lourel M. Predictive value of age for coping: role of self-efficacy, social support satisfaction and perceived stress. *Aging Ment Health*. 2009; 13(3):357-366.
12. Douven I. Abduction, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2011 Edition), Edward N. Zalta, editors. 2011. Accessed 10 December 2012.  
Available: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2011/entries/abduction>.
13. Peirce CS. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, vols. 1-8. In: Hartshorne C, Weiss P, Burks AW, editors. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1931-1958.
14. Peirce CS. *Charles Sanders Peirce: Contributions to "The Nation"*, vols. 1-4. In: Ketner KL, Cook JE, editors. Lubbock: Texas Tech Press; 1975-1979.
15. Peirce CS. *The Fixation of Belief*. In: Buchler J, editor. *Philosophical Writings of Peirce*. New York: Dover Publications; 1955.
16. Lourel M, Petric-Tatu O, Guïguen N, Pascual A. (In press). Theories of complex systems: presentation of a new paradigm in psychology. *Materials, Methods & Technologies*.

## FAITH-IN-MACHINE: SOCIOPHILOSOPHICAL SENSES

Бейлин М.В., Харьковская государственная академия  
физической культуры, доцент кафедры гуманитарных наук

## ВЕРА-В-МАШИНУ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ СМЫСЛЫ

В конце XIX и начале XX века в повседневную социальную жизнь прочно входит техника, которая формирует особый вид машинной деятельности, поскольку обладает собственным ритмом и динамикой. В постиндустриальном обществе происходит изменение роли машины в жизни человека. Машина, благодаря которой человек приобретает власть над природой и преобразует последнюю сообразно своим потребностям и целям, стала относительно малозаметной. Экспансия машин делает актуальной проблему осмысления машинности как всеобщего принципа деятельности человека и требует исследования онтологических оснований мира техники.

*Цель статьи:* выявить тенденции развития представлений о машине, вычленив основной механизм формирования технической машины, главные стадии развития механизации и зафиксировать свойства машины как орудия воспроизводства.

Исследование эволюции техники в онтологическом аспекте позволяет установить общие тенденции развития второй природы (мира культуры) и духовного мира человека. В гносеологическом аспекте исследование эволюции техники в значительной степени определяет предмет научного поиска, очерчивает методологию познания и предоставляет познающему субъекту всё более сложные модели мира и человека, обеспечивая развитие философских представлений о машине в контексте философии техники, отображающей развитие самой машины в производстве и экономике. Время становится метрической основой производственного процесса, приобретает экономическую ценность, влияет на социальные отношения, способствует развитию отчуждения. Модернизм и техницизм стали ответом на утрату общехристианской картины мира. Место христианства оказалось занято эстетическим пуританизмом с его конкретностью, конструктивной последовательностью, формальной точностью и, наконец, рациональностью. Наука и техника заняли место религии, но и сама наука изменяется, отказываясь от постулата о возможности существования «божественной» истины. Абсолютная истина более не является целью науки, происходят «демократизация» и «индустриализация» науки, приведшие к росту и повсеместному вторжению в размеренный ритм человеческого бытия научного знания.

Формирование идентичности современного человека связано со стремлением соотносить внутренний мир с внешним в воспроизводящейся ситуации усложнения и умножения разнообразия, порождаемого развитием и распространением знания, систем информации и информационных технологий. Если как биологический вид человек уже давно сформировался, то его интеллектуальное развитие, не говоря уже о социальном, непрерывно эволюционирует. Как простейшая трудовая, так и научно-техническая деятельность определяются социально-антропной идентичностью. В постиндустриальном обществе происходит изменение роли машины в жизнедеятельности человека. Механизм массовизации существовал до возникновения технической машины и способствовал формированию мегамшины (В.В. Николин), которая охватывала все проявления жизненного мира человека соответствующих эпох и выступала как социальная форма всеобщего. Основанием такой мегамшины является консервация деятельностных характеристик индивидуального производителя, что было преградой для возникновения технической машины [1]. С развитием техники и технологий в производственной сфере постоянно снижается потребность в живой человеческой силе. При этом именно благодаря машинам человек приобретает власть над природой, преобразуя её сообразно своим потребностям и целям.

В многочисленных философских, социально-психологических и социально-экономических исследованиях уже не раз отмечались существенные социально-политические и радикальные

экономические изменения в развитии общества, которые приводят к трансформации смысловой структуры сознания его современников. Эти трансформации характеризуются возникновением особых состояний сознания, которые описываются как «разрыв смыслов». Пространство последних в этом случае заполняется своеобразными нововведениями, которые выступают как продукт компенсаторных действий самого сознания, как «сознательный» способ защиты человека от влияния жизненных потрясений. Новые идеалы, ценности, политические лозунги выливаются именно в эти новообразования и превращают их в определённые мифопродуцирующие и фетишепродуцирующие формы. Эти формы заполняют «разрыв смыслов» их содержанием, перед которым иногда меркнет любая народная сказочная фантазия, и эти формы начинают функционировать по своим собственным законам. Одним из проявлений такого содержания и есть «вера-в-машину»: машина уже не рассматривается непосредственно человеком как только средство его собственной деятельности – в его сознании, заданная преобразованным смыслом настойчиво преобразуемых идеологием, она выступает как отблеск несколько большего [Ошибка! Источник ссылки не найден., с.200-206]. Возникает «обожествление машины», то есть вера во всеислие самих машин и исключительную роль машин в технико-экономической деятельности.

Развитие техники быть не может абстрагироваться от социального контекста. Машина как продукт коллективного труда выступает для человека как «своё-чужое», в ней теряется ее конкретный вклад, и машина рассматривается ими как чудо. Обеспечение и утилизация непосредственной труда человека в то же время вращается идеализацией ее результата: машине приписываются черты человеческой сущности. Другими словами, машина становится заместителем человека – и в прямом, и в переносном смысле; она измерителем не только труда (сколько людей может заменить машина), но и непосредственно самих людей. Машина фетишизируется вроде знаменитого «золотого тельца». И в этом фетишистском отношении к машине начинает определяться реальная технико-экономическое поведение и реальная жизнь многих людей.

В рамках изменения смыслов сознания массы людей, занятых непосредственно на производстве это приводит к становлению феномена «обожествления машины», сущность которого и состоит в обожании машины как средства «светлого завтра», заменяет идеал царства Божьего, приобретая при этом всех его сакральных черт, и таким образом Машина начинает рассматриваться в качестве нового божества.

В сознании непосредственных участников ускоренной индустриализации религиозный Бог заменяется практически видимым и, самое главное, практически совершенным своими руками богом – Машиной. Новый бог обещает достичь лучшего будущего уже завтра, или, как обещает известная идеологема, «... ещё при жизни нынешнего поколения...». Массовый энтузиазм в овладении и производстве техники является в действительности не чем иным, как вынесением вовне энергии преобразованных форм, которые вновь формируются в сознании личностных технико-экономических смыслов. «Обожествление машины», которое определяет реальную технико-экономическое поведение сотен и сотен тысяч людей, занятых на производстве при создании экономического порядка, не воспринимается как некая иллюзорная действительность. «Обожествление машины», поддерживаемое реальным положением занятой на производстве человека в сложной структуре разделения труда, с одной стороны, и предсказания соответствующих идеологов «авангарда», с другой, не выступает, конечно, как развитие религии в обычном смысле этого слова или как явно выраженная религиозное сознание и чувства. «Вера-в-машину» может быть охарактеризована как технико-экономическая религия атеистов и, конечно, «обожествление машины», как смысловое содержание мифопродуцирующего сознания определённым образом выступает в качестве компенсаторного механизма. Машина как миф и смысл становится самой жизнью или, наоборот, именно технико-экономическая жизнь становится практически функционирующим мифом-машиной. Миф о «царстве Божьем» на земле становится реальностью целой страны: миф выступает в форме идеала, а идеал приобретает мифические формы [3, с.146].

В некоторых ситуациях всё, что мешает функционированию как самого мифа «царства Божьего», так и «обожествлению машины» людьми, занятыми непосредственно на производстве, подлежит элиминации. Практически это означает изъятие из массы людей, занятых на производстве,

носителей «старых смыслов», например носителей рационального инженерного экономического мышления. В условиях необходимости выполнения указанной задачи они так же, как и представители старого культа (православие), действительно являются помехой. Устранение носителей рационального мышления и смысла приводит к тому, что массы людей уже не имеют точки действительного отсчета, по отношению к которой собственное содержание их сознания могло бы получить своё реальное измерение.

«Обожествление машины» становится и атрибутом экономического мышления «авангарда», управляющей номенклатуры общества. Собственно говоря, в основе мышления последней лежат всё те же разрывы смыслов сознания. Для массового сознания каждый представитель любого уровня управленческой и политической пирамиды является носителем тотальной сакральности Порядка, личным представителем железной руки. Выполнение сакральной функции обычно лишало этих представителей каких-то индивидуальных, личностных качеств: они выступали как «функционеры», представляющие структуру и ориентированные на выполнение поставленных перед ней задач. Несмотря на их личностное разнообразие, они предстают безлико, будучи «прикрытыми» общественными масками. На самом же деле они являются лишь одномерными, фрагментарными людьми, как и тысячи остальных не номенклатурных непосредственных работников.

Несколько иначе (в виде «социальной механики») «обожествление машины» воспроизводится также в административной и зачастую в экономической рациональности, где Плану и Порядку молятся так же, как раньше молились Иисусу Христу. Но если на уровне людей, занятых непосредственно на производстве, «обожествление машины» выступает как латентное религиозное чувство, то на уровне номенклатуры общества действия согласно правилам административно-экономической рациональности являются следствием и продолжением управленческого образа мышления. Отношение к обществу как к машине в управленческом мышлении аналогично отношению рабочего к машине. Чиновник также служит обществу как социальной машине подобно тому, как рабочий служит машине технической. Иначе говоря, «обожествление машины» социальной и технической близки по сути, поскольку характеризуют определённый новыми смыслами сознания тип отношения к машине технической и к обществу-машине.

Преодоление «обожествления машины» связано, конечно, с развитием самой социальной и экономической действительности, когда «обожествление машины» входит в соприкосновение с новой социальной реальностью. Миф, который стимулирует активность и энтузиазм значительных масс людей, в своем угасании превращается в общие условия общественной пассивности. Смыслы сознания превращаются в формы, которые своим содержанием направлены на поиск новых компенсаторных механизмов. Если изменение технико-экономических условий деятельности производителей ведет к сужению социальной базы религиозно-образного сознания, то в качестве нормы или парадигмы управленческого технико-экономического мышления «обожествление машины» не столь быстро поддается освоению. В рамках действующих представлений об административной рациональности видится определённый сакральный смысл: кажется, нужно только ухватиться за эту «цепь», и экономика общества-машины будет функционировать без лишних препятствий. Религиоподобие такого мышления как типа административно-экономической рациональности как раз и заключается в том, что оно приписывает любому фактору провиденциальное значение, полагая, что все действия и поступки подчинены цели, обозначенной этим провиденциальным. Именно так и происходит на уровне реального административного управления: приняв очередную «божественную экономическую идею», вся система административного, хозяйственного, государственного управления экономикой и обществом начинает очередную кампанию по достижению поставленной цели. Здесь мы сталкиваемся с ещё одним проявлением «обожествления машины» – «верой-в-цель».

Таким образом, парадигма «общество - машина» базируется на технико-экономическом мышлении нового экономического и политического авангарда. Именно здесь, на верхних этажах новой административно-управленческой иерархии, как свидетельствует опыт современных экономических реформ, и находятся корни «социальной механики» и индустриально-машинного видения экономического порядка. Анализируя историческую судьбу феномена «обожествления машины», можно с уверенностью сказать, что преодоление последнего требует, прежде всего, критического

переосмысления самих философско-мировоззренческих основ технико-экономического мышления нашего времени. Экспансия технико-технологического мира и рефлексия над векторами социально-экономического развития делают актуальной проблему осмысления роли машины в социально-экономическом бытии человека.

#### **Список литературы:**

1. Николин В.В. Проблема мегамшины / В.В. Николин. Омск: изд-во ОмГПУ, 2004. 189 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальность / Н.А.Бердяев. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
3. Трипольский Р.И., Комаров С.В. Машинобожие / Р.И. Трипольский, С.В. Комаров // В книге Бытие культуры: Сакральное и светское. – Екатеринбург, 1993. – С.144-160.

***Shkurko Natalja Sergeevna***

*North-Eastern Federal University after M.K.Ammosov, Russia  
associate Professor of the Department of cultural studies,*

***Novikov, Anatoly Georgievich***

*North-Eastern Federal University after M.K.Ammosov, Russia  
Professor and mentor of the Department of philosophy*

## **THE USE OF ARCHETYPES FOR CONSTRUCTING ATTRACTIVE IMAGE OF RUSSIAN POLITICIANS**

***Шкурко Наталья Сергеевна***

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,  
доцент кафедры культурологии*

***Новиков Анатолий Георгиевич,***

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,  
Профессор-наставник кафедры философии*

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕТИПОВ ДЛЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ АТТРАКТИВНЫХ ОБРАЗОВ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ**

Постановка научной проблемы. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью политической коммуникации в российском обществе и недостаточной изученностью ее имиджевого аспекта на уровне регионов. Данные политических кампаний, мониторинга электоральных групп и социологических опросов свидетельствуют, что при отсутствии широко признанных экономических и социальных достижений, успех предвыборных кампаний во многом зависит от атрактивности образа политика или руководителя региона, транслирующегося СМИ. Разработка проблем создания имиджа политического лидера позволяет использовать цивилизованные методы ведения политической борьбы, что обеспечит рост политической культуры населения регионов, ускорение процессов демократизации.

Цель данной статьи – уточнить применение архетипов героя в конструировании имиджа отечественных политиков. Задачи: 1) изучить возможности архетипа как основы для конструирования образа политического лидера; 2) уточнить способы героизации личности кандидата; 3) на примере российских и якутских лидеров выявить специфические особенности формирования политических имиджей

Изложение основного материала. Кардинальные перемены в политическом самосознании россиян, обусловленные существенными сдвигами в системе «власть – оппозиция» после

президентских выборов 2012 года, митингов на Болотной площади и др. изменили традиционный баланс электоральных групп, Опыт проведения политических кампаний в условиях общества риска, усиливающаяся конкуренция между кандидатами от партии власти и кандидатами от оппозиции показали, что при отсутствии масштабных экономических и социальных достижений, успех предвыборных кампаний и «долгожительство» российских политиков и руководителей регионов во многом определяется ярким имиджем, умело трансформированным СМИ в массовое сознание населения. Профессионально сконструированные политтехнологами современные политические мифы отличаются от архаических и религиозных, хотя основным объектом мифологизации остается сохраняющее свою актуальность для современников прошлое конкретного социума: реальные люди и события настоящего и недавно прошедшего. Используемые в качестве инструмента борьбы за влияние, поскольку за любым политическим мифом стоят конкретные интересы лиц или групп, мифы моделируют политическое пространство и время [1, с.117].

Излюбленным орудием творцов современных мифов – политтехнологов, имиджмейкеров, журналистов – при создании образа политического лидера, спасающего Россию от распада, выступает архетип – способ связи образов, переходящих из поколения в поколение и позволяющих личности погружаться в миф, где культурные герои прошлого продолжают обустривать настоящее.

Использование архетипа Героя позволяет сконструировать агитационную биографию конкретного политика – «легенду» и мотивировать российского избирателя голосовать «сердцем» за конкретного кандидата, получившего у населения благодаря СМИ характеристики истинного пассионария, «героического энтузиаста», готового жертвовать собой во имя своих избирателей и знающего пути к светлому будущему. В характеристику Героя обязательно входит наличие злых и подлых врагов-антагонистов.

Героизация личности кандидата осуществляется рядом способов:

- Использование дискурсивных приемов маскулинизации политика. Так, образ «настоящего мужчины» (настоящего мужика) – в понимании российских избирателей, – означает: 1) наличие воинского звания, обязательную службу в советских или российских Вооруженных Силах, силовых структурах; 2) занятия «мужественным» видом спорта (В. Путин – мастер спорта по дзюдо и самбо, лидер российских коммунистов Г. Зюганов был капитаном сборной университета по волейболу, совершил 6 восхождений на Эльбрус – величайшую вершину Кавказа, губернатор Псковской области Андрей Турчак – профессионально занимался дзюдо, вице-президент Якутии – Д.Глушко имеет спортивный разряд по самбо); 3) реализация модели «мужское братство», включающего ритуалы принятия решений, проведение досуга, характер неформального общения, способы коммуникации с равными и вышестоящими, тактика защиты «своих»); 4) уровень поддержки политика женским электоратом (избирательницам «доверяют» оценивать не профессиональные качества кандидата во время предвыборной кампании, а впечатление, которое тот производит «как мужчина»). 5) еще одним слагаемым истинной мужественности кандидата становится мифологема иерогамии – священного брака правителя и страны, известная в политической мифологии с древнейших времен и играющая важную роль в конституировании российской власти.

- Акцентирование выполнения социально значимых действий (учитель в третьем поколении..., боевой офицер, служивший в «горячих» точках);

- Придание уникальности деятельности кандидата, отмеченного наградами или признанием в профессиональных кругах (разработала уникальную технологию возрождения тундровых экосистем..., заложил основы суверенитета республики, создатель региональной научной школы);

- Наличие значительного числа лиц, нуждающихся в его защите (дети, пенсионеры, представители коренных малочисленных народов Севера);

- Созидательная деятельность кандидата разворачивается на фоне хаоса, разрухи, материальной неустроенности и др.;

- Апелляция к этнокультурным ценностям: рождение в трудовой семье, нравственная чистота (женат, хороший отец, заботливый сын/муж), достойная жизнь – в агитационных текстах прослеживаются черты агиографического повествования.

Владимир Путин – бывший офицер разведки – имеет в глазах российских избирателей репутацию руководителя-«государственника», которому удалось спасти Россию после потрясений ельцинской эпохи и развала Советского Союза. Архетип героя, полного сил и энергии реализуется им в полной мере: погружение в подводной лодке, пилотирование истребителя, полет на дельтаплане. Президент РФ занимается в тренажерном зале, уверенно держится в седле, метко стреляет, мастерски катается на

горных лыжах, поднимает со дна морского амфоры и защищает амурских тигров. Подобно герою мифа, «ходившему в народ», Владимир Путин дарит детям из бедных семейств нарядные платья и компьютеры, трудоустраивает их безработных отцов, ездит с байкерами, тренируется с юными дзюдоистами, стоит на рождественской и пасхальной службах - т.е. демонстрирует свою близость россиянам и их традиционным ценностям.

Защита Героем-политиком своей территории проявляется в отстаивании интересов простых людей, наказаниях зарвавшихся чиновников и олигархов, в посещениях регионов, пострадавших от стихийных бедствий, в борьбе с терроризмом и спасении Крыма. За повышение роли РФ в мире и весомый вклад в международное сотрудничество Президенту России было присвоено звание «Человек года» (2013).

**Рейтинги В.В. Путина по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения  
в %**

<b>Февраль 2008</b>	<b>Сентябрь 2013</b>	<b>Январь 2014</b>	<b>Май 2014</b>
<b>82,9%</b>	<b>48</b>	<b>60,6</b>	<b>82,3</b>

Политическое лидерство в Республике Саха (Якутия) реализуется в условиях удаленности, экстремальности, алаасного менталитета (алаас – маленькая поляна с озером, окруженная тайгой, - северный вариант «родного дома»), этатизма и патернализма. Необходимость ускоренного социально-экономического развития региона требует от региональных руководителей умений договариваться с центром, компетентности, оперативности, принятия нестандартных решений и гибкости.

В этнических республиках статус Президента символически ставит регионального лидера почти вровень с главой государства [4, с.17], а этнокультурность становится важным ресурсом политической борьбы [5, с.211]. Поэтому в Якутии, осуществляя контроль информационных потоков на родном языке, лидер этнокультурного региона обретает классические «мифологические» характеристики творца нового мира и борца со злом.

Так, эпоха М.Е.Николаева - первого Президента РС(Я), находившегося у власти до 2001г., трактуется региональными СМИ, как десятилетие «радикального обновления», «строительства новой демократической Якутии»; поступательно-неуклонного дрейфа Якутии к «стабильности и благополучию» в рамках «циркумпольной цивилизации». Причина такого уникального политического долгожительства - продуманное обращение к социальной памяти народа саха. В серии ярких и эмоциональных региональных мифов был в качестве основы политлегенды использован архетип героя-строителя, «достроенный» эпизодами биографии реального могущественного вождя хангаласских якутов Тыгына [3, с.25],

Первый Президент Республики Саха (Якутия) Михаил Николаев тоже родился на хангаласской земле и, хотя политическую карьеру сделал в северных улусах, активно способствовал развитию территории, вложив часть «алмазных» отчислений из прибыли могущественного алмазодобывающего концерна «АЛРОСА» в развитие высшего образования, медицины, спорта, международные конференции, акции и проекты, популяризирующие культуру титульной нации: конгрессы по шаманизму, варганной музыке и др.

У народа саха - титульной нации Республики Саха (Якутия)- доминирует патриархальный тип политической культуры, компонентами которого выступают этатизм, патернализм, харизматичность, культ «сильной» руки. Электорат и.о. главы республики - население традиционно непромышленных улусов Якутии - ожидает от своего кандидата Е.А.Борисова решений социальных проблем, так каждая пятая сельская семья официально живет ниже уровня бедности (долги фермерских хозяйств республики превышают их годовые доходы).

Региональные СМИ транслируют в массовое сознание якутян мифы о региональном лидере:

1. Глава региона – защитник своей земли - сильный, агрессивный при отстаивании ключевых решений, при этом образованный специалист.

2. Глава региона «всеприсутствует» в повседневной жизни республики через проведение выездных заседаний, прямых эфиров, работу общественных приемных. Он облетает отдаленные территории, организует помощь при ликвидации стихийных бедствий (пожары, летняя засуха и

наводнения). Его деяния транслируются в прайм-тайм региональным телевидением, занимают передовые полосы русско-и саха-язычной прессы.

3. «Народность» главы региона. Выходец из простой сельской семьи, он разделяет беды и заботы своего электората, карает проштрафившихся чиновников (так, только весной 2013 г. в регионе были сняты за злоупотребление служебным положением министр профобразования республики и министр по молодежной политике и спорту).

Герой всегда поддерживает своих земляков: поэтому Е.А.Борисов обеспечил открытие в 4 км от своего родного села Чурапча федерального института физической культуры и спорта, хотя на базе СВФУ функционирует крупнейший в ДВФО Институт физической культуры и спорта. XIX Спартакиада по национальным видам спорта «Игры Манчаары-2012» также была проведена в Чурапче, причем главным аргументом в пользу выбора места проведения стали былые олимпийские победы чурапчинских борцов на Олимпийских играх 1972 и 1976 гг. [4].

Вывод: использование вариантов архетипа героя как основы политического мифа обеспечивает устойчивые рейтинги Президенту РФ В.В. Путину, а в Якутии - главе республики Е.А.Борисову. Политические мифы являются частью современной жизни, поэтому для их адекватного восприятия и реагирования, следует изучать навязываемые россиянам политтехнологические «продукты».

### Литература

1. Балынская, Н.Р. Специфика участия СМИ в политическом процессе современной России/Н.Р. Балынская. - Екатеринбург: УрАГС, 2009. – 234 с.
2. Новиков А.Г. О менталитете саха/А.Г. Новиков, А.Г. Пудов - Якутск, изд-во Аналитического Центра, 1996. -146 с.
3. Гоголев, А.Е. Социальная история якутов в XVII - 50-х гг. XIX веков /А.Е.Гоголев // Общество, право, личность в условиях российской колонизации. - Якутск: СО РАН, 2004 - С.18-28.
4. Уххан сирэ. Игры «Манчаары-2012» пройдут в Чурапче //URL: <http://uhhan.ru/news/2009-06-25-1079> (обращение 12.09.2013).

*Koryakovtseva Olga Alexeevna, Federal State Educational Institution of Higher Vocational Education «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky», Doctor of Political Sciences, the Dean of the Supplementary Vocational Education Faculty, Professor of the Chair of Theory and Methodology of Vocational Education of the*

*Tarkhanova Irina Jurievna, Federal State Educational Institution of Higher Vocational Education «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky», Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of Theory and Methodology of Vocational Education of the*

## AXIOLOGICAL INNOVATIONS OF SUPPLEMENTARY VOCATIONAL EDUCATION

The axiological aspect of the education system assumes special significance under new conditions. The value orientation of the education improves the position of pedagogics in the light of recognition of man as the supreme value of the educational activity. This idea is a blueprint for action as it verifies the positive value status of both the educator and the trainee.

Nowadays we witness a world tendency to the strengthening of the social processes dynamism which favours the formation of a new type of society with “prefigurative culture” [4] that is oriented mainly towards the future. Thus, the phenomenon of globalization, the crucial areas of the educational system modernization, the social development focus on the innovative economics requires new quality of professional activity, and correspondingly, new approaches to the professional development of personnel. Modern professional education is not just a sphere of the intelligence embodiment but a structure of individual and social experience, it is



identified with practical needs of future specialists and the implementation of the competence approach suggests the training of a professionally mobile personality able to act in the situations of uncertainty and to solve professional problems under constantly changing conditions.

The innovative development of the society is impossible without changes in the understanding by the professional employee the significant role of self-education, informal education and scheduled professional development. The most important factor of successful renovation of economics in general is the readiness of the employees on different levels to perceive innovations as well as introduce and popularize the new methods of fulfilling a vast range of professional tasks [3].

At the same time nowadays many specialists do not have enough motivation for the improvement of their professional competence in accordance with new social and economical requirements, they are not ready to change their professional position, they are oriented towards traditional approaches to labour management, and they demonstrate formal attitude to their professional development. The employees with an old-established style of their professional activity are mostly vulnerable in such a situation. For most of them the introduction of innovations is accompanied by the emergence of anti-innovative barriers and difficulties of subjective character which prevent full-fledged implementation of their creative potential, lower the quality of the professional activity results.

We agree with L.I.Yermakova that the supplementary vocational education is a socially substantial nucleus of the educational process and it has to be formed around professional self-determination. Aiming at the strategy and new systems of professions make the reflective abilities actual. L.I.Yermakova calls the supplementary education a system interested in the ability of individuals to orientate themselves in the social life, and the level of professional knowledge is expressed in building a life perspective. It is characteristic that occasional influences are assimilated and acquire the significance of the real ones, they are processed through systems of educational programmes and suggested specialties. Due to these circumstances the professional self-determination of an individual does not make them isolated from social practical experience [1, p.93].

The continuity of professional education presumes the formation of a flexible system which creates the conditions for choice, construction and implementation of the trainee's individual plan of education. Such individual educational way, individual educational plan is built, in its turn, on the basis of the subject's free movement in the system of professional education and makes it possible to implement the mastering of the professional competence and the profession in whole at an individual pace and taking into consideration the vital requirements of a specialist.

Apart from mastering social and professional functions by trainees N.A.Ivanishcheva considers the following as important tasks of adult education: to create and provide the conditions for trainees to use the means of education in order to solve their personal and professional problems, to implement their life plans, to develop their creative abilities and all other factors that are known as individuality development [2]. We consider that under present-day conditions not only the development of an individual but the development of the whole system of social relationship is important.

Beginning from the middle of the first decade of the 21<sup>st</sup> century the term "learning society" or to be more correct "self-learning society" has become widely-used to denote the social order. The crucial ideas of the educational society one should consider the value of knowledge, the value of self-education, the value of the idea of continuous education, the responsibility to education. The implementation of such ideas being actively supported by the society, the state and the business will help the man of the 21<sup>st</sup> century to develop and to be formed as an individuality.

In connection with this and taking into consideration the new understanding of the image of supplementary vocational education we have formulated the mission of the supplementary vocational education organizations as follows: the formation of an open educational sphere in order to stimulate the self-realization and conscious individual and professional self-determination of adult trainees in accordance with their interests and needs, and oriented at the development of specialists who are able to achieve professional and social successfulness in the open and changing world.

Our understanding of the supplementary vocational education organization as an open educational sphere can be presented as follows:

- the supplementary vocational education organization is an open competitive educational institution (unit) that satisfies the claims of the socium and the individual;
- the supplementary vocational education organization provides the trainees with the education of high quality that meets the requirements of professional standards and the Customer and which is consequently confirmed by independent forms of assessment;
- the graduates of the supplementary vocational education programmes are competitive both in social and professional spheres;

- the personnel of the supplementary vocational education organization is a highly-professional creative pedagogical team that is methodically and psychologically ready to work with adult trainees, the teachers practice interactive educational strategies;

- the supplementary vocational education organization has wide partner relations with educational, scientific, cultural, public organizations and the business.

We introduce a number of main, as we see it, principles of the formation of an open educational sphere of the supplementary vocational education:

**The principle of social adequacy of the educational process** requires the compliance of the contents and the means of education with the social values and social situation in which the educational process is organized. The tasks of the education are oriented at the real social and economical conditions and presuppose the trainees to form prognostic readiness for the implementation of different professional and life tasks.

**The principle of humanistic orientation of education** requires considering the individuality as the main value in the system of human relationship of which humanity is an indubitable norm. The requirement of this principle is a respectful attitude towards every person, as well as the guarantee of freedom of conscience, religion and world outlook.

**The principle of combining traditional and non-traditional features in the education organization** assumes the preservation and development of the established traditions of the supplementary vocational education, as well as the spread of progressive educational experience with the simultaneous stimulation of the search for new methods, of the encouragement of pedagogical experiments, their timely expert judgment. The implementation of this principle is possible in case the objectives, tasks and the work results of the supplementary vocational education organization are discussed collectively and in a democratic way with all participants of the educational process, there is a constant interchange of information about the innovative pedagogical experience of the colleagues from other educational institutions, there is a purposeful preparation of the tutors and the trainees for the innovative activity.

**The principle of the self-development dominant** assigns primary importance to the individual qualities of people, their interests, it creates the conditions for the self-development and the self-realization of a person. It also assumes the choice of an individual way of intellectual and social development of every trainee, the selection of special tasks in accordance with their individual peculiarities. The implementation of this principle promotes the fulfillment of the potential of the individuality both during instructional work and extracurricular activities, gives every trainee the opportunities for the self-realization and self-disclosure by means of productive and social and professional interaction.

**The principle of social and psychological support** needs the arrangement of conditions for the preservation and enforcement of psychological, moral, social health of the trainees; it pays attention to the prevention of job burnout, the development of an individuality's resistance to stress.

All the above-mentioned principles are oriented at creation of conditions for the development not only of the professional but also of cultural and social competences of the trainees, at free cooperation of all subjects of the educational process.

To summarize it all one can draw a conclusion that nowadays the axiological innovations of the supplementary vocational education for adults are the following ones:

- the activation of the inner potential of the individuality's self-realization as the target of the post-graduate education;

- the admission of the importance of forming both cultural and professional competences;

- the humanism and the freedom of self-creativity while choosing the means, forms and methods of designing and implementation of the way of educational self-determination;

- the priority organization of the educational process on the basis of the development appropriatenesses of open non-equilibrium systems with a self-development and self-organization potential.

#### **References:**

1. Yermakova L.I. Innovative Strategies in the Supplementary Vocational Education // Collected Conferences of Sotsiosfera Research Centre. 2013. № 9. pp. 90-94.

2. Ivanishcheva N.A. Education of Adults in the Periods of Reformation of Domestic Education System // Kazan Pedagogical Journal. - №1, 2010. – pp. 170-177.

3. Koryakovtseva O.A., Tarkhanova I.J. Main Approaches to the Organization of Training Research and Educational Personnel under Conditions of the Educational Sphere Reformation // Materials of International Congress "Supplementary Education in Higher School – 2013": Collected Scientific Studies. – Moscow: Buki Vedi, 2013.

4. Mid M. Culture and the World of Childhood. Selected Works. Compiler, Author of the Afterword and Editor-in-Chief I.S.Kon. Moscow: Nauka, Chief Editorial Board of Oriental Literature, 1988.

*Farberova Olga, Voronezh Institute of Cooperation (Branch) BUCEL  
Associate Professor, Doctor of Historical Sciences,  
the Department of the Humanitarian and Social Juridical Disciplines  
Tonkikh Vladimir, Voronezh Institute of Cooperation (Branch) BUCEL  
Professor, Doctor of Historical Sciences,  
the Department of the Humanitarian and Social Juridical Disciplines*

## **Russian business: historical-philosophical phenomenon**

*Фарберова Ольга, Воронежский институт кооперации (филиал) БУКЭП  
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-юридических дисциплин,  
доцент, кандидат исторических наук  
Тонких Владимир, Воронежский институт кооперации (филиал) БУКЭП  
профессор, доктор исторических наук,  
кафедра гуманитарных и социально-юридических дисциплин*

## **Российское предпринимательство: историко-философский феномен**

При всем многообразии исторических [7,11,6,10,16,17] и социально - философских [12,15] исследований по проблемам отечественного предпринимательства историко-философские теоретико - методологические проблемы становления и эволюции феномена предпринимательства в России изучены недостаточно и неравномерно по различным историческим периодам. Исследователи чаще пишут о предпринимательстве как о состоявшемся феномене, не уделяя достаточного внимания историко - философским причинам и специфике российского явления в связи со становлением и генезисом российской цивилизации. Именно в такой связи коренится, на наш взгляд, специфика российского бизнеса и социального слоя промышленников и купцов с периода средневековья и вплоть до наших дней.

Российское предпринимательство имеет более чем тысячелетнюю историю, истоки которой следует искать в социально-философской сущности славянской, а позже – российской (русской) цивилизации. Н.Я. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» подчеркивал ненасильственную природу русского народа: «Самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом» [4, с.480].

С какими обстоятельствами связаны подобного рода нравственные характеристики? Прежде всего, речь идет о географических факторах. Природно-климатические условия породили особый тип хозяйственной деятельности русского народа, основой которого стал коллективный, общий труд, породивший в свою очередь и особый тип социальной организации – крестьянскую общину. Выжить в суровых природных условиях можно было лишь сообща, только в коллективном труде противостоять суровой природе. Отсюда во многом становится понятным отставание по росту производительности труда, когда в России на единицу производимой продукции приходилось затрачивать неизмеримо больше усилий, чем в странах Западной Европы с более мягким климатом. Это обстоятельство отмечал известный британский историк А. Тойнби: «Боковая ветвь православно-христианской цивилизации в России подверглась вызову лесов, дождей и морозов, еще более суровому, чем тот, с которым пришлось бороться западной цивилизации» [14, с. 182].

Ситуация осложнялась и рваным ритмом производства, когда более интенсивная хозяйственная деятельность приходилась на недолгое летнее время, требовавшее усилий по заготовке и сохранению продукции, необходимой для поддержания жизни до нового урожая. Российское сельское хозяйство развивалось в зоне так называемого «рискованного земледелия», когда каждые три-четыре года приходилось на природные катаклизмы, нередко приводившие к голоду и прочим природным катастрофам.

Существенным фактором становления и эволюции цивилизации и как следствие предпринимательства, формирующегося в рамках данной цивилизации, является религия. Православная цивилизация наложила отпечаток на содержание и традиции российского предпринимательства. В России сложился тип предпринимательства, неразрывно связанный с православием. Эта особенность

хозяйственной деятельности русского народа нашла отражение в историческом памятнике XVI столетия «Домострое». В основе «Домостроя», его нравственных норм лежит христианская мораль, переработанная и переосмысленная применительно к духовным ценностям русского общества. Положения «Домостроя» тождественны евангельским нормам и правилам поведения: «Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам – не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наущничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним – дружелюбным, к младшим и убогим – приветливым и милостивым...» [5, с. 318].

Более раннее свидетельство подобного рода находим и в сочинениях ведущего проповедника нестяжательства Нила Сорского (1433-1508), разработавший учение о духовном совершенствовании. Он изучал появление грехов, среди которых наиболее губительными считал чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость, призывал к отказу от богатства, кормлению от результатов собственного труда, нестяжанию и смирению [9]. Православные традиции российской трудовой модели, в которой доминирующими чертами были честь, совесть, милосердие, сострадание, помощь ближним, формировались в течение нескольких столетий.

Особое место в истории формирования российского предпринимательства занимает проблема отношения к богатству. Русская Православная Церковь, как известно, не осуждает богатства, нажитого честным, праведным трудом. В то же время, исходя из нравственных норм Евангелия, осуждается несправедное обогащение, достигнутое в ущерб ближним, воровство, мошенничество и т.п. «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мат. 19, 23).

Следование христианским нравственным традициям показательны для русской классической литературы, приветствовавшей честный труд и, наоборот, всячески критиковавшей несправедное обогащение, что характерно для художественных сочинений Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Островского, М. Горького, В. Шишкова и других русских писателей. Эти же настроения отмечены в пословицах и поговорках, собранных В.И. Далем: «Деньгами души не выкупишь», «Через золото слёзы льются», «Деньги, что камень: тяжело на душу ложатся», «Богатому черти деньги куют», «Богатому сладко естся, да плохо спится», «Меньше денег – меньше хлопот» [3, с. 110-114].

Старые национально-религиозные традиции предпринимательства в духе православного христианства до рубежа XIX-XX веков в большей степени сохранили русские старообрядцы, из среды которых вышли многие известные промышленники и купцы меценаты [2,13].

Традиционная привычка к повседневному тяжелому труду русского купечества, крестьянства, ремесленников привела к принятию в XX столетии мобилизационной экономической модели, связанной с индустриализацией и коллективизацией, Великой Отечественной войной и восстановлением разрушенного народного хозяйства, гонкой вооружений периода «холодной войны», освоением новых территорий на востоке и севере страны. К рубежу 1980-1990-х годов ресурсы мобилизационной экономики, как и трудовые ресурсы советского народа, оказались полностью исчерпаны. Мобилизационная экономическая модель перестала работать при отсутствии достаточных социально-экономических стимулов, что вызвало серьёзный социально-экономический кризис. К тому же непродуманные эксперименты в аграрной сфере второй половины 1950 - начала 1960-х годов привели к фактическому подрыву трудовых основ русской деревни.

Социально-экономические реформы второй половины 1965 года, проводившиеся по инициативе А.Н. Косыгина, оказались саботированными партийно-государственной бюрократией, опасавшейся утраты своих властных позиций. К сожалению, предложенные реформы по ряду объективных и субъективных причин не получили достаточной практической реализации, что в дальнейшем привело к застойным явлениям в экономике.

В этих обстоятельствах страна осуществила переход к рыночной экономической модели в начале 1990-х годов. Данная модель в корне не отвечала духовно-нравственным основам русского народа и была навязана сверху либерально-радикальными реформаторами из команды Б. Ельцина, коренным образом рвавшими с позитивным историческим опытом прошлого, нарушавшими преемственность исторической эволюции русского общества, механистически, без научного анализа применяя и искажая диалектический закон отрицания отрицания.

В 1990-х годах в стране протекало два совпавших по времени социально-экономических процесса: с одной стороны, процесс первоначального накопления капитала, пройденный промышленно развитыми странами в XVIII - первой половине XIX столетий, с характерными для него признаками,

описанными К. Марксом в первом томе «Капитала». «Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей» [8, с.771-772].

С другой стороны, в стране начался процесс перераспределения собственности, когда при попустительстве власти и при прямом ее участии наиболее ценные секторы государственной собственности передавались в частные руки, что породило феномен российского олигархического капитала.

Российское общество в 1990-е годы столкнулось с рядом негативных социально-экономических последствий перехода к капитализму: обнищание значительной части населения; становление сырьевой модели экономики и превращение России в сырьевой придаток развитых стран; чудовищная социальная дифференциация населения; кризис науки, образования и культуры. Российскому обществу при усердном содействии отечественных реформаторов была навязана протестантская модель социально-экономического и нравственного устройства, сущность которой наиболее выпукло выразил один из лидеров методистской церкви Джон Уэсли: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали всё, что можно, то есть стремились к богатству» [1, с.123]. Критерием божественной избранности в протестантской этике стало достижение земного успеха в рамках избранной деятельности – в бизнесе, науке, образовании и т.п., т.е. приумножение капитала. Следовательно, величина капитала играет определяющую роль в личной избранности Богом.

России была навязана модель, при которой капитал, прибыль, деньги превратились в абсолютную ценность, затмили собой все прежние духовно-нравственные ценности, присущие исторически российской цивилизации. Удовлетворение насущных потребностей, личное обогащение в данной модели олигархического капитализма утратило всякий человеческий смысл, вышло за рамки нормальной жизнедеятельности личности. В этой социально-экономической модели не нашлось места таким характерным для российского предпринимательства христианским духовно-нравственным явлениям, как добротолубие, милосердие, сострадание, благотворительность и т.п. Россия в очередной раз на пути своей исторической эволюции оказалась в состоянии, при котором возможна утрата былой самобытности и превращение в малозначимую, второстепенную страну, прозябающую на задворках исторического прогресса.

#### Список литературы:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем.- 2-е изд.- М.: РОССПЭН, 2006.
2. Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты / М.Л. Гавлин. - М.: Дрофа, 2005.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т.: т.1.- СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа/Н.Я. Данилевский. - М.: Книга, 1991.
5. Домострой // Древнерусская литература. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1995.
6. Каменецкий И.Б. История предпринимательства в России (IX – начало XX в.) / И.Б. Каменецкий. - М.: Экономика, 2007.
7. Кублов Р.М. История становления и развития предпринимательства в России в XVIII – начале XX в. (на примере Курского края)/Р.М. Кублов: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. - Курск, 2005.
8. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии: Т.1 // К. Маркс, Ф. Энгельс Соч.- 2-е изд.: Т.23. - М.: Изд-во политич. литературы, 1960.
9. Нил Сорский Соч. / Сорский Нил.- СПб.: Изд-во О. Абышков, 2005.
10. Перхавко В.Б. История русского купечества / В.Б. Перхавко. - М.: Вече, 2008.
11. Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси / В.Б. Перхавко. - М.: Academia, 2006.
12. Семененко С.В. Российское предпринимательство в XX – начале XXI века: история, право, теория и практика / С.В.Семененко, В.А.Тонких, О.Е.Фарберова. - Воронеж: Научная книга, 2012.
13. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII - конец XX в.) / А.Р. Соколов. - СПб: Лики России, 2006.
14. Тойнби А. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций: пер. с англ. / А. Тойнби - М.: АСТ, 2009.

15. Тонких В.А. Социально-экономические предпосылки становления российского предпринимательства в 1990-е годы / В.А. Тонких, О.Е. Фарберова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права.- 2012.- №3.- С.122-127.

16. Фарберова О.Е. Бизнес и государство в современной России / О.Е. Фарберова, В.А. Тонких, М.А. Алехин // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. - №3. – С. 160-166.

17. Чумаков В.Ю. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей / В.Ю. Чумаков.- М.: ЭНАС, 2009.

Riichiro Ishida<sup>1\*</sup>

<sup>1</sup>321-8 Akasabi, Nishikan-ku, Niigata 953-0042, Japan.

## Does Traditional Japanese Culture Help People Cope with Stress Using the Concept of Ikigai (Reason for Being)?

### 1. INTRODUCTION

Japanese people living in modern society have little opportunity to spend time in beautiful natural surroundings because of diminishing natural areas such as forests, ponds, and marshes [1], advanced technology, modern conveniences, and sufficient material possessions, and they experience various kinds of stress, especially troubles with complex human relationships [2]. They say: "I compete with many rivals for the position of section chief. To win, I must be more productive than them. My lower status provides an insufficient salary to purchase a large car and house. This causes my friends and neighbors to have a lower opinion of me. I am tired and empty" [3]. "I can't refuse to help my friends because I worry they may leave me" [4]. The source of these statements seems to come from the excessive need for approval from others. Our previous studies have shown that the intensity of meaning of life negatively correlates with the need for approval from others and this can cause stress [5,6]. Stress can cause anxiety, a feeling of emptiness, confusion, tension, absence of pleasure, and discomfort [7]. It also often contributes to mental and somatic diseases, such as depression and cardiovascular disease, and sometimes leads to death [7, 8]. Indeed, the number of patients suffering from excessive stress and related medical expenses in Japan has increased in recent years [2].

A paradigm shift in how happiness is recognized is occurring among the Japanese people [9]. Evidence has shown that the number of people who believe that psychological welfare is more important than material welfare is increasing in Japan [9]. However, many people still value the material. Having a preference for one philosophy over the other, i.e., psychological or material welfare, requires an established personal response pattern [10] and is related to specific prefrontal cortex (PFC) functions in the brain [11]. Recently, there has been a great deal of brain research in the function of specific areas of the central nervous system, especially the PFC, development of neuronal networks, and neurotransmitters and hormones [11,12]. This research can lead to understanding that one's default philosophy may be based on not only psychological stimuli but also the development of brain function, especially PFC function, which is more evolved in humans compared to other mammals [11,12].

People remember and encounter both good and bad psychological events [13]. Recent evidence has shown that the desire to establish the meaning of life, i.e., *ikigai* in Japanese, can help a person evaluate and integrate such good and bad psychological events with less confusion, causing a decrease in anxiety and increase in inner peace [5]. An example could be: "My *ikigai* is teaching children who are happy to learn from me." *Ikigai* develops by spending time in beautiful natural surroundings, being moved by people and events, and experiencing warm-hearted human relations such as being listened to with empathy [5, 14]. Traditional Japanese culture promotes gratitude for the blessings of nature, respect for the terrifying power of nature, cooperation with others, simplicity, having a pure heart and a mind at peace, and the pursuit of new knowledge [15-19]. The concept of *ikigai* and factors influencing *ikigai* seems to be a common theme in traditional Japanese culture. Recent evidence has also shown that *sekentei*, the desire to get excessive praise from others, causes, in contrast, greater anxiety and less inner peace than *ikigai* [6]. An example of this anxiety could be: "My lower status and lower salary compared to other employees in the company

is not good in terms of *sekentei* and my friends and neighbors.” Excessive *sekentei* seems to be common among modern Japanese people with excessive stress. More detailed explanations and additional examples of *ikigai* and *sekentei* are shown in the “Preliminary Evidence for *Ikigai* and *Sekentei*” section. Recently, many people have expressed an interest in traditional Japanese culture [20] as useful in helping reduce their stress.

Therefore, we discuss the significance of traditional Japanese culture in relation to helping provide modern Japanese individuals with *ikigai* to improve their ability to cope with stress. This process should involve consideration of PFC function.

## 2. PREFRONTAL CORTEX

### 2.1 Lifestyle in Ancient Times

Ten thousand years ago humans lived in small groups in forests, mountains or grassy plains, near rivers or seas [19,21]. They experienced gratitude and fear when unexpected natural phenomena occurred [19,21]. The practice of animism was a way to help explain these natural phenomena. Each *kami* (deity) corresponded to an entity or event. People had to cope with whatever physical conditions occurred. They got food from nature such as fruits and nuts from trees, animals from forests, mountains and grassy plains, and fish from rivers and seas. The purpose of obtaining food was survival rather than a way to get praise from others. This process required physical ability, and integrated cognition of the situation and the ability to decide how to act to avoid dangerous conditions and wild animals. Survival was directed by brain function, especially the PFC [10,11], which has an important role in homeostasis, i.e., stress regulation [22]. Success or failure to get food could result in the secretion of neurotransmitters and hormones, causing emotions such as pleasure or emptiness [10-13,24-27]. The human PFC has evolved for tens of thousands of years and has contributed to adaptation to environments [10,11]. Lifestyles like this lasted for tens of thousands of years. In contrast, modern times, characterized by the destruction of natural surroundings, advanced technology, and globalization, have existed for only 40 or 50 years [2,21]. The differences between ancient and modern times suggest that successful adaptation to modern society may require more listening to the natural instincts that originate in the PFC.

### 2.2 Prefrontal Cortex Function

The PFC has an important role in adaptation to changing environments, i.e., homeostasis, via the autonomic nervous and endocrine systems [e.g., 12]. The PFC in humans, which is more evolved compared to other mammals, provides the ability to adapt to changing environments [10,11]. It has extensive connections with other areas of the brain and integrates the functions of these areas [10,11]. Functions of the PFC include cognition, producing ambition and emotion, evaluating information, mental integration, making judgments and decisions, planning for voluntary activity, and organizing responses [10,11]. Expression of these functions, i.e., phenotypic expression, is influenced by the interaction of genetic, epigenetic, and environmental factors [28]. The autonomic nervous system functions using neurotransmitters, and the endocrine system uses hormones [10-12,14,23-27]. The secretion of both is dictated by the PFC [10-12,14,23-27]. Serotonin balances PFC excitation for proper emotional maturation to occur and helps keep activation within homeostatic ranges necessary for optimal cognitive processing and emotional regulation [29, 30]. Dopamine activates the PFC in response to changing contingencies (prediction errors) and facilitates behavioral reinforcement in order to determine if current feedback is still in line with expectations, and thus it facilitates response reversal, extinction, and modulation [31]. Norepinephrine enhances the signal-to-noise ratio in PFC neural networks so that attention is focused on the matter at hand [32].  $\beta$ -Endorphin provides the PFC with pleasurable feelings [33,34]. Oxytocin provides feelings of familiarity and trust in other people [35]. Endogenous testosterone modulates the PFC-amygdala connection during social emotional behavior [36,37]. The ability to adapt to changing environments, i.e., homeostasis, depends on the PFC influencing the autonomic nervous system, i.e., the balance between the sympathetic and parasympathetic nervous systems and the endocrine system.

### 2.3 Development of PFC

People like to have stable, positive emotions, including ambition, pleasure, and comfort, and dislike negative emotions, including anxiety, fear, and confusion [10,38]. This state of stable, positive emotions and lack of negative emotions is healthy for the brain [38]. Emotion is often related to

motivation[5,10]. Motivation is related to human behavior and has two types, intrinsic and extrinsic [5,10,39]. Intrinsic motivation relates to getting pleasure from the action of doing a task. Extrinsic motivation relates to doing it to get others' praise or a reward. Depending on the type of motivation, repeated successful behaviors accompanied by positive emotions strengthen the synaptic plasticity of different neuronal networks in the PFC [11]. This process is reinforced via repeated secretion of neurotransmitters and hormones [11] and contributes to establishing a philosophy, i.e., the default PFC neuronal network, shown by a stable response pattern to a given environment [11]. The ikigai philosophy is reinforced by repeated experiences of intrinsic motivation, while the sekentei philosophy is reinforced by repeated experiences of extrinsic motivation [39]. Positive emotions from ikigai are stable and continuous because these emotions depend on internal resources, which do not change relative to external circumstances [40]. Positive emotions from sekentei are unstable because the emotions depend on external resources, which easily change [40]. Therefore, ikigai, compared to sekentei, could provide a person with a superior ability to adapt to changing environments [40]. Ultimately, successful adaptation to the stresses of modern society could require each person to have a dominant neuronal network of the PFC based on a firm ikigai rather than excessive sekentei philosophy [40]. It should be noted that PFC function, i.e., the dominant neuronal network, becomes more mature during adolescence and changes even after adolescence not only due to genetic factors but also because of life experiences [11]. Expressions of PFC function, i.e., phenotypic expression, depend on the interaction of genetic, epigenetic, and environmental influences [28]. This evidence shows that it is possible to improve the ability to cope with stress even during adulthood [11].

### **3. PRELIMINARY EVIDENCE FOR IKIGAI AND SEKENTEI**

#### **3.1 History of Ikigai and Sekentei**

Stances of ikigai [41] and sekentei [42] have developed over many years in Japanese culture and Japanese people have begun to understand the importance of these philosophies on responses to stress. The term ikigai has appeared in classical Japanese literature since the twelfth century [41]. It means establishing a personal meaning of life. Ikigai is similar to the "purpose in life" (PIL) of existentialism [43,44]. The two concepts propose that everything changes; life is a one-time opportunity; every person contains the need to establish a meaning of life [43-46]; and people should live in harmony with that meaning in the here and now. The term sekentei has also appeared in classical Japanese literature since the twelfth century [42] and means a philosophy of adaptation to the expectations of those who evaluate one's contributions to society [6]. The term is similar to "social desirability." Ikigai can be measured using psychological instruments such as the Purpose in Life test (Ikigai test) [44, 47]. Sekentei can be measured using psychological instruments such as the Lie scale of the Manifest Anxiety Scale (MAS) [48]. Japanese people often say things like, "My ikigai is to paint and to grow flowers," "His ikigai is to guide tourists through his town, which is rich in traditional culture," and "Wearing cheap, used clothes in a ceremony is not good for sekentei." These two philosophies (ikigai and sekentei) have been an important part of the way Japanese people have adapted to society for many years.

#### **3.2 The Influence of Ikigai and Sekentei on Health**

Recent reports have included evidence of the influence of ikigai and sekentei on health. Persons with firm ikigai compared to those with weak ikigai showed a greater ability to evaluate and integrate psychological events, resulting in less anxiety, confusion, and sympathetic nervous system activity during stressful situations [5,14] and lower risk of death from cardiovascular disease [46,49,50]. A deeper sense of meaning of life, i.e., ikigai, is associated with favorable outcomes, such as high self-esteem, a secure and just worldview, academic adjustment, interpersonal trust, consideration for others, daily well-being, acceptance of bad luck or adversity, and attempting to perform even difficult tasks [45,46,49-51]. The intensity of ikigai is negatively correlated with need for approval from others, as shown by the Martin-Larsen Approval Motivation Scale (MLAM) scores [5]. Persons with excessive sekentei showed greater anxiety and sympathetic nervous system activity during stressful situations such as being evaluated by others during achievement of a goal or task [6]. Ikigai develops from positive experiences, i.e., intrinsic rewards, such as being moved by other people and events, success with challenging tasks, empathetic conversation with others, and spending time and playing in beautiful natural surroundings [14]. Sekentei, i.e., the need for approval from others, develops from negative experiences, i.e., extrinsic rewards, such as excessive expectations of inappropriate praise from others, especially parents and teachers [6]. The evidence in this section suggests that many modern Japanese people



with stress may have excessive need of approval from others, i.e., excessive *sekentei*, and have lost the philosophy of finding their meaning in life, i.e., *ikigai*. Many Japanese people in modern society may ultimately be receiving less of the benefits that come from listening to PFC instincts. Improvement of PFC function by factors influencing *ikigai* may increase the ability to adapt to changing environments, leading to increased ambition, pleasure, and comfort, and decreased anxiety and emptiness.

#### 4. TRADITIONAL JAPANESE CULTURE

Japanese culture has traditionally valued nature, as evidenced by a cultural fear, gratitude, and respect for nature because its power is believed to be far stronger than humans' and greatly influential to daily life [15-19]. For example, in the spring and fall Japanese people often hold festivals at Shinto shrines of any size in every community. The spring festival, usually called "harumatsuri" in Japanese, is performed to pray to the *kami* (deities) that rice or vegetable crops will develop well and be safe from natural disasters such as heavy rain, drought, and strong winds. The fall festival, usually called "akimatsuri" in Japanese, is performed to express gratitude to the *kami* for a bountiful harvest. Japanese culture has also traditionally valued the idea of the importance of "natural behavior" [15-19]. For example, when Japanese people express praise, they value a natural and sincere style of praise more highly than an artificial, sycophantic style. Even though Japan has had contact with many cultures, the idea of the importance of nature and this natural behavior has continued [15-19]. This idea may depend on having lived in natural surroundings for a very long time [15-19]. This process may have provided benefits for PFC function in ancient times.

These cultures [15-19,52,53] include the Jomon culture, which developed in natural surroundings over 15,000 years ago in Japan, where people used earthen vessels and practiced animism, i.e., the belief that each thing in nature has a *kami* (deity); Yayoi culture which brought rice cultivation and flourished from the fourth century BC to third century AD; Shinto with the belief in eight million *kami*; Buddhism which came from ancient India through old China to Japan during the sixth century AD; Confucianism during the sixth century; Taoist ideas mixed with ideas from Zen Buddhism from China during the seventh century; and knowledge from the Netherlands during the eighteenth century when only Dutch trade was allowed because the Tokugawa shogunate had closed Japan to all other foreign influences. There are some differences in the dates of the events according to the references. The process, however, seems to have provided the Japanese people with the idea of the importance of nature, cooperation with others, meaning of life, simplicity, a pure heart and a mind at peace by cognitive integration and the pursuit of new knowledge. The following examples [15-19] reflect the idea that nature and natural behavior are important.

Chado, the tea ceremony, promotes inner peace; ikebana, the art of flower arrangement; bonsai, expression of the beauty of nature by nurturing dwarf trees in earthenware pots; Japanese gardens promote the beauty of nature; haiku and waka are types of Japanese poetry; shodo, Japanese calligraphy, sumie, pictures drawn with sumi ink; Japanese painting refers to antique pictures drawn using colored ink; yakimono (*togei*) or Japanese pottery; kabuki plays; noh is a type of masked dance-drama; joruri or narrating with a Japanese traditional musical instrument; music with Japanese traditional drums, flute, and shamisen; sports such as kendo, meaning Japanese fencing, sumo, meaning Japanese wrestling, and judo all promote inner peace through integration of mind, importance of manners, and consideration for others rather than who wins or loses; Japanese *shojin-ryori*, vegetarian cuisine; ancient tombs; earthenware vessels (e.g., from Jomon and Yayoi periods); dancing; shogi or Japanese chess; Japanese cuisine (e.g., sushi, soba); castles, ruined houses and roads, and other historical ruins and events.

Regardless of occupation, age, sex, surroundings, or expertise, every person can enjoy these activities by practicing and observing them. In the process, we are offered opportunities to be moved and to understand the spirit of Japanese people in ancient times. Neuronal networks become more mature during adolescence and change even after adolescence as a result of not only genetics but experience [11]. Expressions of PFC function depend on interactions of genetic, epigenetic, and environmental influences [28]. Therefore, the process of enjoying these activities, which relates to nature and natural behavior [5,6,14], also could help us have *ikigai* and could decrease excessive *sekentei*, leading to greater ambition, pleasure, and comfort, and less anxiety and emptiness [5,14].

Limitations exist. The effects of the above activities on individual philosophies are hypothetical. Many other classical cultures have traditions that influence philosophies. Modern culture also influences philosophy. Advancement in brain research, including evolution, genetics, and epigenetics, should help determine if a neural connections exist. If so, the significance of these activities in influencing the ability to cope with stress should be discussed based on scientific knowledge.

## 5. CONCLUSION

Many Japanese people experience excessive stress in modern society and have less opportunity to spend time in beautiful natural surroundings because areas such as forests and ponds are less accessible. Previous evidence has shown that ikigai, which is the philosophy of finding the meaning of life, is a more effective way to cope with stress compared to excessive sekentei, which means a philosophy that promotes adaptation to the expectations of society. Ikigai develops through positive experiences including spending time in beautiful natural surroundings and warm-hearted human relations, e.g., being listened to with empathy, being moved by people and events, and success from challenging activities. Traditional Japanese culture has promoted the importance of nature, a pure heart and a mind at peace, and cooperation with others. Therefore, recommending various activities from traditional Japanese culture may be one way to help Japanese people establish their own individual ikigai as an effective way to manage stressful events. This process may improve PFC function, leading to greater ambition, pleasure, and comfort, and less anxiety and emptiness.

## REFERENCES

1. The Japanese Ministry of Agriculture, Forest and Fisheries. Statistics. 2013. Accessed 23 June 2013. Available: <http://www.rinya.maff.go.jp/>.
2. The Japanese Ministry of Health, Labor and Welfare. Percentage distribution of persons aged 12 or over by cause of worry or stress (multiple answers), sex, and age group; 2012. Available: <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/xls/2-61.xls>.
3. Ueda N. Ikiru-imi. Tokyo: Iwanami-Shoten; 2012. Japanese.
4. Kitsuo N. Iihito-ni-miraretai-shokohgun. Tokyo: Bungei-Syunju; 2009. Japanese.
5. Ishida R, Okada M. Factors influencing the development of "Purpose in Life" and its relationship to coping with mental stress. *Psychology*. 2011;2(1):29-34.
6. Ishida R. Correlation between social desirability and autonomic nervous function under goal-oriented stress (mental arithmetic) with consideration of parental attitude. *AutonNervSyst (Tokyo)*. 2008;45(6): 242-249. Japanese.
7. Selye H. The evolution of the stress concept. *Am Psychol*. 1973;61:692-699.
8. Dimsdale JE. Psychological stress and cardiovascular disease. *J Am CollCardiol*. 2008;51(13):1237-1246.
9. Ishida R. A paradigm shift at the cognitive (thinking) level, but not at the emotional (feeling) level: does happiness come from material welfare or psychological well-being for Japanese people? *International Review of Social Sciences and Humanities (IRSSH)*. 2013: (In press).
10. Smith EE, Nolen-Hoeksema S, Fredrickson BL, Loftus GR. Atkinson & Hilgard's Introduction to psychology. 14th ed. Belmont; Wadsworth/Thomson Learning; 2003.
11. Solomon EP, Berg LR, Martin DW. *Biology*. Belmont: Brooks/Cole; 2011.
12. Stuss DT, Knight TRT, editors. *Principals of frontal lobe function*. Oxford: Oxford University Press, Inc.; 2002.
13. Kessels RPC, Kopelman MD. Context memory in Korsakoff's syndrome. *Neuropsychol Rev*. 2012;22:117-131.
14. Ishida R, Okada M. Effects of a firm purpose in life on anxiety and sympathetic nervous activity caused by emotional stress: assessment by psycho-physiological method. *Stress Health*. 2006;22:275-281.
15. Kodera S. Yamakawa-Rinri. Tokyo: Yamakawa-Shuppan-Sha; 2011. Japanese. 16. Daihonzan-Kenchoji. Hajimete-no-Zen. Tokyo: Gakken; 2011. Japanese.
17. Aichigakuin-daigaku-shukyo-kenkyukai. Shukyo-to-ningen. Tokyo: Daito-Shuppan-Sha; 2002. Japanese.
18. Ueda M. Watashi-no-Nihon-kodai-shi. Tokyo: Shincho-Sha; 2013. Japanese.
19. Kobayashi K, Kudo Y, Kokuritsu-minzoku-hakubutsukan. Jomon-bunka-wa-itsu-kara? Tokyo: Shinsen-Sha; 2012. Japanese.
20. The Agency for Culture Affairs, Japan. Bunka-geijutsu-kanren-data-shu. 2013. Japanese. Available: <http://www.bunka.go.jp/bunkashingikai/soukai/44/pdf/sankou/pdf>.
21. Lloyd C. What on earth happened? London: Bloomsbury Publishing Plc.; 2008.
22. Cannon WB. The wisdom of the body. New York: WW Norton and Company; 1939.
23. Carter R. Mapping the brain. London: Phoenix; 2010.
24. Young SN. How to increase serotonin in the human brain without drugs. *J Psychiatry Neurosci*. 2007;32(6):394-399.

25. Bhatnagar S. Neuroscience for the study of communicative disorders. Baltimore, MD: Lippincott Williams & Wilkins; 2008.
26. Volman I, Toni I, Verhagen L, Roelofs K. Endogenous testosterone modulates prefrontal-amygdala connectivity during social emotional behavior. *Cereb Cortex*. 2011;21:2282-2290.
27. Mehta PH, Beer J. Neural mechanism of the testosterone-aggression relation: the role of orbito-frontal cortex. *J CognNeurosci*. 2010;22:2357-2368.
28. Cortessis VK, Thomas DC, Levine AJ, Breton CV, Mack TM, Siegmund KD, Haile RW, Laird PW. Environmental epigenetics: prospects for studying epigenetic mediation of exposure-response relationships. *Hum Genet*. 2012;131:1565-1589.
29. Lambe EK, Fillman SG, Webster MJ, Shannon Weickert C. Serotonin receptor expression in human prefrontal cortex: balancing excitation and inhibition across postnatal development. *PLoS One*. 2011;6(7):e22799.
30. Yildirim BO, Derksen JJ. Systematic review, structural analysis, and new theoretical perspectives on the role of serotonin and associated genes in the etiology of psychopathy and sociopathy. *NeurosciBiobehav Rev*. 2013;37(7):1254-1296.
31. Frank MJ, Fossella JA. Neurogenetics and pharmacology of learning, motivation, and cognition. *Neuropsychopharmacology*. 2011;36(1):133-152.
32. Berridge CW, Waterhouse BD. The locus coeruleus-noradrenergic system: modulation of behavioral state and state-dependent cognitive processes. *Brain Res Brain Res Rev*. 2003;42(1):33-84.
33. Taylor JJ, Borckardt JJ, George MS. Endogenous opioids mediate left dorsolateral prefrontal cortex rTMS-induced analgesia. *Pain*. 2012;153(6):1219-1225.
34. Esch T, Stefano GB. The neurobiological link between compassion and love. *Med SciMonit*. 2011;17(3):RA65-RA75.
35. Ishak WWW, Kahloon M, Fakhry H. Oxytocin role in enhancing well-being: a literature review. *J Affect Disord*. 2011;130(1-2):1-9.
36. vanWingen G, Mattern C, Verkes RJ, Buitelaar J, Fernández G. Testosterone reduces amygdala-orbitofrontal cortex coupling. *Psychoneuroendocrinology*. 2010;35(1):105-113.
37. Yildirim BO, Derksen JJ. A review on the relationship between testosterone and life-course persistent antisocial behavior. *Psychiatry Res*. 2012;200(2-3):984-1010.
38. Ikuta S. *Nou-no-Kenkou*. Tokyo: Kohdan-Sha; 2003. Japanese.
39. Ryan RM, Deci EL. Intrinsic and extrinsic motivations: classic definitions and new directions. *ContempEduc Psychol*. 2000;25:54-67.
40. Ishida R. Differences between Purpose in life / Ikigai and Social Desirability for effectiveness of coping with stress. *International Journal of Business, Humanities and Social Science*; 2013.(in press).
41. Goto T, Kamada K. *Taiheiki*. Tokyo: Iwanami-Shoten; 1960. Japanese.
42. *Nihon-kokugo-daijiten-henshu-iinkai*. *Nihon-kokugo-daijiten*. Tokyo: Shogakukan; 2009. Japanese.
43. Frankl VE. The meaning of meaningless: a challenge to psychotherapy. *Am J Psychoanal*. 1972;32:85-89.
44. Sato F, Tanaka H, Saito S, Yamaguchi H, Chiba N, editors. *The purpose in life test*. Tokyo: System Publica; 1998. Japanese.
45. Kamiya M. *Ikigai-ni-tsuite*. Tokyo: Misuzu-Shobo; 2004. Japanese.
46. Sone T, Nakaya N, Ohmori K, Shimazu T, Higashiguchi M, Kakizaki M et al. Sense of life worth living (Ikigai) and mortality in Japan: Ohsaki study. *Psychosom Med*. 2008;70:709-715.
47. Crumbaugh JC, Maholic LT. An experimental study in existentialism: the psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis. *J Clin Psychol*. 1964;20:200-207.
48. Taylor JA. A personality scale of manifest anxiety. *J AbnormSoc Psychol*. 1953;48(2):285-290.
49. Koizumi M, Ito H, Kaneko Y, Motohashi Y. Effect of having a sense of purpose in life on the risk of death from cardiovascular disease. *J Epidemiol*. 2008;18(5):191-196.
50. Tanno K, Sakata K, Ohsawa M, Onoda T, Itai K, Yaegashi Y, et al. Associations of Ikigai as a positive psychological factor with all-cause mortality and cause-specific mortality among middle-aged and elderly Japanese people: findings from the Japan Collaborative Cohort Study. *J Psychosom Res*. 2009;67(1):67-75.
51. Kiang L, Fuligni AJ. Meaning in life as a mediator of ethnic identity and adjustment among adolescents from Latin, Asia, and European American Backgrounds. *J Youth Adolescence*. 2010;39:1253-1264.

52. Kadokawa-Shoten, editor. Kojiki. Tokyo: Kadokawa-Gakugei-Shuppan; 2010. Japanese.
53. Morohashi T. Chugoku-koten-meigen-jiten. Tokyo: Kodan-Sha; 1972. Japanese.

*Medvid Tatiana, Kherson State University,  
Ph.D., Senior Lecturer, Faculty of Culture and Arts*

## ***The choreographic interpretation of the works of William Shakespeare choreographers XX-XXI centuries***

*Медвідь Тетяна Анатоліївна, Херсонський державний університет,  
кандидат мистецтвознавства, старший викладач,  
факультет культури і мистецтва*

### ***Хореографічна інтерпретація творів Вільяма Шекспіра балетмейстерами XX-XXI століть***

Одним із видатних досягнень мистецтва XX століття стало залучення балету до образного світу великої класичної літератури. Це виявилось можливим завдяки тому, що перед хореографією були поставлені ті ж художні завдання, що перед усіма іншими видами мистецтва: глибока ідейність і змістовність. Це і привело його до великої класичної літератури, дозволило художньо втілити її образи.

Твори видатного драматурга В.Шекспіра набули актуальності ще за доби Просвітництва. Правдиві цікаві образи його творів привертала увагу таких балетмейстерів, як Ж.Ж. Новер, Ж. Омер, Ш. Ле Пік, В.Галеотті, С.Вігано. Творчість В.Шекспіра досить розмаїта, що дало змогу різним балетмейстерам обрати саме «їхнього Шекспіра», та створити нове тлумачення відомих творів. Характерно, що якщо художники-класики у своїх інтерпретаціях робили акцент на силі і сміливому пафосі шекспірівських героїв, красі та величчї їхньої духовної сили, презирстві до смерті, то модерністи бачать Шекспіра зовсім інакше. Вони акцентують увагу на таких мотивах, як безпорадність людини перед невідомим, невиразна тривога і небезпека, безсилля перед неминучим ходом цілого, яке тепер відчувається як доля.

Балетні постановки за творами В.Шекспіра розглядали в своїх працях такі дослідники, як: Гаєвський В. [1], який багато уваги приділяє балету С.Прокоф'єва «Ромео і Джульєтта»; Сабрекова Г. [2], детально розглядаючи модифікацію трагічного в балетах за творами В.Шекспіра; Станішевський Ю. [3], балет «Ромео і Джульєтта» в постановці А.Шекери; Зозуліна Н. [4], досліджуючи творчість балетмейстера Дж. Ноймайєра.

Мета статті: дослідити процес використання драматургії Вільяма Шекспіра на балетній сцені XX-XXI ст.

Найвідомішими творами Вільяма Шекспіра, які неодноразово інтерпретувалися на балетній сцені, є «Сон літньої ночі», «Антоній і Клеопатра», «Гамлет», «Отелло», «Приборкання норвільової» та різноманітні варіації на трагедію «Ромео і Джульєтта».

Серед вищезазначених балетів на окрему увагу заслуговує балет «Сон в літню ніч» Джорджа Баланчина прем'єра якого відбулася 1962 році в Маріїнському театрі, який в деякій мірі відбиває життя молодого автора. Зміст твору розкривається за допомогою активної пантоміми, а настрої створюються розгорнутими хореографічними картинками. Водночас старомодний, начебто, балет, чітко просякнутий іншою, цілком сучасною, естетикою. Історію Оберона з титаніями, як і перипетії відносин двох закоханих пар, автор поспішно включає в рамки першої дії, начебто поспішає звільнитися від надокучливої необхідності ілюструвати сюжет.

У другій дії, Баланчин віддається своїй головній пристрасті, вмінню конструювання чистих хореографічних структур, підкоряючись музиці. Баланчин доповнив професійний архетип новими акцентами. Глядачі ніколи б не могли сказати, що друга дія цього «Сну» – калька з аналогічних сцен

старовинних спектаклів. Баланчин зміг передати і граціозність класичного танцю, і драйв сучасного урбаністичного стилю, який він зібрав зі спортивних та парадних вистав [5].

Вплив драматургії Вільяма Шекспіра відобразився на творчості видатного балетмейстера Вахтанга Михайловича Чабукіані. У листопаді 1957 відбулася примара його балету «Отелло». Звернення до трагедії Шекспіра не було для балетмейстера випадковим і відкривало разом з тим можливість нових творчих звершень. Протистояння добра і зла, боротьба двох сторін – тема ця звучала і в ранніх його творах, але саме в балеті композитора Мачаваріані знайшла глибину філософського узагальнення. Ключем до прочитання балетмейстерського задуму можуть стати слова самого балетмейстера, опубліковані свого часу в журналі «Літературна Грузія»: «Весь Шекспір для мене – в його невтомній спразі ідеальної, гармонійної, щасливої людської натури і в її шаленому неприйнятті всього, що заважає здійснитися цьому ідеалу. Для мене шекспірівська трагедія – це смертельна сутичка добра і зла, щастя і горя, радості та біди, тріумфу і гніву, висока, оновлююча трагедія людяності, вимушеної прийняти виклик нелюдського зла. Ось що я хотів втілити у виставі «Отелло», ось що мене поріднило з «Гамлетом», якого я став виношувати в собі разом з «Отелло» і яким я зараз повністю поглинений» [6].

Задум «Гамлета» виник у Чабукіані приблизно в той же час, що і «Отелло». Прем'єра «Гамлета» композитора Габічвадзе відбулася в травні 1971 року. В.Чабукіані зумів знайти співзвуччя часу і еволюції жанру єдине вірне рішення, здійснюючи «переклад» на мову танцю «Отелло», а потім «Гамлета». Вирішуючи сценічну драматургію «Гамлета», Чабукіані будує її на контрасті та протиставленні.

Трагедія «Ромео і Джульєтта» залишається найбільш відомим світовим твором Вільяма Шекспіра, який знайшов своє місце як в театрі, так і в музиці та балеті. Вважається що саме цей шедевр має найбільшу кількість інтерпретаційних варіацій в сценічному мистецтві. Найвідоміша балетна постановка цього твору була здійснена російським балетмейстером Леонідом Михайловичем Лавровським на музику Сергія Сергійовича Прокоф'єва.

В минулому вже були спроби представити Шекспіра на балетній сцені (наприклад, в 1926 році Дягілєвим було поставлено балет "Ромео і Джульєтта" з музикою англійського композитора К.Ламберта), але жодна з них не визнається вдалою. Здавалося, що якщо образи Шекспіра можна втілити в опері, як було зроблено Белліні, Гуно, Верді, або у симфонічній музиці, як в Чайковського, то в балеті через його жанрової специфіки – не можливо. У зв'язку з цим звернення Лавровського та Прокоф'єва до шекспірівського сюжету було сміливим кроком.

Восени 1938 року дирекція Кіровського театру запропонувала Леоніду Лавровському ознайомитися із вже закінченим клавіром балету «Ромео і Джульєтта», написаним Прокоф'євим. Зі спогадів самого балетмейстера, цю пропозицію він зустрів з величезним хвилюванням, і процитував слова Віктора Гюго: «Шекспір – це життя і смерть, холод і жар, ангел і демон, земля і небо, мелодія і гармонія, дух і плоть, велике і мале ... але завжди істина».

Цей балет став одним із самих значних завоювань на шляху пошуків нового хореографічного спектаклю. Лавровський прагне до втілення живих людських емоцій, утвердження реалізму. Завдяки органічному поєднанню з музикою Прокоф'єва, яскраво розкриває основний конфлікт шекспірівської трагедії – зіткнення світлого кохання з родовою ворожнечею старшого покоління, що характеризує дикість середньовічного укладу життя. Леонід Михайлович створив у балеті синтез - злиття драми і музики, як свого часу Шекспір саме в «Ромео і Джульєтті» з'єднав поезію з драматичною дією. Музика Прокоф'єва допомагає передати найтонші психологічні порухи людської душі, багатство шекспірівської думки, пристрасність і драматизм його першої з найдосконаліших трагедій. Балетмейстеру вдалося відтворити в балеті шекспірівські характери в їх різноманітті та повноті, глибокої поетичності та життєвості. [7].

Л.Лавровський встановив так звану «планку» у постановках за творами В.Шекспіра, з якою порівнювалися всі балетні вистави аж до дебютної роботи українського балетмейстера А.Ф.Шекери в 1971 році, яка склала гідну конкуренцію постановці Л.Лавровського на світовому рівні.

Анатолій Федорович Шекера у 1971 році вирішив ставити балет «Ромео і Джульєтта». Анатолій Шекера завжди вважав, що кожен балет повинен мати свої власні засоби виразності, а не сліпо наслідувати нехай навіть дуже цікаві зразки, тому він відійшов від концепції Л.Лавровського.

Балет А.Шекери «Ромео і Джульєтта» назвали кращим в Союзі. З великим успіхом цей балет був показаний київською трупю на гастролях у Японії (1974), на сцені Великого театру Союзу РСР (1976), на сцені Кремлівського Палацу з'їздів (1979), а згодом він отримав золоту медаль ЮНЕСКО [3].

Ще одна відома постановка яка припала на 1978 рік – це «Ромео і Джульєтта» Юрія Григоровича, яка спочатку була представлена в «Гранд опера», а через рік у Великому театрі. В Цьому балеті вперше прозвучала вся музика видатного витвору С.С.Прокоф'єва, що дало змогу визначити цей балет як велику подію в світовому культурному житті. Знаходження героїв балету в світі власних почуттів, контрастують з неминучим трагічним поверненням в реальність. На цьому протистоянні Ю.Григорович будує внутрішню драматургію постановки.

Начо Дуато – балетмейстер-концептуаліст, котрий наважився зламати всі стереотипи в Шекспірівській драматургії. Перед прем'єрою своєї «Ромео і Джульєтти» Дуато говорив, що в його балеті Монтеккі немає, а є городяни, проте в програмці їх все ж визначили як клан Монтеккі. Хоча на вигляд – звичайні середньовічні городяни. З танцювальними характеристиками у Дуато не дуже спокійно, він використовує свої улюблені прийоми і рухи – швидко, уривчасто, з вільним корпусом і скороченими стопами.

До шекспірівських сюжетів багаторазово звертається Д.Ноймайер. Шекспірівський цикл його балетів представляє чималий інтерес для дослідників, – як з точки зору самої драматургії, так і з точки зору її балетної інтерпретації хореографом високої кваліфікації. Шість п'єс Шекспіра («Ромео і Джульєтта», «Гамлет», «Сон в літню ніч», «Отелло», «Дванадцята ніч», «Як вам це сподобається») представляють велику цінність для світового балетного мистецтва.

В 2007 році відбулася прем'єра «Веронський міф: Шекспіриненти» у виконанні єдиного сучасного балету на теренах України – «Київ-модерн балету», балетмейстера – Раду Поклітару. Цей витвір мистецтва зацікавив весь світ, так як таких сміливих інтерпретацій В.Шекспіра не дозволяв собі ніхто. Сам спектакль розпадається ніби на 2 частини: у першій – безпосередньо театральне дійство, друга частина «Шекспіринентів» – це життя з її гострими моментами моралі, які Р.Поклітару не побоявся винести на сцену.

«Шекспіриненти» не перша робота Раду Поклітару з творами В.Шекспіра, дебютною роботою був балет «Ромео і Джульєтта» який Поклітару створив в тандемі з видатним англійським драматургом Декланом Доннелланом. Вони поставили балет контрастів. Трагедію переказали побіжно, ніби захлинаючись, але так логічно і ясно, що в лібрето не заглядали навіть ті, хто Шекспіра не читав. Довели танцювальне напруження до крайності, але протиставили «буйству» холодну геометрію мізансцен, сувору і точну супідрядність епізодів.

Відома постановка «Ромео і Джульєтта» Анжелена Прельжокажа, побачила світ спочатку на сцені Ліонської опери, а потім, надовго увійшла в репертуар трупи «Балле Прельжокаж». Прельжокаж в «Ромео і Джульєтті» зумів передати атмосферу тюрми в кастовому суспільстві. У соціумі, що переживає драматичну ломку декласифікацію. У Прельжокажа навмисне незрозуміло, чи то весь світ – в'язниця, чи то сильні світу цього жорстко обороняються від декласованого світу, консервуючи в гетто і застосовують насильство проти будь-яких зазіхань ззовні. Тут всі поняття «навиворіт», тут облога всіх проти всіх [8].

До творів В.Шекспіра зверталися і сучасні балетмейстери: М.Бежар, А.Сігалова, Є.Панфілов, Б.Ейфман, К.Сімонов, що говорить про актуальність шекспірівських образів і тем на сучасній балетній сцені. Велика кількість балетних інтерпретацій творів видатного драматурга підтримує зацікавленість глядача, молодих балетмейстерів та критиків балетного мистецтва, а отже є приводом для подальших дослідницьких розробок.

#### писок літератури:

1. Гаевский В. Расставание с Петраркой: «Ромео и Джульетта» в Большом театре // Театр. – 2004. – № 1. – С. 6–9.
2. Сабрекова Г. Балетные интерпретации трагедий Шекспира // Искусствоведение и культурология. – 2007. – № 5. – С. 263-275.
3. Станішевський Ю. Балетний театр України: 225 років історії. – К.: Музична Україна, 2003. – 212 с.
4. Зозулина Н. «Ромео и Джульетта» Ноймайера // Петербургский театральный журнал. – 2001. – Март. – С. 97–101. [http://www.mariinsky.ru/playbill/playbill/2012/10/25/1\\_1900/](http://www.mariinsky.ru/playbill/playbill/2012/10/25/1_1900/)
5. Беляєва Е. «Дні балету» двадцять шостий раз / Е.Беляєва – Балет, 2000.-Листопад - Грудень. – С.18-21
6. Кузовлева Т. Балети С.Прокоф'єва в минулому і сьогодні. /Т.Кузовлева – Театр, 1992. - № 7. – С.72-77
7. Ю.М. Чурко. Линия, уходящая в бесконечность. Субъективные заметки о современной хореографии – С. 57-65

## Section 13. Jurisprudence

*Kuatzhan Ualiev, Karaganda University "Bolashak",  
Professor, Doctor of Jurisprudence Sciences, the law school,  
Ayman Kussainova, Karaganda University "Bolashak",  
Docent, Candidate of Jurisprudence Sciences, the law school*

### ***Guardianship as a way to protect the rights of children who have lost parental care***

*Куатжан Уалиев, Карагандинский университет "Болашақ",  
профессор, доктор юридических наук, юридический факультет  
Айман Кусаинова, Карагандинский университет "Болашақ",  
доцент, кандидат юридических наук, юридический факультет*

### ***Опека и попечительство как способ защиты прав детей, утративших родительское попечение***

Данная статья посвящена рассмотрению института опеки и попечительства, как способа защиты прав детей, утративших родительское попечение. Публикация затрагивает основания для установления опеки и попечительства, а также функции, которыми наделены органы опеки и попечительства.

В своем Послании народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» Президент Республики Казахстан - Лидер Нации Н.А. Назарбаев особо отметил: «Важнейшей составной частью социальной политики на новом этапе я объявляю защиту материнства и детства... Дети - наиболее уязвимая и самая незащищенная часть нашего общества, и они не должны быть бесправными». [1]

В Казахстане особая роль в обеспечении защиты интересов и прав детей, оставшихся без родительского попечения, возложена на государственную систему органов опеки и попечительства. Основанием для установления опеки или попечительства является факт утраты детьми по тем или иным причинам родительского попечения. Опека и попечительство устанавливаются над такими детьми в целях их содержания, воспитания и образования в условиях семейного воспитания, а также для защиты их имущественных и неимущественных прав и интересов (п. 1 ст. 115 Кодекса о браке (супружестве) и семье) – (далее КоБС).

Проблемами защиты детей, оставшихся без попечения родителей занимались ученые-юристы во все времена. В начале XX в. вопросы защиты детей путем устройства их под опеку и попечительство исследовали такие ученые, как Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский и др. В советский период исследованием этих проблем занимались: Л.Ю. Михеева, О.С. Иоффе, Н.М. Ершова. Современные ученые также уделяют большое внимание этому вопросу, среди них Б.А. Есентемирова, М. Жаскайрат, Е. Г. Куропацкая, Л.М. Пчелинцева, Т.О. Урумова и др.

Целью данной статьи является исследование правовой природы опеки над детьми, оставшихся без родительского попечения, а также определение места и роли этого института в системе способов защиты прав ребенка. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: проанализировать законодательство об опеке, рассмотреть его особенности, выявить основные проблемы института опеки и попечительства в Республике Казахстан.

Институт опеки и попечительства имеет ряд общих черт и различий с институтом усыновления (удочерения).

Общим для них является осуществление воспитания в семье оставшегося без родительского попечения ребенка и защита его интересов.

Главное, что отличает от усыновления (удочерения) опеку и попечительство, – временный (срочный) характер последних: опека осуществляется – до достижения ребенка возраста 14 лет (п. 2 ст. 130 КоБС), попечительство – до 18 лет, после чего и опека, и попечительство прекращаются (п.3 ст. 130 КоБС). [2]

Второе отличие: опека и попечительство, в отличие от усыновления (удочерения), не порождают родительских прав.

Опека и попечительство не влекут за собой возникновения взаимных прав и обязанностей имущественного характера, тогда как усыновитель (удочеритель) и усыновленный (удочеренный) ребенок приобретают взаимные права, и на них возлагаются взаимные обязанности, аналогичные тем, какие существуют между родителями и детьми. Так, между опекуном и подопечным не возникают обязанности по их взаимному содержанию, наследственным и жилищным правам и т.д. Именно поэтому опека и попечительство не подлежат регистрации в органах ЗАГС.

Институт опеки и попечительства является комплексным, ибо он основан на нормах гражданского, семейного, административного и других отраслей права.

Разграничение понятий опеки и попечительства в сфере воспитания и образования несовершеннолетних не имеет существенного значения. Особую значимость такое разграничение приобретает при защите опекунами и попечителями личных и имущественных прав и интересов подопечных лиц в возрасте до 14 и до 18 лет, что обуславливается различиями в содержании их дееспособности.

В Гражданском кодексе Республики Казахстан содержатся общие положения об установлении и прекращении опеки и попечительства. Соответствующие нормы входят в состав таких институтов, как дееспособность граждан, представительство, сделки, обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Опека и попечительство рассматриваются здесь как способы восполнения дееспособности граждан (частичной или неполной). [3]

Дети в возрасте от 6 до 14 лет вправе самостоятельно совершать только весьма ограниченный круг сделок (мелкие бытовые сделки). Все остальные сделки за этих лиц совершает их опекун как законный их представитель. Через посредство опекуна подопечное лицо может стать участником любого гражданского правоотношения.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают гораздо большим объемом дееспособности, нежели малолетние. Они могут без согласия попечителей: распоряжаться своим заработком, стипендией, иными доходами и осуществлять свои авторские права, подпадающие под категорию охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности.

Для совершения иных сделок подопечному того же возрастного диапазона требуется письменное согласие его законного представителя – попечителя.

КоБС регламентирует опеку и попечительство как форму устройства и семейного воспитания детей, оставшихся без родительского попечения, и определяет права и обязанности опекунов и попечителей (разд. 4).

Органом опеки и попечительства в соответствии с п. 1 ст. 120 КоБС являются местные исполнительные органы, функционирующие на основании Правил осуществления функций государства по опеке и попечительству, утвержденных Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 марта 2012 года № 382 [4]. Районные и городские исполнительные органы осуществляют свои функции в этой сфере через местные уполномоченные органы образования, социальной защиты населения и здравоохранения, а поселковые, сельские и аульные исполнительные органы – самостоятельно.

В число функций, которыми наделены органы опеки и попечительства, входят, в частности:

- 1) выявление детей, оставшихся без родительского попечения и нуждающихся в помощи и защите со стороны государства;
- 2) выбор формы устройства детей, исходя из конкретных обстоятельств утраты ими попечения;
- 3) контроль деятельности опекунов и попечителей.

Рассмотрим содержание данных функций, опираясь на принятое в науке права понятие функции как внешнее проявление свойств объекта, способ его поведения в определенной системе отношений [5, с. 3].

*1) Выявление детей, оставшихся без родительского попечения и нуждающихся в помощи и защите со стороны государства.*

Законодательство РК возлагает ответственность за выполнение данной функции на должностных лиц учреждений /дошкольных образовательных, общеобразовательных, лечебных и других учреждений/ (ст. 117 КоБС).

Положение об органах опеки и попечительства устанавливает, что деятельность других, кроме данных органов, юридических и физических лиц по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, не допускается. Вместе с тем активное содействие этих лиц органам опеки и попечительства в этой их деятельности не исключается. Более того, данные лица обязаны сообщать о таких детях в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения детей. Органы опеки и



попечительства должны поддерживать постоянные контакты с учреждениями и лицами, владеющими информацией о неблагополучных семьях. Это школы, правоохранительные органы, лечебные учреждения. [6, с.71]

Орган опеки и попечительства в течение трех дней со дня получения таких сведений обязан провести обследование условий жизни ребенка и при установлении факта отсутствия попечения со стороны его родителей или его родственников обеспечить защиту прав и интересов ребенка до решения вопроса о его устройстве (п. 3 ст. 117 КоБС). Указанный орган в течение месяца со дня поступления к нему соответствующих сведений обеспечивает устройство ребенка и при невозможности передать ребенка на воспитание в семью направляет сведения о таком ребенке в орган управления образованием соответствующих административно-территориальных единиц для централизованного учета и оказания содействия в последующем устройстве ребенка на воспитание в семью граждан Казахстана, постоянно проживающих на его территории (п. 4 ст. 117 КоБС).

До устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью или в вышеуказанные учреждения, исполнение обязанностей опекуна (попечителя) детей временно возлагается на органы опеки и попечительства (п. 2 ст. 118 КоБС). Это означает, что орган опеки и попечительства обязан оказать помощь такому ребенку, обеспечив его средствами существования, и оперативно его устроить.

2) *Выбор формы устройства детей, исходя из конкретных обстоятельств утраты ими попечения.*

Формами устройства детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, являются: усыновление (удочерение), опека (попечительство), договор патроната, передача в то или иное учреждение (воспитательное, лечебное и др.).

Выбор формы устройства ребенка зависит в первую очередь от того, *постоянно* или *временно* он оказался лишенным родительского попечения.

В случае смерти родителей ребенка, или лишения их родительских прав, или при неимении сведений об их местонахождении (и отсутствии оснований предполагать, что в двух последних случаях ребенок может быть через определенное время возвращен родителям) встает вопрос о форме его *постоянного* устройства.

При таком устройстве ребенка в семье наиболее предпочтительной формой является усыновление (удочерение). Однако, как правило, этот вопрос не может быть решен при его постановке. Поэтому в подобном случае обычно прибегают к установлению опеки над ребенком, что в большей степени будет отвечать его интересам в сравнении с помещением его в детское учреждение. Разумеется, закон не может содержать исчерпывающий перечень случаев назначения данной формы устройства детей [7, с. 103].

Смысл этих положений заключается, на наш взгляд, вовсе не в том, чтобы указать на преимущества одной из возможных форм устройства ребенка, а в том, чтобы подчеркнуть необходимость защиты интересов ребенка и определить лицо, ответственное за него.

Исходя из изложенного можно сделать следующие выводы:

1) Органы опеки и попечительства, входящие в структуру местного исполнительного органа (акимата), организует свою деятельность на основе законодательства РК, предоставляющего им возможность выявлять детей, оставшихся без родительского попечения и нуждающихся в государственной помощи и защите интересов, выбирать формы устройства детей, исходя из конкретных обстоятельств утраты ими попечения, контролировать деятельность опекунов и попечителей.

2) КоБС возлагает на должностные лица и иных граждан обязанность сообщать в органы опеки и попечительства о детях, оставшихся без попечения родителей (п. 1 ст. 117). Однако за невыполнение этой обязанности гражданами Закон не предусматривает применения к ним какой-либо санкции. Представляется целесообразным ввести в данный законодательный акт положение об административной ответственности за ее невыполнение в виде, например, наложения штрафа в определенном размере.

3) КоБС не содержит определения понятия «представитель ребенка», не очерчивает его функции, права, обязанности и ответственность.

Норма, содержащаяся в п. 2 ст. 71 КоБС о назначении представителя ребенка в случае конфликта его интересов с интересами его родителей, нам представляется неполной, ибо в ней не конкретизированы основания назначения представителя ребенка. Отсутствие такой конкретики и является, на наш взгляд, одной из причин того, что упомянутая статья КоБС не применяется на практике.

4) Для более эффективного соблюдения и защиты прав и интересов детей, следует включить в перечень функций органов опеки и попечительства принятие превентивных мер в целях создания надлежащих условий для воспитания и развития ребенка в семье.

5) Особое внимание следует уделить развитию в Казахстане института патроната.

#### **Список литературы:**

1. Круглый стол в Мажилисе «Современные аспекты совершенствования законодательства Республики Казахстан по вопросам прав детей» 22 апреля 2014 г. // <http://www.zakon.kz/4618742-kruglyj-stol-v-mazhilise-sovremennye.html>
2. Кодекс о браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 года № 518-IV // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2011 г., № 22, ст. 174.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1994 г., N 23-24 (приложение).
4. Правила осуществления функций государства по опеке и попечительству, утверждённые Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 марта 2012 года № 382 // САПП РК 2012 г., № 40, ст. 523
5. Каск Л.И. Функции и структура государства. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1969. – 65 с.
6. Есентемирова Б.А. Деятельность органов опеки и попечительства по защите прав несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения // Фемида. 2004. № 6(102). – С. 71–76.
7. Ершов В.А. Опека и попечительство: юридический статус и защита прав и законных интересов детей, лишенных родительской опеки // Учебно-методический комплекс. - М.: ГроссМедиа; РОСБУХ, 2008. - 112 с.

*Aysoltan Habyyeva, Master of Law, teacher*

*The state boarding school for talented children, Ashgabat, Turkmenistan*

### ***State enterprises and Turkmenistan accession to the WTO***

*Айсолтан Хабыева, Магистр права, педагог*

*Государственная школа-интернат для особо одаренных детей,*

*г. Ашхабад, Туркменистан*

### ***Государственные предприятия в условиях вступления Туркменистана в ВТО***

В начале 2013 года Туркменистан, выразивший заинтересованность в изучении вопроса о присоединении к Всемирной торговой организации (ВТО), сформировал государственную комиссию для оценки экономических последствий вступления в ВТО и подготовке необходимых предложений и документов.

Перспективы присоединения Туркменистана к ВТО требуют своевременного проведения исследований вопросов функционирования национальной экономики в условиях либерализации внешнеторгового режима и оценки использования возможностей норм и правил ВТО для учета интересов государственных предприятий, которые не только занимают доминирующий удельный вес в топливно-энергетическом комплексе страны, но и обеспечивают практически весь объем валютных поступлений от экспорта Туркменистана.

Следует отметить, что Статья XVII Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) разрешает государственным торговым предприятиям принимать участие в проведении экспортно-импортных операциях. ГАТТ в редакции 1947 г. не давал определения понятия «государственное торговое предприятие». В ходе Уругвайского раунда переговоров была подписана Договоренность в отношении толкования Статьи XVII ГАТТ, согласно которой государственное торговое предприятие

определяется как «правительственные и неправительственные предприятия, ... которые наделены исключительными или специальными правами или привилегиями, включая законодательные или конституционные полномочия, осуществляя которые они влияют посредством своих закупок или продаж на уровень или направление импорта или экспорта» [1]. Необходимо обратить внимание, что в соответствии с данным определением под категорию государственных торговых предприятий подпадают и частные компании, которые наделены исключительными правами или имеют определенные привилегии в области импорта и экспорта.

В Статье XVII ГАТТ прямо указывается, что государственные торговые предприятия при осуществлении внешнеэкономической деятельности должны руководствоваться принципом наибольшего благоприятствования («недискриминационный режим») и не только проводить экспортно-импортные операции, основываясь на исключительно коммерческих соображениях, но и предоставлять предприятиям других стран равноценную возможность участия в таких торговых сделках. Исключением из этого правила является импорт товаров, осуществляемый государственными торговыми предприятиями для исключительно государственных нужд.

В ходе переговоров о присоединении к ВТО Туркменистану следует принять во внимание, что если государственные торговые предприятия страны будут иметь монополию на импорт товаров, не являющихся предметом тарифных уступок, то страны-члены Всемирной торговой организации вправе запросить информацию об импортной наценке на эти товары за последний репрезентативный период, или, если это окажется невозможным, о цене, устанавливаемой для перепродажи этого товара. Размер наценки на импортные товары могут далее быть предметом переговоров и включены на взаимной основе в качестве связанных тарифов, как на это указывается в Статье II ГАТТ.

Более того, необходимо учесть, что в прошлом для многих стран, экономика которых носила плановый и административно-командный характер, в качестве условия вступления в ВТО была предусмотрена необходимость выполнения особых требований, например, по применению другими членами ВТО специальных защитных мер, дискриминирующих экспорт страны-кандидата в члены Всемирной торговой организации.

Отметим, что принцип национального режима (Статья III ГАТТ) не распространяется на государственные закупки товаров, предназначенных исключительно для государственных нужд, равно как и режим наибольшего благоприятствования, который применяется, как указано в Статье I, «в отношении всех вопросов, указанных в пунктах 2 и 4 статьи III». Поскольку в пунктах 2 и 4 Статьи III ГАТТ не говорится о государственных закупках, постольку в отношении последних не применяется режим наибольшего благоприятствования, о чем свидетельствуют и факты практического использования такого рода толкования.

Учитывая складывающиеся тенденции возрастающей доли государственных расходов в валовом внутреннем продукте стран-членов ВТО, в ходе Токийского раунда переговоров по ГАТТ было подписано Соглашение по правительственным закупкам. Несколько измененная и дополненная в процессе Уругвайского раунда переговоров версия Соглашения была введена в действие с 1 января 1996 года.

Следует отметить, что Соглашение по правительственным закупкам является многосторонним торговым соглашением с ограниченным числом участников – оно подписано только 11 государствами-членами ВТО. Соответственно, данное Соглашение носит недискриминационный характер только в отношении стран его подписавших, то есть любые тарифные уступки, которые предлагаются страной-участницей Соглашения по правительственным закупкам другому его участнику, не распространяются на страны, которые не подписали Соглашение по правительственным закупкам.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле предоставляет стране-члену ВТО возможность не выполнять принятые обязательства и тарифные уступки. Во-первых, положения ГАТТ или Статьи II ГАТТ не применяются между двумя странами, если эти страны-члены ВТО не вступили в тарифные переговоры друг с другом или любая из этих стран в то время, когда другая из них становится договаривающейся стороной, не соглашается на такое применение. Важно отметить, что этим исключением можно воспользоваться один раз и касается оно торговых взаимоотношений нового члена ВТО с

другими его участниками. Таким образом, если Туркменистан станет полноправным членом Всемирной торговой организации, в зависимости от вектора национальных интересов, страна имеет полное право сделать выбор в пользу взаимного применения или неприменения положений ГАТТ в отношении того или иного участника ВТО.

В целом, предварительный анализ ряда статей ГАТТ выявил, что Туркменистан имеет широкие возможности и достаточно прочные позиции отстаивания интересов предприятий национального топливно-энергетического комплекса в процессе переговоров о присоединении к ВТО при условии обеспечения режима наибольшего благоприятствования (РНБ) во взаимной торговле и осуществления внешнеэкономической деятельности государственных предприятий исключительно на коммерческой основе.

#### **Список литературы**

1. The General Agreement on Tariffs and Trade 1994. Доступно: [http://www.wto.org/english/docs\\_e/legal\\_e/06-gatt\\_e.htm](http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/06-gatt_e.htm). (Дата обращения: 30.05.2014)

*Bakhyt Nurgaliyev, Karaganda University "Bolashak",  
Doctor of Jurisprudence Sciences, Professor, the law school  
Kanat Lakbaev, Karaganda University "Bolashak",  
Doctor of Jurisprudence Sciences, Associate Professor, the law school*

### **The minimization of social impacts (cost) of organized crime under the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan**

*Бахыт Нурғалиев, Карагандинский университет «Болашақ»,  
доктор юридических наук, профессор, юридический факультет  
Канат Лакбаев, Карагандинский университет «Болашақ»,  
доктор юридических наук, доцент, юридический факультет*

### **О минимизации социальных последствий (цены) организованной преступности по уголовному законодательству Республики Казахстан**

В данной статье рассматриваются вопросы противодействия экономическим основам функционирования преступных организаций. Показана степень социальных последствий (цены) их деятельности для государства и общества. С учетом этого, впервые комментируются нормы уголовного законодательства Республики Казахстан, регламентирующие ответственность за финансирование организованной преступности.

Стержнем современной организованной преступности является ее экономическая направленность. Систематическое нарушение закона преследует главную цель – обогащение, накопление капитала. Например, в России материальный ущерб, причиненный государственным, общественным организациям, отдельным предпринимателям или коммерческим структурам, исчисляется сотнями миллиардов рублей. Это незаконные операции с нефтью, алмазами, так называемой красной ртутью, приватизацией. Только от фальшивых авизовок банки России потеряли сотни миллиардов рублей. Полученная незаконная прибыль отмывается через сложную систему банковских операций и оседает на счетах в зарубежных банках, а также вкладывается в недвижимость. По данным Центра аналитических исследований при Администрации Президента России 1995 года, до 30 % дохода предпринимателей уходило к мафии [1].

Те годы не были временем экономической свободы и конкуренции, это была имитация рыночного хозяйства при сохранении основ командной экономики – но уже не централизованной (по типу обществ азиатского способа производства), а децентрализованной (по типу феодальных обществ)<sup>[2]</sup>.

Соответственно, функционирование каналов финансирования организованной преступности в подобных условиях наносит серьезный ущерб экономической безопасности государства, так как криминальные денежные средства, инвестируясь в легальный оборот, продолжают работать на преступные формирования, подпитывая их экономическую основу и одновременно ставя под контроль криминалитета все большее число хозяйствующих субъектов [3].

В США в 1978 году специальная комиссия по расследованию деятельности организованной преступности установила, что капиталы «Коза Ностра» инвестированы в десятки отраслей легального бизнеса<sup>[4]</sup>.

При этом многие исследователи прогнозируют дальнейшую интернационализацию, глобализацию организованной преступности. Она выступает уже как предпринимательство, бизнес, индустрия, производство товаров или услуг. Ее главной целью является экономическая выгода, прибыль<sup>[5]</sup>,<sup>[6]</sup>.

Актуальность этой проблемы в Казахстане давно признана на самом высшем государственном уровне. В 2002 году Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев отметил: «Экономическая безопасность представляет собой очень сложную, разноплановую и многофункциональную систему. Экономическая преступность поразила многие сферы – отношения собственности, производство и распределение произведенного продукта и прибыли, финансовый и банковский секторы, сферу управления, внешнеэкономической деятельности и т. д... Она имеет системный характер. И бороться с ней надо не фрагментарно, а комплексно воздействовать на все блоки экономических отношений, подвергшихся криминальному заражению» [7].

При этом, финансовая сфера транснациональных преступных формирований характеризуется иерархическим построением и организационным разделением отдельных функций (сбор наличных денег, ведение учета, управление финансами, «отмывание» денег и размещение инвестиций). Общим управлением финансовой сферой обычно занимается доверенное лицо руководителя организации. Отдельные функции возлагаются на членов организации. Для осуществления отдельных видов операций, требующих специальных профессиональных знаний, привлекаются сторонние лица (финансовые консультанты, юристы, аудиторы). В целях безопасности финансовая сфера отделена от других сфер преступной деятельности организации. Лица, задействованные в финансовой сфере, часто не знают, из каких источников получены деньги, которыми они управляют [8, 144].

Это еще одно подтверждение взгляда на организованную преступность как на сеть фирм, производящих товары и услуги [9].

Функция обеспечения существования каждой конкретной преступной группировки имеет задачу создания материальной основы ее функционирования. Абсолютное большинство преступлений, совершаемых организованной преступностью, носит корыстный характер. Ее главная задача – обеспечить ее членам, прежде всего главарям, устойчивый доход, причем обычно превышающий существующие средние нормы прибыли в стране (иначе бы терялся смысл заниматься этой рискованной деятельностью). Часть финансов организованной преступности формируется за счет собственно криминальных источников, часть – за счет легального бизнеса, созданного или находящегося под ее контролем. Криминальные доходы, как правило, служат основным источником формирования финансов организованной преступности [8, 150].

Не последнюю роль здесь играет теневая экономика, которая в развивающихся странах имеет значительный финансовый потенциал [10], [11].

Как отмечал А.И. Гуров, одним из основных признаков преступных организаций является наличие материальной базы, что проявляется в создании общих денежных фондов, обладании банковским счетом, недвижимостью. Так, например, современный «вор в законе» – это организатор преступной деятельности, причем большей частью экономической направленности. Он активизирует, сплачивает уголовные элементы с помощью воровских сходок и специальных воззваний, берет под «контроль» некоторые преступные отрасли (рэкет, кражи, банковские аферы, мошенничество), разрешает конфликты, возникающие между группами или отдельными лицами, завязывает отношения с зарубежным преступным миром и чиновниками, занимается сбором денежных средств в общие кассы [1].

«Общак» («воровская касса») – на [уголовном жаргоне](#) означает фонд взаимопомощи в среде преступного сообщества. «Общак» находится под контролем авторитетного преступного лидера, пользующегося доверием преступников («[вор в законе](#)», «[положенец](#)» или «[смотрящий](#)»). Его средства используются для организации новых преступлений, подкупа чиновников и сотрудников правоохранительных органов, материальной поддержки заключённых в местах лишения свободы или их семей [12].

«Общак» можно считать любые финансовые и материальные ресурсы организованной преступной группы, преступного сообщества (преступной организации), в каком бы виде они ни существовали: наличные деньги, товар (в том числе криминальный – оружие, наркотики и т.д.), недвижимость, акции различных коммерческих и иных предприятий (организаций) [13].

Таким образом, наличие и функционирование общих денежных фондов преступных организаций является одним из основных факторов, предопределяющих степень и объем социальных последствий (цены) организованной преступности для государства и общества в целом.

Несмотря на это, до недавнего времени в уголовном законодательстве Республики Казахстан отсутствовали нормы, направленные на противодействие их финансированию. В ноябре 2011 года при активном участии авторов данной статьи в Уголовный кодекс РК внесен ряд изменений и дополнений, направленных на серьезное ужесточение государственной политики в отношении организованной преступности. Одной из новых норм стала статья 235-4:

«Статья 235-4. Финансирование деятельности организованной группы, преступного сообщества (преступной организации) либо транснациональной организованной группы, транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или устойчивой вооруженной группы (банды), а равно сбор, хранение, распределение имущества, разработка каналов финансирования

1. Финансирование деятельности организованной группы, преступного сообщества (преступной организации) либо транснациональной организованной группы, транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или устойчивой вооруженной группы (банды) -

наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет с конфискацией имущества.

2. Сбор, хранение, распределение имущества, а также разработка каналов финансирования, совершенные участником организованной группы, преступного сообщества (преступной организации) либо транснациональной организованной группы, транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или устойчивой вооруженной группы (банды), -

наказываются лишением свободы от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

3. Деяния, предусмотренные частью первой и второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, -

наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества.

Примечания.

1. Под финансированием деятельности организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), транснациональной организованной группы, транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или устойчивой вооруженной группы (банды) следует понимать предоставление имущества, оказание финансовых услуг организованной группе, преступному сообществу (преступной организации), транснациональной организованной группе, транснациональному преступному сообществу (транснациональной преступной организации) или устойчивой вооруженной группе (банде) в целях осуществления преступной деятельности.

2. Лицо, осуществлявшее финансирование деятельности организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), транснациональной организованной группы, транснационального преступного сообщества (транснациональной преступной организации) или устойчивой вооруженной группы (банды) под угрозой насилия и добровольно заявившее об этом, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состава иного преступления» [14].

Ввиду новизны данной нормы, правоприменительная практика в Казахстане пока недостаточна. Так, в 2013 году по данной статье было возбуждено 11 уголовных дел, за 3 месяца 2014 года – 3 [15].

Соответственно, детальный уголовно-правовой комментарий по ней пока отсутствует. В связи с этим, можно попытаться дать его в постановочном плане.

Объектом финансирования деятельности организованного преступного формирования, в том числе имеющего транснациональный характер, является общественная безопасность, так как лица, финансирующие их, способствуют усилению его экономического могущества и, следовательно, способствуют дальнейшему развитию данной криминальной структуры, существенно затрудняя задачи уголовной юстиции по ее выявлению и уголовному преследованию.

Объективная сторона данного деяния заключается в любых формах обеспечения организованного преступного формирования финансовыми, материальными и техническими средствами, способствующими осуществлению руководителями и участниками данных преступных формирований любых действий по их функционированию, координации, развитию и процветанию. Это может выражаться:

1. В создании и распределении средств общего денежного фонда организованного преступного формирования, который может представлять собой:

- «воровской общак», организуемый преступными формированиями общеуголовного типа;
- «общую кассу», организуемую преступными формированиями экономического («беловоротничкового») типа.

2. В оказании им добровольно или под угрозой разовой или регулярной финансовой, материальной или технической помощи.

Обязательным условием объективной стороны является то, что финансирование деятельности организованного преступного формирования осуществляется без «привязки» к какому-либо конкретному преступлению. В противном случае, действия квалифицируются как пособничество в совершении данного деяния.

Субъект преступления – дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона деяния выражается в том, что виновный осознает, что оказывает помощь организованному преступному формированию. Таким образом, виновный знает, что лица, которым оказывается помощь (в том числе и через посредников), входят в состав криминальной структуры. Мотивы и цели финансирования могут быть различными:

- опасения за судьбу своего бизнеса, родных и близких;
- приобретение «силовых партнеров» для незаконного расширения бизнеса, в том числе за счет рейдерских захватов объектов экономики;
- приобретение «защиты» от воздействия других преступных формирований;
- использование возможностей криминалитета для организации и защиты схем совершения преступлений в сфере легальной, нелегальной и теневой экономики.

Такая картина полностью соответствует классической схеме заключения нелегального соглашения о покровительстве [16] и широко представлена в трудах зарубежных специалистов [17].

С учетом изложенного представляется, что появление указанной нормы в уголовном законодательстве Казахстана позволяет реализовать одну из главных задач уголовной юстиции в противодействии криминалитету – воздействие на его экономическую основу как наиболее чувствительную область. Тем самым, появляется возможность кардинально минимизировать социальные последствия (цену) организованной преступности для государства и общества.

#### Список литературы:

1. Гуров А.И. Организованная преступность в России <http://yurpsy.com/files/xrest/2/22.htm>
2. Ericson R.E. The Post Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? // <http://www.hhs.se/site/Publications/No140-web.pdf>.
3. Бейсенов А. М. Проблемы расследования легализации денежных или иного имущества, приобретенного незаконным путем: Дис. канд. юрид. наук. – Алматы, 2000. – С. 23.
4. Polkehn K., Szeponik H. Wer nicht schweig muss sterben: Ein Tatsachenbericht über die Mafia. MILITÄRVERLAG der Deutschen Demokratischen Republik, Berlin, 1975, p. 49. <http://profilib.com/kniga/82441/klaus-polken-cto-ne-molchit-tot-dolzhn-umeret-fakty-protiv-mafii.php>
5. Kelly R., Kolin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In the Unites States. Greenwood Press, 1994. - Pp.78-88.
6. Albanese, J. Organized Crime: The Mafia Mystique. In: Shelley, J. Criminology. A Contemporary Handbook. Second Ed. Wadsworth Publishing Company., 1995.- Pp. 233-240.
7. Выступление Н. Назарбаева на расширенном совещании правоохранительных органов 29 марта 2002 г. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1017607620>
8. Фитуни Л. Л. Финансовый мониторинг: Учебное пособие. – М., 2002.

9. Rubin P.H. The economics of crime // The economics of crime. N.Y., 1980. - P. 18.
10. Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. № 1. - P. 61-90.
11. Fidler P., Webster L. The Informal Sectors of West Africa // The Informal Sector and Microfinance Institutions in West Africa. Ed. by L. Webster, P. Filder. Washington, 1996. - P. 6.
12. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B0%D0%BA>
13. Вербовой В.Т. Некоторые вопросы совершенствования борьбы с организованной преступностью // В книге: Совершенствование деятельности оперативных аппаратов органов внутренних дел в борьбе с опасными проявлениями групповой преступности. Сб. науч. тр. – Хабаровск: ВШМ МВД СССР, 1990. – С. 20-21.
14. Закон Республики Казахстан от 29 ноября 2011 года № 502-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия организованной преступности, террористической и экстремистской деятельности» <http://adilet.zan/rus/docs/Z1100000502/>
15. Information on registered crimes under Art. 235 of the Criminal Code in the Republic of Kazakhstan for the period from 2012 to 2014gg. - URL: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>.
16. Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge (Mass.), L., 1993. – P.335.
17. McGuire M., Olson M. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force, 34, Journal of Economic Literature, 1996. - Pp. 72-96.

*Khizhnyak Veronica, Saratov State Law Academy,  
Professor, Doctor of Law, the Department of Constitutional and International Law*

## **International collaboration in the field of legal regulation of forensic examination**

*Хижняк Вероника, Саратовская государственная юридическая академия,  
профессор, доктор юридических наук, кафедра конституционного и международного права*

### **Международное сотрудничество в области правового регулирования проведения судебной экспертизы<sup>6</sup>**

Государства по-разному регулируют вопросы проведения судебной экспертизы, однако единого подхода к этой проблеме, к сожалению, не существует.

В российской правовой науке данная проблематика представлена исследованиями таких ученых, как В.М. Волженкина, Ш.Н. Хазиев, Д.В. Шинкевич и некоторых других. Однако в основном этот вопрос рассматривается в связи с частными проблемами международного сотрудничества по уголовным делам.

Цель данной статьи – выявить насколько эффективно урегулирован данный вопрос в международном праве. В связи с этим задачами статьи являются: анализ норм международного права, регулирующих международные аспекты сотрудничества, а также норм национального права, регулирующих его внутригосударственный аспект.

Международные договоры являются источниками уголовно-процессуального права РФ. Если следовать положению ч. 4 ст. 15 российской Конституции, заключенные ею международные договоры входят в ее правовую систему и могут прямо применяться для урегулирования внутригосударственных отношений. Говоря о применении норм договоров в области правового регулирования проведения судебной экспертизы, следует выделить договоры, предусматривающие оказание помощи по уголовным делам. Если следовать проекту закона РФ «О судебно-экспертной деятельности РФ», международные

---

<sup>6</sup> Работа выполнена по заданию Министерства образования и науки РФ № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по проекту «Проблемы международно-правовой политики и их влияние на национальное законодательство».



договоры могут выступать в качестве правовой основы судебно-экспертной деятельности только в случаях, если в них содержатся правила отличные от норм российского законодательства. Международному сотрудничеству по вопросам проведения судебной экспертизы посвящена Глава 5 проекта рассматриваемого закона. На основании положения ст. 34 судебно-экспертные организации РФ могут «устанавливать международные связи» с соответствующими «службами иностранных государств с целью проведения обмена научной информацией, совместных научных исследований, повышения квалификации» и т. д. В ст. 35 регламентируется порядок привлечения иностранных экспертов для проведения судебной экспертизы [1]. Следует отметить, что действующий Федеральный закон от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» подобных положений не содержит. В нем даже не упоминаются международные договоры РФ в качестве правовой основы осуществления судебной экспертизы [2].

Чаще всего нормы международных договоров применяются при осуществлении выдачи, уголовного преследования, передаче предметов и осужденных иностранными судами и т.д. Ряд подобных соглашений предусматривает возможность проведения экспертизы по запросу иностранного государства, являющегося стороной подобного договора, и возможность органов РФ обращаться с запросом о проведении судебной экспертизы к иностранному государству.

В настоящее время у России имеется 80 многосторонних и двусторонних международных договоров, предусматривающих возможность оказания иностранным государствам правовой помощи. Есть еще 15 подписанных договоров, не вступивших в законную силу. Проведение судебной экспертизы в рамках оказания правовой помощи предусматривается почти в половине действующих соглашений. Следует отметить, что международное сотрудничество по вопросам проведения судебной экспертизы приобретает все более актуальный характер из-за роста транснациональной преступности.

В тоже время в самих международных договорах вопросы, связанные с проведением экспертизы в рамках международного сотрудничества и оценкой приемлемости ее результатов, не регламентируются, что дает возможность по-разному толковать этот аспект в юридической литературе. Различные позиции существуют и в отношении норм внутригосударственного законодательства. Например, В.М. Волженкина указывает, что до назначения экспертизы в иностранном государстве, ее необходимо провести в Российской Федерации. При направлении на экспертизу за границу предметов необходимо выполнить различные следственные действия в России [3]. Другие авторы предлагают осуществлять проверку результатов экспертизы, проведенной на основании международного договора по запросу Российской Федерации, на ее территории, т.е. опять же предлагается контролировать качество проведенной экспертизы, но уже после ее осуществления.

Также предлагается включить в Главу 53 УПК РФ ст. 453<sup>1</sup>, в которой должно указываться, что правовая помощь по уголовным делам может быть получена или оказана путем проведения процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ и ее международными договорами. К числу этих действий относят и судебную экспертизу [4]. В таком случае возникает вопрос о целесообразности назначения судебной экспертизы в иностранном государстве. Так как в любом случае ее выводы могут быть использованы в уголовном процессе только, если они будут совпадать с результатами экспертизы, проведенной на территории Российской Федерации.

К сожалению, и в международном праве вопросы, касающиеся проведения судебной экспертизы, слабо конкретизированы. Наиболее полно они определены Регламентом Европейского Суда по правам человека [5]. Однако и здесь все сводится только к аспектам допустимости результатов экспертизы как доказательства. Эксперты приводятся к присяге, а в ходе процесса судьи задают им вопросы и сами решают, может ли быть использовано мнение данного эксперта при вынесении решения или нет. Если по мнению судей эксперт нарушил присягу, то Суд информирует об этом государство-участника, под юрисдикцией которого находится это лицо [5].

Свой вклад в развитие международного обмена информацией о научных достижениях, повышающих качество экспертиз и подготовки кадров, вносят международные неправительственные организации. Так, в 1992 г. была создана Европейская Академия судебной экспертизы (ENFSI), действующая на территориях государств-членов Евросоюза. Данная организация поддерживает отношения и с государствами, не являющимися членами Евросоюза. Кроме указанных вопросов, организация уделяет внимание и таким, как унификация, сертификация и стандартизация методик судебно-экспертного исследования [6].

Еще в 1914 г. в США была создана Международная ассоциация по идентификации (International Association for Identification - IAI), которая в настоящее время имеет свои отделения во многих странах

мира. В России такое отделение действует с 1992 г. Ассоциация сертифицирует экспертов по семи разным направлениям [7].

Таким образом, в международное сотрудничество в области проведения судебной экспертизы остается недостаточно урегулированной сферой. Можно сделать вывод о необходимости более детальной проработки процессуальных моментов проведения экспертизы на основании международного договора как во внутригосударственном праве, так и в международном, что может быть достигнуто путем заключения отдельных международных соглашений о сотрудничестве в области проведения судебной экспертизы и соглашений о сотрудничестве между государствами или государственных судебно-экспертных учреждений с международными судебно-экспертными организациями. В качестве рекомендации можно предложить заключение Российской Федерацией международных договоров именно о сотрудничестве в области судебной экспертизы. Такой договор сможет регулировать не только сотрудничество в научной сфере или обучении специалистов и повышении их квалификации, но и выполнение различных разработок по просьбе одной или обеих сторон договора. Это может подразумевать и создание групп экспертов, являющихся гражданами различных государств для проведения экспертизы, что, в свою очередь, будет гарантировать их беспристрастность.

Существенное влияние на развитие судебно-экспертной деятельности окажет укрепление сотрудничества в рамках ENFSI (Европейской ассоциации экспертных учреждений), создание системы постоянного информационного обмена с экспертными организациями других стран. Признание результатов судебных экспертиз, проведенных отечественными экспертами в международной практике, значительно повлияет на оптимизацию отношений между государствами в сфере проведения судебно-экспертной деятельности.

Проблема международного сотрудничества в области правового регулирования судебной экспертизы нуждается в серьезном дальнейшем исследовании. Отсутствие ее подробного международно-правового регулирования препятствует расследованию транснациональных преступлений и осложняет международное сотрудничество в борьбе с преступностью.

#### **Список литературы:**

1. Проект Федерального закона РФ «О судебно-экспертной деятельности РФ», подготовленный Минюстом РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.05.2014).
2. ФЗ РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. в ред. От 25 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.05.2014).
3. Волженкина В. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб.: Юридический центр-пресс, 2001. - С. 179.
4. Шинкевич Д.В. Особенности доказывания по уголовным делам при оказании правовой помощи иностранными государствами. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. - С. 26.
5. Регламент Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents> (дата обращения 28.05.2014).
6. Хазиев Ш.Н. О Европейской сети судебно-экспертных учреждений // Адвокат. №8. 2005. - С. 14–19.
7. Хазиев Ш.Н. Международная ассоциация по идентификации // Адвокат. 2005. №3. - С. 37–39.

## **Trade unions in the process of interaction between the state and civil society**

*Соломінчук Вікторія, Національний педагогічний  
університет імені М.П. Драгоманова,  
аспірант, Інститут політології і права*

### **Професійні спілки у процесі взаємодії держави та громадянського суспільства**

В умовах стрімких трансформацій сучасного світу стратегічним завданням суспільств перехідного періоду є розбудова правової, соціальної, демократичної держави, здатної відповідати на виклики глобалізації.

Як свідчить історія, побудувати демократичну державу неможливо без зрілого громадянського суспільства, адже від характеру взаємодії держави з суспільними інститутами залежить стан реалізації прав та свобод людини і громадянина, соціальна захищеність особи, єдність права і закону.

Особливе місце у системі «особа – суспільство – держава» займають професійні спілки, як один з елементів політичної системи, який вступає у взаємодію з органами влади, політичними партіями, громадськими організаціями і рухами.

Актуальність дослідження ролі та значення професійних спілок у процесі взаємодії держави та громадянського суспільства обумовлюється необхідністю побудови такої моделі взаємовідносин, орієнтиром якої є забезпечення громадянам гідного рівня життя, гарантування соціальної стабільності, безпеки, громадянського миру і злагоди.

Слід зазначити, що попри значну кількість праць, присвячених проблемам профспілкового руху (зокрема, праці подружжя С. і Б. Веббів, В. Башмакова, Н. Костіної, М. Александрова, В. Цвиха, О. Тупиці, В.Песчанського, А.Беляєва, В.Нікіфорова, Ф.Цесарського) проблематика участі профспілок як інституту громадянського суспільства у процесах державотворення поки що недостатньо широко представлена.

Право на об'єднання у профспілки є одним з найважливіших у цивілізованому суспільстві, а його реалізація — показник існування демократії. Це право передбачає політичну і фінансову незалежність профспілок від держави, політичних партій, підприємців, церкви [1, с. 59].

Реалізація прав професійних спілок у різних сферах життєдіяльності суспільства нерозривно пов'язана з дотриманням прав людини. Тому, як правило найбільш високий рівень профспілкової активності існує в демократичних, правових, соціально орієнтованих суспільствах [2].

Виборюючи своє право на існування та функціонування профспілки цим самим захищали громадянсько-політичне право своїх членів на об'єднання для захисту своїх інтересів [3].

Роль і місце інститутів громадянського суспільства в процесі розбудови соціально-правової держави визначається його завданнями, функціями, методами та формами роботи, результатами діяльності.

Історично виникнувши як організація трудящих, професійні спілки змогли переформувати свою діяльність та стати суспільним інститутом, здатним впливати на політичні процеси, які відбуваються у державі. Функції професійних спілок на сьогодні не обмежуються лише захистом трудових прав працівників.

Беручи участь у розробці та прийнятті нормативно-правових актів, профспілки стають повноправним суб'єктом правотворчості, реалізуючи тим самим функцію народного представництва.

Одна з важливих сфер діяльності профспілок – здійснення громадського контролю, дозволяє попереджувати, виявляти, усувати порушення прав та інтересів громадян, а відтак є засобом формування правової свідомості та механізмом запобігання виникненню соціальних конфліктів та протиріч.

Участь професійних спілок як сторони соціального діалогу у процесі досягнення спільних домовленостей та прийняття узгоджених рішень на різних рівнях (від локального до національного) дає змогу впливати на формування та реалізацію державної соціальної політики, регулювання трудових, соціально-економічних відносин.

Значення соціального партнерства полягає у тому, що воно виступає чинником стабільності та поступу у розвитку громадянського суспільства, є засобом стабілізації політичного та економічного розвитку, інструментом необхідних змін у громадянському суспільстві. [4, с. 137].

Яскравим прикладом впливу професійних спілок на суспільно-політичний лад у державі є діяльність польської профспілки «Солідарність».

Розпочавши на початку 80-х років минулого століття акції протесту з економічних вимог, члени «Солідарності» швидко перейшли до загальнополітичних гасел: права на свободу слова, на створення незалежних професійних спілок, страйки, реалізації соціальних гарантій, перебудову суспільно-політичного устрою, встановлення громадського контролю за діяльністю державних органів. Протягом 1980 – 1989 років «Солідарність» стала рухом боротьби за повернення громадянських прав і відродження національних традицій.

Результатом десятирічної діяльності профспілки стало проведення демократичних виборів, внаслідок яких зазнала змін уся політична система Польщі.

Ще одним прикладом впливу профспілок на державотворення є досвід ізраїльської профспілки Гістадрут. За сприяння Гістадруту єврейським національним лідерам вдалося на території Палестини, яку у 1917 році завоювала та отримала у мандат Велика Британія, таємно підготувати всю державну структуру, яка після проголошення держави Ізраїль розпочала діяльність протягом декількох днів. Профспілка Гістадрут, сприяючи ідеологічному та соціальному об'єднанню робітників, відіграла визначну роль в об'єднанні суспільства, утворенні ізраїльської держави.

Необхідно зауважити, що ефективність впливу профспілок на державотворчі процеси залежить від багатьох факторів, зокрема таких як, визнання державою профспілок повноправним соціальним партнером, законодавче закріплення широкого спектру їхніх повноважень, незалежність у прийнятті рішень, рівня консолідації зусиль спілчан.

Таким чином, на сьогодні професійні спілки є одним з важливих та впливових громадських інститутів, здатних перетворюватися у рушійну силу суспільно-політичних процесів у державі, забезпечення громадянам гідного рівня життя, дотримання принципу соціальної справедливості, гарантування соціальної стабільності, безпеки, громадянського миру і злагоди, необхідна співпраця інститутів громадянського суспільства та держави.

#### **Список літератури:**

1. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. – М.: Дело, 1999 – 728 с.
2. Галкина Л. И., Чугунов Е. В. Международное профсоюзное движение в обществах второго модерна [Електронний ресурс].  
– [http://alma-mater.luguniv.edu.ua/magazines/visnyk/2010/12\\_2010\\_soc\\_part2\\_tom2.pdf](http://alma-mater.luguniv.edu.ua/magazines/visnyk/2010/12_2010_soc_part2_tom2.pdf)
3. Песчанский В. Профсоюзы в гражданском обществе // МЭ и МО. 1994. № 1
4. Цвих В.Ф. Профспілки і громадське суспільство: особливості парадигми відносин: дис... д-ра політ. наук: 23.00.02 / В.Ф. Цвих; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2004. — 455 с.

*Khizhnyak Denis, Saratov State Law Academy,  
Associate Professor, Candidate of Law, the Department of the Forensic Investigation*

### **Strategy in law and forensic science**

Strategy is a multi-disciplinary term. In different spheres of knowledge this term is defined with certain variations in wording, but one can single out its most common characteristics: planned behavior aimed at achievement of certain aims. Strategy is considered as: 1) a model, 2) a plan, 3) a position (in this case emphasis is made not on planning, but on its contents), 4) a process of its formulation of ideas, 5) a forecast, 6) a process of thinking, 7) a teaching process, 8) objective inevitability stipulated by the pressure of external factors [1]. Another popular point of view upheld by the majority of scholars is that it is a complex of 5 Ps: 1) a plan, 2) a ploy, 3) a pattern, 4) a position, 5) a perspective [2]. The theory of strategy is sometimes discussed in modern

Russian theory of law where it is understood as an inherent property of laws [3]. Legislators use the term “strategy” to denote a normative act (a law or by-law) [4]. In the Russian criminology, strategy is considered as a program of combatting crime [5].

Russian forensic science has a specific structure. It includes the consideration of problems of crime detection, investigation and prevention. In the Russian forensic science and in forensic science of former USSR republics strategy is a popular term, which is also defined in different ways. The most generalized definition was given by G.F. Zorin who considers strategy as a logical and psychological modification of the initial information with the help of step-by-step alteration of aims and tasks from the moment of initiation of the investigation process up to its consideration by court [6]. Other definitions are also of a speculative character.

At the same time, modern governments formulate strategies referring to combatting, investigation and prevention of crime. They are a kind of doctrinal documents that can give us understanding of what a legal strategy and forensic strategy are. So, the *aim* of this article is to find all the components of legal strategies and those elements of the strategies that refer to crime detection, investigation and prevention for further deeper theoretical interpretation of the forensic strategy. The *tasks* of the article are to analyze the structure and the content of the doctrinal documents united by the generic term “Strategy” and to give a more concrete definition of forensic strategy based not on theoretical speculations, but on real strategic ideas pursued by the RF in this sphere.

There are several strategic documents proclaimed by the Ukases of the RF President referring to the criminal sphere (On National Security Strategy of the Russian Federation until 2020, On approval of the State Anti-Drug Strategy Policy of the Russian Federation until 2020, On the State Strategy of Economic Security of the Russian Federation, On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010-2011, etc.). The analysis of the structure of all such strategies allowed us to single out 16 major aspects (substantial components) of forensic strategies. Each aspect is characterized by its own legal and/or forensic theoretical content.

1. *The relationship of the Strategy with the laws and regulations of the Russian Federation.* The process of crime detection, investigation and prevention always bases on legislative provisions, first of all, on those articles of the Criminal Procedure Code of the RF that regulate instigation of a criminal case (Part II, Sec. VII “Instigation of a criminal case” and Sec. II “Preliminary investigation”). In accordance with Art. 38 of the Criminal Procedure Code, the investigator is authorized to initiate a criminal case, to direct the course of investigation and make a decision on execution of investigatory and other procedural actions, to give the body of inquiry compulsory written orders on operational and search activities or investigative actions, etc. Art. 162 of the Code establishes the general terms of the preliminary investigation (not more than 2 months from the day of initiation of criminal proceedings), which may be later extended. The circumstances must be proved (Art. 73 of the Code) at present, in the short and long-term future, depending on the complexity of the criminal case and the established investigative situations which is impossible without a developed forensic strategy. From the theoretical point of view the following ideas apply to this substantial component: forensic registration of a crime; the doctrine of forensic version and planning of the investigation; principles of interaction of the investigator with the other law-enforcement bodies and experts who conduct search activities; the investigative work; the main directions of application of high technologies in the process of disclosure and investigation of crimes; problems of organization of interaction with the population in the process of disclosure, investigation and prevention of crimes, etc.

2. *Connections of forensic strategy with international documents.* Great strategic importance belongs to the norms of Part 5 of the RF Criminal Procedure Code entitled “International cooperation in criminal proceedings”. Chapter 53 of the Code contains the rules governing the interaction between courts, prosecutors, investigators and the bodies conducting initial inquiries with the relevant authorities and officials of foreign states and international organizations. Some provisions are contained in the RF Criminal Code: Item 13 of Chapter 1 is dedicated to objectives and principles of the extradition of criminals, the rules relating to the qualification of certain crimes are institutionalized in Art. 16 of the RF Criminal Executive Code.

3. *Political and legal foundations of the forensic strategy.* Political and legal basis of forensic strategy primarily comprise provisions the Federal Law of July 20, 1995 “On state forecasting and programs of social and economic development of the Russian Federation”, the Decree of the President of the RF of May 12, 2009 “On the fundamentals of strategic planning in the Russian Federation” and the Decree of the President of the RF of 19 December 2012 “On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period till 2025”. These acts are methodological documents for the organization of work of the Federal bodies of executive power and bodies of state power of the constituent entities of the RF on the implementation of the strategic national

priorities. Their theoretical significance rests on the idea on the legal policy developed by the Russian theoreticians of law [7].

5. *Principles of forensic strategy* are common legal principles (using a specific system of measures, the stability of the strategy basic elements, the specification of the provisions in the laws, the interaction of the state and municipal authorities with civic society institutions). Among the specific principles of forensic strategy are the principles of the operative search activity, which in accordance with Art. 3 of the Federal law “On operative search activity” is based on the constitutional principles of legality, respect for, and observance of the rights and freedoms of man and citizen, as well as on the principles of covert character of investigation, combination of overt and covert methods and means.

6. *The main risks and threats of the forensic strategy*. All types of investigation risks can refer to the “forensic risk”, which is an element of the investigative activities carried out under the conditions of the coincidence of problem situations. A strategic risk as a variety of forensic risks extends to a longer period of the investigation or to the investigation as a whole. The risk of building the system of investigation is also of a strategic nature. It affects not only the investigative actions scheduled for a particular criminal case, but also a parallel investigation. The main threats of forensic strategy are situations with negative consequences - the impossibility of obtaining evidence or its destruction in the course of the investigative action or expertise, conflict situations, escape of the perpetrator from liability and others.

7. *The subjects of forensic activities* are an investigator, a judge, a prosecutor, an expert and others. The subjects of investigation according to the law are also other persons. Participants of the investigation are representatives of state bodies and institutions, i.e. not only individuals, but also institutions. The degree of their participation, the scope of authority, the forms of activity, the specific objectives, the place of this activity in the process of investigation are not the same. Besides the rights and duties of the investigator provided for by the law, other strategic directions of activities of the investigator can be mentioned: current and perspective planning, information and analytical activity, evaluation of the efficiency of the activity of the investigation group. These strategic activities stem from the theory of forensic strategy.

8. *The objects of forensic strategy* are complex relations developing in connection with the crime.

9. *Perspectives*. Perspective is the major component of any strategy. Perspectives are formulated in strategies with the help of goals (see the next item). Theoretical approach to perspective is stipulated by the development of the fundamentals of investigation planning.

10. Forensic activity is carried out in the course of the investigation process and is aimed at achieving several *goals*. The goals may be the *nearest* and the *perspective*. Strategic documents deal with both types of goals. The nearest targets are quick and full disclosure of crimes, correct application of laws, eliminating unjustified criminal prosecution. The implementation of the nearest targets and related tasks contributes to achieving the perspective goal of ensuring legality, contribution to eradication of crime and its causes.

11. *Stages of investigation*. The investigation process in forensic science can be divided into several stages, which correspond to one of the characteristics of strategy (the stage of instigation of a criminal case, the initial stage, the next stages and the final stage). During these stages, the investigator conducts investigations and implements basic strategic actions (the examination of the scene of crime, questioning of the suspect and witnesses, builds of the entire strategy of investigation). In addition, the sequence of performance of investigative actions at each individual stage is planned. The strategy combines these stages and their contents into a single structure.

12. *Priority areas of development of forensic strategy* are determined by the nature of the investigative situations - the data available at the initial period of investigation. The initial data allow the investigator to determine the type of the situation, formulate goals to resolve the situation and identify the fundamental way to achieve them. The initial data also determine the factors that influence decision-making, help develop alternative options and choose the best variant of resolving the situation.

13. *Directions of realization of the forensic strategy* are linked with the legislative consolidation of the directions of improvement, development or reforming of investigation bodies, carrying out tasks of prevention and investigation of crimes. Improvement of the work of such bodies contributes to the implementation of the “Concept of public safety in the Russian Federation” and the “National security strategy of the Russian Federation”. Directions of realization of tasks of strategic importance for forensics are contained in various documents. E.g., Item 3 of the Federal Law “On the Federal security service” reads that one of the directions of activities of the bodies of the Federal Security Service is combatting crime. In Section III of “The Regulations on the Federal Security Service of the Russian Federation” the following functions of this body are stated: working out on the basis of forecasts of development of the political, socio-economic and criminal situation in the country

proposals for prevention and neutralization of threats to the security of the RF; conducting forensic and other investigation and research (Item 52). Art. 2 of the Federal law "On Police" mentions the following directions of the police activity significant for forensic strategy: protection of the individual, society and the state against illegal encroachments; prevention and suppression of crimes and administrative offences; identification and detection of crime; inquiry in criminal cases; search of persons, etc.

14. *The mechanism of realization of forensic strategy* is mainly represented by the methods of implementation of the strategic plan of crime investigation.

15. *The expected results.* During the implementation of forensic strategy the following results must be obtained: 1) the intermediate ones (the results that are received after the first investigation situation influencing the character of the subsequent situation investigation); 2) the final ones (exposing of the guilty person, etc.).

16. *Conditions of exercising control over the implementation of forensic strategy.* Chapter VI of the Federal law "On investigative activities" enumerates the system of bodies that monitor different aspects of this activity (the President of the RF, the Federal Duma and the Government of the RF within the powers defined by the Constitution of the RF) Prosecutor the General of the RF and the authorized prosecutors have the right to demand that the heads of the bodies which carry out investigation submit official documents (reports, materials of search activities, normative legal acts regulating the procedure of carrying out investigation activities).

*So, the forensic strategy is based on scientific and practical methods; it is the art of management of the process of crime investigation, i.e. forensic activities carried out by several actors and aimed at achievement of objectives (general, specific, and private); it includes several stages and is consistent with available information; its realization starts at the moment of instigation of the criminal case and lasts up to consideration of the case in court structuring and optimizing forensic activities.*

16 substantial elements of forensic strategies are important not only from the point of view of forensic theory. They may help improve the contents of the academic course of forensic science and may be used in practical work of investigators who may fill in the gaps in the legislative provisions of crime detection with theoretical knowledge. Besides, these ideas supplement both methodology of law and forensic methodology [8, 9]. In the future, these ideas will be used in comparative studies of the Russian forensic strategy with those of other countries.

#### **References:**

1. Пашков Р. Стратегия развития как инструмент управления банком // Бухгалтерия и банки. 2013. № 11. – С. 34.
2. Минцберг Г. Стратегический процесс // Минцберг Г., Лэмпел Д., Альстренд Б. Школа стратегий. Санкт-Петербург, 2000. - С. 33-43.
3. Костенко М.А. Правовая политика Российского государства как фактор стабильности общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2 (35). - С. 12.
4. Стрельников К.А. Государственно-правовая стратегия как категория современной юридической науки // Государственная власть и местное самоуправление. № 8. 2009. - С. 3-4.
5. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. Москва, 1990. - С. 27-28.
6. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. – С. 41.
7. Правовая политика: дискуссионные проблемы понимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 2 (301). – С. 52-53.
8. Хижняк Д.С. Современная методология юриспруденции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. - С. 373-382.
9. Хижняк Д.С. Методология криминалистики: современное состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). - С. 362-371.

*Sanakoyev Dmitry, Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs,  
Assistant Professor, PhD, the Faculty of Juridical Sciences,*

## **The international definition of «human trafficking» and its implementation in Ukrainian legislation**

*Sanakojew Dmytro, Staatsuniversität für Innere Angelegenheiten der Stadt Dnipropetrovsk,  
Dozent, Dr.iur, Fakultät für Rechtswissenschaften,*

## **Die internationale definition von «menschenhandel» und ihre umsetzung in der gesetzgebung der Ukraine**

In den letzten Jahren beobachtet man in der ukrainischen Rechtsschöpfungspraxis eine ständige Bestrebung die nationale Gesetzgebung in die Welt- und europäische Rechtssysteme einzubinden. Das Obengenannte drückt sich sowie in der Umsetzung der einzelnen Rechtsnormen in den nationalen Rechtsakten, als auch in der Entlehnung von den Strukturprinzipien in den einzelnen Rechtsgebieten aus. Ein Beweis dafür ist der Eintrag der entsprechenden Abänderungen ins Kriminalgesetzbuch der Ukraine und die Verabschiedung der neuen Strafgerichtsordnung der Ukraine im November 2012.

Nichtdestotrotz werden die angeführten positiven Prozesse durch internationale, interregionale und innerstaatliche Auseinandersetzungen, Konflikte und in manchen Fällen sogar durch Kriege begleitet. Das ist ein der Faktoren der Erhöhung der Kriminalität, die den organisierten und grenzüberschreitenden Charakter bekommt und ein hohes Niveau der Latenz hat.

Unter solchen Straftaten nimmt der Menschenhandel einen besonderen Platz ein, der tatsächlich eine Form der modernen Sklaverei ist und der die Menschenrechte grob verletzt. Die letzten haben den höchsten sozialen Wert gemäß den internationalen Rechtsdokumenten und den Verfassungen von den meisten Ländern der Welt, darunter auch gemäß der Verfassung der Ukraine (Art. 3).

Das Untersuchungsziel ist es, den Implementationsprozess von den internationalen Rechtsnormen über den Menschenhandel in die inländische Gesetzgebung aus der kriminalrechtlichen- und prozessualen Hinsicht nachvollziehen. Die Werke der ukrainischen [1-4] und ausländischen [5-8] Forscher dieser Problematik bilden eine methodologische Basis für diese Forschung. Unter den internationalen Abkommen und Erklärungen, die an die Vereinigung der Kräfte von allen Staaten gegen den Menschenhandel gerichtet sind, werden wir besonders die grundsätzlichen völkerrechtlichen Akte hervorheben: Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others (1949); United Nations Convention against Transnational Organized Crime (2000); Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (2000), Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings (2010).

Zum ersten Mal trifft man den Begriff «der Menschenhandel» im Art. 1-2 der «Convention for the Suppression of the Traffic in Persons...», die von der UNO Vollversammlung 1949 verabschiedet wurde. Unter diesem Rechtsakt soll man folgende Tätigkeiten verstehen: a) wenn jemand einen anderen zur Prostitution zwingt, zusammenbringt oder verleitet, auch wenn diese Person dafür zustimmt; b) wenn jemand die Prostitution von der anderen Person ausnutzt, auch wenn diese Person einverstanden ist; c) wenn jemand ein Bordell entweder besitzt oder führt, absichtlich finanziert oder an der Finanzierung eines Bordells teilnimmt; d) wenn jemand das Gebäude, ein anderes Objekt oder ein Teil des Gebäudes vermietet oder mietet, wissend, dass sie für die Prostitution von der dritten Person benutzt werden.

Indem wir diesen Begriff analysieren, lenken wir die Aufmerksamkeit darauf, dass früher eine Vorstellung über den Menschenhandel als ein Frauenhandel zwecks Prostitution dominiert hat. Aus diesem Grund betrachteten alle anderen Rechtsdokumente das bezeichnete Problem auf den internationalen und nationalen Ebenen nur als ein Frauenhandel, der tatsächlich nur ein Teil des Menschenhandels ist. Nur mit der Zeit wurde durch die Pekiner Deklaration und die Aktionsplattform (Beijing Declaration and Platform for Action) vom 1995 festgestellt, dass der Begriff «Menschenhandel» umfassender geworden ist und alle andere Arten der Frauenausbeutung einschließen muss, und zwar: außer der Anwerbung zur Prostitution und des Menschenhandels gehören auch die Zwangsarbeit und die Zwangsverheiratung dazu.



Wir denken, dass die völkerrechtliche Definition des Menschenhandels zur richtigen Errungenschaft geworden ist, die im «Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons...», supplementing the UN Convention against Transnational Organized Crime vom 15.11.2000 angegeben ist.

Art. 9 der Verfassung der Ukraine bestimmt, dass die wirkenden internationalen Übereinkünfte, deren Verbindlichkeit durch den Obersten Rat der Ukraine bestätigt wurde, ein Teil der nationalen Gesetzgebung der Ukraine sind. Trotz deklaratorischer Form der Verankerung dieser verfassungsgemäßen Bestimmung trägt ihr Inhalt einen bestimmten juristischen imperativen Charakter. Sie verpflichtet dazu, die völkerrechtlichen Verträge bei der Lösung der innenstaatlichen Fragen zu befolgen.

In Anbetracht der völkerrechtlichen Vorschriften über den Menschenhandelsverbot und ihre Ratifizierung durch die Ukraine, wurde am 24.03.1998 der Art. 124-1 zum Strafgesetzbuch der Ukraine hinzugefügt, der die Verantwortung für den Menschenhandel vorgesehen hat.

Ohne diese Rechtsnorm detailliert zu beschreiben, ist es zu bemerken, dass ab dem Zeitpunkt ihrer Inkrafttreten die Kritik ihrer Disposition in der wissenschaftlichen Literatur dominierte. Es wurde hervorgehoben, dass ihre Struktur einige Veränderungen wegen der Unbestimmtheit der einzelnen Termini untergehen soll. Es wurde auch behauptet, dass ihre Disposition die objektive Seite eines Tates nicht aufdeckt, was zur falschen Auslegung der Rechtsnorm bringen kann. Der Inhalt besteht darin, dass der Mensch in beliebiger Weise eingefangen wird usw.

Unserer Meinung nach, wurden solche kritische Ansichten damit bedingt, dass der Verlauf der Umsetzung der internationalen Normen in die nationale Gesetzgebung auf dem gesetzgeberischen Niveau heutzutage nicht festgelegt ist. Unter den größten Fehler dieser Norm betonen die ukrainischen Wissenschaftler auch einige organisatorische Probleme, vor allem eilige Vorbereitung des Gesetzentwurfes, schwache wissenschaftliche Unterstützung, die zur kritiklosen Entlehnung der Bestimmungen der entsprechenden internationalen Verträge von den Autoren geführt hat und die Begriffsverwirrung zugelassen hat. Als ein Ergebnis ist der Art. 124-1 zu solcher Verwirrung geworden, indem drei unabhängige Tatbestände formuliert wurden.

Mit der Verabschiedung des Strafgesetzbuches der Ukraine im Jahre 2001 und mit dem Inkrafttreten des neuen Art. 149 «Menschenhandel oder eine andere Geschäftsoperation, bezugnehmend auf die Übergabe des Menschen», wurde in einigen wissenschaftlichen Werken erwähnt, dass die Disposition des Art. 124-1 des Strafgesetzbuches in der alten Ausgabe vernünftiger war [9]. Es liegt daran, dass in der Praxis die Probleme mit der Festlegung der verbrecherischen Tätigkeit und der Menschenhandelsermittlung gemäß dem neuen Artikel entstehen, besonders wenn die Tat durch eine dritte Person begangen wurde und bewiesen werden soll, wo diese Tat ab dem Zeitpunkt, wenn ein Mensch über die Grenze der Ukraine geschmuggelt wurde für vollendet erklärt wird, und auch die Tat, die unbedingt ein Zweck erfüllen muss. Beziehungsweise, wenn ein Mensch kostenlos in den Besitz eines anderen Menschen, ohne die staatliche Grenze zu überqueren, übergeben wurde, wird es zu keinem Tatbestand gemäß dem Art. 149. Die Handlungen eines Schuldigeren können unter Umständen nur gemäß dem Art. 146 des Strafgesetzbuches der Ukraine qualifiziert werden (Die Freiheitsberaubung oder der Menschenraub). Als Ergebnis muss die Tatsache der Geldübergabe bewiesen werden.

Außerdem, gemäß dem Art. 149 des Strafgesetzbuches der Ukraine (2001), um eine Person zur Kriminalhaftung für die Menschenübergabe von einer dritten Person zu ziehen, muss man beweisen, dass der schuldigen Person weitere Sexualausbeutung, Ausnutzung im Pornogeschäft usw. der betroffenen Person bewusst war. Dementsprechend unserer Meinung nach, wenn ein Schuldiger, der den Handel (oder eine andere Art der Übergabe) gemacht hat und sich dafür gar nicht interessiert, wie die betroffene Person weiterhin von einem Käufer ausgenutzt wird, ist die Verantwortlichkeit dieser Person gemäß dem Art. 149 ausgeschlossen, was auch die Gerichtspraxis bewiesen hat.

Hinsichtlich einer Reihe der Nachteile bei der Anwendung des Art. 149 des Strafgesetzbuches der Ukraine in der Praxis, kritischer Bewertungen von den Wissenschaftlern, maßgeblicher Erhöhung der kriminellen Aktivitäten, die mit dem Menschenhandel verbunden sind und auch wegen der Nichtübereinstimmung von den internationalen Normen, die von der Ukraine ratifiziert wurden, wurde 2006 ein Rechtsakt unterschrieben, demgemäß der Art. 149 unter dem Titel «Der Menschenhandel oder eine andere unerlaubte Vereinbarung bezüglich eines Menschen» neugefasst wurde.

Indem wir die Disposition des Artikels analysieren, richten wir unsere Aufmerksamkeit auf ihre aktuelle Gleichsetzung mit dem Art. 3 des «Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons...» (2000). Das zeugt davon, dass der Gesetzgeber versucht hat, frühere Fehler zu vermeiden. Wir unterstreichen folgende positive Aspekte der Neuauflage des Artikels:

- Die Verantwortung nicht nur des «Verkäufers», sondern auch des «Käufers» ist vorgesehen;

- Das Qualifikationsmerkmal «die Grenzüberquerung» wurde eliminiert;
- Die Verantwortung für die Gewalt in jeder Hinsicht, die Sklaverei und ähnliche Erscheinungen, darunter auch für die Sexualausbeutung, ist vorgesehen;
- Die Begriffe «Ausbeutung» und «Person im empfindlichen Zustand» sind in der Anmerkung erklärt.

Dennoch muss man auf gesetzgeberischer Ebene folgende Begriffe wie «Anwerbung», «Verschleppung», «Beherbergung», «Entnahme von den Organen (freiwillige oder zwangsläufige und/oder legale/ illegale)» definieren. Unklar bleibt die Frage der Notwendigkeit des Beweises ob dem Schuldigen bewusst wurde, dass ein Opfer nach dem Verkauf von der dritten Person(en) mit den Absichten, die im Tatbestand angegeben sind, ausgenutzt wird. Diese Frage ist während der verdeckten Ermittlungen sehr wichtig und bedingt bestimmte Schwierigkeiten bei der Beweisführung. Gemäß dem Tatbestand muss man nach wie vor beweisen, dass dem Schuldiger weitere Ausbeutung der Opfer bewusst wurde.

Der Begriff «schwere Folgen» verdient eine besondere Aufmerksamkeit. Nach Ansicht einiger Wissenschaftler muss man unter dem Begriff «schwere Folgen» eine schwere Krankheit (wie AIDS, beträchtliche Beeinträchtigung der mentalen Gesundheit usw.), die Zufügung einer schweren Körperverletzung, den Mord, den Selbstmord des Opfers oder sein Verschwinden, den Selbstmord oder eine schwere Krankheit seiner Eltern betrachten. Dabei muss die vorsätzliche Tötung eines Opfers gemäß als Konkurrenzen mehrerer Straftaten qualifiziert, die im Teil 3, des Art. 149 und im Teil 2 des Art. 115 vorgesehen sind (vorsätzliche Tötung). Wir halten es für sinnvoll, die subjektive Einstellung des Opfers zu den Ergebnissen zu berücksichtigen. Im Fall des Unverständnisses der möglichen Ermordung des Opfers muss man solche Taten gemäß dem Teil 3 Art. 149 des Strafgesetzbuches der Ukraine qualifizieren. Genauso muss man seine Taten auch im Fall des Begreifens qualifizieren, aber im Hinblick darauf, dass solche Folgen nicht vorkommen werden. Was den Selbstmord oder eine schwere Krankheit der Eltern des Opfers angeht, befinden sie sich, unserer Meinung nach, außer der Absicht des Täters.

Ein weiterer Nachteil, unserer Meinung nach, ist es, dass im Teil 3 solcher Zusammenschluss der Subjekten einer Straftat wie «verbrecherische Organisation» nicht erwähnt wird. Das gibt die Möglichkeit, bei den vorhandenen Anhaltspunkten, die Taten nur unter den Konkurrenzen mehrerer Straftaten aus dem Teil 3, Art. 255 des Kriminalgesetzbuches der Ukraine (Gründung einer kriminellen Gruppierung) zu qualifizieren.

Abgesehen vom positiven Aspekt der Vervollkommnung der ukrainischen Gesetzgebung bei der Bekämpfung des Menschenhandels und auch bei der Aufdeckung und Ermittlung von dieser verbrecherischer Tätigkeit, die angeführten Bemerkungen veranlassen die Schlussfolgerung zu ziehen, dass die Effektivität solcher Gegenwirkung nur unter der Bedingung der genau festgelegten Regelung dieser Tat in der nationalen Gesetzgebung und ihrer Übereinstimmung mit den internationalen Gesetzgebung möglich ist. Das wird durch die Ausübung der Bestimmungen der internationalen Verträge, und derer Umsetzung erreicht.

#### Quellennachweis

1. Івашенко В. Торгівля жінками та дітьми (кримінологічні та кримінально-правові аспекти боротьби). – Київ, 2004. – 112 с.
2. Куц В. Прокурорські засоби протидії торгівлі людьми. – Київ, 2007. – 168 с.
3. Лизогуб Я. Протидія торгівлі людьми: аналіз вітчизняного та зарубіжного законодавства. – Київ, 2005. – 240 с.
4. Наден О. Торгівля жінками як кримінально-правова та соціальна проблема сучасності. – Київ, 2004. – 288 с.
5. Вилкс А. Торговля людьми и их органами: криминологические, политические и социальные аспекты проблемы. – Рига, 2005. – 114 с.
6. Холмс П. Найкращі зразки міжнародної практики боротьби з торгівлею людьми. – Київ, 2003. – 210 с.
7. Wijers M., Haveman R. Guidelines on Trafficking in Human Beings for the Criminal Justice Chain in Ukraine: [http://lastradainternational.org/lsidocs/100%20Guidelines%20on%20Trafficking%20\(Wijers,%20Haveman\).pdf](http://lastradainternational.org/lsidocs/100%20Guidelines%20on%20Trafficking%20(Wijers,%20Haveman).pdf)
8. Mattar, Mohamed Y. Comprehensive legal approaches to combating trafficking in persons: an international and comparative perspective. Washington, D.C., Protection Project, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, 2006. 60 p.: <http://issuu.com/blueheartcampaign/docs/traffickingp-e>
9. Гулак Д. Проблемы документирования преступной деятельности и расследования преступлений о торговле людьми. – Донецк, 2004. – С.169-178.

## **FEATURES OF THE PROPERTY RIGHT TO LANDS OF WATER FUND.**

The property right - the most important establishment of jurisprudence and practice. The civil code of the Russian Federation assigns to the owner the right of possession, using and the order the property, bears on itself burden of the contents and risk of death of property. Free possession, using, the order the earth and other natural resources is limited to the requirement not to cause damage to environment. Besides, the earth and other natural resources can be alienated and pass from one person to another otherwise in that measure, in what their turn it is allowed by civil, land and other legislation. [1].

The maintenance of the property right to water objects is defined both civil, and the water legislation. According to the water legislation characteristic feature of the property right to water objects is incomplete application of the concept "possession" to water objects because the water concentrated in them is in a condition of continuous movement and water exchange. Also feature of the property right to water objects is the ban on their alienation (except ponds and the flooded pits).

The water code of the Russian Federation establishes that water objects are in property of the Russian Federation (federal property), except for the cases established by the code. So, according to h. 2 Art. 8 of the Water code of the Russian Federation, the pond, the flooded pit located in borders of the land plot, belonging on the property right to the subject of the Russian Federation, municipality, the natural or legal entity, are respectively in property of the subject of the Russian Federation, municipality, the natural or legal entity if other isn't established by federal laws. Other water objects, both superficial, and underground, are in property of the Russian Federation (federal property). Forms of ownership are defined on underground water objects by the legislation of the Russian Federation on a subsoil.

The concept of a pond and the flooded pit is important for definition of its mode: these water objects belong to real estate and are a component of the land plot. Concerning them sale, pledge and commission of other transactions which can entail alienation of water objects can be made, these water objects can pass from one person to another in the order provided by the civil and land legislation. Thus, alienation of the pond, the flooded pit without alienation of the land plots in which borders they are located isn't allowed. These land plots also aren't subject to the section if as a result of such section the section of the pond, the flooded pit is required. [2] In this regard questions of a land surveying of the land plots and their statement on the cadastral account [3] will be also important.

In the Water code of the Russian Federation use of reservoirs, protection of water objects at design, placement, construction, reconstruction, commissioning, operation of the water management systems, the water preserving zones and coastal protective strips, including their width and a mode of use and protection [4] are regulated.

In particular, the water preserving zones are territories which adjoin the coastline of the seas, the rivers, streams, channels, lakes, reservoirs and in which the special mode of implementation of economic and other activity for prevention of pollution, a contamination, a zaileniye of the specified water objects and exhaustion of their waters, and also preservation of habitat of water biological resources and other objects of an animal and flora is established. In borders of the water preserving zones coastal protective strips in which territory additional restrictions of economic and other activity are entered are established. According to h. 14 Art. 65 of Water cod of the Russian Federation in territories of settlements in the presence of the storm sewerage and embankments of border of coastal protective strips coincide with parapets of embankments. Also, in borders of the water preserving zones placement of cemeteries, places of burial of production wastes and consumption, etc. are forbidden use of sewage for fertilizer of soils. In borders of the water preserving zones design, placement, construction, reconstruction and operation of economic and other objects on condition of the equipment are allowed by their constructions providing protection of water objects. In borders of coastal protective strips along with the restrictions set for the water preserving zones the raspashka of lands, placement of dumps of washed-away soil, a pasture of agricultural animals are forbidden. According to the land legislation fixing on the district of borders of the water preserving zones and coastal protective strips is carried out by special information signs.

It should be noted that granting in using of the water objects being in federal property and located in the territory of the subject of the Russian Federation, in and also the water objects which are in property of the subject of the Russian Federation, is carried out on the basis of the decision of executive authority of the subject of the Russian Federation. Granting in using of the water objects which are in property of municipalities, is carried out on the basis of the local government decision.

In turn, the legal regime of underground water objects mainly is defined in the legislation of the Russian Federation on a subsoil. In a preamble of the Law of the Russian Federation "About a subsoil" it is fixed that the relations arising in connection with geological studying, use and protection of a subsoil of the territory of the Russian Federation and a continental shelf, including in connection with use of waste mining and the related processing productions, peat, sapropels and other specific mineral resources, including underground waters, a brine of estuaries and lakes [5] are subject to regulation.

According to article 1.2 of the specified Law - a subsoil in borders of the territory of the Russian Federation, including underground space and minerals containing in a subsoil, energy and other resources, is state ownership. Sites of a subsoil can't be a subject of a purchase, sale, donation, inheritance, a contribution, pledge or to be alienated in other form. Rights of use of a subsoil can be alienated or pass from one person to another in that measure, in what their turn it is allowed by federal laws. Thus, the legislator kept state ownership on the most part of water fund, attracting private investments on the basis of contractual using.

Depending on the property right belonging to this or that particular person belongs to what form and to what look, the legal regime of the property making object of this right, and a range of those opportunities which concerning the specified property his owner has is defined. Thus, differentiation of forms of ownership in Russian law is reduced to definition of subject structure, at all without mentioning the maintenance of the property right.

In this regard it is necessary to stop on subjects of legal relationship of property on lands of water fund, and also features of legal status of such subject, as the state which are predetermined by functions of economic, social and law-enforcement character carried out by the last. Features of legal status of the state are defined also by that it as the organization of the public power actively influences economic (economic) life both public, and private-law means.

The legitimate interest, i.e. the interest directly provided in the legislation or following from its general sense acts as object of legal protection. Legitimate interests can have public (general) or private (individual) character. Thus often public and private interests don't coincide on the orientation. Therefore the state, keeping the relative independence, it is urged to act as the regulator of interests of all individuals and their associations which are in its territory. The state has to care of realization of public interests as interests of all society in possession and using certain benefits.

According to the current legislation concerning lands of water fund it is allowed private, state and municipal forms of ownership. In compliance with Art. 102 of the Land code of the Russian Federation of the earth of water fund represent pretty extensive territories which part are both the water covered lands, and the lands adjoining superficial water object, intended for service of water users and protection of a surface water therefore it is very important to be defined by what provisions - land or water - legislations to be guided otherwise. Form of ownership will depend on it on the earth also. On the basis of the analysis of the water legislation it is possible to draw a conclusion that the property right to the land plots covered with a surface water and interfaced to them, has to follow the property right to the corresponding water object, i.e. the specified land plots can be in sole federal property as in the Russian Federation the sole federal property on water objects is established. However it not absolutely meets standards of the land legislation.

It must be kept in mind also that the earth of water fund treat category of the objects enough attractive to private owners as the proximity to water sources considerably increases the economic value of the land plots. However existence of these objects is necessary for all society, for its economic and social development. Therefore the state has to create at the same time conditions for their preservation as bases of activity of the real and future generations and not to interfere with their rational and effective use for ensuring economic wellbeing of the citizens.

#### **References:**

1. Д.О. Сиваков, С.А. Боголюбов. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. N 74-ФЗ // "Законодательство и экономика", 2007, N 5.
2. Постановление Пленума ВАС РФ № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // "Вестник ВАС РФ", N 5, 2005.

3. Fedorova I. Some legal problems in cadastral registration of land plots by russian civil law.// The Journal «International Journal Of Applied and Fundamental Research» (ISSN 1996-3955). 2013, № 2
4. ст.45, 60, 65 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // "Собрание законодательства РФ", 30.12.2013, N 52 (часть I), ст. 6961.
5. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 28.12.2013) "О недрах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014) // "Собрание законодательства РФ", 30.12.2013, N 52 (часть I), ст. 6961.

*Markova-Murashova Svetlana Alexandrovna, Kuban State University,  
Professor, Doctor of Jurisprudence, the professor of Department  
of the theory and history of the state and the law*

## ***Contemporary understanding of Law***

*Маркова-Мурашова Светлана Александровна,  
Кубанский государственный университет, профессор, доктор юридических наук,  
профессор кафедры теории и истории государства и права*

## ***Современное понимание права***

Смена столетий, не говоря уже о смене тысячелетий, всегда сопровождается различного рода событиями во многих сферах жизнедеятельности государства и общества. Переход к двадцать первому столетию ознаменовал собой возникновение новой социокультурной парадигмы. В связи с этим юристы всего мира едины во мнении о том, что в наши дни имеются некоторые проблемы в области правопонимания. Однако когда необходимо решить, каким будет право завтра, то здесь ничего похожего на единство не наблюдается. Вместе с тем, тип правопонимания, господствующий в обществе, влияет на специфику, характер национальной правовой системы. Это два взаимосвязанных и взаимоопределяющих понятия. На сегодняшний день у нас, в России, не сложился единый тип правопонимания, и правовая система находится в стадии своего формирования. В связи с этим представляется своевременным проанализировать современные отечественные и зарубежные концепции правопонимания для определения дальнейшего пути развития отечественной традиции правопонимания.

Зарубежными юристами предлагается выработать постмодернистскую теорию права в рамках западного правопонимания. При этом в основу постмодернистского типа мышления кладутся такие направления, как: правовой реализм, критические исследования права и правовой прагматизм.

Справедливости ради следует констатировать, что на сегодняшний день постмодернистская зарубежная юриспруденция не выработала нового, специфического типа правопонимания. Она направлена главным образом на критику и деконструкцию юриспруденции эпохи модерна, на разработку новых методологических направлений, на придание практического смысла научным разработкам и поиск новой юридико-политической формулировки рациональности.

В современной России также наблюдается определенный кризис в традиции правопонимания. В связи с этим наряду с устоявшимися типами правопонимания есть как сторонники заимствованной из западной юриспруденции теории интегративного правопонимания с различными уточнениями и дополнениями, так и ее противники. В последние годы заметное место заняла либертарно-юридическая теория права и государства<sup>7</sup>, также не получившая однозначных откликов в правовой литературе<sup>8</sup>.

Представляется, что особую значимость сегодня приобретает вопрос не о выработке нового типа правопонимания, а об упорядочении накопленного знания и разработке приемлемой конструкции соотношения различных типов правопонимания в рамках единой правовой системы. Существование различных концепций зачастую не разрешает проблему адекватного правопонимания, а лишь усложняет

<sup>7</sup> См.: Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983; Он же. Право. Юридическая энциклопедия. М., 2001; Четвернин В.А. Понятия права и государства. М., 1997.

<sup>8</sup> О критике данной теории см: Мартышин О.В. О «Либертарно-юридической теории права и государства» // Государство и право.2002. №10. С.5-16.

ее. Такая ситуация не способствует выработке интегративной концепции права и не дает положительного приращения научного знания. Именно в несогласованности обновленного правопонимания с категориальным аппаратом традиционной юридической науки кроются многие современные проблемы. Позиций и решений множество, они разнообразны. Хорошо это или плохо? По замечанию В.С. Нерсесянца, «разнообразие точек зрения – не беда и не помеха, а, напротив, свидетельство творческой живости и эвристически-поискового потенциала юридической мысли»<sup>9</sup>.

Право – явление столь сложное и многозначное, что нет, да и не должно быть единственно верного ответа на вопрос, что такое право. Подробное ознакомление с разными теориями права создает впечатление, что практически нет положений, которые бы кем-то не оспаривались. Вместе с тем обнаруживается много ценного и приемлемого в каждой из них. Право всегда будет с чьей-либо позиции в чем-то неудовлетворительным, несовершенным, требующим изменений и трансформаций, в зависимости от условий места и времени. Поэтому в научных целях и в интересах эффективного правотворчества следует приветствовать различные подходы к праву и стремление к их синтезу в рамках единого понятия. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что у каждого типа правопонимания есть как положительные, так и отрицательные стороны, которые проявляются больше или меньше в силу развития политико-правового мышления, повышения уровня правосознания членов общества и общества в целом.

Нормальным состоянием развивающегося мира рациональных идей является разработка, непредвзятое обсуждение, конструктивная критика, сопоставление и взаимопроникновение различных общетеоретических концепций и точек зрения. Одной из форм такого взаимопроникновения идей различных школ, на наш взгляд, стала типология интегративного правопонимания, предполагающая совмещение разнящихся подходов к праву в единое, но не единственное и окончательное понятие. При этом создание такого понятия не является самоцелью, потому что осмысление права как полиструктурного, полисемичного и полифункционального феномена не означает создание единственно верной теории права на все времена и для всех народов. «Право в изображении сторонников интегративной юриспруденции предстает, прежде всего, многофакторным и сложно организованным объектом познания, находящимся в состоянии динамики, а также некой предметной областью сосуществования разнородных концептуальных и терминологических образований, пребывающих в процессе прямого или косвенного соизмерения идей и смысловых позиций и одновременно в состоянии некой целостности, логической и исторической сцепленности и согласованности»<sup>10</sup>.

Существенным преимуществом интегративного типа правопонимания является, на наш взгляд, заложенная в нем возможность дальнейшего саморазвития и самосовершенствования, что само по себе очень важно в наше быстро меняющееся время.

Представляется, что интегративную концепцию правопонимания можно оценить как своеобразный вектор развития правовой мысли начала XXI в. Вместе с тем она не является совершенно новой, а имеет свою историю развития. Теоретическое осмысление концепции интегрального правопонимания юридической наукой началось уже в дореволюционной России в начале XX в. и к середине столетия было представлено относительно сложившейся исследовательской традицией<sup>11</sup>. Определяющие шаги в этом направлении были сделаны В.С. Соловьевым, Б.А. Кистяковским, А.С. Яценко. Особенно преуспели в развитии этой концепции Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич.

Продолжили поиск путей формирования современного интегрального типа правопонимания на основе известных школ и течений современного правоведения В.Г. Графский, О.В. Мартышин, В.С. Нерсесянц, А.В. Поляков<sup>12</sup>, Р.А. Ромашов<sup>13</sup>, В.А. Четвернин.

---

<sup>9</sup> Нерсесянц В. С. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 9.

<sup>10</sup> Графский В. Г. История политических и правовых учений: Учебник. М., 2005. С. 553.

<sup>11</sup> Подробнее см.: Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: Актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 49–64.

<sup>12</sup> Поляков А.В. Коммуникативная концепция права. СПб., 2002.

<sup>13</sup> Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Концепция современного правопонимания: Матер. круглого стола / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2005.

Анализ интегративных концепций правопонимания в современной России показывает, что рассмотренные концепции можно критиковать или одобрять, отвергать или принимать, это никоим образом не скажется на том факте, что они существуют, и будут развиваться далее. Авторы всех концепций отмечают, что они не являются раз и навсегда заданными, что существует определенный потенциал их развития. Это, с одной стороны, наглядно иллюстрирует современную ситуацию постмодерна в развитии правовой системы в целом, и в правопонимании в частности. С другой стороны, это свидетельство непрекращающегося развития и совершенствования науки.

Любой научный труд, любая концепция всегда вызывает и похвалы, и возражения. Но и самое полное признание концепции не должно и не может удерживать науку от ее осмысления и критики. В противном случае это было бы признаком агонии научного смысла и суждения, признаком бессилия науки. Теория и философия права в XXI в. – это не джунгли школ и концепций, борющихся друг с другом. Это интеллектуальное сообщество, в котором возможны все представления, все точки зрения.

Прогнозируя дальнейшее развитие правопонимания как в России, так и за рубежом, можно с уверенностью сказать, что будущее за интегративным типом правопонимания в силу различных причин. Среди них полисемичность, многоединство феномена «право», конвергенция правовых систем современности, глобализация в различных сферах жизнедеятельности участников международного общения.

В таких условиях наиболее гармоничным представляется совмещение различных подходов к праву, при котором объединяются их значимые достижения и одновременно устраняется антагонизм, возникающий на основе оригинальной теоретической базы каждой из концепций, в рамках целостной типологии. В современный период в России, на наш взгляд, такое интегративное правопонимание сформулировано В.С. Нерсесянцем в либертарно-юридической теории, А.В. Поляковым в коммуникативной теории права и Р.А. Ромашовым в концепции реалистического позитивизма. При этом первая синтезирует легизм и юснатурализм, вторая, помимо названного, социологический и психологический подходы и третья – формально-юридический позитивизм и социологическую юриспруденцию.

Вне всякого сомнения, на формирование образа права в современной России оказывают определенное влияние процессы эволюции национальной правовой системы. Отсутствие господства единого типа правопонимания в современный период является своеобразной традицией отечественного правопонимания, о чем свидетельствует проведенный автором историко-теоретический анализ типов правопонимания России<sup>14</sup>.

Появление сегодня новых типов правопонимания – интегративного и правопонимания постмодерна – напрямую связано с развитием национальной правовой системы России, которая не может оставаться в стороне от происходящих в мире процессов глобализации, правовой конвергенции, унификации, гармонизации правовых систем современности.

Отечественная правовая система на современном этапе впитывает опыт мирового правового развития с целью своего обновления и совершенствования. Поэтому вполне естественно восприятие зарубежных идей в некоторых сферах, в частности в области правопонимания. Но при этом важно отметить, что происходит не слепое копирование, а творческая переработка иностранного опыта и построение на его основе новых оригинальных идей и концепций.

В вопросах правопонимания, правовой культуры и правовых систем важно помимо прочего учитывать, к какому типу культуры принадлежит та или иная система. Именно это, на наш взгляд, является определяющим при формировании образа права в рамках правовой системы.

Правовая система и правопонимание взаимообусловлены. С одной стороны, правопонимание имеет важное значение для классификации правовой системы, с другой стороны, эволюционные процессы правовой системы оказывают немаловажное значение на формирование того или иного вида правопонимания в определенный период.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что единой относительно завершенной концепции понимания права, которая бы учитывала все современные процессы, в отечественной юриспруденции нет. Не следует искать решение проблемы и в зарубежной юриспруденции, там его тоже нет.

---

<sup>14</sup> См.: Маркова-Мурашова С.А. Правовая система и типология правопонимания: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ. Краснодар, 2005.

Представляется, что одна из главных причин неудач отечественных исследователей кроется в том, что они не могут должным образом разобраться с настоящим. В российской традиции правопонимания заложены прочные основы для самостоятельного разрешения большинства проблем эпохи постмодерна. Вместе с тем, это не исключает ни в коей мере и использования прогрессивных достижений западной юриспруденции эпохи постмодерна, но без комплекса ненависти, зависти или обожания.

На сегодняшний день отечественная и зарубежная наука создали прочную теоретическую базу для совершенствования и обновления диалектического материализма. Именно обновленная диалектическая методология познания, используя достижения конкретных наук и философских направлений, таких как антропология, феноменология, синергетика, герменевтика, будет способствовать разрешению острых вопросов правопонимания современной XXI веку социокультурной парадигмы.

#### **Список литературы:**

1. Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983.
2. Нерсесянц В.С. Право. Юридическая энциклопедия. М., 2001.
3. Четвернин В.А. Понятия права и государства. М., 1997.
4. Мартышин О.В. О «Либертарно-юридической теории права и государства» // Государство и право. 2002. №10. С. 5-16.
5. Нерсесянц В. С. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 9.
6. Графский В. Г. История политических и правовых учений: Учебник. М., 2005. С. 553.
7. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: Актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 49–64.
8. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права. СПб., 2002.
9. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Концепция современного правопонимания: Матер. круглого стола / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2005.
10. Маркова-Мурашова С.А. Правовая система и типология правопонимания: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ. Краснодар, 2005.

*Annenkova V. G. , Rector, Doctor of Law, Professor of  
Constitutional and International Law Department, Povolzhsky  
Cooperative Institute (branch) of the independent noncommercial  
higher professional education organization of the Centrosoyuz of the Russian  
Federation “Russian University of Cooperation”  
Zametina Tamara Vladimirovna, Professor of Constitutional and International  
Law Department of Saratov State Law Academy*

## **Russia International Idea and State National Policy Formation Items**

*Анненкова Виктория Геннадьевна, профессор кафедры  
конституционного и международного права Поволжского  
кооперативного института АНО ВПО ЦС РФ  
«Российский университет кооперации»  
Заметина Т.В., профессор кафедры конституционного и международного  
права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

## **Вопросы формирования национальной идеи и государственной национальной политики России**

Представленная статья посвящена проблемам формирования национальной идеи России и правовым и организационным вопросам выработки государственной национальной политики. В статье содержатся



рекомендации по совершенствованию действующей Стратегии государственной национальной политики, согласованию деятельности Федерации и субъектов Федерации в этой сфере.

В конце XX веков в России произошло крушение всей советской системы власти. Новая конституция, принятая 12 декабря 1993 года на всенародном референдуме заложила основу построения нового российского государства, однако, обозначился ряд проблем, которые до сих пор вызывают определенную полемику.

Одним из приоритетов развития демократического правового Российского государства на современном этапе его развития должна стать выработка общих для всех россиян ценностей, общей национальной идеи. Для такой многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия, это имеет особое значение.

Что касается терминов «национальная идея» и «национальная (государственная) идеология», они не тождественны. Национальная идея представляет собой концентрированное выражение государственной идеологии, причем, отмечает В.В. Мамонов, данное утверждение справедливо только для демократического государства, где народ является подлинным носителем суверенитета и единственным источником власти. В эксплуататорском государстве национальная идея может выступать как протест, альтернатива государственной идеологии, так как последняя не будет совпадать с интересами граждан [1].

Национальная идея – это духовное явление, способное сплотить и объединить индивидуальные, коллективные, кастовые и классовые интересы людей в единый сверхчеловеческий кластер – Народ. А единый в духе народ (объединенный сверхидеей, одной великой целью) – это уже не просто народ (население), это и есть безличностное целое, творец, способный гармонизировать пространство и создавать новую реальность [2].

Российское общество, находящееся на социально-историческом переломе, испытывает острую потребность в конкретном знании целей экономических и политических преобразований, а также в идеях, способных сплотить его для реализации этих целей.

По результатам всероссийской переписи населения Россия является одним из самых многонациональных государств мира – представители свыше 200 народов и этнических групп проживают на территории страны. Семь народов, населяющих Россию, – русские, татары, украинцы, башкиры, чувашы, чеченцы и армяне – имеют численность населения, превышающую 1 млн человек. Русские являются наиболее многочисленной национальностью, их численность составила 111,02 млн. человек [3]. Однако согласно переписи 2002 года численность русских составляла 116 млн человек.

В октябре 2010 года одна из французских газет опубликовала статью под названием «Когда Россия исчезнет: исследование демографической катастрофы» [4], где посвятила шесть страниц демографии России. Данное название было размещено крупными буквами на фотографии ребенка с потерянным взглядом и грязными руками. В этой статье анализируется период снижения численности населения, который пережила Россия после распада Советского Союза, и делался вывод, что население России сократится до 80 млн. человек к 2050 году. Так же делался вывод, что русский народ исчезнет к 2150 году. Осознавая эти проблемы, руководство страны инициировало разработку и реализацию национальных проектов, направленных на поддержку пяти важнейших факторов существования населения – здравоохранения, жилья, образования, сельского хозяйства и демографии.

В силу многонациональности нашей страны, национальная политика всегда играла особую роль. Значимость национальной политики сильнее всего проявилась в период социальных потрясений, среди которых одним из самых трагических оказалась Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Утопические идеи большевиков, лишили сограждан чувства нации и Родины, заставили переживать необоснованное чувство вины за дореволюционную Россию, которая якобы была «тюрьмой народов». Лишь перед самым началом войны руководство Советского Союза решилось на идеологический переворот. «Здоровый, правильно понятый национализм» - так в мае 1941 года Сталин определил новую концепцию национальной политики СССР [5].

Значение национальной идеи в этот период невозможно переоценить. Так как против немецко-фашистских захватчиков необходимо было мобилизовать национальный и духовный потенциал народов СССР, в годы войны в продолжающейся укрепляться идее советского патриотизма усилился национально-исторический фактор. «Сознавая, что классовый подход не сможет быть действенным в достижение этой цели, ... руководство Советского Союза стало использовать русский национальный фактор для обеспечения морально-политической мобилизации населения» [6]. Первые лица советского

правительства для поднятия народного патриотического духа обращались к истории, в особенности к истории Отечественной войны 1812 года. В.Молотов новую войну также назвал «отечественной». То есть населению страны был дан явный сигнал о том, что эта война не за марксистско-ленинскую идеологию, а за отечество, где необходимы патриотизм и народное самопожертвование, где речь идет об освобождении родины. Именно в годы Великой отечественной войны Советское правительство нормализовало свое отношение с церковью и духовенством, в том числе с мусульманским, распустило Коминтерн, отказалось от «Интернационала» как государственного гимна страны.

В национальных республиках СССР также стали придавать большое значение патриотическому воспитанию, так как против фашистов воевали представители всех народов и наций страны. Патриотическая пропаганда шла в двух направлениях: из центра, из Москвы, и в самих национальных республиках.

Русский элемент общности, экономики, культуры, психологии является определяющим для других этносов и всего государства. Известный французский писатель и историк Ж.Э. Ренан говорил, что «нация предполагает героическое прошлое, единую волю в настоящем и общую программу действий в будущем» [7].

Хотя каждый этнос имеет свои традиции, все они – соотечественники, представители единого многонационального народа страны, «соединенные общей судьбой на своей земле», сохраняющие «исторически сложившееся государственное единство», сказано в первых строках Конституции Российской Федерации.

В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Президент РФ, подчеркнул, что в межнациональной сфере фокусируются «многие трудности социально-экономического и территориального развития, и коррупция, и изъяны в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике, что зачастую приводит к искаженному пониманию истинных причин межэтнического напряжения» [8]. Очевидно, что проблема построения гармоничных национальных отношений для России была и остается актуальной.

Многонациональный характер нашего народа подчеркивается в Преамбуле и ст. 3 Конституции РФ, в которой говорится, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ.

Конституционные основы современной государственной национальной политики Российской Федерации нашли свое отражение не только в Преамбуле Основного Закона, но и в первой, второй и третьей главах Конституции (ч. 3 ст. 5, 9, ч.2 ст. 18, 26, ч. 3 ст. 68, ст. 69, п. «в» ст. 71, п. «б», «м» ст. 72 Конституции РФ).

Общеизвестно, что термин «нация» может быть использован в этатическом и этническом смысле слова. В Конституции РФ 1993 г. речь идет о национальной политике (государственной политике гармоничного развития различных этнических общностей) в этническом контексте.

Этническая политика является неотъемлемой составной частью национальной политики. Однако его использование на региональном уровне может привести к разделению населения субъектов на «коренное» и «не коренное», создать привилегированное положение для определенных этнических групп, а также поставить под сомнение единый правовой статус гражданина на всей территории Российской Федерации.

19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ утверждена новая Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [9]. Она пришла на смену одноименной Концепции 1996 г., действовавшей на территории страны шестнадцать лет.

Принятие новой Стратегии свидетельствует об усилении государственной составляющей в сфере регулирования межнациональных отношений. Стратегия - это актуальный политико-правовой документ, учитывающий глобализационные аспекты, а также экономические, миграционные, социально-культурные и демографические процессы происходящие на территории Российской Федерации. Данный документ принят в рамках деятельности государства по стратегическому планированию, носит комплексный межотраслевой характер.

При этом, данный документ нельзя считать совершенным. В нем, в частности, указаны не все органы государственной власти и должностные лица, ответственные за реализацию российской государственной национальной политики, четко не определены формы и способы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества в данной сфере, не включен раздел, определяющий критерии эффективности реализации Стратегии государственной национальной политики, а также раздел позволяющий определить с помощью

специальных индикаторов основные характеристики состояния межнациональных отношений, в частности уровень межнациональной напряженности в стране и т.д.

Проблема состоит также в том, что правовые акты субъектов Федерации в сфере регулирования национальных отношений, которые призваны развивать и конкретизировать федеральную Стратегию, весьма разнородны. В одних субъектах Федерации до сих пор действуют документы, принятые еще в 1996-2000 годах (например, Удмуртская Республика, Свердловская область). В других – принимаются Планы мероприятий или Государственные программы по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (Алтай, Чувашская республика, Республика Кабардино-Балкария, Республика Дагестан). При этом, не всегда определены формы участия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в формировании правовых, организационных и социально-экономических основ национальных отношений на федеральном уровне.

На наш взгляд, формирование российской нации как единой исторической общности, еще не завершено. Термин «российская нация» в данном случае мы употребляем в этатическом, а не этническом смысле слова. Российскую нацию не следует рассматривать как некий конгломерат, механически объединенную совокупность определенных этносов, проживающих на территории Российской Федерации. Это единое социокультурное формирование, основанное на межэтническом взаимодействии, сложившееся в результате длительного исторического развития в существующих границах Российского государства. Укреплению единства российского народа и государства, созданию общего коммуникационного пространства будут способствовать гуманистическая идеология, воспитание уважения к Конституции РФ и законам, последовательная реализация демократических ценностей и институтов, формирование установок толерантного сознания.

Специализация института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в частности, учреждение должностей Уполномоченного по правам ребенка, уполномоченного по правам предпринимателей актуализирует вопрос о дальнейшем расширении возможностей создания подобных правозащитных органов. Речь идет об учреждении должности Уполномоченного по правам народов в Российской Федерации.

Развитие данного института на региональном уровне, требует принятия на федеральном уровне Закона «Об Уполномоченном по правам народов Российской Федерации», или, по крайней мере, актуализирует вопрос о корректировке ст. 5 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

Включение в систему органов государственной власти и должностных лиц нового правозащитного механизма - Уполномоченного по правам народов будет способствовать защите и восстановлению прав народов в сфере их национально-культурного развития, обеспечению равноправия и самоопределения народов, разрешению «конфликта интересов» государства, бизнеса и этносов, предотвращению межнациональных конфликтов, правовому просвещению и повышению уровня правовой культуры граждан и должностных лиц.

Подводя итог, следует отметить, что в рамках становления нового федеративного государства невозможен возврат к старым идеологическим догмам, необходима новая интегрирующая национальная идея, которая должна основываться на демократии, гражданственности, патриотизме.

Межнациональные отношения затрагивают интересы, как отдельных личностей, так и российского общества и государства в целом. Эффективная национальная политика выступает одной из основ национальной безопасности Российской Федерации. Межнациональные конфликты и этносепаратизм способны подорвать основы конституционного строя, государственную и территориальную целостность, привести к массовым нарушениям прав индивидов и институтов гражданского общества.

Реформационные процессы внутри Федерации, меняющаяся геополитическая ситуация, предпринимаемые государством меры по совершенствованию государственного управления обуславливают необходимость дальнейшего развития правового регулирования в сфере национальных отношений в Российской Федерации.

1. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности России / Науч. ред. В.Т. Кабышев. Саратов, 2002. С. 135.
2. Нестеров В. Национальная идея многонациональной страны / В.Нестеров // «Откровения людям Нового века», 2012, № 13.
3. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003. С. 14–15.

4. Latsa A. La démographie russe, objet de tous les fantasmes. URL: <http://fr.ria.ru/tribune/20101229/188241397.html> (дата обращения: 03.05.2014 г.)
5. Синицын, Ф.Л., За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне / Федор Синицын.- М.: Яуза: Эксмо, 2010 год.- 4 с.
6. Муллоев, Ш. Тема патриотизма в таджикской республике накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.URL: <http://mulloevsharif.wordpress.com/2011/07/25> (дата обращения: 05.05.2014 г.).
7. Цит. по: Поздняков Э. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994. С. 11–13.
8. Российская газета. 2012. 13 декабря СЗ РФ. 2012. №52. Ст. 7477

*Airapetyan Yuriy, Russian – Armenian (Slavonic) University, Yerevan,  
Competitor of chair of a civil and civil procedural law*

## **CONSTITUTIONAL PROVISIONS OF ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN THE CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

*Айрапетян Юрий Витальевич*

*Соискатель кафедры гражданского и гражданского процессуального права, Государственное  
образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российско-Армянский  
(Славянский) университет», г. Ереван*

## **КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

Развитие и укрепление судебной системы не может иметь место без надлежащего рода качественных преобразований и инновационных подходов к решению задач, поставленных перед Республикой Армения в стремлении соответствовать международным стандартам в области осуществления правосудия. И ключевая роль в этом должна быть отведена вопросу усовершенствования государственных и общественных механизмов защиты прав и законных интересов человека и гражданина.

Конституции Российской Федерации и Республики Армения провозгласили в ст. 2 и ст. 3 права и свободы человека высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту обязанностью государств (далее Конституции РФ и РА) [1].

Краеугольным камнем всей системы защиты прав и свобод человека и гражданина в любом государстве является право на судебную защиту. Как известно, право на судебную защиту это единое понятие, имеющее два аспекта: материальный и процессуальный [2]. Первый аспект затрагивает право на восстановление нарушенных прав и защиту законных интересов и право на возмещение ущерба, а второй - право на обращение в судебные органы, то есть право на судебное разбирательство заявленного требования.

Право на судебную защиту в гражданском процессе - персональное право каждого, осуществление которого целиком и полностью зависит от его личного желания и усмотрения, исходя из диспозитивно-императивного метода гражданского процессуального права.

Идея приоритетности судебной защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов каждого субъекта правовых отношений имела долгий путь своего развития и практического применения. Правовой смысл, положенный в понятие судебной защиты как таковой дает возможность считать ее чем-то универсальным, а в силу того наиболее эффективным инструментом защиты и восстановления нарушенных прав и свобод личности. Первостепенным признаком судебной защиты является ее неограниченность или, по определению В. П. Кашепова, всеобщность [3]. Право на судебную защиту не подлежит никаким ограничениям. Оно включает в себя право каждого заинтересованного лица на беспрепятственное обращение в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов, на

рассмотрение его дела в разумный срок беспристрастным и независимым судом и на исполнение судебного решения. Это право обеспечивается комплексом законодательных, правоприменительных, экономических, организационных, кадровых и других мер [4].

Однако право на судебную защиту, несмотря на всю многозначность, заложенного в нем смысла не может быть реализовано без понятия доступности правосудия. Доступность правосудия выражает собой совокупность законодательных гарантий, позволяющих каждому беспрепятственно реализовывать свое право на судебную защиту и восстановление нарушенного права. Законодательные положения доступности правосудия и, в частности доступности правосудия по гражданским делам, сформулированы в ряде конституционных положений.

Первое конституционное положение доступности правосудия состоит в том, что каждый имеет право на эффективные средства правовой защиты своих прав и свобод в судебных, а также иных государственных органах (ст.18 ч.1 Конституции РА); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч.1 ст.46 Конституции РФ). Данная основополагающая гарантия доступности правосудия комментаторами Конституции РА была воспринята следующим образом. В числе способов защиты прав человека судебная защита занимает особое место, так как она осуществляется органом, имеющим самостоятельное и независимое положение в системе разделения властей. Право на судебную защиту относится к числу основных прав человека, и одновременно рассматривается в качестве средства и гарантии защиты иных прав и свобод. За исключением ряда объективных обстоятельств, из числа эффективных средств внутренней правовой защиты прав и свобод человека главной и ведущей является судебная защита и только после нее указываются способы защиты в иных государственных органах [5].

Следующее конституционное положение доступности правосудия состоит в том, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч.2 ст.46 Конституции РФ). Граждане вправе обжаловать как сами решения и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, так и послужившую основанием совершения этих действий (решений) информацию, либо то и другое одновременно. При этом граждане освобождены от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий (бездействия), однако должны доказать факт нарушения этими действиями (бездействием) своих прав и свобод. Процессуальная обязанность документально доказать законность обжалуемых действий возлагается на органы и лица, действия (бездействие) которых обжалуются. Наиболее общим нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы, связанные с обращениями граждан, является [Закон РФ "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан"](#) [6]. Основное принципиальное содержание, которого состоит в том, что в суд можно обжаловать действия широкого круга органов, и не только государственных, но и местного самоуправления, а также общественных объединений [7].

Следующее конституционное положение доступности правосудия заключается в том, что каждый в соответствии с международными договорами Республики Армения имеет право обращаться с просьбой о защите своих прав и свобод в международные органы по защите прав и свобод человека (ст.18 ч.4 Конституции РА); каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч.3 ст.46 Конституции РФ). В частности, граждане имеют право обращаться в Европейский суд по правам человека, образованный в соответствии с [протоколом N 11](#) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это право может осуществиться посредством подачи жалобы любым гражданином.

Жалоба - это сигнал возникновения нарушения прав и свобод человека, а не только "обращение", как было принято в советском законодательстве, в государственный или иной орган с просьбой принять меры по устранению допущенных правонарушений. Предусмотрено, что жалоба не подлежит рассмотрению, если она анонимна, либо аналогична жалобе, которую уже рассмотрели, или она является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, также, если признано, что гражданин злоупотребил правом подачи жалобы в Европейский суд по правам человека.

Суд примет жалобу от гражданина лишь на нарушение тех прав и свобод, которые содержатся в Конвенции. Это перечень традиционных гражданских и политических прав. К ним относятся права на жизнь, свободу от пыток, свободу от рабства, личную свободу, законное судопроизводство, частную жизнь, свободу мысли, свободу выражения, свободу ассоциаций и на создание семьи [8].

Исходя из смысла четвертого конституционного положения доступности правосудия, каждый для восстановления своих нарушенных прав, а также выяснения обоснованности предъявленного ему обвинения имеет право на публичное рассмотрение своего дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом в условиях равенства, с соблюдением всех требований справедливости (ст.19 ч.1 Конституции РА). Указанное правовое положение послужило основанием судебного дела Гагик Саргсян против ЗАО «Армянские авиалинии». Суть дела заключалась в том, не нарушил ли суд гарантированного ст. 19 Конституции РА и ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод право каждого на справедливое судебное разбирательство, не обеспечив присутствие ответчика в судебном разбирательстве.

Кассационный Суд постановил, что в ст.78 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения (далее – ГПК РА) предоставляет путем судебных повесток лицам, участвующим в деле необходимые сведения о времени и месте судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий, которые должны осуществляться в соответствии с порядком, предусмотренным данной статьей. Более того, независимо от порядка, извещение лиц, участвующих в деле о судебном заседании должно быть таким, которое дает возможность доказать сам факт извещения. В рассматриваемом гражданском деле ответчик не был соответствующим образом извещен о дате и времени судебного заседания и отсутствует какое-либо доказательство данного факта [9].

Следующее конституционное положение доступности правосудия состоит в том, что каждый имеет право на получение юридической помощи. В предусмотренных законом случаях юридическая помощь оказывается за счет государственных средств (ст.20 Конституции РА); каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно (ч.1 ст.48 Конституции РФ).

Реализация закрепленных в [Конституции](#) основных прав и свобод граждан невозможна без включения правового механизма. Гарантия государственной защиты прав и свобод человека ([ст. 45](#) Конституции РФ и ст. 18 Конституции РА), в свою очередь, требует гарантий получения квалифицированной правовой помощи. Реализация права каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, требует знания об этих запретах. Определить орган, полномочный разрешить жалобу или заявление, помочь гражданину составить соответствующий документ, - задача юристов. Составление документов, участие в судах в качестве представителей, истцов, ответчиков, третьих лиц в гражданском судопроизводстве, оказание юридической помощи лицу, привлекаемому к административной ответственности, - все это требует квалифицированной юридической помощи [10].

Доступность правосудия получила свое отражение также в общепризнанных принципах и нормах международного права.

В силу ч.4 статьи 6 Конституции РА международные договоры являются составной частью правовой системы Республики Армения. Юридическая сила международных соглашений и конвенций, закрепляющих право каждого на эффективное восстановление в правах со стороны компетентных национальных судов в тех случаях, когда его основные права, предоставленные конституцией или законами нарушаются [11]; право каждого на справедливое судебное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона, а также на эффективные средства правовой защиты [12]; обязывают государство развивать возможности судебной защиты [13].

Большое значение в данном контексте имеет указанная ранее ст.18 Конституции РА, которая гласит: каждый имеет право на эффективные средства правовой защиты своих прав и свобод в судебных, а также иных государственных органах.

Для претворения доступности правосудия, как рычага и гаранта права судебной защиты, необходимо наличие ряда условий: 1) непосредственного функционирования самостоятельной и независимой ветви государственной власти, именуемой судебной; 2) закрепления принципов, основ судостроительства и судопроизводства; 3) гарантированности доступности правосудия, выражающейся в возможности обжалования в суде решений и действий (или бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц.

Таким образом, судебная защита и как следствие вытекающая из нее доступность правосудия, распространяется на неограниченный круг лиц. Правом судебной защиты обладают как граждане, так и их объединения. Многие современные Конституции касательно субъекта, права и свободы которого обеспечиваются судебной защитой, зачастую использует термин «каждый», что говорит о расширительном толковании доступности правосудия, отсутствия каких-либо конкретизированных

ограничений на использование данного способа защиты своих субъективных прав и законных интересов. Решения судов имеют обязательную силу для всех субъектов права, в чем и отражается их роль как органов государственной власти. Решения судов выносятся от имени государства, и оно призвано обеспечить исполнение и реализацию данных решений. При этом правосудие должно быть доступным не только гражданам государства, но и иностранцам, а также апатридам. Отсюда можно сделать вывод о том, что к числу элементов отражающих право на судебную защиту относятся не подлежащие ограничению права, так как ограничение данных прав ни в коем случае не может быть обусловлено потребностью достижения признаваемых Конституцией РА целей и задач. А именно защите нерушимых основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороноспособности и безопасности государства.

Доступности правосудия свойственен весь объем прав и свобод, призванных обеспечить равный доступ к судебной власти и защите нарушенных прав, какой бы правовой акт их не закреплял: Конституция, законы, отраслевые кодексы и другие нормативные источники. Это вытекает из смысла ст.42 Конституции РА, определившей, что сам факт отражения в ней основных прав и свобод не должен быть растолкован, как непризнание или умаление прочих общепризнанных прав и свобод человека и гражданина [14]. Требования о судебной защите прав находятся в полной гармонии с требованиями, выраженными ст.8 Всеобщей декларации прав человека: «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его прав, предоставленных ему конституцией или законом» [15].

Выражением конституционных гарантий доступности гражданского правосудия являются такие процессуальные условия как: беспристрастность суда, гласность, открытость (публичность) судебного разбирательства. Так, каждый для восстановления своих нарушенных прав, а также выяснения обоснованности предъявленного ему обвинения имеет право на публичное рассмотрение своего дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом в условиях равенства, с соблюдением всех требований справедливости. Из соображений защиты общественной нравственности, общественного порядка, государственной безопасности, личной жизни участников судебного процесса или интересов правосудия участие представителей средств информации и общественности в ходе судебного разбирательства или одной его части может быть запрещено (ст. 19 Конституции РА).

Резюмируя, следует сказать о том, что право на судебную защиту необходимо относить к числу основных и не подлежащих отчуждению прав и свобод индивида, доступность гражданского правосудия целиком и полностью отражается в том, что Республика Армения признает и гарантирует данное право согласно Конституции Республики Армения (ст. 14, п. 1; ст. 18-22) и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, содержащимися в таких правовых актах как: Международный пакт о гражданских и политических правах (п.3 ст.2; статья 14), Всеобщая декларация прав человека (ст. 7, 8 и 10) и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 6). Указанные правовые источники устанавливают равенство всех перед законом и судом, право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Исходя из смысла данных положений, право на судебную защиту обуславливает наличие целого объема конкретных правовых гарантий, которые должны позволить реализовывать его полностью и как следствие обеспечивать эффективное восстановление нарушенных прав посредством гражданского судопроизводства, отвечающего обязательным требованиям доступности и справедливости.

Анализ законодательных положений доступности правосудия в законодательстве зарубежных стран позволяет выявить и другие положения доступности правосудия. Например, одно из таких положений доступности правосудия состоит в том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

М.С. Шакарян отмечала, что несоблюдение правил родовой подсудности согласно ч. 1 ст. 47 Конституции РФ должно расцениваться как существенное процессуальное нарушение и влечь отмену решения независимо от того, привело, или могло привести такое процессуальное нарушение к неправильному разрешению дела. На нарушения правил родовой подсудности с вытекающими отсюда последствиями лица, участвующие в деле, могут указать в любом положении дела и в любой судебной инстанции [16]. В силу прямого действия ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, практика судов общей юрисдикции сложилась таким образом, что несоблюдение

правил подсудности при рассмотрении дела (п. 3 ч. 1 ст. 33 ГПК РФ) является основанием для отмены вынесенных по делу судебных актов и направления дела на новое рассмотрение [17].

Жилин Г.А. указывает на то обстоятельство, что право на обращение за судебной защитой не может быть реализовано посредством обращения в суд с нарушением правил о подсудности. Ошибочное определение суда о возбуждении гражданского дела вопреки этим правилам вступит в противоречие с целевыми установками ст. 133 и п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК в гражданском процессе, ст. 127 и п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК в арбитражном процессе. Данная конкретная судебная ошибка, обусловленная неправильным определением подсудности гражданского дела при его возбуждении, приведет к нарушению права, гарантированного лицам, участвующим в деле, ст. 47 Конституции РФ. В конечном счете, она приведет к постановлению ошибочного решения, если только не будет устранена в последующих стадиях судопроизводства до разрешения дела по существу посредством направления дела в компетентный суд, которому дело подсудно в силу требований закона [18].

Подсудность является важнейшим институтом гражданского процессуального права и ее значимость в процессе разрешения гражданских дел вряд ли можно оспорить. Однако, в рамках рассматриваемого вопроса, чрезвычайно больший интерес представляет подсудность, как необходимая конституционная гарантия доступности правосудия. Закрепление того положения, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, в первую очередь призвано обеспечить право каждого на свободный и беспрепятственный доступ к правосудию. Право на судебную защиту предполагает, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным судом, а это требует, чтобы его компетенция на рассмотрение данного дела определялась законом. В связи с этим Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что рассмотрение дела судом вопреки его компетенции является нарушением не только ст. 47 (ч. 1) Конституции РФ, но и ее ст. 46 (ч. 1 и 2), гарантирующей право каждого на судебную защиту [19]. Иными словами, нарушение одного конституционного положения доступности правосудия, обязательным образом ведет к нарушению другого.

Следовательно, одной из необходимых и значимых конституционных гарантий доступности правосудия следует считать прямое закрепление основного положения о подсудности, прежде всего в Конституции, которым будет заблаговременно гарантирована возможность каждого иметь необходимую информацию о том, в каком суде и каким судьей будет рассмотрено его гражданское дело, если таковое возникнет.

Комментаторы Конституции РФ, относительно данного вопроса, считают, что для человека важно, чтобы его дело рассматривалось в том суде и тем судьей, которые в соответствии с законом должны его рассматривать, о чем он заранее должен быть своевременно и в надлежащей форме извещен. Определение законом такого суда и судьи называется подсудностью [20].

Это право, широко известно на Западе как право на законного, "своего" судью. Так, в ст. 101 Конституции ФРГ закреплено, что никто не может быть лишен своего законного судьи [21].

Часть 1 ст. 25 Конституции Итальянской Республики гласит: никто не может быть изъят из подсудности того судьи, который предусмотрен законом [22]. В ч.2 ст. 83 Конституции Австрийской Республики закреплено: никто не может быть лишен своего законного судьи [23].

Конституция Королевства Нидерландов в ст. 17 содержит положение о том, что никто не может быть лишен против своей воли права быть заслушанным в том суде, в который он вправе обратиться в соответствии с законом [24].

Основной закон Испанского Королевства в ч.2 ст. 24 гласит: равным образом каждый может быть судим только судом, определенным законом, иметь защиту и использование адвокатской помощи, право знать о предъявляемых обвинениях; иметь право на открытое судебное разбирательство, осуществляемое в установленные сроки с соблюдением всех гарантий, право пользоваться всеми средствами при своей защите, право свидетельствовать против себя, не признавать себя виновным, право на презумпцию невиновности [25].

В этой связи, заметим, что в законодательстве Республики Армения, данная правовая норма отсутствует.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ международного опыта развития конституционных положений доступности правосудия, позволяет прийти к выводу о том, что в Конституции РФ и Конституциях некоторых стран Европы, в отличие от Конституции РА, присутствует



указанная выше, гарантия доступности правосудия, нарушение которой означает нарушение основополагающего права каждого на судебную защиту.

Поэтому с целью обеспечения и укрепления конституционно-правовых положений права на судебную защиту и доступности правосудия, как основной законодательной гарантии ее реализации в гражданском процессе Республики Армения, целесообразным следует считать дополнение ст.18 Конституции РА, положением: “Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела тем судьей и в том суде, к подсудности которого оно отнесено законом”.

Думается, что это конституционное нововведение расширит объем законодательных возможностей и гарантий каждого к доступу судебной власти и правосудию.

#### **Список литературы:**

1. Конституция Российской Федерации /принята 12 дек.1993 г./, Конституция Республики Армения / принята 5 июля 1995 г., с изменен.27 ноября 2005 г./
2. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. С. 159 - 160. Банников Г.Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 8.
3. Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации // Гос. и право. 1998. № 2. С. 6-7
4. Жуйков В. М Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук М., 1997.С 4-5
5. Комментарий к Конституции Республики Армения. Под общей редакцией Г. Арутюняна, А. Вагаршяна (на арм. языке). Ереван: «Иравунк», 2010, С – 206-208.
6. Закон РФ от 27.04.1993 N 4866-1 (ред. от 09.02.2009) "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан".
7. 7.Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) (под ред. Ю.А. Дмитриева). - "Деловой двор", 2009 г.
8. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. - М.: "Проспект", 2010.
9. Сборник избранных судебных актов Кассационного Суда РА, Ереван, 2006, том 1, (сентябрь – декабрь), гражданское дело №3-2296/У (требование о взыскании денежной суммы). С – 358-361(на арм. яз).
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В. Лазарева). - ООО "Новая правовая культура", 2009 г
11. ст.8 Всеобщей декларации прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.
12. ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. N 2. Ст. 163.
13. п.3 ст.2 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.
14. Ст. 42 Конституции Республики Армения / принята 5 июля 1995 г., с изменен.27 ноября 2005 г./
15. См. также ст.8 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года
16. Гражданское процессуальное право: Учебник / С. А. Алехина, Г75 В. В. Блажеев и др.; Под ред. М. С. Шакарян. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. , С – 155.
17. См. определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 февраля 2002 г. // БВС РФ. 2002. № 11.
18. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. - "Проспект", 2010 г., С – 276.
19. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. N 9-П // ВКС РФ. 1998. N3.
20. См. также: Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) (под ред. Ю.А. Дмитриева). - "Деловой двор", 2009 г.
21. Источник — Основной закон Федеративной Республики Германии // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. Пер. с нем. / Под ред. Ю.П. Урьяса. — М.: Прогресс, 1991. — Приводится по: Конституции государств Европейского Союза / Под общей редакцией Л.А. Окунькова. —М.: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. — С. 181—234.
22. Конституция Итальянской Республики/Пер.ситал. Л. П. Гринберга// Конституции государств Европейского Союза/Под общ. ред. Л А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. — С. 423—450
23. <http://worldconstitutions.ru/> - Конституции стран мира, Конституция Австрийской Республики, федеральный конституционный закон от 10 ноября 1920 года.
24. См. также: <http://worldconstitutions.ru/> - Конституции стран мира, Конституция Королевства Нидерландов от 17 февраля 1983 года.
25. См. также: <http://worldconstitutions.ru/> - Конституции стран мира, Конституция Испанского Королевства от 27 февраля 1978 года.

*International Agency for the Development of Culture,  
Education and Science  
in collaboration with  
University of Melbourne*

**Science and Education in Australia,  
America and Eurasia:  
Fundamental and Applied Science**

*The 1<sup>st</sup> International Academic Conference*

*(Australia, Melbourne, 25 June 2014)*

PAPERS AND COMMENTARIES

**VOLUME II**

